

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

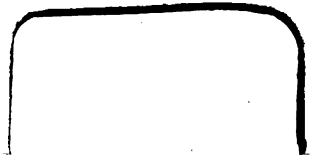
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

666-1

1351

* 2

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ ■ МОДЪ.

=

*Ἐμοὶ δὲ τὸ ἀσχερὸν, τοῖς γέρονσι μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμῶν τὰ δίκαια μῆτε γινώσκειν μῆτε ποιῆσαι; Ὀρθοῦ
δ' ἔγωγε καὶ τῶν δόξων τῶν προεργασάτων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγεγονόμοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπομένην τῶν
τε ἀδιηράτων καὶ τῶν ἀδιηθέτων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

=

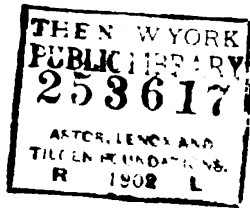
ТОМЪ ДЕВЯНОСТО-ШЕСТЫЙ.

=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА КРАЙЯ.

1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 4 июля 1849.

Ценсоръ Н. Срезневскій.

Исправл. должн. ценсора В. Лангера.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯНОСТО-ШЕСТАГО ТОМА.

=

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Натурщица. Повѣсть. Часть первая. В. Яковлева.	1	✓
А вѣдь жаль ее!.... Быль, которая можетъ повториться. А. Павлова.	37	✓
Петербургскія дачи. Комедія въ одномъ дѣйствіи, съ куплетами.	65	✓
Скитъ Геосиманскій.	105	
Юсифъ. Священная повѣсть, заимствованная изъ книги Бытія.	115	✓

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Глѣзь. Романъ Евгенія Сю. Часть вторая.	1	✓
Гранли-Маноръ. Повѣсть леди Джорджіаны Фуллертонъ. Часть первая.	65	✓

✓ Грантли-Маноръ. Часть вторая.	117
✓ Вандеръ. Разказъ Стребена.	181

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

✓ Очерки Венгріи. Статья первая.	1
✓ Моцартовъ Донъ-Жуанъ. Статья первая.	25
Естественная исторія сельдей. Изданная господиномъ Валансіенномъ.	41
Геологическій очеркъ дороги къ водопаду Иматры. С. Куторги.	61
Елисавета Кульманъ и ея стихотворенія. Сочиненіе К. В. Гросгейнриха. Статья четвертая и послѣдняя.	83
✓ Очерки Венгріи. Статья вторая.	120
✓ Моцартовъ Донъ-Жуанъ. Статья вторая и послѣдняя.	146

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Промышленность великороссійскихъ губерній. Статья вторая.	1
О колоніальномъ и свекловичномъ сахарѣ. Статья первая.	
Г. Н — а.	21
Промышленность великороссійскихъ губерній. Статья третья.	41

V.

КРИТИКА.

Наставленіе къ употребленію минеральныхъ водъ вообще, и свѣдѣнія о Заведеніи Минеральныхъ Водъ въ Санктпетербургѣ, съ указаніемъ химическаго анализа славнѣйшихъ цѣлебныхъ источниковъ. Доктора Шульца, врача при Заведеніи Минеральныхъ Водъ. Санктпетербургъ. Доктора философин Карла фонъ-Биттервассера.	1
Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Сочиненіе Измайлова. Изданіе Александра Смирдина. Санктпетербургъ, 1849 года, два тома.	33

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Июнь, 1849. Новыя книги и брошюры.	1
— — Разныя извѣстія.	14
Июль, 1849. Новыя книги и брошюры.	15
— — Разныя извѣстія.	40

VII.

С М Ъ С Ъ.

ІЮЛЬ.

Пустыня. Изъ воспоминаній Якова Арабъ.	4
Охота на берегу Аркансаса.	10
Князь Меттернихъ.	12
Лія.	20
Торгъ женщинами.	38
Еврей.	40
Литературныя новости во Франціи. Замогильныя Записки Шатобриана. Часть седьмая.	67
Литературныя новости въ Англіи и въ Америкѣ. Дѣйстви- тельныя и фантастическія путешествія Германа Мель- вила. «Таня». — «Ому». — «Вторникъ».	77
Французскій театръ въ Парижѣ.	90
Музыкальныя новости.	93
Новыя русскія книги.	103
Французскія книги.	105
Новыя музыкальныя сочиненія.	107
Моды.	110

АВГУСТЪ.

Вліяніе электричества на холеру.	111
Лекція профессора Лесля о Гогартѣ.	112
Храмъ Юпитера Аммона.	119
Шанхай, европейскій городъ въ Китаѣ.	124
Нѣсколько словъ объ аббатѣ де-Женудѣ.	126

Князь Меттернихъ	128
Дуэль въ Миссиссипи	139
Ловецъ півовкъ	144
Эль-Хаджъ-Зейянь, продавецъ «шниковъ»	144
Литературныя новости во Франціи. Замогильныя Записки Шатобріана. Часть осьмая	149
Пустыня. Изъ воспоминаній Якова Араго	173
Байронова Форнарина	181
Такъ, да не такъ. Супружеская сцена	190
Концертъ для бѣдныхъ. Разсказъ Юлія Сандо	205
Новыя русскія книги	219
Французскія книги	221
Новыя музыкальныя сочиненія	223

=

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

НАТУРЩИЦА.

=

ПОВѢСТЬ.

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

=

I.

Колыбель Лавини была окружена роскошью, улыбками, цвѣтами. Дѣтство этой прелестной дѣвочки можно назвать золотымъ и не метафорически. Двадцати-пяти-лѣтняя маленька наряжала ее въ батистъ, въ кружева, въ бархатъ: это было первое дитя первой любви. Степенный, погруженный въ дѣла папаша всегда улучалъ минуту — заѣхать въ магазинъ и закупить дочкѣ дорогихъ механическихъ игрушекъ. Обожаемый ребенокъ рѣзвился на мягкихъ коврахъ, и посреди этихъ пышныхъ кашмирскихъ розъ былъ очень похожъ на маленькую перн. Большіе лазурные любопытные глаза, волнистые волосы и особливо эти миниатюрныя розовыя икры, обнаженныя по англійской методѣ, — приводили всѣхъ въ восхище-

Т. ХСѢІ. — Отд. I.

I

ніе. Этотъ звонкій смѣхъ, веселый, какъ щебетанье птички, выпущенной на волю, прояснялъ самую меланхолическую душу. За-то въ домъ не существовало ни одной японской вазы, которую рѣзвушка не могла бы низвести на степень своей игрушки; не было такого драгоценнаго растенія, изъ цвѣтовъ и листьевъ котораго малютка не смѣла бы свить себѣ вѣночекъ; маменькины жемчуги и брилліанты пересыпала она въ своихъ крошечныхъ рукахъ, какъ какія-нибудь плодовые зерна.

Первый языкъ, на которомъ малютка приучалась лепетать, былъ —

Языкъ Петрарки и любви.

Женщины и цвѣты на нашихъ сѣверныхъ тундрахъ развиваются лѣниво; весна и любовь приходятъ поздно. За-то продолжительное отрочество, — покуда голова не тревожится сердцемъ, — даетъ уму полную свободу совершенствоваться. Тогда какъ на югѣ, сладостные пароксизмы любви часто ищашають красавицъ углубиться въ изученіе азбуки, Лавинія, на четырнадцатой своей веснѣ, знакомилась съ блистательнѣйшими изъ европейскихъ литературъ, разыгрывала ораторіи Гайдана, пѣла романсы Шуберта, даже рисовала мифологическихъ боговъ и богинь, — вовсе не зная любви, то-есть составляя себѣ понятіе о любви такое же туманное, сбивчивое, восхитительно-безтолковое, какъ понятіе мусульманина о Магометовомъ раѣ, или гаданія физиологовъ о жизненномъ началѣ.

Лавинію перестали наряжать въ коротелькія платьєца, хотя полуразвитыя формы ея не принимали еще очертапій, способныхъ остановить на себѣ взоръ мужчины. Однако жъ, отъ темно-синихъ глазъ, до бархатистыхъ, дивно-округлявшихся рукъ, все въ этой дѣвушкѣ было залогомъ красоты и совершенства.

Шелковистые вьющіеся волосы, золотисто-пепельнаго цвѣту, ниспадали благоуханными гроздьями на блѣдно-розовыя щеки. Профиль, своимъ совершенствомъ, напоминалъ античныя каменіи. Походка этой молоденькой дѣвушки, легкая и вмѣстѣ благородная, имѣла въ себѣ привлекательность неизъяснимую. Страшно самонадѣянъ былъ бы тотъ, кто покусился бы изобра-

зить, словами или красками, эту малютку-ножку, стройно стянутую чернымъ атласомъ. Свободно-волнующіяся складки платья, съ какимъ-то наивнымъ кокетствомъ то выказывали, то скрывали эти два сокровища, какъ-будто дразнили, завлекали всякій преслѣдующій ихъ взоръ. Пара женскихъ ногъ, годныхъ подъ поцѣлуи, у насъ большая рѣдкость. Надо пожелать того, кто не видѣлъ ножки Лавиніи: эта ножка была рѣшительно андалузская.

Съ ранняго дѣтства Лавинія слышала вокругъ себя неумѣренные, неблагоразумные панегирики своей красотѣ; зеркала на каждомъ шагу отражали всю ея восхитительную фигуру; попугай твердилъ ей: „bella, bella!“

Непостижимо, какимъ чудомъ эта дѣвушка сохранила полное, восхитительное невѣденіе своей красоты, что, надо признаться, придавало ей новую прелесть. Лавинія не замѣчала ни восторженныхъ взглядовъ, ни таинственнаго шопоту, какими повсюду встрѣчалось ея появленіе.

Въ будоарѣ матери, въ этой овальной комнатѣ, драпированной бѣлымъ дамасомъ, — ни золотыя арабески легкаго свода, ни бѣло-мраморный каминъ и консоли, уставленные вазами дорогихъ растений, ни черепаховая мебель, ни полъ обитый пунсовымъ бархатомъ, ни изящныя статуэтки и замѣчательныя картины — не казались большою роскошью, когда посреди ихъ была Лавинія.

Она непонимала еще прелестей салонной или будоарной болтовни. Въ часы модной бесѣды, ей казалось весьма естественнымъ перелистывать золотообрѣзные англійскіе кипсеки или даже шептаться съ голубымъ попугаемъ, который имѣлъ наглую привычку садиться на это молодое плечо, изваянное какъ-будто рѣзцомъ греческаго художника.

Свѣтъ еще не замѣтилъ Лавинія; она еще не замѣчала свѣта.

Однако нѣкоторые мамевки ревниво поглядывали на восхитительнаго ребенка, какъ на опасную соперницу своимъ давно-созрѣвшимъ дочкамъ.

Вся наша страшно-близорукая молодежь начинала наводить свои лорнеты на этотъ распускающійся цвѣтокъ, разумѣется,

не безъ маленькихъ соображеній на-счетъ того, сколько онъ можетъ дать меду и воску....

По-счастію, Лавинія не научилась еще различать блескъ, приобретаемый порядочнымъ воспитаніемъ и истиннымъ благородствомъ души, отъ блеску, который заимствуется въ модныхъ магазинахъ и золотошвейныхъ, и смотрѣла на всѣхъ, какъ весеннее солнце, съ одинаковой улыбкой.

Черты этой дѣвушки принимали обыкновенно кроткое и вмѣстѣ гордое выраженіе, устранившее всякую мысль о прошломъ. Покуда еще не настало для Лавиніи время внушать любовь, это дитя, готовое превратиться въ женщину, невольно внушало къ себѣ уваженіе.

Надо имѣть воображеніе восточнаго сказочника на то, чтобъ передать вамъ всѣ надменные мечтанія, всѣ великодушныя надежды, какимъ предавалась мать Лавиніи, когда красавицѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ.

II.

Весна только-что начинала пробуждать землю отъ долгой, холодной летаргіи. Ингерманландская природа только-что начинала улыбаться, слабо и трогательно улыбаться, точно чажоточная красавица. Попечительное солнце по двадцати часовъ въ сутки оставалось надъ горизонтомъ, съ усердіемъ молодого врача ухаживая за интересной пациенткой, и всякій разъ отлучалось на короткій отдыхъ, краснѣя отъ стыда, что при всѣхъ усиліяхъ такъ мало могло отогрѣть эти окоченѣвшіе члены.

Случились два — три денька теплаго безвѣтрія, блѣдные образчики весеннихъ дней юга. — и они-то, коварные, выманили городскихъ жителей въ прелестныя виллы, принимающія рѣзвые зефиры всѣми своимипорами, въ рыцарскіе замки, сооруженные изъ ветхихъ барокъ.

Родители Лавиніи владѣли загороднымъ домомъ, скопированнымъ съ знаменитой римской виллы Цамфали.

Лавинія, въ простомъ до изящества, бѣломъ платьѣцѣ, въ звѣнкѣ изъ свѣжихъ маргаритокъ, побѣжала въ садъ поглядѣть на знакомыя аллеи, еще лишонныя таинственнаго сум-

реку, но за-то опупонныя молодою прозрачною зеленью, которая весело играла съ золотистыми солнечными лучами; она останавливалась передъ каждымъ кустомъ сирени, передъ каждымъ наститымъ дубомъ, передъ каждой мраморной богиней, у которой роскошный торсъ былъ прикрытъ ревнивымъ мехомъ: все это напоминало какую-нибудь радость, или одинъ изъ свѣтлыхъ дней, какими блистала вся эта разцвѣтающая жизнь, точно цѣпь изъ одинаковыхъ алмазовъ.

Распуколка цвѣтка — дальнiе звуки музыки — вечерняя звезда — всякая бездѣлка могла уже нагнать тѣнь дѣвической души на гладкое, непорочное лицо Лавини.

Но промелькнула бисерная стрекоза или золотая бабочка — и дѣвухѣ страхъ хотѣлось снова быть ребенкомъ.

Между-тѣмъ маленька Лавини, съ важнымъ видомъ Агриппины, сидѣла на позолоченомъ креслѣ посреди трельяжей, обвитыхъ плющемъ и дикимъ виноградникомъ, окруженная вазами цвѣтовъ и померанцовыми деревьями, которыми была уставлена вся галерея и обѣ стороны широкой лѣстницы, спускавшейся въ роскошный садъ.

Безподобный солитеръ на указательномъ пальчикѣ этой, аристократически разряженной жепщины — сверкалъ, мерцавъ всецвѣтными огнями: она что-то писала.

Въ отворенную дверь видѣлась анфилада покоевъ, соединившихъ въ себѣ всѣ причуды моднаго убранства съ лѣтнимъ комфортомъ.

На галерею вышелъ мужина достопримѣчательнаго росту, съ юпитеровской осанкой, въ безукоризненно-бѣломъ жилетѣ и черно-бархатномъ пальто на-распашку. Съ перваго взгляда, онъ поражалъ, какъ хорошая парижская декорация. Всмотрѣвшись по-пристальнѣе, вы, можетъ-быть, замѣтили бы, что нижнiя части его лица были развиты несравненно болѣе верхнихъ, что нижняя половина туловища была несоразѣрно тяжелѣе верхней.

По отсутствiю перчатокъ и по небрежности, съ какой онъ кивнулъ свою флорентинскую соломенную шляпу на атласную козетку, очевидно было, что это хозяинъ.

— Надѣюсь, вы подѣлитесь со мной своими восхитительными секретами....

— Какіе же секреты пишутся на открытомъ воздухѣ?
Что вы?

— Во всякомъ случаѣ, вы вѣрно не назовете нескромностью съ моей стороны, если я полюбопытствую узнать, что вы тамъ такое пишете?

— Эту тайную бумагу я только-что напѣревалась представить вамъ для ратификаціи.

— Да не пугайте дипломатическимъ слогомъ.... Наверно, опять счетъ англійскаго магазина.

И благообразный господинъ схватился за шляпу, обличая всѣми мускулами поспѣшность.

— Да, счетъ.

Домашній юпитеръ, какъ-то странно вдругъ съжившійся, достигъ уже дверей.

— Для Лавиніи....

Это нѣя было произнесено съ триумфальной улыбкой, съ убѣжденіемъ въ его магическомъ дѣйствіи на бѣгущаго.

Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ остановился.

— Говорите, прошу васъ, поскорѣе. Мнѣ некогда. Терпѣть не могу раздушенныхъ векселей.

— Успокойтесь....

— Сколько тамъ всего?

Лукавая улыбка жены была невыносима. Мужъ величественно глядѣлъ на свои лакированные сапоги.

— Можете положить шляпу. Дѣло не коммерческое, не общественное.... а гораздо поважнѣе.... сердечное.

— Вы сказали что-то про Лавинію.... Вы меня пугаете. Объяснитесь. Неужели?...

— Та, та, та! Ничего не вида, вы ужъ ревнуете!

— Согласитесь сами, она еще совершенный ребенокъ. Пятнадцатилѣтняя жена попроситъ у мужа куклу.

— Не въ томъ дѣло.

— Въ чемъ же?

— А вотъ въ чемъ. Вамъ не безызвѣстно, что скука здѣсь степная, эіопская.... Два вечера и одинъ обѣдъ въ недѣлю — это, просто, скаредно. Иной разъ въ цѣлый день въ домѣ не встрѣтишь человѣка. Фразой перекинуться не съ кѣмъ. Вы меня доводите до необходимости бесѣдовать съ мной

садовникомъ. Вы еще не знаете, на что я способна.... Я способна рѣшиться на философскій разговоръ.... съ учителемъ музыки. Въ шумномъ обществѣ гончихъ, вамъ не мудроно забыть здѣшнюю отшельническую тишину. Гарцуя въ полѣ, вы и не вспомните о нашей могильной неподвижности....

— Если это прелюдія, то, признаюсь, она безконечна, если же это самое дѣло, то.... то я не вижу тутъ Лавиніи....

— Дойдетъ и до Лавиніи. Что она еще ребенокъ, я съ этимъ согласна. Вы знаете, многія маменьки всѣми мѣрами стараются продлить дѣтство своихъ дочекъ и за-частую невнимательность души пытаются замѣнить коротенькими платьицами....

Лавинія ребенокъ; но воспитаніе этого ребенка стоить тысячи, а ничто такъ не довоспитываетъ, какъ общество.... я разумью хорошее. Намъ необходимо отборное общество.

— Бездѣлица! Да этого окончательнаго воспитателя и за деньги не достанешь.

— Безъ денегъ еще меньше. Мы по-крайней-мѣрѣ можемъ сдѣлать выборъ: есть изъ чего. Неудобно ли вамъ принять на себя обязанность браковщика.

И жена граціозно подала мужу листокъ атласистой бумаги, на которой было красиво написано пять или шесть фамилій.

— Вотъ все, что я могла выбрать, достойнаго нашей Лавиніи.

— Изъ нашего-то огромнаго круга?

— Да.

Иронія, съ какою произнесено это *да*, была такъ тонка, что ускользала отъ мужскихъ орудій вниманія.

Мужъ прищурился, пробѣжалъ глазами списокъ, и физиономія его удлинилась. Онъ не нашелъ въ списокѣ ни одного изъ своихъ монументальныхъ партнеровъ по части преферанса и кеглей, ни одного изъ обѣдненныхъ сосѣдей англійскаго клуба, ни одного имени, прославленнаго отъ гостинныхъ до будоаровъ, ни тѣни титула, даже никакой двойной фамиліи.

— Оставляю вамъ полную свободу выбирать. Любовь къ Лавиніи, я увѣрена, увлечетъ васъ къ безпристрастію. Скажу больше: этотъ выборъ — пробный камень вашей любви....

— Это проектъ замужства, что ли?

— Покуда нѣтъ. Просто, приглашеніе погостить на дачѣ.

— Очень радъ.... Но, мнѣ кажется, вы избрали....

— Правда, людей, которые даже не умѣютъ блистательно завязать свой галстухъ....

— Людей препорядочно тѣсныхъ....

— Вы помѣшались на блескѣ.

— Когда дѣло идетъ о моей Лавиніи, вы меня извините, я становлюсь страшно требователенъ. Я хочу не только блеску, но ума, красоты, званія, даже, пожалуй, славы...

— Вы хотите сказать — капитала.

— Это должно лежать въ основаніи всего.... Но меня удивляетъ то, что я не вижу въ вашемъ списокѣ ни мосьѣ *, ни барона **, ни корнета ***, ни другихъ корифеевъ образованной бесѣды.

— Всѣхъ этихъ модныхъ говоруновъ.... Они сносны въ городскомъ салонѣ, гдѣ все поддѣльно и ложно, какъ и они сами. Съ природой эти львы обыкновенно не въ ладу.

Краспорѣчія у этихъ ораторовъ станутъ на модный визитъ, у иныхъ даже на цѣлую мазурку; а попробуйте-ка продолжить свиданіе на день, на два, — блистательные денди надобѣдятъ вамъ, какъ балаганные волканы, у которыхъ великолѣпное и безконечное изверженіе составлено все изъ двухъ колесъ, постоянно вращающихся вокругъ своей оси. Подержите этихъ радужныхъ мотыльковъ съ недѣлю времени у себя въ кабинетъ — увидите, на сколько потускнѣютъ ихъ обольстительныя крылышки.

— Что жъ, вы вѣрно желаете создать образованную бесѣду изъ людей, которые молчатъ?

— Изъ людей, которые не только говорятъ, но и мыслятъ.

— И прекрасно. Только пожалуйста распорядитесь такъ, чтобъ они мыслили у себя дома, а у насъ говорили.

— По вашему мнѣнію, тотъ круглый невѣжда, кто не умѣетъ мило злословить, граціозно унижаться, кто не выучился любить съ расчетомъ, ненавидѣть съ улыбкой, — не такъ ли?

— Винюсь въ моей слабости: люблю собесѣдниковъ, которые умѣютъ поговорить.

.. Сѣтскій языкъ — нарѣчіе условное, избѣженное на пользу людей посредственныхъ; известно, люди высшаго ума рѣдко хорошо владѣютъ этими орудіями. И кто же нынче выбираетъ людей, судя по ихъ фразамъ?

— Такъ вы твердо рѣшились превратить нашъ садъ въ сущую академію. Въ добрый часъ! Посмотримъ на вашихъ многоскучныхъ мудрецовъ, послушаемъ этихъ профессоровъ зѣвоты: это тоже будетъ не послѣднее развлеченіе. Конечно, всѣ они будутъ, по формѣ, съ античными лысынями.... Надѣюсь, вы не станете вербовать своихъ Платоновъ и Аристотелей въ ряды студентовъ.... А то вѣдь эти господа и путемъ метафизики и путемъ ботаники равно успѣшно добиваются до женскаго сердца. Впрочемъ, Лавиніи шестнадцатый годъ, — а вамъ должно быть лучше моего извѣстно, что въ эту критическую пору каждый мужчина кажется Аполлономъ, каждый непризнанный элгистъ кажется геніемъ. Ну что мы станемъ дѣлать, если вдругъ бѣдняжка влюбится въ какого-нибудь химика, пропитаннаго парами іода, или въ какого-нибудь астронома, который дома ночуетъ только въ пенастьѣ, а прекраснѣйшія ночи проводитъ съ Вестой, Юноной или Палладой.

Я держусь мнѣнія, что если нашу Лавинію непременно надо окружить обществомъ, то слѣдуетъ окружить людьми лучшаго тону, съ блестящимъ положеніемъ въ свѣтъ, людьми благомыслящими и достойными.... такъ, чтобъ намъ, при случаѣ, не пришлось краснѣть за неуиѣстно-нѣжныя чувстваванія нашей дочери, и особенно, не пришлось отвергать предложенія, которыя, знаете, могутъ быть равносильны оскорбленію.

— О, какой же вы профанъ по части женскаго сердца. Вы, по-видимому, и не подозреваете, что женское сердце надѣлено отъ благой и щедрой природы способностью, какою восхищаютъ насъ бриліантъ, перламутръ, южныя горы; способностью къ блестящей игрѣ, къ тысячѣ чудныхъ переливовъ.... Грубіяны моралисты, съ досады, что сущность этихъ феноменовъ женскаго сердца ускользаетъ отъ близорукаго наблюденія, условились называть ихъ „капризами“.

— Знаю. Еще Жанъ-Жакъ Руссо сказалъ, что сердце

женщины — частичка неба; за-то, какъ небо, оно и измѣняется день и ночь.

— Это сказалъ не Руссо, а Байронъ.

— И то можетъ-быть.

— Если бы вы удостоили женское сердце сотою долею того вниманія, какое вамъ угодно обращать на сбрую вашей четверни, — то и не подумали бы разставлять вашей любимой дочери эти чудовищныя сѣти.

Женское сердце надо развить, искусно ограничить воспитаніемъ, а тамъ — дать ему биться свободно, не стѣсняя его отеческими планами, и не навязывая ему костылей чужой опытности.

Я видала молодыхъ красавицъ, которыхъ окружали дюками, баронами, и которыя влюблялись въ пажей, въ учениковъ садовника и такъ далѣе; не говорю уже про рисовальныхъ учителей: это слишкомъ обыкновенно.

— Все это вы видѣли въ мирѣ романовъ.

— Нѣтъ, въ томъ самомъ скучномъ и смѣшномъ мирѣ, гдѣ я осуждена вѣчно и такъ бесплодно спорить съ вами.

— Во всякомъ случаѣ, сумасбродное исключеніе не доказываетъ ничего. А мое мнѣніе вотъ: женскій нравъ — вѣтеръ; совершенно овладѣть вѣтромъ, согласенъ, не возможно; тѣмъ не менѣе должно стараться уловлять его въ паруса и направлять его порывы, которые такъ часто бываютъ гибельны....

— Мичманское понятіе о женскомъ сердцѣ! Скажите пожалуйста, у какой Терпсихоры учились вы психологій? Однако, я покойна: знаю, вы любите Лавинію; эта любовь вамъ посвѣтитъ, не дастъ вамъ заблудиться въ темнотѣ парадоксовъ и феодальныхъ понятій, и, что всего успокоительнѣе, не допуститъ васъ уколоться о свѣтскія эпиграммы.

— Спасибо хоть за то, что не сомнѣваетесь въ искренности моей любви.

— Еще бы! Однако жъ не забывайте, что любовь къ дѣтямъ отнюдь не заслуга, а просто священнѣйшая изъ обязанностей. Значитъ, гордиться тутъ нечѣмъ.

— Я горжусь только моею дочерью.

— *Нашею* — хотѣли вы сказать, замѣтила мать, съ легкой улыбкой.

— Согласитесь, что такою дочерью можно погордиться.

— Да; только надо всю эту гордость, всю эту любовь выразить лучше дѣлами, чѣмъ фразами.

— Чего ей недостаетъ? Молода, хороша, образована, богата. Природа выказала Лавиніи всю свою расточительность. Мы не отстали отъ природы.

— Одного не понимаю: какъ это прелестное, улыбающееся существо становится у насъ вѣчно предметомъ такихъ скучныхъ споровъ.

— Мы не сходимся мнѣніями только въ оттѣнкахъ.

— Помиладуйте! Тогда какъ я хочу выписать на дачу пятокъ образованныхъ людей, единственно для развлечения, или лучше, для постепеннаго упражненія вашей дочери въ образованной болтовнѣ; вы намѣреваетесь выписать цѣлую аллею жениховъ, и пустить Лавинію прогуливаться между ними! Да это сущая ловушка! Берегитесь! Самолюбіе — совѣтъ дерзкій и опасный...

Чтобъ не слышать всѣхъ мелочей этого спора почтенныхъ родителей Лавиніи, заглянемте въ садъ, отыщите это прелестное яблочко раздора. Вотъ она, рѣзвушка, сбѣжала по бархатистому иху къ игривымъ струямъ ключа, сбросила кашмировый башмачекъ, и любитесь, какъ кристальная струя пробѣгаютъ по ея ножкѣ съ журчаньемъ и своими холодными поцѣлуями, заставляющими невольно смѣяться.

Но вотъ разговоръ на галереи вспыхнулъ съ новою силою.

— Я, можетъ-быть, слишкомъ люблю мою.... то есть, нашу Лавинію?

— Фапатизмъ, даже и въ родительской любви, никуда не годится.

— Мнѣ остается только передать вамъ мою долю родительской власти.

— И будто безусловно?

— Безусловно.

— И не будете противорѣчить?

— Постараюсь.

— Я спрашиваю у васъ: что, если бъ Лавинія пришла

теперь и объявила, что влюблена по-уни въ... въ живописца... въ актера?... Если бъ просила вашего согласія... Что бы вы стали дѣлать, а?

— Что я сталъ бы дѣлать?

— Да!

— Разумѣется....

— Что, отказали бы?

— Отказалъ бы.

— Вы не любите своей дочери! произнесла торжественно маменька Лавинія, быстро поднявшись съ кресла, и глядя на своего мужа, съ надменно, однако жъ восхитительно, закинутой назадъ головкой.

Это былъ семейный casus belli.

Произнеся свою страшную фразу, жена непоколебимо ожидала рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій.

Непріятель, у котораго лицо внезапно побѣлѣло почти какъ жилеть, молчалъ.... какъ молчитъ природа передъ бурей. Измятый, истерзаный цвѣтокъ камелии, выпавшій изъ судорожно сжимавшейся руки мужа, обличалъ степень его негодованія.

Въ-самомъ-дѣлѣ, оскорбленіе было невыносимое.

Въ сердцѣ этого человѣка, въ этомъ темномъ омутѣ эгоизма, тщеславія и прочая, и прочая, хранилась одна капля любви,—и тѣмъ болѣе онъ дорожилъ ею,—любви къ дочери.

И эту-то святыню покушались ограбить!

Сцена становилась мрачною.... Вдругъ на лѣстницѣ, подъ померанцевыми деревьями мелькнуло что-то бѣлое, гибкое, неуловимое....

Въ галерею впорхнула Лавинія, съ вѣнкомъ изъ маргаритокъ на головѣ, съ улыбкой на розовыхъ губкахъ, Лавинія, незнавшая куда ни цвѣтковъ безъ запаху, ни улыбокъ безъ радости.

Это была голубка мира.

Въ присутствіи этого улыбающагося существа, безобразіе гнѣва было слишкомъ очевидно.

При видѣ Лавиніи, въ самой омраченной душѣ — разсвѣтало.

Взоры нахмуренныхъ родителей соединились на миломъ,

нескорочномъ лицѣ Лавиніи, потому они невольно взглянули другъ на друга и улынулись.

Это была улыбка примиренія.

— Ландыши ужъ разцвѣли, маман! беззаботно лепетала Лавинія.

— Поди, поцѣлуй папашу.

Прижимая дочь свою къ сердцу, отецъ былъ дотого разтроганъ, что измялъ весь свой жилетъ.

— Спой намъ что-нибудь, Лавинія, сказала маменька, снимая шелковый чахолъ съ арфы.

Молоденькая красавица охотно съѣла за арфу: блѣдно-розовые пальчики запорхали по золотымъ струнамъ, и звуки арфы, стройно сливающиміся съ мелодическими звуками женскаго голосу, разнеслись по саду, и остановили у рѣшетки не одного прохожаго, пробудили всю поэзію не въ одномъ сердцѣ.

III.

Когда Лавинія исполнилось шестнадцать лѣтъ, — ея блѣдно-розовымъ, продолговатымъ, прозрачнымъ вальчикамъ пришлось выработывать кусокъ насущнаго хлѣба.

Шестнадцатый день своего рожденія бѣдняжка встрѣтила слезами. Этотъ быстрый переходъ отъ издѣательства къ нуждѣ, отъ улыбокъ къ горю, подъ нашей изжвнчивой луной, вещь очень обыкновенная.

Отецъ Лавиніи принадлежалъ къ категоріи людей, навѣстныхъ подъ названіемъ „тузовъ“ и которые обыкновенно выступаютъ на свѣтское поприще безъ затрудненій; въ пору „безумной“ молодости, на пошлыя наслажденія, на вздорное чванство, тратятъ въ семь разъ болѣе, чѣмъ сколько могли бы приобрѣсть; а въ пожилыхъ лѣтахъ, въ пору благородія, страдаютъ подагрой и вогнаннымъ внутрь тисолазіемъ, и стараются не пренебрегать никакимъ средствомъ для поддержки разваливъ своего благосостоянія.

Такие люди вообще возбуждаютъ болѣе зависти, чѣмъ презрѣнія. Позолоченнымъ порокамъ, къ-сожалѣнію, оказывается какъ-то болѣе снисхожденія.

Отец Лавиніи, при одной наружной нравственной полировке, сорокъ лѣтъ слылъ человѣкомъ благонадежнымъ и благонамѣреннымъ. Первѣйшими его друзьями были рысаки и бульдоги. На прочихъ своихъ пріятелей онъ глядѣлъ со стороны необходимости ихъ при составленіи партіи виста или преферанса. Онъ слылъ за человѣка со вкусомъ, а извѣстно, это качество въ богатѣ самое рѣдкое и самое важное. Въ свѣтѣ отъ богача требуется единственная добродѣтель — умѣнье тратить деньги прилично. Это умѣнье освобождаетъ богача отъ всякихъ другихъ заслугъ. Только опытные глаза могли замѣтить, что онъ окружалъ себя произведеніями искусствъ. — единственно изъ желанія блеснуть, а вовсе не изъ потребности эстетически образованнаго ума. Даже рѣшался изрѣдка, въ свѣтломъ расположеніи души, на благодѣянія въ широкихъ размѣрахъ, разумѣется, при извѣстныхъ условіяхъ: напримѣръ, чтобъ „благотворительный поступокъ“ надѣлалъ приличнаго шума, и такъ далѣе.

Богатствомъ своимъ онъ дѣлился съ цѣлой ватагой либрейныхъ лѣнтяевъ, хотя заботился о нихъ несравненно меньше, чѣмъ о любой сворѣ гончихъ.

Я уже сказалъ, что существовало только одно прекрасное, безукоризненное чувство въ сердцѣ этого человѣка — любовь къ дочери, любовь къ Лавиніи.

Это была благоуханная роза посерединѣ колючихъ терній, — цитерна посерединѣ песковъ пустынныхъ, — дивный перлъ посерединѣ гадкихъ полиповъ.

Эта любовь способна была отрезвить голову отъ чаду тщеславнѣйшихъ мечтаній, осмыслить какой угодно поступокъ, придать разумность побужденіямъ. Вотъ чѣмъ объясняется тщательность, съ какою была воспитана Лавинія.

Впрочемъ, что касалось до развитія этой нѣжной души, то всѣ попеченія по этому предмету предоставлены были исключительно матери, которая много и не безъ толку путешествовала, — видѣла европейскій свѣтъ и усвоила понятіе о женщинѣ довольно современное, стараясь, по-возможности, съ похвальной настойчивостью о томъ, чтобъ въ прелестную головку дочери не проникнулъ ни одинъ изъ новѣйшихъ предразсудковъ.

Любовь къ дочери имѣла силу поддержать отца Лавини въ десять лишнихъ на поверхности житейской пучины. Но баластъ долговъ день-ото-дня становился грузѣе. А ни отъ одной изъ ложныхъ нуждъ, ни отъ одной изъ воображаемыхъ обязанностей, какія причиняють финансовую смерть богача, отказаться почиталось дѣломъ невозможнымъ.... Для многихъ сарказмъ страшнѣе раззоренія, ужаснѣе банкротства.

И такъ, нѣтъ ничего удивительнаго, если въ одно трагическое утро, Лавинія увидѣла своихъ дражайшихъ родителей бѣдными, какъ голландская бумага, и потомъ, изъ своей уютной, благоуханной комнатки, въ замочную скважину могла наблюдать, какъ домъ ихъ наполнился чужими людьми, которые расхаживали безъ церемоніи по великолѣпнымъ поламъ, оттискивая влажные слѣды своихъ неуклюжихъ подошвъ на коврахъ и на паркеть, садились на бархатную мебель, чтобъ попробовать упругость пружинъ, постукивали по зеркальнымъ стекламъ, измѣряли картины складнымъ аршиномъ, принесеннымъ въ карманъ, восхищались художественно-отдѣланными серебряными сервизами — единственно въ-отношеніи ихъ вѣсу.

Лавини вся эта сцена казалась-бы несноснымъ сномъ; если бъ ея мохнатый Милордъ не встрѣчалъ неистовымъ ласкѣмъ cadaго изъ незнакомыхъ пришельцевъ, и тѣхъ, которые смренно снимали свой клеенчатый картузъ, или порывъшую шляпу, и крестились, обращая взоры въ правый уголъ, и другихъ, которые говорили и глядѣли бойко, вовсе не снимая своей треугольной шляпы.

Когда же эти шумныя, но холодныя сцены повторились и завтра и послѣ-завтра, — Лавинія убѣдилась, что это не сонъ, а печальная, стѣсняющая сердце дѣйствительность, что напротивъ, все улыбающееся прошедшее было лучезарный сонъ.... больше ничего!

Сидя у себя въ комнатѣ, Лавинія осуждена была видѣть всендневное разложеніе пышнаго дома, гдѣ она провела столько свѣтлыхъ дней; при выходѣ на улицу, ей было какъ-то неловко, даже стыдно. За зеркальными стеклами знакомыхъ оконъ, она уже не видѣла ни тропическихъ растений, ни

шелковыхъ занавѣсъ. На дверяхъ главнаго подъѣзда прибита была бумага, останавливавшая каждого грамотнаго прохожаго. Съ стѣсненнымъ сердцемъ Лавинія прочла: „Сей домъ продается“.

Наконецъ, исподволь, начали разорять и благоуханное гнѣздышко Лавиніи. Въ одно ясное утро, исчезла мебель, обитая гранатовымъ бархатомъ; вечеромъ карселевскія лампы замигались плохими стеариновыми свѣчами.

Лавинія глядѣла на эти житейскія метафорозы довольно спокойно.

Когда злодѣи пришли и наложили руки на ея любимый эраровскій рояль, сердце дѣвушки забилось тревожно, точно при внезапномъ разставаньи съ старымъ добрымъ другомъ. Съ каждымъ цвѣткомъ, выносимымъ изъ комнаты, Лавиніи казалось, что уносятъ частицу ея собственнаго сердца.

Когда же безжалостная рука внесла разореніе на полки маленькой, но отборной библіотеки Лавиніи, когда Шекспиръ, Байронъ, Тассъ, Шиллеръ, Пушкинъ и вся семья гениальныхъ друзей, съ которыми проведено столько незабвенныхъ часовъ, были потревожены, хладнокровіе дѣвушки поколебалось. Когда пришлось съ ними разстаться... Лавинія зарыдала. Бѣдняжка не подозрѣвала, что безпощадная судьба готовитъ ей новыя, важнѣйшія утраты.

Разъ какъ-то случилось, что Лавинія проснулась веселая по-прежнему, — всю ночь ей грезилось, что она прогуливается по аллеямъ, увѣшаннымъ виноградными фестонами, что она въ Италиі, вмѣстѣ съ родителями, которые по-прежнему улыбаются...

И тутъ-то ключница сообщила ей по секрету, что папаша уѣхалъ... уѣхалъ далеко, можетъ-статься навсегда...

— И не простился со мной... экой папаша!

Лавинія поплакала одна, потомъ плакала вмѣстѣ съ матерью, но недолго...

Въ пышномъ, но обобранномъ домѣ новыя хлопоты. Всѣ шьютъ себѣ обновки... чернаго цвѣту. Только для маленькой Лавиніи заказана обнова малиноваго бархату съ золотомъ...

Лавинія осталась сиротою.

— Я сирота.... сирота!! твердила шепотомъ Лавинія, — и изъ глазъ ея, обращаемыхъ къ небу, струились слезы.

У Лавиніи отняли все.... Только, что не отрѣзали роскошной косы, не унесли хорошеенькой ножки. У нея взяли даже любимаго пуделя, продали и увели на веревкѣ, какъ жалобно ни вылъ онъ, оглядываясь на свою прелестную и кроткую поведительницу....

Но Милордъ, какъ пудель подававшій большія надежды, на этотъ разъ попытался доказать, что онъ существо сколько-нибудь смышленное, а отнюдь не вещь, которою можно торговать безнаказанно, — ловко обманулъ бдительность покупателей и прибѣжалъ къ ногамъ своей молоденькой госпожи, съ твердою рѣшимостью стоять за нее до послѣдней капли крови.... до послѣдняго клочка шерсти.

IV.

На западной оконечности нашего величественнаго Петербурга, между моремъ и кладбищемъ, въ нѣсколькихъ дюймахъ надъ уровнемъ финскихъ водъ, лежитъ селеніе. Оно похоже на предгѣстіе, но отнюдь не на столичное, или на какой-нибудь небогатый заштатный городишко. Любящему блескъ Петербургу нужна эта скучная слободка развѣ только для того, чтобъ удалая туда частицу своей нищеты и неблагообразія.... Большому барину нельзя обойтись безъ garde-meuble, и вотъ у Петербурга есть галерное селеніе, складочное мѣсто пришедшихъ въ ветхость бѣдняковъ, попортившихся, или, случается, даже немного подержанныхъ невѣсть, — почтенныхъ семьяниновъ, пользующихся сотнею четвертаковъ ежегоднаго дохода (his-torique) и, наконецъ, счастливыхъ, возбуждающихъ зависть вдовъ, владѣтельница покосившейся на бокъ трехъ-комнатной лачужки, которую можно и хозяйкѣ занимать, и въ наемъ отдавать.

Дни этого печальнаго селенія уже изочтены; на каждомъ изъ этихъ бурныхъ, пошатнувшихся, выпучившихся домишекъ, цифрами изображенъ зловѣщій годъ будущей, болѣе или менѣе близкой ихъ кончины, точно какъ въ больницѣ неизлѣчимыхъ, на лбу страдальцевъ замѣтны признаки близкаго

разрушенія.... Нѣкоторые, однако жъ, изъ этихъ домиковъ бодро пережили срокъ предназначенной имъ кончины. Ромовой годъ, изображенный на ихъ незатѣйливыхъ фасадахъ, канулъ въ вѣчность, а они стоятъ-себѣ, наперекоръ предсказаніямъ городского архитектора. Да, полно, и всѣ-ли предсказанія врачей на-счетъ смерти исправно сбываются?....

Но не такова была участь, назначавшаяся этому приморскому предмѣстію столицы. О томъ достаточно свидѣтельствуесть портъ или гавань, ея старыя каменные стѣны съ глядящими на море пушками, и вообще весь симметрическій планъ улицъ, пересѣкающихся непремѣнно надъ прямымъ угломъ, планъ, обличающій волю одного, а не своеразумныя фантазіи многихъ....

Кто же подточилъ блестящую будущность, готовившуюся этому предмѣстію? Вода!

Въ эту-то глухую слободу, такъ часто издѣвающаяся судьба забросила Лавинію, изнывать въ слезахъ и одиночествѣ. Здѣсь, въ одномъ изъ этихъ домиковъ, выросшихъ безъ вѣдома архитектора, на улицѣ отшельнически-безжолвной, суждено Лавиніи, этому едва развившемуся цвѣтку, забывать благоуханную атмосферу пышнаго жилища и шумъ, блескъ и пылъ моднаго проспекта.

Впрочемъ, надо быть справедливымъ и сказать „сжалившаяся“ судьба, потому что восхитительная сиротка была передана умирающею матерью на руки бабушки, которая, можетъ-быть, не къ каждому свѣтлому правнику могла дарить внучку ситцевымъ платьемъ, но за-то всегда и во всякомъ случаѣ готова была отдать ей душу.

— Сегодня и птички, бѣдныя, сыты будутъ, говорила самой себѣ сѣдая старушка, отворяя окно и высыпая горсточку кухонныхъ крошекъ на молчаливую улицу, покрытую неподобнѣйшей травой и множествомъ мелкихъ щенковъ, оставшихся тутъ отъ послѣдней починки мостковъ, произведенной, лѣтъ семь тому, какими-то разточительнымъ обывателемъ.

Бабушка Лавиніи была бѣдна, или, вѣрнѣе, доведена до самой прозаической степени нищеты, однако не забывала дѣлиться.... хотя бы крохами; дѣлиться.... хотя бы съ птичками.

Старушка принадлежала къ существамъ, у которыхъ сердце развито на счетъ головы, или, выражусь нѣжнѣе, учтивѣе,—которыя мыслятъ, какъ древніе Греки, сердцемъ. Мужчины этой породы, можно сказать съ достовѣрностью, перевелись почти повсемѣстно, какъ мамонты. Нашъ вѣкъ отпускаетъ бороду и умъ, и не иначе, какъ сардонически отзывается о возвышенныхъ сердечныхъ инстинктахъ.

Но теплота женскаго сердца... вамъ не охладитъ ея и ультра-ледяными вашими теоріями.

Вотъ почему мы встрѣчаемъ такъ много женщинъ, которыя всю свою жизнь и по воспитанію и по состоянію, были совершенно чужды умственныхъ наслажденій, и все-таки выловили въ мутной безднѣ жизни столько жемчужинъ радости, что неохотно готовятся разстаться съ жизнью.

Бабушка Лавиніи, давнoproшедшею юностью своею, принадлежала къ той золотой эпохѣ, когда курсъ женскаго образованія ограничивался вазаніемъ чулка, вареніемъ брусники и основательнымъ изученіемъ вальса.

Эта женщина, всегда руководимая своимъ добрымъ, безукоризненно чистымъ сердцемъ, съ годами только болѣе и болѣе убѣждалась, что и одного порядочнаго сердца достаточно на то, чтобъ съ честію добраться до могилы.

Она дожила до осьмага десятка, и можетъ-статься всееще не подозрѣвала, что говорить прозою.

Что касается до ея эрудиціи, то филологическія свѣдѣнія старушки простирались до умѣнья разбирать гуттенберговы гіероглифы, впрочемъ, если они были достаточно крупны, и изображать свои мысли преимущественно мѣломъ, придерживаясь болѣе или менѣе общепринятой какографіи. Грамматика, какъ мороженое, почитается у насъ доселѣ предметомъ роскоши, даже и въ ученomъ сословіи. Значитъ, отнюдь не подлежитъ удивленію привычка доброй бабушки называть всѣ книги грамматиками. Ариметикъ она также не училась, и однажды никогда и никого не общитывала ни въ гостинomъ дворѣ ни за пре-терансомъ. Физико-математическія познанія ея ограничивались отчетливыми наблюденіями надъ состояніемъ температуры, съ помощью Реомюрава инструмента, при чемъ метода Фаренгейта, вообще не пользующаяся у насъ попу-

лярностью, была пренебрежена. За-то, по этой отрасли, старушка имѣла множество мелкихъ, но драгоценныхъ свѣдѣній, какъ напримѣръ, что молоко киснетъ отъ грома, что моль заводится отъ пыли и прочее и прочее.

Къ исторіи, къ географіи она не оказывала слишкомъ явной склонности; но въ демонологіи старушка имѣла познанія блистательныя, ужасающія; не говорю уже объ отрывочныхъ свѣдѣніяхъ въ астрологіи, хиромантіи, гидромантіи и метопоскопіи.

Вся эта мудрость ни-мало не мѣшала старушкѣ-бабушкѣ, быть добрейшимъ и благороднѣйшимъ существомъ. Для тѣхъ кто привыкъ судить о человѣкѣ по табели о рангахъ, прибавлю, что въ старушкиномъ комодѣ хранился пожелтѣвшій пергаментъ съ печатью изъ краснаго воску, свидѣтельствовавшая, что старушка имѣетъ неоспоримое право величать себя титулярною совѣтницею и кавалершею. Это же подтверждалось и пенсіей, которою она пользовалась по смерти, въ качествѣ вдовы. Однакожъ всѣ доходы ея, съ пенсіей включительно, не превышали суммы въ семьдесятъ пять серебряныхъ рублей. Надо было пропастъ геройства и труда на то, чтобъ каждый день жизни брать приступомъ.

Лучшую часть своей жизни бабушка Лавиніи прожила въ ту эпоху, когда разочарованіе еще не было придумано. Это обстоятельство, вѣроятно, не мало пособляло старушкѣ съ немовѣрною бодростью, безъ гарольдовскихъ проклятій, безъ гамлетовскихъ сарказмовъ, выносить непріязненные дѣйствія темнаго призрака, называемаго судьбой.

Что я говорю о проклятіяхъ! Старушка умѣла и изъ этой скудной жизни извлекать каплю радости, и радость эта была ей драгоценна, какъ для химика капля воды, добытая изъ газозовъ, въ лабораторіи, по-мимо природы.

Вожделенная минута наставала, когда старушка, снеся отъ взморья за Аничковъ мостъ узелокъ своей швейной работки, круглымъ счетомъ рубликовъ на пять, возвращалась домой съ лицомъ разгорѣвшимся, вспотѣвшимъ до-крайности, но тѣмъ не менѣе торжествующимъ, и съ таинственной улыбкой прягала въ свой комодъ или камчатную салфетку или батисто-

ый платочекъ, не для чего другаго, какъ для постепеннаго сооруженія приданаго любимой внучкѣ.

— Времячко-то еще не ушло, говорила она своей работницѣ Авдотьи, у которой начинала уже просѣдать борода, въ ожиданіи замужества: — однако все оно лучше; пусть конится по-немножку... не все же вдругъ!

— Вѣстимо, сударыня: отвѣчала обыкновенно Авдотья, сентиментально прикрывая свою бороду пестрядиннымъ передникомъ. Вотъ и мой-то сундучекъ несовсѣмъ-то еще по-доль.

И пятидесяти-пяти-лѣтняя невѣста, — она же и дѣвица, — въ сотый разъ пыталась сдѣлать подробный инвентарій своему богатству, распространяясь особенно, и совершенно съ іезуитскою тонкостью, о статьяхъ, которыя, Богъ знаетъ по какому непреложному уставу, обязанъ поставлять православный женихъ.

Старушка выслушивала всѣ эти реестры съ образцовой снисходительностью; при всемъ томъ тревожно оглядывалась — не было ли тутъ близко Лавиніи.

Любовь бабушки простиралась до какого-то трепетнаго обожанія. Начиненная предрасудками, она, по какому-то счастливому инстинкту, остерегалась помрачать молоденькую головку обветшалыми или неясными понятіями. Она заботилась, чтобъ и румянецъ не блекнулъ, и воображеніе не тускнѣло. Она берегла Лавинію, какъ рѣдкаго мотылька, у котораго, при малѣйшемъ неосторожномъ прикосновеніи, исчезаютъ съ крылышекъ радужныя краски.

День-ото-дня солнце сіяло ярче и теплѣе. Борю съ морозами пришлось подавать въ отставку. Суровая старуха зима еще разъ отгѣснена животворными лучами къ полюсу.

Пришла новая весна. Она заглянула и въ пустынную улицу галернаго селенія, въ улицу, къ которой я не равнодушенъ съ-тѣхъ-поръ какъ тамъ поселилось милое, хотя и очень, очень меланхолическое существо.

Весна принесла всю роскошь, какая доступна бѣдному домику, гдѣ горевала Лавинія.

Черная плесень на оконницахъ, до-сихъ-поръ почти незамѣтная, оказалась самымъ свѣжимъ зеленымъ мохомъ; изъ

подъ половицъ вѣяло прохладой; золотистая моль весело выпорхала изъ отверстій, искусно проточенныхъ въ полинявшемъ бараканѣ.

Солнышко по утрамъ удостоивало своимъ взглядомъ эти желкія оконныя стекла, принявшія отъ времени какой-то ирризматическій оттѣнокъ. Солнышку тутъ была небольшая работа: пригрѣть тошую вѣтку плюща, да вывести на свѣтъ два три стебелька отъ апельсиннаго зернышка, посаженнаго въ землю вѣроятно на память о послѣднемъ, бывшемъ въ домѣ, золотомъ плодѣ съ далекихъ береговъ Мессины.

Грустно встрѣчала эту весну Лавинія. Она все-еще была молода и прелестна; богатство души ея неразтрачено; но вѣра въ жизнь тускнѣла и тускнѣла.

Душа моя иррачна! говорилъ пѣвецъ: дайте мнѣ арфу, я облегчу свою душу звуками.

Гдѣ же арфа Лавиніи? Увы! продана за безцѣнокъ и покинута въ лавкѣ старой мебели, посреди безобразныхъ затѣй прошлаго вѣка, посреди разнаго запыленнаго великолѣпнаго хламу.

Металлическія струны, по которымъ порхали прелестныя пальцы, ржавѣютъ и лопаются, одна за другою, съ болѣзненнымъ стenanіемъ. Но мелодическій голосъ остался утѣшеніемъ Лавиніи.

Когда становилось ей слишкомъ грустно, она могла пѣть.

Опершись щечкой на блѣдную руку, она сидѣла подѣ окошкочъ, печальная какъ Гретхенъ, и пѣла.

Окна сосѣдей растворялись осторожно, съ явнымъ опасеніемъ, чтобъ не спугнуть пѣвчую птичку, которая была въ этой сторонкѣ такую рѣдкостію.

Не знаю, гдѣ, должно-быть въ тетрадкѣ у какой-нибудь своей поэтической подруги, Лавинія нашла эту мелодію.

Міръ такъ прекрасенъ: весна улыбулась!
 Небо глядится въ прозрачномъ прудѣ;
 Перышко пташки въ-ночи развернулось,
 Съ пѣсней любви, въ шелковистомъ гвѣздѣ.

Перлами утра усыпана нива;
 Молодь, какъ радость, зеленый листокъ;

Все такъ свѣжо, лучезарно, игриво,
Бабочка — точно летучій цѣтокъ.

Роши такъ полны мелодій, прохлады;
Время настало любить и цѣсти;
Всѣ благовоному празднику рады....
Мнѣ же — хотѣлось бы въ землю сойти...

Съ печалю любимыхъ хоть тамъ породниться..
Призракъ желанный! во тѣхъ вечерахъ,
Часто зовешь ты меня помолиться,
Къ камню, гдѣ столько поблекшихъ вѣнковъ...

V.

Между-тѣмъ какъ восточные, южные и юго-восточные обитатели Петербурга преспокойно играли въ карты, и на минуту могли забыть о погодѣ, о которой суждено имъ толковать цѣлый годъ; западные жители столицы, поморяне, наслаждались всѣми поэтическими и прозаическими ужасами морской бури на сушѣ. Ноябрьская погода страдала энцефалией. Припадки вѣтру съ утра приняли такую злокачественность, что не только обличили всѣ ускользавшія отъ наблюденія хозьяевъ скважины въ деревянныхъ строеніяхъ, но еще пытались насильственнымъ образомъ втиснуть въ ложе Невы соединенныя воды Финскаго и Ботвическаго заливовъ.

Ноябрьская ночь налегла на городъ гораздо прежде, чѣмъ „порядочные“ люди сѣли за обѣдъ.

Обѣдала ли Галерная гавань въ этотъ день, не могу сказать достоверно; знаю только, что она изъ всей этой долгой ночи не могла выбрать ни минуты для сна. Не до сна было. Море собиралось дать гаванскимъ жителямъ нѣкоторое понятіе о венеціанскихъ улицахъ-каналахъ, гдѣ вода съ успѣхомъ замѣняетъ мостовую. Бѣднѣйшія лачужки по этому случаю иллюминировались огоньками; наличное имущество, домашняя рухлядь, все было увязано въ узлы: всѣ собирались эмигрировать на чердаки.

Бѣдная Лавинія! Если бъ она способна была кому-нибудь завидовать, въ настоящую минуту она позавидовала бы сосѣду, у котораго уровень половъ былъ нѣсколькими дюй-

нами по-выше. Увы! бабушкинъ выпучившійся, поморобившійся полъ не скрывалъ своего близкаго знакомства съ волнами морскими.

Дрожащій полусвѣтъ нагорѣвшей свѣчки затеплилъ крупную слезу на глазахъ тяжело-задумавшейся дѣвушки. Она отвернулась и молча, долго глядя въ окно, за которымъ чернѣла холодная, безпощадная ночь.

Бѣдняжка то-и-дѣло вздрагивала: кто-то безпрестанно постукивалъ въ окончину...

Но это былъ тотъ же самый вѣтеръ, который завывалъ и стоналъ въ печной трубѣ на-манеръ умирающихъ, и къ шуткамъ котораго Лавинія не успѣла покуда привыкнуть. Колебаніе пламени на оплывшемъ сальномъ огаркѣ, обличало необыкновенное движеніе въ комнатномъ воздухѣ. Бѣлая изразцовая печь стояла въ углу холодная, какъ надгробный памятникъ.

Руки Лавинія уже не одной красотою, а и холодностью, могли поспорить съ мраморными руками любой Венеры. Озябшую ножку Лавинія прятала въ шелковистую, курчавую шубу своего пуделя, дремавшаго, растанувшись на подобіе барсовой шкуры.

Воспитанный въ правилахъ барской роскоши, Милордъ, изъ любви къ злополучной госпожѣ, скоро свыкся съ новымъ своимъ положеніемъ. Однакожъ въ этотъ сыро-холодный вечеръ, Милорду все грезилось, что лежитъ онъ на голомъ досчатомъ полу, прохлаждаемый дыханіемъ несчетныхъ щелей: онъ ворчалъ и грызлся во-снѣ, и безпрестанно пробуждаясь, неприязненно озирался кругомъ, но едва замѣчалъ въ окрестностяхъ своего носу слишкомъ знакомое ситцевое платье и эту вѣчно смѣющуюся ножку, то совершенно успокоивался.

Никогда еще Лавинія не знала такой долгой, безутѣшной, могильно-холодной ночи. Бабушка простудилась, захворала не на шутку, и уже съ недѣлю времени не вставала съ постели. Къ-несчастію, послѣднія свои работы, сготовленныя при усердномъ содѣйствіи внучки, старушка не успѣла сбыть съ рукъ — и въ финансахъ ея оказалось гибельное разстройство. Счетъ мелочнаго лавочника, изображенный мѣломъ

на стѣнкѣ за дѣрью, представлялъ ужасающіе итоги, далеко превышавшіе цѣнность зеленой ассигнаціи.

Температура въ комнатѣ у больной напоминала больше кладовую, чѣмъ госпиталь. Въ богатырской лежанкѣ сохранился еще съ минувшаго лѣта запасецъ картофелю.

Къ довершенію горя, Авдотья, управлявшая кухней съ приторнымъ безкорыстіемъ, и владѣвшая ухватомъ и уполовникомъ, съ рѣдкою энергіей и чистоплотностью, какъ нагрѣхъ, поутру ушла за паспортомъ въ ближнюю деревню, верстъ за семьдесятъ, откуда ей все хотѣли выслать этотъ невзбѣжный атрибутъ всякаго столичнаго жителя, но что-то тамъ позамѣшкались.

Лавинія цѣлый день провела на-единѣ съ больною бабушкою, ухаживая за нею, исполняя всѣ копеечныя прихоти, и перебирая со слезами рецепты, которые послать въ аптеку— не было никакого законнаго средства.

Когда же стемнѣло, и больная немного заснула, миниатюрный гаванскій домикъ показался Лавиніи неисходной пустыней. Бѣдняжка то-и-дѣло, притая дыханіе, прислушивалась къ разнообразнымъ голосамъ ночи — и къ трудному дыханію бабушки, лежавшей въ сосѣдней горницѣ, гдѣ на столкѣ горѣла лампада; и къ унылому визжанію ржавой петли сорвавшагося съ привязи ставня, и къ частой дробіи дождя, барабанившаго по окнамъ, и къ бушеванью вѣтра, который гудѣнье дальнихъ часовъ доносилъ до слуха Лавиніи какимъ-то зловѣщимъ завываньемъ.

А улыбающіяся картины прошедшаго, какъ на зло, плодятся въ ея воображеніи; свѣтлыя видѣнія минувшихъ золотыхъ дней, казалось, издѣвались надъ бѣдняжкой.

Было около полуночи, когда съдой пушкарь, на брустверѣ галернаго порта, ожидавшій выступленія непріятеля на берегъ, приложилъ зажженный фитиль къ старой чугунной пушкѣ.

Выстрѣлъ сверкнулъ и грануль, официально возвѣщая близкую опасность.

Пробужденная бабушка застонала. Лавинія кинулась къ больной.

— Охъ, Господи!... Поясница-то моя совсѣмъ отказывается, лепетала больная отрывисто.

Лавинія съ трудомъ могла взять ее за руку, валитую какъ-будто свинцомъ.

— Внучка... а внучка!

— Я тутъ, бабушка.

— Гдѣ-жь ты? Погляди-ко, моя голубушка, никакъ это я грохнулась на полъ... все больнехонько...

— Это изъ пушки выпалили, бабушка.

— Ничего, моя маточка, видно солдатики учатся.

— Нѣтъ, бабушка, вода прибываетъ.

— Вода! громко прошептала больная, приподнявъ голову съ паническимъ ужасомъ.

Это, до пошлости обыкновенное, слово производило на старушку дѣйствиѣ потрясающее, магическое, сходное, съ дѣйствиѣмъ гальванической батареи на трупъ... Лавинія тутъ только припомнила, что седьмое ноября 1824 года страшными буквами было записано въ памяти старушки; что въ этотъ день, въ этомъ самомъ домикъ, ея семилѣтняя дочка, съ самоотверженіемъ отправившаяся спасать насѣдку, забытую съ цѣлой семьей цыплятъ, за рѣшеткой, погибла въ волнахъ морскихъ, посерединѣ кухни.

Но для большой уже начинала исчезать граница между дѣйствительностью и грезою.

— Вода! вторично пролепетала больная посиившими губами, на которыхъ мелькнулъ призракъ улыбки. — Вода! пусть ее! Намъ-то что? Вѣдь мы на Пескахъ...

Этотъ утѣшительный бредъ очевидно проистекалъ изъ постоянныхъ, многолѣтнихъ мечтаній старушки о переселеніи на богоспасаемые Пески... но, извѣстно, блистательнѣйшіе воздушные замки строятся несравненно легче и скорѣе, чѣмъ самая ничтожная бревенчатая лачужка.

Между-тѣмъ Лавинія, въ невыразимомъ безпокойствѣ, прислонила лихорадочно горячій лобъ къ ледяному стеклу и глядѣла въ окошко. На темной улицѣ что-то шевелилось... Наконецъ, свѣтъ уличнаго фонаря помогъ дѣвухѣ разглядѣть черныя волны, бѣжавшія своевольно по всей улицѣ и молчаливо подкрадывавшіяся къ самымъ домамъ.

Лавинія ужаснулась, отскочила отъ окна и энергически заглушила крикъ, готовый вырваться изъ пересохшей ея гортани

Блаженствовали въ эту минуту тѣ счастливыя, у которыхъ домики, какъ длинноногіе журавли, стояли на саманныхъ сваяхъ.

Лучъ разсудка не замедлялъ снова проникнуть массу помутившихся мыслей Лавиніи, и освѣтилъ всѣ подробности ея горькаго положенія.

Прежде всего, надо было позаботиться о спасеніи больной. Конечно, перевезеніе египетскаго сфинкса на невоинный берегъ представляло несравненно менѣе трудностей, чѣмъ простое перемѣщеніе бабушки на чердакъ или даже только на лежанку.

Мало свѣдущая въ гидродинамикѣ, и вовсе забывъ о разрушительномъ дѣйствіи воды на кирпичъ и глину, бѣдняжка Лавинія чуть-было не рѣшила въ пользу лежанки.

По счастью, это нѣжное существо, со страху или изъ любви, сознавало въ своихъ мышцахъ силу львиную, необычайную. Всего труднѣе казался Лавиніи первый приступъ къ страданію, находившейся въ состояніи между сномъ и бодрствованьемъ.

Соображая это обстоятельство, молоденькая фея торопливо вязала въ узлы домашнюю рухлядь и, подставляя стулъ, вѣшала всѣ узлы на гвозди, предусмотрительно вколотенные съ этою цѣлью, подъ самымъ потолкомъ.

Новый выстрѣлъ потрясъ до основанія деревянныя стѣны; съ потолка посыпалась штукатурка, въ трубѣ зашумѣли обломки кирпичей.

Надо было произвести рекогносцировку на чердакъ, въ темныхъ областяхъ мышинаго царства. Злополучная красавица и при этомъ случаѣ обличила не мало мужества, не забыла ни одѣяль, ни подушекъ, ни краюшки ржанаго хлѣба, ни кружки съ водою; и возвратилась изъ экспедиціи, покрытая честью и паутинами.

При всежъ томъ, съ слуховымъ окномъ бѣдняжка, какъ ни билась, не могла сладить: она не нашла ни ставня, ни доски, съ помощью которой можно было бы превратить чердачекъ въ жилые покои. Погашенная вѣтромъ свѣча вынудила Лавинію, по узкой лѣстницѣ, снабженной безчисленными занозами, ощунью спуститься обратно въ комнату. Здѣсь она

осторожно, безъ шуму, подкатила къ бабушкиной кровати старое кресло, обитое черной кожей, и приступила къ окончателъной капитальной операціи.

— Бабушка! прошептала Лавинія.

Молчаніе.

— Бабушка, бабушка! повторила внучка, наклонясь къ лицу больной и придерживая рукой свои локоны, пропитанные сыростью ночи.

Снова тишина, но тишина ужасающая, какая бываетъ передъ грозой.

Минуту спустя, подъ половицами послышалось глухое, зловѣщее журчаніе.

— А? что? прошептала больная, очнувшись отъ продолжительной рулады вѣтру.

— Душечка, бабушка, тутъ лежать тебѣ холодно: вотъ я посажу тебя въ кресло; окутаю....

— И, полно, голубка моя.... мнѣ тепло.... вишь какъ солнышко печеть....

Лавинію обдало дрожью.

— Что это ты рѣзвушка какая сегодня, право.... бормотала съ разстановками больная.

— Тутъ худо вамъ, бабушка.

Между-тѣмъ журчаніе подъ поломъ становилось все слышнѣе и слышнѣе.... Милордъ, съ неимовернымъ безпокойствомъ обнюхивалъ каждую щель, какъ-будто чуя въ нихъ тайнаго врага.

— Куда жъ ты хочешь — въ полисадничекъ? Подитко, мои волькамеріи зазеленѣли, настурціи въ цвѣту....

Больная глубоко вздохнула и охнула. Внучка собрала все свои резервныя силы — и немножко приподняла отяжелѣвшую голову бабушки, подложивъ еще двѣ подушки; потомъ обвернула ей ноги: одну — лоскуткомъ ковра, другую — малиновой коцавейкой, обшитою фальшивымъ горностаемъ, и опустила ихъ на полъ по одиначкѣ.

Старушка, какъ-будто немножко опаматовавшаяся, не помогала, однако и не противилась усиліямъ Лавиніи, дѣлавшей нѣсколько напрасныхъ попытокъ пересадить больную въ кресло. Изъ безсвязнаго ея говору о веснѣ, о зеленыхъ

лсточкахъ, можно было заключить, что больной грезится прервятная прогулка по саду.

Наконецъ, всѣ тяжелые бабушкины члены, перемѣщаемые съ кровати, можно сказать, по-штучно, были тщательно сложены въ кресло, и Лавинія, раскраснѣвшаяся, измученная, покатила бабушку, упираясь своей нѣжной, молодою грудью въ высокую спинку кресла. Успѣшное начало этой экспедиціи внушило дѣвушка новую вѣру въ свои силы на новые подвиги. Триумфальное шествіе заключалось Милордомъ, которому поручено было нести въ зубахъ узелокъ съ сахаромъ и важными бумагами. Глухой, невольной вой вырывался изъ его горла, при каждомъ стонѣ больной, при каждомъ порывѣ вѣтру, отъ котораго дрожали и звенѣли оконныя стекла.

Поездъ благополучно остановился передъ узенькой лѣстницей, ведущей на чердакъ; откуда вѣяло чистѣйшимъ морскимъ воздухомъ. Милордъ, посланный теперь передовымъ, не безъ нѣкоторой нерѣшимости прыгнулъ на трепетныя досечки ступенекъ. На четвертой ступени, стараніями Лавиніи, поставленъ былъ фонарь, не придававшій впрочемъ своимъ болѣзненнымъ свѣтомъ ничего утѣшительнаго этой печальной сценѣ.

Бабушка, утомленная трудностями путешествія, погрузилась—было въ дремоту. Потревожить ее — стоило слезъ бѣдной внучкѣ; но опасность была слишкомъ близка, не допускала медленной внимательности.

— Птички—то... какъ распѣваютъ... бормотала старушка, какъ—будто сѣтуя на то, что плохо слышитъ, что голова ея черезчуръ тяжело окутана. Но Лавиніи, съ стѣсненнымъ, ноющимъ сердцемъ глядѣвшей на бабушку, послышался вовсе не голосъ птицъ, а шумъ фонтановъ.... Она испугалась при мысли—ужъ не задремала ли сама: оглянулась... и не вѣрила глазамъ своимъ. Поблѣднѣвъ какъ мраморъ, Лавинія протирала свои заплаканныя глазки.

Десятки фонтанчиковъ, одинъ другаго красивѣе, бойко и рѣзво били изъ каждаго отверстія, какое только можно было найти въ половницахъ. Посреди комнаты магически устроилась почти такой же прекрасный водопадъ, какимъ гордится

народный садъ въ Вѣтъ.

Студенныя брызги, попавшія на лицо и на руки Лавиніи, свидѣтельствовали о своей несомнѣнной существенности. Она трепетала.

— Боже! пощади насъ!

Лавинія могла только произнести эти три слова, и то шепотомъ; голосъ у нея исчезъ, ноги подкашивались, но молоденькая страдалница все-таки не утратила присутствія духа до такой степени, чтобъ забыть плачевное положеніе бабушки.

Въ эту минуту Милордъ, исполнившій возложенное на него порученіе, возвращался назадъ, и завидя въ комнатѣ игривые водометы, залаялъ на невидальщину, какъ сущій цѣвѣжда.

— Кто это собаку впустилъ? Гоните прочь собаку... Укусить!

— Будьте спокойны, бабушка, это моя. Цыцъ, Милордъ.

— А это кто такой, спросила старушка, ощущывая тревожащую руку Лавиніи.

— Это я, твоя внучка.

— Чего жъ ты такъ дрожишь, голубка моя?

— Немножко холодновато, бабушка.

— Тó-то.

На полусапожки Лавинія уже плещетъ вода. Бѣдняжка хочетъ кричать, призывать кого-нибудь на помощь, но ужасъ, это неодолимое чувство, сковалъ ей языкъ. Однако, понимая, что терять нельзя ни минуты, дѣвушка напрягла все свои силы, можетъ-быть, утроенныя страхомъ, и атлетически приподняла бабушку на ноги. Это внезапное движеніе на минуту какъ-будто прояснило понятія больной.

— Чтó ты, въ умѣ ли ты? Куда это меня тащишь! Господи, твоя воля! До чего дожила.... На чердакъ уложить хотятъ, словно ветошь какую.... Не нойметъ старуха!.... Да поборься ты Бога!

— Бабушка, ради всего для васъ святаго, соберите послѣднія силы....

Что ты, что ты? бормотала больная, дѣлая усилія высвободиться изъ энергическихъ объятій внучки.

Пролетѣла еще минута. Легкіе соломенные стулья начина-

ли покачиваться; скамеечка уже привольно плавала посередине горницы, какъ лебедь посередине пруда; нѣсколько сосновыхъ полѣньевъ также воспользовались новымъ путемъ сообщенія для того, чтобъ побывать въ комнатѣ и представиться Лавини.

А плачевная борьба съ больною, борьба раздражавшая сердце бѣдной дѣвушки, продолжалась.

— Пожаръ что-ли? спросила наконецъ по видимому образумившаяся старуха.

— Нѣтъ, голубушка бабушка...

— Да полно ли тебѣ обманывать старуху....

— Бабушка!.... скорѣе!.... вода!

— Вода!?

Физиологи вѣдаютъ, откуда взялась у больной сила; старуха геройски занесла свою пудовую ногу на ступеньку, потомъ на другую, такъ что Лавинія, отнюдь неожиданная подобной рѣшимости, не успѣла, да признаться, и не могла, представить твердой опоры этой тяжелой полуживой массѣ, которую называла бабушкой.

Достигнувъ третьей ступеньки, больная повалилась, какъ недрубленное у корня столѣтнее дерево.

Лавинія вскрикнула. Потомъ, увидѣвъ это блѣдное лицо, недвижные члены, — окаменѣла. Разумѣется, всѣ усилія слабой шестнадцатилѣтней дѣвушки, изнуренной стужей и отчаяніемъ, оказались бесполезными, тамъ, гдѣ было бы работки и двумъ дюжмъ парнямъ.

Неистовый порывъ вѣтру распахнулъ окно. Таинственная лодка съ тусклымъ фонаремъ, скользившая въ эту минуту мимо дома по уличнымъ волнамъ, остановилась; свѣтъ фонаря исчезъ, и въ окно просунулся лохмотный овчинный рукавъ, изъ котораго торчала ручища, почернѣвшая какъ у антика, лежавшаго въ землѣ осемнадцать столѣтій.

— Помогите! помогите! кричала Лавинія въ отчаяніи.

Милордъ, въ два прыжка достигнувъ открытаго окна, и съ попомъ своихъ надежныхъ кыкозъ, крѣпко повисъ на овчинномъ рукавѣ незнакомца.

VI.

Мы въ мастерской художника. Я попросилъ бы васъ присѣсть, но — сами видите — на одномъ изъ стульевъ стоять бюстъ Юпитера-Громовержца, на другомъ — колоссальная папка съ рисунками; вотъ этотъ стулъ занять ящикомъ съ красками и палитрами, а къ тому и не подступайтесь — это трехногій инвалидъ. Что же касается до дивана, — онъ, во всю длину его, занять самимъ хозяиномъ, который съ кистью въ рукѣ, принявъ это горизонтальное положеніе, чтобъ поближе всмотрѣться во всѣ подробности своей недоконченной картины.

Сюжетъ картины — „Сократъ, застающій Алкивиادا посреди вакханокъ“.

Какъ художникъ въ высшей степени добросовѣстный, Флоренскій писалъ все, отъ главныхъ фигуръ до мелочныхъ деталей, съ натуры. Но гдѣ найти натуру для сценъ древнегреческой жизни?

Конечно, каждый виноградный листь, каждая вѣтка плюща были скопированы съ природы; каждая складка афинской туники предварительно изучена на манкенѣ; лица вакханокъ были заимствованы у прелестнѣйшихъ изъ сосѣдокъ и полузнакомыхъ художнику женщинъ, разумѣется, съ придачею портретамъ строгаго овала античныхъ статуй и вакхическаго румянцу. Но какъ-скоро дѣло доходило до другихъ, болѣе тайныхъ формъ, художникъ напрасно искалъ вокругъ себя оригиналовъ. Всѣ эти роскошныя линіи женскаго торса, которыя афинская мода обнажала, или, по-крайней-мѣрѣ, граціозно обрисовывала волнующимися одеждами, всѣ эти линіи скрыты или искажены своенравной парижской модой. Французы до-сихъ-поръ пытаются поправлять природу, какъ они поправляли Шекспира.

Кисть нашего художника изобразила довольно энергически вакханку, выжимающую въ чашу сокъ изъ янтарныхъ и яхонтовыхъ гроздій, и дѣвушку, въ вѣнкѣ изъ розъ и алыхъ цвѣтковъ маку, играющую на лирѣ.

Но эта же кисть дрожала, — какъ, я думаю, никогда не дрожала кисть въ рукахъ у девяносто-двятилѣтняго Тициа-

на,—когда нашему художнику пришлось писать первую вакханку оргии, красавицу, у которой Алкивиадъ украдкою развязалъ поясъ, отстегнулъ аграфы, и съ любовью юноши, быть-можетъ, отчасти съ восторгомъ художника, обнажалъ дивныя плечи и грудь, какія могли быть только у богинь Олимпа, да у аоннскихъ прелестницъ.

Прошу покорно писать румяныхъ, полныхъ страсти вакханокъ — съ нашихъ тощихъ натурщицъ, рѣшающихся на эти сеансы изъ куска хлѣба.

Лысинъ, для изображенія Сократовой головы, лысинъ самыхъ патріархальныхъ, лысинъ золотого вѣка, найдете здѣсь сколько угодно; но одну античнымъ образомъ изваянную пригодой грудь, грудь безукоризненную и вмѣстѣ съ тѣмъ побѣдившую свою стыдливость — едва ли не труднѣе найти у насъ, чѣмъ открыть на дневномъ небѣ звѣзду.

Не то въ Римѣ: тамъ натурщица, или „модель“, какъ называется этого класса женщина на берегахъ Тибра, понимаетъ не только финансовую, но и художественную сторону своего званія. Римская натурщица сознаетъ красоту своего тѣла эстетически, и бережетъ ее для одного только художника, или точнѣе — для глазъ художника. Съ истиннымъ геройствомъ она воздерживается отъ брачныхъ узъ, которыя такъ часто губельны для тальи; восторги ваятелей и живописцевъ всѣхъ націй она старается выносить также равнодушно и холодно, какъ мраморная статуя; луидорамъ, гинеяль, полуимперіаламъ туристовъ не выманить римскую натурщицу на иное свиданіе, кромѣ академическаго. А въ случаѣ дерзкаго нападенія, она ни за что не допустить, какъ добродѣтельная Лукреція, до того, чтобъ пришлось заколоться, немножко поздно; нѣтъ, она совершенно во-время вынимаетъ изъ своей черной, лоснящейся косы колоссальную бронзовую булавку, которая съ честью исполнитъ роль стилета, для энергической защиты.

Если ужъ непремѣнно понадобится любить, она любитъ съ непомерною скупостью: выдаетъ поцѣлуи счетомъ, словно жемчужины; не допускаетъ слишкомъ жгучихъ ласкъ, которыя могутъ иссушить красавицу такъ же быстро, какъ хамсинъ иссушаетъ пальму; не даетъ черезчуръ восторженно

мять обольстительные контуры своихъ плечъ, дозволяя впрочемъ довольно снисходительно глазамъ наслаждаться этимъ золотисто-розовымъ колоритомъ, тайна котораго извѣстна только римскому солнцу; безсонныхъ ночей опасается пуще всякой язвы, и сохраняетъ свои прелести съ неимовѣрнымъ художественнымъ кокетствомъ.

Этотъ классъ эстетическихъ женщинъ существуетъ только въ Римѣ, гдѣ художнику раздолье во всѣхъ отношеніяхъ....

У насъ до-сихъ-поръ не водится и тѣни подобныхъ женщинъ.

Женщины, способныя сдѣлать винкельмановскую оцѣнку своей красоты, принадлежать у насъ къ тому кругу, который называется образованнымъ, гдѣ балы предпочитаются искусству, гдѣ красота тщательно сберегается, даже и поблекшая, — для завидныхъ жениховъ или для блестящихъ обожателей, но отнюдь не для художниковъ.

Римская графиня Боргезе, рѣшившаяся, изъ любви къ искусству, принять на себя обязанность натурщицы передъ вдохновеннымъ Кановой, до-сихъ-поръ не нашла ни одной подражательницы.

И то сказать, у насъ не было еще и Кановы.

Молодой Флоренскій былъ въ отчаяніи.... не оттого, что мы не имѣемъ Кановы, а оттого, что невская почва не производитъ мало-мальски сносныхъ натурщицъ. Всѣ тѣ, которыхъ приводили въ его мастерскую, были сухопары, какъ шаманскіе идолы, или чудовищны, какъ индійскія божества.

Добросовѣстный художникъ, недовольный изображеніемъ Алкивіадовой красавицы, съ примѣрнымъ безпристрастіемъ, поднялъ руку на свое созданіе, и стеръ неудовлетворительную фигуру съ полотна, подъ вліяніемъ унынія, красивѣйшимъ изъ своихъ фуляровъ.

Въ эту минуту кто-то скромно стукнулъ въ незамкнутую дверь мастерской, какъ человѣкъ, привыкшій уважать чужія тайны.

На приглашеніе взойти, — въ узко-отворенную дверь проскользнула почтительно наклонившаяся фигура, съ бородой тщательно выбритою съ недѣлю назадъ, и въ пальто, которое было неуволнимаго цвѣту поблекшихъ листьевъ.

Невидимая сила удерживала этого человека у дверного створа, какъ-будто атмосфера остальной части комнаты наволнена была убийственными газами.

Однако жъ художникъ былъ радъ гостю, какъ лучшему другу, возвратившемуся сейчасъ изъ Мономотапы.

— Все ли въ добромъ здоровьи, ваше сс—тво?

— Что скажешь? спросилъ художникъ, съ лучезарной улыбкой. Обрадуй!

— Нашелъ, ваше сс—тво, какъ изволили заказывать.

— Будто?!

— Да какую чудовую!

— О?!

— Дѣвочка лхая; жаль только вотъ, что перазумная. Да и упряма, ну ее!

— Гдѣ жъ она, съ тобой? проговорилъ нетерпѣливо живописецъ, шагнувъ къ дверямъ.

— Никакъ нѣтъ-съ.

Опытный поставщикъ натурщицъ намѣревался предварительно заинтересовать пылкаго живописца до той степени, съ которой получаютъ порядочные задатки.

— Всемъ хороша будетъ; молоденькая; останетесь довольны. Блѣдновата маленько; ну, да постыдить крошечку, такъ заальбеть словно маковъ цвѣтъ. Всемъ хороша будетъ. Развѣ вотъ ножѣнками не ужогу: такія мелкія — посмотрѣть не на что: оба-то слѣдка вотъ на ладони рядышкомъ уставятся.

Флоренскій слушалъ, съ видомъ соловья, котораго хотятъ накормить баснями.

— Значить, она очень молода, значить, формы еще не развиты, повторялъ художникъ почти съ уныніемъ, когда поставщикъ натурщицъ слишкомъ распространился о тонинѣ рукъ, объ излишней худощавости таліи.

Поставщикъ струсилъ, и не давая живописцу выговорить роковое „негодится“, поторопился заглазить свою опрометчивость.

— Не такъ, чтобъ ужъ не-въ-мѣру молода; вѣдь бѣлоручка! А тамъ кто ихъ разберетъ? Хитрать. Иной будетъ подь-со-рокъ, а и не замѣтно: по зубамъ не распознаешь. А ужъ

объ худощавости и о прочемъ не извольте сумлеваться: затянута больно, такъ вотъ вамъ и тонка. Чего другого, а корсетовъ, видно, осталось довольно.

— А дорогá?

— Дорогонька.

— А какъ?

— Ужь тамъ *опосля*... не обидите.

— Ты, пожалуй, заломишь...

— Какъ можно!

— Эхъ, Римъ! То-ли дѣло въ Римѣ! Пол-скуды — модоль на славу! А скуда — такъ богиня, просто богиня.

— Извѣстное дѣло: славны бубны за горами-сь!

— Мать за руку приведетъ свою дочку и поставитъ передъ художникомъ, мужъ самъ провожаетъ жену въ студию... Вотъ какъ понимаютъ искусство!

— У насъ, сами извольте знать, это дѣло непривычное-сь.

— Такъ до завтра?

— Если милость ваша будетъ...

Конецъ этой фразы исчезалъ въ непонятномъ бормотаньи, которое однако жъ не было принято художникомъ за тарабарскій языкъ.

Флоренскій охотно подошелъ къ шифоньеркѣ преклонныхъ лѣтъ, выдвинулъ одинъ изъ ящичковъ, погребѣлъ серебряными рублями, храпявшимися въ-разсыпную между бѣльемъ и книгами, потомъ сунулъ въ руку своего гостя что-то радующее.

— Жду завтра утромъ! прибавилъ живописецъ, озаряя свое полотно взоромъ надежды.

— Счастливо оставаться!

В. ЯКОВЛЕВЪ.

=

А ВЪДЬ ЖАЛЬ ЕЕ!....

=

БЫЛЬ, КОТОРАЯ МОЖЕТЪ ПОВТОРИТЬСЯ.

=

•Addio mia vita,
•Addio mia perduta speranza!....•

TASSO.

=

I.

Въ гостиницѣ одного изъ великолѣпнѣйшихъ домовъ П., женщина лѣтъ двадцати-осьми, полулежала на роскошномъ пате, скрестивъ руки и опустивъ голову. Лице ея было бы прекрасно, если бы на немъ разлитъ былъ цвѣтъ здоровья и играла улыбка; но, какъ у всѣхъ тѣхъ, у кого есть душевные скорби,—оно подурнѣло отъ слезъ. На лбу у ней не было замѣтно величественной блѣдности, этой поэтической діадемы, которую печаль украшаетъ иногда своихъ избранныхъ: ея блѣдность была слѣдствіемъ усталости. Стянутыя черты, подернутыя грустью и уныніемъ, выражали чтò-то грубое и тяжелое.

Не смотря на все это, горесть ея хотя и не имѣла ничего пріемкательнаго, однако жъ на ней мощно выказывалась сила страсти: она выступала изъ всего существа ея. По всему видно

было, что это одна изъ тѣхъ натуръ, поглощающихъ и беззвѣстныхъ, которыя тревожатся только тогда, когда имъ трудно чего-нибудь достичь; одно изъ тѣхъ сердецъ, которое, будучи тронуто разъ, все сосредоточивается на своей привязанности, и которое не никакъ можно отдѣлить отъ нея, какъ только разрушить его.

Если бы вы видѣли эту женщину въ томъ положеніи, въ какомъ мы описали ее, вы тотчасъ отгадали бы, что это ужасное спокойствіе не было ни уныніе, ни покорность, но безмолвіе страсти, которая перебираетъ свои силы и переводитъ духъ. Въ ногахъ, на подушкѣ стоялъ полуоткрытый ящикъ; кругомъ разбросаны были измятыя письма, повидимому часто читанныя и долго хранившіяся на груди. Безъ сомнѣнія, читая ихъ, молодая женщина погрузилась въ горестную мечтательность. Нѣсколько минутъ она находилась въ этомъ внутреннемъ созерцаніи: глазами воображенія слѣдила она за какимъ-то отдаленнымъ, болѣзненнымъ предметомъ. Смотря на глубокое выраженіе отчаянія, оттиснутаго на лицѣ ея, легко можно было отгадать, что не обыкновеннымъ горемъ страдала она, но въ дали будущаго читала одно изъ тѣхъ страшныхъ бѣдствій, которыя подрѣзываютъ жизнь у самаго корня.

Превратившись вся въ это другое зрѣніе, она не помнила о томъ, что ее окружало, и между-тѣмъ, не смотря на это отсутствіе души, чувства ея сохраняли еще обычное свое дѣйствіе: слухъ ея пораженъ былъ шумомъ, который разбудилъ ее отъ видѣнія и возвратилъ мысль ея въ міръ дѣйствительный: она узнала голоса и шаги приближавшихся къ гостинной. Мысль, что она встрѣтитъ постороннихъ, и должна будетъ мучить убитый горемъ умъ своей пустымъ разговоромъ, заставила вздрогнуть молодую женщину; но вспомнивъ, что забыла приказать всѣмъ отказывать, она поспѣшно оттолкнула подушку, которая лежала на ногахъ у ней; быстро схватила ящикъ съ письмами и скрылась въ своей комнатѣ. Лишь только она заперла за собою дверь, гостинная отворилась.

Вошелъ молодой человѣкъ въ сопровожденіи старой служанки.

— А гдѣ же сестра? сказалъ онъ, посмотрѣвъ кругомъ, и обращиваясь къ женщинѣ.

— Она вѣрно вышла-сь, когда меня не было дома, отвѣчала она; онъ былъ здѣсь-сь, когда я ушла?

— Что она по прежнему груститъ? спросилъ молодой человѣкъ съ замѣшательствомъ.

— Грустить! вѣтъ сударь! это не грусть... у ней страшная душевная боль. Сердце разрывается глядя на нее: долго, долго... можетъ-быть никогда она не образумится.

Молодой человѣкъ молчалъ съ минуту. Видно было, что онъ хотѣлъ спросить о чемъ-то, и между-тѣмъ не зналъ, будетъ ли это прилично. Нѣсколько минутъ онъ смотрѣлъ на камеру юнгаферю; потомъ тихо спросилъ ее:

— Славскій бываетъ рѣдко?

Старуха пожала плечами съ выраженіемъ негодованія и неудовольствія.

Молодой человѣкъ наклонилъ голову; молчаніе продолжалось довольно долго.

— Вероника Павловна давно уѣхала? спросилъ онъ.

— Съ четверть часа, не больше; а можетъ быть она въ будаурѣ, какъ это случается нерѣдко, если ей захочется поплакать. Прикажете сказать объ васъ.

— Не надобно; я оставусь не надолго; не беспокойте ее.

И не дожидаясь отвѣта, онъ сѣлъ безъ церемоніи въ кресла, какъ человѣкъ домашній, взявъ журналъ и сталъ читать его съ приторнымъ вниманіемъ. Старуха, поставивъ на мѣста нѣкоторыя кресла, вышла изъ гостиной.

Только что она затворила дверь, молодой человѣкъ бросилъ журналъ, и всталъ съ движеніемъ, въ одно время поспѣшнымъ и печальнымъ. Задумчиво бросивъ вокругъ себя взглядъ, онъ увидѣлъ, во всемъ окружающемъ его, жизнь женщины. Золотой наперстокъ лежалъ на полу, и развернутая книжка «Revue» кинута была на складки начатаго шитья. Нѣсколько минутъ Поль смотрѣлъ на этотъ милый безпорядокъ съ безмолвнымъ наслажденіемъ; потомъ пошелъ въ глубину комнаты, и остановился передъ мѣстомъ, на которомъ сидѣла Вероника. Пате, свѣжесмятое, сохраняло еще слѣды недавняго сидѣнья, и на голубомъ шитьѣ подушки, на которой лежала голова, можно было замѣтить невысохшія слезы; полуоткрытое письмо лежало забытое возлѣ вожки пате; Поль, казалось, узналъ руку, потому что онъ поблѣднѣлъ, примѣтивъ письмо, и отвернулся. Но приподымаясь, взглядъ его упалъ на зеркало, которое висѣло надъ диваномъ, и что-то похожее на внутреннее сотрясеніе поколебало его. Съ минутой онъ стоялъ неподвижно, читая горькое отчаяніе на собственномъ лицѣ; видъ этотъ пробудилъ въ немъ невыносимыя муки; онъ закрылъ лице руками и упалъ на диванъ.

Внезапная горестъ, возбужденная въ молодомъ человѣкѣ отра-

живіемъ его лица, оправдывалась нѣкоторымъ образомъ его безобразіемъ. Онъ былъ небольшого росту и весьма щедушенъ; лице его выражало что-то сардоническое, гримасное; и между тѣмъ подъ страдальческими чертами этого лица замѣтны были признаки неистощимой доброты, которая видѣлась по временамъ или въ глазахъ его почти косыхъ, или въ улыбкѣ искривленныхъ губъ. Къ довершенію всего, безобразіе его имѣло еще ту ложную свѣжесть, которая скрадываетъ годы, и, не украшая пріятностью молодости, отнимаетъ даже красоту морщинъ, величавость старости.

Сознаніе своей физической незначительности сильно подѣйствовало на Поля, и онъ долго оставался въ положеніи глубокаго унынія. Наконецъ онъ поднялъ голову, и, усиливаясь видимо удалить бесполезную мысль, посмотрѣлъ опять вокругъ себя и остановилъ глаза на открытомъ писемѣ. Взглядъ этотъ снова пробудилъ въ немъ прерванную нить мыслей, и онъ опять впалъ въ глубокую задумчивость, которая грустно отвѣчала его безобразію.

Прежде нежели вы узнаете причину этой задумчивости, не хотите ли познакомиться, покороче, съ молодой женщиной, которую вы видѣли только мелькомъ въ началѣ этого разсказа, и съ Полемъ, котораго вы знаете только по имени?

II.

Оставшись осьми лѣтъ сиротою, Вероника провела первые годы свои у опекуна богача З., въ совершенномъ уединеніи, и когда въ осемнадцать лѣтъ старый богачъ-опекунъ предложилъ ей выйти за него замужъ, она видѣла въ этомъ только средство продолжить свою беззаботную жизнь, которая ей чрезвычайно нравилась, тѣмъ болѣе, что Вероника не знала другой жизни. Она была въ томъ возрастѣ, когда привычки легко прививаются за склонности. И, какъ большая часть женщинъ, которыхъ выдаютъ за мужъ въ эту пору незнанія и неразмысленія, она смотрѣла на этотъ важный шагъ въ жизни, какъ на веселое перемѣщеніе съ квартиры на квартиру, и отдала свою будущность съ безпечною радостью Алеуту, который продаетъ свою хижину за чарку водки.

Первый годъ прошелъ, не объяснивъ ей сдѣланной ошибки. Но если Вероника не вдругъ почувствовала терны, скрытые подъ брач-

вить въидемъ ея, за то скоро могла видѣть опасное вліяніе ея ложнаго положенія. Покорная по обязанности волѣ старика, къ которому можно привыкнуть, но не раздѣлять его склонностей, она нечувствительно стала искать въ снисходительномъ благородствѣ стараго мужа вознагражденій за пожертвованіе, которое она для него сдѣлала. Такимъ образомъ, не замѣчая сама за собою, она стала притворяться и дѣйствовать уже по расчету вмѣсто умеченія. Связи, въ которыхъ сердце не принимаетъ участія, потому уже дурны, что убиваютъ стыдъ: одна только истинная любовь облагороживаетъ чувства. Вероника мало-по-малу забыла дѣвственную робость, которая болѣе всего защищаетъ женщину отъ порока, и это, къ-сожалѣнію, было почти въ тѣ минуты, когда нравственные силы слабѣли, а опасность для нея увеличивалась. По какой-то странной суетности, старики всегда стараются вводить молодыхъ женъ своихъ въ свѣтъ, какъ бы возраженіе противъ морщинъ и сѣдинъ своихъ. Богачъ З. началъ вывозить Веронику въ свѣтъ, и только-что молодая женщина вышла изъ удивленнаго своего жилища, гдѣ была воспитана, какъ душа ея загорѣлась, и она начала понимать себя. Страсти, развивающіяся съ дѣтства, занимаютъ чтѣ-то тихое у привычки; но тѣ, которыя открываются поздно, и принимаются всѣми силами души, тѣ всегда имѣютъ характеръ особенный,—необдуманности и упорства. Пораженная новостью развлеченій, встрѣчая удовлетвореніе каждой своей прихоти, Вероника стремилась за удовольствіями, и ослѣпленная похвалами львовъ, онагровъ и актеоновъ, предалась самымъ безразсуднымъ капризамъ. Свѣтъ, слѣдившій за нею, замѣчалъ ея ошибки и наконецъ сочинилъ изъ нихъ преступленіе.

Между-тѣмъ молодая женщина шла своею дорогою, не думая о томъ, чтѣ вокругъ нея дѣлалось. Толпа росла около нея. Подозрѣнія и надежды собирали къ ней большую часть молодыхъ людей, и приманка сомнительнаго порока больше привлекла къ ней поклонниковъ, нежели сколько могла бы сдѣлать несомнѣнность добродѣтели. И вотъ Вероника начала жизнь разсѣянную, которая завлекая далѣе и далѣе, оканчивается неизбежною гибелью для тѣхъ жевщицъ, которыя искренни въ своихъ проступкахъ, и еще не привыкли облекать безпорядки свои въ принятую форму. Свѣтъ, не найдя ничего, что бы можно было осудить въ ея бракѣ, видѣлъ заранѣе соблазнъ въ его послѣдствіяхъ. Но Вероника объ этомъ не заботилась. Она опытомъ уже знала сужденія толпы и научилась презирать ихъ. Рѣшившись идти на перекоръ

предразсудкамъ, она находила величайшее удовольствіе раздражать ксвету, и негодованіе свое противъ общества — выражать дерзостью противъ его понятій. Но все это ласкало только ея самолюбіе; а между тѣмъ, среди бурь, тревожившихъ ее, ей было и грустно и скучно. Увлеченная сначала горячкою молодости, она изъ досады потомъ отдалась этой жизни, которая превратилась наконецъ для нея въ необходимость. Но въ ищевіи этомъ участвовалъ только одинъ умъ ея; и потому съ нею повторился чудный нравственный случай, который часто можно замѣтить. Вероника погибла прежде, нежели отжила свою молодость. И тѣмъ смѣлѣе она была въ своихъ безпорядкахъ, тѣмъ больше душа ея возвращалась къ самой себѣ и чуждалась вѣшнихъ дѣйствій. Безъ-сомнѣнія, нечистое дыханіе порока могло отуманить душу, но по-крайней-мѣрѣ не совсѣмъ помрачило ее: порокъ коснулся только ума и не проникъ далѣе; въ развалинахъ этой глубокой натуры остался еще уголокъ, гдѣ скрывались прекрасныя сѣмена преданности, любви и поэзіи. Но свѣтъ ничего объ этомъ не хотѣлъ знать; потому что свѣтъ не разбираетъ; онъ видѣлъ въ Вероникѣ Z. только преступное постояпство, и по этому судилъ ее. Мужъ ея, который долго ни о чемъ не зналъ, увѣдомился наконецъ по общимъ слухамъ. Преданные друзья удружили ему самыми вѣрными и точными, по ихъ словамъ, свѣдѣніями объ его позорѣ. Любовь его къ женѣ, какъ всѣ послѣднія страсти, имѣла чтò-то безумное. Когда онъ узналъ, что этотъ драгоценный цвѣтокъ, выращенный имъ съ такою заботою, котораго запахомъ онъ упивался въ послѣдніе дни свои, поблекъ подъ дыханіемъ порока, онъ не перенесъ удара. Онъ не жаловался, не дѣлалъ упрековъ, но сильно занемогъ и черезъ нѣсколько времени умеръ. Вероника, которую занимали балы, рѣдко освѣдомлялась о мужѣ и узнала почти въ одно время объ его болѣзни и объ его смерти. Съ горестнымъ удивленіемъ, въ ней проснулось и нѣ сколько сожалѣній, смѣшанныхъ съ раскаяніемъ; но слезы ея скоро высохли: она не знала, сама ли была причиною этого несчастія, но во всемъ этомъ видѣла естественный ходъ вещей.

По духовному завѣщанію покойнаго, молодая вдова сдѣлалась наследницею всего имѣнія. Эта послѣдняя воля Z.... возбудила большіе толки въ свѣтѣ. Злые языки смѣялись надъ добродушіемъ стараго мужа, который передалъ все свое богатство женщиנѣ, не любившей его; другіе, по-спиходительнѣе, сожалѣвъ, что онъ не все узналъ прежде смерти, а между тѣмъ никто не думалъ, что онъ могъ все знать и презрѣть замогильное

ищеніе какъ нечестіе. Свѣтъ все угадываетъ, кромѣ благородныхъ побужденій.

Ктому же Вероника прекрасно распорядилась въ глазахъ толпы щедростію своего мужа. Она благородно и великодушно поступила съ дальними родственниками покойнаго, забытыми въ духовномъ завѣщаніи; и эта легкая добродѣтель, понятная лишь для людей пошлыхъ, примирила съ нею общественное мнѣніе, которое было противъ нея. Вероника мало цѣнила эту возвращенную благосклонность; но обстоятельства, слѣдовавшія за нею, приобрѣла ей драгоцѣннаго друга.

Въ числѣ родственниковъ мужа Вероники З., вызванныхъ ею по духовному завѣщанію, былъ одинъ молодой человекъ, сирота, бѣдный и больной, Поль Розовъ. Увѣчный при самомъ рожденіи, онъ принять былъ съ отвращеніемъ своимъ семействомъ, и первое чувство матери, при видѣ его, было сожалѣніе — зачѣмъ онъ родился. Поль провелъ свое дѣтство всѣмъ оставленный, не видавъ ни отъ кого ласки. Предоставленный самому себѣ, безъ чѣста и безъ надежды для жизни, бѣдный ребенокъ росъ чахло и медленно. Равнодушіе непріязненное, встрѣченное имъ во всѣхъ его окружавшихъ, сдѣлало его чрезвычайно робкимъ, а робость къ болѣзненному его состоянію прибавила еще. неловкость. Природа произвела его безобразнымъ, воспитаніе сдѣлало смѣшнымъ. Мать одна могла бы простить ему безобразіе его, видя сколько онъ терпитъ, потому что сердце матери, какъ отраженіе божественной любви, не видитъ недостатковъ, гдѣ видятъ слезы; но мать Поля умерла скоро послѣ его рожденія. Отецъ же его, человекъ честный, но жесткій, устроивалъ будущее только для здороваго сына, который могъ бы продолжать дѣла его, и рожденіе горбатаго уродца разстроивало его планы. Въ такомъ-то положеніи узнала его Вероника. По матери онъ былъ одинокъ изъ близкихъ родственниковъ З.... Она захотѣла видѣть его, и легкое участіе, возбужденное сначала его положеніемъ, превратилось скоро въ состраданіе нѣжное и глубокое. Съ сердцемъ празднымъ и скучая среди вѣжливаго презрѣнія, которымъ свѣтъ окружилъ ее, Вероника чрезвычайно обрадовалась случаю сдѣлать что-нибудь доброе и полезное. Она занялась этимъ дѣломъ со всѣмъ жаромъ перваго сердечнаго побужденія. Поль нашелъ въ ней вторую мать: въ первый разъ узналъ онъ ласку, довольство, внимательность. Сперва она любила его для добра, а послѣ любила больше за добро, которое ему сдѣлала. Бѣдный ребенокъ

совершенно обезпамятѣлъ при этой перемѣнѣ. Ему казалось, что онъ не жилъ до этаго времени, и что онъ ожилъ въ раю, о которомъ такъ часто говорила его няня. Но мало-по-малу онъ началъ привыкать къ новой жизни и понимать, что *жить* не всегда значитъ *страдать*. Сердце его, угнѣтенное долгое время, открылось наконецъ согрѣтое любовью. Счастливое состояніе раскрыло въ немъ умъ. И все это онъ посвятилъ чувству благодарности къ Вероникѣ.

Но въ это время неожиданный случай, разстроившій общественныя отношенія его благодѣтельница, сильно грозилъ его счастью. Вероника познакомилась съ Славскимъ.

Это былъ молодой докторъ, быстро пріобрѣтшій извѣстность двумя или тремя счастливыми леченіями, свидѣтельствовавшими объ отличныхъ его способностяхъ. Совсе невзвѣстный за нѣсколько мѣсяцевъ до того, онъ вдругъ сталъ на ряду съ знаменитыми врачами, и угрожалъ даже затмить ихъ, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ въ свою пользу и молодость, и ту первую благосклонность свѣта, которую легко получаетъ новая слава, часто потому только, что еще не возбуждаетъ подозрительной зависти, преслѣдующей извѣстность, уже признанную. Удача, которая доставляетъ нерѣдко славу, не требуя другаго труда, кромѣ смѣлости идти вслѣдъ за счастьемъ, привела Славскаго на эту трудную дорогу. Вероника не знала его, но вездѣ слышала похвалы его свѣдѣніямъ и дарованіямъ.

Подобно большей части свѣтскихъ жевщицъ, у которыхъ все-таки остается въ душѣ что-нибудь возвышенное и чувствительное, Вероника была благотворительна. Она любила иногда предаваться естественнымъ побужденіямъ души своей, и искать среди своей искусственной обманчивой жизни наслажденій въ добрыхъ дѣлахъ. И потому нерѣдко утро ея посвящено было больнымъ и бѣднымъ. Тутъ то, возлѣ постели больного, она встрѣтила въ первый разъ молодаго доктора, и эта случайная встрѣча ея съ Славскимъ, при постелѣ больного, скоро сдѣлалась причиною связи, принявшей всю силу страсти. Молодой докторъ раздѣлялъ эту страсть, но тогда только когда замѣтилъ ее. Любовь его родилась изъ любви Вероники; онъ не старался ее поселить, онъ только предался ей. Такимъ образомъ привязанность его была безъ ослѣпленія. Впрочемъ, въ немъ и не съяскалось бы довольно мѣста для страстной любви; потому что наука была для него первою и обожаемою любовницею; онъ предавался ей со всею ревностью, со всеимъ изступленіемъ страсти. Возлѣ этой любви, —

любовь къ женщинѣ могла быть у него только привязанностью брата.

Вероника, напротивъ, предалась новому для нея чувству со всѣмъ увлеченіемъ. Въ первый разъ почувствовала она привязанность, которой причина скрывалась въ глубинѣ души. Это не была вѣтряная любовь молодости, цвѣтъ благоухающей, произрастающей изъ сердца, исполненной силы, и который скоро вянетъ: нѣтъ, Вероника приближалась уже къ тому возрасту, когда цвѣтъ души опадаетъ и плодъ созрѣваетъ подъ огнемъ страстей. Жизнь ея, легкомысленная и вѣтряная, приготовила ее къ привязанности постоянной, гораздо болѣе нежели какъ бы то могла сдѣлать жизнь благоразумная. Прежде она знала только физическое увлеченіе, теперь вступала въ новый для нея міръ страсти. Любовь ея обнаружилась со всѣмъ упрямствомъ послѣдней привязанности. А потому-то и трудно было страсть, столь сильную, согласить съ полу-любовью, предложенною ей въ замѣнъ. Вероника Z. съ каждымъ днемъ дѣлалась требовательнѣе, настойчивѣе, ревнивѣе, что все скоро надоѣло Славскому. Всѣ эти тревоги разстроивали его занятія и возмущали тишину, необходимую для ума его, и потому посѣщенія его становились рѣже и рѣже и наконецъ почти совершенно прекратились.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ ту минуту, съ которой мы начали разсказъ нашъ. Нѣсколько времени Вероника была забыта докторомъ: она не получала даже отвѣта на свои письма. Только наканунѣ этаго дня, соскучившись, безъ сомнѣнія, отъ ея посланныхъ, Славскій велѣлъ сказать, что будетъ у нея днемъ; но девъ уже почти прошелъ, а его еще не было.

III.

Вспомните, что мы оставили Поля Розова въ гостиной Вероники. Задумчиво и грустно глядѣлъ онъ на письмо, забытое ею на диванѣ. Но вдругъ послышались шаги; дверь растворилась. Онъ оборотилъ голову.

— А! мосьё Славскій! сказалъ онъ, вставая.

Трудно было отгадать, что высказалось съ этимъ именемъ: печаль или радость, упрекъ или благодарность. Докторъ, казалось, не замѣтилъ его смущенія: онъ подошелъ къ нему и дружески поздоровался. Поля вѣжливо отвѣчалъ ему и предложилъ мѣсто возлѣ себя. Молча сѣли они и, казалось, старались избѣгать разговора о предметѣ для нихъ общемъ.

Славскій первый рѣшился говорить:

— Я надѣялся найти здѣсь вашу сестрицу.

Поля потушилъ глаза: эти слова своа разбудили въ немъ горестныя мысли; онъ однако отвѣчалъ довольно тихо:

— Я думаю, она уѣхала.

— Она писала мнѣ, что нездорова! возразилъ докторъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ: но вижу, что я напрасно беспокоился, и что она не такъ больна, если могла выѣхать.

Поля тяжело вздохнулъ.

— Сестра не напрасно васъ просила, сказалъ онъ скоро: она больна отчаянно и имѣетъ въ васъ нужду.

Голосъ его дрожалъ. Онъ на минуту остановился; потомъ, казалось, сдѣлавъ усиліе и продолжалъ:

— Вы очень суровы съ нею! вы убиваете ее!

Докторъ отступилъ шагъ назадъ, удивленный такимъ прямымъ упрекомъ, и который мѣтилъ такъ рѣзко и ясно на отношенія его къ Вероникѣ. Онъ никогда не думалъ, чтобы Розовъ не зналъ объ его связи; но молодой человекъ до-сихъ-поръ показывалъ совершенное невѣдѣніе, какое могъ бы имѣть только самый почтительный сынъ къ проступкамъ своей матери. И потому Славскій, не приготовившись къ замѣчаніямъ Поля, очень некстати и холодно отвѣчалъ:

— Я бы не думалъ имѣть столько вліянія на здоровье вашей сестрицы.

Поля быстро поднялъ голову. Ложь, не ловко прикрытая отговоркою доктора, уязвила его. Глаза его заблестали, губы раскрылись.... но онъ въ ту же минуту сдержалъ это движеніе и сказалъ спокойно:

— Вы знаете, чѣмъ она страдаетъ; только вы можете вернуть ей здоровье.

— Опытность и свѣдѣнія мои къ услугамъ мадамъ З., отвѣчалъ Славскій, избѣгая прямого отвѣта на слова Розова.

Тонъ доктора раздражилъ Поля. Онъ гордо подошелъ къ Славскому и, взявъ его за руку, сказалъ:

— Славскій, я говорю не шутя; выслушайте меня, прошу васъ. Я бы не желалъ говорить объ этомъ предметѣ; но болѣе молчать не могу. Вы оставили сестру; она этого не перенесетъ. Вы приучили ее къ себѣ: она свыклась съ вашимъ голосомъ. Отнять у нея это, все-равно, если бы вы отняли у нея воздухъ и свѣтъ. Мы не властны забывать, повѣрьте мнѣ. Это болѣзнь, къ которой надобно имѣть состраданіе. Неужто вы оставите умн-

рающаго, если онъ въ безпамятствѣ оскорбитъ васъ?... Не будьте жъ строги съ сестрою; не мучьте ее, не разрушайте ея жизни за ея къ вамъ привязанность.

— Послушайте, отвѣчалъ докторъ: я не оболъститель и не омагръ. То, что случилось, будетъ для меня предметомъ долгаго сожалѣнія. Если я началъ забывать вашъ домъ, то потому, что меня къ этому принудили; я оставилъ вашу сестру, потому что ничего не могу сдѣлать для ея счастья, и потому, что каждая изъ нашихъ встрѣчъ подаетъ только новыя причины къ ссорѣ и раскаянію. Вероника сама оттолкнула меня отъ себя своими жестокими требованіями.

— Она васъ такъ горячо любитъ.

— О! вы не знаете, какъ мучительно быть такъ горячо любимымъ!

— Это правда, сказалъ Поль унылымъ голосомъ, который тронулъ доктора.

— Я не обвиняю Веронику, возразилъ онъ: знаю, что она не меньше моего страдаетъ; но мы не понимаемъ другъ друга. Это она мнѣ говорила тысячу разъ. Кчему же продолжать связь, которая приноситъ ей несчастіе?

— Она любитъ васъ для того, чтобы любить, а не для того, чтобы быть счастливою, — отвѣчалъ Поль, грустно покачавъ головою. — Не ужели вы думаете, что сердце можетъ разсчитывать — промѣнять любовь на счастье?

— Къ чему же тогда и любовь?

— А безъ любви на что и жизнь?

— Вы справедливы! я смотрю на жизнь не такъ поэтически, замѣтилъ докторъ съ улыбкою; но ужъ если я полюбилъ, то непременно — съ надеждою быть счастливымъ.

— То есть, вы хотите барышничать вашимъ чувствомъ и получать проценты съ вашего сердца.

— Положимъ. Но все таки моя надежда обманула меня. Я могъ бы утѣшиться, если бы страдалъ одинъ, но этого нѣтъ, и я замѣтилъ, что мы оба ошиблись.

— А! это очень поздно, вскричалъ Розовъ; неужто вы думали, что можно такъ испытывать любовь? Вы привязали къ себѣ сердце бѣдной женщины, а теперь отталкиваете его, потому что оно сильно бьется!

— Я не добивался этой привязанности, сказалъ живо Славскій; оно отдалось мнѣ, когда я и не думалъ искать его, и я принялъ его больше съ состраданіемъ, чѣмъ съ горячностью.

Оно разрушало всё привычки моей жизни, и возмущало спокойствіе моихъ занятій. Оно вошло въ мое святилище, какъ непо священный, и я не имѣлъ смѣлости выгнать его, потому что оно плакало. Два года упрекаю себя за эту слабость. Я могу казаться вамъ смѣшнымъ, но знаю, что у меня есть другое значеніе, назначеніе выше того, которое призываетъ насъ осушать слезы женскія. Два года я трачу время въ пустыхъ ребячьихъ ссорахъ, и живу только для одного себя, тогда какъ могу быть полезнымъ обществу. Жить такъ—глупо, предосудительно и преступно. Человѣкъ созданъ не для себя одного, но для всего человѣчества. Эта эгоистическая любовь, въ которой я утопилъ себя, ничто другое, какъ притворное самоубійство, чтобъ ускользнуть только отъ труда. Я не могу продолжать такой образъ жизни: меня зовутъ другія, святыя обязанности и я хочу ихъ выполнить.

Тутъ докторъ всталъ и началъ ходить быстро по гостиной. Поль слушалъ его съ видимымъ неудовольствіемъ; замѣтно было что это чрезвычайно раздражало его участіе. Оба они столкнулись на такомъ предметѣ, который ставилъ ихъ въ непріятное положеніе. Тутъ стояли лицомъ къ лицу и умъ и сердце.

И потому Поль возразилъ съ горькою досадою:

— Вѣрю и понимаю, какъ хорошо истратить жизнь, чтобы достигъ путемъ науки до блестящей цѣли, которой геній разъ достигаетъ вѣками: *знать что такое сомнѣніе*. И въ-самомъ-дѣлѣ, — поэзія сердца, очарованіе любви и слезы страдающей женщины такъ ничтожны въ сравненіи...

— Я ишу не сомнѣнія, сказалъ Славскій, остановившись среди комнаты: я хочу достигъ рѣшенія опредѣленнаго и полнаго. Видите-ли, прибавилъ онъ, потирая лобъ, у меня есть идея, которая можетъ довести до рѣшенія вопроса: *что такое жизнь?* Надобно только объяснить Вольтовъ столбъ и повѣрить: не есть ли жизнь смѣшеніе разнородныхъ электричествъ.

— Но достигнете ли вы чрезъ это средство оживить тѣхъ, которыхъ убьетъ ваша холодность? спросилъ печально Поль.

— Мы не понимаемъ другъ друга, сказалъ нетерпѣливо докторъ, взявъ шляпу, чтобъ уйти.

Это движеніе напомнило Розову о предметъ ихъ объясненія. Онъ поспѣшно подошелъ къ Славскому и сказалъ:

— Виноватъ, вы вѣрно воротитесь, не такъ-ли?

— Не знаю, сказалъ докторъ съ досадою, — у меня такъ много дѣла.

— Не думаю и не вѣрю, вскричалъ съ грустью Розовъ, чтобы вы хотѣли болѣе отгадывать — *отчего* живутъ, нежели недопустить умирать.

Славскій пожалъ плечами.

— Ваша сестра имѣетъ довольно опытности, сказалъ онъ, и не умретъ отъ такой бездѣлицы.

Только что вырвалось у него это жесткое выраженіе, какъ онъ сталъ жалѣть объ немъ; но было поздно.

Поль отступилъ шагъ назадъ, сжалъ кулаки; губы его дрожали; онъ хотѣлъ что-то сказать; — но дверь въ гостиную отворилась, и Вероника, блѣдная, какъ смерть, остановилась на порогѣ комнаты. Губы ея посинѣли; правая рука ея, вытянутая впередъ, искала на что опереться. Шатаясь, она вошла въ гостиную, остановилась передъ молодыми людьми, и съ усиленіемъ предсмертнымъ сказала глухо:

— Поль....

Розовъ взглянулъ на нее и, казалось, понялъ ее, потому что почтительно поклонился и вышелъ. Славскій остался на прежнемъ мѣстѣ. Вероника дошла до патъ ошупью, отыскала мѣсто и села.

— Я все слышала, сказала она.

Славскій съ минутой былъ въ нерѣшимости.

— Я погорячился, сказалъ онъ наконецъ голосомъ тихимъ и извинившимся, а душевно раскаяваясь въ безразсудномъ выраженіи, съ которымъ внутренно не согласенъ.

Вероника, все также блѣдная и помертвѣвшая, сдѣлала знакъ, чтобы онъ замолчалъ.

— Я все слышала, повторила она, благодарю васъ! теперь я по-крайней-мѣрѣ знаю, чего должна ожидать.

И она закрыла лицо руками и пребыла такъ съ минутой; потомъ, поднявъ голову, продолжала медленно, голосомъ тихимъ, какъ бы разсуждая сама съ собою:

— Къ чему я жалуюсь? Не такъ-ли это должно быть? Женщину увлекаютъ, выказывая себя въ глазахъ ея добрымъ, честнымъ, благороднымъ; ее обожаютъ, очаровываютъ, лишаютъ разсудка,—ну, а потомъ, когда она надоѣстъ, всячески стараются найти въ ея жизни какое-нибудь пятно, котораго не могли бы снять ея слезы, и если отыщутъ, — кидаются на него, какъ на

сиротище, упрекають нмъ съ какою-то радостною гордостью! оставая ея, бросають съ негодованіемъ вамъ въ лицо грязь прошедшаго.

Она горько улыбулась, съ минуту помолчала, и потомъ пр должна съ энергією:

— Можеть-быть, однакожъ, эта женщина довольно раскаяла много плакала. Что нужды? Вѣдь тѣ, которые не любятъ боги не вѣрятъ ни слезамъ, ни раскаянію. И потомъ, какъ храбро можно нападать на падшаго. И если эта женщина вздумаетъ плакать вслухъ, начнетъ жаловаться,—ей хладнокровно указываютъ ея ошибки—и заставляютъ молчать. — О, я понимаю все это это должно такъ быть.

Вероника опять закрыла лицо свое руками. Она была въ су дорожномъ положеніи. Славскій подошелъ къ ней и сказалъ растроганнымъ голосомъ.

— Пощадите, Вероника! Я виновата.. Повѣрьте, это меня уби вааетъ.

— Полноте! женщина, подобная мнѣ, стоитъ ли сожалѣнія! Женщина, такая какъ я, можеть-ли страдать?

— Вероника!...

— Я же вѣдь виновата: зачѣмъ я васъ любила. Вы не искал меня, вы меня приняли къ себѣ изъ состраданія, *потому что я плакала*, какъ вы сейчасъ сказали. Любовь ваша, въ которой заключалось все мое счастье,—была только милостыня. И могу ли, смѣю ли я жаловаться, когда вы изъ великодушія обманывали меня такъ два года. Согласитесь, я была бы очень неблагоприятна....

— Вероника! честию увѣрю, клянусь вамъ, что я любилъ васъ, искренно любилъ....

— Ложь! ложь!

— Я васъ любилъ; но что жъ дѣлать, если характеры наши такъ не сходны, вы могли это видѣть сами; мы думали, что будемъ счастливы, а опытъ жестоко образумилъ насъ.

— Опытъ! вскричала Вероника въ безпамятствѣ, всплеснувъ руками;—очень, очень хорошо!... вы хотѣли дѣлать опытъ вѣдь бѣднымъ сердцемъ; вы рѣзали это сердце для опыта, и теперь хладно говорите: я ошибся, — не беспокоясь о томъ, не смертельна-ли эта рана?

— Радъ Бога, Вероника....

— Но я сумасшедшая, вы этого не боятесь; вы знаете меня

сашинюмъ хорошо. Женщина, какъ я, довольно опытная, не уми-
рается отъ такой бездѣлицы.

— Пошадите, Вероника, ради Бога, пошадите!

Но она не слушала; глаза ея помутились, губы еще болѣе по-
сивили и сжалась; она продолжала:

— Но посмотрите, какъ иногда помогаетъ намъ случай? Есть
люди, которые такъ глубоко и сильно васъ любятъ, что не смѣ-
ютъ, боясь сказать въ глаза, что думаютъ объ васъ. Они бе-
регутъ эту откровенность для другихъ, когда думаютъ, что вы
далеко; въ такомъ случаѣ довольно придетъ послушать любимый
голосъ, и полурастворенная дверь лучше вамъ покажетъ всю
черноту души въ нѣсколько минутъ, нежели въ два года любви.

И уступая движению сильного негодованія, она быстро встала.

— Это подло, низко!... оскорблять женщину потому что ея
здѣсь вѣтъ, — женщину, которая васъ любитъ, когда она одна,
когда она не можетъ отомстить за себя. Вѣдь это значитъ убить
ее. Понимаете ли вы, сударь, убить? О, это подло! это подло!...

— Вероника! вскричалъ Славскій, мы никогда не увидимся бо-
гѣ. Прощайте!

Вероника вздрогнула и остановилась: слова и движеніе докто-
ра, въ одно мгновеніе уничтожили гнѣвъ ея и утишили изступ-
леніе.

— Александръ! кричала она въ ту минуту, когда онъ отво-
рнулъ дверь.

Выраженіе, съ которымъ произнесено было это имя, застави-
ло доктора остановиться.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ не оборачиваясь.

— Александръ! повторилъ тотъ же голосъ. Вероника стояла
передъ нимъ съ распростертыми руками, почти въ безпамят-
ствѣ.

— Что вамъ угодно отъ меня? повторилъ Славскій тише, от-
ворачиваясь.

Молодая женщина воднесла обѣ руки ко лбу, потомъ положивъ
ихъ на сердце, оглянулась кругомъ.

— Боже мой! что я сказала,—вскричала она — о, я сумасшед-
шая! да, я сумасшедшая!

Она упала на коѣнѣна.

— Александръ! я ничего не говорила, клянусь Богомъ, я ни-
чего не хотѣла говорить; останься, ради Бога, останься, не ухо-

дн. Александръ! развѣ ты не замѣчаешь, что я, бѣдная, поимѣшталась; ты видишь, я раскаяваюсь, плачу.... Прости! прости меня!

И она обнимала колѣни доктора.

— О, умоляю тебя, скажи мнѣ слово, одно слово, взгляни на меня; я тебѣ говорю, что я сумасшедшая: на безумныхъ не сердятся. Ты не уйдешь? ты останешься у меня? Я сдѣлаю все, что тебѣ угодно. Я не буду больше жаловаться, не буду сердиться, я буду весела. Боже мой! Ну, скажи же, Александръ, чего ты хочешь? Скажи мнѣ я все сдѣлаю. Я не стою тебя, не правда-ли? Но я тебя люблю, о какъ люблю! ты мнѣ такъ нуженъ; если ты ужъ не можешь меня любить, то по крайней мѣрѣ не гони меня. Отвѣчай же! Неужто ты все еще сердишься? Скажи же мнѣ что нибудь, Александръ! ты плачешь, ты простилъ меня, ты придешь, не правда ли, вѣдь ты воротисься?

— Ворочусь, сказалъ Славскій, опустивъ руки на плеча Вероники, усталый и растроганный.

И она схватила его руки, и какъ безумная цѣловала ихъ. Слезы градомъ катились изъ глазъ ея. Она забыла все. Она была такъ счастлива....

IV.

Александръ и Вероника помирились не надолго. Причина ихъ ссоръ имѣла начало въ самой природѣ ихъ, и они скоро опять были въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ и прежде. Не разрывая открыто своей связи, Славскій опять началъ избѣгать Вероники, и предался исключительно наукѣ. Читатели уже знаютъ, что это былъ одинъ изъ умовъ свѣтлыхъ, смѣлыхъ и предприимчивыхъ, которые не могутъ остановиться на извѣстной истинѣ, но, устремивъ глаза на звѣзды, постоянно плывутъ къ умственной Америкѣ. Предавшись изслѣдованіямъ о нервной жидкости, Славскій не обращалъ никакого вниманія на все то, что не имѣло прямого отношенія къ его изысканіямъ. Всякое явленіе перерабатывалось въ его постоянной идеѣ, и обширное разумѣе его скоро ограничилось опытомъ, которому онъ неумолимо подвергалъ все. Чтобы сосредоточить всѣ свои силы на одной идеѣ, молодой докторъ отдѣлилъ свою душу отъ всякой другой жизни. Сперва пересталъ онъ заниматься всѣмъ тѣмъ, что не входило въ его науку, а потомъ нечувствительно отсталъ отъ всѣхъ своихъ воспоминаній, съ каждымъ днемъ забывая о мирѣ сердеч-

любовь, котораго впрочемъ онъ всегда зналъ одну только поверхность.

По нравственной причинѣ, страшной, но часто замѣчаемой, любви Вероники, казалось, возрастала въ той мѣрѣ, какъ привязанность доктора угасала. Чѣмъ болѣе Славскій становился равнодушнымъ, тѣмъ привязанность Вероники обнаруживалась явнѣе въ ея преслѣдованіяхъ, докучливѣй въ требованіяхъ. Она нестово предалась своей страсти.

Вероника ясно видѣла холодность доктора, но не знала истинной тому причины. Она всегда почитала науку только предлогомъ къ разрыву, и искала настоящей причины въ новой любви Александра. Въ этомъ ничто не могло ее разуверить. Мучимая ревностью, она терпалась въ бесполезныхъ розыскахъ, старалась открыть предметъ терзавшій ее. Страсть научила ее терпѣнію. Она обтерла глаза, чтобы лучше видѣть, и ничего не щадя, чтобы только достигнуть своей цѣли. Однажды вечеромъ, старая служанка, повѣренная страданіи Вероники, вошла къ ней съ лицомъ радостнымъ.

— Сударыня, сказала она шопотомъ, я принесла вамъ новость!

Вероника быстро взглянула на нее.

— Что такое? спросила она.

— Я узнала, гдѣ Александръ Петровичъ бываетъ по вечерамъ.

— Гдѣ-жъ?....

— Въ Б. М. улицѣ, въ домѣ Зои....

— Чтожъ онъ тамъ дѣлаетъ?

— А, вотъ видите.... онъ тамъ лечитъ старуху, которая живетъ въ четвертомъ этажѣ и давно уже больна.

— Что же мнѣ въ этомъ, другъ мой? мнѣ не нужно списка его больныхъ.

— Да вотъ видите ли, сударыня; говорятъ, что у старухи то есть племянница, швея.

Вероника вздрогнула.

— Племянница, — говоришь ты, — молода?

— Молоденькая и хорошенькая!

— И онъ туда часто ѣздитъ?

— Всякій вечеръ ходитъ пѣшкомъ.... Экипажъ его пріѣзжаетъ послѣ къ однимъ знакомымъ, гдѣ онъ проводитъ остальное время.

Это извѣстіе подняло всё подозрѣніе Вероники; невѣрность доктора казалась ей доказанною. Для нея теперь все было ясно. Старуха, которую лечилъ Славскій, только одинъ предлогъ; иначе, къ чему вся эта таинственность? къ чему предосторожность ходить пѣшкомъ, вечеромъ, украдкой? Ясно что Славскій имѣетъ связь съ молодою швеей. Мысль эта совершенно овладѣла Вероникою. До этого времени она не могла ни на кого жаловаться и отчаяніе ея нечувствительно перешло въ глубокое уныніе; но теперешнее открытіе оживило ее, указавъ предметъ для ея гаданья. Нелюбимыя подозрѣнія ея имѣли наконецъ образъ и имя, и она могла уследить свою горестъ ненавистью: она имѣла врага.

Не откладывая до завтра и не смотря на то, что уже было поздно, она рѣшилась сама увидѣть молодую дѣвушку, въ домѣ Зои... и убѣдиться собственными глазами, должна ли она опасаться своей соперницы. Она вышла одна изъ дому, и закутавшись шалью, отправилась къ сказанному дому.

Женщины, никогда не ходившія вечеромъ по нѣкоторымъ улицамъ, знаютъ только наименѣе любопытную часть двухъ міровъ, изъ которыхъ состоитъ этотъ городъ. Лишь только тѣнь покроетъ улицы и сырой туманъ опустится, — въ это время начинаютъ показываться странныя безыменныя фигуры, которыхъ въ другое время вгдѣ не встрѣтишь. Это люди съ истощенными лицами, одѣтые въ грязное изорванное платье; они ходятъ, кажется, безъ цѣли и оставаясь безъ причины.... Не знаешь откуда все это взялось: словно вышли они изъ земли, и тянутся по перекресткамъ, и темнѣютъ передъ всякимъ входомъ. Подумаешь, что это гады, выползшіе изъ земли послѣ сильной бури, которыхъ печастыя полчища готовы наводнить городъ. Все это копошится, движется, хрипитъ во мракѣ сырой атмосферы; и изъ среды этой грязной и живой кучи слышится какой-то сильный говоръ радости, какой-то запахъ разврата и порока, который щемитъ сердце; вамъ отъ чего-то становится страшно, вами овладѣваетъ отвращеніе, вы бѣжите, какъ будто попались въ какой-нибудь міръ нечистый, беззаконный, чудовищный.

Вероника въ первый разъ въ жизни была на улицѣ одна, ночью. Не смотря на свое душевное волненіе, она ощутила чрезвычайно непріятное чувство, когда увидѣла себя среди этой нечестивой толпы. Два или три раза къ ней подходили весьма подозрительныя фигуры, и она боязливо ускорила шаги свои,

вырваться преодолѣла свой страхъ, и когда пришла въ М. улицу, то дѣла столько смѣлости, что рѣшилась на все. Она узнала мѣст., о которомъ ей говорили, взошла въ четвертый этажъ, не думая и безъ страха, точно пришла сдѣлать знакомое вѣщаніе, и вошла смѣло. И вотъ она въ темной и смрадной комнатѣ; сквозь худо притворенную дверь она увидѣла тусклый свѣтъ въ другой комнатѣ. Ощупью дошла она до двери, постучалась и, не получивъ отвѣта, толкнула дверь и остановилась на порогѣ. Эта вторая комната была также пуста какъ и первая. Огарокъ салыной свѣчки, воткнутый въ бутылку, поставленный на оборванномъ соломенномъ стулѣ, освѣщаль неопрятность, нечистоту и величайшій беспорядокъ комнаты. Въ углу набросаны были разныя вещи, кухонная посуда, черепки, черное бѣлье и старыя башмаки; на лежанкѣ, между салыными огарками лежалъ хлѣбъ, а по невымытымъ тарелкамъ, покрывавшимъ кровать, можно было видѣть, что на ней обѣдали. На древнемъ комодѣ, на которомъ кое гдѣ еще уцѣлѣла бронза, Вероника увидѣла электрическую машину и другіе физическіе инструменты, которыхъ употребленія она не понимала. Въ это время, когда она съ удивленіемъ разсматривала странный для нея приборъ, ей послышалась возлѣ самой ея какое-то предсмертное хрипѣніе, заставившее ее оборотиться въ ту сторону; тутъ ей представился предвѣтъ, котораго она до-сихъ-поръ не замѣчала. На старомъ соломенномъ креслѣ ворочалось что-то страшное, которое при первомъ взглядѣ можно было принять за кучу грязныхъ лохмотьевъ, и только при внимательномъ взглядѣ обнаруживало что-то похожее на человѣческую форму. Вероника услышала второй вздохъ; существо, находившееся на креслахъ повернулось, и она увидѣла голову, высунувшуюся изъ лохмотьевъ. Вероника хотѣла подойти къ постелѣ.

— Ты, Аиушка? спросило существо.

Безобразная масса хрипло протонала; голова оборотилась къ молодой женщинѣ, и она увидѣла отвратительное лицо урода. Неудавшись, она отступила назадъ; голова осталась въ одиномъ положеніи съ минутой, устремивъ на Веронику безсмысленный взглядъ, потомъ, какъ бы уставши, опустила и исчезла въ лохмотьяхъ, которыми была покрыта.

Въ эту минуту послышались на лѣстницѣ голоса; Вероника вѣстивно вошла въ первую комнату; только что успѣла стать къ стѣнѣ, какъ наружная дверь отвернулась и вошли два чело-

вѣка. Одинъ изъ нихъ былъ Славскій. Комната была такъ темна, что Славскій и его товарищъ прошли, не замѣтивъ Вероники. Они вошли во вторую комнату и начали говорить между собою въ полголоса. Вероника подошла осторожно къ двери и приложила ухо. Славскій продолжалъ начатое объясненіе.

— Параличъ въ членахъ совершенно пропалъ, говорилъ онъ, въ мозгу тоже много измѣнился и, когда я подвергаю больную дѣйствию гальванизма, въ ней пробуждается разумѣніе. Ты это сей часъ увидишь самъ.

Вероника слышала приготовленіе машины. Оба медика, занятые этимъ приготовленіемъ, нѣсколько минутъ молчали.

— Пойми же, сказалъ вдругъ Славскій, что я сдѣлаю, если мнѣ удастся возвратитъ смыслъ и движеніе этой женщинѣ. Я нашелъ храняище общей жизни, я овладѣлъ мозгомъ и могу произрждать тамъ мысли по произволу.

— Это въ самомъ дѣлѣ удивительно, отвѣчалъ другой. Славскій ходилъ большими шагами, предаваясь энтузіазму, который нечувствительно возрасталъ въ немъ.

— И эта необъятная задача, сказалъ онъ вдругъ, остановясь передъ уродомъ, она здѣсь, въ этой безобразной массѣ, которая даже въ эту минуту не знаетъ, что живетъ. О, если бы ты зналъ, какъ для меня дорога эта женщина! Дороже всего въ мірѣ... въ ней все мое... моя слава! наука! это моя Галатея...

— Я понимаю тебя, сказалъ молодой докторъ, улыбаясь. Ты въ ней любишь свою идею: для тебя любить — значитъ думать. Ни одна красавица не могла тебя занимать.

Славскій пожалъ плечами.

— Красавица ничему не научаетъ, сказалъ онъ.

Это сказано было съ такимъ хладнокровіемъ, что у Вероники замерло сердце: тутъ только она вполнѣ поняла Славскаго. Не слушая болѣе ничего, въ полубезуміи прислонившись къ стѣнѣ, какъ-будто рѣшившись на что-то новое, она провела по лбу рукою и шопотомъ проговорила: «А, теперь онъ будетъ меня любить!» Руки ея тряслись, губы посинѣли; она отыскала дверь и вышла.

V.

Спустя три дня послѣ посѣщенія М. улицы, Вероника лежала въ постелѣ, постигнутая болѣзнию вдругъ и безъ видимой при-

чны. Славскій, призванный немедленно, нашелъ болѣзнь не опасною; а между-тѣмъ, она часъ отъ часу усиливалась и противилась всѣмъ средствамъ. Упорство болѣзни обратило наконецъ вниманіе доктора, онъ началъ пристально заниматься больною, сталъ чаще ѣздить и долѣе оставаться. Нѣсколько разъ казалось ему, что онъ нашелъ нить болѣзни; но всегда, спустя нѣсколько дней, послѣ успѣха, въ то время, когда онъ не считалъ уже своего присутствія необходимымъ, болѣзнь снова появлялась съ неизъяснимою жестокостію и упорствомъ. Любопытство Славскаго раздражено было въ высшей степени: ему казалось, что наука его обманываетъ. Болѣзнь, по-видимому, дѣйствовала съ смысломъ. Симптомы ея были чрезвычайно обманчивы, то просты и открыты, то сложны и таинственны, то уступали, то противились средствамъ. Испытавши напрасно всѣ извѣстные средства, Славскій прибѣгнулъ къ электричеству. Полезное мѣніе его скоро обнаружилось. Это привело въ восторгъ медикъ; и прежія нѣжность его къ Вероникѣ почти возвратилась. Онъ сталъ внимателенъ, безпокоенъ, осыпалъ ее распросами и ласками; каждый день по нѣсколькы часовъ проводилъ возлѣ ея постели; и никогда, въ самыя счастливыя минуты его страсти, она не видала его столько любезнымъ и внимательнымъ ко всему, что ей могло нравиться. Не смотря на всю суровость опыта, она предавалась обольстительной нѣжности, подкрѣплялась легковѣріемъ, и увѣряла себя, что наконецъ отыскала въ сердцѣ Славскаго не опѣмѣвшую еще струну, и что прежнее ея счастье возвратится къ ней. Она никакъ не хотѣла вѣрить, что онъ любилъ въ ней не ее, но болѣзнь ея. Ей нуженъ былъ обманъ, потому что истина убила бѣ ее, а ей не хотѣлось умирать, — ей еще хотѣлось жить, дышать, видѣть небо и любить!

Поль Розовъ помогалъ ей обманываться. Онъ повялъ, что жизнь для нея въ ошибкѣ, и потому со всею высокою преданностью простыхъ сердець отступился отъ собственнаго своего ума, чтобы раздѣлять безразсудность сестры своей; онъ также сталъ какъ и она вѣрить въ любовь доктора, и когда увѣренность ея слабѣла, онъ поддерживалъ ее, находя всегда или доказательства, или извиненія.

Между-тѣмъ дѣятельность Славскаго слабѣла съ болѣзнію, и лишь только Вероника оправлялась, визиты его становились рѣже. Скоро она не могла уже болѣе себя обманывать. Однажды, когда она задумчиво предалась мечтамъ своимъ, докторъ, кото-

рый не был уже два дня, вошелъ неожиданно, такъ-что Вероника не успѣла еще стереть слезъ со щекъ. Удвѣненный — онъ остановился.

— Что съ вами?... спросилъ онъ.

— Вы здѣсь! вскрикнула больная, протягивая къ нему съ нѣжностью руки: вы здѣсь наконецъ!

Славскій взялъ руку Вероники, и по обыкновенію, пощупалъ пульсъ.

— Ну, что жъ такое? вы немного встревожены; у васъ небольшая лихорадка.

Вероника отняла руку.

— Развѣ вы чувствуете себя хуже съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видалъ?...

Она едѣлаа знакъ, что нѣтъ.

— А, понимаю, вамъ пришли въ голову печальныя мысли; грустить не должно въ вашей болѣзни; вамъ нужно разсѣяніе; почему бы не принять кого-нибудь....

Вероника ничего не отвѣчала, но взглянула на него съ такимъ глубокимъ уныніемъ, что онъ пришелъ въ замѣшательство. Немного помолчавъ, онъ пожалъ плечами и сказалъ съ легкимъ вздохомъ:

— Вы не хотите разсѣянія, а между-тѣмъ эта жизнь убиваетъ васъ. Вы слабы и нервы.... васъ разстрониваетъ такая бездѣлица. Вы вѣрно встрѣтили что-нибудь непріятное. Не такъ-ли?

Вероника сложила руки и закрыла глаза.

— Онъ не знаетъ даже, отъ чего я страдаю, прошептала она. Славскій не слышалъ. Опершись подбородкомъ на палку, онъ, казалось, предался глубокому размышленію. Наконецъ, послѣ нѣкотораго молчанія, онъ взглянулъ на свѣцное лицо Вероники: двѣ слезы медленно еще скатывались съ увядшихъ щекъ ея. Тутъ онъ вспомнилъ, что она плакала, когда онъ вошелъ.

— Вы мнѣ не сказали, что у васъ, — спросилъ онъ тѣмъ дѣльнымъ голосомъ, который даже безъ его вѣдома, давалъ ему ласковое выраженіе. Съ вами случилось что-нибудь непріятное?

— Что теперь можетъ со мною случиться?

— Стало бытъ васъ беспокоитъ ваше здоровье? Но будьте послушны, и я даю вамъ слово, что чрезъ нѣсколько дней вы совершенно оправитесь; вы видите, что я не считаю васъ уже больною и ѣзжу къ вамъ рѣже.

— Это правда, сказала Вероника раздрающимъ голосомъ.
Славскій всталъ.

— Не пугайтесь; съ наступленіемъ весны, — если только вы захотите меня послушаться, — вы поѣдете въ деревню и проведете тамъ лѣто, а осенью воротитесь къ намъ свѣжою какъ роза.

Вероника не могла далѣе слушать. Руки ея поднялись къ сердцу съ движеніемъ неизяслимой горести, и она упала назадъ.

— Боже, Боже мой! сказала она: онъ даже забылъ, что я его люблю.

Славскій былъ въ это время на другомъ концѣ конваты, чтобы взять свою шляпу; онъ подошелъ къ больной.

— Дѣ свиданіи! сказалъ онъ: на дняхъ я къ вамъ заѣду; вооружитесь терпѣніемъ, а главное — старайтесь быть покойны: не надобно портить моего леченія.

Онъ пожалъ руку Вероники и вышелъ.

Долго оставалась она безъ движенія; потомъ, приподнявъ голову и опустивъ съ отчаяніемъ руки, проговорила:

— Да, надобно умереть! и горько заплакала.

Черезъ три дня Славскій посѣтилъ ее опять, и нашелъ ее гораздо хуже прежняго. Снова прибѣгнувъ онъ къ тому способу, который прежде такъ ему удавался; но на этотъ разъ не имѣлъ успѣха. Болѣзнь усиливалась и скоро сдѣлалась чрезвычайно опасною. Докторъ, сбитый съ толку, пришелъ въ отчаяніе. Онъ не могъ понять причины болѣзни, которая, казалось, ускользала отъ всякаго правильнаго хода, и противъ которой всѣ лекарства оставались недействительны. Разспрашивая Веронику, онъ не могъ получить ничего въ отвѣтъ, что бы могло навести его на надлежащую дорогу. Вероника, рѣшившись умереть, не имѣла другой теперь мысли, какъ только удержать возлѣ себя Александра. И, какъ всегда случается, страсть ея усилилась по мѣрѣ пожертвованій. Она требовала доктора, умоляла его остаться, принуждала его садиться возлѣ своей постели для того только, чтобы держать его руку и смотрѣть на него. Такимъ-образомъ любовь ея, лишенная всякаго благородства, представляла что-то ужасающе-дѣтское, невыразимое. Зная, что одна только болѣзнь составляетъ красоту въ глазахъ доктора, она старалась ее высказать, украсить ее. Когда Славскій подходилъ къ ней, она садилась за всѣми его движеніями безпокойнымъ взоромъ, и когда онъ оканчивалъ, говорила ему: я очень больна, не правда-ли, такъ больна, что

вы часто должны ко мнѣ ѣздить? — И если докторъ, уступая просьбамъ, обѣщалъ навѣстить ее вечеромъ, она въ радостномъ изступленіи хлопала въ ладоши какъ ребенокъ.

Славскій во всемъ этомъ видѣлъ только своеправное выраженіе любви; но Поль Розовъ съ нѣкотораго времени терзался ужаснымъ подозрѣніемъ. Онъ замѣтилъ, что болѣзнь Вероники неожиданно возобновлялась каждый разъ, какъ только посѣщенія доктора становились рѣже. Онъ видѣлъ, что въ этомъ страданіи, измѣнявшемъ и постоянномъ, есть какая нибудь добровольная причина; и потомъ припоминая себѣ страсть Славскаго, онъ съ ужасомъ догадывался, не рѣшилась-ли Вероника сама причиною медленной болѣзни, чтобы держать возлѣ себя этого поклонника смерти, котораго она не могла привлечь иначе. Подозрѣніе его оправдывалось съ каждымъ днемъ болѣе, и онъ рѣшился, во что бы то ни стало, убѣдиться въ истинѣ. Случай къ этому представился скоро.

Черезъ два дня, докторъ, не видя большой опасности для здоровья Вероники, и удержанный, вѣроятно, въ другомъ мѣстѣ, забылъ пріѣхать къ ней въ назначенный часъ; больная провела всю ночь въ лихорадкѣ. Только къ утру она заснула спомъ безпокойнымъ и тяжелымъ. Когда она проснулась, — было уже поздно и майское солнце проглядывало сквозь опущенныя шторы. Она съ успіемъ приподнялась, сѣла на кровать и кинула кругомъ себя блуждающій взглядъ. Увѣренная, что ее никто не видитъ, она тихонько открыла свою грудь, долго и пристально глядѣла на нее, потомъ взяла бумажку всыпала изъ нея въ стаканъ нѣсколько прописаннаго ей порошка, закрыла глаза и поднесла стаканъ къ губамъ. Въ эту минуту раздался крикъ у окна; испуганная Вероника остановилась и обратила глаза въ ту сторону: завѣски у окна раздвинулись и вошелъ Поль. Но чрезвычайной блѣдности его, она тотчасъ поняла, что онъ видѣлъ все....

— Что вы тамъ дѣлали? спросила она сердито. За мною подсматриваютъ? Развѣ я не могу остаться ни на одну минуту свободною?

Поль не отвѣчалъ; скрестивъ на груди руки, онъ стоялъ передъ нею съ такимъ болѣзненнымъ и глубокимъ выраженіемъ, что оно тронуло Веронику. Поль стоялъ долго не говоря ни слова, наконецъ протянулъ къ ней руки и сказалъ умоляющимъ голосомъ:

— Боже мой, Боже мой! И такъ это правда — вы хотите умереть!

Вероника опустила голову и зарыдала.

— О дайте мнѣ услышать вашу голось, продолжалъ Розовъ, скажите, что это не правда, скажите, что вы будете жить.

— Ахъ, я бы очень этого желала, сказала больная; смерть страшитъ меня, вѣдь мертвая я не буду его видѣть.

— Зачѣмъ же вы желаете смерти?

— Я знала, что онъ вѣрно придетъ къ моему трупу.

Розовъ закрылъ лицо руками.

— Боже мой! сколько я страдала до этого, продолжала Вероника, какъ часто старалась сберечь жизнь. Сколько разъ, видя возлѣ себя Александра, я хотѣла открыть ему все. Ахъ, Поль, никто не пойметъ, что значить мучить себя цѣлые шесть мѣсяцевъ. Сколько провела я ужасныхъ часовъ, прежде чѣмъ призвала на помощь болѣзнь! Я видѣла, какъ увядала я и худѣла; чувствовала, что у меня падаютъ волосы, слабѣютъ глаза, сохнетъ тѣло, и совсѣмъ тѣмъ во мнѣ былъ какой то внутренней голось, который кричалъ мнѣ: о, ты мало страдаешь, и потому онъ не воротится, онъ не придетъ! и мнѣ нужно было страдать болѣе, чтобы видѣть его.

— И васъ ничтò не могло оторвать отъ этого бездушнаго человѣка? сказалъ Поль, и вы не старались забыть его?

— Я нашла легче умереть.

— И такъ вы ничего не любите въ жизни? Ничтò не можетъ замѣнить вамъ эту любовь?

— Ничтò не замѣняетъ жизни, Поль.

— Ваша правда. Одно только любимое созданіе живетъ на землѣ; всѣ другія — призраки, которыхъ мы и не чувствуемъ и не понимаемъ.

— Утѣшеніе! Я не хочу никакого утѣшенія. Въ жизни я люблю только одно мое горе, и если я потеряю его, что мнѣ тогда въ жизни? Нѣтъ, другъ мой, для меня одно утѣшеніе — закрыть глаза и лечь въ могилу.

— По-крайней-мѣрѣ меня не будетъ при этомъ, вскричалъ Поль, взглянувъ на нее.

— Не говори этого, Поль, сказала тихо больная. Не сывъ ли мой ты, и не тебѣ ли придется быть свидѣтелемъ послѣднихъ минутъ моихъ?

— Никогда, никогда! Я оставляю другимъ эти ужасныя забо-

ты. Чтобъ я видѣлъ, какъ вы будете умирать, чтобъ я пережилъ васъ! Я этого не хочу, не хочу!

И упавъ на колѣни съ сложенными руками, онъ зарыдалъ.

— Чтѣ хотите, чтобъ я сталъ дѣлать на землѣ, когда васъ не будетъ тутъ? продолжалъ онъ съ глубокимъ чувствомъ. Что мнѣ останется любить тогда? У меня нѣтъ ни матери, ни сестры, ни друга. Вы были одно созданіе въ мірѣ, которое знало и не отвергало меня. Безъ васъ — я одинокъ; гдѣ вы, тамъ для меня цѣлый міръ. И для чего я буду жить? Боже мой! для чего? кто вмѣстѣ во мнѣ нуженъ? Укажите мнѣ когонибудь, кто бы сталъ плакать по мнѣ — и я останусь жить. Вы знаете, что весь мой міръ былъ возлѣ васъ, и хотите, чтобъ я остался жить, схоронивши васъ. Нѣтъ, я не доживу до этой страшной минуты, я хочу умереть прежде, хочу умереть теперь.

— Поль! вскричала Вероника, хватая его за руку: ради Бога успокойся! Твое отчаяніе терзаетъ меня.

Молодой человѣкъ, рыдая, опустилъ голову на постелю большой.

— Ахъ, живите вы, сестрица, и я останусь жить, сказалъ онъ.

— Но одинаково ли наше положеніе, отвѣчала больная.

— Можетъ-быть, прошепталъ Розовъ тихимъ голосомъ. Кто знаетъ, не шибю ли я столько же причинъ умереть, какъ и вы.

Вероника вздрогнула и взглянула на него съ ужасомъ.

— Поль! сказала она дрожащимъ голосомъ: я страдаю; пожалѣй меня; ты теперь единственное существо въ мірѣ, которое можетъ облегчить страданія въ послѣдніе дни мои, не оставлай меня. Еще разъ пожертвуй за любовь ко мнѣ: ты уже такъ много сдѣлалъ для меня. Прошу, умоляю тебя объ этомъ, успокойся, побереги меня!

— Вероника, наклонившись съ постели, держала руку его.

Видъ ея страданія вдругъ остановилъ его отчаяніе. Онъ всталъ и сказалъ очень тихо:

— Я спокоенъ, сестрица; простите мнѣ минуту слабости; возлѣ васъ до послѣдней минуты останется человѣкъ, который васъ будетъ любить: общаю вамъ это.

VI.

Черезъ мѣсяцъ послѣ описанной нами сцены, въ той же самой комнатѣ, священникъ читалъ молитвы, и Поль, стоя возлѣ

постели, глядѣлъ неподвижно на умирающую Веронику. По его снисзавшей блѣдности и страданію, выражавшемуся въ искаженныхъ чертахъ его, можно было бы подумать, что онъ самъ уже умеръ, если бы трудное тяжелое дыханіе не показывало въ немъ признаковъ жизни. Ничъ дотога овладѣла душевная скорбь, что онъ не слышалъ даже какъ дверь съ шумомъ отворилась; только звукъ знакомаго голоса заставилъ его вздрогнуть. Онъ приподнял голову и увидѣлъ Славскаго. Взглядъ, брошенный имъ на доктора, кажется, высказалъ все.

— Я пріѣхалъ поздно? спросилъ онъ горестно.

Розовъ покачалъ головою. Докторъ подошелъ къ постели, взялъ пульсъ Вероники, поднесъ руку къ ея губамъ и къ сердцу.

— Она умерла, прошепталъ онъ, отступилъ назадъ, опустилъ голову и стоялъ въ грустномъ безмолвіи. Поль, думая, что сожалѣніе нашло наконецъ доступъ къ этому сердцу, закаленному наукою, смотря на его голову, покрытую преждевременно морщинами, принялъ чувство его за состраданіе и не столько уже поговаривалъ на него. Вдругъ докторъ наклонился къ мертвой съ какою то отчаяніемъ, сталъ трогать ея руки и пристально смотрѣлъ ей въ лицо.

— Боже милостивый!... Мнѣ кажется, вы ищете причину ея смерти.

— Именно, отвѣчалъ докторъ, приподнимаясь.

— Подите, сударь, вы довольно терзали ее во время жизни: оставьте въ покоѣ хоть трупъ ея.

Славскій хотѣлъ отвѣчать, но Розовъ не далъ ему времени.

— Вы не могли понять болѣзнь этой женщины во время ея жизни, и хотите открыть ее теперь на этомъ безчувственномъ тѣлѣ. Ты убилъ ее, не такъ ли? И эту-то глупость вы называете наукою: рыться въ мертвомъ, чтобы найти жизнь. У васъ сердце каменное, я это хорошо знаю. Вы готовы бы погрузить ваши руки въ этотъ трупъ; но это будетъ бесполезно. Неужели искусство ваше не открыло вамъ, отчего она умерла?

Докторъ бросилъ подозрительный взглядъ.

— Ну, такъ я скажу вамъ, потому что сердце мое было учтѣе вашего искусства. Эта женщина умерла отъ любви къ вамъ. Вы оставили ее ради науки, и она хотѣла, чтобъ наука привязала васъ къ ней, если этого не могла сдѣлать любовь. Она каждый день старалась быть хуже, чтобъ васъ видѣть.

— Это ложь, вскричалъ Славскій.

— Смотрите.

Тутъ Розовъ распахнулъ на мертвой платьѣ, и Славскій увидѣлъ, на груди рану.

— Ракъ! сказалъ онъ.

— А вы знали, что она скрываетъ свою болѣзнь и допустили это.

— Но не вы ли осудили ее на смерть?

Докторъ поднялъ руки въ отчаяніи.

— Несчастный! Это убійство, которое ты допустилъ меня сдѣлать. Ты зналъ обо всемъ и не открылъ мнѣ, что она скрываетъ въ груди смертельную рану.

Въ эту минуту Розовъ пошатнулся и упалъ въ обморокъ.

А. Д. ПАВЛОВЪ.

=

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ДАЧИ.

=

КОМЕДИЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, СЪ КУПЛЕТАМИ.

=

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

СОМА СОМНІЧЪ БРЮКОВЪ.

АННА СЕРГѢЕВНА, жена его.

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ НЕВОЛИНЪ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА, жена его.

АНЕТА, ея племянница.

ФЕДОУЪ ИВАНОВИЧЪ РОХЛИНЪ, сосѣдъ ихъ.

ОСНИЪ КОНДРАТЬЕВИЧЪ БРЫЗГАЛОВЪ, отставной бригадмейстеръ, хозяинъ дачи.

УЛЬЯНА, кухарка.

Дѣйствіе на Карповѣ.

=

Театръ представляетъ маленькій садъ, обнесенный деревянными заборомъ; по обѣимъ сторонамъ двѣ калитки, на серединѣ куртинка; двѣ песочныя дорожки окружаютъ ее; около забора и по другимъ мѣстамъ, разбросано нѣсколько безцвѣтныхъ кустовъ. На дорожкахъ садовыя зеленныя скамейки.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

УЛЬЯНА, одна, ищетъ чего-то на травѣ.

Куда она дѣвалась, эта проклятая записка?.... Весь садъ обошла, а нигдѣ не видать! Вотъ, кажется, она.... нѣтъ, это опять сырѣжка.... Что ты будешь дѣлать?.... Безпремѣнно я ее здѣсь обронила, какъ вчера съ искала грибовъ; въ кучѣ все перешарила.... экая бѣда какая! а онъ того гляди увидитъ да спроситъ! Ну, что я ему скажу? Ахти! вотъ и онъ!

Т. ХСѢІ. — Сдѣл. І.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

УЛЬЯНА и РОХЛИНЪ.

РОХЛИНЪ.

Ульянушка, ты здѣсь одна?

УЛЬЯНА.

(Ай, бѣда!) Одна, батюшка.

РОХЛИНЪ.

Что ты тутъ дѣлаешь?

УЛЬЯНА.

Грибковъ ишу, кормилецъ.

РОХЛИНЪ.

Ну, что?

УЛЬЯНА.

Что, батюшка?

РОХЛИНЪ.

Что жъ, отдала ей мою записку?

УЛЬЯНА.

Какъ не отдать! отдала.

РОХЛИНЪ.

Вчера?

УЛЬЯНА.

Вчера, батюшка.

РОХЛИНЪ.

Ну, что же она?

УЛЬЯНА.

Что? Вѣстимо, взяла.

РОХЛИНЪ.

Взяла?! а спросила, отъ кого?

УЛЬЯНА.

Какъ не спросить! спросила.

РОХЛИНЪ.

Что же ты?

УЛЬЯНА.

Что? Вѣстимо, какъ вы приказали: сусѣдъ-дескать; а кто та-
кой, не велѣлъ-де сказывать.

РОХЛИНЪ.

Умница, баба, умница! Если ты мнѣ это дѣло сострипаешь,
ужъ я тебя награжу по-господски. Вчера я тебѣ далъ два пяти-
алтынныхъ и пятакъ?

УЛЬЯНА.

Спасибо, родной, кофешку купила, дай Богъ тебѣ здоровья.

РОХЛЕНЪ.

Такъ и быть.... нѣ-же тебѣ еще пяти-алтынный.... и если я сегодня съ нею, какъ слѣдуетъ, объяснюсь, конечно, ничего тебѣ не пожалѣю.

УЛЬЯНА, всторону.

(Эко горе! а я письмецо потеряла! Чтобъ оно не поналось ему какъ-нибудь!)

РОХЛЕНЪ.

Женюсь, такъ возьму тебя въ кухарки.

УЛЬЯНА.

Спасибо, кормилецъ.

РОХЛЕНЪ.

Четыре цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, вотъ какъ! Ей-Богу!, четыре цѣлковыхъ! Я вѣдь человекъ расточительный. Ну, что же она тебѣ сегодня сказала?

УЛЬЯНА.

Сегодня я еще ея не видала, она все тамъ, у себя наверху, а Танька-Косая, горничная, говорила, что, дескать, барышня дурно ночь спала.

РОХЛЕНЪ.

А! это вѣрно отъ меня.

УЛЬЯНА.

Дай-то, Господи, батюшка!

РОХЛЕНЪ.

Вѣрно отъ меня. Я вчера, до двухъ часовъ ночи, пѣлъ у своего окна разные этакия пѣсеньки.... Вѣдь мое окошко противъ ея!.... Ну, дѣло пошло въ ходъ.... Миѣ только любопытно знать, какъ-то она меня сегодня встрѣтитъ; догадается ли, что эта записка была отъ меня.

УЛЬЯНА.

Какъ не догадаться, если вы въ грамоткѣ написали!

РОХЛЕНЪ.

Нѣтъ, матушка, я человекъ осторожный, я просто говорю; въ третьемъ лицѣ; да ты правда этого не понимаешь!

УЛЬЯНА.

Не понимаю, батюшка.

РОХЛЕНЪ.

Ну, то-то в есть! Я, такъ, стороной говорю, что есть-де человекъ здѣсь на дачѣ, который бы желалъ.... чтобы она.... чтобы онъ.... и прочая.... все въ этакихъ не ясныхъ словахъ....

УЛЬЯНА.

Такъ, батюшка, такъ! Да отчего вы ей напрямикъ не скажете?

РОХЛИНЪ.

Напрямки?! Вѣдь это не съ тобою говорить! Она, дѣвушка прекрасно образованная: такъ—ясно—прямо—она ничего не понимаетъ; съ ней все надо—вкось. Да на бѣду у насъ нынче гдѣ-то такое, что по цѣлымъ недѣлямъ она въ садъ не выходитъ. А у меня все это время горло болѣло. На-дняхъ, однако жъ, я собрался какъ-то намѣкнуть ей о любви.... а заговорилъ объ комарахъ! Ну, а бумага-то все терпитъ. Конечно, мое время еще не ушло; настоящая пора жениться; да сватался-то я до-сихъ-поръ очень несчастливо.... Чуть только посвататься, другой подвернется и перебьетъ....

УЛЬЯНА.

Ну, батюшка, тутъ-ли съ вами и адѣсь такой-же грѣхъ не случился!

РОХЛИНЪ.

Какъ такъ?!

УЛЬЯНА.

Да вотъ Танька-Косая говорила, что жанъ хозяинъ тоже намекалъ тетужкѣ о женитьбѣ.

РОХЛИНЪ.

Какъ? отставной брантмейстеръ?!

УЛЬЯНА.

Да, сударь....

РОХЛИНЪ.

Нуужели! Такъ и есть! Тѣ-то онъ нынче нигъ и кровлю вытравилъ, и ставни поправилъ!... а нигъ ни одного гвоздя не хотеть выколотить! Нѣтъ, каланча, ты высоко забираться.... Конечно! сегодня же объявлюсь! А! вотъ, и она вышла на крыльцо; идетъ сюда, съ книжкой.... Прекрасно.... Ну, ну, ступай отсюда.

УЛЬЯНА.

Не говорите же барыни объ вашей грамоткѣ.

РОХЛИНЪ.

Не беспокойся, я ужъ знаю, какъ одѣлать!

УЛЬЯНА.

Бѣда, если онъ ее спроситъ! Пойду посмотрю, не обронила-ли въ сараѣ.

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

РОХЛИНЪ, потомъ АНЕТА.

РОХЛИНЪ.

Рѣшено, приступимъ смѣлѣ! Она вѣрно слышала, какъ я вче-

ра расшвалять.... Пойду, какъ-будто печально ей на встречу по этой дорожкѣ.... (Идетъ и встрѣчается съ Анетой). Мос почтеніе, Анна Михайловна.

АНЕТА, проходя.

Здравствуйте....

РОХЛЕНЪ, ходя по дорожкѣ.

(Она взглянула очень значительно.... хорошо, письмо вѣрно подѣйствовало!....) Здоровы ли вы?

АНЕТА.

Очень вамъ благодарна.

РОХЛЕНЪ, ходя.

(Благодарна мнѣ за то, что здорова! Какая образованность!... Прекрасно! разговоръ завязывается. О письмѣ не надо спрашивать.... это ужъ будетъ слишкомъ ясно.... не пойметъ! Подойдемъ поближе и начнемъ изъ далека. Спрошу, слышала ли она мою серенаду). Какъ вы изволили почивать?...

АНЕТА.

(Какъ надоѣлъ!) Очень дурно-съ!

РОХЛЕНЪ.

Дурно? (Хорошо, хорошо! вѣрно слышала). А отчего же вы дурно. почивали?

АНЕТА.

Подъ моимъ окномъ всю ночь выла собака.

РОХЛЕНЪ

(Вотъ тебѣ разъ!) Собака?... странно, очень странно! Я тоже почти всю ночь не спалъ, а ни одной собаки не слышалъ. Вы вѣрно изволили ошибиться. Это было что-нибудь другое.

АНЕТА.

Можетъ-быть; только очень похоже.

РОХЛЕНЪ.

(Вѣрно я слишкомъ ясно говорю.... такъ она, изъ образованности, показываетъ видъ, будто не знаетъ для какой цѣли даются серенады, до того, что мое пѣніе приняла за собачій вой. А впрочемъ и то сказать, я былъ не въ голосъ.... обидно, если въ-самомъ-дѣлѣ ей показалось....). Вчера вы не изволили быть на музыкѣ?

АНЕТА.

Нѣтъ.

РОХЛЕНЪ.

А я очень люблю музыку. Я даже абонировался на Италіанскую Оперу, на всѣ шестьдесятъ представлений, въ пятномъ яру-

съ: высокое наслажденіе! Сидишь точно на облакахъ и слышишь.... какъ говорится.... гармонію сферъ небесныхъ.... А русскіе романы вы любите?

АНЕТА.

Нѣтъ.

РОХЛИНЪ.

Это очень жаль.... у меня цѣлый альбомъ разныхъ романсовъ, напримѣръ: «О! ты, кого любить боюсь», или «Мой другъ, хранитель», или «Прости меня, прелестное созданье», и еще «О! ты....» Ахъ! ты, проклятый!.... какое злокачественное созданіе эти комары! Кажется, время порядочно размокропогодилось, лѣто такое дождливое, а отъ комарсвъ покою нѣтъ: вѣрно они и вамъ надоѣли?

АНЕТА.

Нѣтъ, комары меня не беспокоятъ.

РОХЛИНЪ.

(Вотъ дуракъ!... опять объ комарахъ....) Вы, какъ высокообразованная особа, изволите по-французски читать?

АНЕТА.

Да.

РОХЛИНЪ.

Это вамъ дѣлаетъ честь. Вы любите читать романы, повѣсти.

АНЕТА.

Да.

РОХЛИНЪ.

Я, знаете, самъ люблю повѣсти, знаете, которые въ письмахъ.... Письма бываютъ очень интересны.... Иногда, знаете, письмо отъ неизвѣстнаго.... и написано съ такимъ чувствомъ!.... Другой отъ робости пишетъ въ третьемъ лицѣ, но робость можетъ быть отъ того, что любить еще въ первый разъ.... И, разумеется, такая робость (Отвернулась!.... поняла!.... и не знаетъ, что отвѣчать. У меня всегда былъ особенный даръ къ темнотѣ, которую женщины такъ любятъ.... къ неясности въ мысли и выраженіи.... Ай, кто-то идетъ!)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТѢ ЖЕ и НЕВОЛИНЪ.

НЕВОЛИНЪ.

А! Анета, вы здѣсь?.... я васъ искалъ.... я къ вамъ съ добрыми вѣстями.... Здравствуйте, мосьё Рохлинъ! какъ поживаете? что ваше горло?....

РОХЛИНЪ.

Немного еще хрипеть, голосу мало, а впрочемъ слава Богу-съ....

НЕВОЛИНЪ.

Ну, что же вы здѣсь подѣлываете?

РОХЛИНЪ.

Ничего-съ, такъ, прогуливался....

НЕВОЛИНЪ.

Да, точно, есть гдѣ гулять!

РОХЛИНЪ.

Не смѣю васъ беспокоить своимъ присутствіемъ. Мое почтене! (Пойду отъищу хозяина, зловреднаго отставнаго бригадмейстера, придержусь къ нему и разругаюсь!.... непремѣнно разругаюсь). До пріятнаго свиданія.

Уходитъ.

НЕВОЛИНЪ.

Кажется в этотъ шутъ къ вамъ не равнодушенъ? Вотъ какое дождливое лѣто: здѣсь жениховъ какъ грибовъ!

АНЕТА.

Ужъ не говорите! надоѣлъ до-смерти.

НЕВОЛИНЪ.

Я сейчасъ получилъ вѣсточку изъ Тифлиса, кое отъ кого поинтереснѣе.

АНЕТА.

Изъ Тифлиса?... отъ него?... Неужели? Ахъ дайте поскорѣе прочесть!.... Да вѣтъ, не можетъ быть!.... онъ полгода ничего вамъ не пишетъ.

НЕВОЛИНЪ.

Не пишетъ! Было бы чѣмъ писать! Его чуть самого не исключили изъ списковъ!

АНЕТА.

Ахъ, Боже мой! онъ былъ раненъ?

НЕВОЛИНЪ.

Да. Черкесскія пули.... мѣтки.... всегда попадаютъ въ жениховъ. Но успокойтесь; рана не тяжела, драка была молодецкая, онъ совершенно доволенъ этими варварами и досадуетъ только на то, что они ранили его въ правую руку, которая долго не позволяла ему писать къ вамъ; но лишь-только доктора ее починять, онъ явится сюда и формально предложитъ ее своей прескрасной невѣстѣ.

АНЕТА.

Но развѣ тѣтушка согласится?

НЕВОЛНЪ.

Это ужъ будетъ мое дѣло. Развѣ я, будучи дядюшкой, не равносильнѣ тѣтушкѣ? Я вступлюсь за васъ и за моего друга; онъ теперь женихъ хоть-куда: произведенъ въ капитаны и переведенъ въ гвардію. Это не шутка!

АНЕТА.

Но онъ еще не скоро воротится, а до тѣхъ поръ, тѣтушка выдать меня за брандмейстера.

НЕВОЛНЪ.

Полноте! За брандмейстера!.... что онъ за женихъ вамъ!.... Въ его года легко потушить пожаръ въ этой части. Я ужъ отстою васъ, даю честное слово. Займитесь, лучше, здоровьемъ нашего кавказскаго героя; онъ, бѣдняжка, долго еще не поправится, если я не вышлю ему изъ Петербурга одного лекарства, объ которомъ онъ меня умоляетъ.

АНЕТА.

Такъ онъ очень боленъ?.... Вы меня пугаете!

НЕВОЛНЪ.

Ну, хоть и не очень, а болѣзнь-то у него мудреная: раненъ въ правую руку, а воспаленіе въ лѣвомъ боку.... Но нѣсколько строчекъ вашей руки будутъ ему самымъ цѣлительнымъ пластыремъ, котораго и ожидаетъ онъ изъ Петербурга.

АНЕТА.

Какъ это можно?!

НЕВОЛНЪ.

Отчего же?.... вѣдь это не письмо, а пластырь для раны!.... Храбрый капитанъ труситъ только одного: что вы его забыли! Вотъ его письмо; прочтите сами, какъ онъ проситъ меня доставить ему отъ васъ доказательство противнаго, [какъ ждетъ этой радости, какъ уже летитъ къ вамъ на крыльяхъ мечты....] это поэзія! неужели же вы не потѣшите его скромной дѣвичьей прозой?.... Доброе дѣло не надо откладывать: завтра отходитъ кавказская почта, и если вы хотите я вамъ оставлю двѣ страницы въ моемъ письмѣ.

АНЕТА.

Нѣтъ, нѣтъ! ужъ лучше я напишу ему особенную записку, и сама запечатаю....

НЕВОЛНЪ.

Чтобы я не читалъ?

АНЕТА.

Нѣтъ! не длитого!.... повѣрьте!.... но изъ хорошей аптеки пла-

стыри всегда посылаются запечатанные.... только, у меня нѣтъ почтовой бумаги, а если попросить у тѣтушки, она спросить, зачѣмъ....

НЕВОЛЕНЪ.

Это правда: вотъ же вамъ ключъ отъ моего бюро; тамъ вы все найдете; а я пойду къ женѣ.... къ вышесказанной тѣтушкѣ.... и займу ее, чтобъ вы успѣли написать....

АНЕТА.

Ахъ, милый, Владиміръ Васильевичъ, какой вы добрый!

Уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

РОХЛИНЪ и БРЫЗГАЛОВЪ

РОХЛИНЪ.

Я вамъ говорю, что это наконецъ выводитъ меня изъ терпѣнія!

БРЫЗГАЛОВЪ.

Да помилуйте.... что съ вами сдѣлалось!.... вы были такой тихій и спокойный жилецъ, а теперь....

РОХЛИНЪ.

Жилецъ! жилецъ!.... этому жильцу, сударь, отъ васъ житья нѣтъ.... я давно хотѣлъ вамъ это сказать, да у меня на вашей дачѣ все горло болитъ!

БРЫЗГАЛОВЪ.

Помилуйте! вы, кажется, человѣкъ порядочный, а такую тревогу подняли, что ужъ и не знаю....

РОХЛИНЪ.

Не знаете?... да я то все знаю! Вы на своей дачѣ ужъ слишкомъ разхозяйничались!.... во первыхъ, посмотрите на себя: на чтѣ вы похожи? Съ вашей ли фигурой, съ вашими ли ухватками, съ вашимъ ли воспитаніемъ, съ вашимъ ли, наконецъ.... (показываетъ на лобъ).... насосомъ.... понимаете?....

БРЫЗГАЛОВЪ.

Ей Богу, ничего не понимаю!

РОХЛИНЪ.

Прошу покорно! вотъ что онъ накачалъ себя въ голову! Вы воображаете, что если я уступаю другимъ, такъ и вамъ уступлю! Нѣтъ, ужъ извините! не уступаю! ни на шагъ не уступаю! вотъ ни на шагъ!.... ни на дюймъ!.... ни на волосъ!....

БРЫЗГАЛОВЪ.

Да не ходите, пожалуйста, по травѣ; всю перемяли, а я завтра косить собираюсь.

РОХЛИНЪ.

Знаю я, куда вы косите, знаю; нарочно буду ходить.... Что это у васъ за садъ!.... По-миѣ, здѣсь хоть трава не рости; все перепорчу, все изломаю (*бьетъ палкой по кустамъ*).

БРЫЗГАЛОВЪ.

Что за пропасть такая!.... да что же я вамъ сдѣлалъ? За что вы распѣтушились?

РОХЛИНЪ.

За что? за что?.... И овъ еще спрашиваетъ?.... У меня съ полтка течеть!

БРЫЗГАЛОВЪ.

Помилуйте! если только за это, такъ я вамъ завтра же пришлю плотника.

РОХЛИНЪ.

Нѣтъ, не за одно это; есть другое поважиѣе....

БРЫЗГАЛОВЪ.

Что же еще?....

РОХЛИНЪ.

Что? что?.... У меня ни одинъ замѣкъ не запирается.

БРЫЗГАЛОВЪ.

И это дѣло поправное: завтра слесаря позову.

РОХЛИНЪ.

Я вамъ цѣлое лѣто жаловался, а вы все завтра, да завтра! Я въ вашей лачужкѣ простудился! Вы слышите, у меня совсѣмъ голосу нѣтъ?.... вчера началъ пѣть, такъ за собаку приняли.... Небось, вы у Неволлиныхъ и крышу поправили, и ставни новыя сдѣлали.... что вы думаете, что у нихъ только и свѣту въ окошкахъ?.... потому что тамъ хорошенькая племянница?.... Что?.... а?.... молчите, небось! Вы, говорятъ, тамъ свататься собираетесь?

БРЫЗГАЛОВЪ.

Полноте, пожалуйста! контузите!....

РОХЛИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, постойте: вы хотите свататься?

БРЫЗГАЛОВЪ.

Ну, хоша бы и такъ: вамъ что за надобность?

РОХЛИНЪ.

А то, что за васъ ея не отдадутъ!.... Найдутся почище васъ! Зачѣмъ вы имъ мѣшаете? Ужъ вы тамъ тѣтку какъ не задабривайте, а Анна Михайловна за васъ не пойдетъ.... слышите ли?.... не пойдетъ!!! говорятъ вамъ.

БРЫЗГАЛОВЪ.

Фу, ты пропасть! какъ расходился.... да хоть по травѣ-то не ходите, всю перемяли; завтра буду косить.

РОХЛИНЪ.

Нарочно буду ходить! Мнѣ все тринь-трава!.... Вотъ вамъ!
вотъ вамъ!....

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТѢ ЖЕ и МАРЬЯ АНДРЕЕВНА въ коцавейнѣ съ подвязанной щекой.

РОХЛИНЪ, чуть не наткнулся на нее.

Ахъ, извините, Марья Андреевна! Мое почтеніе....

БРЫЗГАЛОВЪ.

Здравія желаю, матушка Марья Андреевна!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что это, вы кажется ссорились?

БРЫЗГАЛОВЪ.

Нѣтъ-съ.... мы такъ-съ.... о погодѣ говорили....

РОХЛИНЪ.

Да-съ, мы такъ-съ.... о своихъ дѣлахъ....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не видали ли вы, господа, моего мужа?

РОХЛИНЪ.

Давеча, они была здѣсь.... я пойду ихъ отыщу, если прика-
жетъ....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, не беспокойтесь, я такъ спросила....

РОХЛИНЪ.

Помните, что за беспокойство! я очень радъ, сдѣлать вамъ
удобное.... (Брызгалову). А съ вами мы послѣ кончимъ.... Помни-
те, что я вамъ говорилъ!.... Понимаете?....

Уходить.

БРЫЗГАЛОВЪ.

Ну, задагъ же онъ мнѣ задачу!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА и БРЫЗГАЛОВЪ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ну, Осипъ Кондратьевичъ, вы не забыли моей просьбы?....
помните, объ чемъ я вчера вамъ говорила?

БРЫЗГАЛОВЪ.

О, будьте покойны, матушка!.... что увижу, или услышу, тотъ-
часъ вамъ отапортую. Впрочемъ господъ Бирюковыхъ давно ни-
гдѣ не видать: самъ-то говорить нездоровъ, а жены безъ себя
никуда не пускаетъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А! ну, тѣмъ лучше! Я вѣдь, такъ, изъ любопытства, изъ пред-

осторожности.... а впрочемъ я совершенно увѣрена въ своемъ мужѣ....

БРЫЗГАЛОВЪ.

Ужъ не сомнѣвайтесь, матушка.... Да что это, у васъ зубки-то, кажется, еще не прошли?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да! Вѣрно какъ-нибудь ноги промочила.

БРЫЗГАЛОВЪ.

Скажите пожалуйста!.... Экое горе! Признаться, дѣто-то у насъ такое неприличное; конечно, для грибовъ, да для картофеля оно преполезно, а вотъ для порядочныхъ людей.... на дачахъ.... не такъ чтобы.... Не ходите, матушка, по травкѣ, опять ножки промочите!.... Впрочемъ, если не противно будетъ, я вамъ пришлю зубнаго лѣкаря.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, батюшка, Осипъ Кондратьевичъ, я всѣхъ переузнала, и ни одинъ нѣмецкій зубной врачъ мнѣ не пособилъ.

БРЫЗГАЛОВЪ.

Да, Нѣмцы этого дѣла не разумѣютъ, матушка. Они говорятъ-то хорошо, да заговаривать не умѣютъ; а у насъ въ петербургской части, есть одинъ, просто сказать, молодець... я вамъ доложу.... такой мастеръ, что хоть какіе зубы заговорить. Такой краснобай!.... Покойница жена, въ тѣ поры, очень зубами прихварывала. Вотъ-съ онъ и взялся пособить; пришелъ, я ему говорю: «Послушай, Зубаревъ, если ты молъ сохвасталъ, такъ смотри!».... А онъ, мошенникъ, травничку попросилъ, для подкрѣпленія.... я ему, между прочимъ, графинчикъ поставилъ; онъ выпилъ рюмочку: крякнулъ; да другую: опять крякнулъ; потомъ третью, да какъ началъ, по-своему, переливать изъ пустаго въ порожнее.... говорилъ, говорилъ, и заговорилъ — какъ рукой спало! Ей Богу! Послѣ этого покойница не долго и жила. Съ талантомъ человѣкъ, нечего сказать, съ талантомъ, да чарка загубила, а то бы нажилъ себѣ копейку. Другой разъ призовутъ къ больному, а у него языкъ не воорочается.... ну, тутъ ужъ плохо заговаривать! Если прикажете, я вамъ доставлю его трезваго.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, благодарствуйте.... они у меня теперь поунылись.

БРЫЗГАЛОВЪ.

Ну, и слава Богу!.... Хе, хе, хе, это вѣрно я вамъ заговорилъ!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Можетъ-быть.... Ну, а что же вы говорили про Бирюковыхъ-то? Онъ, стало-быть, очень ревнивъ?

БРЫЗГАЛОВЪ.

Брызга, матушка! ужасный брызга! я вѣдь живу надъ ними: то и дѣло бранятся!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да что мудренаго! Она должна быть такая кокетка!.... ну, а въ кому же она ее ревнуетъ?

БРЫЗГАЛОВЪ.

Не могу навѣрное доложить. Должно быть, къ кому-нибудь изъ мужчинъ.... я такъ предполагаю.... изъ тѣхъ, которые помогаютъ его. Сами знаете: какъ мужъ вдвое старше жены, гдѣ тутъ быть ладямъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, батюшка! что это за резонъ? Вотъ и у меня мужъ поможетъ меня, а вы конечно не слышали, чтобъ мы кричали на всю улицу.

БРЫЗГАЛОВЪ.

Нѣтъ-съ, никогда на улицу не слышно! сохрани Богъ! Про васъ нечего говорить, вы съ своимъ супругомъ — словно голубки; хотѣлось бы, чтобъ всѣ жильцы были смиренны.... Ахъ, матушка Марья Андреевна! глядя-то на васъ, и меня забрала охота попробовать вторичнаго счастья.... Чѣмъ же вы меня порадуете? Что изволить говорить Анна Михайловна о моихъ предположеніяхъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Охъ, Осипъ Кондратьевичъ.... вѣдь съ молодыми дѣвчонками не сговоришь! она и слышать не хочетъ.

БРЫЗГАЛОВЪ.

Эго горе какое! Да чѣмъ же я имъ не правлюсь.... они бы спросили сосѣдей обо мнѣ, хоть всю петербургскую сторону....

Я не замѣченъ былъ ни въ чемъ.
И человекъ-то не таковской,
Во всѣхъ мѣстахъ былъ молодцомъ,
.....
Себя всегда прихвально велъ,
Хитрымъ не попадался сроду,
Служа бригадмейстеромъ прошелъ,
Могу сказать, огонь и воду!
Есть свой домишко, огородъ,
Есть три коровы, двѣ лошади,
Одной жены недостаетъ....
Тогда бы было все въ порядкѣ!...

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ.

Тъ же и НЕВОЛИНЪ.

НЕВОЛИНЪ.

Ты меня спрашивала, мой другъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, мой дружочекъ, я тебя цѣлый часъ не видала; гдѣ ты это пропадаешь?

НЕВОЛИНЪ.

Нигдѣ. Я былъ дома.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, Вольдемаръ, давеча ты здѣсь гулялъ безъ меня...

НЕВОЛИНЪ.

Ну да, давеча гулялъ, а теперь сидѣлъ дома.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А что ты тамъ дѣлалъ?

НЕВОЛИНЪ.

Что за допросы — ну: курилъ, читалъ, лилъ дробь...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А ты опять завтра поѣдешь на охоту?

НЕВОЛИНЪ.

Поѣду.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Опять на цѣлый день?

НЕВОЛИНЪ.

Можетъ-быть; а что?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ничего, мой дружочекъ, я такъ спросила; ты знаешь что я твоей воли никогда не стѣсняю...

НЕВОЛИНЪ.

Да, это и видно... Ну а вы хозяинъ объ чемъ здѣсь бесѣдовали?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да вотъ Осипъ Кодратьевичъ, все любитъся на наше счастье.

НЕВОЛИНЪ.

Право?

ВРЫЗГЛОВЪ.

Истинно люблюсь, Владиміръ Васильевичъ!

НЕВОЛИНЪ.

Этакъ, пожалуй, вы еще и позавидуете намъ?

ВРЫЗГЛОВЪ.

Какъ не позавидовать супружескому благополучію!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА, взявъ мужа подъ руку.

Это правда.... ужъ вѣдь какъ мы любимъ другъ друга! Наше дѣшайшее счастье не Бирюковымъ чета. Неправда ли, Осипъ Кондратьевичъ?

НЕВОЛИНЪ.

Э, мой другъ, почему ты знаешь! что у тебя за страсть вмѣшиваться въ чужія дѣла!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вотъ прекрасно, это дѣло извѣстное! (*приторно тянеть*). Да, Осипъ Кондратьевичъ, видите, мы врознь минуты не можемъ пробыть; а если иногда и поспоримъ, такъ развѣ только объ томъ, кто кого больше любитъ. Не такъ ли, Вольдемаръ, а? признайся... правда?

НЕВОЛИНЪ, освобождая руку.

Ты очень тянешь.... позволь, пожалуйста!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ну, такъ! вы не можете не сказать какой-нибудь любезности! Только васъ похвали немножко, тогда вы въ рукъ вонъ! Вамъ всегда въ тягость моя ласки! Если бъ кто-нибудь помоложе взялъ васъ подъ руку, такъ вѣрно бы вы были поучтивѣе, чѣмъ со мною.

НЕВОЛИНЪ.

Какъ это скучно, вы вѣчно къ пустякамъ придираетесь!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, я знаю, вамъ всегда со мной скучно, оттого-то вы безпрестанно и пропадаете!

НЕВОЛИНЪ.

Нечего сказать, большая радость оставаться съ вами!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Пожалуйста, хоть при постороннемъ-то человѣкѣ поудержитесь!

ВРЫЗГЛОВЪ, въ сторону.

Ну, кажется тутъ что-то загорается, уйти добро. Нашему брату тушить здѣсь нечего: старое строеніе.... Счастливо оставаться.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

НЕВОЛИНЪ и МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Прекрасно, сударь, прекрасно! Вы очень мило себя ведете!

НЕВОЛИНЪ.

Ну! погода кажется разгуливается, а у насъ все по старому.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

По старому?! Какъ это учтиво! Вы нарочно употребили это слово, чтобы только меня уколоть!

НЕВОЛННЪ.

Вотъ ужъ о чемъ не думалъ!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Пожалуйста, знаю я ваши шпильки! Нашъ хозяинъ Богъ знаетъ что объ насъ подумаетъ!

НЕВОЛННЪ.

Большая важность! Стану я его церемониться! Вы, кажется, прочтите его къ намъ въ роденьку?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А вамъ какое дѣло?

НЕВОЛННЪ.

А то, что вашъ брандтмейстеръ дѣлаетъ фальшивую тревогу. У Анеты есть женихъ порядочнѣе его!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, я знаю, вашъ пріятель Ольгинъ. Но онъ, слава Богу, уѣхалъ на Кавказъ, и дѣло кончено.

НЕВОЛННЪ.

Напротивъ; онъ скоро воротится и будетъ на ней свататься.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Но я ни за что не соглашусь!

НЕВОЛННЪ.

Почему же?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Потому что онъ такой же повѣса какъ и вы.

НЕВОЛННЪ.

Однако жъ я имѣлъ же счастье вамъ понравиться!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я теперь узнала на опытѣ, что молодые мужья совсѣмъ не сорокнище!

НЕВОЛННЪ.

Ну и зрѣлыя жены тоже не даюцца!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Очень хорошо! прекрасно! вы забываете, сударь, чѣмъ мнѣ обязаны: еслибъ я не задатила вашихъ долговъ, такъ можетъ-быть васъ бы посадили въ тюрьму.

НЕВОЛННЪ.

Да, конечно, вы довольно дорого за меня заплатили, за то и вы мнѣ не дешево обошлись!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ну, скажите пожалуйста, можно ли такъ обходиться съ женой! Вы не умѣете цѣнить моихъ достоинствъ; мой первый мужъ былъ не вамъ чета, а говорилъ, что безъ ума отъ меня!

НЕВОЛНЪ.

Очень вѣрю.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Пятнадцать лѣтъ мы прожили съ нимъ въ совершенномъ согласіи.

НЕВОЛНЪ.

Совершенно согласенъ! Теперь вѣдь справки не поведешь, а объ мертвыхъ всегда надо отзываться хорошо.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Мой *серый* мужъ умѣлъ любить!
Привязанъ былъ ко мнѣ и къ дому...
Объ немъ я буду вѣкъ грустить!

НЕВОЛНЪ.

Какъ это весело *сторону!* —
Да, эпитафій дурной
Жена объ мужѣ не напишетъ.
До-смерти надоѣсть вной,
А умеръ, такъ души не слышитъ!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, какъ жена онъ баловалъ,
Гладилъ въ глаза, ласкалъ и шепталъ...

НЕВОЛНЪ, восторженно.

Ахъ, если бъ онъ не умиралъ!
Тогда и я бы съ нею не жила!

Повѣрьте, Марья Андреевна, мнѣ самому очень тяжело, что вы такъ рано овдовѣли.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Будьте покойны, сударь, если бъ я знала какой вы сахаръ, ни за что бы не вышла за васъ.... Хорошъ мужъ, который почти не живетъ дома: то въ клубѣ, то на охотѣ, то Богъ знаетъ гдѣ!

НЕВОЛНЪ.

По незолѣ ищешь какихъ-нибудь развлеченій, чтобъ отдохнуть отъ вашей ревности. Дома только и слышишь одну и ту же пѣсню; уйдешь со двора, вы не церемонитесь, подбираете ключи къ моему бюро, ищете какихъ-то любовныхъ записокъ, которыя вы сами выдумываете отъ нечего дѣлать!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Пожалуйста, пожалуйста!

Т. ХСVI. — Отд. I.

НЕВОЛЯНЪ.

Разувѣется! Во-первыхъ, выше добовныхъ зависокъ ничто не пишеть; не тотъ вѣкъ. Это водилось въ ваше время. Во вторыхъ, еслибъ я ихъ получалъ, неужели я сталъ бы ихъ прятать въ карманъ, зная вашу милую привычку. Въ городѣ мы болѣе полугодъ не уживались ни на одной квартирѣ: вамъ вездѣ мерещились сорерницы; по-крайней мѣрѣ здѣсь вы можете быть покойны: во всемъ околоткѣ, хорошевскаго личика не встрѣтите.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Однако жъ господа Бирюкова на васъ очень вѣжно посматриваютъ!

НЕВОЛЯНЪ.

Право? Я этого не замѣтилъ! Благодарю васъ за открытіе....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А я такъ очень замѣтила: чуть мы съ ними встрѣтимся, она кланяется мнѣ, а смотритъ на васъ — кокетка!

НЕВОЛЯНЪ.

Неужели? Не догадался.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Полноте, полноте, пожалуйста, разыгрывать такую невinnostь. Вы очень хорошо знаете, что она вами занята, что мужъ годится ей въ дѣдушки, что на дачѣ легко завести птвряжки!... Но смотрите, я васъ предупреждаю, если я что-нибудь узнаю, если я увѣрюсь въ моемъ подозрѣніи, я здѣсь разыграю такую сцену, какой вы и не ожидаете! Я открою глаза ея слѣпому сумасброду.... все выведу наружу!

УЛьяна, входя.

Марья Андреевна! огородникъ привезъ двѣ сотни огурцовъ для соленія; онъ хочетъ васъ самихъ видѣть.... какъ прикажете?...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Сейчасъ приѣду! пошла прочь! Помните, что я вамъ сказала, я ничѣмъ не дорожу. Боже васъ сохрани, если это драма! Вы меня еще не знаете?!... я вамъ покажу себя!... Прощайте, сударь.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

НЕВОЛЯНЪ, одинъ.

Ну, спасибо огороднику! Хорошо что ей надо теперь сшить огурцы, а то бы у насъ здѣсь выросла такая разрывъ-трава, что хоть вонъ бѣги! завидное согласіе, нечего сказать! — Проклятый банкъ! поддѣлъ онъ меня на эту пиковую даму.— Да, еслибъ я въ

вухъ не проигрался, судьба бы не сыграла со мною такую пошлую штуку.... Но, что дѣлать! теперь поздно, ужъ не отыграешься... Однако жъ моя дражайшая половина поселила во мнѣ желаніе познакомиться съ нашей сосѣдкой, и если правда, что она благосклонно на меня посматриваетъ, такъ мой долгъ хотѣ изъ учтивости припять это къ свидѣнію.... Я еще не рассмотрѣлъ ее хорошенько, а она кажется не дурна, надо же имѣть на дачѣ какое-нибудь развлеченіе.... А, вотъ и она съ мужемъ.... онъ медвѣдъ, отъ себя ни на шагъ не пускаетъ ее.... Сочетала же ихъ судьба: точно зима и лѣто вмѣстѣ....

Отходить всторону.

ЯВЛЕНІЕ ОДЕННАДЦАТОЕ.

НЕВОЛИНЪ, БИРЮКОВЪ въ бекешѣ, съ бобровымъ воротникомъ, и АННА СЕРГѢЕВНА, одѣта по лѣтнему.

БИРЮКОВЪ.

Нѣтъ, сударыня, вѣтъ, мы туда не пойдѣмъ, ужъ какъ хотите! Мнѣ и дѣшніе музыканты надобны, а еще платитъ мнѣ деньги.... Слуга покорный.

АННА СЕРГѢЕВНА.

Сдѣлайте милость, потѣшите меня хотѣ одинъ разъ въ цѣлое лѣто....

БИРЮКОВЪ, встрѣтается съ Неволниннымъ.

Нѣтъ, вѣтъ.... Ахъ, чортъ возьми!... вотъ встрѣча....

НЕВОЛИНЪ.

Здравствуйте, почтеннѣйшій сосѣдушко.... Мое почтеніе, сударыня....

АННА СЕРГѢЕВНА.

Здравствуйте!

НЕВОЛИНЪ.

Что это, Фома Фомичъ, такъ закутался?... Вы достаѣте нану-гасте наше несчастное лѣто; а сегодня, какъ видите, и садичш-ко хочѣтъ показаться послѣ трехдневнаго отсутствія.... Вы, кажется, собрались гулять?

БИРЮКОВЪ.

А.

НЕВОЛИНЪ.

Неужели только здѣсь въ саду?

БИРЮКОВЪ.

Нѣтъ!

НЕВОЛИНЪ.

Такъ пойдѣте въ Ботаническій?

БИРЮКОВЪ.

Да.

НЕВОЛННЪ.

А въ Конкордію поѣдете?

БИРЮКОВЪ.

Ну васъ съ Конкордією!

НЕВОЛННЪ.

Напрасно; тамъ сегодня праздникъ розъ.... Вечера эти очеп интересны (*Бирюковъ кашляетъ*). Я слышалъ, вы были нездоровы?

БИРЮКОВЪ.

Да.

НЕВОЛННЪ.

Но теперь, кажется, совсѣмъ поправился?

БИРЮКОВЪ.

Нѣтъ!

НЕВОЛННЪ, всторону.

Каковъ людоедъ! И у этакаго Камчадала такая миленькая жена.... Рѣшено!... надо ею заняться.... До пріятнаго свиданія!

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

БИРЮКОВЪ и АННА СЕРГѢВНА.

БИРЮКОВЪ.

Вѣкъ бы съ тобой не встрѣчаться.... карповскій шематонъ, проклятый подлипало! Вотъ сосѣдъ попался!.. видѣть его не могу!

АННА СЕРГѢВНА.

Чѣмъ же онъ вамъ такъ не нравится?

БИРЮКОВЪ.

Чѣмъ? его наружность поворачиваетъ мою внутренность.... У меня было совсѣмъ прошла лпхорадка, а теперь — только взглянулъ на него.... вотъ такъ и затрясло!..

АННА СЕРГѢВНА.

Что же онъ вамъ сдѣлалъ?

БИРЮКОВЪ.

Что сдѣлалъ? и вы еще спрашиваете! Пожалуйста, не притворяйтесь.... дѣло ясное! Развѣ я не видалъ, какими глазами онъ на васъ поглядывалъ! Да, сударыня, я давно замѣтилъ, что онъ къ вамъ не равнодушенъ!

АННА СЕРГѢВНА.

А! такъ вотъ, наконецъ, загадка объяснилась. Нѣсколько дней сразу вы мнѣ объ комъ-то намекаете.... и такъ-какъ я не по-

дала вамъ повода къ ревности, то и не спрашивала васъ о подробностяхъ; но теперь я должна успокоить ваши несправедливыя подозрѣнія.... Будьте покойны, сударь; я его во все лѣто разъ два встрѣчала, но не обращала на него вниманія; ктому же, ютешная его супруга всегда такъ страшно на меня смотритъ, что я вслѣдствіи стараюсь избѣгать его встрѣчъ.

ВЕРЮКОВЪ.

А! видите! Чтò же это доказываетъ? Стало-быть я правъ; стало-быть она его ревнуетъ не даромъ!

АННА СЕРГЪЕВНА.

Это доказываетъ, что въ супружествѣ неравенство лѣтъ всегда должно имѣть большія неприятности.

ВЕРЮКОВЪ.

Ого! это ужъ не въ бровь, а прямо въ глазъ! Вы это говорите на мой счетъ?

АННА СЕРГЪЕВНА.

Считайте какъ хотите; только, пожалуйста, не ревнуйте меня во пустякамъ. Впродолженіи моего трехлѣтняго замужства, я смѣю могу сказать, что вела себя безъукоризненно.... Не испытывайте же женскаго терпѣнія.... это опасное дѣло!.... Я молода, хочу повеселиться, а вы.... вы никогда не сдѣлаете мнѣ ни малѣйшаго удовольствія!

ВЕРЮКОВЪ.

Ни малѣйшаго удовольствія! А для кого же я нанялъ эту дачу?

АННА СЕРГЪЕВНА.

Хороша дача! Вы изъ ревности выбрали такое захоlustье, что урешь со скуки! Вотъ цѣлое лѣто я не могу допроситься, чтобъ хоть разъ побывать на Водахъ, или въ Конкордіи.

ВЕРЮКОВЪ.

Цѣлое лѣто! Да развѣ это лѣто? это, Богъ знаетъ, чтò такое! Маенскъ здѣсь третій мѣсяцъ, а оно все сентябремъ смотритъ.... Отъ этаго чухонскаго лѣта цыганскій потъ прошибаетъ!...

АННА СЕРГЪЕВНА.

Но можно же было выбрать два или три дня.... Вотъ, напротивъ, сегодня вечеръ прекрасный!...

ВЕРЮКОВЪ.

Ну, чего же вы не видали въ этой Конкордіи? У меня и здѣсь голова трещитъ отъ заморскихъ вольвовъ, контробасовъ, шарманокъ, и отъ всей этой мусикійской сволочи!... Я нанялъ дачу въ захоlustьѣ, какъ вы изволите говорить, для спокойствія.... а на дѣлѣ оказывается, что здѣсь-то будто все сговорилось

мучить меня, терзать, шилить! Дурацкая мода! Какъ не жить на дачѣ?... какъ же намъ не тянуться за порядочными людьми?... всѣхъ насъ точно прирушило къ этимъ сыррымъ дачамъ!... Въ жизни мою не прошу себѣ этой глупости! Потѣшилъ насъ: заплатилъ сто рублей серебромъ за какую то продувную лачугу; перѣехали съ Козьяго Болота на Карповское наслаждаться природой.... Ядемъ лѣтнихъ удовольствій, а гдѣ они? Лѣто только въ календарѣ, а у насъ отъ этихъ удовольствій ревматизмы да простуды, да всякія лихія болѣсти!... О, чортъ возьми! какъ все развѣтѣшъ да раздумаешъ, такъ еще холоднѣе становится!...

Надоѣла дача эта!
Просто, хотъ сойти съ ума!...
Вѣсто краснаго-то лѣта
Здѣсь зеленая ѣма!
Холодъ, сырость, непогода;
Съ потолокъ течеть струей;
Плачутъ деньги и природа,
А жильцы хотъ волкомъ вой!

Отъ дождя здѣсь все размыто!...
Каждый Божій день, съ утра,
То гвоздитъ какъ черезъ сито,
То полеть какъ изъ ведра!
Поневоль, какъ въ берлогѣ,
Здѣсь засадеѣ всякъ пѣзъ насъ:
Сдѣлай шагъ — промочишь ноги,
Высувь носъ — насморкъ тотчасъ!

Въ щели, двери и въ окошки
Вѣтеръ ходитъ здѣсь и тамъ....
Мухи, комары и мошки
Спать мѣшаютъ до ночамъ!
Днемъ, какъ на снѣгъ, спозаранки —
Всѣ бродяги набѣгутъ;
Скрипки, трубы и шарманки
Такъ вотъ уши и дерутъ!...

Гонишь ихъ — они сильнѣе
Дуютъ, что ни говори;
Бросишь гривенникъ скорѣе,
Только чортъ васъ побери!

Чуть возможно потягиваю —
 Выйди — и встрѣтятся съ тобой:
 Тотъ съ пластыремъ на шеѣ,
 Тотъ съ подвязанной шеей,

У того надумо въ уши,
 У друго^{го} зубъ болить,
 Тотъ съ флюсомъ, тотъ въ коклюши,
 Тотъ свиститъ, другой хрипаетъ....
 Точно вѣкъ изъ лазарета
 Вырвались отъ дѣкарей....
 Это северное дѣло,
 Это — дача у людей!!

Да, сударыня, ваши петербургскія дачи только разстраиваютъ здоровье да семейное спокойствіе! Въ городѣ жена живетъ какъ мужу хочется, а на дачѣ какъ ей угодно; въ городѣ мужъ живетъ, а на дачѣ онъ, чертъ знаетъ, что такое!... Въ городѣ жена всегда въ глазахъ, безъ спросу ни на шагъ, а на дачѣ — свобода! дѣлай что хочешь, иди куда глаза глядятъ; а мужъ, хоть въ оба смотри, ничего не увидитъ! О! будь прокляты эти дурацкія дачи!

АННА СЕРГЪЕВНА.

Ахъ, Боже мой! какъ вы кричите! нашъ брандмейстеръ полагаетъ, что здѣсь пожаръ!... Вы хоть бы сосѣдей постыдились!

ВЕРЮКОВЪ.

Вотъ то-то и дѣло.... Въ городѣ мужъ кричитъ себѣ какъ хочетъ, никто и ухомъ не поведетъ; а на дачѣ чихнуть нельзя, рта не смѣешь разинуть, того гляди сосѣди сбѣгутся.... а кто эти сосѣди? волокиты да подлинпалы, которые только и думаютъ, какъ бы подосѣдаться къ чужой женѣ!

АННА СЕРГЪЕВНА.

Полноте, пожалуйста!... Скоро шесть часовъ; скажите же рѣшительно: пойдѣмъ ли мы въ Конкордію?

ВЕРЮКОВЪ.

Нѣтъ! рѣшительно нѣтъ!

АННА СЕРГЪЕВНА.

Но гдѣ тамъ сегодня праздникъ розъ!...

ВЕРЮКОВЪ.

Какіе праздники въ будни!... это все Нивиды выдумали. Да, я повиную васъ, сударыня, отчего вамъ неприлично хочется туда

сегодня! оттого, что этотъ усатый любезникъ тамъ будетъ; вы, вѣроятно, условились? тамъ вамъ свобода съ нимъ перемигиваться.

АННА СЕРГЪЕВНА.

А! такъ вы все-таки продолжаете вашу пошлую шутку? Повторяю вамъ, что я объ немъ и не думаю....

ВЕРЮКОВЪ.

О! я знаю любовныя уловки. У васъ, я чай, свои особенныя знаки? Если кому мѣшаютъ словесно объясниться, разумѣется, можно изложить на бумагѣ, а за почтальономъ на дачѣ дѣло не ставеть; положи въ любой кустикъ посланіе, дойдетъ по адресу. Знаю я васъ, писательницы девятнадцатаго столѣтія!

АННА СЕРГЪЕВНА.

А! вотъ наконецъ до чего дошло! Вы ужъ задѣли мое самолюбіе, мою честь.... такъ знайте же, сударь, если вы будете продолжать мучить меня сумасбродною ревностью, придираться ко всякому слову, выдумывать на меня небывалыя исторіи, то, разумѣется, кончатся тѣмъ, что....

ВЕРЮКОВЪ.

Что? что? что?! кончатся чѣмъ?!...

АННА СЕРГЪЕВНА.

Кончатся тѣмъ, что.... что вы будете резновать меня не напрасу!

ВЕРЮКОВЪ.

Безподобно! Вотъ какъ вы начинаете поговаривать на дачѣ, на вольномъ-то воздухѣ!... Вы въ львицы хотите записаться, да я-то вамъ не баранъ достался!... я хочу жить по старинѣ, хочу быть главой въ дому.... Въ Конкордію мы не пойдемъ: ни сегодня, ни завтра, никогда! Извольте здѣсь гулять, у меня на глазахъ! а вѣтъ такъ, пожалуйста въ комнаты: пора чай пить и дѣло съ концомъ! Больше нечего говорить!

ВРЫЗГЛОВЪ, пѣ-за забора.

Сдѣлайте милость, не ходите по травѣ: я завтра косить собираюсь.

ВЕРЮКОВЪ.

Что?... какъ вы смѣете мнѣ это говорить!... какъ вы смѣете насъ подслушивать!...

ВРЫЗГЛОВЪ.

Извините-сь, я такъ пѣть учтивости хотѣлъ попросить, а впрочемъ, какъ вамъ угодно.

ВЕРЮКОВЪ.

Убирайтесь къ чорту! васъ здѣсь не спрашиваютъ (*Брызгалъ скрывается*). А, вы сударыня помните, что я вамъ говорилъ.... можете погулять здѣсь четверть часа, и приходите въ комнаты.... Если жъ опять этотъ любезникъ пожалуетъ сюда, прошу съ нимъ не говорить ни слова.... я какъ мужъ запрещаю вамъ это, и вы должны меня слушаться.... вотъ и все.... Промытая дача!

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

АННА СЕРГѢВНА, одна.

Каковъ муженекъ! мнѣ и въ голову не входило заниматься шпилью сосѣдомъ, я объ немъ никогда и не думала.... а онъ.... Вотъ такъ-то всегда бываетъ у ревнивыхъ мужей: они видятъ это тамъ, гдѣ его нѣтъ, а гдѣ слишкомъ очевидно, тамъ ничего не видятъ! Однако жъ съ чего жъ онъ взялъ? Говорить, что *давно* заштилъ, на меня смотреть не равнодушно.... Чтò жъ, тѣмъ лучше, я очень рада! я теперь такъ сердита, что желаю, чтобъ это была правда! Онъ запрещаетъ мнѣ говорить съ нимъ: хорошо же, нарочно буду говорить, хоть для того только, чтобы отомстить этому ревнивцу; да, за обидные его упрёки, которыхъ я еще не заслужила, онъ стоить быть наказанъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

АННА СЕРГѢВНА и НЕВОЛИНЪ.

НЕВОЛИНЪ.

А, она здѣсь еще.... и одна.... прекрасно. Посмотримъ, правду ли сказала жена.

АННА СЕРГѢВНА.

Вотъ и онъ.... я очень рада.... увидимъ, точно-ли онъ занимается мной.

НЕВОЛИНЪ.

Она въ-самомъ-дѣлѣ прехорошенькая.

АННА СЕРГѢВНА.

А вѣдь онъ очень, очень не дурень.... Я прежде этого не замѣчала.

НЕВОЛИНЪ.

Вы, Анна Сергѣевна, рѣдко посѣщаете нашъ знаменитый садъ. Конечно, карповская флора, не слишкомъ роскошна; какъ видите рѣпейникъ, крапива, цикорій, за то нѣтъ барской спѣси, простота на каждомъ шагу.

АННА СЕРГЪЕВНА.

Нынѣшней лѣто такъ скупо на хорошую погоду:
невольникъ.

Сегодня однако жъ для нашего выхода; солнце прѣглянуло и сдѣлалось теплѣе обыкновеннаго. Можно подумать, что вы не потому не гуляете, что погода дурна, не потому что вы дурны, что вы не гуляете.

АННА СЕРГЪЕВНА, всторону.

Это немножко пошло, а всё-таки онъ хотѣлъ сказать мнѣ любезность, стало-быть мужъ не ошибся.

НЕВОЛНИКЪ, тоже.

{Она слушаетъ меня довольно благосклонно; Спасибо жентъ, что она меня задочумила: Конечно, вполучусь, непремѣнно вполучусь).
Вашъ супругъ тоже кажется не любитъ гулять?

АННА СЕРГЪЕВНА.

Да; онъ большой домохозянъ.

НЕВОЛНИКЪ.

Вѣрно также какъ моя жена.... Вы изволили видѣть мою жену.... такую... такую солидную женщину.

АННА СЕРГЪЕВНА.

Да-съ, я ее видѣла.

НЕВОЛНИКЪ.

Я-бы за честь поставилъ себѣ познакомиться ее съ вами, но она съ самаго переѣзда на дачу не совсѣмъ здорова.

АННА СЕРГЪЕВНА.

А, также какъ мой мужъ.

НЕВОЛНИКЪ.

Сегодня въ Конкордиѣ будетъ очень весело, и вы навѣрно воспользуетесь нынѣшнимъ вечеромъ.

АННА СЕРГЪЕВНА.

Я бы охотно туда поѣхала, но мой мужъ не любитъ многолюдныхъ собраний.... Преперанъ для него всего пріятнѣе.

НЕВОЛНИКЪ.

О, Боже мой! это непростительно! развѣ мало девяти мѣсяцевъ для этихъ несчастныхъ картъ.

АННА СЕРГЪЕВНА.

А, вы ихъ не любите?

НЕВОЛНИКЪ.

О, терпѣть не могу.

АННА СЕРГЪЕВНА.

Я сама ихъ ненавижу.

НЕВОЛИНЪ.

Помилуйте! что за карты! Конечно, въ извѣстные года, эта слабость очень извинительна, но нельзя же жить только для себя. Въ ваши лѣта, съ вашимъ образованіемъ и вкусомъ вамъ кумуны удовольствія болѣе изящныя.... грѣшно-же вамъ сидѣть въ экаперти, когда все вокругъ васъ живетъ, веселится.

АННА СЕРГѢЕВНА.

Я бы желала, чтобъ мужъ мой насъ подслушалъ.

НЕВОЛИНЪ.

Вы вѣрно любите музыку?

АННА СЕРГѢЕВНА.

Очень, но мужъ мой терпѣть ея не можетъ.

НЕВОЛИНЪ.

А, такъ какъ моя жена. Скажите, каковъ у нихъ сходство, они оба, кажется, настроены въ одну тонъ, но я въ восхищеніи, что мой вкусъ не противорѣчитъ вашему.

АННА СЕРГѢЕВНА.

Если бъ у меня была своя воля, я бы непременно аборпровалась на итальянскую оперу.

НЕВОЛИНЪ, всторону.

Бѣдная женщина! Каково ей жить съ этимъ дикобразомъ!

АННА СЕРГѢЕВНА.

Какъ мнѣ его жаль! Что ему была за охота сдѣлать такой странный выборъ.

НЕВОЛИНЪ.

Надо признаться, что судьба часто жестоко свѣтается надъ людьми, оттого-то янымъ такъ скучно.

АННА СЕРГѢЕВНА.

Что вы хотите этимъ сказать?

НЕВОЛИНЪ.

Ничего. Только согласитесь, что на свѣтѣ много странныхъ, необъяснимыхъ вещей. Напримѣръ, моя жена, своимъ склонностями, характеромъ, лѣтами очень похожа на вашего супруга, а судьба распорядилась иначе....

АННА СЕРГѢЕВНА.

Кажется, сегодня не будетъ дождя, какой пріятный вечеръ.

НЕВОЛИНЪ.

И вы не хотите имъ воспользоваться.... Такіе дни, здѣсь рѣдкость, контрабанда, надо ихъ ловить. Я далъ слово моей племянницѣ отправиться съ ней къ Гильмаву, водой.... Вы не боитесь воды?

АННА СЕРГЬЕВНА.

Напротивъ, очепь люблю: но никогда не могла уговорить къ тому моего мужа: онъ врагъ всѣхъ невпныхъ удовольствій.

НЕВОЛНЪ.

А, также какъ моя жена! Впяте-ли, они какъ двѣ капли воды похожи другъ на друга. Впрочемъ, дача имѣеть свои привилегіи, в если бъ вы удостоили сдѣлать моей племянницѣ компанію.... Кажется, вѣдь вы съ ней знакомы.

АННА СЕРГЬЕВНА.

Да, она премилая дѣвица, но я, право, не знаю.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

ТЪ ЖЕ и АНЕТА.

АНЕТА.

Вотъ ключъ отъ вашего бюро, я написала, запечатала и положила въ ящикъ направо.

НЕВОЛНЪ.

Вотъ это напрасно.

АНЕТА.

А что?

НЕВОЛНЪ.

Ничего, ничего, послѣ... мы здѣсь не одни.

АНЕТА.

Ахъ, милая Анна Сергѣевна, здравствуйте, мы, кажется, съ вами цѣлую недѣлю не видались, по причинѣ дурной погоды.

НЕВОЛНЪ.

Поблагодарите Аяну Сергѣевну, она дѣлаетъ намъ честь, соглашается ѣхать съ нами въ Конкордію.

АНЕТА.

Нуужел! ахъ, какъ это будетъ весело! благодарствуйте!

АННА СЕРГЬЕВНА.

Пѣтъ, пѣтъ, другъ мой, вашъ дядюшка шутить; я совсѣмъ не соглашалась.

АНЕТА.

Почему же вы отказываетесь?

АННА СЕРГЬЕВНА.

Очень просто: мужъ не позволяетъ.

АНЕТА.

Ахъ, Боже мой! вѣдь мы поведемъ не въ Кронштадтъ, тутъ всего два шага, только переѣхать Певу. Ахъ, я сегодня такъ счастлива, что мнѣ бы хотѣлось съ вами разделить мою радость.

АННА СЕРГЪЕВНА.

Въ самомъ-дѣлѣ вы сегодня необыкновенно веселы.

АНЕТА.

О, на это у меня есть свои причины. Полюбите пожалуйста моего милого дядюшку: онъ предобрый, онъ такъ заботится о моемъ счастьи.

АННА СЕРГЪЕВНА.

Что же это такое?

АНЕТА.

Секретъ; но если вы съ нами поѣдете, я вамъ все расскажу.

АННА СЕРГЪЕВНА.

Развѣ этотъ секретъ нельзя рассказать на сухомъ пути.

АНЕТА.

Можно; только мнѣ бы ужасно хотѣлось, чтобы вы поѣхали съ нами.

НЕВОЛЯНЪ.

Анета, я надѣюсь на ваше краснорѣчiе и бѣгу приготовить лодку.

Уходить.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

АНЕТА и АННА СЕРГЪЕВНА.

АННА СЕРГЪЕВНА.

Что онъ дѣлаетъ! Послушайте, послушайте! Воротите его пожалуйста.

АНЕТА.

Вотъ мило: онъ хлопочетъ о нашемъ удовольствiи, а я буду ему мѣшать? Нѣтъ, нѣтъ, ни за что?

АННА СЕРГЪЕВНА.

Впрочемъ, разумѣется, вы можете ѣхать и безъ меня.

АНЕТА

Да отчего же не съ вами?

АННА СЕРГЪЕВНА.

О, мой другъ, когда... когда вы выйдете за-мужъ, вы также будете не свободны въ своихъ поступкахъ.

АНЕТА.

Вы не ошиблись, я можетъ-быть скоро выйду замужъ, непременно выйду. Но это еще секретъ.

АННА СЕРГЪЕВНА.

Поздравляю васъ, и я кажется догадалась кто этотъ счастливецъ. Господинъ Рохлинъ къ намъ часто ходитъ и безпрестанно говоритъ объ васъ.

АНЕТА.

Кто? Рохлянь? нѣтъ, нѣтъ, статскій женухъ герой не моего романа.

АННА СЕРГѢЕВНА.

Такъ неужели нашъ хозяинъ?

АНЕТА.

Ахъ, страсти! вотъ ваши военнаго.

АННА СЕРГѢЕВНА.

И такъ это военный?

АНЕТА.

Пойдите, я вамъ все разскажу.

ХОТЯТЪ ПТИ.

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ И БРЫЗГАЛОВЪ.

БРЫЗГАЛОВЪ.

Здравія желаемъ! Честь нѣмемъ поздравить съ благодатной погодой.

АНЕТА.

Ахъ, какой скучный, уйдемте отъ него!

БРЫЗГАЛОВЪ.

Позвольте васъ спросить, барыни, не изволили ли обронить что-нибудь?

АНЕТА.

Нѣтъ, нѣтъ, мы ничего не обронили, намъ некогда, извините! Пойдите, Анна Сергѣевна, я сама выпрошу позволеніе у вашего супруга.

УХОДЯТЪ.

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМНАДЦАТОЕ.

БРЫЗГАЛОВЪ, одинъ.

Ушла! не можетъ меня видѣть! Вотъ каждый день такимъ манеромъ, взглянуть и повернется... да вѣдь, то есть, какъ повернется! Картинка! Нѣтъ, братъ, Осипъ Кондратьевичъ, видно и тебѣ придется на право кругомъ, знать не твоего года ягода.... Эхъ-ма! да и куда у меня удалство дѣвалось. Бывало первый на крышу лезешь: «Васильевская, качай!» дѣло кончено! бывало хоть какое полымя потушишь, а теперь нѣтъ! (помазываетъ на сердце) здѣсь вотъ словно вода въ бочкѣ замерла. Вотъ что значитъ любовь, настоящая, благородная, сдѣлаешься тише воды и ниже травы.... Эхъ они ее тутъ притоптали! Однако жъ между прочимъ, кто же это писемцо обронилъ.... Съ городской почты не

можетъ быть: ни части, ни квартала, ни номера; по этому адресу же скоро съобщатъ: «Прелестной обитательницей здѣшнихъ нѣтъ». Видно къ женщинамъ, а можетъ быть къ друзьямъ — дѣло закрытое.... (лай за сценой). Эхъ, на кого это Буянка разлаялась: цыцъ, цыцъ! Буянка, цыцъ!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

БРЫЗГАЛОВЪ и БИРЮКОВЪ.

БИРЮКОВЪ.

Чортъ бы ее побралъ!... Проклятая дача! Что вы тутъ разгуливаете?... Что вы не унимаете вашихъ собакъ! Проходу нѣтъ отъ нихъ!

БРЫЗГАЛОВЪ.

Помилуйте, моя Буянка такая смирная, пугливая, никого сама не тронетъ.

БИРЮКОВЪ.

Какая къ чорту смирная! Я шелъ задумавшись, а она тутъ лежала у забора, я чихнулъ, а она меня чуть за шкуру не схватила!

БРЫЗГАЛОВЪ.

А, такъ видите, вы ее сами изволили испугать!

БИРЮКОВЪ.

На что это похоже: свои собаки грызутся!

БРЫЗГАЛОВЪ.

Извините, еще съ провозня насъ не узнала, а собака смирная.

БИРЮКОВЪ.

Проклятая дача! На каждомъ шагу неприятности!

БРЫЗГАЛОВЪ.

Сдѣлайте милость не ходите по травѣ, я завтра косить двораюсь.

БИРЮКОВЪ.

Провалитесь вы съ вашей травой, да и съ дачей-то вмѣстѣ.

БРЫЗГАЛОВЪ, оплечиваясь

Что это, Господь съ вами! Да, гдѣ же вы во всемъ околоткѣ найдете лучше моей дачи? Вѣдь я такъ берегу и забочусь о моихъ жильцахъ, что и сказать нельзя! Вотъ хоть теперь примѣрень будучи, нашелъ какую-то записку у вашего подсадынка: другой бы взялъ себя, а я такъ нѣтъ, на мое дѣло, надо прежде показать жильцамъ.

БИРЮКОВЪ.

Записку у моего подсадынка?! Покажите, покажите!...

БРЫЗГАЛОВЪ.

Извольте-съ.... я не распечатывалъ, почему зкѣтъ, можетъ-бытъ съ деньгами!

ВПРЮКОВЪ.

Что это?! Записка къ женщинамъ!

БРЫЗГАЛОВЪ.

Да-съ, можетъ-бытъ какая-нибудь амурная!

ВПРЮКОВЪ.

Что, что, что! Охъ, ничего не видя меня въ жаръ бросило....

БРЫЗГАЛОВЪ.

Да-съ, сегодня, такъ слава Богу тепленько! Развѣ къ ночи, но жеть-бытъ, дождикъ соберется.

ВПРЮКОВЪ.

«Прелестной обитательницѣ здѣшнихъ мѣстъ». А, это ясно!

БРЫЗГАЛОВЪ.

Видите, какъ тонно сказано?!

ВПРЮКОВЪ.

Это вѣрно къ ней! головой отвѣчаю: не даромъ у меня здѣсь гвоздиль.... Ступайте, ступайте, хозяйня, эта записка.... ко мнѣ!.. ко мнѣ!..

БРЫЗГАЛОВЪ.

Какъ?... къ вамъ?... да вѣдь это къ женщинамъ!

ВПРЮКОВЪ.

То есть, эта записка.... отъ меня.... я ее потерялъ.

БРЫЗГАЛОВЪ.

А, вотъ что!... Ай да старый хрѣвъ... еще любовныя записки писать! Ну, хорошо же, что я не показалъ его вашей супругѣ... а то бы, знаете, неловко....

ВПРЮКОВЪ.

Что, неловко? что вы хотите этимъ сказать?

БРЫЗГАЛОВЪ.

Извѣстное дѣло.... мнѣ бы было неприятно.... можетъ-бытъ.... ежели бы она.... то есть.... какъ-нибудь....

ВПРЮКОВЪ.

Что вы тутъ путаете?!.. Самъ ничего не знаетъ, а туда же суется.... васъ никто не спрашиваетъ! Вы послали записку и прекрасно, я вамъ очень благодаренъ, и дѣло съ концомъ, а васъ не прошу вмешиваться въ мои семейныя дѣла!

БРЫЗГАЛОВЪ.

Помилуйте, я можно сказать изъ привязанности....

ВИРЮКОВЪ.

Привязывайте лучше вашихъ собакъ , а меня оставьте въ покоѣ! Не вадъ дѣла.

ВРЫЗГАЛОВЪ.

За что же вы изводитѣ гнѣваться?

ВИРЮКОВЪ.

Оставьте меня, говорю вамъ....

ВРЫЗГАЛОВЪ.

Иду, иду-съ.... Вотъ жильцовъ себѣ какихъ напустилъ: самого хозяина чуть въ шею не толкаютъ.... Давеча господинъ Рохлинъ оборвалъ , ни дай ни вынеси , теперь этотъ ни за что ни про что....

ВИРЮКОВЪ.

Уйдете ли вы?!

ВРЫЗГАЛОВЪ.

Счастливо оставаться.... Да не ходите по травѣ, завтра косить собираюсь.

Уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

ВИРЮКОВЪ, однт.

Наслы ушелъ! Ну, что-то я узнаю (*читаетъ*). «Съ того несчастливнаго дня, то есть съ 21 мая, какъ берега тихой Карповки очастливились вашимъ появленіемъ, я потерялъ мою драгоценную свободу....» 21, такъ и есть! Мы 20 числа переѣхали сюда: «Вотъ уже давно прошли Петровка, а я еще не смѣлъ сказать вамъ о моемъ страданіи. Роковое признаніе не могло сорваться съ робкаго моего языка, но мои взгляды вѣроятно высказали вамъ тайну моего сердца. Если вы меня поняли, то мнѣ будетъ достаточно одного вашего краснорѣчиваго взгляда, и тогда я счастливѣйшій человекъ въ мірѣ. Я живу съ вами почти подъ одной крышей, дышу однимъ воздухомъ, но увы! на долго ли это блаженство!» -- И безъ подписи! Но мнѣ все равно! кромѣ его, никто не напишетъ такой пошлости! Вотъ онъ, проклятыя дачи, до чего доводятъ! «Живу подъ однимъ воздухомъ, дышу одной кровлей!!!» — Нѣтъ, чортъ возьми, я этого не потерплю! Сейчасъ же пойду, отыщу его, и спрошу, какъ онъ смѣлъ.... да нѣтъ, онъ отперется! нарочно, фамиліи не подписалъ.... мошенникъ! — Пойду къ жевѣ, скажу ей.... нѣтъ, и она не признается! Онъ здѣсь не называетъ ея имени!! Каково голубчики придумали! — И концовъ не найдешь!! — Хорошо же, коли на то пошло.... покажу эту записку его дражайшей половинѣ.... она должна

Т. ХСVI. — Огд. I.

у7

знать руку своего негодяя.... Пускай она старая дура... Эхъ, дай я не умѣю ея.... По-дѣломъ намъ обонимъ!... Ахъ, Боже мой! ноги подгибаются!... Проклятая дача!

Опускается на скамью.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ-ПЕРВОЕ.

БИРЮКОВЪ и МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Поди, поди, отыщи его, гдѣ хочешь! скажи ему, что я здѣсь въ саду, чтобы онъ сію минуту пришелъ сюда.... О извѣнникъ! чудовище!... теперь ужъ онъ меня не разувѣритъ.... улика въ моихъ рукахъ! Посмотримъ, какъ онъ теперь извернется!... Я задыхаюсь отъ досады! Охъ, тяжело, тяжело! Я не перенесу этого!

БИРЮКОВЪ.

Нелегкое меня повесело на дачу! въ городѣ бы, можетъ-быть, ничего этого не случилось!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Здѣсь на дачѣ онъ совсѣмъ изъ рукъ вонъ!

БИРЮКОВЪ.

Здѣсь ей раздолье! свобода! дѣлай, что хочешь.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

О, чудовище!

БИРЮКОВЪ.

О, кокетка!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что-съ?... а, это вы!

БИРЮКОВЪ.

А, вы здѣсь.... извините, я васъ не замѣтилъ (*старая дура*)!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Старый шутъ! женился на этакой вертушкѣ.... что мудренаго?!... Какъ не войти дури въ голову!

БИРЮКОВЪ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, глупъ бы онъ былъ, еслибъ не волочился отъ этакаго сокровища.... я, милостивая государыня, собрался было къ вамъ!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А я тоже хотѣла васъ видѣть....

БИРЮКОВЪ.

Право? Стало быть мы сошлись здѣсь кстати?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, очень кстати!

БВРЮКОВЪ.

Въ чемъ же дѣло?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я, сударь, церемониться съ вами не стану!...

БВРЮКОВЪ.

Я, тоже, безъ обиняковъ вамъ все выскажу!...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы, сударь, душно смотрите за вашей женой!

БВРЮКОВЪ.

Право? хорошо ли то вы глядите за вашимъ вѣтрогономъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Чужую крышу нечего крыть, когда своя течеть!

БВРЮКОВЪ.

Туть, сударыня, рѣчь идетъ не о крышѣ, а дѣло открытое! Я вамъ могу представить формальное доказательство!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А, вы думаете, что я вамъ говорю на вѣтеръ, что у меня нѣтъ уликъ почище вашего?

БВРЮКОВЪ.

Если вы не унете вашего мужа, у насъ дождеть съ нимъ до исторіи! Я чести своей коснуться не дозволю.... я.... я.... я буду — жаловаться!!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Полноте пожалуйста! Мой мужъ и не подумалъ-бы объ вашей женѣ, еслибъ она сама не подавала повода!

БВРЮКОВЪ.

Вашъ мужъ—негодяй, соблазнитель!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Какъ вы смѣете это говорить? Ваша жена кокетка, вѣтренница! и вотъ вамъ письменное тому доказательство: эту записку я сейчасъ нашла у него въ бюро!

БВРЮКОВЪ.

Что, что?!... Записка отъ моей жены!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, сударь, посмотрите, ея ли это рука?

БВРЮКОВЪ.

Ничего не вижу.... ничего не разберу!...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Дайте-же я вамъ прочту: «Ваша упрёки несправедливы! вы «да на минуту не выходили изъ моей памяти» — каково!!

БВРЮКОВЪ.

Дайте, дайте!!..

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

«Признаюсь, я очень сердилась на васъ, но теперь сержусь на самое себя. Ваши страданія меня душевно трогаютъ. Вы меня любите, и я совершенно счастлива, больше мнѣ нечего вамъ сказать. Ваша Анета» — Каково? ну что вы скажете?

ВЕРЮКОВЪ.

Зарѣзала!! орамила на всю Петербургскую сторону!...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

«Ваши страданія меня душевно огорчаютъ» а? каково?!

ВЕРЮКОВЪ.

Погодите, погодите.... Сейчасъ и я васъ также поподчую.... прочтите ка теперь вы, посланіе вашего голубчика.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что?... Письмо моего мужа?!

ВЕРЮКОВЪ.

Вы вѣрно знаете его почеркъ?...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

То то и бѣда, что нѣтъ.... Ну да все равно, дайте поскорѣ....

ВЕРЮКОВЪ.

Да, сударыня, не угодно-ли я вамъ прочту въ свою очередь....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, нѣтъ, я сама: «съ того незабвеннаго дня»....

ВЕРЮКОВЪ.

Каково?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Постойте, постойте, не мѣшайте.

(Продолжаетъ читать, тихо).

ВЕРЮКОВЪ.

О пзмѣнница! Неблагодарная! я съ ней раздѣляюсь: завтра же переѣду съ дачи, сейчасъ же найму пзвошниковъ, запру ее на замокъ, ни на шагъ изъ дому не пущу, сторожа приставлю, охъ, духъ захватываетъ.... ноги подгвбаются!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Охъ онъ чудовище! охъ, дурно! дурно! воды! воды!!

ВЕРЮКОВЪ.

Дайте и мнѣ чего ввбудь!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да что же вы тамъ сидите, помогите мнѣ!

ВЕРЮКОВЪ.

Эхъ, отстаньте пожалуйста! я самъ не могу пошевелиться.... Проклятая дача! здѣсь умрешь, такъ никто не услышитъ!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Такъ хоть закричите, подите.... я не могу, у меня спазмы!

ВЕРЮКОВЪ.

Эй, ктонибудь! Пожалуйста подите сюда!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Воды, воды! охъ! такъ вотъ здѣсь и горитъ!

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЕ И ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же и всѣ другіе.

В С ъ .

Что такое? что случилось?

ВРЫЗГАЛОВЪ.

Кричать, воды?!.. Гдѣ горитъ? Не выкинуло ли изъ трубы?!

ВЕРЮКОВЪ И МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А, милости просимъ, милости просимъ, вы какъ разъ поспѣли на очную ставку!

ВМѢСТѢ.

АННА СЕРГѢЕВНА.

Что съ вами?

НЕВОЛННЪ.

Что это значить?

ВЕРЮКОВЪ.

И вы не краснѣете, сударыня?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

И ты можешь спокойно на меня смотрѣть? Извергъ!!

ВМѢСТѢ.

АННА СЕРГѢЕВНА.

Что это за комедія?

НЕВОЛННЪ.

Что за драма?

РОХЛННЪ.

Что за исторія?

РОХЛННЪ.

Извините, я можетъ-быть лишній, я такъ печально попалъ сюда, я уйду....

ВЕРЮКОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, останься Федоръ Ивановичъ, я хочу, чтобъ всѣ были свидѣтелями моего стыда и ея невѣрности!

ВМѢСТѢ.

АННА СЕРГѢЕВНА.

Да растолкуйте пожалуйста!

НЕВОЛННЪ.

Объясните наконецъ, что это значить?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

внѣстѣ { И она еще спрашиваетъ!...

БЕРЮКОВЪ.

{ И она, какъ будто не поднимаетъ!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Читай взмѣнникъ, коли на то пошло!

БЕРЮКОВЪ.

Читайте и вы мою отходящую!

АННА СЕРГЪЕВНА.

Кто это пишетъ?

НЕВОЛИНЪ.

Чье это письмо?

БЕРЮКОВЪ И МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Читайте, читайте!

НЕВОЛИНЪ.

«Съ того незабвеннаго дня, какъ берега тихой Карповки....»
что это за чепуха?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА И БЕРЮКОВЪ.

Читайте, читайте!

РОХЛИНЪ.

Позвольте, позвольте.... это не годится, это писано совсѣмъ
не для всеобщаго свѣдѣнія....

БЕРЮКОВЪ.

Не ваше дѣло, Федоръ Ивановичъ, не ваше дѣло.... дайте ему
кончить!...

РОХЛИНЪ.

Ну, ужъ извините, я человекъ скромный! Вы видите, я по-
краснѣлъ отъ первой строчки, а ужъ отъ прочаго пожалуйте
увольте.... это очень конфузно!!.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (мужу).

Видишь ли, посторонніе люди за тебя краснѣютъ!

НЕВОЛИНЪ.

Да что за вздоръ! если бъ я и вздумалъ написать къ кому
нибудь, такъ вѣрно бы написалъ потолковье этого....

РОХЛИНЪ.

Позвольте, позвольте.... Вы меня обижаете, я хотѣлъ выразить
мои чувства....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА И НЕВОЛИНЪ.

Какъ? Такъ это вы писали?!

РОХЛИНЪ.

Извините, Марья Андреевна, это собственное мое сочиненіе.

ВЕРЮКОВЪ.

Что? что? ты писалъ къ моей женѣ?

РОХЛИНЪ.

Какъ это можно, Юма Юмичъ, развѣ вы меня не знаете?... Я на это неспособенъ....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА И ВЕРЮКОВЪ.

Такъ къ кому же это письмо?

РОХЛИНЪ.

Извините, я не виноватъ.... это Ульяна меня поддѣла!

НЕВОЛЯНЪ.

Вотъ забавно! Такъ къ ней что-ли вы писали?

РОХЛИНЪ.

О, помилуйте, какъ это можно.... она меня увѣрила, что отда-ла Аннѣ Михайловнѣ.... Извините, Анна Михайловна.... я не смѣлъ на словахъ....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А, такъ вотъ въ чемъ дѣло!...

НЕВОЛЯНЪ.

Видите, сударыня, вотъ всегда ваша ревность этимъ кончается.

АННА СЕРГѢЕВНА (УЖУ).

Видите?

ВЕРЮКОВЪ.

Ну, хорошо, эта статья кончена, а что вы скажете объ этой....

АННА СЕРГѢЕВНА.

Кажется я догадалась въ чемъ дѣло, и передаю кому слѣдуетъ.
(Отдастъ Анетѣ).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Какъ, племянница!!

АНЕТА

Извините, тетушка.

РОХЛИНЪ.

Что я слышу! какое счастье! такъ вы написали мнѣ отвѣтъ?

НЕВОЛЯНЪ.

Нѣтъ, господинъ Рохлинъ, пишете пропаю: она у насъ патриотка, любить военныхъ людей!

БРЫЗГАЛОВЪ.

Да.... то есть.... примѣрно сказать не кавалериста.... а такъ.... около того.... то есть.

НЕВОЛЯНЪ.

То есть не васъ. Это письмо къ Ольгину, ея жениху!

РОХЛИНЪ И БРЫЗГАЛОВЪ

Вотъ тебѣ разъ!

АННА СЕРГЬЕВНА.

Ну, сударь, что вы теперь скажете? и вы не постыдились, при всѣхъ....

ВИРЮКОВЪ.

Виновать, виновать, мой дружочек!

НЕВОЛИНЪ (женѣ).

А, вы, сударыня, опять хозяйничали въ моемъ бюро?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не сердись, мой ангелъ, право это въ послѣдній разъ!

НЕВОЛИНЪ

Если вы хотите, чтобъ я васъ простилъ, согласитесь сію же минуту на ея свадьбу.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Согласна, согласна на все, только прости меня.

НЕВОЛИНЪ.

Чтобъ доказать нашу общую мировую и увѣрить другъ друга, что у насъ здѣсь совершенное согласіе, теперь же отправимся въ Конкордію. Лодка готова, и вы вѣрно не откажетесь?

ВИРЮКОВЪ.

Такъ и быть.... согласенъ (*Особо*). А на той недѣлѣ все таки переѣду съ дачи.

РОХЛИНЪ.

Ну, подкосили меня, подкосили!

БРЫЗГАЛОВЪ.

Не ходите пожалуйста по травѣ, завтра собираюсь косить.

Всѣ уходятъ.

=

СКИТЬ ГЕОСИМАНСКІЙ.

Когда пришедшіе на поклоненіе святымъ мѣстамъ Іерусалимскимъ, напитавъ душу свою великою святынею Гроба Господня, пожелають видѣть и мѣсто величайшаго изъ чудесъ Христовыхъ, упраздненный гробъ четверодневнаго мертвеца Лазаря, — они исходятъ изъ стѣнъ святаго града къ востоку, путь горы Масличной. Но прежде, нежели достигнуть Виваніи, спускаются въ глубокое русло потока Кедрскаго, среди жертваго безмолвія долины Юсафатовой: направо лежитъ путь къ селенію Лазаря, вдоль потока, еще нѣсколько осѣненнаго остатками тѣхъ масличныхъ рощей, которыя нѣкогда покрывали всю гору и оставили ей свое имя;halbvo, при самомъ подъемѣ горы, въ виду священнаго вертограда, гдѣ молился Господь, въ ночь, когда былъ преданъ ученикомъ своимъ, — вертепъ Геосиманскій. Тамъ упраздненная гробница Матери воскресшаго Сына, который также положилъ трехдневный предѣлъ для ея гробоваго покоя: ибо погребавшіе ее съ плачемъ Апостолы, на третій день ея успѣнія, уже не обрѣли дѣвственнаго ея тѣла: — она была взята ангелами на небо, волею Сына ея и Бога!

Такъ въ Палестинѣ. Нѣчто подобное, мѣстностью и близкии сердцу именами, видимъ мы и въ отечествѣ нашемъ, подъ сѣнію священной Лавры, столько разъ его ограждавшей отъ временныхъ бѣдъ. Усердный богомолецъ, въ храмѣ

Живоначальная Троицы, сложивъ брежа сердечныхъ заботъ, у раки великаго заступника земли русской, Сергія, идетъ также къ Виѳаніи, восточными вратами; оставивъ за собою зубчатая твердыни Лавры, которыя напоминаютъ древнія бойницы іерусалимскія, онъ долженъ также спуститься на дно живописной долины, прежде нежели достигнетъ осыпанныхъ рощею высотъ виѳанскихъ. Но какая новая Геѳсиманія представляется вѣво, по ту сторону обильныхъ водъ, на самомъ подъѣмѣ лѣсистой горы, по которой лежитъ путь въ Виѳанію?—Одни только убогія врата, на краю рощи и дороги, обличаютъ существованіе пустыннаго скита, углубившагося въ чашу деревъ, на уединенный берегъ мирнаго пруда. Тамъ, гдѣ нѣкогда было мѣсто отдохновенія и развлеченій, а можетъ-быть и глубокихъ думъ юныхъ питомцевъ Виѳанскихъ, будущихъ пастырей Церкви,—теперь пустынный скитъ, и въ немъ неумолкаемое чтеніе псалтыря, неусыпное бдѣніе живыхъ за усопшихъ.

Посреди обширнаго двора, прилегающаго къ прудамъ, и съ трехъ сторонъ обнесеннаго оградой, возвышается деревянная церковь и къ ней примыкаютъ келліи настоятеля скитскаго, простая, убогія, какъ и все устройство сего уединеннаго мѣста; нѣсколько деревянныхъ келлій раскинуто внутри ограды, длинная березовая аллея, остатокъ прежняго сада, пересѣкаетъ пустоту обширнаго двора:— это путь болѣе никуда не ведущій, ибо здѣсь кончается всякая земная стезя для отшельниковъ; мысли ихъ обращены къ иной отчизнѣ, къ которой ведетъ дорога черезъ Сіонъ и Іерусалимъ; непрестанно исторгаются сладкія имена сін пзъ устъ ихъ, словами псалмовъ, не умолкающихъ въ церкви. Одна только литургія субботняя и воскресная прерываетъ чтеніе псалтыря, которое попеременно исполняютъ двѣнадцать братій, по обычаю прочихъ скитовъ нашего отечества. Въ прочіе дни недѣли совершаются только утрення, часы, вечерня и правило монашеское, также по древнему чину церковному.

Замѣчательна своею простотою церковь скита, не вновь сооруженная, но только перенесенная на новое мѣсто, изъ сосѣдняго села, гдѣ оказалась излишнею. Руки преподобныхъ ее основали и здѣсь возвратилась она къ своему пер-

вобытному назначенію, ибо послѣ разоренія Литовскаго, святой архимандритъ Діонисій и ксарь Авраамій Палпычъ, освободители своего отечества, воздвигли ее на мѣсто сгорѣвшей церкви въ селѣ Подсосеньи, для женской обители, которая впоследствии была упразднена и присоединена къ Хатьковской. Чрезвычайное благоволеніе поражаетъ всякаго входящаго во внутренность церкви изъ крытой паперти, ее окружающей по образцу древнихъ храмовъ; престолъ ея и жертвенникъ и весь иконостасъ устроены изъ кипариса, и вся она обложена внутри по стѣпамъ кедромъ, пемкомъ и кипарисомъ, такъ какъ изъ сихъ древъ сооружено было, по мѣстнымъ преданіямъ іерусалимскимъ и по слову пророческому, честное древо креста Господня. Нѣтъ никакого убранства или металла въ церкви; всѣ ея украшенія рѣзные деревянные, и самыя паникадила и подсвѣчники изъ дерева, съ соблюденіемъ всей строгости скитской; царскія и сѣверныя двери, съ нѣкоторыми иконами, уцѣлы еще отъ древней церкви. Достоинно вниманія, что евангелисту Іоанну данъ символъ крылатый левъ Марка, а Марку его орелъ; но особенно замѣчательна сѣверная дверь. На ней изображена вся повѣсть нашего паденія: искушеніе праотцевъ нашихъ змеемъ, въ образѣ жены, и ихъ изгнаніе изъ рая, и потомъ, послѣ изгнанія, ангелъ, вручающій Адаму заступъ для земледѣлія, а на верху праведные Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, держащіе въ лонѣ своемъ души младенческія.

Въ утѣшительную противоположность сей двери, напоминающей намъ горькое изгнаніе, изображено на южной первое радостное возвращеніе въ утраченный эдемъ, благоразумнаго разбойника, вооруженнаго древомъ креста. — Подлѣ сей двери, въ ряду мѣстныхъ иконъ, написанъ Преподобный Сергій, окруженный сотрудиниками постнической его жизни и начальниками обителей, которыя произрастала его Лавра, какъ тѣнистое древо, насажденное при водахъ. Здѣсь цѣлый соборъ иноковъ и святителей, живая лѣтопись посмертныхъ подвиговъ Сергія. Здѣсь, кромѣ ближайшихъ учениковъ, означенныхъ въ его житіи, Симонъ братъ его и племянникъ Теодоръ, епископъ Ростова, и Михей, свидѣтель чуднаго посвященія Богоматери, спутатель житія его Епифаній и пер-

вый преемникъ Никонъ, Максимъ Грекъ, страдалецъ за правду, и два другихъ изгнанника, лишенные кафедръ, архіепископъ Серапіонъ и митрополитъ Іоасафъ, защитникъ лавры архимандритъ Діонисій, и основатели обителей Савва Звънигородскій, Андроникъ, Аванасій Чухломскій, Сергій и Павелъ Обнорскіе, Романъ, уединившійся на Киржачъ, и Меодій на Пъсношъ, и въ Серпуховѣ Аванасій, и Стеванъ Махрицскій, доселѣ соблюшій въ своей обители подчиненіе лаврѣ, какъ послушное чадо матери, и много еще иныхъ, записанныхъ свѣтлою строкою въ книгѣ жизни и на скрижаляхъ нашего отечества. Здѣсь они, съ Сергіемъ и Никонъ, представлены водружающими крестъ Господень, а на противоположной сторонѣ соотвѣтствуетъ имъ ликъ всѣхъ святыхъ, торжествуемыхъ православною церковію, дабы всѣ они имѣли участіе въ молитвахъ сего новаго дома молитвы: лики Сергія, Никона и Святыхъ, почіющихъ подъ стѣною ихъ обители, Михея, Максима, Діонисія, Серапіона и Іоасафа, изображены еще и со входа, на кипарисовыхъ стѣнахъ трапезы, а большое изображеніе перваго основателя храма сего, архимандрита Діонисія, списанное съ подлиннаго его портрета въ лаврѣ, блюдетъ сѣверныя врата церкви, противъ которыхъ устроено одно лишь малое оконце въ келліи настоятельскія.

Въ южномъ отдѣленіи алтаря, который выдается тремя полукружіями, по подобію древнихъ каменныхъ храмовъ, устроенъ былъ малый придѣлъ, во имя нерукотвореннаго Спаса, знаменитымъ келаремъ Аврааміемъ Палицынымъ; но придѣлъ сей упраздненъ нынѣ по тѣснотѣ, главный же престолъ, теперь какъ и прежде празднуетъ успенію Богоматери, ибо отъ самаго начала церковь греческая и російская любили учреждать свои соборные храмы, въ городахъ и обителяхъ, на память чуднаго собора Апостоловъ, которые соединились внезапно на Сіонѣ, для возданія погребальнаго долга Матери проповѣданнаго ими Бога. Однако же не самому дню Успенія будетъ праздновать церковь Скитская, дабы не отвлекъ благоговѣйныхъ поклонниковъ отъ храмоваго праздника лавры, но на третій день Успенія совершаемо будетъ торжественное воспоминаніе взятія на небо Божія Матери; ибо

Апостолы не обрѣли ее во гробѣ, когда хотѣли утѣшить одного изъ своего лика Тому, опоздавшаго къ ея погребенію. Только въ день сего праздника допускаемы будутъ въ скить вѣстительницы, въ другое время женскому полу возбраненъ входъ въ сіе мѣсто подвига отшельническаго.

Трогательно было и освященіе сей новой Геосиваніи. Оно совершилось въ день преподобнаго Харитонія, перваго отшельника Палестинскаго, и на память блаженныхъ родителей преподобнаго Сергія, Кирилла и Маріи, ровно черезъ три года, отъ того дня, когда самъ настоятель лавры съ своимъ намѣстникомъ, избрали пустынное мѣсто сіе безмолвному пристанищу молитвы. Для сего освященія собрано было все древнее изъ священной лавры, дабы благословеніе Сергіево, Никоново и Діонисіево, видимо перешло на новое ихъ селеніе, въ вещахъ непосредственно къ нимъ близкимъ, чрезъ самую утварь, которую освятили своимъ употребленіемъ. — Опять явились въ священнодѣйствіи, обрадованнымъ взорамъ, убогая риза Сергіева, въ которой митрополитъ Платонъ встрѣчалъ державныхъ посѣтителей лавры, облекаемая среди великолѣпія своего клира, во всеубожество Сергія, и тотъ убогій посохъ, которымъ чудотѣйственно упасъ Сергій всю землю Русскую, послѣ блаженной своей кончины, отказавшись при жизни отъ пастырскаго жезла митрополита Алексія; древнѣйшій крестъ и древнѣйшая панагія, изъ складныхъ деревянныхъ иконъ, скромная митра перваго архимандрита лавры Елѣверія, которую носилъ и преподобный Діонисій, осынили опять перси и главу священнодѣйствовавшаго святителя. Воздвизальный крестъ, съ частію чудотворнаго жезла Моисеева, евангеліе преподобнаго Никона, и убогіе деревянные сосуды, преподобнаго Сергія, въ коихъ совершалъ онъ Божественную службу, освятили собою новый престолъ древней церкви Діонисіевой. До такой степени сблизились между собою бывшее съ настоящимъ, что въ этомъ смѣшеніи разновременныхъ воспоминаній отрадно забывалось сердце и окрыленная ими душа непрестанно спускалась и подымалась по дивной лѣствицѣ времени и событій, какъ бы уже за предѣлами времени. Самъ, облаченный въ одежды Сергіевы, святитель казался былъ

пропинутьъ душою его молитвы отъ прикосновенія ризъ его; и когда, съ воздѣтыми къ нему руками, предстоялъ престолу Царя Христа, въ часъ совершенія его безкровной жертвы, онъ представлялся восхищеннымъ взорамъ, какъ бы однимъ изъ древнихъ, возставшихъ на молитву. И вотъ, по совершеніи Божественной службы, въ сладостной рѣчи и въ потоки слезъ, излилась сотрясенная чрезъ мѣру душа его, устами и очами пролагая путь избытку чувствъ своихъ, которыя съ тою же силою откликнулись въ сердцахъ всѣхъ ему внимавшихъ.

—

Ты воскресъ ущедриши Сіона: яко время ущедриши его, яко крииде время. Яко благоволиши рабы Твои каменіе его: и персть его ущедрятъ. Псаломъ СІ. 14. 15.

Что это за камни Сіона, о которыхъ благоволятъ рабы Господни? Что за персть, которая имъ любезна?— Это камни и персть разрушеннаго Іерусалима, и особенно разрушеннаго древняго святаго храма іерусалимскаго. Пророкъ смотритъ на сіи развалины во времена плѣненія Вавилонскаго; смотритъ въ то же время на душевныя расположенія народа іудейскаго: и на семъ возрѣніи основываетъ надежду новаго благоволенія Божія къ Іерусалиму и храму.

Ты воскресъ ущедриши Сіона. То есть: Богъ умилосердится надъ Іерусалимомъ, и возстановитъ Свой храмъ.

Пророкъ дерзаетъ даже опредѣлить, что сіе должно совершиться вскорѣ. *Яко время ущедриши его, яко крииде время.*

Но почему онъ знаетъ, что сіе будетъ, и должно быть вскорѣ?— *Яко благоволиши рабы Твои каменіе его: и персть его ущедрятъ.* То есть: поелику Іудей, своими душевными расположеніями, являютъ теперь себя достойными наименованія рабовъ Божіихъ; поелику они даже предъ развалинами храма Божія благоговѣютъ къ его древней святыни; съ любовію, съ умиленіемъ взираютъ на самыя камни и персть, какъ на остатки святилища, въ которомъ обитала благодать Божія: то должно уповать, что Богъ вскорѣ умилосердится

идеъ Іерусалиномъ, возстановитъ храмъ Свой, и вновь будетъ обитать въ немъ Своею благодатію.

Надежда сія самымъ дѣломъ исполнилась при Первосвященникѣ Іисусѣ и князѣ Зоровавелѣ.

Но уиѣстно ли говорю я о судьбѣ столь великаго храма, когда думаю о судьбѣ столь малаго храма, какъ сей, въ которомъ теперь мы находимся? — Думаю, что не совѣмъ неумѣстно. Тотъ и другой суть храмы единаго истиннаго Бога: потому естественно предполагать нѣкое въ судьбѣ ихъ единство, хотя и при разности многихъ обстоятельствъ. Притомъ и малый храмъ Христіанскихъ таинствъ и Христіанской истины не слишкомъ малъ предъ великимъ храмомъ съней и гаданій.

Двѣсти-двадцать-семь лѣтъ стоялъ сей древній храмъ, былъ созданъ Лаврою Преподобнаго Отца нашего Сергія, въ начальствованіе Преподобнаго Отца нашего Діонисія, и тогда еще представленъ въ покровительство Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы, въ память славнаго Ея Успенія, дабы, по сей памяти, Она съ благоволеніемъ призирала на него, какъ бы на Свою Геосиманію. Время, съ своимъ закономъ истлѣнія, осторожно прикасалось къ тлѣнному веществу, на которомъ положено было благословеніе Святыхъ. Но какъ человѣкъ иногда самъ не довольно бережетъ то, что бережетъ для него Природа и Провидніе: то наконецъ храмъ сей обреченъ былъ опустѣнію, а въ слѣдъ за тѣмъ и конечному разрушенію огнемъ. Въ сіе время воспоминали ны древнихъ почитателей древняго іерусалимскаго храма: и какъ они благоволиша каменіе его; такъ и нашъ самое древо сега нашего храма, и нѣкоторые въ немъ останки древнихъ вѣщанныхъ изображеній, показались драгоценными, достойными благоговѣйнаго сохраненія. Но какъ уже не можно было сохранить сей храмъ на прежнемъ его мѣстѣ: то здѣсь, древнее купно и новое, мы *обрѣли мѣсто Господово, аселеміе Богу Іаковлю* (Псаломъ СXXXI, 5.)

Боже Отецъ нашихъ! Ты воскресъ ущедриши Сіонъ. Ты воскресши въ храмъ семъ древнее благословеніе, и ущедриши его новою благодатію. Да будетъ, Господи!

Но что далее будетъ съ симъ обновленнымъ храмомъ, и

съ новыми окрестъ его смиренными жилищами? — Ты всѣи, Господи! Будеть то, чему повелитъ быть Твое вседѣтельное Слово, которое нарицаетъ не сущая, яко сущая, возсозидаетъ разрушенное, возоставляетъ падшее, возвышаетъ смиренное, воскрешаетъ умершее, спасаетъ погибшее. Будеть то, что испросятъ молитвы Святыхъ и Преподобныхъ Отець нашихъ: Сергія, Никона, Михея, Іоасафа, Серапіона, Максима, Діонисія, и прочихъ сподвижниковъ ихъ и сообитателей въ земной, и въ небесныхъ обителяхъ. Будеть то, чему не воспрепятствуютъ быть наши грѣхи, наши немощи, наше недостойнство.

Нѣкто изъ Отцевъ спросилъ нѣкоего великаго изъ Отцевъ: какое есть доброе дѣло, которое бы мнѣ сдѣлать, такъ чтобы оно было дѣломъ моей жизни? Авва отвѣтствовалъ: не всѣ дѣла равны для всякаго. Книги говорятъ, что Авраамъ былъ страннолюбивъ, и Богъ былъ съ нимъ. Ілія любилъ безмолвіе, и Богъ былъ съ нимъ. Давидъ былъ смиренъ, и Богъ былъ съ нимъ. Итакъ въ чемъ душа видитъ для себя хотѣніе Божіе: то и дѣлай. Наипаче же храни сердце свое.

Кто хочетъ подражать Авраамову страннолюбію, Давидову смиренію: тотъ, какъ самые сіи примѣры показываютъ, можетъ упражняться въ сихъ добродѣтеляхъ повсюду: на пути, въ домѣ, въ деревнѣ, въ городѣ, на престолѣ. Такъ ли легко найдетъ себѣ открытое и нестѣсненное поприще тотъ, кто изберетъ дѣломъ жизни своей Іліину любовь къ безмолвію? Гдѣ теперь Іліинъ Кармилъ, или Хоривъ? Гдѣ Іоаннова пустыня? Гдѣ дикія мѣста палестинскія и египетскія, которыя чуднымъ образомъ угождающая благодати природа сдѣлала неспособными для обыкновенныхъ селеній человѣчeskихъ, чтобы сберечь для жительства земныхъ Ангеловъ? Сонны сихъ Ангеловъ переселились въ сродное небо; земныя жилища ихъ, едва не безъ остатка, пришли въ запустѣніе; и на поприщѣ духовнаго безмолвія вновь рыщетъ одинокій звѣрь, или скитается полудикій человѣкъ. Переселилась любовь къ безмолвію и въ наши страны, и избрала для себя пещеры, лѣса, мѣста удаленныя не только отъ жилищъ, но и отъ путей человѣческихъ, чего близкій примѣръ

лиѣтъ въ Преподобномъ Сергіи: но какъ, по непреклонному слову Христову, *не можетъ градъ укрытися вергу горы стоа* (Матей V. 14); то высоко возрастшая и созрѣвшая любовь къ безмолвію, обыкновенно не оставалась сокрытою; привлекала учениковъ, почитателей, посѣтителей, и отъ сего множества любителей или почитателей безмолвія, кромѣ другихъ причинъ, почти по необходимости, стало тѣсно безмолвію. Между-тѣмъ и пустыни нашихъ странъ, по самой природѣ, менѣ южныхъ удобныя для безустойчиваго пустынножительства, съ теченіемъ времени, сдѣлались для него менѣ прежняго просторными и свободными, по дѣйствію распространившагося народонаселенія.

Чего же посему ожидать? Путь Іліи, путь Іоанна Крестителя, путь Антонія Великаго, долженъ ли увидѣть себя оставленнымъ, и возрыдать, подобно какъ нѣкогда, по сказанію Іереміи, *нѣтіе Сіони рыдали, яко плетъ ходящихъ по нѣхъ въ праздникъ* (Плачь Іереміи I, 4)? Міръ, вѣроятно, не почелъ бы сей потери тяжкою, но не такъ думать поучаетъ опытъ вѣковъ. Никто въ городахъ и селеніяхъ израилевыхъ не нашелъ столько силы, — одинъ Ілія въ пустынѣ нашелъ столько силы, — чтобы одному, одною силою духа, побѣдно сражаться съ господствовавшимъ въ его время идолопоклонствомъ. Пустыня, а не вселенная, должна была уготовать Іоанна, чтобы онъ сдѣлался способнымъ уготовать путь Господень для спасенія вселенной. Глубокая пустыня и совершенное безмолвіе воспитали Антонія, до возраста великаго, чтобы онъ могъ потомъ духовно родить, такъ сказать, племя и поколѣніе земныхъ Ангеловъ, пустынножительствовавшихъ, общежительствовавшихъ, священноначальствовавшихъ въ Церкви. Сказанное теперь о Святомъ Антоніи, можетъ сказать въ другой разъ, если на мѣсто его имени поставимъ имя Святаго Сергія.

Итакъ, если для любви къ совершенному безмолвію и въ обителяхъ часто бываетъ тѣсно, и въ дикихъ пустыняхъ не совсѣмъ свободно; а доставить ей благопріятное для нея убѣжище должно быть полезно и нынѣ, какъ полезно было прежде: то гдѣ мы поселимъ ее нынѣ, въ семъ вѣкѣ молвы многія? Не будетъ ли, можетъ быть, ей пріятно поселиться

въ малой, простой, уединенной, отъ молвы по возможности огражденной обители, подъ тѣнью обители великой, подобно какъ нѣкогда Варсонофій Великій обиталъ въ совершенномъ уединеніи подъ тѣнью обители Аввы Серида?

Прииди, благословенная любовь къ безмолвію: Иліина, Юаннова, Антоніева, Сергіева! Скрывайся отъ молвы: но не скрывайся отъ ищущихъ путей твоихъ и слѣдовъ твоихъ, — твоихъ правилъ и твоихъ примѣровъ. Являйся иногда и не ищущимъ, способнымъ принять тебя. Ты устраняешь человѣка отъ видѣнія другихъ, и тѣмъ удобнѣе даешь ему увидѣть самого себя, а *сподобившійся увидѣти себе*, по слову одного изъ твоихъ Таинниковъ, *лучшій есть сподобившагося увидѣти Ангеловъ* (Исаак. Сир. сл. 14). Ты пресѣкаешь бесѣды съ человѣками, и тѣмъ искреннѣе вводишь въ бесѣду со Христомъ. Ты затворяешь дверь внѣшнія храмины, и отверзаешь внутреннюю храмину сердца. Ты подаешь, и научаешь употреблять оружіе противъ страстей. Ты собираешь разсыянные помыслы. Ты погружаешь умъ во глубину Писаній, и почерпаешь свѣтъ. Ты совершенствуешь покаяніе. Ты обрѣтаешь источникъ слезъ. Ты возводишь къ чистой молитвѣ. Ты учишь *молчанію*, которое *есть таинство будущаго вѣка* (Исаак. Сир. сл. 42).

Не для всѣхъ равно призываю любовь къ безмолвію. Жизнь безмолвія не для многихъ. Но посѣщеніе безмолвія для всякаго должно быть вождѣльно. Кто не упраздняетъ себя, хотя однажды въ день, хотя на непродолжительное время, отъ всякаго зешнаго занятія, попеченія, пристрастія, и не вводитъ своей души въ благоговѣнное безмолвіе предъ Богомъ: тотъ еще не позналъ пути міра для души своей. Ибо тако глаголетъ Господь: *упразднитесь, и разумѣйте, яко Азъ есмь Богъ* (Псаломъ XLV. 11). Аминь.

=

ІОСИФЪ.

=

СВЯЩЕННАЯ ПОВѢСТЬ, ЗАИМСТВОВАННАЯ ИЗЪ КНИГИ ЦЫТІЯ.

=

(Мы сочли нужнымъ остановить печатаніе начатой уже здѣсь повѣсти, чтобы по-скорѣе дать мѣсто прекрасному труду одного изъ даровитѣйшихъ учителей благочестія на Руси, украсившаго уже не однажды это изданіе твореніями пера своего. Имя его, столь прекрасно извѣстное, всегда было скрыто на этихъ страницахъ, но голосъ его навѣрное отзывался каждый разъ въ душѣ читателей тѣмъ душевнымъ умилениемъ, которое возбуждаетъ онъ въ слушателяхъ въ другомъ, болѣе святомъ, мѣстѣ.

Нѣсколько строкъ вступленія объяснятъ и цѣль почтеннаго автора и причину помѣщенія здѣсь повѣсти совершенно новаго рода въ изящной словесности. Причина можетъ быть высказана очень коротко. Повѣсть — священнаго содержанія; но изложеніе этой *священной повѣсти*, вполне литературное, и языкъ ея, увлекательны, художественны и приспособлены къ чтенію, любимому современными свѣтскими воображеніями.

Преподобный Евремъ Сирскій, извѣстный писатель четвертаго столѣтія, составилъ сказаніе о Прекрасномъ Іосифѣ, въ литературной формѣ того времени. Это Сказаніе или это Слово читается, по указанію церковнаго устава, на утрени, во вторникъ, на Страстной Недѣлѣ. Почему жъ не быть такому Сказанію въ литературной формѣ, намъ современной? Въ настоящей повѣсти со-

хранена строжайшая историческая точность, какъ того требуютъ и предметъ, заимствуемый изъ Святаго Писанія, и образованность нашего вѣка. Объясненіе преобразованій почерпнуто изъ Святыихъ Отцовъ.

Рѣдкость подобныхъ твореній, такъ спасительно и такъ печально переносащихъ насъ изъ суеты и ея мимолетныхъ наслажденій въ вѣчный міръ духа и небесной добродѣтели, составляетъ уже весьма достаточный поводъ къ предпочтенію здѣсь подобнаго сочиненія всякому другому.

Цѣль писателя видна уже изъ этого. Умъ, исполненный высокаго дарованія, почерпающаго силу и прелесть свою въ благочестіи, не можетъ не смотреть съ прискорбіемъ на то, что въ новѣйшемъ искусствѣ вообще, и въ словесности въ особенности, слыветь красотами и возбуждаетъ восторги. Герои Байрона, Гёте, Шатобриана и ихъ послѣдователей, почитаемые за образцы въ искусствѣ, не могутъ быть объявлены образцами въ нравственности. Возьмемъ ближайшихъ къ вашему сердцу и вкусу, знаменитыхъ, хотя и неравныхъ между собою, писателей, Пушкина и Лермонтова.

Въ лицахъ Овѣгнпа и Печорина изображены эгоисты, современиые каждому изъ двухъ поэтовъ. Взглянувшіе въ это зеркало, узнавшіе въ немъ себя, ощутили ли угрызеніе совѣсти? заронилась ли въ ихъ душу, какъ благословенное сѣмя, мысль исправленія? Сомнительно. *Всегда было* автору Печорина, какъ онъ самъ говоритъ, рисовать *современнаго человѣка*: почему же и *современному человѣку* не весело, увидѣвъ себя нарисованнымъ, не дошопить въ себя, по рисунку художника, то, чего еще не доставило въ его психичности? Самолюбіе вослнщаетъ собой, и радуется своимъ успѣхамъ. Овладевъ челоѣкомъ, оно начинаеть быстро стремиться къ своему печальному совершенству, и стремится, доколѣ изъ челоѣка не выработаетъ демона. Разумѣется, Овѣгнпа, и особенно Печорина, прочитываютъ молодые люди еще предъ вступленіемъ въ свѣтъ, или только что вступивъ въ него, и прочитываютъ со всеѣмъ жаромъ перваго наслажденія новостью, со всею воспріимчивостью юности: этимъ чтеніемъ быиаеть ли произведено въ нихъ отвращеніе отъ эгоизма? Очень сомнительно! Напротивъ, можно съ достовѣрностью полагать, что большая часть юныхъ читателей заразились ядомъ эгоизма. Неуремывно блеснула во многихъ мысль: когъ вѣрный способъ уеѣнать въ свѣтъ!... и — впередъ! — по слѣдамъ Григорія Александровича. Мы не долго задумываемся, особенно въ

лѣта молодости, при рѣшеніи судьбы своей; и эта мысль непременно должна родиться въ душѣ неопытной при чтеніи «Героя нашего времени». Вѣдь ему все сходитъ съ рукъ, всякое предпріятіе удастся; чего больше надо! А мастерская рука писателя оставила на изображенномъ ею образцѣ безразвѣтнаго, чуждаго религіи и правилъ человѣка, особенную красоту, мрачную, но приманчивую, — красоту ангела отверженнаго!

Григорій Александровичъ не только соблазняетъ при чтеніи его поддвиговъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое остается и живетъ долго по прочтеніи романа; но кромѣ того живописецъ Печорина не рѣшилъ и для самаго себя вопроса: полезна ли, вредна ли его книга? Печоринъ умираетъ во время безтолковаго путешествія въ Персію. При жизни онъ былъ мертвъ для общества, а въ частности для ближнихъ. Мало того: заражалъ смертельнымъ недугомъ своимъ всякаго, кому ни приходилось быть въ соприкосновеніи съ нимъ. И этого мало: несмотря на свое нравственное одиночество, на свое отчужденіе отъ людей, Печоринъ оставилъ по себѣ многочисленное потомство послѣдователей, которыхъ онъ ведетъ туда же, куда достигъ самъ.

Образцы порока портятъ человѣка; образцы добродѣтели исправляютъ его. Съ этою мыслью написана, и предлагается, повѣсть о Юсифѣ, всѣми началами противоположная двумъ повѣстямъ нашихъ знаменитыхъ поэтовъ, противоположная и впечатлѣніемъ и послѣдствіями. Это — не вымыселъ, а краснорѣчивое, отлично взяточное, изложеніе истиннаго событія библейскихъ вѣковъ, съ сохраненіемъ исторической точности. Впечатлѣніе отъ нея должно быть положительно, существенно, вѣрно, сильно, впечатлительно; оно еще болѣе дѣйствуетъ истинною, чѣмъ увлеченіемъ повѣствователя и обольщеніемъ слога. Невѣріе и есть источникъ эгоизма. Кто умѣетъ вѣрить, тотъ нашелъ источникъ правильной любви къ себѣ и ближнему. Дѣйствія, истекающія изъ правой вѣры въ небесное, существенно противоположны дѣйствіямъ, происходящимъ изъ вѣры въ себя или фатализмъ. Удовлетворяютъ однимъ порочнымъ стремленіемъ — значить ли любить себя? Скорѣе, значить — ненавидѣть. А такъ-то и любятъ себя эгоисты. Они — враги себѣ и всѣмъ. Правильная любовь къ себѣ заключается въ подавленіи въ себѣ зла и въ возможномъ развитіи добра. Здравый разумъ по необходимости долженъ признать эту истину. Оправдываютъ ее самыя послѣдствія: человѣкъ поставляется въ согласіе съ самимъ собою, съ обществомъ, съ обстоятельствами, каковы бы они ни были; всѣ дѣйствія его во-

сать на себя печать высокої добродѣтели; послѣдствія этихъ дѣяній — постоянно и всегда благотворны. Вѣрующій живую вѣру и руководствующійся въ поступкахъ вѣчными истинами, провозглашенными Небомъ, выноситъ съ твердостью и мужествомъ бѣдствія земнаго бытія; не злоупотребляетъ слабостей ближнихъ; не мститъ врагамъ; благотельствуетъ имъ, широтивъ; владѣетъ сердечными чувствованіями съ благонамѣренною цѣлю, а не съ цѣлю преступнаго исполненія своихъ воровчыхъ замысловъ; устрояетъ благосостояніе общее и семейное; умѣетъ быть мудро строгимъ для исправленія людей, созратившихся съ пути правды; и нравственная сила его, эта великая сила добродѣтели, имѣетъ счастливое и продолжительное вліяніе на его потомство; и природившаяся сердцу его добродѣтель доставляетъ ему вроткое и вѣстѣ сильное наслажденіе: онъ слышится къ душѣ его, какъ слышится благоуханіе муръ изъ запечатаннаго сосуда. Историческимъ и духовнымъ образцомъ всего этого служитъ Іосифъ. Имѣетъ съ почтеннымъ авторомъ «священной повѣсти» желаніе, чтобъ многіе изъ послѣдователей Печорина обратились въ послѣдователей Іосифа, для собственнаго ихъ блага).

Чудно приходитъ къ праведникамъ, среди ихъ бѣдствій, мысль благодаренія Богу! она исторгаетъ сердца ихъ изъ бездны печали и мрака, возноситъ къ Богу, въ область свѣта и утѣшенія. Богъ всегда спасаетъ прибѣгающихъ къ Нему, съ простотою и вѣрою.

Возвращаясь святой патріархъ Іаковъ изъ Месопотаміи въ землю Ханаанскую, въ землю рожденія своего, въ предопредѣленное Богомъ свое наслѣдіе. Внезапно пришла къ нему вѣсть, что гнѣвный Исавъ, братъ его, идетъ къ нему навстрѣчу, что при немъ четыреста вооруженныхъ мужей. Еще въ лѣта юношества, Исавъ, волнуемый за-

* Бытія, 32.

нствію, покушался на жизнь Иакова. Чтобъ избѣгнуть преждевременной, насильственной смерти, Иаковъ удалился въ Месопотамію. Онъ пробылъ тамъ двадцать лѣтъ. Время было бы исцѣлить уязвленное злобою сердце Исава.... нтъ! онъ идетъ навстрѣчу брату съ вооруженною дружиной. Многочисленность толпы, воинственный видъ ея, обличали монахѣреннѣйшій умыселъ. Время не исцѣлило ненависти въ Исавѣ: возмужалъ онъ, возмужала въ немъ и ненависть къ брату.

Испугался Иаковъ; не зналъ что дѣлать: онъ рѣшился раздѣлить имѣніе свое, состоявшее изъ домочадцевъ и многочисленныхъ стадъ, на два полка. «Если разъяренный Исавъ, разсуждалъ онъ, изрубить одинъ полкъ, можетъ быть, истощится гнѣвъ его и онъ не прикоснется къ другому полку». За двумя полками стояли жены и дѣти Иакова; позади всѣхъ стояла вторая супруга его, Рахиль, съ единственнымъ сыномъ своимъ, Иосифомъ, юнѣйшимъ изъ сыновей Иакова. Они заняли послѣднее мѣсто, какъ младшіе; но это мѣсто дала имъ также особенная предусмотрительная любовь супруга и отца, какъ безопаснѣйшее. Глазъ любви смѣтливъ; смѣтливъ и глазъ ревности. Сдѣлавъ такое распоряженіе, праведникъ спѣшитъ въ обычное пристанище праведниковъ, спѣшитъ встать предъ Богомъ въ благоговѣйной молитвѣ. «Довлѣетъ ми, исповѣдуется онъ Богу, отъ всея правды, отъ всея истины, юже сотворилъ еси рабу Твоему: съ жезломъ бо симъ преидохъ Иорданъ сей: нынѣ же бѣхъ въ два полка» *. Отвсюду окруженный напастью, праведникъ изливаетъ сердце свое предъ Богомъ, сводитъ расчетъ свой съ судьбою, находитъ себя вполне удовлетвореннымъ, находитъ, что Богъ, заповѣдывавшій ему путешествіе въ Месопотамію и возвращеніе изъ нея, сдѣлалъ все по обѣтованію своему. «Довлѣетъ ми отъ всея правды, отъ всея истины, юже сотворилъ еси рабу Твоему». Глубокое, истинное смиреніе! Оно одно достойно предъстоять Богу; оно одно достойно бесѣдовать съ Богомъ: ни-

* Бытія 33, 10.

когда оно не оставляется Богомъ. Ему внимасть милости-во Богъ, изливая обильныя щедроты на молящагося со смиреніемъ. Измѣнилось, по мановенію Божию, сердце Исавъ: доселѣ оно пылало враждою, теперь внезапно запылало любовью къ брату. Исавъ кидаетъ мечъ, бѣжитъ въ объятія брата, — и плачутъ два брата въ объятіяхъ другъ у друга *.

Вотъ Іаковъ уже давно — въ Ханаанской Землѣ. Уже скончалась его любимая супруга, Рахиль, родами втораго сына, Веніамина. Уже много скорбей испыталъ Іаковъ отъ буйныхъ сыновей, которые вели себя въ обѣтованной землѣ, какъ-бы въ землѣ приобрѣтенной **. Въ окрестностяхъ кущи его, раскинутой близъ Хеврона, они пасли многочисленныя стада свои, иногда уходя и довольно далеко, на другія, болѣе тучныя пастбища. Іаковъ пребывалъ постоянно дома, гдѣ удерживали его и лѣта и духовное преуспѣяніе. Оно привлекало умъ и сердце старца къ Богу, и потому полюбилъ онъ уединеніе въ кущѣ. Нѣкогда, и несродно, такому человѣку вдаваться въ житейскія попеченія. Не отлучно при немъ былъ — его утѣшеніе — любимый сынъ, прекрасный душою и тѣломъ, Іосифъ. Услуга старцу-отцу и вниманіе глубокому святому ученію отца-Боговидца составляли все занятіе, все наслажденіе юноши. Въ душу его падало слово благочестія, какъ падаетъ сѣмя на тучную землю, и скоро принесло плодъ: з сіяла въ душѣ Іосифа святая чистота. Въ чистотѣ сердца начинается отражаться Богъ, какъ въ зеркалѣ тихихъ водъ отражается солнце. Добродѣтель Іосифа возбудила въ братьяхъ, не соревнованіе, а зависть: такъ, по несчастію, всего чаще случается въ человѣческомъ обществѣ. Братья изобрѣли и внесли злую клевету на Іосифа — какую именно, умалчиваетъ Писаніе. Но проникательный и благодатный Іаковъ не былъ обманутъ хитросплетенною выдумкою, онъ продолжалъ любить — любить Іосифа, и въ знакъ особенной любви по-

* Бытія, 33.

** Бытія 34, 35.

дарилъ сыну пеструю одежду. Яркость и разнообразіе цвѣтовъ особенно уважались и донинѣ уважаются на кочевомъ Востоѣ. Не была ли одежда эта скорѣе символомъ испещренной противоположными обстоятельствами жизни, предстоящей юности? Вдохновеніе внушило прозорливому старцу изобразить пророчество не словомъ—символомъ: пеструю одежду. Отсюда начинаются странныя приключенія Юсифа. Онъ служитъ прообразованіемъ, дальнею библейскою тѣнью Господа нашего Иисуса Христа; а для дѣятельной жизни является примѣромъ благочестиваго и добродѣтельнаго чловѣка, подвергающагося разнообразнымъ, страшнымъ бѣдствіямъ, во время которыхъ сохраняетъ онъ вѣрность къ благочестію и добродѣтели, потому никогда и нигдѣ не оставляется Богомъ, повсюду хранимъ, и наконецъ прославляется дивно. Послушаемъ, послушаемъ любопытное сказаніе о чудныхъ и наставительныхъ приключеніяхъ облеченнаго пророкомъ-отцомъ въ пеструю одежду.

Братья Юсифа *, увидѣвъ, что отецъ ихъ любитъ его болѣе всѣхъ другихъ сыновъ, возненавидѣли его: при каждомъ словѣ съ нимъ, при каждомъ взглядѣ на него, закипало въ нихъ мрачное смущеніе. А онъ не понималъ объявшаго ихъ недуга: чистая душа его видѣла всѣхъ чистыми, благонамѣренными. Съ довѣрчивостью открывалъ онъ передъ ними сердце. Это незлобивое сердце уже избрано Богомъ въ сосудъ^а таинственныхъ откровеній. Благодать Святаго Духа, сообразно юношескимъ лѣтамъ Юсифа, начала являть свое присутствіе и дѣйствіе въ знаменательныхъ сновидѣніяхъ. Живо рисовались таинственною рукою странныя сновидѣнія въ дѣвственномъ воображеніи. Юсифу было семнадцать лѣтъ, когда приснился ему первый пророчественный сонъ. Съ откровенностью, не подозрѣвающею никакого зла, онъ пересказываетъ его братьямъ: видно, сонъ оставилъ въ душѣ юноши необычайное впечатлѣніе, которое нуждалось въ объясненіи. Онъ хотѣлъ вызвать, услышать это объясненіе изъ устъ старшихъ братьевъ. «Привидѣлось мнѣ, говорилъ

* Бытія, 37.

онъ имъ, будто всѣ мы вяжемъ снопы на полѣ; мой сонъ вдругъ поднялся и всталъ прямо, а ваши снопы обратились къ снопу моему и поклонились ему.» — Братья отвѣчали: «Неужели ты будешь въ-самомъ-дѣлѣ царствовать надъ нами, или сдѣлаешься господиномъ нашимъ?» — И удвоили братья ненависть къ нему за благодатный сонъ, за уязвившую ихъ, перетолкованную, искаженную ими, святую откровенность его. Иосифъ видитъ новый сонъ. Съ дѣтскою невинностью, какъ-бы въ оправданіе перваго сна, и въ доказательство, что знаменательные сны приходятъ къ нему невольно, независимо отъ него, рассказываетъ онъ сонъ отцу и братьямъ: «Видѣлъ я, говоритъ онъ, будто солнце, луна и одиннадцать звѣздъ поклонились мнѣ.» Отецъ, услышавъ рассказъ сына, остановилъ юношу. — «Что — сонъ, видѣнный тобою? сказалъ онъ ему: неужели я, мать твоя, и братья твои поклонимся тебѣ до земли?» — Опытный и духовный отецъ остановилъ сына не потому чтобы призналъ сонъ его суетнымъ мечтаніемъ, собственнымъ произведеніемъ души, недугующей высокоуміемъ и гордынею, но чтобы предохранить юную душу отъ впаденія въ высокоуміе и вмѣстѣ строгимъ отвѣтомъ сколько-нибудь погасить зависть и ненависть въ братьяхъ.

Такъ и христіанскіе аскетическіе наставники заповѣдуютъ не обращать особеннаго вниманія на всѣ вообще явленія, представляющіеся чувствамъ душевнымъ и тѣлеснымъ; заповѣдуютъ соблюдать при всѣхъ вообще явленіяхъ благоразумную холодность, спасительную осторожность *. Есть сновидѣнія отъ Бога, чему служатъ примѣромъ и доказательствомъ сны Иосифа, но состояніе выдающаго сны и видѣнія опасно, очень близко къ самообольщенію. Зрѣніе недостатковъ нашихъ—вотъ безопасное видѣніе! зрѣніе паденія и искупленія нашего — вотъ нужнѣйшее видѣніе! «Духъ сокрушенъ и смиренъ» ** — вотъ состояніе, существенно по-

* См. главы «Зело полезныя» святаго Григорія Синаита, главу X. Съ нимъ согласны и всѣ прочіе Отцы Церкви, писавшіе объ этомъ предметѣ «Добротолюбія», часть I.

** Псаломъ 50, 19.

лезное, чуждое самообольщенія, состояніе, о которомъ благоволилъ Богъ! Разсужденіе, способное постигать, различнѣвать и объяснять видѣнія, свойственно однимъ преуспѣвшимъ въ духовномъ подвигѣ; оно пріобрѣтается долгимъ временемъ, оно — даръ Божій. Имѣлъ этотъ Божій даръ святой Іаковъ: онъ остановилъ сына, рассказывавшаго пророчество о сновидѣніи, а самъ—свидѣтельствуеетъ Писаніе—соблюдалъ въ памяти слова его, посившія на себѣ помазаніе Духа.

Не такое дѣйствіе произвелъ новый сонъ на братьевъ Юсифа: онъ только умножилъ въ нихъ ненависть и зависть къ нему. Однажды они угнали стада въ Сихемъ. Іаковъ сказалъ Юсифу: «Братья твои въ Сихемѣ; хочу послать тебя къ нимъ.»—Юсифъ отвѣчалъ: — «Я готовъ». — «Поди, продолжалъ Іаковъ, посмотри, здоровы ли твои братья, и здоровы ли наши овцы. Потомъ воротись и скажи мнѣ».

Легко иногда разстаются люди; разставаясь, они какъ-бы не разстаются; прощаясь, почти не прощаются. А такое прощаніе бываетъ часто прощаніемъ навсегда, часто слѣдуетъ за нимъ продолжительная, исполненная горестей разлука. Не зналъ старецъ, отпуская Юсифа, что онъ долго — долго не увидитъ любимаго сына! Могъ ли онъ думать, что, посылая Юсифа къ братьямъ, посылаетъ его къ убійцамъ? Ему была извѣстна ненависть ихъ къ юношѣ; но могла ли ему прійти мысль, чтобъ эта ненависть возрасла до замысла, до заговора, до рѣшимости совершить братоубійство? Незлобіе старца было незлобіе опытное — не то дѣтское незлобіе, котораго исполненъ былъ Юсифъ, шедшій прямо на ножъ какъ агнецъ. Мудрый Іаковъ, при всемъ духовномъ преуспѣяніи своемъ, при всей опытности, накопленной въ многолѣтнюю страдальческую жизнь, не могъ представить себѣ, чтобъ буйные сыновья его были способны къ ужасному преступленію братоубійства. Свойственно святымъ не мыслить зла о ближнихъ; ей свойственно самыхъ явныхъ, открытыхъ злодѣевъ считать мѣйе злыми, нежели каковы они на самомъ дѣлѣ. И видимъ мы многихъ святыхъ людей, не обманутыхъ явнымъ грѣ-

хомъ , обманутыхъ многою любовью своею, своею довѣрчивостью къ ближнимъ. Старецъ! надолго ты разстаешься съ любимымъ твоимъ сыномъ, Юсифомъ! Ты имѣешь даръ и пророчества и прозорливости; но на это время Богъ, непостижимо устрояющій участь человѣка, закрылъ отъ тебя будущее непроницаемою завѣсою. Ты отпустилъ Юсифа на нѣсколько дней — увидишь его послѣ многихъ скорбныхъ годовъ. А онъ увидитъ землю Ханаанскую, то мѣсто, гдѣ раскинута куца твоя, когда настанутъ дни погребенія твоего — и только на короткіе дни того погребенія! Сюда принесутся кости его; сюда возвратится съ ними многочисленное потомство его , и вооруженною рукою вступить во владѣніе наслѣдіемъ праотца своего — теперь юноши Юсифа.

Пошелъ Юсифъ изъ дому отцовскаго, изъ Хеврона; пришелъ въ Сихемъ. Тамъ уже не было его братьевъ. Онъ не зналъ гдѣ найти ихъ — и началъ искать и спрашивать. Внезапно встрѣтился съ нимъ незнакомый человѣкъ , который спросилъ его, кого онъ ищетъ. Юсифъ отвѣчалъ ему: «Ищу братьевъ моихъ; скажи мнѣ, не знаешь ли, гдѣ они со стадами своими?» — Незнакомецъ отвѣчалъ: — «Ушли отсюда; я слышалъ, они говорили между собою: пойдемъ въ Доѳаимъ.» По словамъ этого человѣка, котораго какъ-будто судьба нарочно привела навстрѣчу Юсифу, чтобъ направить его къ его предопредѣленію, юноша начинаетъ снова искать братьевъ — жертва жрецовъ своихъ — и находитъ ихъ въ Доѳаимѣ. Изъдали узнали они его — начали сговариваться объ убійствѣ. Раздались въ собраніи братьевъ ужасныя слова о братѣ: «Вотъ идетъ сповидецъ. Убьемъ его, и скажемъ: его съѣлъ хищный звѣрь. Посмотримъ, что будетъ тогда съ его снами!» Вслѣдъ за ужасными словами поднялись и преступныя руки. Но Рувимъ, старшій сынъ Іакова, отнялъ его у нихъ. «Не будемъ убивать его , сказалъ онъ имъ , собственными руками! Спустите его въ одинъ изъ здѣшнихъ рововъ; рукъ же вашихъ не возлагайте на него!» И помышлялъ смягчившійся Рувимъ возвратитъ старцу-отцу любимаго сына. Они

сняли съ Юсифа пеструю одежду и бросили его въ глубокой, сухой колодець — живаго въ ужасную могилу. Во рву Юсифъ, въ челюстяхъ смерти!... Святой юноша, тяжкимъ опытомъ начинается твоя духовная опытность! Чудная твердость души твоей, перенесшая такую лютую скорбь! Твердость въ бѣдствіяхъ дается непорочною, безъукоренною совѣстью. Научи насъ стяжать и чистоту твою и твердость — могучія опоры для сердца въ превратностяхъ жизни.

Юсифъ во рву. Что дѣлаютъ братья? они съѣли ѣсть.... Созрѣвшая ненависть!... Когда какая-нибудь страсть созрѣетъ въ душѣ — душа уже не чувствуетъ своего смертнаго недуга. Страшнѣе быть сердцемъ въ этой глубинѣ злобы, чѣмъ тѣломъ при душѣ ангельской, во рву глубокомъ. Сыны Іакова совершили злодѣяніе, какъ бы исполнили долгъ: столько природилась имъ ненависть къ брату. «И съѣдоша ясти хлѣбъ» *, говоритъ Писаніе.

Когда совершалась эта трапеза, конечно, на ней не присутствовало ничего добраго. Буйно совершалась она. Какъ иначе могли обѣдать убійцы? Громкій хохоть прерывалъ страшное молчаніе: то былъ хохоть души, которая сбросила съ себя одежду стыдливости, наслаждается усвоившеюся, насытившеюся злобою. Выскакивали по временамъ адскія слова — какъ-бы изъ темной пропасти — изъ сердець, рѣшившихся на братоубійство. Мрачны, звѣровидны были лица обѣдающихъ. Зрѣніе и слухъ ихъ угрюмо, дико блуждали всюду. Не управляло уже здѣсь благоразуміе. Какое благоразуміе! Когда страсти овладѣютъ человекомъ, тогда умъ, лишенный своего владычества, служитъ угодливымъ и изобрѣтательнымъ слугою страстямъ для удовлетворенія ихъ утонченныхъ, прихотливыхъ, преступныхъ требованій.

Пируютъ сыновья Іакова надъ могилой съ живымъ мертвецомъ, и вотъ мечущіеся взоры ихъ внезапно усматриваютъ путешественниковъ. То были Измаильтяне, кушцы.

* Бытія 37, 25.

Они показались отъ Галаада, на дорогѣ къ Египту. Ихъ верблюды были обильно навьючены стираксою, бальсамомъ в ладономъ: эти товары везли они для продажи въ Египетъ. На бѣшеной трапезѣ услышался голосъ: «Что намъ пользы, если убьемъ брата и скроемъ кровь его? Продадимъ его этимъ Измаильтянамъ! Руки же наши да не будутъ въ немъ: вѣдь онъ братъ намъ и плоть наша!» Голосъ этотъ былъ голосъ Иуды, четвертаго въ сынахъ Иакова; Иуда предложилъ продажу брата-праведника. Черезъ многія столѣтія явится другой Иуда; онъ скажетъ о другомъ Праведникѣ, самомъ Богочеловѣкѣ: «Что ми хотите дати, и азъ вамъ предамъ его?»*.

Зазвенѣли златницы.... уже вытасченъ изъ колодца Іосифъ, и поспѣшно проданъ Аравитянамъ. Ни одного спорнаго слова, ни о цѣнѣ, ни о плѣнникѣ, не произнесено ни съ той, ни съ другой стороны. Умолчало ли бы Писаніе о какомъ достойномъ памяти словѣ, если бы оно было сказано! Писаніе въ этой повѣсти передаетъ и тѣ слова, которыя сколько-нибудь стоить замѣчанія. Звучатъ златницы!... ихъ было двадцать. Какъ схожъ звонъ этотъ со звономъ тридцати сребренниковъ!.. Блаженный юноша, проданный за двадцать златницъ! ты удостоился быть прообразованіемъ Проданнаго за тридцать сребренниковъ!..

Рувима не было за обѣдомъ. Не былъ онъ участникомъ въ умыслѣ и заговорѣ преступномъ; не былъ и на пиру, на которомъ праздновалось удавшееся злодѣйство. Тайно приходитъ онъ ко рву и зоветъ погребеннаго. Нѣтъ отвѣта. Опять зоветъ.... нѣтъ отвѣта! Въ отчаяніи онъ рветъ на себѣ одежду, прибѣгаетъ къ братьямъ, и говоритъ имъ: «Нѣтъ юноши во рву! Куда теперь дѣнусь я»?.... Въ отвѣтъ зазвучали златницы. Ихъ было двадцать: девять братьевъ, присутствовавшіе при продажѣ, доказали, что они не забыли отсутствовавшаго десятаго.

Между-тѣмъ, сыновья Иакова придумывали какъ скрыть отъ старца-отца поступокъ свой съ Іосифомъ. Они закололи

* Ев. Матеея 26, 15.

королевка, въ крови его обагрили пеструю одежду, и послали ее отцу съ жесткимъ вопросомъ: «Мы нашли это; узнавай — одежда ли это сына твоего, или нѣтъ?» — Онъ узналъ ее: онъ сказалъ: «Это — одежда сына моего: звѣрь лютой съѣлъ его? лютой звѣрь похитилъ Юсифа!» — Разтерзалъ Иаковъ на себѣ одежды, надѣлъ на себя вретиче, и много днѣ оплакивалъ сына. Собрались къ нему сыновья и дочери; они утѣшали старца. Но онъ не хотѣлъ утѣшаться, и говорилъ: «Сойду съ стенами къ сыну моему въ адъ.» Долго повторялъ онъ эти слова, и долго плакалъ.

Имаматаше привели Юсифа въ Египеть: тамъ перепродали его Пентефрію, вельможѣ фараона — фараонами именовались цари египетскіе — начальнику тѣлохранителей царскихъ. И Господь былъ съ Юсифомъ, таинственно блѣлъ надъ нимъ, помогалъ ему. Скоро замѣтилъ господинъ благословеніе неба надъ работъ своимъ, и очень подлюбилъ его. Слѣдствіемъ этой особенной любви было то, что Пентефрій вручилъ Юсифу управление всѣмъ домоу своимъ и всѣмъ имѣніемъ, Господь, ради Юсифа, благословилъ достояніе Египтянина; измѣлилась благодать Божія на вса имѣніе его, на домъ его и на поля его. Пентефрій предался расположению своему со всею беззаботливою довѣрчивостью, даже самъ не осматривалъ ничего, не обращалъ ни на что вниманія Юсифъ былъ очень статенъ, прекрасенъ собою. Красота его привлекла взоры жены Пентефрія. Страсть объяла ее: открыто, прямо объявила она юношѣ страсть свою. Юноша не согласился на беззаконіе. Онъ увѣщевалъ жену, выдавшую безумнымъ и преступнымъ вождѣніемъ; онъ говорилъ ей: «Господинъ мой такъ взърился мнѣ и такъ почилъ на моихъ заботахъ, что даже не знаетъ ничего, что у него въ домѣ. Все добро свое онъ сдалъ безотчетливо въ мои руки: въ его домѣ нѣтъ никого выше меня, все въ моемъ вѣдѣніи, кромѣ тебя, супруги его. Какъ же мнѣ поступить по словамъ твоимъ? Какъ мнѣ согрѣшить передъ Богомъ?» — Не слышать преступная жена мудрыхъ словъ съ-

на Иаковлева: другое говорить въ ней овладѣвшая ею страсть. Она слышитъ только голосъ страсти: слова Юсіфа пролетѣли мимо слуха ея, какъ пустые звуки безъ смысла и значенія. Отъ времени до времени повторяетъ жена предложеніе, всегда съ одинаково открытою, пламенною наглостью. Однажды Юсіфъ занимался въ домѣ по должности своей; случилось, что тутъ никого не было изъ домашнихъ, исключая госпожи. Она схватываетъ его за одежду, умоляетъ, требуетъ, чтобъ желаніе ея было тутъ же исполнено. Юсіфъ вырывается изъ рукъ ея, убѣгаетъ; верхняя одежда его осталась въ рукахъ Египтянки. Неудовлетворенная престудная любовь внезапно превращается въ бѣшеную ненависть; та, которая за минуту искала насладиться прелестями прекраснаго тѣла, теперь неистово жаждетъ напиться кровью. Вопіетъ изступленная Египтянка, громкимъ визгомъ и крикомъ сзываетъ домашнихъ. Прибѣгаютъ они. — «Глядите, говорить имъ Египтянка: этотъ молодой Евреянинъ введенъ въ домъ нашъ, чтобъ поругаться надъ нами!.. Онъ пришелъ ко мнѣ.... онъ сказалъ мнѣ.... я закричала громкимъ голосомъ.... услышавъ вопль мой, онъ убѣжалъ отъ меня.... вотъ верхняя его одежда въ рукахъ моихъ!» Она сохранила эту одежду до возвращенія Пентефрія. Въ другой разъ одежда—нѣмой услышанный лжесвидѣтель на Юсіфа. Когда возвратился вельможа, жена пересказала ему событіе. Она говорила жалобно и тихо: «Ко мнѣ приходилъ молодой Евреянинъ, котораго ты ввелъ къ намъ, чтобъ обезчестить насъ, и предлагалъ мнѣ незаконіе. Когда жъ я громко закричала, онъ убѣжалъ, оставивъ у меня свою верхнюю одежду». Услышавъ сказаніе правдоподобное, въ которомъ простотою и холодностью разсказа искусно прикрывались страшная буря душевная и адская клевета; видя въ рукахъ жены доказательство провсѣшества — одежду Юсіфа, доказательство, противъ котораго, повидимому, не было опроверженій, Пентефрій пришелъ въ сильное негодованіе. Разспросы и судъ призналъ онъ излишнимъ, ненужными, — такъ преступленіе раба въ глазахъ его было ясно, живо, очевидно. Онъ велѣлъ ввергнуть Юсіфа

въ темницу. въ которой содержались государственные преступники, — въ твердыню: такъ называетъ эту темницу Писаніе.

Господь, избравшій Іосифа съ дней его дѣтства, Господь, помогавшій ему въ плѣну и въ домѣ Пентефірія, не оставилъ его и въ темницѣ. Расположилось къ Іосифу сердце начальника темницы: онъ вѣрилъ юному узнику всю темницу, всѣхъ узниковъ заключенныхъ въ ней, и подобно Пентефірію почилъ со всею довѣренностью на заботахъ Іосифа. Спустя нѣсколько времени, провинились передъ египетскимъ царемъ двое вельможъ его: старѣйшина виночерпій и старѣйшина надъ хлѣбами*. Разгнѣванный фараонъ заключилъ ихъ въ ту же темницу, въ которой содержался Іосифъ. Начальникъ темницы поручилъ ихъ Іосифу. Когда они пробыли нѣсколько дней въ темницѣ, въ одну и ту же ночь каждый изъ нихъ увидѣлъ сонъ. Утромъ приходитъ къ нимъ Іосифъ, и примѣчаетъ, что они оба въ смущеніи. Онъ спрашиваетъ вельможъ фараоновыхъ:—«Отчего на лицахъ вашихъ видна печаль?»—Они отвѣчаютъ: «Каждый изъ насъ видѣлъ сонъ; но некому истолковать сновъ нашихъ». — Іосифъ сказалъ; «Не Богъ ли даетъ даръ изъяснять тѣ сны, которые посылаются отъ Него? Расскажите мнѣ сны ваши».—Изъ словъ Іосифа видно его духовное преуспѣяніе, плодъ искушеній. Когда въ дѣтствѣ онъ видѣлъ сны, то ощущалъ только, что въ нихъ есть значеніе, и пересказывалъ ихъ отцу и братьямъ, какъ-бы ища объясненія, но не смѣя присовокуплять никакого толкованія. А здѣсь едва услышалъ, что старѣйшины видѣли сонъ, и уже надѣется найти разрѣшеніе загадочныхъ сновидѣній въ Богѣ, къ которому онъ приблизился, которому усвоился скорбями, вѣрою, чистотою, молитвою. Сны ввели его въ горнило скорбей; сны выведутъ его изъ этого горнила, въ которое Промыслъ обыкновенно ввергаетъ людей, предназначенныхъ имъ для дѣлъ великихъ. Началъ старѣйшина виночерпій рассказывать сонъ свой:—«Привидѣлось мнѣ, сказалъ онъ, что передо мною виноградный садъ; въ саду ви-

* Бытія, 40.

жу три лозы, сочныя, пустившія отрасли и давшія зрѣлый плодъ. Чаша фараонова была въ рукѣ моей. Я взялъ кисть винограда, выжалъ сокъ въ чашу, и подалъ ее фараону». — Иосифъ отвѣчалъ: — «Вотъ значеніе этого сна: три лозы — три дня. Пройдутъ еще три дня, и вспомнить фараонъ о тебѣ, возвратитъ тебѣ прежній санъ твой старѣйшины виночерпія: ты будешь подавать чашу фараону по-прежнему. Тогда, въ благополучіи твоёмъ, вспомни о мнѣ. Окажи мнѣ милость: повѣдай о мнѣ фараону, и изведи меня изъ этихъ угрюмыхъ стѣнъ. Я украденъ изъ Еврейской Земли, и здѣсь не сдѣлалъ ничего худаго, а меня бросили въ эту ужасную темницу». Старѣйшина надъ житницами, услышавъ истодкованіе благоприятное, также пересказалъ свой сонъ Иосифу: — «И я, говорилъ онъ: видѣлъ сонъ. Мнѣ представилось, что держу на головѣ три коряны съ хлѣбами. Въ верхней корзинѣ было всякаго роду печенье, употребляемое фараономъ. Внезапно налетѣли птицы, начали клевать печенье.» — Иосифъ отвѣчалъ: «Вотъ значеніе сна: три коряны — три дня. Пройдутъ еще три дня — и сниметъ фараонъ съ тебя голову твою; трупъ твой повѣсятъ на деревѣ; птицы небесныя съѣдятъ тѣло твое». — Насталъ третій день: это былъ день рожденія фараона. Онъ далъ пиръ своимъ придворнымъ; въ бесѣдѣ съ ними, вспомнилъ царь о двухъ заключенныхъ старѣйшинахъ; старѣйшинѣ виночерпію возвратилъ прежній санъ, и тотъ снова сталъ подавать чашу фараону; а старѣйшину надъ житницами велѣлъ казнить, по предсказанію Иосифа. И забылъ старѣйшина виночерпій о Иосифѣ. Еще нужно было праведнику томленіе въ темницѣ! Еще нужны ему были уединеніе и мракъ тюрьмы, чтобъ душа его глубже погружилась къ молитву, ея еще болѣе приблизилась къ Богу, еще свѣтлѣе озарилась разумомъ духовнымъ.

Прошли два года, — фараонъ видитъ сонъ*. Ему представилось, будто онъ стоитъ при рѣкѣ; вотъ выходятъ изъ рѣки семь коровъ, тучныхъ, прекрасныхъ, и стали ходить

* Бытія, 41.

по прибрежному пастбищу. За ними вышли изъ рѣки другія семь коровъ, тощихъ, нецрїятнаго вида — тоже начали водить съ первыми по берегу рѣки. Внезапно тощія коровы пожрали тучныхъ, и не замѣтно было, чтобъ тучныя вошли въ нихъ: онѣ сохранили свой прежній видъ изпуренія. Проснулся фараонъ. Потомъ опять засыпаетъ — видитъ другой сонъ: видитъ, будто изъ одного стебля выросли семь колосовъ, наполненныхъ зрѣлыми зернами; за ними выросли другіе семь колосовъ, тонкихъ, какъ-бы изсушенныхъ зноемъ и вѣтромъ. Эти тонкіе колосья поглотили въ себя семь первыхъ, полныхъ колосовъ. Проснулся фараонъ; смутилась душа его; съ наступленіемъ утра, онъ приказываетъ созвать всѣхъ ученыхъ и мудрецовъ Египта, и пересказываетъ имъ сонъ свой. Но они не могли истолковать сновидѣнія, промыведнаго въ царѣ задумчивость и смущеніе. Тогда старѣйшина виночерпій сказалъ фараону: «Теперь вспоминаю согрѣшное мое! Когда ты, царь, прогнѣвался на рабовъ твоихъ, на меня и на старѣйшину надъ житницами, и повелѣлъ заключить насъ въ темницу, которая при домѣ начальника тѣлохранителей, каждый изъ насъ, въ одну и ту же ночь, увидѣлъ сонъ. Тамъ съ нами былъ молодой Евреянинъ, рабъ начальника тѣлохранителей: мы рассказали ему сны свои, и онъ истолковалъ ихъ. Мнѣ предсказалъ возвращеніе сана, а товарищу моему — казнь. Такъ и случилось съ обоими нами.»

Фараонъ послалъ въ темницу за Юсифомъ, велѣлъ привести его къ себѣ. Вывели Юсифа изъ твердыни: вывела его рука Божія. По обычаю страны остригли ему волосы, переѣли на немъ одежду: онъ предсталъ предъ лицо фараона. Египетскій царь пересказалъ ему сны свои, и жаловался на мудрецовъ, что они не могутъ истолковать этихъ видѣній, — «Я слышалъ о тебѣ», говорилъ фараонъ Юсифу, «что ты объясняешь сны; когда тебѣ перескажутъ ихъ». — Юсифъ отвѣчалъ: «Безъ Бога не можетъ фараонъ получить удовлетворительнаго отвѣта.» Чувольно Юсифъ обнаруживаетъ свое духовное состояніе! Онъ исповѣдуетъ явное, чудное, существовавшее Божественное дѣйствіе, дѣйствіе Святаго Духа, независящее отъ человѣка, посѣщающее человѣка по Высшей

волѣ, и открывающее ему тайны. Это невидимое общеніе съ Богомъ, это благодатное дѣйствіе ощущалъ въ душѣ своей Іосифъ: до такой высоты духовнаго преуспѣянія возвели его постоянство въ добродѣтели, бѣдствія, страданія, — или правильнѣе благодать Святаго Духа, осѣняющая постоянно добродѣтельныхъ, въ особенности же страдальцевъ невинныхъ. — «Оба сна твоя», сказалъ онъ фараону, «имѣютъ одно значеніе; сна твоя — одинъ сонъ. Семь коровъ тучныхъ предназначаютъ семь лѣтъ плодородныхъ; семь полныхъ колосовъ предназначаютъ тоже. Семь коровъ тощихъ и семь колосовъ усохшихъ означаютъ семь лѣтъ голода. Богъ показываетъ фараону то, что Онъ вознамѣрился совершить. Наступятъ семь лѣтъ: втеченіе ихъ будутъ въ Египтѣ обильныя жатвы. Прійдутъ другія семь лѣтъ, и отъ скудости ихъ забудется обиліе перваго семилѣтія. Голодъ поразитъ, сгубитъ землю. Самые слѣды предшествовавшато обилія изгладятся послѣдующею за нимъ скудостью: потому что голодъ будетъ очень сильный. Дважды повторился сонъ фараона: это подтвержденіе изреченія Божія, и знакъ, что Богъ ускоритъ привести въ исполненіе свое опредѣленіе. Царь! высмотри у себя разумаго человѣка, и поручи ему землю Египетскую. Пусть втеченіе семи плодоносныхъ лѣтъ собирается пятая часть всего урожая; собираемая пшеница должна поступать въ вѣдѣніе фараона и храниться въ городахъ. Такимъ образомъ составятся хлѣбные запасы для семи лѣтъ неурожайныхъ, и земля не погибнетъ отъ голода.» — Понравившись слова Іосифа фараону и окружающимъ его. Фараонъ сказалъ имъ: — «Гдѣ же намъ найти другаго человѣка, который бы, какъ этотъ, имѣлъ въ себѣ Духа Божія?» — Потомъ, обращаясь къ Іосифу, говоритъ ему: — «Богъ открываетъ тебѣ тайны, и потому цѣль человѣка, который бы сравнился съ тобою мудростью и разумомъ. Будь главою въ домѣ моемъ; пусть повинуются тебѣ всѣ люди мои! Развѣ однимъ престоломъ я буду выше тебя. Поставляю тебя надъ всею землею Египетскою».

Фараонъ снялъ перстень съ руки и падѣлъ его на руку Іосифа, облекъ его въ пурпуровую одежду, возложилъ

ва него золотую гривну, и повелѣлъ посадить его на вторую колесницу свою: въ ней возили новаго сановника во городу; передъ колесницей шелъ глашатай, провозглашавшая народу санъ и власть Юсифа. Тогда Юсифу исполнилось тридцать лѣтъ. Фараонъ женилъ своего наперсника на Асефенѣ, дочери жреца илюпольскаго, и переименовалъ его, назвавъ — *Псомѳомфанихъ*. Что бы значило это наименованіе? Оно значитъ «Спаситель міра» *. Прообразовалъ Юсифъ низшествіе на землю Богочеловѣка, къ падшему и заблудшему роду человѣческому, когда посланъ былъ отцомъ къ братьямъ, пасшимъ скотъ вдали отъ отцовскаго кочевья. Прообразовалъ его, когда былъ продаваемъ братьями иноплеменикамъ. Прообразовалъ его погребеніе своимъ заключеніемъ въ темницѣ; внезапнымъ возвышеніемъ и славою своею прообразовалъ славу Его воскресенія. Дочь жреца илюпольскаго, вступившая въ супружество съ Юсифомъ, предъизображала Церковь Христову, составившуюся изъ язычниковъ. Спасеніемъ народа отъ смерти предзнаменовалось спасеніе человѣчества отъ смерти вѣчной. Раздаятель вещественнаго хлѣба былъ предъизображеніемъ Того, кто и «Хлѣбъ сшедый съ небеси», и Раздаятель этого небеснаго хлѣба **. Изъ среды таинственныхъ ветхозавѣтныхъ прообразованій, въ первый разъ услышалось утѣшительное имя: «Спаситель міра!» Дивно Промыслъ предвѣщалъ великое дѣло Божіе, «искупленіе человѣчества», библейскими прообразовательными тѣнями. Въ какой дали времяъ начали являться эти тѣни! Какъ живо обрисовывали они истину! какою таинственностью покрыты были для современниковъ! Какъ онѣ стали ясны, очевидны, когда Богъ открылъ человѣкамъ разумніе вдохновенныхъ Имъ писаній.

Юсифъ приступилъ къ исполненію обязанностей, къ которымъ призвалъ его самъ Богъ, и которыя, по устройенію Божію, возложилъ на него владѣтель Египта. Онъ предпринялъ путешествіе по всему Египту, и, обзрѣвъ страну, сдѣлалъ

* Porro ab Aegyptiis didicimus, quod in lingua eorum resonet: «salvator mundi».

§ Hieronimi Liber de nominibus hebraicis.

** Ев. Іоан. 6.

нужныя распоряженія. Земля въ продолженіе семи лѣтъ давала обильную жатву. Втеченіе этихъ семи лѣтъ Іосифъ скоп-лялъ хлѣбныя запасы, которые хранилъ въ городахъ за надлежащимъ присмотромъ и стражею въ обширныхъ кладовыхъ. Онъ собралъ безчисленное количество пшеницы: она лежала въ складочныхъ мѣстахъ подобно горамъ песку. Втеченіе тѣхъ же плодородныхъ семи лѣтъ Асенефа родила двухъ сыновъ. Іосифъ назвалъ первенца Манассіею. Называя такъ, онъ включилъ въ имя старшаго сына глубокую мысль: *такъ устроилъ меня Богъ, что я забылъ страданій моихъ*. Второго онъ назвалъ Ефремомъ, соединяя съ этимъ именемъ другую глубокую и благочестивую мысль: *Богъ возрастилъ меня въ землѣ смиренія моего*. Такія мысли заключаютъ въ себѣ эти имена, но значенію своему на еврейскомъ языкѣ *.

Протекли семь лѣтъ плодородныхъ, какъ проходитъ все что подчинено времени: наступили голодные годы. По предсказанію Іосифа, голодъ началъ свирѣствовать по всей землѣ. Народъ Египетскій возопилъ къ Фараону, прося хлѣба. Фараонъ отвѣчалъ подданнымъ: «Идите къ Іосифу, и дѣлайте то, что онъ скажетъ вамъ». Іосифъ отворилъ запасныя житницы и началъ продавать оттуда хлѣбъ Египтянамъ. А голодъ свирѣствовалъ по лицу земли. Жители сосѣднихъ странъ, услышавъ, что въ Египтѣ продается хлѣбъ, и, утѣсняемые голодомъ, начали пріѣзжать въ Египетъ для покупки пшеницы. Мудрый, предусмотрительный правитель заготовилъ запасный хлѣбъ въ количествѣ, способномъ не только прокормить свой народъ, но и привлечь деньги другихъ народовъ въ египетское государство.

Въ числѣ прочихъ земель, угнетенныхъ голодомъ, томилась земля Ханаанская. Терѣло недостатокъ въ пищѣ и семейство святаго патриарха. Слухъ, что въ Египтѣ продается хлѣбъ, дошелъ до старца**. — Онъ сказалъ сыновьямъ своимъ: «Я слышалъ, есть пшеница въ Египтѣ: что вы не обратите на это вниманія? Сходите туда, купите сколько-нибудь хлѣба для поддержанія жизни нашей; иначе — чтобъ не при-

* Записка на Книгу Бытія, московскаго митрополита Фларета.

** Бытія 42.

шлое намъ умереть съ голоду!» — Повинуясь волѣ отца, десять братьевъ Юсифа отправились въ Египетъ для покупки хлѣба. Веніамина не отпустилъ Иаковъ съ братьями; онъ сказалъ: — «Чтобъ не случилось съ нимъ на дорогѣ чего худаго!»

Прибывъ въ Египетъ, сыновья Иакова пришли съ прочими покупателями въ то мѣсто, гдѣ продавался хлѣбъ. Продавцу хлѣба занимался самъ Юсифъ. Когда братья предстали передъ него, онъ тотчасъ узналъ ихъ; но они ни сколько не подозревали, что стоятъ передъ братомъ, продавнымъ въ рабы за двадцать елатилицъ. И какъ имъ было узнать его? Когда они расстались съ нимъ, ему едва минуло семнадцать лѣтъ; теперь онъ приближался къ сорокалѣтнему возрасту. Измѣненный годами, онъ не менѣе измѣненъ былъ величіемъ и блескомъ сана, перваго въ царствѣ египетскомъ, которое опередило почти всѣ другія государства образованностью, могуществомъ, внутреннимъ устройствомъ. Представъ передъ Юсифа, братья низко поклонились ему, челою до земли. Юсифъ вспомнилъ сны свои.... Мудрый, добродѣтельный Юсифъ! онъ отложилъ до другаго времени объявить себя братьямъ. Сколько эта великая душа имѣла надъ собою власти! Не снѣдалось ли сердце его желаніемъ тотчасъ дать о себѣ радостнѣйшую вѣсть престарѣлому, святому родителю, который болѣе двадцати лѣтъ ничего не зналъ о немъ и, считая погибшимъ безвозвратно, печалился неутѣшно? Онъ не внимаетъ влеченію милостиваго, великодушнаго сердца, избираетъ образъ дѣйствованія, необходимо нужный для пользы, и своей, и братьевъ своихъ. Юсифъ зналъ грубые, необузданные нравы этихъ людей; то были полу-дикіе пастухи, взрослые на кочевьяхъ, проводившіе всю жизнь при стадахъ, на привольи буйной свободы, подъ открытымъ небомъ, въ безлюдныхъ пустыняхъ. Они не знали никакой власти надъ собою, не знали никакой бранды: отцу оказывали неповиновеніе; причиняли ему частыя скорбленія; всякое пожеланіе свое, какъ-бы оно преступно ни было, приводили въ исполненіе; руки ихъ нерѣдко бывали обогрены кровью невинныхъ. Такими изображаетъ Писаніе сыновей Иакова. Имъ нуженъ былъ урокъ. Для собственнаго

благополучія ихъ , необходимо было познакомить ихъ съ покорностью, съ благонаравіемъ. Жестокія души, привыкшія попирать совѣсть и страхъ Божій, иначе не могли быть потрясены, приведены въ чувство и самопознаніе, какъ пыткой страха человѣческаго. Предвидя продолжительный голодъ, Іосифъ предвидѣлъ и необходимость переселенія семейства Іаковлева изъ Палестины въ Египеть:—Не по этому ли онъ назвалъ братьевъ своихъ, при первомъ ихъ приѣздѣ въ Египеть, соглядатаями? Если бъ братья его внесли съ собою въ новое отечество свою необузданность, свое буйство, скоро навлекли бы на себя негодованіе Египтянъ; и не только скоро низринулось бы благополучіе семейства Іаковлева, благополучіе самаго Іосифа, но и семейство это, и онъ, подверглись бы величайшимъ бѣдствіямъ. Приобрѣтенное долговременными страданіями должно было оградить, сохранить мудрымъ поведеніемъ.

Іосифъ обошелся съ братьями важно, сурово, какъ строгій властелинъ. «Откуда вы?» спросилъ онъ ихъ. — Они отвѣчали: «Изъ земли Ханаанской: пришли купить хлѣба. — Онъ возразилъ: «Вы соглядатаи: пришли высмотрѣть нашу страну! — Они отвѣчали: «Нѣтъ, господинъ! рабы твои пришли купить хлѣба. Всѣ мы братья, сыновья одного старца. Мы пришли съ мирнымъ расположеніемъ: рабы твои не соглядатаи.» — Онъ сказалъ: «Нѣтъ, нѣтъ! вы пришли высмотрѣть землю!» — Они отвѣчали: «Насъ двѣнадцать братьевъ; рабы твои — изъ земли Ханаанской. Меньшой изъ насъ остался при отцѣ, а одного.... не стало.» — Іосифъ замѣтилъ: «Въ вашихъ словахъ есть ложь! правду я сказалъ, что вы соглядатаи. Клянусь неприкосновенностью фараона, вы не выдете отсюда, если меньшей братъ вашъ не прійдетъ ко мнѣ. Этимъ вы должны оправдать себя. Пошлите одного изъ среды васъ: пусть приведетъ брата. Вы же останетесь здѣсь подъ стражею, доколѣ не объяснится, справедливы ли слова ваши, или нѣтъ. Если они окажутся несправедливыми.... Клянусь неприкосновенностью фараона! вы соглядатаи!»—и съ этими словами отдалъ ихъ людъ стражу.

Прошли три дня. На третій онъ призываетъ ихъ и говоритъ: — «Я изъ числа боящихся Бога. Вотъ какъ поступите: если вы съ мирнымъ расположеніемъ, то идите, отвезите купленную вами пшеницу; одинъ же изъ васъ будетъ удержанъ здѣсь подлѣ стражею. Въ слѣдующій разъ приведите ко мнѣ брата вашего: этимъ вы докажете истину словъ вашихъ. Если же не приведете меньшаго брата; то ниже увидите лица моего!» — Юсифъ говорилъ съ братьями своими при посредствѣ переводчика. Онъ еще не отпустилъ ихъ окончательно, и, въ то время, какъ занялся другими покупателями, сыновья Іакова начали потихоньку бесѣдовать между собою на еврейскомъ языкѣ. Могли ли они предполагать, что грозный египетскій вельможа понимаетъ ихъ! А онъ напряженнымъ слухомъ и вниманіемъ слѣдитъ за каждымъ словомъ; каждое ихъ слово уловляетъ душа его, полная святой любви, дѣйствующая съ святою, спасительною мудростью. — «Право,» говорили другъ другу сыновья Іакова, преслѣдуетъ насъ грѣхъ, который мы совершили надъ братомъ нашимъ! Мы пренебрегли глубокою скорбью его, мы не послушали его, когда онъ умолялъ насъ: за него пришла на насъ эта напасть!» — Рувимъ сказалъ прочимъ: «Не говорилъ ли я вамъ, не обижайте юноши? Вы меня не послушали: вотъ кровь его взыскивается.» — Произзали чувствительное сердце Юсифа слова братьевъ. Онъ вышелъ на минуту отъ нихъ, и облегчилъ обременившееся сердце потоками слезъ. Потомъ опять пришелъ къ нимъ, избралъ изъ среды ихъ Симеона, приказалъ возложить на него передъ глазами ихъ оковы. Въ поступкахъ мудраго Юсифа все имѣетъ свою причину. О причинѣ, по которой цѣпи сдѣлались удѣломъ дикаго и свирѣпаго Симеона, а не другаго кого изъ братьевъ, умалчиваетъ Писаніе; но изъ того же Писанія видно, что именно ему нуженъ былъ болѣе строгій урокъ. Всѣ десять братьевъ позволяли себѣ тяжкіе проступки; но Симеонъ запятналъ себя ужаснымъ убійствомъ Сихемлянъ, чѣмъ подвергъ все семейство святаго патріарха страшной опасности, отъ которой оно было избавлено особеннымъ заступленіемъ Промысла. И не его ли руки поднимались

на другое убійство, боіе ужасное и преступное?... Доскозь отдавъ тайное приказаніе наполнить пшеницею мѣшки братьевъ, а въ мѣшокъ каждаго вложить деньги, отданными за пшеницу, сверхъ того дать имъ на дорогу пшени. Видно, каждый отдѣльно запечатывалъ за взятую имъ пшеницу: эта черта—одна изъ тѣхъ, которыми изображаются передъ нами отдамепные обочаи библейской древности.

Назвучивъ основъ пшеницею, сѣмевья Іакова овправились въ обратный путь. На первомъ стану одинъ изъ нихъ, съ возвращеніемъ накормить осла, снялъ съ него узелокъ, который какъ-то развязался, — и увидѣлъ узелокъ своихъ денегъ въ мѣшкѣ, поверхъ пшеницы. Онъ закричалъ братьямъ: — «Мои деньги мнѣ возвращены! вотъ они... въ мѣшкѣ моемъ.» — Ужаснулось сердце ихъ; они смутились, и говорили другъ другу: — «Что Богъ творитъ съ нами?» — Прибывъ въ землю Ханаанскую, къ отцу, они рассказали все случившееся съ ними, и говорили: «Мужъ, господишь земли той, обошелся съ нами очень сурово, даже посадилъ насъ въ тюрьму, какъ соглядатаевъ. Мы сказали ему: Нѣтъ! господинъ, мы не соглядатаи! мы пришли съ мирнымъ расположеніемъ. Насъ двѣнадцать братьевъ, мы сыновья отца нашего; одного изъ насъ... не стало, а меньшей приотцѣ, въ Ханаанской землѣ. Отвѣчалъ намъ тотъ мужъ, господишь земли: Вотъ что будетъ для меня доказательствомъ, что вы не соглядатаи, а люди съ мирнымъ расположеніемъ: одного изъ васъ оставьте здѣсь у меня, сами, взявъ купленную для дома вашего пшеницу, и идите; но меньшаго брата вашего приведите ко мнѣ. По этому узнаю, что вы не соглядатаи, но люди мирные; и тогда отдамъ вамъ брата вашего, остающагося у меня теперь заложникомъ, и вы будете торговать свободно въ Египетской землѣ.» Когда они выснавали пшеницу изъ мѣшковъ, у каждаго вмѣстѣ съ пшеницею выпалъ и узелокъ съ его деньгами, отданными за пшеницу. Увидѣвъ узелки своихъ денегъ, они испугались. Увидѣвъ эти узелки отецъ ихъ, и также испугался. — «Вы, сказали онъ имъ, сдѣлали меня совсѣмъ бездѣтнымъ! Доскозь нѣтъ; Симеона нѣтъ; и Веніамина ли хотите взять? За васъ

обрушились на голову мою все эти бѣды.» — Рувиамъ отвѣчалъ отцу: «Двухъ сыновей моихъ убей, если не приведу Вениамина къ тебѣ обратно.» — Старецъ отвѣчалъ: «Не лойдетъ смѣль мой съ вами! братъ его умрѣтъ; онъ остался одинъ: если случится ему это на дорогѣ, въ которую вы отправляетесь, то вы сведете старость мою съ печалью въ адъ.»

Голодъ усиливался, усиливался и оплодѣлъ землю. Кончилась въ домѣ Іакова пшеница, привезенная изъ Египта, и сказала старецъ сыновьямъ своимъ: «Сходите опять въ Египетъ, купите намъ сколько-нибудь хлѣба.» — Иуда отвѣчалъ ему: — «Мужъ, господинъ той земли, сказалъ намъ, подтверждая клятвою слова свои, что мы не увидимъ лица его, если не прійдетъ съ нами меньшей братъ нашъ». — Іаковъ самъ шло: «зачѣмъ вы одѣлали это злое дѣло, зачѣмъ сказали мужу, что есть у васъ братъ?» — Они отвѣчали: «Мужъ дѣлалъ намъ строгіе и подробные допросы. Онъ выспрашивалъ: живъ ли еще отецъ вашъ? есть ли еще у васъ братъ? Мы отвѣчали на вопросы его. Развѣ знали мы, что онъ скажетъ: приведите брата вашего?» — Потомъ Иуда началъ уговаривать отца своего: «Отпусти юношу со мною: мы встанемъ, пойдемъ, достанемъ хлѣба, на пропитаніе тебя и себя, чтобъ намъ не умереть съ голоду. Я возьму на мою отвѣтственность Вениамина: отъ моей руки вышца его. Если не приведу его назадъ и не поставлю передъ тобою, да будетъ гнѣвъ твой на меня во всю жизнь мою. Если бы мы не промедляли столько, то два раза успѣли бы побывать въ Египтѣ.» — Старецъ примолвилъ: «Когда ужъ такъ, то вотъ какъ сдѣлайте: возьмите зѣвшнихъ произведеній и принесите тому мужу въ даръ. Возьмите ладану, меду, старансы и орѣховъ. Возьмите двойныя деньги, чтобъ можно было возвратитъ деньги, найденныя въ мѣшкахъ вашихъ: можетъ быть, она попали туда во какому недоразумѣнію. И брата вашего возьмите. Собирайтесь въ путь, и идите къ мужу. Богъ мой да преклонитъ мѣшка къ милосердію, чтобъ онъ

¹⁰ Витѣ, 48.

отпустилъ брата вашего и Веніамина. Я вполне сдѣлаюсь бездѣтнымъ!»

Сыновья Іакова взяли съ собою дары и двойныя деньги, и отправились въ Египеть. Прибывъ туда, предстали Іосифу. Увидалъ Іосифъ Веніамина, брата своего по матери, — и возмутилась душа его. Онъ призвалъ управляющаго своимъ домою, и сказалъ ему: «Введи этихъ людей въ домъ мой, и приготовь хорошій обѣдъ: въ полдень они будутъ обѣдать со мною.» Домоправитель исполнилъ по приказанію Іосифа, повелъ братьевъ въ домъ его. Они, видя что ихъ ведутъ въ домъ Іосифа, говорили другъ другу: «Насъ ведутъ сюда по случаю денегъ, найденныхъ въ нашихъ мѣшкахъ, чтобъ взнести на насъ клевету, обвинить насъ, взять въ рабы, и завладѣть ослами нашими.» Поэтому, у воротъ дома, не входя въ нихъ, они приступили къ домоправителю и говорили ему: «Умоляемъ тебя, выслушай насъ. Когда мы приходили въ первый разъ за покупкою хлѣба и, взявъ насыпанными наши мѣшки, отправились въ обратный путь, на первомъ стану развязали мы мѣшки наши, и внезапно увидѣли деньги свои, каждый въ своемъ мѣшкѣ; эти деньги мы принесли теперь обратно, вѣсомъ. А для покупки новаго хлѣба принесли другія деньги. Кто же отданное нами серебро за первый хлѣбъ вложилъ въ мѣшки наши, мы не знаемъ.» «Успокойтесь! отвѣчалъ домоправитель: не опасайтесь ничего. Богъ вашъ, Богъ отцовъ вашихъ послалъ вамъ богатство въ мѣшки ваши. А деньги, внесенныя вами, значатся у меня въ приходѣ и считаются въ числѣ полученныхъ.» Онъ вывелъ къ нимъ Симеона. Потомъ была принесена вода, имъ умыли ноги, а осламъ дали корму. Они выложили дары, и приготовивъ ихъ, ожидали выхода Іосифова къ полдню.

Когда Іосифъ возвратился въ домъ, братья поднесли ему дары и поклонились челомъ до земли. Онъ спросилъ ихъ: «Здоровы ли вы?» — потомъ прибавилъ: «Здравствуетъ ли старецъ, отецъ вашъ, о которомъ вы мнѣ сказывали? неужели онъ живъ еще?» — Они отвѣчали: «Еще живъ и здравствуетъ рабъ твой, отецъ нашъ.» — «Благословенъ

этотъ человекъ передъ Богомъ!» сказалъ Юсифъ: — Они низко поклонились ему.—Сыскавъ глазами между ними Веніамина, Юсифъ спросилъ: «Это ли меньшой братъ вангъ, котораго вы обѣщали привести ко мнѣ?» — и на утвердительный отвѣтъ ихъ примолвилъ: «Богъ да помируетъ тебя, дитя мое!» — Смутился Юсифъ; сильно забилось его сердце; слезы хлынули изъ глазъ. Поспѣшно ушелъ онъ въ свою спальню, тамъ насытился слезными потоками; потомъ умылъ лицо, вышелъ къ братьямъ и, удерживая себя, сказалъ: «предложите трапезу». Для него приготовлено было отдѣльно, а отдѣльно для сыновей Іакова, и отдѣльно для Египтянъ, которые въ тотъ день обѣдали у вельможи. Египтяне, повѣствуетъ Писаніе, не могли быть за однимъ столомъ съ Евреями; они, по своему повѣрью, гнушались всякаго пастуха-овцевода. Сыновей Іакова посадили прямо противъ Юсифа, по годамъ ихъ. Удивились они, увидя себя разсаженными по старшинству. Имъ подавали кушанія, каждому отдѣльно часть его: части накладывалъ самъ Юсифъ, и Веніамину накладывалъ больше нежели прочимъ братьямъ. Поставлено было и вино. Отлегло сердце у сыновей Іакова за трапезою роскошною и привѣтливою. Непривыкшіе стѣснять себя, пустынные пастухи поѣли до-сыта и вышли обильно. Эта трапеза прообразовала духовную трапезу Христа Спасителя, предлагаемую христіанамъ на Божественной Литургіи. Господь благоволилъ содѣлаться братомъ нашимъ. Онъ одержалъ побѣду надъ міромъ — таинственнымъ Египтомъ—а братіямъ Своимъ, которые страждутъ подъ бременемъ грѣха, «уготовалъ трапезу и упояющую державную чашу» * пресвятое Тѣло свое и пресвятую Кровь Свою. Христіане, причащаясь этой Божественной пищи, причащаются живота вѣчнаго, освобождаются отъ грѣховъ своихъ и, въ упоеніи наслажденіемъ духовнымъ, забываютъ скорби, гнетущія ихъ при странствованіи въ Египтъ — въ странѣ чужой, въ странѣ изгнанія: эта страна, исполненная горестей и бѣдствій, видимыхъ и невидимыхъ — жизнь земная.

* Псаломъ, 22.

Иосифъ между-тѣмъ отдалъ тайное приказаніе своимъ подчиненнымъ: «Наполните мѣшки этихъ людей пшеницею, весыште больше, машъ бы въ силахъ были носить. Дешти каждого положите въ мѣшокъ, сверху пшеницы. Въ мѣшокъ меньшаго вложите, кромѣ денегъ, и серебряную мою чашу.» Все было исполнено по приказанію Иосифа. Наступило утро: сыновья Іакова пустились въ путь съ навьюченными хлѣбомъ ослами. Когда они вышли изъ города и были еще недалеко, Иосифъ говоритъ домоправителю своему: «Ступай скорѣе въ погоню за этими людьми, настигни ихъ, и скажи: Что это? вы за все добро отдали злато? За чѣмъ вы украли мою серебряную чашу? Не та ли это чаша, изъ которой пьетъ господинъ мой? да въ ней же онъ и вславуется.» — Домоправитель, настигнувъ ихъ, повторилъ отъ слова до слова приказанное Иосифомъ. — Они отвѣчали: «Нарасно такъ говорить господинъ! Нѣтъ, рабы твои не сдѣлали этого. Если деньги, найденныя нами въ мѣшкахъ нашихъ, мы принесли опять изъ земли Ханаанской, то съ чего намъ краснѣ изъ дому господина твоего серебро или злато? У кого найдемъ чашу, тотъ да будетъ казненъ, и мы отданмы въ рабство господину нашему.» — Домоправитель отвѣчалъ: «Пусть будетъ по слову вашему: у кого найдется чаша, тотъ да поступитъ въ рабы къ господину моему.» — Они поспѣшно сняли мѣшки съ ослонъ, и каждый развлекъ мѣшокъ свой. Домоправитель началъ обыскивать съ старшаго, пошелъ до младшаго, чаша нашлась въ мѣшкѣ Веніамина. Въ отчаяніи они разтерзали на себѣ одежды, положили мѣшки на ослонъ, и возвратились въ городъ. Иосифъ былъ въ дому своемъ: они пришли къ нему и пали передъ нимъ на землю. — «Что вы сдѣлали?» сказалъ онъ имъ: «Развѣ вы не знали, что нѣтъ на землѣ гадателя подобнаго мнѣ?» — Иуда отвѣчалъ: «Господинъ! намъ нечего отвѣчать тебѣ, нечего говорить, нечѣмъ оправдаться! Богъ караетъ тайное согрѣшеніе рабовъ твоихъ. Отдаемъ себя въ рабы господину нашему. Пусть будемъ рабами твоими, мы, и тотъ, у кого нашлась

чаша.» — «Зачѣмъ мнѣ, сказалъ Иовъ, быть несправедливымъ? Пусть, у кого: выпилась чаша, пусть будетъ рабомъ моимъ, а вы вайте оуболю къ отцу.» — Тогда Иуда, приступивъ къ нему, сказалъ: «Господинь! умоляю тебя, позволь мнѣ сказать передъ тобою нѣсколько словъ, и не прогнѣвайся на раба твоего: я знаю, что ты второй по фараонѣ. Последишь! ты спрашивалъ рабовъ твоихъ: имѣете ли вы отца или брата? И мы сказали господину: есть у насъ престарѣлый отецъ и меньшой братъ, родившійся когда уже отецъ былъ въ преклонныхъ лѣтахъ. Ихъ было два у матери: старшій... умеръ; этотъ остался одинъ, и отецъ полюбилъ его. Ты сказалъ рабамъ твоимъ: приведите его ко мнѣ, хочу видѣть его. Мы сказали послѣдну: невозможно юношѣ оставить отца своего; если онъ покинетъ отца, — отецъ умретъ. Ты же оказалъ рабамъ твоимъ: если не придетъ меньшой братъ нашъ, то вы не увидите болѣе лица моего. Когда мы пришли къ рабу твоему, отцу нашему, то передали ему слова господина нашего. Отецъ сказалъ намъ: Идите опять, нуните хлѣба. Мы отвѣчали: Нельзя намъ итти; если меньшой братъ нашъ пойдетъ съ нами, то поидемъ потому что безъ него мы не будемъ допущены передъ лицо твое. Твой рабъ, отецъ же нашъ, сказалъ намъ: «Вы знаете, что жена моя родила мнѣ двоихъ. Одинъ пошелъ отъ меня къ вамъ: вы сказали, что онъ съѣденъ звѣремъ; съ-тѣхъ-поръ цѣлоныиъ я не видалъ его. Если штого возьмете, и случится съ мною дорогомъ намъ зло, вы сведете старость мою съ печалью въ адъ.» И такъ, если я пойду теперь къ рабу твоему, отцу нашему, а юноша не будетъ со мною — въ душа его привязалась къ душѣ... этого! — и увидитъ отецъ мой, что нѣтъ съ нами юноши, онъ умретъ. И сведутъ рабы твои старость раба твоего, отца нашего, съ печалью въ адъ. Я, рабъ твой, взымъ юношу у отца, скажамъ ему: если не приведу его къ тебѣ, я не поставлю предъ тобою, пусть будетъ гнѣвъ твой на мнѣ во всѣ дни жизни моей. Пусть же я буду рабомъ твоимъ вмѣстѣ юноши... да! рабомъ господину!... А юноша пусть идетъ съ братьями своими. Какъ мнѣ итти къ отцу безъ юноши? Не снести мнѣ той горести,

которая поразить отца моего.» — Иосифъ не могъ даѣе удерживать и скрывать себя *. Всѣмъ присутствующимъ онъ приказалъ выйти; даже изъ приближенныхъ и домашнихъ не было никого, когда онъ открылъ себя братьямъ. Всѣ удалились: тогда съ плачемъ и воплемъ воскликнулъ Иосифъ братьямъ: «Я — Иосифъ!... неужели еще живъ отецъ мой?» — Братья пришли въ совершенное недоумѣніе, не могли ничего отвѣчать ему. — Иосифъ сказалъ имъ: «Приблизьтесь ко мнѣ.» Они подошли къ нему. «Я — Иосифъ», повторилъ онъ имъ; я—братъ вашъ, котораго вы продали въ Египетъ. Не скорбите же, что вы продали меня сюда!.... Чтобъ это васъ не тревожило, не мучило! Богъ, промышляющій о спасеніи вашемъ, послалъ меня сюда. Вотъ второй годъ на землѣ голодъ, и еще осталось пять лѣтъ, въ которые напрасно будутъ пахать землю, въ которые жатвы не будетъ. Богъ послалъ меня передъ вами приготовить вамъ убѣжище на землѣ и прокормить наше многочисленное семейство. Не вы продали меня сюда: сюда послалъ меня Богъ, сдѣлавъ какъ-бы отцомъ фараону, господиномъ надъ всѣмъ домомъ его и владыкою всей Египетской земли. Поспѣшите возвратиться къ отцу моему, и скажите ему: вотъ что говорить тебѣ сынъ твой Иосифъ: «Богъ сдѣлавъ меня господиномъ Египта: прійди ко мнѣ, не медли. Ты поселишься въ Гесемской землѣ, будешь близъ меня, ты, и сыновья твои, и сыны сыновъ твоихъ, и овцы твои, и волы твои, и всѣ стада твои. Я буду доставлять тебѣ пропитаніе; «потому что еще втеченіе пяти лѣтъ будетъ голодъ на землѣ. «Ваши глаза видятъ, и глаза Веніамина, брата моего, видятъ, «что я, моими устами, говорю вамъ это. Разкажите отцу моему всю славу и власть, которыя даны мнѣ въ Египтѣ, «которыя вы видѣли собственными вашими глазами. Поспѣшите, «приведите отца моего сюда.» Онъ бросился на шею къ Веніамину, и, обнявъ его, плакалъ, и Веніаминъ обнялъ его, и также плакалъ. Потомъ со слезами онъ обнималъ всѣхъ братьевъ своихъ. Тогда открылись уста ихъ, доселѣ запечат-

* Бытія, 48.

лѣнныя страхомъ и недоумѣніемъ: они вступили въ бесѣду съ Юсифомъ.

Дошелъ слухъ до дома фараонова о прибытіи братьевъ Юсифа: обрадовались фараонъ и дворъ его. — Фараонъ сказалъ Юсифу: «Скажи братьямъ своимъ: такъ поступите, наполните мѣшки ваши хлѣбомъ, идите въ землю Ханаанскую и, взявъ отца вашего, переселитесь ко мнѣ со всѣмъ имѣніемъ вашимъ. Богатства Египта отворены для васъ.» — Юсифъ подарилъ братьямъ, каждому, по двѣ перемѣны платья, а Веніамину пять перемѣнъ и триста золотыхъ монетъ. Отцу своему онъ послалъ многіе дары на десяти ослахъ, и далъ десять муловъ съ хлѣбомъ на дорогу. Одаривъ такъ братьевъ своихъ, онъ отпустилъ ихъ; отпуская, сказалъ: «На пути не ссорьтесь между собою.» Нужно было вольнымъ питомцамъ пустыни такое наставленіе: конечно теперь они дали ему должный вѣсъ, помнили и сохранили его.

Возвратились сыновья Іакова въ Ханаанскую землю, къ отцу своему, сказали ему: «Сынъ твой Юсифъ живъ: онъ-то и управляетъ всею Египетскою землею». — Ужаснулся Іаковъ, не повѣрилъ имъ. Они увѣрили его, пересказывая въ точности всѣ слова Юсифа. Когда же старецъ увидѣлъ богатые дары и колесницы, посланные за нимъ Юсифомъ, тогда ожилъ духъ его, и сказалъ Іаковъ: «Велико для меня, если живъ еще Юсифъ! Поїду, увижусь съ нимъ, прежде нежели умереть мнѣ.»

Патріархъ поднялся со всѣми домочадцами, со всѣмъ имуществомъ; достигнувъ такъ-называемаго Клятвеннаго Колодца, принесъ близъ его жертву Богу *. Въ ночномъ видѣніи Богъ сказалъ старцу: «Іаковъ! Іаковъ! Я Богъ отцовъ твоихъ. Не бойся переселиться въ Египетъ: тамъ сотворю тебя въ народъ многочисленный. Я соїду съ тобою въ Египетъ, и Я выведу тебя оттуда. Юсифъ своими руками закроетъ глаза твои.»

Семейство Іакова, при переселеніи своемъ въ предѣлы Егип-

* Бытія, 46.

та, состояло, включая сюда и Иосифа съ его сыновьями, изъ семидесяти пяти душъ мужескаго пола. Достигнувъ Гесемской земли, онъ послалъ Иуду извѣстить Иосифа о своемъ прибытіи. Иосифъ велѣлъ заперчь колесницы свои, и выѣхалъ на встрѣчу старцу-отцу въ область гесемскую; увидѣлъ его; кинулся ему на шею съ воплемъ и рыданіемъ. Добрый Іаковъ сказалъ Иосифу: «Теперь пусть умру, потому что я увидѣлъ лицо твое: еще ты живъ!» — Когда все семейство прибыло въ Египетъ, Иосифъ сказалъ братьямъ: «Пойду къ фараону, извѣщу его о вашемъ пришествіи, скажу: братья мои и весь домъ отца моего, обитавшіе въ Ханаанской землѣ, пришли ко мнѣ. Они скотоводы: такое занятіе нашего рода извѣстари. Они пригнали сюда и стада свои. Если привоветъ васъ фараонъ и спроситъ какое ваше занятіе, отвѣчайте ему: мы, рабы твои, съ дѣтства и понынѣ занимаемся скотоводствомъ; имъ занимались и отцы наши. А онъ скажетъ вамъ: по мѣстите въ Гесемѣ Аравійскомъ.» — Этотъ значительный участокъ плодороднѣйшей земли, очень удобный для скотоводства, никогда не былъ населенъ. Причиною помѣщенія семейства патриархова въ отдѣльной и необитаемой странѣ, говоритъ Писаніе, было извѣстное повѣрье Египтянъ, признававшихъ нечистыми тѣхъ, которые занимались овцеводствомъ. Иосифъ доложилъ фараону, что отецъ его и братья съ стадами своими прибыли изъ Ханаанской земли и остановились въ странѣ Гесемъ*. Изъ братьевъ онъ избралъ пять человекъ и представилъ ихъ фараону. Фараонъ спросилъ братьевъ Иосифовыхъ: «Чѣмъ вы занимаетесь?» — Они отвѣчали: «Мы, рабы твои, занимаемся овцеводствомъ: это занятіе было нашимъ съ дѣтства, и занятіемъ отцовъ и праотцовъ нашихъ. Нынѣ мы пришли обитать въ землѣ твоей: въ Ханаанской сторонѣ крайне усилася голодъ, и тамошнія пастбища недостаточны для стадъ нашихъ. Позволь рабамъ твоимъ поселиться въ землѣ Гесемской.» — Фараонъ отвѣчалъ, обратясь къ Иосифу: «Отецъ

* Бытія, 47.

твой и братья твои пришли къ тебѣ. Передъ тобою вся земля Египетская; посели ихъ на лучшемъ мѣстѣ. Пусть ихъ поселятся въ землѣ Гесемъ. Если же между ними есть люди способные, то поставь ихъ въ старѣйшины надъ стадами мони.» — Ввелъ Юсѣвъ и Іакова предъ фараона: старецъ благословлялъ царя египетскаго. Фараонъ спросилъ Іакова о числѣ лѣтъ его. — «Мнѣ,» отвѣчалъ старецъ, «сто тридцать лѣтъ. Не много лѣтъ мнѣ! жизнь моя преисполнена бѣдствій; я не проживу столько, сколько прожили отцы мои.» — И, снова благословивъ царя, старецъ вышелъ отъ него. Юсѣвъ исполнилъ все по приказанію фараона относительно помѣщенія отца своего въ землѣ Гесемской. Тамъ часто любимый сынъ навѣщалъ старца-отца своего, и доставлялъ ему все нужное для его содержанія.

Очень занимательны разныя подробности о гражданскомъ устройствѣ Египта во времена Юсифа, сохранныя для насъ Книгою Бытія. Въ этихъ подробностяхъ видѣнъ образецъ, какъ первоначально возникали государства, какъ люди переходили изъ состоянія дикой свободы въ состояніе подданства; какъ это подданство было сначала неполнымъ, и болѣе подходило къ патріархальному подчиненію; какъ потомъ сдѣлалось подданствомъ безусловнымъ; наконецъ тутъ же видно, что учредителемъ самодержавнаго или монархическаго правленія въ Египтѣ былъ мудрый, святой Юсифъ. Тогдашній дворъ фараона, хотя уже и представляетъ нѣкоторое величіе и пышность, но не успѣлъ еще уклониться отъ патріархальной простоты: его высшій царедворецъ лично занимается продажей хлѣба; другой царедворецъ носитъ корзины съ хлѣбомъ на головѣ своей, третій собственными руками выжимаетъ сокъ изъ винограда въ чашу, подаетъ эту чашу царю не только во дни торжественныхъ пиршествъ, но, какъ видно, ежедневно. Народонаселеніе въ Египтѣ было еще очень незначительно, отчего цѣлая плодородная область Гесемъ оставалась непаселенною, а жители городовъ имѣли возможность заниматься пашнею и скотоводствомъ. Книга Бытія дышетъ юностью политическаго міра. Сказаніе Боговдох-

нованнаго писателя этой книги, Моисея, своею естественностью переносит внимательнаго читателя въ отдаленную, священную древность, къ этимъ жодамъ, жившимъ въ чудной простотѣ, къ этой недавно начавшейся жизни, такъ чуждой всѣхъ утонченностей. Эта жизнь и эта простота полны силы! Кто погружается часто въ созерцаніе библейскихъ сказаній, тогъ непременно ощутитъ въ душѣ своей особенное, странное впечатлѣніе. Это впечатлѣніе состоитъ въ обладаніи какой-то свѣжести, молодости, какъ-бы отъ дыханія восточномъ прекраснаго лѣтняго утра. Душа юнѣетъ, отъ пристальныхъ взоровъ на юность міра, отъ бесѣды съ юнымъ міромъ; ея силы бодрѣютъ, укрѣпляются, какъ силы старца, отъ общенія съ дѣтьми. Приятно насладиться свѣжестью юнаго міра, отдохнуть въ ней отъ впечатлѣній современнаго, дряхлаго, разыскающагося.

Сильный голодъ продолжался; особенно страдалъ отъ него Египеть и Палестина: въ этихъ странахъ ни у кого не было хлѣба, кромѣ заготовленнаго Іосифомъ. Не осталось ни золота, ни серебра въ обѣихъ земляхъ: всѣ деньги перешли въ руки Іосифа, а онъ внесъ ихъ въ казнохранилище фараона, которое, нужно замѣтить, было въ самомъ домѣ царя египетскаго. Египтяне, не имѣя денегъ, имѣли нужду въ хлѣбѣ, продавали фараону прежде скотъ свой, потомъ земли, наконецъ самихъ себя. Вотъ начало безусловнаго подданства въ Египтѣ. Только земли жрецовъ остались ихъ собственностью: они получали хлѣбъ отъ фараона безмездно, въ подаваніе. По скончаніи голодныхъ лѣтъ, когда Египтяне и земли свои и самихъ себя укрѣпили фараону, Іосифъ, выдѣливъ имъ на посѣвъ сѣмена съ тѣмъ, чтобъ они пятую часть урожая представляли ежегодно въ дань казны. Эта вещь, учрежденная мѣра относительно къ дани, и самый переворотъ относительно къ власти, были приняты съ удовольствіемъ и благодарностью народомъ подвораждающагося самодержавнаго государства. — «Сохранилъ ты жизнь нашу,» говорили Египтяне Іосифу: «ты благодѣтель нашъ; будемъ рабами фараону». — Писатель Книги Бытія замѣчаетъ, что эта дань оставалась неизмѣнною и въ его времена, то есть, по истеченіи почти

четыре столбѣи. Изъ сочиненій несравненно позднѣйшихъ писателей, Геродота и Диодора, видно что тотъ же способъ взиманія податей продолжался до ихъ времени, видно, что земля въ Египтѣ была собственностью царей египетскихъ. Доходы царей египетскихъ съ земли, говоритъ Диодоръ, были столько удовлетворительны, что всякую другую дань съ народа сдѣлали не нужною*. Въ этомъ распоряженіи видны глубокой, свѣтлый умъ Юсифа, его необыкновенная способность къ управленію, способность, которая обнаружилась въ немъ съ самой юности, и которую такъ скоро и справедливо примѣтили и начальникъ тѣлохранителей и начальникъ темницы. Онъ учреждаетъ налогъ сильный, но чрезвычайно удобный для взноса по свойству страны. Какъ дань свойственна для плодороднаго Египта, какъ же дань хлѣбомъ? Легко было вносить ее тамъ, гдѣ урожай обыкновенный — самъ-сто; легко было доставлять съ полей, лежащихъ при судоходной рѣкѣ, каковы всѣ поля Египта, въ города съ хлѣбными кладовыми, стоящіе при той же рѣкѣ; легко было вознаграждать недомжки, которыя могли случаться въ неурожайные годы, уплатою въ годы непомятаго урожая. Если можно назвать какіе урожай непомятымъ, то названіе это преимущественно передъ всѣми урожаями міра принадлежитъ урожаю нивъ египетскихъ. Наконецъ сбытъ хлѣба внутри былъ вполне удобенъ для фараона изъ пристаней лежавшихъ при этой же судоходной рѣкѣ. Въ послѣдствіи, когда основались гавани и у Средиземнаго Моря, на берегахъ котораго обиталъ весь просвѣщенный и торгующій міръ того времени, Египетъ сталъ житницею этого міра, и оставался его житницею, доколѣ Средиземное море оставалось его центромъ; а оно было центромъ образованнаго, дѣйствующаго міра почти до новѣйшихъ временъ, почти черезъ всю жизнь міра. Установленіе Юсифа имѣло необыкновенную основательность при всей простотѣ своей: потому и было долговѣчно. Самое время благоговѣть передъ мудрыми государ-

* Замѣки на Книгу Бытія. московскаго вѣтрополита Филарета.

ственнымъ постановленіемъ, и черезъ многія столѣтія хранить его въ неприкосновенной, столько благотворной для государствъ, неизмѣняемости. Черезъ явное для всѣхъ государственное благодѣяніе, Іосифъ усилилъ и образовалъ власть фараоновъ, обезпечилъ новое государство капиталомъ и постоянными, обильными доходами.

Семнадцать лѣтъ прожилъ Іаковъ въ землѣ Египетской, и, достигнувъ ста сорока-семи лѣтняго возраста, почувствовалъ приближеніе кончины. За нѣсколько дней передъ смертью, онъ призываетъ возлюбленнаго сына своего Іосифа, и говоритъ ему: «Сдѣлай падо мною милость и истину: не хори меня въ Египтѣ! — да почию съ отцами моими! Вынеси меня изъ Египта, и похорони въ гробъ ихъ!» — Движимый вѣрою — не какимъ-нибудь мелочнымъ, земнымъ пожеланіемъ — вдохновенный старецъ завѣщаетъ перенесеніе тѣла своего въ Палестину и погребеніе его въ пещерѣ Хевронской области. Такъ объясняетъ его завѣщаніе Святой Апостолъ Павелъ, упоминающій о словахъ этого завѣщанія, какъ о внушенныхъ свыше и заключающихъ въ себѣ глубокую таинственность. * Святой сынъ обѣщаетъ свято исполнить волю святаго отца. Іаковъ потребовалъ, чтобъ обѣщаніе было скрѣплено клятвою — и далъ клятву Іосифъ: тогда Іаковъ, сидѣвшій на одрѣ своемъ, поклонился на верхъ жезла Іосифова. Жезлъ былъ въ рукѣ вельможи — или по тогдашнему обычаю, или какъ знакъ высокаго сана.

По прошествіи немногихъ дней, извѣстили Іосифа, что отецъ его пришелъ въ совершенное изнеможеніе **. Онъ взялъ съ собою двухъ сыновъ своихъ, Манассію и Ефрема, отправился къ умирающему отцу. Дряхлый старецъ лежалъ на смертномъ одрѣ въ расслабленіи. Ему сказали: «Идетъ къ тебѣ сынъ твой Іосифъ». — Старецъ собрался съ силами, сѣлъ на одрѣ. Укрѣпила ли его любовь къ сыну? или въ эту минуту низошло на него ослѣпленіе благодати? Умирающій ожилъ жизнью Божественнаго вдохновенія. Часто въ избранникахъ Божіихъ къ естественному дѣйствию че-

* Посл. Евр. II. 21.

** Бытія 48.

ловѣка внезапно присоединяется сверхъестественное дѣйствіе Святаго Духа. Это могущественное дѣйствіе выводитъ чело-вѣка изъ его обыкновеннаго состоянія, и дѣлаетъ ору-діемъ Божиимъ. Такими были предсмертныя минуты Іакова. Когда Юсифъ вошелъ къ нему, онъ сказалъ сыну: «Мой Богъ явился мнѣ въ Лузѣ, въ землѣ Ханаанской, благословилъ меня, и сказалъ мнѣ: я умножу тебя, произведу изъ тебя племена народовъ и дамъ тебѣ, а послѣ тебя, потомству твоему, эту землю въ вѣчное владѣніе. Поэтому два сына твои, родившіеся тебѣ до пришествія моего въ Египетъ, пусть будутъ моими. Ефремъ и Манассія будутъ моими, какъ мои — Рувимъ и Симеонъ. Сыновья, которые родятся тебѣ послѣ ихъ, будутъ твоими и призовутся къ наслѣдію подъ именами этихъ двухъ братьевъ, въ ихъ участки. Мать твоя Рахиль скончалась въ Ханаанской землѣ, когда я шелъ изъ Месопотаміи и приближался къ Ефраѣ. Это тоже, что и Внелеешъ. Тутъ, при пути, похоронилъ я ее.»—Увидѣвъ сыновеи Юсифа, онъ спросилъ его: «Кто это съ тобою?»—Юсифъ отвѣчалъ:—«Это сыновья мои, которыхъ Богъ даровалъ мнѣ здѣсь.»—И сказалъ Іаковъ: «Подведи ихъ ко мнѣ: я благословлю ихъ».—Глаза патріарха померкли отъ старости: онъ не видѣлъ ясно. Когда Юсифъ подвелъ къ нему дѣтей, онъ обнялъ ихъ, поцѣловалъ, и сказалъ Юсифу:—«Вотъ, я не надѣялся увидѣть лицо твое, а Богъ показалъ мнѣ и дѣтей твоихъ»,—Юсифъ отвелъ ихъ отъ колѣнъ старца, и они поклонились ему до земли. Потомъ, взявъ Ефрема въ правую руку противъ лѣвой Іакова, а Манассію въ лѣвую противъ правой Іакова, онъ подвелъ ихъ снова къ старцу; и простеръ вдохновенный старецъ руки для благословія, сложивъ ихъ крестообразно: правую руку положилъ онъ на голову Ефрему, а лѣвую на голову Манассіи. Въ первый разъ является при благословіи крестное знаменіе обычное знаменіе благословія въ Новозавѣтной Церкви! «Богъ,» говорилъ святой патріархъ, «Богъ, которому благоугодили отцы мои Авраамъ и Исаакъ, Богъ покровительствующій и помогающій мнѣ

съ младенчества моего и досель, избавляющій меня отъ всѣхъ напастей, да благословитъ этихъ дѣтей! да нароуются они по имени моему и по имени отцовъ моихъ Авраама и Исаака; да произойдетъ отъ нихъ многочисленное потомство». — Когда Юсифъ увидѣлъ, что старецъ наложилъ правую руку на Ефрема, это показалось ему неправильнымъ; онъ взялъ отцовскую руку, чтобы перенести ее съ головы Ефрема на голову Манассинъ, и сказалъ: — «Отецъ мой! ты не такъ положилъ руки: Вотъ перстенецъ: на него возложи правую руку.» — Старецъ не захотѣлъ этого сдѣлать. «Знаю,» сказалъ онъ, «сынъ мой, знаю: и отъ этого будетъ многочисленное потомство, и это будетъ великъ! Но меньшей братъ его будетъ больше: потомство его составитъ цѣлый народъ.» Онъ снова благословилъ ихъ. «Въ васъ,» сказалъ онъ, «да благословится Израиль! Будутъ говорить: да совершитъ Богъ надъ тобою то, что Онъ совершилъ надъ Ефремомъ и Манассией.» А Юсифу сказалъ: «Я умираю. Богъ будетъ съ вами, и возвратитъ васъ изъ этой земли въ землю отцовъ вашихъ. Въ той землѣ даю тебѣ участокъ липный передъ братами твоими: его взялъ я у Аммореевъ мечомъ и лукомъ моимъ.» Слово мужей духоносныхъ, замѣчаетъ одинъ великій наставникъ аскетовъ *, подобно слову престарѣлаго Иакова: они словомъ своимъ передаютъ слушателямъ духовную силу, живущую въ нихъ, приобретенную ими въ борьбѣ со грѣхомъ, побѣдами надъ невѣдими Амморейми — помышлениями и ощущеніями порочными.

Часъ кончины святаго патріарха приближался. Въ эту предсмертнѣю часть излился на него обильно Святой Духъ, и какъ-бы вполне овладѣлъ имъ. Въ тѣ послѣднія минуты земной жизни, въ которыя душа готова была выйти изъ обветшавшаго тѣла, низшелъ Духъ Божій, остановивъ разлученіе, излилъ въ отходящую душу, въ остающееся тѣло жизнь благодатную. Умирающій ожилъ жизнью будущаго вѣка. Поспѣшно потребовалъ къ себѣ старецъ

* Преподобный Исаакъ Сирскій. Слово 1-е.

всѣхъ сыновою своихъ; поспѣшно они стеклись къ нему, окружили его. Онъ — еще сидѣлъ на одрѣ. Когда они собрались, Иаковъ произнесъ имъ вдохновенное, пророческое завѣщаніе. Это завѣщаніе дышетъ юношескою силою и поэзіей, вѣчною юностью небожителей и святою поэзіей ихъ. Тутъ — нѣтъ человѣка! Тутъ языкъ человѣка былъ только орудіемъ. Такъ и слышитъ говорящій Богъ. Такъ и слышитъ Богъ, изрекающій волю Свою съ властью распоряжающійся будущими судьбами человѣковъ и ихъ отдаленнаго потомства! Завѣщаніе патриарха — небесная пѣснь, воспѣтая Духомъ во всеуслышаніе міра. Эта пѣснь возвѣщаетъ міру Искупителя, и народамъ, погруженнымъ въ идолослуженіе, озареніе свѣтомъ христіанства. «Соберитесь,» сказалъ умирающій старецъ сыновьямъ своимъ, сказалъ какъ-бы уже изъ области того вѣка: «соберитесь, окружите меня; я возвѣщу вамъ будущее. Соберитесь, сыны Иакова, послушайте меня, послушайте Израиля, послушайте отца вашего.» Рувимъ устраняется отъ правъ первенства за угожденіе чувственности; не получили ихъ Симеонъ и Левій. Ихъ склонность къ кровопролитію поражена проклятіемъ, потомству ихъ суждено разсѣяніе по племенамъ прочихъ братьевъ. Надъ Іудею разверзлось все обиліе благословія: ему обѣщано гражданское могущество, знаменитость, первенство между братьями, въ особенности же ему предопредѣлено быть праотцемъ Спасителя, который — возвѣстилъ пророчествующій старецъ — «ожиданіе народовъ». Вдохновенный патриархъ изрекалъ благословіе сыновьямъ, отдѣльно каждому, исчисляя сыновою по старшинству. Достигнувъ имени Юсифа, онъ снова призвалъ на него и на его потомство благословіе неба и земли. Вѣрно и сильно выразилось это благословіе въ томъ благоденствіи, которымъ въ послѣдствіи пользовалось многочисленное потомство Юсифа.

Съ окончаніемъ пророческаго завѣщанія, рѣчь Иакова из-

мѣняется: уже не одушевляетъ ее этотъ восторгъ, эта торжественность, это небесное величіе. Она подобна тѣлу, оставленному душою. Богъ, говорившій устами старца, прекращаетъ Свои таинственныя вѣщанія: умолкаетъ вдохновенный пророкъ, начинаетъ въ изнеможеніи говорить умирающій старецъ: «Я обращаюсь,» были послѣднія слова Іакова, «къ людямъ моимъ; погребите меня въ пещерѣ, которая на полѣ Ефрона Хеттеапина. Тамъ похоронены Авраамъ и Сарра; тамъ похоронены Исаакъ и Ревекка; тамъ похоронилъ я Лію.» Сказавъ это, Іаковъ положилъ на одръ ноги, и скончался. «Онъ присоединился къ людямъ своимъ», говорятъ Писаніе, къ тѣмъ святымъ праведникамъ, которыхъ земля произвела и воспитала для неба, которыхъ она уже передала въ область вѣчности.

Іосифъ, увидѣвъ, что Іаковъ скончался, палъ на лицо отца своего, — цѣловалъ лицо, уста, запечатлѣнные смертью, — орошалъ это лицо обильными слезами. Онъ повелѣлъ врачамъ приготовить тѣло, по обычаю Египта, къ погребенію. Врачи втеченіе сорока дней совершали это приготовленіе, предохраняющее тѣло отъ гніенія. Весь Египетъ участвовалъ въ печали Іосифовой; семьдесятъ дней оплакивали Египтяне кончину святаго старца, родоначальника израильскаго. По прошествіи дней плача, Іосифъ испросилъ себѣ у фараона позволеніе исполнить завѣщаніе отца и свой клятвенный обѣтъ ему, похоронить драгоценное тѣло праведника въ Ханаанской землѣ. Фараонъ пожелалъ, чтобъ шествіе его наперсника въ землю Ханаанскую было сопровождаемо должнымъ великолѣпіемъ. Весь дворъ царя египетскаго, всѣ вельможи его сопутствовали Іосифу; при нихъ было множество колесницъ и всадниковъ. Всѣ сыновья Іакова, всѣ внуки его, способные къ путешествію, участвовали въ немъ. Достигнувъ мѣста погребенія, они почтили священное тѣло семидневнымъ плачемъ, «плачемъ великимъ» — такъ называетъ его Писаніе. То поле, на которомъ остановилось это многочисленное собраніе и гдѣ оно совершало свой погре-

бальный плачь, назвали жители страны «Плачемъ Египетскимъ».

Исполнивъ обѣтъ, Юсифъ возвратился въ Египеть. Владъ продолжало беспокоить братьевъ совершенное ими надъ нимъ злодѣяніе. Они подозрѣвали вельможу-брата въ памятозловіи, а эта чистая, святая душа была способна только къ благости! Полагая, что Юсифъ не хотѣлъ зрѣлищемъ мщениа возмутить спокойствіе престарѣлаго отца, что онъ отлагалъ мщеніе до удобнаго времени, они пришли къ нему и сказали:—«Отець передъ кончиной заповѣдалъ: скажите Юсифу, прости имъ согрѣшеніе ихъ, прости имъ неправду ихъ; они совершили надъ тобою преступленіе, но ты прости имъ вину ихъ ради Бога отцовъ твоихъ.» Когда они говорили это, Юсифъ плакалъ. Они пали передъ нимъ, и сказали:—«Вотъ, мы отдаемъ тебѣ въ рабы!»— Великодушный Юсифъ, Юсифъ, достойный благословеній земли и неба, достойный благословенія всего племени христіанскаго, благословенія всѣхъ читающихъ сказаніе его назидательныхъ дѣяній, отвѣчалъ братьямъ:—«Не бойтесь! я — Божій. Вы сговорились сдѣлать мнѣ зло, а Богъ совѣщалъ о мнѣ благое. И исполнилось Его опредѣленіе! множеству людей доставлено пропитаніе, сохранена жизнь. Не бойтесь: я буду покровителемъ вашимъ и семействъ вашихъ.» Живая вѣра въ Бога и зрѣніе чистымъ душевнымъ окомъ Промысла Божія, возносятъ человѣка превыше всѣхъ бѣдствій, превыше страшнаго душевнаго бѣдствія: памятозловіа и мести.

Книга Бытія умалчиваетъ о дальнѣйшихъ обстоятельствахъ жизни Юсифовой: вѣроятно — жизнь его протекла въ тишинѣ и нерушимомъ благополучіи. Писаніе говоритъ только, что Юсифъ остатокъ дней своихъ провелъ въ Египтѣ, видѣлъ внуковъ Ефремовыхъ, видѣлъ сыновъ Махира, старшаго сына Манассіина, и скончался ста десяти лѣтъ. Отходя, онъ завѣщалъ своимъ: «Я умираю; Богъ посѣтитъ васъ и выведетъ изъ этой земли въ землю, которую онъ обѣщавъ даровать вамъ. Тогда, при переселеніи вашемъ, возьмите кости мои отсюда съ собою въ землю обѣтованную.» Сдѣлавъ это завѣщаніе, онъ почилъ; тѣло его, предохраненное отъ гни-

нѣ, было положено въ ядциѣ, и приложено къ заповѣданному перенесенію. И три столѣтія ожидало тѣло Іосифа перенесенія, о которомъ завѣщаніе было дано и принято съ такою вѣрою.

Пусть умру и буду погребенъ въ Египтѣ, странѣ моего пришельничества. Но завѣщаю дѣтямъ моимъ — я — бездѣтный — завѣщаю племени моему, чтобъ они переселились въ землю обѣтованную, и перенесли туда съ собою мое тѣло. Дѣтьми и племенемъ называю помышленія, раждающіяся въ умѣ моемъ, чувствованія, раждающіяся въ сердцѣ моемъ. Дѣти мои! племя мое! оставьте землю Гесемъ, ея тучныя пастбища, лишь удобныя для скотоводства. Переселитесь изъ Египта, изъ этого дольнаго міра, гдѣ господствуютъ плоть и грѣхъ, переселитесь на Небо! А тѣло мое да сидеть на время въ землю, изъ которой оно взято. Когда же, возбужденное трубою воскресенія, оно возстанетъ отъ сна смертнаго, вы — помышленія и чувствованія мои — окрыленные Духомъ, вознесите воскресшее тѣло на Небо! Небо обѣтовано Богомъ, всему человѣку; не только душѣ его, но и тѣлу! Такъ! — придетъ время — посѣтитъ Богъ человѣка, соберетъ тѣло его, рассыпаншееся въ прахъ, смѣшавшееся съ землею, оживитъ это тѣло. И если помышленія и чувствованія человѣка достойны Неба, помазаны, запечатлѣны Духомъ, то и тѣло его измѣнится, прославится, окрылится, и вмѣстѣ съ душою возлетитъ на Небо.

И.

=

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

Г Н Ъ В Ъ.

=

РОМАНЪ ЕВГЕНІЯ СЮ.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

=

«Всей Франціи извѣстно имя и геройская храбрость корсара *Отчаяннаго*, командира шестнадцати-пушечнаго брига, называемаго *Адскою Головною*; всѣмъ извѣстны тоже многочисленныя и блестящія его побѣды надъ британскими морскими силами и бесчисленное множество добычь, взятыхъ Адскою Головною, во время послѣднихъ крейсерствъ, у Англичанъ.

«Нѣсколько дней тому назадъ, знаменитый корсаръ, захвативъ трехъ-мачтовый корабль, принадлежащій *Ост-Индской* компаніи, возвращался въ *Діалъ*; корабль этотъ былъ тридцати-пушечный, оснащенный для войны: (онъ сопровождалъ множество купеческихъ кораблей, нагруженныхъ хлѣбомъ.... И все это, послѣ кровопролитнаго бою, продолжавшагося три часа сряду, было захвачено неустрашимымъ корсаромъ; вслѣдствіе этой схватки, половина французскаго экипажа была убита или ранена.»

— Три часа сряду?.... это ужасно!.... вскричала дѣвушка, сколько погибло храбрыхъ.... честныхъ людей!.... Какой страшный битъ.... война!.... Нѣтъ, тѣ, кого называютъ героями, не впускаютъ ни въ восторгъ.... ни протѣвъ.... ужасъ.... содроганіе....

— Мы никогда не сойдемся на этотъ счетъ, отвѣчала со смѣхомъ няня, потому что я съ фанатизмомъ обожаю великую армию! да... но такая война, гдѣ участвуютъ корсары, должна быть еще страшнѣе!...

— Еще бы!... сказалъ Онезимъ, тутъ нѣтъ ни милости, ни пощады!...

— Въ этомъ-то и заключается вся прелесть для читателей. Что за люди, я думаю, эти корсары!... а самъ атаманъ!... о которомъ столько говорятъ... долженъ быть престрашнаго виду! Я представляю его себѣ съ рыжею бородою... огненными глазами, яростнымъ лицомъ и поясомъ изъ кинжаловъ и пистолетовъ, въ черномъ, вышитомъ серебромъ мундирѣ, усаженнымъ мертвыми головами!

— Ради Бога перестань! сказала дѣвушка... такіе рассказы могутъ грезиться цѣлую ночь!

— Ну продолжай Онезимъ, сказала няня.

Но замѣтивъ, что молодой человѣкъ поблѣднѣлъ, и что холодный потъ выступилъ на лицѣ его, она прибавила:

— Что это съ тобой, душа моя?... ты кажется не совсѣмъ здоровъ?

— Нѣтъ, ничего, тетушка, отвѣчалъ Онезимъ, досадуя на себя, что не могъ скрыть ужасной боли, которая противъ воли выразилась на лицѣ его; если вамъ угодно, я буду продолжать, прибавилъ молодой человѣкъ, обращаясь къ дѣвучкѣ.

— Разуѣетсяя... но мнѣ кажется, что няня правду говоритъ... вы не совсѣмъ здоровы...

— Увѣряю васъ, что ничего... отвѣчалъ улыбаясь Онезимъ... только меня... какъ и васъ... огорчила мысль объ ужасныхъ бѣдствіяхъ, которыя война влечетъ за собою... Ахъ Боже мой!... Неужели это всегда будетъ... что люди вмѣсто того, чтобъ любить другъ друга... помогать въ скорбляхъ... станутъ ненавидѣть, убивать, преслѣдовать другъ друга.

— Ты говоришь точно мокрая курица... а тебѣ, еслибъ ты не былъ близорукъ, слѣдовало бы быть войномъ... вступить въ почетную гвардію... Жаль, что не такъ случилось...

— Можно ли говорить такія вещи?... сказала дѣвушка неуномлимой теткѣ; напротивъ... мы должны радоваться... что ты, которыхъ мы любимъ, остаются съ нами... Но продолжайте, мосье Онезимъ.

Молодой человѣкъ, взявъ журналъ, началъ читать:

«Въѣздъ корсара въ діэпекій портъ былъ настоящимъ торже

ствомъ. Весь народъ стоялъ на берегу; энтузіазму, крикамъ, ура, не было конца; вдругъ въ-дали показался корсарскій бригъ, совершенно законченный порохомъ; онъ медленно приближался, таща за собою и держа подъ пушкою свою добычу.

Снасти Адской Головы были совсѣмъ прострѣлены картечью, паруса продраны пулями, а трехъ-цвѣтный флагъ въ совершенныхъ лахмотьяхъ былъ прибитъ къ кормѣ.

Трехъ-мачтовый англійскій корабль былъ тоже въ самомъ отчаянномъ положеніи; важность ущерба его доказывала слау нападенія и обороны; когда неустрашимый корсаръ вышелъ на берегъ, то новые крики: «Да здравствуетъ Франція! да здравствуетъ атаманъ Отчаянный!».... летѣли залпомъ со всѣхъ сторонъ. Но торжество атамана превратилось въ настоящее бѣшенство радости и восторга, когда узнали, что захваченный имъ корабль охранялъ нѣсколько транспортовъ хлѣба; потому что въ то время во Франція чувствовали большой недостатокъ въ хлѣбѣ; а такая добыча была благодарніемъ для народа. Теперь же всѣмъ стало извѣстно, что атаманъ Отчаянный, узнавъ о скоромъ приходѣ транспорта съ хлѣбомъ, чтобъ захватить его, провелъ нѣсколько дней въ крейсировкѣ, не заботясь о богѣ богатыхъ добычахъ, могущихъ достаться ему почти даромъ, и не подвергая жизни своей, при нападеніи, опасностямъ; однимъ словомъ, торжество храброго воина было совершенно; и будетъ со славою вписано въ лѣтописяхъ города Діэпа.

— Чудесно! чудесно! вскричала восхищенная няня. Я отдала бы десять лѣтъ жизни.... чтобъ только быть матерью, женою или хоть сестрою такого героя: какъ бы я имъ гордилась!...

— А я.... къ стыду моему признаюсь.... или лучше сказать.... къ стыду моему радуюсь, что я дочь честнаго и добраго негодянта, а не какого-нибудь кровожаднаго героя.... какъ этотъ ворсаръ....

— Ахъ Господи!.... въ васъ нѣсколько нѣтъ честолюбія! Неужели вы не стали бѣ гордиться.... если бѣ могли сказать: «Этотъ ужасный человѣкъ, мой отецъ» или: «Это мой мужъ, мой братъ?»

— Если бѣ онъ былъ въ отсутствіи, то я бѣ дрожала за него.... думая объ опасностяхъ, которымъ онъ подвергается.... а если бѣ онъ былъ со мною.... то мнѣ казалось бы, что на рукахъ его кровь, сказала вздрагивая и блѣднѣя дѣвушка.

— Какъ вы неблагоразумны, дитя мое, возразила съ нѣжнымъ уврекомъ няня, такую раздражительность вы надѣлаете себѣ много вреда....

— Угодно.... я перестану читать, сказалъ Онезимъ обращаясь къ дѣвушкамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, продолжайте.... мнѣ такъ совѣстно.... что я все пугаю.

Потомъ, стараясь улыбаться, сказала няня.

— Это твоя вина.... отъ твоего честолюбія завязался этотъ разговоръ.... Но погоди, ты станешь разсудительнѣе.... перестанешь мечтать о герояхъ великой арміи и рѣшишься наконецъ выйти за бѣднаго твоего вздыхателя, который ужъ такъ давно тебя любитъ.

— Мнѣ! вскричала няня, мнѣ выходить замужъ за прикащика, за статскаго, за *рялчика*, какъ говорятъ военные, за невольскаго добряка, за труса, который каждый разъ возвращается или съ прибавкою.... или съ убавкою.... То колесо раздробить ему ногу и сдѣлаетъ хромымъ; то машина оторветъ два, три пальца.... видите-ли, онъ говоритъ, что только дотронулся до нея; то, наконецъ.... я думаю, что въ этотъ день онъ былъ пьянъ.... то наконецъ падаетъ лицомъ на осколки бутылокъ и до того разрываетъ себѣ лицо, что на-всегда останется со шрамомъ.... такъ что можно подумать будто и онъ былъ на войнѣ, и что шека его разрѣзана саблею.

— Ну что жъ, тѣмъ лучше, тетушка, сказалъ улыбаясь Онезимъ, такимъ-образомъ вы скорѣе надъ нимъ сжалитесь.

— Москѣ Онезимъ совершенно правъ, сказала со смѣхомъ дѣвушка; когда ты выдешь за него и пойдешь съ нимъ подъ руку; то глядя на шрамъ, его примутъ за одного изъ героевъ великой арміи, которыхъ ты такъ обожаешь.... и тогда на свободѣ можешь вдоволь имъ гордиться.

— Погодите.... вы меня не поняли, отвѣчала весело *губернантика*, правда что я обожаю.... только не инвалидовъ, а героевъ. Продолжай теперь, Онезимъ, мнѣ очень любопытно знать какимъ-образомъ могли Англичане эти похитить изъ Франціи этого страшнаго корсара.

— Я начинаю, слушайте.... сказалъ Онезимъ:

Корсаръ Отчаянный, пробывъ три дня въ Діапѣ и сдавъ свою добычу, выѣхалъ изъ порта, оставивъ къ несчастью въ Діапѣ, чтобъ кончить въкоторыя дѣла, своего канонера, одного изъ своихъ старинныхъ сподвижниковъ, довольно опасно раненаго въ послѣднемъ сраженіи. Еслибъ храбрый этотъ морякъ былъ при своемъ атаманѣ, то онъ не былъ бы вѣроятно жертвою такого низкаго обмана.

«Два англійскіе лазутчика, выжидавшіе безъ сомнѣнія удобнаго случая схватить его, завладѣли атаманомъ на дорогѣ изъ Дізна въ Парижъ, между первую и второю станціями.

По всему видно, что лазутчики эти, пользуясь легковѣріемъ ямщика, обманули его и такимъ-образомъ овладѣли лошадьми, экипажемъ и его одеждою.

«Предпріятіе такой невѣроятной смѣлости удалось злодѣямъ.

«Ямщикъ, думая, что уступаетъ свое мѣсто, на время, для шутки, согласился на предложенія англійскихъ лазутчиковъ; но какъ только Руссель вскочилъ на сѣдло, такъ тотчасъ же спустилъ съ горы лошадей, которыя понеслись съ страшною быстротою; между-тѣмъ какъ другой лазутчикъ, столкнувъ съ запятокъ ямщика, за-мертво оставшагося на мостовой, ухватился обѣими руками за рессоры.

«Корсаръ, сначала удивленный такою быстрою ѣздою, и тѣмъ болѣе, что спускъ былъ очень опасенъ въ этомъ мѣстѣ, думалъ, что денщикъ забылъ затормозить колеса и что лошади бѣсятся. Но вскорѣ безумный этотъ бѣгъ пріутихъ и карета продолжала катиться съ неимоверною быстротою.

«Настала совершенная ночь и сдѣлалось такъ темно что Отчаянный не могъ замѣтить какъ карета, вмѣсто того чтобъ ѣхать по большой дорогѣ, брала другое направленіе.

«Не подозрѣвая ничего, и не замѣтивъ подлога ямщика, корсаръ ѣхалъ такимъ образомъ часа полтора и наконецъ заснулъ:

«Карета остановилась; онъ вскочилъ въ просонкахъ и думалъ, что пріѣхалъ на станцію. Увидѣвъ въ потьмахъ два или три фенаря, онъ вышелъ, ничего не подозрѣвая, изъ кареты, какъ вдругъ нѣсколько человекъ бросились на него, скрутили, связали и снесли на приставъ хозейскаго порта, находящагося въ семи льѣ отъ Дізна, и извѣстнаго своимъ разбойничьимъ притономъ.

«Корсара, который былъ не въ состояніи ни пошевелиться ни произнести слова, снесли на крейсерское судно и бросили въ трюмъ.

«Нѣсколько минутъ спустя, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, оно отплывало отъ Хозеля и направилло паруса свои къ берегамъ Англии....»

— Бѣдный корсаръ! сказала няня, какъ теперь онъ выйдетъ изъ такой ужасной бѣды. Но слава Богу!... онъ вышелъ изъ нея; потому что журналъ описываетъ его спасеніе.... Хоть умереть сейчасъ, а я никакъ не могу догадаться, какимъ образомъ онъ могъ избавиться отъ этикъ проклятыхъ Англичанъ? Какое гнусное предательство!

— Да... но можетъ быть это было мнѣніе, сказала вздыхая дѣвушка; ахъ Боже мой! кровожадные эти люди не прощаютъ... ненависть ихъ непримирима...

— Кажется *Отчаянный* корсаръ не одерживаетъ надъ вами побѣды, душа моя, онъ вамъ рѣшительно не нравится?... сказала няня.

Вмѣсто отвѣта дѣвушка вздохнула и покачала головою.

Онезимъ продолжалъ читать:

«Знаменитый атаманъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, у которыхъ опасность отнимаетъ бодрость.... мы рады, что можемъ доказать противное отрывкомъ изъ письма его, къ арматору; въ этомъ письмѣ онъ съ малѣйшими подробностями описываетъ свое бѣгство.

Вотъ этотъ отрывокъ.

«Когда меня заперли въ трюмъ (пишетъ корсаръ), когда лежалъ тамъ, и не будучи въ состояніи пошевельнуться, я вспомнилъ о гнусномъ коварствѣ, котораго былъ жертвою, то мною овладѣла такая ярость, такой *гнѣвъ*.... что еслибъ у меня не отняли моего кляпа, я бѣ всѣхъ ихъ передумилъ отъ бѣшенства.

Я лежалъ на старыхъ парусахъ, съ связанными за спину руками, ноги же мои были перевязаны длинною смоляною веревкою, толщиною въ палецъ; поэтому, чтобъ перегрысть эти оковы, я не могъ прибѣгнуть къ помощи зубовъ. Нагибаясь, я старался достать веревку.... невозможно. Судя по качкѣ судна, я полагалъ, что на морѣ сильный вѣтеръ и что онъ несетъ насъ прямо къ берегамъ Англій.

«Я напередъ зналъ ожидающую меня участь; подлещы, схватившіе меня, вовсе не скрывали своихъ замысловъ; вмѣсто того чтобъ убить однимъ ударомъ, они намѣревались долго мучить меня на *понтонсахъ*. Одинъ изъ нихъ даже совѣтовалъ продать меня на посмѣшище, на поруганіе народу.

«При этой мысли, я думалъ, что съ ума сойду; я зарычалъ отъ ярости и упалъ безъ чувствъ на паруса, служившіе мнѣ тогда подстилкой.

«Когда стихла первая буря, и *гнѣвъ* придалъ мнѣ новыя силы, кровь заклокотала въ жилахъ и бросилась въ голову, гдѣ зародились тысячи предпріятій, одно смѣлѣе другаго; я чувствовалъ какъ физическое и моральное мое могущество возрастало отъ этого пылу всѣхъ жизненныхъ силъ.

«Въ припадкѣ ярости, я рѣшился на одно изъ тѣхъ предпріятій, которыя разцвѣли подъ благотворнымъ вліяніемъ *гнѣва*.

Еслибъ я былъ въ другомъ расположеніи духа, то оно показалося бы нѣтъ невозможнымъ, какъ и всякому другому, который бы не былъ, какъ я, раздраженъ волненіемъ гнѣва, гнѣва, страшнаго и могущественнаго божества, какъ говорятъ индійскій стихотворецъ.»

Дѣвушка слушала съ большимъ вниманіемъ, и казалось, боролась съ тягостными думами; нѣсколько разъ она вздрагивала, какъ будто хотѣла отогнать отъ себя горестную мысль; вдругъ... не будучи въ состояніи преодолѣть себя, она вскричала замирающимъ голосомъ.

— Человѣкъ этотъ.... наводитъ на меня ужасъ.

— Почему это? спросила няня. На меня же онъ производитъ совсѣмъ другое впечатлѣніе. Онъ храбръ какъ левъ....

— Да.... но за то какая желѣзная воля.... какой непреклонный характеръ.... прибавила дѣвушка все болѣе и болѣе волнуясь, какіе корывы!... какое бѣшенство!... и онъ еще смѣетъ возхвалять, боготворить гнѣвъ!...

Потомъ, снова вздрагивая, прибавила:

— Гнѣвъ!... это ужасно!...

И блѣдая, трепещущая, она еще разъ повторила:

— О! это ужасно.... гнѣвъ!...

Гувернантка, не обращая большаго вниманія на трепеть дѣвочки, отвѣчала:

— Послушайте, ангелъ мой, вы говорите что гнѣвъ.... ужасенъ; а я думаю, что онъ ужасенъ только смотря по обстоятельствамъ!... потому что наконецъ.... если храбрый этотъ корсаръ находилъ въ гнѣвѣ силу и средство бѣжать отъ этихъ предателей Англичанъ, то былъ совершенно правъ.... и я бы на его мѣстѣ!... Ахъ Боже мой!... что съ вами?... вскричала гувернантка, видя что дѣвушка поблѣднѣла, закрыла глаза и чуть не упала.

При этихъ словахъ няни и при стукѣ отодвигаемыхъ ею креселъ, чтобъ подать помощь дѣвочки, Онезимъ вскочилъ, тоже помочь ей въ чемъ-нибудь; но боясь сдѣлать снова какую-нибудь неловкость, опять сѣлъ, тяжело вздохнулъ и опустил голову; онъ былъ въ отчаяніи, что долженъ оставаться въ незвѣстности и не могъ даже прочитать на чертахъ той, за которую дрожалъ, усиливается ли или утихаетъ ее волненіе, потому что въ комнатѣ царствовала глубокая тишина, которую няня скоро прервала крикомъ:

— Вы не отвѣчаете, душа моя?... плачете.... губы ваши дрожать.... что съ вами.... Боже мой!...

Дѣвушка не слыхала.

Устремивъ неподвижный взоръ, она показывала на какое-то видѣніе, родившееся отъ безпорядка мыслей ея и шептала задыхающимся, отрывистымъ голосомъ :

— Вотъ онъ ! вотъ онъ !... весь въ черномъ.... это страшное воспоминанье дѣтства.... слеза овладѣло мною....

И большіе глаза ея приняли огромный размахъ отъ ужасу и безпамятства.

— Не думайте объ этомъ.... успокойтесь ради Бога!... говорила няня, развѣ не знаете какъ вредны такіа мысли.

— Человѣкъ этотъ.... продолжала дѣвушка въ совершенномъ безпамятствѣ.... былъ такъ страшенъ въ своемъ гнѣвѣ.... когда... о!... этому прошло много лѣтъ.... когда... я была еще ребенкомъ.... Мнѣ кажется, что я вижу его.... въ широкой шляпѣ и черномъ кафтанѣ.... странный мрачный нарядъ!... черное съ бѣлымъ.... какъ одежда мертвецовъ.... Это было вечеромъ.... отца моего не было дома.... тогда.... человѣкъ этотъ.... Ахъ Боже мой!... человѣкъ этотъ.... вошелъ къ намъ.... не знаю какимъ образомъ и откуда, я никогда его не видала.... Онъ угрожалъ моей матери, которая держала меня на рукахъ.... Тогда.... я это очень хорошо помню.... она сказала ему рыдая: «Пощадь хоть ребенка!» Но онъ.... продолжая угрожать ей, закричалъ: *Такъ ты еще не знаешь, что въ гнѣвъ я на все способенъ?..* И бросился.... на нее.... Тогда.... мать моя.... умерла!... а я....

Дѣвушка остановилась, и упала въ обморокъ; это случилось съ нею каждый разъ, когда она вспоминала ужасное и роковое событіе дѣтства.

Припадокъ, благодаря опытности и заботамъ няни, скоро утихъ.

Приходя въ себя, дѣвушка, характеръ которой представлялъ странное смѣшеніе слабости и твердости воли, почувствовала сожалѣніе и стыдъ, что имѣла такъ мало власти надъ собою во время разсказа о бѣгствѣ корсара, разсказа, который внушалъ ей въ одно и тоже время и ужасъ и какое-то мрачное любопытство, что было необъяснимо для нея самой. И потому не смотря на всѣ убѣжденія Онезима, она непремѣнно хотѣла, чтобъ онъ продолжалъ чтеніе, такъ неожиданно-грустно прерванное.

Гувернантка, видя такую настойчивость и боясь, особенно въ эту минуту, противорѣчить ей, велѣла Онезиму продолжать читать.

Онезимъ продолжалъ :

•Чтобъ предпріятіе увѣчалось успѣхомъ, прежде всего надо было разорвать мои оковы. Не будучи въ состояніи достать ихъ зубами, я придумалъ другое средство: я перевернулся на животъ и за неимѣніемъ рукъ сталъ ощупывать и шерить по полу люкъ; не найду-ли чегонибудь остраго.... и не ошибся.... мнѣ попался большой желѣзной крюкъ, вколоченный во внутрь трюма, вѣроятно для нагрузки баласта. Приблизясь къ крюку, я легъ на него спиною, и сталъ разшипывать о конецъ гвоздя связывавшія меня веревки. Два часа спустя я до того разшипалъ ихъ, что сильнымъ напряженіемъ совершенно разорвалъ; гнѣвъ придавалъ мнѣ сверхъестественную силу.

Главное было сдѣлано, остальное казалось мнѣ пустяками.

Со мною былъ кремень, трутъ, огниво, трубка, пачка табаку и нитоловій ножъ, — которыми я разрѣзалъ веревки на ногахъ. Совершенно свободный въ движеніяхъ, я на колѣняхъ обѣжалъ трюмъ (стоять тамъ не было никакой возможности); но исключая старыхъ парусовъ и веревокъ ничего не нашелъ. Единственный проходъ, на который я имѣлъ надежду, былъ запертъ широко четырехъ-угольною ставнею; въ одномъ мѣстѣ толстыя эти доски разохлись, и черезъ скважину эту я увидалъ лунный свѣтъ; упираясь тогда въ доски, я старался проломать ихъ плечомъ.... но напрасныя усилія! онѣ были, какъ и слѣдовало быть, заперты двумя толстыми желѣзными болтами.

«Ощупью, я собралъ тогда нѣсколько кусковъ не смоленой веревки, нарѣзалъ ихъ мелко на-мелко, разшипалъ и превратилъ въ паклю; потомъ взявъ одинъ изъ парусовъ, разорвалъ его на полосы и положилъ на приготовленную мною и напитанную смолою паклю; все это я пододвинулъ подъ ставню, подъ то мѣсто, гдѣ находилась щель, а чтобъ оно скорѣе загорѣлось, обсыпалъ паклю сухимъ табакомъ. Потомъ взявъ кремень и огниво, я выскѣкъ огня, зажегъ трутъ и, разбросавъ его по пенькѣ, сталъ дуть изъ всей силы.

«Пакля загорѣлась, куски холстины тоже; въ одну минуту трюмъ наполнился густымъ дымомъ, который выходилъ облаками сквозь скважину ставни.

«Тогда я изъ всей силы сталъ кричать: «горитъ! горитъ!... Воля моя, и смрадъ, выходившій изъ трюма, испугали моряковъ; они думали, что это пожаръ. Я услышалъ тогда какъ на палубѣ всѣ замешались, засуетились, потомъ сбѣжали внизъ, и оторвали ставню. Тогда изъ люка хлынулъ черный густой дымъ и такой ослѣпительный, что тѣ, которые нагнулись съ палубы

надъ отверстіемъ трюма, принуждены были закрыть глаза и отступить назадъ. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, я выскочилъ съ ножомъ въ рукахъ на палубу и очутился лицомъ къ лицу съ человѣкомъ высокаго роста въ коричневомъ матросскомъ плащѣ. Я закололъ его; онъ упалъ въ море; схвативъ тогда топоръ, который обыкновенно лежитъ подлѣ битента, — чтобъ въ случаѣ нужды можно было отрѣзать канать, — и хватилъ имъ другаго молодца, который повалился къ ногамъ момъ, и хотѣлъ ужъ....»

Увлекаясь рассказомъ, Онезими прочелъ больше чѣмъ хотѣлъ; но тутъ онъ остановился, боясь чтобъ описаніе такого бою не слишкомъ взволновало дѣвушку, которая и въ самомъ дѣлѣ силсилась скрыть свой ужасъ и отвращеніе къ такой жестокости, непростительной, по ея мнѣнію, даже для своего спасенія. Однако она преодолѣла себя, какъ по разсудку такъ и для того чтобъ удовлетворить странному своему любопытству; рассказъ этотъ неволью занималъ ее; въ похвалу ей надо тоже сказать, что она боролась съ собою не изъ одного любопытства, но и для того тоже, чтобъ не лишиться удовольствія няню, которая съ жадностью слушала похощенія знаменитаго корсара.

— Ты хорошо сдѣлалъ, что остановился, другъ мой, сказала тѣтка племяннику, а было бъ еще лучше, еслибъ остановился по раньше.

— Если ты берешь эти предосторожности для меня, сказала дѣвушка, то напрасно. Я хочу вылечиться отъ этой слабости.

— Право?... и у васъ на это хватитъ духу? Тѣмъ лучше, ангелъ мой, потому что признаюсь, мнѣ страхъ какъ хочется узнать конецъ.... если только васъ это не слишкомъ волнуетъ....

— Потрудитесь продолжать.... сказала дѣвушка Онезиму, который, взявъ журналъ, сталъ читать:

«Я свалилъ съ ногъ еще одного моряка и топоромъ отсѣкъ, только не совѣмъ, руку другому, который бросился на меня съ саблею въ рукахъ. Все это произошло въ одно мгновеніе. Пользуясь остолбенѣніемъ экипажа и чувствовалъ себя гораздо спокойнѣе послѣ изверженія моей ярости, такъ долго удерживаемой, мнѣ хотѣлось осмотрѣть свое положеніе и успокоиться немного.

«Луна чудно сіяла на небѣ, вѣтерокъ вѣялъ прохладно, море было прекрасно. Старый, сѣдой матросъ управлялъ кормиломъ, каютъ-юнга и трое матросовъ стояли въ ужасѣ на другомъ краю судна; человѣкъ, котораго я ударилъ топоромъ, не шевелился больше, а тотъ, котораго я ранилъ, стоялъ на колѣнахъ, поддерживая правую рукою лѣвую....

«Одиниѣ словомъ, противъ меня оставались еще: старикъ, дѣти и трое матросовъ; но внезапное мое нападеніе казалось навело на нихъ ужась.

«Въ эту минуту я замѣтилъ пару пистолетовъ, висѣвшихъ подлѣ коринна; прежде чѣмъ матросы успѣли двинуться, я бросился на оружіе и взялъ топоръ въ зубы; двѣ пули отвѣчали мнѣ за двохъ матросовъ и равняли наши силы. Я находился у коринна, а старикъ и каютъ-юнга у оснастки; такимъ-образомъ мы негли въ случаѣ нужды повернуть назадъ судно, потому что погода стояла чудесная и мы находились отъ береговъ Франціи не болѣе, я думаю, какъ въ десяти или двѣнадцати миляхъ.

«Взвѣсивъ поспѣшно свое положеніе, я зарядилъ пистолеты и бросился на остальныхъ матросовъ.... которые только-что пришли въ себя.... потому что все это произошло не болѣе какъ въ двѣ минуты времени.

— Въ трюмъ!... закричалъ я имъ, а не то.... двохъ я застрѣлю, а третьяго изрублю.

«Между ними и мною было только четыре фута разстоянія, такъ что пуля не пролетѣла бы даромъ.

«Они попрыгали въ трюмъ, гдѣ догарали уже горючіе, зажженные мною вещества. Раненый сошелъ какъ могоъ; я задвинулъ ставню, заперъ ее на болтъ, и возвратился назадъ.

— Дай руль!... сказалъ я старику матросу, занимая мѣсто его при корнѣ; ты же съ юнгомъ встань у парусовъ.... и правьте прямо... а не то я застрѣлю васъ.

«Въ ту минуту когда я принималъ руль изъ рукъ матроса, онъ отскочилъ назадъ съ восклицаніемъ.

«— Атаманъ *Отчаянный!*

«— Развѣ ты меня знаешь?

«— Знаю ли я васъ! атаманъ? Я дважды ѣздилъ на *Адской Головной*.

«— А имя твое?

«— Симонъ изъ Дюнкирхена.

«— Да.... теперь я вспомнилъ лицо твое. А! мошенникъ, ты хотѣлъ предать меня Англичанамъ, меня, твоего бывшего атамана?

«— Пусть разстрѣляютъ меня сію же минуту, если я зналъ, что дѣло шло о васъ, атаманъ!

«— Такъ это твое судно?

«— Нѣтъ, не мое, атаманъ, а Беземко....

«— А гдѣ онъ?

«— На днѣ морскомъ, атаманъ: вѣдь это онъ былъ въ корабельномъ плащѣ... тотъ самый, что падалъ за бортъ.»

«— Да какъ же вы согласились содѣйствовать въ такомъ низкомъ дѣлѣ.»

«— Что жъ было намъ дѣлать, атаманъ.... мы занимаемся контрабандой... и тѣмъ и сѣмъ....»

«— Вижу.»

«— Третьяго-дня пришли ко мнѣ два Англичанина... посмотрите.... вотъ одинъ изъ нихъ.... сказалъ матросъ, и указавъ на трупъ, лежавшій подлѣ борта.»

«— Брось это въ море, сказалъ я ему.»

«Старикъ съ помощью каютъ-юнга исполнилъ мое приказаніе.»

«— А другой Англичанинъ? спросилъ я у старика.»

«— Въ трюмѣ, атаманъ; его-то вы и ударили топоромъ и почти отрубили руку.»

«— Да какимъ же образомъ подговорили они васъ?»

«— Они пришли къ Беземку и сказали ему: «Если ты согласишь перевести въ Англію человека, котораго мы тебѣ представимъ, то получишь за это пятьдесятъ гиней; мы не хотимъ губить его; но если онъ станетъ сопротивляться, то ты и матросы твои, должны помочь намъ связать его и уложить въ трюмъ.... Двадцать-пять гиней получишь теперь, въ задатокъ... а остальные.... по приѣздѣ въ Филлестонъ.... Такъ-какъ тутъ не было душегубства, то предложеніе это прельстило Беземка; онъ условился съ Англичанами и васъ привезли.... Но я не зналъ.... клянусь вамъ, атаманъ, что это были вы, а не то.... я бы не вмѣшался въ это дѣло....»

«Черезъ четыре часа послѣ выхода моего изъ трюма, глазамъ нашимъ представилось Мора.... скоро мы причалили къ порту и я вышелъ на берегъ здоровъ и невредимъ....»

«Вѣроятно, читатели поблагодарятъ насъ, прибавляетъ *Journal de l'Empire*, что мы сообщили имъ этотъ отрывокъ изъ письма храбраго корсара. Поблагодаримъ Бога, что Онъ спасъ неустрашимаго воина, который твердостью духа и храбростью своею избавился отъ такого позора. Станемъ надѣяться, что имя его долго еще будетъ ужасомъ враговъ Франціи.»

Онезимъ, кончивъ чтеніе, положилъ журналъ на столъ.

— Что за человекъ! сказала няня съ восторгомъ: что за человекъ этотъ корсаръ! совершенно одинъ, связанный, стиснутый, нашелъ средство выйти и такъ храбро еще изъ такой опасности!

— Но сколько пролитой крови! сказала дѣвушка вздрагивая. Ни одного слова жалости или соотрадіянія къ своимъ жертвамъ! съ какими жестокими равнодушіемъ человѣкъ этотъ говоритъ о тѣхъ, кого зарѣзалъ безъ сопротивленія... Несчастные эти были такъ изумлены.... поражены, что не думали защищаться.

— Это правда, сказалъ шепотомъ Онезимъ.

Мадамъ Робертъ же размышляла словъ его, и обращаясь къ дѣвухѣ, отвѣчала:

— Послушайте, ангелъ мой.... вамъ очень легко говорить.... но киню ли я ему было! и онъ кажется, что въ такомъ положеніи.... имѣть полное право....

— Ахъ, Боже мой.... душа моя!.... ты, вѣроятно, станешь мнѣ доказывать, что человѣкъ этотъ былъ жертвою низкаго предательства; что онъ, во что бы то ни стало хотѣлъ вернуть себѣ свободу; что онъ имѣлъ право колотить ихъ и рѣзать, что это дикое превращеніе въ жизни другого называется храбростью, героизмомъ, и такъ далѣе.... Все это возможно.... и я нехотѣю быть дурной судья въ этомъ дѣлѣ.... Только я говорю со мною впечатлѣніи, потому что продолженіи всего разсказа.... который, признаюсь, внушалъ мнѣ какое-то невольное, мрачное любовнытво.... я чувствовала только одинъ ужасъ и отвращеніе.... Послушай.... тутъ есть одна мысль, одно слово.... которое особенно поразило меня своею жестокостью....

— Какое слово?

— Человѣкъ этотъ, зарѣзавъ двоихъ и ранивъ третьяго, имѣлъ малою душою, чтобъ сказать съ усмѣшкою: *Тогда мнѣ сдѣлалось какъ-то легче.... я чувствовалъ себя спокойнѣе.... послѣ перваго верева моего гильота, моей ярости!* Спокойнѣе? Боже мой! Такъ чтобъ успокоить этотъ гнѣвъ, ему надо было крови... Отвратительная эта страсть преобладаетъ у него надъ всеми чувствами....

— Да какъ вы хотите, душа моя, чтобъ корсаръ походилъ на святому?.... Корсаръ всегда останется корсаромъ. Какъ быть? каждый дѣлай свое дѣло.... У всякаго свое ремесло.

— Помилуйте, тетюшка!.... что вы это говорите?.... вскричалъ Онезимъ, который до тѣхъ-поръ ничего не говорилъ; ремесло палача... а всё же оно отвратительно, это ремесло.

— О! я была увѣрена, сказала съ живостью дѣвушка, что и вы Онезимъ думаете какъ я.

— Еще бы!.... онъ настоящая красная дѣвушка, отвѣчала со смѣхомъ явля. Развѣ съ нимъ можно говорить о сраженіяхъ?

— Признаюсь, тетюшка, что во мнѣ вѣтъ ничего геройскаго, отвѣчалъ Онезимъ улыбаясь: и потому если бѣ мнѣ пришлось попасть въ неволю.... и надо было бы выкупить свою свободу смертью злѣйшаго моего врага, то я бы и тогда отказался отъ свободы.

— Хорошо!.... мосё Онезимъ, вскричала съ восторгомъ дѣвушка, вотъ истинная, неподдѣльная храбрость, которой не поимуть эти кровопійцы.

Отвращеніе, которое дѣвушка чувствовала къ вспыльчивымъ, происходило можетъ быть и оттого, что Онезимъ и по характеру и по слабости своей не могъ принадлежать къ числу ихъ.

— Вы называете храбрымъ Онезима? сказала гувернантка, отвѣчая на послѣдніа слова Онезимовой покровительницы, вы вѣрно шутите, душа моя?

Потомъ обращаясь къ племяннику, прибавила:

— Развѣ ты не видишь, что наша барышня смѣется надъ тобою?.... бѣдвѣй ты мой! А покуда положи мое вязанье вотъ на этотъ столъ, храбрый ты мой герой, и подай рабочій ящикъ, только сдѣлай милость, если это возможно.... не урони опять чего-нибудь....

Говоря такимъ-образомъ, она протягивала къ Онезиму обѣ руки; въ одной держала вязанье, а другою принимала ящикъ.

Поэтому молодой человѣкъ, былъ въ свою очередь принужденъ протянуть обѣ руки, одну для того чтобъ принять вязанье, а другую, — чтобъ подать ящикъ.

Свѣтъ лампы, падающій прямо на столъ, освѣтилъ обожженную руку Онезима; тогда только неумолимая тетка увидѣла это и поняла какъ долженъ онъ былъ страдать отъ обжога.

— Ахъ, Боже мой, дитя мое!.... вскричала она, что это у тебя съ рукою?

— Ничего.... тетюшка.... отвѣчалъ Онезимъ отдергивая поспѣшно руку, пока дѣвушка, вниманье которой было привлечено восклицаніемъ няни, смотрѣла на него съ безпокойствомъ.

Но неумолимая тетка вскочила, и схвативъ почти насильно руку молодаго человѣка, стала ее разсматривать.

— Ахъ, Боже мой! вскричала она съ ужасомъ, бѣдѣшка!.... посмотрите какъ онъ обварилъ себѣ руку.... Ты долженъ ужасно страдать.... дитя мое!.... да когда же это съ тобою случилось?

Потомъ, обращаясь къ дѣвушкѣ, которая въ это время встала, чтобъ подойти къ Онезиму, сказала поспѣшно:

— Ради Бога... не глядите.... дитя мое.... это такъ страшно.... особенно для васъ.

Помолчавъ немного, она прибавила:

— А! теперь я догадываюсь.... Вѣрно тогда.... Онезимъ.... когда ты наливалъ кипятокъ въ чайникъ.... Бѣдный, милый мой мальчикъ.... онъ боялся, что мы будемъ надъ нимъ смѣяться.... и потому молчалъ.... не говоря ни слова, переносилъ самую ужасную боль.... Ахъ, Боже мой!.... и имѣлъ еще духу такъ долго читать намъ.

Онезимъ молчалъ; но молчанье его было краснорѣчиво....

— Я говорила тебѣ, что онъ храбръ.... вскричала дѣвушка въ невыразимомъ волненіи съ наполненными слезъ глазами, я говорила тебѣ.... Да.... вотъ истинная храбрость, не та яростная, рождающаяся отъ гнѣва, которая щещетъ только крови и смерти.... но та храбрость благородныхъ сердець.... которую чувствуютъ честные люди.... и чтобъ не испугать тѣхъ, кого любить.... умѣютъ переносить безъ жалобъ.... молча, самыя жестокия страданія.

Трещеть, волненіе дѣвушки, выражавшіеся въ ея голосѣ, чудно вознаградили молодого человѣка за его мученія; и на этотъ разъ онъ былъ такъ счастливъ, что могъ даже хорошо рассмотреть трогательное выраженіе лица ея, потому что она непремѣнно хотѣла помогать нянѣ перевязывать Онезиму руку; а чтобъ сдѣлать это, ей надо было подойти къ нему очень близко; за то продолженіи нѣсколькихъ минутъ онъ могъ упиваться созерцаніемъ этихъ прелестныхъ чертъ, на которыя обыкновенно глядѣлъ какъ сквозь туманъ.... а теперь.... какъ выразить, какъ описать его блаженство!....

Перевязка кончилась, а Онезимъ жалѣлъ зачѣмъ не обварилъ другую руку.... какъ-вдругъ дверь въ гостиную отворилась и въбѣжавшая въ поспѣхахъ служанка, сказала:

— Мадамъ Роберъ!... мадамъ Роберъ!....

— Ну, что тамъ такое?

— Легуѣвъ пріѣхалъ.

— Отецъ мой тоже! вскричала дѣвушка съ лицомъ сіяющимъ радостью и спѣша къ дверямъ. Тамъ онъ?....

— Нѣтъ, сударыня.... Легуѣвъ сказалъ, что баринъ теперь на почтѣ, но что онъ сейчасъ будетъ....

— Я бѣгу внизъ, душа моя.... сказала дѣвушка гувернанткѣ, а буду ожидать его въ передней и поцѣлую прежде всѣхъ.... Вы же, носѣе Онезимъ.... прошу васъ.... берегите свою руку....

Сказать это, дѣвушка постѣшила на встрѣчу къ отцу.

— Послушай, другъ мой, сказала мадамъ Реберъ племенишку, иди въ свою комнату и прилаживай холодную воду... Передъ тѣмъ какъ ложиться... я зайду къ тебѣ и сообщу то, что скажетъ мнѣ насчетъ тебя мосьё Кларекъ, потому что надо, чтобы онъ зналъ затѣмъ и съ которыхъ поръ я дала тебѣ принять въ его домъ... Впрочемъ, я знаю какъ онъ добръ и увѣрена, что онъ одобритъ мой поступокъ.

Онезимъ ушелъ къ себѣ. Ему сдѣлалось грустно.

Только что онъ вышелъ изъ дверей, какъ Легуефъ вошелъ въ комнату.

Значило бы сомнѣваться въ провинцальности читателя, предположивъ, что онъ не узналъ въ молодой дѣвушкѣ, некровительницѣ Онезима, *Сабину Кларекъ*, которой было только пять лѣтъ, когда мать ея умерла отъ испугу, сдѣлавшагося наслѣдіемъ дочери; надѣмся, что провинцальность эта тоже не сдѣлала промаха на счетъ *гувернантки*, которая была никто иной, какъ *Сусанна Роберъ*, бывшая кормилица Сабини, и горничная и повѣренная особа ея матери.

Что же касается до корсара *Отчаяннаго* и вѣрнаго его казначера, то... Но остановимся...

И такъ Легуефъ вошелъ въ гостиную, изъ которой только что вышли Сабина и Онезимъ, и гдѣ находилась тогда мадамъ Роберъ.

Легуефъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ мы его потеряли изъ виду, этому уже двѣнадцать лѣтъ назадъ, мало измѣнился; все тоже длинное, блѣдное, и безстрастное, какъ у *Пьерро*, лицо, увѣщанное чернымъ, походящимъ на сѣтку нарчкотомъ, все тѣ же поговорки, та же походка. Единственные переизмѣны, малозначимыя временемъ, или скорѣе происшествіями на эти безжизненные, смѣшной важности черты, были: во-первыхъ, глубокий шрамъ на лѣвой щекѣ, начинающійся отъ виска, и кончающійся у челюсти,—рана эта происходила, какъ увѣрялъ Легуефъ, отъ нечеловкаго его паденія на осколки бутылки) — во-вторыхъ, недавняя потеря глаза, прикрытаго большимъ чернымъ пластыремъ,—причиной этому была вѣроятно тоже нечеловкость Легуефа.

Не смотря на такія важныя потери въ красотѣ своей, Легуефъ все еще держалъ голову къверху, а грудь впередъ. Жужжавшая его шея была завернута длиннымъ англійскимъ, изъ бѣлой съ розовыми горошинками кисей галстухомъ, концы котораго падали на черныи суковный жилетъ; а длинный, ореховый

сюртукъ его съ бѣлыми пуговицами, и такого же цвѣта панталоны, пріятно славялись съ черными сырцовыми чулками и большими заснурованными башмаками. Правую руку лишевною двухъ пальцевъ, оставленныхъ по неосторожности его, какъ онъ самъ увѣрялъ, въ зубахъ машины, — онъ упирался на толстую палку, потому что очень сильно хромалъ вслѣдствіе еще какой-то оплошности; однимъ словомъ, глядя на Легуфѣна, его можно было принять, если бъ только не было шраму, за стараго мажорскаго помощника, или за провинціальнаго судью; мирная эта наружность совершенно согласовалась съ новою его должностію *прикащика купца Кларека, торгующаго руанскими товарами.*

Увидавъ Легуфѣна, мамушка Робёръ не могла скрыть своей радости, не смотря что имѣла привычку преслѣдовать его столько лѣтъ своими остротами и насмѣшками; она до того предалась этой радости, что даже не замѣтила, какъ Легуфѣнъ вертѣлся во всѣ стороны, чтобъ скрыть отъ нея недавнее свое несчастье, и потому такъ извертывался, чтобъ она видѣла его только въ прощаль или по-крайней-мѣрѣ въ три четверти. Онъ старался, какъ можно долѣе откладывать минуту объясненій на счетъ потери своего глаза; но мамушка Робёръ, идя на встрѣчу къ своему бывшему подчиненному, скоро замѣтила, что *прикащикъ купца Кларека* уѣхалъ съ обоними, если не большими и не прекрасными глазами, то по-крайней-мѣрѣ острыми и проныпательными, а возвратился съ огромнымъ пластыремъ; увидѣвъ это, она вскричала съ ужасомъ:

— Ахъ! Боже мой! что это у тебя на глазу, Легуфѣнъ?....

— Гдѣ это?

— Какъ! гдѣ?... да на правомъ глазу.

— На правомъ.... душа моя?

— Ну, да.... этотъ огромный пластырь?

— А!.... пластырь!.... сказалъ хладнокровно Легуфѣнъ, я знаю, что это такое.

— Разумѣется, что знаешь.... только я боюсь догадываться.

— Не церемонься.... догадывайся.

— Опять какая-нибудь неловкость.... опять чего-то недостаетъ?

— Пфъ! сказалъ развязнымъ видомъ Легуфѣнъ, это ничего....

однѣ только глазъ....

— Неужели!.... такъ ты теперь безъ глаза?

— Чему быть, того не миновать.

— Только этого не доставало.... Такъ ты теперь кривой?

— Къ вашимъ услугамъ.

Т. ХСѢІ. — Отд. II.

— Благодарю за подарокъ.

— Ты станешь иначе думать, душа моя; что будетъ, то будеть.

— Ужъ ты давно объ этомъ толкуешь.... только не знаю, сбудется ли твое предсказаніе.

— Непремѣнно сбудется.

— Нечего сказать, очень хороша будущность!.... если это будетъ продолжаться такимъ образомъ, то ниѣ хотѣлось бы знать, что черезъ вѣсколько лѣтъ останется отъ твоей особы; потому что, наконецъ, всякій разъ, какъ ты возвращаешься.... у тебя все чего-нибудь недостаетъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ баринъ сталъ торговать, и сдѣлалъ тебя своимъ прикащикомъ.... я увѣрена, что въ инвалидномъ домѣ вѣтъ такихъ калекъ и увѣчныхъ, какъ ты.

— Всякому своя доля, свое счастье; у всякаго свое ремесло, своя должность.

— Такъ ты потерялъ глазъ, исполняя свою должность?

— Именно такъ.

— Любопытно бѣ было знать, какимъ-образомъ?

— Очень простымъ. Баринъ часто ворчалъ на меня, что я путаю счеты; а это происходило отъ того, что я становился очень слабъ зрѣніемъ; на это есть лекарство, подумалъ я, надо купить очки. Вѣдь я хорошо разсудилъ, неправда ли, милая?

— Какъ нельзя лучше. Чтò жъ потомъ?

— Вотъ я и купилъ очки. Это было въ Мюнхѣ.... Ахъ! Боже мой!.... экой злодѣй этотъ купецъ! вскричалъ Легуфенъ, сжимая съ яростью кулаки; а!.... подлецъ!.... а!.... разбойникъ!.... а!.... бездѣльникъ!....

— Ну, успокойся, и продолжай.

— Погода была чудесная; а магазинъ оптика на самомъ припекѣ... на набережной Роны... не забудь милая... что на самомъ припекѣ!

— Чтò жъ изъ этого?

— Какъ чтò изъ этого? это очень важно. Я вхожу въ лавку и прошу попробовать вѣсколько паръ очковъ.... Злодѣй этотъ подаетъ мнѣ.... я беру одну пару.... и надѣваю на носъ.... Въ эту самую минуту съ набережной послышались ужасныя крики.... Разумѣется, что изъ любопытства я побѣжалъ къ дверямъ.

— Какъ это на тебя похоже!

— Я бѣгу къ дверямъ.... все еще съ очками на носу.... Замѣть это....

— Хорошо.... хорошо.... продолжай только.

— Я смотрю во всё стороны, внизъ, вверхъ, чтобъ знать по-крайней-мѣрѣ.... гдѣ кричать, какъ вдругъ.... Ахъ! милая Су-санна!....

— Ну!....

— Я посмотрѣлъ на верхъ.... и почувствовалъ въ правомъ глазѣ такую страшную боль.... какъ-будто мнѣ рвали его каленымъ желѣзомъ....

— Ахъ! Боже мой!.... что это было такое?

— Этотъ скотина оптикъ ошибся.... и вмѣсто обыкновенныхъ стеклъ вложилъ одно изъ нихъ увеличительное.... сказалъ Легуфѣнъ плачевнымъ голосомъ. Стекло изъ зрительной трубки.... а какъ я поднялъ носъ къ верху.... то солнце, ударяя прямо на очки.... разорвало мнѣ глазъ.... потому что стекло-то было зажигательное.... Ахъ! милая!.... если бъ ты знала, какая это ужасная боль!....

— Возможно ли! вскричала въ ужасѣ мамушка Робёръ, почти не вѣря такому странному дѣйствию оптика. Такъ ты кривой теперь?

— Чему быть, того не миновать.... но, къ оправданію оптика, я долженъ сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ лишился одного глаза, другой видитъ гораздо лучше прежняго... такъ, что этотъ одинъ.... постоитъ за двоихъ.... За то я вижу, какъ ты хороша.... о!.... такъ хороша, что чудо!.... какъ была въ пятнадцать лѣтъ....

— А какъ я гляжу, къ несчастью, сорока-трехъ-лѣтними глазами, то вижу тебя такимъ, каковъ ты есть въ-самомъ-дѣлѣ, мой бѣдный Легуфѣнъ; но поговоримъ серьезно.... кромѣ шутокъ.... мнѣ очень жаль тебя.... но, я думаю, что это несчастье будетъ послѣднее.... потому что баринъ сказалъ барышнѣ, что по всему вѣроятію, онъ больше ни куда не поѣдетъ... а року всегда угодно бываетъ, чтобъ всё бѣды твои случались именно во время вашихъ путешествій... Ну, что вы дѣлали въ это время, и не случилось ли еще чего нибудь?

— Ничего, слава Богу.... все было какъ нельзя лучше.

— А барынова торговля? хорошо идутъ дѣла его?

— Очень хорошо.... онъ въ большихъ барышахъ.

— Ну, а здоровье его?.... какъ онъ себя чувствуетъ?

— Какъ нельзя лучше.

— Все ли онъ еще скучаетъ по барынѣ?

— Разумѣется.... Тогда уходитъ къ себѣ, запирается на нѣсколько часовъ, и когда выходитъ.... видно, что онъ плакалъ.... Потомъ, это проходитъ.... и опять возвращается.

— А характеръ его?

— Въ сравненіи съ нимъ.... я настоящая ртуть.

— Такъ онъ не сердится больше?.... все равно, какъ здѣсь, такъ и въ дорогѣ?....

— Совершенно такой же.

— А когда подумаешь, каковъ онъ былъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ.... а! Легуфѣнъ?

— Какъ день и ночь.

— Я потому объ этомъ говорю, что съ барышней еще сегодня были нервные припадки.... она вспомнила о смерти своей бѣдной матери. Наконецъ, въ такомъ несчастіи.... ужъ и это хорошо, что она не узнала барина въ его бретонскомъ одѣянии.... въ тотъ ужасный вечеръ.... когда умерла наша добрая барышня.... Бѣдное дитя, все еще думаетъ, что какой-нибудь чужой убилъ мать ея, и страшное это воспоминавіе заставляетъ иногда ее заговариваться.

— Къ-счастью еще, что она никогда не узнаетъ этой тайны, сказалъ вздыхая Легуфѣнъ; о!.... это была страшная, ужасная ночь.

— Сколько событій съ-тѣхъ-поръ, Легуфѣнъ!.... Чего, чего не случилось впродолженіи этого времени.... Въ какомъ безпрестанномъ безпокойствѣ находилась эта добрая барышня.... да и баринъ тоже!

— Развѣ я когда-нибудь безпокоился, милая?

— Да развѣ ты о чемъ безпокоился?

— Наконецъ, отчаявался ли я когда-нибудь?

— Нѣтъ никогда, это совершенная правда.

— Когда баринъ, послѣ смерти жены своей и послѣ того какъ лишился мѣста, которымъ жилъ.... былъ въ такомъ страшномъ отчаяніи... не говорилъ ли я тебѣ, милая, когда ты сокрушалась о его будущности.... что: *волку лѣсъ, а голубю голубятня*?

— Да, это правда; но такъ, какъ я не понимала тогда.... и досихъ поръ еще не понимаю этой прекрасной загадки.... то согласись.... что она не могла меня совершенно успокоить.

— Очень возможно, но я понималъ.... и понимаю.... Потерявъ мѣсто, баринъ, чтобъ удовлетворить нуждамъ дочери, которую ввѣрилъ твоимъ попеченіямъ.... собралъ все, что имѣлъ, все обратилъ въ капиталъ, и мы съ нимъ уѣхали.

— Да.... и въ продолженіи двухъ лѣтъ мы не получали отъ васъ никакихъ извѣстій.

— Что жъ было дѣлать?... въ это время господинъ Кларекъ не смотря на свои тридцать два года.... опредѣлился на контору

въ одинъ коммерческій домъ и сталъ учиться.... торговлѣ.... потому что у него съ малыхъ лѣтъ была врожденная страсть къ торговлѣ, отвѣчалъ насмѣшливымъ видомъ Легуфенъ: ты должна была это замѣтить, милая.

— Нѣтъ.... Я этого никогда въ немъ не замѣчала.... и чтобъ замѣтить это надо имѣть твою проникательность, Легуфенъ.

— Однако это было точно такъ, какъ я имѣю честь доложить вамъ, милая; баринъ раздумалъ тогда: «мѣсто мое улетѣло къ чорту.... у дочери моей такъ мало, что ей въ продолженіи вѣсколькихъ лѣтъ.... почти нечѣмъ жить.... Вижу, что я самый плохой судья.... что я не создамъ для этого.... а созданъ для.... торговли.... такъ сдѣлаюсь же я лучше купцомъ.» И сдѣлался въ самомъ дѣлѣ знаменитымъ купцомъ, потому что нажилъ дочери великолѣпное состоянье.... не считая еще того... что былъ сердитъ и вспыльчивъ какъ влюбленный пѣтухъ, а теперь кротокъ и мягокъ какъ овца; ну сама скажи, правду я говорю или нѣтъ?

— Истинную правду, Легуфенъ; и признаюсь тебѣ, что меня не такъ удивляетъ то, что онъ нажилъ такое огромное состоянье; потому что.... если рассудить хорошенько.... то торговля есть ничто иное какъ лотерея; но меня удивляетъ эта внезапная переѣна въ его характеръ....

— Пѣзъ!... это дѣйствіе торговли.... сказалъ Легуфенъ съ самодовольнымъ видомъ.

— Что это ты мнѣ рассказываешь, Легуфенъ... неужели ты думаешь, что я стану вѣрить всякому вздору?..

— Разумѣется, душа моя, что торговля связываетъ людей между собою, сказалъ бывшій камердинеръ важнымъ, правоучительнымъ тономъ; вѣдь ты должна понять.... что еслибъ купецъ предлагалъ свои товары и подчивалъ въ это время кулаками въ голову, или принималъ бы покупателей пивками въ бока, то согласись, что не было бъ возможности имѣть сообщенья съ купцами.... слѣдовательно ни продавать, ни покупать....

— Однако... согласись тоже, Легуфенъ, что судья долженъ быть по-крайней-мѣрѣ такого же сговорчиваго нраву какъ и купецъ; какъ же это сдѣлалось, что нравъ баряновъ смягчился.... какъ ты увѣришь меня.... торговлю.... между-тѣмъ какъ прежде.... онъ былъ такой сердитый.... что доходилъ даже до того... вспомнишь Легуфенъ.... что выбрасывалъ изъ оконъ президентовъ?

Этотъ, высокой психологін вопросъ привелъ въ смущенье бывшего камердинера; однако, такъ какъ его трудно было сконфузить, онъ отвѣчалъ не записываясь:

— Это очень понятно.... ты сейчас сама это увидишь.... иная.... это просто какъ дважды два четыре.... чего тутъ не понимать?...

— Посмотримъ.

— Ребенокъ пойметъ....

— Да ну, говоря!

— Вотъ въ чемъ дѣло.... сказалъ Легуфевъ смышленнымъ видомъ: *волку лпсъ.... а голубю голубятня....*

— Ты всегда останешься такимъ же какъ и былъ.... то есть несноснымъ, невыносимымъ созданиемъ! вскричала Сусанна, перебивая своего обожателя; ни годы, ни путешествія, ни торговля.... ничего однимъ словомъ не могло переменить тебя.... ты все тотъ же, разумеется въ нравственномъ отношеніи.... что же касается до наружности.... то это другое дѣло!

— Вотъ тебѣ за это! неблагодарный другъ, сказалъ канонеръ, вытаскивая изъ кармана и поднося Сусаннѣ съ куртизанствомъ престранной формы ящикъ, — человекъ, хоть сколько-нибудь морякъ, особенно же канонеръ, тотчасъ же бы увидѣлъ что это фитильный ящикъ, — вотъ какъ я мишу за твои жестокости.

— Что это такое?.. спросила Сусанна.

— Подарочки поддерживаютъ дружбу.... а въ сердцѣ.... вѣдь ты питаешь ее ко мнѣ.... этакая злая!...

— Питаю-ли я къ тебѣ дружбу?... ты это слишкомъ хорошо знаешь, гадкій ты человекъ, отвѣчала няня отворяя ящикъ и развертывая довольно большой кусокъ пергаменту, въ которомъ былъ завернуть подарокъ Легуфена; онъ заранѣе улыбался, радовался и съ нетерпѣніемъ хотѣлъ видѣть, какое дѣйствіе произведетъ его подарокъ на возлюбленную его Сусанну, которая почти съ ужасомъ вскричала:

— Ахъ Боже мой!... пергаментъ этотъ.... съ одного конца какъ будто подожесть, а на другомъ.... вотъ посмотри.... кровь!...

— Ахъ, да!... отвѣчалъ хладнокровно прикащикъ Кларека, это остатокъ отъ куска.... все равно какого куска.... я зажигалъ имъ свѣчку, а завертывая эти серьги и булавку укололъ себѣ палець.... Все такой же.... какъ видишь.... человекъ.... И потому меня несколько не удивляетъ, что на серьгахъ этихъ тоже кровь.... но ты смоешь ее водою.... и ничего не будетъ видно.

Гувернантка.... не станемъ называть ее больше няней. И такъ гувернантка развернула пергаментъ, — надо сказать, что это былъ остатокъ отъ пушечнаго снаряду, — и вынула изъ него пару огромныхъ золотыхъ серегъ, представляющихъ канатный узелъ,

и большую золотую булавку, украшенную якоремъ и увѣчанную королевской короной. Прибавимъ, что тридцать лѣтъ тому назадъ многие матросы королевскаго англійскаго экипажа носили еще золотыя серьги, и застегивали шерстяныя свои рубашки огрѣвными золотыми или серебреными булавками.

Губервантка была не такъ довольна подаркомъ какъ видѣнаться, потому что она вовсе не была расположена драть ушей своихъ такими кольцами...., и потому, чтобъ доказать благодарность свою за такое вниманье, она зашпилила манишку булавкою и сказала Легуфену:

— Ты слишкомъ любезенъ, Легуфенъ; эти серьги.... особенно же булавка сдѣлана съ необыкновеннымъ вкусомъ: а такъ какъ мы живемъ близко отъ берегу, то выборъ этой булавки, украшенной якоремъ, очень кстати.

— Я самъ объ этомъ думалъ, отвѣчалъ хладнокровный Легуфенъ; бездѣлицы эти принадлежали женѣ капитана корабля; она промѣняла ихъ на другіе товары, которыми баринъ награждалъ меня.

— Вотъ, посмотрите, господинъ вождерь, сказала Сусанна взяли со стола вязанье и показывая его своему обожателю, этотъ шарфъ доказываетъ, что не вы одни думаете объ отсутствующихъ.

— Какъ, Сусанна.... этотъ шарфъ....

— Тебѣ.... для зимы.... чтобъ ты не простудился, если неравно опять поѣдете....

— Ахъ! Сусанна!... сказалъ разтроганный Легуфенъ.... я этого никогда не забуду....

Къ несчастію изъясненіе благодарности Легуфена было прервано Кларекомъ и его дочерью, которые вошли, вѣжко объявъ другъ друга, въ комнату.

Ивону было тогда сорокъ два года; но онъ почти не измѣнился; только волосы его начинали сѣдѣть и лицо сдѣлалось совершенно смуглымъ; впрочемъ, онъ сдѣлался какъ-то гибче, сильнѣе, молодцоватѣе; лицо его сіяло блаженствомъ, а глаза были наполнены, слезами радости.

— Свѣту!... какъ можно больше свѣту.... вскричалъ онъ входя въ комнату.... я хочу хорошенько наглядѣться на возлюбленную дочь мою!...

Вырываясь тогда изъ рукъ Сабивы, онъ отошелъ отъ нея на нѣсколько шаговъ, сложилъ крестъ на крестъ руки и съ восторгомъ глядѣлъ на это милое созданье.... освѣщенное яркимъ и натовымъ свѣтомъ лампы.

Сердце его такъ сильно билось.... страхомъ и нѣжностью, что онъ не могъ произнести ни слова.

Стоя посреди комнаты, и протянувъ руки впередъ, онъ по-жиралъ боязливымъ и любящимъ взоромъ дочь свою, какъ-будто хотѣлъ увѣриться, поправилось ли больше еще ослабло здоровье обожаемой его дочери, съ-тѣхъ-поръ какъ она разстались.

Во время этого осмотра, весь страхъ, всѣ надежды, весь восторгъ и все обожаніе отца выразились во взорѣ, въ движеніяхъ и въ глазахъ Ивона.... губы его дрожали, руки тряслись.... онъ былъ до того взволнованъ, что ни одинъ звукъ не могъ вырваться изъ груди его.

Сабина, разгорѣвшаяся отъ радости, тоже вливалась глазами въ отца своего. По выраженію возрастающаго блаженства, которое Сабина замѣтила на лицѣ Ивона, она догадалась, что онъ принималъ румянецъ радости и волненья за румянецъ здоровья. Видя, что Ивонъ успокоился на счетъ ея, и что онъ самъ совершенно бодръ и здоровъ, Сабина отъ души радовалась и благодарила Бога за счастливое возвращеніе.... потому-что наконецъ, хотя она и была увѣрена, что Кларекъ не пускался въ опасныя путешествія, однако часто беспокоилась думая не объ опасностяхъ, но о случаяхъ, могущихъ всегда встрѣтиться даже въ самыхъ мирныхъ путешествіяхъ; и потому нельзя выразить ея радости, она нашла отца своего здоровымъ и веселымъ.

Послѣ нѣмага этого созерцанія, Ивонъ движеніемъ головы позвалъ Сабину въ свои объятія и прижимая ее къ груди, вскричалъ съ восторгомъ:

— Приди.... приди, возлюбленное дитя мое.... я вижу теперь, что могу обнять тебя съ спокойнымъ сердцемъ; ты теперь гораздо свѣжѣе, чѣмъ была тогда, когда я уѣзжалъ....

Увидѣвъ мамушку Роберъ, съ которою еще не говорилъ съ тѣхъ поръ какъ пріѣхалъ, онъ пожалъ ей крѣпко руку и сказалъ съ чувствомъ:

— Благодарю.... благодарю изъ глубины сердца тебя, милая Сусанна.... попеченія твои спасли мою Сабину, и я тебѣ этимъ обязанъ....

Сказавъ это, Кларекъ снова посмотрѣлъ на дочь и снова протянулъ къ ней руки, сказавъ:

— Еще.... еще!... душа моя!

Отецъ и дочь снова пометѣли въ объятія другъ къ другу.

— Послушай, милая, сказалъ Легуфевъ шепотомъ гувернант-

тѣ... отцы.... и дочери, когда долго не видѣлись, любить побыть вдвоемъ.... это все равно какъ влюбленные....

— Это правда, отвѣчала Сусанна, выходя изъ комнаты.

— Ахъ! Сусанна, Сусанна!... сказалъ прикащикъ Кларека, слѣдуя за мамушкой Роберъ: если бъ намъ надо было объяснить-ся.... то какой чудесный случай для нѣжнаго объясненія!

— Къ-несчастью любовь слѣпа.... а ты тоже слѣпа.... только еще не совсѣмъ.

— Однако это не помѣшаетъ тебѣ быть мадамъ Легуфонъ, сказалъ бывший камердинеръ, съ глубокимъ убѣжденіемъ. Что будетъ, то будетъ.... а чему быть, того не миновать.

Оба вышли, затворивъ потихоньку за собою дверь.

Кларекъ и Сабина остались вдвоемъ.

Оставшись одинъ съ дочерью, Ивонъ снова и съ большею еще страстью поцѣловалъ ее.... какъ-будто присутствіе мамушки Роберъ стѣсняло его; онъ хотѣлъ предаться всей нѣжности отцовскаго сердца.

Посадивъ Сабину подлѣ себя, онъ взялъ ее за обѣ руки и сказалъ :

— Прежде всего поговоримъ о серьезномъ, ангелъ мой.... а что можетъ быть серьезнѣе, важнѣе для меня, какъ твое здорье.... Вѣдь я не видалъ тебя три мѣсяца, которые показали мнѣ вѣчностью.... Ну, какъ ты чувствовала себя въ это время?..

— Какъ нельзя лучше.

— Ты и въ-самомъ-дѣлѣ поправилась, сказалъ Ивонъ, пожирая дочь свою глазами. Ну, а потомъ....

— Что такое, папа? .

— Не знаю, право, какъ бы мнѣ выразиться.... во, впрочемъ, это можетъ-быть.... одна изъ отцовскихъ идей....

— Посмотримъ, что за идея?

— Мнѣ кажется, что ты еще похорошѣла.... стала лучше чѣмъ была.

— О! вотъ именно отцовская идея. Чтобъ быть еще лучше, надо предполагать, что я была уже хороша.... а я....

— А кто жъ можетъ въ этомъ сомнѣваться, сударыня?

— Во-первыхъ.... я сама....

— Ты въ этомъ ничего не понимаешь.... или у тебя слепыя зеркала.... Но чѣмъ больше я на тебя смотрю.... да.... тѣмъ болѣе нахожу въ тебѣ какую-то прелесть.... не могу сказать именно какую.... но все въ тебѣ восхищаетъ меня.... Не знаю, что сказать тебѣ.... но ты уже не совсѣмъ дѣвочка.... Нѣтъ....

нѣтъ.... простите меня, сударыня.... что укололъ справедливую щекотливость вашихъ семнадцати лѣтъ.... Я хочу только сказать, что вы теперь больше походите на взрослую дѣвушку, чѣмъ три мѣсяца тому назадъ....

— Въ чемъ же состоитъ эта переменъ?

— Право не знаю.... у тебя все тѣ же черты.... и слава Богу!... Но они дышатъ какою-то тихою радостью.... въ нихъ есть какое то глубокое чувство....

— Да иначе и быть не можетъ.... Вы со мною!... какъ же могу я не радоваться? А въ эту минуточку.... я чувствую не радость.... а лучше чѣмъ радость — счастье!... а въ счастья всегда глубоко чувствуешь....

— О!... если ты будешь говорить со мною такимъ образомъ, то заставишь расплакаться, и я ничего тогда не увижу.... Однимъ словомъ, я остаюсь при своемъ мнѣніи.... Но будетъ объ этомъ.... ты была здорова.... а это главное.... но не скучала ли ты здѣсь, бѣдное, милое дитя мое? Зимой такъ скучно въ деревнѣ! Только.... какъ же быть?... докторъ, для здоровья твоего, приказалъ жить у моря.... и это видимо подкрѣпляетъ тебя.... А между тѣмъ здѣсь такъ удивленно.... такъ скучно....

— Я вовсе не скучаю.... Развѣ у меня нѣтъ занятій?... я могу читать, заниматься музыкой, вышивать, гулять....

— Однимъ словомъ.... ты здѣсь не скучала?

— И не думала!...

— О Сусаннѣ нечего и спрашивать....

— Вы знаете ее.... этого достаточно....

— Ну, а....

Ивонъ остановился.

Онъ хотѣлъ было спросить, успокоились ли ея нервы, потеряла ли она хоть сколько-нибудь ту чувствительность, которая такъ часто пугала его; но боялся опечалить Сабину и потому рѣшился разспросить объ этомъ Сусанну.

Чтобъ Сабина не замѣтила этой остановки, онъ продолжалъ:

— Ну.... а тебѣ все еще нравится этотъ домъ, эта страна? Ты знаешь, ангелъ мой, что тебѣ стоять только занкнуться, и все будетъ по твоему желанію.... Берега Франціи отъ сѣвера до юга такъ обширны, что можно выбирать, слава Богу! и еслибъ тебѣ захотѣлось переменить мѣсто своего пребыванія....

— Нѣтъ, напротивъ, папа.... мѣстоположеніе здѣсь прекрасно, окрестности восхитительны.... я привыкла къ этому мѣсту и считаю его своимъ стариннымъ другомъ.... следовательно, съ моею

стороны было бы неблагодарно разстаться съ нимъ.... если бъ вы только этого не пожелали....

— Мнѣ желать того, чего ты не желаешь?... Да я даже не знаю какъ за это взяться.

— Все это очень хорошо на словахъ.... добрый мой папа.

— Чтò это значитъ?

— Дѣйствія ваши противорѣчатъ однако этимъ словамъ.

— Какія дѣйствія?

— Вы говорите, что желанія мои — ваши желанія....

— Ты это видишь....

— Сколько разъ просила я васъ отказаться отъ вашихъ путешествій.... которыя насъ вѣчно разлучаютъ!...

— Это другое дѣло.... вѣдь я для тебя же это дѣлалъ, возлюбленная ты моя.... у меня есть на то свои причины....

— Я это знаю, добрый мой другъ.... вы трудитесь, чтобъ обогатить меня.... а на что мнѣ столько денегъ?... Да.... но вы говорите только обо мнѣ.... а о себѣ ни слова.... Ну, какъ вы провели все это время.... хорошо?...

— Какъ нельзя лучше.

— А дорога?... не слишкомъ дурна? вамъ не было слишкомъ холодно въ каретѣ?... Прошедшій мѣсяцъ было еще такъ много снѣгу!... зато я часто говорила Сусаннѣ: «Мы наслаждаемся здѣсь.... сидимъ въ тепломъ уголкѣ.... а бѣдный отецъ мой.... дрожить, можетъ-быть, теперь отъ холоду.... забнетъ и вмѣсто часу проведетъ можетъ два.... потому что снѣгу было такъ много въ это время.

— Успокойся, милое дитя.... повторяю тебѣ, что я очень счастливо доѣхалъ и туда и назадъ.... и даже нисколько не усталъ.

— Въ самомъ-дѣлѣ?

— Увѣряю тебя.

— А почему жъ вы опоздали? Надѣюсь, что съ вами ничего не случилось такого?...

— Нѣтъ, ангелъ мой.... надо было распутать нѣкоторыя дѣла....

— Если бъ вы знали, какъ я мучаюсь во время вашего отсутствія!... Но все это должно скоро кончиться, потому что я увѣрена, вы сдержите свое обѣщанье....

— Какое обѣщанье?...

— Не покидать меня больше.

— Да, я обѣщала тебѣ.... но если неравно случится какое-нибудь непредвидимое обстоятельство....

— О!... я не допускаю непредвидимыхъ обстоятельствъ.... это только одинъ предлогъ....

— Ну.... не ворчи на меня....

— Останетесь вы со мною?

— Навсегда....

— Клянетесь?...

— Клянусь.... честью отца!...

— Ахъ!... вскричала Сабина, бросаясь Клареку на шею: я надѣялась на это счастье... а между тѣмъ.... не могу выразить вамъ, какъ я счастлива.... Зато.... чтобъ наградить васъ....

— Ну! сказала улыбаясь Кларекъ, котораго привело въ удивленіе трогательное выраженіе лица Сабинны. Посмотримъ, что такое?

— Чтобъ наградить васъ за это.... я хочу просить у васъ чего-то.... потому что вы всегда упрекаете меня, что я ничего не прошу....

— Ты ничѣмъ больше не могла такъ обрадовать меня.... Ну, говори, что такое?... что хотѣла ты просить?

— Вашего покровительства.... вашей опоры....

— Для кого?

— Для одного достойнаго человѣка.... за котораго Сусанна тоже будетъ васъ просить.... Но, посмотрите, какая я завистливая.... забѣжала впередъ.... потому что хочу прежде всѣхъ рекомендовать вамъ моего любимца.

— Твоего любимца!

— Да, моего и Сусанны тоже.

— Онъ можетъ быть увѣренъ, что получить отъ меня все, что только желаетъ.... А въ чемъ же состоятъ его желанья?

— Ахъ Боже мой!.. онъ такъ робокъ.... что не смѣетъ желать.... но мы съ Сусанной станемъ просить за него.... Онъ такъ интересенъ.... положеніе его такое тягостное.

— Какъ ты растрогана.... бѣдная моя Сабина!... счастлива, доброе и нѣжное сердце!... Я увѣренъ, что ты просишь за очень несчастнаго человѣка!...

— Да, милый и добрый папа!.. Ктому же, сами согласитесь.... когда видишь кого каждый Божій день.... то, разумѣется, узнаешь покорооче человѣка и можешь лучше оцѣнить его тогда, и поневолю принимаешь въ немъ участіе....

— Да о комъ же говоришь ты, дитя мое?

— О мосьё Онезимъ?

— Что это за мосьё Онезимъ?... Погоди.... Онезимъ? Кажется, я слышалъ это имя....

— Племянникъ Сусанны.

— Да, именно.... Она часто мнѣ о немъ говорила; имя его осталось у меня въ памяти.... это сынъ Сусанниной сестры, которая умерла два года тому назадъ.

— Онъ сирота.... и служилъ въ Лиллѣ (Lille) въ какомъ-то министерствѣ.... но былъ принужденъ выйти въ отставку.... Такъ какъ у него кромѣ мѣста не было другихъ средствъ къ существованію.... то Сусанна, зная доброту вашу.... написала ему, чтобъ показѣть онъ пріѣхалъ къ намъ....

— Такъ онъ здѣсь?

— Да, здѣсь.

— Въ нашемъ домѣ?

— Да, papà, болѣе двухъ мѣсяцевъ....

— Опять покраснѣла....

— Нѣтъ.... увѣрю васъ....

— Ужъ не воображаешь-ли ты, душа моя, что я разсержусь на Сусанну, которой мы столькимъ обязаны, за то что она дала пріюти своему племяннику.... который долженъ быть порядочный и хорошо воспитанный человѣкъ.... а иначе Сусанна ужъ вѣрно бъ не выписала его.

— Когда вы увидите его, то оцѣните....

— За чѣмъ же онъ вышелъ въ отставку?

— Онъ былъ экспедиторомъ; но такъ близорукъ.... что это замедляло его работу; ему и отказали.... Вы постигаете, какъ было это для него тягостно.... но потому что онъ честный и благородный человѣкъ, исполненъ бодрости духа.... получилъ отличное воспитаніе и приходитъ теперь въ отчаяніе, что принужденъ жить въ праздности и бездѣйствіи. Близорукость его можетъ быть похѣкою по службѣ.... испортитъ всю его карьеру.... и потому я надѣялась.... то есть.... мы съ Сусанной надѣялись на васъ.... дунаки, что вы поможете Онезиму въ такихъ грустныхъ обстоятельствахъ.... дадите ему вѣкоторыя совѣты.... впрочемъ, вы увидите его.... и повторяю еще разъ.... оцѣните.... онъ такой кроткій.... такой добрый!... и когда узнаете его покороче, то послѣдуете всеобщему примѣру... пожалѣете и полюбите....

Нельзя выразить, съ какими трогательнымъ простодушіемъ, съ какими умолятельнымъ трепетомъ Сабина произнесла, краснѣя, эти послѣднія слова; грудь ея колыхалась и колыханье это доказывало, какое живое участіе она принимала въ своемъ любимцѣ.

Кларекъ задумался. Онъ начиналъ понимать, объяснять себѣ переѣмну, которую замѣтилъ въ выраженіи лица дочери.

Сабина, испуганная продолжительнымъ молчаньемъ отца, сказала:

— Вы не отвѣчаете мнѣ?...

— Скажи душа моя, съ-тѣхъ-поръ какъ Сусаннинъ племянникъ живетъ здѣсь.... что дѣлалъ онъ.... какъ проводилъ свое время?...

— Онъ проводилъ его съ нами.... когда мы гуляли, онъ тоже гулялъ.... а когда мы оставались дома, то и онъ оставался, рассказывалъ что-нибудь или читалъ въ-слухъ.... Онъ такъ хорошо читаетъ.... съ такимъ выраженіемъ, такою душою! Иногда мы играли вмѣстѣ.... онъ очень хорошо знаетъ музыку.... даже сочиняетъ.... знаетъ тоже хорошо и исторію.... если бъ вы знали какъ онъ краснорѣчивъ.... и я думаю, что нѣтъ ничего занимательнѣе и поучительнѣе какъ слушать его; потомъ, наконецъ, онъ всѣми мѣрами старался угождать, услуживать намъ.... и съ такою охотою.... что право иногда было совѣстно.... но ему не всегда удавалось услужить, потому что онъ почти ничего не видитъ.... и потому дѣлаетъ иногда промахи.... Это его единственный недостатокъ.... прибавила съ милымъ простосердечіемъ Сабина.... кому-же невольный.... а Сусанна немилосердно преслѣдуетъ его и все смѣется надъ его неловкостью....

— А ты не смѣешься?...

— Это было бы жестоко съ моей стороны.... потому что онъ первый насмѣхается надъ своею неловкостью.... но въ душѣ.... видно какъ страдаетъ.... Какъ грустно быть слѣпымъ.... а вѣдь онъ почти слѣпой!... Да вотъ.... недавно.... сегодня вечеромъ—это докажетъ вамъ какъ онъ умѣетъ владѣть собою, какую обладаетъ душевною силою,—онъ обварилъ себѣ кипяткомъ руку. Вы увидите, мой ангелъ, какая страшная обжоба!... а Онезимъ.... мало того что не закричалъ.... но продолжалъ еще читать.... какъ будто ни въ чемъ не бывало.... Не правда ли, какая сила воли, какое присутствіе духа!... да мы этого и не узналибъ.... бъ сами невзначай не замѣтили.

— Да, Онезимъ этотъ — настоящій герой!...

— Герой?... нѣтъ онъ не герой, ангелъ мой.... а напротивъ.... еще сегодня вечеромъ мы говорили съ нимъ.... что тѣ.... которыхъ называютъ героями, убиваютъ и проливаютъ кровь, между тѣмъ какъ Онезимъ....

— Проливаетъ кипяткомъ?

— Не стыдно-ли?

— Боже мой!... какъ ты на меня смотришь!...

— Да.... я не понимаю.... какъ вы, такіе добрые.... такіе справедливые, можете....

— Да гдѣ жъ ты видишь тутъ мою несправедливость?...

— Вы шутите надъ такимъ несчастнымъ человѣкомъ!... въ то время какъ сама Сусанна.... когда увидѣла какъ страшно онъ обжарилъ себѣ руку, поблѣднѣла отъ ужасу.... а Сусанна не щадитъ его.... вѣчно преслѣдуетъ своими насмѣшками, называетъ калекой, убогимъ, инвалидомъ!... Ей это простительно.... потому что она обожаетъ все рыцарское, все что дерется, поражаетъ, убиваетъ.... Сусанна всегда надъ нимъ смѣется, и сама не знаетъ за что?.... за то, что онъ ненавидитъ злыхъ и кровожадныхъ.... Да вотъ именно сегодня вечеромъ.... у насъ былъ прешаркій споръ съ Сусанной.... и Онезимъ держалъ мою сторону.... а онъ тогда только бываетъ на моей сторонѣ.... когда я справедлива.... Я заранѣе увѣрена, что вы будете одинакаго съ нами мнѣнія.

— Объ чемъ же вы спорили, дитя мое?

— Онезимъ читалъ намъ о спасеніи одного страшнаго корсара, котораго зовутъ *Отчаяннымъ*.... Вы, можетъ-быть, тоже объ немъ читали, душа моя?

— Нѣтъ, не читалъ.... отвѣчалъ Кларекъ, стараясь скрыть свое удивленіе и безпокойство.... Ну что жъ думаете вы... ты и Онезимъ, объ этомъ корсарѣ?

— Жестокость его ужасала насъ, добрый папаша.... вообразите, чтобъ возвратитъ себѣ свободу онъ равнялъ одного и убилъ двоихъ матросовъ.... Разумѣется, что Сусанна оправдывала корсара, говоря, что онъ дрался какъ левъ.... называла его храбрымъ.... героемъ.... но Онезимъ говорилъ.... и это доказываетъ его великодушіе.... возвышенность души....

— Что-жъ говорилъ Онезимъ?

— Онъ говорилъ: «что согласился бъ лучше провестъ всю жизнь въ тюрьмѣ.... чѣмъ быть обязанну смертоубійству свободой....» Неправда-ли, милый папа, что мы были справедливы.... и что вы раздѣляете наше мнѣніе?

— Право не знаю, что отвѣчать нѣтъ на это? Тихій и смирный вѣстникъ не можетъ быть судьей въ военныхъ дѣлахъ.... Только нѣтъ кажется, что вы съ Онезимомъ слишкомъ строги къ этому бѣдному корсару.

— Нѣтъ, другъ мой.... прочитайте сами этотъ страшный разсказъ, тогда увидите....

— Ну у него можетъ-быть, есть семейство.... которое онъ лю-

бить.... надѣялся скоро съ нимъ свидѣться.... тогда признаюсь!... изъ отчаянія, что его лишили свободы.... онъ....

— Семейство!... развѣ у такихъ людей можетъ быть семейство?... развѣ они могутъ любить?...

— Да развѣ волки не любятъ своихъ дѣтей?... что ты на это скажешь, упрямая голова?...

— Право не знаю.... но если они и любятъ.... такъ любить по волчьимъ.... Когда дѣти ихъ бываютъ малы, они приносятъ имъ кусокъ добычи.... а потомъ берутъ, вѣроятно, съ собою нападать на бѣдныхъ ягнятъ и пожирать ихъ.

Горестное, горькое чувство промелькнуло какъ облако по лицу Кларека; но онъ не далъ этого замѣтить и продолжалъ:

— Впрочемъ.... можетъ-быть ты и права, душа моя.... и Оенимъ тоже; о!... если бъ ты заговорила со мною о руанскихъ тканяхъ или о лѳонскихъ матеріяхъ, то я бъ не поддался тебѣ такъ скоро.... но я не могу судить корсаровъ.... и рѣшительно отъ нихъ отказываюсь....

— О!... я была увѣрена, что.... что вы одного со мною мнѣнія.... Вы такъ нѣжно меня любите, такъ великодушны, и такъ сострадательны, что не можете иначе думать.... или скорѣе; я не могла думать какъ вы.... добрый мой папа.... потому что если я чувствую отвращеніе отъ всего, что порочно, зло, неблагородно.... и если люблю все что высоко и прекрасно.... то этимъ я обязана вамъ.... вашему примѣру и первымъ правиламъ, которыя вожила въ меня мать моя.... а вы такъ нѣжно ее любите.... Не проходитъ дня, чтобъ Сусанна не рассказывала мнѣ о вашей къ ней преданности.... заботахъ.... уваженіи....

Разговоръ Кларека съ дочерью былъ прерванъ приходомъ Сусанны.

Она вошла съ подсвѣчникомъ въ рукахъ и обращаясь съ улыбкою къ Ивону, который смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, сказала фамиліарнымъ тономъ, дозволеннымъ ей за такую дѣльную службу:

— Миѣ жаль.... сударь.... но уже десять часовъ....

— Что это значитъ?

— А то значитъ, что барышнѣ пора спать; вы сами знаете, что докторъ запретилъ ей долго сидѣть.... а она и безъ того уже ослабла отъ радости и волненія.... и потому я буду неумолима....

— Еще.... четверть часа, милая Сусанна!... сказала Сабина.

— Ни четверть минуты, сударыня.

— Какъ! Сусанна, въ такой день какъ сегодня, въ день моего возвращенія.... ты не позволишь намъ покутить немножко....

— Теперь, слава Богу, вы остаётесь съ нами... следовательно увидите и насидеться вместе и наглядеться другъ на друга; но я не могу позволить барышням... сидеть долге десяти часовъ.... это невозможно; а не то.... завтра она будетъ больна отъ усталости и волнения.... поблѣднѣть.... что вы тогда скажете?

— На это нечего отвѣчать, какъ развѣ только: прощай, милое дитя, до свиданья, спи покойно.... и чтобъ завтра ты проснулась спокойною, веселою, розовою и свѣженькою....

Сказавъ это, Кларекъ обѣими руками взявъ за голову дочь и, цѣлуя ее вѣжно въ лобъ и глаза, прибавилъ:

— Прощай, ангелъ мой, да благословитъ тебя Богъ, смотри же, будь завтра спокойна, весела и свѣжа!...

— Да вѣче и быть не можетъ... мой добрый другъ!... знаю, что вы здѣсь, подлѣ меня.... вотъ тутъ.... знаю тоже, что увижу васъ завтра.... и послѣ-завтра.... и всегда буду съ вами.... ахъ какое счастье!... Съ этою сладостною мыслью, я закрою глаза.... и засну счастливымъ.... Это настоящее выраженіе.... и засну счастливымъ своимъ.... Прощайте, мой ангелъ... до завтраго.... до свиданья!... сказала Сабина, обинная въ свою очередь Кларека, и говоря ему на уху:

— Сусанна станетъ говорить вамъ объ Онезии. Какъ я рада, что предупредила ее!... Прощайте, неагладный!...

— Прощай, радость.... спи покойно.

— О!... будьте увѣрены, что я никогда не спала такъ хорошо, какъ буду спать сегодня. Прощайте, отецъ!

— Прощай, дочь!

Тогда, обратясь къ Сусаннѣ, Кларекъ сказалъ:

— Скоро ты вернешься Сусанна?... Мнѣ надо переговорить съ тобою.

— Сейчасъ, баринъ.... Мнѣ и самой надо переговорить съ ней....

Оставивъ одну, Кларекъ всталъ, задумался и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Лицо его было мрачно.

Вдругъ глаза его остановились на оставшемся на столѣ журналѣ; онъ взялъ его, пробѣжалъ глазами и сказалъ съ явною досадою:

— Какая нескромность, глупость со стороны этого дурака Вердюрона; я написалъ ему секретное письмо.... а онъ изволилъ его всадъ разблаговѣстить.... да еще напечатать!... и даже не предупредить меня!... Я всегда боялся глупости и жадности это-

го человека. Къ счастью еще, что скрытъ отъ него гдѣ живу, когда бываю не на морѣ.... Ахъ, Боже мой!... нравственное состояніе дочери моей больше чѣмъ когда-либо требуетъ этой предосторожности.... я считаю это священнымъ долгомъ.... Несчастное дитя.... такое открытіе убьетъ ее!

Сусанна, уложивъ Сабину, возвратилась въ гостиную.

Оставшись вдвоемъ съ Сусанной, Кларекъ сказалъ ей.

— Прежде всего, милая Сусанна, я хочу поблагодарить тебя за всѣ заботы твои, за всѣ попеченія о моей дочери....

— Да за что тутъ благодарить меня?... развѣ не я вскормила Сабину?... развѣ она не дитя мое?... вѣдь я тоже считаю ее своимъ ребенкомъ....

— Ты была ея второю матерью.... я это знаю.... и потому-то именно.... хочу говорить съ тобою объ одномъ очень важномъ дѣлѣ....

— Въ чемъ же оно состоитъ?

— Ты выписала своего племянника, онъ живетъ здѣсь около двухъ мѣсяцевъ?

— Да, сударь.... точно такъ.... объ немъ-то именно мнѣ и хотѣлось переговорить съ вами.

— И я тоже хотѣлъ говорить о немъ, Сусанна.

— Я объясню вамъ, почему я....

— Сабина мнѣ все рассказала.

— Ахъ Боже мой! ужъ не сердитесь ли вы на меня?

— Помилуй, Сусанна!... могу ли я на тебя сердиться?... я не сержусь.... но беспокоюсь.... меня пугаетъ....

— Чтѣ жъ можетъ васъ тутъ пугать....

— Присутствіе твоего племянника въ здѣшнемъ домѣ....

— Ахъ Боже мой!... еслибъ я могла предвидѣть, что это вамъ будетъ непріятно, то ни за что бы въ мірѣ не выписала этого бѣднаго мальчика.... но онъ былъ такъ несчастливъ, а вы такъ добры.... что я осмѣлилась взять на себя....

— Ты мнѣ оказала слишкомъ много услугъ.... чтобъ всѣ твои родные не имѣли права на мою помощь, на мое участіе.... Но въ чемъ я упрекаю тебя.... это въ неосторожности.

— Извините, я не понимаю васъ....

— Племянникъ твой молодъ?...

— Только-что минуло двадцать-пять лѣтъ.

— Хорошо воспитанъ?...

— Даже слишкомъ хорошо для своего положенія. Бѣдная сестра моя съ мужемъ своимъ.... многинъ для него.... пожертвова-

ли... Такъ какъ онъ почти ничего не видитъ.... то онъ боялся, что его нигуда не примутъ.... и потому, давъ Онезиму отличное воспитаніе, они надѣялись дать ему возможность вступить въ духовное званіе.... но не было ни какихъ средствъ заставить его согласиться на такое предложеніе.... у него не было призванія.... Тогда отъ нечего дѣлать мы помѣстили его на службу, онъ получилъ какое то незначительное мѣсто... и....

— Я знаю остальное.... А какова его наружность?

— Да не завидная.... сударь.... нельзя сказать, чтобъ онъ былъ дурень.... да и красивымъ нельзя назвать.... такъ себѣ.... ничто.... ни то, ни сѣ.... впрочемъ прекрасное лицо.... только близорукость придаетъ взгляду его что-то помѣшанное.... Но въ другомъ отношеніи.... нѣтъ доброты, лучше существа во всемъ мірѣ; вамъ стоитъ только разспросить о немъ.... кого угодно.... да вотъ барышню.... увидите, что она вамъ скажетъ....

— Я право не понимаю тебя, Сусанна.... не могу объяснить себѣ такого страшнаго ослѣпленія!...

— Ослѣпленія?....

— Какъ!... ты!... ты.... Сусанна.... женщина опытная... и здраво-мыслящая.... не понимаешь.... не чувствуешь, что поступила неосторожно.... не хочу сказать неприлично.... пригласивъ подъ одну кровлю съ моею дочерью племянника своего.... оставляя ихъ почти вдвоемъ.... допустивъ ихъ до тѣсной дружбы.... въ совершенномъ удивленіи....

— Я знаю сударь, что я не что иное какъ служанка, и что племянникъ мой....

— Не въ томъ дѣло!... Развѣ мы съ дочерью не старались доказывать тебѣ на каждомъ шагу, что считаемъ тебя не служанкою, а другомъ?

— Въ такомъ случаѣ.... я не вижу.... чѣмъ я заслужила ваши упрёки....

— Въ томъ то и бѣда.... что не видишь.... потому что если бы ты была подальновидиже.... то замѣтила бы то, что случилось....

— Ахъ Боже мой! да что жъ такое случилось?

— Сабина влюблена въ твоего племянника....

— Барышня!

— Влюблена!... говорю тебѣ!

— Мадноазель Сабинѣ.... любить Онезима?!... Вы шутите, сударь....

— До шутокъ ли мнѣ, когда дѣло идетъ о моей дочери....

— Извините.... но вы ошибаетесь, этого быть не можетъ....

— Еще разъ повторяю тебѣ, что Сабина влюблена въ твоего племянника....

— Невозможно!...

— А почему.... невозможно?...

— Потому что Онезимъ робокъ какъ дѣвочка, не хороши собою, ничего не видитъ и по этому такъ неловокъ, что дѣлаетъ по-крайней-мѣрѣ сто промаховъ въ день.... Вотъ ужъ онъ-то.... никогда не будетъ героемъ романа!... Нѣтъ, нѣтъ, сударь, этого же можетъ быть.... на этотъ счетъ вы можете быть совершенно спокойны.... Разумѣется, что барышня была очень добра и благосклонна къ Онезиму.... но потому только, что онъ мой племянникъ, и что ей было жаль его; но....

— Экая славная!.. да развѣ ты не предвидѣла, что Сабина съ своимъ характеромъ, съ своею чрезмѣрною чувствительностью, ангельскою добротою ко всему, что страдаетъ, могла почувствовать... сначала радость.... а потомъ болѣе вѣжную привязанность?... Вотъ что именно и случилось.

— Да можетъ ли быть.... чтобъ барышня стала думать о такомъ бѣдномъ мальчикѣ.... какъ онъ....

— Потому-то именно она о немъ и думаетъ.... что онъ бѣденъ, слабъ, робокъ, и что самый этотъ недостатокъ ставить его въ исключительное тягостное положеніе.... Вотъ почему именно Сабина полюбила его.... Ты.... которая знаешь ее такъ же хорошо какъ и я.... какъ не предвидѣла ты всего этого?... Даи Богъ чтобъ ослѣпленіе твое не имѣло роковыхъ послѣдствій.

— Ахъ Господи!... вскричала съ уныніемъ Сусанна, теперь только вижу какъ поступила я глупо, неосторожно.... но уже поздно исправить дѣло.... да, я кругомъ виновата.... но все еще не могу вѣрить тому, что слышу.... Мадмоазель Сабина не призналась вамъ, что любитъ Онезима?

— Разумѣется, что не призналась, но я отгадалъ.... бѣдное дитя!... какъ она невинна и чистосердечна!.. сейчасъ видишь, что происходитъ въ ея сердцѣ... она не умѣетъ хитрить и обманывать.... Ктому жъ.... говоря о немъ, она краснѣла.... грудь ея трепетала.... я это очень хорошо замѣтилъ.... и замѣтилъ тоже досаду ея.... и почти печаль.... тогда, чтобъ испытать ее.... я сталъ шутить надъ нимъ.... и смѣяться надъ его неловкостью.... Она любить его.... любить, говорю тебѣ.... и любовь эта разстроиваетъ всѣ мои намѣренія.... Но.... что съ тобой?... отчего ты такъ поблѣднѣла?... рыдаешь?... Сусанна.... встань ради Бога!... вскричала

Кларекъ, видя что гувернантка упала на колѣна.... что такое?... сдѣлай милость.... умоляю тебя.... отвѣчай....

— Ахъ Боже мой!... я боюсь, чтобъ вы.... не подумали.... о это ужасно!...

— Да объяснись.... ради Бога!

— Я боюсь, чтобъ вы не подумали.... что я нарочно сближала барышню съ моимъ племянникомъ.... что я рассчитывала и надѣялась на ихъ бракъ!...

— Ты оскорбляешь меня, Сусанна.... думая, что я способенъ предполагать такую низость!...

— Умоляю васъ.... разувѣрьте меня.... что вы не думаете, чтобъ я была на это способна!

— Повторяю тебѣ, что ты поступила необдуманно.... неосторожно.... вотъ и все.... Кажется, этого довольно.... Но чтобъ подозрѣвать тебя въ недостойныхъ замыслахъ.... это было бы безуміе. Я понимаю даже, что нѣкоторыя обстоятельства въ существованіи твоего племянника казались тебѣ достаточнымъ ручательствомъ.... и что почитая его ничего незначущимъ человѣкомъ ты даже и не подозрѣвала опасности.... сближая его съ моею дочерью....

— Это сушая правда.... Я почитала его ребенкомъ.

— Говорю тебѣ.... что вѣрю; только.... зло уже сдѣлано....

— Но его можно еще поправить: завтра утромъ.... съ зарею, Онезимъ покинетъ домъ вашъ.... и никогда ужъ больше не вернется.

— Я не хочу этого!... вскричалъ Кларекъ; а Сабина?... ты забываешь ее? ..

— Какъ забываю?

— Отъѣздъ этотъ можетъ привести въ отчаяніе.... убить ее... ее... слабую, нервную.... чувствительную.... О!... это чистое изображеніе ея несчастной матери....

— Ахъ Господи, Господи! вижу.... что я кругомъ виновата... сказала рыдая Сусанна; что дѣлать теперь? что дѣлать?...

— Я и самъ не знаю.

Кларекъ всталъ и въ раздумѣ началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Онъ былъ до крайности взволнованъ.

Сусанна съ своей стороны была погружена въ горестное оиѣніе, изъ котораго выведена внезапнымъ вопросомъ Кларека.

— Гдѣ твой племянникъ? спросилъ онъ.

— Здѣсь въ голубой комнатѣ.... Я сказала ему, чтобъ онъ шелъ

и ждалъ меня.... потому что хотѣла сообщить ему рѣшеніе ваше на счетъ его.

— Позови его.

— Сюда?

— Разумѣется.

— Ахъ! простите.... простите.... его.. вскричала со страхомъ и сложа руки Сусанна.

Хотя Ивонъ въ продолженіи всего разговора.... несмотря что говорилъ съ жаромъ и энергіей, ни на минуту не выходилъ изъ себя.... Сусанна, все еще боясь возвращенія старинныхъ вспышекъ, продолжала:

— Клянусь вамъ, что несчастный этотъ мальчикъ ни въ чемъ не виноватъ.... онъ совершенно невиненъ.... ничего не знаетъ.... я въ томъ увѣрена.... ради Бога.... пощадите его!...

— Позови его, говорятъ тебѣ.

— Сегодня ночью.... или лучше сію же минуту онъ уйдетъ изъ этого дома....

— А дочь моя! Еще разъ спрашиваю я тебя, что станетъ съ моею дочерью?... Развѣ ты хочешь чтобъ она умерла съ тоски?

— Еще одно слово. Можетъ-быть привязанность эта еще не слишкомъ вкоренилась въ сердцѣ Сабинны.... можетъ-быть она.... если не будетъ съ нимъ такъ часто видѣться..... и забудетъ его....

— А если не забудетъ?... если она чувствуетъ истинную, глубокую любовь.... такую какъ она должна быть? если она уже вкоренилась въ такой душѣ какова Сабинина душа? Нѣтъ, нѣтъ, милое, доброе дитя!... я не оскорблю тебя обиднымъ подозрѣніемъ.... не стану думать, чтобъ ты могла быть вѣтренной.... любить минутно.... забывать.... Говорю тебѣ, что это настоящая мать.... такая же чувствительная.... исполненная преданности и огня.

— Ахъ Боже мой!... къ-несчастью.... это правда!... все что вы говорите ... приводитъ меня въ отчаяніе.... и я нехотя должна согласиться, что вы совершенно правы.... Только теперь я вижу какія пагубныя слѣдствія произошли отъ этого роковаго сближенія; но къ-несчастью это еще не все?....

— Какъ не все?...

— Не надо....

— Да говори.... ради Бога!...

— Несчастный.... не надо.... нельзя обвинять его.... если....

— Въ чемъ обвинять?...

— Если онъ не чувствуетъ той привязанности... которую внушаетъ....

— Проклятiе!... вскричалъ Кларекъ.

Помолчавъ немного, онъ сказалъ отрывисто:

— Позови своего племянника.

— Нѣтъ.... не просите у меня этого.... вскричала съ ужасомъ Сусанна....

— Я приказываю.

— Хоть убейте меня.... а онъ не придетъ сюда.... отвѣчала рѣшительно Сусанна, нѣтъ.... Онезимъ не придетъ сюда.... и сию же минуту выйдетъ изъ вашего дома.... нѣтъ, я не предамъ его....

— Чему?

— Вашему....

— Гнѣву?...

— Умоляю васъ, не....

— Да развѣ ты не видишь, что любовь дочери моеѣ дѣлаетъ его священнымъ въ моихъ глазахъ....

— Но если онъ не любитъ ее?

— Онъ не любитъ ее!... вскричалъ Кларекъ и лицо его покрылось смертною блѣдностью.

Потомъ на говоря ни слова, и прежде чѣмъ Сусанна успѣла опомниться отъ ужаса, онъ вышелъ изъ гостиной и очутился въ голубой комнатѣ, гдѣ жилъ тогда Онезимъ.

Отворить дверь, замкнуть ее за собой на замокъ, чтобъ не впустить туда Сусанну и не выпустить оттуда Онезима, было минутнымъ дѣломъ для Кларека.

Вскорѣ онъ остался глазъ на глазъ съ Онезимою.

Онезимъ, услыхавъ стукъ дверей, вскопчилъ съ удивленiемъ и безпокойствомъ. Онъ ожидалъ тетку, а тяжесть шаговъ, вошедшей съ такимъ шумомъ особы, возвѣщала о присутствiи посторонняго человѣка.

Кларекъ, приходя въ себя, глядѣлъ на Онезима молча, съ какимъ-то безпокойствомъ и любопытствомъ; кроткіе и прiятные черты его понравились ему сначала; но вскорѣ забывая близорукость молодого человѣка, Кларекъ нашелъ, что видъ его слишкомъ дерзокъ и смѣлъ, потому что Онезимъ не видя ничего кромѣ неясной человѣческой фигуры, глядѣлъ прямо, пристально на Ивона.

Тѣмъ болѣе племянникъ Сусанны былъ удивленъ молчанiемъ Кларека, что онъ вошелъ съ такимъ шумомъ. Чтобъ разсмо-

трѣть лицо посѣтителя, Онезимъ пошелъ къ нему на встрѣчу и сказалъ тихимъ, трепещущимъ голосомъ :

— Кто тамъ?

Кларекъ все еще забывавъ недостатокъ Онезима, нашелъ вопросъ этотъ слишкомъ дерзкимъ и отвѣчалъ сурово :

— Кто тамъ?... Хозяинъ здѣшняго дома, милостивый государь....

— Мосье Кларекъ! вскричалъ Онезимъ, отступая съ робостью и почтениемъ.

И опустилъ глаза, какъ будто они такъ ясно видѣли, что могли встрѣтиться съ глазами отца Сабинны.

Въ выраженіи голоса Кларека было слишкомъ много значенія, чтобъ Онезимъ, одаренный отъ природы большимъ тактомъ и провинцальностью, не почувствовалъ, что присутствіе его въ этомъ домѣ очень не нравилось отцу Сабинны, хотя молодой человѣкъ не зналъ еще почему онъ внушаетъ такое отвращеніе, и потому голосъ его задрожалъ и онъ продолжалъ все еще робко :

— Исполняя желаніе тетушки, выписавшей меня изъ Лилля, я думалъ, что она это сдѣлала съ вашего согласія, или что она по крайней мѣрѣ.... увѣрена, что вы не будете противъ этого.... а не то я бы никогда не позволилъ себѣ принять ея предложеніе....

— Очень охотно вѣрю....

— Только прошу извинить меня.... мою нескромность.... въ которой я неволью участвовалъ.... Завтра же я уѣду....

— Но куда жъ вы дѣнетесь? что станете дѣлать? спросилъ отрывисто Кларекъ; что будетъ съ вами потомъ?

— Надѣюсь, что вамъ не покажется удивительнымъ, если я не стану отвѣчать вамъ на эти вопросы.... потому что не знаю еще какое чувство внушаетъ вамъ ихъ.... отвѣчалъ Онезимъ съ кротостью и достоинствомъ.

— Я могу чувствовать къ вамъ благосклонность,.... и могу чувствовать тоже совершенно противно.... Послѣ.... я увижу какъ поступать....

— Если бы вы имѣли неограниченную надо мною власть.... могли бы произвольно располагать моею участью.... вскричалъ Онезимъ съ почтительною твердостью, то и тогда.... не знаю.... имѣли-ли бы вы право говорить со мною такимъ образомъ.

— Да кто жъ говорить.... что участь ваша не въ моихъ рукахъ?

— А по какому праву?

— По какому праву?... вскричалъ гнѣвно, выходя изъ себя Кларекъ.... да развѣ вы.... не располагали моею участью?

— Я?... я предполагалъ вашею участіемъ?... Извините.... я васъ не увидалъ!....

— Не знаю, осмѣлитесь-ли вы.... говоря это.... посмотрѣть мнѣ прямо въ глаза!.... вскричалъ Кларекъ.

Онезимъ поднялъ свои томные и грустные глаза и отвѣчалъ съ раздражающимъ простосердечіемъ.

— Посмотрѣть вамъ прямо въ глаза?... Если бъ я и хотѣлъ это сдѣлать.... то къ несчастью.... на такомъ разстояніи не могу разсмотрѣть лица вашего....

— Это правда, я забылъ вашу немощь.... отвѣчалъ ужъ не такъ сурово Кларекъ. Но будьте увѣрены.... что если вы не можете меня видѣть.... за то я васъ вижу.... и ничто не ускользнетъ отъ моего глаза.... Я имѣю надъ вами это преимущество и объявляю вамъ его....

— Благодарю васъ, и тоже объявляю, что вы немного выиграете отъ такого преимущества.... оно вамъ ни къ чему не послужитъ.... потому что мнѣ рѣшительно нечего скрывать.

Эта смѣсь кротости и чистосердечія, грусти и твердости, поразила и привела въ умиленіе Кларека; но онъ, боясь поддаться въ обманъ, боясь вѣрять наружности, сталъ бороться съ этимъ впечатлѣніемъ, потому что хотѣлъ обсудить хладнокровно, вѣрно нравственность человѣка, котораго полюбила дочь его.

— Я не проникателенъ.... продолжалъ Онезимъ; но вопросы ваши, выраженіе въ голосѣ.... нѣкоторыя слова.... и все наконецъ заставляетъ меня думать, что вы имѣете что-то противъ меня.... хотя къ несчастью.... не знаю, что именно.

— Вы влюблены въ дочь мою, сказалъ Кларекъ, стараясь проникнуть въ самую глубь сердца молодаго человѣка.

Онезимъ сперва поблѣднѣлъ, а потомъ покраснѣлъ, вздрогнулъ и чуть было не упалъ въ обморокъ. Къ счастью еще, что онъ стоялъ подлѣ кресель.... онъ сѣлъ въ нихъ, закрылъ лицо руками и ни одинъ звукъ не могъ вырваться изъ стѣсненной груди его.

Въ эту минуту упалъ платокъ, которымъ была обязана Онезимова рука... и Кларекъ увидалъ тогда страшную обжогу, о которой говорила ему Сабина. Хотя Ивоу уже свылся съ такими ранами и видѣлъ на вѣку своемъ самыя ужасныя раны, однако не могъ, не смотря на жаркій разговоръ свой съ Онезимомъ, не вздрогнуть и не подумать:

— Несчастнѣйшій!.... какъ онъ долженъ страдать!.... Чтобъ выносить такую боль, надо имѣть много присутствія духа.... а та-

ная доброта доказываетъ благородное сердце.... кому жъ я за-
нѣчаю въ немъ кротость, достоинство и твердость характера....
а это можетъ уже быть порукою счастья моей дочери.

Видя отчаянье Онезима, который сдѣлалъ въ молчаніи, закрывъ
лицо руками, Ивонъ продолжалъ:

— Какъ долженъ я понимать ваше молчаніе?.... вы не отвѣ-
чаете....

— Чтò жъ могу я вамъ отвѣчать?

— Такъ вы признаетесь?

— Да, признаюсь.

— И дочери моей.... извѣстна эта любовь?

— Сохрани Боже!.... я бы скорѣе рѣшился умереть.... чѣмъ
осмѣлиться говорить ей о моихъ чувствахъ.... Я всегда затаи-
валъ ихъ отъ нея.... и хоровилъ въ самой глубинѣ моего серд-
ца.... и потому.... не понимаю.... какъ вы могли угадать тайну....
тайну, которую я старался скрыть отъ самаго себя....

— Чтò жъ могло зажечь эту любовь?....

— Во первыхъ благодарность....

— Какъ же не старались вы тогда потушить это чувство....
которое кромѣ несчастья ничего не могло принести вамъ?

— Думая, что чувство это.... никому неизвѣстно.... я съ на-
слажденіемъ предавался ему.... До сихъ поръ.... я зналъ только
одно несчастье.... а любовь эта была первымъ блаженствомъ
моей жизни.... и будетъ послѣднимъ утѣшеніемъ въ горькой на-
значенной мнѣ судьбѣ....

— Вы знали, что рано или поздно, вамъ надо будетъ раз-
статься съ моею дочерью.... какъ же вы объ этомъ не подумали?

— Я ни объ чемъ не думалъ.... а только любилъ.... для одного
счастья любить.... я любилъ безнадежно.... но за то и безбояз-
ненно.... безукоризненно....

— Но боязнь.... что я узнаю когда-нибудь объ этой страсти....
не удерживала васъ?

— Повторяю вамъ.... что я не разсуждалъ.... я любилъ.... и
больше ни о чемъ не думалъ какъ бы только любить мнѣ.... Ахъ
Боже мой!.... если кто подобно мнѣ какую-нибудь немощью почти
совершенно отчужденъ отъ вѣдшихъ предметовъ.... тогда такъ
легко погружаться.... всѣмъ существомъ своимъ въ одинокое на-
слажденіе единственнаго и глубокаго чувства!

— Но если зрѣніе ваше такъ слабо.... слѣдовательно вы не
могли рассмотреть лица моей дочери?....

Съ-тѣхъ-поръ какѣ я живу въ этомъ домѣ.... только сегодня.... въ первый разъ я могъ лѣственно разглядѣть черты мадемуазель Сабинны....

— Отчего жъ сегодня?

— Оттого, что ей угодно было помочь теткѣ моей перевязать мнѣ руку.... по этому случаю.... она подошла ко мнѣ ближе обыкновеннаго.... такъ что я могъ лѣственно рассмотреть ее....

— Но если вы не видали ее.... что жъ вамъ тогда въ ней нравилось?.... за что вы любили ее?....

— Что мнѣ въ ней нравилось?.... вскричалъ Онезимъ, да все!.... ее благородное сердце, великодушiе, умъ, милый характеръ.... за что я любилъ ее?.... ахъ Боже мой!.... да за ее присутствiе.... за голосъ.... за голосъ такой трогательный.... когда она обращалась ко мнѣ съ участiемъ или утѣшенiемъ....

— Такъ вамъ никогда не приходила мысль.... что вы можете жениться на моей дочери?

— Нѣтъ!.... Я слишкомъ люблю ее для этого....

— Что это значить?

— Да развѣ вы забываете, что я почти слѣпъ.... что немощна дѣлаетъ меня жалкимъ, смѣшнымъ.... и что судьба предназначила меня нищетѣ и унижительной праздности?.... Неужели вы думаете.... что я.... который могу быть только въ тягость тѣмъ, кто принимаетъ во мнѣ участiе.... я бы осмѣлился.... нѣтъ, нѣтъ, это невозможно.... Клянусь вамъ.... что я любилъ.... и люблю мадемуазель Сабину какъ любятъ все высокое и прекрасное, не имѣя другой надежды.... какъ только небесную радость.... глядѣть на нее и слышать ее. Вотъ что я чувствовалъ.... и что до-сихъ-поръ чувствую.... Если откровенность моя тронула васъ.... то общайтесь со мной.... что выходя изъ этого дому.... я унесу ваше уваженiе....

— Вы заслужили и имѣете полное право на мое уваженiе, отвѣчалъ разстроганный до слезъ Кларекъ. Послѣ такого удостовѣренiя вы позвольте мнѣ спросить, чтд.... выходя отъ сюда.... думаете вы дѣлать?....

— Постараюсь найти такое же мѣсто, какое занималъ въ Лиллѣ, чтобъ только имѣть возможность къ существованью.... вотъ все чего я желаю....

— Но развѣ вы не бонтесь.... что по тѣмъ же причинамъ, по которымъ вы потеряли прежнее мѣсто.... можете лишиться и этого?....

— Ахъ, Боже мой!.... если бъ я думалъ о всѣхъ ожидающихъ

еще меня обдѣстивахъ.... то совершенно уналъ бы духомъ.... что жъ сталося бы тогда со мною?.... отвѣчалъ улымо Онезимъ.

— Вы можете быть увѣрены, что я не для того сдѣлалъ вамъ это возраженіе, чтобъ обезкуражить или огорчить васъ.... а напротивъ.... желаю и надѣюсь найти средство помочь вамъ выйти изъ такого тягостнаго положенія.... горечь котораго я вполне понимаю....

— Какъ вы добры?... чѣмъ могъ я заслужить?....

Разговоръ Кларека и Онезима былъ прерванъ сильными ударами въ дверь, за которою послышался голосъ Сусанны.

— Отворите!... отворите.... кричала она.

Кларекъ поспѣшилъ отворить.

Увидавъ блѣдность и трепетъ Сусанны, онъ сначала подумалъ, что дѣло идетъ о Сабинѣ и вскричалъ съ ужасомъ:

— Что тамъ такое?... Дочь моя?...

— Успокойтесь.... барышня спитъ.

— Такъ что жъ такое случилось?

— Прежде чѣмъ беспокоить васъ.... я начала стучать къ Лёгугеву, но онъ такъ крѣпко спитъ, что невозможно разбудить его.

— Да что такое случилось?

— Тереза по обыкновенію своему пошла запирать ставни.... и только-что растворила одно окно....

— Ну!...

— Извините.... я такъ взволнована....

Сусанна говорила правду, потому что къ испугу ея присоединилось еще безпокойство на счетъ разговора Кларека съ Онезимомъ, и такъ она продолжала:

— Тереза растворила одно изъ оконъ въ столовой, какъ вдругъ увидела.... при лунномъ свѣтѣ.... какъ изъ за забора террасы.... откуда видно море.... выставились двѣ человѣческія головы.

— Что за вздоръ!... отвѣчалъ Кларекъ пожимая плечами, я увѣренъ, что трусиха Тереза испугалась собственной своей тѣни....

— Увѣряю васъ сударь.... что Тереза очень явственно видѣла, какъ они лѣзли на стѣну и вѣрно хотѣли войти въ садъ, но услыжавъ стукъ окна, исчезли.

— Хотя все это.... я увѣренъ, сущій вздоръ, однако сдѣлай милость, не говори объ этомъ Сабинѣ.... Бѣдвяжка будетъ болѣе.... беспокоиться.... и понапрасну....

Потомъ обращаясь къ племяннику Сусанны, прибавилъ ласково:

— И вы тоже, Онезимъ, поберегите дочь мою....

Голосъ Ивона выражалъ такую благосклонность, что Онезинъ дрогнулъ отъ радости и удивленья....

Если Кларекъ, зная взаимную любовь дочери своей и Онезина, просилъ его беречь Сабину, следовательно онъ допускалъ, что молодые люди могутъ еще видѣться и говорить другъ съ другомъ?

Сусанна не менѣе радовалась и удивлялась не менѣе своего земляника и рассуждала о томъ же самомъ, какъ вдругъ Кларекъ сказалъ:

— Погода чудесная.... луна такъ и сіяетъ.... я пойду въ садъ и посмотрю что тамъ такое....

— Вы хотите идти въ садъ? воскричала Сусанна съ ужасомъ.... можетъ-быть васъ ожидаетъ тамъ какая-нибудь опасность?

— Ты бредишь, милая Сусанна, какая можетъ ожидать меня опасность, отвѣчалъ Кларекъ идя къ дверямъ; ты несколько похрабрѣ Терезы, такая же трусиха.

— Такъ позвольте жъ мнѣ.... умоляю васъ судари, идти разбудить Легуфена; я стану такъ сильно стучать, что на этотъ разъ онъ принужденъ будетъ проснуться....

— Тоже очень хорошее средство, чтобъ разбудить дочь мою... такая бѣготня и въ такой поздній часъ ночи можетъ испугать ее....

— Это правда, однако вамъ нельзя идти совершенно одному....

— Что дѣлаете вы, Онезинъ?... воскричалъ Кларекъ, видя что молодой человекъ пробирался тоже къ дверямъ... куда это вы идете.

— Если вы позволите, то я пойду съ вами.

— За чѣмъ?

— Тѣтушка говоритъ о какой-то опасности....

— Да чѣмъ же можете вы помочь мнѣ, добрый и достойный мой другъ, сказалъ Ивонъ съ добродушною улыбкою, потому что такая жертва со стороны Онезина тронула его до глубины сердца.

— Это правда, я и забылъ, что я не къ чему не годенъ, отвѣчалъ бѣдный юноша со надомомъ и покорностью. Но если тамъ ко есть какая-нибудь опасность.... то я хочу разделить ее съ вами... и если не хорошо вѣшу.... за то.... какъ будто въ запискѣ того я очень далеко слышу.... можетъ-быть я и узнаю, какое направленіе взяли эти люди, если остались въ здѣшней окрестности.

Онезинъ такъ простосердечно сдѣлалъ это предположеніе, что Кларекъ, посмотрѣвъ на него съ участіемъ и состраданіемъ, сказалъ разраганнымъ голосомъ:

— Благодарю васъ, за милое ваше предложеніе.... которое я принялъ бы съ радостью, если бъ вамъ самимъ не надо было отдохнуть.... успокоиться.... и перевязать руку.... И такъ, Сусанна, не занимайся мною.... а займись лучше своимъ племянникомъ.

Сказавъ это, Кларекъ отворилъ двери и сошелъ въ садъ.

Луна освѣщала тогда спящія волны и террасу, выходящую на море, которое видѣлось въ-дали сквозь расщелины огромной скалы.

Кларекъ почти убѣжденный, что служанка ошиблась.... хотѣлъ однако удостовѣриться собственными глазами.... и подошелъ къ периламъ террасы, подъ которой находился ровъ въ двадцать футовъ ширины и двѣнадцать глубины. Ровъ этотъ, обсаженный сницами, начинался тамъ, гдѣ кончалась стѣна, и окружалъ садъ съ той стороны, гдѣ возвышалась скала.

Ивошъ нагнулся черезъ балюстраду и поглядѣвъ на дно этого глубокаго рва, старался разглядѣть при луновомъ свѣтѣ—не снята ли тамъ трава.... нѣтъ ли свѣжихъ шаговъ, доказывающихъ человеческое присутствие: но рѣшительно ничего не увидалъ.

Онъ сталъ прислушиваться.... но кромѣ глухаго говора огромныхъ валовъ океана.... тяжело плещущихъ на гранитныя скалы, ничего не было слышно.... все спало.... покоилось въ природѣ.

Кларекъ хотѣлъ ужъ было уйти съ террасы, какъ вдругъ изъ за деревьевъ вылетѣла одна изъ тѣхъ ракетъ, которыя у моряковъ служатъ ночными сигналами.

Ракета взвилась.... и обрисовала свѣтлое полукружіе... Огненная струя задрожала на темноглубомъ грунтѣ неба.... потомъ все погасло....

Сначала это удивило Кларека; онъ вернулся назадъ и посмотрѣлъ на море.... чтобъ разглядѣть не плаваетъ ли какой нибудь корабль.... потому что хотѣлъ отвѣчать на сигналъ посланный какъ видно было съ приморья.... но кромѣ безграничнаго моря, темнолазуроваго пелена котораго отражала въ огненно-трепещущихъ струяхъ своихъ свѣтлое сіяніе луны.... онъ ничего не видѣлъ, хотя напрягалъ взоръ свой такъ далеко, какъ только могли выносить глаза его.

Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ онъ старался объяснить себѣ это странное обстоятельство, и начиная уже думать, что это какой-нибудь условный знакъ контрабандистовъ, которые переговаривались съ одной скалы на другую, Кларекъ вернулся домой.

Въ другихъ обстоятельствахъ тревога эта заставила бъ мо-

летъ-быть призадуматься нашего корсара, особенно теперь... когда онъ чуть было не сдѣлался жертвою жестокаго обмана... но въ эту минуту тревога эта была забыта для болѣе важныхъ размышленій, которыя должны были слѣдовать за разговоромъ его съ Онезимиомъ.

Кларекъ почти всю ночь продумалъ объ Онезимиѣ и о томъ, что говорилъ съ нимъ.

Вставъ утромъ, онъ тотчасъ же отправился къ дочери, которую засталъ веселою, улюбающеюся.

Увидѣвъ отца, она бросилась съ восторгомъ къ нему на шею.

— Ну какъ ты провела ночь, дитя мое? спросилъ Кларекъ.

— Чудо какъ!... мой ангелъ папаша.... мнѣ снились самые радужные, самые золотые сны; потому что.... вы даже и во снѣ приносите мнѣ счастье.

— Такъ расскажи жъ мнѣ ихъ.... душа моя.... сущность-ли.... сонъ.... я хочу все знать что касается до твоего счастья.... что можетъ тебя радовать.... сказалъ Кларекъ стараясь добиться до разговора, котораго желалъ имѣть съ дочерью на счетъ Онезимиа. Ну, рассказывай.... не правда-ли, я услышу теперь о какихъ нибудь чудныхъ воздушныхъ замкахъ?... Какіе нибудь волшебные сны.... достойные *Тысячи одной ночи*?...

— О!... я не такъ честолюбива; желанія мои очень скромны... даже и во снѣ....

— Ну рассказывай... мнѣ очень хочется знать твой сонъ....

— Въ немъ нѣтъ ничего особеннаго.... Я видѣла, что живу съ нами....

— Для такого сна не стоило и засыпать.... душа моя....

— Съ нами.... продолжала Сабина, и нашей доброй Сусанной....

— Кого жъ еще ты видѣла?

— Легузенъ тоже жилъ съ нами...

— И ты ничего больше не видела?... сказалъ Кларекъ, замѣтивъ, что легкій румянецъ покрылъ милое лицо его дочери.... для этого право не стоило засыпать....

— Нѣтъ.... я забыла....

— Забыла?... Кого же?... вѣрно добрую нашу Терезу?

— Нѣтъ, папа.... я не думаю о Терезѣ?

— Такъ кто жъ эта забытая особа?...

— Мосье Онезимиѣ.

— Какъ!... мосье Онезимиѣ?... Я не понимаю....

— Ахъ, Боже мой!... вы просили меня рассказать сонъ.... ну я и рассказываю....

— Разумѣется.... но съ какой же стати Онезиму жить съ нами?

— Какъ съ какой стати? онъ былъ жевать на нѣтъ....

Сабина сказала это такъ протодушно.... и съ такимъ веселымъ видомъ, что Кларекъ не могъ сомнѣваться въ истинѣ ея разсказа, и спрашивалъ самъ себя долженъ ли онъ огорчаться или радоваться этому странному сну; и потому продолжалъ съ нѣкоторою боязнью.

— А!... такъ ты была за Онезимова?

— Да, ангелъ мой.

— И я.... согласился на вещь бракъ?

— Разумѣется.... если мы были ужъ обвѣчаны.... Но сомнѣній мой.... начинался.... нѣсколько времени спустя послѣ нашего брака.... Мы всѣ трое.... сидѣли въ верхней маленькой гостиной, на большомъ диванѣ.... вы сидѣли между мной и.... Онезимова.... Сусанна встала у окна.... а Легузонъ стоя на козлахъ передъ каминомъ раздувалъ огонь.... между-тѣмъ какъ Сусанна по своему обыкновенію насмѣхалась надъ бѣднымъ молодымъ человѣкомъ.... вы же.... напаша молчала.... вдругъ.... взявъ Онезимовы руки и мои вы оказали съ умилениемъ:

— Знаете-ли о чемъ я думалъ, дѣти?

— Нѣтъ, не знаемъ, напаша, отвѣчали мы съ Онезимова, — разумѣется, онъ тоже называлъ васъ своимъ отцемъ.

— Я думалъ, продолжали вы, что на землѣ нѣтъ счастливыхъ меня человѣка: нѣтъ подлѣ себя двоихъ дѣтей, которые обожаютъ другъ-друга, и двухъ старинныхъ слугъ.... или скорѣе друзей.... и проводить между ними счастливую и спокойную жизнь: за это надо вѣчно благодарить Бога.... дѣти мои....

Говоря это, глаза ваши наполнились слезами.... Тогда Онезимъ и я схватили васъ въ своихъ объятіяхъ.... и сказали:

— Да!... Господь любитъ насъ!... Боже!... благодарить Тебя!...

Одно и тоже же чувство заговорило во всѣхъ насъ.... мы встали.... и всѣ трое бросились въ объятья другъ къ другу.... потомъ я проснулась.... и продолжала плакать отъ счастья....

Кларекъ, слушая протосердечный этотъ разсказъ, не могъ удержаться отъ слезъ.... потомъ несмотрѣвъ съ умилениемъ на Сабину, сказалъ:

— Какъ въ сущности, такъ и во снѣ, ты есть и всегда будешь самою доброю, самою нѣжлившею дочерью ... Но, во снѣ твоимъ.... есть что-то, что до крайности удивляетъ меня....

— Что жъ это такое?

- Ты позволяешь?
- Еще бы!... Что жь удивляетъ васъ, мой ангелъ?...
- Твой бракъ съ Опезимомъ.
- Право?
- Да.
- Странно.... а мнѣ это казалось такъ естественно.... что я даже не удивлялся.
- Во-первыхъ.... душа моя, у Опезима нѣтъ никакого состоянія....
- Но вы мнѣ сами нѣсколько разъ говорили.... что я буду очень богата....
- Безъ сомнѣнія, что будешь....
- Такъ вы теперь видите.... что въ сновидѣніи моемъ.... Опезимъ можетъ обойтись и безъ денегъ....
- Да.... во снѣ каждый можетъ обойтись безъ денегъ... тутъ равенства не надо.
- Да развѣ оно необходимо въ настоящихъ бракахъ?...
- Нѣтъ.... но необходимо.... но надо.... чтобъ бракъ былъ по-крайней-мѣрѣ приличенъ.... Ну, что жь далѣе....
- Еще?
- Охъ... и еще не кончилъ.... но вѣдь ты позволила....
- Хорошо... спрашивайте.... ангелъ мой.
- У Опезима нѣтъ ни состоянія, ни должности.... слѣдовательно, нѣтъ никакого положенія въ свѣтѣ....
- Блудливкой.... тѣмъ-то болѣе онъ и жалокъ.... Кто можетъ обвинить его за правдоность.... если онъ принужденъ къ этой правдоности?... Вѣдь у него на это есть все.... и желанье и бедность души, и способности, и образованье.... однимъ словомъ все!... такъ виноватъ ли онъ, что близорукость его препятствуетъ ему во всякъ его предпріятіяхъ....
- Ты совершенно права, ангелъ мой, что близорукость его есть непреодолимое препятствіе... ко всему,... что бы онъ ни предпринималъ.... она помѣшаетъ его карьерѣ.... помѣшаетъ составить себѣ какое-нибудь положеніе въ свѣтѣ.... и даже жениться.... развѣ только во снѣ....
- Теперь я не понимаю васъ.
- Право?
- Увѣрю васъ.
- Какъ! душа моя.... ты не понимаешь какъ глупо.... какъ глупо выходить за холостяка.... который не видитъ, что дѣлается съ нимъ въ двухъ мигахъ.... который вѣчно будетъ такъ

сказать ребенку въ онскѣ? Ты не понимаешь, что такимъ образомъ роли переменяются.... и вмѣсто того чтобъ быть покровителемъ жены своей.... какъ всякой честный человѣкъ это дѣлаетъ.... Онезкимъ долженъ будетъ искать покровительства жены своей.... если только найдется такая смѣлая женщина, которая рѣшится на такое безуміе?

— Нѣтъ ничего естественнаго.... какъ защищать того кого не бинь.... Кто изъ двохъ сильнѣе, тотъ и долженъ защищать другого.... Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго.

— Разумѣется, но это обязанность мужчины.... а не женщины....

— Да.... когда мужчина можетъ выолнить эту обязанность но когда не можетъ.... то это дѣло женщины....

— Повторяю.... если она такъ безумна.... что рѣшается на такую грустную жизнь.

— Безумна!...

— Да.... больше еще чѣмъ безумна.... Ну, не смотри на меня... такими злыми глазами....

— Выслушайте меня....

— Изволь, душа моя.

— Вы воспитывали меня съ необыкновенною нѣжностью, предупреждали всѣ мои желанія, окружали всѣми] возможными благами, наконецъ.... тоже для меня.... жертвовали собою, поворачались спужѣ этихъ далекихъ торговыхъ путешествій, отъ которыхъ я такъ страдала.... однимъ словомъ вы дѣлали для меня все что состоитъ только въ человѣческихъ силахъ.... неправда-ли ?

— Исключая, что это моя обязанность, долгъ, но въ этомъ заключается тоже все мое счастье.

— Такъ вы говорите, что это вашъ долгъ, обязанность?...

— Самая первая, священнѣйшая изъ всѣхъ моихъ обязанностей.

— Любить, защищать меня.... быть моимъ другомъ?... путешественникомъ?... опоромъ?...

— Иначе я не смѣлъ бы назваться твоимъ отцомъ.

— Вотъ истинно до чего мнѣ и хотѣлось добиться, сказать Сабина съ торжествующимъ простодушіемъ; следовательно отецъ долженъ любить и охранять своего ребенка?

— Разумѣется.

— Теперь, положимъ, что во время дороги вы были такъ несчастливы или такъ меловки какъ этотъ бѣдный Агуада...

и что вслѣдствіе какого-нибудь ушибу вы потеряли... чего не дай Боже... вы потеряли зрѣніе... Можно-ли было назвать меня сумасшедшей, если бъ я стала употреблять тогда всѣ способности ума моего и сердца, чтобъ отплатить вамъ тѣмъ же, что вы для меня дѣлали и въ свою очередь одѣлаться вашимъ пугаломъ, опорой, покровительницей? Мы помѣнялись бы ролями, какъ вы говорите.... а между-тѣмъ, какая бъ дочь не почла себя счастливою, если бъ могла одѣлать для отца своего то же, что и бъ для васъ одѣлала?... Такъ если дочь нѣтъ право доказывать преданность свою отцу... зачѣмъ же отъ меня отнимать это право?... А!... видите ли!... я была увѣрена, что вамъ нечего будетъ на это отвѣчать.

— Во первыхъ, я не отвѣчаю тебѣ, милое и нѣжное дитя мое... потому что слова твои приводятъ меня въ умиленіе, разливаютъ въ сердца моемъ невыразимое блаженство и доказываютъ мнѣ рѣдкую доброду твоего сердца.... только не свѣжи такъ... погоди еще терпѣть....

— Хорошо... посмотримъ.

— Ты сама почувствуешь ... что сраженіе твое не справедливо.... не смотря что растрогало меня до слезъ.... Я допускаю, что если дочь, вслѣдствіе несчастій дѣлается опорой... покровительницей отца... жертвуетъ для него собою... это благородно, прекрасно.... но она не исполняетъ свою обязанность.... она не выбираетъ отца... между-тѣмъ какъ жена выбираетъ мужа... слѣдовательно.... еще разъ повторю.... что только одна сумасшедшая женщина, — не дѣлай мнѣ слишкомъ злыхъ глазъ, — станетъ выбирать именно такого мужа.... которому...

— Которому необходима нѣжная заботливость.... вскричала Сабина перебивая отца. Выбрать добраго и несчастнаго человѣка.... значить быть сумасшедшей? Повторите это еще разъ.... тогда я повѣрю вамъ добрый, милый мой другъ. Да, вы.... такъ великодушно-преданные своему ребенку, вы, столь сострадательные къ его слабостямъ.... вы.... принесіе для него столько жертвъ.... скажите.... повторите.... что безумно полагать свое счастье.... посвящать жизнь свою бѣдному, гонимому судьбою существу; повторите, что безумно протягивать къ нему руку помощи.... потому только что несчастья этого страдальца должны отдавать отъ него всѣхъ добрыхъ людей.... Повторите мнѣ это.... и я вамъ повѣрю....

— Нѣтъ, я не скажу этого.... мой добрый и великодушный ангелъ, вскричала Кларенъ, увлеченный благороднымъ одушевлен-

нием Сабии; вѣтъ, я не сомнѣваюсь въ небесномъ назначеніи, которое мы находимъ въ преданности... особенно когда преданность эта относится къ любимому ощущенію, вѣтъ, я не сомнѣваюсь въ влеченіи возвышенныхъ душъ ко всему, что страждетъ, борется и покоряется.

— Теперь вы сами видите, что сонъ мой вовсе не такъ страшенъ, какъ это сначала вамъ показалось, отвѣчала улыбаясь Сабина, кажется... у меня на все есть отвѣтъ... я не хожу за словами въ карманъ.

— Что про тебя и говорить... ты страшная поборница... и въ сознаніи совершенно побѣжденнымъ... или скорѣе убѣжденнымъ, еслибы ты могла также храбро отвѣчать на мое поблѣднее возраженіе... Я берѣгу его... какъ самое сильное... про запасъ...

— Посмотримъ, что такое?...

— Въпешъ-ли что?... вѣдь ты прехрабрый, претважная особа?

— Хорошо... смѣйтесь, смѣйтесь... я жду васъ... и не робю...

— Скажи, сдѣлай милость... Когда преданность къ кому... доходить до такого самозабытія... значить, что очень любить того... человека?

— Какъ же иначе?

— И надо предполагать, что предметъ этой преданности тоже страстно любить это преданное ему существо...

— Безъ сомнѣнія.

— Что онъ любитъ его... в душю и тѣломъ... что привоуствие той.... которая съ такимъ самоотверженіемъ посвятила жизнь ему... чаруетъ... восхищаетъ его... что для него уже наслажденіе... видѣть или слышать ее... потому что намъ такъ же сладостно глядѣть на милое личико возлюбленной супруги... какъ видѣть ея достоинства и добродѣтели. А въ твоимъ сонномъ... бракъ... мнѣ всего страннѣе кажется...

— Зачѣмъ вы останавливаетесь, ангелъ мой?... продолжайте...

— Чтобъ лучше передать мысль мою, а разскажу тебѣ одну фактъ. Вчера вечеромъ... по твоей просьбѣ, я видѣлся... съ Сабининомъ... и...

— Не правда ли... что онъ съ перваго взгляду вынуждаетъ участіе... что невозможно...

— Согласенъ... но дай мнѣ договорить... Разумѣется... что онъ будетъ въ его умѣ, въ чувствахъ... а начать говорить съ нимъ... и...

— Прощайтесь, что нѣтъ благородствъ, умире молодого чело-
вѣка... какой характеръ!...

— Да дай же мнѣ кончить!... экая неугомонная болтушка!...
Одинъ словомъ, я остался доволенъ Опезимомъ; только...

— Я была удивлена, что онъ вамъ понравится... вѣдь я гово-
рила...

— Сибина!... да ты не даешь мнѣ говорить?...

— Простите, ангель мой!... я молчу и слушаю...

— Мы долго съ нимъ разговаривали, и... не знаю, право какъ
онъ пришелъ изъ разговору... только разсуждая объ его близор-
узости, я спросила его... можетъ-ли онъ видѣть явственно на
такомъ разстояніи... Онъ отвѣчалъ, что не можетъ... и что на-
прямую... съ тѣхъ-поръ какъ онъ живетъ у насъ... онъ видѣлъ
тебя явственно... хорошо... только одинъ разъ... и это было
вчера... когда ты помогала Сусаннѣ перевязывать ему руку...

— Это правда... Бѣдняжка... вчера... ему не мудро было
идти меня... потому что я стояла очень близко...

— Такъ-тогда говорить правду... для меня всего неохватнѣе
въ жизни сонномъ бракѣ... это мужъ... который никогда не
идетъ жены!...

— Никогда?... вѣдь онъ еще не совсѣмъ ослѣпъ!...

— Согласенъ... но все-таки наконецъ... онъ проведетъ цѣлую
жизнь съ женою... и почти никогда не будетъ ее видѣть... раз-
нѣ только... случайно...

— А знаете-ли что?... если бъ мнѣ не было такъ жаль... его...
если бъ я знала, что онъ не слишкомъ страдаетъ... то это вос-
хищало бы меня... я находила бъ, что это чудо какъ преле-
стно...

— Нѣтъ, это уже слишкомъ!... не знаю, что находишь ты
тутъ прелестнаго?...

— Хотите, докажу?...

— Неволь... попробуй.

— Не помню... гдѣ я это читала, что нѣтъ больше святотат-
ства какъ оставлять на виду... портреты любимыхъ сердцу лю-
дей... потому что глаза... дотога привыкаютъ къ изображенію...
что оно... вмѣсто-того чтобъ оставаться вѣчно новымъ и жи-
вымъ... начинаетъ ослабѣвать... и, наконецъ, исчезаетъ изъ па-
мяти...

— Отчасти... это правда... но я не понимаю, какую можешь
ты вынуть изъ этого пользу...

— Погодите... я полагаю, что портреты эти надо запереть...

и обернуть тогда только, когда съ чувствомъ расположить гля-
дѣть на милый образъ.... того кого любилъ.... тогда произведе-
ное на васъ впечатлѣніе становится тѣмъ сильнѣе... что вы дол-
го были лишены этого блаженства.... не правда ли, напаша?

— Вы прекрасно разсуждаете, сударыня.... Что жъ потомъ?...

— Если бъ я была въ положеніи Онегина.... и любя васъ
такъ какъ теперь люблю.... я бы утѣшала себя мыслью.... что
вслій разъ какъ я поцѣлую васъ.... благородное и милое лице
ваше соотвѣтитъ сердце мое какъ чудное видѣніе.... на нѣсколь-
ко часовъ.... потомъ черты его снова закроются для глазъ по-
нхъ.... но я буду знать по-крайней-мѣрѣ, что вотъ тутъ подѣл
меня.... и...

— Замолчи.... коварная.... а не то мнѣ не равно захочется....
чтобъ ты едѣлалась близорукою.

— О!.... я была убѣждена, что разувѣрю васъ....

— Погоди немножко... вѣдь я еще не сдаюсь.

— Какой вы опасный противникъ.... напаша....

— Я допускаю... что близорукій нашъ... тотъ самый, что
приснился тебѣ сегодня... можетъ утѣшать себя такими вывода-
ми я даже находить вѣкоторую.... вѣчно новую прелесть въ
этихъ явленіяхъ любимаго предмета.... и допускаю тоже, что и
портретъ и оригиналъ чудо какъ хороши.... и что взоръ его вмѣ-
сто-того чтобъ притупиться.... слишкомъ можетъ быть привы-
кнетъ къ восторженному состоянію.

— Вотъ именно, что я думала.

— И вотъ именно гдѣ я подстерегъ тебя и гдѣ останавливаю,
госпожа спорщица!....

— Посмотримъ....

— Если ты разсуждаешь такимъ-образомъ, что участь этого
близорукаго совсѣмъ не такъ жалка.... что жъ останется тогда
другому, то есть, *ясновидящему*, или скорѣе *ясновидицей*.... раз-
вѣ только закрыть глаза, чтобъ въ свою очередь наслаждаться
видѣніями.... и не слишкомъ привыкнуть къ безпрестаннымъ
восторгамъ!

— Какъ! такъ вы серьезно дѣлаете мнѣ это возраженіе!

— Еще бы!....

— Нѣтъ, я не соглашаюсь съ вами....

— Право?

— Да, разумѣется.... потому что если я и поставила себя на
мѣсто Онегина.... изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ я должна
была отказаться отъ своихъ глазъ.... и нисколько не боюсь, что

пора мой притупителъ смотри на мужа; напротивъ... я увѣрена, что всегда съ наслажденьемъ буду гладить на него.... докторствомъ тому служить радость.... которую я чувствую.... когда смотрю на васъ, мой добрый пана.... и,—хотя въ предвидѣннѣишъ идеѣ настотъ *редкихъ леленій* вы часто скрывали отъ глазъ моихъ — но все-равно.... если бъ я даже сто лѣтъ сряду не сводила съ васъ глазъ, то и тогда не насытилась бы еще.... нѣтъ все бы еще хотѣлось вливаться въ васъ глазами и читать на благородныхъ чертахъ вашихъ.... всю вашу во мнѣ нѣжность.... которой я право не стою....

Сказавъ это, Сабина нѣжно обняла Ивона.

— Малое.... доброе дитя, сказалъ Кларекъ, отвѣчая на ласки дочери, ты владишь логикой любви и разсудкомъ сердца... Какъ же ты хочешь, чтобъ послѣ этого я могъ бороться съ тобою?... Нечего дѣлать, я сознаюсь совершенно побѣжденнымъ.... и соглашаюсь, что сонъ твой совсѣмъ не такъ страненъ какъ казался сначала.... и что наконецъ.... можно выйти за близорукаго, если онъ благородный, честный человѣкъ.... исполненъ преданности, бодрости.... и если его любить какая-нибудь *ясновидящая*.

— Ахъ! милый.... добрый другъ!.... вскричала Сабина сжимая съ восторгомъ руки Кларека.

— Только.... несмотря на поэтическую точку зрѣнiя.... съ которой ты смотришь на недостатокъ Онезима.... мнѣ бы лучше хотѣлось, чтобъ онъ.... Но впрочемъ.... ахъ, да!.... я вспомнилъ....

— Чтѣ такое?

— Во время коммерческихъ моихъ путешествiй.... я познакомился съ однимъ молодымъ, очень искуснымъ хирургомъ (у котораго, будь въ скобкахъ сказано, былъ только одинъ недостатокъ.... это ужасная жадность); онъ переселился въ Парижъ, гдѣ слава его съ каждымъ днемъ возрастала все болѣе и болѣе, и теперь онъ находится въ числѣ первѣйшихъ знаменитостей ученаго мiра.... Можетъ-быть онъ и найдетъ средство вылечить нашего бѣднаго Онезима....

— Боже мой!.... Можетъ-ли это быть?!.... вскричала восхищенная Сабина. Неужели есть еще надежда?....

— Не знаю, ангелъ мой, но я слыхалъ о многихъ чудесахъ доктора Гастерина.... сегодня же я напишу ему.... мы были съ нимъ довольно дружны.... слѣдовательно, я могу просить его навѣстить Онезима.... и онъ вѣрно прiѣдетъ.... если ему можно только будетъ оставить на сутки свою многочисленную практику....

— Ахъ, какъ вы добры!... ангелъ [мой... Сколько надеждъ теперь... на счастье!... потому что участіе... которое вы приносите въ Онезими... хорошее мѣсто, которое о немъ нѣбога...

— Ну, кончай...

— Хотите выслучить его.... потому что можетъ-быть вамъ не пріятно имѣть близорукаго зятя.... сказала Сабина краснѣя и потупивъ въ смущеніи свѣтлыя глаза свои.

— Какъ она свѣситъ!... погоди, душа моя, я не дамъ еще своего согласія... Ну, успокойся... вѣдь я тоже и не отказываю въ немъ... и чтобъ доказать тебѣ это... я...

— Чтѣ такое, папѣ?

— Поцѣлуй меня еще разъ.... сказалъ Ионъ и пошелъ къ дверямъ, но вдругъ остановился и прибавилъ:

— Черезъ часъ... жди меня въ этой комнатѣ.

— Вы уходите?...

— Да.... для одного очень важнаго дѣла...

— И ничего больше не хотите мнѣ сказать?...

— Нѣтъ, ничего.... ни одного слова.... какъ видишь.... я преужасный человѣкъ.... Такъ до свиданья.... жди меня здѣсь.... и не выходи изъ терпѣнія.

Кларекъ, вышедъ отъ Сабинны, пошелъ къ Онезиму, а чтобъ имъ не помѣшали разговаривать, онъ просилъ молодаго человѣка итти погулять съ нимъ до завтрака.

Когда Кларекъ гулялъ, къ нему пріѣхалъ не прощенный и вовсе неожиданный гость.

Пока Кларекъ и Онезими гуляли, Легуфенъ, стоя неподвижно на террасѣ, смотрѣлъ на морѣ въ большую зрительную трубку, обдѣланную въ зеленый сафьянъ; казалось, все вниманіе его было устремлено на предметъ, который, повидимому, въ высшей степени подстрекалъ любопытство его и удивленіе.

Предметъ этотъ былъ не чтѣ иное какъ бригъ, который видѣлся вдали сквозь широкія расщелины гранитныхъ скалъ; но такъ какъ бригъ этотъ лавировалъ, то съ минуты на минуту онъ могъ и долженъ былъ, продолжая свои маневры, исчезнуть изъ глазъ Легуфена, который въ это время предавался слѣдующимъ размышленіямъ:

— Это невѣроятно!... ужъ не сонъ ли это?... или онъ самъ.... на яву?... Да это долженъ быть онъ!.... Вотъ его мачта.... еласти.... паруса.... вотъ наконецъ полетъ его.... а между-тѣмъ, не можетъ быть.... чтобъ это былъ онъ.... это не его корпусъ.... не его, однимъ словомъ.... фасонъ... Съ своею открытою батареею

они стояли на задъ низко... какъ ниточки... между тѣмъ эти ниточки этого такъ высоки, что даже смѣшно гадать на нихъ; ктому же, наконецъ тутъ штъ торговъ... нушкъ тоже не видать... и ни одна изъ нихъ не хочетъ выставить среда сва паса. Нѣтъ... штъ, это не онъ! Развѣ эта сбра паркетна хорскаго цѣту краска съ желтоватою полосою, — что нѣтъ кашкетъ съ прескверныиъ, — неможъ сравниться съ черно-досиашнииъ цѣтотъ, съ арио-пуришровою полосою, которая производила такой ошвышъ эффектъ... то былъ настояшій морской храброй. видѣлъ: а это чтô?... просто, дрянъ... Нѣтъ, это не онъ!... А между-тѣмъ эта огромная... несоразибрная мачта, такъ чашно закинувшая назадъ голову свою... и эти снасти, тонкіе какъ паутина... дол казываются... что я не ошибаюсь... потому, что во весь мѣръ... только одна *Адекал Голосия* можеть имѣть подобныя снасти... придающія ей быстроту птичьаго полета... Но что я за ошалъ!... у меня есть чудесное средство удостовѣриться *въ ташдестѣ*... въ которомъ я хочу утвердиться... такъ бы навѣрно сказалъ маеѣ Ивонъ... когда служилъ еще въ городскомъ совѣтѣ, шеголабъ въ судейской мантии и забавлялся швыряньемъ изъ окна президентовъ; это очень легко... но онъ поворачиваетъ къ берегу!... я сейчасъ узнаю...

Но размышленія и наблюденія Легуфена были прерваны такимъ ошнлярнымъ толчкомъ въ руку, что онъ чуть было не выронилъ подозрвой трубы... Такая неумѣстная ласка раздосадовала прикащика; онъ обернулся и очутился лицомъ къ лицу съ Сусанной, которая такъ тихо подошла, что Легуфенъ, погруженный въ свои наблюдения, не слышалъ даже ея приходу.

— Что сдѣлано; то сдѣлано; однако къ чему было мѣшать шѣ, душа моя... сказалъ прикащикъ съ досадою, снова взявъ трубу и настаивая на потерянную точку зрѣнія.

К несчастью было слишкомъ поздно, брига уже не было; онъ исчезъ; такимъ образомъ *удостовѣреніе въ ташдестѣ*, которымъ Легуфенъ летѣлъ себя, сдѣлалось невозможнымъ.

— Убирайся къ чорту!... вскричалъ съ досадою Легуфенъ... очень нужно было приходить именно въ то время когда я...

-- Какъ!... ты посылаешь меня къ чорту!... грубиянъ этакой!... вскричала Сусанна, такъ этакъ-то ты со мною здороваешься!..

— Такіе старинные друзья какъ мы съ тобою, милая, могутъ говорить откровенно, это долгъ, обязанность наша, отвѣчалъ Легуфенъ, бросая на море послѣдній взоръ сожалѣнія и складывая подозрвую трубу; нѣтъ было такъ весело... я смотрѣлъ какъ раз-

гуманность тамъ маленькія лодочки, это напомнило мнѣ мое дѣтство.... я замечтался.... а ты пришла.... и все изчезло.

— Ты правъ, Легусенъ, что мы должны говорить откровенно другъ съ другомъ.... и потому я скажу тебѣ.... что никто въ мірѣ не видитъ такихъ каменистыхъ сновъ.... какъ твоя мечта.... точно глухой.... не добудисься....

— Да какъ же ты можешь знать, милая Сусанна? къ моему и твоему несчастью ты не могла видѣть какъ я сплю.... отвѣчалъ канонеръ отважнымъ и самонадѣльнымъ видомъ, особенно же, какъ я.... не сплю!... душа моя.

— Ты ошибаешься, потому что вчера вечеромъ я стучалась къ тебѣ....

— Наконецъ-то!... вскричалъ Легусенъ, посмотрѣвъ торжественно, единственнымъ своимъ взглядомъ на Сусанну, вѣдь я говорилъ тебѣ, что ты дойдешь до этого.... и предсказаніе мое сбылось!

— До чего дойду? спросила Сусанна, не желая понимать смѣлой мысля своего бывшего подчиненнаго, до чего жъ я дошла?...

— Да, до того.... что пришла одна.... на цыпочкахъ.... и безъ свѣчки въ мою комнату.... чтобъ нашептывать мнѣ ласковыя рѣчи....

— Дерзкій!... вскричала съ досадою Сусанна.

— Клявусь тебѣ, душа моя, что ни кому не скажу.... буду нѣмъ какъ рыба, и если бъ на меня не попалъ такой каменистый сонъ.... то я бъ принялъ тебя.... да какъ бы еще принялъ!... какъ царя любуи.... но когда ты придешь въ другой разъ, то общаю тебѣ....

— Я не обращаю никакого вниманья на твою глупость.... потому что считаю тебя полоумнымъ и вижу, что ты такъ же кривъ умомъ какъ и тѣломъ.... Но хотѣла только сказать.... что стучала къ тебѣ за тѣмъ, чтобъ просить твоей помощи и защиты!...

— Защиты! противъ кого?

— Но какъ ты такъ же трусливъ какъ заяцъ.... то притворился будто спишь.... и не хотѣлъ отвѣчать.... когда я звала тебя....

— Неужели.... тебѣ и въ самомъ-дѣлѣ была нужна моя защита?... Кромѣ шутокъ.... расскажи, что такое случилось....

— Впрочемъ.... продолжала Сусанна не отвѣчая Легусену, и не думаю, чтобъ помощь твоя была на чтонибудь годна.... Ахъ Боже мой!... если бъ весь домъ былъ въ огнѣ.... носыъ Легусенъ и тогда бъ не захотѣлъ потревожиться.... къ чему?... ему такъ хорошо лежать въ постелѣ....

— Възъ доми и въ огни? Ещо разъ спрашиваю тебя, что все это значить?

— А то значить, что сегодняшнюю ночь къ намъ чуть было не переманилъ двое бродягъ....

— Что за вадоръ.... душа моя, ты бредишь на яву.

— Повторю что сегодня ночью.... два человекъ пробиралось сюда.... черезъ этотъ ровъ, у котораго мы стоимъ теперь!... Слышишь, Лёгуевиъ?

— Ихъ было двое?

— Да, двое.

— Они пытались пробраться сюда?

— Черезъ этотъ ровъ, говорю тебѣ....

— Теперь я знаю.... что это такое....

— Какъ знаешь?

— Это были двое изъ твоихъ обожателей....

— Лёгуевиъ!

— Ты вѣрно ошиблась въ числахъ.... и назначила въ одинъ день двоимъ.... тогда....

Но канонеръ вдругъ остановился и не кончилъ своей неумѣстной шутки.

Лицо его, обыкновенно безстрастное, приняло вдругъ выражение сперва страху.... а потомъ удивленія и безпокойства. Онъ такъ поблѣднѣлъ, такъ внезапно и поразительно перемѣнился въ лицѣ, что мамушка Роберъ, забывъ всѣ его дерзости, вскричала:

— Что это съ тобою, Лёгуевиъ? На что это ты такъ пристально смотришь?

И слѣдуя за направлениемъ единственнаго глаза своего обожателя, она увидала на концѣ ален, ведущей къ терасѣ, какое-то новое лицо.... которое шло за трусихой Терезой, и наводило страхъ и ужасъ на канонера, что было довольно странно, потому что, ни въ выраженіи лица ни въ паружности его не было ничего страшнаго, а напротивъ....

Это былъ низенькій, толстый и круглый человекъ, съ огромнымъ животомъ, одѣтый въ синій, самаго яркаго цвѣту фракъ, въ казимировые орѣховаго цвѣту панталоны, сапоги съ разтрубами и длинный бѣлый жилетъ, изъ подъ котораго боталнсь двѣ золотыя цѣпочки, украшенныя огромными брилліансами.

Въ одной рукѣ, особа эта держала палочку, которою страхила пыль съ сапоговъ своихъ, а въ другой шляпу, которую издали уже сняла при видѣ мамушки Роберъ: такимъ-образомъ

мошье: было восхищаться его легкой, завитой и напудренной прической, также какъ и густыми бакенбардами, обстриженными по наполеоновскому; бѣлизна нудры еще больше выставляла красоту этого здороваго и толстаго лица, надъ которымъ канонеръ нашъ бывало часто водружалъ и называлъ простодушно *дедодъ малиной, омыпанной сазаромъ*.

Но въ эту минуту Лёгуфену было не до шутокъ.... онъ дрожалъ, такъ сказать, при каждомъ шагѣ напудренного посѣтителя и не могъ свести съ него своего глаза.

Достопочтенную эту особу звали *Флоридоромъ Вердюраномъ*; онъ былъ арматоромъ брига *Адская Головня*, которымъ командовалъ атаманъ *Отчалный*.

До этого времени и по причинамъ, впрочемъ очень понятнымъ, Кларекъ скрывалъ настоящее свое имя отъ Вердюрана, особенно же гдѣ намѣревался отдыхать послѣ своихъ подвиговъ; общій пріятель ихъ обоихъ былъ посредникомъ между корсаромъ и Флоридоромъ и передавалъ письма, которыя они получали другъ отъ друга.

Можно представить себѣ ужасъ канонера; онъ боялся, что узнавъ настоящее имя и мѣсто жительства атамана, арматоръ не желая вредить Клареку и не подозрѣвая даже, что онъ разыгрываетъ двойную роль, объявить его тайну, которая можетъ имѣть самыя ужасныя послѣдствія.

Присутствіе Вердюрана объясняло тоже прибытіе брига, котораго Лёгуфенъ узнавалъ нѣсколько минутъ тому назадъ, но не былъ еще увѣренъ въ своихъ догадкахъ, потому что въ этотъ день атаманскій бригъ былъ не въ своемъ видѣ; чего Лёгуфенъ ни какъ не могъ объяснить себѣ.

— Пока канонеръ размышлялъ и приходилъ въ отчаяніе, Флоридоръ Вердюранъ подходилъ все ближе и ближе.

— Что это за человекъ? спросила Сусанна подходя къ Лёгуфену и выводила его изъ раздумья, я никогда еще не видала его. Какое красное лицо!... какъ его зовутъ?... Да отвѣчай же, Лёгуфенъ! Ахъ Боже!... какой у тебя странный видъ! Ты сегодня еще блѣднѣе обыкновеннаго.

— Это тебѣ такъ кажется, потому что толстякъ этотъ слишкомъ красенъ.... отвѣчалъ канонеръ, который предвидя опасность не зналъ какимъ образомъ предупредить ее.

Служавка провожающая арматора подошла къ Сусаннѣ и сказала:

— Барини этого неахотъ видѣть господина Кларака, и гово-
рять, что прѣехалъ по очень важному дѣлу.

— Ты знаешь, что баринна нѣтъ дома.

— Я тоже самое отвѣчала.... да они говорятъ что будутъ
ждать.... что имъ непременно нужно говорить съ баринной....
Вотъ и я привела ихъ къ вамъ.... чтобъ они рассказали, что имъ
также угодно?

Тереза, объяснивъ въ чемъ дѣло, исчезла.... между тѣмъ какъ
Вердюранъ, знавшій съ кѣмъ имѣетъ дѣло и почитавшій себя за
самого вѣжливаго и свѣтскаго человѣка, потому что въ молодос-
ти онъ пользовался репутаціей минутнаго корсера, остано-
вилъ въ несколькихъ шагахъ отъ мамушки Роберъ, скругливъ ру-
ки, выставилъ впередъ локти, стиснулъ пятки, изобразилъ ног-
амъ букву V и сдѣлалъ ей пренизкій поклонъ.

Сузанна была въ восторгѣ отъ такого уваженія къ ея полу,
которое мстало тоже и ея собственному самолюбію.

На поклонъ Вердюрана она отвѣчала церемоннымъ реверан-
сомъ, и несмотрѣвъ съ сардоническимъ упрекомъ на своего обо-
ротца сказала ему шопотомъ:

— Вотъ тебѣ прихвръ.... посмотри и учись какъ надо подхо-
дить къ женщинамъ.

— Охъ Бѣгу!... я подходилъ не къ однимъ женщинамъ!...
что вымалуй скажетъ сейчасъ эта скотина арматоръ, сказавъ
арматоръ, зорча сѣвозъ зубы и грызя съ досады ногти.

Флоридоръ Вердюранъ подошелъ еще ближе, отвѣсилъ второй
той же шизкій поклонъ какъ и первый; Сузанна снова отвѣ-
тила ему реверансомъ, и чтобъ взбѣсить Ледушена и водстре-
кнуть его самолюбіе, сказала шепетомъ:

— Самые барскія манеры!... настоящій вельможа!... послан-
ный!

Вѣсто отъѣзда, ванднеръ спрятался за дерево какъ-будто хотѣ
тоже спрятаться и отъ угрожающей ему бѣды.

Третій и послѣдній поклонъ Вердюрана, слишкомъ походилъ на
два первыхъ, чтобъ заслуживать особенное описаніе.

Свернувшись три поклона, онъ хотѣлъ было заговорить съ Су-
занной, какъ вдругъ увидѣлъ канонера.

— А!... ты здѣсь, любезнѣйшій?... сказалъ арматоръ своимъ
другамъ ему поклономъ, и не замѣтивъ тебя.... морской старшій
солдъ.

— Пезъ сказалъ Ледушенъ, дѣлалъ прѣстрашную гримасу и ду-
мая что улыбается, если вы потому только называете меня мор-

скинул солдата, что я живу у моря.... то даму эту,—канонеръ показавъ на Сусанну,—по этому же самому поводу надо называть морской солдницею.

— Экой шутникъ!... вѣчно шутить и смѣется.... ну, а глазъ твой.... бѣдняга?

— Ничего.... любезный мосѣ Вердюранъ.... какъ видите.... я ослѣпъ.... Но объ этомъ не стоитъ говорить.... умоляю васъ.... перестаньте.... у меня на это есть свои причины.

— Вѣрю, вѣрю, старинишка.... вѣдь это право несчастіе, неправда-ли, сударыня? сказалъ арматоръ обращаясь къ Сусаннѣ.... проколоть глазъ никой....

— Какъ!... никой!... вскричала Сусанна глядя съ изумленіемъ на канонера; какой никой?....

— Онъ хочетъ сказать каламбуръ, отвѣчалъ отважно Легуефъ, дѣлая самую занутанную гримасу, такъ что никто въ мірѣ не могъ разобрать, что она выражала. Вѣдь мосѣ Вердюранъ презабавный, и называется козыря, который полетѣлъ нѣтъ въ глазъ пикани или никою, потому-что у меня много сердца, то есть много было червей, но что къ-несчастію я не поберегся бубень.... то есть этого.... проклятаго леонскаго оптика....

Последнія эти слова относились къ Сусаннѣ и Легуефъ произнесъ ихъ такъ тихо, что только она одна могла ихъ слышать; ктому же глухие каламбуры Легуефа до того забавляли Вердюрана, что онъ хохоталъ во все горло, и не могъ слышать что говорилъ канонеръ на счетъ оптика.

Отчаянное положеніе, въ которомъ находился Легуефъ, не могло вдохновить его остроуміемъ и потому простямъ ему, если на этотъ разъ каламбуры его не такъ-то были удачны.

— Ха! ха! ха! я не думалъ, чтобъ онъ былъ такой острякъ!... кричалъ Вердюранъ, экой выдумщикъ!... лики.... козыри.... у него много сердца.... и онъ не остерегся бубень. Ха! ха! ха!... да это право презабавно!...

— Это правда, сказала Сусанна, которая находила очень плохими остроты своего обожателя, это правда, что мосѣ Легуефъ съ своею серіозною миною старается всѣхъ смѣшить.... но если ему не удастся, то.... это не его вина... Но вамъ угодно говорить съ мосѣ Кларекомъ....

— Точно такъ, сударыня.... Я имѣю.... вѣроятно.... честь говорить съ его супругою.... Въ такомъ случаѣ.... я....

— Извините.... я гувернантка его дочери....

— Какъ!... ата....

Первый слогъ слова *атаманъ* не успѣлъ еще вылетѣть изъ огромнаго рта арматора, какъ канонеръ ударивъ по рукѣ Сусанну, закричалъ изо всѣхъ силъ:

— Ахъ! посмотрите!... посмотрите!...

Сусанна до того была оглушена, поражена, голосомъ Легуева и болью въ рукѣ, что извизгнула и даже не услышала столь страшнаго слога, вырвавшагося изъ объемистой внутренности Вердюрана.

За то, лишь только Сусанна оправилась, посмотрѣла сердито на канонера и сказала ему съ досадою:

— Развѣ можно позволять себѣ такіа глупыя шутки!... гдѣ это прощесно!... Я до-сихъ-поръ не могу омониться....

— Да посмотри вотъ туда, продолжалъ канонеръ подымая длинную свою руку и показывая на вершины гранитныхъ скалъ, это просто невѣроятно... сверхъестественно.... честное слово.... гласанъ не вѣрится....

— Да что ты тамъ видишь? спросилъ арматоръ, слѣдуя глазами за направленіемъ руки канонера.

— Если бѣ мнѣ даже побоялись... что это возможно, продолжалъ Легуевъ, то и тогда бѣ.... я далъ голову на отсѣченіе... что этого быть не можетъ.

— Да что такое? спросила Сусанна, которая не смотря что была не въ духѣ, чувствовала какъ любопытство ея пробуждало, о чемъ это говоришь ты?

— Это просто чудеса!... продолжалъ канонеръ съ какими-то страхомъ и удивленіемъ, точно во снѣ видишь....

— Да скажи, сдѣлай милость, что такое? вскричалъ Вердюранъ такъ же какъ и Сусанна, выведенный изъ терпѣнія, о чемъ говоришь ты?... Куда надо смотрѣть?...

— Да вотъ.... продолжалъ хладнокровно Легуевъ, видите вы эту скалу.... на-лѣво?

— На лѣво?... простодушно спросилъ арматоръ, отъ чего на-лѣво?

— Ахъ, Боже мой! да на лѣво отъ другой.... отвѣчалъ Легуевъ.

— Какой другой? спросила въ свою очередь Сусанна.

— Какъ! какой другой.... продолжалъ канонеръ, да развѣ ты не видишь эту бѣлую огромную скалу.... которая похожа на валъ.... или на навісь....

— Вижу, вижу!.... вскричалъ арматоръ.

— Ну что жъ тамъ такое?... спросила Сусанна.

— Видите.... вотъ тамъ.... на самой вершинѣ?...

— На самой вершинѣ?...

— Да.... на сторонѣ....

— На сторонѣ?

— Да.... посмотрите точно синее пламя.... ну что?... видите теперь?...

— Синее пламя?... повторилъ арматоръ вытаращивъ глаза, и прикрывъ ихъ лѣвою рукою, въ видѣ навѣса, синее пламя.... на епашѣ?...

— Да, вотъ тамъ.... и даже посмотрите!... ахъ!... Боже мой!... пламя это становится краснымъ! вскричалъ Легуевъ. Вѣрно?... не странно-ли, не удивительно-ли это?... Но пойдете.... пойдете, моему Вердюрану, надо посмотреть поближе, прибавилъ канонеръ схвативъ за руку арматора и стараясь увлечь его. Пойдете.... пойдете....

— Погоди любезный! отвѣчалъ Вердюранъ, вырываясь изъ руки канонера, прежде надо видѣть вещь изъ дали, а послѣ уже въблизи.... а я еще ничего не видалъ.... А вы сударыня?... прибавилъ Вердюранъ обращаясь къ Сусаннѣ, видите что небудь?...

— Рѣшительно ничего.

Можетъ-быть Легуевъ и постарался бы еще продлить мученія жертвъ своихъ, но близость новой опасности погасила въ немъ вдохновеніе къ выдумкамъ.

Онъ услышалъ голосъ Сабины.

Молодая дѣвушка не замѣчая Вердюрана, который стоялъ за Сусанной и Легуевомъ, приближала запыхавшись и обращаясь къ Сусаннѣ спросила:

— Что ты тамъ смотришь, милая Сусанна?

— Барышня! подумалъ съ отчаяніемъ канонеръ.... Все погибло!... несчастная!... такое открытіе убьетъ ее!

ГРАНТЛИ-МЭНОРЪ.

=

НОВЪСТЬ ЛЕДИ ДЖОРДЖИАНЫ ФУЛЛЕРТОНЪ.

=

1.

Весь день шелъ непрерывный дождь. Только около пяти часовъ солнце рѣшилось, повидимому, во что бы ни стало выгнать на короткое время, прежде чѣмъ совершенно скроется за зеленымъ холмомъ, что возвышается передъ Грантли-мэноромъ. Тяжелая масса тучъ, обведенная по краямъ легкою каймою пурпуроваго свѣту, медленно катилась по небу, нависши надъ лѣсомъ, сохранившимъ названіе Монастырскаго, надъ Геронъ-Кастлемъ и надъ грядою пригорковъ, которая опоясываетъ обширную, болотистую долину Гранта. Красные клены и желтыя березы парка красовались роскошнымъ отливомъ осени, не смотря на то, что множество листьевъ устлали подъ ними траву, или плыли на быстрыхъ волнахъ рѣчки, которая стремилась внизъ по долинѣ, чтобы мчаться въ двадцати къ югу излиться въ другую, большую рѣку. Хорошій ноябрскій день имѣетъ свою прелесть: какую-то невыразимую сладость, какую-то спокойную, грустную красоту, которая проникаетъ душу и погружаетъ ее въ тихую задумчивость. Въ тотъ день и въ часъ, о которомъ идетъ рѣчь, пожилая женщина и молодая дѣвушка стояли у каменной балюстрады, отдѣляющей двѣтникъ помѣщичьяго дома отъ парка. Неподвижныя черты и разсѣянный взглядъ пожилой

женщины показывали или совершенное отсутствіе мысли, или глубокую думу. Она повидимому или задумалась, или дремала: Дѣвочка полусидѣла подлѣ нея на перилахъ, полуопершись и нихъ; красивый, гибкій станъ ея былъ закутанъ въ шубу, которая ниспадала въ роскошныхъ складкахъ; руки ея были сложены крестомъ на груди, а глаза то устремлялись въ землю, то обращались къ дорогѣ, зміѣвшейся по парку, и опять вперялись въ землю. Отъ времени до времени она срывала китайскую розу съ ближайшаго куста, и разсѣянно раскидывал опшпаннныя лепестки ея.

Маргарита Лесли была прехорошенькая дѣвушка. Глаза ея были того неопредѣленнаго цвѣту, который переходитъ отъ желѣзно сѣраго къ темно-фіолетовому; носъ небольшой, орлиный; ротъ прелестно очертанный, склонялся съ концовъ нѣсколько внизъ что придавало ему не совсѣмъ пріятное выраженіе, когда она не улыбалась; но зато обворожительная улыбка почти не покидала его, такъ что самый внимательный глазъ не уловлялъ бы минуты, когда лицо Маргариты не было бы озарено ею. Густыя, черныя рѣсницы осыпали ея глаза, а волосы ниспадали не крутыми локонами, а пышными и вольными русыми волнами по бѣлой и тонкой шеѣ. Между-тѣмъ какъ она слѣдила за летящими розовыми листочками, и тщетно старалась направить ихъ полетъ въ бассейнъ небольшого фонтана, бывшаго подъ террасою, тонкія дуги ея прекрасныхъ бровей хмурились такъ грозно, что одни только непокорные розовые листочки могли ихъ не пугаться и не повиноваться имъ. Безразсудно было, правда, и ожидать, чтобы они полетѣли противъ вѣтерка, который повѣялъ, какъ скоро солнце закатилось за холмъ; но прихоти Маргариты рѣдко справлялись съ разсудкомъ. Напримѣръ, въ эту самую минуту она едва не сердилась не на шутку на свою наставницу мистрисъ Дальтонъ, за то что та не догадывалась, по какому-нибудь вдохновенію, что ея ученицѣ надоѣло ждать дорожной кареты, которая, по ея соображенію, уже за часъ должна бы показаться въ концѣ главной аллеи парка, и которая до-сихъ-поръ еще не показывалась.

— Право, мистрисъ Дальтонъ, сказала она наконецъ, и не стану ждать долѣе. Если бачушка до-сихъ-поръ не прѣѣхалъ, то онъ уже не будетъ къ обѣду.

— Да еще вѣдь всего шесть часовъ.

— Неужели? какъ дни стали коротки! — Что за огонь раз

шли въ прихожей, вскричала Маргарита, съ шумомъ растворивъ настежъ дверь и входя въ домъ.

— Мистръ Сидней приѣхалъ? спросила она, проходя черезъ бильярдную, и растолкавъ съ досадою всё шары киемъ. И между-тѣмъ, какъ шары катились по сукну и съ шумомъ падали въ лузы, она продолжала про себя, но довольно громко:

— Никогда не буду я въ состояніи полюбить батюшку какъ люблю Вальтера Сиднея.

— Какъ можно такъ говорить, моя милая! вы должны любить его еще болѣе, подхватила мистрисъ Дальтонъ.

При этихъ словахъ Маргарита быстро обернулась, и, развязывая ленты своей черной кружевной шляпки, и откидывая отъ разружившихся отъ морозу щеки падавшіе на нихъ волосы, отвѣчала:

— Когда убѣдитесь вы, милая мистрисъ Дальтонъ, что *должна* рѣшительно ничего не доказываетъ?

— А когда убѣдится моя милая Маргарита, что *должна* самое неопровержимое изъ доказательствъ?

Само собою разумѣется, что мистрисъ Дальтонъ никогда бы не отважилась на подобное возраженіе. Его сдѣлалъ нѣкто, всегда высказывавшій правду Маргаритѣ, и отъ кого она всегда была готова выслушать правду; потому что она любила и уважала Вальтера Сиднея, и нерѣдко даже говаривала, что не знала никого кромѣ его, кто бы умѣлъ дѣлать истину пріятною. Въ настоящую же минуту она была такъ рада его появленію, что хотя бы даже замѣчаніе его было ей не по сердцу, она все таки, проходя черезъ комнату, такъ же ласково протянула бы ему руку. Она затворила за собою дверь, потомъ опять отворила, и сказала ему съ улыбкою:

— Еслибъ вы знали предметъ нашего спора, вы можете быть, не поторопившись бы такъ принять сторону мистрисъ Дальтонъ. Но вы всегда считаете долгомъ увѣрять напередъ, что другіе правы, а не я.

Онъ покачалъ головою, но дѣвушка уже исчезла, и онъ слышалъ только, какъ она порхала по лѣстницѣ и по корридорамъ, какъ птичка на крылышкахъ.

Вальтеръ Сидней былъ человекъ лѣтъ тридцати пяти или шести. Онъ былъ высокаго росту, сухощавъ, желто-блѣденъ лицомъ; многіе, взглянувъ въ его высокій, блѣдный лобъ, въ правильныя черты лица, и въ выраженіе глазъ, сочли бы его красавцемъ; но неловкость его движеній, какая-то робость въ

обращеніи, разрушали по большей части это впечатлѣніе, и вѣдшіе его въ первый разъ говорили обыкновенно: — «Что за странная фигура у мистра Сиднея.» — Маргаритѣ Лесли онъ всегда являлся олицетвореніемъ доброты и мудрости, и она любила его всѣмъ сердцемъ. Онъ съ самаго дѣтства былъ въ тѣсно дружбѣ съ отцомъ ея. Отецъ Вальтера жилъ въ своей усадьбѣ Геронъ-Кастлѣ, томъ скромнѣйшемъ домѣ съ башенками, что стоялъ на холму противъ Грантли-мэнора, въ самой серединѣ такъ называемаго монастырскаго лѣсу, и Вальтеръ Сидней и Генри Лесли еще дѣтими играли вмѣстѣ и были пріятелями. Лесли былъ двумя годами постарше, и когда Вальтеръ, воспитанный почти всегда дома, пріѣхалъ въ Оксфордъ, робкимъ и неловкимъ юношею, страстно любившимъ науки, и на котораго новыя мѣста новыя лица наводили непреодолимый страхъ, Лесли встрѣтилъ его съ радостью и съ горячностью, которымъ не мало удивляли его веселыхъ и безпечныхъ университетскихъ пріятелей.

Отправляясь въ первый разъ въ Оксфордъ, Генри Лесли мысленно рѣшился, по окончаніи курса, жениться на своей двоюродной сестрѣ, Мери Торнтонъ, дѣвушкѣ скромной и тихой, дочери сельскаго пастора, которая была постоянною собесѣдницею и подругою его и Вальтера Сиднея съ той самой поры, какъ они могли только себя запомнить. Онъ бывало еще въ дѣтскихъ играхъ называлъ ее женою, и она выросла въ убѣжденіи, что они должны быть супругами, какъ скоро имъ выйдутъ лѣта; потому что онъ говорилъ ей это при каждомъ слезномъ разставаніи послѣ праздниковъ, и при каждой радостной встрѣчѣ въ слѣдующій праздникъ; такъ что, когда онъ однажды спросилъ ее не въ шутку, согласна ли она дѣйствительно быть его женою, она взглянула на него съ непритворнымъ удивленіемъ. Союзъ ихъ являлся ей просто продолженіемъ порядка вещей, которому она никогда не предполагала конца; родные одобряли ихъ взаимный выборъ, знакомые поздравляли ихъ; они были въ постоянной перепискѣ во время университетскихъ курсовъ, и проводили вакаціонное время вмѣстѣ, въ Грантли-мэнорѣ. Вмѣстѣ сидѣли они въ саду, вмѣстѣ скитались по лѣсамъ. Онъ училъ ее ѣздить верхомъ, она рисовала для него его любимыхъ борзыхъ. Вмѣстѣ читали они Вальтонова «Искусство удить рыбу» и пока онъ испытывалъ на дѣлѣ востановленіе знаменитаго рыболова, она по цѣлымъ часамъ проспивала подлѣ него, едва смѣя перевести дыханіе, чтобы не испугать чуткой «орела, готовой схватить крючекъ. Сколько разъ, въ глубокую осень, выходилъ

она въ поле встрѣчать его, и спросить много ли онъ настрѣлялъ уронатоку, и хорошо ли Юнона дѣлала стойку! сколько разъ, въ туманное зимнее утро, выѣзжала она на бѣломъ клеперѣ, котораго онъ подарилъ ей, посмотреть черезъ просѣку какъ спускали собакъ со своры! По вечерамъ сдѣли они обыкновенно въ старинной библиотекѣ, и вмѣстѣ смотрѣли планы его помѣстій; она затверживала имъ каждой деревушки, пролагала мысленно новыя дороги, расчищала новыя пашни. Потомъ они уходили въ бильярдную, гдѣ онъ удивлялъ ее искуснымъ сбиваніемъ шаровъ въ самыхъ мудреныхъ, самыхъ фокусныхъ положеніяхъ; или же въ укромномъ уголку гостиной обзигрывалъ ее въ шахматы. Иногда садились они за фортепіано, и голоса ихъ сливались въ прелестныхъ дуэтахъ. Тогда застѣнчивый и молчаливый Вальтеръ Сидней клалъ кистю на столъ, и заслушивался; а мать его, — которая, испытавъ въ супружествѣ одни огорченія и разочарованія, смотрѣла на взаимную любовь юной четы съ тѣмъ нѣжнымъ участіемъ, какое обыкновенно возбуждаетъ въ добрыхъ и загнанныхъ судьбою душахъ видъ счастья, которое они знали только въ своихъ мечтахъ, а не въ дѣйствительности, — раскваше играла въ вистъ и дѣлала безпрестанно реверсъ; за такое преступленіе супругъ ея справедливо гнѣвался, хотя и воображалъ, что переносилъ его съ истинно ангельскимъ терпѣніемъ; потому что онъ только клалъ карты на столъ, и говорилъ вроткими, убѣдительнымъ голосомъ:

— Сдѣлайте милость, мистрисъ Сидней, позвольте спросить, играете ли вы въ вистъ, или не играете?

При этомъ вопросѣ мистрисъ Сидней обыкновенно вздрагивала, направляла очки на носу, и съ удвоеннымъ вниманіемъ принималась опять за карты, сопровождая все это только едва слышнымъ восклицаніемъ: — Милыя дѣти! словно создаши другъ для друга!

То же самое, вѣроятно, думали и милыя дѣти, потому что они несколько не заботились о томъ, что говорилось и дѣлалось вокругъ нихъ.

Такимъ образомъ, тихъ и безмятеженъ былъ путь ихъ истинной любви, какъ-будто Шекспиру и въ голову не приходило говорить о невозможности такого порядка вещей. И любовь ихъ была истинна, не смотря на невѣріе Шекспира, не смотря на одобреніе родителей, не смотря на ровный, гладкій путь, который проложила ей благодѣтельная судьба. И истинно было ихъ счастье, когда, въ одинъ ясный лѣтній день, Генри Лесли и его

невѣста отправились въ приходскую церковь и дали другъ другу обѣтъ любви и вѣрности, въ присутствіи восхищенныхъ родныхъ и радующихся поселянъ; и когда они шли, при радостномъ звонѣ колоколовъ и при искреннихъ кликахъ оглашавшихъ воздухъ, по узкой тропѣ, которая вела изъ церкви къ Грантлэнвору.

И счастливъ былъ союзъ юныхъ супруговъ, потому что они вкушали то райское блаженство, которое, какъ говорятъ Коузеръ, одно пережило грѣхопаденіе нашихъ прародителей. Ни различіе нравовъ, ни охлажденіе, ничто не пустило горькой капли въ ихъ чистую чашу: она осталась чиста и сладка до дна. Отъ брака ихъ родилась дочь, та самая Маргарита, о которой мы говорили въ началѣ этой повѣсти. Когда ребенокъ отнесли въ приходскую церковь, и та же самая рука, которая соединила родителей, полила священную воду крещенія на голову младенца, Мери смотрѣла на мужа, и во взглядѣ этомъ сіяло блаженство, — слишкомъ большое, можетъ-быть, для нашей земли. Прошло два года; подъ большою пвою на старомъ кладбищѣ вырыли могилу, и въ эту могилу положили бранные останки юной супруги и матери, той самой Мери, которая такъ часто, ребенкомъ еще, играла на этомъ мѣстѣ. Она сама избрала его для своей могилы, когда, за нѣсколько дней до смерти, опираясь на руку мужа, приходила на мѣсто, гдѣ впервые было произнесено между ними слово любви; тутъ желала она быть похороненной, чтобы онъ никогда не могъ смотрѣть на это дерево, или сидѣть подъ тѣнью его, не вспоминая о той, которую смерть похитила изъ рукъ его въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ.

По желанію ея, на ея могилѣ не было ни пышнаго намятника, ни хвастливой надписи; простой каменный крестъ означалъ мѣсто, и на немъ былъ написанъ день ея рожденія, ея вѣчавія и смерти. Когда гробъ опустили въ землю, Генри Лесли въ отчаяніи бросился на могилу, и когда Вальтеръ Сидней старался утѣшить и успокоить его, онъ уныло качалъ головою, и на всѣ увѣщавія его отвѣчалъ, что жизнь ему постыла, что она утратила для него все сіяніе, которымъ озаряли ее ювость и надежда. Онъ истинно любилъ жену, и горестъ его по ней была непритворна; но если чувство истинно, это еще не значитъ, что оно глубоко; и если оно сильно, это не значитъ, что оно долговѣчно. Долго и сильно горевалъ онъ; но наконецъ время успокоило его горестъ; потомъ новыя надежды, новыя стремленія возникли въ его сердцѣ; новыя радости и новыя горести, но-

вѣя лишенія и наслажденія смѣнялись опять въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, которые онъ провелъ частью въ Италіи, частью въ арміи Пиренейскаго полуострова, частью наконецъ въ дальнихъ путешествіяхъ по морю и по сушѣ. Между тѣмъ на родитѣль его остался одинъ человекъ, который каждый день посѣщалъ могилу, гдѣ покоилась подруга его дѣтства и юности, втайнѣ собиралъ и хранилъ первые распускавшіеся на ней весенніе цвѣты; и былъ одинъ юный цвѣтокъ, который онъ дѣлалъ съ неуныпною заботливостью и любовью. Нескоро возникало чувство въ сердцѣ Вальтера Сиднея; но зато оно такъ глубоко пускало корни, что ихъ ничто уже не могло вырвать; за дочь Генри и Меря Лесли готовъ онъ былъ отдать жизнь. Какъ ни былъ онъ обыкновенно зарытъ въ свои книги и рукописи, не было того дня или того часу, когда онъ не былъ бы готовъ съ радостью бросить занятія, какъ скоро веселый и звонкій смѣхъ призывалъ его къ окну, привѣтствовать маленькую наѣздницу, горделиво гарцовавшую на своемъ шотландскомъ клеперѣ.

Генри Лесли оставилъ дочь въ Грантли-мэнорѣ, на попеченіи своихъ родителей; но они умерли въ его отсутствіи и Маргарита была отдана на руки устарѣлой гувернанткѣ, мистрисъ Дальтовъ, подъ надзоромъ жены благочиннаго, мистрисъ Торнтонъ, и Вальтера Сиднея, на котораго Лесли больше полагался, чѣмъ на кого-либо изъ своихъ родственниковъ. И это довѣріе его къ Вальтеру было счастьемъ для дѣвочки; потому что она, какъ единственная дочь, богатая наследница и красавица, подвергалась опасности быть совершенно избалованной, еслибы Вальтеръ не наблюдалъ за ея воспитаніемъ съ бдительностью отца и нѣжностью брата. Онъ скоро открылъ въ сердцѣ ея то неукротимое пламя, которое равно могуче въ добрѣ и въ злѣ, смотря по тому, какое будетъ дано ему направленіе. Безграницное снисхожденіе, которое оказывалось постоянно каждому ея дѣйствію, при многихъ дурныхъ послѣдствіяхъ, имѣло одно хорошее: Маргарита была самымъ правдивымъ существомъ въ мірѣ, и съ того самаго времени, какъ она начала лепетать нѣсколько словъ дѣтскимъ языкомъ, съ устъ ея никогда не сорвалось ни одного слова лжи. Это было не слѣдствіемъ особеннаго нравственнаго мужества, и признанія долга, а только результатомъ открытой, безстрашной души, и воспитанія, которое не обуздывало достаточно дурныхъ, но и не портило хорошихъ склонностей права ея. Въ этомъ, повторяю, не было особенной заслуги, — но все таки черта эта была прекрасна какъ ясный день, безоблачное небо,

какъ безмятежное зеркало озера; она придавала всему характеру очаровательную свѣжесть существа, вышедшаго прямо изъ рукъ Творца, и не испорченнаго еще губительнымъ дыханіемъ чело-вѣка; и какъ часто Вальтеръ, вглядываясь въ голубые глаза дѣвочки или отводя волоса, закрывавшіе ея прекрасный лобъ, съ нѣжностью прижималъ ея къ сердцу, и мысленно повторялъ слова Священнаго Писанія: «Существо, въ которомъ по истинѣ нѣтъ лжи!»

Когда она подросла, и въ дѣтской головкѣ ея стали роиться мысли, которыхъ ни бабушка ея, ни гувернантка, не могли понять, и въ душѣ ея пробудилось сознаніе способностей, которыя онѣ старались подавлять, потому что не умѣли давать имъ направленія; тогда она обращалась къ Вальтеру, и изливала передъ нимъ свою душу. И онъ понималъ языкъ ея, потому что въ высокомъ умѣ всегда есть какая то особенная простота, которая учитъ его понимать простоту дѣтства, и дѣлаетъ его доступнымъ ей. Когда она въ первый разъ постигла, что поэзія не есть одинъ наборъ словъ подъ размѣръ стиха, что бесѣда можетъ быть не одною болтовнею, что жизнь не есть дѣтская игрушка; — когда разнообразныя формы и значеніе жизни, ея дѣйствительность и таинственность, предстали ей въ новомъ видѣ, и въ непостижимомъ могуществѣ, — она опять обратилась къ Вальтеру, и онъ открылъ ей тѣ свѣтлыя истины, которыя даютъ значеніе нашему бытію, и цѣль нашихъ дѣйствіямъ. Онъ давалъ ей книги, наполнялъ умъ ея и воображеніе высокими помыслами, и благородными образами, охраняя ихъ въ то же время отъ всего, что могло бы запятнать ихъ чистоту. Самоотреченіе, во всѣхъ его проявленіяхъ, было любимымъ предметомъ его бесѣдъ, и предметомъ особеннаго его благоговѣнія. И глаза Маргариты блистали, щеки ея разгорались, когда онъ разсказывалъ ей великіе подвиги героизма, и самообузданія, истиннаго мужества души; когда онъ говорилъ о почтеніи, котораго заслуживаютъ мученики, умирающій за вѣру, воинъ, подставляющій грудь тысячѣ пуль для защиты родной земли, миссіонеръ, проповѣдующій ученіе Христово подъ ножемъ дикаря, или сестра милосердія, преодолюющая всѣ ужасы заразы, чтобы нести помощь или утѣшеніе въ жилище нищеты. Особенно обращалъ онъ ея вниманіе на тѣхъ одинокихъ мучениковъ, которыхъ подвиги покорности и самоотверженія совершаются втайнѣ; на тѣхъ скромныхъ страдальцевъ, которыхъ вся жизнь — рядъ безропотнаго горя, никому не извѣстный и не видимый, кромѣ Отца небеснаго.

Такой образъ мыслей старался Вальтеръ внушить своей ученицѣ; онъ рѣдко говорилъ о своихъ чувствахъ, но глубоко чувствовалъ, и всѣ поступки его были руководимы сочувствіемъ къ страданію. Вліяніе его на Маргариту было очень сильно, но болѣе обнаруживалось въ ея образѣ мыслей, чѣмъ въ дѣйствіяхъ. Онъ могъ внушить ей любовь ко всему великому и благому; но чтобы приучить ее не только сочувствовать, но и дѣйствовать, не только благоговѣть передъ великими подвигами, но и подражать имъ, — для этого слѣдовало бы съ самаго дѣтства неусыпно слѣдить за каждымъ ея дѣйствіемъ, за каждымъ помысломъ, и направлять ихъ къ этой цѣли. Только такимъ образомъ, или же собственнымъ строгимъ наблюденіемъ за собою, въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ, можетъ человѣкъ привести свои дѣйствія въ совершенное согласіе съ мыслями.

Изъ того, что умъ Маргариты отъ природы былъ способенъ постигать и уважать все великое, и что бесѣды съ Вальтеромъ научили ее благоговѣть передъ истиннымъ героизмомъ терпѣнія и самоотверженія, еще не слѣдуетъ, что она въ это время уже сама была героинею, или образцомъ самообузданія. Наставленія и примѣры его имѣли для нея ту пользу, что представляли ей всегда идеалъ совершенства, который не позволялъ ей судить о собственномъ своемъ характерѣ и своихъ помыслахъ съ тѣмъ свисхожденіемъ и самодовольствіемъ, въ которыя она иначе необходимо впала бы вслѣдствіе слабости своихъ воспитательницъ. Но между-тѣмъ какъ сердце ея сильнѣе билось при мысли о героизмѣ Іоанны д'Аркъ или дѣвы Сарагосской, черезъ нѣсколько минутъ оно точно такъ же забилось бы при видѣ самой ничтожной опасности, угрожавшей хорошенькой барышнѣ Грантли-мэнора. Глаза ея, правда, наполнялись слезами при разсказѣ о двухъ сестрахъ милосердія, которыя въ одну изъ самыхъ суровыхъ зимъ настоящаго столѣтія пошли пѣшкомъ изъ Парржа въ Барселону, чтобы ходить за чумными и оставались тамъ до-тѣхъ-поръ пока эпидемія не прекратилась совершенно; но въ то же время она сама проспивала по цѣлымъ днямъ въ своемъ уютномъ будоарѣ, раскинувшись въ покойныхъ и роскошныхъ креслахъ, и протянувъ ноги на рѣшетку камина, не отваживалась въ морозъ или въ дурную погоду навѣстить больную крестьянку или сельскую школу; тѣмъ болѣе, говорила она, что мистрисъ Дальтонъ такъ же хорошо распорядится и безъ нея, а бабушка всегда боятся, чтобы она не простудилась. Это не мѣшало ей однакоже въ другихъ случаяхъ находить, что опасенія ея бабуш-

ки сущая глушость и ребячество. Съ восторгомъ читала она житія святой Елисаветы венгерской и святой Маргариты шотландской, этихъ дочерей и жень королей, которыя не гнушались собственными руками обмывать язвы прокаженныхъ, отъ которыхъ родныя матери отворачивались съ омерзѣніемъ; но справедливо и то, что она съ трудомъ рѣшалась навѣщать мистрисъ Джонсъ, большую старушку, которую Вальтеръ поручилъ ей особенной заботливости, — потому что она жила въ тѣсной и душной конуркѣ, и имѣла нестерпимую охоту показывать ей свою большую ногу. Съ энтузіазмомъ говорила она о первомъ появленіи мистрисъ Фрай въ Нюгетской тюрьмѣ; о томъ какъ она затворивъ за собою дверь, одна, съ бібліею въ рукахъ, приблизилась къ этимъ свирѣпымъ женщинамъ, которыхъ до-тѣхъ-поръ обуздывали только вооруженною силою; заговорила съ ними, какъ съ сестрами и подругами, — голосомъ, о которомъ никто не можетъ имѣть понятія, не слыхавъ его, и котораго память неизгладимо запечатлѣвалась въ душѣ того, кто разъ его слышалъ; и правда, что въ эти минуты, лицо Маргариты горѣло мужествомъ, и сердце ея жаждало послѣдовать примѣру великой жены; — но какъ скоро представлялся случай испытать свое мужество, преодолѣть отвращеніе, боль, или даже одну усталость, всѣ эти высокіе помыслы самоотверженія рассыпались въ прахъ, и переходили въ разрядъ «добрыхъ намѣреній». Словомъ, не будемъ гайть истины, — Маргарита была избалованное дитя.

Мистеръ Торитонъ и его супруга, какъ ни различны были ихъ характеры во всемъ остальномъ, сходились совершенно въ одномъ: они наперерывъ старались потакать и льстить всѣмъ прихотямъ внучки. Мистеръ Торитонъ принадлежалъ къ числу тѣхъ кроткихъ, добрыхъ людей, которые слѣпы къ недостаткамъ тѣхъ, кого любятъ; онъ былъ вовсе не глупъ, а между-тѣмъ отзывался всегда о необыкновенной мудрости своей супруги и о рѣдкому послушаніи Маргариты съ такими похвалами и съ такимъ благоговѣніемъ, что старому пріятелю его, мистеру Сиднею, отцу Вальтера, стоило ужасныхъ усилій держать въ приличныхъ границахъ свое несовѣмъ ангельское терпѣніе.

Мистрисъ Торитонъ была также женщина добрая; этого нельзя отнять у нея. Но къ добротѣ присоединилось въ ней глубокое, непоколебимое убѣжденіе въ собственной мудрости; эта простодушная увѣренность внушала ей во всѣхъ обстоятельствахъ жизни такое самодовольствіе, и въ разговорѣ такой важный, учительскій тонъ, что людямъ, не столь слѣпымъ въ этомъ

отношеніи, какъ ея мужъ, иногда невозможно было удержаться отъ смѣху. Она была чрезвычайно легковѣрна, и имѣла притомъ привычку, имѣнія, высказанныя другими, принимать за свои собственные, и спорить за нихъ до слезъ, вовсе не замѣчая, въ своемъ счастливомъ невѣдѣніи, что они діаметрально противорѣчили имѣніямъ, высказаннымъ ею за четверть часа передъ тѣмъ. Ее никогда ничто не сбивало съ толку; никакая несообразность не поражала, самая очевидная улика не смущала ея. Между нею и мистромъ Сиднеемъ было нѣчто въ родѣ дружественнаго союза, служившаго для того, чтобы прикрыть малую толку взаимной непріязни; она забавляла его, но въ тоже время всегда возбуждала въ немъ нѣкоторое нетерпѣніе. Гдѣ бы они ни встрѣтились, за обѣдомъ ли, за завтракомъ, на пикникѣ или на вечерѣ, она непременно садилась подлѣ него, и оглушала его потокомъ философскихъ изреченій, политическихъ аксіомъ, таинственныхъ изданій, ученыхъ открытій, на которыя онъ отвѣчалъ мгновеннымъ хохотомъ, а если это ея не удовлетворяло, то и одобрительнымъ мычаніемъ. Въ дѣлѣ воспитанія, мистрисъ Торнтонъ принимала поочередно самыя противоположныя теоріи; но онѣ такъ быстро смѣняли одна другую, что испарялись обыкновенно въ однихъ словахъ; а какъ ничто такъ не упрочиваетъ успѣха, какъ твердое и постоянное стремленіе къ цѣли, то само собою разумѣется, что твердое рѣшеніе Маргариты, не имѣть надъ собою никакихъ властей, пережило всѣ системы властвованія, къ какимъ поочередно прибѣгала ея бабушка.

Мистрисъ Дальтонъ, въ самомъ началѣ поступленія своего въ должность, хотѣла было твердою рукою взяться за кормило; но попытка ея, благодаря твердому сопротивленію ученицы и явному содѣйствію бабушки, была отбита съ такимъ урономъ, что бѣдная мистрисъ Дальтонъ заблагодарасудила опустить флагъ, отказаться отъ неровной борьбы, и довольствоваться на будущее время одними вѣшными знаками власти. Такой мысленный уговоръ былъ очень по сердцу Маргаритѣ; потому что ей ничего не стоило оказывать своей гувернанткѣ самую безусловную покорность, пока воля ея была согласна съ ея собственною волею.

Теперь, послѣ того, какъ мы дали читателямъ нѣкоторое понятіе о характерѣ, о воспитаніи и о положеніи нашей героини, мы можемъ возвратиться въ бібліотеку, гдѣ лица, собравшіяся встрѣчать полковника Лесли, прождавъ его нѣсколько часовъ напрасно, собирались разойтись.

— Еще день ожиданія! еще день напраснаго ожиданія! вскри-

чала Маргарита, протягивая руку, чтобы взять свѣчу, которую зажигалъ для нея Вальтеръ, и идти въ свою комнату. — Не странно ли, что батюшка не ѣдет и не пишетъ?

— Оно въ самомъ дѣлѣ странно, отвѣчалъ Вальтеръ. Когда вы прощались съ нимъ въ городѣ, вѣдь онъ положительно обѣщалъ пріѣхать вчера? не такъ ли?

— Да, положительно обѣщалъ, и потомъ протянулъ мнѣ пальчикъ на прощаніе. Не смотрите на меня такъ сердито, Вальтеръ. Вы знаете, какъ я желала видѣть отца; какъ я радовалась, когда получила извѣстіе о скоромъ возвращеніи его послѣ долгаго отсутствія; въ какомъ нетерпѣніи, въ какомъ волненіи поспѣшила я ему на встрѣчу въ Лондонъ. Одна мысль занимала меня въ скучные часы проѣзда. Когда мы остановились на ночлегъ въ Ньюбери, я не смыкала глазъ во всю ночь, прислушивалась къ каждому удару маятника, считала каждую минуту, остававшуюся до утра; когда мы вѣхали въ Лондонъ, и понеслись по его улицамъ, я едва могла сидѣть спокойно на мѣстѣ; а когда мы пріѣхали, — о, вѣчно буду я ненавидѣть эту гостиницу! — «Полковника Лесли нѣтъ дома! вышли прогуляться!» — И я сидѣла одна въ этой проклятой квадратной комнатѣ, и ждала — ждала битыхъ два часа! потомъ онъ вошелъ....

— И развѣ онъ тогда былъ не ласковъ съ вами?

— Очень ласковъ, нечего сказать. Но кто же не ласковъ со мною? Докторъ Бартлетъ, лордъ Доннингтонъ также очень любезны, когда бываютъ у насъ. Зачѣмъ, Вальтеръ, ставемъ мы обманывать другъ друга? Никогда ни одной мысли не таила я отъ васъ, и не могу таить того, что теперь думаю. Отецъ не любитъ меня ни на волосъ, и чѣмъ скорѣе я свыкнуусь съ этою мыслью, тѣмъ лучше. Я всегда буду почтительною дочерью, по крайней-мѣрѣ постараюсь, сказала она, словами прландской пѣсенки, которую передъ тѣмъ твердила, и улыбалась сквозь двѣ крупныя слезы, которыя текли по щекамъ ея.

— Это безразсудное ребячество, милая Маргарита, сказалъ Вальтеръ. Ваше воображеніе разгорячилось въ ожиданіи прібытія отца, и создало себѣ несбыточную картину, которая не осуществилась; и потому что бѣдный Лесли отъ природы не сообщителевъ....

— А вы сами удивительно сообщительны?....

— Я?.... я, что старая баба, которая не можетъ не завилать хвостомъ, какъ скоро увидитъ тѣхъ, кого любить.

— О, Вальтеръ, милый Вальтеръ! желала бы я, чтобы вы были моимъ отцомъ.

Какое-то странное выраженіе мелькнуло на лицѣ Вальтера; но онъ отвѣчалъ спокойно:

— Ну, я не скажу, чтобы желала этого; потому что лишилъ бы Лесли сокровища, которое онъ, я увѣренъ, исполнѣ дѣлать; а вы не знаете, Маргарита, какъ я люблю вашего отца.

— Не больше, однако же, чѣмъ меня?

Глаза Вальтера отвѣчали, что онъ никого и ничего не могъ любить больше очаровательнаго маленькаго существа, дѣлавшаго ему этотъ вопросъ; но онъ покачалъ головою, и сказалъ:

— Полно, полно, Маргарита; пора вамъ иногда уступать другимъ; вы слишкомъ привыкли вездѣ занимать первое мѣсто.

Между-тѣмъ какъ Вальтеръ говорилъ эти слова, подошла къ нимъ мистрисъ Торнтонъ, и тотчасъ заступилась за Маргариту.

— Такъ и слѣдуетъ; она съ тѣмъ и воспитана; кому же между нами занять первое мѣсто, какъ не Маргаритѣ? Что же до твоего огорченія, моя милая, что будто отецъ твой не радъ тебѣ, это просто ребячество,—сущее ребячество, потому что....

— Я не говорила, что онъ не радъ мнѣ, перебила Маргарита, и щеки ея покрылись яркимъ румянцемъ, потому что она не всегда терпѣливо выслушивала разсужденія и споры своей бабушки.

— Но, моя милая, какъ же можетъ онъ радоваться тебѣ? Надо сначала узнать людей, чтобы полюбить ихъ. При этихъ словахъ она взглянула на Вальтера, будто хотѣла ему сказать, что послѣднее изрѣченіе было по его части. — Я никогда не любила дѣтей своихъ, до тѣхъ поръ, пока не знала ихъ.

— Когда же это было? спросила Маргарита лукаво; потому что, надо сказать правду, она была въ этотъ день въ очень нетерпѣливомъ расположеніи духа.

— Когда они ходили въ школу, моя милая, я всегда говорила сыновьямъ: «Теперь, мои друзья, мнѣ вѣтъ болѣе до васъ дѣла; мнѣ нечего болѣе говорить вамъ. Какъ скоро мальчики начнутъ ходить въ школу, онъ знать не хочетъ матери, въ грошъ ее не ставитъ; по этому я и васъ знать не хочу, и уываю себѣ руки. И не говорите со мною до тѣхъ поръ, пока не наступитъ время окончанія вашего ученія, и даже не подходите ко мнѣ; я васъ знать не хочу.

— Мнѣ однако же не поминется, возразилъ Вальтеръ, чтобы Джонъ и Евстафій очень строго соблюдали ваше приказаніе.

Танъ и льнули къ вамъ, когда приходили по праздникамъ домой.

— О, они никогда ни слова не слушали, что я имъ приказывала, отвѣчала мистрисъ Торитонъ: я всегда была для нихъ просто ничѣмъ.... нулемъ; какъ-будто меня не существовало. Они льнули ко мнѣ, и бѣгали за мною, потому что я кормила ихъ черносливомъ; но они не любили меня, не ставили меня ни во что; звѣнья родства между нами были разорваны, мы были чужіе.

Тутъ мистрисъ Торитонъ опять взглянула на Вальтера, потому что въ послѣдней фразѣ, по ея мѣтвію, было ужасно много поэзии; и на этотъ разъ взглядъ ея оказался не напрасенъ, потому что Вальтеръ улыбулся, подавая опять подсвѣчникъ Маргаритѣ, и собирался даже отвѣчать, если бы въ это самое мгновеніе стукъ подвѣзжающаго экипажа, лай собакъ, и сильный звонъ колокольчика не возвѣстили прибытія полковника Лесли въ свое помѣстье, послѣ десятилѣтняго отсутствія. Дверь быстро растворилась; вбѣжали двѣ собаки; Маргарита выступила впередъ; мистрисъ Торитонъ засуетилась, Богъ знаетъ о чемъ; мистръ Торитонъ, которому подагра не позволяла встать со всею живостью, какой бы онъ желалъ, протянулъ руку, и на прекрасной, открытой и почтенной лицѣ его засіяла такая улыбка, что лучше всякихъ словъ привѣтствовала пріѣзжаго. Вальтеръ казался еще задумчивѣе обыкновеннаго. Полковникъ Лесли поцѣловалъ Маргариту въ лобъ, пожалъ руки мистру и мистрисъ Торитонъ, и крѣпко сжалъ руку Вальтеру. Затѣмъ послѣдовало общее молчаніе, какое обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, когда каждый изъ присутствующихъ силится показать другимъ и увѣрить себя самого, что онъ удивительно счастливъ, между-тѣмъ какъ въ душѣ чувствуетъ, что ему какъ-то неловко, но что ни ему ни другимъ не должно бы быть неловко. Полковникъ Лесли, сказать правду, повидимому вовсе не считалъ нужнымъ такъ насловать себя; онъ сѣлъ въ кресла и принялся поправлять огонь въ каминѣ. Мистръ Торитонъ улыбался, пошюкивалъ табакъ, откашливался, и наконецъ спросилъ (что за задача придумать вопросъ челоуѣку, съ которымъ вы не видались впродолженіе десяти лѣтъ!), пріятно ли онъ провелъ время въ дорогѣ? Мистрисъ Торитонъ, которая рѣдко дозволяла другому въ ея присутствіи отвѣчать на предложенный ему вопросъ, предупредила полковника, и возразила мужу вопросомъ: Какъ же могъ полковникъ пріятно проводить время въ дорогѣ, мой другъ? Воз-

можно ли дѣло, чтобы человѣкъ, путешествовавшій по всему свѣту, какъ Лесли, могъ встрѣтить что-либо достойное его вниманія на нашей бѣдной родинѣ?

— Почему же нѣтъ, мистрисъ Торнтонъ? пробормоталъ шумъ, который всю жизнь свою сохранилъ обычай разсуждать съ женою, отъ каковой задачи всѣ, сколько-нибудь знавшіе мистрисъ Торнтонъ, давнымъ-давно отказались. Это все равно, если бы ты сказала, что Лесли не можетъ-быть пріятно видѣть насъ, потому что онъ привыкъ видѣть столько лѣтъ одни чудныя иностранныя лица.

Тутъ опять послѣдовало мертвое молчаніе. Последнее замѣчаніе повидимому смутило полковника Лесли, и самъ Торнтонъ едва успѣлъ его договорить, какъ почувствовалъ, что лучше было бы этого вовсе не говорить. Положеніе всѣхъ собесѣдниковъ, и безъ того уже неловкое, сдѣлалось теперь еще вдвое неловче. Маргарита, которой щеки все больше и больше разгорались съ самаго прибытія отца, поняла, что на ней лежала обязанность выручить всѣхъ, и заговорила первой. Она взглянула на Вальтера; но онъ сидѣлъ передъ каминномъ, и длинное лицо его было еще длиннѣе обыкновеннаго; длинныя его ноги были вытянуты, какъ будто вдругъ выросли въ пепомѣрную длину, а глаза неподвижно вперились въ огонь, будто были къ нему прикованы. Наконецъ, по какому-то счастливому вдохновенію, она схватила переднія лапы одной изъ прекрасныхъ собакъ, привезенныхъ отцомъ, и положила ихъ себѣ на колѣна, не заботясь объ опасности, котрою онѣ подвергали ея бѣлое кисейное платье. Потомъ, взглянувъ на полковника Лесли, она сказала робкимъ голосомъ:

— Что за чудесная тварь, эта собака, батюшка!

Лесли, будто внезапно пробужденный изъ думы, пристально посмотрѣлъ на дочь, и невольно протянулъ ей руку. Маргарита схватила ее, придвинулась къ отцу, и въ это мгновеніе всѣ присутствующіе почувствовали, будто тяжелый камень свалился съ ихъ душъ. Подали во второй разъ чай, и Вальтеръ, замѣтившій нѣжный взглядъ, который Лесли бросилъ на дочь, и лучъ удовольствія, просіявшій въ этихъ глазахъ, которыхъ онъ не могъ видѣть подернутыми тучею, вдругъ сбросилъ съ себя томительную молчаливость. Онъ заговорилъ съ своимъ давнишнимъ другомъ о мѣстахъ, которыя они посѣщали, о людяхъ, которыхъ они знавали въ молодости. Мистрисъ Торнтонъ, которая какъ канарейка всегда припималась громче щебетать, когда другіе говорили, ободрилась, и защебетала по своему обыкновенію; между-

тѣмъ какъ мужъ ея медленно оправлялся отъ непріятнаго сознанія, что неловко выразился въ затруднительномъ положеніи. Намъ же пора перейти къ другой главѣ, и объяснить почему лучше было бы мистру Торнтону оставить сдѣланное имъ замѣчаніе про себя, и почему это невинное замѣчаніе произвело такое сильное замѣшательство во всемъ обществѣ, собравшемся въ Гранта-мэнорѣ.

II.

Вскорѣ послѣ смерти жены, Генри Лесли оставилъ Англію и поѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ путешествовать по Италіи. Человѣка двадцати трехъ лѣтъ, никогда еще не покидавашаго своего роднаго города, ничто не могло лучше перемѣны мѣста и тревогъ путешествія пробудить изъ того унынія, которое заставило его искать за границею здоровья и развлечения. Прѣхавъ Францію и пробывъ нѣсколько недѣль въ Туринѣ и Миланѣ, онъ почувствовалъ себя именно въ томъ состояніи ума и души, въ которомъ мы всего болѣе готовы принимать новыя впечатлѣнія. Горечь печали исчезла и замѣнилась безотчетнымъ желаніемъ новыхъ сочувствій и новыхъ ощущеній. Страсть къ живописи и къ поэзіи, къ художественной сторонѣ жизни, овладѣла умомъ Лесли по-мѣрѣ-того, какъ онъ вѣзжалъ въ Италію. Вліяніе ея свѣжаго неба, обаяніе ея дивной природы, память ея прошедшаго,—былая ея слава и настоящая красота—все сильнѣе и сильнѣе дѣйствовало на его воображеніе; и изъ спокойнаго, холоднаго англійскаго помѣщика обратился онъ въ это время въ страстнаго поклонника этой дивной страны, которой одно ния полно волшебнаго обаянія, которой самыя недостатки привлекательны, страданія полны поэзіи и нищета живописна; страны, въ которой жизнь похожа на сонъ; гдѣ прошедшее едва ли не осязательнѣе настоящаго, гдѣ вѣчная жизнь бьетъ ключемъ изъ нѣдръ вѣчнаго разрушенія, какъ прекрасный цвѣтъ колышется на поверхности мрачнаго стоячаго омута; гдѣ на каждомъ шагу сталкиваются другъ съ другомъ: жизнь, въ самыхъ яркихъ, самыхъ ослѣпительныхъ цвѣтахъ, и смерть въ самой утѣшительной, самой поэтической формѣ. Съ своими безоблачными небомъ и безприливными морями, съ своими масляными рощами, одѣтыми въ неизмѣнно сѣрый цвѣтъ, съ горящими красками своихъ горъ и рѣкъ, съ торжественнымъ безмолвіемъ своихъ кипарисныхъ лѣсовъ и шумнымъ говоромъ своего безпечнаго народа, съ своими великолѣпными храмами, наполненными толпою жи-

выхъ модельщиковъ, и исполненными гробницами, жилищами вымершихъ народовъ, — Италія точно можетъ назваться страню живыхъ и страню мертвыхъ. Лесли понималъ это; онъ не искалъ общества, не принималъ участія въ шумныхъ увеселеніяхъ; онъ проводилъ безмятежные дни въ созерцаніи видѣній красоты и обаятельныхъ сценъ, которыя раскрывали передъ нимъ природа и искусство; и они являлись его душѣ, не какъ нѣчто новое, невиданное и не гаданное, а какъ осуществленіе давнишняго предчувствія или сновидѣнія. Не случалось ли многимъ изъ насъ въ своихъ мечтахъ чертить себѣ образъ той страны, къ которой стремятся наши помыслы, и потомъ, когда судьба приводила насъ въ эту страну, видѣть въ ней нѣчто уже знакомое? Тоже было и съ Лесли, когда онъ увидѣлъ въ первые Римское Поле.

Однажды утромъ сидѣлъ онъ на ступеняхъ церкви святаго Іоанна Латеранскаго, и, любуясь на лежавшій передъ нимъ ландшафтъ, невольно воскликнулъ вполголоса: — Это Римъ!... точно Римъ! узнаю его!

Молодой человѣкъ, сидѣвшій также на ступеняхъ церкви, съ рисункомъ передъ собою, услышалъ это восклицаніе, и поднялъ голову; радостная улыбка блеснула на его смугломъ итальянскомъ лицѣ, и онъ безмолвно кивнулъ головою въ знакъ одобренія. Это безмолвное пріѣтствіе познакомило ихъ, и они вступили въ разговоръ. Молодой Итальянецъ былъ живописецъ, и Лесли, взглянувъ на его работу, былъ пораженъ выказывавшимся въ ней талантомъ. Таинственная, грустная красота Кампаньи, противоположность ея опустѣнія съ яркостью ея красокъ, — все это было такъ хорошо схвачено въ эскизѣ, что Лесли, указывая на него, сказалъ ломаннымъ итальянскимъ языкомъ и съ улыбкою.

— И это также Римъ.

— Это также похоже на Римъ, отвѣчалъ молодой художникъ, какъ творенія человѣка похожи на творенія природы. То что я могу сотворить съ помощью этого, — продолжалъ онъ, указывая на кисти и палитру, не похоже ни на то, что я вижу вокругъ себя, ни на-то, что имѣю тутъ, и онъ указалъ на свой лобъ. — Тяжелый удѣлъ живо чувствовать, и слабо выражать!

Эти слова были произнесены такъ печально и такъ чистосердечно, что Лесли тотчасъ полюбилъ молодаго живописца и возвысилъ желаніе узнать его короче. Одно простое слово производитъ иногда такое сильное и странное впечатлѣніе; слово, кото-

рое мы можетъ-быть двадцать разъ слышали, вдругъ поражаетъ наше вниманіе, потрясаетъ, можетъ-быть, далекую, едва замѣтную струну нашего сердца, и какою-то магнетическою силою внезапно рождаетъ въ насъ сочувствіе къ тому, кто произдѣлъ его. Въ настоящемъ случаѣ причиною тому могло быть то, что грустная, пламенная любовь Итальянца къ своему искуству, и выраженное имъ горькое сознаніе неравенства произведеній его рукъ съ созданіями его фантазій, имѣли нѣкоторое сродство съ задушевными мыслями Лесли, который подъ своею спокойною, холодною наружностью, скрывалъ чрезвычайно воспримчивую душу и живое воображеніе. Быть поэтомъ въ глубинѣ души и не находить словъ, чтобы осуществить толпою возникающія въ душѣ мысли; сознать въ себѣ силу генія и вдохновенія; чувствовать пламя, которое тайнѣ сожигаетъ васъ, и не имѣть формы, въ которую могли бы вылить этотъ жгучій потокъ; чувствовать, что это священное пламя гаснетъ отъ недостатка воздуха и свѣту; создавать внутри себя то звуки радости, то печали, и никогда не слышать этихъ таинственныхъ пѣсенъ извнѣ; чувствовать, что можете таять страстною любовью, или горѣть негодованіемъ, между тѣмъ какъ голосъ вашъ имѣтъ, рука безсильна, глаза мутны!—это мученіе, которое можетъ-быть, испытать не одинъ робкій, молчаливый человекъ;—тотъ, на котораго смѣлый и самонадѣянный глупецъ, неумоляющій болтуны или писака, марающій сотни листовъ, смотрятъ съ равнодушіемъ надъ даже съ презрѣніемъ. И для такого-то человека имѣетъ иной разъ одно слово, одинъ взглядъ какую-то волшебную силу; передъ такимъ человекомъ открываютъ они внезапно врата, которые много и много лѣтъ были заперты передъ нимъ.

Знакомство, начатое на ступеняхъ церкви святаго Іоанна Латеранскаго, скоро превратилось въ тѣсную дружбу. Пламенная, поэтическая душа Лесли, которой не отчего было пробудиться въ мирномъ кругу семейныхъ обязанностей, и въ вроткомъ свѣтѣ ранней, безпрепятственной любви, вдругъ воспрянула къ жизни или вѣрнѣе, сознала свои силы; а въ Леонардо Феррари нашлось оныя себѣ товарища, котораго характеръ и склонности вполнѣ соответствовали состоянію собственной его души въ это мгновеніе. Феррари былъ энтузіастъ и художникъ, имѣлъ ливидъ и дѣятельнъ, простъ сердцемъ и восторженъ въ рѣчахъ; словомъ,—настоящій Итальянецъ. Въ фантазій его была вся роскошь природы,—въ чувствахъ, вся простота,—во взорѣ, весь огонь,—въ движеніяхъ, вся нѣга, характеризующія этотъ народъ, и состав-

двѣтисятъ тѣхъ этой страны, къ которой одинъ изъ ея поэтовъ обратилъ эти прекрасныя строки, полныя глубокой тоски:

Deh, fossi tu men bella. o almen piú forte,

Und'assai piú ti paventasse o assai

T'amassi men *.

Два мѣсяца проводили Лесли и Леонардо по цѣлымъ днямъ вѣтствъ, какъ можно проводить ихъ въ одномъ только Римѣ. Вѣтствъ блуждали они среди разваливъ умершей славы, разбросанныхъ въ видѣ природныхъ украшеній среди самаго роскошнаго, самаго волшебнаго края, какой когда либо создавала природа; блуждали среди остатковъ безпримѣрнаго человеческого могущества, среди памятниковъ вѣчной, божественной вѣры; въ катакомбахъ, этихъ мрачныхъ палатахъ доблестныхъ умершихъ, но незабвенной аренѣ, на которой кровь мучениковъ смыла пятно лжечества, и образъ умирающаго гладиатора исчезаетъ передъ образомъ святаго, отдающаго тѣло свое лютымъ звѣрямъ, а душу Богу; подъ сводами святаго Петра, въ галлерейхъ Ватикана, въ садахъ виллы-Дорин. Много одинокихъ церквей, много опустѣлыхъ виллъ, много безмолвныхъ сосновыхъ рощъ посѣщали они вѣтствъ въ часъ вечерней мглы; днемъ же Лесли почти безпрестанно сидѣлъ въ мастерской Леонарда, гдѣ живописецъ работаетъ съ религиознымъ усердiемъ къ своему искусству, съ усердiемъ не нашего времени, а давно-минувшихъ дней, когда художникъ не брался за кисть, чтобы начертать на полотнѣ образъ Спасителя, Святой Матери или Его Святаго, не преклонивъ сначала колѣна, и не почерпнувъ вдохновенiя въ теплой молитвѣ. Лесли выучился итальянскому языку, и въ первый разъ читалъ дивныя произведенiя итальянскихъ поэтовъ, сидя на обломкѣ мраморной пробинцы, поставленной вмѣсто скамейки въ Леонардовомъ саду. Немного,—но прекрасныхъ—цвѣтовъ украшали этотъ небольшой садикъ; на среднiй его игралъ фонтанъ, а надъ нимъ дѣли птички, въ влѣткахъ, издавали свою радостную пѣснь. Итальянское солнце разливало свой яркiй свѣтъ на стѣны мастерской, и глава Лесли часто переходила съ книги на полотно, на которое художникъ старался перенести одно изъ свѣтлыхъ видѣнiй своей фантазiи. Сюжетомъ картинъ было воскресенiе Янковой дочери. Живописецъ вливалъ въ ней всю свою душу; на всей картинѣ была одна только фигура, образъ дѣвушки, встающей съ

* *Filleaja, sonetto all'Italia.* «О, была бы ты не такъ хороша, или была бы сильнѣе! чтобы тебя болѣе боялись, или менѣе любили!»

одра смерти. Выраженіе ея лица, ея положеніе высказывали всю повесть лучше, чѣмъ если бы артистъ изобразилъ вокругъ нея и Спасителя, и Апостоловъ, и родителей ея, и толпу певѣрующихъ, обращенныхъ къ вѣрѣ совершившимся на глазахъ ихъ чудомъ; воображеніе представляло ихъ еще живѣе, можетъ-быть, чѣмъ могъ бы ихъ нарисовать художникъ. Въ образѣ дѣвушки было вѣчто такое неземное, — большіе глаза ея, за минуту смеженныя смертію, были такъ ясны и такъ полны святаго благоговѣнія; въ нихъ такъ хорошо сочетались неопредѣленное сожалѣніе объ исчезнувшемъ видѣніи, и дѣтская радость возвратившейся жизни; — на челѣ печать другаго міра, черезъ порогъ котораго она уже переступала, на полуоткрытыхъ устахъ привѣтъ міру, въ который она возвращалась, — что Лесли по цѣлымъ днямъ смотрѣлъ на картину, и съ каждымъ разомъ воображеніе его болѣе и болѣе приковывалось къ этой божественной и земной красотѣ. Ему казалось, что онъ никогда не видывалъ ничего подобнаго ни по красотѣ формъ, ни по ангельскому выраженію лица, дѣвушкѣ, написанной Леонардомъ.

Однажды утромъ онъ сидѣлъ въ своемъ любимомъ мѣстѣ, съ «Освобожденнымъ Іерусалимомъ» въ рукахъ, и только что оставившись на прекрасномъ стихѣ, которымъ заключается повесть Клориды: «*Passa la bella donna, e per che dogma*». Онъ устремилъ взоры къ полосѣ темносняга неба, простиравшейся надъ дворикомъ, и мысленно повторялъ чудныя октавы. Вдругъ размышленіе его было прервано восклицаніемъ Леонарда, который стоялъ сложивъ руки передъ своею картиною.

— Какъ далеко до ея красоты, до благочестія ея лица! И онъ съ досадою изломалъ свои кисти, и бросилъ ихъ на дворъ; обломки полетѣли къ ногамъ Лесли, который подвинулъ ихъ, улыбаясь этому бурному выраженію минутной досады, и спросилъ, кто этотъ идеалъ, который бросаетъ такую тѣнь на стоявшее передъ нимъ твореніе?

— Неужели вы не знаете? спросилъ Леонардо. Разумѣется моя сестра, Аминебра. Это ея портретъ, но если судить справедливо, онъ вовсе не похожъ на нее. Въ одномъ зорѣ ея глазъ больше души, на челѣ ея больше мысли, на устахъ больше любви, чѣмъ когда-либо могъ изобразить Рафаэль или Доменикино; гдѣ же мнѣ уловить ихъ? Увы, бываютъ минуты, когда я жалѣю, что видѣлъ ее, или что она такъ хороша! Она заставляетъ меня ненавидѣть свои картины.

— И ломать кисти, подхватилъ Лесли, подбирая обломки. Но

нѣ жаль, Леонардо, что это портретъ; мнѣ никогда не нравился обычай вставлять портреты живыхъ лицъ въ произведенія фантази, въ особенности же въ картины религіознаго содержанія.

— Отъ чего же? вскричалъ Леонардо; можно ли придумать что-нибудь болѣе полное религіознаго чувства, чѣмъ лицо Джиневры? Вы никогда не видали ее во время молитвы?

— Ни во время молитвы, ни другимъ образомъ, отвѣчалъ Лесли съ улыбкою. А очень желалъ бы ее видѣть.

— Мнѣ случалось быть въ церкви святаго Іоанна, когда лучи заходящаго солнца разливали обильный свѣтъ сквозь разноцвѣтныя стекла олтара; въ это время Джиневра становится на колѣна у рѣшетки олтара для вечерней молитвы. О, Лесли, я смотрѣлъ на нее до того, что меня наконецъ пугали лучи свѣта, игравшіе вокругъ ея головы; мнѣ казалось, что она, въ минуту религіознаго восторгу, отлетитъ съ земли на небо! И я успокоивался только, когда замѣчалъ такіе же лучи вокругъ головы матери Агнесы, которая, знаю я, не попадетъ прямо на небо, что бы ни дѣлала Джиневра!

— Гдѣ живетъ ваша сестра? спросилъ Лесли.

— Дома, въ Веронѣ, отвѣчалъ художникъ.

Въ названіи Вероны есть для Англичанина нѣчто родное, нѣчто обворожительное, какъ мечта поэта; оно манитъ его воображеніе, какъ небо Италіи; оно ласкаетъ его сердце, какъ воспоминаніе юности. Съ одной стороны природа, архитектура, историческія воспоминанія, слава Ломбардіи, соединяются въ этомъ имени; съ другой стороны геній присвоилъ его, и набросилъ на него чары, которыя не утратятъ своей силы до тѣхъ-поръ, пока Англичанинъ будетъ читать Шекспира, и гордиться тѣмъ, что онъ ему соотечественникъ. Лесли было двадцать-три года; онъ испыталъ счастье и горе, но не доходилъ до крайнихъ предѣловъ ни того, ни другаго. Горе только смягчило его сердце, и когда оно прошло, воображеніе его стало доступнѣе всѣмъ впечатлѣніямъ. Путешествіе, новый край, новый языкъ пробудили таившіяся пылы его души; притомъ онъ не утратилъ отличительной черты каждаго Англичанина, въ особенности когда онъ единственный сынъ и богатый наслѣдникъ: дѣлать что, когда, и какъ вздумается. Принявъ въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, никто не удивится, увидѣвъ, на другой день послѣ приведеннаго разговора съ Леонардомъ, новыхъ друзей, катящихся въ открытой бричкѣ черезъ Кампанью къ Болонѣ, съ цѣлю посѣтить Верону. Лесли возымѣлъ внезапное желаніе видѣть гробницу Джульетты и домъ

Капулетовъ; а едва ли не болѣе еще, познакомиться съ оригиналомъ картины, которую онъ столько времени любовался. Когда же онъ сказалъ о своемъ намѣреніи Леонарду, и предложилъ ему воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы завѣститъ своихъ родныхъ, молодой художникъ отвѣчалъ ему тою невыразимую итальянскою улыбкою, которая также непохожа на нашу сѣверную улыбку, какъ наше солнце не похоже на солнце Италіи, и которую каждый можетъ увидѣть, давъ грошъ первому встрѣтившемуся ему на улицѣ итальянскому ребенку; она засияетъ на лицѣ бѣдняка сквозь всю грязь и уныніе нищеты, какъ солнце сияетъ сквозь дымъ и туманъ лондонской атмосферы. Словомъ, Леонардо улыбнулся такою улыбкою, что Лесли пришелъ въ восторгъ, и пробывъ нѣсколько дней въ Болоньѣ, они ночью проѣхали ломбардскую равнину, и рано утромъ вступили въ Верону. Веронская Piazza dell'Erbe, безспорно одно изъ самыхъ очаровательныхъ мѣстъ на землѣ; въ особенности въ ясный майскій день, въ семь часовъ утра. Тутъ соединяется все, что можетъ придумать воображеніе, чтобы придать красоту рынку. Представьте себѣ все, что васъ наиболѣе очаровывало въ затѣйливой, угловатой, вычурной архитектурѣ среднихъ вѣковъ; ея формы и выступы, ея поразительные и въ тоже время полные гармоніи контрасты цвѣтовъ; представьте себѣ мраморные фонтаны, изъ которыхъ брызжутъ потоки воды; — представьте себѣ самую роскошную, самую яркую растительность; гіацинты, какихъ вы не увидите нигдѣ, кромѣ, развѣ, на картинахъ фламандской школы, лежащія цѣлыми грудами, и наполняющіе воздухъ своимъ ароматомъ. Представьте себѣ наконецъ живописныя группы черноокихъ женщинъ, въ бѣлыхъ меццаро и съ коралловыми ожерельями на шеѣ, подающихъ вамъ огромные пучки этихъ цвѣтовъ. Обернитесь теперь къ улицѣ, которая выходитъ къ площади; посмотрите, въ концѣ ея, на этотъ небольшой деревянный балконъ; это балконъ дому Капулетовъ; на дверяхъ еще красуется его гербъ.... Смотрите, передъ вами является образъ Джульетты, и въ ухахъ вашихъ, кажется, раздастся голосъ, шепчущій слова самаго Ромео.

Потомъ вспомните потоки золотого свѣта, которые итальянское солнце разливаетъ на эти затѣйливыя зданія, на эту искрающую воду, на эти роскошныя цвѣты, на этихъ черноглазыхъ женщинъ. Вспомните шумный говоръ людей, быстрые взгляды, пламенные улыбки, одушевляющіе эту волшебную картину; вспомните всѣ задушевыя мечты, сопряженныя съ именемъ Вероны; — и см.

это потомъ, но правъ ли былъ Лесли, когда, въѣзжая въ прекрасное майское утро на Piazza dell'erbe, онъ съ энтузіазмомъ итальянца воскликнулъ словами поэта: «Нѣтъ вселенной за стѣнами Вероны!»

Джиневра была дѣйствительно лучше написаннаго Леонардомъ портрета. Никакая картина никогда не представляла ничего подобнаго этому очаровательному существу; ни одинъ поэтъ не выражалъ пламенной нѣги ея темныхъ глазъ; ни одинъ скульпторъ не изваялъ такихъ прекрасныхъ формъ; дрожащія и дробящіяся лучи свѣту, которые играютъ на поверхности бурнаго моря, не такъ разнообразны, какъ свѣтъ озарявшій ея лицо, по-мѣръ-того, какъ надежда или радость, страсть или нѣжность, любовь или негодование одушевляли ея безукоризненныя черты. Когда Лесли увидѣлъ ее въ первый разъ, она стояла подъ портикомъ виллы, въ которую Леонардо вошелъ прежде его; въ одной рукѣ держала она руку брата, а другую протянула его товарищу, говоря на дивномъ языкѣ, котораго каждое слово звучитъ музыкою:

— Милости просимъ, вы, возвратившіе румянецъ его щекамъ, и огонь его глазамъ. Ему нужно было сочувствіе, и онъ нашелъ его въ васъ. Да испошлетъ на васъ Богъ благословеніе, какого заслуживаетъ тотъ, кто подастъ чашу холодной воды устамъ измуреннаго путемъ и жаждою странника. Вы будете жить у насъ; не правда ли, другъ Леонардовъ? Наше жилище не представляетъ удобствъ, къ которымъ вы привыкли въ Англіи, — продолжала она, переходя отъ прежняго восторженнаго выраженія къ нежности, и окинувъ взоромъ опустѣлое и запущенное зданіе, передъ которымъ они стояли, — но наше солнце и наши померанцевыя рощи, книги дяди Франческо, и дружба Леонарда постараются усладить вамъ пребываніе въ вашей пустыщѣ, а ваша снисходительность сдѣлаетъ остальное. Тутъ голосъ дѣвушки сталъ еще нѣжнѣе, а взглядъ, брошенный украдкою изъ подъ густыхъ рѣсницъ, показывалъ, что она ожидала чего то больше снисходительности. Изъ этого не должно заключить, что Джиневра была кокетлива. Нисколько; она была невпиппа, какъ ребенокъ, который убираетъ себѣ голову цвѣточнымъ вѣнкомъ, и смѣется отъ восторгу, увидѣвъ себя въ этомъ уборѣ въ зеркалѣ; она была чиста какъ лебедь, изгибающій свою крутую шею надъ зеркальною гладью воды, или какъ серна, устремляющая свои большіе, черные глаза на проходящаго. Не больше улыбающагося ребенка думала она о своей красотѣ; серна и лебедь не болѣе чужды умышленнаго кокетства, чѣмъ племянница отца Фран-

ческо, священника Руерскаго, и сестра живописца Леонарда. Но глаза ея говорили, какъ могутъ только говорить глаза сердца; щеки ея то рдѣлись яркимъ румянцемъ, то блѣдѣли съ непостижимою быстротою, когда Лесли рассказывала о далекихъ странахъ, лежавшихъ за тѣми свѣжными Альпами, что видѣлись изъ ихъ саду. Она училась англійскому языку, который на устахъ ея дѣлался вѣжливъ какъ ея родное небо, и учила его итальянскому, который дѣлался на его устахъ языкомъ страсти; когда же она, сидя вмѣстѣ подъ тѣнью вяза, читала прелестный романъ Лунджи да Порты, она казалась ему идеаломъ итальянской Джульетты; а когда онъ засталъ ее однажды на разсвѣтѣ прислоненною къ разбитой колоннѣ и протягивающею свою пустую корзину, чтобы показать шумной толпѣ нищихъ, что весь запасъ ея истощился, онъ почти желалъ бы быть однимъ изъ этихъ несчастныхъ, цѣловавшихъ край ея одежды и называвшихъ ее своимъ ангеломъ-хранителемъ. Такимъ-образомъ, каждый день, каждый часъ, въ каждомъ ея дѣйствіи, въ каждой бесѣдѣ, въ которой она изливала чистые помыслы своей пламенной, но безхитростной души, и высокое стремленіе своего духа, онъ познавалъ доброту и благородство, вполнѣ соответствовавшія видѣнію, которое онъ создалъ въ своей душѣ о той, чей образъ приковывалъ его въ мастерской Леонарда. Ежедневная жизнь ея являлась ему живымъ примѣромъ праведной, богоугодной жизни, которую святой Яковъ описываетъ въ немногихъ словахъ: «Утѣшать сиротъ и вдовъ въ ихъ скорби, и хранить свои помыслы неприкосновеннымъ міру»; и къ возникшей въ сердцѣ его любви присоединилось глубокое благоговѣніе, которое подчинило ее себѣ и освятило. Но когда онъ однажды переселивъ свое сердце, заговорилъ объ отъѣздѣ въ Англію, Джиневра побѣлѣла какъ каррарскій мраморъ, оживавшій подъ рѣзцомъ ея брата; Лесли поспѣшно отрекся отъ своихъ словъ, и гранитъ въ ея рукахъ сталъ блѣднѣть въ сравненіи съ ея щеками. Все это озарило внезапнымъ свѣтомъ добраго, но непреклоннаго воспитателя бѣдной сироты. Отецъ Франческо кротко но настоятельно увѣщавъ ее не внимать льстивымъ рѣчамъ, и избѣгать присутствія чужеземца, который молчалъ не передъ однимъ олтаремъ съ виномъ, и говорилъ Джиневрѣ о своей любви, а не о супружествѣ. Джиневра повиновалась; Лесли видѣлъ безмолвную борьбу ея со страстью, которая могла убить ея жизнь, но не могла отклонить ея отъ долга; и онъ, который слѣдилъ за нею, не спускалъ съ нея глазъ, жилъ свѣтомъ ея темныхъ очей, забылъ все на свѣтѣ, кромѣ ея улыбокъ.

ки и слезъ, забывъ всякій страхъ, кромѣ страху лишиться кумира, который онъ воздвигъ въ своемъ сердцѣ со всею необузданностью души, незнавшей доселѣ ни препятствій, ни противорѣчій, — онъ рѣшился, во что бы ни стало, назвать ее своею.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, исполненныхъ тревогъ, которыхъ хватило бы на цѣлую жизнь; нѣсколько мѣсяцевъ, въ которые онъ долженъ былъ побѣдить сопротивленіе отца Франческа, предубѣжденія Леонарда и возраженія собственныхъ своихъ родственниковъ, въ продолженіе которыхъ онъ разъ уже совсѣмъ было расстался съ Джиневрою, отчаяваясь въ возможности преодолѣть разлучившія ихъ препятствія; но потомъ возвратился въ самую пору, чтобы не допустить ее произнести монашескій обѣтъ. Наконецъ, послѣ долгой борьбы между страхомъ и надеждою, отчаяніемъ и радостью, составляющей второй отдѣлъ его жизни, столь же отличный отъ перваго, какъ пѣснь Данте отъ сцены Метастазіо, — онъ сталъ супругомъ прекрасной Итальянки.

Онъ опять былъ нѣкоторое время счастливъ, счастливъ по крайней мѣрѣ въ настоящемъ. Джиневра была для него всѣмъ на свѣтѣ; онъ любилъ ее съ тѣмъ необузданнымъ пыломъ, который дѣлаетъ человѣческую страсть чѣмъ-то страшнымъ, чѣмъ-то похожимъ на отчаяніе игрока, ставящаго все свое имущество на одну карту, — любовью, которая обращаетъ всѣ силы души на одинъ предметъ, сосредоточиваетъ всѣ чувства въ одной точкѣ. Онъ остался въ Италіи; зиму провелъ въ Римѣ, лѣто на Кюмскомъ Озерѣ. Онъ не рѣшался пересадить свой нѣжный цвѣтокъ юга подъ леденящее небо сѣвера; не хотѣлъ подвергнуть ее холодности, которою онъ зналъ, неминуемо встрѣтили бы ее неблагоприятные, закоснѣлые въ своихъ предубѣжденіяхъ родственники. И хорошо онъ сдѣлалъ! Они насладились своею долею счастья: два года любви и супружества, два года, проведенные среди самыхъ роскошныхъ благъ природы, два года безраздѣльнаго довѣрія и ежедневнаго, непрерывнаго счастья: не довольно развѣ этой доли счастья на жизнь одного человѣка? не должно ли ожидать конца такому счастью? и не лучше ли ему рухнуть разомъ, внезапно, чѣмъ медленно увядать и клониться къ упадку?

Не хочу я въ самомъ началѣ своего разсказа останавливаться на прискорбныхъ картинахъ; притомъ это только бѣглый очеркъ предыдущей жизни полковника Лесли. Еще разъ остался онъ одиокиимъ вдовцомъ, съ ребенкомъ на рукахъ, опять дочерью,

двумя или тремя годами моложе его маленькой Англичанки, Маргариты. Одна изъ тѣхъ внезапныхъ и злокачественныхъ лихорадокъ, которыя сѣютъ смерть между людьми, въ нѣсколько дней свела въ могилу вторую жену Лесли, и передъ смертью умоляла она его, отдать дочь на попеченіе ея родственниковъ и воспитать ее въ вѣрѣ матери. Лесли свято выполнилъ это желаніе. Это горестное событіе, вторично разрушившее все счастье его жизни, произвело въ немъ сильный, внезапный перерывъ, какіе обыкновенно дѣлаются лѣтами. Оно разрушило въ немъ всѣ мечты, оледенило, можетъ-быть нѣсколько ожесточило его. Никто не могъ сказать опредѣлительно, какъ онъ передесть свое несчастье. Онъ важно и торжественно сдалъ обѣихъ дочерей дѣмъ ближайшимъ родственникамъ и самъ отправился въ Испанію, а потомъ въ Индію. Онъ сталъ суровъ въ обращеніи; многіе считали его жестокосердымъ, — что онъ сталъ холодець, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Никто не могъ разгадать его порядкомъ, и очень немногіе любили его. Наконецъ онъ возвратился въ родную землю, въ свое семейство, и мы видѣли каковъ былъ его пріѣздъ послѣ десятилѣтняго отсутствія. Вторичный бракъ его былъ очень хорошо извѣстенъ въ Грантли-Мэпорѣ; но родственники его и первой жены не признавали его открыто, и никогда о немъ не говорили. Это былъ для нихъ непріятный предметъ, о которомъ на-строга было запрещено даже упоминать. Когда Маргарита была еще ребенкомъ, она одинъ разъ какъ-то слышала, какъ мистрисъ Торнтонъ, коснувшись нечаянно имени ея отца, сказала почти шопотомъ мистрисъ Сидней:

— Любезная мистрисъ Сидней, послѣ того несчастнаго итальянскаго дѣла, я никакъ не могу болѣе смотрѣть на него какъ на роднаго, и не думаю, чтобы онъ когда-нибудь вернулся въ свое семейство. Съ-тѣхъ-поръ я рѣшительно ненавижу Итальянцевъ.

На слѣдующій день Маргарита, не имѣвшая никакого понятія о томъ, что такое Итальянецъ, воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы спросить гувернантку, что такое бабушка разумѣла подъ «несчастнымъ итальянскимъ дѣломъ», и за что она такъ ненавидѣла Итальянцевъ?

— Занимайтесь своею книжкою, и не дѣлайте глупыхъ вопросовъ, мисъ Маргарита, отвѣчала мистрисъ Далтонъ: отвѣтъ очень благоразумный, но ни сколько не удовлетворительный. Когда, впослѣдствіи, Маргарита лучше поняла что такое Италия и Итальянцы, эти таинственные слова стали еще болѣе мучить ее, и она никогда не пропускала случая заговорить об-

этимъ предметѣ, потому что, какъ она объяснила одной изъ своихъ милостыныхъ подругъ :

— Какъ-скоро я заговорю объ этомъ, всѣ дѣлаютъ такіе странныя лица! бабушка подбираетъ губы и смотритъ на потолокъ; Вальтеръ хмуритъ лобъ и осматриваетъ свои сапоги; а дѣдушка треплетъ себѣ подбородокъ и начинаетъ отнашливаться.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? вскричала подруга, которая была нѣсколько помоложе Маргариты, и ослѣднее представляла себѣ это страшное дѣйствіе чѣмъ-то въ родѣ того, какъ дернутая нитка приводитъ въ движеніе Пунча, Юду и чорта. И тебѣ стѣитъ только заговорить объ Италіи, чтобы заставить ихъ дѣлать такіе лица? Странно!

Но мы знаемъ теперь, что тутъ не было ничего страннаго.

III.

Ярко сіяло солнце, когда на другой день по пріѣздѣ полковника Лесли въ Грантъ, все семейство собралось вокругъ чайнаго стола, съ несельми лицами, и если не всѣ съ радостными сердцами, то по-крайней-мѣрѣ съ сердцемъ полнымъ взаимной привѣтливости. Утро было холодное; стекла въ окнахъ были разрисованы тѣми изящными и причудливыми узорами, въ которыхъ воображеніе можетъ рисовать себѣ самыя очаровательныя ландшафты. Морозъ опушилъ вѣтви деревьевъ легкимъ инеемъ, и сверкалъ алмазами на поляхъ. Маргарита хозяйничала за чайнымъ столомъ, передъ шипящимъ самоваромъ, и хорошенькія ручки ея быстро суетились между стариннымъ серебрянымъ чайникомъ, большими чашками, синимъ фарфоровымъ сливочникомъ, и огромною, мастерски изукрашенною, сахарницею. Хорошенькій чепчикъ, съ розовыми лентами, прикрывалъ ей одинъ затылокъ: огромные глаза ея, казалось, похитили дивный цвѣтъ свой у гіацинта или у касатика, а голосъ ея звучалъ чище стоявшаго подлѣ нея серебрянаго колокольчика. Четыре пары глазъ безотлучно, съ любовью поковлись на ней, но каждая съ своимъ особымъ выраженіемъ; кромѣ глазъ фамильныхъ портретовъ, которые, казалось, также устремляли на нее свои взоры, и кромѣ глазъ Эбро и Таю, двухъ огромныхъ собакъ, которыя лукаво и вкрадчиво поглядывали то на нее, то на стоявшее передъ нею блюдо сладкихъ пирожковъ. Положивъ руку на черную голову одной, и бросая другой пирожокъ, она сказала Вальтеру:

— Вы, вѣдь, не поѣдете сегодня домой?

— Почему? спросилъ Вальтеръ, и взглянулъ сперва на нее,

а потомъ на полковника Лесли, который сѣдѣлъ съ противуположной стороны стола, и былъ погруженъ въ чтеніе газеты. Маргаритѣ показалось, что онъ этимъ взглядомъ хотѣлъ напомнить ей, что теперь просить его оставаться — было дѣломъ ея отца, а не ея; она покраснѣла, и прибавила вполголоса:

— Я увѣрена, что и ему пріятно будетъ, если вы останетесь у насъ; оставайтесь, Вальтеръ.

— Не могу; — въ-самомъ-дѣлѣ, не могу; меня ждутъ дома.

— Должно быть очень важное дѣло, что вы говорите это такъ важно.

— Важнаго тутъ ничего нѣтъ; а просто у насъ будетъ одинъ изъ моихъ друзей, и я долженъ быть въ Геронъ-Кастль, чтобы принять его.

— Вашъ другъ! любопытна бы я посмотрѣть на него!

— Что же тутъ такого любопытнаго?

— Да то, что онъ долженъ быть непременно чѣмъ-то необыкновеннымъ. Я до-сихъ-поръ никогда не слыхала, чтобы у васъ были друзья.

— Мнѣ очень прискорбно, что вы полагаете, будто у меня не можетъ быть друзей.

— Не то, что у васъ не можетъ быть друзей. У васъ есть друзья; дѣдушка вамъ другъ, я сама вамъ другъ; мистръ Каллигрю, старый кистеръ, даже мистрисъ Феллозъ вамъ друзья, — по своему. Но я никогда не слыхала, чтобы у васъ были друзья, такъ торжественно пріѣзжающіе къ вамъ въ Геронъ-Кастль; друзья, которыхъ вы не приводите въ Грантли, — о которыхъ вы отзываетесь такъ таинственно, — «одинъ изъ вашихъ друзей» — а не называете просто по имени.

— Чтобы показать вамъ, что тутъ нѣтъ ничего таинственнаго, я скажу вамъ безъ обвиняковъ, что друга моего зовутъ Эдмундомъ Невилемъ.

— Не тотъ ли, котораго вы нѣсколько лѣтъ назадъ спасли отъ смерти, въ Ирландіи?

— Тотъ самый.

— О, теперь я знаю, кто онъ такой, и могу быть спокойна.

— Отъ чего же вы не могли быть спокойны прежде?

— Отъ того, что я прежде воображала, что этотъ неизвѣстный другъ долженъ быть чѣмъ-то въ родѣ вашего двойника, совершеннымъ слѣпкомъ съ васъ.

— А другаго подобнаго мнѣ вы бы не вынесли?

Нѣтъ, не то, Вальтеръ. Я считаю васъ близкимъ къ совер-

шенству, на сколько возможно только человѣку подходить къ совершенству; еслибы другъ вашъ былъ совершенно вылить въ васъ, вы бы утратили достоинство оригинальности, единства; а плохого слѣпка съ васъ я не могла бы вынести.

— Такъ можете успокоиться; между нами такъ мало сходства, какъ только можетъ быть между двумя человѣками.

— Такъ ли онъ вамъ благодаренъ, какъ бы долженъ?

— Я не вижу, за что бы ему слѣдовало быть мнѣ такъ благодарну.

— Вѣдь вы спасли его отъ смерти?

— Я сдѣлалъ для него, что сдѣлалъ бы для каждого человѣка, видя угрожающую ему опасность. Въ этомъ я не нахожу большой заслуги.

— Большой заслуги! вскричала мистрисъ Торнтонъ; нѣтъ, любезный Вальтеръ, тутъ вовсе нѣтъ большой заслуги, крошѣ того, что этотъ поступокъ дѣлаетъ честь вашей неустрашимости и вашему самоотверженію; впрочемъ это въ-самомъ-дѣлѣ неблагоразумно, — подвергать опасности свою собственную жизнь.

— Это неблагоразумный примѣръ, которому врядъ ли найдутся подражатели, перебилъ съ нетерпѣніемъ полковникъ Лесли. — Что это за исторія, Вальтеръ?

— Позвольте мнѣ рассказать ее, подхватила Маргарита съ живостью.

Вальтеръ нетерпѣливо пожалъ плечами, а дѣвушка продолжала:

— Это случилось лѣтъ десять тому назадъ, когда Вальтеръ былъ въ Ирландіи и стоялъ въ домѣ мистра Невилля.

— Моя милая, прервала мистрисъ Торнтонъ, какое дѣло твоему отцу, въ чьемъ домѣ это случилось.

— А можетъ-быть и есть дѣло, спокойно замѣтилъ Лесли; это можетъ-быть мистръ Невилль изъ Клептоя? Я зналъ его въ Оксфордѣ.

— Тотъ самый, отвѣчалъ Вальтеръ.

— Мнѣ помнится, продолжалъ полковникъ, что онъ въ нашемъ клубѣ былъ однимъ изъ самыхъ отчаянныхъ Оранжевыхъ. Помню также его краснорѣчивую, жестокою рѣчь противъ эманципаціи католиковъ. Онъ былъ малый не глупый, но человѣкъ съ страшными предубѣжденіями.

— И такимъ остался онъ донинѣ, прибавилъ Вальтеръ. Пока пристрастіе или предубѣжденіе не сбиваютъ его съ настоящаго пути, онъ очень умный и благородный человѣкъ; но онъ сохранилъ всѣ ложныя понятія своего юности, а послѣдующія об-

стоятельства только больше еще укрѣпляли духъ къ его сердцу. Напрямѣрь, онъ положилъ себѣ за правило никогда не держать прислуги изъ католиковъ, и всегда соблюдалъ это правило съ свойственною ему строгостью; но случилось, что его лѣсничій, идя изъ тѣхъ потомственныхъ слугъ, которые наследуютъ должности отцовъ, какъ господа ихъ наследуютъ отцовскія имѣнья, женился на католичкѣ, которая воспитала сына въ своей вѣрѣ. Зная непреодолимые предубѣжденія своего господина, лѣсничій тщательно скрывалъ отъ него это обстоятельство; а какъ самъ онъ исправно ходилъ въ англикадскую церковь, и притомъ мистръ Невилъ мало заботился о семейныхъ дѣлахъ своихъ домохозяевъ, то онъ и не зналъ ничего о вѣроисповѣданіи Максвелла сына, и позволялъ ему быть постояннымъ товарищемъ и собесѣдникомъ молодого Невилъ. Играя и охотясь вмѣстѣ, молодые люди очень скоро подружались. Однажды, когда они вмѣстѣ лазили по деревьямъ парка, сучокъ поддонился отъ тяжести подъ Джономъ Максвелемъ, и онъ упалъ; его подняли безъ чувствъ, и нашли что онъ получилъ сильный ударъ въ голову, который имѣлъ большое вліяніе на его мозгъ. Долго лежалъ онъ въ постели; наконецъ выздоровѣлъ тѣломъ; но умственные способности его остались навсегда поврежденными, и во временахъ стали находить на него признаки совершеннаго разстройства ума. Сначала однакожь эти признаки не представляли ничего опаснаго; и такъ какъ это несчастіе еще усилло привязанность молодого Невилъ къ бѣдному товарищу, то сношенія ихъ продолжались по прежнему. Случилось, что Максвелъ приходилъ въ бѣшенство, но это бѣшенство никогда не обращалось на Эдмунда, къ которому онъ, напротивъ, всегда являлъ безграничную любовь и преданность. Между прочими забавами, мальчики любили бѣгать по крышамъ и башнямъ стариннаго помѣщичьяго дома; и разъ, когда они вмѣстѣ забавлялись этакъ, на Максвелла вдругъ нашелъ необыкновенно сильный припадокъ; онъ схватилъ товарища въ свои объятія, которыми обыкновенное раздраженіе придавало необыкновенную силу, и хотѣлъ сбросить его съ крыши, черезъ зубцы. Эдмундъ сначала подумалъ, что онъ шутитъ; но убѣдившись, что сумасшедшій дѣйствительно имѣлъ намѣреніе сбросить его, началъ бороться, и ухватился за одинъ изъ зубцовъ со всею силою отчаянія.

— И его спасли, перебила Маргарита, обращаясь къ эту — неустрашимость и присутствіе духа Вальтера. Увидя въ со двора эту отчаянную борьбу, онъ бросился туда; не думая о собствен-

вас опасности, набрался по уступкамъ и кардинамъ наружной стѣны на кровлю башенки, и поспѣлъ во время, чтобы вырвать несчастнаго изъ рукъ сумасшедшаго, который съ удвоеннымъ бѣшенствомъ бросился на него самого. Такъ это было, Вальтеръ?

— Точно такъ, отвѣчалъ Вальтеръ. Все это совершилось въ несколько минутъ, но это было ужасное зрѣлище, и я до сихъ поръ не могу вспомнить о немъ безъ содроганія. Слуги подошли мнѣ на помощь, и схватили сумасшедшаго, котораго припадки бѣшенства съ того дня такъ усилились, что его принуждали были заперать. Провшествіе это, разумѣется, надѣлало много шуму въ околodкѣ, и досужіе языки принялись сплетать о немъ самыя нелѣпыя слухи. Отецъ Невиль былъ сильно пораженъ имъ; скоро дошли до него и всѣ возбужденные имъ толки; между прочимъ узналъ онъ тутъ въ первый разъ, что товарищъ и пріятель его сына, едва не нанесшій ему смерти, былъ католикъ. Какъ человѣкъ умный, онъ конечно понималъ нелѣпость всѣхъ этихъ толковъ и слуховъ; но сокрытие отъ него истины показалось ему гнуснымъ обманомъ, и все это происшествіе придадо новую силу ненависти его къ католицизму, и безъ того уже пустившей глубокіе корни въ его душѣ.

— Ужасно! пробормоталъ Лесли.

— Это очень естественно, замѣтила мистрисъ Торнтонъ; какъ же можешь видѣть человѣка, который едва не убилъ вашего сына? Не понимаю какъ не принимать въ расчетъ человѣческое сердце? Да вотъ напримѣръ, я сама: я до настоящей минуты не могу смотрѣть равнодушно на Француза, съ тѣхъ-поръ какъ французскій учитель передалъ скарлатину моему Тамъ. Пришелъ весь красный, и такой охрипый.

— Полно, душа моя, возразилъ мистръ Торнтонъ; неужели ты думаешь, что онъ съ намѣреніемъ принесъ къ намъ скарлатину?

— Я ничего не думаю, мистръ Торнтонъ, ничего не утверждаю. Я не хочу ставить себя въ судья людскихъ помысловъ; а говорю только, что съ того дня по настоящее время не могу я видѣть Француза, чтобы не приходила мнѣ въ то же мгновеніе мысль о заразѣ. — И мистрисъ Торнтонъ принялась иждать улыбки въ канцѣ съ такою силою и съ такимъ гордымъ сознаніемъ своей свободы отъ предразсудковъ, что Лесли и Вальтеръ немедленно переглянулись и улыбаались.

Должно замѣтить, что ничто такъ легко не вызывало улыбку на уста полковника Лесли, какъ подобныя примѣры людской

глупости и слѣпоты; и при этомъ губы его заворачивались, глаза прищуривались съ выраженіемъ самого горькаго сарказма. Даже когда что-либо дѣйствовало, повидимому, на лучшую сторону его души, возбуждало въ немъ сочувствіе и удивленіе, и тогда онъ, казалось, смѣялся, — не надъ великими и благородными чувствами и поступками другихъ, а надъ тѣмъ, что самъ онъ могъ быть ими растроганъ; — и результатомъ этого тайнаго волненія была по большей части какая-нибудь горькая шутка. Когда онъ обжился въ Грантли-мэнорѣ, и возобновилъ свою прежнюю дружбу съ Вальтеромъ, онъ не могъ не уважать его характера и не дивиться его благородному образу мыслей; но онъ тщательно скрывалъ эти чувства, и безпрестанно старался обратить въ смѣшную сторону, если не самого Вальтера, то его причуды и ученія. Вальтеръ слушалъ эти насмѣшки съ самымъ стоическимъ равнодушіемъ; но онъ ужасно бѣсил его нетерпѣливую воспитанницу. Маргарита пламенно привязывалась къ своимъ мыслямъ, а раздражительный нравъ ея не терпѣлъ противорѣчій; привязанность же къ Вальтеру давала ей необыкновенно острое чутье на самые тонкіе намеки на него въ рѣчахъ полковника Лесли. Неразъ случалось Вальтеру, пробудившись нечаянно изъ разсѣянности, которая порою находила на него, видѣть какъ щеки ея покрывались яркимъ румянцемъ, и глазки сверкали негодованіемъ при какомъ-нибудь замѣчаніи, котораго онъ не разслушалъ, или въ которомъ онъ не замѣчалъ намека, а если и замѣчалъ, то не считалъ его колкостью.

Но пора намъ возвратиться къ дню, послѣдовавшему за прибытіемъ полковника Лесли въ Грантли-мэноръ, и сознаться, что наша юная героиня, лишенная общества Вальтера, и оставшись въ страшномъ для нея свиданіи съ глазу на глазъ съ отцомъ, не безъ труда удерживалась отъ нетерпѣнія или унынія. Когда же прошло еще два дня, и посѣщеніе изъ Геронъ-Кастля, на которое она такъ крѣпко полагалась, не пришло нарушить ихъ однообразія, послѣднее терпѣніе оставило ее.

На четвертый день, надежда ея была опять обманута; прождавъ до вечера, она рѣшилась приказать осѣдлать лошадь, и ѣхать въ приходскій домъ, куда мистръ и мистрисъ Торнтонъ возвратились въ то же утро, какъ Вальтеръ уѣхалъ изъ Грантли-мэнора. Этотъ приходскій домъ былъ самымъ прелестнымъ домикомъ, какой можно себя представить; низкій, одинокій дачный домикъ, къ которому постепенно пристраивали то тутъ комнатку, то тамъ уголокъ, такъ что за всѣми этими наростами нельзя

было и угадать его первоначальнаго виду. Частая сѣтка плющу и другихъ ползучихъ растений, и лучъ заходящаго солнца придавали ему въ этотъ ноябрскій вечеръ такой веселый видъ, какъ будто время подходило не къ зимѣ, а къ веснѣ. Нѣсколько далѣй и золотоцвѣтовыя украшали еще цвѣтниками, а вѣтви рябины гнулись подъ тяжестью своихъ коралловыхъ гроздій. У Маргариты стало легче на душѣ, когда она просканила паркъ и поѣхала къ желѣзнымъ воротамъ, отдѣлявшимъ его отъ земель приходящаго дому. А когда она стала приближаться къ самому дому, ей казалось, что окна, дымящіяся трубы, каждый лавровый кустикъ, стоявшій на окнахъ, все встрѣчало ее пріятливомъ улыбкою; дворовая собака залаяла и завилала хвостомъ; весело заскрипѣли ворота на своихъ ржавыхъ петляхъ, весело зазвенѣлъ колокольчикъ у дверей, и она соскочила со своей лошади такъ легко и весело, какъ бы не существовало тѣхъ скучныхъ трехъ дней, въ которые она взвѣшивала каждое свое слово, и робко поглядывала на полковника Лесли, въ полномъ убѣжденіи, что онъ считаетъ ее или дуροю или дѣвочкою безъ сердца.

Мистръ Торнтонъ, видѣвшій изъ своего кабинета пріѣхавшую внучку, поспѣшилъ къ ней навстрѣчу, поцѣловалъ ея раздумлившагося отъ морозу щечку, называлъ ее своимъ сокровищемъ, убѣждалъ не стоять въ дверяхъ на сквозномъ вѣтрѣ, и повелъ ее въ гостиную, гдѣ жена его сидѣла за своимъ безконечнымъ шитьемъ, которое было распорото почти столько же разъ, какъ шитье Пенелопы, хотя не съ такимъ умысломъ. Маргарита нѣжно поцѣловала бабушку, взяла изъ рукъ ея давно знакомую работу, бросила шляпу и хлыстикъ на кушетку, усѣлась въ мягкія, покойныя кресла, вдѣла иголку и принялась работать съ такимъ усердіемъ, какъ будто отъ того зависѣло ея существованіе на завтрашній день.

— Дѣдушка! вскричала она вдругъ; дѣдушка, теперь я знаю, что чувствуетъ бѣдная собака, когда съ нея снимаютъ ошейникъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? какъ же ты это узнала?

— Я сама была въ ошейникѣ эти четыре дня, отвѣчала она съ такимъ выраженіемъ, и такою улыбкою, что дѣдушка не могъ удержаться, чтобы не наклониться и не поцѣловать ее въ лобъ.

— Ахъ ты глупенькая дѣвочка! сказалъ онъ.

— Вотъ наприкладъ: когда вы, дѣдушка, говорите: «глупенькая дѣвочка!» — это значитъ: «милая, уменькая, неподобная

внучка!» — Батюшка же, когда я что-нибудь ему скажу, отвѣчаетъ: «Точно, правда, душа моя!» — а это значитъ: — «Чтобы глупой дѣвочкѣ держать языкъ за зубами!» — Вотъ это значитъ понимать значеніе словъ.

— Слова, моя милая, замѣтила мистрисъ Торнтонъ, съ учительскою важностью, — чуть не болѣе, какъ знаки вещей.

— Правда, бабушка; и есть вещи, которымъ лучше бы не имѣть знаковъ, чтобы не видно было никакихъ признаковъ ихъ существованія; напримѣръ ненависти отца къ дочери.... отвѣчала Маргарита, и голосъ ея дрожалъ отъ волненія и досады.

— Пустяки, душа моя, вскричалъ мистръ Торнтонъ; возможное ли дѣло, чтобы кто нибудь не любилъ тебя, а тѣмъ болѣе твой отецъ?

— Любви и нелюбви нѣтъ закону, мистръ Торнтонъ, подхватила его жена; я сама испытала, что можно чувствовать безотчетное влеченіе къ однимъ людямъ, и неприязнь къ другимъ. Напримѣръ я немогу смотрѣть на Мери Дикинсъ, служанку мистрисъ Сидней, или на того молодого пастора, что говорилъ проповѣдь въ прошлое воскресенье.

— Онъ косить, бабушка, а у Мери Дикинсъ кривой ротъ, и носъ точно бутылка, вскричала Маргарита, бросивъ быстрый взглядъ на висѣвшее противъ нея зеркало, которое, конечно представило ей личико нисколько не способное внушать отвращеніе.

— Въ это мгновеніе дверь отворилась, и вошли два человѣка, тѣ самые, которыхъ Маргарита напрасно прождала послѣдніе четыре дня. Вальтеръ Сидней дружески пожалъ ей руку и представилъ своего товарища. Молодой Невилъ вѣжливо поклонился, и потомъ отвернулся и отошелъ въ углубленіе окна, за пальцы мистрисъ Торнтонъ. Маргарита очень желала видѣть Эдмунда Невилля, во-первыхъ потому, что всю жизнь безпрестанно слышала о немъ; а во-вторыхъ, потому что надежда ея была обманываема впродолженіе трехъ дней. Теперь, увидѣвъ его, она совершенно разочаровалась; люди, о которыхъ мы много слышали и долго думали, рѣдко соответствуютъ нашимъ ожиданіямъ; и хотя Вальтеръ говорилъ ей напередъ, что пріятель его великъ ростомъ и довольно шедушно сложенъ, и что кромѣ прекрасныхъ темно-сѣрыхъ глазъ съ густыми бровями и рѣсницами, въ лицѣ его не было ни одной замѣчательной черты, однакоже она воображала себѣ героя романа, ни чуть не похожаго

на того мальчишку, — какъ она мысленно называла его, — что сдѣлать темеръ противъ нея.

Чтобы объяснить, почему ему слѣдовало быть героемъ романа, мы должны нѣсколько больше раскрыть таинственную ткань, которая сплетается въ умѣ дѣвушки въ то время, когда будущая судьба для нея еще неразгаданная тайна. Маргарита, подобно если не всѣмъ, то большей части дѣвушекъ, съ того самого времени какъ перестала воображать, что замужество должно придти само собою, и такъ же неизбежно, какъ наступаетъ время, когда дѣвушка снимаетъ короткое платьице ребенка, чтобы надѣть длинное платье, и поднимаетъ подъ гребенку волосы, прежде распадавшіе локонами по плечамъ, или какъ наступаетъ ей время обѣдать въ шесть часовъ вечера со взрослыми, а не въ два часа съ одною гувернанткой, — часто въ завѣтныхъ мысляхъ своихъ гадала о своей будущности. И не разъ впадало ей на мысль, что Эдмундъ Невилль, — другъ и почти, какъ она сама, воспитанникъ Вальтера, и притомъ наслѣдникъ богатаго имѣнія въ Ирландіи и одинъ изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ оксфордскаго университета, долженъ быть очень недурная партія для наслѣдницы Грантли-мэнора. На этой мысли создавалось много завѣтныхъ думъ, много гаданій о его вѣроятныхъ достоинствахъ, о его свойствахъ, о его наружности, и объ обстоятельствахъ, которыя должны сопровождать ихъ первую встрѣчу. И вотъ они встрѣтились, — но встрѣча ихъ прошла безъ всякихъ особенныхъ обстоятельствъ; и — что было еще досаднѣе, встрѣча эта не произвела на нее никакого особеннаго впечатлѣнія. Она обратилась къ Вальтеру и сказала:

— Нехорошо отъ васъ, Вальтеръ, что вы въ продолженіе цѣлыхъ трехъ дней явразу не подумали навѣстать меня. Скорѣе представьте свое оправданіе; не то я сочту васъ самымъ прехотливымъ и безпутнымъ человекомъ въ свѣтѣ.

Говоря это, она не могла удержаться отъ улыбки. Обвиненіе было такъ несообразно съ характеромъ Вальтера, что она не сомнѣвалась въ томъ, что онъ приметъ его за шутку; но къ крайнему ея удивленію онъ, казалось, нѣсколько смутился, и сказалъ, что два раза собирался въ Грантли-мэноръ, но какъ нарочно каждый разъ случалась какая-нибудь помѣха въ то самое время, какъ онъ уже садился на лошадь.

— Показали ли вы мистру Невиллю красоты нашего края? спросила Маргарита, которой очень хотѣлось заставить поговорить своего новаго знакома.

Невилл быстро обернулся къ ней; щелк его накрылись ярннмъ румянцемъ; проивцательный взоръ его остановился на мнчшомъ на ея лицѣ, и также быстро отвернулся. Онъ раскрылъ первую показавшуюся ему подъ руку книгу, — наставленіе хомшмантъ, какъ обходиться безъ пертинан, или нѣчто въ этомъ родѣ, — и сталъ читать ей шолголоса о томъ, какъ кроить блузу для ребенка; потомъ вызвался пересчитать ей стежни ея вязанья, и совершенно погрузился въ это пріятное занятіе, предоставивъ Вальтеру отвѣчать на вопросъ Маргариты. Но Маргарита, не привыкшая такъ скоро отказываться отъ разъ задуманной цѣли, какъ бы она ни была ничтожна, не давъ ему почти договорить, опять обратилась къ Невиллу съ новымъ вопросомъ: какъ онъ находитъ Бресъ-мурекій видъ, который она видѣла наканунѣ? На этотъ прямой вопросъ Невилл слегка вздрогнулъ, и отвѣчалъ не поднимая глазъ съ вязанія. — Прекрасенъ; чрезвычайно живописенъ и полонъ какого-то дикаго характера. — Потомъ онъ такъ торопливо подалъ вязаніе мистрису Торнтонъ, что спустилъ нѣсколько стежковъ; отошелъ къ цѣвтинку и принялся нюхать гераній и мять его листья, чтобы скрыть свое смущеніе и краску, выступившую на лицо.

— Уже становится поздно, душа моя, заирчалъ мистръ Торнтонъ, съ балкона передъ гостинною; лошадь твоя начинаетъ скачуть; не пора ли тебѣ собираться домой?

— Мы проводимъ васъ, сказалъ Вальтеръ; намъ почти по дорогѣ, а я желалъ бы показать Невиллу грантлейсиа березы, пока онъ еще не совѣтъ облажился.

— Нѣтъ, мнѣ надо ѣхать прямо въ Геронъ-Юотль, торопливо возразилъ Невилл; я долженъ еще написать письмо, чтобы отправить съ первою почтою. Но я знаю дорогу домой, такъ не заботьтесь обо мнѣ.

Маргаритѣ стало досадно; очевидно было, что пріятель Вальтера положилъ себѣ не знакомиться съ нею, и вслѣдствіи старался избѣгать ея общества. Сердце ея при этомъ слегка, едва прннѣтно забилось; не то чтобы это огорчало ее; — нѣтъ, даже не обижало. Какое ей было дѣло до того, удостоивалъ ли ее этотъ невѣжливый юноша своего вниманія, или нѣтъ? Она изъ одной учтивости, изъ одной любезности хотѣла-было завести съ нимъ разговоръ; теперь же ей рѣшительно все равно, увидитъ ли она его когда-либо въ другой разъ, или нѣтъ. Прискорбно ей было только за Вальтера, что у него такой невѣжа, такой бука пріятель. Вальтеръ, разумѣется, исполнилъ долгъ свой, и

поступилъ благородно, вырвавъ его изъ рукъ сумасшедшаго, собравшагося сбросить его съ кровли замка; но затѣмъ было звать его въ Геронъ-Кастль, чтобы возмущать только ихъ удовольствіемъ? Въ такихъ размышленіяхъ сѣла Маргарита на лошадь; но едва она успѣла ухватиться и себратъ поводья, какъ, обратившись къ оннанъ столовой, чтобы еще разъ проститься съ министръ Торнтонъ, глаза ея встрѣтились съ глазами Невилля, стоявшаго подлѣ ея бабушки. Они были устремлены на нее съ такою провинцательностью и неподвижностью, что Маргарита немалюпо опустила взоры и смутилась.

И не успѣли наши путники доѣхать до воротъ парка, какъ въ умѣ дѣвушки уже сложилось цѣлое зданіе предположеній. Вальтеръ, думала она, давно уже задумалъ устроить свадьбу между своимъ другомъ и ею; онъ, вѣроятно, даже намекнулъ о томъ Невиллю, что, сказать мимоходомъ, съ его стороны очень неблагоразумно, потому что, это было причиною неловкости ихъ и взаимной принужденности, которую уже не такъ легко разсѣять. Когда они подѣхали къ колѣну аллеи, мысли Маргариты уже обратились на другой вопросъ: не слишкомъ ли онъ малъ и шедущемъ, чтобы слыть за человѣка не дурной наружности? да и согласается ли она выйти за-мужъ за Ирландца? вѣтъ ли въ рѣчи его слѣдовъ ирландскаго произношенія? и наконецъ, доставить ли онъ ей когда-нибудь случай удостовѣриться въ послѣднемъ обстоятельстве? Маргарита не могла терять много времени на изслѣдованіе этого вопроса; потому что не великъ былъ у нея обыкновенно промежутокъ, отдѣлявшій зарожденіе мысли въ умѣ отъ изліянія ея въ словѣ; она не принадлежала къ тѣмъ могучимъ натурамъ, сильнымъ въ добрѣ и въ злѣ, которыя умѣютъ молчать, когда молчаніе для нихъ пытка, но пытка, въ которой душа успѣваетъ укрѣпиться противъ искушенія или собрать все силы своего гнѣва. Едва мысль рождалась въ головѣ Маргариты, она должна была высказать ее, особенно когда подлѣ нея былъ Вальтеръ. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Едва прошло нѣсколько минутъ послѣ того, какъ она сѣла на лошадь, она, какъ говорится, взяла звѣря за рога, или вѣрнѣе, схватила лошадь своего спутника за холкъ и, навивая жесткій волосъ на свой нѣжный пальчикъ, спросила:

— Долго будетъ министр Невилль гостить у васъ?

— Еще пробудеть, я думаю, нѣсколько дней. Какъ онъ вамъ нравится?

Узнавъ изъ приходскаго дому, Маргарита, вѣроятно, отбѣчала

бы: «Очень не нравится.» Но въ послѣднемъ взглядѣ, который она подсмотрѣла сквозь плюшевую рѣшетку, заслоняющую окно столовой, было вѣчто такое, что побуждало ее повременить своимъ невыгоднымъ приговоромъ. Она сочла благоразумнѣе не дѣлать прямого отвѣта, и сказала съ улыбкою:

— Сказать правду, онъ, кажется, вовсе не расположенъ доставить мнѣ случай судить объ этомъ.

— Надо полагать, сказалъ Вальтеръ шутливо, что онъ васъ испугался.

— Испугался меня! вскричала Маргарита, заливаясь веселымъ дѣтскимъ хохотомъ. Желала бы, чтобы это была правда! мнѣ хотѣлось бы видѣть, что кто-нибудь боится меня! Доселѣ, Вальтеръ, я не могла заставить даже школьныхъ ребятшекъ бояться меня, какъ ни старалась я дѣлать строгое лицо и принимать бранчивый тонъ. Намедни еще грозилась я выгнать изъ комнаты жирнаго Мартина Дика, сына столяра; и что же? онъ приставилъ большой палецъ къ носу и раскинулъ остальные пальцы, смѣясь мнѣ въ глаза съ такимъ добродушнымъ нахальствомъ, что я сама расхохоталась и уронила свою начальническую важность.... И что у него за черные пальцы! прибавила Маргарита, хохоча отъ одного воспоминавiя, и стараясь перенять жестъ негоднаго мальчишки.

При этомъ она была такъ мила, что Вальтеръ сказалъ послушаво, полуугромю:

— Если Мартинъ Дикъ васъ не боится, это не значитъ, что и другiе васъ не боится.... не боится слишкомъ полюбить васъ, опасная волшебница!

— Полюбить меня больше чѣмъ я стою, Вальтеръ? не такъ ли? Ну, вамъ, пожалуй, можно этого бояться, хотя и то мнѣ кажется очень труднымъ, чтобы не сказать, невозможнымъ; но мистру Невиллю, кажется, не съ чего бы этого бояться!

— О! Маргарита, Маргарита! въ первый разъ въ жизни измѣнила ты строгой истинѣ. Развѣ не думала ты, въ то самое время, какъ эти слова сходили съ твоихъ устъ, что именно такого рода боязнь могла побудить кого-то избѣгать тебя въ гостиной пастора и смотрѣть на тебя украдкою сквозь рѣшетку плюща. И не ты ли пача втайнѣ раздумывать, почему бы Эдмунду Невиллю бояться, чтобы ты не слишкомъ приглядѣлась ему, избѣгать твоего знакомства, когда худшее что могло предстать ему, было — что онъ влюбился въ одну изъ самыхъ обворожительныхъ наслѣдницъ, какiя когда-либо гарцовали на кроввой арабской ло-

шади, въ ту, что въ эту самую минуту, предоставивъ вѣтру играть вырвавшимся изъ-подъ шляпы русыми ея локонами, нагибаетъ головку, подъ широко раскинувшимися сучьями стараго дуба; или, выйдя въ бору на открытую поляну, выпрямляется, откидываетъ назадъ безпокойные локоны, и затягиваетъ поводья коню, который изгибаетъ шею въ дугу, встряхиваетъ гривую, скачетъ и пышетъ какъ будто надежда побѣды, гордость красоты, помыслы юности, мечты счастья, волшебныя видѣнія которыя воображеніе чертитъ на чистыхъ листкахъ будущаго, волнуютъ и его сердце, блещутъ въ его очахъ, какъ они волнуютъ сердце и блещутъ въ очахъ прекрасной его повелительницы.

IV.

Между-тѣмъ, какъ Вальтеръ скакалъ рядомъ съ Маргаритою по извилистой дорогѣ, огнившей террасу парка, раздался громкій выстрѣлъ изъ-за дому, гдѣ лѣспичій разряжалъ ружья; лошадь Вальтера испугалась, отскочила въ сторону, наступила на обломившійся кирпичъ у подножья забора, споткнулась и упала, придавивъ всѣмъ своимъ вѣсомъ ногу Вальтера, запутавшуюся въ стремени. Высвободившись изъ-подъ лошади, онъ почувствовалъ, что нога его сильно ушиблена, и только съ помощью слуги, выскочившаго на шумъ изъ дому, могъ онъ кое-какъ дотащиться до подъѣзда, гдѣ едва не лишился чувствъ отъ боли. Его тотчасъ перенесли въ покои, съ давнихъ лѣтъ отведенные ему въ Грантли Мэнорѣ, и состоявшіе изъ веселенькой спальни съ круглыми окнами, и небольшой гостиной; и Маргарита, уложивъ его на кушетку и призвавъ мистрисъ Рамсей, ключницу, чтобы она употребила всѣ средства, какимъ могла научить ее многолѣтняя опытность, сама пошла въ кабинетъ отца, уведомить его о случившемся. Она постучалась въ дверь — другой, третій разъ, и не получая отвѣта, тихонько отворила ее. Полковникъ Лесли сидѣлъ передъ огнемъ, закрывъ лицо руками, такъ неподвижно, что Маргарита не знала спать ли онъ или просто задумался. Не смѣя прервать его сонъ или думу, Маргарита суетилась вокругъ отца до-тѣхъ-поръ пока онъ не обернулся, и не испугалъ ее въ свою очередь внезапнымъ вопросомъ: «Кто тамъ?» Дрожащимъ голосомъ рассказала она несчастіе Вальтера; она была такъ блѣдна, на лицѣ ея написано было такое безпокойство, что суровое лицо полковника смягчилось; онъ вѣжно обхватилъ ее станъ, и велѣлъ вести себя въ Вальтерову комнату. Когда они пришли, врачеванія мистрисъ Рамсей начинали уже произ-

водить желанное дѣйствіе; но-крайней-мѣрѣ такъ должно было заключать изъ улыбки, которую Вальтеръ почувствовалъ къ и чрезъ его увѣреній, что хотя онъ не могъ ступить на ногу, однако же не чувствовалъ въ ней почти никакой боли. Правда, что смерщевый лобъ и легкое нервическое подергиваніе въ рукахъ не подтверждали истинны его словъ; но Маргарита довольствовалась увѣреніемъ. Молодости такъ ненавистна печаль, что она рада хватиться за каждое слово, которое избавляетъ ее отъ необходимости печалиться.

— Только бы скоро прошла боль! вскричала она, наклонившись надъ Вальтеромъ, поправляя ему подушки и накрывая ему ноги своимъ розовымъ баржевымъ платкомъ: а ужъ мы не будемъ слишкомъ пѣнять на случай, который привязалъ нашего стараго пріятеля за ногу къ нашему дому; въ буквальномъ смыслѣ, привязалъ его за ногу. Такъ, измѣнивъ Вальтеръ, мы подрѣзали вамъ крылья и вы должны оставаться, *volens volens*, какъ вы говаривали встарину. Вы видите, что я еще не совсемъ забыла латынь.

— Вижу, отвѣчалъ Вальтеръ: и если вы также хорошо помните свой родной языкъ, то я попрошу васъ написать записочку моей матери; потому что, какъ мнѣ кажется, вы и Лесли не намѣрены отпустить меня теперь домой.

— Объ этомъ и думать нельзя въ твоемъ положеніи, подхватилъ полковникъ Лесли: а кстатъ, какъ гость твой, молодой Невилъ, сынъ моего стариннаго пріятеля, и, пожалуй, безъ тебя будетъ въ тягость твоему отцу, то приглаши его сюда. Онъ можетъ здѣсь стрѣлять и травить зайцовъ сколько душѣ угодно; а Маргарита, я надѣюсь, постарается занять его по вечерамъ.

— Благодарю, сказалъ Вальтеръ: если онъ вамъ не будетъ въ тягость, я буду очень радъ пригласить его.

— Написавши записку мистрисъ Сидней, Маргарита, и поцѣливъ съ человѣкомъ. Да вели ему дорогою зайти къ доктору Бартлоу; пусть онъ попроситъ доктора побывать сегодня же вечеромъ. По безпокойству Вальтера я угадываю, что онъ еще больше страдаетъ отъ ушиба, чѣмъ говорить.

Маргарита поспѣшила въ бібліотеку писать записку. Это было, по ея мнѣнію, дѣло не маловажное. Во-первыхъ, надо было уведомить мистрисъ Сидней о несчастіи Вальтера съ осторожностью, чтобы не испугать ее; потомъ слѣдовало писать о мистрѣ Невилѣ; по всѣмъ вѣроятностямъ записка будетъ ему показана, а люди склонны составлять себѣ понятіе о восторженныхъ

но ихъ писать. Сама же она была бы очень любопытна читать какую-нибудь записку Эдмунда Невилла, чтобы видѣть какой у него почеркъ; такъ отчего же и ему не быть такъ же любопытну въ отношеніи ея. Если бы онъ не видѣлъ своей доли любопытства, не смотрѣлъ бы такъ на нее изъ-за вѣтвой шлюща.

На серебряной чернилицѣ, въ библіотекѣ, лежало три пера, уже поддержанныя: два обсохшія чернилами, и одно бережно обертное. Маргарита взяла послѣднее.

Каждый, кому случалось писать одну изъ тѣхъ важныхъ записокъ, которыя заставляютъ пишущаго задуматься о минутѣ, когда она будетъ получена, и о лицѣ, которое будетъ ее читать, знаетъ, что за это дѣло всегда принимаются особенныи образомъ, съ особенными предосторожностями. Обыкновенно пишущій выбираетъ, какъ Маргарита, самое свѣжее перо; обманываетъ его съ чрезвычайною осмотрительностью, наблюдая, чтобы чернилъ было на мѣсть не слишкомъ много и не слишкомъ мало; дрожить надъ каждымъ штрихомъ, чтобы онъ не вышелъ невсень, между-тѣмъ какъ въ обыкновенныхъ случаяхъ ему вѣтъ дѣла ни до четкости письма, ни до труда, который онъ готовитъ читателю; да-лѣе, онъ тщательно извѣщиваетъ всѣ сколько-нибудь сходныя по смыслу слова, и считаетъ весьма важнымъ вопросомъ, какъ титуловать ему своего корреспондента: милостивымъ ли государемъ, или почтеннѣйшимъ, или любезнѣйшимъ, и какъ подписаться: покорнѣйшимъ ли слугою, или просто, преданнымъ. Потомъ новая забота съ адресомъ, который все кажется ему не довольно четкимъ и красивымъ, и съ средствами доставки, изъ которыхъ ни одно не представляетъ ему достаточной надежности, и которые, кажется ему, на этотъ разъ именно, на зло, окажутся неисправными. Маргаритѣ по-крайней мѣрѣ нельзя было безпокоиться на счетъ послѣдняго, потому что средство доставленія не подлежало ни одному изъ непредвидимыхъ случаевъ, которыми могутъ подвергаться письма въ многосложныхъ почтовыхъ операціяхъ. Поэтому, какъ скоро записка была придумана, раздумана, передумана, и наконецъ написана вполне удовлетворительно, она сдала ее швейцару, съ приказаніемъ немедленно отпривать ее съ человѣкомъ въ Геронъ Кастль и строго наказать посланному, чтобы онъ дождался отвѣта, и чтобы не забылъ дорогою завернуть къ доктору Барлету. Окончивъ это важное дѣло, она пошла въ свою комнату поразмыслить о событіяхъ дня, и о вѣроятныхъ ихъ послѣдствіяхъ.

Цѣти для каждого своя помнота имѣеть какую-то особую пре-

лестъ ; каждый, вступая въ свою комнату, ощущает какое-то тайное обаяніе. Но *своя комната* молодой дѣвушки совѣмъ непохожа на чью-либо другую *свою комнату*. Приближаясь къ старости, мы запираемъ за собою дверь для того, чтобы насладиться спокойствіемъ, чтобы укрыться на время отъ міра и его заботъ ; иногда для того, чтобы съ благодарностью помыслить о дарованныхъ намъ милостяхъ, или о миновавшихъ насъ опасностяхъ ; иной разъ, чтобы въ безмолвіи вызывать тѣни прошедшихъ благъ, память былаго счастья ; въ горести — чтобы на колѣняхъ вымолить себѣ миръ или искать отдохновенія въ душѣ, въ счастья — чтобы умленно благодарить Творца, или бодро приниматься за дневный трудъ ; словомъ, мы уединяемся, чтобы мыслить о дѣйствительности, собирать силы и подкрѣплять духъ на день испытанія, перечувствовать горе и радость : потому что до конца жизни скорбимъ мы и радуемся, но радость стала спокойна, а скорбь — сурова : цвѣтъ опалъ и что остается ? сухая шелуха или прекрасный плодъ ! Но когда молодая дѣвушка входитъ въ свою комнату и притворяетъ за собою дверь, она изгоняетъ всю скучную дѣйствительность и вступаетъ въ міръ очарованія. Потупить ли она взоры въ полъ, или устремить ихъ бессознательно въ обширный ландшафтъ, въ одно дерево или въ черепичную кровлю, видѣющуюся изъ окна ея ; или же скорыми шагами ходить взадъ и впередъ по тѣсной своей комнаткѣ ; будьте увѣрены, что духъ ея создаетъ, мысль ея перебираетъ, воображеніе чертитъ явленія, которыя завѣса будущности еще скрываетъ отъ ея взоровъ ; она слѣдитъ за ними съ участіемъ и волненіемъ, какія рѣдко возбудитъ въ ней дѣйствительная жизнь, и дѣтскія тайны ея уединенія составляютъ самую отрадную, самую дѣятельную часть ея жизни. Такъ было и съ Маргаритою ; между тѣмъ какъ горючкая накалявала ей двѣ камелии въ волосы, она думала о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ отправленнаго ею приглашенія дотога, что голова ея заболѣла отъ напряженія мысли.

Къ счастью ея въ это мгновеніе вошла мистрисъ Дальтонъ съ букетомъ тепличныхъ цвѣтовъ, который ежедневно приготовлялъ для нея старикъ садовникъ : къ большому еще счастью, послѣ нѣкоторыхъ общихъ выраженій соболѣзнованія къ несчастію Вальтера, мистрисъ Дальтонъ сдѣлала ей тотъ именно вопросъ, котораго Маргарита желала. Видно такой ужъ былъ счастливый часъ для мистрисъ Дальтонъ, которой вопросы рѣдко бывали удачны и рѣдко доставляли удовольствіе ея питомицѣ.

— Ну, что, моя милая, видѣли вы молодого мистра Невилла ?

— Видѣла. А вы, мистрисъ Дальтонъ?

— Какъ-же, видѣла, и даже разговаривала съ нимъ!

— Гдѣ? когда? какимъ образомъ могли вы съ нимъ встрѣтиться?

— Вотъ какъ это было, моя милая: мнѣ нужно было растеніе *Colchicum autumnale*, чтобы пополнить собраніе черноцвѣтничковъ, которое миссъ Флуммеръ описываетъ въ пятой главѣ своей «Упрощенной ботаники». Вотъ уже шесть недѣль, что мы читаемъ вмѣстѣ эту главу; вы, правда, не большая охотница до ботаники; но я не помню другой книги объ этомъ предметѣ, которая такъ бы вамъ понравилась, какъ первыя главы этой «Упрощенной ботаники».

Тутъ Маргарита сдѣлала такое движеніе, что горничная, причесывавшая ей голову, должна была заключить мысленно, что никому еще не приходило на мысль написать книгу объ облегченіи горничнымъ ихъ обязанностей.

— Да, да! вскричала Маргарита съ нетерпѣніемъ: прекрасная книга! И такъ вы....

— Нашла, моя милая, нашла превосходный экземпляръ, хотя не совсемъ подобный тому, что описываетъ миссъ Флуммеръ....

— Богъ съ нею съ миссъ Флуммеръ; не говорите о ней: мнѣ одно имя ея противно! И такъ вы встрѣтили его въ саду?

— Нѣтъ, моя милая, на кладбищѣ; оно растетъ подъ старымъ вязомъ.

— Не о растеніи рѣчь! я спрашиваю о мистрѣ Невилѣ.

— Ахъ, извините, душа моя. Но и его я встрѣтила на кладбищѣ.

— Что жъ онъ дѣлалъ на кладбищѣ?

— Читалъ надписи на нѣкоторыхъ могилахъ. Когда я порадовалась съ нимъ, я какъ-то нечаянно выронила изъ рукъ свою жестянку; онъ очень вѣжливо поднялъ ее, и когда я его поблагодарила, просилъ меня показать ему, гдѣ находятся гробницы дому Лесли. Потомъ, когда я показала ему, онъ спросилъ меня, не принадлежу ли я къ семейству полковника Лесли; и узнавъ, что я ваша гувернантка.... то есть, что я была вашей гувернанткой....

— Безъ извиненій, милая мистрисъ Дальтонъ, перебила Маргарита, положивъ руку на руку старушки; вы никогда не пользовались властью гувернантки, и потому, что касается до меня, хоть вѣкъ называйтесь моею гувернанткой; даже когда я буду старою дѣвою! Но продолжайте!.... Да не заботьтесь о звонкѣ;

вамъ вѣдь не для чего парижаться.... И какъ мистръ Невиль узналъ, что вы моя гувернантка. А какъ же вы узнали, кто онъ такой?

— Выходя изъ дому, я видѣла, какъ онъ прогуливался верхомъ вокругъ пруда, и стариниъ Джонсъ сказалъ мнѣ, что это молодой баричъ, какъ онъ называлъ его, что гоститъ въ Геронъ Каскль.

— Ну, скажите же мнѣ, что онъ спрашивалъ обо мнѣ?

— Онъ спрашивалъ, который вамъ годъ?

— Гм! странно; какое ему дѣло до моихъ лѣтъ! ну, а потомъ?

— Потому онъ сказалъ: Не правда ли, что уѣхисесь Лесли правильный нравъ?

— Ну, любопытна я знать, что вы отвѣчали на это, мистрисъ Дальтонъ. Берегитесь; не дальше, какъ дня два назадъ, вы говорили, что вы отъ роду не видывали такой лѣзливой, такой тщеславной, такой невосной дѣвушки, какъ я; что я вдесятеро нестерпимѣе всѣхъ семи дочерей мистрисъ Аткинъ, и десяти дочерей сэра Чарльза Бутчера; — надѣюсь, что вы не говорили такихъ же любезностей обо мнѣ мистру Невиллю.

— Будьте спокойны, Маргарита; я отвѣчала ему, что не имѣю привычки нускаться въ переусуды о нравѣ своихъ воспитанницъ, въ особенности передъ чужими; и я сказала это съ такою улыбкою и съ такимъ поклономъ, изъ которыхъ мистръ Невиль долженъ былъ понять, что я вскользь не оскорблялась его вопросомъ, и готова была продолжать съ нимъ бесѣду — но только о другомъ предметѣ.

— Это было очень умно сдѣлано, мистрисъ Дальтонъ. Безъ сомнѣнiя, онъ убѣжденъ теперь, что я пренесносная бабенка, и что въ родѣ агн-бабы, о которой нельзя сказать одного добраго слова, и что вы изъ снисходительности ко мнѣ, предпочли молчать! Это отъ васъ удивительно мило! Ну, что бы вамъ расписать меня просто ангеломъ; вѣдь каждая дѣвушка имѣетъ право ожидать этого отъ своей гувернантки, хотя бы на дѣлѣ она всю жизнь была сущимъ чертенкомъ. Но погодите, я вамъ отплачу. Пусть только кто нибудь спроситъ меня, доброю ли вы были гувернанткою? я тотчасъ приму смущенный видъ, стану вздыхать и отпѣкиваться, какъ-будто вы впродолженiе пятнадцати лѣтъ заучили меня до полусмерти.

— Не стыдно ли вамъ, миссъ Лесли? сказала мистрисъ Дальтонъ, стараясь принять серьезный видъ, который ей никакъ не давался, и дѣлая нисколько гримасу, въ которой можно было кое-какъ угадать улыбку.

— Ну, а потомъ, вскричала Маргарита, вѣспльно удрученная вистрись Далътопъ, собравшуюся выйти изъ комнаты; о чемъ же вы потомъ говорили?

— Мало ли о чемъ? о деревнѣ, о садѣ, о бесѣдахъ, о вистрѣ Вальтеръ Сиднеѣ.

— О Вальтерѣ? онъ говорилъ о Вальтерѣ? какъ же онъ говорилъ о немъ? надюсъ со всюю любовью, со всюю увѣщеніемъ, которыми онъ ему обязанъ?

— Онъ говорилъ, что любить Вальтера, какъ-будто не чувствуется передъ нимъ страху, и въ то же время боялся его, какъ бы его вовсе не любилъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Знаете, что это очень удачно выражено?... Но мнѣ странно, что онъ говорилъ это вамъ, лицу, для него совершенно чужому.

— Ну, не совсемъ чужому.

— Это какъ? что вы хотите этимъ сказать?

— Звонокъ къ столу! вскричала вистрись Далътопъ въ ужасѣ, потому что при этомъ звукѣ предсталъ ей испуганному воображенію образъ полковника, принужденнаго ждать въ столовой явленія своего семейства.

— Ну что тутъ такъ путаться! сказала Маргарита, отвѣчая не на слова, а на мысль. Надѣньте обѣ чепчики съ лиловыми лентами, и кружевной платочекъ, и вы будете мигомъ готовы. Но не забудьте, вистрись Далътопъ, продолжала она, слѣдуя за гувернантною въ корридоръ, что и сегодня не намѣрена долго ждать за вѣчными каштанами, до которыхъ вы такая охотница. Я очень скоро кончу и встану изъ за стола. Я такъ любовитно дослушать конецъ вашей бесѣды.

Полковникъ Лесли въ этотъ день былъ разговорчивѣе обыкновеннаго; онъ такъ живо и съ такимъ одушевленіемъ разсказывалъ нѣкоторые эпизоды изъ испанской войны, что Маргарита забыла намѣреніе свое, скорѣе вѣтать изъ-за стола; глаза ея заблестали даже такимъ восторгомъ, что отецъ сказалъ ей съ улыбкою: — Какъ мнѣ кажется, ты сама не прочь бы стать во главѣ отчаяннаго дѣла; ты смотришь въ эту минуту такую героиню.

Какъ мы уже замѣтили выше, улыбка полковника Лесли всегда сбивала на насмѣшку; и это неожиданное замѣчаніе мигомъ разсыпало энтузіазмъ дочери и обдало ея сердце холодомъ. Она закусила губы, вперила глаза въ потолокъ, изображенныхъ на ея тарелкѣ, изъ саксонскаго фарфору, и послѣ нѣкотораго молчанія встала изъ-за стола и поспѣшно вышла съ вистрись Далътопъ

въ гостинойю. Долго стояла она передъ нывлающимъ каминомъ, вертя въ пальцахъ свичку, и наконецъ сказала про себя, но громко: — О нѣтъ, не мнѣ вести отчаянное дѣло!

— Да полковникъ вовсе не думалъ говорить это серьёзно, моя душа, замѣтила мистрисъ Дальтонъ.

— Я не понимаю мужества отчаянiа, продолжала Маргарита. Мнѣ станеть силы на великiя дѣла при крѣпкой надеждѣ на успѣхъ; но дѣло безнадежное... отчаянная борьба... одна мысль о нихъ наводитъ на меня унынiе и отвращенiе....

— Зачѣмъ же думать объ этомъ, моя милая? Не прикажете ли чашку кофе?

— Стало бы вамъ духу, мистрисъ Дальтонъ, стоять за безнадежное дѣло?

— Отчего жъ бы не стало?

— Почему вы полагаете, что вамъ стало бы духу, когда я чувствую, что мнѣ не стало бы его?

— Потому, что, будь я напрімѣръ солдатомъ, это было бы моимъ долгомъ.

— Чтѣ за ледяное слово — долгъ! Признаюсь, я не могла бы дѣйствовать, какъ повелѣваетъ мнѣ долгъ, не имѣя другаго побужденiя, кромѣ того, что это мой долгъ.

— По этому-то, вѣроятно, моя милая, вы такъ рѣдко дѣствуете, какъ вамъ велитъ долгъ.

— Пожалуй, что такъ, отвѣчала Маргарита протяжно. Знаю, что слѣдовало бы попытаться, но это такая безнадежная задача.... продолжала она полупечально, полувесело.

— Какая задача, душа моя?

— Заставить отца полюбить меня, отвѣчала Маргарита.

Маргарита тутъ коснулась предмета, о которомъ мистрисъ Дальтонъ никакъ не позволяла ей разсуждать. Въ ней такъ сильно было убѣжденiе, что когда что либо должно быть, то нельзя и сомнѣваться, что оно действительно есть, что допущенiе такого сомнѣнiя казалось ей почти такимъ же преступленiемъ, какимъ было бы отступленiе отъ закона долга; и она съ необыкновенною для нея твердостью просила Маргариту не говорить такой небывальщины. Въ это мгновенiе очень кстати вошелъ слуга съ запискою, которую Маргарита съ жадностью схватила, и которая повиднмому дала другой оборотъ ея мыслямъ. Прочитавъ ее, она вдругъ вскричала:

— Да, кстати, мистрисъ Дальтонъ, скажите мнѣ, какимъ образомъ мистръ Невилъ вамъ не совсѣмъ чужой?

— Развѣ вы не знаете, моя милая, что я нѣсколько лѣтъ жила въ домѣ мистра Варрена? Мистрисъ Варренъ родная тѣтка молодому Невиллю, и онъ ребенкомъ еще былъ отданъ на нѣсколько недѣль на мое попеченіе. Я напомнила ему это; и онъ самъ это вспомнилъ, и даже привелъ мнѣ на память нѣсколько неважныхъ случаевъ, бывшихъ въ то время.

— Хорошенькій онъ былъ ребенкомъ?

— Ужасно избалованный мальчикъ.... своевольный до нельзя. Сущая была пытка имѣть съ нимъ дѣло.

Маргарита засмѣялась и сказала:

— Завтра будетъ онъ у насъ. Надѣюсь, что теперь онъ не слишкомъ насъ замучитъ.

— О, теперь совсѣмъ другое дѣло, милая Маргарита; теперь онъ уже не ребенокъ.

— Вотъ увидимъ, вскричала Маргарита, вскочивъ со стула, и въ одно мгновеніе очутившись въ дверяхъ,—есть люди, которые въ этомъ отношеніи всю жизнь остаются дѣтьми! И съ этими словами взбѣжала она по лѣстницѣ, потомъ взбѣжала по другой лѣстницѣ, ведущей къ покоямъ Вальтера, ступая по двѣ ступени за разъ, и напѣвая на всѣ лады и со всевозможными вариациями. — Въ эту игру можно играть вдвоемъ! — Какую игру разучила она? Ловкость и живость, съ которою она бѣгала черезъ двѣ ступени по лѣстницѣ? или бильбоке, которое она схватила книжкою со стола, и скидывала съ удивительнымъ искусствомъ? или волакъ, который она однимъ ударомъ отправила на противоположный конецъ обширныхъ сѣней? Нѣтъ, не то; она скорѣе думала: — Пусть его вздумаетъ мучить меня; я первая замучу его! — Стыдись, Маргарита! не заслуживала ты, когда вошла въ комнату Вальтера, съ такимъ участіемъ освидомлялась о его здоровьѣ, подложила ему подушку подъ голову, и съела у его изголовья, чтобы прочесть ему записку его матери, не заслуживала ты, чтобы онъ цѣловалъ тебѣ руку, и называлъ тебя самою доброю дѣвушкою въ свѣтѣ. Не злая ты дѣвушка, правда; ты даже довольно добра, какъ почти всѣ женщины; но никакъ не самая добрая дѣвушка въ свѣтѣ; до этого тебѣ далеко! Еще бы сказалъ самая хорошенькая, — мы пожалуй не стали бы спорить.

На слѣдующій день оказалось, что Вальтерова нога была такъ сильно ушиблена, что онъ по-крайней-мѣрѣ недѣлю или полторы не могъ ступать на нее; докторъ Бартлетъ даже запретилъ ему всякое движеніе. Маргарита съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ

слушала приговора врача, совершенно одишій большого на помещеніе окружавшихъ его; цѣлый часъ провела она въ перестановкѣ всей комнаты, для того, чтобы узникъ ниѣлъ тотчасъ подѣ руками, все что могло ему понадобится во время его затворничества.

— Заключенные въ исправительномъ домѣ, сказала она, должны нести тяжелую работу; такъ и вамъ, любезный Вальтеръ, придется цѣлый мѣсяцъ вѣрнко поработать надъ исправленіемъ моихъ грѣховъ.

— Но чтобы я могъ исправить ихъ, вы должны мнѣ признаться въ нихъ, отвѣчалъ Вальтеръ, улыбаясь; онъ взглянулъ на Маргариту, которая стояла противъ него въ ногахъ кушетки, сложа руки, и замѣтилъ, что лицо ея казалось нѣсколько озабочено.

— Я не хочу, чтобы вы могли возмнѣть дурное мнѣніе обо мнѣ, сказала она наконецъ, съ принужденнымъ смѣхомъ; и потому никогда не изберу васъ въ свои повѣренные.

Спустя цѣлый часъ, проведенный ею въ распутываніи чрезвычайно спутаннаго вязанія, которое она въ сердцахъ и нетерпѣніи привела въ еще худшее состояніе, она спросила:

— Вальтеръ, считаете ли вы это большимъ недостаткомъ, если кто пламенно желаетъ, чтобы его любили, хвалили и ласкали?

— Нѣтъ; само по себѣ это желаніе не преступно; но это опасная оклонность, которая можетъ перейти въ необузданную, нерѣдко гибельную страсть.

Послѣ вѣрнотораго молчанія, видя, что она не отвѣчаетъ, онъ продолжалъ:

— Всякой ли хвалы вы жаждете? любите одного лица, или каждаго безъ разбору?

— Не то чтобы всякая хвала, любовь каждаго безъ разбора была мнѣ равно дороги; но никакая не мнѣшаетъ. Мнѣ пріятно, когда дворовая собака виляетъ хвостомъ при моемъ появленіи; пріятно, когда я цѣлую ребенка моей двоюродной сестры Мери, и онъ обвиняетъ мнѣ шею своими рученками. Я люблю видѣть вокругъ себя довольнаго, любящаго меня лица; холодный, суровой взглядъ я ненавижу какъ мрачный, пасмурный день. Мнѣ хочется, чтобы меня всѣ любили, какъ хочется, чтобы надо мною сіяло солнце. Жизнь безъ любви была бы для меня, что мнръ безъ солнца. Можете ли вы, Вальтеръ, представить себѣ существо болѣе несчастное, чѣмъ тотъ, кого никто бы не любилъ?

— Могу; это тотъ, кто никого не любитъ.

— Вы думаете, что это еще хуже? Неужели же любовь сама себя награда?

Вальтеръ открылъ лежавшую подлѣ него книгу, и прочелъ вслухъ слѣдующія прекрасныя строки одного изъ романовъ Вальтеръ-Скотта: «Мысли ея были отрѣшены отъ міра, и только посѣщали его съ участіемъ, подобнымъ участію духовъ-хранителей къ вѣтреннымъ ихъ покровительству, ревнуд о тѣхъ, кого она любила или о страдальцахъ, которымъ она могла принести помощь или утѣшеніе.»

— Какъ вы! сказала Маргарита, когда Вальтеръ закрылъ книгу; такую точно любовь прѣтаете вы къ другимъ. Я никогда не буду способна на такое самоотреченіе.

Въ это самое мгновеніе взоры ея устремились въ окно, и улыбка мелькнула на ея устахъ, когда конскій топотъ на мощеномъ дворѣ возвѣстилъ прибытіе гостя. Она поспѣшно встала, и не успѣла скрыться въ одну дверь, какъ другая отворилась, и въ ней показался Эдуиндъ Невиль. Не будучи собственно красавцемъ, Невиль имѣлъ въ себѣ нѣчто походившее на красоту. Густой румянецъ щекъ его и озабоченное выраженіе глазъ, когда онъ подошелъ къ Вальтеру и освѣдомился о послѣдствіяхъ случившагося съ нимъ несчастія, внушили Маргаритѣ выгодное о немъ мнѣніе. Онъ быстро обернулся къ ней и протянулъ руку, какъ къ старой знакомой; вообще обхожденіе его совершенно перемѣнилось со вчерашняго дня. Когда она собралась выдти, онъ сказалъ ей съ такимъ дѣтскимъ и въ тоже время убѣдительнымъ выраженіемъ: Не уходите! что она невольно остановилась въ изумленіи.

Такъ какъ ей не было ни малѣйшей охоты уходить, то послѣ этого вѣлюбезно было бы съ ея стороны не оставаться; съ улыбкою, которая это ясно высказала, рѣшилась она на среднее между тѣмъ и другимъ. Она не вышла, но и не возвратилась на прежнее свое мѣсто передъ каминномъ; а прислонилась къ спинкѣ Вальтеровой кушетки, и принялась тереть, угломъ своего шитаго носоваго платка, чернильное пятно, обезображивавшее самую яркую юбку на лощеной обивкѣ софы. Къ числу удобствъ этого важнаго занятія, принадлежало и то, что оно не могло кончиться достиженіемъ непосредственной его цѣли, потому что доселѣ неизвестно, чтобы чернильныя пятна выводились треніемъ. Только когда раздался звонокъ къ завтраку, и мистръ и мистрисъ Торнтонъ, — непременно приглашавшіеся въ Грантли-мэноръ,

какъ скоро тамъ бывали гости, — явились въ столовую, Маргарита въ третій разъ направила стопы къ дверямъ; и на этотъ разъ уже ничто не остановило ее; она сошла по дубовой лѣстницѣ рядомъ съ Эдмундомъ Невилемъ. Мистръ Торитонъ, усѣвшійся уже передъ огромнымъ паштетомъ, съ крылышкомъ куропатки на вилкѣ, и съ блаженною улыбкою на сіяющемъ лицѣ, вскричалъ:

— А, мое сокровище! отчего это, личико твое сегодня просіяло какъ ясный день? Снять ошейникъ съ шеи? а?

Она сдѣлала свою хорошевькою головкой знакъ, какъ-будто вытаскивала шею изъ петли, и притянувъ торчавшее на вилкѣ крылышко на свою тарелку, весело захохотала своему подвигу; хвалилась тѣмъ, что все дѣлается по ея волѣ, и что она всѣхъ водить тѣмъ или другимъ путемъ; наконецъ она наклонилась къ мистрису Дальтонъ и сказала ей: *«Вполголоса»*:

— А пожалуй, мистрисъ Дальтонъ, что я буду въ состояніи вести безнадежное дѣло.

Прошло три недѣли послѣ несчастія, случившагося съ Вальтеромъ. Для Маргариты это были самыя блаженныя недѣли, какія она доселѣ переживала; она провела ихъ въ самой родственной ей сѣрѣ, среди общей хвалы и любви. Дѣдъ и бабушка ея, равно какъ мистръ и мистрисъ Сидней, пріѣхавшіе въ Грантли, чтобы быть при больномъ сынѣ, боготворили ее. Она выросла среди ихъ, на ихъ глазахъ, на ихъ рукахъ. Голосъ ея, смѣхъ, были для нихъ свѣтлымъ лучемъ солнца въ послѣдніе семнадцать лѣтъ ихъ жизни. Комната Маргариты, — была ли это обитая шпалерами спальня въ Геронъ-Кастлѣ, гдѣ Вальтеръ столько разъ бралъ ее на руки ребенкомъ, поднималъ ее, чтобы показать ей чудныя фигуры, изображенныя на шпалерахъ; гдѣ онъ рассказывалъ ей повѣсть о жестокомъ графѣ Бертрамѣ и нѣжной боярской дочери Годивѣ; гдѣ она бывало угрожала своей рученкой королевѣ Элеонорѣ, и плакала о прекрасной Розамундѣ; или же это была простенькая, окрашенная розовою краскою комнатка въ приходскомъ домѣ, выходившая окномъ на самую бархатную лужайку и самыя роскошныя цвѣтники, какіе когда-либо украшали прелестный англійскій сельскій домикъ, — вездѣ и всегда комната Маргариты была комнатою по преимуществу, сборнымъ мѣстомъ всего дома.

— Улетѣла моя пѣвчая птичка, Вальтеръ, говаривала мистрисъ Сидней сыну; но я все еще съ удовольствіемъ гляжу на ея опустѣвшую кѣтку, и что то шепчетъ мнѣ, что она воротится.

А блѣдный, спокойный Вальтеръ въ отвѣтъ жалъ ей обычно-

воню руку! въ послѣднее только время онъ часто отвѣчалъ: — Вы знаете, матушка, что теперь мы не можемъ надѣяться, чтобы она такъ часто оставалась у насъ.

А нѣжная, неразумная мать возражала:

— Отчего же не придти дню, когда она останется у насъ навсегда?

Тогда впалыя щеки Вальтера покрывались густымъ румянцемъ; онъ бросалъ на мать строгій взглядъ, но мысленно готовъ бы обнять ее за эти слова.

Когда Маргарита уѣзжала изъ приходскаго дому, мистръ Торнтонъ твердилъ по десяти разъ въ день:

— Что за досада, что Маргарита должна ѣхать домой! И что за глузость! Ну, какая ей надобность ѣхать домой!

И хотя мистрисъ Торнтонъ каждый разъ возражала ему, что по естественному порядку вещей люди не должны вѣчно оставаться на одномъ и томъ же мѣстѣ, и что она согласна бы видѣть Маргариту мертвою и похороненною на кладбищѣ, чѣмъ живо схороненною въ ихъ скучномъ жилищѣ; или другой разъ спрашивала съ кроткимъ и многозначительнымъ спокойствіемъ:— Да что она такое для насъ, или мы для нея, чтобы ей никогда не разставаться съ нами?— Однакоже она сама также съ нетерпѣніемъ ожидала возвращенія внучки, и разъ двадцать въ день поднимала глаза съ своего шитья,—вѣчной бѣлой кошки на голубомъ полѣ—, и посматривала на дворъ, не повернутся ли зеленые ворота на своихъ скрипучихъ петляхъ, и не войдетъ ли въ нихъ старая вороная лошадка, которая столько лѣтъ носила юную покладину по тѣнистымъ аллеямъ, по перелѣскамъ, и по шелковымъ полянамъ прекрасной гравтлейской долины.

Словомъ, скучный ноябрь мелькнулъ для Маргариты однимъ непрерывнымъ мигомъ счастья и радости. Всѣ улыбались ей; всѣ взоры блистали удовольствіемъ, когда останавливались на ней. Вальтеръ, ее милый старикъ Вальтеръ, по мнѣнію ея не могъ не быть вполне счастливъ въ своей уютной комнатѣ, шитья при себѣ мать для присмотра за нимъ, и свою любезную Маргариту, чтобы читать ему, пѣть, приносить изъ библіотеки тѣ тяжелыя, прескучныя и премудрыя книги, до которыхъ онъ такой охотникъ, для передачи по сосѣднимъ деревнямъ, больнымъ и несчастнымъ, помощи и утѣшеній, которыя онъ носилъ каждый день нуждающимся. Сомнѣваемся, чтобы это свѣтлое видѣніе, мелькнувшее передъ взорами страдальцевъ, хотя оно и оставляло за собою существенныя слѣды своего пребыванія, — такъ же бо-

легчало скорби ихъ, какъ Вальтерово пожатіе руки и увѣщанія его, уповать на помощь, какой не можетъ подать этотъ міръ. Какъ бы то ни было, она дѣлала все что могла; не виновата же была она, дтя счастья, тому, что горькій опытъ не научилъ ее еще тѣмъ тайнамъ сердца, съ помощью которыхъ намъ доступны сердца другихъ. А между-тѣмъ несчастные благословляли ее, Вальтеръ хвалилъ, мать его боготворила, всѣ баловали ее. Чего же недоставало ей, чтобы быть счастливою? И удивительно ли, что глаза ея съ каждымъ днемъ ярче блистали, что поступь ея была легче, смѣхъ звонче и веселѣе чѣмъ когда-либо?

==

ГРАНТЛИ-МЭНОРЪ.

=

ПОВѢСТЬ ЛЕДИ ДЖОРДЖИАНЫ ФУЛКЕРТОНЪ.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

=

I.

Однажды утромъ Маргарита сидѣла за работою въ гостиной, мистрисъ Торнтонъ подбирала подлѣ нея шерсти, а Эдмундъ Невилль долго не спускалъ глазъ съ вѣсколькихъ сѣрыхъ мотковъ, и разсматривалъ ихъ съ такимъ вниманіемъ, какъ-будто онъ и самъ подбиралъ тѣни для хвоста бѣлой кошки. Вдругъ онъ вскочилъ и вперилъ глаза въ ворота, гдѣ полковникъ Лесли садился на лошадь.

— Куда это отецъ вашъ ѣдетъ такъ рано? спросилъ онъ, обращаясь къ Маргаритѣ.

— Къ лорду Доннингтону, отвѣчала она, котораго усадьба въ пятнадцать мильхъ отсюда.

Когда полковникъ Лесли поскакалъ по широкой аллеѣ, и скрылся изъ виду, Эдмундъ обратился опять къ Маргаритѣ съ тѣмъ особеннымъ, ему одному свойственнымъ выраженіемъ, въ кото-

ромъ соединялись вкрадчивость ребенка и самовластіе челоуѣка, привыкшаго повелѣвать. Устремивъ глаза ей прямо въ лицо, онъ сказалъ:

— Я желалъ бы посмотреть домъ; покажите мнѣ весь домъ.

— Развѣ кухню и погреба? спросила Маргарита, улыбаясь; потому что все остальное вы уже видѣли.

— Нѣтъ, я не смотрѣлъ еще картинъ въ столовой, и не былъ ни во внутреннихъ комнатахъ библіотеки, ни въ кабинетѣ вашего отца. Пойдемте со мною.

— Что за странная охота! замѣтила Маргарита.

— Ни чуть не странная, душа моя, возразила Мистрисъ Торнтонъ; желаніе это очень легко объясняется, въ френологическомъ отношеніи.

Маргарита знала, что бабушка ея два дня уже сидѣла надъ Комбомъ, и ничего такъ не желала, какъ избѣжать предстоящаго ей толкованія. Поэтому послѣдующій зовъ Эдмунда былъ дѣйствительнѣе перваго, и оба они сошли съ лѣстницы прежде чѣмъ мистрисъ Торнтонъ успѣла припомнить въ точности френологическую чепуху, которою она думала объяснить желаніе Невилля осмотрѣть домъ.

Теперь слѣдуетъ намъ описать Эдмунда Невилля, — не въ френологическомъ, а въ простомъ смыслѣ, — что мы и попытаемся сдѣлать, хотя знаемъ, какъ трудно прибрать на то вполне удовлетворяющія выраженія. Онъ былъ довольно малаго росту и щедушнаго складу; однако же мускуловатое и чрезвычайно соразмѣрное сложеніе изобличало чрезвычайную дѣятельность и силу. Голова его была невелика, и очень хорошо посажена на плечахъ; во всѣхъ тѣлодвиженіяхъ выражалась та важность и та утонченная мужественность, которыми отличаются всѣ портреты Вандейка. Волоса его были не черные, но очень темнорусые; цвѣтъ лица блѣдень, но здоровъ. Прекрасные глаза, но которыхъ выраженіе чрезвычайно трудно было уловить; главною чертою ихъ была настойчивость, которая тѣмъ болѣе бросалась въ глаза, что она противорѣчила общей безпечности и видимой апатіи его обращенія. Глаза его были прекрасны, и, казалось, читали въ душѣ каждаго, не давая никому заглянуть въ свою душу. Обращеніе его соединяло въ себѣ дѣтскую вкрадчивую смѣлость съ необыкновеннымъ самовладѣніемъ. Губы были чрезвычайно тонкія, а очеркъ его краснаго рта изобличалъ твердость воли, которую трудно было согласить съ его обычною флегмою. То же противорѣчіе было въ его рукахъ, бѣлыхъ и нѣжныхъ, но одаренныхъ

жестокую силу, такъ что онъ могъ безъ усилій переломить суку, который полковникъ Лесли и мистръ Торнтонъ тщетно пытались только согнуть. Въ самыхъ ничтожныхъ обстоятельствахъ жизни оказывалъ онъ твердость воли, которой трудно было противиться. Напримѣръ онъ настоялъ на томъ, чтобы мистрисъ Торнтонъ посадила свою кошку на красное поле, а не на голубое; чтобы мистрисъ Дэлтонъ дала деревенскимъ ребятишкамъ лишній праздникъ; чтобы Маргарита наколола себѣ въ волоса вѣтку шповника вѣсто шающа, и чтобы Вальтеръ прочелъ вслухъ немого на хлѣбные законы, вѣсто опыта о церковной архитектурѣ. Даже старика мистра Сиднея поставилъ онъ на своемъ; и, по внушенію его, оврагъ былъ засаженъ не ельникомъ, а березами, не смотря на то, что сначала владѣлецъ Геровъ - кастля, отчаянный сельскій хозяинъ, встрѣтилъ это предложеніе съ невыразимымъ презрѣніемъ. Въ ребяческой настойчивости, съ которою Эдмундъ стремился къ своему желанію, было дѣйствительно вѣчто неотразимое; и высказывалъ онъ свое желаніе такъ вкрадчиво, такъ ласкательно, что, если предметъ былъ ничтожный, то казалось жестокимъ отказать ему въ бездѣлицѣ; если же предметъ былъ поважнѣе, то, казалось, привязывался къ нему всею душою, и опять надо было ему угодить. Такимъ-образомъ онъ вездѣ предписывалъ свою волю, и всѣхъ и каждого привуждалъ сообразоваться съ своею волею; а между тѣмъ всѣ его любили еще болѣе, чѣмъ это показывали. Самъ даже полковникъ Лесли, хотя и трунилъ надъ тѣмъ, какъ другіе баловали этого ребенка Невилля, однако же всегда былъ радъ его видѣть и готовъ во всякое время свернуть съ своей дороги, чтобы пройти съ нимъ; онъ даже самъ предложилъ отложить давно уже улаженную поѣздку къ старинному монастырю святаго Вульстона, потому что у бѣдняжка Эдмунда болѣла голова, и онъ не могъ бы принять участія въ поѣздкѣ.

Маргарита и Эдмундъ разматривали картины въ столовой съ равнымъ съ обѣихъ сторонъ участіемъ; потому что она любила ихъ почти какъ товарищей своего дѣтства, какъ предметы своихъ сновъ на яву въ послѣдніе годы, какъ знакомые образы, которые вилелсь во всѣ воспомнанія прошедшаго. Онъ же любовался ими какъ человѣкъ, способный оцѣнить достоинство ихъ въ художественномъ отношеніи, и съ любопытствомъ слушалъ присвоенныя нѣкоторымъ изъ нихъ семейныя преданія. Нѣсколько минутъ стояли они передъ портретомъ полковника Лесли, писаннымъ для матери Маргариты незадолго до ея свадьбы. Пор-

зреть этотъ повидному принозалъ взоры Эдмунда; онъ смотрѣлъ на него, какъ будто не могъ отвести отъ него глазъ; Маргарита два раза начинала съ нимъ говорить, но не могла пробудить его; только, когда она спросила его въ третій разъ, находятъ ли онъ въ портретѣ сходство, онъ отвѣчалъ протяжно: — Чрезвычайно много сходства! — и продолжалъ смотрѣть на него съ тѣмъ же вниманіемъ. Наконецъ онъ отвернулся отъ портрета и спросилъ отрывисто:

— Который годъ вашему отцу?

— Около сорока двухъ-лѣтъ, я думаю, отвѣчала Маргарита.

— А вамъ? продолжалъ Эдмундъ, съ улыбкою.

— Мнѣ? скоро девятнадцать.

— А сестрѣ вашей?

Маргарита вздрогнула, и устремила на него свои большіе фиалковые глаза съ смущеннымъ и вопрошающимъ выраженіемъ. Имѣть сестру — было любимую мечтою ея дѣтства; она помнила даже сквозь туманъ, что однажды подслушала она случайно, какъ бабушка говорила съ гувернанткою, думая что она гдѣ-нибудь далеко и не услышитъ: — «Когда подумаю только, что эта маленькая? Итальянка ей сестра!» — Съ тою странною скрытностью, которую часто выдали мы въ самыхъ частосердечныхъ и безкитростныхъ дѣтахъ, утаила она подслушанное слово въ душѣ, и никому не говоря о томъ, думала и передумывала надъ нимъ, пока сонъ этотъ, блѣднѣя мало-по-малу, не исчезъ среди заботъ и помысловъ ежедневной жизни. Съ теченіемъ времени, ей показалось такъ неестественнымъ, чтобъ никто не упоминалъ о ея сестрѣ, и даже не проговаривался о ней, если бы у нея дѣйствительно была сестра, что она пришла къ тому заключенію, будто это воспоминавіе принадлежало къ разряду несбыточныхъ видѣній, которыя часто въ часы уединенія принимаютъ въ дѣтскихъ умахъ видъ дѣйствительности. И теперь вопросъ Эдмунда, казалось, какъ электрическимъ ударомъ пробудилъ въ умѣ ея цѣлый рядъ уснувшихъ мыслей; и сердце ея сильно забилося, когда она отвѣчала:

— Много лѣтъ назадъ я воображала, что у меня была сестра, — гдѣ-то далеко, за гравницею; — но какъ никто никогда не упоминалъ о ней, то я и перестала считать это возможнымъ. Откуда же вы взяли, что у меня есть сестра?

— Я слышалъ отъ кого-то, будто у васъ есть сестра, отвѣчалъ онъ равнодушно; впрочемъ, я можетъ-быть и ошибаюсь. Теперь

покажите мнѣ копію съ Гвидо-Реневои «Speranza», о которой вы мнѣ говорили вѣдѣди.

Мargarita отворила дверь въ кабинетъ полковника Лесли, и повела спутника къ картинѣ. Но сердце ея было переполнено, она вдругъ обернулась назадъ, и сказала Эдмунду вопрошающимъ голосомъ:

— Сдѣлайте доброту мнѣ съ Невиль, скажите мнѣ, гдѣ и когда слышали вы, что у меня есть сестра? Если бы это правда, я была бы такъ...

Тутъ она вдругъ остановилась, и отвернулась.

— Такъ что? спросилъ Невиль настойчиво.

— Такъ счастлива! вскричала она восторженнымъ голосомъ, и слезы брызнули изъ глазъ ея. — Мнѣ недостаетъ сестры, продолжала она въ сильномъ волненіи; всѣ окружающіе меня такъ ко мнѣ добры, такъ снисходительны; всѣ они любятъ меня, и я люблю ихъ; а Вальтеръ — добрый Вальтеръ — я люблю его отъ всего сердца. Но всѣ они для меня слишкомъ добры, слишкомъ снисходительны, слишкомъ музры; мнѣ недостаетъ сестры, съ которою могла бы я бесѣдовать, смѣяться, пожалуй ссориться. — И Margarita улыбалась сквозь слезы.

Эдмундъ схватилъ ея руку, и поцѣловалъ.

— Margarita, милая Margarita, началъ онъ, я долженъ вамъ сказать.... что-то, что я давно желалъ сказать вамъ, но откладывалъ со дня на день. Выслушайте меня теперь, Margarita, выслушайте меня....

— Нѣтъ, нѣтъ, вскричала дѣвушка, вскочивъ со стула, и густой румянецъ облилъ ея щеки, лобъ и даже шею. — Я совсѣмъ не хотѣла этого.... вы меня не поняли.... я никогда не думала....

Въ это время просто съ нетерпѣніемъ дернулъ колокольчикъ у подъѣзда; вскорѣ за тѣмъ послышались на лѣтвицѣ шаги полковника Лесли, и прежде чѣмъ дверь кабинета отворилась, Margarita скрылась въ садъ.

Эдмундъ, нисколько не теряя присутствія духа, пѣзвился въ томъ, что самовольно проникъ въ кабинетъ, и потомъ спокойно вышелъ въ гостиную, гдѣ засталъ мистрисъ Торитонъ, раздѣлявшею свое вниманіе между отгѣненіемъ хвоста кошки, и толкованіемъ мистру Сиднею, необходимости съ самаго пѣжнаго возраста подвергать дѣтскія головы фрегологическому освидѣтельствованію. Она была такъ убѣждена въ важности этого дѣла, что если бы ей пришлось имѣть еще ребенка, она скорѣе

согласилась бы, чтобы онъ родился въся безъ пороковъ, чѣмъ бѣднѣе извѣстныхъ шипекъ, необходимыхъ на черепѣ каждаго младенца.

Но слушая разсужденій ея о такомъ важномъ предметѣ, послѣдуемъ лучше за Маргаритою въ ея комнату, куда она бросилась, услышавъ шаги отца. Она понимала, что - то важное совершилось въ ея жизни, но не могла дать себѣ отчету въ томъ, что именно произошло въ послѣднія нѣсколько минутъ. Она сѣла; голова ея невольно опустилась на скрещенныя руки, и она принялась думать. Маргарита думала о томъ первомъ пронзительномъ взглядѣ, который съ-тѣхъ-поръ столько разъ останавливался на ней съ выраженіемъ глубокаго участія, который видѣлся ей и на яву и во снѣ; думала о дѣтскомъ удовольствіи, съ которыми она ждала Эдмундова посѣщенія, — о дѣтской радости, которую она ощущала, когда онъ искалъ ее, слѣдилъ за нею взоромъ; и теперь къ этой свѣтлой мечтѣ присоединилось нѣчто серьезное. Казалось, въ ея душѣ была тронута пружина, открывшая передъ нею соосѣмъ новый міръ. И этотъ новый міръ, въ который она вступала, былъ ли это міръ фантазій, или міръ дѣйствительности? сонъ ли она видѣла доселѣ, и теперь пробуждалась, или ея овладѣлъ новый, странный сонъ?

Она почувствовала въ себѣ лихорадочный жаръ, подняла голову и обратила разгорѣвшееся лицо къ окну. Печально смотрѣла она на прелестный ландшафтъ, разстилавшійся передъ окномъ на широкую, чистую рѣчку, и на позолоченныя холмы. Хорошенькая птичка отчаянно билась подъ окномъ; вдругъ она оцѣпегѣла, опрокнула на взнычъ и, въ нѣмомъ ужасѣ, устремила взоры вверхъ. Надъ нею парилъ ястребъ. Маргарита съ трепетомъ слѣдила за этою сценою, и когда хитрый ястребъ спустился и схватилъ свою жертву, — вскрикнула и закрыла глаза. Когда она опять открыла ихъ, на усыпанной пескомъ дорожкѣ валялось два или три красныхъ перышка, забрызганныхъ кровью.

— Бѣдная, бѣдная птичка! сказала она тихимъ, дрожащимъ голосомъ.

— Что за вздоръ! какое мнѣ дѣло! вскричала она съ нетерпѣніемъ послѣ нѣкотораго молчанія.

Потомъ глубоко вздохнула и будто стряхнула съ себя тяжелое бремя. Послѣдовалъ внезапный порывъ безумной веселости. Она сѣла къ фортепіано, и пальчики ея быстро и весело забѣгали по клавишамъ. Потомъ она отворила окно, сорвала вѣтку съ росшаго подъ нимъ лавроваго дерева, и принялась ощипывать съ нея листочки и бросать ихъ въ каминъ; листья трещали и всныкивали яр-

и въ плащеницѣ, а Маргарита улыбалась, вспоминая любимую забаву своего дѣтства. Она переходила отъ окна къ окну, отъ стула къ стулу, открывала каждую книгу, брошенную на столѣ, наконецъ сѣла въ низкія кресла и погрузилась въ размышленіе, въ которомъ она мысленно повторяла всѣ обстоятельства минутной, но важной сцены, совершившейся въ кабинетѣ. Щеки ея снова запылали румянцемъ, когда подумала, что, можетъ-быть, она сама неосторожнымъ словомъ вызвала на уста Эдмунда признаніе въ своихъ чувствахъ; она съ первыхъ словъ остановила это признаніе.... но рѣшится ли онъ въ другой разъ просить ее выслушать его, или же огравчатся этою первою неудачною попыткою? О! нѣтъ, глаза ея, — и она взглянула въ зеркало, которое представило ей всю силу этихъ злодѣйскихъ темно-голубыхъ глазъ, — глаза ея скоро опять приведутъ его къ ногамъ ея. Она взглянула на рѣшетку камня, на которой покоились самыя маленькія пожки въ свѣтѣ; и улыбка, которая заграда на устахъ ея и образовала ямочки на ея щекахъ, было бы достаточно, чтобы вернуть самаго строптиваго поклонника хоть съ конца свѣта. «Къ счастью.... подумала Маргарита, и улыбка ея обратилась въ смѣхъ: къ счастью онъ еще не на другомъ концѣ свѣта; и не будь имя мое Маргарита Лесли, не будь я дочь моего отца, если онъ только уѣдетъ изъ Грантли, не просивъ меня въ другой разъ выслушать его!»

И избалованная красавица вышла изъ своей комнаты такимъ твердымъ шагомъ и съ такимъ выраженіемъ твердости, какъ-будто она шла штурмовать стѣны Бадахоса или лечь на валу бургосскомъ.

Войдя въ гостиную, Маргарита нашла въ ней Вальтера, который въ первый разъ, съ помощью тростя, вышелъ изъ своей комнаты, и сѣдѣлъ въ углу между окномъ и однимъ изъ огромныхъ каминовъ, которыми была украшена эта старинная комната. Она протянула ему руку, и сказала шутя:

— Прошу покорно не слишкомъ скоро выздоравливать; мнѣ уже почти досадно, что вы можете выходить изъ своей комнаты; если я не приму надлежащихъ мѣръ, то не успѣемъ мы отлучиться, какъ вы расправите крылья и отправитесь въ Геронъ-кастль.

Вальтеръ дружески пожалъ ей руку, но не могъ отвѣчать такимъ же шутливымъ тономъ. Онъ спросилъ, не видала ли она отца, по возвращеніи его домой.

— Нѣтъ, не видала, отвѣчала Маргарита; и тутъ только вспом-

нила, что отецъ ея имѣлъ намѣреніе провести въ гостяхъ цѣлый день, а вмѣсто того вернулся назадъ, черезъ часъ но отъѣздѣ.

— Не знаете ли, почему онъ не поѣхалъ къ лорду Доннингтону? спросила она.

— Вѣроятно встрѣтилъ на дорогѣ въ Геррингтонъ почтальона и принялъ отъ него письма, въ которыхъ и нашелъ что-нибудь, перемѣнившее его намѣреніе. По-крайней мѣрѣ что-то въ этомъ родѣ сказалъ онъ мнѣ, проходя черезъ залу въ свой кабинетъ.

Слово кабинетъ напомнило Маргаритѣ весь рядъ мыслей, занимавшихъ ее за нѣсколько минутъ, и когда, вскорѣ затѣмъ, Вальтеръ повторилъ вопросъ, который онъ сдѣлалъ три недѣли назадъ: «Какъ ей нравится Эдмундъ Невилъ?» Ей показалось, что онъ читалъ въ ея мысляхъ. Она взрогнула, и отдала бы все на свѣтѣ, чтобы остановить кровь, которая опять быстро хлынула къ ея щекамъ; чтобы скрыть волненіе, она отвернулась къ Вальтеру спиною, и неловко отвѣчала:

— Онъ мнѣ очень нравится. А вамъ?

Вальтеръ не отвѣчалъ.

— Вамъ не нравится? повторила Маргарита, смотря ему на этотъ разъ прямо въ лицо.

Вальтеръ еще нѣсколько помолчалъ, и потомъ отвѣчалъ рѣшительно:

— Нѣтъ, не нравится!

— Не нравится! чѣмъ же? вскричала Маргарита съ такимъ выраженіемъ изумленія и почти досады, которое не могло скрыться отъ Вальтера. Лицо его стало опять мрачно, и онъ молчалъ. Маргарита нетерпѣливо повторила вопросъ; но теперь она сама была поражена страданіемъ, которое было написано на его лицѣ. Она сѣла подлѣ него, нѣжно взяла его руку и спросила въ третій разъ, но уже совѣтъ другимъ голосомъ:

— Чѣмъ же Эдмундъ Невилъ вамъ не нравится?

— Я, можетъ-быть, къ нему несправедливъ, сказалъ Вальтеръ съ очевиднымъ успіемъ: можетъ-быть сузу его слишкомъ строго; но я чувствую, что не могу имѣть къ нему полнаго довѣрія. Мнѣ кажется, что въ немъ нѣтъ чувства истины.

— Развѣ онъ васъ въ чемъ-нибудь обманулъ? въ чемъ-нибудь солгалъ?

— Нѣтъ, этого я сказать не могу; но въ немъ нѣтъ того врожденнаго чувства истины, того глубокаго уваженія къ исти-

нѣ, котораго я требую для того, чтобы имѣть полное довѣріе къ человѣку.

— Это обвиненіе очень неопредѣлительно! возразила Маргарита съ досадою: и довольно трудно его согласить съ тою любовью къ ближнему, о которой вы мнѣ всегда проповѣдуете, и которая никогда не предполагаетъ зла въ ближнемъ.

Лицо Вальтера покрылось яркимъ румянцемъ; онъ склонилъ голову на руку, а Маргарита продолжала, не обращая на то вниманія :

— И это говорите вы, которые недавно еще души не слышали въ Эдмундѣ! вы, которые сами говорили мнѣ, что смотрѣли на него какъ на роднаго сына. Послѣ этого у васъ должно быть на-лицо очень сильное доказательство его виновности, чтобы такъ возстановлять противъ него друзей.

— Его друзей! подхватилъ Вальтеръ въ сильномъ волненіи. Неужели трехъ педѣлъ знакомства уже достаточно, чтобы называть человѣка другомъ? Можете ли вы быть другомъ человѣку, котораго, три педѣлы назадъ, вы только что въ первый разъ видѣли?

— Я познакомилась съ нимъ подъ вліяніемъ ложнаго убѣжденія. Я воображала, что онъ вамъ другъ; теперь вижу, что я ошибалась; однако же не могу слѣдовать за вами въ быстрой перемѣнѣ вашихъ мыслей; въ-особенности же, когда вы сами не можете дать отчета въ причинахъ этой перемѣны.

— Вы безпощадны, Маргарита, но, можетъ быть, и правы. Каюсь, если я мыслью согрѣшилъ противъ Эдмунда, осудилъ его несправедливо! Я произнесъ приговоръ слишкомъ необдуманно, и... но, что я вижу?... слезы на вашихъ глазахъ! Скажите мнѣ, Маргарита, что съ вами?... Не отворачивайтесь отъ меня; вы знаете, я все готовъ перенести, кромѣ этого.... Откройтесь мнѣ, Маргарита, и простите мою настойчивость какъ старому другу... почти какъ отцу...

— Ахъ, если бы вы были момъ отцомъ! вскричала она, сложивъ руки: я открыла бы вамъ всю свою душу!

— Откройте же се, Маргарита; вы не будете о томъ сожалѣть. Вѣрьтесь человѣку, который никогда не обманывалъ васъ, дочь моя! Осмнадцать лѣтъ назадъ, стоялъ я у вашей колыбели, подлѣ вашей матери, и тогда уже любилъ васъ, ради вашей матери! Неужели же вы не можете теперь повѣрять мнѣ свои тайны... свое горе, если у васъ есть горе?

— Горе, Вальтеръ?... тайны?

— Да; одна тайна у васъ, пожалуй, есть; горе — едва ли; развѣ такое горе, что десять минутъ пазаль не было гореть.

Маргарита сѣла къ фортепиано, сыграла ригурнель и прочла впологолоса французскую пѣсенку, которая кончалась такъ: «Моя тайна, мое счастье, — они тутъ въ моемъ сердцѣ!» Кончивъ пѣсенку, она устремила взоры на Вальтера, и выраженіе ихъ напомнило ему тѣ глаза, которыми онъ столько разъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, любовался въ дѣтствѣ и юности; онъ въ душѣ поклонялся своей Мері на небесахъ, быть хранителемъ ея дочери, вести ее по опасному пути твердою рукою и неуслышимымъ взоромъ, будто самъ онъ былъ недоступенъ человѣческому страху, человѣческимъ надеждамъ и страстямъ. Это былъ священныи обѣтъ, плодъ одного изъ тѣхъ внезапныхъ ощущеній, которыя глубоко западаютъ въ сердце и выливаются изъ него въ дѣйствіяхъ. Маргарита перелестывала ноты, потомъ съ живостью закрыла тетрадку, опять обратила на Вальтера кроткій, нѣсколько печальный взоръ, и сказала ему дрожащимъ голосомъ:

— Я открою вамъ всю правду, Вальтеръ. Мнѣ правится Эдмундъ; до какой степени я привязана къ нему, я и сама не знаю! Это для меня было что-то новое: полюбить новаго знакомаго, человѣка почти монахъ лѣтъ, и столь не похожаго на всѣхъ, кого я доселѣ любила; какъ горячо я ихъ любила, этого не могу сказать вамъ, Вальтеръ.

Тутъ слезы опять повернулись на глаза Маргариты; но она удержала ихъ, и они задрожали только на ея рѣсницахъ.

— Теперь, продолжала она съ возрастающимъ волненіемъ, когда я подумаю, что и онъ меня любитъ, что онъ почти сказалъ мнѣ это, — мнѣ становится страшно передъ нимъ, страшно передъ самой собою, передъ вами, Вальтеръ; потому что я вижу, что вы страдаете отъ моего безумія. Если оно такъ, Вальтеръ, если вы въ-самомъ-дѣлѣ имѣете дурное мнѣніе о Неввилѣ, — если, какъ вы говорили сейчасъ, въ немъ нѣтъ чувства истины, — то я откажусь отъ «своей первой тайны и послѣдняго счастья», какъ говорится въ пѣснѣ.

Вальтеръ всталъ, приблизился къ ней и сказалъ спокойнымъ, протяжнымъ и торжественнымъ голосомъ:

— Милая Маргарита, я обвинялъ Эдмунда Невилъ безъ достаточнаго основанія; я не имѣю никакого права осуждать его, и если вы нашли въ немъ то, что могло тронуть ваше сердце, я не посмѣю сказать слова противъ него. Я не смѣю полагаться на свои сомнѣнія и опасенія.... Однако же, Маргарита, дочь мо-

онъ сарана; будьте осторожны. Позабудьте то, что я говорю, — но думайте ни обо мнѣ, ни о мнѣ; можетъ-быть напавшей, ищетвности; — но наблюдайте за мнѣ и за собою; не шутите неослабными, нескучными сокровищами; — не отдавайте его слишкомъ необдуманно. Времените и молитесь. Боже! не могу вамъ сказать ничего.

Мargarita подала руку Вальтеру, который тѣмъ прижалъ ее къ устами; потомъ оба встали, и нѣсколько минутъ стояли на-встрѣчу у окна, и омотрѣли на: тяжелыя сѣрыя тучи, которыя порывотый вѣтеръ гвалъ причудливыми грядями по небу, между-тѣмъ какъ онъ же взметалъ послѣдніе осенніе листья. Оба молчали; сердца обонхъ были переполнены, и оба вздрогнули, когда плось полковника Лесди внезапно пробудилъ ихъ отъ думъ. Онъ стоялъ въ дверяхъ библіотеки, и съ болѣею еще холодною и перешовностью, чѣмъ обыкновенно, сказалъ Margaritѣ, которая обернулась и шла ему навстрѣчу:

— Сдѣлай одолженіе, зайдн на минуту въ мою комнату.

Дѣвушка подезвала одного изъ водолазовъ, лежавшихъ на коврѣ, в преходя мимо Вальтера, шепнула ему: Вгляните, какъ бѣднѣйшій Эбро поджалъ хвостъ; вѣрно изъ состраданія ко мнѣ. — Потомъ она молча нагнулась, чтобы потлудить стараго носматого вріателя, и вошла въ комнату отца, куда она до-тѣхъ-поръ никогда не бывала приглашаема такъ церемонно, ни даже, сказать правду, другимъ образомъ.

Взаимное положеніе отца и дочери приняло, съ самого прибытія его въ Англію, неблагопріятный характеръ. Когда Margarita пріѣхала въ Лондонъ, холодный пріемъ отца мгновенно остудилъ ее пламенныя чувства, и породилъ такую быструю и полную реакцію въ ея душѣ, непривыкшей скрывать свои чувства, что онъ ни разу не могъ подмѣтить въ ней ни малѣйшаго признаку привязанности къ себѣ. Онъ утвердился въ своемъ убѣжденіи, что родные ея матери постарались внушить ея дѣтской душѣ свои предубѣжденія противъ него; ему и въ голову не приходило, что она ничего не знала ни о вторичномъ его бракѣ, ни о томъ, что у него была другая дочь; и по этому онъ часто мысленно негодовалъ на совершенно невнятыя съ ея стороны замѣчанія, приписывая ихъ умыслу, о которомъ она никогда не думала; молчаніе ея насчетъ этого предмета объяснял онъ умышленнымъ упорствомъ и отсутствіемъ всякаго чувства. Такииъ образомъ съ каждымъ днемъ усиливалось его раздраженіе, а съ тѣмъ вѣстѣ его скрытность и холодность. Margarita, съ своей

стороны, была убѣждена, что онъ не любитъ ея; и хотя она желала сперва побѣдить эту нелюбовь, однако не умѣла пріятыся за дѣло. Оскорбленная холодностью его обращенія, явнымъ равнодушіемъ ко всѣмъ предметамъ ея привязанности, одушевленнымъ и неодушевленнымъ, она нерѣдко высказывала свои англійскія пристрастія и предубѣжденія въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ, которыя, еслибы ей была извѣстна исторія ея отца, не дѣлали бы чести ея чувствамъ въ деликатности. Однажды, напримѣръ, когда она была больше обыкновеннаго раздосадована саркастическими выходками полковника Лесли на англійскіе нравы и обычаи, она вскричала съ запальчивостью, что какъ ни глупы и ни смѣшны эти нравы и обычаи, она никогда непроститъ ихъ на нравы и обычаи другого народа, и что всегда будетъ смотрѣть на чужеземца какъ на существо чуждаго ей роду. Лесли устремилъ на нее взоры полные такого суроваго выраженія, какого она еще никогда не видала, но которое скоро перешло въ тяжелую грусть и задумчивость. Подобныя недоразумѣнія отравляли ихъ взаимныя отношенія, и питали въ умѣ полковника чувство вражды къ тѣмъ, которые, какъ онъ полагалъ, возбуждали Маргариту противъ него и растревали въ ней предубѣжденіе противъ отсутствующей сестры. Въ такомъ расположеніи духа и подъ вліяніемъ такого неблагопріятнаго образа мыслей, приступили отецъ и дочь къ объясненію, на которомъ мы остановились.

Полковникъ Лесли указалъ ей большія кресла, обитыя зеленымъ сафьяномъ, и пригласилъ ее сѣсть; самъ же сталъ противъ нея, спиною къ камину, откашлялся два или три раза, и сказалъ отрывисто:

— Я получилъ вынче утромъ письмо, которое принуждаетъ меня поговорить съ тобою о предметѣ, о которомъ до сихъ поръ не было помину между нами.

Маргарита взяла переднія лапы Эбро и положила ихъ себѣ на колѣна.

— Не знаю, продолжалъ Лесли, какое дѣйствіе произведутъ на тебя мои слова. Но если оно будетъ неблагопріятно, я все такъ надѣюсь, что ты не дашь мнѣ этого замѣтить; потому что никогда не прошу враждебнаго чувства, выраженнаго въ этомъ случаѣ.

Приказаніе было самое плохое средство внушить Маргаритѣ желанное чувство; она склонила лицо на косматую голову водо-

дѣла, и сердце ея сжалось негодованіемъ при этомъ неудачномъ увѣщаніи.

— Ты, конечно, знаешь, что у тебя есть сестра?

— Есть сестра? вскричала Маргарита; и щеки ея вспыхнули густымъ румянцемъ, глаза ея наполнились слезами, и Эбро вытащилъ свои лапы, которыя она, забывшись, стиснула слишкомъ крепко.

— Не могу я полагать, продолжалъ отецъ строгимъ голосомъ, чтобы твои родные скрыли отъ себя это обстоятельство, и надѣюсь, что въ числѣ нравственныхъ обязанностей, которыя, какъ меня увѣряютъ, они тщательно старались тебѣ внушить, ты не послѣднее мѣсто дашь любви и дружбѣ, которыя должна оказывать сестрѣ.

Тонъ, которымъ были сказаны эти слова, задѣл Маргариту за живое. Еслибы чувстванъ ея былъ предоставленъ ихъ естественный ходъ, она вѣроятно бросилась бы въ объятія отца, и вскричала бы въ порывѣ восторга: — Такъ у меня есть сестра? О, дайте мнѣ взглянуть на нее! отведите меня къ ней! — Но сердце ея въ это время обливалось негодованіемъ къ тому, что она считала несправедливостью и жестокостью отца. Радость, которую возбуждало бы въ ней самое извѣстіе, увичтожалась передъ чувствомъ умиленія отъ выраженій, въ которыхъ было предано ей это извѣстіе, и она отвѣчала съ горечью:

— Я всегда любила тѣхъ, кто любилъ меня; но къ чужимъ, — родственникамъ ли они мнѣ или нѣтъ, — я питаю одно равнодушіе.

Полковникъ Лесли нахмурилъ брови, и отвѣчалъ еще мрачнѣе:

— Мнѣ очень прискорбно, видѣть въ тебѣ такія чувства; но если ты не можешь насловать своихъ чувствъ, то можешь по крайней-мѣрѣ владѣть дѣйствіями, и я прошу тебя помнить, что отъ того, какимъ ты образомъ встрѣтишь сестру, которую ты должна скоро увидѣть, будетъ очень много зависѣть мое уваженіе и моя привязанность къ тебѣ самой.

— Конечно я должна съ благодарностью принять каждое средство, которое можетъ открыть мнѣ путь къ вашему уваженію и привязанности! — При этомъ словѣ негодованіе отняло у нея голосъ; но она сдѣлала усиліе, — несчастное усиліе! потому что отвѣтъ начало оскорбленное чувство, а кончилъ его гнѣвъ, — и продолжала:

— Какъ бы непріятны ни были эти средства сами по себѣ.

Полковникъ Лесли прикусилъ губы, и сказалъ спокойно, но съ горечью:

— Позволь мнѣ надѣяться, что эти поквашенныя и кислыя чувства вселены въ тебя чужими. Это, я полагаю, плодъ настояшій, которыя благоволила даять тебѣ Вальтеръ Сидней.

Глаза Маргариты засверкали при этомъ несправедливомъ обвиненіи; она устремила гордый взоръ прямо въ лицо отцу, и откликнула:

— Вы не знаете Вальтера Сиднея! вы никогда не знали еще, вѣдце вы ни на одно мгновение не могли бы подумати, что онъ способенъ вынудить что-либо иное, какъ добро, истину и любовь къ ближнему.

Этотъ гвардый, благородный отвѣтъ поправился похвальному, и выраженіе его лица смягчилось.

— Ты можешь-быть не знаешь, Маргарита, сказалъ онъ, что есть одно, ядовитое зелье, которое можетъ помутить и осквернить самый чистый и сладый родникъ. Этотъ ядъ, — *предубѣжденіе*; одна капля его обращаетъ въ желчь молоко челоуѣческой любви, даже въ самыхъ вѣжныхъ душахъ. Вальтеровы предубѣжденія столько разъ принимали образъ добродѣтелей, что она наконецъ сдѣлалась въ его умѣ съ этими добродѣтелями, и если ты заразилась ими, мнѣ остается только сожалѣть о томъ днѣ, въ который я ввѣрилъ тебя его дружескимъ попеченіямъ.

— А я почти готова раздѣлить ваше сожалѣніе, подхватила Маргарита; потому что для счастья и спокойствія челоуѣка, нагубно ему привыкать къ таковой вѣжной любви, которой ничто не превзойдетъ, и видѣть каждый день передъ собою примѣръ доброты, который бросаетъ тѣнь на все прочія достоинства, и посылъ котораго такъ непонятна и такъ тяжела холодность и жестокость свѣта.

— Мнѣ прискорбно слышать, что ты нашла свѣтъ такимъ холоднымъ и жестокимъ. Признаюсь, я полагала, что ты только что со школьной скамьи.... впрочемъ это можетъ-быть Вальтеровы фразы; надѣюсь, что не одѣи фразы, но и нѣкоторыя изъ своихъ чувствъ ты замѣствовала отъ него.

— Вотъ одна изъ его фразъ, возразила Маргарита, которую я замѣтила и запомнила: — Свѣтъ есть для каждаго изъ насъ та сцена дѣйствительной жизни, въ которой мы испытываемъ первыя свои горести, встрѣчаемъ первыя искушенія; эта сцена можетъ встрѣтаться въ уединеніи нашей комнаты, или среди семейства.

— Сегодня встрѣтила я свой свѣтъ.

Послѣднія слова были произнесены такъ тихо, что полковникъ

Лесли не дослышалъ ихъ, и продолжалъ сухимъ и нѣрцимъ голосомъ:

— Такъ какъ мы не можемъ понимать чувствъ другъ друга, то лучше намъ ограничиться одними фактами. Какъ ни неприятно можетъ быть тебѣ это извѣстiе, я долженъ предупредить тебя, что сестра твоя скоро должна прибыть въ Англію и слѣдъ за тѣмъ, разумѣется, въ Гравтли-Мэноръ. Надѣюсь, что ты къ тому времени приготовишь свое сердце встрѣтить ее, — если не съ любовью, то по крайней мѣрѣ прiвѣтливо.

Маргарита уже не обращала вниманiя на холодность, съ которою были сказаны послѣднiя слова. Она закрыла лицо руками; потоки слезъ пробивались между ея тонкихъ пальцевъ, и грудь ея высоко воздымалось отъ волненiя, котораго она не могла перенести.

— Сестра, сестра! повторала она нѣсколько разъ, и если бѣ полковникъ Лесли могъ въ эту минуту читать въ сердцѣ плачущей взволнованной дочери, онъ страстно прижалъ бы ее къ своей груди, и ледяная стѣна, возникшая между ними, растаяла бы въ этотъ часъ волненiя, какъ свѣгъ подъ лучемъ солнца. Но молчанiе, — молчанiе, этотъ ужасный источникъ добра и зла, — хранитель самыхъ священныхъ чувствъ, самыхъ чистыхъ помысловъ, или орудіе самыхъ преступныхъ страстей, — молчанiе стало между ними. Полковникъ Лесли отвернулся и вышелъ изъ комнаты съ мрачнымъ лицомъ и съ тоскою въ душѣ, между тѣмъ какъ дочь его судорожно сжала руки, и вскричала въ сильномъ порывѣ горести:

— Сестра, сестра! о тебѣ мечтала я днемъ, ты снилась мнѣ по ночамъ! а теперь мысль о тебѣ нашла на мою душу, какъ черное облако на ясное небо. Она мучитъ, она томитъ, она давитъ меня.... О Вальтеръ, приди ко мнѣ.... говори со мною, Вальтеръ.... ты любишь меня, Вальтеръ, ты сочувствуешь мнѣ.... Не оставь меня, Вальтеръ!

Она подняла взоры; передъ нею стоялъ Вальтеръ, и смотрѣлъ ей въ лицо съ тѣмъ участiемъ, съ тѣмъ безпокойствомъ, съ которыми онъ всегда слѣдилъ за каждою переменою ея фiзiономiи. Помявiе его въ то самое мгновенiе, какъ она, забывшись въ порывѣ горести, такъ поэтически призывала его, дало другое направление ея мыслямъ; веселая улыбка блеснула сквозь ея слезы и она сказала:

— Вальтеръ, я скоро стану считать васъ колдуномъ. Мнѣ стоитъ только подумать о васъ, и вы уже тутъ.

Овъ также улыбнулся и отвѣчалъ:

— Пожалуй, Маргарита; если нужно колдовство для того, чтобы угадывать когда я вамъ нуженъ, то винюсь: потому-что я почти всегда знаю, когда моей проказницѣ нуженъ старикъ Вальтеръ, чтобы пожурить ее за слезы, и сказать ей въ девятнадцать лѣтъ то, что говорятъ трехлѣтнимъ дѣтямъ, что слезы ни чему не помогутъ, а только портятъ лицо....

— Все это пустяки, Вальтеръ. Во-первыхъ развѣ я теперь хуже, отъ того что плачу?.... что?

Вальтеръ не могъ не согласиться съ нею; прозрачныя слезы кативсь по ея разгорѣвшимся щекамъ какъ дождевыя капли по алой розѣ.

— А во-вторыхъ, продолжала Маргарита, слезы вещь очень полезная; опъ то же, что гроза; очищаютъ воздухъ. Къ тому же можете ли вы говорить мнѣ, будто мнѣ не о чемъ и не изъ чего плакать, Вальтеръ? развѣ сердитый и нелюбящій отецъ не достаточная причина горести?

— Полно, Маргарита; вы не думаете того, что говорите.

— Напротивъ, я думаю именно то, что говорю, даже еще больше. У меня есть сестра; эту сестру я могла бы любить и любила бы всемъ сердцемъ, и нынѣшній день могъ бы быть однимъ изъ счастливейшихъ дней моей жизни. И что же! отецъ довелъ меня въ одно мгновеніе до того, что я готова была возненавидѣть сестру, сдѣлалъ меня несчастнѣйшимъ существомъ въ мірѣ. Не могу простать ему, что онъ своею несправедливостью и жестокимъ обращеніемъ, разрушилъ счастье, которое я вкусила бы въ такое мгновеніе, какъ это. Не плакала бы я, не было бы во мнѣ сердце въ тотъ день, какъ я узнала, что у меня есть сестра. Зачѣмъ не говорили вы мнѣ о ней, Вальтеръ? я начинаю почти думать, что и вы не добры.

— Я, можетъ-быть, долженъ бы васъ къ этому приготовить, Маргарита; во второй бракъ вашего отца....

— Пойдите.... да, понимаю.... всѣ мысли мои такъ разстроены.... да, понимаю; отецъ мой женился въ другой разъ; вначе у меня не было бы сестры. Когда же опъ женился? и на комъ?

— Овъ женился очень скоро послѣ смерти вашей матери, при этихъ словахъ Вальтеръ подавилъ глубокой вздохъ, — вторая жена его....

— Была Итальянка, не такъ ли? подхватила Маргарита, отчего я никогда не видала ея? расскажите мнѣ объ ней подробно.

— Мы объ пей очень мало знаемъ, Маргарита. Она умерла

черезъ два года послѣ замужства, а пока была жива, отецъ вамъ не имѣлъ почти никакихъ сношеній ни съ кѣмъ изъ насъ. Вы знаете, что за исключеніемъ одного непродолжительнаго пощещенія, онъ жилъ все время за границею, и никогда не говорилъ ни слова о своемъ второмъ бракѣ ни мнѣ, ни, сколько мнѣ извѣстно, кому-либо другому изъ здѣшнихъ. Послѣ такого упорнаго молчанія, я не думаю, если дочь его жива, чтобы онъ имѣлъ намѣреніе привезти ее въ Англію. А какъ я полагаю, что вамъ неизвѣстно ея существованіе, то и не считъ себя въ правѣ говорить вамъ о предметѣ, который только возмутитъ бы миръ вашей души, и на счетъ котораго я самъ находился въ совершенномъ мракѣ. Прощаете ли вы меня теперь?

— Я должна васъ простить, хотя все-таки думаю, что мы могли бы вмѣстѣ ломать голову надъ этою загадкою. Сестра моя должна быть гораздо моложе меня?

— Ей должно быть около семнадцати лѣтъ, сколько я могу припомнить, отвѣчалъ Вальтеръ. Рожденіе ея было въ свое время формально повѣщено намъ.

— А какъ ее зовутъ? не знаете?

— Кажется, Джиневрою. Имя ея матери было Джиневра Феррари.

— Чудесное имя. Желала бы я знать, хороша ли она. О, съ какими нетерпѣніемъ буду я ждать ее! Какое различіе между тѣмъ, что я чувствую теперь, и что чувствовала, когда говорила съ мною отецъ! Здѣсь, на оборотъ прекраснымъ стихамъ Тасса,

*Così a l'agro faneciòl porgiam aspersi
Di soave licor gli orli del vaso,*

горечь была на краю этой чаши, а на днѣ ея одна сладость.

— Надѣюсь, что вы дадите замѣтить отцу ваше теперешнее чувство.

Маргарита улыбнулась, и прижала кончикъ языка къ зубамъ.— Я боюсь говорить съ нимъ, сказала она, чтобъ не пришлось опять отыдаться горечи.... Но, Вальтеръ, какъ я рада, что училась по-итальянски! какъ вы думаете, говорить ли Джиневра по-английски?... мнѣ страшно будетъ говорить съ нею по-итальянски. Что скажетъ на это бабушка, и мистрисъ Дальтонъ, которая воображаетъ, я думаю, что иностранцы составляютъ среднюю породу между Англичанами и обезьянами, какъ ея любимые морскіе анемоны составляютъ переходъ отъ животныхъ къ растеніямъ?

Впрочемъ, дочь моего отца не совершенная же чужеземка. Не правда ли, Вальтеръ?

Отвѣтъ Вальтера былъ произнесенъ такъ невнятно, что Маргарита ничего не разслушала. Въ то же мгновеніе вошелъ слуга, доложить, что пріѣхали гости и ждутъ въ гостиной. Маргарита поспѣшила принять ихъ со всею пріѣзливостью, какую могла допустить досада на несвоевременный пріѣздъ посѣтителей. Вальтеръ послѣдовалъ за нею; и ни разу не вспало на умъ гостямъ, въ продолженіе цѣлаго полчасу мелочной болтовни, что не было между слушателями ни одного, котораго мысли не блуждали бы далеко отъ деревенскихъ баловъ, приходскихъ сѣздовъ и даже должностныхъ обѣдовъ, къ которымъ мистръ Торнтонъ рѣдко бывалъ равнодушенъ, но которые въ настоящее время и изъ его воображенія вытѣснялись не столь пріятными для него, а всетаки болѣе поразительными на этотъ разъ вядѣніями померанцовыхъ рощъ и черныхъ глазъ.

II.

Читатели безъ труда догадаются, что въ первые дни послѣ извѣстія, возбудившаго такую тревогу въ Гравтли-Мэнорѣ, пріѣздъ младшей мисъ Лесли, или мисъ Лесли Итальянки, какъ ее чаще называли, былъ предметомъ всѣхъ разговоровъ, когда только присутствіе полковника не прекращало этихъ разсужденій. При немъ никто не смѣлъ замолвить слова объ этомъ предметѣ, а какъ онъ одинъ только могъ бы дать вѣрныя свѣдѣнія о времени и образѣ пріѣзда, возбуждавшаго общее любопытство, то разумѣется, что досужимъ умамъ было обширное поле для предположеній и догадокъ. Полковникъ Лесли, казалось, желалъ, чтобы гости не разѣхались; изъ чего Маргарита заключала, что онъ боится остаться съ нею наединѣ въ минуту, которой оба равно страшлись, и равно пламенно желали. Послѣ роковаго объясненія, не было между ними говорено ни слова объ этомъ предметѣ. Маргарита нѣсколько разъ покушалась на робкій намекъ, въ надеждѣ поправить дурное впечатлѣніе, произведенное тогда на отца; но онъ каждый разъ останавливалъ ее такъ рѣшительно и такъ сурово, что она скоро отказалась отъ этой мысли, и наконецъ сказала про себя, вмѣстѣ съ вѣтерпвнѣемъ и съ удовольствіемъ:

— Придется ему однако же заговорить объ этомъ до ея пріѣзда; вначе кто приготоить для нея комнату? а онъ такъ не лю-

Битъ говорить съ мистрисъ Рамсей, что, я думаю, скорѣе соблаговолитъ отдать свои приказанія мнѣ.

Мargarita была поражена настойчивостью, съ которою отецъ ее просилъ Сиднеевъ и Торнтоновъ продлить свое посѣщеніе; еще съ большимъ удовольствіемъ слышала она приглашеніе, сдѣланное мнѣ Эдмунду Невиллю оставаться до конца праздниковъ; Невилль сначала слабо отговаривался, но наконецъ принялъ приглашеніе. Мистрисъ Торнтоу предпочитала Грантлен-Мэнору приходскому дому; и ей очень хотѣлось дожидаться прибытія Джиневры, которое, говорила она мужу, должно произвести переворотъ въ ихъ жизни; но въ то же время она желала своимъ отсутствіемъ изъяснить крайнее неудовольствіе на существованіе этого лица, и даже свое незнаніе этого обстоятельства, потому что, какъ она говорила передъ тѣмъ Margaritѣ, она не могла признать въ этой чужеземной дѣвочкѣ другаго права называться дочерью полковника Лесли, кромѣ того, что она его дочь; что противъ этого факта она рѣшилась протестовать до самой своей смерти.

— Однако же это все таки фактъ, бабушка, возразила Margarita; вамъ остается только съ нимъ примириться.

— Никогда не стану я преклоняться передъ фактами, моя мама, когда они противорѣчатъ моей совѣсти.

Мистръ Сидней, читавшій газету въ углу комнаты, положилъ локоть, и спросилъ мистрисъ Торнтоу, что значило въ точности преклоняться передъ фактами?

Мистрисъ Торнтоу никогда не задумывалась; готовность ее во всякое время дать отвѣтъ на самый крючкотватый вопросъ, была истинно изумительна; она отвѣчала мистру Сиднею съ торжествующею живостью:

— Жертвовать своимъ мнѣніемъ силѣ матеріальныхъ обстоятельствъ.

— Въ такомъ случаѣ я полагаю, что вы не захотите подвергаться весьма матеріальному возраженію, которое присутствіе мнѣ Джиневры представитъ вашей теоріи ея несуществованіе.

— Я буду смотрѣть на нее, отвѣчала мистрисъ Торнтоу съ глубокимъ вздохомъ, какъ на нѣчто дѣйствительно существующее, но чему не слѣдовало бы вовсе существовать.

Послѣ этого протеста, который долженъ былъ отвратить отъ нея всякое подозрѣніе въ участіи въ такомъ предосудительномъ дѣлѣ, каково было существованіе Джиневры, мистрисъ Торнтоу сошла себя уже въ правѣ величаво согласиться на приглашеніе

продать посѣщеніе ей на неопредѣленное время; а мистръ Теритонъ, который, по своей оговорчивости, всегда готовъ былъ на все, что было одобрено его женою или Маргаритою, безъ труда согласился и на это рѣшеніе.

Но такъ легко было уломать жителей Геронъ-кастля. Мистръ Сидней отказалъ на отръзъ; наконецъ однако же объ стороны помирились на томъ, что онъ съ женою возвратился домой на двѣ недѣли, давъ слово пріѣхать въ Грантли къ празднику Рождества и остаться тогда на нѣсколько недѣль. Вальтеръ мужественно выдержалъ убѣжденія Маргариты, оставаться съ ними, и отказался отъ своего намѣренія не прежде какъ послѣ секретнаго разговора съ полковникомъ, который успѣлъ уговорить его на то, чего напрасно добивалась она. Въ этомъ объясненіи съ обѣихъ сторонъ были высказаны нѣкоторыя вещи, которыя въ продолженіе послѣднихъ недѣль не разъ готовы были сорваться съ устъ того и другаго, и которыя теперь едва не разрушили однимъ ударомъ ихъ многолѣтнюю дружбу. Но оба во-время удержались; оба почувствовали, что еще не наступило время имъ взаимно объясниться, въ-особенности же, чтобы разойтись. Размолвка слишкомъ дорого стоила бы тому и другому. Если быль доделованъ Вальтеромъ, приписывая ему то, что онъ считалъ эгоистическими предразсудками своей дочери; Вальтеръ же былъ сердитъ на Лесли за мнимую его несправедливость и холодность къ Маргаритѣ. Но оба понимали, что они въ юности были друзьями; оба знали, что ссора съ тѣмъ, кого мы любимъ, сожигаетъ душу какъ сумошествоіе, и оба они остановились, прежде чѣмъ было произнесено послѣднее слово, долженствовавшее навѣки расторгнуть ихъ дружбу, и пустить ихъ по разнымъ путямъ въ гордомъ одиночествѣ и съ напраснымъ раскаяніемъ въ душѣ.

Когда Лесли увидѣлъ, что Вальтеръ холодною непреклонностію упорствовалъ въ своемъ намѣреніи оставить Грантли-Мэноръ на другой же день, онъ подавилъ свой гнѣвъ и досаду, и сказалъ глухимъ, дрожащимъ голосомъ:

— Если ты не хочешь оставаться ради меня, то оставься ради Меръ.

— Вальтеръ вздрогнулъ, провелъ рукою по лбу, и молчалъ.

— Она, продолжалъ Лесли съ возрастающимъ волненіемъ, не стала бы вооружать одну изъ моихъ дочерей противъ другой, и посвявъ сѣмена раздору и вражды тамъ, гдѣ должна бы быть любовь, не оставила бы меня одного пожинать горькую жертву.

— Лесли, вскричалъ Вальтеръ съ живостью: отдай дочери сво-

ей справедливость, которую отдаешь наконецъ долго забытой матери ся, а обо мнѣ можешь думать, какъ хочешь. Если ты считаешь Маргариту способною на злобное или низкое чувство, — кого бы ни подозревалъ во внушеніи ей подобныхъ чувствъ, — ты клеветалъ на нее, и когда-нибудь раскаешься въ своей несправедливости. Если ты считаешь меня способнымъ вооружать ее противъ твоей дочери....

— Опять моей дочери! Не можешь называть ее сестрою? прерывалъ полковникъ Лесли съ горечью.

Вальтеръ продолжалъ, не обращая вниманія на это возраженіе:

— Затѣмъ мнѣ, любящему ее какъ долженъ бы ты любить ее, оставаться, чтобы смотрѣть на то, чего я, скажу откровенно, не могу видѣть безъ негодованія: на твою холодность къ ней и равнодушіе; въ-особенности теперь, когда скоро, можетъ-быть, придется намъ видѣть рѣзкую противоположность этому обращенію.

— Затѣмъ и долженъ ты остаться, сказалъ Лесли умоляющимъ голосомъ: останься затѣмъ, чтобы удержать ее отъ поведенія, которое навѣки разрознитъ людей, которые должны быть соединены узами любви. Я извиняю обидную запальчивость твоихъ словъ, потому что изъ горькаго опыта знаю, что видѣть хотя бы мнимую несправедливость и неуваженіе къ тому, кого мы любимъ, — величайшее испытаніе, какому можетъ быть подвергнуто человеческое сердце. Но не думай, — тутъ уста полковника Лесли подернулись тою неприятною насмѣшливою улыбкою, которая почти не сходила съ его лица; — не думай, чтобы я вовсе не понималъ цѣны этой прелестной избалованной дѣвочки, которую вы вскормили на похвалахъ, взростили на обожаніи дотога, что вы всѣ и въ томъ числѣ она сама, готовы обвинить въ холодности и несправедливости каждого, кто не можетъ вѣчно и безусловно благоговѣть передъ нею. Я знаю ея достоинства; но желалъ бы, чтобы она сама не была такъ пренеполнена чувствомъ своихъ безконечныхъ достоинствъ.

— Не хочу защищать твоей дочери, сказалъ Вальтеръ съ горячностью, противъ обвиненія, котораго ты не возносилъ бы на нее, если бъ лучше зналъ ее; не хочу и самъ оправдываться въ томъ, что люблю ее со всею нѣжностью, съ какою можетъ человекъ любить себѣ подобное существо.

— Вальтеръ, сказалъ полковникъ Лесли: я, право, не понимаю, почему ты не женишься на Маргаритѣ?

Глаза Вальтера засверкали гнѣвомъ. Если бъ Лесли погрѣшилъ

ся сжечь до тла Геронъ кастля, или затоптать его въ грязь одними почеркомъ пера, онъ едва ли бы нанесъ ему такую смертную обиду, какъ этимъ вопросомъ.

— Это злобая шутка, или умышленное оскорбленіе? пробормоталъ онъ наковецъ, нахмуривъ брови и стиснувъ зубы.

— Ни то, ни другое, увѣряю тебя. Но положеніе мое ужасно затруднительно, и начинается, признаюсь, выводить меня изъ терпѣнія; скоро мнѣ не станетъ силъ переносить его. Маргарита на каждомъ словѣ коритъ меня твоими необыкновенными добродѣтелями и достоинствами, которыя, кажется, не дозволяютъ ей обратитьнисходительный взоръ на достоинства остальнаго человечества; ты же негодуешь на меня за то, что я не благоговѣю слѣпо и безусловно передъ самыми ея недостатками; что, признаюсь, простиительно развѣ жениху, но никакъ не отцу и не другу.

Вальтеръ смотрѣлъ неподвижно въ лицо Лесли; поблѣднѣвъ какъ полотно, и съ очевиднымъ усиленіемъ сказалъ ему:

— Лесли, даю тебѣ честное слово, клянусь всѣмъ, что есть святаго въ мірѣ, что до этого мгновенія никогда мысль жениться на твоей дочери не приходила мнѣ въ голову. Ты несправедливо обвинилъ меня, но я знаю, что ты повѣришь моему слову.

— Скажи мнѣ, ради Бога, вскричалъ Лесли съ нетерпѣніемъ, въ своемъ ли ты умѣ, что на каждомъ словѣ упрекаешь меня въ несправедливости? Въ чемъ обвиняю я тебя? какое преступленіе вывожу я на тебя, самый непонятный и несговорчивый изъ чудачковъ? Что я за дуракъ, чтобы не радоваться, если бы первый другъ моего дѣтства и молодости, человѣкъ, котораго я уважаю больше всѣхъ въ мірѣ, несмотря на то, что онъ больше всѣхъ терзаетъ мое терпѣніе, наследникъ Геронъ кастля и владѣтель богатыхъ помѣстій, вздумалъ влюбиться и жениться на дѣвчкѣ, которой голубые глазки и розовыя щечки могутъ оправдать его любовь? Каюсь въ своей ошибкѣ, и прибавляю, что не было никакой надобности разувѣрять меня такъ торжественно; но я въ самомъ дѣлѣ полагалъ, что ты ухаживалъ за нею, и — прости меня, если это предположеніе оскорбляетъ твое превосходство надъ всѣмъ остальнымъ человечествомъ, — я этимъ только могъ объяснить себѣ то изліяніе восторга, которымъ она почтила меня, давъ мнѣ замѣтить, что никто изъ насъ, со включеніемъ меня самого, негодится тебѣ даже въ подметки.

— Лесли, я вижу, что мы никогда не понимали другъ друга,

а теперь невяше чѣмъ когда-либо, если ты не вѣришь, что я скорѣ умеръ бы....

— Чѣмъ жениться на моей дочери? О, я тебя не неволю. Маленькой кокеткѣ, я думаю, не будетъ недостатка въ обожателяхъ, и она успѣетъ еще принскать себѣ жениха.

— Я скорѣ умеръ бы, повторилъ Вальтеръ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, чѣмъ позволилъ бы себѣ сказать одно слово любви ребенку, котораго ты отдалъ на мое попеченіе, или завѣдомо употребить хоть одно средство свискать отъ нея такую любовь, какой она не должна бы питать къ отцу или брату. Неужели ты могъ подумать, что видя ее каждый день впродолженіе столькихъ лѣтъ счастья, и читая безъ утайки всѣ ея юныя, чистыя мысли, я могъ бы воспользоваться этому короткостью п ея удивленіемъ, чтобы присвоить себѣ сокровище, вѣренное мнѣ тобою и той, которую ты назвалъ нынче въ первый разъ послѣ столькихъ лѣтъ молчанія? Нѣтъ, никогда! Благодаря Бога, и мысль объ этомъ не приходила мнѣ на умъ; а если бъ и пришла, я отвергъ бы ее какъ ядовитую змѣю. Хоть я впродолженіе столькихъ лѣтъ любилъ ее самую безграничною любовью, и для счастья ея съ радостью отдалъ бы самую жизнь; и хотя чувствую, что слова твои открыли моей душѣ видѣніе блаженства, которое возмутитъ навѣки мой покой и можетъ-быть разрушить все мое счастье; однако же я могу смѣло сказать, что если бы она сама пришла ко мнѣ, положила руку свою въ мою руку, и съ тѣмъ спокойнымъ взоромъ довѣрчивой любви, которыми она всегда смотрѣла мнѣ въ лицо, сказала: — Вальтеръ, я люблю тебя, и хочу быть твоею женою! — я отвѣчалъ бы ей, что она еще ребенокъ, и не знаетъ сама, что говорить и что дѣлать; точно также, какъ говорилъ я ей двѣнадцать лѣтъ назадъ когда она надѣла свое брилліантовое ожерелье на шею вшей дѣвочки, которая видѣла, какъ оно блестѣло въ коробчкѣ, плакала, чтобы его далъ ей.... Теперь, можетъ-быть, ты понимаешь меня.

Если крѣпко стиснулъ руки и отвернулся въ молчаніе; но немного спустя, сказалъ:

— Все это одно недоразумѣніе, Вальтеръ. Ты мечтателевъ, какъ ювоша, и не хочешь смотрѣть на вещи, какъ онѣ есть; но не мое дѣло, и я не намѣренъ уговаривать тебя жениться на Маргаритѣ. Хотя, можетъ-быть, — прибавилъ полковникъ съ улыбкою, въ которой уже не было обычной насмѣшливости, — справедливость и требовала бы, чтобы, избаловавъ дочь мою такою благородною и самоотверженною любовью, какую не скоро

найдешь на землѣ, ты же помоги мнѣ сбыть ее съ рукъ; но объ этомъ ни слова болѣе. Останься у насъ. Ты долженъ остаться, Вальтеръ; намъ всѣмъ предстоитъ тяжелое испытаніе. Живуча оскорбленная память, и мучительны тѣ минуты, когда жизнь раскрывается вновь закрытыя временемъ, но не совсѣмъ еще зажившія раны.

Слова эти достигли желанной цѣли. Какъ ни различны были эти два человѣка, они соединены были сильною привязанностью. Вальтеръ, въ-особенности, любилъ Лесли всею душою. Это былъ его самый давнишій и самый близкій ему другъ; въ молодости онъ подкрѣплялъ и ободрялъ его въ минуты разочарованія и унынія дружескою заботливостью, которой Вальтеръ не могъ забыть. Когда Лесли женился на дѣвушкѣ, которую онъ самъ любилъ выше всего въ мірѣ, никакое чувство ревности или неприязни не возникало въ его сердцѣ; напротивъ, онъ полюбилъ его еще больше прежняго, какъ ради его самого, такъ и ради его жены. Мужъ Мери, предметъ ея любви, сталъ ему еще дороже, чѣмъ былъ другъ его молодости; послѣднія слова ея къ нему, были: — Любезный Вальтеръ, любите Генри до самой смерти! — А теперь, когда Генри, послѣ многолѣтняго отсутствія и послѣ нѣкотораго отчужденія, въ первый разъ открывалъ ему нѣсколько свою душу, и онъ увидѣлъ, что она была полна тайной скорби и страданія, прежняя дружба и память прошедшихъ лѣтъ воскресли, и старикъ Вальтеръ согласился остаться въ Грантан, ворча, точно также, какъ за двадцать лѣтъ тѣ же полуповелительныя, полудружескія убѣжденія заставляли его бросать книги и отходить отъ фортепіано Мери Торнтонъ, чтобы противъ воли тащить его на охоту или на рыбную ловлю.

Вечеромъ того же дня Маргарита сидѣла за круглымъ столомъ передъ каминомъ, погруженная въ списываніе одного изъ Флаксамановыхъ рисунковъ къ трагедіямъ Шекспира. Это былъ рисунокъ, изображающій сцену, когда сумасшедшая Офелія раздаетъ цвѣты изумленнымъ и плачущимъ придворнымъ. Маргарита новинному была очень занята работою или своимъ размышленіемъ, потому что противъ своего обыкновенія, просидѣла почти цѣлый часъ не вымолвивъ слова. Мистрисъ Сидней и мистрисъ Дальтонъ вдвоемъ играли въ пикетъ; мистрисъ Торнтонъ вязала, забывшись въ большія кресла между столомъ и каминомъ, а оба Сидней и Эдмундъ Невиль читали газеты. Наконецъ Вальтеръ положилъ листокъ, и Маргарита сказала ему вполне лоса:

— И темъ, вы озабочены такъ?

Она виднеть утвердительно головою.

— Это убѣждаетъ меня въ томъ, чему я сначала не хотѣла вѣрить.

— Въ чемъ же?

— Въ томъ, что вы отца моего гораздо больше любите чѣмъ мать. Какъ я не просила васъ, вы не хотѣли оставаться; а теперь, послѣ этого продолжительнаго разговора въ кабинетѣ отца, всѣ прятателства устранены?

— И вы на это сердитесь?

— Нѣтъ; гдѣ дѣло идетъ о моемъ удовольствіи, тамъ самолюбіе мое должно молчать.

Съ того памятнаго дня, когда передъ Маргаритою открылась новая страница жизни, бѣдная была иногда убѣждена, что Эдуиндъ Невилль любилъ ее. Убѣжденіе это съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе укрѣплялось въ ея умѣ, несмотря на то, что онъ съ тихъ-поръ ни разу не намекалъ на свои чувства къ ней; но она безпрестанно наблюдала за нимъ, и замѣчала съ какою охотою участіемъ выслушивалъ ея сужденія обо всемъ, и старался вникать въ нихъ; притомъ онъ, казалось, жаждалъ случая поговорить съ нею наединѣ, а когда случай представлялся, онъ или успѣшно удавался, или послѣ нѣсколькихъ дошлыхъ фразъ погружался въ задумчивость. Маргарита боролась съ влеченіемъ, которое она чувствовала къ Невиллю; по совѣту Вальтера, она хотѣла строго наблюдать за нимъ и за собою; но всѣ эти усилія только болѣе и болѣе доказывали силу этого влеченія. Чѣмъ болѣе она наблюдала за Невиллемъ, тѣмъ болѣе убѣждалась въ любви его; она не могла въ ней сомнѣваться; но въ то же время ее обдавалъ какой-то холодъ, и она не могла защититься отъ досады при видѣ холодности и почти жестокосердія, которыми сопровождалась его любовь. Когда она пѣла, онъ рѣдко отходилъ отъ фортепіано, но всегда слушалъ закрывъ лицо руками; иногда же просилъ ее спѣть выбранную имъ пѣсню, и уходилъ, не дослушавъ конца. Не проходило дня, чтобы сердце ея не волновалось сладостнымъ сознаніемъ, что она любима; не билось отъ радости при какомъ-нибудь несомнѣнномъ доказательствѣ любви Невилля; и чтобы оно не сжималось, полчаса спустя, отъ нѣсколькихъ безсмысленныхъ словъ, показывавшихъ, что будущность Невилля, въ умѣ его нисколько не была связана съ ея будущностью. Для Маргариты, которая по характеру своему должна была высказывать каждую мелькающую въ душѣ ея мысль, если не словами,

то наклоненіемъ головы или выраженіемъ взоровъ, принужденію было почти невыносимо. Когда она въ продолженіе цѣлаго дня видѣла или чувствовала, что взоры Эдмунда были прикованы къ ней по цѣлымъ часамъ, что когда она говорила, онъ слушалъ ее и забывалъ всѣхъ присутствующихъ; когда фраза его, начавшись какимъ нибудь вздоромъ, оканчивалась внезапнымъ выраженіемъ чувства, послѣ котораго можно было ожидать возобновленія объясненія, которое она такъ не кетати прервала; и когда, послѣ всего этого, онъ не показывалъ ни малѣйшаго желанія возобновить объясненіе, и даже высказывалъ намѣренія и сужденія, никакъ не согласовавшіяся съ ея обворожительною мечтою, — она вдругъ впадала въ несвойственную ей нетерпѣливость и раздражительность; или, вѣрнѣе, можетъ-быть, изобличала слабости и недостатки своего характера, которыя едва можно было замѣтить, когда жизнь ея текла спокойно, не возмущаемая никакимъ противорѣчіемъ.

Въ одинъ подобный день, когда она отвѣчала на сдѣланный ей вопросъ съ необыкновенною досадою, и вышла изъ комнаты съ нахмуренными бровями, и съ тѣмъ непріятнымъ выраженіемъ на устахъ, которое повременамъ искажало ея прекрасное лицо, Эдмундъ обратился къ Вальтеру, и спросилъ его равнодушно, всегда ли мисъ Лесли капризна? Вальтеръ не отвѣчалъ, и успливался очинить карандашъ тупою стороною пожа. Онъ въ эту минуту охотѣе умеръ бы мучительною смертію, чѣмъ сознался бы, что Маргарита не ангелъ; но какъ ангелы не хмурятъ бровей, не падуваютъ губъ и не хлопаютъ за собою дверями, то онъ принужденъ былъ молчать. Нѣсколько минутъ спустя, онъ сказалъ спокойнымъ голосомъ:

— Горе еще не научило ее владѣть собою. Придетъ время, когда горькій опытъ научитъ ее; по горе тѣмъ, черезъ кого ей суждено научиться этому, если умыслы ихъ жестоки и печистосердечны.

— Миѣ кажется, возразилъ Эдмундъ, что ваша любимица скорѣе сама обидитъ ближняго, чѣмъ дастъ себя въ обиду.

Вальтеръ поднялъ глаза съ видомъ сомнѣнія, и устремилъ ихъ на Эдмунда, какъ-будто хотѣлъ проникнуть точный смыслъ его словъ. Севиль продолжалъ тѣмъ же голосомъ:

— Я думаю, сестрѣ ея будетъ здѣсь житье не очень легкое и пріятное. Не знаете, что она за дѣвушка?

— Не знаю, отвѣчалъ Вальтеръ отрывисто. Затѣмъ опять по-

слѣдовало молчаніе. Наконецъ Эдмундъ положилъ руку на плечо Вальтеру, и сказалъ вполголоса:

— Я желаю бы поговорить съ вами; сказать вамъ, что привело меня сюда, и что держитъ меня здѣсь. Вы единственный человѣкъ, который можетъ дать мнѣ хорошій совѣтъ, и я кромѣ васъ не знаю никого, кому бы могъ вполнѣ вѣряться.

Лицо Вальтера вдругъ измѣнилось, и онъ отвѣчалъ съ такою живостью, что Невиль остановился какъ вкопанный отъ удивленія.

— Вы ошибаетесь; вы не можете вѣряться мнѣ въ этомъ дѣлѣ, и я самъ не могу говорить съ вами объ этомъ. Понимайте мой отвѣтъ, какъ вамъ угодно; я знать не хочу, какъ вы будете его толковать; но я не хочу слышать ни одного слова о предметѣ, по которому я не могу дать совѣта ни вамъ, ни себѣ самому, никому другому.

Сказавъ это, онъ схватилъ со стола книгу, и поспѣшилъ въ цвѣтникъ, гдѣ Маргарита стояла на колѣнахъ на грядкѣ, и подвизывала китайскія астры, которыя, выдержавъ нѣсколько морозныхъ ночей, уныло повѣсили головки въ ожиданіи близкой кончины.

— Вальтеръ, вскричала она, помогите мнѣ воткнуть эти подпорки въ землю.

— Какая пзъ этого польза? вы только простудитесь; пойдите лучше домой и оставьте цвѣты; ихъ уже не спасете отъ морозу.

— Бѣдняжк! сказала Маргарита, приподнимая цвѣты и опуская ихъ снова; — они были хороши и такъ свѣжи, когда я ихъ сажала, мѣсяца три тому назадъ.... Вальтеръ, я желала бы чтобы время могло идти назадъ, или чтобы оно хотъ стояло, а не шло впередъ.

— Помнится мнѣ, что вы желали противнаго не дальше какъ вчера; вамъ казалось, что время никогда не можетъ идти слишкомъ скоро.

— Не приводите противъ меня собственныхъ моихъ словъ, Вальтеръ; я не знаю ничего досаднѣе этой привычки. «Вчера вы говорили то», или «намедни вы желали того»; это самыя несносныя выраженія въ свѣтѣ, а у васъ они вѣчно на языкѣ.

Вальтеръ хранилъ угрюмое молчаніе, и она продолжала съ возрастающею досадою. — Нельзя же требовать, чтобы люди всегда думали одинаково, и взвѣшивали каждое слово, которое они произносятъ; кромѣ развѣ стариковъ и несносныхъ педантовъ.

Говоря это, она сѣла на ступень, и принялась обрывать го-

лень несчастныхъ вѣтръ, которыми за нѣсколько минутъ подвезла съ такимъ состраданіемъ.

— Вы простудитесь, Маргарита, останетесь такъ долго на дюръ. Найдите домой.

— Благодарю, мнѣ не холодно. Если вамъ холодно, то пожалуйста идите домой и оставьте меня одну.

И раскраснѣвшіяся щеки подтверждали ея слова. Послѣ нѣкотораго молчанія, Вальтеръ сказалъ:

— Жаль мнѣ вашихъ друзей, Маргарита, если ихъ ожидаетъ одинаковая участь съ этими цвѣтами. Сначала такое нѣжное участіе, а черезъ минуту такая суровость.

— Я виновата передъ вами, Вальтеръ; очень виновата. О, я теперь ненавижу себя, и желала бы, чтобы всѣ меня ненавидѣли.

— Этимъ вы еще болѣе огорчаете меня, Маргарита, потому что вы знаете, что это единственное желаніе ваше, котораго я не могу исполнить.

Слезы навернулись на глазахъ Маргариты; она отворотила лицо, и протянула Вальтеру руку. Когда онъ повторилъ свой совѣтъ, идти домой, она отвѣчала съ кротостью:

— Нѣтъ, милый Вальтеръ, позвольте мнѣ посидѣть здѣсь еще немного. Дома такъ душно.... у меня болитъ голова, вольный воздухъ поможетъ мнѣ.

Въ одно мгновеніе Вальтеръ принесъ изъ дому огромный нѣхровой салонъ, окуталъ ее какъ младенца, и въ усердіи своемъ завязалъ воротникъ такъ туго, что Маргарита просила пощады, и расхохоталась; потомъ, когда Вальтеръ сказалъ: — Вотъ люблю когда сидеть! — она опять заплакала, и мировая между ними заключена. Между-тѣмъ какъ эти частыя слезы капали на темный нѣхъ салона, казалось, облако разсѣялось съ ея лба; она положила руку въ Вальтерову руку, и послѣ минутнаго молчанія онъ спросилъ ее о причинѣ ея печали и разстройства такъ кротко и убѣдительно, что она хотѣла все ему высказать; но слова останавливались въ ея горлѣ.

— Это такое ребячество, такая глупость, говорила она, и снова полуулыбка просіяла на ея лицѣ, и снова нѣсколько крупныхъ слезъ скатилось по ея щекѣ. Наконецъ, потупивъ глаза въ землю, и чертя узоры по песку его тростью, она сказала едва слышнымъ голосомъ: — Все это оттого только, что мистръ Невилъ говорилъ мистрисъ Дальтонъ, что онъ никогда не женит-

ся на женщинъ маленькаго росту, а я... кажется... маленькаго росту.

При этихъ словахъ, щеки ея вспыхнули, и она продолжала съ живостью: — Не смѣйтесь, Вальтеръ, не смѣйтесь; я этого не вынесу. Я сама знаю, что оно должно показаться вамъ удивительно смѣшнымъ, удивительнымъ ребячествомъ. Я это иногда и сама думаю, но какъ бы то ни было, а мнѣ ужасно тяжело.

Если бъ Маргарита подняла глаза и взглянула въ лицо Вальтеру, она увидѣла бы, что не было никакой нужды просить его не смѣяться. Послѣ минутнаго молчанія она продолжала съ возрастающимъ волненіемъ:

— Я, можетъ-быть, не должна бы открывать вамъ такіа мысли, не должна бы показывать вамъ свою глупость, свою слабость. Я самъ не знаю, какъ мнѣ достаетъ духу говорить съ вами такъ свободно; но вы знаете, Вальтеръ, что я съ дѣтства привыкла все говорить вамъ; и когда вы меня такъ кротко, съ такимъ участіемъ спрашиваете о причинахъ моей горести, я чувствую, что не могу утаить отъ васъ истины.

— И всегда будьте со мною такъ же откровенны, милая Маргарита; вы должны такъ поступать изъ дружбы ко мнѣ и для собственной своей пользы. И да пошлетъ мнѣ Богъ силу въ совѣтахъ своихъ никогда не отступать отъ долгу дружбы и отъ истины.

— Какъ же можетъ быть иначе? вскричала Маргарита, какую же другую цѣль могли бы вы имѣть во всемъ этомъ, кромѣ моего счастья?

— Ни какой, надѣюсь, отвѣчалъ Вальтеръ торжественно; и до-тѣхъ-поръ, пока вы будете считать меня другомъ и....

— Отцомъ, подхватила Маргарита, прижимая руку его къ сердцу. Это было то же слово, которое хотѣлъ сказать онъ самъ; во быстрота, съ которою Маргарита его подхватила, сжала ему сердце; однако же онъ пересилилъ страданіе, и продолжалъ:

— Я не буду жаловаться на свою милую Маргариту, или журить ее, хотя бы она желала себѣ росту своей любимой горничной, Маріанны.

Шутливость, съ которою онъ произнесъ послѣднія слова, была величайшимъ торжествомъ Вальтера Сиднея надъ собственнымъ сердцемъ; и торжество его довершилось, когда онъ съ отеческою нѣжностью взглянулъ на прихотливую красавицу, которая, вытянувшись на цыпочкахъ на верхней ступени лѣстницы, и притянувъ покрытую коралловыми кистями вѣтвь высокой ря-

бины, обернулась къ нему и сказала: — Впрочемъ, я уже не такъ мала!

III.

Нѣсколько дней спустя послѣ разговору, которымъ мы заключили предыдущую главу, полковникъ Лесли и Маргарита были приглашены на обѣдъ къ лорду Доннингтону, котораго похѣстье находилось мѣляхъ въ двадцати отъ Грантли Мэвора. Вальтеръ и Эдмундъ должны были вѣхать съ ними, и Маргарита заранѣе радовалась этому, не совѣмъ обыкновенному случаю; потому что съ прїѣзда отца, она почти не видала сосѣдей. Дочери лорда Доннингтона были ея единственными подругами; они находились между собою въ тѣхъ короткихъ дружескихъ отношеніяхъ, какія обыкновенно заводятся между дѣвушками однихъ лѣтъ, когда онѣ еще на школьной скамьѣ привыкли смотрѣть на проведенное вмѣстѣ воскресеніе, или одинъ вечеръ, какъ на единственное удовольствіе своей однообразной жизни. Нэнси и Люси Винсентъ нѣсколько мѣсяцевъ уже не были въ Доннингтонъ-кастлѣ, и только что за недѣлю возвратились изъ путешествія въ Италію. Маргарита, не выдавая ихъ еще по прїѣздѣ, горѣла нетерпѣніемъ возобновить знакомство, которое до этого времени было величайшимъ удовольствіемъ ея жизни; притомъ, при настоящемъ недоумѣніи своемъ на счетъ расположенія Эдмунда Невилля, она очень рада была случаю наблюдать его въ болѣе обширномъ обществѣ, чѣмъ домашній кругъ. Фредерикъ Винсентъ, старшій сынъ лорда Доннингтона, также какъ его сестры, былъ товарищемъ ея дѣтскихъ забавъ, и она всегда съ удовольствіемъ видала его даже когда онъ, четырнадцатилѣтній юноша, возвращался по воскресеньямъ изъ Этонской коллегіи, на муку всему дому, и въ особенности сестрамъ. Больше всего удержался онъ въ ея благорасположеніи хвалами ея наѣзднической удали, и своими наставленіями, о вышколкѣ лошадей и собакъ, которыхъ она принимала подъ свое особое покровительство. Теперь Фредерикъ Винсентъ былъ взрослый молодой человекъ, двадцати-четырехъ лѣтъ, возвратившійся подъ родительскій кровъ послѣ трехлѣтняго отсутствія; онъ съѣхался съ своимъ семействомъ въ Италію, и вмѣстѣ съ нимъ прїѣхалъ въ Англію. Маргарита не имѣла положительнаго, обдуманнаго намѣренія возбудить ревность Эдмунда, хотя мы не посмѣемъ ручаться, чтобы въ умѣ ея не мелькало что-то въ родѣ этой мысли. Когда она окончила свой туалетъ, и посмотрѣлась съ большимъ противъ обыкновеннаго

самодовольствіемъ въ зеркало, на уснуленно-сжатыхъ губахъ ея невольна заиграла улыбка, изобличавшая пріятныя мысли и радостныя предугадыванія. Когда она съѣла въ карету, и при слабомъ свѣтѣ фонарей могла разсмотрѣть лица своихъ трехъ спутниковъ, ее поразила противоположность ихъ «физиономій съ веселымъ расположеніемъ собственнаго ея духа. Вальтеръ сидѣлъ противъ нея и смотрѣлъ на нее съ тихою покорностью. — Бѣдный Вальтеръ сегодня не блвстаетъ, подумала она; и, сказать правду, размышленіе ея было совершенно справедливо. Онъ былъ одѣтъ съ необыкновеннымъ щегольствомъ, и вовсе не подозрѣвалъ, что щегольство это впадало въ ту крайность, въ которую обыкновенно впадаютъ люди, непмѣющіе притязаній на щегольство, когда вздумаютъ не отставать отъ занесенныхъ щеголей. Притомъ день былъ чрезвычайно холодный; глаза Вальтера покраснѣли, а носъ посинѣлъ; наконецъ онъ съ такою кроткою покорностью рѣшился, противъ своего обыкновенія, на цѣлый день праздности и разсѣванія, что Маргарита непременно расхохоталась бы, если бы взоры ея не упали печально на Эдмунда. Въ каретѣ было темно; но фонари бросали въ нее неровный, тусклый свѣтъ, при которомъ она могла разсмотрѣть лице его, которое казалось угрюмо и сердито, какъ она еще никогда его не видала. Губы его быстро шевелились, какъ будто онъ говорилъ съ самимъ собою; вскорѣ онъ вынулъ изъ кармана измятое письмо, и принялся тарашить глаза, чтобы прочесть его при дрожащихъ лучахъ фонарей. Онъ кусалъ губы почти до крови, и откинулъ голову назадъ въ уголь съ такимъ движеніемъ, которое можетъ-статься было очень удобно для тѣла, но ужени какъ не показывало спокойствія духа. Когда же въ довершеніе всего, полковникъ Лесли, видя внезапно поднявшуюся мятель, и свѣтъ, повалившій крупными хлопьями въ ноги лошадямъ, произнесъ выразительное проклятіе на англійскій обычай обѣдать въ гостяхъ среди глубокой зямы, и безъ церемоній отправилъ и себя, и всѣхъ другихъ, къ чертамъ, радость вдругъ покинула сердце Маргариты, и она устремила безпокойный взоръ на сѣрое небо и блѣющую дорогу. Нетерпѣніе взяло ее при видѣ пасмурныхъ лицъ спутниковъ.—Только бы имъ не дуться, подумала она, и все бы хорошо! что за досада, что у людей никогда почти не бываетъ ровнаго праву! какъ они всѣ несносны!—съ этою сострадательною мыслью, которая сопровождалась не малою приливсю довольства собственнымъ правомъ, она сама забила также въ уголь кареты, и погрузилась въ размышленіе.

Послѣ двухъ часовъ, безъ малаго, такой пріятной бесѣды, показались наконецъ огни Домингтонъ-кастля, и радостное восклицаніе Маргариты:—Наконецъ то пріѣхали!—пробудило ея угрюмыхъ спутниковъ. Черезъ нѣсколько минутъ подножка опустилась, и подъѣздъ отворился.

Зала была полна народу, и прошло добрыхъ пять минутъ, прежде чѣмъ новоприбывшіе успѣли пожать руку каждому изъ гостей, и устыться въ томъ безмолвномъ принужденіи, которое обыкновенно предшествуетъ званому обѣду. Пріятельницы Маргариты были такъ не похожи на нее, и другъ на друга, какъ только могутъ быть дѣвушки почти однихъ лѣтъ. Старшая была очень хороша, но такъ мала ростомъ, что передъ нею героиня наша, за нѣсколько дней такъ сѣтовавшая на свой малый ростъ, могла бы почесться большою; она имѣла огромные черные глаза и такой маленькій ротъ, что, казалось, въ него съ трудомъ прошла бы вишня самой обыкновенной величины. Она была безспорно очень хороша собою; но въ чертахъ ея было нѣчто рѣзкое и рѣшительное, что, при большемъ ростѣ и болѣе крупныхъ чертахъ придало бы ей вовсе не мужественную физиономію. Другая сестра была высока, тонка, высокоплеча и рыжеволоса; она была бы рѣшительно дурна, если бы, при первомъ изглядѣ на нее, не поражало cadaго необыкновенно кроткое и доброе выраженіе. Последняя была Люси, другая Нэнси. Обѣ приняли Маргариту съ пріятливостью давно не видавшихся пріятельницъ, а Фредерикъ Винсентъ, который былъ очень похожъ на Люси, но гораздо лучше ея, былъ внѣ себя отъ радости видѣть ее, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки. Увидѣвъ себя въ кругу своихъ первыхъ друзей, Маргарита, въ счастья своемъ, невольно спрашивала мысленно, не было ли новое чувство, которое вдругъ такъ террически овладѣло ея сердцемъ, — одною игрою воображенія, для разсѣянія которой не требовалось даже чрезвычайнаго усилія воли?

За обѣдомъ она сидѣла подлѣ Фредерика Винсента, и тотчасъ вступила съ нимъ въ разговоръ, удостовѣрившись сначала быстрымъ взглядомъ, что Эдмундъ сидѣлъ прямо противъ нея, между Люси и Нэнси. Она имѣла въ высшей степени способность, которою одарены нѣкоторые люди, казаться вполне погруженною въ разговоръ, и въ то же время прислушиваться къ полудожнигъ другихъ. Между-тѣмъ какъ она спрашивала сосѣда о его путешествіяхъ, и смѣялась отъ души его разсказамъ о тягостяхъ семейнаго путешествія въ четырехъ экипажахъ съ фургономъ, —

тягостяиъ, которымъ подобныхъ, говорилъ онъ, не испытать даже въ Египтѣ и Сиріи, — она успѣла въ то же время замѣтить, что Эдмундъ былъ еще блѣднѣе, чѣмъ давеча въ каретѣ, и что, несмотря на оживленіе разговора его съ Нэнси, голосъ его дрожалъ и лицо было сумрачно. Около половины обѣда, Вальтеръ, сидѣвшій по другую сторону Винсента, сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ о пирамидахъ, которые вовлекли его въ подробное описаніе ихъ, очень мало занимавшее Маргариту; а какъ сэръ Джонъ Мортлокъ, другой собесѣдъ ея, уставъ отъ утренней скачки, почти заснулъ за столомъ, то она могла, не отвлекая своего вниманія, слушать разговоръ, шедшій съ другой стороны стола. Что такое произвели тонкія губы Нэнси, отъ чего щеки Эдмунда покрылись такою смертною блѣдностью, что передъ нею прежняя его блѣдность могла бы показаться яркимъ румянцемъ? и что могло побудить его такъ неожиданно бросить на нее этотъ быстрый, прощательный, тревожный взглядъ? Этотъ взглядъ пробѣжалъ трепетомъ по всему ея тѣлу, и рука ея задрожала какъ осинный листъ. Мысли мелькали въ ея умѣ во всѣхъ направленіяхъ, противорѣча одна другой и опровергая себя взаимно. Не сказала ли Нэнси что-нибудь недоброе о ней? Нѣтъ, какъ можно это думать? неужели лучшая ея пріятельница поступить такъ предательски? Или не сказала ли она, можетъ-быть, что Винсентъ любитъ ее, и что она надѣется, что она выйдетъ за него? Вздоръ; она не стала бы говорить этого Эдмунду, человѣку совершенно чужому? Что же это могло быть? А нѣтъ сомнѣнія, было сказано что-то такое, что его разстроило. Вотъ онъ выпилъ стаканъ вина, и лицо его опять зарумянилось! какъ горять его щеки! И съ какимъ одушевленіемъ говоритъ Нэнси! не даетъ блѣдой Люси никакой возможности вставить словечко, чтобы также свести знакомство. Что за безконечную исторію рассказываетъ она ему? И отъ чего же Люси, которая обыкновенно такъ степенна, кажется теперь такою вертлявою, говоритъ съ сестрою черезъ Эдмунда и непремѣнно хотѣтъ ему что-то рассказать? дѣлая при этомъ такіе ангельскіе глаза, и изкоса поглядывая на нее самое. — Но вотъ Вальтеръ узналъ все, что хотѣлъ, на-счетъ пирамидъ, и прежде чѣмъ успѣлъ, какъ намѣревался, перейти отъ нихъ къ Святой-Землѣ, Винсентъ обращается къ Маргаритѣ, и спрашиваетъ въполголоса:

— Скоро ли должна пріѣхать ваша сестра?

Это былъ такой занимательный предметъ, что въ одно мгновение мысли ея были отвлечены отъ предъидущихъ гаданій.

— Наверное не извѣстно, отвѣчала она. Батюшка говорилъ въ понедѣльникъ, что она должна прѣхать въ концѣ недѣли; стало-быть ее можно ждать каждый день.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! такъ скоро? И мистръ и мистрисъ Варренъ также прѣдутъ съ нею въ Грантли?

— Кто такіе эти мистръ и мистрисъ Варренъ? я никогда не слыхала о нихъ.

— Полноте! вѣдь ваша сестра путешествуетъ съ ними.

— Миѣ никогда не говорили о ней ни слова, кромѣ того, что она существуетъ, и должна скоро прѣхать сюда. Поэтому перестаньте такъ дивиться, Фредерикъ, а лучше расскажите миѣ все, что вы знаете объ этомъ.

— *Объ этомъ?* Развѣ о ней, я могу, пожалуй, что-нибудь сказать. Мы ничего не видали, кромѣ нея, въ Генуѣ.

— Вы видѣли Джиневру! вскричала Маргарита, раскрасѣвшись отъ волненія, и смотря въ лицо своему собесѣднику съ невыразимымъ восторгомъ. Въ это мгновение съ другой стороны стола устремился на нее другой острый, жгучій взглядъ, и сердце испуло ей, что Эдуиндъ ревнуетъ. Движеніе радости, сопровождавшее этотъ тайный голоеъ, придавъ такой блескъ ея глазамъ, и разливъ такой румянецъ по ея щекамъ, что Винсентъ смотрѣлъ на нее въ нѣмомъ удивленіи, забывъ отвѣчать на вопросъ, пока не-терпѣливое: — Чтò же? — не напомнило ему о томъ.

— Чтò же? она отчасти похожа на васъ; но въ цѣломъ она не похожа ни на кого, въ тѣхъ, которыхъ я до-сихъ-поръ видалъ.

— Но хороша она? пріятна?

— Да, хороша, и пріятна; по-крайней-мѣрѣ я такъ полагаю. Я всегда чувствовалъ себя передъ нею какъ-то неловко. Спросите лучше о ней Нэнси и Люси. Я увѣренъ, что онѣ будутъ очень несогласны въ своихъ сужденіяхъ, какъ за ними водится во всемъ; и вы изъ словъ ихъ составите себѣ свое собственное понятіе о ней, которое нисколько не будетъ похоже на дѣйствительность. Вообще описывать людей самая бесполезная вещь; никакое описаніе никогда не даетъ другимъ точнаго понятія объ описываемомъ человѣкѣ.

— Отъ васъ сегодня ничего не добьешься; скажите, по-крайней-мѣрѣ, гдѣ и какъ вы познакомились съ нею?

— Это было когда мы осматривали однажды Геную. Мы хо-

шли по покоямъ палатцо Россо и встрѣтили мистра и мистрисъ Варренъ, съ которыми мы были нѣсколько знакомы. Они родственники тому мистру Невиллю, что прїѣхалъ сегодня съ вами.

— О, такъ это тѣ же, у которыхъ жила нѣсколько лѣтъ моя гувернантка.

— Тѣ самыя. Не помните ли, какое я навлекъ себѣ отъ нея гоненіе въ послѣдній разъ какъ я былъ въ Грантлен-мэнорѣ, тѣмъ, что осмѣлился назвать мистрисъ Варренъ несносною бабою?

— Помню, помню; припоминаю также, она говорила, что два года уже была за границею, и что цѣлый вѣкъ не получала отъ нихъ извѣстій.... но, продолжайте.

— Они въ то время смотрѣли прекрасную картину Вандейка, изображающую перваго герцога Бриньолевскаго, верхомъ; подлѣ нихъ была дѣвушка, съ особеннымъ вниманіемъ вперившая глаза въ картину; она тотчасъ поразила меня, потому что я отроду не видалъ такихъ странныхъ глазъ и такого страшнаго наряду.

— Какъ же она была одѣта?

— На ней было очень простенькое, совершенно гладкое сѣрое платье: ни шляпы, ни платка, а что въ Италіи называется *мечцаро*; это — родъ воала, который прикрываетъ голову и виснаждаетъ какъ шарфъ.

— А лицо ея? скажите мнѣ что-нибудь о ея лицѣ?

— Я вамъ говорилъ уже, что не умѣю его описать. Оно поражаетъ своимъ спокойствіемъ и блѣдностью; оно такъ блѣдно и такъ неподвижно, что иной разъ она гажется не живымъ существомъ, а мраморною статуею. Глаза у нея такого блѣднаго голубаго цвѣту, что иногда кажутся почти совсѣмъ безцвѣтными. Волосы ея также изъ самыхъ блѣлыхъ. Одно, что въ лицѣ ея темно, это — рѣсницы: онѣ точно черныя занавѣсы, и бросаютъ такую густую тѣнь подъ ея необыкновенно свѣтлыми глазами, что это производитъ самый странный эффектъ, — эффектъ, о которомъ нельзя себя составить никакого понятія.

— Такъ вы находите, что въ лицѣ ея нѣтъ выраженія?

— Нѣтъ выраженія? напротивъ, это самое выразительное лицо, какое я только видывалъ. Несмотря на невозмутимое спокойствіе очертаній, она изумительнымъ образомъ передаетъ всѣ свои мысли физиономіею. Почти никогда ни одинъ мускулъ не движется на ея лицѣ; но на щекѣ ея зарождается румяное пятнышко, становится шире и шире, гуще и гуще, а глаза ея свѣтлѣютъ и, наконецъ, почти сіяютъ. Но они никогда не блестятъ и не

сверкають какъ ваши глаза, или какъ глаза Нэнси. Люси говоритъ, что вы ей напоминаете ясное лѣтнее утро, а сестра наша — лунную ночь. Не знаю, какъ вы сами будете судить ее! Я видала ее очень часто, но никогда не могъ ее разгадать. Люси, кажется, очень любила ее.

Мargarита задумалась; послѣ минутнаго молчанія, Фредерикъ продолжалъ:

— Какъ мы удивились, когда мистрисъ Варренъ, поздоровавшись съ нами, сказала: «Позвольте представить вамъ мисъ Лесли». Миѣ тотчасъ впаало на мысль, что она должна быть такая.

— Не знаете ли, какими-образомъ случилось, что она путешествовала съ мистрисъ Варрель?

— Я слышалъ, что, когда умеръ ея дядя, у котораго она всегда жила, отецъ вашъ писалъ англійскому консулу, въ Генуѣ, и просилъ его освѣдомиться, не случится ли тамъ почтеннаго англійскаго семейства, съ которымъ ей можно бы вѣхать въ Англию. Консулъ случайно показалъ письмо мистру Варрену, который, будучи нѣсколько знакомъ съ полковникомъ Лесли, вызвалъ ее съ женою взять вашу сестру подъ свое покровительство. Вотъ какъ все было, сколько миѣ извѣстно.

— Но Джиневра, кажется, жила не въ Генуѣ?

— Нѣтъ; если не ошибаюсь, она пріѣхала къ намъ изъ Вероны..... Но не странно ли, что вы обо всемъ этомъ ничего не знаете!

Разговоръ былъ въ это мгновеніе прерванъ шарканьемъ стульевъ и выходомъ дамъ изъ за стола, что спасло Margarиту отъ непріятной необходимости отвѣчать на это замѣчаніе. Черезъ нѣсколько минутъ она уже была въ небольшомъ будоарѣ, составлявшемъ проходъ между гостиной и буфетомъ. Люси Вивеситъ сидѣла подлѣ нея на софѣ, а Нэнси напротивъ ихъ, на низкомъ табуретѣ, оперши локти на колѣни и голову на руки. Черные, сверкающіе глаза ея напомнили Margarитѣ нѣкую сцену, возбуждавшую ея вниманіе за обѣдомъ, и она сидѣла въ безмолвномъ раздумьи до тѣхъ-поръ, пока слуги не убрались съ кофеемъ, и Нэнси начала:

— Тебѣ, я думаю, до смерти хочется услышать что-нибудь о сестрѣ?

Margarita кивнула только утвердительно головою и молчала.

— Фредерикъ вѣрно говорилъ съ тобою о ней? продолжала Нэнси.

— Говорилъ; онъ говорилъ мнѣ, что ты очень любишь ее, сказала Маргарита, обращаясь къ Люси.

Люси покрасилъа и отвѣчала:

— Да, она такъ мила, такъ привлекательна!

Нэнси принялась грызть перчатку; какая-то странная улыбка мелькнула на лицѣ ея.

— Стало-быть, Фредерикъ полагаетъ, что я не люблю ея?

— Этого онъ не говорилъ; онъ говорилъ только, что самъ онъ никогда не могъ ея разгадать.

— Въ самомъ-дѣлѣ? о! я, кажется, разгадала ее; но ты лучше суди сама. Мистръ Невиль говоритъ, что ее ждутъ много для черезъ два! Что говоритъ твоя бабушка на извѣстie о ея вѣздѣ?

Маргарита улыбнулась и покачала головою.

— Ты изъясняешься сегодня одними знаками, сказала Нэнси: общай, что, если я черезъ три недѣли спрошу тебя, какъ полюбила сестра, и тебѣ неприятно будетъ отвѣчать мнѣ прямо, ты дашь мнѣ такой нѣмой отвѣтъ?

— Если она мнѣ не полюбится! отвѣчала Маргарита съ необыкновенною для нея торжественностью: это будетъ для меня слишкомъ прискорбнымъ предметомъ мыслей, чтобы я могла имъ такъ шутить!

— О! ты полюбишь ее, полюбишь непременно! сказала Люси почти шепотомъ.

— Ну, право, Люси, подхватила Нэнси нетерпѣливо, я не понимаю тебя. Ты самое сумасбродное существо въ мирѣ; и если станешь продолжать такимъ образомъ, то я говорю тебѣ напередъ, что принуждена буду говорить откровенно. Я не постигаю этой сантиментальной глупости, и не люблю держать глаза людей закрытыми, когда открыть имъ глаза, значитъ — оказать имъ величайшую услугу.

Люси прикусила губы, и послѣдовала минута общаго смущенія и молчанія. Маргарита была огорчена и разстроена. Бѣдняжка! Едва прошло нѣсколько недѣль, какъ она узнала, что такое быть въ неловкомъ положеніи, и не выучилась еще скрывать свое заиѣшательство. Жизнь начинала оплетать ее тою тонкою паутиною заботъ, которая слишкомъ спутана, чтобы самому сбросить ее, и слишкомъ тонка, чтобы посторонніе обратили на нее вниманіе. Нэнси наконецъ первая прервала молчаніе замѣчаніемъ, не

столь горестнымъ и загадочнымъ какъ первое, по которое все-таки не могло облегчить ея стѣсненнаго сердца.

— Знаешь, Маргарита, сказала она, что хотя мы недавно еще прѣѣхали, и немного намъ было времени болтать и собирать новости, однако же мы уже успѣли наслышаться молвы о тебѣ и о мистрѣ Невиллѣ.

Маргарита покраснѣла по-уши; кромѣ одного разговора съ Вальтеромъ, она никогда не дѣлала и не слыхала ни одного намеку на этотъ предметъ; и хотя въ мысли, что и другіе замѣтили вниманіе къ ней Эдмунда, и что сосѣди съ полнымъ убѣжденіемъ ожидали результата, о которомъ она гадала только втайнѣ и съ трепетомъ, — не было ничего непріятнаго, однако же руки ея похолодѣли, щеки разгорѣлись при этомъ прямомъ и нескромномъ выраженіи того, что до тѣхъ-поръ было закрыто въ самыхъ глубокихъ тайникахъ ея сердца. Она отбѣжала прерывающимся голосомъ, что до нея не доходила такая молва.

— Однако же ты признаешь, возразила Нэнси смѣясь, что она, можетъ быть, не совсѣмъ безосновательна?

— Нѣтъ, нѣтъ, я ничего не признаю! Право, я съ нимъ вовсе не помолвлена....

— Вѣрю, но, можетъ-быть, скоро будешь помолвлена? возразила Нэнси настойчиво, и потомъ продолжала уже не шутя: я была бы этому очень рада, Маргарита; мистръ Невиллъ чрезвычайно богатъ, или по-крайней-мѣрѣ онъ сынъ чрезвычайно богатаго человѣка, и эти Варрены, съ которыми мы познакомились въ Италіи, говорятъ, что помѣстье его отца въ Ирландіи самое великолѣпное, какое имъ случилось видѣть.

— Къ тому же, говорятъ, онъ очень любезенъ, замѣтила Люси.

Неволью мелькнула въ умѣ Маргариты мысль, что выраженіе «любезенъ» не то, которое употребила бы она для описанія Эдмунда. Она могла находить его очаровательнымъ, обворожительнымъ, или чѣмъ угодно, только не любезнымъ. Нѣтъ, въ самой любви его, — если онъ точно любилъ ее, — была какая-то суровость, принужденность, отсутствіе уваженія къ ней, въ то самое время когда онъ за нею ухаживалъ, которыхъ никакъ нельзя было назвать любезными. Но она была влюблена! да, бѣдная Маргарита была рѣшительно влюблена! потому что ей казалось, что будъ онъ любезнѣе, будъ онъ не такъ самовластенъ, не такъ высоко-мѣренъ, не такъ вершительственъ, она не дорожила бы такъ каж-

дымъ взглядомъ его черныхъ глазъ, не сторожила бы съ такимъ трепетомъ каждое его слово, каждое его дѣйствіе, въ которомъ она могла найти признакъ его любви. Любовь не всегда ослѣпляетъ людей. Она часто дѣлаетъ насъ зоркими, даетъ намъ какое-то болѣзненное чутье къ самымъ ничтожнымъ несовершенствамъ любимаго предмета; но слабости и недостатки, открываемые съ помощью этой изощренной чувствительности, не кажутся намъ неизвестными какъ въ другихъ людяхъ, а составляютъ необходимую часть того, что мы любимъ; и въ слабости своей мы не посмѣли бы пожелать уничтожить хотя бы одну черту замѣчательнаго въ сердцахъ нашихъ образа.

Голосъ отца пробудилъ Маргариту изъ этого раздумья. Онъ стоялъ въ дверяхъ столовой, и сдѣлалъ ей знакъ, чтобы она приблизилась къ нему; когда она подошла, онъ положилъ руку на ее плечо и сказалъ едва слышимымъ голосомъ:

— Я приказалъ подавать карету. Сестра твоя пріѣхала.

Маргарита быстро взглянула ему въ лицо. Глаза его были полны слезъ. Они были одни въ комнатѣ; она бросилась къ нему на шею; онъ прижалъ ее къ сердцу, и она почувствовала горячую слезу, канувшую ей на лобъ. Они не произнесли ни слова; но сколько поняли оба въ эту минуту и въ этомъ объятіи.

Когда Маргарита прощалась съ леди Довингтопъ и ее дочерями, на лицѣ ея видны были слѣды сильнаго волненія. Когда она сошла съ лѣстницы къ каретѣ, Вальтеръ и Эдмундъ успѣли посадить ее, но она взяла руку Вальтера. Въ жизни ея начинался новый періодъ; и только передъ тѣмъ, который любящимъ, неусыпнымъ взоромъ слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ со дня ея рожденія, не боялась она показать слезы, которыя струились по щекамъ, или волненіе ея души, высказывавшееся въ лихорадочномъ сжатіи руки. Она сѣла въ карету; за нею вошли отецъ и Вальтеръ, и дверца затворилась.

— А Эдмундъ съ нами не ѣдетъ? вскричала она съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ полковникъ Лесли; онъ сейчасъ сказалъ мнѣ, что поѣдетъ ночевать въ Эрлдонъ-паркъ, къ мистру Варрену, и просилъ прислать ему завтра туда его человѣка.

— Такъ онъ и завтра не пріѣдетъ? спросилъ Вальтеръ. Какъ благодарна была ему за этотъ вопросъ Маргарита!

— Не знаю, отвѣчалъ полковникъ; онъ мнѣ ничего не говорилъ.

Сердце Маргариты сжалось, и она принялась горько сожалѣть

о внезапномъ, и безотчетномъ движеніи, побудившимъ ее отвернуться отъ него и взять руку Вальтера. Эдмундъ, казалось ей, очень желалъ поговорить съ нею. Онъ вѣроятно сказалъ бы ей, когда думаетъ возвратиться въ Грантли, и она знала бы по крайней мѣрѣ положительно, чего ей ждать. Съ досады она почти оторвала палецъ своей бѣлой перчатки; готова была сердиться на Вальтера, за то, что онъ ей подаль руку, когда она садилась въ карету. — Какая неадекватность — такъ соваться всегда впередъ! — О неблагодарная, несправедливая мысль! за то она и была подавлена при самомъ рожденіи, и Вальтеръ не мало удивился, когда почувствовалъ, что Маргарита схватила его руку и крѣпко сжала ее съ волненіемъ, которое онъ могъ только приписать мысли ея о предстоящемъ свиданіи съ сестрою. Полковникъ Лесли объяснилъ въ нѣсколькихъ словахъ, что письмо, писанное къ нему мистромъ Варреномъ изъ Дуара, и извѣщавшее о скоромъ его прибытіи, заишло въ дорогѣ; что сами путешественники ѣхали скорѣе чѣмъ предполагали, и такимъ образомъ прибыли въ Грантли черезъ часъ по выѣздѣ хозяевъ. Мистръ Варренъ съ женою отправился далѣе въ Эрльдонъ-паркъ, оставивъ Джиневру на попеченіе мистрисъ Дальтонъ, которая немедленно послала челоуѣка къ полковнику Лесли съ извѣстіемъ о прибытіи его дочери. Послѣ этого объясненія, молчаніе уже не прерывалось въ каретѣ до самаго пріѣзда въ Грантли. Для Маргариты эти два часа были безконечностью, и ей казалось, что никогда еще старикъ кучеръ не ѣздилъ такъ тихо. Когда они проѣхали паркъ, на большихъ дворовыхъ часахъ было одиннадцать, и никогда еще знакомый лай собакъ и скрипъ отворяющихся воротъ не звучали такъ пріятно, такъ сладко въ ушахъ Маргариты. Едва швейцаръ успѣлъ снять съ нея шубу, она хотѣла обернуться къ отцу; но онъ уже ушелъ въ свой кабинетъ, и затворилъ за собою дверь. Она пошла прямо къ библиотекѣ; но тамъ было темно; тутъ только она вспомнила, что не знала какая комната назначалась ей сестрѣ. Она позвала челоуѣка, который на вопросъ ея отвѣчалъ, что мистрисъ Дальтонъ не взяла на себя рѣшить это въ отсутствіи полковника, но что, кажется, вещи пріѣзжей барышни были внесены въ китайскую спальню. Маргарита поспѣшно взбѣжала по дубовой лѣстницѣ, и встрѣтила у выхода ея свою гувернантку съ широкимъ подвѣшникомъ въ рукѣ.

— Гдѣ же она? вскричала Маргарита, запыхавшись.

— Въ комнатѣ вашего батюшки, внизу. Она сейчасъ была здѣсь со мною; но услышавъ голосъ полковника, звавшій ее, она бросилась какъ стрѣла изъ лука. Онъ былъ внизу у задней лѣстницы, и она побѣжала прямо туда, будто угадывая дорогу по нитяику. И потомъ оба ушли въ кабинетъ, и дверь затворилась за ними, прежде чѣмъ успѣлъ бы кто оглянуться.

— Я думаю, мнѣ слѣдовало бы идти внизъ.... чтобы батюшкѣ позвать меня.... Ну скажите мнѣ поскорѣе, милая мистрисъ Дальтоль, какъ она вамъ нравится?

— Она кажется очень доброю и милою барышнею; но Боже мой, какая большая! гораздо больше васъ! кто бы это подумалъ?

— Пойду, сказала Маргарита, и сошла по лѣстницѣ, ведущей въ кабинетъ полковника. Она надѣялась, что ее сейчасъ позвуютъ, что дверь сейчасъ отворится.... она слышала, какъ отецъ ее говорилъ съ дочерью.... но ей не хватало духу отворить дверь. Она ждала, ждала — никто не трогался.... только невнятный говоръ долеталъ по временамъ до ея слуху. Сердце ея начало сжиматься, какая-то тоска и досада томилъ его; слезы хлынули на глаза, но она ихъ удержала. Ночь была холодная; бѣдняжка стояла на каменномъ полу корридора, и морозъ, проникавшій ея тѣло, соответствовалъ, казалось, холоду, который постепенно обнималъ ея сердце.—Долѣе не выдержу! вскричала она, и повернула къ лѣстницѣ, чтобы запереться въ своей комнатѣ, и дать волю чувствамъ, тѣспившимъ ея душу; но едва она ступила на ступень, ей впало на мысль, что можетъ быть она сама была виновата, что можетъ-быть отецъ ждалъ, что, зная гдѣ се стра, она сама войдетъ, не дожидаясь приглашенія. Она возвратилась къ двери, постучалась, и не получая отвѣта, тихонько отворила ее: въ комнатѣ никсго не было; но по полосѣ свѣту, ставшейся на коврѣ, она догадалась, что тѣ, кого она искала, во второй комнатѣ, куда былъ ходъ только изъ кабинета. Съ свѣчьимъ біеніемъ сердца подошла она къ двери,—но тутъ остановилась; на нее вдругъ нашла непреодолимая робость. Отецъ,—холодный, суровый отецъ ея,—стоялъ передъ картиною, которая висѣла тутъ съ его пріѣзда и была всегда завѣшена. Теперь занавѣсъ былъ отдернутъ. Въ объятіяхъ его, припавъ головою на его плечо, была дочь той, которую онъ такъ страстно любилъ, и которой изображеніе висѣло передъ нимъ. Долго подавленные чувства вырвались наконецъ на волю. Въ эту минуту непреодолимаго волненія, сливались прошедшее и настоящее. Воспомина-

нїя, сладкія и горестныя, толпою ринулись въ его память. На языкѣ своей блаженной молодости, в который столько лѣтъ уже былъ изгнанъ съ его устъ, на чудномъ языкѣ Италїи, который былъ для него столько времени музыкою упительнаго сна, изливалъ онъ дрожащимъ голосомъ воспоминапія прошедшаго горд, и радостныя ощущенія вастоящаго мгновенія.

— Мое сокровище! лучшій даръ неба! восклицалъ онъ, прижимая дочь къ груди: Джиневра, моя Джиневра! И такъ, я дожилъ до блаженной минуты, когда могу снова произносить вслухъ имя, которое столько лѣтъ не сходило съ устъ моихъ иначе, какъ стовомъ скорби и тоски. Джиневра, дочь моя! назови меня отцомъ.... или скажи одинъ разъ.... одинъ только разъ—мой Генри!.... Нѣтъ, не говори; это было послѣднее слово, и никто, даже ты, мой ангелъ, не должна произносить его при мнѣ.

И ему отвѣчалъ тихій, вѣжный голосъ; дочь, которую онъ держалъ въ своихъ объятїяхъ, стала подлѣ него на колѣни; губы ея шевелились, взоръ ея обращался съ нѣмага полотна сначала на небо, потомъ на взволнованное лицо отца. Румянецъ, озарявшій ея щеки, исчезъ; она склонила голову и горячія слезы оросили руку, на который покоился ея лобъ.

Что чувствовала между-тѣмъ Маргарита? Она стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ отца, отъ сестры,—и никто ея не видѣлъ, никто ея не замѣчалъ, никто о ней не думалъ. Въ ухахъ ея звучалъ чужеземный языкъ, и эти движенія, эти излиянія пламеннаго чувства и страсти, были для нея также новы, какъ языкъ, на которомъ они выражались. Съ невыразимю горечью чувствовала она, что ей нѣтъ доли въ этихъ чувствахъ, что она ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ не имѣла мѣста въ сердцѣ отца. Сестра казалась ей какимъ-то существомъ, сошедшимъ изъ чуждаго міра, чтобы присвоить себѣ любовь, которая несправедливо похищена у нея самой. Развѣ у нея самой не было также матери? Развѣ и она, въ своей одинокой комнатѣ, не проливала въ безмолвіи горячихъ слезъ, глядя на кроткія черты матери? и не было при ней отца, который утѣшалъ бы ее своею любовью. Эти мысли очерствили ея сердце. Она бросилась вонъ изъ кабинета, въ свою комнату, затворила дверь и предалась своему безутѣшному горю. Она рѣшилась мысленно закрыть свое сердце отъ тѣхъ, которые были такъ равнодушны къ ней; не навязываться имъ съ докучливою вѣжностью. А можетъ-быть, думала она, скоро придется ей оставить родительскій домъ, ко-

горькій уже не могъ быть ей тѣмъ отраднымъ пріютомъ, что былъ прежде. Скоро выйдетъ она вѣроятно за Эдмунда Невилла, вступитъ въ новую семью, увидитъ новыхъ мѣста, новыхъ друзей. Но Вальтеръ долженъ часто навѣщать ее; никогда не перенесетъ она долгой разлуки съ Вальтеромъ; что жъ до Грантли-мэнора, что ей въ немъ? Грантли-мэноръ утратилъ для нея всю свою прелесть.

Она отдернула занавѣсъ, отворила ставню, и взоры ея приковались къ прекрасной картинѣ зимней ночи. Луна величаво вышлыла на небесную синеву; мѣтель улеглась; но бѣлые хлопья еще усѣвали все пространство между домомъ и рѣкою, которая, закованная въ свою ледяную броню, отражала лучи тысячъ звѣздъ, мерцавшихъ на ясной, морозной лазури неба. На листьяхъ лавровыхъ деревьевъ и на отдаленныхъ берегахъ лежалъ снѣгъ въ причудливыхъ, красивыхъ формахъ, и пеленою ослѣпительной бѣлизны стлался на оконничѣ готическаго окна, передъ которымъ она стояла.

— Моя родная милая Англія! вскричала она вслухъ: какое нигдѣ до тебя,—къ, принуждающимъ меня желать покинуть тебя?... Впрочемъ — тутъ духъ зла стерегъ благопріятное мгновеніе, чтобы внушить ей преступную мысль, которая легко могла привиться на приготовленной досадою и раздраженіемъ почвы,—впрочемъ, не вижу зачѣмъ бы мнѣ желать покинуть тебя? зачѣмъ мнѣ принимать такъ къ сердцу равнодушіе отца? Я старшая сестра. Бабушка не разъ твердила мнѣ, что я наследница Грантли-мэнора, и всѣхъ окрестныхъ земель. Джиневра здѣсь чужая, и если я только захочу сдѣлать ей Грантли нестерпимымъ, мнѣ это гораздо легче чѣмъ ей досаждать мнѣ!

Въ это мгновеніе, раздался легкій стукъ за дверь; Маргарита вздрогнула, и сказала дрожащимъ голосомъ:

— Войдите.

Она столько перечувствовала въ этотъ вечеръ, что силы ея были почти истощены отъ волненія. Какой-то тайный голосъ говорилъ ей, что это сестра пришла увидѣться съ нею: послѣднія силы оставили ее, и когда встала, чтобы идти на встрѣчу къ Джиневрѣ, она едва не упала. Но Джиневра въ одно мгновеніе подхватила ее, бережно положила на постель, обвила руки вокругъ ея шеи, и прижала ея горячую голову къ груди. И между-тѣмъ какъ старшая сестра рыдала, какъ-будто сердце ея готово было разорваться на части, меньшая успокоивала ее,

нашептывала ей слова вѣжной любви, будто убаюкивала плачущаго младенца.

Маргаритѣ показалось, что съ нею говорила мать; какое-то непонятное спокойствіе обняло ея сердце, и слезы ея легче и свободнѣе полились изъ глазъ, когда она почувствовала вѣжную руку на лбу и полный любви поцѣлуй на своей горячей щекѣ. Духъ искупитель исчезъ; ледяная цѣпь, сковавшая ея сердце, порвалась; она подняла голову, улыбнулась сквозь слезы, взглянула на лицо, сіявшее ангельскою красотою, снова скрыла лицо на груди этого ангела, говоря едва слышнымъ голосомъ:

— Сестра, сестра! наконецъ ты со мною! не та, которой я ждала послѣднія недѣли, а та, что снилась мнѣ много лѣтъ назадъ!

Опять вѣжный поцѣлуй напечатлѣлся на ея щекѣ, и Джиневра сказала:

— Не говори теперь, сестра; руки твои холодны, а щеки горятъ.... голова твоя вся въ огнѣ.... Я знаю, что ты страдаешь; тебѣ надо лечь и успокоиться.

Дѣйствительно, Маргарита чувствовала себя не совсѣмъ здоровою; но она чувствовала какую-то невыразимую отраду, прижимаясь къ сестрѣ и повинаясь ея волѣ. Она позволила ей раздѣть себя, и потомъ, положивъ голову на подушку, съ восторгомъ смотрѣла ей въ лицо, пока Джиневра обливала ей водою горячіе виски. Она была въ недоумѣніи отъ этого быстрого переворота своихъ чувствъ, отъ странности своего положенія. Неужели это была та самая сестра, о которой за нѣсколько минутъ она помышляла съ такою горечью, съ такою злобою?... Нѣтъ, все это долженъ быть сонъ; а если это дѣйствительно Джиневра, и она только-что пріѣхала изъ далекаго пути, не Маргаритѣ ли слѣдовало ухаживать за нею, успокаивать ее?

— Сестра! вскричала она вдругъ опомнившись: ты только-что пріѣхала изъ долгаго путешествія; ты, вѣрно, устала. Чтò жъ ты здѣсь дѣлаешь?

— Отдыхаю, моя милая, отдыхаю подлѣ тебя. Я желала бы просидѣть здѣсь всю ночь, смотрѣть за тобою, пока ты будешь спать.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричала Маргарита, ты не должна оставаться здѣсь. Ступай, сестра, ступай; но приходи ко мнѣ какъ-скоро я проснусь, я хочу видѣть тебя; иначе мнѣ покажется, что я

видѣла тебя только во снѣ. Какъ странно; мнѣ все кажется, будто я видала уже твое лицо. Подѣлуй меня еще разъ и иди.

Джиневра наклонилась надъ сестрою, поцѣловала и перекрестила ее; потомъ ставъ на колѣни подлѣ постели, сказала тихимъ голосомъ:

— Сестра, не поволимся ли мы вмѣстѣ?

Мargarита обвила руку вокругъ ея шеи, и притянувъ ее къ себѣ, шепнула ей на ухо:

— Есть ли молитва, которую мы могли бы читать вмѣстѣ?

— Молитва, которую завѣщалъ намъ самъ Богъ, отвѣчала Джиневра.

И тихимъ голосъ ея прочелъ молитву Господню; и когда Margarита произнесла:—Аминь!—сладкій сонъ смежилъ ея глаза.

Джиневра еще нѣсколько времени молилась у постели сестры; молилась мысленно, и отъ времени до времени усердно прижимала къ устамъ руку, которая безсознательно держала ея руку. Легкій стукъ за дверью пробудилъ ее изъ этого состоянія. Она осторожно высвободила руку, и не охотно уступила мѣсто своею шестрѣ Дальтонъ. Когда она, послѣ того, вошла въ свою комнату, то еще часъ два просидѣла закрывъ лицо руками, и погруженная въ размышленіе.

IV.

Во время прѣбытія ея въ Англію, младшей дочери полковника Лесли было около семнадцати лѣтъ; но она была больше ростомъ и казалась отарше сестры. У обѣихъ былъ небольшой орлиный носъ, высокій лобъ, значительно округленный на вискахъ, темныя и хорошо обозначенныя брови и густыя длинныя рѣсницы; но глаза у Margarиты были цвѣту фіалки и гіацинта, а у Джиневры цвѣту незабудки, или скорѣе того голубаго цвѣту, который мы видимъ на небесахъ между багровыми облаками и краснымъ золотомъ заката: цвѣту, передъ которымъ исчезаетъ лазурь всего остального свода. Волоса ея были блѣокуры, щеки блѣдны; одинъ ротъ былъ у нея, безспорно, лучше чѣмъ у Margarиты, по своему удивительно кроткому и тихому выраженію. Лицо ея порашало своимъ спокойствіемъ, но это было спокойствіе тихаго моря... свокойнаго, но не безжизненнаго, безмятеж-

но, но выразительно. Когда она явилась къ завтраку, на первое утро по прїѣздѣ, всѣ взоры обратились съ безпокойнымъ любопытствомъ на дѣвушку, считавшуюся доселѣ чужеземкою въ отчужденномъ домѣ, и прїѣхавшую занять мѣсто дочери. Ея робкая поступь, сходство съ Маргаритою, выраженіе ея глазъ, въ одне мгновеніе разсѣла непрїязнь, которую издавна питали къ ней предубѣжденные родственники; и когда она, поздоровавшись съ отцомъ, обратилась къ мистру Торнтону, онъ протанулъ къ ней объятія, поцѣловалъ ее въ лобъ и сказалъ нѣжнымъ, прїятнымъ голосомъ, въ которомъ, однако же, замѣтно было нѣкоторое усиліе: «Благослови тебя Богъ, милая внучка». Затѣмъ и мистрисъ Торнтонъ обняла ее въ свою очередь и, наконецъ, Вальтеръ пожалъ ей руку съ такою искренною прїятельскою, которой онъ никакъ не думалъ къ ней чувствовать, а тѣмъ менѣе оказать. Взоры полковника Десли въ это утро часто украдкою блуждали съ газеты на окружающихъ; онъ мало говорилъ съ Джиневрою, но съ чрезвычайнымъ вниманіемъ вслушивался въ каждое ея слово. Смотри на обѣихъ дочерей своихъ, сидящихъ рядомъ на низкой софѣ въ гостиной передъ столомъ, заваленнымъ книгами, рукодѣльями и цвѣтами, на эти милыя головки, прижавшіяся другъ къ другу, между тѣмъ какъ рука Джиневры обвивала станъ Маргариты, а щека Маргариты принадлежала къ плечу Джиневры, и взоры ихъ съ нѣжностью покоились другъ на другѣ; руки встрѣчались на одной работѣ, и молодые голоса ихъ сливались, прерываясь отъ времени до времени, звонкимъ веселымъ смѣхомъ Маргариты, — онъ вздохнулъ отрадно, какъ будто тяжелая гора свалилась съ души его.

Этотъ день и два слѣдующіе прошли для обѣихъ сестеръ въ наслажденіи своимъ новымъ счастьемъ, новымъ для обѣихъ, и которому обѣ были, очевидно, равно рады. Въ судьбѣ обѣихъ было странное сходство: ни та ни другая не знала ни матери, ни брата, ни сестры, и, при совершенномъ различіи характеровъ, воспитанія и знакомства, обѣ пламенно желали тѣхъ кровныхъ связей, которыхъ не можетъ замѣнить никакая другая привязанность. Утѣшительно было видѣть Маргариту, когда она окутывала свою блѣдную сестру въ шубу и усаживала въ кабrioлетъ, запряженный двумя малорослыми лошадами, или въ сани, и садилась подлѣ нея какъ дамасская роза подлѣ лиліи; или Джиневру, сплетающую вѣнокъ изъ тепличныхъ цвѣтовъ, изъ легкихъ «уксій» и разноцвѣтныхъ маргаритокъ, который она

вотомъ надѣвала на прелестную головку сестры. Отрадно было видѣть ихъ обѣихъ, когда онѣ читали вмѣстѣ: то по-итальянски, то по-англійски, уча другъ друга своему языку, поправляя съ дѣтскою радостью ошибки другъ друга, и шутивъ выговаривая другъ другу; или когда, въ сумерки, при отворенныхъ еще ставняхъ, сидѣли онѣ передъ пылающимъ каминномъ въ старинной библиотекѣ, и Джиневра пѣла пѣсни своей родной Италиі, а Маргарита, у ногъ ея, прислушивалась къ мелодіи этихъ сладостныхъ напѣвовъ, и прибирала къ ней второй голосъ.

— Сестра, говаривала старшая, когда онѣ сидѣли вмѣстѣ, позднимъ вечеромъ, въ комнатѣ Джиневры, — сестра, мы должны быстро пройти всю свою прежнюю жизнь, чтобы чрезъ нѣсколько дней быть какъ старыя сестры, никогда не разлучавшіяся другъ съ другомъ.

И затѣмъ она принималась рассказывать Джиневрѣ, какъ счастливо протекло ея дѣтство, какъ всѣ ее любили, какъ любилъ ее всегда Вальтеръ Сидней, и какъ онъ старался замѣнить ей мать, брата, и — даже сестру, — прибавляла она, смѣясь противоположности его съ настоящею сестрою, которую послало ей небо.

— Такъ ты была очень счастлива, милая Маргарита? спрашивала Джиневра.

— Очень счастлива; самымъ счастливымъ ребенкомъ въ мірѣ; но, я думаю, дѣтское счастье не можетъ быть продолжительно.

— Ты этого однако же не испытала донынѣ, сестра?

— Нѣтъ; но угадываю, отвѣчала Маргарита, наклоня голову надъ нѣнкомъ, который она только что снала. — А ты, Джиневра, счастливо провела ты свою жизнь?

— Иногда бывала счастлива, отвѣчала Джиневра, и поспѣшно прибавляла: — но говори мнѣ о себѣ, о себѣ одной, моя возлюбленная Маргарита. И она съ любовью смотрѣла въ лицо сестрѣ, вынытывая изъ нея всю повѣсть ея прошедшихъ лѣтъ, ея чувства, ея образъ мыслей. Она слушала ее съ неутомимымъ вниманіемъ, отвѣчая ей съ тонкимъ, нѣжнымъ участіемъ, и раздѣляла на эти бесѣды и на ежедневныя ихъ сношенія какое-то обаяніе, уничтожавшее всякое принужденіе, всякую застѣчивость. Сердце Маргариты было обворожено, покорено волшебнымъ вліяніемъ этого спокойнаго, разсудительнаго сочувствія; но, въ то же время ее оскорбляло то, что всѣ усилія ея внушить Джиневрѣ такое же неограниченное довѣріе, какое она сама имѣла къ ней, оставались безуспѣшными; по простествіи нѣсколькихъ дней,

она остановилась на той мысли, что никогда еще не встрѣчала никого, кто бы такъ хорошо понималъ ее, какъ ея младшая сестра, и кого бы она сама понимала меньше. Джиневра была такъ непохожа на всѣхъ, кого она видала, и всѣ окружающіе чувствовали это, повидному; сама даже мистрисъ Торнтонъ, обыкновенно ничему не удивлявшаяся, на этотъ разъ принуждена была удивляться тому, что она никакъ не могла не любить Джиневры. Она заговаривала ей было, что между ними вѣтъ ничего общаго,—не определяя, разумѣла ли она комнату, въ которой вѣтъ придется сидѣть, или предметы ихъ разговоръ,—но искреннее участіе, которое Джиневра принимала въ ея вначатахъ, въ ея людяхъ, въ ея цвѣтахъ, принудило ее сознаться въ противоположъ. Другой разъ говорила она, что Англичане могутъ уважать иностранцевъ, пожалуй даже любить ихъ; но никогда не могутъ слиться съ ними. Джиневра не чувствовала никакого влеченія слиться съ мистрисъ Торнтонъ, какимъ бы то образомъ ни было, но отвѣчала съ кроткою улыбкою, что она никогда не будетъ требовать отъ мистрисъ Торнтонъ больше, какъ ея любви, но что она не можетъ довольствоваться меньшимъ. За что бы она ни взялась, за трудное дѣло или за вздорное, за важное или пустое, все она дѣлала какъ-то особенно хорошо, замѣчала мистрисъ Дальтонъ. И Маргарита терпѣливо слушала все это; и даже терпѣливо выслушала однажды отвѣтъ сестры, на вопросъ ея, не чувствуетъ ли она нѣкотораго принужденія при отцѣ.

— Нисколько, отвѣчала Джиневра; когда я бываю съ нимъ, я часто вспоминаю прекрасныя слова Священнаго Писанія: «Совершенная любовь исключаетъ страхъ!» И мнѣ кажется, такъ и должно быть съ этимъ чистѣйшимъ и священнѣйшимъ изъ человѣческихъ чувствъ.

— И ты въ-самомъ-дѣлѣ любишь его такъ? вскричала Маргарита; о, въ такомъ случаѣ, неудивительно, что у него не остается больше любви на мою долю!

Слезы брызнули изъ глазъ ея; но, боясь, чтобы слова ея не были поняты превратно, она поспѣшила прибавить:

— Не суди обо мнѣ несправедливо, Джиневра. Было время, когда я думала, что буду тебя завидовать; но это чувство разсѣялось при первомъ звукѣ твоего голоса, при первомъ твоёмъ поцѣлуѣ, и никогда — продолжала она съ одушевленіемъ, между тѣмъ какъ Джиневра смотрѣла ей въ лицо со страхомъ и любовью, — никогда не буду я сътовать на то, что не я его лю-

блещица, если только ты будешь любить меня, такъ, какъ, я знаю, она любитъ тебя.

Дни проходили за днями, и Маргарита уже дивилась, какъ могла она жить столько времени безъ Джиневры; такъ стала Джиневра необходима для ея счастья! Однако же, она не была совершенно увѣрена въ томъ, что разгадала ее, какъ сказалъ бы Фредерикъ Винсентъ. Джиневра очевидно старалась избѣгать разговоры о такихъ предметахъ, которые касались ея лично; и это не разъ изумляло и даже чуть не бѣсило Маргариту.

— Подумали ли бы вы, говорила она однажды Вальтеру, — что Джиневръ только семнадцать лѣтъ?

— Отчего же вѣтъ? она, кажется, очень молода на лицо.

— Это такъ; но она такъ разсудительна, такъ невостинниго разсудительна, что я почти сомнѣваюсь въ дѣйствительности ея разума. Она точно шильконъ взята изъ книги; а между-тѣмъ, я слышу свою борзую стаю подозрѣвать въ притворствѣ и женственности, чѣмъ сестру. Когда она бесѣдуетъ со мною, Вальтеръ, въ головѣ моей вертятся такія странныя мысли! Иной разъ я вспоминаю о словахъ Священнаго Писанія объ ангелахъ, которые въ человеческомъ образѣ слодить на землю; другой разъ она напоминаетъ мнѣ дивный станецъ Кольриджа:

....Стоитъ, смиренно руки
На персяхъ трепетныхъ скрестивши;
Лицо на радость и страданье
Покорною готовностью сілетъ,
Въ своей, какъ мраморъ блѣдной красотѣ.
Глаза, какъ небо голубые,
Какъ небо ясные, и въ каждомъ
Блещитъ прозрачная слеза.
Казалась существомъ небеснымъ
Всѣмъ Джеральдина....

— Чтò за странная поэма этотъ Кристабель, сказала Маргарита, прочитавъ вслухъ эти строки, и опуская книгу. — Точно зловѣщій сонъ.

Головка ея опустилась на руку, и почти, въ тоже мгновение, съ быстротою мысли заговорили въ умъ ея таинственные намеки и совѣты Нанси Винсентъ. — Что разумѣла она подъ словами: открыть мнѣ глаза? и отчего Люси казалась такъ недовольна этими словами? Люси гораздо добрее своей сестры, хотя да-

деко не такъ умна; но за то Нанси привязывается гораздо сильнѣе, по-крайней-мѣрѣ меня она гораздо больше любитъ. Помню, она всегда желала, чтобы я вышла за-мужъ за ея брата; почему знать, можетъ Люси хочется сосватать его на Джиневрѣ, и вотъ что нѣтъ Нанси въ виду въ своихъ загадочныхъ рѣчахъ.

Тутъ, слѣдующимъ звѣномъ въ ея мысляхъ было удивленіе— не въ первый уже разъ, — тому, что вотъ прошло уже нѣсколь-ко дней, а Эдуиндъ Невилъ не являлся, и даже, сколько ей было извѣстно, не писалъ о своемъ возвращеніи. Она очень любопытствовала узнать что-нибудь о его родственникахъ Варренахъ; но ни ея вопросы, ни ухищренія мистрисъ Дальтовъ не могли ничего добиться отъ Джиневры, кромѣ увѣренія, что они были къ ней очень добры; на разспросы о томъ, любила ли она ихъ и желала ли ихъ видѣть, что это были за люди и прочая, она давала одни уклончивые, неудовлетворительные отвѣты. Удовольствіе видѣть сестру и бесѣдовать съ нею, развлекали нѣкоторое время безпокойство Маргариты на счетъ продолжительнаго отсутствія, и еще болѣе непонятнаго молчанія Эдуиндова; но къ концу недѣли она стала живо ощущать его, и съ такимъ лихорадочнымъ волненіемъ ожидать прѣбытія почты, и прислушиваться къ каждому звону колокольчика на подъѣздѣ, къ стуку колесъ или конскому топоту по аллеѣ, что не только Вальтеръ, но и всѣ прочіе жители Грантън-Мэвора стали замѣчать ея тревожное состояніе.

Однажды утромъ, выходя изъ своей комнаты, она увидѣла въ концѣ галлерей сестру, которая стояла у окна, опершись колѣномъ о стулъ, и внимательно читала письмо. Она казалась погруженною въ свое чтеніе, и на блѣдныхъ щекахъ ея яркими пятнами горѣлъ румянецъ. Маргарита тихоюшко подошла къ ней и положила руку ей на плечо. Джиневра сильно вздрогнула, и поблѣднѣла; потомъ, когда сестра сказала ей: — Я, кажется, очень испугала тебя!—она опять вспыхнула и задрожала всѣмъ тѣломъ.

— Надѣюсь, что ты не получила никакихъ дурныхъ извѣстій изъ Италіи? сказала Маргарита, между-тѣмъ какъ Джиневра поспѣшно складывала письмо, и прятала его въ складки своего платья.

— Нѣтъ, отвѣчала Джиневра печально, мнѣ не отъ кого получать извѣстія изъ Италіи; единственные оставшіеся у меня друзья, уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ выѣхали изъ Вероны, а съ-тѣхъ-поръ какъ умеръ дядя мой Леонардо, а отецъ Франческо отпра-

иля въ Америку, всё узы, привязывавшія меня къ родной землѣ, разрушились одиѣ за другими. Теперь Италия для меня не болѣе какъ досказанная повѣсть, видѣнный сонъ, введеніе къ начинающейся теперь жизни.

— Жизни полной счастья, надѣюсь, подхватила Маргарита.

— Благодарю тебя, сестра, благодарю, отвѣчала Джиневра; такъ нѣтъ голосомъ, что Маргарита, безъ всякой видимой причины, была тронута имъ; слова эти были произнесены отрывисто, но съ такою искреннею вѣжностью и благодарностью! и сказавъ ихъ, Джиневра поспѣшно удалилась.

За завтракомъ полковникъ Лесли объявилъ дочерямъ, что онъ писалъ къ министру Варрену, приглашая его съ женою провести нѣсколько дней въ Грантлен-Мэноръ, и только что получилъ отъ нѣтъ, извѣщавшій о пріѣздѣ ихъ на слѣдующій день. Джиневра выслушала эту вѣсть безъ всякаго признака радости или неудовольствія; Маргарита же устремила вопрошающій взоръ на отца, въ ожиданіи, что за этимъ послѣдуетъ какое-нибудь извѣстіе объ Эдувдѣ. И она не обманулась въ своемъ ожиданіи.—Невилъ, сказавъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, также пишетъ мнѣ, что онъ будетъ завтра. Разныя дѣла удерживали его со дня на день въ Эрльсдонѣ.

При этихъ словахъ Вальтеръ поднялъ глаза съ своей газетъ, и увидѣвъ, какъ лучъ радости мгновенно и ярко блеснулъ въ глазахъ Маргариты, заигралъ на ея щекахъ, и быстро пробѣжалъ во всему ея тѣлу.

Вальтеръ много перестрадалъ съ самаго дѣтства, среди своей повидному столь спокойной и счастливой жизни. Съ стремленіями и склонностями, которыя общали ему неисчерпаемый источникъ блаженства, онъ рѣдко встрѣчалъ сочувствіе въ другихъ, и въ душѣ его кипѣлъ потокъ пламенныхъ желаній и страстныхъ чувствъ, который никогда не имѣлъ возможности вполнѣ излиться наружу. Рано послала ему судьба горькій опытъ, который или смягчаетъ или закаляетъ сердце человѣка; рано научила она его, что въ самыхъ пламенныхъ своихъ ощущеніяхъ не должно ему ждаль взаимности, что вся жизнь его должна быть однимъ безпрерывнымъ рядомъ самопожертвованій, и что блаженство для него должно заключаться въ счастіи другихъ; рано узналъ онъ эту истину, и глубоко вкоренилась она въ его сердце; вся жизнь его была постояннымъ приложеніемъ ея къ дѣйствительности. Охранять Маргариту Лесли отъ малѣйшаго прикосновенія зла, да—

же отъ горя, если возможно; блюсти, чтобы дуновение судьбы не слишкомъ сурово играло на ея щекахъ, и чтобы на пути ея не встрѣчалось ни одного камня, который можно устранить; — вотъ что было пѣлю и отрадою его жизни. Нерѣдко принауждалъ онъ себя спокойнымъ, холоднымъ разсудкомъ пытаться собственныя свои чувства, вопрошать прошедшее и гадать о будущемъ. Онъ помышлялъ о ея супружествѣ, представлялъ ее себѣ мысленно въ наслажденіи семейнымъ счастьемъ, въ исполненіи семейныхъ обязанностей; — и онъ могъ возсылать пламенную молитву, чтобы небо даровало ему видѣть ее среди этого счастья и испослать ему силу никогда не желать быть для нея чѣмъ либо божѣ, какъ другомъ; кромѣ развѣ когда, по прошествіи многихъ лѣтъ, любовь ея будетъ обманута, сердце ея остынетъ, и душа будетъ удручена страданіемъ. Тогда, думалъ онъ, тогда наступитъ его очередь; его дѣломъ будетъ исцѣлять эти раны, продитъ на вѣкъ едей неизмѣнной любви, согрѣтъ снова то, что было остужено холоднымъ дыханіемъ свѣта, согрѣтъ безсмертнымъ пламенемъ, возникшимъ въ безмолвіи и развившимся въ самопожертвованіи. И не боялся онъ, чтобы пять, десять, даже двадцать лѣтъ могли отускдить свѣтъ этого пламени или затушить его шылъ. Одинъ вопросъ всего чаще представлялся Вальтеру въ этихъ строгихъ самовоспитаніяхъ: отчего, если онъ дѣйствительно не питалъ никакой надежды для самаго себя, и ничего не желалъ кромѣ ея счастья, отчего же, когда она сидѣла подлѣ Невилля и смотрѣла ему въ лицо, какъ бы въ глазахъ его былъ написанъ приговоръ ея жизни, и она могла жить только въ его присутствіи, — отчего ему, столь покорному и безкорыстному, такъ хотѣлось бы выхватить ее отъ него, оттолкнуть его, и прижать ее къ своему собственному сердцу, какъ птичку, выруженную изъ сѣтей довца? Вальтеръ старался пересилить это чувство, боролся съ нимъ въ тайнѣ, силнлся даже класть мысленно руку ея въ руку Невилля, думать о ней какъ о жещѣ Невилля. Но невольный, внутренній голосъ убѣждалъ его не допускать, даже мысленно, этого союза. Словомъ, въ душѣ старика Вальтера происходила борьба, какой и во снѣ не видали тѣ, что воображали его занятымъ исключительно архитектурными чертежами, благотворительными планами или, какъ въ ту минуту, о которой идетъ рѣчь, политическою статьею газеты.

Во весь этотъ день и въ слѣдующій, Маргарита была очевидно въ сильномъ волненіи. До этого дня она никогда не говорила

сестрѣ объ Эдмундѣ Невиллѣ: тутъ же она не только упомянула о немъ, при распоряженіяхъ о приготовленіи комнатъ для ожидаемыхъ гостей, но даже нѣсколько разъ возвращалась къ нему, и Джиневра все слушала съ терпѣливымъ участіемъ. Однажды Маргарита просила ее отвезти связанный ими вѣсть букетъ цвѣтовъ въ комнату мистрисъ Варренъ; нѣсколько минутъ спустя она сама последовала за нею вверхъ, и не найдя ее въ назначенной комнатѣ, отворила дверь въ соседнюю комнату, ту самую, которую занималъ Эдмундъ во все время пребыванія своего въ Грантли-Мэнорѣ. Джиневра стояла у письменнаго стола и рассматривала писанную тетрадку. Она перелстывала ее съ чрезвычайнымъ любопытствомъ, и перевернувъ ее вверхъ ногами, подошла къ свѣту, стараясь, повидимому, разобрать едва притѣнные слѣды письма. Это обстоятельство произвело на Маргариту непріятное впечатлѣніе, въ которомъ она не могла дать себѣ много отчету. По чувству скромности и деликатности, частью развитому воспитаніемъ, какъ ни желала бы она посѣтить эту комнату по отъѣздѣ Эдмунда, и какъ ни пріятно было бы ей отыскать въ ней слѣды его пребыванія, она ни разу не осмѣливалась переступить черезъ порогъ ея, и ей даже не приходила въ голову возможность удовлетворить это желаніе. Джиневра положила тетрадку, отошла къ камину, и стояла нѣсколько мгновеній передъ огнемъ; потомъ пошла назадъ, и встрѣтивъ Маргариту, вздрогнула и покрасѣла, когда та замѣтила ей, что она не туда поставила цвѣты, куда слѣдовало. Джиневра молча вернулась къ камину, взяла цвѣты и последовала за Маргаритой въ комнату, назначенную для мистрисъ Варренъ.

Обратившись къ сестрѣ, чтобы заговорить съ нею, Маргарита была поражена необычайнымъ выраженіемъ ея лица. Оно было неподвижно и холодно по обыкновенію; но въ то же время на немъ было написано какое то болѣзненное безпокойство; когда же руки ихъ столкнулись, желая поднять выпавшій изъ букета цвѣтокъ, Маргарита почти вздрогнула отъ холоднаго, влажнаго, лихорадочнаго прикосновенія сестриной руки. Она хотѣла спросить Джиневру, не нездорова ли она; но съ Джиневрою трудно было говорить о ней самой. Охотно и даже съ живымъ участіемъ слушала она обыкновенно помыслы и заботы другихъ; но какъ-скоро кто-нибудь касался ея здоровья или ея мыслей, она укрывалась съ кроткою раздражительностью мимозы.

Когда Маргарита вошла въ гостиную передъ обѣдомъ, бабуш-

ка ея уже сидѣла въ своихъ большихъ креслахъ; вѣсортъ сошли и мистръ и мистрисъ Варренъ, прѣхавшіе въ-время, чтобы одѣваться къ обѣду. Мистрисъ Варренъ была съ виду простая, не далекаго ума женщина, съ мягкимъ голосомъ и очень простоватыми манерами; долгое пребываніе за границею внушило и ей и мужу ея презрѣніе и нелибовь къ отечеству, но привязавъ ихъ ни къ какой другой странѣ. Мистръ Варренъ былъ собственно человекъ добрый и кроткій; но одержимый ложнымъ понятіемъ, что все безъ разбору осуждать значитъ быть человекомъ съ тонкимъ вкусомъ и съ отличнымъ воспитаніемъ, и что неучтивость есть признакъ хорошаго тона. Онъ растянулся въ креслахъ, холодно поклонился мистру Торнтону и Вальтеру, когда полковникъ Лесли представилъ ихъ, и долго размышлялъ повидимому, долженъ ли онъ обращаться съ Маргаритою съ надменнымъ равнодушіемъ или съ милостивою фамильярностью. Красота ея вѣроятно рѣшила его сомнѣніе; и ведя ее къ столу, онъ сказалъ ей, какъ-будто уже много лѣтъ былъ знакомъ съ нею:

— Я увѣренъ, что вы уже безъ ума отъ своей сестры?

Потомъ, не дожидаясь отвѣта, сталъ разговаривать по-итальянски съ Джинверою, черезъ столъ.

Подлѣ Маргариты было порожнее мѣсто; нѣсколько минутъ послѣ того, какъ всѣ сѣли за столъ, Эдуардъ Невиль тихонько пробрался въ столовую и занялъ его. Ей казалось, что она уже цѣлый вѣкъ не видала его, и не мало труда стоило ей скрыть радостное волненіе, которое произвелъ въ ней приходъ его. Онъ также казался въ счастливомъ расположеніи духа, и привялся разговаривать и смѣяться съ большимъ одушевленіемъ, чѣмъ когда либо. Онъ просилъ мистрисъ Варренъ подробно разказать мистрисъ Торнтонъ о леченіи холодною водою, въ радостномъ убѣжденіи, какъ онъ шепнулъ Маргаритѣ, что бабушка ея скоро закутаетъ всѣ окрестныя деревни въ мокрыя простыни. Затѣмъ онъ посовѣтовалъ мистру Торнтону убѣдить мистра Варрена принять участіе въ пристройкѣ новой отрасли къ желѣзной дорогѣ. Пустивъ въ ходъ всѣ эти толки и дожидаясь, чтобы одушевляющійся гдворъ голосовъ позволялъ ему говорить такъ, чтобы никто не слышалъ его, онъ шепнулъ Маргаритѣ:

— Спросите о чемъ-нибудь сестру; мнѣ хочется, чтобы она посмотрѣла въ эту сторону.

— Пустякъ! она разговариваетъ съ Вальтеромъ и я не хочу

вѣшать наъ. Мнѣ хочется, чтобы они познакомились и подружались.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! и вы думаете, они сойдутся?

— Конечно; я въ этомъ не сомнѣваюсь; но онъ такъ застенчивъ, а она такъ скрытна, что они еще не успѣли познакомиться.

— Она скрытна?

— Да, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Отъ нея не добьешься ни слова о ней самой.

— Это недостатокъ, который не многимъ дается, сказала Эднуа, съ лукавою улыбкою.

— Не правда ли, мистръ Невиль, она удивительно хороша?

— Какъ же я буду отвѣчать вамъ, когда вы не хотите заставить ее обернуться въ нашу сторону?

— Потерпите только до послѣ-обѣда; я представлю васъ ей.

— О, вѣтъ, благодарю васъ, я терпѣть не могу фамиліальныхъ представленій. Вы увидите, что я и самъ найду средство представиться ей безъ посторонняго посредничества. Какъ приняли ее дѣдушка и бабушка?

— Съ-такимъ радушіемъ, что лучшаго желать нельзя было, въ-особенности дѣдушка. Однако же ему это было не легко; онъ ни за что въ-свѣтъ не хотѣлъ, чтобы батюшка женился на иностранкѣ и иностранкѣ.

— Правда, съ-предрасудками трудно совладѣть, возразилъ Эднуадъ: но любовь еще сильнѣе и упорнѣе, и когда сойдется съ-вими, они рано или поздно разлетятся въ-дребезги. Какъ ладитъ Вальтеръ съ-своими?

— О, его предрасудки совсѣмъ не то, что дѣдушкины; впрочемъ онъ, кажется, думалъ, что никогда не будетъ въ-состояніи полюбить Дживевру, а теперь...

— А теперь, кажется, и очень полюбилъ; не такъ ли? Посмотрите, съ-какимъ одушевленіемъ они разговариваютъ. Не можете-ли разслушать, о-чемъ они толкуютъ?

— Кажется, о-готическихъ соборахъ. Скажите, какъ понравились вамъ намедни Винсенты?

— Которая?

— Нэнси.

— Столько же, я полагаю, какъ вамъ нравится ея-братъ.

— Онъ мнѣ очень нравится.

— Именно, я такъ и думалъ; ну, и она мнѣ очень нравится.

Она изъ тѣхъ людей, которыя непремѣнно добьются своей цѣли, но что бы то ни стало; которыя не будутъ знать покою до-тѣхъ-поръ, пока не достигнутъ ея. Я очень уважаю такихъ людей.

— По моему, это должно завзѣсть оттого, къ какой цѣли они стремятся.

— Не совсѣмъ. Въ постоянномъ стремленіи къ цѣли, въ желѣзной волѣ и неутомимомъ упорствѣ есть уже нѣчто великое, хотя бы въ цѣли этого стремленія и не было ничего ни похвальнаго, ни великаго.

— Такая сила воли сдѣлаетъ человѣка скорѣе преступникомъ, чѣмъ великимъ человекомъ, отвѣчала Маргарита съ нѣкоторымъ одушевленіемъ. Я не нахожу ничего достойнаго уваженія въ одной силѣ и въ упорствѣ воли, когда они протсекаютъ изъ гордости и служатъ орудіемъ неправыхъ дѣлъ.

— Нравственная сила можетъ имѣть своимъ источникомъ гордость, но не можетъ вести къ преступленію; по-крайней-мѣрѣ не къ преступленію низкому, подлому.

— О, мистръ Невиль, вскричала Маргарита: развѣ каждое не-правое дѣло не низко, болѣе или менѣе? развѣ всякое не-правое дѣло не есть признакъ эгоизма? а эгоизмъ всегда презрительнъ.

— Я не назову презрительнымъ того эгоизма, который ведетъ человѣка къ назначенію себѣ собственной цѣли жизни, и побуждаетъ его быть вѣрнымъ этой цѣли и себѣ самому, хотя бы для достиженія этой цѣли приходилось жертвовать ближнимъ. Въ непреклонной рѣшимости побѣдить всѣ препятствія и уничтожить все, что преграждаетъ намъ путь къ избранной цѣли,— есть нѣчто такое, что можетъ принадлежать только характеру необыкновенной закалки. Повѣрьте, миссъ Лесли, шепетильная совѣстливость никогда не соединяется съ истиннымъ величіемъ; человѣкъ, взвѣшивающій каждое слово, прежде чѣмъ произнесетъ его, никогда не будетъ краснорѣчивымъ витіемъ, а тому, кто разбираетъ по пыточкѣ каждое дѣйствіе, прежде чѣмъ совершить его, не быть великимъ человекомъ. Есть въ человѣкѣ нравственный инстинктъ, который руководитъ его въ жизни гораздо лучше того, что называется обыкновенно правилами.

— Какъ не согласенъ вашъ образъ мыслей съ Вальтеровымъ. Онъ также преклоняется передъ силою воли и непреклонностью стремленія; но онъ говоритъ, что воля въ человѣкѣ есть страшная сила, способная равно на добро и на зло, и которая, если

не будетъ дано ей хорошее направленіе, можетъ разить въ сторону, какъ сломанный лукъ, и погубить его самого и другихъ.

При имени Вальтера, Эдмундъ быстро взглянулъ въ ту сторону, гдѣ онъ сидѣлъ; и прошло нѣсколько мгновеній прежде, чѣмъ Маргарита могла снова привлечь его вниманіе и продолжать разговоръ.

— Полагаете ли вы, спросилъ Невилъ, послѣ нѣкотораго молчанія, что одинъ человѣкъ можетъ долго противиться волѣ другаго, когда въ одномъ изъ соотвѣствующихъ есть эта сила и непреклонность стремленія, о которой мы сейчасъ говорили? Не должно ли полагать, что сильная, стремительная воля, хотя бы она избрала неправые пути къ своей цѣли, должна рано или поздно восторжествовать надъ страдательнымъ сопротивленіемъ.

— Я васъ не понимаю.

— Положимъ, напримѣръ, что счастье всей моей жизни зависитъ отъ покоренія себя волѣ тѣхъ, съ которыми свела меня судьба; отъ принужденія ихъ дѣйствовать сообразно моимъ, а не ихъ собственнымъ понятіямъ; не должна ли тутъ моя непреклонная воля, допустивъ притомъ съ обѣихъ сторонъ равныя умственные силы, рано или поздно восторжествовать?

— Вальтеръ сказалъ бы, что это зависитъ отъ правоты нашего дѣла, а если не отъ нея, то отъ свойствъ встрѣчаемаго нами сопротивленія.

Мрачная туча прошла по лицу Невилла, и онъ сказалъ отрывисто:

— Ради Бога, говорите мнѣ, чтѣ вы сами думаете, а не чтѣ сказалъ бы Вальтеръ.

— Я думаю, какъ онъ думаетъ; но я далеко не такъ праведно дѣйствую какъ онъ, и вотъ почему я привожу его слова. Я терпѣть не могу говорить о себѣ такъ, какъ-будто я лучше, чѣмъ я на-самомъ-дѣлѣ; это очень похоже на лицемѣріе, хотя оно и не есть собственно лицемѣріе. Живя съ человѣкомъ возвышенныхъ правилъ и рѣдкаго самоотверженія, мы невольно дѣлаемся добры въ теоріи; воображаемъ, что мы совершенно добры имъ, до-тѣхъ-поръ пока что-нибудь не докажетъ намъ, что мы не болѣе какъ гальвано-пластическіе слѣпки, сказала Маргарита, показывая съ улыбкою на стоявшую передъ ними гальвано-пластическую посуду.

— Вы правы, отвѣчалъ Невилъ; и послѣдовало новое молчаніе. — Мнѣсь Лесли, если бы человѣкъ, которымъ вы бы очень

дорожили, котораго вы любили бы отъ всего сердца, обмануть васъ въ томъ, что всего ближе вашему сердцу, измѣнились ли бы отъ того ваши чувства?

Дрожащимъ голосомъ отвѣчала она: — Еслибы я любила кого отъ всего сердца, я не могла бы дорожить ничѣмъ другимъ.

Обычный свѣтлый взоръ ея глазъ обратился во взглядъ, полный робкаго и недоувѣрчиваго безпокойства, когда она взглянула на задумчивое лицо Эдмунда. Онъ казался гораздо болѣе погруженъ въ предметъ своего размышленія, чѣмъ занять ею, и продолжалъ:

— Слѣдовательно преданность ваша любимому челоуѣку была бы такъ велика, что могла бы восторжествовать надъ всѣми пренатствіями?

— Предполагая, что отъ меня не требовалось бы ничего неправаго.

— Это разумѣется само собою, перебилъ Эдмундъ съ терпѣніемъ. Положимъ это разъ навсегда, чтобы не перебивать рѣчи увертливыми условіями.

— Никто еще не обвинялъ меня въ увертливости, отвѣчала Маргарита полушутливымъ, полубоуженнымъ голосомъ. Она, бывшая доселѣ самымъ безбоязненнымъ существомъ въ мірѣ, до такой степени даже, что могла бы показаться слишкомъ свѣлою, еслибы всѣ мысли и движенія ея не были такъ полны жевской мягкости, начинала ощущать тираническую власть сильной страсти, сознавать ея существованіе и сомнѣваться во взаимности. Веселый или недовольный взглядъ Невилевыхъ сверкающихъ глазъ, движеніе его выразительныхъ губъ, бросали ее въ радость или въ унывіе, паводили румянецъ или блѣдность на ея щеки, заставляли быстрѣе или медленнѣе биться ея сердце. Последнія слова ея очевидно не поправились ему, и онъ хранилъ угрюмое молчаніе до самого того времени, когда дамы вышли изъ столовой.

— Что скажете вы о моемъ племянникѣ? сказала мистрисъ Варрепъ Джиневрѣ, когда онѣ стояли всѣ передъ каминомъ въ библіотекѣ. — Я никакъ не ожидала встрѣтиться съ нимъ у вашего отца.

— Вы думали, что онъ въ Ирландіи, отвѣчала Джиневра, внимательно разсматривая группу изъ саксонскаго фарфору.

— Мы всѣ очень любимъ его, подхватила мистрисъ Торнтонъ; онъ у насъ точно ручной котенокъ, и *enfant de la*

нашен, какъ говорятъ иностранцы. Извините, моя милая, что я въ вашемъ присутствіи говорю объ иностранцахъ....

— Это значить, надѣюсь, что вы смотрите на меня не совсемъ какъ на иностранку, отвѣчала Джиневра шуточно.

Мистрисъ Варренъ засмѣялась, и сказала:

— Одною же, если вы хотите, чтобы васъ принимали за Англичанку, вы должны вначѣ одѣваться.

Она говорила правду. Джиневра была одѣта такъ просто, какъ не одѣнется ни одна Англичанка, привыкшая хотя бы къ самой скромной домашней жизни. Она была въ траурѣ; и ея черное платье съ длиною тальею, и живописно вышитыми разбѣжными рукавами, гладкая бархатная лента на шеѣ, и волосы, заплетенныя въ безчисленное множество косъ; но безъ всякаго украшенія, дѣлали ее похожею на старинную картину, но несколько не на англійскую семнадцатилѣтнюю барышню.

— Маргарита научить меня, сказала она, слегка зарумянившись.

— Нѣтъ; полковникъ Лесли такъ восхищался вашимъ нарядомъ за столомъ, что скорѣе развѣ убѣдитъ оупъ миссъ Лесли подражать вамъ.

— Какая нужда Маргаритѣ подражать другимъ? подхватила мистрисъ Торитонъ такимъ голосомъ, который навелъ страхъ на Маргариту, которая ничего такъ не боялась и не ненавидѣла, какъ быть предметомъ разсужденій своей бабушки. Она искусно свела разговоръ на другой предметъ, представивъ на общее восхищеніе старый блондовый шарфъ, бывшій на мистрисъ Варренъ.

Когда дверь столовой отворилась, обѣ сестры спдѣли на низкой софѣ, и мотали шерсти. Алыи мотокъ обвинялъ протянутыя руки Маргариты, а Джиневра держала растущій алыи клубокъ. Въ это мгновеніе клубокъ нечаянно выпалъ изъ ея рукъ, и покотился по комнатѣ къ самымъ ногамъ входящаго Невилля. Оупъ поднялъ его и подалъ Маргаритѣ.

— Отдайте Джиневрѣ, сказала она, улыбаясь.

Невилль обернулся къ Джиневрѣ, и стоялъ передъ нею съ едва приметною улыбкою. Она покраснѣла, и протянула руку къ клубку; Невилль удержалъ его до-тѣхъ-поръ, пока она не подняла на него глазъ; тогда оупъ улыбнулся, отпустилъ клубокъ съ вѣжливымъ поклономъ, и потомъ, садясь съ другой стороны подлѣ Маргариты, шепнулъ ей:

— Вотъ, я полагаю, представленіе мое конечно.

Онъ, казалось, совершенно оправился отъ своей мгновенной досады за обиду, и былъ весь вечеръ веселъ и любезнъ тѣмъ когда-либо. Это былъ одинъ изъ самыхъ счастливыхъ вечеровъ, какіе помнила Маргарита; Эдмундъ былъ такъ любезенъ, такъ внимателенъ къ ней; онъ казался такъ счастливъ тѣмъ, что былъ опять въ Грантли-Мэноръ; въ обращеніи его была какъ-то мягкость, какая-то вѣжливость, которыхъ она еще никогда не замѣчала въ немъ. Однажды, когда говорила о томъ, какъ она счастлива, что нашла сестру, — и еще какую вестру! — и въ порывѣ восторга вскричала: — Не правда-ли, она точно существо не нашего міра? — онъ схватилъ ее руку, какъ въ тотъ памятный вечеръ, и сказалъ вполголоса: — Вы ангелъ доброты и вѣжливости. — Радость волною хлынула при этихъ словахъ къ ее сердцу, и оно забило бурнымъ волненіемъ.

Ничего не желала она болѣе, какъ чтобы Невилъ представился въ выгодномъ свѣтѣ передъ Джиневрою. Она уже начинала цѣнить къ сестрѣ какое-то тайное почтеніе, будто убѣжденная въ несравненномъ ей умственномъ превосходствѣ надъ нею, и потому ей очень хотѣлось, чтобы и она цѣнила его и восхищалась имъ. Ей было весьма досадно, что она въ этотъ вечеръ почти не принимала участія въ разговорѣ; разъ или два только Джиневра мгновенно одушевлялась; во все же остальное время была задумчива и разсѣянна.

Когда мистръ и мистрисъ Варренъ и Вальтеръ присоединились къ нимъ, разговоръ сталъ общимъ.

— Какъ нравится вамъ наше любезное отечество? спросилъ мистръ Варренъ Джиневру.

— Оно мнѣ очень нравится, отвѣчала она; только меня пугаетъ его движеніе, его видъ дѣятельности и заботы. Куда дѣваются въ Англіи лѣнныя? или у васъ ихъ бьютъ, какъ труповъ въ ульѣ?

— Въ Англіи, сказалъ Вальтеръ, лѣнность считается преступленіемъ въ бѣдныхъ, и подвергается наказанію законовъ. Что жъ до богатыхъ, законъ не заботится о ихъ трудолюбіи или лѣности.

— Но она часто влечетъ за собою собственное свое наказаніе, подхватила Маргарита. Праздность богатыхъ порождаетъ въ нихъ хандру, которая часто замучиваетъ ихъ до смерти, и доводитъ до того, что всѣ смотрятъ на нихъ какъ на неспособную

хандру и на язву. Полдня настоящей праздности и хандры истощаетъ гораздо больше цѣлаго дня труда; а считаться хандрою и букою гораздо хуже, чѣмъ считаться злымъ человекомъ....

Вальтеръ нахмурилъ брови, она продолжала, не обращая на него вниманія:

— Ты знаешь, что когда человека считаютъ злымъ, онъ отъ этого ничуть не дѣлается злѣе; между-тѣмъ какъ считаться букою и хандрою, значитъ, быть дѣйствительно букою и хандрою; следовательно первое ровно ничего не значитъ, а второе значитъ очень много.

Мистръ Варренъ и Эдмундъ засмѣялись, а Джиневра покачала головою.

— Не тоскуете ли вы по итальянскомъ солнцѣ? спросила мистрисъ Варренъ страдальческимъ голосомъ.

— Несколько, отвѣчала Джиневра, но крайній-мѣръ не теперь и не здѣсь. У насъ дома свое солнце, прибавила она, взглянувъ съ нѣжностью на Маргариту, — при которомъ самое пасмурное небо становится свѣтло, — и самому удрученному сердцу становится легче. — Послѣднія слова были произнесены такъ тихо, что никто не слышалъ ни этихъ словъ ни сопровождавшаго ихъ вздоху.

— Боюсь я, signora mia, что ваше солнце будетъ что-то сладковатый сахаръ, замѣтилъ мистръ Варренъ, не понявъ намека, — которымъ довольствуются только тѣ, которые не знаютъ настоящаго. Что до меня, я желалъ бы никогда не бывать въ Италіи; это портитъ человека на всю жизнь.

— Такъ, по вашему мнѣнію, Италія испортила насъ самихъ или вашу жизнь? спросилъ Эдмундъ.

— О первомъ пусть судятъ мои пріятели; второму я самъ судья. О, чего бы не далъ я за одинъ день итальянскаго тепла и итальянской веселости! вскричалъ мистръ Варренъ съ выразительнымъ вздохомъ и потрясеніемъ всѣхъ членовъ. — Вы, Эдмундъ, никогда не бывали за Альпами, вы только шатались между этими скверными швейцарскими хижинами и ледниками; поэтому вы не можете понимать того чувства, которое млетъ меня на югъ, въ страну тепла и солнца.

— Итальянское солнце порождаетъ ли еще по прежнему импровизаторовъ? спросилъ Эдмундъ: встрѣчается ли еще этотъ духъ вдохновенія между Итальянцами?

— A qui le demandez vous? вскричала мистрисъ Варренъ;

сама снѣтора Джиневра импровизатриса перваго разряду; когда находить на нее поэтическое вдохновеніе, она изливаетъ его въ такихъ стихахъ, которые выдержать самую строгую критику.

— Возможно ли? вскричала Маргарита. Милая Джиневра, дай намъ послушать свои импровизаціи, сегодня же; это доставить намъ такое удовольствіе!

Джиневра съ кротостью отвѣчала; Эдмундъ шепнулъ Маргаритѣ: попросите отца, чтобы онъ убѣдилъ ее.

Маргарита съ живостью обратилась къ полковнику Лесли, который посмотрѣлъ на меньшую дочь, и сказалъ громко: — Я упрямъ, что она это сдѣлаетъ, если можетъ.

Джиневра тотчасъ встала и подошла къ фортепіано; взяла нѣсколько торопливыхъ аккордовъ, и устремила свои свѣтлые взоры на отца; одну руку она приложила ко лбу, а другая между-тѣмъ продолжала тихую модуляцію. Всѣ взоры обратились на нее.

— Вы должны дать ей тему, сказалъ мистръ Варрентъ.

Послѣдовало общее молчаніе. Наконецъ Вальтеръ сказалъ:

— Я предложу тему: надежда или страхъ.

— Надежда и страхъ, перебила Маргарита.

Въ одно мгновеніе густой румянецъ разлился по щекамъ Джиневры, и глаза ея засіяли ослѣпительнымъ свѣтомъ. Наступила часть вдохновенія. Взоръ ея перешелъ съ отца и остановился на Невиллѣ, который смотрѣлъ на нее въ безпокойномъ ожиданіи. Она не сказала ни слова, румянецъ исчезъ съ ея лица, и рука, приложенная ко лбу, медленно опустилась на клавиши. Еще мгновеніе, и она заиграла; и тихіе, неопредѣленные, торопливые звуки, которые она извлекала изъ фортепіано, казалось, выражали безотчетное, вистивктивное предчувствіе страху. Мелодія перешла въ дикіе, порывистые аккорды, которые томили душу какъ обаяніе возрастающаго ужасу; съ таинственной силою передавали они вопль страдающей души. Потомъ, какъ дождь, дробящійся объ иссохшую землю, какъ облачко на небѣ надъ голодающею отъ засухи странною, послышалось нѣсколько слабыхъ нотъ, говоръ возвращающейся въ душу надежды; онѣ попеременно возвышались и упадали, то разширялись какъ вѣтеръ на морѣ, то замирали какъ утихающій гулъ отдаленной грозы; пока не разразились наконецъ радостнымъ, восторженнымъ гимномъ, который потокомъ хлынулъ въ слухъ слушателей, и отозвался во всѣхъ сердцахъ. И снова загремѣла пѣснь побѣды, съ такою обуревающею, восторженною силою, что Вальтеръ, закрывъ лицо руками, хотѣлъ

высказать свое волненіе только въ тѣхъ словахъ, что выражаютъ послѣднее, самое высокое торжество надежды надъ страхомъ: — Смерть, гдѣ твоё жало? могила, гдѣ твоя могила?

Послѣдніе аккорды дивнаго гимна давно уже замерли: но слушателямъ казалось, что они парятъ еще въ безмолвномъ воздухѣ; и никто не смѣлъ заговорить, или даже пошевелиться, пока сама Джиневра не встала и не отошла отъ фортепіано; такъ сильно было произведенное ею впечатлѣніе. Маргарита молча обвила сестру; мистрисъ Варренъ принялась дивиться ея таланту, вызывая ее своею святою Цециліею; а мистрисъ Торнтоуъ принялась рассказывать мистрисъ Варренъ, какой у Маргариты необыкновенный талантъ къ музыкѣ; но прибавила, что она никогда не желала, чтобы изъ ея внучки вышла какая-нибудь муза или импровизатриса или святая Цецилія, или что-либо въ этомъ родѣ.

— Зачѣмъ вы не импровизовали стиховъ, а одну только музыку? спросила мистрисъ Варренъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я сдѣлала, что могла, отвѣчала Джиневра, взглянувъ на отца.

Эдмундъ Невиль, во все продолженіе импровизаціи, сидѣлъ неподвижно противъ фортепіано. Когда музыка умолкла, онъ быстро прошелъ черезъ всю комнату, и сѣлъ подлѣ Джиневры. Нѣсколько минутъ разговаривали они вполголоса. Маргарита думала, что онъ поздравлялъ ее съ талантомъ, и невольно жалѣла, что не могла играть какъ сестра, и не умѣла хвалить какъ онъ: потому что въ это мгновеніе во взорахъ его было такое выраженіе, какого она никогда еще не видала, и которое она приписывала волшебной силѣ гевія. И удивительно ли, что онъ поддавался его вліянію, когда она сама чувствовала, что въ ней не было ни одной жилки, которая не билась бы отъ восхищенія и восторгу подлѣ неотразимымъ обаяніемъ этой волшебной гармоніи? и удивительно ли, что сестра ея съ такимъ волненіемъ, съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ слушала краснорѣчивыя слова, которыхъ силу и увлекательность она сама слишкомъ хорошо знала? Это не удивляло ее, но можетъ-быть паводило на нее вѣчто въ родѣ страху. Можетъ быть, безотчетная боязнь заговорила въ это мгновеніе въ ея душѣ, тихо и неясно, какъ первая нота въ импровизаціи Джиневры. Но все это скоро разсѣялось, когда Эдмундъ подошелъ къ ней, и сказалъ, что онъ рѣшился устроить вновь Даррель-кортское помѣстье, старинное по-

иѣсть въ селѣхъ Грантан-Мэнора, издавна принадлежавшее его предкамъ, и отдаввое ему отцомъ; и что онъ наиѣретъ тутъ поселиться. Онъ общалъ въ первый хорошій день ѣхать осмотрѣть помѣстье; совѣтовался съ нею о разныхъ вещахъ по этому предмету, хвалилъ ея вкусъ, рисовалъ съ нею чертежи, описывалъ свои планы, и развѣлъ съ ея сердца и лица облако, мгновенно помрачившее блескъ этого счастливаго вечера,— какъ восходящее солнце разгоняетъ легкій туманъ, подернувшій ясное небо.

=

ВАНДЕРЪ.

=

РАЗСКАЗЪ СТРЕБЕНА.

=

I.

Въ одинъ лѣтній вечеръ, у подъѣзда гостиницы Англа, въ маленькомъ городкѣ Эйзенахъ, остановилась почтовая карета, изъ которой вышелъ человекъ почтенной наружности. Содержатель гостиницы, Вольфъ, бросивъ на него бѣглый, но смысленный взглядъ, приказалъ отвести ему, несмотря на скудость его чемодана, лучший номеръ своего отеля. Путешественнику можно было дать лѣтъ сорокъ; фзюномія его, открытая и веселая, была исполнена благородства; онъ былъ одѣтъ очень просто, и въ петлицѣ скромнаго сюртука его видѣлась желтая ленточка. Черезъ четверть часа послѣ пріѣзда, онъ вышелъ изъ своей комнаты въ голубомъ кафтанѣ, жилетѣ съ золотыми пуговицами, бакковыхъ панталонахъ и въ сапогахъ со шпорами. Онъ записался въ журналѣ пріѣзжающихъ подъ именемъ Дальмана; потомъ, увидѣвъ Вольфа, который, сидя на каменной скамейкѣ, спокойно курилъ трубку, подошелъ къ нему.

— Уже давно, сказалъ онъ, садясь воалѣ него, какъ меня разбирала охота посѣтить эту прелестную страну Германіи; старый и важный Вартбургъ, возвышающійся передъ нами, Турингскія горы, и свѣжія долины, которыя ихъ пересекають, такъ мнѣ

правятся, что я чувствую большое расположеніе остаться здѣсь нѣсколько недѣль, чтобъ насладиться всѣми этими чудными видами. Но я желалъ бы знать, могу ли удовлетворить здѣсь одной страсти, которая съ самого дѣтства сильно во мнѣ развивалась: страсти къ музыкѣ. Я не музыкантъ по искусству, и едва умѣю владѣть смычкомъ; если жъ иногда вздумаю спѣть какую-нибудь пѣсню, то непременно изъ четырехъ нотъ три возьму фальшиво; но я люблю музыку до безумія, и готовъ идти на край свѣта, чтобъ услышать симфонію Бетгоvena, пѣсню Шуберта или хорошій хоръ цыганъ.

— So, so, сказалъ содержатель гостинницы, съ выраженіемъ, которое нѣмцы обыкновенно придаютъ этому слову, такъ часто употребляемому въ ихъ разговорахъ; если вы, сударь, любите музыку, то можете здѣсь очень пріятно проводить время. У насъ въ Эйсенахъ, есть филармоническое общество, которое всякую недѣлю даетъ концерты; объ этихъ концертахъ много писалъ въ Веймарской газетѣ; кромѣ того, на дняхъ пріѣхала къ намъ изъ Дрездена цѣлая труппа пѣвцовъ, какъ говорятъ чудесныхъ, которые завтра дебютируютъ въ ратушѣ.

— Bravo, сказалъ Дальманъ, потирая руки съ восторгомъ диллетанта; но это наслажденія роскошныя; давайте мнѣ что-нибудь попроще на каждый день. Я слышалъ отъ одного аматера, который ѣхалъ со мной, что здѣсь недавно поселился молодой человекъ, который прекрасно играетъ на охотничьемъ рожкѣ. Онъ даетъ уроки музыки и его фамилія Вин... Вай... никакъ не могу вспомнить!

— Вандеръ, можетъ-быть?

— Вандеръ, Вандеръ, именно.

— Прекрасный молодой человекъ; онъ иногда приходитъ обѣдать въ мою гостинницу. Уже съ полгода, я думаю, какъ онъ пріѣхалъ сюда; откуда? и зачѣмъ? никто не знаетъ. Онъ говорить по нѣмецки, но выговоръ его иностранный, какой-то... но позвольте, мнѣ кажется, что его выговоръ похожъ на вашъ. Не слышать, чтобъ у него были гдѣ-нибудь родственники или друзья, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ сюда пріѣхалъ, ему не приносилъ съ почты ни одного письма. Сосѣдъ мой также это замѣтилъ, но что намъ до того: если птица хороша, не зачѣмъ справляться о ея гнѣздѣ, а господинъ Вандеръ, какъ я уже имѣлъ честь вамъ докладывать, прекрасный молодой человекъ, умный, порядочный и аккуратный въ платежѣ. Онъ въ большомъ уваженіи у господина бургомистра и даетъ у него въ домѣ уроки музыки. Жаль, что

отъ немного грустенъ и дикъ.... вѣроятно, какая-нибудь романтическая исторія молодости, — но это не мое дѣло.

— То, что я слышалъ о Вандерѣ отъ моего сосѣда, въ почтовой каретѣ, совершенно согласуется съ вашими словами. Мнѣ бы очень хотѣлось его видѣть.

— Вы можете теперь же удовлетворить вашему желанію; посмотрите, вотъ онъ идетъ по дорожкѣ, къ Вартбургу. Онъ каждый вечеръ дѣлаетъ эти уединенныя прогулки.

— Хорошо, воскликнулъ съ живостью иностранецъ, вставая со скамейки, я не буду мѣшать его размышленіямъ, но пойду также къ Вартбургу; вечеръ прекрасенъ и я не чувствую никакой усталости.

Сказавъ это, Дальманъ пошелъ вслѣдъ за Вандеромъ къ древней и величественной крѣпости, возвышающейся надъ живописными холмами и темными, еловыми лѣсами Турянгин.

Два часа спустя, иностранецъ, возвратясь въ свою комнату, началъ писать слѣдующее письмо:

«Успокойся, любезный братъ, и успокой нашу безцѣвную Цецилію: описаніе, которое вы мнѣ сдѣлали о нашемъ бѣглецѣ Блобергѣ, совершенно согласуется съ лицомъ и положеніемъ здѣшняго музыканта Вандера.

«Онъ очень хорошъ собой, постоянно грустенъ и задумчивъ, и такъ любимъ высшимъ обществомъ и вообще всѣми въ Эйсенахѣ, что его имя произносится съ уваженіемъ, даже въ болтовнѣ трактирщиковъ. Я началъ его преслѣдовать, лишь только успѣлъ пріѣхать. Уже два раза встрѣтилъ я его въ извилистыхъ аллеяхъ Вартбурга и на поклонъ мой, онъ отвѣчалъ учтиво, но съ видомъ челоуѣка, который желаетъ, чтобъ его оставили въ покоѣ. Лицо его мнѣ нравится, хотя я вовсе не люблю сумрачныхъ лбовъ и меланхолическихъ взглядовъ, похожихъ на плаксивую элегію.

«Я увѣренъ, что добрый стаканъ пуншу, или одно ласковое слово нашей хорошенькой Цециліи, разогнали бы всѣ эти облака грусти, навѣянные на его прекрасное лицо, какими-нибудь глупыми, поэтическими мечтами. Я самъ удивляюсь, какъ я, старый солдатъ Густава Третьяго, бросилъ нашу добрую Швецію, чтобъ отъискивать въ маленькомъ городкѣ Германіи нашего бѣлаго дикаря. Что бы сказали, мои храбрые смаландскіе драгуны, если бъ увидѣли, какъ ихъ почтенный полковникъ бѣгаетъ за влюбленнымъ мальчикомъ, точно отчаянный романтистъ за развязкой романа? Но дѣло идетъ о спокойствіи и счастіи Цециліи, а ты знаешь, добрый братъ мой, что эта маленькая волшебница дѣлаетъ изъ меня

все, что ей угодно. Она сдѣлалась моимъ командиромъ, съ того самого дня, какъ я ее крестилъ. Едва начала она говорить и ходить на помочахъ, какъ я уже могъ, кажется, смотря на ея хорошенькіе голубые глазки забыть пароль на-канунѣ сраженія и часть королевскаго смотра. И потому, лишь только я замѣтилъ, какъ она, всегда веселая и живая, сдѣлалась вдругъ грустна и задумчива, когда я узналъ что для возвращенія ей улыбки счастья, нужно было отыскать счастливаго молодого человека, вздумавшаго, Богъ знаетъ для чего, бѣжать ея любви, и скрываясь за триста верстъ подъ чужимъ именемъ, выдавать себя за умершаго, — я не колебался ни минуты, отправился въ погоню, и вотъ, въ эйзенахскомъ трактирѣ, придумываю планъ, станю съѣти, копаю мины, чтобъ взять приступомъ этого бѣднаго блондина, какъ храбро защищаемую крѣпость. Кажется, онъ вовсе не расположенъ сдаться, но ему нужно много хитрости, чтобъ провести такую старую, казарменную лисицу, какъ я. Къ счастью, у меня безрочный отпускъ, деньги, рекомендательныя письма и всѣмъ этимъ, при нуждѣ, можно будетъ воспользоваться. Я извѣстенъ здѣсь подъ скромнымъ именемъ Дальмана, но объявлю, если повдабится, что я полковникъ Гіарта, уважаемый Густавомъ Третьимъ, награжденный множествомъ орденовъ, и рекомендованный съ лестной стороны нашимъ милостивымъ государемъ его высочеству герцогу веймарскому.

Эйзенахъ мнѣ довольно нравится, и если бъ при немъ было озеро, рѣка или уголокъ моря, я вообразилъ бы себя въ шведскомъ городѣ, такъ онъ милъ и граціозенъ. Надъ узкою долиной, въ которой онъ выстроенъ, возвышается, какъ тебѣ ученому географу конечно извѣстно, древняя вартбургская крѣпость. Я читалъ, не знаю гдѣ-то, много чудесъ объ этой крѣпости. Много было въ ней знаменитыхъ поэтовъ, и увѣряютъ, что какой-то магикъ перенесъ въ нее по воздуху, изъ глубины Венгріи, чуднаго пѣвца съ арфой, сладкія пѣсни котораго восхищали одну прекрасную принцессу. Святая королева, извѣстная своимъ милосердіемъ, жила также въ этой крѣпости. Въ ней же скрывался Лютеръ отъ преслѣдованія своихъ яростныхъ противниковъ, и переводилъ Бибію. Преслѣдуя моего влюбленнаго, я заходилъ въ эту крѣпость; ея веткія стѣны, пользующіяся уваженіемъ нѣмецкихъ трубадуровъ и всѣхъ ученыхъ, пали бы, при одномъ пушечномъ выстрѣлѣ. Я видѣлъ двѣ залы; одна изъ нихъ посвящена памяти святой Елисаветы и украшена двумя картинами, представляющими чудеса ея вѣры и милосердія, въ другой же Лютеръ, въ одво изъ своихъ видѣній,

бросилъ черепицу въ голову дьявала, какъ-будто бы дьяволъ и безъ того былъ не довольно черепъ. Миѣ показывали также большую кавалерственную залу, въ которой нѣкогда давались роскошные пиры турингскихъ принцевъ.

— Но во всемъ этомъ множествѣ заустѣлыхъ дворовъ и слабыхъ укрѣпленій, миѣ болѣе всего понравилась четырехъ-угольная башенка, изъ которой видно огромное пространство лѣсовъ, пересѣкаемыхъ свѣжими долинами. Когда передъ моими глазами развернулась эта роскошная картина лѣсовъ, холмиковъ, зеленыхъ луговъ, — я воображилъ, что я въ нашей тихой, смаландской провинціи, и признаюсь, немного развѣжился. Увидѣвъ у входа въ крѣпость маленькую харчевню, я поторопился войти въ нее подкрѣпить свои силы. Хорошенькая дѣвушка подала миѣ кружку чудеснаго пива.

«Я сѣлъ у окошка, въ половицу закрытаго плющемъ, и закурилъ трубку, которую ты подарилъ миѣ въ мои прошедшія нѣмныя, смотрѣлъ съ невыразимымъ наслажденіемъ на долину, освѣщенную послѣдними лучами заходящаго солнца и на милую дѣвчушку, которая, взявъ работу, сѣла возлѣ меня, и въ этомъ тихомъ уединеніи, передъ этими двумя прекрасными картинами... Но, Господи! что со мной дѣлается? кажется, и я, старый сумазбродъ, принялся за меланхолическую поэзію! Это сосѣдство Вандера меня портитъ. Онъ миѣ за это заплатитъ; съ завтрашняго же дня, не теряю его изъ виду и, живаго или мертваго, привезу къ вамъ. Прощай, поцѣлуй за меня, покрѣче, мою милую племянницу, которая заставляетъ меня дѣлать столько глупостей; лишь только еще что-нибудь узнаю о ея невѣрномъ, немедленно напишу тебѣ.

Твой *Карлъ Гирта*».

II.

Одно слово вызываетъ много воспоминаній. Нѣсколько недѣль прошло въ неудачныхъ попыткахъ полковника познакомиться съ Вандеромъ. Гирта понималъ, что въ подобныхъ случаяхъ не годилось обращаться слишкомъ по-военному. Боясь излишней торопливостью испортить все дѣло, онъ старался по немногу выиграть довѣренность Вандера и найти дорогу къ его сердцу. Полковникъ слѣдовалъ за нимъ издали во время его прогулокъ, и выбравъ особую тропинку, приходилъ, какъ бы случайно, ему на

встрѣчу. Съ начала, онъ ему только кланялся, потомъ, попробовавъ заговорить о погодѣ, о прекрасномъ лѣсѣ, потомъ завелъ разговоръ немного позначительнѣе, и такимъ образомъ, присвоилъ себѣ право бесѣдовать съ нимъ всякій день. Познакомившись съ бургомистромъ, у котораго Вандеръ давалъ уроки, онъ нѣтъ случая чаще съ нимъ видѣться и говорить. Одинъ разъ, онъ нѣлъ невыразимое счастье сидѣть возлѣ молодаго музыканта, и филармоническомъ концертѣ, усердно аплодировалъ всему, что воехшиало его собесѣда, и бранилъ все, что ему не нравилось.

Но не смотря на всю благоразумную тактику и всѣ угожденія бѣдный Гіарта не могъ побѣдить равнодушія Вандера, который хотя и останавливался, когда полковникъ съ нимъ заговаривалъ но слушалъ его съ совершеннымъ равнодушіемъ и поспѣшно уходилъ, когда тотъ заводилъ разговоръ по-серьѣзнѣе. Въ домахъ гдѣ благодаря своему таланту и интересной фizioноміи, Вандеръ былъ радушно пріяватъ, сохраняя онъ то же безчувствіе ко всему, что его окружало. Одна музыка оживляла иногда его задумчивый взоръ, но искра эта скоро потухала, и онъ снова садился куда-нибудь въ уголокъ, какъ человѣкъ вовсе непричастный за нятіямъ обыкновенной жизни. Много прекрасныхъ дамъ Эйзена ла, много хорошенькихъ дѣвушекъ съ голубыми глазками, поразившая этой странной безчувственностью, старались угожденіями и невиннымъ кокетствомъ развеселить лицо прекраснаго мечтателя; но если и удавалось имъ вызвать на уста его улыбку улыбка эта была такъ грустна, что сжимала сердце тѣхъ, которые за нимъ наблюдали. Иногда, Вандеръ самъ старался разбѣяться вмѣшиваясь въ забавы веселой молодежи, но онъ не могъ скрыть всей тяжести этого принужденія. Какая-то мысль могущественная, непобѣдимая, поглощала его, и эта мысль такъ глубоко была скрыта въ его сердцѣ, что для всѣхъ оставалась тайной.

Послѣ всѣхъ неудачныхъ попытокъ, полковникъ, возвратясь въ свою комвату, писалъ брату письма, наполненныя досадою и участіемъ.

«Къ чорту, писалъ онъ, въ одномъ изъ нихъ, твой грустный бѣглець со всѣми его туманными исторіями любви. Въ мое время не видало было такихъ глупостей; если любили, то и признавались въ своей любви. Когда признаніе было милостиво пріяято, сзывали всѣхъ друзей на свадьбу, уставляли столъ пуншентомъ и добрыми кружками пива; въ противномъ же случаѣ, отправлялись въ полкъ, и въ шумномъ обществѣ товарищей, забывали жестокость любимой женщины. Теперь же мечтають, бѣгутъ изъ

триста верстъ гулять по горамъ, плакать въ лѣсахъ, и жаловаться на непреклонность рока въ то самое время, какъ оклеветанный рокъ сыплетъ нмъ щедрою рукою, всевозможныя радости. Много видалъ я такихъ сумасбродныхъ молодыхъ людей, но этотъ превосшелъ всѣхъ. Цѣлые часы проводитъ онъ, сидя подъ деревомъ, и вздыхая, какъ мнѣ. Бываютъ минуты, когда мнѣ очень хочется бросить нашего глупаго влюбленнаго, съ его блѣднымъ лицомъ и мрачными взглядами, и возвратиться въ Вексію, искать для нашей Цициліи мужа поблагоразумнѣе, но мысль о твоёмъ безжизненствѣ и о страданіяхъ милой племянницы, удерживаетъ меня здѣсь. Надо также, къ стыду моему, признаться, что этотъ молодой человѣкъ, несмотря на всѣ свои глупости, немножко меня интересуетъ. Мнѣ нравится его фэзіономія, манеры, разговоръ, и вообрази, что даже его упорное сопротивленіе меня прельщаетъ. Мнѣ кажется, что тутъ задѣта моя честь, и всѣ неудачи и затрудненія еще болѣе разжигаютъ мою старую храбрость. Я бы, право, лучше рѣшился преслѣдовать цѣлый полкъ марадеровъ въ лѣсахъ Смаландіи, чѣмъ ловить каждое утро на тропьякахъ Вартбурга или у эйзенахскаго бургомистра, это неуловимое существо. Но, что дѣлать, стану до-нельзя продолжать мой новый стратегическій планъ, и если онъ мнѣ удастся, то, конечно, моя хорошенькая племянница наградитъ меня за всѣ воинственные труды, крѣпкимъ поцѣлуемъ. Жаль, что нельзя внести въ мой послужный списокъ эти храбрые подвиги въ дѣлѣ любви.

Нѣсколько дней спустя, храброму полковнику показалось, что онъ уже близокъ къ цѣли. Безпрестанными встрѣчами съ молодымъ музыкантомъ, угожденіями, а еще болѣе взглядами, выразившими непритворное участіе, онъ такъ пріучилъ къ себѣ Вандера, что осмѣлился предложить ему ужинъ.

Приведа музыканта въ свою маленькую комнату, полковникъ, довольнымъ тономъ побѣдителя, потребовалъ лучшаго вина и лучшей дичи.

Теперь онъ въ моихъ рукахъ, думалъ Гіарта, и когда выпьетъ со мной бутылочку чистаго *ай*, и этого добраго іоганнисбергскаго, то, конечно, разговорится, или Бахусъ не болѣе, какъ старый лжець.

Вслѣдъ за тѣмъ, началъ онъ, для большей храбрости, наливать себѣ стаканъ за стаканомъ; потомъ, какъ бы случайно, завелъ разговоръ о холостой жизни, о любви, которая, иногда, сначала

ла поверганъ въ отчаяніе, дарить потѣмъ неожиданнымъ блаженствомъ.

Вандеръ, сидя съ поникшей головой и мрачнымъ взглядомъ, молча слушалъ его, и едва дотрогивался до кушаній, которыми радушный хозяинъ усердно угощалъ его. Полковникъ пилъ одинъ, и чѣмъ болѣе глоталъ вина, тѣмъ становился смѣлѣе; разсказавъ одинъ анекдотъ, порядочно вольный, торопился начать другой.

— Одинъ разъ, вечеромъ, сказалъ онъ: я прѣѣхалъ въ маленькій городокъ сѣверной Швеціи....

При этихъ словахъ Вандеръ вздрогнулъ, какъ-будто почувствовалъ электрической ударъ.

— Вы бывали въ Швеціи? вамъ знакома Швеція? воскликнулъ онъ сурово и отрывисто.

— Den koenper jag, отвѣчалъ Гіарта, съ выговоромъ, по которому легко было угадать его скандинавское происхожденіе.

— Извините, сказалъ Вандеръ, съ выраженіемъ глубокой грусти: я чувствую сильную головную боль, и какъ нашъ ужинъ уже конченъ, то, надѣюсь, что вы позволите мнѣ съ вами проститься.

Сказавъ это, онъ взялъ шляпу и вышелъ, поклонившись молча полковнику, неподвижному отъ удивленія.

— Да поберутъ тебя всѣ лапландскіе чародѣи и всѣ сѣверныя колдуньи, закричалъ полковникъ, съ гнѣвомъ ударяя по столу. Да засадятъ они тебя въ свои страшныя логовища, невыносимый сумазбродъ!.... Ты скучишь погребальнаго шествія и мертвѣе финляндскаго гранита! Предавайся, сколько хочешь, своимъ заоблачнымъ видѣніямъ, я не хочу болѣе видѣть твоего поблеклаго лица, слышать твоего плаксиваго голоса. Завтра же ѣду въ Вексею, пускай племянница дѣлаетъ, что ей угодно, мнѣ уже надоѣла вся эта глупая комедія.

Сказавъ это, онъ опорожнилъ бутылку іоганнисбергскаго, и замѣтивъ, что стаканъ Вандера былъ почти пполонъ, снова закричалъ съ негодованіемъ:

— Несчастные! благосклонная судьба посылаетъ имъ хорошенькихъ дѣвушекъ, и вино чистое, какъ жемчужина, а они все это бросаютъ, чтобъ предаваться какой-то безумной горести! Если я еще посмотрю на такое сумазбродство, то пожалуй и самъ потеряю разумъ; завтра же, непременно, прочь отсюда!

III.

На другое утро, Гіарта, освѣженный крѣпкимъ сномъ, почувствовалъ, что его намѣреніе колеблется. Онъ все еще обвинялъ Вандера въ странности, но и себя не оправдывалъ за свою опрометчивость.

— Какъ могъ я, думалъ онъ, говорить ему о Швеціи? я долженъ бы былъ знать, что еще не время поймать этого сокола. Чтобы приучить его къ довѣренности, надо шадить его грустными воспоминаніями, и вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, какъ прилично сѣдой головѣ, я съ безразсудствомъ мальчика поражаю его какъ бомбой, словомъ «Швеція». Проклятое іоганнисбергское вино попрачало мой разсудокъ; ужъ не въ первый разъ оно меня губить, и глушь я былъ, что ему вѣрился. Но я съумѣю наказать себя: чтобы загладить мой проступокъ, останусь здѣсь еще одинъ, два дня, а тамъ, что Богъ дастъ.

Говоря это, полковникъ взялъ трость и шляпу, и пошелъ машинально по дорожкѣ къ Вартбургу, гдѣ онъ всякій день встрѣчалъ Вандера. Но, на этотъ разъ, ожиданіе полковника было тщетно: напрасно бродилъ онъ, по одной и другой дорожкѣ, Вандеръ не приходилъ; напрасно искалъ его также по всѣмъ улицамъ города, и тамъ его не было. Измученный усталостью и безпокойствомъ, Гіарта вернулся въ трактиръ, усѣлся въ кресла, но не имѣя силъ вынести свое волненіе, рѣшился идти въ квартиру Вандера. Однако жъ для бѣднаго полковника это былъ день неудачъ: Вандеръ ушелъ изъ своей квартиры на разсвѣтѣ, и еще не возвращался.

На слѣдующій день, неутомимый Гіарта снова началъ свои преслѣдованія. Перескакивая рвы и путаясь въ тростникахъ, онъ обошелъ все кругомъ, какъ охотникъ, преслѣдующій дичь, смотрѣлъ во все глаза, прислушивался къ каждому шелесту въ лѣсу, но не нашелъ своей улетѣвшей птички. Къ вечеру, ослабѣвшій отъ напрасныхъ поисковъ, преслѣдуемый самыми мрачными мыслями, собрался онъ къ бургомистру, чтобы просить его начать новые поиски, какъ вдругъ дверь отворилась, и вошелъ Вандеръ, но съ такимъ страдальческимъ взглядомъ и блѣднымъ лицомъ, что пораженный полковникъ остался, какъ окаменѣлый на своемъ стулѣ.

— Полковникъ, сказалъ Вандеръ, подходя къ нему, вѣроятно, послѣ моего посвѣшнаго уходу, вы не ожидали сегодня моего

визита. Но я много страдалъ эти два дня, составлялъ планы, одинъ другаго сумасброднѣе и отчаяннѣе, и не имѣя силъ выносить долѣе это лихорадочное состояніе, пришелъ, чтобъ избавиться отъ него, повѣрить вамъ всѣ мои мученія. Вы Шведъ, и одного этого было бы довольно, чтобъ привлечь меня къ себѣ; но кромѣ того еще, сердце мое пренеполнено къ вамъ глубочайшей благодарностью, за участіе, которое вы мнѣ оказывали съ самаго вашего пріѣзда, и которое не охладѣло, не смотря на мою скрытность и всегдашнюю суровость. Теперь же, полковникъ, прихожу открытъ передъ вами всю мою душу, всѣ тяжелыя воспоминанія, хотя напередъ знаю, что ни вы и никто въ мірѣ не можете избавиться меня отъ моего страннаго несчастія; но не знаю, отъ чего-то мнѣ кажется, что рассказавъ вамъ все, я буду покойнѣе. Угодно ли вамъ меня выслушать?

— Это мое главнѣйшее желаніе, отвѣчалъ полковникъ, съ поспѣшностью, которая выказывала всю его радость при этой неожиданной откровенности.

Вандеръ сѣлъ, и съ минутой, какъ бы не рѣшаясь начать свой рассказъ, хранилъ молчаніе; потомъ, проведя рукой по лбу, началъ слѣдующее:

— Я Шведъ; какъ вы, полковникъ, родился въ сканійской провинціи. Родители мои были бѣдные дворяне, и оставшись спротою еще ребенкомъ, я былъ воспитанъ дядей, который съ истинно-отеческой заботливостью пожертвовалъ послѣдними своими средствами, чтобъ дать мнѣ образованіе. Онъ умеръ въ то время, какъ я выходилъ изъ университета, какъ будто, исполнивъ свои благородныя обязанности ко мнѣ, ему ничего не оставалось здѣсь дѣлать. Оставшись двадцати лѣтъ, одинъ въ мірѣ, безъ родныхъ и состояній, я вступилъ въ службу, которая, не обѣщая блестящей будущности, обезпечивала мое существованіе и давала мнѣ мѣсто между уважаемыми членами общества. Во время послѣдней, несчастной войны нашей противъ Россіи, я былъ посланъ съ моимъ полкомъ въ Финляндію, гдѣ имѣлъ счастье отличиться въ одномъ сраженіи, за которое получилъ чинъ капитана. По возвращеніи въ Стокгольмъ послѣ трактата 1808 года, я былъ разъ вечеромъ у нашего маіора; въ его домѣ встрѣтилъ молодую дѣвушку такой чистой и совершенной красоты, что при первомъ взглядѣ на нее, мое сердце отдалось ей безвозвратно. Каждое движеніе ея дышало прелестью, каждое слово очаровывало меня. Она также меня замѣтила. Я видѣлъ, какъ по временамъ ея хо-рошенькіе глазки обращались на меня и потомъ съ прелестною

стыдливостью закрывались длинными рѣсницами. На другой день мы увидѣлись снова; свиданія эти повторялись часто; мы полюбили другъ друга, и наконецъ обмѣнялись признаніями. Любовь разцвѣтала въ нашихъ сердцахъ, какъ цвѣтокъ, пригрѣваемый солнцемъ молодости. Мнѣ было все равно, кто была Марія, дочь ли графа или мужика, бѣдна или богата, никакое сокровище въ мірѣ не стоило для меня одного ея волоска; никакой титулъ одного звука ея голоса. И лишь тогда, какъ ея взгляды и ангельская улыбка высказали ея любовь ко мнѣ, узналъ я съ горестью, что она богата и имѣетъ большія помѣстья въ Далекарліи; она была сирота, какъ и я, и жила у маіора, который былъ ея опекуномъ. Я боялся, чтобъ не подумали, что меня прельщаетъ ея богатство; но, благодаря Бога, никто не оскорбилъ меня этимъ подозрѣніемъ, когда я сдѣлалъ ей предложеніе; искренность любви моей была ясна для всѣхъ.

Маіоръ меня любилъ и съ радостью согласился благословить нашъ союзъ. Немедленно послѣ свадьбы мы удалились скрывать наше счастье въ тихомъ уединеніи Далекарліи. Гдѣ найти слова, чтобъ описать эту жизнь? Два года безоблачной радости, любви безконечной, которая, казалось намъ, возрастала съ каждымъ днемъ. Лишенные оба съ малыхъ лѣтъ семейныхъ привязанностей, мы сосредоточили другъ на другѣ все богатство нашей вѣжности; казалось, Богъ соединялъ насъ, чтобъ полнотою настоящаго счастья выкупить всѣ лишенія прошедшихъ лѣтъ. Иногда говорилъ я съ Маріей тономъ вѣжнаго отца, и она слушала меня съ покорностью ребенка; иногда, чтобъ дать новый характеръ нашему счастью, мы смѣясь, называли другъ друга братомъ и сестрой, спокойно разговаривали, сидя рука въ руку, но вскорѣ взгляды наши оживлялись, слова становились вѣжнѣе, хорошенькая головка ея тихонько опускалась на мою грудь и небо улыбалось блаженному и глубокому соединенію нашихъ душъ.

Мы жили въ простомъ и хорошенькомъ домикѣ близъ селенія Мора, столь знаменитаго въ шведской исторіи. У ногъ нашихъ разстилалось прозрачное озеро, а за нимъ пространный лугъ, окаймленный величественными елями, прельщалъ взоръ роскошной зеленью. Съ одной стороны виднѣлась верхушка колокольни Моры, съ другой закоптѣлая крыша завода, изъ котораго по временамъ вылетали искры, и подымаясь къ небу, странно освѣщали близлежащіе предметы; тамъ церковь, прославленная героическими подвигами перваго Вазы, здѣсь суета, движеніе торговли, напо-

мнили намъ о практической жизни, пока наша идеальная жизнь текла чистая, какъ кристаллъ, тихая какъ весеннее утро.

Лѣтомъ мы дѣлали большія прогулки по озеру и въ лѣсахъ, лазали по самымъ крутымъ горамъ и, взойдя на высоту, восторженно любовались великолѣпными и свѣжими картинами, которыя разстилались передъ нами. Вы знаете, какъ хороша наша Далекарлія, и мы наслаждались всею ея красотами съ упоительной простотой сердца. Ахъ! сколько разъ, при закатѣ солнца, когда послѣдніе лучи его отсвѣчивались въ озерѣ и бросали яркій отблескъ въ мракъ лѣса, когда все было торжественно тихо и слышался лишь шопотъ листьевъ или замправшіе вдаль звуки пѣсни дарлекарлійскаго мужика, сколько разъ бѣдная Марія бросалась въ мои объятія и съ сердцемъ, переполненнымъ священнымъ волненіемъ, съ слезами на глазахъ, восклицала: «Боже мой! Боже мой! какъ Ты милосердъ! Что намъ дѣлать, чтобъ возблагодарить Тебя за столько благодѣяній?» Ахъ! конечно, эта короткая молитва была одной изъ чистѣйшихъ, которыя когда-нибудь возносились къ Престолу Всевышняго.

Зимой мы вмѣстѣ читали и учились. Я раскрывала передъ Маріей богатство англійской и французской литературы; когда же мы читали шведскихъ поэтовъ, то Марія въ свою очередь становилась моимъ учителемъ и показывала въ новомъ свѣтѣ грацію Францена, картины Тегнера, религіозныя размышленія Вальлива и меланхолическія мечты Стагнеліуса. Мы любили перечитывать страницы, въ которыхъ было много нѣжности, и часто повторяли эти прелестные стихи Акселя: «Любовь, чудо неба и земли». Мы перечитывали также нѣсколько разъ драму Стагнеліуса: «Любовь послѣ смерти». — «Такъ и я буду ждать тебя, говорила мнѣ Марія, если умру прежде тебя; но ты не осквернишь своей души, ты не будешь осужденъ, и я буду ждать тебя, чтобъ безмятежно наслаждаться небеснымъ блаженствомъ».

Другія занятія также развлекали ее въ это суровое время года. Вы знаете, какъ бѣдны наши Далекарлійцы; многіе изъ нихъ должны каждый годъ покидать родину и идти въ Стокгольмъ искать работы для пропитанія. Часто видѣли мы изъ нашихъ оковъ толпы этихъ несчастныхъ; мужчины несли на плечахъ остатки хлѣба изъ муки, смѣшанной съ березовой корой, а женщины вели за руку блѣдныхъ и изнеможенныхъ дѣтей, обреченныхъ при рожденіи на трудную и исполненную лишений жизнь. Марія обыкновенно, лишь-только ихъ увидитъ, зывала къ намъ отдохнуть и отогрѣться. Она съ заботливостью сажала ихъ

къ камину, приносила имъ кушанья, снабжала деньгами и платьемъ. Самыя нѣжныя заботы посвящала она старикамъ и дѣтямъ, и съ трогательнымъ участіемъ, распрашивая о ихъ нуждахъ и страданіяхъ, раздавала имъ щедрою рукой все, что могло сколько-нибудь облегчить ихъ участь. Несчастные смотрѣли на нее какъ на ангела хранителя, и, собиравсь въ дорогу, призывали на насъ благословенія небесъ. Марія благодарила Бога за радость, которую она чувствовала, облегчая столько невинныхъ страданій.

Разъ одинъ старикъ, оставшійся отдыхать у насъ, почувствовалъ такую слабость, что не могъ продолжать дорогу; семейство его рѣшилось идти, поручивъ его намъ. Марія, велѣла приготовить ему постель въ самой покойной комнатѣ изъ всего дому, и принялась за нимъ ухаживать съ любовью дочери. Она садилась у его кровати, сама подавала кушанья и лекарства, и когда замѣчала, что онъ грустенъ, утѣшала надеждой скорого свиданія съ дѣтьми. Но старикъ слабѣлъ все болѣе и болѣе, и уже чувствовалъ приближеніе своей кончины. Разъ, вечеромъ, онъ попросилъ Марію принести ему дорожную его суму и, вынувъ изъ нея Распятіе, вырѣзанное съ удивительнымъ искусствомъ изъ дерева, посредствомъ простаго ножа: «Возьмите, сказалъ онъ ей, это Распятіе, которое мнѣ стоило много бессонныхъ ночей; я его везу въ Стокгольмъ, какъ послѣднее средство пропитанія. Теперь мнѣ осталось жить только нѣсколько минутъ и уже ничего болѣе не нужно: примите послѣднее благословеніе и послѣдній даръ бѣднаго Далекарліяца, и да принесетъ оно вамъ счастье!» Страдалецъ умеръ на другой день, и Марія, провожая его на деревенское кладбище, плакала о немъ какъ о близкомъ родственникѣ.

Посреди этой уединенной жизни, превполненной блаженства любви и добрыхъ дѣлъ, мрачныя мысли налегали порой на мою душу: Марія была слаба здоровьемъ. При мнѣ она старалась казаться крѣпкою и здоровою; но я замѣчалъ нѣсколько разъ, какъ она отходила всторону, чтобъ скрыть внезапную блѣдность и стѣсненіе въ груди. Эти страшные признаки нарушали мое спокойствіе; я совѣтовался съ докторами и, по словамъ ихъ, видѣлъ, что мои опасенія не напрасны.

Я не могъ оставаться также равнодушнымъ ко всѣмъ происшествіямъ, волновавшимъ мое отечество. На мѣсто Густава Четвертаго избранъ былъ молодой принцъ, благородный характеръ котораго обѣщалъ намъ мудрое и счастливое царствованіе. Но вся Европа была въ волненіи и война всюду бросала свой

пламенный факелъ. Швеція нуждалась въ мирѣ, но мы были окружены непріятелями и могли ли не взяться за оружіе? Этотъ важный вопросъ интересовалъ меня какъ гражданинъ и солдата.

Мы часто разсуждали объ этомъ съ Маріей, и хотя ее твердая и прекрасная душа трепетала при мысли о разлукѣ, но она была готова лучше потерять меня навсегда, чѣмъ видѣть меня не исполнившимъ своего долга.

Скоро ужасная вѣсть нарушила совершенно наше тихое счастье: принцъ, избранный на знаменитый престолъ Вазы, внезапно умеръ, дѣлая смотръ полкамъ. Вся Швеція опять въ волненіи, надежды на миръ исчезли, опять надо избирать на престолъ государя.

Фалунскій губернаторъ, желая въ это время посовѣтоваться съ главнѣйшими владѣтелями въ провинціяхъ, призвалъ меня къ себѣ. Поѣздка эта была причиной всѣхъ моихъ несчастій. Сколько историческихъ событій, которыя породили несчастія, незамѣтны въ великихъ переворотахъ міра, какъ незамѣтны капли ручейка въ глубокихъ волнахъ океана! Историкъ пишетъ одну страницу, рассказываетъ одинъ фактъ, и никто не знаетъ сколько, вслѣдствіе этого факта, скрытыхъ страданій, разбитыхъ радостей, отравленныхъ существованій!

Я бы хотѣлъ здѣсь остановиться, но началъ мой мрачный разсказъ съ намѣреніемъ ничего не пропустить, и доскажу его до конца.

— Продолжайте, продолжайте, другъ мой! сказалъ полковникъ, пожимая его руку: я васъ слушаю съ глубочайшимъ участіемъ.

— И такъ, полковникъ, сказалъ Вандеръ со вздохомъ, я уѣхалъ въ Фалунъ, обѣщая возвратиться на другой день вечеромъ. Мнѣ надо было сдѣлать только нѣсколько миль, и я почти могъ назначить минуту, въ которую приѣду домой. Жена моя пошла провожать меня до конца парка; мы разставались въ первый разъ на такое долгое время, и она плакала какъ-будто я уѣзжалъ навсегда. Нѣсколько разъ я былъ готовъ отказаться отъ моего путешествія и, предоставивъ губернатору разсуждать съ другими о государственныхъ дѣлахъ, вернуться съ Маріей въ нашъ покойный домикъ. Сердце мое было полно мрачныхъ предчувствій, но дѣло шло объ исполненіи моей обязанности и Марія сама уговаривала меня ѣхать. Я сѣлъ въ карету, лошади тронулись, и долго еще видѣлъ я какъ она, прислонясь къ дереву, махала платкомъ и посылала мнѣ глухимъ голосомъ прощанія, которыя долетали до меня какъ неясный вопль.

На другой день все шло прекрасно, и совѣщаніе наше было рано кончено. Въ двѣнадцать часовъ, мы сѣли за столъ у губернатора, и я собравшись въ дорогу, тотчасъ послѣ обѣда, могъ прѣхать домой ранѣе, чѣмъ обѣщалъ. Я поѣхалъ съ радостью въ сердцѣ, и забывая разстояніе, воображалъ себя уже возлѣ моей вѣрной Маріи, какъ вдругъ, на поворотѣ дороги, далеко отъ всякаго жилища, одна изъ постромокъ лопнула, и я съ своимъ кучеромъ долженъ былъ употребить цѣлые полчаса, чтобъ ее поправить. Но неудачи мои только начались: не успѣли мы сдѣлать нѣсколькихъ саженовъ, какъ сломалась ось. Опять остановка; все это вывело меня изъ терпѣнія и я хотѣлъ, бросивъ экипажъ, идти пѣшкомъ, но кучеръ такъ энергически увѣрялъ меня, что я очень долго пройду, что я наконецъ послушался его и рѣшился покориться судьбѣ. Наконецъ мы двинулись; хотя я и не надѣялся прѣхать домой въ обѣщанный часъ, однако чтобъ сколько нибудь вознаградить потерянное время, гналъ лошадей и велѣлъ скакать во весь духъ.

Къ-несчастью, мой торопливость смутила моего кучера и безъ того растерявшагося отъ всѣхъ нашихъ приключеній, и онъ сбился съ дороги. Я это замѣтилъ, лишь тогда, какъ мы сдѣлали нѣкую милу въ фальшивомъ направленіи. Мы были въ густомъ лѣсу, который отъ наступавшей ночи становился еще темнѣе; надо было вернуться назадъ и искать въ темнотѣ, настоящую дорогу; волненіе мое было ужасно. Наконецъ, въ два часа ночи измученные усталостью, вѣхали мы въ аллею, которая вела въ мой домъ. При блѣдномъ мерцаніи луны, полузакрытой облакомъ и увидѣлъ у дерева неподвижную фигуру съ воалемъ. Это была Марія! я бросился въ ея объятія, и лицо мое было омочено ея слезами; она дрожала, какъ листъ и была холодна какъ мраморъ. Съ двѣнадцати часовъ, сидѣла она на сырой дерновой скамейкѣ; напрасно горничная уговаривала ее возвратиться въ комнаты и отдохнуть, она ничего не слушала, и блѣдная и дрожащая, прислушиваясь къ каждому звуку, безпрестанно вскакивала смотрѣть, не видна ли моя карета.

Едва успѣли мы уложить ее въ постель, какъ съ ней сдѣлалась лихорадка. Докторъ объявилъ, что у ней воспаленіе въ груди, тѣмъ болѣе опасное, что Марія была слабого сложенія. Съ этой минуты, прости счастье, надежда, прости все, чѣмъ дорога была мнѣ жизнь! все что въ моемъ легковѣрїи считалъ я вѣчнымъ, все исчезло въ одну минуту. Дни и ночи проводя у изголовья этого обожаемаго существа, я наблюдалъ за выраженіемъ

каждаго ея взгляда, прислушивался къ каждому звуку ея голоса. Иногда, казалось мнѣ, что она была покойнѣе, что голосъ ея былъ свободнѣе, и надежда опять овладѣвала мной; я поднималъ въ восторгѣ руки къ небесамъ, благодарилъ Бога за Его милосердіе, потомъ минуто спустя, види мою ошибку, впадалъ снова въ отчаяніе. Если иногда ночью, взмученный усталостью, я невольно предавался сну, громкій крикъ будилъ меня: она произносила мое имя какъ въ счастливые дни нашей любви, и я въ восторгѣ бросался къ ней, но увы! находилъ ее въ бреду! Нѣтъ, тотъ не страдалъ, кто не видалъ, какъ изнемогаетъ и угасаетъ существо самое дорогое для него въ мірѣ, тотъ не пойметъ всей боли сердца, ея мучительныхъ порывовъ надежды и отчаянія, при видѣ послѣдней борьбы жизни и смерти, этомъ медленномъ разставаніи души съ тѣломъ! Какъ изнываетъ сердце при этомъ изступленномъ безпамятствѣ и глухомъ хрипѣніи, послѣднихъ предшественниковъ смерти!

Три мѣсяца разыгрывалась передо мной эта ужасная драма, и не понимаю, какъ могъ я вынести ее. Я молился, плакалъ, прибѣгалъ ко всевозможнымъ средствамъ, но ни опытная ученость докторовъ, ни самые нѣжные заботы, ни любовь моя, ни что не спасло ту, за которую я готовъ былъ отдать жизнь. Но вообразите, полковникъ, что не смотря на видимое усиліе богуни, на мрачныя лица докторовъ и рыданія моихъ людей, я все еще надѣялся. Однажды, вечеромъ, Марія, которая въ продолженіе нѣсколькихъ дней была спокойнѣе, подозвала меня къ своей кровати. «Уже давно, сказала она, какъ я не молилась; дай мнѣ Распятіе». Когда я ей подалъ его, она приложила его къ губамъ, подняла потухающіе взоры къ небу, и взявъ меня за руку, сказала слабымъ голосомъ и съ усиліемъ: Карлъ, я была съ тобой очень счастлива... благодарю тебя. Да благословитъ тебя Богъ!» Голова ея упала на подушку, глаза закрылись; выраженіе лица ея было кротко и спокойно, какъ у спящаго младенца. Эти слова любви были ея послѣдними словами, послѣднимъ вздохомъ: ея не стало.

Сказавъ это, Вандеръ закрылъ лицо руками и тяжкій стономъ вырвался изъ его груди.

— Ободрайтесь, другъ мой, сказалъ полковникъ, подходя къ нему и обнявъ его; не предавайтесь тяжелымъ воспоминаніямъ. Судьба, пославъ вамъ такое тяжкое испытаніе, пошлетъ конечно и утѣшеніе.

— Теперь я не въ силахъ говорить, сказалъ Вандеръ. По-

позвольте мнѣ удалиться, и если завтра я буду тверже, то приду, и вы узнаете, зачѣмъ я въ Эйзенахъ.

— Добрый, славный молодой человекъ! сказалъ полковникъ, проводивъ Вандера, и закуривая трубку. Если онъ еще можетъ любить Цецлію, то конечно составитъ ей счастье; надѣюсь, что тогда онъ не будетъ жаловаться на свою судьбу.

Добрый полковникъ услужъ съ этой мыслью, и всю ночь вглядывалъ во снѣ Вандера и Цецлію, которые звали его милымъ лядюшкой, маленькихъ внучекъ, игравшихъ съ бахромой его эпюлетъ и внучковъ, которые, надѣвъ его огромные сапоги и саблю, весело скакали по комнатамъ въ Вексіо.

IV.

На другой день утромъ, благородный Гіарта, выпивъ чашку кофе, отправился къ Вандеру и нашелъ его гораздо покойнѣе вчерашняго. Онъ сидѣлъ за столомъ и разбиралъ бумаги.

— Простите, сказалъ Вандеръ, подходя къ Гіартѣ, и протягивая ему руку, простите, что я такъ долго занялъ васъ моимъ рассказомъ. Человекъ преисполненъ тщеславія: если онъ не можетъ гордиться счастьемъ, онъ гордится страданіемъ; если не можетъ хвалиться радостью, хвалится слезами и превозносится печалью. Да, много гордости въ этихъ жалобахъ, вопіющихъ къ Богу и къ людямъ, какъ-будто Богъ долженъ удовлетворить имъ, а люди—заниматься ими одѣми; мы всегда думаемъ, если были обмануты въ надеждѣ, разочарованы въ любви, что никто не испыталъ того, что испытали мы. Мы раскрываемъ передъ всѣми раны нашего сердца, и сквозь эти кровавыя раны, видно, какъ сквозь дырявый плащъ Діогена, пламя самолюбія. Пока мы требуемъ, какъ должной данн, сожалѣнія и участія, мы забываемъ, что вокругъ насъ есть много страданій скрытыхъ, никѣмъ неразгаданныхъ и которыя не легче нашихъ. Человекъ бѣдливый и необразованный, не меньше насъ чувствителенъ къ потери отца, матери, любимой женщины, и кто изъ людей, доживъ до извѣстныхъ лѣтъ, не перенесъ одного изъ этихъ бѣдствій нашей жизни?

— Другъ мой, отвѣчалъ полковникъ, позвольте вамъ замѣтить, что ваше горячее воображеніе заставляетъ васъ дѣлать себѣ упреки, которыхъ вы не заслуживаете. Рассказывая свои несчастія,

вы возбудили во мнѣ живѣйшее участіе, и я не нахожу никакой гордости въ вашемъ желаніи, повѣрить мнѣ ваше горе. Притомъ участіе, которое вы сегодня во мнѣ ищите, другой, можетъ-быть, завтра будетъ искать въ васъ; страдать за другихъ, и заставлять другихъ страдать за насъ: это одинъ изъ законовъ нашей природы. Въ первомъ случаѣ, мы повинемся чувству, которое было бы обязанностью, еслибы не было движеніемъ врожденной снпатив; во второмъ, выполняемъ одно изъ условій нашего бѣднаго существованія.

Впрочемъ, несчастье также непостоянно, какъ и счастье, и потому тотъ, кто страдаетъ, не долженъ терять надежды на лучшую участь. Продолжайте свой рассказъ, и когда вы его кончите, я откровенно скажу вамъ свое мнѣніе.

То, что мнѣ осталось вамъ досказать, не дѣлаетъ мнѣ чести, присвокупилъ Вандеръ. Несчастье для меня сдѣлало то, что для другихъ дѣлаетъ счастье: не имѣя силъ переносить страданіе, я хотѣлъ бѣжать его, и впадалъ изъ заблужденія въ заблужденіе, изъ которыхъ самое непростительное привело меня сюда.

Разказавъ вамъ первую половину моей исторіи, я долженъ разказатъ и другую.

Полковникъ сѣлъ и Вандеръ началъ разказъ слѣдующими словами:

«Послѣ смерти Маріи, я бѣжалъ мѣстъ, вѣкогда столь для меня прекрасныхъ, теперь же покрытыхъ мрачнымъ покрываломъ смерти. Я возвратился въ Стокгольмъ и попалъ въ кругъ монаховъ старыхъ товарищей, которые, чтобы разсѣять мою грусть, повлекли меня въ свои шумныя собранія. Непостижима странность человѣческой природы! Я, столь грустный, истомленный, сдѣлался вскорѣ самымъ веселымъ, самымъ нестовымъ въ этихъ сумасбродныхъ собраніяхъ. Утро проводилъ я за веселымъ завтракомъ, потомъ скакалъ верхомъ или въ каретѣ по всѣмъ улицамъ города; вечеромъ садясь за столъ, аплодировалъ безразсуднымъ остроумамъ пылкой молодежи, а ночь проводилъ за картами. Я выигрывалъ и проигрывалъ не считал. Волненіе и лихорадка, происходившія отъ перебрасыванія картъ и костей, крики торжества или гнѣва игроковъ, шумъ этого общества, въ которомъ выигрышъ или проигрышъ и самолюбіе зажигаютъ самыя пылкія страсти: вотъ все, чего я искалъ въ игрѣ. Когда, послѣ этихъ долгихъ часовъ волненія, я возвращался домой, сознаніе моего несчастія опять возвращалось. Я видѣлъ передъ собою кроткій и чистый образъ Маріи, и обливлялъ себя въ сму-

двѣи въ небеснаго своенравія, мнѣмъ надеванъ, которое она видѣла съ высоты небесъ и, широтило, осуждала. На другой день вставала блѣдный, съ тусклымъ взглядомъ и бѣжалъ, опять мнѣмъ этого лихорадочнаго волненія, спасающаго меня отъ самаго себя.

•Тѣ, которые меня видѣли въ этихъ шумныхъ обществахъ, такъ скоро послѣ моей потери, должны были считать меня за вѣтренника, совершенно утѣшеннаго. Увы! они не знали, какъ я страдалъ во время самыхъ безумныхъ порывовъ ихъ радости; они не знали, что я надѣвалъ маску, а подъ этой маской скрывалъ рану, отравленную непобѣдимымъ воспоминаемъ, смертельною горестью.

•Однако, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, эта однообразная жизнь стала мнѣ невыносима. Изъ безумнаго волненія я впалъ въ меланхолю пущиніе. Мои веселые товарищи, попробовавъ нѣсколько разъ возвратитъ меня въ свое общество, наконецъ меня покинули. Одинъ только изъ нихъ понималъ лучше мое положеніе и предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ его деревню, которую онъ имѣлъ въ Смаландѣ. Я согласился и поѣхалъ съ нимъ. Среди тишины лѣсовъ, гдѣ былъ выстроенъ его домикъ, на берегу озера, напоминавшаго мнѣ мое прекрасное озеро въ Далекарліи, я почувствовалъ благодѣтельное вліяніе природы и нашелъ давно утраченное спокойствіе. Я уходилъ подъ густые своды лѣсовъ, на берега журчавшей воды, и мнѣ казалось, что моя прекрасная Марія шла возлѣ меня и развивала благородныя мысли, которыя удивленіе рождаетъ во мнѣ.

•Однажды, во время этого благодатнаго настроенія моей души, пріятель мой пригласилъ меня съѣздить съ нимъ въ Вексію. Мнѣ вовсе не хотѣлось разстаться съ моимъ удивленіемъ, но онъ неотступно просилъ: надо было согласиться. Пріѣхавъ въ главный городъ смаландской провинціи; онъ отправился дѣлать визиты, а я пошелъ бродить по хорошенькому Вексію. Черезъ нѣсколько часовъ, онъ возвратился въ нашъ *gastif waregardu* обѣщая, что далъ слово за себя и за меня обѣдать у помѣщика Гарты, стараго друга его отца. Опять сопротивленіе съ моей стороны и просьбы съ его, и какъ я имѣю слабость ни въ чемъ не отказывать моимъ друзьямъ, то наконецъ принялъ приглашеніе, которое должно было имѣть такое сильное вліяніе на всю мою жизнь. Ровно въ полдень, вошли мы въ простой, скромный домикъ, расставшій мгновенно робость, которую я чувствую,

входя въ незнакомое общество. Фортепиано съ тетрадами нотъ, занавѣски неукоризненной бѣлнны, нѣсколько картинокъ на стѣнахъ и вѣтокъ ели, разсѣпанныхъ и, по обычаю нашихъ добрыхъ предковъ, разбросанныхъ на полу, вотъ что съ перваго взгляда очаровало меня и расположило къ хозяевамъ. На порогѣ комнаты встрѣтилъ насъ почтенный старикъ, котораго благородное и мужественное лицо обрамлялось длинными бѣлыми волосами; онъ протянулъ намъ руку и благодарилъ насъ, что мы согласились раздѣлить съ нимъ его скромный обѣдъ. «Я не богатъ, говорилъ онъ, и не могу угостить васъ роскошно, но предлагаю вамъ съ радостью, по выраженію Нѣмцевъ, кушанье мое и сердце». Возлѣ него стояла жена съ лицомъ оживленнымъ радушіемъ и пріятливостью. Никогда не видалъ я людей столь почтённыхъ и пріятельныхъ. Я смотрѣлъ на нихъ съ участіемъ, и мнѣ казалось, что передо мной оживаетъ картина древнихъ лицъ и нравовъ Швеціи. Пока мой пріятель, не раздѣлявшій моего удивленія, отвѣчалъ на ласки хозяйна, въ дверяхъ показалась стройная дѣвушка съ живымъ и чистымъ взглядомъ; явленіе ея дополняло эту поэтическую картину. Дѣвуху можно было принять за одну изъ прекрасныхъ и твердыхъ валькирій скандинавской мифологіи, покинувшей жилища Одина, чтобы очаровывать смертныхъ. Взглядъ мой, вѣроятно, остановился на ней слишкомъ смѣло, потому что она въ ту же минуту покраснѣла, и пурпуровыя цвѣты щекъ ея, похожъ былъ на лучи солнца, падающіе на утренній снѣгъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы сѣли за столъ. Мнѣ пришлось сѣсть возлѣ молодой дѣвухи; она угощала меня съ наивной заботливостью, вставала нѣсколько разъ и была полна вниманія ко всѣмъ. Мнѣ хотѣлось благодарить ее за всѣ услуги, но слова замирали на моемъ языкѣ. Я чувствовалъ себя невыразимо глупымъ, и чѣмъ болѣе старался преодолѣть странное смущеніе, тѣмъ болѣе чувствовалъ себя сконфуженнымъ и неловкимъ.

Во время десерта, увидѣвъ ее съ огромной корзиной грушъ, я вскопчилъ, чтобы отнять у ней пошу, но взялся за это такъ не ловко, что корзина съ фруктами упала на полъ. Она засмѣялась и съ веселымъ видомъ побиравъ груши, сказала мнѣ:—«Въ наказаніе, вы должны раздѣлить одну грушу со мной». Это маленькое приключеніе, которое должно бы было еще болѣе меня сконфузить, возвратило все присутствіе духа. Я началъ также смѣяться, шутить. Добрыи Герта повторилъ нѣсколько разъ, что я очень милъ, а молодая дѣвушка, которая до-тѣхъ-поръ обхаживала

се мной, какъ съ боязливымъ школьникомъ, стала гораздо серьезнѣе, что доказывало перемѣну мѣтнія.

«Послѣ кофе, мать попросила ее что-нибудь спѣть; она открыла фортепiano и начала чистымъ и звучнымъ голосомъ, проникавшимъ въ сердце, одну изъ старинныхъ мелодій, столь простыхъ и прекрасныхъ, что можно повѣрить простому народу, и принять ихъ за фантазіи сверхъестественныхъ гениевъ озеръ и рѣкъ. Молодую дѣвушку звали Цециліей. Слушая ее, я вспоминалъ чудную легенду о пѣвнн святой Цециліи. Въ серединахъ одной изъ этихъ пѣсень, которыя Цецилія исполняла съ удивительнымъ вкусомъ, она вдругъ остановилась, забывъ продолженіе. Это былъ прелестный романсъ: «Киристинка», который знаетъ вся Швеція и мнѣ знакомъ съ самаго дѣтства. Я подошелъ къ хорошенькой музыкантшѣ, началъ пѣть стихъ, ею забытый, и предавшись воспоминаніямъ, возбужденнымъ во мнѣ этимъ наивнымъ романсомъ, допѣлъ его до конца. Кажется, что самъ того не подозрѣвая, я надѣлалъ чудеса. Отецъ аплодировалъ, мать аплодировала, а Цецилія смотрѣла на меня съ восторженнымъ изумленіемъ.

«Нѣ-хотя простились мы съ этимъ милымъ семействомъ, я черезъ два дня, ужъ не меня уговаривали идти туда, но я самъ уговаривалъ моего пріятеля воспользоваться приглашеніемъ Гарты. Я бывалъ въ этомъ семействѣ всякій день; со старикомъ разсуждалъ о политикѣ и администраціи; со старушкой о богоугодныхъ заведеніяхъ, а съ дочерью о поэзіи и музыкѣ. Вскорѣ я замѣтилъ, что нравлюсь этому почтенному семейству, и что граціозное личико Цециліи всегда оживлялось радостью при моемъ явленіи. Иногда старики, видя, какъ пріятно было намъ говорить или пѣть вмѣстѣ, оставляли насъ однихъ, вѣря съ благородной довѣрчивостью жителей сѣвера, что между молодымъ человекомъ и молодой дѣвушкой, не могло быть близкихъ сношеній безъ сердечной привязанности и мысли о вѣчномъ соединеніи. Отецъ занимался своими дѣлами, мать садомъ, в случаѣ, что когда мы безотчетно прерывали пѣніе и разговоръ, я бралъ маленькую ручку Цециліи, сжималъ ее въ своихъ рукахъ и мы молча сидѣли, пренеполненные сладкимъ волненіемъ. Однажды, когда мы были погружены въ забвеніе болѣе обыкновеннаго пѣніемъ, когда голова молодой дѣвушки лежала на моемъ плечѣ и длинные локоны ея касались моей щеки, мать и отецъ вошли въ комнату. «Они любятъ другъ друга, воскликнула мать, я бы-

да въ этомъ утѣрена»; потомъ обращалась къ мужу: «Благослови ихъ, сказала она, и да будутъ они счастливы!»

«Прежде, чѣмъ я успѣлъ сказать слово, старикъ подошелъ къ намъ, взявъ руку своей дочери, и положивъ ее въ мою, сказалъ торжественнымъ голосомъ: «Дѣти мои, да благословитъ васъ Богъ!» Цецилія въ слезахъ кинулась въ мои объятія, потомъ поцѣловала отца и мать, которые въ свою очередь обняли меня.

«Я вышелъ изъ этого дома въ невыразимомъ волненіи.

«По священнымъ обычаямъ сѣвера, я былъ обрученъ.... обрученъ, не имѣя и мысли, что въ это могло когда-нибудь случиться.

«Возвратившись къ моему пріятелю, и не желая съ нимъ встрѣтиться, я побѣжалъ запереться въ своей комнатѣ, и предался самымъ тягостнымъ мыслямъ. «Живыхъ, восклицалъ я, новыя связи любви, новое супружество! а моя нѣжная и великодушная Марія, а клятвы и обіщанія, которыя я давалъ ей, что никогда, и никто не замѣнитъ ея образа въ моей душѣ, и что никогда я не буду имѣть обручальнаго кольца, кромѣ того, которое она дала мнѣ! О Боже мой, Боже мой! какое безумное увлеченіе! какое несчастіе!

«Нѣ я обвинялъ себя, проклиналъ роковое обольщеніе, и въ гнѣвѣ оскорблялъ даже невзлюбленную Цецилію и ея родныхъ. «Можетъ-быть, говорилъ я самъ себѣ, что по моей слѣпой довѣрчивости я сдѣлался жертвой хитраго заговора: эти люди бѣдныя, и чтобы имѣть богатаго зятя, завлекли меня въ свой домъ, свели съ дочерью, и какъ знать? можетъ-быть, велики и ей играть роль въ этой гнусной комедіи.» Я составлялъ множество рѣшительныхъ плановъ, сдѣлавшихся безпрестанно одинъ другимъ: то хотѣлъ идти къ старику, и рассказавъ ему всѣ мои мученія и незабвенную утрату, вымолить прощеніе моему минутному увлеченію; то хотѣлъ бѣжать, чтобы сохранить неприкосновеннымъ образъ Маріи. Потомъ граціозное личико Цециліи, ея взглядъ, чистый и гордый, представлялся моему воображенію, увеличивая мое мученіе; — я говорилъ себѣ, что съ такой открытой фнзиономіей, такимъ кроткимъ голосомъ, невозможно обманывать, и что если она считаетъ себя любимую, то жестоко разочаровывать ее. Я услылъ въ этомъ волненіи, и прислулся съ тѣми же мыслями, и въ томъ же недоумѣніи. Я только что одѣлся, какъ принесли письмо отъ старика Гарты, въ которомъ онъ приглашалъ меня въ тотъ же день къ обѣду.

«Онъ писалъ также къ моему пріятелю, который вбѣжалъ въ

ною комнату съ громкими поздравленіями. Я хотѣлъ разсказать ему, какъ все было, и объяснить мое странное положеніе, но онъ не далъ мнѣ кончить.

— Хорошо, хорошо, произнесъ онъ, я это уже давно угадывалъ; ты однако отъ меня секретничалъ; но види, что ты всякій день отправляешься въ Вексію, мнѣ не трудно было угадать, что тебя туда привлекало. Теперь, все прекрасно устроилось. Ты бросаешь свою печальную жизнь для жизни новой, и признаешься завидной. У тебя будетъ молодая и хорошенъкая жена, солидно воспитанная, чудесные родственники, не богатые конечно, но честные, съ такими нравственными достоинствами, что ими можно бы обратитъ на путь истины цѣлый лондонскій кварталъ. Вотъ, какъ ты ведешь себя, мой другъ, — а молодые люди въ Вексію, которые такъ восхищались красотой Цециліи! сынъ ректора, сынъ Симансона, самаго богатаго купца въ провинціи, и даже сынъ губернатора, — какъ они будутъ изумлены, поражены!

— Да слушай же, говорилъ я ему, я долженъ сказать тебѣ....

— Нѣтъ, нѣтъ, я ничего не хочу слушать; пойду велю вычистить подушки въ моей коляскѣ и лакровать зброю лошадей; въ настоящемъ положеніи надо явиться привлично; ты, конечно, не захотѣлъ бы, чтобъ другъ твой повезъ тебя къ будущей женѣ твоей въ дрянномъ кабриолетѣ.

«Съ этими словами онъ исчезъ. Я остался одинъ съ моими мыслями; душа моя колебалась между ужасомъ, который возбуждала во мнѣ мысль о бракѣ, симпатіей къ роднымъ Цециліи, и нѣжнымъ участіемъ къ ней самой.

«Черезъ часъ, пріятель мой пришелъ за мной, и я машпально поѣхалъ. Лошади были убраны лентами, у кучера на поясѣ красовался огромный букетъ, а на лакеѣ была нарядная ливрея, надѣвавшаяся только въ торжественные дни. Я прислонился задумчиво къ спинкѣ экипажа, а пріятель мой продолжалъ шутить и смѣяться. Кто бы посматрѣлъ на насъ, конечно пріялъ бы его за счастливаго жевиха, а меня за студента, не выдержавшаго экзамена, или негоціанта послѣ неудачной спекуліаціи. По приказанію моего неумолимаго друга, мы сѣлали большой кругъ, чтобъ проѣхать по самой большой улицѣ Вексію. Всѣ подѣбгали къ окошкамъ, чтобъ посматрѣть на нашъ странный экипажъ, и я читалъ на всѣхъ лицахъ приговоръ моей свадьбы.

«Наконецъ мнѣ еще оставался призракъ свободы, но войдя въ домъ Гарты, я почувствовалъ, что, неразрывно связанъ.

«Зала была полна родныхъ и друзей; каждый изъ нихъ под-

ходилъ ко мнѣ съ поздравленіемъ, которое я принималъ съ глубокимъ замѣшательствомъ; потомъ отецъ и мать поцѣловали меня какъ сына, а Цецилія съ веселой миной подставила мнѣ лобъ, чтобъ я поцѣловалъ его. Я былъ окончательно и публично признанъ женихомъ. Мои страданія и замѣшательство слишкомъ были видны, чтобъ ускользнуть отъ чьего-нибудь вниманія, но ихъ приписывали воспоминанію о моей первой женитьбѣ, которое эта сцена должна была возбудить во мнѣ, и никто не отгадалъ моей ужасной борьбы. Цецилія же, меньше другихъ могла угадать причину моей грусти: откровенная и наивная она была счастлива своей любовью и совершенно вѣрила мнѣ; она оставалась на мнѣ вѣжные взгляды, выражавшіе совершенную доверчивость и протягивала свою хорошенькую ручку, которую я, увы, пожималъ безотчетно. Въ концѣ обѣда, одинъ изъ гостей, профессоръ элоквенціи, опорожнивъ стоявшій передъ нимъ стаканъ портвейна, ударилъ три раза по столу, испрашивая вниманіе и началъ длинную рѣчь, полную избитыхъ риторическихъ выраженій о вѣжныхъ волневіяхъ любви, свадебныхъ розахъ, медовыхъ дняхъ супружества и другихъ приторностяхъ, такъ часто повторяемыхъ поэтами. Едва кончилась эта рѣчь, при громкомъ рукошеканіи всего общества, одинъ изъ сосѣдей оратора всталъ и началъ миеологическій дионрамбъ на ту же тему, сравнилъ невѣсту съ богиней Фреей, а меня съ благороднымъ и мужественнымъ Оддисеемъ. Потомъ пришла очередь отца, дяди, двоюроднаго брата, которые вытаскивали изъ кармановъ свои импровизированныя рѣчи. Пріятель мой, сядѣвшій возлѣ меня, шепнулъ мнѣ, что я долженъ отвѣчать на всѣ эти дружественныя привѣтствія. Я придумывалъ, что бы мнѣ сказать, и не находилъ ни одной мысли, ни одного слова; уже воцарилось совершенное молчаніе и всѣ взгляды были устремлены на меня. Цецилія, какъ будто ей было стыдно за мой недостатокъ краснорѣчія, покраснѣла и потупила глаза.

— Говори же, шепнулъ мнѣ мой пріятель, толкая меня ногой, ты огорчаешь этихъ добряковъ.

«Я всталъ, и чувствуя, что не въ силахъ говорить, поклонился всему обществу, и взявъ руку Цециліи, поднесъ ее къ своимъ губамъ. Всѣ единодушно воскликнули, что я произнесъ самую прекрасную и трогательную рѣчь.

По окончаніи обѣда, мнѣ хотѣлось отправиться домой, но гости одинъ за другимъ, подходили ко мнѣ, кто съ возобновленіемъ поздравленій, кто съ похвалами моей невѣстѣ или вопро-

сами, въ которой изъ шведскихъ провинцій намѣренъ я поселиться. Потомъ прѣехали еще гости, и я былъ принужденъ помогать Цециліи и ея роднымъ занимать ихъ. Прѣхавшіе, раскладываясь со всѣми, садилсь и разсматривая меня, передавали другъ другу свои замѣчанія. И какія замѣчанія! я слышалъ только одно, а по немъ могъ угадать и остальные.

— Какъ! говорила своей сосѣдкѣ старая и худая дѣва, сидѣвшая на диванѣ, опъ такъ недавно потерялъ жену, которую, какъ утверждалъ, страстно любилъ, и уже женится на другой!

«Вообразите мое страданіе, когда я услышалъ эти слова. Только что я могъ уйти, не нарушая приличій, я взялъ шляпу, и простился съ Цециліей, которая умоляла меня остаться.

— Вы знаете, сказали мнѣ старикъ, что мы ждемъ васъ завтра, и всѣ слѣдующіе дни. Отсюда до деревни вашего пріятеля не болѣе трехъ миль, и вы успѣете, пообедавъ у насъ, вернуться вечеромъ домой, а потомъ, прибавилъ старикъ съ веселымъ тономъ, не нужно будетъ и увѣзть отсюда.

•Я сокращаю мой рассказъ, полковникъ, боюсь утомить васъ подробностями моего положенія, и всѣхъ чувствъ надежды и страха, смѣнявшихся во мнѣ безпрестанно.

•Я исполнилъ просьбу отца, и бывалъ у нихъ всякій день. Смотря на идеальную грацію Цециліи, на ея прекрасныя глаза и очаровательную улыбку, слушая ея навислыя мечты о счастливой будущности, я забывалъ Марію. Я говорилъ тогда самъ себѣ, что могу наслаждаться всѣми этими мечтами и счастьемъ, которое моя бѣдная Марія дала мнѣ на такое короткое время. Но когда я оставался одинъ, когда звонкій и сладкій голосъ Цециліи замиралъ въ отдаленіи, и не горѣлъ передо мной ея живой взоръ, воспоминаніе прошедшаго овладѣвало мной, и я обвинялъ себя за умеченіе, и клялся не нарушать новымъ союзомъ, клятвъ вѣчной вѣрности, данныхъ Маріи.

•Однако, уже собирались назначить день свадьбы; мать хлопотала о приданомъ, а отецъ, желая поселиться съ нами въ Далеккарліи, устроивалъ свои дѣла. Всѣ эти планы и приготовленія, невыразимо мучили меня.

•Наконецъ, я рѣшился уѣхать на время, чтобъ вдали отъ Цециліи, которая наводила на меня какое-то обаяніе, узнать мои настоящіе чувства къ ней. Я могъ найти достаточную причину моему отъѣзду: всякій могъ понять, что не выдавъ, болѣе года,

мое нѣвнѣ, я долженъ былъ сдѣлать въ немъ нѣкоторыя распоряженія до женитьбы. Я увѣхалъ, обѣщая возвратиться скоро, но какой-то голосъ шепталъ мнѣ, что я увѣжаю навсегда.

«Прѣхавъ въ Далекарлію, и не входя даже въ мой запустѣлый домъ, я пошелъ прямо на кладбище, къ могилѣ Маріи. Утро было мрачное, осеннее; увядшая трава хрустѣла подъ ногами, и въ вѣтви высокыхъ елей, качаясь и шумя, упрекали меня, казалось, въ долгомъ отсутствіи. Съ трепетомъ приближался я къ могилѣ, въ которой похоронилъ столько счастья и надеждъ. На могилѣ, стояли на колѣняхъ женщина и ребенокъ. Въ женщинѣ я узналъ крестьянку изъ Моры, которой Марія помогала, и сына которой отдала въ школу. Несчастный! воскликнулъ я, эти бѣдняки, облагодѣтельствованныя Маріей, не забыли ея, а я, которому она отдала всю свою любовь, посвятила всѣ движенія своей святой души, я покинулъ ее здѣсь въ холодной землѣ, и предался новой любви! Боже милосердый! Марія, прости меня. Наконецъ, я какъ преступникъ рѣшился пройти мимо этихъ бѣдняковъ, и подошелъ къ могилѣ. Женщина, замѣтивъ меня, встала, обративъ ко мнѣ лицо, омоченное слезами; мальчикъ, наклонившись, старался приподнять вѣтку «іалки, посаженную, вѣроятно, имъ самимъ, на этой благословенной землѣ, но вѣтеръ и морозъ оледенили и сломали цѣвты, и отъ трогательнаго прикосновенія оставались одни завялые листья. Я бросился на колѣни и облилъ слезами холодную могилу. Когда я всталъ, душа моя уже не колебалась: рѣшеніе было произнесено.

«Чтобъ исполнить мой долгъ въ отношеніи къ Маріи и Цециліи, я выбралъ странное и даже жестокое средство, но другое не было; я рѣшился выдать себя за умершаго, и оставить Швецію, поселиться въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ подъ чужимъ именемъ. Съ этой мыслью я вошелъ подъ мою удивленную кровлю, и началъ придумывать, какъ исполнить мой планъ. Денегъ ни оставалось у меня около двадцати тысячъ; съ трудомъ экономіей, этого было достаточно, чтобъ обезпечить мою участь. Я написалъ духовную, какъ человекъ, которому осталось жить только нѣсколько минутъ. Я дѣлалъ Цецилію моею наследницею, съ условіемъ, чтобы половина имѣнія была употреблена на благоудное заведеніе въ память Маріи. Адресовавъ завѣщаніе на имя моего друга, я написалъ ему, что будучи не въ силахъ переносить горести, которую надѣлся разсѣять женитьбой, я рѣшаюсь прервать мою тяжелую жизнь.

«Потомъ, собравъ бѣдныхъ всего прихода, роздалъ имъ, во имя

бѣдой моей жены, всѣ платья и запасы, какіе нашлись въ до-
мѣ. Еще разъ наклонился я съ любовью надъ этимъ порогомъ,
который я переступилъ въ первый разъ съ сердцемъ, столь пол-
нымъ радостью, и черезъ который, такъ скоро потомъ пересту-
пила смерть. Я уѣхалъ со спокойствіемъ, какого давно неощу-
шалъ. Письмо мое и завѣщаніе, думалъ я, легко убѣдятъ въ мо-
ей смерти; быть-можетъ, меня пощутъ, и не найдя, подумаютъ,
что я бросился въ какое-нибудь озеро, а я, между тѣмъ, буду да-
леко отсюда, свободный и гордый своею вѣрностью. Все это, мо-
жетъ-быть, вамъ, полковникъ, какъ человѣку разсудительному,
покажется безуміемъ, но повѣрьте, что бываютъ въ душѣ чело-
вѣка тайные отгѣнки, ускользающіе отъ холоднаго взгляда ра-
зума.

• Швецію проѣхалъ я по проселочнымъ дорогамъ, подъ нивенемъ
Вандера. Въ Цештадтѣ сѣлъ на купеческое судно, отправлявшее-
ся въ Любекъ, а оттуда я уже спокойно продолжалъ путешествіе,
и поѣхавъ по Пруссіи и Баваріи, поселился въ этомъ городкѣ,
живописное мѣстоположеніе котораго мнѣ нравится, и удовлетво-
ряетъ потребность къ уединенію. Я живу здѣсь тихо, даю уроки
музыки, которые увеличиваютъ мой скромный доходъ, и доста-
вляютъ мнѣ нѣсколько пріятныхъ часовъ въ теченіе дня. Всѣ
свошеніе мои со Швеціей прерваны, и вѣроятно, всѣ знавшіе
меня тамъ, считаютъ умершимъ, и даже не знаю, дѣлали ли ка-
кіе-нибудь розыски, для удостовѣренія, въ самомъ ли дѣлѣ я уже
не существую.

• Впрочемъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ то время,
какъ я стоялъ въ дверяхъ одной гостиницы, къ крыльцу подѣ-
лалъ длинкансъ, изъ окна котораго пристально посмотрѣлъ на
меня ооцдеръ, и мнѣ даже послышалось, что онъ произнесъ мое
имя, но я, боясь быть узнаваемъ, поспѣшилъ уйти.

• Но, признаться ли вамъ, полковникъ? я не нашелъ спокойствія,
котораго искалъ въ этомъ уединеніи: воспоминаніе о Швеціи,
противъ моей воли, преслѣдуетъ меня безпрестанно. Я съ жа-
дностью хватаюсь за всѣ журналы и ищу въ нихъ имя Швеціи;
во время новыхъ уединенныхъ прогулокъ, въ часы мечтаній я
часто думаю о Цециліи, часто представляется она мнѣ со всею
своею граціей и красотой, и не боюсь уже ея вліянія, я по-
воляю себѣ думать о ней, и мнѣ бы очень хотѣлось узнать
что-нибудь объ этомъ ангелѣ.

— Я могу исполнить ваше желаніе, сказалъ полковникъ, слу-
шавшій съ жаднымъ вниманіемъ молодаго человѣка.

— Вы, полковникъ! да развѣ вы ее знаете?

— Я ее дядя.

— Какъ! неужели вы тотъ самый полковникъ Гіарта, о которомъ она такъ часто говорила съ любовью, вы, тотъ полковникъ смаландскихъ драгуновъ, который въ бытность мою въ Вексію находился въ Упсалѣ!

— Тотъ самый.

— И вы сюда пріѣхали....

— Чтобъ васъ видѣть и увести къ Цециліи, если только вы еще можете съ ней соединиться, и во всякомъ случаѣ, привезти на родину, изъ которой вы не можете изгнать себя навсегда.

— Какой странный случай! сказалъ Вандеръ вставая, и съ волненіемъ ходя по комнатѣ. Но, какимъ образомъ....

— Какимъ образомъ открылъ я ваше удивленіе? я вамъ это скажу. Ваше завѣщаніе и письмо произвели ожидаемое дѣйствіе: васъ сочли умершимъ, плакали, горевали о вашей несчастной участи. Я не стану описывать вамъ горести Цециліи: она васъ истинно любитъ и мое присутствіе здѣсь служитъ тому доказательствомъ. Ваше ищбіе, по предъявленіи духовной, было передано ей законнымъ порядкомъ; но она объявила, что не беретъ себѣ ничего и предоставляетъ его исполнѣ на учрежденіе богоугоднаго заведенія, которое вы поручали ей устроить. Родители ее одобрили это рѣшеніе, и теперь, все ваше ищбіе — достояніе бывшихъ и вашъ далекарлійскій домикъ передѣлывается для больницы, которая будетъ носить имя Маріи Блобергъ. Вскорѣ, послѣ извѣстія о вашей смерти, братъ мой и я, получили наследство послѣ умершаго нашего двоюроднаго брата, который разными торговыми оборотами приобрѣлъ болѣе милліона. Цецилія сдѣлалась одной изъ богатѣйшихъ наследницъ въ Швеціи и у ней не было недостатка въ женихахъ, но она не могла забыть васъ и упорно всѣмъ отказывала. Пронеслись слухи, что вы еще живы: одинъ почтмейстеръ увѣрялъ, что видѣлъ васъ на дорогѣ къ Иштадту, а одинъ изъ вашихъ сосѣдей встрѣтилъ васъ въ Любекѣ, и какъ не оказалось явныхъ слѣдовъ вашего самоубійства, то и повѣрили столь пріятнымъ слухамъ. Цецилія, хотя и не смѣла предаваться мечтѣ видѣть васъ, но съ трепетной надеждой многихъ о васъ спрашивала. Во время всѣхъ этихъ недоумѣній, пріѣхалъ тотъ офицеръ, о которомъ вы говорили. Онъ увѣрялъ, что узналъ васъ, и хотя, спросивъ о васъ у содержателя гостиницы, услышалъ незнакомую фамилію Вандера, но нисколько не поколебался въ своей увѣренности. Цецилія захо-

тѣла его видѣть; она распрашивала его о малѣйшихъ подробностяхъ его минутной встрѣчи съ вами, и когда онъ сталъ описывать ей вашу физиономію, походку и замѣшательство при встрѣчѣ, тогда она воскликнула: «Это онъ, это онъ. Бѣдный Карлъ, еслибъ онъ хотя зналъ, что я все еще люблю его, безпрестанно о немъ думаю, и что я была бы счастлива его любовью!» Обожая Цецилію, я всегда предупреждалъ ея малѣйшія желанія, а потому въ этомъ случаѣ и болѣе чѣмъ когда нибудь, считалъ себя обязаннымъ попробовать возвратитъ ей утраченное счастье. Отозвавъ Цецилію въ сторону, я спросилъ ее: не желаетъ ли она, чтобъ я поѣхалъ въ Германію разузнать о вашемъ существованіи и также о вашихъ чувствахъ къ ней. Выслушавъ меня, она смутилась и сказала съ волненіемъ, что не смѣетъ принять отъ меня такой трудной, и можетъ-быть напрасной услуги, но ея волненіе и вѣрительность ясно высказавъ все пламенное желаніе ея, поддержали меня въ моемъ намѣреніи, я уѣхалъ, и благодаря Бога, прибывъ сюда благополучно, наконецъ поймалъ васъ, и послѣ долгихъ трудовъ и усилій, заставилъ васъ говорить. Но скажете, что намѣрены вы теперь дѣлать?

-- Благодарю васъ, полковникъ! воскликнулъ Блобергъ, благодарю васъ, за вашъ благородный поступокъ; прошу васъ простить мнѣ всѣ хлопоты и заботы, которыя я вамъ доставилъ. Все то, что я отъ васъ слышалъ, глубоко меня тронуло и я чувствую живую признательность и удивленіе къ Цециліи за благородное употребленіе залога, ея вѣрннго; но мнѣ пужно еще нѣсколько времени, чтобъ сдѣлать выборъ между нѣжнымъ влеченіемъ сердца и воспоминаніемъ любви, которая имѣетъ большую власть надо мной. Прошу васъ, уѣзжайте въ Швецію, къ вашей милой племянницѣ, и расскажите ей мою мучительную борьбу и страданіе. Ея душа довольно возвышенна и нѣжна, чтобъ понять мое положеніе, и я слишкомъ высоко цѣню Цецилію, чтобъ предложить ей сердце не совсѣмъ свободное. Я не могу, я не долженъ принять отъ нея счастье, если оно будетъ омрачено призракомъ другаго, невозвратнаго счастья. Я остаюсь здѣсь, и черезъ нѣсколько недѣль, вы или увидите меня счастливымъ женихомъ Цециліи, или мы уже не увидимся на этомъ свѣтѣ.

Молодой человекъ произнесъ эти слова такъ твердо, что полковникъ не рѣшился сдѣлать ему возраженіе. Онъ покорился непреклонному рѣшенію, и на другой день, нѣжно обнявъ Вандера, сѣлъ въ почтовую карету, отправлявшуюся въ Пруссію.

Недѣли, мѣсяцы проходили, и въ безпокойномъ домикѣ Вексіо не было никакаго слуха о Вандерѣ.

Политическія происшествія принудили вскорѣ полковника покинуть дорогое ему семейство, въ которомъ онъ надѣялся спокойно окончить жизнь; европейская война противъ Наполеона возгорѣлась съ страшной силой.

Полковникъ отправился со шведскимъ принцемъ въ Германію. Утромъ, въ знаменитую битву при Гросберенѣ, явился въ лагерь молодой человекъ, въ простомъ кафтанѣ, верхомъ на бѣшеной лошади. Онъ подѣхалъ къ генералу, командовавшему лѣвыми крыломъ, и сказавъ ему нѣсколько словъ, которыя никто не могъ слышать, остался возлѣ него. Армія начала свои дѣйствія противъ французскихъ отрядовъ. При первой атакѣ, незнакомецъ, бросившись къ передовому ряду эскадрона, упалъ, пробитый пулей. Одно слово успѣло вырваться изъ устъ его, и это слово было имя женщины. Въ ту самую минуту подѣхалъ полковникъ Гіарта со своими драгунами, и наклонясь надъ молодымъ человекомъ, распростертымъ на землѣ, узналъ въ немъ Вандера.

Три года спустя, Цецилія вышла за мужъ за офицера, отличившагося въ германской арміи. Она еще жива; отецъ и мать ея и благородный дядя живутъ съ ней, и всѣ бѣдные благословляютъ ее; но она потеряла свою дѣвическую веселость, и никогда не хотѣла посѣтить прекрасную Далекарлію; говорятъ, что всякій разъ, какъ начнутъ при ней говорить о гросберенской битвѣ, она отворачиваетъ голову, или уходитъ въ сторону скрыть свои слезы.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

ОЧЕРКИ ВЕНГРИИ.

=

I.

Кто у насъ не знаетъ, что есть на свѣтѣ какіе-то Венгерцы, большіе щеголи, облитые въ золото, обшвенные шпурками, кистами, вѣчто въ родѣ нашихъ старинныхъ гусаровъ; съ тою же удалью, отвагой.... Побѣжайте въ глушь, не то, чтобы въ Саратогъ, а хоть за Колу, и тамъ знаютъ Венгерцевъ, даже, можетъ быть, знаютъ ихъ столько же, сколько и въ порядочномъ великороссійскомъ городѣ, то есть, ни болѣе, ни менѣе, какъ по венгеркамъ, и по удали. Знавали у насъ Венгрію еще и по вину; но то знавали дѣды наши, охотники до наслажденій солидныхъ: мы, слабые потомки ихъ, промѣняли венгерское на шампанское.... и съ тѣхъ поръ еще одной пружинной менѣе для знакомства съ Венгріей. Были и другія причины, кромѣ венгерокъ и вина, для изученія почти сосѣдней намъ страны; но по русской пословицѣ «пока громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится», никому и въ голову не приходило обратить вниманіе на эти причины, пока наконецъ о Венгріи лѣтъ за десять передъ этимъ не заговорила Европа, и пока Венгрія не сдѣлалась землею интересной, пожалуй модной. Теперь конца вѣтъ толкамъ и пересудамъ о Венгріи.... а знаютъ ли ее тѣ, которые говорятъ о ней? Едва ли. Откуда знать? По-русски о Венгерцахъ почти ничего не писано. Орывочныя о нихъ свѣдѣнія нашихъ путешественниковъ

или устарѣли, или неполны. Любопытнѣе другихъ рассказы о Венгріи Бровневскаго, автора «Записокъ и писемъ морскаго офицера»; но нашъ ученый морякъ былъ въ Венгріи еще въ 1810 году, а послѣ того много утекло воды и въ политической, и въ гражданской жизни народовъ. Въ послѣдніе десять лѣтъ нѣсколько русскихъ путешественниковъ посѣдили Венгрію, изъѣздили ее вдоль и поперекъ, изучая страну и жителей, ихъ нравы и обычаи, языкъ и литературу, могли передать много любопытнаго, поваго, и передавали, но только каждый въ своемъ кружкѣ знакомыхъ, пустыми разказами, а печатно, для всей любознательной публики нашей, не передалъ никто изъ нихъ ничего. По волю, кто хотѣлъ познакомиться съ Венгріей ближе, долженъ былъ обращаться къ иностраннымъ извѣстіямъ. За границей писали о Венгріи очень много, в ученые изслѣдователи, этнографы, географы, историки, и беззаботные туристы, и сочинители брошюркъ; но въ этомъ многомъ хорошаго очень мало. Лучше многого другаго: Чапловича, «Gemälde von Ungarn» (1829); профессора Магды, «Neueste Beschreibung des Königreichs Ungarn, Croatien», и прочее (нѣсколько изданій съ 1834 года); Зана, «Описание Венгріи въ чешскомъ исправленномъ переводѣ географія Балъби: «Zemepis vboru zemského» (1841—1845), Муссъ Пардае, Венгрія (1841) и прочее. Изъ ландкартъ болѣе другихъ замѣчательна Липскаго и Фольтова. Большая часть этихъ описаній Венгріи такъ не замѣчательны, и написаны съ такимъ пристрастіемъ, что русскому человѣку, особенно провинціалу, трудно изъ нихъ составить вѣрное понятіе о Венгріи, ея чудной, разнообразно-роскошной природѣ, ея мозаическомъ народонаселеніи, нравахъ, обычаяхъ, законахъ и дѣятельности страны и отношеній ея жизни къ предметамъ, которыми она окружена и съ которыми находится въ связи.

Независимо отъ современныхъ интересовъ знакомство съ Венгріей можетъ доставить образованному человѣку много удовольствія. Географическое и топографическое положеніе этой страны сдѣлали ее чрезвычайно занимательной и въ историческомъ и въ статистическомъ отношеніяхъ. За долго до нашего времени, Венгрія, лежащая на среднѣ главнаго пути переселенія народовъ, была полемъ столкновенія Востока съ Западомъ, полемъ битвъ на жизнь и смерть.... Отъ этого здѣсь, особенно въ горахъ, убѣжищъ побѣжденныхъ, сохранились чрезвычайно любопытные остатки столкновеній. Позднѣе, на венгерскихъ равнинахъ опять были кровавые народныя борьбы, то съ Монголами, то съ Турка-

ни. Во время этихъ бореній, и послѣ, продолжалась постоянная борьба повятій европейскихъ съ азіатскими; борьба, которая длится еще и доселѣ. Венгрія искони была населена народомъ палео-европейскаго корня, особенно Славянами; съ приходомъ Гунновъ, а потомъ еще болѣе Венгровъ или Мадьяръ, явился элементъ чисто азіатскій, степной, буйный, дикообразный; по стеченію обстоятельствъ, онъ сдѣлался въ политическомъ отношеніи главнымъ, господствующимъ, но не будучи въ состояніи самъ сродниться съ элементомъ западнымъ, не могъ его и покорить себѣ, и борьба затянулась, какъ гордіевъ узелъ, и Богъ знаетъ, когда явится Александръ разрубить этотъ узелъ.

Въ Венгріи, куда не повернитесь, вездѣ богатое поле для изслѣдованій... Не знаешь, на чемъ долѣе остановитъ вниманіе, на климатѣ ли, на земной ли поверхности, на естественныхъ ли произведеніяхъ, или, наконецъ на людяхъ, ихъ характерѣ и дѣятельности. Не одному Чапловичу представлялась Венгрія цѣлой Европой въ маломъ видѣ. Въ ней на пространствѣ 5,650 квадратныхъ миль (включая Трансильванію, Военную границу, Славонію, Краоцію и Морской берегъ), природа собрала, какъ-будто на выставку, почти всѣ видоизмѣненія своей производительности, разбросанныя по разнымъ европейскимъ землямъ. Даже особенности, рѣдкости, такъ сказать, феномены, диковинки европейской природы нерѣдко въ дубликатахъ повторяются въ Венгріи.

Климатическое разнообразіе чрезвычайно! Въ Карпатахъ, гдѣ люди, по замѣчанію какого-то путешественника, питаются большею частью легкія и поры нежели черезъ желудокъ, тамъ едва созреваютъ овесъ и малочисленные грубые овощи, а въ то же время въ Баватѣ растутъ рпезъ и хлопчатая бумага, производится цѣлыми центнерами шолкъ, и даже сдѣланы удачныя попытки усвоенія тамошнему климату шелковичныхъ червей.

Въ горахъ непріхотливые обитатели, питаются картофельной кашей (по тамошнему швабкой), и овсянымъ хлѣбомъ, знаютъ мидаль и виноградъ лишь по естественной исторіи, а въ плодородныхъ долинахъ даже самый простой, бѣдный житель не знаетъ другаго хлѣба, кромѣ пшепчаго, пьетъ дорогое нескромное вино и заѣдаетъ свой вкусный обѣдъ сахарными дынями и арбузами, растущими какъ тыквы, въ открытомъ полѣ, безъ особеннаго ухода; собирая каштаны въ лѣсу, долинный житель и глрнть не хочетъ, что сосѣдъ его весь вѣкъ свой сидитъ на овсянкѣ и швабкѣ; слушая рассказы объ этомъ, онъ сострадательно морщится и сомнительно покачиваетъ головою. Самыя суро-

вья зимы гостять въ низовьяхъ много-много по два мѣсяца, а бывають годы, когда свѣгъ выпадаетъ едѣ на вѣсколко недѣль. Въ горахъ, напротивъ, жилье топятъ съ сентября до мая, слѣдовательно двѣ трети года. Сани тамъ избиваются въ годъ, тогда какъ на низовьяхъ они передаются отъ отцовъ дѣтямъ по завѣщаніямъ.

Далеко ли кажется Австрія отъ Венгріи? рядомъ, а различіе климатовъ поразительно. Возьмите австрійское вино: кислое, безъ крѣпости, безъ сладости; между-тѣмъ въ верстѣ, или двухъ, подалѣе, въ Венгріи, подъ тѣмъ же градусомъ, выдѣлываются дорогія вина: рустерское, эденбургское, юрьевское, и другія. Мало того, въ Австріи, даже у самой границы, не растутъ ни дыни, ни арбузы; а въ Пресбургѣ ихъ цѣлыя горы валяются по рынкамъ.

Причина такого чрезвычайнаго климатическаго разнообразія заключается не въ географическомъ, а въ топографическомъ положеніи страны.

Венгрія какъ теплица, какъ оранжерея прислонена къ высочайшимъ вершинамъ Карпатовъ, защищающимъ ее отъ сѣверныхъ вѣтровъ и лежитъ ниже Австріи; послѣднее можно замѣтить и по направленію рѣкъ, изъ которыхъ нѣсколько текутъ изъ Австріи въ Венгрію, и ни одна на оборотъ.

Путешественникъ, въѣзжающій въ Венгрію съ сѣвера, черезъ Карпаты, простымъ глазомъ замѣтитъ, что дорога его значительно поката къ сторонѣ Венгріи.

Разнообразіе мѣстностей не менѣе климатическаго разнообразія. Карпаты, вышедъ изъ колыбели въ вптранскомъ комитатѣ (Бѣлыя горы), вскорѣ, какъ испанскія Пиренеи, возносятся до небесъ и составляютъ, въ видѣ полумѣсяца, границу Венгріи на пространствѣ слишкомъ полутора ста миль. Чего нѣтъ на этомъ пространствѣ! Въ свитскомъ (Zipser) комитатѣ у Венгерца есть своя родная Швейцарія. Ломницкая вершина — его Монбланъ; *Штурецъ* и *Чортова Свадьба* (Sturecz, Csertowa Swadba), гдѣ есть и лавины, составляютъ въ двойномъ экземплярѣ венгерскій Сѣнь Бернардъ; отсюда, небольшимъ переездомъ, вы достигаете счастливыхъ равнинъ венгерской Италіи — въ Банатѣ. Мѣстами венгерская природа является и мачихой. Тамъ, при встрѣчѣ съ злой, задорливой собакой, наклонитесь только.... собака въ испугѣ бросится отъ васъ всторону.... она знаетъ, по горькому опыту, что въ тѣхъ краяхъ вамъ нечего подиать съ земли, крокъ шамня. Зато есть необозримыя пространства, гдѣ, по словамъ

просто народа, камня не добудешь и за деньги, на лекарство отъ зубоу. Знаменитая люнебургская степь повторяется въ венгерской Кечкеметской степи, съ тою только разницею, что послѣдняя плодородна. Баконскій лѣсъ — соперникъ тюрингскаго и саксонскаго. Нуксбахскія горы въ спшскомъ комитатѣ видоу и произведеніями очень похожи на тиволийскія, близъ Рима.

Венгерское *средиземное море*, это — *Блато*, или, какъ выговариваютъ Мадьяры, *Балатонъ* — озеро, прекрасное и богатое рыбою, занимающее слишкомъ двадцать квадратныхъ миль пространства. На немъ, изъ острова *Тиханъ*, преобразованнаго человѣческими руками въ полуостровъ, мать природа хотѣла создать венгерскую *Мальту*.

У Венгрии нѣтъ недостатка и въ средствахъ для обмѣна произведеній страны. Рѣки Дунай и Попраль связываютъ ее на югѣ и на сѣверѣ съ тѣми же частями всемірнаго Океана, которыми ограничена Европа. Адриатическое Море непосредственно омываетъ венгерскіе берега у гаваней *Фиуме*, *Спли* (по-вѣнецки *Zeng*, по-итальянски *Segna*), *Буккари*, *Порто-Ре*. Бачскій каналъ по своей длинѣ мало уступаетъ *Манчестерскому* въ Англіи.

Циркницкое озеро повторяется живопяснымъ водопаднымъ источникомъ въ вугарскомъ комитатѣ, у селенія Калугера (*Kalugyer*). Известно, что рѣка *Алфей* въ Греціи, и Рона во Франціи, исчезая съ поверхности, продолжаютъ теченіе подъ землею и опять выходить наружу. Это рѣдкое явленіе повторяется и въ Венгрии. Именно такъ текутъ рѣки *Сала*, въ саладскомъ комитатѣ, *Тайовка* (*Tajovka*), въ сольскомъ (*Sohler*); *Синьва* (*Szinyva*), въ боршадскомъ; *Добра* и *Мрежница*, въ огулинскомъ пограничномъ полку. Желѣзный проволочный мостъ, прочной постройки, есть и въ Венгрии. Неаполитанская *собачья пещера* повторяется у Венгерцевъ въ Мертвящемъ Источникѣ, близъ Рыбаря, въ сольскомъ комитатѣ, и въ Ядовитомъ Ключѣ, близъ Святаго Швапа, въ липтовскомъ комитатѣ.

Хотите въ Венгрии припомнить Англію — побѣжайте на острова *Чаллокъзъ* (*Szallóköz*) и *Чепель* (*Csepel*). Венецію и идете въ вѣстечкѣ *Сольтъ*. Пограничный *Ясеновацъ* точь-въ-точь Амстердамъ на сваяхъ. Венгерскій Гибралтаръ — *Петервардинъ*; венгерскій Лондонъ — *Пестъ*; семи холмный Римъ въ Венгрии — *Шемницъ*. Заброшенный теперь Эчедскій Замокъ (*Ecsed*) былъ вѣкогда венгерскимъ Кадиксомъ.

Минеральныя воды, холодныя, теплыя, горячія, — какія угодно есть въ Венгрии, — почти всѣ тѣ же, что и въ другихъ странахъ Европы.

Холодные сырные ключи найдете близъ *Бальфы*, въ эденбургскомъ комитатѣ, близъ *Собраньца* (Szobrance) въ унгарскомъ, близъ *Лейбница*, въ сипшскомъ, близъ *Драгомирфаловы* въ мармарошскомъ комитатахъ. *Теплые сырные ключи* существуютъ близъ *Пфитени* (Pöstény), *Баймоца* (Bajmocz), въ витрскомъ комитатѣ; близъ *Стубни* (Stubna), въ турчанскомъ комитатѣ; въ *Вилни* (Wilny) и *Склянонѣ* (Szklepno) въ баршскомъ комитатѣ; близъ *Гроссардина* и *С. Мартона* (Sz. Marton) въ бигарскомъ комитатѣ; *Мехидія* на *Границѣ*, и ключи, выходящіе изъ Среднеиныхъ горъ, близъ *Алмаша* (Almás), *Граца*, *Офена* и *Кестеля* (Keszteley). *Кислыхъ ключей* также множество, что они до сихъ поръ даже не всё исчислены. *Известковыхъ ключей* также множество, напримеръ близъ *Лучекъ* (Lucski), въ липтовскомъ комитатѣ, гдѣ вода ручья икрустпруетъ раковъ; близъ *Гемера* (Gömör), *Русбахъ* (Russbach); *Гунддорфъ* (Hunsdorf), *Тапольца-фё* (Tapolcza fö), гдѣ въ ручьѣ *Тапольцѣ* течетъ вода, осаждающая на мельничныхъ колесахъ толстую кору, отъ тяжести которой задерживается подвижность колесъ. *Соляные*, пменно солено-кислые ключи, находятся близъ *Шовара* (Sóvár) *Нелипины*, *Сланкаменя* (Slankamen) и множество въ мармарошскомъ комитатѣ. Въ арвскомъ комитатѣ ручей *Сланица* вытекаетъ изъ соляныхъ ключей; въ липтовскомъ комитатѣ, близъ *Гибы*, такая же вода; въ саладскомъ также есть соляной источникъ, и такъ далѣе. *Щелочныхъ ключей* больше всего: вся нижняя равнина отъ лѣваго берега Дуная до горъ покрыта болотами, содержащими соду. Нѣкоторые изъ нихъ содержатъ глауберову соль. *Селитро-кислыя воды* довольно многочисленны въ ключахъ по всей большой равнинѣ; офенскія воды содержатъ также селитро-кислый поташъ. *Горькія воды* есть въ *Гранѣ*, близъ *Офена*, *Будаёрша* (Budaörs). Воды, содержащія квасцы, находятся близъ *Парада* (Párád), близъ *Эрдбени* (Erdöbénye), близъ *Шаришана* (Sárisáp). *Купоросныя воды* встрѣчаются преимущественно въ рудникахъ. Сюда въ-особенности принадлежатъ такъ-называемыя цементныя воды въ *Хмельницѣ*, *Герренгрундѣ*, *Боростянкѣ* (Borostyánkő), *Надь-Банѣ* (Nady-Bánya), *Иллобѣ* (Illoba), *Саскѣ* (Szaszka), и прочія.

Что касается до наиболѣе посѣщаемыхъ цѣлительныхъ источниковъ и водъ, то офенскія съ своими заведеніями для прѣзвѣжащихъ ничѣмъ не хуже карлсбадскихъ; *Бартфельдъ* — венгерское Спа; *Пфитень* (Pöstény) и *Тренчинъ* — венгерскіе Аахенъ и Баденъ; *Фюредъ* — Пирмонтъ; *Салатня* (Szalatnya) — Билль, и прочія. Превосходная цѣлительная вода, рыбацкая, лучше вся-

кой иностранной. (Профессоръ Циззеръ въ своемъ *Badogast zu Sajacs 1827*, говоритъ, что она похожа на каштетскую воду въ Виртембергъ). Но избытокъ домашняго богатства и излишнее уваженіе къ заграничному доселѣ препятствовали сдѣлать надлежащую оцѣнку всѣмъ отечественнымъ цѣлительнымъ водамъ.

Въ недрахъ венгерской земли таятся всѣ европейскіе благородные металлы и полуметаллы, кромѣ олова. Венгрія для Австрійской имперіи не только отъявленная *житница*, но и тоже самое, что Мексика и Перу были для Испаніи. По исчисленію Бѣдла (*Voyage minéralogique etc. en Hongrie, 1822*), Венгрія ежегодно доставляетъ половину количества золота, добываемаго въ цѣлой Европѣ; а серебра вѣсколько болѣе трети. Старинная поговорка говоритъ довольно справедливо, что Банская Быстрица (*Шейзолъ*) окружена мѣдными, *Штленица* (*Шемницъ*) серебряными, а *Кремница* золотыми стѣнами. Самые богатые рудники благородныхъ металловъ находятся въ окрестностяхъ этихъ городовъ. *Теллури́й и благородный опалъ* находятся исключительно въ Венгріи: императоръ австрійскій, какъ король Венгрии, можетъ по справедливости назваться *царемъ опаловъ*. За настоящей пуццоланской землею изъ Венгрии не надо посылать въ Италію; она есть въ Банатѣ. *Мраморъ*, открытый тамъ же, въ красноватомъ комитатѣ близъ *Догначки* (*Dognacska*) мадярскимъ ваятелемъ *Ференци* (*Ferenczy*) совершенно замѣняетъ каррарскій. Стрый мраморъ съ красивыми жилками добывается близъ Тисовца въ гёмёрскомъ комитатѣ, красный близъ *Алмаша* въ корнорскомъ комитатѣ. По богатству *каменной соли* въ мармарошскомъ комитатѣ, гдѣ разработку ея—просимъ замѣтить—*сама природа осалила газомъ*, и по изобилію выварочной соли въ залцбургскомъ комитатѣ (*Шоваръ, Sövár*), Венгрія въ состояніи производить солью, кромѣ самой себя, всю Европу. Соду во множествѣ выпускаетъ изъ себя сама почва въ комитатахъ бангарскомъ и визельбургскомъ, точно также какъ въ Испаніи.

Столь же расточительно щедра венгерская природа и по дарствамъ *растительному и животному*. Исчислять урожай здѣсь не мѣсто. Замѣтимъ, однакоже, что, напримѣръ *венгерская слива*, родится до того роскошно, что 6 или 8 штукъ такихъ сливъ вѣсятъ около фунта. *Валаскій* утверждаетъ, что видалъ въ гёмёрскомъ комитатѣ *вишни*, которыхъ *семнадцать* штукъ также вѣсили фунтъ. Въ берегскомъ комитатѣ рождаются яблоки въ $\frac{3}{4}$ фунта вѣсомъ; пресбургскія груши вѣсятъ по 42 лота. Въ Берегскомъ комитатѣ есть ели по *тридцати шести* сажень вышины,

и по $6\frac{1}{2}$ футовъ въ поперечникѣ. Дубы, прямые какъ свѣчи бываютъ по *девятнадцати* и болѣе сажень вышиною и по 6 футовъ толщиною; осины по 18 сажень вышины, 2 — 3 футовъ толщины; яворы по 14 сажень вышины, по 34 фута въ объѣмѣ. Въ эйзенбургскомъ комитатѣ, близъ селенія *Велема*, растетъ каштанное дерево 7 сажень въ объѣмѣ, $5\frac{1}{2}$ футовъ толщины.

О рѣкѣ *Тисъ* пословица говоритъ, что въ ней *больше рыбы, чѣмъ воды*. Пословица чуть-чуть не справедлива: дѣйствительно въ *Тисъ* чрезвычайно много рыбы. Въ озерѣ *Блатепскомъ* водится, между прочимъ, чрезвычайно рѣдкая рыба *фогашъ* (*Perca lucioregea*), попадающаяся кромѣ того только въ *Нилѣ*, да въ *Сибирѣ*. Щедрая природа, осыпавъ *Венгрію* своими благами, не хотѣла обидѣть ее даже и противъ приморскихъ странъ. Въ глубинѣ долинъ и горъ, далекихъ отъ моря, она надѣлила *Венгрію* настоящими морскими рыбами. Изъ *Чернаго моря* по *Дунаю* до *Коморна*, а по *Тисѣ* до *Луца* (*Lucz*) въ *земплинскомъ* комитатѣ заходятъ *бѣлуги*, въсящія по нѣскольку пудовъ. Изъ *Балтійскаго моря* по рѣкѣ *Попради* до *Сппшскаго* комитата заходятъ самыя вкусныя *лососи*. (*Попради* и *Дунаецъ* единственныя рѣки, текущія изъ *Венгріи* на сѣверь.)

А кто не знаетъ вина *венгерскаго*! какой знатокъ не удивлялся безконечному разнообразію тамошняго винограднаго соку. Въ *Венгріи* только въ шести комитатахъ нѣтъ винограду: въ *арскомъ*, *турчанскомъ*, *литповскомъ*, *сплшскомъ*, *шаринскомъ* и *мармарошскомъ*. У насъ на *Руси* *венгерское* было въ большомъ ходу во все *XVIII столѣтіе*. И теперь еще старики наши молюдѣють, одушевляются, когда заговорить съ ними, наприимѣръ, хоть о *токайскомъ*.... Это царь пивъ, говорятъ они; это текучее золото, золото солнечныхъ лучей, застывшее въ гроздѣ, паритъ всѣхъ лозъ, это патріархъ виноградный... да и что удивляться восторгамъ дѣловъ, когда даже одинъ изъ папъ сказалъ о *токайскомъ*: Summi pontifices talia * vina decent. Не можемъ при этомъ случаѣ не вспомнить гимна, проиѣтаго *токайскому* однимъ изъ нашихъ гастрономическихъ поэтовъ.

Вотъ, вотъ какъ масло, въковая,
И старецъ винъ, и винъ краса,
Фалерна влага изъ *Токаля*,
Позелѣвшая, густая,

* Это не опечатка. *Токайское* вино родится также въ *Тальѣ* (*Tallia*) въ окрестностяхъ.

Струей лихвой, как роса,
 По капля въ рюмку упадетъ.
 Вотъ льется жизнь въ ея струи,
 Вотъ умъ горитъ, вотъ кровь пылаетъ!
 О влага! смертныхъ бытіе
 Твоей покорно чудной силѣ!
 Ты, нисходящему къ ногамъ
 Способна чувство пробудить,
 И озарить лучемъ надежды
 Уже поникнувшія вѣжды.»

Г. Чапловичъ, знатокъ всего венгерскаго, назадъ тому лѣтъ 25, тоже увлекаясь похвалами токайскому, въ «Пестскомъ журналѣ» 1825 года, обвародорвалъ его цѣлый придворный штатъ. Въ супружъ царю вѣхъ вниъ онъ выбралъ юную розовую виноградную слезу *менешскую* (Ménés), ея подругой назначилъ прелестьную влагу карловицкую; ихъ приближенными избралъ вина: рутеское, юрьевское, эденбургское, берегсаское. Первыми взиремъ было вино *карловицкое*; его товарищами эрлауское и шилошское; ихъ помощниками вина діосегское, чатарское, селкелхидское (Szekelyhid), середнейское (Szereednye), ихъ стражи вина *офенское*, *эрлауское*, *вилланьское*, *зексарское*, с. *андреевское*, *вишонтское*; ихъ слугами вина *шомлейское* (Somlyi), *несмельское* (Neszmely), *речьское*, (Récs) *гюнское*, *оканьское*, *беккойское* (Beczko) и *карпфенское*,—все кислыя вина,—профосами и гайдуками крѣпкія кроатскія и славонскія вина, и проч. Эта статистическая шутка г. Чапловича хорошо характеризуетъ качества венгерскихъ винъ.

Старое *менешское* вино вполне замѣняетъ *малагу*; *офенскія* вина равняются бордосскимъ; а вина, растущія близъ *Виллана* (Villany) и въ окрестностяхъ *Вагъ-уйгеля* (Vagh-Ujhely) не уступаютъ бурговскимъ. Знаменитое шампанское имѣетъ удивительныхъ соперниковъ въ винахъ ширакскомъ (Sirak) гонтскаго комитата, важедьскомъ (Vashegy) эйзенбургскаго комитата, середнейскомъ (Szereednye) угварскаго комитата, мадларатскомъ (Magyarat) и менешскомъ (Menes) арадскаго комитата. Кому захочется кислыхъ австрійскихъ винъ, тотъ найдетъ ихъ въ числѣ слугъ царя вѣхъ винъ.

Такое чрезвычайное изобиліе винъ достойно татайской (Tata) и терпавской бочекъ. Первая вмѣщаетъ 1,500 ведеръ, вторая *двѣ* тысячи *сто* *десять* съ *четвертью* ведеръ. Знаменитая гейдельбергская бочка въ сравненіи съ послѣдней просто наперстокъ

потому что вмѣщаетъ только 708 ведеръ. Первую каменную бочку велѣлъ сдѣлать изъ краснаго мрамора офенскій дворянинъ Карлъ Майерсъ (Majersky) въ 1825 году. Она вмѣщаетъ 500 ведеръ, вмѣстѣ фигуру полукружія, безъ обручей, скрѣплена однимъ только цементомъ.

Въ довершеніе разнообразія и полноты картины недостаетъ развѣ пары огнедышащихъ горъ; но въ Венгріи и безъ нихъ много взрывовъ и потрясеній. Въ замѣнъ вулкановъ для удовольствія любопытства естествоиспытателей въ Венгріи есть нѣсколько сопокъ и бывають иногда бѣдственныя землетрясенія. Въ этомъ отношеніи *Моръ* и *Коморнъ*, не разъ страдавшіе отъ землетрясеній, замѣняются для Венгріи *Лиссабонъ*.

Не правда ли, разнообразіе венгерской природы чрезвычайное? Не правда ли, что изученіе такой природы, или по крайней мѣрѣ знакомство съ нею, любопытно въ высшей степени?

Не менѣе разнообразно и народонаселеніе Венгріи. Какой народъ не живетъ тамъ? Въ ней есть почти всѣ европейскія племена, языки, религіи, промыслы и степени образованія, почти всѣ роды быта, правовъ и обычаевъ.

Здѣсь есть Мадыяры разныхъ сортовъ: Дунайскіе, Тисскіе, Половцы, Секлеры, Славяне тоже разныхъ сортовъ: Чехи, Словаки, Шотаки, Румыны, Поляки, Словенцы, Хорваты, Сербы, Булгары; Нѣмцы разныхъ нарѣчій, Валахи, (Дако-Влахи), Ново-Греки (Македонцы), Македо-Влахи (Ципцары), Армяне, Клементинцы, Евреи простые, Евреи португальскіе, Испанскіе, Французы, Итальянцы, Турки. Есть мѣстности, гдѣ вся эта смесь племенъ, одеждъ, нарѣчій, поколѣній, мѣстится на прострaнствѣ одного какого-нибудь комитата; таковъ, напримѣръ, берегскій комитатъ.

И вся эта разнородная, мозаическая масса населенія ни мало не слита въ одно цѣлое, — и грубо выступаетъ передъ глазами путешественника, своими разнообразными частями, изъ которыхъ каждая считаетъ себя за особенную единицу. О всемъ этомъ мы поговоримъ въ послѣдствіи подробно, а теперь повторимъ наше замѣчаніе, что Венгрія и по населенію — Европа въ маломъ видѣ.

Вообще въ Венгріи почти *двадцать* разныхъ народовъ и языковъ, и каждый со своими особенными понятіями, обычаями, наклонностями, съ особыми чертами образованности и нравственности.

Словаки, Русины, Нѣмцы, Валахи, Словенцы-Хорутане и отчасти *Хорваты*, судя по разселенію, охотники до худыхъ, холмистыхъ, гористыхъ мѣстъ. Впрочемъ они, какъ *Иадо-Европейцы*,

хорошо уживаются и въ самыхъ плодородныхъ и теплыхъ странахъ. Только Мадьяръ, по видимому, часто *экваторіальный уроженецъ*: онъ любитъ одиѣ равнины, теплый климатъ, плодосную почву.

Большая часть городовъ населены *Словаками, Сербами и Нѣмцами*. За то *Мадьяры* занимаютъ много очень обширныхъ и людныхъ мѣстечекъ и селеній, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ болѣе 30,000 жителей, и которыя ни мало не уступятъ королевскимъ городамъ. Таковы: Эрлау, Мѣшкольцъ, Розенау и другія. Словаки также имѣютъ большія селенія, особенно въ бекешскомъ и саболецкомъ комптатахъ; напримѣръ *Чабу* и прочее. Русины, Валахи, Словаки предпочитаютъ уединенныя и разбѣяныя жилья, мелкихъ селеній.

Такимъ образомъ *Словаковъ* и *Нѣмцевъ* надо искать въ городахъ, *Мадьяровъ* въ мѣстечкахъ, *Словаковъ* въ большихъ селахъ, *Валаховъ, Русиновъ, Раацевъ, Сербовъ* православныхъ въ мелкихъ разбросанныхъ селеніяхъ.

Большая часть колоній — повопостроенныя мѣстечки — основаны Словаками и Нѣмцами. Словацкія колоніи находятся преимущественно въ комптатахъ *бекешскомъ, саболецкомъ, пестскомъ, бацскомъ*; швабскія колоніи въ *толнайскомъ, пестскомъ, сатларскомъ, бацскомъ* и въ банатскихъ комптатахъ.

Таково разнообразіе и природы и населенія Венгрии. Скажите послѣ этого, не правы ли мы, назвавъ ее Европой въ маломъ видѣ?

На сѣверѣ Венгрии средняя Европа, — славянскій элементъ, кое гдѣ вѣстѣтъ съ нѣмецкимъ; въ среднѣхъ — Азія, колонизованная Нѣмцами, на югъ — южная Европа, — тамъ Италіявцы, Французы, португальскіе и испанскіе Евреи... Въ этомъ порядкѣ и будемъ мы говорить о Венгрии. Сперва полюбуемся природой Карпатовъ, заглянемъ въ ихъ ущелья и долины, гдѣ живутъ наши соплеменники и колонисты Нѣмцы; потомъ сойдемъ въ дунайскую равнину, которою завладѣли соплеменники нашихъ Финновъ — Мадьяры; наконецъ, приблизившись къ Савѣ и отрогамъ тѣхъ горъ, которыхъ хребетъ тянется отъ Пиринеевъ и Альповъ къ Балканамъ, азглянемъ на южные края венгерскіе, гдѣ опять Славяне, но уже другіе, и гдѣ вѣстѣтъ съ ними Валахи, Италіявцы, Турки, какъ на сѣверѣ Нѣмцы.

II.

Но прежде надо обозрѣть общее содержаніе Венгрии въ географическомъ отношеніи.

Подъ общимъ названіемъ венгерскихъ земель разумѣютъ собственно Венгерское Королевство и присоединенныя вмѣстѣ съ нимъ къ австрійскому престолу королевства Славонію и Кроацію, Военную границу и великое княжество Седьмиградское или Трансильванское (Siebenbürgen) *. Въ тѣснѣйшемъ смыслѣ Венгерское королевство заключаетъ въ себѣ собственную Венгрію, простирающуюся съ сѣвера къ Галиціи, съ востока къ Трансильваніи и Валахіи, съ юга къ Военной границѣ, Славоніи и Кроаціи, съ запада къ Штиріи и Австріи. Части этого государства до того разнообразны, до того мало слиты, что ихъ гораздо приличнѣе разсматривать каждую порознь, нежели вмѣстѣ. Даже на собственной Венгріи нельзя смотрѣть какъ на что нибудь цѣлое: въ ней рѣзко отдѣляются Карпаты, населенныя преимущественно Славянами, и равнины, со своей разноплеменностью, въ которой преобладаютъ Мадыяры. Цѣль нашей статьи познакомить читателей съ собственной Венгріей.

Венгрія заключаетъ въ себѣ слишкомъ одьнадцать миллионъ жителей на пространствѣ 3,670 квадратныхъ миль, въ 49 городахъ 611 мѣстечкахъ и 9,168 селеніяхъ. Она раздѣляется на двѣ главныя части: на Нижнюю (западную) и Верхнюю (восточную), изъ которыхъ въ каждой по два округа, въ нижней — округи передудунайскій и задудунайскій, въ верхней — передтисскій и затисскій.

Каждый округъ подраздѣляется на комитаты или гешпатеты по венгерски *Ungedue*, по нѣмецки *Gespannschaft*, по-славянски *столицы*. Во всемъ королевствѣ Венгерскомъ 46 комитатовъ и кромѣ того 4 особые округа. Комитаты, по пространству, чрезвычайно не равномерны; такъ напримѣръ Торискій комитатъ въ двадцать разъ меньше Биларьскаго. Болѣе половины комитатовъ (26) вовсе не имѣютъ городовъ, которые, впрочемъ замѣняются многочисленными и прекрасными мѣстечками, (Мишкольць, Эрлау, Веспрямъ) влчѣтъ не уступающими городамъ.

Комитаты слѣдующіе:

I. По сю сторону Дуная.

4. *Прессбургскій*, заключаетъ въ себѣ 5 королевскихъ городовъ

* Рекомендуемъ недавно изданную госпожиною Вознесенскою карту Венгрии и прилежащихъ къ ней земель, со статистическими таблицами, съ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ мѣстъ, означенныхъ на картѣ и наконецъ, съ означеніемъ, между прочимъ, народностей, чего до-сихъ-поръ не дѣлаютъ ни на одной изъ географическихъ картъ.

из которых болѣе другихъ замѣчательнѣе *Пресбургъ* и *Тернава*, 23 мѣстечка, 292 селенія. *Мадыры* живутъ въ 161, *Словаки* въ 147, *Нѣмцы* въ 19 мѣстахъ. Жителей до 400,000 душъ. Населеніе королевскихъ городовъ смѣшанное, по большой части изъ *Словаковъ* и *Нѣмцовъ*; только въ *Пресбургѣ* въ лютеранскихъ общинахъ говорятся проповѣди и на венгерскомъ языкѣ. *Евреевъ*, живущихъ въ 8 мѣстахъ до 15,000 душъ.

2. *Нитранскій*. Два города: *Скалица* и *Нитра*, 38 мѣстечекъ, 415 селеній. Жителей до 500,000 душъ. *Мадыры* живутъ въ 47, *Словаки* въ 412, *Нѣмцы* въ 10 мѣстахъ; въ *Соботинштѣ* (*Szobotist*) живутъ такъ называемые *Габаны*, потомки анабаптистовъ. *Евреевъ* болѣе нежели въ какомъ-либо другомъ комитатѣ, болѣе 15,000 душъ.

3. *Тренчинскій*. Королевскій городъ *Тренчинъ*, 19 мѣстечекъ, 387 селенія. Жителей 370,000 человекъ. Всѣ они чистые *Словаки*, кромѣ 8,000 *Евреевъ*.

4. *Арскій* или *Оравскій*. Городовъ здѣсь нѣтъ, селеній 96, мѣстечекъ 5, жителей до 130,000. Также всѣ чистые *Словаки* съ 1,500 *Евреями*. Это самый неплодородный комитатъ.

5. *Липтовскій*, съ 10 мѣстечками, 123 селеніями и до 100,000 жителей, все *Словаковъ*. *Евреевъ* въ немъ до 1,000 человекъ.

6. *Сольскій* или *Зволенскій*, съ 5 городами (въ томъ числѣ 2 горныхъ города), 8 мѣстечками, 148 селеніями. Изъ городовъ замѣчательнѣе *Нейсоль* (*Neusoll*) или *Банская Быстрица*. Жителей до 120,000 душъ, чисто словацкаго племени. *Евреевъ* нѣтъ.

7. *Туроцкій* или *Турчанскій*, расположенъ въ одной долинѣ, окруженной высокими горами; имѣетъ 6 мѣстечекъ, 98 селеній, въ томъ числѣ 5 съ нѣмецкимъ населеніемъ, перемѣшаннымъ однако жъ со *Словаками*. Жители остальныхъ—все *Словаки*. *Евреевъ* до 500 душъ. Всѣхъ жителей около 65,000 человекъ.

8. *Барискій* или *Тьковскій*. 2 королевскихъ города (горныхъ), въ томъ числѣ извѣстный своими червонцами *Кремницъ*, 11 мѣстечекъ, 206 селеній. *Мадыры* занимаютъ 50, *Словаки* 167, *Нѣмцы* 10 мѣстъ. Жителей до 180,000 человекъ. Жительства такъ называемыхъ *Крикесайцовъ* (*Нѣмцовъ*) состоятъ въ связи съ нхъ со племенниками въ *Турчанскомъ* и *Нитрскомъ* комитатахъ. Они любятъ дурные края. *Евреевъ* здѣсь нѣтъ.

9. *Гонтскій*, съ 3 королевскими горными городами (въ томъ числѣ *Шемницъ* или *Штляница*), 9 мѣстечками, 176 селеніями. *Мадыры* живутъ въ 72, *Словаки* въ 118 мѣстахъ. *Нѣмцы* есть

только въ *Шемницъ* и въ *Берзени*. Евреевъ нѣтъ. Всѣхъ жителей болѣе 210,000 человекъ.

10. *Неоградскій*, мѣстечекъ 10, селеній 251. Мадыары живутъ въ 148, Словаки въ 113, Нѣмцы въ 7 мѣстахъ. Евреевъ до 3,500 душъ. Всѣхъ жителей около 250,000 человекъ.

11. *Граксскій* или *Остригомскій*, королевскій городъ *Грака*, 5 мѣстечекъ, 45 селеній, около 75,000 жителей. Мадыары живутъ въ 34, Словаки въ 10, Нѣмцы въ 6 мѣстахъ. Евреевъ болѣе 1,000 душъ.

12. *Пешинскій*. Въ немъ 2 королевскихъ города, *Пешть* и *Офенъ*, 22 мѣстечка, 165 селеній, около 530,000 жителей. Мадыары живутъ въ 109, Словаки въ 38, Нѣмцы въ 34, Сербы и Греки въ 9 мѣстахъ. Евреевъ около 15,000 душъ.

13. *Бачскій*, имѣетъ 3 королевскихъ города, между ними главный *Новый Садъ*, по-нѣмецки *Нейзацъ*, по-мадыарски *Уйвидекъ*, 9 мѣстечекъ, 98 селеній, до 370,000 жителей. Мадыары живутъ въ 29, Словаки въ 9, Сербы въ 38, Нѣмцы въ 41, Шокцы въ 12, Русины въ 2 мѣстахъ, Армяне разсѣяны въ *Новомъ Садѣ* и въ другихъ мѣстахъ. Евреевъ болѣе 5,000 душъ.

II. По ту сторону Дуная.

14. *Эденбургскій комитатъ*. Имѣетъ 3 королевскихъ города, 38 мѣстечекъ, 200 селеній, болѣе 270,000 жителей. Мадыары живутъ въ 120, Нѣмцы въ 90, Хорваты въ 30 мѣстахъ. Евреевъ болѣе 5,000 душъ.

15. *Мошонскій* или *Визельбургскій*, городовъ не имѣетъ, 12 мѣстечекъ, 33 селенія, около 90,000 жителей. Мадыары занимаютъ 10, Нѣмцы 38, Хорваты 11 мѣстъ. Евреевъ около 2,000 душъ.

16. *Рабскій*, имѣетъ королевскій городъ *Рабъ*, по-мадыарски *Дьеръ*, 2 мѣстечка, 82 селенія, около 130,000 жителей. Мадыары занимаютъ 77, Хорваты 1, Нѣмцы 5 мѣстъ. Евреевъ до 3,000 человекъ.

17. *Коморнскій*, королевскій городъ *Коморнъ*, 5 мѣстечекъ, 85 селеній, до 180,000 жителей. Мадыары живутъ въ 52, Словаки въ 16, Нѣмцы въ 12 мѣстахъ. Евреевъ около 2,500 душъ.

18. *Баранскій*, королевскій городъ (*Почъ* или *Фюнфкирхена*), 10 мѣстечекъ, 328 селеній, около 310,000 жителей. Мадыары живутъ въ 218, Нѣмцы въ 131, Сербы въ 25, Хорваты въ 49 мѣстахъ. Евреевъ до 3,500 душъ.

19. *Тольнскій*. Въ немъ городовъ нѣтъ, 17 мѣстечекъ, 88 селеній, болѣе 225,000 жителей. Мадыары занимаютъ 56, Словаки 3,

Нѣмцы 50 мѣстъ. Въ нѣкоторыхъ есть и Сербы. Евреевъ до 5,000 душъ.

20. *Шамодьскій* (по нѣмецки *Simeger K.*), городовъ не имѣеть, 33 мѣстечка, 292 селенія. Жителей болѣе 275,000 человекъ. Мадыары занимаютъ 268, Нѣмцы 35, Хорваты 33, Словаки 48, Словенцы 7, Сербы 1 мѣсто. Евреевъ болѣе 5,000 душъ.

21. *Саладскій*. Въ немъ нѣтъ городовъ, 22 мѣстечка, 599 селеній. Жителей около 380,000 человекъ. Мадыары занимаютъ 424, Нѣмцы 27 мѣстъ. Въ сѣверозападной части живутъ Словенцы, числомъ болѣе 25,000. Въ Муракѣзъ (*Muraköz*) есть Хорваты. Евреевъ болѣе 5,000.

22. *Эйзенбургскій* или *Вашварскій*, имѣеть королевскій городъ (*Кисекъ Гюнсз*), 41 мѣстечко, 610 селеній, до 400,000 жителей. Мадыары живутъ въ 314, Нѣмцы въ 163 мѣстахъ, въ томъ числѣ такъ пазываемые *Генцы*. Словенцевъ до 50,000 человекъ. Хорваты занимаютъ 64 мѣста. Евреевъ болѣе 5,000 душъ.

23. *Веспримскій*. Въ немъ городовъ нѣтъ, 9 мѣстечекъ, 172 селеній, болѣе 240,000 жителей. Мадыары занимаютъ 136, Словаки 7, Нѣмцы 31 мѣсто. Евреевъ около 5,000 душъ.

24. *Штульвайссенбургскій* или *Бълеградскій*, имѣеть королевскій городъ (*Alba regalis*, *Бълеградъ*, по мадыарски *Секешъ-Ферваръ*, по-нѣмецки *Штульвайссенбургъ*), 12 мѣстечекъ, 65 селеній, до 400,000 жителей. Мадыары занимаютъ 54, Словаки 8, Нѣмцы 16 мѣстъ. Евреевъ болѣе 4,000.

III. По сю сторону Тиссы.

25. *Спишскій* (по-нѣмецки *Zipsger*) комитатъ, имѣеть 2 королевскихъ города, 16 такъ пазываемыхъ спишскихъ городовъ, 20 мѣстечекъ и 178 селеній. Жителей до 260,000 человекъ. Словаки занимаютъ 186, Нѣмцы 28, Поляки 2 мѣста. Евреевъ до 3,000 душъ.

26. *Гемѣрскій* не имѣеть городовъ, 13 мѣстечекъ, 260 селеній, жителей болѣе 195,000 человекъ. Мадыары занимаютъ 146, Словаки 151, Нѣмцы 1 мѣсто. Цыганъ въ этомъ комитатѣ больше не было, въ какомъ-либо другомъ, свыше 2,500 душъ. Евреевъ нѣтъ.

27. *Гевешскій*. Мѣстечекъ въ немъ 16, селеній 131, жителей совсѣмъ 300,000 душъ. Всѣ они Мадыары, только въ 5 мѣстахъ есть Швабы и въ 6 Словаки. Евреевъ до 3,000.

28. *Боршодскій*, не имѣеть городовъ, 12 мѣстечекъ, 167 селеній, около 230,000 жителей. Мадыары преобладающее народонасе-

левіе. Словаки занимають 4, Нѣмцы 5 мѣстъ. Грековъ и Сербовъ болѣе 1,500. Евреевъ болѣе 6,000 душъ.

29. *Торнскій*, самый маленькій изъ комитатовъ. Овъ имѣеть мѣстечко, 41 селеніе, не болѣе 26,000 жителей. Словаки занимають 4, Нѣмцы 1, Русины 6 мѣстъ; всѣ прочія мѣста мадьярскіе. Евреевъ около 1,400 душъ.

30. *Абауйварскій*, имѣеть королевскій городъ (*Кашау*, Сл. вац. *Кошицы*), 10 мѣстечекъ, 227 селеній, около 215,000 жителей. Мадьяры живутъ въ 157, Словаки въ 260, Нѣмцы въ 3 мѣстахъ. Евреевъ до 8,500 душъ.

31. *Шаришскій*, съ 3 королевскими городами (въ числѣ которыхъ *Эперіессъ* или *Пръшовъ*, и *Бартфельдъ* или *Бардъевъ*), 1 мѣстечками, 376 селеніями. Жителей болѣе 245,000. Словаки занимають 235, Русины 155 мѣстъ. Нѣмцы живутъ смѣшанно только въ *Шоваръ*. Евреевъ до 7,500 душъ.

32. *Земплинскій*. Въ немъ городовъ нѣтъ, 24 мѣстечка, 42 селеній, около 360,000 жителей. Мадьяры занимають 124, Словаки 186, Шотаки (особенные Словаки) 74, Русины 74, Нѣмцы 1 мѣстъ. Евреевъ до 23,000 человекъ.

33. *Унгварскій*, не имѣеть городовъ, 5 мѣстечекъ, 203 селеній, около 100,000 жителей. Мадьяры занимають 53, Словаки 66, Русины 89 селеній. Евреевъ около 8,000 душъ.

34. *Берегскій*, съ 7 мѣстечками, изъ которыхъ болѣе другихъ замѣчательно *Мункачь*, 261 селеніемъ. Жителей болѣе 115,000 душъ. Мадьяры занимають 69, Русины 163, Словаки 7, Нѣмцы 10 мѣстъ. Армяне живутъ въ *Берегсасъ* (*Bereghszász*). Евреевъ болѣе 7,000 душъ.

IV. По ту сторону Тиссы.

35. *Мармарошскій комитатъ*, имѣеть 5 мѣстечекъ, 157 селеній, около 180,000 жителей. Мадьяры живутъ въ 5 мѣстахъ, Валахи занимають 51, Русины 88, Нѣмцы 9 мѣстъ. Армяне живутъ разсѣянно. Евреевъ болѣе 8,000.

36. *Угочскій*. Въ немъ 3 мѣстечка, 63 селенія, болѣе 55,000 жителей. Мадьяры занимають 33, Русины 41, Валахи 7, Швабы 2, Армяне 1 мѣсто. Евреевъ около 2,500 душъ.

37. *Сатмарскій*, 2 королевскихъ (въ томъ числѣ горный городъ *Надь-Банн* (*Nagy-Bánya*), 10 мѣстечекъ, 245 селеній, болѣе 270,000 жителей. Мадьяры занимають 141, Швабы 19, Валахи 124, Русины 19, Словаки 3, Чехи 1, Армяне 1 мѣсто. Евреевъ до 7,000 душъ.

38. *Саболцскій*, имѣтъ 14 мѣстечекъ, 132 селенія, болѣе 180,000 жителей. Мадьяры живутъ въ 135, Словаки въ 15, Валахи въ 5, Швабы въ 6, Русины въ 9 мѣстахъ. Евреевъ болѣе 7,000 душъ.

39. *Бигарскій*, имѣтъ 2 города, въ томъ числѣ *Дебрецинъ* и *Варадинъ* (по-нѣмецки Gross Waradin), 19 мѣстечекъ, 464 селенія, около 600,000 жителей. Мадьяры занимаютъ 134, Валахи 237, Русины 2 мѣста. Евреевъ около 5,000 человекъ.

40. *Бекешскій*, имѣтъ 4 мѣстечка, 16 селеній, до 120,000 жителей. Мадьяры занимаютъ 15, Словаки 5, но самыхъ большихъ мѣстъ; Нѣмцы 2, Валахи 3 мѣста. Есть и Сербь. Евреевъ до 500 душъ.

41. *Чонградскій*, имѣтъ королевскій городъ *Сегединъ*, 2 мѣстечка, 6 селеній, около 100,000 жителей. Это чисто мадьярскій комитатъ; въ одномъ только мѣстѣ живутъ смѣшанно Словаки и въ трехъ Сербь. Евреевъ болѣе 500 душъ.

42. *Чанадскій*, имѣтъ 2 мѣстечка и 9 селеній. Жителей до 55,000. Мадьяры живутъ въ 6, Валахи въ 4, Словаки въ 1 мѣстѣ. Евреевъ болѣе 800 душъ.

43. *Арадскій*, съ королевскимъ городомъ старымъ *Арадомъ*, 17 мѣстечками, 174 селеніями. Жителей болѣе 270,000 человекъ. Мадьяры живутъ въ 11, Валахи въ 169, Словаки въ нѣсколькихъ, Нѣмцы въ 8, Сербь въ 1 мѣстѣ. Евреевъ до 1,500 человекъ.

44. *Крашовскій*. Въ немъ 8 мѣстечекъ, 222 селенія, и до 325,000 жителей. Все населеніе Валахи; но въ 17 мѣстахъ есть также Нѣмцы и Сербь. Евреевъ болѣе 500 человекъ.

45. *Темешскій* или *Темешварскій*, имѣтъ королевскій вольный городъ *Темешваръ*, 2 другихъ города, 3 мѣстечка, 180 селеній; до 400,000 жителей, которые всѣ Валахи, но есть и Мадьяры въ 2, Нѣмцы въ 18, Сербь въ нѣсколькихъ, Булгары въ 1 мѣстѣ. Евреевъ болѣе 2,000 душъ.

46. *Торонтальскій комитатъ*. Въ немъ 7 мѣстечекъ, 115 селеній, около 250,000 жителей, преимущественно Валаховъ и Сербовъ. Мадьяры живутъ разсѣянно, занимаясь разведеніемъ табаку; Словаки занимаютъ 9, Булгары 2, Французы 7, Швабы 8 мѣстъ. Евреевъ до 2,000 душъ.

ОСОВЫЕ ОКРУГИ.

47. Округъ *Язиговъ* имѣтъ 3 мѣстечка и 8 селеній. Жителей до 60,000 человекъ. Всѣ они Мадьяры. Евреевъ около 150 человекъ.

48 и 49. *Большая и Малая Куманія*. 4 мѣстечка, 10 селеній. Жителей Мадьяръ до 110,000.

50. *Гайдуцкіе города*, 6 мѣстечекъ, чисто мадьярскихъ. Жителей болѣе 50,000 человекъ. Евреевъ до 200 душъ.

Для полноты обозрѣнія прибавляемъ еще комитаты соединенныхъ королевствъ Славонія и Кроаціи, въ которыхъ на пространствѣ 330 квадратныхъ миль обитаетъ болѣе 1,300,000 жителей, почти исключительно славянской крови, въ 9 городахъ, 34 мѣстечкахъ и 2,563 селеніяхъ, раздѣленныхъ на 6 комитатовъ и 1 округъ; первые три принадлежатъ Славоніи, остальные Кроаціи.

1. *Верецкій* комитатъ; въ немъ королевскій городъ *Эсекъ* или *Оспкъ*, главный городъ Славоніи, 8 мѣстечекъ, 237 селеній, и до 225,000 жителей. Мадьяры живутъ въ 4, Нѣмцы въ 3 мѣстахъ и смѣшанно въ Эсекѣ. Главную же часть народонаселенія составляютъ Сербы. Евреевъ около 500 душъ.

2. *Сирмійскій* или *Сръмскій*, съ 7 мѣстечками, 80 селеніями около 150,000 жителей. Кромѣ Сербовъ, составляющихъ главную часть народонаселенія, есть и Нѣмцы въ 3, Мадьяры въ 2, Словаки въ 1, и Русины въ 1 мѣстѣ. Евреевъ около 100 душъ. Здѣсь ихъ менѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Венгріи.

3. *Пожегскій*, имѣетъ королевскій городъ *Пожегу*, 6 мѣстечекъ, 254 селенія, около 115,000 жителей. Всѣ жители Сербы кромѣ 2 швабскихъ колоній. Евреевъ до 300 душъ.

4. *Аграмскій* или *Загребскій* комитатъ, имѣетъ королевскій городъ *Аграмъ* или *Загребъ*, 6 мѣстечекъ и 1,238 селеній. Жителей около 470,000. Всѣ они Хорваты, отчасти Сербы съ примѣсью Нѣмцовъ. Евреевъ человекъ до 500.

5. *Варашдинскій*, имѣетъ королевскій городъ *Варашдинъ*, мѣстечекъ, 524 селенія и около 170,000 жителей.

6. *Крейцкій* или *Крижскій*, имѣетъ 2 королевскихъ города, мѣстечка, 194 селенія, до 125,000 жителей. Народонаселеніе въ Сербы и Хорваты. Евреевъ до 200 душъ.

7. *Приморскій округъ* (Littorale), съ 2 городами, 36 селеніями. Жители — Хорваты, въ гаваняхъ есть также Итальянцы. Числа ихъ около 50,000 человекъ, не считая дворянъ.

III.

Венгрія съ трехъ сторонъ окружена Карпатами и восточными отрогами Альповъ, только съ юга примыкая къ низменнымъ бассейнамъ Дравы и Дуная. Пытались выразить форму ея по верхности сравненіемъ, но попытки неудались.

И тѣ ошибались, которые представляли эту страну въ видѣ мѣтеатра, гдѣ горы служатъ скамьями; и тѣ, которые уподобляли карпатскія Альпы звѣздѣ, распускающей вокругъ себя лучи. Горы скопляются преимущественно въ сѣверной части королевства и на полосу, идущей оттуда къ востоку; нѣныя горы какъ будто идвинуты съ востока изъ Седмиградскаго княжества и Валахія; нѣныя вырастаютъ съ запада изъ Штирин и Австріи; нѣныя наконецъ въ большомъ отъ нихъ разстояніи стоятъ разсѣяны внутри королевства. Такимъ-образомъ эти различныя горы составляютъ по разнымъ мѣстамъ такія различныя кучи и группы, что нѣтъ возможности подвести ихъ подъ общее понятіе. Но ровная часть Венгрии, далеко превосходящая объемомъ гористую, простирается отъ сѣверныхъ горныхъ группъ на востокъ, югъ и западъ, такимъ образомъ, что не только во многихъ мѣстахъ касается границъ, но переходитъ и за нихъ въ шведскія провинціи. Отрасли Альпійскихъ горъ достигаютъ Венгрии уже послѣдними откатами, утрачивая совершенно свой альпійскій характеръ. Здѣсь онѣ становятся, какъ нѣмецкія горы, весьма лѣсватыми и отлогими.

Главнѣйшія изъ Альпійскихъ отраслей отдѣляются отъ горы Сѣвернигъ. Таковы Лейтенскія Горы, проходящія между рѣкою Лейтою и озеромъ Нейзидлерскимъ или Мошонскимъ по направленію къ Пресбургу; таковы Фисбахскія Альпы, обходящія восточникъ Рааба и оставляя ихъ влѣво, входящія въ Венгрію Дугою, гдѣ отрасли ихъ обхватываютъ Блатенское Озеро. Одна изъ этихъ отраслей значительнѣйшая, подъ названіемъ Баконскаго лѣса, достигаетъ Дуная немного выше Буды, другая незначительными высотами доходитъ до Батты, также на Дунаѣ. За Дунаемъ нѣтъ уже Альповъ, тамъ Карпаты.

Этотъ величественный хребетъ (Carpatus, Tatra, Tatri) въ ряду европейскихъ горъ занимаетъ мѣсто непосредственно послѣ швейцарскихъ и тирольскихъ альповъ; его справедливо называютъ венгерскими альпами. Карпаты начинаются легкими возвышеніями уже въ пресбургскомъ комитатѣ, — даже пресбургскій замокъ стоитъ на первомъ горномъ возвышеніи, — и проходятъ по сѣверной границѣ Венгрии, полумѣсяцемъ, до Трансильваніи. Отсюда главный хребетъ, огибая Трансильванію, выходитъ изъ собственной Венгрии, но такъ какъ отрасли его съ востока вдаются и въ Венгрію, то для ясности необходимо сначала сдѣлать общій очеркъ направленія и развѣтвленія Карпатовъ по венгерскимъ и сосѣднимъ землямъ, а потомъ уже перейти къ описанію

наиболѣе замѣчательныхъ и любопытныхъ горныхъ пространствъ собственной Венгріи.

Карпатскій хребеть, какъ мы уже замѣтили, начинается близъ Пресбурга, отъ берега Дуная, противъ послѣднихъ откатовъ Летенскихъ горъ и подт названіемъ малыхъ Карпатовъ, Бѣлыхъ Яворницкихъ горъ, которыя всѣ можно означить именемъ Морво Венгерскихъ, проходитъ въ сѣверо-восточномъ направленіи между долинами Вага и Моравы, къ источникамъ Вислы. Отъ Дуная до источниковъ рѣки Бечвы горы не много чѣмъ выше 2,000 футовъ, не слишкомъ дѣсны, но пересѣчены и круты и особенности близъ Пресбурга и къ устью Моравы. Сообщенія чрезъ эти горы затруднительны. Главнѣйшія изъ нихъ проходятъ 1) по шоссе изъ Пресбурга; 2) по дорогѣ черезъ Бѣлую Гору изъ Терпавы въ Гедингъ, 3) два сообщенія между Бѣлой Горой и Яворницкими, 4) чрезъ Яворницкія горы подт названіемъ Шкановъ, 5) Пиршинскій проходъ близъ Хрозникова, 6) вдоль рѣки Влдоръ въ Брумовъ и 7) изъ Личи къ ключамъ рѣки Бечвы. Между источниками Бечвы и Вислы горы принимаютъ названіе Яблунскихъ горъ, и отличаются отъ прочихъ болшею высотой. Въ этихъ горахъ замѣчательнъ укрѣпленный, но оставленный проходъ яблунскій, изъ Яблунки въ Чачу и два шоссе, вновь введенныя изъ Галиціи въ Чачу и Уйгель.

Отъ источниковъ Вислы, или отъ тройной границы Моравы, Галиціи и Венгріи до рѣки Попради хребеть Карпатовъ называется Оравскимъ или Арвскимъ, а далѣе на востокъ, отъ Попради къ дорогѣ изъ Дуклы въ долину Ондавы и еще далѣе Бескидами.

Хребеть Арвскій, отдѣлившись отъ Яблунскихъ горъ при источникахъ Вислы, раздѣляетъ притоки этой рѣки, Солу, Скаву Рабу и Дунаецъ отъ притоковъ Дуная: Кимуцы, Оравы, Вага служитъ границею Галиціи и Венгріи до источниковъ Бѣлаго Дунайца; отъ этихъ мѣстъ, обратясь прямо на югъ въ Венгрію, проходитъ между Вагомъ и Попрадью, и потомъ по правую сторону этой рѣки до Мушина. Хребеть Бескиды или Бескидаи составляетъ границу Венгріи, служа постоянно чертою раздѣленія водъ Вислы и Дуная, изъ которыхъ въ первую текутъ рѣки Попрадь, Бала, Роба, Вислока, а въ послѣднюю Хервала Тарча, Топла, Ондава. Высота этой части карпатскаго хребта чрезвычайно различна. Въ некоторыхъ мѣстахъ хребеть вовсе исчезаетъ; около верховьевъ рѣки Сода, гдѣ два шоссе проходятъ въ долину Кидуцы, горы незначительны; далѣе къ востоку

не ставятся выше и закупоческой дорогой, проходящей вдоль
 тика Пашаравы * въ долину Оравы, гора Баба имѣетъ до
 900 футовъ высоты. Въ пространствѣ между шоссе, проходя-
 щимъ въ долины Сявы черезъ Юрдановъ въ долину Оравы,
 ринищомъ нѣсколько дорогъ изъ долины Раба и подножья
 и Тиръ, то есть между долинами Дунайца и Оравы лежатъ
 плотные лѣса, чрезъ которые пролегаетъ нѣсколько хорошихъ
 обществ. Между источниками Чернаго и Бѣлаго Дунайцевъ,
 горы, составляющія замѣчательнѣйшее звѣно цѣпи Карпатскихъ
 горъ, поднимаются лѣдами, увѣчавшими скалами до чрезвычай-
 ной высоты (Большой Крапакъ или Ломницкая вершина 8,316
 футовъ, Криванъ 8,000 ф.). Черезъ эти горы не всегда проходима
 же тропинки для охотниковъ; подножія же ихъ, простирающія-
 къ западу до слиянія рѣкъ Оравы и Вага и къ востоку до
 долины рѣкъ Погради и Дунайца, всего на 120 верстѣ, населены,
 обработаны, пересѣчены дорогами во всѣхъ направленіяхъ и со-
 ршенно проходима. Отъ источниковъ Погради до дороги, про-
 дящей изъ Дукалы въ долину Ондавы, горы также не высоки,
 совершенно проходима и дорога здѣсь очень много. Бескиды
 дѣлятся въ Галицію короткія вѣтви; въ Венгрію же являются
 значительными и пространными вѣтвями, называемыми по воз-
 расту въ рудокопныхъ, венгерскими рудными горами, дости-
 гаютъ Дуная и Тиссы, и дѣляютъ всю сѣверную Венгрію стра-
 нью очень гористою. Черта раздѣленія водъ Дуная и Тисы, от-
 дѣляясь отъ Татровъ, проходитъ хребтомъ горъ между источни-
 ками рѣкъ съ одной стороны Бѣлаго и Чернаго Вага, Грана,
 Ясела, впадающихъ въ Дунай, съ другой стороны, рѣкъ Погра-
 ди, Хервады, Шаю, Ршмы, Торны и Загивы, впадающихъ въ
 Тиссу. Между двумя послѣдними, горы вдругъ оканчиваются
 поперечнымъ хребтомъ горъ Матрии, отдѣливъ выше источни-
 комъ Загивы вѣтвь, подъ названіемъ Черадскихъ горъ, упираю-
 щихся въ Дунай близъ сѣвернаго большаго поворота этой рѣки.
 Южнѣ Черадскихъ горъ и Матри лежитъ между Тиссой и Ду-
 наемъ, Кечкеметская степь, простирающаяся до Славоніи и
 составляющая вмѣстѣ съ Дебречинскою степью обширную рав-
 нину, въ 400 верстѣ длины и болѣе 200 верстѣ ширины, мѣста-

* Этотъ проходъ труденъ въ особенности со стороны Венгріи: крутъ и
 заросъ лѣсомъ; однакожъ, какъ на большомъ разстояніи итъ другаго, то
 жители и купцы пользуются этимъ ближайшимъ трактомъ, ведущимъ
 чрезъ Пашто, Хрестинъ и Арскій замокъ.

ни болотистую и песчаную, обитаемую почти одними пастухами и ихъ стадами.

Отъ означеннаго хребта, раздѣляющаго долины Тисы и Дунай, отдѣляются къ западу двѣ значительныя вѣтви; одна проходитъ между рѣками Вагомъ и Гравомъ, образуетъ хребтъ Фатру, имѣющій направленіе отъ устья Оравы къ Шемницѣ; потомъ далѣе простирается по обѣимъ сторонамъ рѣки Нитры; другая вѣтвь проходитъ между рѣками Эйзелемъ и Гравомъ; чрезъ первую изъ этихъ вѣтвей замѣчательныя проходы Чертова Свдѣба и Оваръ.

Къ востоку отдѣляющіяся вѣтви, простираются между вышепоименованными рѣками, составляя глубокія долины: одна изъ нихъ проходитъ между Топлою и Тарчею и оканчивается извѣстными виноградниками близъ Токая. За Дуклою черта раздѣленія европейскихъ водъ не обозначается Карпатскимъ хребтомъ, но протекаетъ волнистою мѣстностью, называющеюся Неборжцемъ, чрезъ Львовъ и Броды; восточнѣе источниковъ рѣки Сава, Карпаты не имѣютъ болѣе общаго имени, а называются по нѣкоторымъ главнѣйшимъ горамъ: такъ на примѣръ по горѣ Магурѣ, Магурами, по горѣ Черной, съ которой текутъ Прутъ и Черная Тиса, Черногора, наконецъ до самой Оршовой Карпаты, нѣкоторыми нѣмецкими писателями, называются Керзеръ-Гербирге.

Безчуды и Магуры очень невысоки, болѣею частью хорошо обработаны и до источниковъ рѣки Свицы почти вездѣ удобны для проѣзда повозокъ и тяжестей; далѣе же до Буковинны горы становятся высокими (гора Піатра близъ соединенія трехъ границъ Буковины, Венгріи и Трансильваніи имѣетъ уже 6,000 футовъ высоты), покрыты густыми лѣсами, весьма мало населены и пролегающія дороги способны только для верховыхъ и пѣшихъ.

Всѣ дороги, какъ малыя такъ и большія, проходящія чрезъ Карпаты, весьма хороши въ Галліціи; но напротивъ въ Венгріи и дороги и мосты въ чрезвычайно дурномъ положеніи, и особенно затрудняютъ путешественника въ дождливое время.

Часть Карпатскаго хребта, облегающая Трансильванію со стороны Молдавіи и Валахіи и упирающаяся въ Дунай отъ Оршовой до Уй Паланки состоитъ изъ огромныхъ горъ, равняющихся высотой почти съ Татрами (горы Піатра близъ источника Златой Быстрицы 6,000 футовъ; Шуруль на лѣвомъ берегу Алуты 7,000 футовъ; Ретшатъ близъ источника Шила 7,590 футовъ). Карпаты

обращаютъ крутые свои скаты къ Молдавіи и Валахіи, въ Трансильванію же отдѣляютъ значительныя вѣтви, которыя, простираясь сквозь все княжество, дѣлаютъ его страню совершенно гористою. Многія изъ этихъ вѣтвей, какъ мы уже замѣтили, входятъ западными своими откатами и въ Венгрію.

Главѣйшія изъ нихъ: 1) отъ горы Піастры, съ которой ниспадаютъ рѣки Златая Быстрица, Большая Шамошь и Визо, отдѣляется вѣтвь горъ, направляющаяся вдоль правыхъ береговъ рѣкъ Визо и Тиссы до Хушта и образуемая, съ сѣверной стороны, пограничный валъ Трансильваніи; отъ этой вѣтви распространяются отрасли между рѣками Лапошь и большою Шамошью.

2) Близъ соединенія границъ Буковины, Молдавіи и Трансильваніи отдѣляется отъ Быстрыгоры вѣтвь горъ, раздѣляющая долины Большой Шамоши и Мароши. Эта вѣтвь, поднявшись во внутренности Трансильваніи, соединяется на западной границѣ этого княжества, между источниками рѣкъ Араніоши и Холодной Шамоши съ горою Галлуной (9,594 футовъ), составляющею высочайшее звено поперечнаго хребта горъ, который закрывая Трансильванію со стороны запада, вѣтся большими изворотами около границы отъ Шамоши близъ Надъ-Банія до Мароши. Съ огромныхъ высотъ этого хребта ниспадаютъ рѣки, къ западу: Бѣлая, Червая и Быстрая Кероши; къ востоку: Араніошь, холодная и теплая Шамоши; долины всѣхъ этихъ рѣкъ раздѣляются между собой отраслями этого же хребта.

3) Между источниками рѣкъ Мароши и Алуты проникаетъ во внутренность Трансильваніи вѣтвь горъ, которая при самомъ началѣ образовавъ поперечный хребетъ, простирающійся вдоль западныхъ сторонъ верховьевъ упомянутыхъ рѣкъ, въ направленіи отъ Быстрыгоры къ Кронштату и отдѣляющій своими отраслями долины рѣкъ Мароши, малой и большой Купели, обходитъ около Германштата и составляетъ, на границѣ Валахіи, продолженіе главнаго хребта Карпатовъ, прерывшагося въ двухъ мѣстахъ рѣками Алутю и Шиломъ.

4) Близъ источниковъ рѣки Шиль отдѣляется вѣтвь Банатскихъ горъ, которая, простираясь между Марошью и Темешью до Темешвара, закрываетъ Трансильванію со стороны Баната и вмѣщаетъ въ себя высочайшую гору Карпатскаго хребта—Полна Руска (9,911 футовъ).

5) Близъ источниковъ Темешни отдѣляются Верницкія горы,

простирающіяся къ Уй-Палакѣ и по лѣвую сторону Темешки Темешвару и составляющія границу между Венгерію и баватскимъ генералатомъ.

Черезъ Карпаты вѣются изъ Буковины, Молдавіи, и Валахіи въ Трансильванію десять извѣстныхъ укрѣпленныхъ (кромя одного) проходовъ: 1) Радненскій и 2) Боргоскій,—оба по названію трансильванскихъ деревень Радно и Борго, проходятъ въ Буковину въ долину Златой Быстрицы; сквозь послѣдній проходитъ почтовая дорога шоссе изъ Гросвардейла чрезъ Клаузенбургъ, Деешъ и Быстрицъ; 3) Пиричъ кивскій при Сентъ Миклошъ, 4) Гымешскій; 5) Ойтоскій свободнѣйшій изъ всѣхъ ведущихъ въ Молдавію, 6) Бозскій, при источникахъ рѣки Бозы, впадающей въ Сереть, 7) Темешскій къ югу отъ Кренштата, 8) Тюрцбургскій, 9) Ротетурмъ Пансъ (Красной башни) дефле въ пять миль; дорога простирается во многихъ мѣстахъ сквозь утесы по правому берегу Алуты; этотъ проходъ защищенъ со стороны Валахіи укрѣпленіемъ Стразбургъ, а со стороны Трансильваніи красною башнею; 10) чрезъ гору Вулканъ, одинъ изъ всѣхъ неукрѣпленный. Кромѣ этихъ проходовъ замѣчательны еще проходы, ведущіе въ Трансильванію изъ Бавата и Венгеріи: 1) Желѣзныя врата (по венгерски Вашкапу, по-турецки Демиръ-капу), укрѣпленъ; 2) Тереговскіе и Шлатинскіе ключи, дефлеи вдоль источниковъ Темеша, сквозь которыя проходитъ весьма посѣщаемая почтовая дорога изъ Оршовы чрезъ Каран-Себешъ въ Темешваръ, 3) Чуча, дефле вдоль большой почтовой дороги и рѣки Себешъ Кероши, то есть быстрой Кероши.

=

МОЦАРТОВЪ ДОНЪ-ЖУАНЪ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Не далѣе какъ пять лѣтъ тому назадъ, явилось въ Москвѣ первое, подробное и истинно ученое сочиненіе о жизни и твореніяхъ Моцарта. Германія, которая столько гордится его гениемъ, которая написала тысячи томовъ о Гете и Фаустѣ, и донынѣ не произвела о своемъ великомъ музыкальномъ писателѣ книги, достойной его имени. Московское сочиненіе явилось на французскомъ языкѣ. Авторомъ его былъ русскій дворянинъ, который по-русски не пишетъ, но музыку знаетъ превосходно и судить объ ней тонко, умно, со вкусомъ, съ энтузіазмомъ, не чуждымъ, съ одной стороны, остроумія, — что отнюдь не мѣшаетъ дѣлу, съ другой, нѣсколько посягательства на живость и вычурность слога въ языкѣ, чужестранномъ для него и его идей, — что совсѣмъ наврасно, потому что такимъ образомъ слогъ его грѣшенъ и передъ французскимъ языкомъ и перлъ предметомъ книги. Читатели угадываютъ несомнѣнно, что рѣчь идетъ о твореніи господина Александра Улыбышева *Nouvelle biographie de Mozart, suivie d'une analyse de ses principales oeuvres*, Moscou, 1843, 3 vol. Въ свое время было здѣсь много говорено объ этомъ примѣчательномъ произведеніи. Но въ остальной Европѣ, для которой было издано преимущественно, несмотря на французскій языкъ свой, оно оставалось до нынѣшняго года почти неизвѣстнымъ. Только прошедшею зимою, всѣ вдругъ, Нѣмцы, Французы, Англичане заговорили объ немъ съ великой похвалою и длинными выписками. Книга господина Улыбышева вошла въ моду и чуть чуть не рѣшились мы перевести ее на этихъ страницахъ для читателей, которые болѣе всѣхъ читателей имѣли право знать ее и восхищаться ею. Но статья восхощеній встрѣчала препятствія въ нѣкоторыхъ уваженіяхъ.

Всѣмъ извѣстно, что вдова Моцарта, умершая въ 1842, вышла

въ 1809 за статскаго совѣтника въ Даниі Георга Николая Ниссена. Послѣ смерти своего втораго мужа, скончавшагося въ 1826, она издала въ 1828 толстый томъ о жизни и твореніяхъ великаго артиста, котораго была подругою. Эта книга, содержащая всю семейную переписку Моцарта, журнальныя статьи, портреты, музыкальныя пьесы и прочая, есть собраніе подлинныхъ документовъ безпорядочно собранныхъ покойнымъ Ниссеномъ безъ критики и не безъ подобострастія. Господинъ Улыбышевъ отличный любитель и знатокъ музыки, который нѣкогда писалъ очень изящныя фельетоны для *Journal de St.-Petersbourg*, посвятилъ десять лѣтъ на приведеніе въ порядокъ компіляціи Ниссена, откуда составилъ свою книгу. Сочиненіе Улыбышева содержитъ интересныя факты и превосходныя замѣчанія, свидѣтельствующія объ основательныхъ и обширныхъ познаніяхъ автора въ музыкѣ, но оно слишкомъ растянуто и не чуждо недостатковъ компіляціи Ниссена. Оно читается трудно и скоро утомляетъ. Между-тѣмъ вышла въ Лондонѣ въ 1845 году другая біографія Моцарта подъ заглавіемъ: *The life of Mozart, including his correspondence, by Edward Holmes, 1 vol.*, сочиненіе исполненное жизни, интереса, сжатое, обильное занимательными подробностями, перѣдко такими, которыя не были извѣстны русско-французскому писателю. Въ тоже время Америка доставила намъ новые документы, книгу еще болѣе любопытную, которой почти никто не зналъ въ Европѣ: *Memorie di Lorenzo da Ponte, scritte da esso, Nuova Jorca, 3 vol.* «Записки Лоренца да-Понте», писанныя имъ самимъ и изданныя въ Нью-Йоркѣ, гдѣ этотъ изящный итальянскій поэтъ, другъ Моцарта и авторъ либретто двухъ замѣннѣйшихъ оперъ его «Дошъ-Жуапъ» и «Свадьбы Фигаро», умеръ въ 1838 году въ крайней бѣдности. Записки эти содержатъ въ себѣ о бурной жизни венеціанскаго поэта и о Моцартѣ множество прентересныхъ анекдотовъ.

Изъ трехъ сочиненій господина Улыбышева, Гольмза и да Понте, господинъ Скудо составилъ въ послѣднее время искусный и живой очеркъ исторіи Моцарта и его оперы, «*Don Giovanni*», одного изъ чудеснѣйшихъ произведеній ума человѣческаго, и единственнаго музыкальнаго творенія, гдѣ вѣрное чувство истиннаго генія нашло нормальную пропорцію двухъ составныхъ началъ новѣйшей музыки, мелодія и гармонія. Этотъ-то очеркъ, показывающій глубокіе источники, изъ которыхъ вышло чудо, даемъ мы здѣсь вмѣсто сочиненія нашего соотечественника, которому впрочемъ нельзя не отдать той справедливости, что оно заста-

внѣтъ живо чувствовать превосходства Моцартова гениа, красоты его созданій и нѣжности его слога.

I.

Иоганъ - Волчходъ - Амадей Моцартъ * родился въ Страсбургѣ двадцать седьмого января 1756. За шесть лѣтъ, двадцать-осьмого августа 1749, при *ударъ полдня* (какъ выражается Гёте въ своихъ запискахъ) въ Франкфуртѣ на Майнѣ родился другой Волчходъ, который также оставитъ неизгладимый слѣдъ въ исторіи ума человѣческаго. Не безъ намѣренія сближаемъ мы здѣсь Волчхода Гёте съ Волчходомъ Моцартомъ: авторъ «Фауста» имѣетъ много соотношенія съ творцомъ «Донъ-Жуана».

Отецъ Моцарта былъ родомъ изъ Аугсбурга, гдѣ въ родѣ его велось ремесло переплетчика. Находившись нѣкоторое время у графа Туна въ качествѣ *слуги-музыканта*, что показываетъ въ какомъ положеніи находились тогда артисты въ Германіи, Леопольдъ Моцартъ поселился въ Зальбургѣ, гдѣ получивъ мѣсто перваго скрипача въ капеллѣ епископа, женился на Аннѣ Бергливѣ, благочестивой и прелестной женщинѣ. Позже его возвысили до степеней втораго капельмейстера. Леопольдъ Моцартъ былъ человѣкъ ученый и превосходный музыкантъ; написалъ много музыки церковной, нѣсколько интермедій и кучу очень разнообразныхъ пьесъ. Будучи искуснымъ скрипачомъ онъ написалъ дидактическое сочиненіе для этого инструмента, которое долго считалось знаменитымъ въ Германіи; по славу Леопольда Моцарта составило то, что онъ далъ жизнь автору «Донъ-Жуана», повялъ и направилъ его гениа. Онъ рано угадалъ предназначеніе сына. Его глубокому благочестію показалось, что на челѣ сына блистать лучъ божественной благодати, и съ-тѣхъ-поръ вся жизнь его была посвящена воспитанію этого ребенка, котораго онъ считалъ существомъ высшимъ, вѣрнымъ Провидѣніемъ его пожеланій. Интересный характеръ Леопольда Моцарта, гдѣ отеческая нѣжность смѣшивается съ благочестіемъ христіанина и энтузіазмомъ артиста, превосходно понятъ господиномъ Улыбышевымъ, который выказалъ его различные оттѣнки.

Изъ шестерыхъ дѣтей Леопольда Моцарта, остался только по-

* Многимъ изъ русскихъ *переводчиковъ съ иностраннаго* археологія можетъ-быть и не сказала, что странное нѣмецкое имя Wolfgang было такъ же обыкновенно между Славянами какъ и между Германцами. Въ такомъ случаѣ да будетъ же имя повѣстно, что Wolfgang говорится по нашему по-славянски, не *Волфгангъ*, а *Волчиходъ*, Wilczychod.

слѣдній и дочь Марія-Анна, которая родилась въ 1751' за четыре года прежде брата. Эта единственная сестра Моцарта; которую дружески называли Naspiegel (уменьшительное Анны) выказала также большія способности къ музыкѣ. Во всей Европѣ удивлялись прѣждевременному и очень замѣчательному таланту ея на фортепиано; но ее скоро затмила слава брата. Она вышла за барона Зонненбургъ и умерла въ Страсбургѣ въ 1830 осмидесяти лѣтъ. Согбенная подъ тяжестью возраста, слѣпая, едва бывъ въ состояніи пошевелиться, баронесса Зонненбургъ сохранила глубокое, восторженное удивленіе къ тому, кто былъ ея братомъ *по плоти*; говорила она съ уваженіемъ доходившимъ до благоговѣнія.

Теперь извѣстно семейство, въ вѣдрахъ котораго жила Моцартъ, семейство благочестивое, совершенно вѣмецкое и истинно христіанское, гдѣ царствовали порядокъ, цѣломудріе, вкусъ къ прекрасному, достойная колыбель музыканта идеальной любви. Едва въ Моцартѣ открылся его чудный инстинкъ къ музыкѣ, онъ сталъ исключительнымъ предметомъ вниманія отца и участія всѣхъ. Ему было едва три года, какъ онъ уже клалъ ручки на клавиатуру и пытался играть терціями единственныи интервалъ, который могли захватить его коротенькіе полненькіе пальчики. Если ему встрѣчалось новое сочетаніе звуковъ, глаза его блистали отъ радости. Въ четыре года онъ зналъ наизусть самыя лучшіе пассажи изъ концертовъ, выполняемыхъ сестрой, и отецъ сочинялъ для него небольшія пьесы, сохранившіяся до сихъ поръ. Такимъ образомъ Моцартъ научился музыкѣ шутя или скорѣе музыка пробуждалась въ его душѣ вмѣстѣ съ чувствомъ жизни. Не отличительная ли черта, характеризующая существа высшаго разряда, эта легкость, съ какой они усваиваютъ себѣ матеріальныя начала языка? Въ такое время какъ наше нельзя уже говорить, что истинные поэты, живописцы, музыканты, всѣ тѣ кому предназначено пролить на землю нѣ сколько лучей красоты вѣчной, не куются въ мастерскихъ чловѣческихъ познаній. Въ школахъ не научишься языку любви. Слушая совѣты учителя, который первый раскрываетъ его уста, гениальный ребенокъ какъ будто вспоминаетъ языкъ забытый, которымъ онъ когда-то говорилъ въ мірѣ лучшемъ. Онъ поетъ, какъ птица при восхожденіи зори и потомъ улетаетъ въ ясныя области, унося съ собою тайну своихъ божественныхъ концертовъ. Гомеръ заставляетъ говорить пѣвца Фемія, умоляющаго о состраданіи Улисса: «Не убивая меня! ты будешь расказываться, что убилъ чловѣка, который воспѣваетъ боговъ и лю-

дей. У меня не было учителя.... Боги сами вложили мнѣ въ душу мои различныя пѣсни *.»

Характеръ молодого Моцарта представлялъ самыя рѣзкія противорѣчія. Онъ былъ то ягрівъ и шуменъ, то спокоенъ и трудолюбивъ. Одаренный чрезвычайной чувствительностью, онъ домогался привязанности всякаго, кто посѣщалъ домъ отца его и часто спрашивалъ съ прелестнымъ простодушіемъ: «Вы меня очень любите?» а если ему отвѣчали не тотчасъ такъ какъ ему хотѣлось, глаза его наполнялись слезами. Къ этой тонкой чувствительности, вылизовавшейся черезъ край при малѣйшемъ прикосновеніи, онъ присоединялъ силу размышленія, которую выказалъ также очень рано сильной склонностью къ математическимъ наукамъ. Онъ былъ до-того задатъ имъ нѣсколько времени, что пренебрегалъ даже музыкой, покрывалъ столы, стулья, стѣны цифрами и геометрическими фигурами. Получивъ въ подарокъ скрипку, соразмѣрную съ его ростомъ, онъ учился на ней одинъ, а однако жъ, когда къ отцу его пришелъ искусный скрипачъ Венгль, чтобы попробовать нѣсколько новыхъ тріо своего сочиненія, молодой Моцартъ тотчасъ просилъ позволенія играть вмѣстѣ.

Нѣтъ, сказалъ отецъ, ты съ нами не сыиграешься, потому что не учился по правиламъ игрѣ на скрипкѣ.

Ребенокъ принялся плакать, говоря, что не нужно быть очень искуснымъ, чтобы играть вторую скрипку.

— Если такъ, возразилъ отецъ, играй же съ господиномъ Шахт-веромъ, да только потихоньку, а то если услышатъ, я тебя вышлю.

Каково же было удивленіе Леопольда Моцарта и присутствующихъ, когда они слышали, что ребенокъ съ точностью выполнилъ не только партію второй скрипки, но еще и партію первой, несравненно труднѣйшую! Съ такою же легкостью Моцартъ научился играть на другихъ инструментахъ и угадалъ почти всѣ таинства гармоніи. Ему едва было шесть лѣтъ, когда побуждаемый настоятельной силой, онъ принялся сочинять концертъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь? спросилъ отецъ, войдя къ нему съ однимъ пріятелемъ въ то время, какъ Моцартъ преусердно писалъ что-то на нотной бумажкѣ.

— Я сочиняю концертъ: первая часть скоро будетъ готова.

* Одиссея, пѣснь XXII, стихъ 33 и слѣдующіе. Платонъ говоритъ точно тоже въ другихъ выраженіяхъ: «Кто стучится въ дверь къ музыкѣ, воображая посредствомъ искусства сдѣлаться поэтомъ, тотъ останется на-всегда дилетантъ отъ той цѣли, куда стремится.»

— Покажи же намъ это чудесное произведеніе! сказалъ отецъ.

— Нѣтъ, оно еще не кончено.

Леопольдъ вырвалъ у него бумагу, и пробѣжалъ разсѣянно это ребяческое маранье. Вдругъ взоръ его сдѣлался неподвиженъ, оживился и наполнился слезами; потомъ, передавая бумагу пріятелю, онъ сказалъ ему съ улыбкою счастья:

— Посмотрите, какъ это хорошо и согласно съ правилами!

Точно также отецъ Паскаля, заставъ сына, запятаго высочайшими вопросами геометріи, которыхъ изученіе онъ строго запретилъ ему, побѣжалъ разсказать пріятелю, со слезами радости, о такомъ удивительномъ чудѣ.

Въ 1762 Леопольдъ Моцартъ, въ сопровожденіи обоихъ дѣтей, началъ свои продолжительныя артистическія странствованія по Европѣ. Эти семейныя путешествія музыкантовъ, отправляющихся искать счастья въ отдаленныхъ странахъ и тогда и теперь свойственны простымъ правамъ Нѣмцевъ. Таская по міру дѣтей, Леопольдъ Моцартъ имѣлъ цѣлью не только улучшить свое скромное положеніе, но въ-особенности усовершенствовать воспитаніе своего любезнаго Волчихода, сведя его съ великими маэстро искусства. Моцарту было едва шесть лѣтъ. Исполненіе его на фортепіано было уже изумительно; преждевременный гевій блисталъ отсюду и какъ-будто ждалъ съ нетерпѣніемъ, чтобы природа позволила ему овладѣть обширнымъ царствомъ музыкальнаго искусства. Всегда одержимый потребностью дать волю своей фантазіи, онъ трудился съ такимъ жаромъ, что часто были принуждены запрещать ему заниматься. Леопольдъ Моцартъ съ дѣтьми сначала поѣхали въ Мюнхенъ, въ январѣ 1762. Въ Зальцбургъ воротились они въ радости, восхищая продолженіемъ трехъ недѣль дворъ баварскаго курфирста, одинъ изъ самыхъ блистательныхъ и музыкальныхъ въ Европѣ. Осенью, того же года, они поѣхали въ Вѣну. Это путешествіе было истиннымъ торжествомъ для молодого Моцарта. Надо было остановиться на четыре дня у епископа лянцкаго, который не могъ разстаться съ такимъ необыкновеннымъ ребенкомъ. Въ монастырѣ францисканцевъ молодой Моцартъ игралъ на органѣ и возбудилъ энтузіазмъ, а у воротъ Вѣны укротилъ строгость таможенныхъ, сыгравъ имъ минуэтъ на скрипкѣ. Едва пріѣхали они въ столицу Австріи, какъ всѣ захотѣли слышать шестилѣтняго виртуоза; приглашенія явились со всѣхъ сторонъ, красивые экипажи сбѣгались у воротъ бѣдныхъ путешественниковъ; благородныя дамы, князья и вельможи оспаривали честь имѣть у себя за столомъ дѣтей Леопольда

Моцарта, который, среди всѣхъ этихъ успѣховъ, сохранилъ и здравый смыслъ свой и глубокое благочестіе. Всѣ трое были приглашены ко двору; императоръ Францъ-Первый встрѣтилъ ихъ въ передней и милостиво ввелъ во внутренніе покои, гдѣ находилась Марія Терезія, окруженная своимъ прелестнымъ и многочисленнымъ семействомъ. Юный Моцартъ, котораго ни что не приводило въ робость, утѣлся съ граціей *bambino santo* на колыбели императрицы, любовавшейся миловидностью его манеръ столько же, какъ и необыкновеннымъ талантомъ. Онъ упалъ на скользкомъ паркете дворцовыхъ покоевъ и эрцъ-герцогиня Марія-Антоанета поспѣшила къ нему на помощь.

— Вы очень добры, сказалъ ей юный Моцартъ: я зато жешусь на васъ!

Принцесса пересказала это матери и Марія-Тереза спросила ребенка, откуда пришло ему желаніе жениться на ея дочери?

— Изъ признательности, отвѣчалъ онъ. Она была такъ добра ко мнѣ, между-тѣмъ какъ сестры ея смотрѣли и не пошевелились.

Поцѣлуй съ очаровательной улыбкой былъ отвѣтомъ юной и прелестной принцессы на комплиментъ Моцарта. Кто знаетъ, можетъ-быть этотъ поцѣлуй, напечатлѣнный обожаемыми устами злуполучной Маріи-Антоанеты на чело Моцарта, положилъ туда зародышъ чуднаго характера донны Анны! Дѣвственная душа гениальнаго ребенка — глубокой источникъ, питающей всѣми первыми впечатлѣніями и откуда родятся эти милыя созданія, которыя паселяютъ міръ фантазій. Данте рассказываетъ въ *Vita nuova*, какъ *разсвѣло* въ его сердцѣ, когда, осьми лѣтъ отъ роду, онъ увидѣлъ въ первый разъ Беатричу Портинари, которая была мечтою и славою его жизни. Гёте также сохранилъ намъ имя неизвѣстной дѣвушки, сдѣлавшейся позже подъ рукою поэта Маргаритой «Фауста.»

Послѣ непродолжительной болѣзни молодого Моцарта, на котораго напала оспа, семейство оставило Вѣну почти въ такомъ же бѣдномъ положеніи какъ и вѣхало туда, но увѣчанное лаврами. Талантъ юнаго Моцарта усовершенствовался и приобрѣлъ болѣе зрѣлости. Путешественники воротились въ Зальцбургъ въ первыхъ числахъ января 1763. Отдыхая въ своемъ мирномъ убѣжищѣ, они вспоминали о приключеніяхъ странствованія. Критиковали или хвалили артистовъ, которыхъ слышали; разбирали и учили любимыя тогда сочиненія; потомъ отправлялись въ дорогу въ новыя страны. Девятаго іюня 1763 Леопольдъ Моцартъ, же-

на его и дѣти предприняли путешествіе во Францію, проѣхали всю Германію, посѣтили Мюнхенъ, Аугсбургъ, Штутгартъ, Мангеймъ и при всѣхъ этихъ блестящихъ дворахъ, обладавшихъ итальянскими пѣвцами, знаменитыми композиторами, оркестрами, богатыми, отличными инструментистами, молодой Моцартъ возбуждалъ всеобщее удивленіе разнообразіемъ талантовъ, плодовитостью воображенія, импровизируя попеременно и съ равной легкостью на фортепіано, на скрипкѣ и на органѣ, котораго педагогами научилъ его управлять отецъ. Они пріѣхали въ Парижъ 18 ноября 1763. Гриммъ, которому они были адресованы, принялъ Моцартовъ подъ свое покровительство, поддерживалъ своимъ вліяніемъ и умомъ у философовъ осьмнадцатаго столѣтія, представилъ мадамъ д'Эпінне, Голубаху, во всѣ гостиныя этого вмѣстѣ и серьезнаго и вѣтрянаго и милаго общества. Гриммъ угадалъ гевій Моцарта, и тогдашнее сужденіе его объ немъ дѣлаетъ большую честь и его вкусу и его музыкальнымъ познаніямъ. Принятое при версальскомъ дворѣ семейство артистовъ было допущено къ чести присутствовать при обѣдѣ короля, гдѣ юный Моцартъ, сидя возлѣ королевы Авны (Лещинской), которая разговаривала съ нимъ по-нѣмецки, безпрестанно цѣловала ей руки съ прелестной фамильярностью. Моцартъ былъ также представленъ мадамъ де-Помпадуръ, и эта горделивая султанша съ жеманствомъ оттолкнула милыя ласки, которыя Моцартъ любилъ расточать.

— Зачѣмъ, вскричалъ гевіальный ребенокъ, котораго гордость равнялась вѣжности: зачѣмъ не хочетъ она поцѣловать меня? Вѣдь императрица Марія-Терезія цѣловала же!

Одиннадцатаго апрѣля 1764 семейство Моцарта уѣхало въ Англію. Гендель умеръ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, Гендель, котораго грандіозный и библейскій гевій былъ не безъ вліянія на воспитаніе автора «Донъ Жуана». Но творенія Генделя еще жили въ памяти цѣлаго народа. Моцартъ былъ принятъ въ Лондонѣ какъ вездѣ. Онъ далъ множество публичныхъ концертовъ, былъ представленъ ко двору, гдѣ съ перваго разу выполнялъ чрезвычайно трудныя пьесы Генделя, Баха и Парадизи. Когда король предложилъ ему импровизировать пѣніемъ по данному басу, онъ погнасъ нашелъ прелестную мелодію, которую спѣлъ мастерски, аккомпанируя самъ себя. При этомъ явномъ доказательствѣ могущества творческой силы и благости Божіей, Леопольдъ Моцартъ восклицаетъ въ письмѣ: «Что зналъ Волчходъ, утѣшая въ Зальцбургѣ? только тѣнь того, что онъ знаетъ нынче! То, что онъ дѣлаетъ теперь, превосходитъ воображеніе!» Пробывъ въ Лон-

донъ годъ и три мѣсяца, Леопольдъ Моцартъ съ семействомъ уѣхали оттуда, сопровождаемые великой славой, о которой свидѣтельство сохранили намъ тогдашніе журналы. Они высадились въ Кале въ концѣ іюля 1765. Прѣздомъ черезъ сѣверную Францію и Бельгію они отправились въ Гагу, гдѣ оба ребенка довольно опасно занемогли. Ничто не можетъ быть трогательнѣе глубокаго благочестія, съ которымъ Леопольдъ Моцартъ просилъ одного пріятеля заказать обѣдни почти всѣмъ святымъ, чтобы Всевышній возвратилъ здоровье милымъ дѣтямъ его. Желаніе его было исполнено. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Амстердамѣ, Моцарты отправились въ Германію черезъ Парижъ, Лионъ, Страсбургъ и Швейцарію. Въ Зальцбургъ прибыли они въ 1766, послѣ трехлѣтняго отсутствія. Это продолжительное путешествіе по самой цвѣтущей части Европы имѣло большое вліяніе на умственное развитіе Моцарта. Его нетерпѣливое воображеніе, подстрекаемое рукоплесканіями толпы, ласками высокихъ особъ и особенно одобреніемъ истинныхъ знатоковъ, вдругъ перескочило огромный промежутокъ, отдѣляющій виртуоза отъ творца въ искусствѣ. Волчиходъ напечаталъ въ Парижѣ двѣ пьесы для фортепiano, съ аккомпаниментомъ скрипки, составляющіе первое званіе его огромнаго творенія. Въ Лондонѣ онъ сочинилъ симфонію для полнаго оркестра, и три другія пьесы для фортепiano; въ Гагѣ шесть новыхъ сонатъ, которыя посвятилъ принцессѣ на-сау-вейльбургской. Возвратясь въ Зальцбургъ, куда предшествовалъ ему шумъ его успѣховъ, онъ провелъ почти весь 1765 годъ въ удивленіи, изучая старательно учителей всѣхъ школъ: Эммануила Баха, Генделя, Газа, Эберлейна, также какъ Скарлатта, Лео, Дуранта, Порпору, приготовляясь такимъ образомъ сдѣлаться верховнымъ пріимителемъ между мрачнымъ геніемъ сѣверныхъ народовъ и пылкой страстью южныхъ; между глубокой и многосложной гармоніей Германцевъ и широкой и свѣтлой мелодіей Итальянцевъ. «Донъ-Жуанъ» будетъ бессмертнымъ залогомъ этого союза.

Въ сентябрѣ 1767 Леопольдъ Моцартъ воротился съ дѣтми въ Вѣну. Второе путешествіе въ столицу Австрій, которая была тогда цѣнтримъ музыкальнаго движенія, гдѣ нѣмецкая и итальянская школы оснаривали владычество надъ ушами, было не такъ счастливо для Моцарта какъ первое. Его уже европейская репутация и необыкновенное развитіе таланта возбудили зависть соперниковъ, которые окружили его множествомъ тайныхъ козней. Онъ игралъ на фортепiano передъ императоромъ Іосифомъ-Вторымъ, возбудилъ восторгъ его, а между-тѣмъ не могъ добиться,

чтобы представили небольшую оперу «*Finta sepulchra*», назначенную по просьбѣ этого государя и заслужившую одобреніе Гляза и Метастазія. Избавившись отъ новой и тяжелой болѣзни, которая лишила его зрѣнія на девять дней, Моцартъ послѣ небольшой поѣздки въ Ольмюць, долженъ былъ оставить Вѣну съ единственнымъ утѣшеніемъ, что услышалъ страхъ многочисленныхъ врагамъ своимъ и съ дружбою знаменитаго Месмера, для котораго сочинилъ небольшую комическую оперу на вѣнецкомъ языкѣ «*Bastiana e Bastiano*», представленную въ собственномъ домѣ чудодѣя. Возвратясь въ Зальцбургъ въ послѣднихъ числахъ 1768, Моцартъ провелъ тамъ слѣдующій годъ, основываясь съ итальянскимъ языкомъ, а въ декабрѣ 1769, въ сопровожденіи отца, ехнулъ въ свѣтлыя долины Италіи, куда привлекалъ его мелодическій инстинктъ его генія и несповѣдимые пути Провидѣнія. Нѣсколько лѣтъ позже, авторъ «*Фауста*» долженъ былъ также посѣтить эту страну, любимицу солдата, и дочерью тамъ сеголѣнія о счастливой землѣ, которыми онъ наводилъ: сердце Миньоны.

Едва Моцартъ пріѣхалъ въ Миланъ, какъ восторженный народъ пріялъ его съ восхищеніемъ, принявъ за *giovinetto ammirabile*. Онъ объѣхалъ полуостровъ, кауимъ академикомъ и старыхъ париковъ познаніемъ и исполненіемъ. Въ Болоньи онъ импровизировалъ «угу черель радле Марини» и Фаринелли; въ Римѣ запомнилъ наизусть «*Miserere*» Аллегри, пьесу сложную, которую написалъ и издалъ въ свѣтъ въ первый разъ. Въ Неаполѣ, играя сонату въ консерваторіи della Pietà, черель Домелли и безчисленной толпой, онъ былъ принужденъ снять перстень съ правой руки, чтобы успокоить народъ, который думалъ, что такое чудное исполненіе было дѣйствіемъ колдовства. Уже по возвращеніи изъ Неаполя, Моцартъ представилъ въ Миланѣ, въ декабрѣ 1770, свою первую оперу, «*Mitridate re di Ponte*», которая имѣла восторженный успѣхъ. Автору было тогда четырнадцать лѣтъ. Послѣ этого торжества вѣдущіе артисты отправились на родину. Въ Италію онъ воротился на слѣдующій годъ, гдѣ Моцартъ представилъ, вѣс въ Миланѣ, нѣчто въ родѣ большой драматической сцены, «*Ascanio in Alba*», успѣхъ которой вырвалъ у стараго композитора Газа эти пророческія слова: *Questo rebenokъ затмитъ соеъкъ нашъ*. Отправившись въ Зальцбургъ, чтобы сочинить драматическую оперетку «*il Sogno di Scipione*», по случаю коронаціи новаго архіепископа, Моцартъ возвратился въ Миланъ въ октябрѣ 1772, гдѣ

представилъ опера *seria* «*Lucia Miller*», которая была принята съ такою же благосклонностію, какъ и предыдущія. Оставивъ въ послѣдній разъ Италію, Леопольдъ Моцартъ съ сыномъ провель вѣривалъ 1773 въ Венеціи, гдѣ ихъ приняли и угощали самые знатные вельможи. Въ этомъ городѣ безумствъ и очарованій находилъ тогда молодой человѣкъ, двадцати-двухъ-лѣтъ, красивый, остроумный, неустрашимый любилецъ самыхъ *garbale gentildonne* и самыхъ живыхъ *cittadine*. Этотъ молодой человѣкъ, который можетъ быть столкнулся съ Моцартомъ на площади Святаго Марка или ужиналъ съ нимъ въ какомъ-нибудь пышномъ *salo*, былъ Лоренцо да Понте, литературный другъ Карла Гоцци, будущаго автора либретто «*Донъ Жуанъ*».

Воротившись въ Германію, Моцартъ сдѣлалъ еще небольшую поѣздку въ Мюнхенъ, гдѣ сочинилъ опера *buffa* «*la Finta Sgarbiata*», которая была представлена съ блистательнымъ успѣхомъ въ январѣ 1775. Онъ воротился въ Зальцбургъ весною того же года, съ репутаціей, равнявшейся уже славѣ лучшихъ композиторовъ. Онъ провель три слѣдующіе года въ Зальцбургѣ, занимаясь только укрѣпленіемъ своего генія глубокими и разнообразными изученіями и експериментами въ своемъ сердцѣ нелюбыхъ и прелестныхъ мелодій, волновавшихъ его. Мы проходимъ въ молчаніи, тысячу неприятностей, которыми онъ подвергнется со стороны новаго зальцбургскаго архіепископа, человѣка грубаго, скупаго, который не довольствуясь тѣмъ, что не отдавалъ должной справедливости чуждому артисту, но еще находилъ удовольствіе унижать его, помѣщеніемъ его въ ряды своей челады; въ Моцартѣ чувство собственнаго достоинства всегда было нарушимо; онъ не нуждался въ посвященіи славою, чтобы заставить себя уважать на свѣтѣ, и отказался отъ высокой должности, занимаемой имъ въ капеллѣ архіепископа. Онъ утѣшался въ жизненныхъ неудачахъ, посылывая себя во всякъ родѣхъ, сочиняя обѣды, симфоніи, сонаты, кантаты, между которыми мы упомянемъ только о «*Il Re pastore*», гдѣ можно уже распознать всю грандіозную очаровательную стили. Послѣ трехъ лѣтъ глубокихъ занятій, Моцартъ, достигнувъ до двадцати одного году, въ цвѣтѣ юности и въ полнѣтѣ надеждъ, предпринялъ второе, большое путешествіе во Францію. Сопровождаемый на этотъ разъ только матерью, онъ оставилъ Зальцбургъ двадцать-третьяго сентября 1777, прѣѣхалъ въ Мюнхенъ и остановился на вѣсело-квартирѣ въ Мангеймѣ, въ прелестномъ и музыкальномъ городѣ,

гдѣ его сердце получило первыя прищипки чувства, составнаго силу его генія и прѣехалъ въ Парижъ въ мартѣ 1778.

Война между глюкистами и пиччинистами была тогда въ самомъ разгарѣ, поддерживаемая писателями, которые не понимали ея важности. Дѣло шло о томъ, чтобы дознаться, будетъ инструментальная музыка или нѣтъ главнымъ предметомъ лирической драмы. Легко понять, что у народа болѣе разсуждающаго чѣмъ чувствующаго, болѣе способнаго къ преніямъ чѣмъ къ энтузіазму, вопросъ этотъ могъ произвестъ разногласіе. Исключая Гримма и Женглё, всѣ дрались, какъ Аяксъ, въ потьмахъ. Какъ удивились бы в Глюкъ и Пиччини, если бы имъ сказали тогда, что въ Парижъ прѣехалъ молодой человекъ двадцати-одного году, который когда-то разрубитъ гордіевъ узелъ и примиритъ два исключительныя начала въ нетлѣнномъ твореніи. Къ счастью для будущности музыкальнаго искусства, Моцартъ встрѣтилъ въ Парижѣ эти непріятности и препятствія, которые Французы всегда противопоставляютъ новой славѣ. Чтѣ бы случилось съ тонкимъ воображеніемъ этого высокаго музыканта, еслибы онъ поселился во Франціи, какъ намѣревался сначала и какъ чуть-было не сдѣлалъ тоже пѣвецъ Маргариты? Шумная и шаловливая веселость Французовъ, исключительный вкусъ къ драматическимъ эффектамъ и къ изображенію страсти, ограниченной кругомъ дѣйствительности, встревожили бы глубокую чувствительность, религиозную душу, нѣжную меланхолію и геній, въ высшей степени лирической, автора «Донъ Жуана». Народъ, который такъ хорошо понималъ патетическую декламацию Глюка, не имѣлъ качествъ, необходимыхъ для того, чтобы поощреть развитіе идеальнаго музыканта.

Приведенный въ увнѣніе встрѣчаемыми вездѣ препятствіями, съ сердцемъ раздраемымъ потерей матери, которая умерла на его рукахъ въ Парижѣ 3 іюля 1778, Моцартъ рѣшился воротиться въ Германію, куда призывало его не столько желаніе найти театръ, достойный своего таланта, сколько притягательная сила къ ничому предмету. Онъ оставилъ Парижъ двадцать шестого сентября 1778, отказавшись отъ мѣста органиста въ версальской капеллѣ, съ убѣжденіемъ, что Французы не способны ни чувствовать ни понимать музыки. Руссо и Берлиозъ говорили то же. Во время этого путешествія, переписка между отцомъ и сыномъ была очень дѣятельна. Изъ глуши своего уединенія, Леопольдъ Моцартъ слѣдовалъ глазами сердца за возлюбленнымъ сыномъ, предостерегая его мудрыми совѣтами про-

тивъ людскихъ козней. Въ письмахъ сына, всегда исполненныхъ уваженія и нѣжности, вырывается нѣсколько чертъ, показывающихъ благородную гордость характера и сознаніе своего гениа. *Ахъ, говоритъ онъ, въ письмѣ изъ Парижа, еслибы здѣсь были люди съ ушами, чтобы слушать, и съ сердцемъ, чтобы чувствовать, это усладило бы мнѣ душу во всѣхъ моихъ горестяхъ.* Въ другомъ письмѣ, адресованномъ изъ Мангейма отцу, онъ пишетъ: *Я композиторъ и сынъ капельмейстера и никогда не соглашусь утопить въ преподаваніи уроковъ талантъ композиціи, которымъ Богъ такъ щедро надѣлилъ меня.*

Пріѣхавъ въ Мюнхенъ въ концѣ декабря 1779, Моцартъ прежде всего посѣтилъ представиться той, чей образъ увезъ онъ въ сердцѣ. Алоиза Веберъ была молоденькая и хорошенькая пѣвица съ большимъ дарованіемъ, которую Моцартъ имѣлъ случай видѣть и слышать, проѣздомъ въ Мангеймъ. Послѣдовавъ за дворомъ Карла Теодора, вступившаго на престолъ баварскій, Алоиза Веберъ поселилась въ Мюнхенѣ со всѣмъ семействомъ. Кажется, что Моцартъ, очарованный прелестями и талантомъ рѣзвой Алоизы, сдѣлалъ въ Мангеймѣ предложеніе, которое было принято и Алоизой и ея семействомъ. За подтвержденіемъ-то этого согласія и пріѣхалъ Моцартъ, но когда кокетливая и осыпаемая лестью богачей, артистка увидѣла послѣ годовой разлуки *молодаго чело-вѣка, худого, съ длиннымъ носомъ, съ огромными глазами, съ крошечной головкой, въ красномъ кафтанѣ съ черными пуговицами, въ знакѣ траура по матери,* она осмотрѣла его съ головы до ногъ такъ холодно и жестоко, что Моцартъ не дождался этого въ другой разъ. Онъ пританлъ въ сердцѣ пламя, мучившее его цѣлый годъ, и не перенесъ свою привязанность на Констанцію Веберъ, самую меньшую изъ сестеръ Алоизы.

Моцартъ воротился въ Зальцбургъ въ объятія отца, въ концѣ 1779. Репутація его, сдѣлавшись европейскою, нѣсколько смягчила князя архіепископа, отъ котораго завнѣла участь его семейства. Прелать не сталъ лучше обращаться съ высокимъ артистомъ, котораго достоинства не понималъ, но согласился пзъ тщеславія предложить ему мѣсто органиста въ капеллѣ съ пятьюстами гульденами жалованья, то есть, не много менѣе того, что въ наше время получаетъ послѣдній учитель пѣнія, но у Моцарта было честолюбіе другаго рода, онъ хотѣлъ производить славныя сочиненія, а не получать славное жалованіе, прінялъ предложенное ему мѣсто, и выполнялъ ревностно свою скромную должность, когда получилъ отъ баварскаго курфюрста предложе-

не написать «о ега сегіа» для итальянскаго придворнаго театра въ Мюнхенѣ. Въ жизни Моцарта случай представить важное драматическое твореніе въ большомъ германскомъ городѣ, составлялъ уже эпоху. До тѣхъ-поръ гений его, жаждущій славы, разсѣивалъ свои силы на множество сюжетовъ: на концерты, сонаты, симфоніи, обѣды, кантаты, оперы, испытывая себя во всѣхъ стилахъ, усовершенствовалъ все отрасли искусства, прежде чѣмъ заговорилъ языкомъ своего сердца. Наступила минута очроковнуть толчкомъ мастера, опеку варикометныхъ правилъ, Моцартъ это понималъ очень хорошо. Онъ уѣхалъ въ Мюнхенъ въ первыхъ числахъ декабря, 1780. Условившись съ своимъ протомъ аббатомъ Вареско, и познакомившись съ своимъ будущимъ патрономъ, онъ принялся за работу, и 29-го января 1781, «Idomeneo, re di Creta», опера серія въ трехъ актахъ, была представлена съ огромнымъ успѣхомъ. Съ этой преместной партитуры начинается настоящее проявленіе Моцарта. Все было ново отъ увертюры до финала; все показывало гения-побѣдителя, разоблачающагося изъ стихій разнородныхъ и черемшанныхъ, которыми онъ дотолъ питался. Автору «Идоменео» было тогда двадцать-четыре года, счастливая минута, когда сокъ бродитъ и обращается свободно, гдѣ все улыбается очарованному взору юности, которая видитъ будущность сквозь золотыя облака фантазіи; его сердце, взволнованное новизнѣ и таинственнымъ чувствомъ, разлило въ этомъ твореніи, всегда оставшемся для него драгоценнымъ, эту провидящую томность и эту ясную меланхоличю, которую можно найти только у Виргилія, Рафаэля и Моцарта. И потому, когда слушаешь музыку «Idomeneo», кажется, будто слышишь одну изъ тѣхъ баснословныхъ сказокъ, что Платонъ такъ любитъ иногда вставлять въ свои разговоры, очаровательные рассказы, которые убаюкиваютъ воображеніе, наполняютъ его блаженствомъ и переносятъ въ одинъ изъ чудныхъ острововъ, созданныхъ фантазіей Греціи, счастливые обитатели любви и вѣчной весны. Напримѣръ этотъ хоръ:

Placido è il mar andiamo...

Но правда ли, что это гимнъ юности, при началѣ жизни, ищущейся по морямъ искать идеала, заключеннаго у нея въ груди? Идея формы аккомпанимента и гармоническія сочетанія, которыми удивляются въ «Донъ-Жуанѣ», уже высказаны въ оперѣ «Idomeneo».

Вообразите теперь старика, болѣе чѣмъ шестидесяти-лѣтняго, который изъ глубинъ темной доли плачетъ горько, слу-

широкую «Идоменею», и восторги энтузиазма, возбуждаемые ею во всей массе зрѣющих старинъ — Алоизию Моцартъ, вероятно прѣдвѣдѣвшій изъ Зальцбурга, чтобы присутствовать при первомъ представленіи перваго драматическаго образцоваго произведенія своего возлюбленнаго сына, своего ученика, этого высшаго существа, которое Богъ ему вѣрилъ и котораго торжество онъ видѣлъ наконецъ. Огромный успѣхъ автора «Идоменею» польстилъ тщеславію зальцбургскаго архіепископа, который во время путешествія своего въ Вѣну, въ мартѣ 1781, хотѣлъ увезти съ собою юнаго композитора, о которомъ толковала часть Германіи. Поселившись въ столицѣ Австріи, Моцартъ сначала переносилъ терпѣливо прѣдвѣщенія прелата. Онъ боялся, что жалуюсь громко, повредитъ отцу и лишитъ его мѣста въ зальцбургской канцелярѣ; но въ тотъ день, какъ архіепископъ хотѣлъ принудить Моцарта обѣдать въ людской съ низшей прислугой, великій артистъ оставилъ навсегда службу прелата.

Наонецъ свободный въ свояхъ дѣйствіяхъ, завися только отъ таланта и совѣсти, Моцартъ вошелъ въ бурный и плодотворный періодъ, обширную и грустную карьеру, гдѣ нищета, трудъ, зависть многочисленныхъ соперниковъ, томленія творчества и любви, возвысили его гению до высоты недосягаемой. По просьбѣ императора Іосифа-Второго онъ сочинилъ «Похищеніе въ сералѣ», прелестное произведеніе, которое можно считать первой оперой на вѣнецкомъ языкѣ, заслуживающее быть упомянутымъ въ исторіи. Представленное 12-го іюля 1782, «Похищеніе изъ сералы» имѣло народный успѣхъ, распространившись по всей Германіи, и доставившій Моцарту драгоценныя похвалы Глюка. Императоръ Іосифъ, которому очень нравились и талантъ и особа Моцарта, сказалъ ему однажды по случаю этой оперы, которую изъ зависти критиковали итальянскіе композиторы, находившіеся при его дворѣ: *Очень хорошо, любезный Моцартъ, но слишкомъ много нотъ. — Именно сколько нужно, государь, отвѣчалъ гордо артистъ.*

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого новаго торжества, 4-го августа 1782, Моцартъ женился на Констанціи Веберъ, сестрѣ той Алоизы Веберъ, къ которой сердце его почувствовало нервы волненія любви. Онъ былъ принужденъ увезти невѣсту изъ родительскаго дому и жениться на ней тайно въ домѣ баронессы Вальштеттенъ. Авторъ «Донъ-Жуана» могъ ли жениться иначе? Въ концѣ іюля 1783 Моцартъ повезъ жену въ Зальцбургъ. Въ ту минуту, какъ онъ садился въ карету, его остановилъ занюда

векъ, повелительно требовавшій 30 гульденовъ долгу. Вернулся въ Вѣну, послѣ нѣсколькихъ недѣль отсутствія, но потерянный для музыкальнаго искусства, потому что онъ написалъ «*Davidе penitente*», ораторію, заключающую красоты первоклассныя, Моцартъ былъ принужденъ, чтобы жить и жить бѣдно, тратить огромную дѣятельность, пожиравшую его, на то, чтобы давать концерты, сочинять музыку разныхъ родовъ, даже контрдансы и вальсы для публичныхъ баловъ. Въ эти то три года онъ написалъ самыя чудныя свои произведенія для инструментальной музыки, между прочимъ шесть квартетовъ, посвященныхъ Йосефу Гайдну съ посланіемъ, исполненнымъ удивленія и сыновняго уваженія къ отцу симфоніи. Въ 1786 Моцартъ снова воротился къ театру съ итальянской оперой «*le Nozze di Figaro*», которая сдѣлала эпоху и въ его жизни и въ исторіи драматической музыки. Въ самомъ дѣлѣ, ничто изъ того, что существовало тогда, не могло сравниться съ этой колоссальной партитурой, по величію и развитію цѣлаго, по прелести и новизнѣ мелодій, по богатству и разнообразію аккомпаниментовъ. Не смотря на ужаснѣйшія козни итальянскихъ композиторовъ и виртуозовъ, которыхъ сопротивленіе надо было одолѣть нарочнымъ повелѣніемъ императора, «*le Nozze di Figaro*» была представлена на итальянскомъ придворномъ театрѣ въ маѣ 1786, съ огромнымъ успѣхомъ. Заставили повторить шесть мѣсяцевъ, а прелестный дуэтъ «*Sull'aria*» три раза. Съ тѣхъ-поръ дѣятельность и плодovitость Моцарта увеличились съ истинно-невѣроятной силой; словно таинственный демонъ волновалъ его, и побуждалъ громоздить образцовыя произведенія, крича: впередъ, впередъ, твой часъ приближается! Въ 1787 онъ написалъ «*Донъ-Жуана*» для Праги. Послѣ поездки въ Берлинъ въ 1789, гдѣ король прусскій тщетно старался удержать его при своемъ дворѣ, онъ возвратился въ Вѣну, гдѣ и написалъ «*Così fan tutte*» въ 1790. Въ слѣдующемъ году, онъ сочинилъ одно за другимъ «*Zauber Flöte*», «*Clemenza di Tito*», «*Реквиемъ*», и потомъ скончался ночью 5-го декабря 1791, тридцати-пяти лѣтъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ роду, взумивъ и очаровавъ свѣтъ величїемъ и плодovitостью несравненнаго гевія. Чтобы загладить такую потерю, черезъ полгода послѣ смерти Моцарта, 29-го февраля 1792, Богъ даровалъ жизнь, автору «*Се-вильскаго Цирюльника*», «*Отелло*» и «*Вильгельма Теля*», истинному наслѣднику творца «*Донъ-Жуана*».

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ СЕЛЬДЕЙ,

ИЗДАННАЯ ГОСПОДИНОМЪ ВАЛАНСИЕННОМЪ.

Нужно только хорошо узнать сельдь, чтобы исполниться удивленія къ ней, къ ея правамъ, ея мудрости, ея великому предназначенію въ природѣ. А никто, кажется, не въ состояніи познакомить насъ короче и лучше съ этою интересною рыбкою, какъ господи́нь Valausicennes, членъ парижской академіи наукъ, который предпринималъ дальнія и опасныя путешествія въ отечество сельдей, чтобы понять ихъ, чтобы изучить ихъ на мѣстѣ, чтобы прояснить важные вопросы объ нихъ, донынѣ оставшіеся тѣньными или спорными, и который издалъ недавно «Histoire naturelle du hareng».

Прочитайте, читатели, эту назидательную исторію дѣяній и добродѣтелей сельды: вы будете кушать ее гораздо съ большимъ интересомъ.

Древніе, которые все знали, не знали настоящей сельди; имъ известны были только нѣкоторыя породы огромнаго рыбьяго семейства, къ которому вмѣстѣ съ сельдемъ принадлежать, между прочимъ, сардины, анчоусы и желѣзница или бѣшеная рыба. Семейство это состоитъ нынче изъ четырнадцати породъ и ста тридцати видовъ, которые большею частью впервые опредѣлены и описаны въ занимательной книгѣ господни́ни Валаусіенна. Оно получило въ наукѣ названіе Clupeoidea, *сельдевидныхъ*.

Древніе знали, солили и любили сардины. Объ нихъ и о желѣзницѣ Аристотель, Плавій, Аэппей и Страбонъ оставилъ намъ много подробностей.

Со всѣмъ тѣмъ здравыя понятія этой эпохи часто смѣшивались съ нелѣпыми заблужденіями. Калвсоевъ, напримѣръ, говоря о желѣзницѣ, подъ именемъ «clupea», рассказываетъ, будто въ головѣ ея находятъ камень, похожій на кусочекъ соли, который наѣрное вылечиваетъ трехъ-дневную лихорадку, будучи положенъ, при ущербѣ луны, на лѣвую половину тѣла. Онъ же утверждаетъ будто clupea бываетъ бѣлаго цвѣта при полнолуніи, и

становится черною при ущербѣ мѣсяца, и будто достигнувъ полнаго своего развитія, эта рыба сама себя уничтожаетъ, разрывая свое тѣло своими же костями. Последняя сказка очень легко объясняется: желѣзница входитъ въ рѣки метать икру; отъ постоянного развитія яицъ тѣло ея съ каждымъ днемъ становится толще; но послѣ метанія икры, она впадаетъ въ такое разслабленіе, что уносится теченіемъ внизъ, лежащею на боку, какъ мертвая. Рыбаки, ловящіе ея въ этомъ состояніи худобы и слабости, видятъ безчисленные косточки, которыя наполнены все мясомъ этой рыбы. Отсюда — заблужденіе, о которомъ мы упоминали, и которое, подобно многимъ другимъ баснямъ древности, — не что иное какъ неправильное изображеніе дурно наблюденнаго факта.

Полезность — одна изъ главнѣйшихъ характеристическихъ качествъ этого семейства рыбъ. Мясо «ядовитой сардинны», обитающей индѣйскихъ морей, должно сказать, — опасный ядъ: у съѣвшихъ его дѣлается сильная рвота, иногда оканчивающаяся смертью; за исключеніемъ этого вида всѣ прочія малорослыя сельди, доставляютъ человѣку здоровую, питательную, вкусную пищу.

«Желѣзница» *alausa vulgaris* — очень красивая рыба, достигаетъ иногда трехъ футовъ длины, и вѣситъ болѣе четырехъ фунтовъ. Живя постоянно въ морской водѣ, она однакожъ мечетъ икру въ прѣсныхъ водахъ, подобно лососю. Она распространилась по всѣмъ морямъ, и весною появляется въ устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ Средиземное море, и Океанъ; она идетъ вверхъ по Волгѣ, Нилу, Тибру, Гароннѣ, Лоарѣ и Рейну. Рыба эта, въ настоящее время являющаяся на отличнѣйшихъ столахъ гастрономической Европы, прежде не считалась вкуснымъ кушаньемъ. Въ первые вѣка нашей эры она составляла блюдо послѣднихъ классовъ общества. Даже теперь, наши русскіе рыбаки любятъ этотъ предрасудокъ и считаютъ мясо желѣзницы ядовитымъ. Арабы, напротивъ, высоко цѣнятъ эту рыбу; они сушатъ ее и ѣдятъ съ фингами. Слухъ у желѣзницъ очень тонокъ; онѣ боятся грома, и, какъ увѣряютъ, очень любятъ музыку. Ронде, замѣчательный натуралистъ шестнадцатаго столѣтія, увѣряетъ, будто видѣлъ самъ, что желѣзницы приплывали толпами слушать звуки лютовъ: рыбаки Средиземнаго моря, отправляясь на ловлю этой рыбы, берутъ съ собою музыкантовъ. Всего вѣроятнѣе, что это средство, вмѣсто того чтобъ привлечь желѣзницъ, удаляетъ ихъ отъ сѣтей.

Въ природѣ значительность роли всегда выходитъ въ обрат-

концъ отношеній съ величюмъ существъ, которыя ее истребятъ. Въ исторіи сельдей мы находимъ подтвержденіе этого общаго правила. Желѣзница, не смотря на свой большой ростъ, далеко не приноситъ человѣку такой пользы, какъ одного съ нею сѣмьдесятъ маленькая рыбка «сардина» *salsus pilchardus*. Эта небольшая рыбка, подъ различными наименованіями, приобрѣла заслуженную извѣстность. Распространенная въ Средиземномъ морѣ и Океанѣ, до береговъ Шотландіи, она въ началѣ осени оставляетъ глубины, въ которыхъ постоянно обитаетъ, и приближается къ берегамъ Франціи метать икру. Густыя стаи ея представляютъ для рыбаковъ вѣрную и легкую добычу. Даже обитатели прибрежныхъ деревень оставляютъ на время свои полевые работы и отправляются въ море собирать эту ежегодную манну. Въ числѣ шести или осьми человѣкъ въ лодкѣ, управляемой двумя опытными моракми, они плывутъ за двѣ или за три миль въ море бросать свои сѣти, и возвращаются три раза на берегъ выгрузить свою добычу.

Средиземное море — настоящее отечество «анчоуса», *engaulis vulgaris*. Бесчисленные стаи этой рыбы являются у береговъ во время года, въ которое она мечетъ икру. Анчоусъ рѣже поимается въ Океанѣ, однакоже были примѣры, что ихъ ловили въ Балтійскомъ морѣ. Для жителей Средиземнаго моря анчоусъ всегда составлялъ тоже, что сардина для обитателей береговъ Океана. Провансскіе анчоусы высоко цѣнятся гастрономами. Огромныя количества этой рыбы очищенной и приготовленной, ежегодно доставляются на боксерскую ярмарку и оттуда развозятся по всему свѣту.

Родъ сельдей, собственно (*clupea*), заключаетъ въ себѣ нѣсколько породъ чрезвычайно полезныхъ. Сельдь Чернаго моря (*clupea pontica*) котораго мнѣриады вѣтры выбрасываютъ иногда на берега Крыма, ошдлаеть только усовершенствованіа въ способѣ приготовления, чтобъ занять важное значеніе въ нашей торговлѣ. Сельдь Палласова, *clupea Pallasii*, для Камчатела—неисчерпаемый запасъ пищи. Нью Йоркская сельдка, *clupea elongata*, и нѣкоторыя другія породы, свойственныя сѣверной Америкѣ, составляютъ для народовъ этого края тоже, что для насъ наша сельдка (*clupea harengus*), съ которою впрочемъ въ отношеніи полезности не можетъ сравниться никакая изъ прочихъ рыбъ этого рода. Цѣлыя народонаселенія поднимаются каждый годъ для преслѣдованія этого скромнаго обитателя нашихъ морей. Начиная отъ самыхъ отдаленныхъ фюрдоуъ Норвегіи до самой ничтож-

вой бухточки въ Нормандіи, отсюда вышываютъ неизчислительныя флотиліи легкихъ судовъ, управляемыхъ норвежскими, шведскими, русскими, французскими, датскими, нѣмецкими, голландскими, шотландскими, англійскими, прусскими рыбаками, стремящимися принять участіе въ вѣрной добычѣ, между-тѣмъ, какъ цѣлыя флоты съ тою же цѣлью отправляются даже до Шотландскихъ острововъ и до береговъ Исландіи.

Суда по чрезвычайной важности селедки въ торговомъ отношеніи, должно бы думать, что рыба эта давно уже совершенно извѣстна, однакожь это не совсѣмъ такъ. Селедку весьма долго смѣшивали съ однородными съ ней обитателями морей. Ея анатомія едва только набросана. Господинъ Валансиеннъ, обладающій запасомъ наблюденій, собранныхъ имъ въ различныхъ музеяхъ Европы, на судахъ, занимающихся ловлею сельдей и матеріалами, собранными Ламоривьеромъ, написалъ полную исторію этой знаменитой рыбы, и помѣстилъ въ ней множество чрезвычайно любопытныхъ замѣчаній о состояніи рыболовства у различныхъ европейскихъ народовъ до конца послѣдняго столѣтія.

Сельдь, которую, вѣроятно, очень не многіе изъ нашихъ читателей видѣли живою — рыба очень красиваго желтовато-зеленаго цвѣта съ серебристымъ отливомъ на спинѣ, великолѣннаго серебристаго бѣлаго — на бокахъ и на брюхѣ. Головка у ней маленькая, глаза большіе, ротъ довольно широкій, жаберная покрывка гладкая, спинна широкая и округленная, брюхо, какъ-будто зубчатое. Эти признаки постоянны у всѣхъ видоизмѣненій, но длина тѣла ея различна. Сельди южныхъ морей никогда не бываютъ длиннѣе шести вершковъ, между-тѣмъ какъ въ сѣверныхъ моряхъ попадаются сельди до девяти съ половиною вершковъ длины. Пропорціональныя отношенія между отдѣльными костями тѣла также измѣняются, хотя въ предѣлахъ довольно ограниченныхъ и, что всего примѣчательнѣе, всѣ эти разности въ длинѣ тѣла и въ величинѣ его частей замѣчаются постоянно у сельдей извѣстнаго мѣста. Это заставило рыбаковъ и нѣкоторыхъ натуралистовъ полагать, будто въ океанѣ водятся два рода сельдей. Между-тѣмъ нѣблизко это неосновательно. Внимательное наблюденіе доказываетъ, что эти два рода не что иное, какъ простыя видоизмѣненія, обстоятельство, имѣющее важное значеніе въ глазахъ зоолога философа. Долго думалъ, будто только между домашними животными возможно создавать отличныя породы; на всѣхъ прочіихъ дикихъ представителей однихъ и тѣхже породъ смотрѣли какъ на существа образовавшихся почти по одной и

той же «оригинъ». Это нѣтъ ничего иного пале передъ признаннымъ могуществомъ вліянія мѣстностей и стихій. При различіи условій существованія первоначальный типъ необходимо долженъ измѣняться до известной степени, и обнаружиться болѣе или менѣе измѣненнымъ. Факты доказываютъ это совершенно: теперь нельзя уже отрицать, чтобы не существовали *естественныя отличія*, то-есть, постоянныя видовыизмѣненія, которыя передаютъ изъ рода въ родъ свои характеристическія особенности, отличающія ихъ отъ первоначальнаго типа, и въ этомъ должно было соединить подъ однимъ специфическимъ названіемъ различныя виды, доселѣ считавшіеся рѣзко отдѣленными другъ отъ друга.

Обыкновенная сельдь принадлежитъ исключительно сѣверному Океану. Она рѣдко ловится на югѣ Англій. Въ Средиземномъ морѣ нѣтъ ни одной рыбы, которую бы можно было отнести къ этому виду. Она нѣтъ всѣ привычки морской рыбы, и рѣдко входитъ въ воды большихъ рѣкъ. Въ 1695 году, однакожъ, стаи сельдей вошли въ Темзу и увлеченная, можетъ-быть, приливомъ дошла до Лондона, въ такомъ огромномъ числѣ, что тысячи ея были пойманы просто ведрами. Но это исключеніе, и тѣ, которые полагали будто сельдь можетъ быть приучена къ прѣсной водѣ, были обмануты отдаленнымъ сходствомъ съ селедкой, какой-нибудь другой рыбы, или ошибочнымъ названіемъ. Сельдь прѣсныхъ водъ Шотландцевъ *fresh water herring* — не что иное, какъ лосось изъ породы *coregonus*, сигъ, обитающій въ Лохъ-Ломонскомъ озерѣ. По этому попытка развести сельдей въ прѣсныхъ водахъ европейскихъ рыбъ — вещь не исполнимая.

Самая уже важность этой рыбы объясняетъ намъ, почему возмущеніе естествоиспытателей и рыбаковъ такъ часто разыгрывалось на ея счетъ, и къ истиннымъ фактамъ примѣшало столько сказокъ и заблужденій. Увѣряли, будто сельдь умираетъ тотчасъ внѣ воды, что вынутая изъ сѣти и тотчасъ же брошенная обратно въ воду, она не возвращается къ жизни. *As dead as a herring*, мертвъ какъ селедка, говорятъ Англичане; и эта пословица повидимому утверждена наукою съ-тѣхъ-поръ какъ умы стали отыскивать причину этой быстрой смерти въ величій жаберныхъ отверстій сельди. Все это чрезвычайно преувеличено. Внѣ воды селедка умираетъ не скорѣе другихъ рыбъ; и если рыбаки замѣчали это явленіе, то вѣроятно потому, что рыба была удушена петлями сѣти, и уже полумертвая, когда ее вытаскивали изъ воды. Нейкраиць Сагаръ, господинъ Валаціонъ и всѣ, которые наблюдали эту рыбу въ натурѣ, видѣли, что сель-

ды, вытисненнаго испорченнаго изъ родной ихъ стѣи, впродолженіи нѣсколькихъ часовъ прыгали на двѣ лодки или поршины. Сельдь даже живучѣе желѣзницы.

Другое заблужденіе существующее между рыбаками и рудлаемъ нѣкоторыми естественными испытателями, это мнѣніе, будто бы сельди питаются чистою водою, или особеннаго рода стравомъ, жидкою слизью, находящею у нихъ въ кишкахъ. Чрезвычайная быстрота, съ которою совершается пищевареніе у рыбъ вообще, объясняютъ намъ причину ошибки, въ которую впали невѣжественные или поверхностные наблюдатели, не умѣвшіе различить измѣненной пищи отъ чистой воды. Разсматривая внимательно вещество, находящія въ кишкахъ сельдки, можно отличить въ каменобразномъ веществѣ, наполняющемъ эти органы, личія другихъ рыбъ и даже икру самой сельди, кусочки тѣлъ маленькихъ рыбокъ, и скорлупки разнообразныхъ животныхъ. Одинъ видъ послѣднихъ былъ даже описанъ знаменитымъ датскимъ натуралистомъ Фабриціусомъ, подъ именемъ сельдянаго рака; этотъ чрезвычайно мелкій ракъ, водится въ датскихъ моряхъ въ такомъ огромномъ числѣ, что почерпнувъ воду на нѣкоторой глубинѣ, можно быть увѣрену, что вытаскишь нѣсколько тысячъ этихъ животныхъ. Штрёмъ увѣряетъ, что эти раки составляютъ любимую пищу сельдей, которые слѣдятъ за ними всюду, куда улеткаютъ ихъ вѣтры или приливы. Эта пища, какъ кажется, имѣетъ вредное вліяніе на рыбъ, которыя исключительно ими кормятся. Увѣряютъ, будто сельди, словленные въ это время года, портятся чрезвычайно скоро, и будто ихъ мясо, приобретающее вредныя качества, порождаетъ многія болѣзни.

Случается иногда, что сельди, появившіяся постоянно стеченіемъ нѣсколькихъ лѣтъ у береговъ, вдругъ исчезаютъ, и своимъ отсутствіемъ ввергаютъ въ нищету народонаселенія, которыхъ прежде составляли богатство. Суевѣріе, находящее во всемъ средство для терзанія самаго себя, и въ этомъ явленіи нашло для себя пищу. Шотландскіе горцы думаютъ, будто для немедленнаго удаленія сельдей достаточно чтобы, скакшая женщина перешла черезъ воду на островъ. У историковъ шестнадцатаго столѣтія сохранилось сказаніе о необыкновенной сельди, которой появленіе было принято за знакъ гнѣва Божія, и сталою причиною исчезновенія сельдей у береговъ Швеціи. 21 ноября 1587 въ Норвегіи были пойманы двѣ сельди, изъ тѣхъ которыхъ были вырваны готическія буквы. Эти рыбы были привезены въ Копенгагенъ и представлены Фридриху-Второму

вразъ сама дѣй: послѣ попки. Устрашенный этикъ чудомъ, монархъ созвалъ ученыхъ овецъ столицы, которые перевели напущу надписъ слѣдующимъ образомъ: «Вы не будете впередъ ловить складей, какъ и другіе народы». Король не удовольствовался такимъ объясненіемъ и обратился къ другимъ ученымъ людямъ Германіи. Однѣ французскій математикъ, жившій въ это время въ Копенгагенѣ, издалъ толстую книгу въ доказательство, что литеры, начерченные на страшныхъ следахъ — начальные буквы мнимыхъ словъ. Другой ученый открылъ въ этой надписи предсказаніе о разрушеніи порядка во всей Европѣ. Такия бредни повторились и въ семнадцатомъ столѣтіи. Въ 1622 Эглинъ, профессоръ Богословія въ Цюрихѣ, издалъ объясненіе на Апокалипсисъ, основанное на чтеніи мнимыхъ буквъ, начертанныхъ на тѣлѣ следаки, найманной 21 мая 1596 года близъ береговъ Помераніи и походившей на следокъ копенгагенскихъ. Стоитъ ли говорить, что эти мнимыя литеры были не что иное какъ черты образованнымъ пересѣченіемъ подпоясныхъ провесныхъ трубочекъ, или случайное послѣдовательное расположеніе обращенныхъ точекъ.

Ученые люди настоящаго времени, избывшіе грубыхъ заблужденій своихъ предшественниковъ, не совѣтъ однако жъ горюли правду. Самъ Ньютъ рассказываетъ о чудесныхъ путешествіяхъ, совершаемыхъ этими рыбами. Если вѣрить его рассказамъ, основаннымъ на увѣреніяхъ рыбаковъ, сельди — уроженцы ледовитыхъ странъ, являются въ нашихъ моряхъ только зимою. Каждый годъ, недостатокъ въ пищѣ и необходимость метать вѣру въ водахъ, болѣе согрѣваемыхъ солнцемъ, — заставляетъ ихъ покидать родныя воды. Немногочисленные стаи этихъ животныкъ, покинувъ покрытыя льдами воды Ледовитаго Моря раздѣляются вконецъ на двѣ могущественныя арміи. Одна изъ нихъ устремляется на западъ и въ короткое время населаетъ воды, омывающія берега Сѣверной Америки; другая направляетъ свое шествіе къ югу, и обогащаетъ своими остатками Европу. Периодически появляется у Исландіи около весенняго равноденствія. Здѣсь отъ нея отдѣляются многочисленныя отряды къ Гренландіи, между-тѣмъ какъ главная масса проходитъ Исландію и появляется у береговъ Шотландскихъ острововъ, гдѣ раздѣляется на три большія крылья. Лѣвое крыло распределяется около береговъ Норвегіи, вѣтвясь отъ сѣвернаго мыса, наполняетъ своими отрядами Балтійское Море, моря Германіи, доходящими до Денмарка. Правое крыло направляется къ Гибридскимъ островамъ

и къ сѣверу Ирландіи. Центръ, состоящій изъ многочисленныхъ баталіоновъ, посылаетъ сильный отрядъ въ Оркадскіи острова и Шотландіи, а главный корпусъ проходитъ близъ береговъ британскихъ и наполняетъ Ламанскій проливъ.

Естественныя опыты, вѣровавшіе въ переходы сельдей, описывали эти путешествія съ чрезвычайною подробностью; въ ихъ сочиненіяхъ представлены карты, на которыхъ означены движенія малѣйшихъ отрядовъ огромныхъ сельдяныхъ армій. Они старались вывести любопытную аналогію между правами этихъ путешествующихъ рыбъ съ извѣстными перелетами нѣкоторыхъ птиц. Къ несчастію тутъ нѣтъ нисколько правды. Уже Блокъ возставалъ противъ сказаній о переходахъ сельдей, и противупоставилъ своимъ противникамъ важныя возраженія. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли думать, чтобы голодъ выгонялъ сельдей изъ ихъ родныхъ водъ, именно въ то время года, когда арктическія моря начинаютъ населяться мириадами микроскопическихъ существъ—годныхъ имъ въ пищу? Можно ли допустить, чтобы убѣгая отъ преслѣдовавшаго китовъ, сельди непременно удалялись за сотни миль отъ мѣстъ, обитаемыхъ ихъ врагомъ? Почему страхъ и голодъ имѣютъ вліяніе только на взрослыхъ сельдей, и почему въ неизчислимыхъ ихъ стаяхъ не встрѣчается дѣтенышей? Вотъ самыя простыя, логическія возраженія. Но что всего важнѣе, теперь несомнѣнно доказано, что американская сельдь, совершенно отдѣльная порода, и вовсе не простое видоизмѣненіе европейской селедки. Сельди двухъ материковъ не берутъ своего начала отъ одного корня. Далѣе, появленіе въ водахъ каждаго европейскаго моря, постоянно, особеннаго вида сельди, не объясняется гипотезою переходовъ: можно ли допустить, чтобы между этими рыбами ежегодно проиходило такое правильное дѣленіе. Наконецъ наблюденіе надъ ловлею показываетъ, что сельди часто появляются въ южныхъ моряхъ, прежде нежели въ сѣверныхъ. Одно это обстоятельство уже не согласнo съ идеею о переходѣ.

Напомнимъ объ одномъ чрезвычайно примѣчательномъ фактѣ въ природѣ, котораго родъ человѣческій, занятый собою вообще и не подозреваетъ. У животныхъ не только есть породы и виды, какъ у насъ порода бѣлая, или такъ называемая, кавказская, порода монгольская, порода малайская — черная — красная, готтотская и прочая: у нихъ есть также и народы, какъ у насъ — есть свои нѣмцы, шведы, италянцы, турки, различные обычаи, нравы, любимыя кушаньями, общими забавами — различ-

дые преданіи и церѣдки языками, при всей одинаковости породы; у нихъ есть отечества и государства, какъ въ человѣчествѣ. Съ перваго взгляду это кажется страннымъ, но дѣло не подлежитъ сомнѣнію. Животныя *народы* раздѣляютъ между собою поверхность земли и пучины водъ, какъ люди, и придерживаются твердо своихъ участковъ, не оставляютъ и дорожатъ ими какъ родиною. У нихъ есть патриотизмъ, хотя нѣтъ ни положительныхъ границъ, ни таможенъ, ни пограничныхъ стражей. Въ каждомъ отдѣльномъ отечествѣ, одинаковость климата, пищи и мѣстныхъ средствъ создаетъ особенныя привычки, особенный характеръ, особенный темпераментъ, которые отражаются въ движеніяхъ животнаго, въ его походкѣ, осанкѣ, нравѣ, архитектурѣ, смысленности, промышленности и даже въ голосѣ. Воробей московскій, перенесенный на берега Невы или южнаго Днѣпра или западной Двины, тотчасъ бываетъ узнавъ тамошними доробьями какъ *чужестранецъ* и нѣмецъ, возбуждаетъ въ нихъ любопытство, насмѣшку, и даже вражду. Въ классѣ пѣвчихъ птицъ это еще примѣтнѣе. Соловьи, напримѣръ, въ каждой сторонѣ имѣютъ свой языкъ, свои напѣвы, свои особенныя мелодіи въ однихъ мѣстахъ они достигаютъ до удивительнаго искусства въ пѣніи и образуютъ крылатыхъ италянцевъ, какъ напримѣръ, соловьи тульскіе, самаркандскіе, хузистанскіе; въ другихъ поютъ какъ калмыки: напримѣръ въ Египтѣ, въ Китаѣ и такъ далѣе. Между тѣмъ порода одна и таже, но *народъ* другой, отечество другое, нравы, преданія, воспитаніе — другіе. У рыбъ тоже самое. У нихъ положительно есть отечество и привязанность къ родному краю, хотя, казалось бы, ни что не мѣшаетъ имъ переплывать въ морѣ изъ одного мѣста въ другое. И сельди подчиняются этому закону природы. Онѣ поступаютъ подобно перелетнымъ птицамъ, которыя, не покидая своего отечества, поднимаются лѣтомъ на горы, покрытыя лѣсами, а на зиму спускаются въ равнины, защищенныя отъ суровыхъ вѣтровъ. Въ морѣ есть свои глубокія равнины, которыхъ спокойствіе не можетъ быть нарушено никакими бурями. Въ эти то недоступныя убижища удаляется въ извѣстное время большая часть рыбъ и въ числѣ ихъ сельди. Отсюда выходятъ они, когда истиннѣе воспроизведенія заставляетъ ихъ искать водъ менѣе глубокихъ — следовательно, болѣе освѣжаемыхъ воздухомъ, болѣе согрѣваемыхъ лучами солнца. Всѣ взрослые сельди, данной мѣстности поставленныя въ одинаковое положеніе, ощущаютъ одну потребность, допущаются одинаковому побужденію. Истиннѣе подра

жания, котораго существованіе у рыбъ доказывается несомнѣнными фактами, увлекаетъ лѣнвыхъ, и сельди, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ причинъ, покидаютъ огромными массами свои убежища и появляются въ густыхъ толпахъ на ближайшихъ отиляхъ. Это объясненіе внезапнаго появленія сельдей въ огромныхъ количествахъ тамъ, гдѣ ихъ не было ни одной еще наканунѣ, — просто и согласно съ фактами. Ошибаются тѣ, которые думаютъ будто сельди совершенно покидаютъ европейскія моря. Въ Голландіи, въ Бельгіи, въ Нормандіи ихъ ловятъ впродолженіи всего года по одиночкѣ вмѣстѣ съ другими рыбами, обстоятельствомъ необъяснимое — если допустить гипотезу переходовъ. Старые рыбаки увѣрили господина Валансиенна, что еслибъ сѣти ихъ могли быть брошены довольно глубоко, то они во всякое время ловили бы сельдей, въ такомъ же количествѣ, какъ въ самое лучшее время. Нѣкоторые рыбаки думаютъ даже, будто въ глубинѣ моря ихъ такъ много, и они такъ стѣснены, что сѣти скользятъ по нимъ какъ по гладкому мѣсту.

Какъ ни преувеличена, кажется, послѣдняя мысль, однако жъ она не далеко отклоняется отъ истины. Даже въ то время когда сельди поднимаются на поверхность моря, тѣло ихъ бываетъ такъ громадно, они соединены въ такія густыя колонны, что факты, доказанные наилучшимъ образомъ, кажутся иногда баснею. Въ исландскихъ сагахъ сохранились воспоминанія о необыкновенныхъ ловляхъ. Олай-Великій рассказываетъ, какъ очевидецъ, что толпы сельдей, появившихся у берега, были такъ густы, что копье, воткнутое въ стаю, стояло прямо. Въ 1781 сельди появились близъ Бюско на готенбургскомъ берегу въ такомъ огромномъ числѣ, что ихъ брали руками. Въ 1784, въ одномъ Лохъ-Урпѣ, въ продолженіе пятидесяти дней наловлено было сельдей на сумму 56,000 фунтовъ стерлинговъ, то есть, 3,500,000 рублей серебромъ. Въ 1773 году Лохъ-Торриденъ былъ до того наполненъ этими рыбами, что сто-пятьдесятъ рыбацкихъ лодокъ, вмѣстимостью каждая отъ двѣнадцати до двадцати бочекъ, нагружили сельдами втеченіи одной ночи. Въ 1774 фанскіе рыбаки ловили по пятидесяти тысячъ сельдей въ одинъ неводъ. Въ Дюнкеркѣ, въ Кале, Диеппѣ, Булони, рыбаки въ одну ночь лавили по двѣсти осьмидесяти тысячъ штукъ сельдей. Были случаи, что большія рыболовныя суда едва не погибали, будучи увлекаемы въ бездну тяжестью попавшихся въ сѣти рыбъ; для спасенія судна необходимо было рубить канаты и пожертвовать частью сѣтей. Одинъ сказскій рыболовъ, находившійся въ

подобномъ затруднительномъ положеніи, былъ вынужденъ оставить въ морѣ три четверти своей сѣти: въ остальной четверти онъ вытащилъ двѣсти тысячъ селедокъ; слѣдовательно около осьми сотъ тысячъ рыбъ попало въ сѣть въ одно мгновеніе. Заливъ, въ который заходитъ одна изъ такихъ стай, наполняется совершенно; первые ряды, толкаемые слѣдующими, выбрасываются ими изъ воды и покрываютъ собою берега вмѣстѣ съ другими рыбами, увлеченными толпою сельдей.

Тысячи прожорливыхъ рыбъ, огромные скаты, гигантскіе киты слѣдуютъ за стаями сельдей, пожирая несметное ихъ количество. Съ давнихъ временъ къ числу этихъ страшныхъ природныхъ непріятелей сельди, присоединился и человекъ, со своею всеразрушительною промышленностью, а между-тѣмъ количество этихъ рыбъ не уменьшается. Ежегодно легіоны ихъ поднимаются изъ глубины океана, столь же многочисленныя какъ и прежде. Для этого сельди должны быть одарены въ высшей степени силою воспроизведенія. Самка сельдя заключаетъ въ себѣ среднимъ числомъ отъ двадцати девяти до тридцати тысячъ яицъ. Большія сѣверныя селедки бросаютъ даже до шестидесяти осьми тысячъ яицъ. Кромѣ того, число самокъ превышаетъ болѣе нежели вдвое число самцовъ, и благодаря общественнымъ правамъ этихъ рыбъ, такая неравномѣрность несколько не мѣшаетъ ихъ размноженію. Побуждаемые одинаковымъ инстинктомъ, они цѣлымъ обществомъ отправляются на благопріятное мѣсто, и лишь только вымечутъ свою икру, ближайшій самецъ выпускаетъ свою живительную влагу, которая даетъ яичамъ жизнь.

Во время своей стоянки въ Петропавловскомъ портѣ, коммодоръ Биллингсъ замѣтилъ слѣдующее явленіе: многіе изъ этихъ рыбъ плавая, описывали кругъ около сажени въ діаметрѣ; въ срединѣ такого круга стояла неподвижно одна сельдь; трава, окружавшая кругъ, искорѣ приняла яркій желтый цвѣтъ. Когда насталъ отливъ, весь берегъ, трава, камни и песокъ оказались покрытыми на полдюйма икру, которую собаки, чайки и вороны оспаривали другъ у друга. Подобныя разрушительныя причины всюду ожидаютъ икру сельдей. Избѣгнувшія габели яички, превращаются въ маленькихъ рыбокъ бѣлаго цвѣта, которыя первую молодость свою проводятъ въ водахъ своего мѣсторожденія; потомъ спускаются въ глубину морей, гдѣ остаются до тѣхъ поръ, пока ихъ не выгонитъ оттуда инстинктъ размноженія.

Общее мнѣніе приписываетъ Голландцу Вильгельму Букеллигу чашъ-Бирюляту изобрѣтеніе способа солить сельдей; но это за-

блужденію. Даже въ Голландіи, уже въ 1344 году, графами этой провинціи были учреждены привилегированныя рынки для сельдей; обстоятельство, заставлявшее предполагать, что искусство сохранять эту рыбу, было извѣстно. Въ Англіи, въ хартіяхъ одиннадцатаго и двѣнадцатаго вѣковъ, упоминается о соленыхъ сельдяхъ и о количествѣ ихъ, долженствующемъ находиться въ боченкѣ и въ бочкѣ. Съ тринадцатаго вѣка Датчане вели столь обширный торгъ сельдями, что Гельмольдъ, одинъ изъ продолжателей славянской лѣтописи, описываетъ этихъ рыболововъ, одѣтыми въ дорогія ткани, которыми они украшали себя, покупая ихъ на золото, вымѣняваемое у иностранцевъ на сельдей. Около этого же времени ганзейскіе города Любекъ и Гамбургъ обязаны были своимъ благосостояніемъ этой же промышленности, и имѣли конторы на берегахъ Норвегіи. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ предполагать, что средства сохраненія сельдей были въ тѣ времена очень хорошо извѣстны. Букелингу, по нашему мнѣнію, принадлежитъ только честь усовершенствованія соленія.

Во Франціи о ловлѣ сельдей упоминается уже въ 1030 году въ одной монастырской грамотѣ; въ слѣдующемъ вѣкѣ эта промышленность принимаетъ уже замѣчательный характеръ; въ 1141 году въ Парижѣ учреждается настоящая компанія, подъ названіемъ «*Confrérie des marchands de Peau*». Эта компанія, составившаяся изъ богатыхъ купцовъ, купила Гревскую площадь, и устроивъ на ней складочное мѣсто, предприняла торговлю по всему теченію рѣки и получила отъ правительства обширныя привилегіи. Между прочими податями, вложенными этою компаніею, видно, что она брала по сту сельдей съ каждаго судна, нагруженнаго соленою рыбою. Доказательствомъ тому, какую важную роль играла торговля сельдями въ эту эпоху, можетъ служить то, что она для нѣкоторыхъ монастырей сдѣлалась предметомъ пожалованія и привилегій, за которыя они твердо держались.

Хотя нынче доказано, что не Голландцы изобрѣли искусство солить сельдей, однако жъ должно согласиться въ томъ, что ни одинъ народъ не умѣлъ довести этой отрасли промышленности и торговли до такого совершенства, какъ они. Впрочемъ начало, какъ и всегда, было для нихъ трудно. Втеченіи четырехъ столѣтій, Голландія, несмотря на всѣ поощренія, которыя были оказываемы сельдянымъ промышленникамъ, посылала въ море только небольшія суда, бросавшія свои сѣти неподалеку отъ береговъ, и то очень небольшого размѣру. Въ концѣ пятнадцатаго

столѣтія скандинавскіе государи, желая ограничить постоянно усиливавшееся развитіе ганзеатическихъ городовъ, нашли самымъ лучшимъ средствомъ — пригласить голландскихъ рыболововъ на свои берега, и позволить имъ учредить рыболовныя становища на берегахъ Сканин. Императоръ Гамбурга и Любека былъ заманчивъ. Голландцы начали строить большіе корабли, называемые «бюйзами», и придумали огромнаго размѣра неводы, употребляемые донынѣ. Въ это же самое время, въ 1416 году, Букелингъ, изобрѣтеніемъ особеннаго способа укладки, произвелъ совершенный переворотъ въ искусствѣ сохраненія сельдей въ прокъ. Неоспоримое превосходство сельдей, приготовленныхъ по способу Букелинга, упрочило сельдяную промышленность всѣхъ прочихъ странъ, и упрочило за Голландцами этого рода монополию, которой важность они вскорѣ замѣтили. Послѣ смерти Букелинга, благодарное отечество воздвигнуло ему памятникъ, на который каждый добрый Голландецъ смотритъ съ уваженіемъ и на которомъ Карлъ Пятый и сестра его, королева венгерская, скушали по полу-сеledкѣ и выпили вина въ честь простаго рыбака.

Въ этихъ знакахъ уваженія нѣтъ ничего преувеличеннаго. Изобрѣтеніе Букелинга изъ незначительнаго народа сдѣлало вскорѣ сильную націю. Поощряемые успѣхомъ, голландскіе рыболовы умножили число своихъ становищъ въ Сканин, а суда ихъ простирали свое плаваніе даже до береговъ Британскихъ острововъ, и въ особенности до береговъ Ярмута, гдѣ и теперь производится одна изъ значительнѣйшихъ ловлей сельдей. Сначала они были обезпечиваемы Англичанами; но вскорѣ, въ 1494 году, заключили съ ними договоръ, извѣстный подъ названіемъ *intercursus*, на основаніи котораго *рыболовы обѣихъ націй получили право свободно заниматься рыбною ловлею всюду*. Съ этой минуты предпріятіе быстро развилось у Голландцевъ. Въ концѣ пятнадцатаго столѣтія отъ шести до семисотъ бюйзовъ стали ежегодно совершать около трехъ поѣздокъ и привозить богатые грузы, которыхъ цѣнность простиралась до 1,470,000 золотыхъ флориновъ. Расширивъ предѣлы своей торговли, Голландцы увидѣли необходимость покровительствовать ей. Въ 1547 году одинъ городъ Энкгейсень, гдѣ имѣли мѣстопробываніе искусныя солильщики сельдей, построилъ осемь кораблей для защиты своихъ рыболовныхъ судовъ. Спустя шесть лѣтъ, этотъ городъ имѣлъ уже двадцать военныхъ кораблей, расходы на построеніе и содержаніе которыхъ были взимаемы съ рыболовной добычи. Эти корабли назначены были, въ случаѣ нужды, оказывать защиту ста-

сорока судамъ, отправленнымъ за сельдями. Въ 1603 году было вывезено сельдей на 11,000,000 рублей серебромъ; въ 1606 одинъ вывозъ въ сѣверныя государства простирался уже до 8,500,000 рублей серебромъ. Въ 1616 году изъ голландскихъ портовъ на ловлю сельдей вышло двѣ тысячи буюзовъ съ тридцатью семью тысячами рыболововъ. Спустя три года число такихъ судовъ, назначенныхъ исключительно для ловли сельдей, простиралось уже до трехъ тысячъ, съ пятидесятью тысячами моряковъ, между-тѣмъ какъ девять тысячъ другихъ судовъ всякаго рода, съ 150,000 человекъ экипажа, занимались защитою и надзоромъ за ловлею, перевозкою и сбытомъ наловленной рыбы. Въ это время Голландія снабжала солеными сельдями четыре части свѣта. Она посылала ихъ во всея государства Европы, отправляла цѣлые грузы въ Смирну, Константинополь, порты Греціи и Востока, откуда эта рыба развозилась въ сосѣднія страны. Голландскія сельди переплыли наконецъ Атлантическій Океанъ и появились даже на рынкахъ Бразиліи.

Въ это время голландское рыболовство достигло своего апогея. Съ этой минуты начинается его упадокъ. Въ Англіи образовались компаніи, и Карлъ-Первый оказывалъ имъ все свое покровительство. Уже Іаковъ-Первый искалъ предлога нарушить договоръ 1494 года. Онъ не позволялъ Голландцамъ ловить сельдей близъ англійскихъ береговъ иначе, какъ съ платою извѣстной пошлины. Карлъ возобновилъ эти законы, и между-тѣмъ, какъ Сильдевъ и Гроціусъ спорили о правахъ, господствовавшихъ на морѣ, Карлъ въ 1636 году вооружилъ сильный флотъ, на который вѣрилъ начальство графу Нортумберленду. Онъ напалъ врасплохъ на голландскіе корабли, потопилъ нѣсколько ихъ, а остальные привудилъ войти въ великобританскія гавани, и подписать договоръ, по которому Голландцы обязались за право ловли сельдей платить соединенному королевству ежегодно по 30,000 флоринновъ.

Благодаря навыку, прибрѣтенному втеченіи долгаго времени, признанному всѣмъ превосходству ихъ способа соленья, Голландцы легко могли бы соперничать съ Англичанами, они очень скоро поправили бы свои дѣла, особенно въ это время гражданскихъ смутъ въ Англіи, повлекшихъ за собою смерть Карла-Перваго; но они имѣли неблагоразуміе раздражить Кромвеля оскорбленіемъ ярмоусскихъ рыболововъ и неаккуратностью во взносѣ пошлины. Двадцать-четвертаго іюля 1652 года Блекъ напалъ на голландскія суда, шедшія къ своимъ становищамъ, подъ защи-

тою двѣнадцать военныхъ кораблей. Англійскій адмиралъ захватилъ всѣ конвойные корабли и около двухъ сотъ буйзовъ. Напрасно знаменитый Тромпъ, предводитель эскадры, старался отмстить за своихъ соотечественниковъ. Сильная буря раздѣлила враждебные флоты, горѣвшіе желаніемъ вступить въ бой. Во время войнъ своихъ съ Людовикомъ Четырнадцатымъ, Голландцы испытали еще большее несчастье: ихъ рыболовная флотилія была совершенно истреблена французскою эскадрою въ 1703 году. Иностранное соперничество, возрастающее съ каждымъ днемъ, не позволяло голландскому рыболовству войти въ прежнюю силу, а развитіе шведскихъ рыбныхъ ловлей, въ среднѣ осьмнадцатаго столѣтія, убило его окончательно. Съ этого времени, до начала нынѣшняго столѣтія, ловля сельдей падала съ каждымъ днемъ въ Голландіи, могущество которой она приготовила и поддерживала. Соединеніе Голландіи, страны существенно торговой, съ Бельгіею, — государствомъ чисто промышленнымъ, — еще болѣе ускорило паденіе сельдянаго рыболовства. Важную ролью, которую Голландія играла въ исторіи пятнадцатаго столѣтія, она обязана селедкѣ, и одной только ей. Ей она обязана своими колоніями, которыя и теперь еще составляютъ ея богатство. Она не имѣла бы средствъ на первые расходы по учрежденію поселенія на Мысѣ Доброй Надежды, если бѣ сельдяные ея промыслы не доставляли ей средствъ для учрежденія, покровительства и развитія возникавшихъ конторъ. Море лучше земли вознаграждаетъ труды человѣка. Тому, кто обращается къ морю за богатствомъ, аѣтъ нужды имѣть деньги на покупку почвы, на ея разработку, содержаніе, посѣвъ и прочая; всѣ его расходы ограничиваются покупкою рыболовныхъ снарядовъ, то есть, *расходами на жатву*.

Хотя прибрежныя воды сѣверной Европы изобилуютъ превосходнаго качества сельдями, однако жъ рыбные промыслы скандинавскихъ народовъ иногда не достигали до такого развитія, какъ у Голландцевъ. Со всѣмъ тѣмъ, кровавыя распри, которыхъ ловля сельдей была причиною, доказываютъ, что самыя цвѣтущія государства высоко цѣнили важность этого промысла. Сначала тринадцатаго вѣка почти всѣ города Нижней Германіи имѣли въ Скагін или въ Норвегіи земли, уступленныя имъ датскими и шведскими королями для учрежденія рыболовныхъ становъ. Въ 1242 году Эрикъ-Шестой, завистливо смотрѣвшій на усилившаеся могущество ганзейскихъ городовъ, сталъ нападать на любскихъ рыболововъ. Союзъ тотчасъ взялся за ору-

же, осадил Копенгагенъ, взял его приступомъ, разграбил и снесъ крѣпость. Въ 1368 году Вольдемаръ-Четвертый хотѣло было тоже обложить податью промышленниковъ ганзеатическаго союза, но города рѣшили продолжать ловлю сельдей на берегахъ Сканин, несмотря на датскаго короля. Ганзеатическія города эти не ограничились. Они заключили съ сосѣдними государями, и между прочимъ съ королемъ шведскимъ союзъ, которымъ обязывались напасть на Данію и раздѣлить ее между союзными государями. Ганза предоставляла себѣ право свободы отъ податей, и нѣкоторыя привилегіи въ портахъ обоихъ королевствъ, право ловли сельдей въ Сканин, съ платою полуторы копейки серебромъ съ ласта, и право провоза этой рыбы черезъ Зундъ, съ платою рубля серебромъ съ пуда. Военныя дѣйствія вскорѣ начались; въ 1369 году союзники овладѣли Копенгагеномъ и многими другими городами. Миръ былъ заключенъ въ слѣдующемъ году, и для рыболовства ганзеатическихъ городовъ были сдѣланы Датчанами всѣ уступки, подтвержденныя впоследствии наследниками Вольдемара. Съ этого времени датское рыболовство постоянно продолжалось съ дѣятельностью, поддержавшеюся до нашего времени. Въ 1830 году одна альтонская компанія высылала за сельдями тридцать кораблей. Въ 1836 году изъ одного Аалсборга было вывезено 60,500 боченковъ сельдей.

Почти до половины пятнадцатаго вѣка, берега Сканин были главнымъ центромъ скандинавскихъ рыболовныхъ промысловъ, но, въ это время, сельди по чему-то удалились отъ датскихъ береговъ, и появились близъ береговъ Швеціи и Норвегіи. Рыболовы послѣдовали за ними, и обширныя заведенія учредились въ городѣ Бохусѣ, который вскорѣ сдѣлался сборнымъ мѣстомъ многочисленныхъ купеческихъ судовъ, германскихъ, фризскихъ, голландскихъ, англійскихъ, шотландскихъ, приходившихъ покупать рыбу, наловленную и посоленную Шведами. Такое благоденствіе продолжалось до 1588 года. Съ этого времени количество сельдей съ каждымъ годомъ стало уменьшаться, и въ первыхъ годахъ семнадцатаго столѣтія едва были замѣтны слѣды прежняго богатства этого города. Не смотря на постоянныя усилія Густава Адольфа, Христины и Карла-Одиннадцатаго, сельдяныя промыслы тихо шли до половины осемнадцатаго вѣка. Въ 1746 году въ заливахъ Богусланда появились вновь безчисленныя стаи сельдей, и дѣятельность жителей оживилась. Мѣры правительства умножились долцымъ успѣхомъ. Въ 1759 году въ этихъ мѣстахъ добыто было сельдей до двухъ-сотъ-тысячъ тоннъ. Въ

1763, Шведы усвоили голландскій способъ укладки, и вскорѣ шведскія сельди начали соперничать на всѣхъ рынкахъ съ голландскими. Готенбургъ сдѣлался центромъ этой торговли. Грузинъ его кораблей была завалена вся Германія. Его суда провкли въ Средиземное море, и появлялись даже на Мадерѣ, Антильскихъ островахъ. Въ 1775 году, изъ Готенбурга было вывезено 94,594 боченка сельдей. Въ 1781 году вывозъ сельдей протирался до 136,649 боченковъ (въ боченкѣ заключается 1,200 селедокъ). Это время было самою блестящею эпохою шведскаго сельдянаго промысла. Въ послѣднихъ годахъ осемнадцатаго вѣка стан сельдей съ каждымъ годомъ стали дѣлаться менѣе многочисленны, появляться поздно и не въ обыкновенномъ порядкѣ. Въ 1799 г. наловленныхъ сельдей едва достало на мѣстное потребление; вывозъ ихъ былъ запрещенъ. Въ 1800 г. въ Норвегію, которая снабжала сельдями всю Европу и даже Америку, сельдей начали привозить изъ Шотландіи. Въ такомъ печальномъ положеніи находятся сельдяные промыслы въ Норвегіи до-нынѣ.

Великобританія представляетъ намъ несомнѣнные документы о сельдяныхъ промыслахъ. Объ нихъ упоминается въ законахъ о доходахъ и расходахъ монастырей, уже въ 709 году. Море, омывающее берега Британскихъ острововъ — самое богатое сельдями; въ самыя отдаленныя времена на берегахъ Англіи и Шотландіи ловля сельдей производилась съ замѣчательною дѣятельностью, но съ 1429 года она немного приутихла. Король Іаковъ запретилъ продавать сельдей иностранцамъ, которые, особенно Голландцы, покупали богатые грузы прямо въ морѣ. Это приказаніе, уничтоживъ значительный сбытъ для шотландскихъ рыболововъ, и подстрекнувъ торговую дѣятельность Голландцевъ, нанесло такой ударъ шотландской сельдяной промышленности, отъ котораго они уже никогда не могли поправиться. Въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія сельдяной промыселъ былъ совершенно въ рукахъ Голландцевъ и Испанцевъ.

Великобританскіе короли втеченіе долгаго времени напрасно старались измѣнить это положеніе вещей: до половины осемнадцатаго вѣка они постоянно поощряли образованіе сильныхъ компаній, даруя имъ привилегіи, долженствовавшія по ихъ расчетамъ обезпечить имъ успѣхъ. Принцы королевскаго дома вступали въ акціонеры этихъ компаній, которыми управляли члены палаты лордовъ. Этихъ компаній были оказываемы всѣ возмозныя поощренія, но не смотря на то онѣ разорялись и падали одна за другою. Такая неудача не охлаждала однакожъ пред-

примчивости Англичанъ: въ 1749 году образовалось общество британскаго рыболовства, съ капиталомъ 500,000 фунтовъ стерлинговъ; принцъ Валлійскій принялъ званіе президента, государство назначило значительныя преміи за вывозъ, и благодаря этимъ соединеннымъ усиліямъ, общество въ 1753 году было въ состояніи выслать въ море тысячу рыболовныхъ судовъ (fibots): со всѣмъ тѣмъ такое искусственное возбужденіе дѣятельности не принесло вещественныхъ выгодъ. Необыкновенныя привилегіи, данныя компаніи убия частную промышленность, особенно въ Шотландіи, а расходы на первоначальное заведеніе и ремонтъ рыболовныхъ снарядовъ поглощали всѣ доходы компаніи. Въ 1766 году общество совершенно упало, а война, возникшая между Англіею и Франціею, только ускорила разореніе акціонеровъ.

Изъ журналовъ этого времени видно, что нецѣльность этихъ дорого обходящихся опытовъ начала быть понимаема народомъ, и что система привилегированныхъ компаній нашла въ немъ строгаго судью. Когда въ началѣ выпѣшняго столѣтія англійское правительство нашло нужнымъ возбудить нѣсколько сельскую промышленность, то не позволило себѣ впасть въ прехвальною ошибку. Поощренія и преміи сдѣлались доступны всякому, и успѣхъ не замедлилъ увѣнчать эти мѣры. Искусство соленія было усовершенствовано до такой степени, что въ 1826 году шотландскія сельди, въ Гамбургѣ были предпочтены голландскимъ. Съ 1809 года число рыболововъ постоянно увеличивалось, такъ что въ 1826 году число рыболовныхъ судовъ простиралось до 10,363, съ 44,598 рыболовами, а число соляшниковъ простиралось до 76,041 человека. Вывозъ сельдей увеличивался тоже съ крайнею быстротою; въ 1835 году одни шотландскіе сельдяные промыслы доставили 402,000 боченковъ сельдей. Если въ слѣдующемъ году добыча сельдей уменьшилась вполнѣ, то это должно приписать неожиданному исчезновенію рыбы, явленіе, о которомъ мы уже не разъ говорили выше. Какъ бы то ни было, сельдяные промыслы съ каждымъ годомъ приносятъ Великобританіи все болѣе и болѣе выгодъ, и безъ сомнѣнія еще болѣе разовьются вслѣдствіе договора, заключеннаго въ 1839 Англіею и Франціею.

Во Франціи сельдяной промыселъ никогда не имѣлъ большаго значенія, что безъ сомнѣнія должно приписать недостатку въ склѣнности Французвъ къ морю. Ихъ сельдяныя ловли, уничтожившіяся во время войнъ республики и имперіи, мало-по-малу возстановились. Въ 1821 году, она употребляла 295 рыболов-

ныхъ судовъ въ 8,055 тоннъ съ 4,256 рыболововъ. Въ 1831 число судовъ, назначенныхъ для ловли сельдей простиралось до 633, въ 13,745 тоннъ, съ 7,106 рыболовами. Добыча съ 1843 до 1847 года колебалась между 13,772,780 и 23,339,180 килограммами, цѣвностью въ 1,500,000 рублей серебромъ въ годъ.

Говоря о сельдахъ не забудемъ упомянуть объ одномъ чрезвычайно важномъ предметѣ, объ сельдяномъ жирѣ. Это масло хотя уступаетъ въ достоинствахъ китовому жиру, можетъ однакожъ замѣнять его во многихъ отношеніяхъ.

Изъ всѣхъ государствъ Европы, въ Швеціи промышленность эта достигла наибольшаго развитія. Въ 1750 году нѣкто Бауеръ, первый приготовилъ для своего домашняго употребленія сельдяной жиръ. Баронъ Чагмавъ, понявшій всѣ выгоды, которыя можно было извлечь изъ этой фабрикаціи, не пожалѣлъ ни денегъ ни трудовъ, чтобъ обогатить ею свое отечество. Сначала для приготовленія этого жиру шли только жабры и внутренности; но какъ жиръ нашель для себя хорошій сбытъ, и какъ въ это время сельди посѣщали берега Швеціи въ громадномъ числѣ, въ 1776 году Шведы начали вытапливать жиръ изъ цѣлыхъ рыбъ. Значительные барыши, полученные этимъ способомъ, породили соревнованіе. Въ 1783 году въ Швеціи считалось уже двѣсти сельдяныхъ салотопень, построенныхъ на скалахъ окаймляющихъ берега, отъ Готенбурга до Истрамштадта. Расположеніе салотопень въ этихъ мѣстахъ, представлявшее возможность доставлять свѣжую рыбу прямо на заводы, и сбывать туда же остатки отъ соленья, сначала очень много способствовало благосостоянію этихъ заведеній, но въ то же время сдѣлалось причиною ихъ упадка въ послѣдствіи. Когда ловъ сельдей, какъ сказано выше, уменьшился, причину исчезновенія рыбы приписали тому, что огромныя массы «Трангрума» или рыбной мякоти, изъ которой уже вынотрошенъ жиръ, были бросаемы въ море. Хотя предположеніе это ни на чемъ не было основано, однакожъ правительство, уступая общему мнѣнію, предписало перевозить эту мякоть внутрь страны и зарывать ее въ землю, что обходилось дорого. Салотопы принуждены были покинуть берега. Кромѣ того разныя другія привязки сдѣлались причиною, если не совершеннаго уничтоженія этихъ заведеній, то значительно уменьшили ихъ дѣятельность.

Добываніе жиру изъ сельдей очень просто. Рыбу варятъ въ огромныхъ мѣдныхъ котлахъ часовъ пять или шесть, помѣшивая ее до тѣхъ поръ, пока она превратится въ кашицу; огонь

заливаютъ, прибавляютъ въ котель холодной воды и оставляютъ смѣсь въ покоѣ часа на два или на три. Потомъ снимаютъ всплывшій на поверхность жиръ и сливаютъ его въ бочки, оставляютъ въ покоѣ еще нѣсколько времени, и наконецъ процеживаютъ. Если варка продолжалась слишкомъ долго, масло приобретаетъ нѣсколько темноватый цвѣтъ; — хорошо приготовленное — чисто, прозрачно и застываетъ, какъ оливковое, отъ холоду. Въ этомъ видѣ оно очень уважается Камчадалами, которые употребляютъ его въ пищу.

Трангрумъ считается въ Швеціи самымъ лучшимъ удобрениемъ. Если салотопы были вынуждены зарывать его въ землю даромъ, это потому что государство не было въ состояніи потреблять огромныхъ массъ его, ежегодно выходявшихъ изъ салотопныхъ котловъ. Трангрумъ по крайнѣйшій мѣрѣ ровняется съ знаменитымъ гуано, за которымъ на берега Америки отправляются изъ Европы цѣлые флоты, и котораго слои, накопившіеся въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, истощаются теперь очень быстро. Состоящій почти изъ однихъ азотистыхъ веществъ, и фосфора въ различныхъ видахъ, трангрумъ заключаетъ въ себѣ всѣ начала, необходимыя для питанія растений, и въ особенности зерновыхъ хлѣбовъ. Но для распространенія употребленія его въ земледѣліи, трангрумъ нужно перевозить, а тутъ и представляется затрудненіе: не обработанный, онъ очень скоро начинаетъ гнить. Для предотвращенія гніенія лучшее средство по нашему мнѣнію, сушка. Для этого нужно подвергнуть трангрумъ дѣйствию пресса, высушить сдѣланные изъ него кирпичи въ сушильной печи, нагреваемой тѣмъ же самымъ огнемъ, которымъ приводится въ кипѣніе вода въ котлахъ. Высушенный трангрумъ можно складывать въ бочки. При этой системѣ можно будетъ устраивать салотопни на берегу моря; суда, которыя займутся перевозкою высушеннаго трангрума, не будутъ уже находиться въ опасности прійти къ мѣсту назначенія безъ груза, потому что они могутъ нагружаться на половинну масломъ и трангрумомъ.

Прибавьте ко всему сказанному о важности сельскаго промысла то, что онъ составляетъ превосходную школу для молодыхъ моряковъ, и вы увидите, что съ этою промышленностью соединены важныя, многочисленныя интересы, и что сельскаго достойна уваженія и любви всякаго благонамѣреннаго читателя.

ГЕОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ДОРОГИ

КЪ ВОДОПАДУ ИМАТРЫ.

=

Многіе изъ жителей Петербурга были, какъ говорится, для развлеченія въ Финляндіи; многіе смотрѣли на дикія красоты ея природы, но очень немногіе замѣтили ихъ; большая часть даже воротилась недовольными въ страну и такъ-называемою неподдажностью и сварливостью Финновъ. Причина равнодушія къ странѣ очень проста; мы восхищаемся только тѣмъ, что понимаемъ, для чего приготовленъ нашъ глазъ, к чему развитъ нашъ умъ. Подобно знать природу, чтобъ понимать ее и восхищаться ей; точно также необходимо изучать въ человѣка, чтобъ открыть ея хорошія стороны и полюбить его; изученіе природы и человѣка одно и то же. При этомъ никакъ не должно еще выпускать изъ виду одинъ неизмѣнный законъ, то есть, что и въ природѣ и въ людяхъ все относительно; ни природа ни человѣкъ не представляютъ ничего абсолютно превосходнаго или дурнаго; все въ мірѣ можетъ быть только относительно и въ своемъ родѣ хорошо. Природа Финляндіи представляетъ очаровательныя красоты, но красоты иного рода чѣмъ въ Италіи, Швейцаріи, или на берегахъ Рейна. Въ Финляндіи вы не найдете ни живости, ни привѣтливости Француза; но вы непременно станете его ува-

жать, когда узнаете, что онъ, какъ и всѣ горные жители, безгранично любитъ свою родину, и что въ его спокойной натурѣ глубоко вкоренено чувство правоты. Финляндецъ, при малѣйшей несправедливости къ нему, становится тигромъ и никому не позволяетъ обидѣть себя, и это-то высокое достоинство человека многіе называютъ сварливостью и строптивостью. Надобно сожалѣть польскаго Жнда, который, изъ корысти, съ улыбкою съсидитъ насмѣшки и даже позволяетъ, въ шутку, побить себя; но Финляндецъ, который за каждую недоданную копѣйку требуетъ васъ къ суду, стѣбитъ всякаго уваженія.

Желая познакомить путешественниковъ съ природою замѣтнѣйшихъ мѣстъ Финляндіи, возьмемъ, на первый разъ, водопадъ Иматру и весь путь къ нему отъ Петербурга чрезъ пограничную финляндскую станцію Рая-Юки и Выборгъ. Все это пространство представляетъ двѣ существенно различныя части: *наоскую*, отъ Петербурга до деревни Кемере, верстахъ въ трехъ предъ послѣднею до Выборга станціею Анльперо, и *гранитную*, которая тянется до Выборга и Иматры включительно. Чтобы обрисовать ихъ ясаѣе и точнѣе, я долженъ начать нѣсколько съдалека, съ общихъ геологическихъ фактовъ. Всѣ наблюденія наши показываютъ, что на огромной глубинѣ, подъ поверхностью земли, безпрестанно дѣйствуетъ огонь, который въ отдаленныя, такъ-называемыя геологическія времена, свѣрщивалъ съ необыкновенною силою, блуждая подъ корою земли въ различныхъ направленіяхъ. Находившіеся въ его соприкосновеніи матеріалы земли расплавились имъ, принимали болѣе пружинистую форму, и приводили надъ собою верхніе пласты земли, иногда до того, что если это случалось подъ моремъ, то дно его становилось сушею, и сбывшая вода покрывала сосѣднюю часть материка. Такую участь испытывала вся наша земля нѣсколько разъ; море вело постоянно кочевую жизнь, и очертаніе и положеніе суши безпрестанно измѣнялось. Обыкновеннымъ явленіемъ, при этихъ подъемахъ, было и то, что приподнятые и въ видѣ огромныхъ куполовъ изогнутые пласты разламывались сверху до низу, а расплавленные подъ ними массы вливались въ эти трещины до самаго верху и, охладившись, образовали какъ бы стержень горъ, состоящій изъ гранитовъ, гнейсовъ, діоритовъ, порфиритовъ и изъ иныхъ *огненныхъ или плутоническихъ породъ*, характерныхъ своимъ кристаллическимъ сложеніемъ.

Такимъ образомъ и наша Финляндія была нѣкогда дномъ но-

ря; въ эту эпоху, конечно, очень далекую, но для геолога до того ясную, что ему кажется, будто бы все это происходило вторично мерель его глазами, въ эту эпоху дно моря, соответствующее средней полосѣ Финляндіи, было вдругъ сильно приподнято и переключено, и склоны преломы его выдвинулись огромныя расплавленные массы, которыя, не выставляясь надъ уровнемъ моря, медленно текли еще нѣсколько и образовали удлиненыя подводныя горы: гранитныя, гнейсовыя и изъ слюдястаго сланца.

За этимъ переворотомъ слѣдовала эпоха спокойствія; море обывало подводныя горы свои, обрывало ихъ гребни и зубцы, и мало-по-малу давало имъ видъ длинныхъ, сверху округленныхъ, исполинскихъ каменныхъ громадъ. Оторванные куски меньшей величины теченіемъ воды и волнами увлекались все далѣе и далѣе, и вмельчались даже въ песокъ разнообразнѣшаго зерна, такъ, что всѣ долины подводныхъ горъ наконецъ завалены были этимъ пескомъ и кусками гранита, гнейса, и такъ далѣе.

Послѣ этого наступила снова эпоха усиленнаго дѣйствія подземнаго огня; все дно моря, со всѣми своими неровностями, было приподнято выше уровня воды и явилось тѣмъ, что мы теперь называемъ Финляндією. Направленіе этого подъема было съ сѣверо-запада на юго-востокъ, то есть, сначала явилась сѣверная часть суши, и потомъ, хотя быстро, но все же постепенно и болѣе южныя части; поэтому и море быстро отхлынуло также съ сѣверо-запада на юго-востокъ и уносило въ своемъ теченіи все, чѣмъ завалены были долины между горами средней полосы. Песокъ, при самомъ выходѣ своемъ, улегся огромными накатами и холмами, которые извѣстны многимъ изъ жителей Петербурга, по живописнымъ видамъ Токсова и Нарголова. Далѣе, къ югу, песокъ свесенъ былъ тише, и ровнѣе, отчего и образовались обширныя высокія пакати, какова напримѣръ та высокая и сухая песчаная площадь, на которой стоятъ Лѣсной Институтъ съ своими садами и дачами, Спасская Мыза или Куселевка и далѣе Гражданка, Ручьи и Мурвино. Въѣздъ на эту песчаную пакать образуетъ, по Выборгской сторонѣ, сперва уступъ у дачи Рейзига, а потомъ *Поклонную гору*.

Вмѣстѣ съ пескомъ несены были и гранитныя обломки малой и средней величины, утѣвшіе собою все пространство подъема, а извѣстныя у геологовъ подъ названіемъ *валезники*, *валуновъ* или *завосныхъ камней* (*blois erratiques*). Эти завосные камни бывають весьма различной величины: отъ *малой*, которая упо-

проблестаетъ въ нашей столицѣ на местопути, до средней, которую можно обхватить обѣими руками, и даже до смежной, савиной до трехъ по осѣмь направленийъ. Если сообразить, что финляндскія горы не выше трехъ-сотъ футовъ, и что поэтому надое обыкновеннаго моря было незначительно; если присоединить къ этому наблюденія надъ силою и быстротою теперешнихъ водъ, то мы убѣдимся, что описанный выше потокъ моря могъ унести съ сѣверо запада на юго-востокъ, только-что валуны малой или средней величины; что же касается до исполинскихъ занесенныхъ камней, то они были занесены отъ мѣста ихъ происхожденія вѣями, весьма простыми, еще и теперь повторяющимися средстами: всякому, кто жилъ при большихъ озерахъ или рѣкахъ, дѣйствию, что зимою ледъ при берегахъ замерзаетъ до самого дна и въ него вмерзаютъ валуны, часто огромной величины; водою прибываетъ вода, и приподнимаетъ весь ледъ и съ ним вмерзшіе камни, которые на своихъ льдинахъ, какъ порабъ и камеляхъ, какъ тяжелая поклажа на плотахъ, уносятся далеко отъ того мѣста, гдѣ прежде лежали. Какъ въ первую эпоху, такъ и при началѣ второй, Финляндія была моремъ, которое было въ связи съ теперешнимъ Ледовитымъ, а потому не было недостатка въ огромныхъ льдахъ для перенесенія исполинскихъ камней на далекія разстоянія.

Такимъ образомъ повѣстно, почему вся полоса отъ Петербурга до деревни Кемере названа *наносною*. Вся ея почва состоитъ изъ толщъ рыхлаго песку, представляющихъ иногда плоскія, высотой равнины, иногда же довольно живописные холмы, рытвины и овраги, съ озерами и ручьями. Вершины холмовъ покрыты сѣною простою сѣвѣрною растительностію, единообразными и незначительными сосновыми лѣсами, вѣтвыми указателями сухой и тощей песчаной почвы. Пресачивающаяся сквозь холмы вода, приноситъ съ собою на глубины долинъ, и овраговъ, глина и илъ, отчего почва этихъ мѣстностей богаче и растительность разнообразнѣе, представляя лѣса березы, ольхи, осины, оршанику и швы.

Вторую полосу дороги къ Иматрѣ, мы назвали *гранитною*; въ которой избы деревни на лѣво отъ дороги, поставлены уже на голыхъ, едва изъ песчаныхъ наносовъ выступающихъ *лѣсвахъ* гранитныхъ купъ, которыя, чѣмъ ближе къ Выборгу и къ Иматрѣ, тѣмъ становятся многочисленнѣе, и тѣмъ болѣе выступаютъ надъ уровнемъ песку и гранитныхъ валуновъ. Вы-

сота этихъ горъ, впрочемъ, такъ незначительна, что ихъ скорѣе должно назвать холмами; общій удлиненный и округленный видъ ихъ, объясненъ уже выше способомъ ихъ происхожденія; вершины ихъ и крутые скаты, по большей части, обнажены совершенно, и намъ остается только объяснить три весьма замѣчательныхъ факта, которые путешественникъ встрѣчаетъ здѣсь почти на каждомъ шагу, а именно *разрушеніе* гранитныхъ горъ, *полюсованныя* ихъ *поверхности* и *каменные поясы*.

Здѣшній гранитъ составленъ изъ кристаллическихъ кусковъ, преимущественно трехъ минераловъ, *полеваго шпата*, *кварца* и *слюды*; первый изъ нихъ, по большому количеству своему, самая существенная составная часть, представляетъ тѣльнаго цвѣта кристаллы, снаружн неполнѣ развитые, а потому всегда болѣе или менѣе округленные, величиною съ каленый и даже большой грецкій орѣхъ; кварцъ вкрапленъ неправильными, мелкими зернами, сѣраго или пепельнаго цвѣту, и плотнаго, слѣтнаго сложенія; слюда бываетъ чернаго или пепельнаго цвѣту и состоитъ изъ тонкихъ пластинокъ, которыя легко можно отдѣлять концомъ перочиннаго ножика, и даже ногтемъ. Наконецъ, къ этимъ тремъ главнымъ составнымъ частямъ, присоединяется, въ маломъ количествѣ, минералъ, зеленовато-сѣраго, иногда почти пепельнаго цвѣта, называемый *сподуменомъ*. Онъ облегаетъ снаружн кристаллы полеваго шпата тонкими слоями, и весьма легко разрушается отъ дѣйствія свѣжаго воздуха и воды и постоянно выпадаетъ; отъ этого на обнаженныхъ поверхностяхъ здѣшнихъ гранитовъ, около каждаго кристалла полеваго шпата, происходитъ сначала едва замѣтный, потомъ болѣе и болѣе глубокий и широкій кругъ, какъ-бы нарочно выгравированный рѣзцомъ. Это разрушеніе идетъ быстро внутри, и вы часто видите передъ собою огромный гранитъ, который отъ одного удара молотка рассыпается въ дресву, а эта, отъ дальнѣйшаго дѣйствія воды, мало-по-малу превращается въ крупный и наконецъ въ мелкій песокъ. Вотъ почему этотъ гранитъ, извѣстенъ у Финновъ подъ именемъ *рала-ниви*, то есть гнилаго камня. По дорогѣ отъ Выборга къ ИМАТРѢ, вы часто видите совершенно голую гранитную скалу, украшенную на округленной вершинѣ одноклою рослою сосною, и вамъ стоитъ взобраться на этотъ гранитъ, чтобъ убѣдиться, что вся его поверхность, и даже далеко внутрь, совершенно выветрѣлась. Финляндскія почтовые дороги знамениты своею исправностью; онѣ такъ гладки и ровны, какъ пѣшеходныя дорож-

ки въ хорошо содержимомъ саду, такъ что бѣдѣйшій мужикъ ѣздитъ по нимъ такъ же удобно въ своей таратайкѣ, какъ богатый дамы на лежачихъ рессорахъ. Мы, Русскіе, объясняемъ себѣ это рѣдкое для насъ явленіе тѣмъ, что дороги въ Финляндіи идутъ по граниту и по нимъ мало ѣзды, но это объясненіе рѣшительно ложно; по голому граниту ѣздить никакъ нельзя, а потому для дорогъ выбираютъ песчаные накаты, которыя такъ толсты, что залегающій подъ ними гранитъ вовсе непричастенъ хорошему состоянію дорогъ. Вся сила въ порядкѣ и строгомъ исполненіи обязанностей; дороги раздѣлены между хозяевами, владѣльцами земли, и каждый изъ нихъ заботится о своемъ небольшомъ участкѣ; чуть замѣтитъ на ней колею или вымощу отъ дождя, тотчасъ засыпаетъ ее дровою, или за неимѣніемъ ея въ близки, крупнымъ пескомъ. По обѣимъ сторонамъ дороги, вы часто видите огромные гранитные валуны, рапа киви, которые мужики разрушаютъ лопатами; полюбопытствуйте, сойдите съ вашего экипажа поближе, и вы замѣтите любопытный фактъ, какъ гранитъ постепенно разрушается въ дрову и песокъ; вы убѣдитесь собственнымъ, прямымъ наблюденіемъ, въ изложенномъ выше способѣ происхожденія песковъ, изъ которыхъ нагромождены извѣстные вамъ холмы Токсова и Парголова, того самаго песку, которымъ въ Петербургѣ посыпаютъ садовыя дорожки и тротуары, и который примѣшиваютъ въ известь для цемента при постройкахъ кирпичныхъ зданій нашихъ.

Не правда ли, что теперь этотъ простой песокъ, подъ вашими лакированными сапогами, не будетъ, какъ говорится, выпочемъ; вы иногда взглянете на него съ участіемъ, и онъ поведетъ ваше воображеніе къ финляндскимъ рапа-киви, даже къ временамъ геологическимъ, и къ тому морю, которое, вамъ кажется, начинаетъ сильно волноваться, потому что на двѣ его выходятъ изъ пѣдръ земли гребни гранитныхъ горъ. Ваше воображеніе еще тутъ не остававляется; оно рисуетъ вамъ картину, какъ волны срывають эти гребни, какъ куски гранита катятся въ долины и дробятся въ дрову и песокъ. Наконецъ вы съ изумленіемъ присутствуете при великомъ зрѣлищѣ: море приподымается, течетъ быстро съ сѣверо-запада на юго-востокъ, и изъ него выставляется юная страна, съ своими гранитными горами, песками и заносными камнями; вы видите, какъ громоздятся изъ песку парголовскія горы; ни растеній, ни человѣка еще нигдѣ не видно; все-еще достояніе Божье. Не правда ли, что если владѣете карандашомъ

и кистью, то вы непременно примитесь рисовать сцены изъ этихъ очей, очень дальнихъ вѣмекъ. Не правда ли, какъ великъ умъ человека, и какъ онъ самъ великъ, только умомъ своимъ!

Кстати! Когда вы мыслью перенесетесь къ сильному теченію первобытнаго моря, съ сѣверо запада на юго-востокъ, то взгляните пристальнѣе въ выныряющія уже гранитныя горы, и вы замѣтите, что несущіеся съ потокомъ песокъ, дрова, камешки и валуны, съ шумомъ и трескомъ трутся о бока и округленныя вершины гранитовъ. Какая мощная *полировка* должна тутъ происходить, подумаете вы про себя, и въ-самомъ-дѣлѣ, осмотрите бока и площади гранитныхъ горъ теперешней Финляндіи, и вы очень ясно увидите слѣды этой полировки, отъ которой лучи солнца отражаются гораздо ярче, чѣмъ отъ прочихъ частей той же горы, и такъ какъ эта политура производилась матеріаломъ не на выборъ, а подчасъ очень грубымъ, то вы и увидите *царапины* различной глубины и ширины, которыя идутъ прямо какъ по шнурѣ; вы вынимаете свой компасъ и видите, что царапины идутъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Такія полированные поверхности и царапины, вы найдете почти на всякой любой скалѣ, причемъ однакожъ, я долженъ упомянуть объ одномъ, практическомъ замѣчаніи: обнаженныя поверхности гранитовъ, какъ уже сказано выше, легко вывѣтриваются и разрушаются, отчего политура и царапины на нихъ рѣдко сохраняются; по этому для отысканія ихъ, надобно осматривать нижнюю часть скалы, у берега озера или моря, тамъ, гдѣ она постоянно омывается волнами; или, за недостаткомъ такихъ мѣстностей, надобно отыскать пологій скатъ гранита, и остановившись на томъ мѣстѣ, гдѣ земля, вмѣстѣ съ зеленымъ дерновымъ ковромъ, какъ бы тянется вверхъ по скату; въ этомъ мѣстѣ стѣить только палкою и руками приподнять тонкій дервъ, и политура съ царапинами яснѣе для явятся предъ вами.

Пріѣхавши въ Выборгъ, побывайте непременно въ саду барона Николая. Онъ расположенъ на берегу одного небольшого залива моря, на площади обильной гранитными горами, и до того громаднейшей заносными гранитными камнями разнообразной величины, что взглянувши на нее съ высокой горы, вы воображите себя среди какого-то ужаснаго первобытнаго хаоса. Посмотрите поближе на скалу, на которой стѣить колоссальная статуя финскаго бога вѣсноплѣнья, *Вайнамоиненъ*; надъ ней почти каждый кристаллъ полеваго штата, обведенъ углубленнымъ кольцомъ,

перелить признакомъ качивающагося разрушенія. гранита. Пещеру съ параличами найдете на многихъ прибрежныхъ скалахъ, на горкахъ, слегка прикрытыхъ дерномъ, а когда глаза выткываются къ нимъ, то съ нѣкоторымъ вниманіемъ, отыщите ихъ и на обдѣленныхъ скалахъ. Далекихъ и обширныхъ видовъ, в саду собственно нѣтъ; но стоятъ только войти на скалы, или въ серединѣ сада, и передъ вами отаростетъ панорама на весь городъ и на Финскій заливъ, до отдаленнаго горизонта.

Удобства увеличиваютъ удовольствія всякаго путешественника, даже и геогнеста, привыкшаго ко всему; по этому а замічу, что какъ въ жизни вообще надобно знакомиться только съ лучшими людьми, такъ и въ путешествіи слѣдуетъ останавливаться въ лучшихъ гостиницахъ; вамъ обойдется очень немногимъ дороже тѣмъ въ плохихъ, но зато вы не встрѣтите никакихъ неприятностей, а одно удобство, чистоту, покой и учтивый пріемъ и обращение. Въ Выборгѣ слѣдуетъ остановиться въ гостиницѣ Эрзбурга, при городскомъ клубѣ.

Каменными поясами, оградами или моренами, называютъ груды округленныхъ гранитныхъ валуновъ, малой и средней величины, которыя, какъ-будто бы нарочно сложеными заборами или оградами, опоясываютъ многія изъ финляндскихъ горъ, часто на различныхъ высотахъ, раздѣляя весь скатъ горы на нѣсколько этажей. Происхожденіе этого явленія слѣдующее:

Мы уже сказали, что Финляндія, со всеми своими гранитными горами, была нѣкогда выдвинута изъ дна моря, быстрымъ и сильнымъ подземнымъ подъемомъ. Между несмытымъ множествомъ горъ, въ глубинахъ долинъ, осталась морская вода, образовавшая множество, въ полномъ смыслѣ, несмытное, неправильной формы озеръ, переплетенныхъ между собою проливами. Въ это же время, къ югу отъ Финляндіи, образовалась отъ дна морская *стлловина* или впадина, вмѣщающая теперь озеро Ладожское, ложбину Невы и воды Финскаго залива. Въ эту стлловину начала стекать морская вода всѣхъ соединенныхъ озеръ, и постепенно заимѣлась атмосферною вѣсною, отъ дождей и снѣговъ, которыми такъ обильны сѣверныя страны. Взгляните на карту Финляндіи, и вы убѣдитесь, что нѣтъ другой страны въ мірѣ, которая бы на такомъ пространствѣ, вмѣщала столько озеръ, рѣшительно неопредѣленной чудовищной формы.

Сказавъ, что Финляндія выдвинута была изъ моря, мы не разумѣли этотъ фактъ такъ, какъ-будто бы эта страна получила

тогда лигъ тѣмъ-къ-тѣмъ тѣнорешнѣй свой видъ; напротивъ того, всѣ наблюденія показываютъ, что послѣ этого сильнаго подъема, подземный огонь не переставалъ подъ нею дѣйствовать, хотя гораздо слабѣе и медленнѣе. При случаѣ, когда мы будемъ говорить о прочихъ замѣчательныхъ мѣстностяхъ Финляндіи, мы увидимъ, что она постепенно подымается и теперь еще. И такъ, послѣ упомянутаго сильнаго подъема, горы Финляндіи были гораздо ниже тѣнорешнѣхъ, и между ними стояли озера несравненно обширнѣйшія. Эти озера, частью волнами своими, частью на льдинахъ, сносились къ берегамъ своимъ, то есть къ скатамъ погруженныхъ въ нихъ горъ, груды гранитныхъ валуновъ. Подымающимися, медленными подъемами, дно озеръ подымалось, вода изъ нихъ постепенно стекала, она мелѣла, и гряды ихъ береговыхъ камней очутились на сушѣ, въ видѣ поясовъ, охватывающихъ покатости горъ. Такъ какъ подыманіе почвы совершалось безъостановочно до нашихъ временъ, то и естественно, что на скатахъ горъ могли образоваться нѣсколько рядовъ такихъ каменныхъ поясовъ или оградъ, которыхъ число зависѣло, кромѣ общаго закона поднятія, также и отъ частныхъ, мѣстныхъ причинъ.

Описанія здѣсь геогностическія замѣчательности такъ обыкновенны на всемъ пути, что вслѣдствіи, составивъ себѣ объ нихъ ясное понятіе, и посматривая съ нѣкоторымъ вниманіемъ на окрестности, непремѣнно замѣтитъ многія изъ нихъ, даже изъ экипажа, но, само собою разумѣется, что изъ открытаго экипажа.

Перейдемъ теперь къ самой цѣли нашего путешествія, къ водопаду Иматры. Возьмите карту Финляндіи * чтобы убѣдиться, что самая широкая часть ея, отъ Ботническаго залива до Ладожскаго озера, какъ уже упомянуто выше, наполнена несметнымъ множествомъ озеръ, переливающихся одно въ другое, болѣе или менѣе узкими проливами. Одно изъ этихъ озеръ, *Сайма*, вытекаетъ посредствомъ узкаго и длиннаго пролива, въ длинную цѣвь другихъ озеръ, которыя, переливаясь въ свою очередь одну въ другое, наконецъ отдають всѣ свои воды у городка *Кекс-*

* Новѣйшая карта всей Финляндіи *Экленда*, 1840 года, удобнаго формата, очень точна и подробна, но чрезвычайно пестра и мелкой печати. — Для нашего пути отлична карта *Кюрринга*, при его сочиненіи «*Samia Finland*» 1832 года, то есть *Старая Финляндія*.

гольма, бурливому Ладожскому озеру. Этотъ узкій проливъ и слѣдующая за нимъ система озеръ, носятъ названіе рѣки *Воксы* (*Wuoxen*). Я видѣлъ ее у самаго истока, въ нѣсколькихъ мѣстахъ на срединѣ пути, и наконецъ ея широкое, подводными камнями и цѣлыми гравитными горами зароможденное устье, и долго не могъ понять, почему эти воды названы рѣкою. Шли мы на нашихъ рѣкахъ, мы можемъ прослѣдить ихъ глазами сверху до низу, говоря себѣ утвердительно, вотъ это правый берегъ, а это лѣвый, вотъ здѣсь впадетъ другая рѣка или ручей; съ *Воксою* нельзя этого слѣдить и на картѣ, не говоря уже о самой природѣ. Нѣсколько разъ я уже готовъ былъ сказать, что названіе рѣки здѣсь вовсе не у мѣста, но вспомнилъ, что такъ величается *Воксу* цѣлая финская нація, а названія народныя всегда необыкновенно точны и мѣткі, слѣдовательно, тутъ именно одно названіе мое. Эта мысль безпрестанно тревожила меня, пока не объяснилось, при удобномъ случаѣ, такъ сказать, сама собою, по закону сравненія сродныхъ предметовъ. Разсматривая скалы окрестностей *Кексгольма*, прислушиваясь къ шуму безопечныхъ переборовъ *Воксы*, и окинувъ нѣсколько разъ взоромъ всю картину, я почувствовалъ въ душѣ своей какое то неопытное дотола чувство спокойствія, похожее на умирніе, на то состояніе, въ которомъ находимся мы, стараюсь выкинуть въ что-то непонятное для насъ. Чудная эта страна *Финляндія*! Такихъ чувствъ я еще никогда не испытывалъ, какія она во мнѣ пробудила! — Я видѣлъ граниты *Швейцаріи* и *Италіи*, но здѣшнія горы на нихъ нисколько не похожи. Я видѣлъ источникъ *Рейна*, и проплылъ теченіе его отъ *Базеля* до *Бонна*, но онъ никакъ не можетъ напомнить собою здѣшней чудовищной массы воды, называемой рѣкою *Воксою*. Это отъ того, что здѣсь съверъ, а тамъ югъ. На югѣ вся природа отдѣлана, обработана до малѣйшихъ своихъ частей и подробностей; здѣсь же на съверѣ, все выделено только въ общихъ чертахъ, только очерками, эскизами. Съ береговъ *Невшательскаго озера*, вы видите ясно вдругъ всю цѣль *Бернскихъ Альповъ*, а здѣсь какой то хаосъ гранитныхъ громадъ. Тамъ на югѣ, видѣвъ и высокій ставъ горы, и ея гребень съ зубцами; вы тотчасъ укажете и опишете вашему спутнику, и статую, гибкую *Юнгфрау* (*Jungfrau*) и угрюмаго соседа ея *Мөнхъ* (*Mönch*); здѣсь же въ *Финляндіи*, передъ вами всегда необъятная гранитная масса, съ широкимъ основаніемъ неопредѣленной формы, вовсе безъ стана, сверху и со сторонъ

грубо округленная, разорванная трещинами на огромныя ромбическія отдѣльности. Точно такъ и Вокса; при истокѣ она похожа на рѣку, но при Кексгольмѣ, особенно же выше, растягивается во все стороны, въ видѣ озеръ. Неужели это рѣка, по нашему понятію? — Нѣтъ, это рѣка въ общемъ смыслѣ; это вообще текущая вода, мѣстами съ шумомъ пробирающаяся между подводными камнями, и потому только рѣка. Природа не трудилась здѣсь, ни надъ отдѣлкою горъ, ни надъ формою рѣкъ и озеръ; она не дала имъ никакого индивидуальнаго образа; она сгнѣшила на югъ, согрѣвающій сердце. Звукими также бѣдна Финляндія; на поляхъ не слышно раскату сельскихъ пѣсень. Все тѣ безчисленные звуки, которые на югѣ передаютъ сердцу каждый малѣйшій отгвнокъ чувства, непонятнаго ни глазу ни уму, невыразимаго словами; все эти звуки стихаютъ здѣсь на сѣверѣ, остаются одни общіе звуки природы: вой вѣтра, неопредѣленнымъ шумъ волнъ, и монотонный шумъ переборовъ безобразной Воксы.

Прошу читателя простить мнѣ это отступление, и перенестись слова къ источнику Воксы изъ озера Сайма. При началѣ своемъ она значительной ширины, и перехватывается здѣсь множествомъ подводныхъ камней, образующихъ шумные переборы, но... около на шестой верстѣ пониже, Вокса вступаетъ въ глубокую разсѣлину гранита, шириною не болѣе девяти сажени, извивающуюся на пространствѣ полуверсты, безъ всякихъ видимыхъ подводныхъ камней. Оба берега этой тѣснины состоятъ изъ залегающаго на мѣстѣ, или какъ говорится чисто по-русски, матерата гранита тѣльнаго пѣста, котораго верхнія или наружныя толщи, дотога бѣдны слюдою и кварцемъ, что ихъ скорѣе можно назвать полевымъ шпатомъ; поэтому то эти массы, по закону кристаллическаго сложения полеваго шпата, представляютъ два ясныхъ мѣстопроеженія, одно большое, дающее обширныя совершенно прямыя площади, склоняющіяся по горизонту до 38°, отъ NNW на SSO, и простирающіяся (тянущіяся) отъ WSW на ONO. По этому мѣстопроеженію, массы эти разщеплены на гигантскіе пласты до четверти аршина толщиною. Другое мѣстопроеженіе, противоположное первому, даетъ площади гораздо меньшія, склоняющіяся къ горизонту подъ 20°, съ SSO на NNW, гораздо рѣже развитыя, почти вовсе не участвующія въ видимой, ясной слоеватости этого гранита. Все это отлично можно видѣть на правомъ берегу, нѣсколько шаговъ ниже столовой за-

лы гостиницы. Для большей ясности этого устроения, я прошу читателя перенестись въ Петербургъ, на Неву, гдѣ видѣется набережная отъ новаго моста; пусть онъ представитъ себѣ, что отбесены изъ гранита очень длинныя и широкія табллицы, не болѣе четверти аршина толщиною, и что эти табллицы спускаются съ берега въ рѣку, не вертикально, какъ обыкновенно, но очень поосебно, отклоняя ихъ верхніе края къ землѣ, такъ что обширныя ихъ площади образуютъ скаты въ рѣку. Когда берегъ будетъ околѣмленъ такимъ образомъ, то пусть на него наладываютъ еще одинъ слой точно такихъ же табллицъ, потомъ еще одинъ, и такъ далѣе, какъ бы для большей прочности, и вы получите точь-въ-точь натуральную гранитную набережную, праваго берега тѣснины Воксы.

Поверхностныя части лѣваго или восточнаго берега, устроены точно также, съ тою только разностью, что гранитныя, слоесобразныя отдѣльности его нависли надъ Воксою, которая, въ ярости своей, по временамъ вскакиваетъ на пологіе гранитныя пласты праваго берега, открывая въ то же время нижнія, глубже залегающія части лѣваго. Стоя на правомъ берегу, и внимательно наблюдая лѣвый въ моменты, когда отъ него отхлынываетъ вода, легко замѣтить, что глубокія, нижнія части его состоятъ изъ гранита очень богатаго слюдою, и оттого чернозело-сѣраго, тонко-слоистаго, котораго слои волнообразно изогнуты. Нѣскольکو шаговъ отъ самаго обрыва, внутрь этого лѣваго берега, этотъ нижній гранитъ, чрезвычайно похожій на гнейсъ, богатый кристаллами граната в зеленозело-желтыхъ цирконевахъ, выступаетъ на самую поверхность небольшими партіями. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ гранитъ, еще глубже, переходитъ въ настоящій гнейсъ *.

На лѣвомъ берегу, почти у самаго бельведера, путешественникъ не долженъ пропустить безъ вниманія одну важную геологическую замѣчательность: это такъ-называемые колодцы, котлы или горшки исполиновъ (Riesen-Brunnen, Riesen-Kessel, Riesen-Töpfe, у Нѣмцевъ), также чашины, печи, наменьшяя норы у Русскихъ, и Rock-Bassins у Англичанъ. Въ этомъ мѣстѣ, въ узкомъ и едва слегка приподнимающемся гранитномъ хребтѣ, видно два

* Гнейсъ, какъ и гранитъ, состоитъ изъ полеваго шпата, кварца и слюды; но шпатъ въ немъ встрѣчается мелкими частицами, а слюды такъ много, что камень оттого становится слоистымъ.

глубокиа дилатирическiа, вертикально въ камнѣ идущiа углубленiа или выдвѣсы, которыя, при входѣ и внутри отдѣлены на очертану, какъ бы шарочно выточены на токарномъ станкѣ, и если прослѣдить внутреннiа стѣнки ихъ глазомъ и рукою, то точно скажетесь, что они вытоены точъ-въ-точъ какъ шурупъ или шпильки внутреннiо шпнта или гайки. Тутъ же, въ одномъ огромномъ гранитномъ валунѣ, былъ такой же, но еще болѣе глубокий котелъ, оббитый у самаго дна, такъ что можно хорошо видѣть, осмотрѣвъ внутренность его. Миниходемъ снизу, что эти котлы, просто горшки, предъ тѣмъ, которые я видѣлъ въ горахъ на западномъ берегу Ладожскаго озера, гдѣ въ такой котелъ сваливается человекъ стоя; но объ нихъ въ другое время.

Способъ, какъ произошли эти котлы, слѣдующiй: мы уже нѣсколько разъ говорили, что почва Финляндiи постепенно подымается, отчего воды ея постепенно стекаютъ и мелятъ, или, какъ мы обыкновенно говоримъ, горизонтъ воды опускается. Если вы едете взоромъ оба берега тѣснины Воксы, особенно же лѣвой, то увидите на нихъ несчетное множество разнообразной величины гранитныхъ валуновъ, въ рассыпаную и рядами расположенную, въ некоторомъ отдаленiи увидите гранитныя скалы, вышиною до 250 футовъ, надъ равниною, которыхъ нѣкоторые также унизаны валунами. Вы убѣдитесь, что нѣкогда вся эта равнина, вплоть до холмовъ, стояла ниже, и по всей ея ширинѣ текла Вокса, окривавши на глубинѣ свой теперешнiй водопадъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь котлы, были три водоворота, въ воронки которыхъ уносились небольшiе камешки, которые постепенно и допотопическимъ тренiемъ на одинъ и тотъ же камень, проработали опесчаные котлы. Я посоветывалъ бы путешественнику сойти по лѣвому берегу внизъ, до того мѣста, гдѣ оканчивается тѣснина Воксы, и рѣка вступаетъ въ болѣе широкую ложбину; здѣсь, между береговыми камнями, у самой воды, вы найдете бы такiе, которые теперь еще буравятся водоверотами. Я нашелъ даже такой миниатюрный котелъ, какъ большiе старинныя карманные часы, и могъ унести съ собою весь камень. Впрочемъ, путь туда ведетъ чрезъ частый лѣсъ, по сврагамъ и грудамъ валуновъ, и не совсѣмъ удобенъ даже и для пестраляста.

Участъ Иматы, на счетъ того, водопадъ ли она, точно такая же какъ и всей Воксы, относительно названiя рѣки; стоитъ сойтись даунъ, видѣвши ея, то одинъ непременно будетъ утвер-

ждать, что это вовсе не водопадъ, и непроницаемо убѣдить въ томъ своего противника, хотя и не разъяснить, что въ это именно. Всякая картина, какъ и всякая идея, могутъ быть объяснены не иначе, какъ приличною обстановкою сродныхъ предметовъ; для этого возьмемъ для сравненія два столько же знаменитые водопада, варвскій и рейнскій, при Шафгаузентъ. Рѣка Нарова течетъ здѣсь въ весьма широкой ложбинѣ, по слою плитняка, принадлежащаго къ весьма древней геологической эпохѣ, известной подъ названіемъ *силлурійской**, того самого плитняка, который образуетъ высокіе прибрежные обрывы у Гансала, Ревеля, по всему морскому берегу Эстляндіи, на которомъ стоятъ Царское Село, и который у насъ въ Петербургѣ въ большомъ употребленіи на тротоары, фундаменты и въ бутъ. Нарова, всю ширину свою, спокойно падаетъ съ уступа такихъ плитъ, котораго высота не болѣе полуторы сажени. Этотъ водопадъ приводитъ въ изумленіе единственно протяженіемъ своимъ въ длину, и шумъ его паденія до того единообразенъ, что самое внимательное ухо не въ состояніи различить въ немъ какихъ либо перерывовъ или особенностей.—Рейпъ, нѣсколько ниже Шафгаузена, сильно суживается на весьма незначительномъ пространствѣ, и съ яростью падаетъ съ уступа, вышиною сажени въ пять, дробясь объ острые гребни и объ подводные камни на скатъ его. Вода перебрасывается съ такою непонятною быстротою, и съ хлопотаньемъ, шипѣньемъ, и свистами, столь разнообразными и безконечными, что наблюдатель не знаетъ, на что обратить вниманіе, и эта картина тѣмъ болѣе поразительна, что съ берега кантона Цюриха, можно подойти такъ, что стоишь вверху водопада и, такъ сказать, на волосъ отъ падающихъ воллъ его.

Вокса стѣняется на значительномъ пространствѣ, почти на полуверстѣ, и здѣсь нѣтъ ни одного высокаго уступа, но весь узкій каналъ постепенно спускается, надъ мелкими изгибами, и нивья на дѣтъ значительные выступы и впадины. Ужасная масса водъ, съ которою никакъ не можетъ сравниться ни Рейпъ у Шафгаузена, ни Нарова, стѣненная высокими гранитными берегами на девять сажени, спѣшитъ по этому каналу съ немощр-

* Въ Англіи эти плиты лежатъ въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ въ древности жилъ народъ *Силлуръ*, въ честь которыхъ известный геологъ *Мурчисонъ* и назвалъ всю эту формацию.

ною быстротою, разбиваясь то объ неровности дна, то объ изгибахъ стѣнъ, то сляясь вскочить на граниты праваго берега, съ яростью отхлынуть отъ лѣваго, и снова наполняя его до верху. На каждомъ шагѣ вы видите иное зрѣлище; тутъ по срединѣ образуется жерло, тамъ горою подымается пѣнистая волна, а тамъ одна волна тщетно силится догнать переднюю, и объдробится объ стѣковой гранитъ. Въ какихъ разнообразныхъ направленіяхъ перекрещиваются здѣсь волны, можно судить изъ того, что брошенная мною большая жердь, нѣсколько разъ, то исчезала, то снова выныривала совершенно стоймя. Особенно прелестенъ видъ съ нижняго бельведера, на правомъ берегу; здѣсь вы однимъ взоромъ окладываете всю бурную массу воды до самаго верха, и глазъ вашъ увѣряется, что все паденіе равняется по крайней мѣрѣ саженямъ четыремъ. Стоитъ также дойти внизъ до того мѣста, гдѣ Вокса вдругъ расширяется; здѣсь она похожа на лютаго звѣря, которому, въ самомъ пылу ярости и рева, вдругъ распахнули двери тѣсной клеткѣ; онъ сначала неопредѣленно и быстро мчитъ во все стороны, но все бѣжитъ впередъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе озираясь назадъ.

Спустясь еще ниже, по тому же правому берегу, гдѣ въ него течетъ едва замѣтный болотный ручей, и расхаживая по грудамъ наваленныхъ рѣкою камней, я совсѣмъ неожиданно застигнутъ былъ сильною прибылью воды, которая съ такою быстротою бросилась на берегъ, что ничтожный ручей надулъ и потекъ вверхъ. За этимъ притокъ по немногу утихъ и Вокса вошла въ свои границы. Взявъ въ руки часы, я замѣтилъ, что черезъ каждыя полминуты повторялся тотъ же натискъ воды, и ревъ водопада становился сильнѣе. На слѣдующій день, то же самое явленіе; отъ чего могло бы оно зависть?—Отъ періодической ли прибыли воды по всей Иматрѣ, или отъ правильныхъ порывовъ вѣтра?

Наконецъ, вы насмотрѣлись на Иматру, наслушались ея реву и стучу, и собираетесь въ обратный путь. Къ вамъ входятъ хозяинъ гостиницы, не большой, но самъ въ себѣ и не тощій Шведъ, большой охотникъ поговорить и поразсказать о вашемъ чинѣ и достоинствахъ; онъ съ улыбкою подноситъ вамъ нѣсколько *фигурчатыхъ камешковъ* изъ Иматры, и проситъ взять ихъ съ собою на память, между тѣмъ, какъ жена его стоитъ за дверью, и сквозь щелку зорко слѣдитъ за каждою монетою, которую вы даете ему за это безкорыстное приношеніе.

Если хотите знать, какъ и гдѣ дѣлаются эти камни, то я попрошу отложить вашъ отъѣздъ часовъ на пять, и побегу васъ туда, гдѣ вы можете набрать этихъ рѣдкостей цѣлый мѣшокъ, и притомъ набрать своими собственными руками, изъ неистощимаго магазина величайшей богачки въ мѣрѣ — природы.

Разсмотримъ сначала форму и строеніе фигурчатыхъ иматовскихъ камней, какими ихъ вамъ далъ хозяинъ гостиницы. Какъ ни разнообразенъ кажется съ перваго раза ихъ наружный видъ, но при внимательномъ разсматриваніи, вы замѣтите, что все есть не что иное, какъ измѣненіе и повтореніе одной и той же формы, чрезвычайно похожей на кондитерскіе бисквиты для проклату, длинные, и на каждомъ концѣ нѣсколько расширенныя, въ видѣ приплюснутаго шара или толстаго кружка. Прибавьте къ этому еще, что бисквиты эти сдѣланы изъ множества пластмассъ слоенаго тѣста. Еще яснѣе будетъ строеніе этихъ камней, если мы вообразимъ его себѣ слѣдующимъ образомъ: вырѣжьте изъ бумаги подобіе такого бисквита, или что все равно, фигуру, похожую на цифру 8; нарежьте такихъ фигурокъ, все постепенно меньшихъ и меньшихъ, какъ можно болѣе, и накладывайте ихъ на первую, самую большую, такъ, что сначала сверху одну поменьше, потомъ снизу также поменьше, и всегда такъ, чтобы центры конечныхъ круговъ никогда не совпадали другъ съ другомъ, повторяя это до-тѣхъ-поръ, пока не получите довольно толстый, на обоихъ концахъ почти въ шаръ надутый бисквитъ; это будетъ самая образцовая и полная форма и внутреннее сложеніе фигурчатыхъ иматовскихъ камней, но она не есть въ то же время обыкновенная, напротивъ того, чаще всего встрѣчаются разрозненные и обточенные круглые концы бисквитовъ, а къ самымъ рѣдчайшимъ принадлежатъ такіе, которые представляютъ соединеніе нѣсколькихъ полныхъ бисквитовъ, наложенныхъ одинъ на другой, или всею длиною, или одинъ по-крайней-мѣрѣ однимъ надутымъ концомъ на другой, между-тѣмъ какъ оба остаются болѣе или менѣе другъ другу противоположны, или даже такъ, что оба бисквита, соединенные двумя головками, образуютъ двуполою свою уголь.

Эти камни всегда сѣневаго-сѣраго или пепельнаго цвѣта, и состоятъ преимущественно изъ углекислой извести, съ примѣсью жеску и глины. Капля азотной кислоты, пущенная на этотъ камень, производитъ чрезвычайно сильное вскипаніе, съ большими

вузырями и шипѣніемъ, что составляетъ вѣрный признакъ большого содержанія въ нихъ углекислой извести.

За всѣмъ что сказано, опособъ происхожденія этихъ фигурчатыхъ камней, объясняется весьма легко. Это не что иное, какъ куски шифера или сланца углекислой извести, оторванные водою отъ своихъ горъ, потомъ увлеченные въ Иматру, и долговременнымъ вращеніемъ въ ея безконечныхъ водоворотахъ, болѣе и болѣе обточившіеся. А почему они обточились именно въ тѣ формы, о которыхъ мы говорили выше, то вотъ тому причины:

Шиферныя, или сланцеватыя горы, доставившія матеріалъ для этихъ камней, произошли такъ: на днѣ моря осаждались, съ раствора морской воды, углекислая известь, глина и песокъ, и мало-по-малу образовывали, сначала одинъ тоненькій пластинкѣ, потомъ надъ нимъ другой, третій, и такъ далѣе, до огромныхъ толщъ, которыми впоследствии были выдвинуты изъ глубины моря. Горизонтальныя пластинки этихъ массъ постепенно высыхали сверху, слѣдуя при этомъ тому общему закону, что при медленномъ испариваніи, частицы каждой пластинки стягивались плотнѣе къ множеству такихъ же частицъ, но служившихъ имъ какъ бы центромъ силы сдѣлания, которая тѣмъ слабѣе становилась, тѣмъ далѣе отъ центра. Такимъ-образомъ, въ каждой пластинкѣ такого шифера есть множество центровъ взаимнаго притяженія или множество самыхъ близкихъ мѣстъ, отъ которыхъ по радиусамъ, частички все слабѣе и слабѣе соединены. Центры притяженія двухъ пластинокъ никакъ не могутъ совпадать, потому что пластинки отлагались и плотнѣли въ разные, послѣдовательныя времена. И такъ, каждый небольшой обломокъ шифера будетъ состоятъ изъ множества пластинокъ, а въ каждой изъ этихъ пластинокъ будетъ, по-крайней-мѣрѣ, два плотнѣйшихъ центра, около которыхъ водоворотъ обрывалъ и смывалъ слабѣйшія частицы. У меня есть фигурчатые камни съ тремя центрами взаимнаго притяженія; они гораздо рѣже, потому что больше, и слѣдовательно, легко разбиваются въ водоворотахъ.

Теперь затѣнемъ въ мастерскую самой природы; перекинемъ черезъ плечо мѣшокъ съ молоткомъ, долотомъ и ручною лопаткою, и отправимся, внизъ по рѣкѣ, по дорогѣ ведущей отъ гостиницы къ деревнѣ *Мельдолъ* (*Meldola*). Здѣсь беремъ лодку съ грѣбкомъ и между подводными камнями и островками плывемъ поперекъ Воксы, которая здѣсь широка, но еще не совсѣмъ успокоилась и съ досадою колышетъ нашъ челнокъ, хотя безопасными,

но по крайней мѣрѣ пугающими пріемами. Противоположный, лѣвый берегъ близокъ, вода до того становится мелкою, что вы съ лодки видите дно, усѣянное множествомъ фигурчатыхъ камней; собирайте ихъ сами, сколько душѣ угодно, или пошлите въ воду вашего перевозчика, который будетъ ихъ ощупывать босыми ногами и доставать руками. Когда лодка причалитъ, и вы выйдете на берегъ, то увидите, что онъ круто подымается, надъ уровнемъ воды саженой на пять, и весь состоитъ изъ тонкихъ слоевъ глины, горизонтально одна на другой насланныхъ, перерѣзанныхъ сверху до низу рытвинами отъ дождевыхъ потоковъ. Взойдя на верхъ обрыва, вы видите, что площадь его лежитъ въ уровнѣ той равнины, которую нѣкогда ценила Вокса, изъ чего вы и заключаете, что глинистые пласты отложились въ ту эпоху изъ водъ Воксы, на тогдашнемъ днѣ ея: берите вашу ручную лопаточку * и поройтесь въ глинистыхъ пластахъ обрыва; все, что вы тутъ найдете, неслось нѣкогда волнами старинной Воксы; вы узнаете ея домостроительство точно также, какъ археологъ, роющійся въ Помпѣяхъ, изучаетъ домашній бытъ древнихъ жителей погибшаго города. — Къ вашему удивленію, тотчасъ выкопаете здѣсь вдоволь такіе же фигурчатые камни, какіе вы нашли въ теперешней водѣ Иматры, съ тою только разностью, что они съ шероховатою поверхностью, и гораздо грубѣе обдѣланы. Въ нѣсколько минутъ вы можете подобрать изъ нихъ цѣлый рядъ кусковъ, представляющихъ разнообразнѣйшіе переходы отъ экземпляровъ почти совершенно обточенныхъ, до грубыхъ кусковъ шифера, слегка обтертыхъ и обмытыхъ водою, в между пластинками ихъ найдете даже обыкновеннаго спутника известняковъ, именно, известковый шпатъ, полу-прозрачный, зеленовато-желтаго цвѣта.

И такъ, общій выводъ нашихъ изслѣдованій объ иматровскихъ фигурчатыхъ камняхъ будетъ слѣдующій: къ сѣверу, къ сѣверо-западу и нѣсколько къ юго-западу отъ источника Воксы изъ озера Саймы залегаютъ толщи известковаго сланца; отъ нихъ оторваны были, въ геологическія времена, куски различной величины и увлечены въ Воксу, которая, обмывая и округливъ ихъ въ своихъ водоворотахъ, отложила ихъ наконецъ на днѣ своего широкаго русла вмѣстѣ съ глинною, мутившею ея воду. Впослѣдствіи, по общей участи всей Финляндіи, и дно Воксы было приподнято; лишняя вода сбыва, а что осталось, потекло по самой глубокой,

* Та самая лопаточка, которую каменьщики берутъ цементъ.

по темерешней бороздѣ. Крутые глинистые берега, теперь магазинъ, доставляющій работу волнамъ Иматры; дождевыя и сѣвѣныя воды, разшивая эти берега, увлекаютъ съ собою въ Вокеу подготовленные уже камни, а волны и водовороты Вокемы облачиваютъ ихъ на обдѣлку.

«Видѣніе лучше слуха», сказалъ одинъ изъ просвѣтителей Россіи, святой Владиміръ. Кажется недурно, что вы не удовольствовались тѣми камнями, которыми надѣлялъ васъ хозяинъ гостиницы, а пошли на мѣсто ихъ обдѣлки. Прежде вы, вѣроятно, не взяли бы ихъ, а если бъ и взяли, то выбросили бъ при первомъ случаѣ какъ лишнюю тягость и хламъ; теперь же такой камень заставитъ васъ думать о многомъ случившемся въ мірѣ и гадать далеко въ будущее. Какъ все происходитъ просто въ природѣ, и какъ она велика въ своей простотѣ! Какъ великъ человѣкъ, котораго умъ развертываетъ самые запутанныя складки ея твореній! Человѣкъ не долженъ зарывать таланта, даннаго ему Богомъ; величайшимъ преступленіемъ было бы противъ его вѣчныхъ, неизмѣнныхъ законовъ, если бъ человѣкъ не старался развивать и возвышать умъ свой!

Движеніе финляндскихъ наносовъ на европейскую Россію. — Выше видѣли мы, что южная полоса Финляндіи, состоитъ изъ наносовъ, то есть, изъ песковъ различной степени измельченія, изъ глинъ и гранитныхъ валуновъ, или заносныхъ камней; мы показали способъ происхожденія этихъ массъ и ихъ движеніе отъ мѣста происхожденія на югъ, и удовольствовались тѣмъ, что проводили эти наносы до южныхъ границъ Финляндіи и до ближайшихъ окрестностей Петербурга. Тутъ у читателя самъ собою родится вопросъ: что жъ сталося далѣе съ наносами, остановились ли они тутъ, или пошли далѣе? — Геологъ отвѣчаетъ на это, что они постепенно двигаемы были далѣе и далѣе на югъ, и покрыли пескомъ и гранитными валунами все пространство европейской Россіи, съ самаго сѣвера до харьковской и екатеринославской губерніи на югъ, такъ, что по всему этому пространству можно встрѣтить финляндскихъ уроженцевъ — гранитные и гнейсовые валуны. Въ этомъ увѣряетъ насъ прямое наблюденіе; на вопросъ же, что заставляло двигаться эти массы, отвѣчаютъ двѣ теоріи.

Одна предполагаетъ, что въ то время, когда выдвинуты и приподняты были горы скандинавскія и финляндскія, озера прѣсной воды, находившіяся между ихъ гребнями, вылились и увле-

кли, въ стремленіи своемъ на югъ, обломки гранитныхъ породъ, песокъ и глину, и покрыли ими сѣверную и среднюю полосы Россіи. Прінявъ, однако жъ, въ расчетъ незначительную поверхность, занимаемую скандинавскими и финляндскими горами, въ сравненіи съ величиною европейской Россіи, легко убѣдимся, что потоку, ихъ водъ, недоставало ни массы, ни силы, чтобъ разлиться въ одинъ пріемъ, по всему этому пространству.

По другой теоріи, профессора Агаси, земля наша прожила уже нѣсколько эпохъ, изъ которыхъ каждая заключалась всеобщимъ оцѣпенѣніемъ и такимъ холодомъ, что поверхность земли покрывалась однимъ всеобщимъ ледникомъ. Каждая новая эпоха существованія начиналась постепеннымъ возвышеніемъ температуры земли и мѣстными поднятіями ея поверхности въ горы; ледники таяли, и скатывалась по наклонности горныхъ краей, улекая песокъ и камни и полировала поверхности тѣхъ пластовъ, по которымъ скользили. Къ мѣстности, которая нынѣ теперь занимаетъ, теорія Агаси вовсе не можетъ быть приложена; возвышенности Финляндіи ничтожны сами по себѣ, а скандинавскія исчезаютъ предъ неизмѣримымъ протяженіемъ съ сѣвера на югъ европейской Россіи; такъ что, если бъ тутъ и были нѣкогда всемірные ледники, то для нихъ не было бъ возможности также отважно кататься по площади Россіи, какъ, по понятію Агаси, они катились съ высотъ Альповъ, на невшательскую Юру.

Для объясненія этого явленія, вовсе нѣтъ надобности прибѣгать, ни къ сильному напору огромной массы прѣсной воды, ни къ движенію всемірныхъ ледниковъ, ни къ иной какой-либо насильственной причинѣ. Всѣ явленія нашихъ обширныхъ наносовъ объясняются очень просто, изъ извѣстныхъ уже геологическихъ данныхъ, не подлежащихъ никакому сомнѣнію, основанныхъ на прямомъ наблюденіи.

Для лучшаго уразумѣнія этихъ частныхъ данныхъ, мы должны прежде рассмотретьъ относящіеся къ этому предмету общія геологическія данныя. Море, какъ мы уже сказали при случаѣ, переходило съ одного мѣста на другое, и изъ раствора и механической смѣси ихъ, отлагались на днѣ его пласты известковые, глинистые, песчаные и такъ далѣе, и въ эти пласты заключались раковины, кости рыбъ и вообще твердые остатки различныхъ животныхъ, тогда въ этомъ морѣ жившихъ. Прибавьте къ этому еще одинъ великій фактъ: всѣ формы въ мірѣ про-

ходящи, все должно умереть, не только индивидуальное животное, но всѣ недѣлимые, составляющіи видъ (species), даже всѣ виды одного рода; наконецъ, всѣ роды цѣлыхъ свойствъ. Исторія чело­вѣка представляетъ намъ много тому при­блѣзности; но еще слишкомъ малы, даже мелочны, въ сравненіи съ тѣми, которые дала намъ въ руки исторія земли — зоологія. Представьте себѣ, что въ каждую эпоху, начиная съ того времени какъ появились на землѣ животныя, до нашихъ временъ, существовали формы ея свойственныя, которыя, приближаясь къ слѣдующей, новѣйшей эпохѣ, постепенно уничтожались, и вмѣсто нихъ являлись новыя, отличныя отъ первыхъ формы, и такъ далѣе, на землѣ. И такъ, пласты, образовавшіеся на днѣ моря въ известную какую либо эпоху, будутъ заключать въ себѣ остатки животныхъ ея свойственныхъ, которыя, для узнанія относительной древности пластовъ, будутъ то же, что монеты для исторіи государствъ. Море оставалось на одномъ мѣстѣ различное время, иногда продолженіи одной эпохи, двухъ, трехъ эпохъ и такъ далѣе; поэтому на днѣ его успѣвали отлагаться пласты одной эпохи, или какъ говорится, *одна древнѣйшая формація*, или двѣ послѣдовательныя формаціи, одна надъ другою; или три формаціи, и такъ далѣе. Посему формація, представляющая обнаженія, то есть, верхняя, точно указываетъ намъ время, когда морская вода, вслѣдствіе подземнаго подъема, сбыла далѣе, осушивъ послѣднюю формацію. За симъ, можемъ смѣло присту­пить къ нашей европейской Россіи.

Взглянувъ на геогностическую карту ея, мы тотчасъ убѣжда­емся, что всѣ осадочныя морскія формаціи ея располагаются или являются обнаженными на ея поверхности, по старшинству сво­его происхожденія, съ сѣвера на югъ; то есть, такъ что сѣвер­ныя части занимаютъ самыя древнѣйшія, силурійская и девон­ская; къ серединѣ залегаютъ каменно-угольная и Юра; далѣе къ югу, мѣловатая почва, и, наконецъ, самая южная полоса почти исключительно занята третичными пластами, изъ которыхъ самыя новыя образуютъ тотъ степной известникъ, который, въ послѣднее геологическое время, былъ дномъ того огромнаго Средиземнаго моря, отъ котораго теперь остались моря Аральское, Каспійское и Черное. И такъ, очень ясно, что материкъ евро­пейской Россіи приподнимался, изъ глубины огромнаго моря, чрезвычайно медленно и безъ всякихъ сильныхъ потрясеній, по­степенно съ сѣвера на югъ: это море сбывало далѣе и далѣе на

югъ, и гидрографія въ такой же постепенности увеличивавшаяся материка измѣнилась, приводилась мало по-малу къ теперешнему порядку ея, также съ сѣвера на югъ. Наконецъ, очень естественно, что этимъ отъ времени до времени прерывавшимся движеніемъ морскихъ и частью прѣсныхъ водъ, гранитные камни финляндскіе, съ пескомъ, глиною и такъ далѣе, передвигались постепенно съ сѣвера на югъ, постепенно оскудѣвая, и, наконецъ, вовсе исчезая, и именно такъ, что мелкія части переносились прямо водою, а огромные гранитные валуны, при содѣйствіи льдинъ.

С. КУТОРГА.

=

ЕЛИСАВЕТА КУЛЬМАНЪ

И ЕЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

=

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

Теперь приступимъ къ послѣдному труду Елисаветы Кульманъ; что же касается до ея переводовъ на нѣмецкій и италіанскій языки, то она дѣлала ихъ обыкновенно въ то время, когда писала по-русски, такъ что они всегда бывали окончены у нея или въ то же время какъ русскія сочиненія, или много что нѣсколькими днями позже. Мы уже сказали, что всѣ сочиненія ея, явившіяся одни подъ заглавіемъ «Заморскихъ», а другіе подъ заглавіемъ «Русскихъ Сказокъ», были уже окончены, когда она начала «Памятникъ Береникъ». «Волшебную Лампаду», эту единственную *восточную* сказку, которую мы отъ нея пишемъ, Кульманъ начала еще до совершеннаго окончанія третьей части своихъ «Піитическихъ Опытовъ».

Чтобы вполне оцѣнить достоинство этой послѣдней ея сказки, должно прежде всего провести точную границу между тѣмъ, что взято ею изъ арабскихъ Сказокъ «Тысячи и одной ночи», и тѣмъ, что прибавила она сама отъ себя.

Какой-то чародѣй приходитъ, Богъ вѣсть откуда, въ одинъ китайскій городъ, потому что читалъ въ волшебныхъ книгахъ, что близъ этого города, лежитъ зарыта въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ лампада, которая можетъ сдѣлать его богатѣйшимъ и счаст-

живѣйшимъ изъ смертныхъ, если онъ ее найдетъ; но какъ этотъ кладъ могло открыть только невинное дитя, то чародѣй, увидѣвъ на улицѣ въ толпѣ играющихъ дѣтей осмысленнаго мальчика, Аладда, сына одной бѣдной вдовы, портнихи, вкрался къ этой женщинѣ въ довѣренность, сдѣлавъ ей нѣсколько подарковъ. Когда онъ успѣлъ въ этомъ и мать позволила сыну сопровождать мезначкомца за городъ, волшебникъ приходитъ съ ребенкомъ въ пустынное мѣсто, разводитъ огонь и говоритъ какія-то таинственные слова; пламя раздвигается и потомъ погасаетъ; на невеличкѣ явился большой камень съ кольцомъ, но его могла отвалить только рука невинности. Какъ скоро это совершилось, показалось углубленіе съ лѣстницею, ведущею въ темный ходъ, а оттуда въ богатую залу, смежную съ садомъ, въ одномъ углу котораго, въ нишѣ, находится мерцающая волшебная лампада. Но ходъ, зала и садъ доступны только стонамъ невинности, и только невинная рука можетъ овладѣть лампадою. Разными обещаніями волшебникъ уговорилъ мальчика отважиться на это предпріятіе. Неся за назухую лампаду, а вмѣстѣ съ нею и искусство прекрасныхъ стеклянныхъ плодовъ, которые нарвалъ въ подземномъ саду, мальчикъ возвращается къ тому мѣсту, гдѣ ожидалъ его волшебникъ. Дай мнѣ напередъ лампаду, сказалъ волшебникъ. Мальчикъ противился этому, боясь разбить свои плоды, доставая лампаду. Волшебникъ наставляетъ, мальчикъ упрямится. Наконецъ волшебникъ, видя себя отъ гнѣва, произноситъ другія таинственные слова, отъ которыхъ камень опять заваливается и такимъ образомъ погребаетъ мальчика заживо. По счастью, мальчикъ получилъ прежде отъ злодѣя волшебное кольцо, которое охраняло его отъ всѣхъ опасностей, лишь только онъ прикасался къ нему другою рукою. Мальчикъ во-время вспомнилъ объ этомъ свойствѣ кольца, соснулъ его, и тотчасъ очутился на поверхности земли; но тамъ не было уже ни духу, ни слуху ни о какомъ волшебникѣ. Возвратясь домой, мальчикъ, въ присутствіи матери, вынимаетъ изъ назухи всѣ свои прекрасные стеклянные плоды, и наконецъ лампаду, съ виду не весьма красивую. Они положили продать лампаду; но, для большей прибыли, мать рѣшилась, почистить ее мелкимъ пескомъ. Только что она начала тереть ее, вдругъ явился передъ нею великанъ, и оглушительно громкимъ голосомъ говоритъ ей: «Я вѣрный слуга лампады и того, кто владѣетъ ею; что прикажешь?» — Мать потерялась, но мальчикъ, привыкнувъ уже къ волшебству, но прежнимъ приключеніямъ, чистосердечно объявилъ великану, что она бѣдна, и чтобы онъ принесъ имъ поѣсть. Великанъ исчезъ, но вскорѣ опять явился и поставилъ на столъ большой подносъ съ кушаньями на нѣсколькихъ тарелочкахъ, съ хлѣбомъ и разными напитками, и снова исчезъ. Когда мать пришла въ себя, мальчикъ сталъ ее уговаривать, чтобы она поѣла; все было превосходно, и такъ много, что еще осталось на нѣсколько дней. Но на что имъ оловянные тарелки, думали они (тарелки

были изъ чистаго серебра). Я стану носить ихъ по одиночкѣ на рынокъ, сказалъ мальчикъ; авось что-нибудь дадутъ за нихъ. На дорогѣ встрѣчается ему знакомый Еврей, который, узнавъ отъ мальчика, куда и за чѣмъ онъ идетъ, покупаетъ у него тарелку за безцѣнокъ и уговариваетъ его придти къ нему всякій разъ, когда ему понадобится продать что-либо подобное. Такъ мать и сынъ прожили десять лѣтъ сряду, прибѣгая только въ самой крайней необходимости къ лампадѣ, которую мальчикъ не хотѣлъ уже отдавать ни за какую цѣну.

На семнадцатомъ году отъ рожденія, Аладинъ видитъ царевну Вадрубудуръ и влюбляется въ нее. Онъ неотступно проситъ мать, чтобы она пошла къ султану и спросила у него согласіе на бракъ его дочери съ сыномъ ея. Она рѣшается идти, но неохотно, и приноситъ въ даръ султану нѣсколько мнимыхъ стеклянныхъ плодовъ, при видѣ которыхъ султанъ вѣдъ себя отъ радости и удивленія. Но въ слѣдствіе вышательства визиря, свадьба отложена на три мѣсяца. Еще не протекли эти три мѣсяца, какъ въ городѣ разнесся слухъ, что царевна вступаетъ въ бракъ съ старшимъ сыномъ визиря. Аладинъ, не теряя присутствія духа, прибѣгаетъ къ лампадѣ. Является услужливый великанъ, и Аладинъ велитъ ему унести жениха и держать его на воздухѣ не только въ первую ночь послѣ брака, когда молодая чета удаляется въ свою спальню, но и повторять это дѣйствіе каждую ночь. Молодой женихъ такъ утомился этой невзгодой, что самъ потребовалъ развода съ царевною. Наконецъ, по прошествіи трехмѣсячнаго срока, который султанъ назначилъ матери Аладина, она является къ нему вторично и напоминаетъ объ обѣщаніи. Султанъ, связанный даннымъ словомъ, но не желая также отдать царевну невѣстному человѣку, вздумалъ отдѣлаться отъ него, потребовавъ подарокъ, который былъ бы еще богаче полученныхъ имъ драгоценныхъ камней. Но, спустя нѣсколько часовъ, Аладинъ посылаетъ ему все, что тотъ желалъ. Султанъ, обильный блескомъ подарковъ, даетъ свое согласіе, велитъ Аладину явиться лично, очарованъ его наружностью и умственными качествами, и бракъ совершонъ. Нѣсколько лѣтъ сряду Аладинъ былъ счастливѣйшій человѣкъ на землѣ. Вотъ однажды волшебникъ роется въ своихъ книгахъ, и находитъ, что Аладинъ со-всѣмъ не погибъ въ подземной пещерѣ, а напротивъ достигъ высшаго человѣческаго блаженства, живетъ въ великолѣпномъ дворцѣ, благодаря унесенной имъ лампадѣ. Вѣдъ себя отъ зависти, волшебникъ отправляется опять въ китайскій городъ, и видитъ Аладинъ дворецъ, который имѣетъ всѣ признаки волшебнаго происхожденія. Онъ узнаетъ, что Аладинъ въ отсутствіи, и начинаетъ придумывать средства, какъ завладѣть волшебною лампадою. Онъ заказываетъ дюжину красивыхъ лампадъ, укладываетъ ихъ въ корзину и, пройдя весь городъ, приходитъ въ ту улицу, гдѣ жилъ Аладинъ. — «Кому угодно промѣнять старыя лампы

на новья?» кричитъ онъ. Уличные мальчики считаютъ его помѣшаннымъ и поднимаютъ вокругъ него оглушительный смѣхъ. Царевна Бадрулбудуръ слышитъ шумъ изъ своего покоя; любопытствуя знать, что за причина шума, она посылаетъ невольника освидѣниться, и узнаетъ, что какой-то разнощикъ мѣняетъ старья лампы на новья. Въ эту самую минуту она увидѣла волшебную лампаду, стоящую въ одномъ углу покоя; ничего не зная про ея свойства, она посылаетъ невольника посмотреть, правда-ли то, что говорятъ. Какъ только волшебникъ увидалъ старую лампаду, взявъ ее и спрятавъ за пазуху, предоставивъ невольнику выбрать себѣ любую изъ новыхъ лампадъ. Невольникъ возвратился и подаль царевнѣ новую лампаду. Наступила полночь; волшебникъ, уже въ качествѣ владѣльца лампады, повелѣваетъ великану перенести дворецъ, со всемъ, что въ немъ находится, на мѣсто его родины, что тотъ и исполняетъ въ точности. На другое утро султанъ не находитъ дворца Аладина; призываетъ визири и тотъ говоритъ: «Я давно уже примѣтилъ, что счастье Аладина не что иное, какъ чародѣйство». Разгнѣванный султанъ велитъ воротить Аладина, который, между-тѣмъ, находился на охотѣ, и, когда онъ будетъ пойманъ, наложить на него цѣпи. Народъ, любившій Аладина болѣе самого султана, приходитъ въ смятеніе, требуетъ освобожденія своего любимца и грозитъ напасть на султановъ дворецъ; тутъ визири вопреки своей ненависти къ Аладину, совѣтуетъ султану, произнесшему уже смертный приговоръ надъ своимъ зятемъ, уступить волѣ народа. Аладина вызываютъ, въ теченіе сорока дней, отыскать царевну и возвратитъ ее султану. Въ-самомъ дѣлѣ, счастье ему благоприятствуетъ и приводитъ его въ жилище волшебника. Съ помощью царевны ему удается убить волшебника, снова овладѣть волшебною лампадою, и, благодаря услужливому великану, воротиться съ дворцемъ и царевною въ столицу султана.

Тутъ кончается сказка въ «Тысячѣ и одной ночи». Мы съ намѣреніемъ рассказали ее въ подробности, чтобы читатель могъ вполне представить себѣ, что Елисавета Кульманъ къ ней прибавила, и что измѣнила.

Какъ эта сказка ни забавляла насъ въ дѣтствѣ, когда намъ рассказывали ее наши матери, или няньки, однако должно признаться, что это въ полномъ смыслѣ слова сказка, и къ тому же не изъ самыхъ замысловатыхъ. Взглянемъ теперь на твореніе юной писательницы. Она сдѣлала изъ нея эпопею, изображаетъ намъ характеръ своего героя, Аладина, какъ только можно подробно, а все прочіе характеры соотвѣтственно отношенію ихъ къ цѣлому, иные рѣзче, другіе слабѣе. Она такъ приготовляетъ своего героя къ тому великому жребію, который ему суждено, что совсемъ не удивляешься, когда шахъ и дворъ его приходятъ въ восхищеніе отъ нравственныхъ свойствъ Аладина. Въ сочиненіи ея находятся вещественнѣйшія условія всякой эпической поэмы:

смерть счастье, потому злополучіе и наконецъ возвращеніе счастья. Елисавета ушла изъ своего вымысла высокое правоученіе. Аладинъ, впадъ въ несчастіе, обвиняетъ самого себя; горько укоряетъ себя въ дурномъ поступкѣ съ женихомъ царавни, который былъ назначенъ ей въ супруги не по милости, а по великимъ услугамъ, оказаннымъ имъ государству на полѣ брани. Раскаленіе Аладина доходитъ до того, что онъ, желая самъ наказать себя за свое преступленіе, бросается въ волны Зендрута. Но изъ этого приключенія съ Аладиномъ юная писательница извлекаетъ неисчислимыя выгоды для своего сочиненія:

Для поясненія нашихъ словъ скажемъ, что Кульмашъ въ произведеніи своемъ перевесла мѣсто дѣйствія изъ Китая, государства, до нея мѣлкію, бѣднаго, въ сравненіи съ Персією, великими воспоминаніями, въ Испагань, гдѣ всюду окружали ее великіе и блестящія памятники великихъ поэтовъ и великихъ героевъ. И такъ, вмѣсто того, чтобы погибнуть въ волнахъ Зендрута, протекающаго въ Испагань, Аладинъ вдругъ очутился въ хрустальной залѣ, на одномъ концѣ которой онъ примѣтилъ золотую лѣстницу, а на ступеняхъ этой лѣстницы генія, указующаго правою рукою на черную доску, на которой серебряными буквами начертаны слѣдующія слова: «Когда ты придешь къ гробу пророка и тамъ чистосердечно раскаешься въ своей винѣ; когда ты потомъ будешь продолжать свое трудное странствіе вдоль Нила вверхъ до источниковъ рѣки, тогда будешь еще счастливѣе прежняго». Читатели видятъ, безъ нашего указанія, что такимъ-образомъ авторъ имѣетъ случай описать намъ не только красоты Персіи и Персидскаго залива, но еще и всю Аравію съ достопримѣчательностями Медины, города пророка, а потомъ весь Египетъ съ различными его памятниками. Но недовольная всѣмъ этимъ богатствомъ, она создаетъ еще на скалистой границѣ Египта крылатого коня, который, вышлывъ изъ Нила, ночью несетъ героя по звѣздному поднебесью черезъ Нубію въ Эіопію и къ ключамъ Нила, гдѣ обитаетъ похититель его супруги. По возвращеніи же въ Испагань, предсказаніе генія сбывается: шахъ, въ вознагражденіе за учиненную Аладину жестокость, отказывается отъ правленія и назначаетъ его своимъ наслѣдникомъ и повелителемъ Персіи.

Главныя же красоты этого сочиненія заключаются преимущественно въ большомъ числѣ описаній, о которыхъ нѣтъ ни слова въ арабскихъ сказкахъ; таковы: памятники Гѣнза и Саади, развалины Персеполя, Пальмира, дворецъ и сады Аладина, собираніе винограда въ окрестностяхъ Шираза, разныя явленія природы днемъ и ночью, во время перѣзда Аладиномъ черезъ море въ Аравію; странствіе его по Аравіи, соединенное со всѣми ужасами, какіе только встрѣчаются въ степи; гробница Магомета; паденіе водъ Нила и выплывающія развалины Геліополя; пирамиды, Тентира, Фивы, великій водопадъ, многія созвѣздія южнаго полуша-

рія, ключи Ніла. Словомъ, въ этомъ трудѣ Елисаветы на каждомъ шагу ожидаетъ читателя истинно восточное изобиліе картинъ.

Бросивъ общій взглядъ на всѣ поэтическія произведенія Елисаветы Кульманъ, можно, кажется, раздѣлить ихъ на пять эпохъ. Прежде всего она начала описывать природу. Въ этой сферѣ она неподражаемо оригинальна, богата и разнообразна. Здѣсь она первое нѣтъ-было была обязана искусству, и, судя по ея способности и характеру, которые мы узнали посредствомъ безпрерывнаго наблюденія, увѣрены, что она безъ всякой помощи и безъ великаго посторонняго содѣйствія не могла бы въ этомъ родѣ поэзіи. Училище говорить о достоинствѣ этого рода произведеній, когда это сдѣлано уже Гёте и Жанъ-Полемъ Рихтеромъ, которыми, впрочемъ, были извѣстны только весьма немногіе ея стихотворенія.

Вторая ея поэтическая эпоха начинается съ того времени, когда она познакомила съ Анакреономъ, Гомеромъ и прочими представителями греческой литературы. Царю греческихъ поэтовъ буждено было совлечь этотъ развивавшійся геній съ пути, избраннаго имъ по инстинкту, на путь искусства. И подлинно, первыя стихотворенія Елисаветы до того отличны отъ появившихся послѣ произведеній искусства, что можно съ перваго взгляда подумать, что они происходили изъ двухъ различныхъ источниковъ. Въ первыхъ вездѣ видимъ рѣдкое изобиліе, даже излишество мыслей и рѣчей; въ другихъ же, греческихъ ея произведеніяхъ, строжайшій выборъ мыслей и словъ; часто видимъ болѣе мыслей, нежели словъ; всегда нѣкоторую бережливость въ употребленіи такъ называемыхъ прикрасъ искусства, но бережливость, которая показываетъ, что она слѣдствіе не бѣдности, а напротивъ, образованнаго вкуса. Подобно Гомеру, она всегда изображаетъ свои предметы, не умножая картинъ, а выбирая самыя удачныя и самыя рѣзкія черты, запечатлѣвая такимъ образомъ въ душѣ читателя неизгладимыя картины. И тутъ мы не имѣемъ надобности произносить свое сужденіе, такъ какъ уже высказалъ свое мнѣніе объ этомъ Фоссъ, которому наставникъ Елисаветы послалъ списокъ съ ея «Стихотвореній Коринны», тотчасъ по окончаніи ихъ. Вотъ, что говоритъ этотъ опытный судья: «Эти стихотворенія можно почесть мастерскимъ переводомъ твореній какого-нибудь поэта блистательныхъ временъ греческой литературы, о которомъ мы до сихъ-поръ не знали, до такой степени писательница умѣла выкинуть въ свой предметъ. Нѣтъ слова, которое могло бы насъ разубѣдить, что мы читаемъ твореніе древности. Трудно понять, чтобы столь молодая дѣвушка могла уже приобрѣсть такія глубокія и обширныя познанія въ искусствѣ и древности».

Елисавета Кульманъ умѣла выкинуть въ духъ и формы не одной греческой поэзіи, и дѣйствовать и творить въ нихъ непрямоудно; но и въ германскія, русскія и восточныя формы умѣла она облекать свои идеи и освоиться съ ихъ духомъ, и написала сказ-

ки, которыя имѣютъ свою особенную фizioномію и совершенно отличный характеръ.

Третью эпоху мы назовемъ германскою, потому что большая часть относящихся сюда сказокъ — германскаго происхожденія; сама же она назвала эти сказки «заморскими». Нѣкоторыя изъ нихъ, кратчайшія, собственной ея выдумки, какъ-то: «Звѣздочки», «Родительская любовь» и другія. Самыя же длинныя, а по содержанию и исполненію прекраснѣйшія, какъ то: «Ясминъ и Пчела» и «Близнецы» достаточно свидѣтельствуютъ, какъ ловко она приняла чужіе образы, и какъ вѣрно изображала нравы и обычаи чужеземныхъ народовъ.

Что же касается до ея «Русскихъ сказокъ», а именно двухъ послѣднихъ и длиннѣйшихъ: «Василій Богуславичъ» и «Добрыня Никитичъ», то мы довольствуемся мнѣніемъ мужа, котораго память никогда не изгладится въ сердцахъ Русскихъ, и который въ сказкѣ всегда останется неподражаемымъ. Случилось, что бывшій наставникъ Елисаветы въ то самое лѣто, которое предшествовало годичнѣйшему ранней кончинѣ безсмертнаго поэта, жилъ въ сосѣдствѣ съ нимъ на островахъ, внутри большаго и открытаго для публики сада*, и, чрезъ милыхъ дѣтей его, познакомился съ нимъ самимъ. Этотъ привѣтливый и, не смотря на громкое свое имя, снисходительный человѣкъ, помнилъ, что слышалъ имя наставника Елисаветы отъ другихъ, еще прежде, нежели отъ него самою. И такъ естественно, что наставникъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы показать ему три послѣднія сказки Елисаветы («Богуславича», «Добрыню» и «Волшебную лампаду»), и спросить его мнѣніе. При этомъ иностранецъ въ шутку сказалъ величайшему поэту въ Россіи: «Моя покойная ученица, при всемъ неограниченномъ почтеніи къ вашему гению, находила въ васъ одинъ недостатокъ», — «Какой?» спросилъ онъ съ любопытствомъ, улыбаясь. — «Тотъ, что вы написали одну только сказку, вмѣсто того, чтобы принести всю чреду русскихъ сказокъ». — «На это не стало бы человѣческой жизни.» — «Но я сказалъ вамъ только половину упрека», продолжалъ наставникъ. — «Что же еще?» — «Что послѣ васъ никто не пойдетъ съ успѣхомъ этимъ путемъ». — Онъ отвѣчалъ добродушною улыбкою. — Спустя два дня, онъ возвратилъ наставнику рукопись, сказавъ: — «Я тоже нахожу только одинъ недостатокъ въ этихъ сказкахъ, и то не я, а ваша публика: что онѣ писаны не въ римахъ. Мы живемъ въ такое время, когда рима кажется еще необходимою въ повѣствовательной поэзіи».

«Русскія сказки» Елисаветы составляютъ четвертую, а «Волшебная лампада», единственная восточная сказка, которую мы отъ нея имѣемъ, пятую эпоху ея поэтическихъ произведеній. Такъ какъ мы прежде, при разборѣ этого послѣдняго труда, вошли въ

* Подъ названіемъ Мюллеровой дачи, на Черной Рѣчкѣ, насупротивъ сада графини Строгоновой.

подробности, то для полного обозрѣнія всѣхъ вообще трудовъ Кульманъ, присовокупимъ еще нѣсколько словъ о ея переводахъ.

Елисавета Кульманъ смотрѣла на все, что она назначала къ переводу, съ такой точки зрѣнія, которая, по видимому, ей одной была свойственна. «Если бы меня спросили, зачѣмъ я въ переводахъ соблюдаю такую добросовѣстную вѣрность, то я отвѣчала бы слѣдующее: Я смотрю на всякое сочиненіе, которое хочу перевести, какъ на свое собственное, которое покажѣтъ находится у меня только въ воображеніи, и для котораго я должна прискаты принадлежащія выраженія, чтобы передать его читателю въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно мнѣ представляется. Я никогда не помышляю о большомъ различіи между тѣмъ языкомъ, съ котораго я перевожу, и тѣмъ, на который перевожу: я представляю себѣ мысли писателя не въ воплощенномъ ихъ видѣ, то есть не въ словахъ, а въ безплотномъ, если смѣю употребить это слово. Изъ этого выходитъ, что я, почти не трудясь, всегда, для каждаго понятія, то есть для каждаго слова автора, нахожу соответствующее ему слово на языкѣ, на который перевожу, и отъ того мои переводы обыкновенно имѣютъ двойную выгоду, первую, что они буквальны, и вторую, что они, ни мало не оскорбляютъ слуха читателя.» Послѣдній ея опытъ въ этомъ родѣ — переводъ двадцати новогреческихъ народныхъ пѣсень, которому одна газета отдала большее предпочтеніе, въ отношеніи языка и стихосложенія, передъ другимъ разхваленнымъ переводомъ, тѣхъ же самыхъ пѣсень, одного извѣстнаго эллиниста.

Не смотря на то, что тѣлесныя страданія Елисаветы Кульманъ часто по цѣлымъ днямъ заставляли ее противъ воли покидать свои занятія, она не прерывала своихъ трудовъ; но когда чувствовала себя уже довольно твердою въ трехъ послѣднихъ выученныхъ ею языкахъ, то неуспынный и неутомимый духъ ея стремился изучить еще восточные языки, то есть арабскій и персидскій. «Но какъ быть, сказалъ наставникъ, который охотно дѣлалъ ей въ угожденіе все, что только отъ него зависѣло; я самъ не знаю этихъ языковъ». Прошло нѣсколько дней, когда онъ, пришедши къ своей ученицѣ, сказалъ: «Я думалъ, думалъ, и наконецъ придумалъ, какъ исполнить ваше желаніе. У меня есть одинъ пріятель, человекъ довольно значущій, котораго я попрошу развѣдать у одного весьма свѣдущаго ориенталиста, можно ли мнѣ будетъ посѣщать его публичныя лекціи этихъ двухъ языковъ. Тогда я сдѣлаюсь студентомъ, и съ портфелемъ подъ мышкой, стану ходить въ назначенные дни въ университетъ, а вы выучитесь этимъ языкамъ съ помощью моихъ тетрадей и изустной передачи того, что останется у меня въ памяти послѣ каждой лекціи. Вотъ одно средство».

Ориентальность далъ свое согласіе, по состоянію здоровья Елисаветы, становясь съ каждымъ днемъ хуже, сдѣлало невозмож-

нынѣ исполненіе этого плана; такимъ-образомъ желаніе ея осталось однимъ желаніемъ.

Достигнувъ конца литературнаго ея поприща, исчисливъ всё ея произведенія по-порядку.

1) Собраніе картинъ въ сорока шести залахъ. Оно содержитъ въ себѣ труды всѣхъ эпохъ поэтическаго ея существованія. Елисавета сравнивала себя въ шутку съ Тениеромъ, который, въ продолженіе своей бѣдности, почти всякій день писалъ по одной, а часто и по нѣскольку картинъ, и продавалъ ихъ потомъ за весьма дешевую цѣну, для поддержанія своего холостаго хозяйства. «Но я имѣю преимущество передъ Тениеромъ въ двухъ вещахъ: во первыхъ я ничего не требую за свои картинки, которые, сказать вамъ на ухо, конечно не стѣять его картинъ; а во вторыхъ я и тогда пишу свои картины по нѣскольку сряду, когда у меня и безъ того довольно работы за мои большіе масляныя картины. Тениеръ-же, женившись на богатой, совсѣмъ бросилъ свои забавныя картины». Всѣ эти произведенія писаны на нѣмецкомъ языкѣ.

2) Переводъ «Анакреона» сначала на пяти, а потомъ и на осьми языкахъ. Она особенно любила эти переводы, что впрочемъ очень понятно: они-то заслужили ей то Монаршее отличіе, которое превзошло всё ея ожиданія; за то они и сдѣлались нѣкоторымъ образомъ побудительною причиною ея позднѣйшихъ и еще большіхъ предпріятій. Она впрочемъ ничего въ нихъ не измѣняла, и, надобно сознаться, что въ нихъ подлинно печего исправлять. Мы знаемъ не одинъ переводъ Анакреона, и еще такихъ переводчиковъ, съ которыми мѣряться своими силами дерзко было бы тринадцатилѣтней дѣвочки, но не менѣе того, она во многихъ мѣстахъ далеко превзошла ихъ.

3) Переводъ трагедій Озерова. Литераторъ, знающій нѣмецкій языкъ также хорошо, какъ русскій, сказалъ: «Подлинникъ и переводъ близнецы, которые во всемъ удивительно походятъ другъ на друга, но только одинъ говоритъ по-русски, а другой по-нѣмецки».

4) Переводъ двухъ трагедій Альфиери на нѣмецкій, и его же «Саулъ» на русскій языкъ, мастерски обработанный.

5) «Поэтическіе опыты», на русскомъ, нѣмецкомъ и италіянскомъ языкахъ.

6) Переводы: съ испанскаго «Басень Иріарта», нѣсколькихъ отрывковъ изъ «Лузіады» Камозвса и «Тридцати одъ» Манозля; отрывковъ изъ «Утраченнаго» и «Возвращеннаго Рая» Мильтона, и многихъ стихотвореній Метастазіо, все на нѣмецкомъ языкѣ.

7) «Сказки заморскія», русскія и одна восточная, всё на русскомъ языкѣ. «Добрыня» и «Волшебная лампада», также и на нѣмецкомъ.

8) Переводъ новогреческихъ народныхъ пѣсень тоже на нѣмецкомъ языкѣ. Елисавета Кульманъ занималась имъ за нѣсколько дней до своей кончины, въ безсонныя ночи.

Какъ она успѣвала сочинять и переводить? невольно спроситъ каждый. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надобно разсказать подробно домашнюю жизнь Елисаветы.

Елисавета Кульманъ, начиная съ одиннадцатилѣтняго возраста, никогда не спала болѣе шести часовъ. Первымъ ея помышленіемъ, по пробужденіи отъ сна, была молитва, которую она совершала со всеми знаками искренней набожности. Она успѣвала одѣться въ четверть часа, и, не смотря на то, всегда ходила очень опрятно, даже мило, вопреки бѣдности. Завтракала она очель скоро. «Иногда, говаривала она, у меня и это короткое время не пропадаетъ, потому что, когда вѣтъ чаю, я беру кусокъ хлѣба въ лѣвую руку, а перо въ правую, и работаю». Съ половины седьмого до часу она сидѣла за своимъ письменнымъ столомъ какъ прикованная, не развлекалась ни чтѣть, что около нея происходило, и всюю душею предавалась тѣмъ изъ своихъ занятій, которыя требовали наибольшаго старанія и напряженія. Надобно было самому быть свидѣтелемъ этого, чтобы повѣрить, сколько иногда она успѣвала сдѣлать втеченіе этихъ шести съ половиною часовъ. Въ послѣдствіи времени часто случалось, что сочиненіе, заключающее иногда отъ пяти до шести сотъ стиховъ, бывало готово въ одно утро. Глядя на нее пишущую, можно было подумать, что ей подсказываетъ какой то таинственный голосъ, такъ быстро шла у нея работа. Окончивъ же ее, она вставала съ своего мѣста, веселая и довольная, прохаживалась по комнатѣ скорыми шагами, и сама связывала разговоръ, когда знала, что никого этимъ не обезпоятъ. Такъ проходило полчаса; въ половинѣ втораго обѣдали. Обѣдъ рѣдко продолжался болѣе получаса, состоя всего-на-все изъ двухъ блюдъ; если бывало три, то это принадлежало къ исключеніямъ. Всякая зелень, мучное и молочное были любимымъ кушаньемъ Елисаветы: ни она, ни мать ея не любили мяснаго. Пили же онѣ одну воду, или квасъ. Послѣ обѣда, около получаса проходило въ плачахъ для вечера и для слѣдующаго дня. Въ половинѣ третьяго Елисавета опять принималась за работу. Но она бралась уже за книги, а перо отдыхало; вѣрѣдъ только дѣйствовалъ карандашъ. Это послѣобѣденное занятіе производилось болѣею частью ходя или стоя. Но Елисавета углублялась въ свои книги такъ же усердно, какъ въ свои утреннія занятія. Какъ скоро она бралась за карандашъ, чтобы записать на бумагѣ нѣсколько словъ, она исправляла уже два дѣла. То, что записывала, бывало обыкновенно началомъ какого-нибудь новаго произведенія. Можно было тогда навѣрное сказать, что ей пришла мысль къ новому стихотворенію, или что она придумала одно мѣсто для начатаго уже стихотворенія. Несмотря на то, она не переставала читать, а напротивъ, съ той минуты начинала послѣдовательное сравненіе между тѣмъ, что читала, и тѣмъ что вновь придумала, съ цѣлью извлечь изъ перваго пользу для послѣдняго. Это занятіе, которое могло быть подъ силу только такой головѣ,

какъ ея, продолжалось безостановочно до семи часовъ вечера, если тому не мѣшали постороннія обстоятельства. Когда подавали чай, она клала на мѣсто такъ называемыя ученые книги, однако продолжала въ головкѣ своей обрабатывать и оканчивать вновь завернувшіяся ей мысли, покуда не бывало у нея готово въ умѣ то, что на другой день утромъ слѣдовало изложить на бумагѣ. Но эта мысленная работа не мѣшала ей принимать участіе въ разговорѣ, если въ это время около нея говорили. Послѣ чаю приходила очередь пластическимъ искусствамъ, какъ она ихъ называла, то есть рисованью, вышиванью и нерѣдко шитью. Тогда мать ея, трудившись весь день, часто брала книгу и читала дочери вслухъ. Но эти чтенія бывали часто прерываемы, потому что все замѣчательное, прекрасное, новое, подавало имъ поводъ къ разговору; иныя ихъ замѣчанія сдѣлали бы честь любому ученому. Такъ проходило время до девяти часовъ, послѣ чего, обыкновенно три раза въ недѣлю, мать и дочь уходили провести остальное время у господана Медера. Пришедши сюда, Елисавета, не имѣя у себя дома фортепіано, упражнялась здѣсь въ музыкѣ около часу, благодаря услужливости ея подругъ, которыя никогда не беспокоили ее во время игры. Потомъ, если господинъ Медеръ бывалъ дома и ничѣмъ не занятъ, онъ съ своими двумя дочерьми и Елисаветою садился за столъ и начиналъ съ ними бесѣду, о предметахъ, касающихся географіи, исторіи и физики, нерѣдко восходя къ своимъ юнымъ слушательницамъ на высоты астрономіи, или углублялся въ таинства геологіи. Между тѣмъ, эти академическія засѣданія, какъ называли ихъ дамы, составлявшія общество бабушки (господинъ Медеръ былъ вдовъ), не всегда бывали серьезныя, но по временамъ оживлялись разсказомъ какого-нибудь забавнаго приключенія съ путешественникомъ. Потомъ слѣдовалъ небольшой и недолгой ужинъ, послѣ чего пожелавъ другъ другу доброй ночи, всѣ расходились, и Елисавета возвращалась съ матерью домой, гдѣ, помолившись Богу, тотчасъ ложилась спать.

При такой жизни и при ежедневно возрастающей легкости, съ какою Елисавета Кульманъ исполняла все, что предпринимала, читатели въ некоторымъ-образомъ поймутъ, какъ она могла совершить труды, которые сдѣлали бы честь людямъ вдвое старѣе ея. Но эту изумительную творческую силу еще лучше объясняютъ собственныя слова Елисаветы, сказанныя ею наставнику однажды вечеромъ, когда онъ участвовалъ въ одномъ изъ помнянутыхъ академическихъ засѣданій.

Въ тотъ вечеръ господинъ Медеръ бесѣдовалъ о минералогіи, одной изъ любимыхъ наукъ его и Елисаветы. По обыкновенію своему, она не спускала глазъ съ господина Медера. Наставникъ же стоялъ за студомъ младшей ея подруги, такъ, что онъ могъ видѣть Елисавету въ лицо, но она, будучи чрезвычайно внимательна, поглядывала на него только въ минуты отдыха. Засѣданіе кончилось; наставникъ, прохаживаясь съ Елисаветою одинъ по

завѣ, сказала ей: «хотя вы не спускали глазъ съ господина Медера, однако я примѣтила, что вы были разбѣяны». — «Угодно, чтобы я повторила вамъ всю лекцію отъ слова до слова?» — «Очень хорошо». — Наставникъ около десяти минутъ оставяла ее повторять слышанное со всюю ея неподражаемою скороговоркою, покуда она не удостоверилась, что ошибся. — «Но я ни мало не отпираться, что я почти во все время бесѣды думала о множествѣ другихъ предметовъ. Отъ одного слова, которое вырочилъ Петръ Ивановичъ, говоря о кристаллизацин, мнѣ пришла въ голову счастливая мысль, которую я потомъ стала распространять. Очень можетъ быть, что это занятіе выразилося у меня на лицѣ. Вообще, сказала она, помолчавъ не много, у меня двѣ жизни, моя внутренняя, совершенно независимая, вполне и непрерывно поэтическая, — я моя вѣшняя, зависящая отъ обстоятельствъ. Въ моемъ внутреннемъ мірѣ солнце находится всегда надъ горизонтомъ, и уступаетъ только когда я захочу, не менѣе пріятнымъ сумеркамъ, тогда какъ во вѣшнемъ мірѣ иногда по цѣлымъ днямъ не видать солнца, и ночью пѣтъ ни луны, ни звѣздъ.

Но мы еще не сказали, какія были тайныя пружины, побуждавшія необыкновенную дѣвушку къ непрерывной дѣятельности и которыя сохраняли ее всегда въ веселомъ духѣ.

Можетъ-быть, никогда любознательность, дѣятельность и память не бывала соединены въ одномъ существѣ въ столь высокой степени, какъ въ Елисаветѣ Кульманъ. Эти три качества уже въ дѣтствѣ ея были необыкновенно велики, но съ лѣтами они увеличались; память ея граничила съ чудеснымъ. Къ этимъ рѣдкимъ благамъ присоединилась еще желѣзная воля. Еще будучи небольшою дѣвочкою, она постигла магическое слово «слава»!... Но какъ достигаютъ славы? — Конечно не бездѣйствіемъ. — Хорошо! За трудами у меня дѣло не станетъ, думала Елисавета!... Сколько путей къ славѣ? — Два: неустранимость и искусство. — Но я, какъ женщина, имѣю одинъ только путь: искусство.... Какое искусство ведетъ къ самой прочной славѣ? — Театральные артисты иногда переживаютъ свою славу; много, если ихъ слава умираетъ вмѣстѣ съ ними; во всякомъ случаѣ они не оставляютъ послѣ себя слѣдовъ своего искусства.... Virtuозы, — когда они и композиторы, — имѣютъ то преимущество передъ первыми, что остаются доказательства ихъ искусства; живописецъ, имѣя то же преимущество, еще счастливѣе тѣмъ, что обращаетъ на себя взоры всѣхъ, и знатоковъ и толпы. Но краски линяютъ, время разрушаетъ его произведенія... Иное дѣло поэтъ. Чтò въ твореніяхъ Гомера разрушено временемъ? — Ничего! Они до сихъ поръ такъ же прекрасны, такъ же новы, такъ же привлекательны, какъ были во времена Пизистрата. — Благо тебѣ, Елисавета! Небо надѣлило тебя лучшимъ жребіемъ!... Чтò мнѣ нужно, чтобы быть поэтомъ? Тѣмъ познаніемъ, изобрѣтательностью, неутомимостью въ исполненіи, словомъ, твердая воля: быть художни-

цю. Поэту нужно еще меньше, нежели живописцу, для упражненія въ своемъ искусствѣ; ему достаточно имѣть бумагу, перо и чернила.... Хочу быть поэтомъ; хочу и буду*.

Никто не можетъ приписать эти доводы намъ: мы слышали ихъ изъ устъ Елисаветы и находимъ ихъ въ стихахъ ея:

Листъ проживаешь въкв,
А мраморъ вверженъ въ прахъ.

Такъ говоритъ она въ небольшомъ стихотвореніи къ Бельцини. Съ-тѣхъ поръ она смотрѣла равнодушно на богатства, почести, удобства жизни, словомъ на все то, по чемъ люди такъ вадыхаютъ, но отчего они не дѣлаются счастливые, когда достигли этихъ благъ. — «Имя бѣдной дѣвушки будутъ произносить спустя столѣтія вѣсть съ величайшими гевіями ея отечества! Чего же болѣе хотѣть? Эта награда не стоить развѣ борьбы со всеми житейскими бѣдствіями?» — Вотъ что говорить у нея «Счастіе»:

Твою судьбу устроить
Зависитъ отъ меня!
Царямъ сдѣлать нищихъ
Могу въ теченье дня.

Такъ выбирай, что хочешь:
Вотъ злато предъ тобой.
Вотъ княжество, вотъ также
И слава съ нищетою.

«Довольно, я избрала;
Другимъ дай всю тщету:
Короны, злато..., мнѣ же
Со славой нищету!»

Этотъ образъ мыслей она сохранила до гроба. Ослабѣвъ до того, что сама уже убѣждена была въ невозможности своего исцѣленія, она говорить:

Корабль мой, вижу, тонеть,
Воспользуюсь же я
Немногими часами
До близкаго конца.

Напрасно хожу тѣло,
Срокъ наступаетъ мой,
За то, какъ Тромпъ,* я мыслю
О славѣ лишь одной.

* Известный голландскій адмиралъ.

Нѣтъ сомнѣній, что честолюбіе, или лучше сказать славолюбіе было у нея врожденно, а съ лѣтами стало въ ней благородною страстью. Но мы оставили бы читателей въ грубомъ заблужденіи, если бы не разувѣрили ихъ, что у нея страсть эта не основывалась на тщеславіи, какъ у другихъ честолюбцевъ. Нѣтъ, ея честолюбіе, ея славолюбіе опирались на религіи. Она искренно вѣрила, что каждый человекъ имѣетъ въ даръ отъ Провидѣнія одинъ или нѣсколько талантовъ, которые онъ обязанъ образовать въ возможно высокой для него степени. Она не менѣе вѣрила и тому, что если небо даровало ей способности къ языкамъ и къ поэзи, то она обязана была стараться, чтобы и въ томъ и въ другомъ быть примѣромъ для другихъ, и не укорить себя потомъ въ зарытіи своего таланта. Она смотрѣла также на свою бѣдность, какъ на мудрую мѣру Божию, чтобы она всегда держалаея пути обязанностей, тогда какъ богатство обыкновенно служитъ къ тому, чтобы избаловать насъ и удалить отъ нашего назначенія. За то мы у нея часто находимъ хвалу бѣдности.

Признательность священна!

Такъ, бѣдность, я тебя
Всегда скажу спасибо,
Хоть часто жутко мнѣ.

Богачъ, при всемъ избыткѣ,
Въ княжести вопить
О невозможномъ даже,
И только духъ мутить.

А я, во всемъ нуждаясь,
Когда я погляжу,
Что хлѣбецъ есть, да платье,
О большемъ не тужу.

Вообще набожность была отличительною чертою ея характера. Всѣ ея начинанія исходили отъ Бога, и возвращались къ Нему же. Во всѣхъ случаяхъ своей жизни она видѣла переть Божій. За то она проходила жизнь свою смѣло и безболзвенно. Особенно не постигала она страха людей. Она рано привыкла почитать себя и другихъ существами хилыми и безсильными, безъ Божьей защиты. Прекрасно поетъ она въ этихъ стихахъ:

Бояться? Мнѣ бояться?
Днемъ не хожу-ль подъ небомъ
Лазурнымъ—окомъ Божиимъ,
Чей взоръ лучистый — солнце
Слѣдить за мною всюду?
Не отдыхаю-ль ночью
Подъ темносиннимъ небомъ —
Неусыпнымъ окомъ

Того, кто взоромъ кроткимъ —
 Душой блюдетъ за мною?
 «Да, имъ твой каждый волосъ
 На головѣ сосчитавъ,
 И, безъ Его велѣнья,
 Не упадетъ единый». —
 Такъ Богочеловѣкомъ
 Назрѣчено. Чего же
 Боятся мнѣ? Людей ли,
 Которые сегодня
 Такъ гордо выступаютъ,
 А завтра переходятъ
 Въ прахъ, вѣтромъ уносимый?

Не мудрено, что она страстно любила Шиллерову «Орлеанскую Дѣву». «Если бы мое отечество, говорила она, когда-нибудь имѣло надобность въ дѣвушкѣ, для ношенія знамени, или иконы передъ войскомъ, то я не сомнѣваюсь, что у меня достало бы мужества послѣдовать примѣру Жанны д'Аркъ. При самомъ нашемъ рожденіи намъ данъ ангель-хранитель, который сопутствуетъ намъ во всю жизнь. Въ опасностяхъ, онъ насъ обороняетъ своимъ непроницаемымъ щитомъ; а когда наше назначеніе совершилось, тогда мы унадаемъ, какъ Жанна д'Аркъ, и переходимъ къ другому назначенію».

При такомъ образѣ мыслей, не удивительно, если она и наружно и внутренно была расположена болѣе къ серіозному. Это расположеніе господствовало у нея, не исключая, впрочемъ, въ ней участія въ свѣтскихъ удовольствіяхъ:

«Дай тоже отдыхъ луку,
 И тетива окрѣпнетъ»,

говорила она, и съ веселымъ сердцемъ предавалась невиннымъ забавамъ. Она брала участіе во всемъ: въ музыкѣ, въ пѣніи, въ танцахъ, безъ хвастовства, однако и не безъ видимаго таланта во всѣхъ трехъ искусствахъ. Не менѣе любила она дружескіе разговоры въ тѣсномъ кругу знакомыхъ, особенно если между собесѣдниками бывалъ какой-нибудь челоѣкъ, замѣчательный или по своимъ страствіямъ, или по роду своихъ занятій, потому что тогда это имѣло двойную выгоду, служа развлеченіемъ и поученіемъ. Съ своими подругами она была чрезвычайно весела; но умилительно бывало смотрѣть на нее, когда дѣти садилась около нея въ кружокъ, и, разинувъ ротки и не спуская съ нея глазъ, слушали сказки, которыя она имъ говорила совершенно понятнымъ для нихъ языкомъ. Зато упрямиваніямъ не бывало конца, когда этотъ маленький народъ могъ овладѣть Елисаветою. Но она и подругъ своихъ забавляла иногда сказками, изъ которыхъ каждая была придумана такъ, чтобы приходилась по праву каждой изъ подругъ. Те были въ некоторомъ образѣ импроизаціи, которыя

жестко подслушивали въ отдаленіи и тихонько даже взрослые особы, и которымъ нельзя было не удивляться,—такъ эти сказки были богаты и живописны, по содержанію и изложенію.

Если Елисавета бывала одна въ часы отдыха, то она предпочтительно любила заниматься рисованьемъ мѣломъ, или красками: послѣднее она любила больше всего. Рисуя, она имѣла привычку пѣть, и пѣла пѣсни на всѣхъ знакомыхъ ей языкахъ, придумывая собственныя свои напѣвы, когда не знала настоящихъ; и по различнымъ степенямъ живости пѣнія можно было судить о большихъ или меньшихъ успѣхахъ кисти.

Но, несмотря на всѣ премушества ума и на умѣнье обращаться въ свѣтѣ, она въ обществѣ была такъ тиха, что кто не зналъ ея, почиталъ ее застѣнчивою. Это было слѣдствіе чрезвычайной ея скромности. Вовсе не честолюбивая, она ждала покуда къ ней не обратятся; когда-же съ нею заговаривали, надобно было удивляться, съ какою легкостью она продолжала начатый разговоръ, умѣя и прервать его, коль скоро ей казалось, что она отвлекаетъ этимъ слушателя отъ его другихъ стѣтскихъ обязанностей. Если же она, что не рѣдко случалось, такъ была вовлечена въ разговоръ, что наконецъ говорила одна, то о чемъ-бы рѣчь ни шла, о томъ ли, чтобы рассказать случившееся, или рѣшить спорное дѣло, она дѣлала это съ такимъ краснорѣчіемъ, такимъ умѣньемъ, часто съ такою особенною смѣсью важности и шутки, что никто не могъ надвинуться этой многосторонней образованности ума ея. Трудно бывало имѣть съ ней споръ. Если ей попадался противникъ, который почиталъ себя большимъ умникомъ, то она употребляла всѣ хитрости и уловки реторики и диалектики, чтобы замолчать его; прижавъ же его такъ, что онъ былъ готовъ или замолчать, или сказать глупость, она тотчасъ уступала своему врожденному чувству въжливости, и сама помогала своему противнику вывернуться, чтобы избавить его отъ стыда *de passer sous les fourches caudiennes*, какъ она выражалась. Если-же противникъ бывалъ точно ученый человекъ, она всѣ возраженія свои дѣлала въ видѣ вопросовъ, на которые желала имѣть подробный и точный отвѣтъ. Обыкновенно противникъ первый отдавалъ полную справедливость ея познаніямъ, объясняя присутствующимъ, что всѣ ея вопросы не что иное, какъ учтивости, хотя въ-самомъ-дѣлѣ они содержатъ въ себя подлинныя, основательныя возраженія. Но она не терпѣла, чтобы кого-либо оскорбляли въ подобныхъ спорахъ. Она тотчасъ заступалась за обиженнаго и дѣлалась его поборницею, пособляя ему найти столько возраженій противъ безпощаднаго спорщика, что этотъ, волею или неволею, долженъ былъ удержаться отъ оскорбительныхъ выходокъ, а иногда и уступить. Если кого-нибудь безвинно осмѣяли, то она, защищая обиженнаго, иногда даже колко отвѣчала обидчику. Морской офицеръ, человекъ съ заслугами, совершившій путешествіе вокругъ свѣта, вздумалъ подтрунить надъ одною изъ ея подругъ,

очень застѣвчивою дѣвушкою, и, вѣроятно, по наущенію другихъ дѣвицъ. Елисавета, услышавъ это издали, подошла къ своей подругѣ, взяла ее за руку и вывела изъ круга, въ которомъ она находилась, сказавъ такъ громко, чтобы все могли слышать: «Не сиорю, что путешествіе приноситъ большую пользу, только не слѣдовало бы предаваться ему до такой степени, чтобы оставаться у дикихъ народовъ по нѣскольку лѣтъ сряду, потому что самый хорошій человекъ можетъ перенять у нихъ привычку къ жестокости отъ ежедневнаго съ ними обращенія». Въ гостиной раздалось нѣсколько браво; офицеръ смутился, но потомъ подошелъ къ Елисаветѣ и извинялся тѣмъ, что онъ только пошутилъ. Она возразила: «Свѣтъ иногда дозволяетъ женщинамъ не щадить мужчинъ, но мужчина никогда не долженъ забывать, что природа назначила его быть защитникомъ вѣжнаго пола». — «Ваша правда, но позабудьте и простите мою неучтивость!» — «Охотно! только дайте намъ ваше честное слово, что вы отнынѣ будете тѣмъ, къ чему васъ назначила природа». Однако и послѣ это невозможно было сердиться на нее. Этотъ самый морской офицеръ впослѣдствіи не пропускалъ ни одного случая, чтобы доказать Елисаветѣ, сколько онъ уважалъ ее, и когда узналъ, что она охотница до описаній путешествій, сталъ снабжать ее изъ своей библиотеки всеми книгами, которыя могли доставить ей удовольствіе.

Такова была Елисавета въ свѣтскомъ кругу. Къ нѣкоторымъ же лицамъ привязанность ея не имѣла границъ. Въ ея благодарномъ сердцѣ первое мѣсто занимали учителя ея. Она сдѣлала большіе успѣхи въ рисованіи фигуръ, но все знали, что еще болѣе любила ландшафты. Рисовальный ея учитель былъ мастеръ рисовать фигуры, но не такъ силенъ въ ландшафтной живописи. По этому ей предлагали другаго учителя, члена академіи художествъ. «Нѣтъ, сказала Елисавета, я не стану брать у него уроки. Положимъ, что мои успѣхи въ ландшафтной живописи будутъ медленнѣе подъ руководствомъ моего теперешняго учителя, но за то я докажу ему тѣмъ мою благодарность за труды, которые онъ понесъ, чтобы выучить меня первоначальнымъ правиламъ рисованія». — Это было въ то время, когда весь Петербургъ ѣздилъ слушать оперу: «Волшебный Стрѣлокъ». Читатели и безъ насъ угадываютъ, что случай посѣтить театръ бывалъ для Елисаветы Кульманъ событіемъ важнымъ, весьма рѣдкимъ и безцѣннымъ. Вотъ, въ одинъ день, ей предстояло счастіе увидѣть эту столь превозносимую пьесу, въ обществѣ семейства господина Медера. Все было слажено, и въ шесть часовъ хотѣли ѣхать въ театръ. Вдругъ въ пять часовъ приходитъ наставникъ Елисаветы, не знавшій обо всемъ этомъ, и объявляетъ, что, будучи весь вечеръ свободенъ, онъ намѣренъ провести его съ нею. Елисавета обрадовалась этому такъ непринужденно, что самый зоркій глазъ не примѣтилъ бы въ лицѣ ея ни малѣйшей переменъ. Около шести часовъ Ели-

саветѣ принесли записочку, на которую она, испросивъ позволеніе, и отвѣчала. Спустя десять минутъ, приносятъ другую записку, на эту она отвѣтила письменно и посвѣшво. Наконецъ приходитъ слуга и проситъ вызвать Елисавету. Она вышла, но немедленно воротилась, съ примѣтнымъ на лицѣ неудовольствіемъ, которое однако тотчасъ исчезло. Впродолженіе всего вечера она была такъ весела, такъ говорлива, такъ внимательна къ общему разговору, что наставникъ не могъ потомъ надвинуться ей, узнавъ спустя нѣскольکو дней обо всемъ. «Если бы даже я была увѣрена, что во всю жизнь не увижу этой оперы, и тогда я не тронулась бы съ мѣста». — Можно себя представить, какъ были ей преданы всѣ ея учителя, когда видѣли отъ своей ученицы столько призывательности.

Въ домѣ, гдѣ въ то время находился наставникъ, дѣвицы, бывшія также его ученицами, всякую недѣлю разыгрывали у себя небольшую лотерею, которой выигрыши состояли изъ разныхъ тоалетныхъ припасовъ. Наставникъ съ своимъ воспитанникомъ были обязаны брать круглый годъ по одному билету. То было прекрасное время для Елисаветы. Такъ какъ въ этой лотерей всѣ билеты были выигрышные, то наставникъ приносилъ ей каждое воскресенье какую-нибудь вещьцу, а иногда и два выигрыша, когда воспитанникъ отдавалъ ему еще и свой. Такихъ-то путемъ входили въ комодецъ Елисаветы, отличавшіяся примѣрнымъ порядкомъ, варшавскія перчатки, ленты, бусы, шелковые башмаки и шейные платочки. Съ этимъ запасомъ, какъ часто случалось Елисаветѣ одолжать своихъ богатыхъ подругъ, то тѣмъ, то другимъ уборомъ, то платочкомъ, то красивою лентой, если онѣ были званы куда-нибудь нечаянно. Не рѣдко ссужала она вещами, которыхъ и сама еще не надѣвала; а если бывало ей и попортивать вещь, то въ такомъ случаѣ никто не бывалъ снисходительнѣе ея.

Кто-то изъ ея знакомыхъ, желая подарить ей немного карманныхъ денегъ, условился съ нею отдавать ей всѣ серебряныя платочки, которые онъ получитъ сдачи при покупкахъ, или инымъ образомъ; а съ нея взялъ слово, чтобы она продекламировала ему извѣстное число стиховъ. У Елисаветы было деревянное ящико, въ которомъ нѣкогда хранилась проволочная змѣйка. Въ этомъ-то ящикѣ копила она всѣ пятачки, которые ей доставались. А что она дѣлала съ этими деньгами? Первое, она всегда была готовый къ услугамъ банкир своей матери, когда шкатулка послѣдней опораживалась. Потомъ, къ нимъ приходили каждую недѣлю пожилая женщина и хромою нявальдъ, и получали отъ ея матери остатки съѣстнаго, и по нѣскольکو копѣекъ, когда была возможность. Елисавета устроила такъ, что всегда она подавала этимъ бѣднымъ людямъ то, что назначала имъ мать. Но этотъ земной ангелъ думалъ, что должно буквально и въ строгомъ смыслѣ исполнять слова Евангелія: «Да не вѣдаетъ твоя лѣвая рука,

что твердить правая!»! и для того даже отъ матери скрывала добро, которое дѣлала. Всякій разъ у нея бывали въ готовности завернутыя въ бумажкѣ, когда по одному, а когда и по два пятачка, на каждыя, которые она тихонько всовывала имъ въ руку вмѣстѣ съ подаваемымъ матери. Эту черту мать и знакомые узнали только послѣ ея смерти отъ самихъ бѣдныхъ.

Елисавета одѣвалась опрятно и просто. Платья ея не были новы, но всегда въ исправности. Когда онѣ становились узки, она прятала ихъ и, какъ говорила, «берегла еще для болѣе бѣдныхъ». Она сама шила себѣ платья, а мать ей помогала; иногда онѣ умѣли изъ стараго сдѣлать нѣчто новое. На это мать и дочь были большія искусницы. Однажды, на какомъ-то праздникѣ, мы видѣли на Елисаветѣ платье, которое издали казалось новымъ и очень наряднымъ. Что-жъ это было? Бѣлая дымка съ мушками на розовомъ каленкорѣ. Еще помнимъ, какую великую истину сказала намъ Елисавета при этомъ случаѣ, когда мы похвалили ей нарядъ. «Надобно, отвѣчала она, смотрѣть на него издали, какъ это и подинно расчитано, такъ точно, какъ на иныя смѣлыя картины и выраженія поэтовъ. Если не подходить къ нимъ очень близко, то есть не разглядывать, изъ чего состоятъ, то они дѣлаютъ на насъ большое впечатлѣніе; примѣръ тому видимъ въ Мильтоновомъ «Видимомъ мракѣ», картина, которая издали приводитъ въ изумленіе самое смѣлое воображеніе; но подойдемъ ближе и станемъ разбирать ее, тогда (о! любезный Мильтонъ! извини, если я, не смотря на мое уваженіе къ тебѣ, скажу правду) выходитъ вздоръ. Такъ и мой нарядъ: издали онъ поражаетъ, но посмотрите вблизи и вы скажете, что я здѣсь какъ вездѣ, гдѣ-бы я ни была, одѣта бѣднѣ всѣхъ».

Тайна ея мнимаго избытка заключалась ни въ чемъ иномъ, какъ въ ея порядкѣ. Она хранила у себя по нѣскольку лѣтъ бездѣлушки, которыя ей подарили, и къ тому же въ совершенной чѣлости. Особенно наставнику часто случалось, увидѣвъ у нея какую нибудь вещь, любоваться ею и спрашивать у Елисаветы: «Откуда у васъ это? Милая, веселая улыбка была отвѣтомъ. Онъ самъ подарилъ ей эту вещь, и успѣлъ уже позабыть о томъ. При одномъ подобномъ случаѣ у нея вырвалось то невинное хвастовство, которое однако такъ ей приличствовало. — «Въ одномъ я такъ превосхожу знаменитаго Франклина». — «Въ чемъ?» — «Въ порядкѣ, въ которомъ находится у меня все мое имущество». Въ самомъ дѣлѣ, Франклинъ сознается, въ одномъ своемъ сочиненіи, что ему трудно было завести въ своихъ вещахъ, особенно въ бумагахъ, надлежащій порядокъ; недостатокъ, причинявшій ему много досады. Если ее всякій охотно одоужалъ книгами, то она была этимъ обязана своей любви къ порядку и опрятности. Наставникъ выпросилъ у своего воспитанника описаніе путешествій съ картинками, сказавъ ему напередъ, что онъ на нѣсколько дней дастъ эту книгу для прочтенія своей ученицѣ. За два дня до

срока, наставникъ возвратилъ ему книгу. «Что-жь, она не читала книги?» сказалъ воспитанникъ, просмотрѣвъ каждую часть. «Какъ такъ?» — «Посмотрите сами, во всей книгѣ нѣтъ ни одного загнутаго листочка, и ни одного пятнышка». — «Да этого никогда и не будетъ, какую-бы вы ей ни дали книгу.» — «А если это такъ, то вся моя библіотека, всѣ мои атласы и картинки къ ея услугамъ!»

Она любила всѣ женскія рукодѣля, кромѣ вязанья. Мы еще помнимъ, какъ въ домашнемъ совѣтѣ обсуждали этотъ предметъ, къ которому она имѣла видимое отвращеніе, мать, ратный товарищъ отца ея, Суворовъ, и наставникъ. Послѣдній полагалъ, что видя явное ея отвращеніе къ вязанью, можно ее уволить отъ него. Но мать и воинъ были противнаго мнѣнія, послѣдній взялся даже уговорить ее къ вязанью, и ему удалось это. Ему удалось еще болѣе: Елисавета высказала свою рѣшимость даже въ одномъ изъ своихъ миниатюрныхъ стихотвореній. Сообщимъ его читателямъ для разнообразія:

Я не люблю вязанья,
А все-жь Суворовъ правъ:
«Вязаньемъ, да почишкой,
Хоть цѣлымъ домомъ правъ».
Послушаюсь совѣта,
Который мнѣ даютъ.
«Чѣмъ, говорятъ, тяжеле,
Тѣмъ и похвальнѣй трудъ».

Между-тѣмъ, она не только занималась нелюбимымъ ею вязаньемъ, но исправляла также другія домашнія работы, когда требовали того обстоятельства. Сколько разъ мы заставляли ее у плиты, стряпавшею свой скудный обѣдъ. Однажды, когда мы, сожалѣли, что она принуждена исправлять работы, которыя такъ не сообразны съ ея призваніемъ, она отвѣчала намъ: «О, не думайте, чтобы я отягощалась, или же гнушалась этими работами. Я помню въ Гомеровыхъ поэмахъ не одиѣ имена героевъ, но и другія, которыя вовсе не принадлежатъ къ этому разряду. Такъ я помню одну царскую дочь, которая вѣрно не только умѣла сварить хорошій супъ, но еще съ подругами своими, безъ сомнѣнія, то же княжескими дочерьми того народа, ѣздила на рѣку стирать черное бѣлье, которое везли за нею на возу, запряженномъ двумя мулами. Тутъ она съ важностью, достойною описанія, взяла въ одну руку перо, а въ другую кухонную ложку, и съ улыбкою и театральною высокопарностью, сказала: «Вотъ знаменія моего двойнаго владычества: это, показывая на ложку, жезлъ, которымъ властвую въ хозяйствѣ, а это показывая на перо, жезлъ моея власти въ области разума». Нѣжными своими руками она носила даже дрова изъ сарая въ комнату, чтобы затопить печь. Эта носка не отягощала-бы ее, лишь бы всегда было что носить; но часто не

было дровъ, и многіе ея стихи писаны поспѣвшими отъ стужи пальцами.

Но все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлала Елисавета Кульманъ, когда мать ея была нездорова и она за нею ухаживала. Глядя на нее въ это время, надобно было проливать слезы умиленія, если бы не удерживало слезъ другое, высшее чувство, благоговѣніе къ такому мягкосердому существу, которое съ такимъ самоотверженіемъ предается своему долгу. Надобно было слышать, какъ дочь утѣшала свою страждущую мать, и какъ большая благодарила ее за всѣ попеченія, чтобы имѣть точное понятіе о добродѣтеляхъ этой дѣвушки. Какія мучительныя ощущенія раздирали иногда ея душу въ этомъ положеніи, она одна одинонька сидѣла при матери, лежавшей часто при смерти, это доказываетъ одно мѣсто въ ея слѣдующихъ стихахъ:

О Боже мой! оставь мнѣ,
 Бѣдняжкѣ, мать родную!
 Не отъ того, чтобъ вѣры,
 Въ твою я не имѣла
 Родительскую благость,
 Что такъ къ тебѣ взываю
 Изъ глубины сердечной.
 И безъ нея, о Боже!
 Я знаю, не попустишь
 Ты Всеблагій, чтобъ смертью
 Голодной я погибла.
 Но ужасъ наполняетъ
 Меня при мысли только,
 Здѣсь на землѣ остаться,
 Безъ матери сироткой!
 О Боже! въ чьей десницѣ
 Жизнь всѣхъ существъ хранится,
 Прости, что я съ болзвнью
 Тебя такъ умоляю:
 Оставь мнѣ мать, нѣ сжалась
 Надъ нею и надъ мною,
 Возьми въ одно ужъ время
 Обѣихъ насъ отсюда!
 Не можемъ другъ безъ друга
 Мы жить, ни я безъ вѣжной
 Родительницы, ни же
 Она безъ дочки, ею
 Такъ горячо любимой.

Сколько она заботилась и тревожилась при видѣ чужихъ страданій, столько была спокойна и тверда въ своихъ собственныхъ. Послѣ бѣдственнаго наводненія, которое столькимъ нанесло смерть, и приготовило ея кончину, она въ продолженіе полугода постоянно была больна, хоть и не лежала въ постели; наконецъ совѣтъ врачей рѣшилъ, что нѣтъ надежды на ея спасеніе, но что можно

продлить ея жизнь еще нѣсколькими мѣсяцами. Это рѣшеніе, по самую смерть ея, оставалось тайною для ея родственницъ и друзей. Такая мѣра тѣмъ была хороша, что ничто изъ окружающаго Елисавету не упадало духомъ и все предавалось надеждѣ, что она мало-по-малу выздоровѣетъ. Но она сама какъ будто предчувствовала, что жизнь ея приходитъ къ концу. Отсюда начинается наше удивленіе къ силѣ ея духа. Внутренно убѣжденная въ близкой своей кончинѣ, она не переставала утѣшать огорченную мать надеждою скорого выздоровленія; зная неограниченную любовь матери, она страшилась, что мать не въ состояніи будетъ вынести извѣстіе о дѣйствительномъ ея положеніи. «Съ вами, сказала она однажды наставнику, я могу говорить откровеннѣе; я чувствую близкій конецъ. Все мои сны возвѣщаютъ мнѣ его, какъ будто это долгъ ихъ приготовить меня къ нему. Естественно, что я желала-бы прожить подольше, такъ какъ мои умственныя силы съ каждымъ днемъ болѣе развиваются; и если бы Богъ далъ мнѣ долгую жизнь, то я увѣрена, что достигла бы всѣхъ моихъ высокихъ цѣлей. Но этому не бывать. Другіе воспокоть дѣянія Владиміра, Іоанна и Петра-Великаго; смѣлой дѣвушкѣ въ этомъ желаніи отказано. Еще не пройдетъ пятьдесятъ лѣтъ, и забудутъ имя дѣвушки, которая чувствовала въ себѣ столько силы, чтобы подобно ея отцу, Гомеру, жить въ памяти своихъ согражданъ цѣлые вѣка. Такова общая участь бѣдныхъ Кульмановъ. Вы, Павелъ, Александръ, Дормедонтъ и Николай, пали въ челѣ вашихъ небольшихъ отрядовъ и живете еще въ памяти только немногихъ оставшихся въ живыхъ вояхъ, потому что вы обходились съ ними кротко. Павини, вы не испустили ни жалобы ни вздоха; ваша сестра не уступитъ вамъ въ твердости; все-таки вы пали на полѣ битвы, а она умираетъ въ кругу своихъ родныхъ и друзей». Наставникъ, котораго первоначально извѣстіе объ опасномъ ея положеніи поразило и испугало, съ-тѣхъ-поръ давно уже опомнился отъ своего страха, и по самую смерть ея былъ несомнѣнно увѣренъ, что она не умретъ. «Зачѣмъ бы небо соединило въ ней столько изумительныхъ качествъ? Оно избрало ее образцемъ для ея вѣка и для отечества; оно защититъ свое созданіе и продлитъ его жизнь». Вотъ слова, которыя онъ повторялъ самому себѣ сто разъ. Если же Елисавета Кульманъ не могла безъ грусти видѣть приближеніе своей кончины, то это въ природѣ человѣческой, и нельзя иначе какъ съ искреннимъ умилениемъ читать тѣ небольшія стихотворенія, найденныя послѣ ея смерти въ потаенномъ ящичкѣ ея письменнаго стола, которыя она, вѣроятно, назначала къ прочтенію только послѣ ея кончины, чтобы они сколько нибудь утѣшили мать ея. Читателемъ благодарятъ насъ за сообщеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ.

О! если-бъ были крылья,
Порхнула-бъ я на югъ,

Не видѣла-бъ, какъ таетъ
Жизнь юная средь мукъ.

На теплою югъ, въ Нищѣ,
Въ семь райскомъ уголкѣ,
Тамъ я нашла бъ спасенье,
Туда бъ хотѣлось мнѣ.

На Сѣверѣ же холодною,
Меня здѣсь гибель ждётъ;
Я вижу, скорымъ шагомъ
Смерть страшная идетъ.

Вы, ласточки, спѣшите,
Счастливицы на югъ!
Застанете тамъ лѣто
И всѣ отрады вругъ.

Отъ дальнихъ стравствій если бъ
Кто захворалъ изъ васъ,
Тамъ воздухъ благодатный
Недугъ уймётъ тотчасъ.

Я полетѣла бъ съ вами
Въ бальзамный воздухъ тотъ,
Смѣсь солнечнаго свѣта
И запаха цвѣтовъ!

Навѣрно бъ испѣялась
Я, по врача словамъ,
Пробывъ двѣ трети года
На теплою югъ тамъ.

Здѣсь умереть мнѣ должно:
Какъ тяжка мысль сія!
Да, ласточки, весною,
Не будетъ ужъ меня!

Два дни, что я, цвѣточки,
Не выходила къ вамъ,
А, между-тѣмъ, ужъ многими
И слѣда нѣтъ цвѣтамъ!

Съ ребячества я страстно
Любила васъ, цвѣты,
И не цѣню каменьевъ
Драгихъ такъ лѣноты.

Вы платите любовью
 Мнѣ за мою любовь,
 И рады мнѣ душою,
 Какъ вижу то изъ словъ.

Настанетъ и, быть-можетъ,
 Тотъ день ужъ не далекъ,
 Что я прощусь со свѣтомъ,
 Сонкву глаза на вѣкъ!

«Что, скажете вы, нашей
 Подруги не видать?...
 Увы! А я ужъ буду
 Въ сырой землѣ лежать!

ПРОЩАНІЕ ЦВѢТОВЪ.

Прощай, дѣвица, въ царство
 Плутона мы идемъ,
 И вмѣстѣ Прозерпина
 Поклонъ отъ насъ снесемъ.

Какъ съ дочерью Церера
 Жила въ чужой странѣ,
 Такъ вы, насъ только видя,
 Живите здѣсь однѣ.

Пройдетъ зима, мы снова
 Придемъ къ тебѣ гостить,
 И ты опять, дѣвица,
 Придешь насъ навѣстить.

Нѣтъ, милые цвѣточки,
 Простимся навсегда;
 Когда вы къ намъ вернетесь,
 Ужъ вѣтъ меня тогда!

Лице земли старѣетъ,
 Увяли всѣ цвѣты,
 Последніе погибли
 Въ холодной сѣи ночи!

Таковъ конецъ печальный
 Всему на сѣи землѣ:

Могуществу, величью,
Богатству, красоте!

Смерть вѣчно не смыкаетъ
Зіяющую пасть,
Межъ тѣмъ, пріятель время
Радъ все туда укласть.

Мнѣ очередь приходитъ!
Изъ материнхъ утробъ
Мнѣ должно, общій жребій!
Такъ молодо лечь въ гробъ!...

Последнихъ украшеній
Лишились дерева,
Все остовы нагіе,
Природа какъ жертва.

При видѣ семъ, кто скажетъ,
Что то пріятный лѣсъ,
Гдѣ птичкамъ мы внимали,
Давно-ль? въ тѣни дровесъ!

При видѣ семъ, невольно
Отъ страха тр-пещу,
Въ отверзтую могилу
Какъ-будто я гляжу!...

Да, Лиза, вскорѣ будетъ
Тожъ самое съ тобой,
Ты не услышишь вскорѣ
Словъ матери родной.

Также естественна была ея печаль при мысли, что [всѣ ея
услія, всѣ ея произведенія сдѣлаются добычею забвенія. И эти
чувства она излила въ небольшихъ стихотвореніяхъ, изъ кото-
рыхъ приведемъ здѣсь два слѣдующія:

Какъ славы въ настоящій
Великій вѣкъ достичь?
И вскорѣ смерть младую
Должна меня постичь!

Какъ часто въ пѣснопѣвьяхъ
Провозглашала я
Забытыя давнишнихъ
Постова имена.

Сама же я, коль скоро
Съ лица земли сойду,
Безвѣстная навѣки
Въ могилѣ пропаду!

Мысль эта точно камень
Легла на сердце мнѣ,
И горестъ умножаетъ
О близкомъ ужъ концѣ.

Одна надежда свѣтитъ
Сквозь мракъ печальный сей,
И не дастъ въ увывье
Впадать душѣ моей.

Случалось, находилъ-же
Кладъ земледѣльца плуга,
Давно зарытый предкомъ
Его отъ хищныхъ рукъ?

Такъ, послѣ долгого тѣнень
Костей моихъ въ землѣ,
Быть-можетъ, вѣкій книжникъ
Вдругъ вспомнитъ обо мнѣ!

Дѣвическія пѣсни
Захочетъ онъ прочесть;
Отыщеть ихъ, и скажетъ
Что толкъ и смыслъ въ нихъ есть!

Потомству справедливость
Мы въ этомъ воздадимъ:
Талантъ при жизни презрѣвъ,
За гробомъ онъ хвалить.

КЪ СМЕРТИ.

Ужель тебѣ пріятно
Пугать еще меня,
Когда одной ногою
Стою въ могилѣ я?

Духовныя отрады
Изъ ряда исключи,
Чего такого въ жизни
Вкусилъ я, скажи?

Родитель мой и братья
Давно сняты вѣчными снами,
Какъ-будто на чужбинѣ,
Живу въ краю родномъ!

Не мучалась-ли мыслью,
 Что вскорѣ я умру?
 Не больше-ль я страдала
 За мать, за мать мою?

Такъ дай-же мнѣ спокойно
 Путь жизни совершить!
 Чтобъ я кому вредила,
 Нельзя меня винить.

Не думала на жизни
 Зарѣ я отцѣсти,
 Съ тѣмъ, чтобъ съ собой въ могилу
 И нилъ увести!

Другіе стихи въ этомъ родѣ дышать совершенною покорностью къ волѣ Божіей.

Надъ снѣгъ тройнымъ туманомъ,
 Я знаю, солнце тамъ,
 И льетъ потоки свѣта
 Кругомъ по небесамъ.

Я знаю, что превыше
 Небесъ Создатель мой,
 Съ престола въ царство духовъ
 Свѣтъ изливаетъ свой.

Да, вскорѣ я сквозь мрачный
 Туманный слой пробьюсь,
 И наконецъ свободно
 Въ свѣтъ вѣчный вознесуся.

Выишемъ нѣсколько строфъ, исполненныхъ рѣдкой величественности, изъ двухъ можетъ-быть прекраснѣйшихъ стихотвореній, какія она въ жизнь свою написала, а именно: «Прощаніе съ жизнью» и «Къ веснѣ».

Не страшить меня, моггла,
 Мрачный вѣкъ твой! Мнѣ подасть
 Сильную свою десницу
 Богъ, и въ свѣтъ свой поведеть.

И сопутствовать мнѣ будутъ
 Ангела любезныхъ два,

Чередуйся, или мѣстѣ,
Чтобъ уравнивать мнѣ путь.

Я скорбѣла ихъ лишь скорбью,
Если не могли они,
Иногда спасти отъ горя
Ихъ любимицу, меня.

О, когда-бы можно было
Неразлучно намъ втроемъ
Перейти границу жизни!
Ибо даже и въ раю

Тосковать по васъ я буду! —
Такъ одно: ужъ мнѣ нѣтъ
Черезъ долъ ужасный смерти?
Сердце, сердце, не робѣй!

Всгдѣ пойдутъ они до входа
Дола страшнаго за мной,
Но и тамъ вдали услышу
Ихъ рыданія и плачь.

На другомъ концѣ-же дола
Господа услышу гласъ:
«Се, спасешься ты вѣрой,
Здѣсь ужъ расставанья пѣть!»

Съ этими и подобными ощущеніями и со всеми страданіями, сопровождающими постепенно угасающую жизнь, Елисавета встрѣтила 19 ноября 1825 года. Послѣ обѣда навѣстили ее знакомые. Она разговаривала съ ними, хотя слабымъ голосомъ, и часто была прерываема судорогами въ груди и позахъ; но въ пять часовъ она ослабла болѣе обыкновеннаго. Она попросила мать выйти съ гостями въ другую комнату и тотчасъ позвать священника. Черезъ полчаса желаніе ея было исполнено. Она попросила читать отходную, чувствуя уже свою смерть. Съ обращенными къ Небу взорами и съ святою покорностью, она тихо повторала за священникомъ слова молитвы, покуда была въ силахъ; потомъ два раза тяжело вздохнула, и скончалась во время молитвы священника и звона къ вечернѣ, въ шесть часовъ.

На Смоленскомъ кладбищѣ, не подалеку отъ малой церкви, въ томъ мѣстѣ, гдѣ похороненъ прахъ Елисаветы, возвышается памятникъ изъ карарскаго мрамора, воздвигнутый щедротами Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны и Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Елены Павловны. Прибывшій не задолго передъ тѣмъ въ Санктпетербургъ молодой и даровитый итальянскій ваятель, Александръ Трескорни, изобразилъ ее лежащую въ открытомъ гробѣ, въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ она умерла: склонивъ голову на лѣ-

ую руку. Весь гробъ покрытъ акаеовыми листьями, посреди которыхъ падаетъ на землю пышная роза, оторванная отъ стебля. На пьедесталѣ, въ головахъ, видна скромная надпись по-русски: *Елисавета Кульманъ род. 1808 года 5 июля, сконч. 1825 года 19 ноября*; въ ногахъ латинская надпись: «*Prima Russicarum operam dedit idiomati graeco, undecim novit linguas, loquebatur octo, quamquam puella poetria eminens*»; на передней сторонѣ славянски:

Господи! въ тебѣ уповая,
Почію здѣ до днѣ воскресенія.

А внизу по-древнегречески:

Μνήμη σοῦ ἡ μνήμη! Γαίην ἔχουσ ἑλαφρὰς ².

Напротивъ, на противоположной сторонѣ, надпись на семи двостороннихъ языкахъ, на которыхъ она говорила:

Stuh' Dir, sanfte, kunstbegabte Seele!
Und dem Liebe sei die Erde leicht! ³

Rose, elle vécut ce que vivent les roses,
L'espace d'un matin. ⁴

She from her early days prepared herself for heavén. ⁵

Un atto di morir lieto e vivace
Dir pareo: s'apre il cielo io vado in pace. ⁶

Diónosa Dios, no porque la diese,
Mas para mostrar en tierra su obra. ⁷

Formoso o rosto mais que os mais formosos,
Todo prendas o espirito. ⁸

διὸ τίθεται, ἀχχὰ κομᾶται. ⁹

¹ Первая Русская, учившаяся по-гречески, знавшая одиннадцать языковъ, говорившая на осьми, и, не смотря на юныя лѣта свои, была отвлеченною писательницею.

² Вѣчна память о тебѣ! Не тяготи тебя земля!

³ Покойся, кроткая, творческая душа! Земля да не тяготитъ твоего праха!

⁴ Роза, она жила, сколько цвѣтутъ розы — вѣтнее утро.

⁵ Съ юныхъ дней своихъ она готовила себя къ Небу.

⁶ Умиралъ спокойною и весело, она, казалось, говорила: отверзаются Небеса, я иду съ миромъ.

⁷ Богъ далъ намъ ее не для того, чтобы оставить ее здѣсь, но чтобы показать на землѣ свое твореніе.

⁸ По образу прекрасѣйшая изъ прекрасѣйшихъ, по уму видѣвшице всѣхъ талантовъ.

⁹ Она не умерла, она почиваетъ.

Читателямъ уже извѣстны сужденія Гёте, Жанъ Поля Рихтера и Фосса о стихотвореніяхъ Елисаветы Кульманъ. Считаемо долгомъ сообщить имъ также извѣстныя намъ сужденія литераторовъ, ея соотечественниковъ.

Императорская Россійская Академія, которой мы обязаны издавіемъ въ свѣтъ твореній Елисаветы Кульманъ, въ 1832 году избрала изъ среды своей трехъ членовъ и поручила имъ, разсмотрѣвъ эти сочиненія, дать свое мнѣніе о достоинствахъ ихъ. Вотъ это мнѣніе:

«Господа члены, разсматривавшіе сіи стихотворенія, единогласно отзываются объ оныхъ съ отличною похвалою, и замѣтивъ въ нихъ отиѣнное искусство изобрѣтенія, плодovitость воображенія, заманчивость разсказа, плавность слога, искусство и вѣрное подражаніе древнимъ греческимъ стихотворцамъ, и благородство чувствъ, изъявляютъ желаніе, чтобы стихотворенія сіи, могущія послужить не малымъ украшеніемъ Россійской словесности, изданы были въ свѣтъ, дабы не оставались онѣ въ совершенномъ забвеніи».

Къ этому рѣшенію президентъ академіи, адмиралъ Шляшковъ, присовокупилъ еще отъ себя слѣдующее:

«Прочитавъ нѣсколько статей изъ сихъ стихотвореній, я и съ своей стороны совершенно согласенъ съ мнѣніемъ господъ членовъ, отдавая полную справедливость отличному стихотворческому дару сочинительницы».

Приведемъ одно только мѣсто изъ превосходнаго жизнеописанія Елисаветы Кульманъ, написаннаго А. В. Никитенкомъ:

«Стихотворенія ея не суть лирическіе отрывки, гдѣ, по минутному воодушевленію, выражается какое-нибудь чувствованіе въ нѣсколькихъ на удачу брошенныхъ картинахъ. Нѣтъ! Каждая піеса ея есть небольшая поэма, стройное, органическое созданіе. Вы нигдѣ почти не встрѣтите идеи, которая бы развивалась не въ живыхъ образахъ. При этомъ вась изумить удивительная полнота изображеній, отчетливость и ясность въ каждой чертѣ живописи. Вотъ напримѣръ какъ она живописуетъ характеръ Пяндара:

Изъ всѣхъ пѣвцовъ пернатыхъ
Лишь соловей не знаетъ
Другому подражать;
Онъ самъ собой доволенъ,
Въ себѣ одномъ находитъ
Разнообразны тоны
Для тихой, громкой, вѣжной,
Веселой, мрачной пѣсни.

Такъ Пяндаръ не имѣетъ
Ни съ кѣмъ въ напѣвѣ сходства.
Подобенъ онъ Азону,

Царю Беотскихъ токовъ:
 На скатъ Кисерона
 Между трехъ дубами
 Сей бьетъ изъ камня съ гевонъ
 Столпомъ алмазнымъ высаясь;

И, радужной росюю
 На землю опускаясь,
 Въ ручей соединенный,
 Съ далеко слышнымъ шумомъ
 Съ утесовъ на утесы
 Въ доль падаетъ, гдѣ, свѣжны
 Потоки собирая,
 Становится рѣкою.

Въ теченіи быстромъ скоро
 Встрѣчается съ Эреей *,
 Харитъ пріютомъ милымъ;
 Онъ бы хотѣлъ съ подругой,
 Отъ славы отрочаясь,
 Здѣсь навсегда остаться;
 Но строгій взоръ Юоны **
 Мечты любви рушить.

И тихимъ токомъ льется,
 Чтобъ не прервать сонъ первый
 Героевъ опочившихъ,
 Своей и Персовъ кровью
 Платею напоившихъ,
 Платею, въ коей скоро
 Поднялся дубъ свободы,
 Всю Гелу осылая.

Ужъ ждуть его гласный
 Исконъ, *** любимый Фебомъ.
 И Фермодонъ, **** біюшій
 Ключемъ у ногъ Зевасы,
 И пышнымъ виноградомъ
 Увѣнчанный Скамандеръ,
 Чтобъ провожать владыку
 Въ пути его къ Еврипу.

Огромными волнами
 О берегъ ударяя,
 Спѣшить онъ къ водянистымъ
 Холмамъ Амфіарая.

* Название острова.

** Храмъ Юоны былъ близъ Платен.

*** Рѣка, при которой находился храмъ Аполлона.

**** Рѣка, вытекающая изъ подошвы горы Гипата; гдѣ находился храмъ Зевса.

Ужъ не рѣкъ подобенъ.
 А озею текущу.
 Не данникъ онъ къ Еврину,
 Но царь къ царю приходитъ.

Такъ ты пѣвецъ славный,
 И миль в горлѣ, и пышетъ,
 И величавъ и дивенъ,
 Къ твоей стремишься цѣль;
 Земное исполни кой
 Къ себѣ вздымая ланью,
 Не ослабленъ Олимпъ
 Тебѣ знакомымъ блескомъ.

Сколько картинъ! Какъ ясно, разительно умѣла отгнать она каждое положеніе Азопъ, не теряя изъ виду сближеніе его съ Пиддаромъ! Какъ хорошо воспользовалась его мѣстностями, чтобы дать разнообразіе своимъ картинамъ, и съ какою непринужденностью и легкостью умѣла оживить эти мѣстности, вдохнуть въ нихъ движеніе, душу, поэзію! Какая точность въ каждой чертѣ всѣхъ этихъ плѣнительныхъ изображеній! Здѣсь не видно ничего брошеннаго на удачу; все поставлено на своемъ мѣстѣ, все нужно для полноты и жизни цѣлаго. Какая прекрасная мысль — представить Азопъ при самомъ истокѣ своемъ, шумнымъ, кипучимъ: это его юность! И здѣсь встрѣчается онъ съ Эреей: это его любовь! Но онъ смиряется, утихаетъ, какъ скоро достигнулъ святаго поля, гдѣ искуплена свобода Грековъ. Наконецъ, сопровождаемый покорными ему рѣками, онъ взростъ на пути своемъ, возмужалъ; онъ купилъ свою славу пожертвованіемъ любви и постоянствомъ своихъ стремленій; онъ приходитъ уже къ Еврину не какъ данникъ, но какъ царь къ царю. Прочитавъ все это, скажете: это точно изображеніе гевія, это Пиддаръ! Послѣдніе стихи рѣшительно удостоверяютъ васъ въ этомъ.

Земное исполни кой
 Къ себѣ вздымая ланью,
 Не ослабленъ Олимпъ
 Тебѣ знакомымъ блескомъ.

Во время появленія въ свѣтъ, на русскомъ языкѣ «Поэтическихъ опытовъ» Елисаветы Кульманъ, вотъ что было сказано въ «Сѣверной пчелѣ» (1833 года № 239): «Прочтите любое стихотвореніе Елисаветы Кульманъ. Съ какою свободою, съ какою легкостью и мѣстностью умѣетъ она отгнать каждый переливъ своихъ глубокихъ чувствованій! Какое разнообразіе картинъ, полныхъ жизни и истины! Едва явилась поэтическая идея, къ душѣ ея, какъ уже она опытно взлетѣтъ въ действительный міръ въ полномъ убранствѣ чистой красоты, гдѣ все просто, гдѣ все

такъ сказать, къ лицу ей, все прилично и непринужденно, какъ будто самыя цвѣты для своего украшенія она прпрнесла съ собою, а не получила ихъ извинѣ отъ посторонней руки. Вездѣ видна отчетливая, художническая отдѣлка образовъ, что было бы удивительно въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ поэзія привыкла закутываться въ дивиную туманную одежду отвлеченностей, если бы мы не знали, что наша юная стихотворица образовалась въ духѣ Древнихъ.

О появившихся въ свѣтъ нѣмекскихъ стихотвореніяхъ Елисаветы Кульманъ «Сѣверная Пчела» (1835 года, № 215) такъ отзывалась: «Въ изданныхъ четырехъ томахъ собраны мелкія стихотворенія, писанныя Елисаветою Кульманъ, съ двѣнадцатилѣтняго ея возраста. Здѣсь отразилась вся ея младенческая душа съ первоначальными своими движеніями, вся исторія поэтической ея жизни, которой не суждено было раскрыться во всемъ совершенномъ величій и блескѣ. Стихотворенія эти были писаны въ то время, когда она не была еще знакома ни съ Виргиліемъ, ни съ Гомеромъ; въ нихъ заключается ея собственный міръ — міръ изумительный по богатству жизненныхъ стихій, по началкамъ или очеркамъ образовъ, какіе должны были въ послѣдствіи возникнуть подъ ея перомъ. Читая эти стихотворенія, нельзя сомнѣваться въ поэтическомъ призваніи дѣвицы Кульманъ. Она ничего не знала, кромѣ окружающей ее природы — природы не слишкомъ способной очаровать сердце и возбудить поэтическія движенія: полуразвалившаяся хижина, бѣдный пріютъ ея младенчества, садъ въ нѣсколько сажень, съ любимымъ ея тополемъ и жасминовымъ деревцомъ, облака, гонимыя вѣтромъ, пространство небесъ, озаренное блескомъ солнца, или тихимъ мерцавіемъ луны и звѣздъ — вотъ все, изъ чего она должна была извлекать жизнь и поэзію. Если хотите изучить талантъ въ первоначальныхъ его творческихъ начаткахъ, если хотите исполнить умленія, прислушиваясь къ голосу самой природы, предвозвѣщающему будущность генія, то читайте эти стихотворенія, достойныя чтенія не по одному воспоминанію о возрастѣ сочинительницы: ихъ однимъ довольнобыло было, чтобы составить литературную славу. Не даромъ одинъ изъ первостепенныхъ литераторовъ Германіи, прочитавъ нѣкоторые изъ нихъ, назвалъ ихъ сочинительницу соперницею Гебеля, и предвѣщалъ ей почетное мѣсто въ литературномъ мірѣ, на какомъ бы языкѣ она ни писала».

Въ «Санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ» (1841, № 119) изложено слѣдующее мѣнѣе: «Сколь многіе изъ насъ, тщеславно не признавая собственнаго своего безсилія, литературныя свои неудачи приписываютъ бѣдамъ и препятствіямъ, устроеннымъ судьбою и обстоятельствами. Будто цвѣтокъ распускается, будто плодъ созрѣваетъ, не борясь съ холодомъ и палящимъ зноемъ? Надменныя не многими вдохновеніями юности, мы, при первой борьбѣ

съ рокомъ, начинаемъ привыкать къ мысли, что наступила пора исключительно заботиться о мелкихъ, прозаическихъ потребностяхъ жизни, а между тѣмъ не перестаемъ обольщать себя мечтою, что могли-бы многое совершить въ области искусствъ, если бы намъ не помѣшали судьба и люди. И вотъ какъбы для разрушенія этой успокоительной философіи, въ укоръ нашей уступчивой совѣсти является дѣвушка со всею слабостью своего пола и юнаго возраста, рожденная въ нищетѣ, кажется, для того только, чтобы знать одну скорби жизни, едва разцвѣтшая и уже вносящая въ груди отраву разрушительнаго недуга. Кругомъ ея одѣтъ картины убожества и лишеній, но что ей до этого: тѣло ея страдаетъ и воетъ въ бѣдной хижинѣ, у нетопленого очага, близъ ложа больной матери, а душа ея, торжественно и побѣдно ликуя, носится въ вѣчно-цвѣтущихъ долинахъ и благоухавшихъ храмахъ древней Эллады, въ волшебныхъ дворцахъ Аладина, на ратныхъ игрищахъ старинныхъ русскихъ витязей. Эта дѣвушка прекрасна, но свѣтъ не имѣетъ для нея ничего привлекательнаго. Тщетное обольщеніе! Любимцы души ея не здѣсь. Это Омиръ вдохновенный, увѣщанный миртами пѣвецъ тійскій, это веселые Гафизъ и Саади: имъ посвятила она первый вздохъ своего прекраснаго сердца, имъ посвятила она и предсмертную лебединаую пѣснь свою.... И охолодѣвшая рука Елисаветы Кульманъ замерла на струнахъ лиры, какъ длань вонна на рукоятки меча.

«Что можетъ сказать критика объ этомъ талантѣ, еще не развившемся, объ этомъ цвѣткѣ, который, не развернувшись, увялъ, застигнутый холодомъ смерти, объ этомъ алмазѣ въ корѣ, потерянномъ прежде, нежели успѣли огранить его? Перечитывая «Опыты» дѣвицы Кульманъ, мы находимъ въ ней все элементы, которые составляютъ истиннаго поэта и которымъ не доставало только времени, чтобы въ доконченномъ развитіи явиться свѣту съ полнымъ блескомъ. Мы видимъ въ ней воображеніе живое, роскошное и перемчивое, сердце, вѣчно пламенѣвшее чувствомъ изящнаго, знаменующую настоящаго художника способность все отвлеченныя идеи представлять въ живыхъ образахъ. Не изумить ли насъ также дивная плодотворность ея неутомимой фантазіи: передъ вами огромная книга, содержащая въ себѣ около ста тысячъ стиховъ русскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ, а между тѣмъ тутъ не помѣшены еще четыре трагедіи Озерова, переведенныя дѣвицею Кульманъ на нѣмецкій языкъ, тутъ нѣтъ переводовъ изъ Ломоносова и Державина, изъ Альфіери и Мильтона, и многаго другаго».

«Русскій Вѣстникъ» (1841 года № 8.) содержитъ въ себѣ слѣдующее: «Кто не слыхалъ объ Елисаветѣ Кульманъ? Кто не задумывался надъ великолѣпною гробницею, которую воздвигли ей послѣ смерти на Смоленскомъ кладбищѣ? Не многіе при жизни зна-

ли ее, прекрасное Божіе созданіе, изнывшее въ бѣдности и душевныхъ страданіяхъ....

«Если хотите только изумиться, то вспомните, что безъ всякихъ пособій, въ угнетающей бѣдности, Елисавета, примѣръ дѣтской любви, чистоты нравовъ и христіанскаго смиренія, приобрѣла почти самоучкою, обширныя свѣдѣнія, знала совершенно русскій, нѣмецкій, французскій, италіанскій, англійскій, новогреческій и древнегреческій, весьма хорошо латинскій, церковно-славянскій, португальскій и испанскій языки. Но прочитайте собраніе стихотвореній Елисаветы, выкиньте въ богатую сокровищницу души ея: вы будете не изумлены, но растроганы до глубины сердца».

И французскіе журналы отзываются съ необыкновенною и весьма лестною похвалою о поэтическомъ дарованіи Елисаветы Кульманъ; о господствующемъ въ стихахъ ея богатствѣ мыслей, объ отличномъ ея вкусѣ и званіи дѣла. Парижскій «Журналъ для молодыхъ дѣвицъ» (томъ 4, 1836 года) говоритъ: «Въ Россіи считается большое число писательницъ; одна изъ нихъ, къ несчастію, умершая слишкомъ рано для славы искусства и своего отечества, оставила стихи отличнаго іоническаго размѣра, которые были бы достойны наилучшихъ временъ Греціи».

Въ эту самую минуту, когда мы заключаемъ этотъ рассказъ, узнаемъ сужденіе, которое произнесъ отличный переводчикъ Байрона и величайшій импровизаторъ Италіи, Джустиніани, объ италіанскихъ твореніяхъ дѣвицы Кульманъ.

«Елисаветъ Кульманъ».

«Нѣжный, съ небесъ сошедшій соловей развернулъ крылья и полетѣлъ опять къ звѣздамъ; цвѣтокъ, столь сладостно благоухавшій на своемъ стройномъ стебелькѣ, улетѣлъ отъ земли и отъ грозныхъ ея непогодъ; здѣсь остались лира, облеченная въ дѣвическое покрывало, и тысяча плѣнительныхъ картицъ. Душа же, по краткомъ пребываніи, воспарила въ вѣдро вѣчнаго блаженства».

«Ея трогательную пѣснь, составленную изъ розъ и вешнихъ ароматовъ, повторяютъ цѣломудренныя жены, и она звучитъ на алыхъ устахъ дѣвы. Геній далъ ей столько же изчѣпчивыхъ красокъ, сколько у нея было разнообразныхъ предметовъ, и ключъ этотъ лесной, свѣтлый, текъ быстрою, неизсякаемою струею, вопреки враждебствовавшему злополучію».

«Я не видалъ ея, очаровательной, подобно баснословнымъ сиренамъ, приковылавшей къ себѣ все ее окружавшее; но я вижу, что вѣнецъ лавровый осѣняетъ юное чело той, которая съ колыбели вѣчно боролась съ судьбою; я читаю имя ея, начертанное на бронзовыхъ скрижаляхъ славы, для которыхъ отверзаются врата вѣчности, и дивная пѣснь ея раздается въ глубинахъ моей души, подобно свондѣнію золотыхъ и счастливыхъ дней».

«Какъ гонимъ сладкой зрѣи, звучащей въ тишинѣ ночной; какъ удивительны, свѣтлыи ключи, оживляющіи каждое сѣмя в поточное зноемъ поле, такъ ея поэтическій источникъ, сливаясь съ дельфійскимъ вдохновеніемъ, вливаетъ въ душу успокоительный бальзамъ, когда мы съ восторгомъ внимаемъ ея плавному нѣвию».

Вотъ всѣ извѣстныя намъ сужденія о русскихъ, нѣмецкихъ и италіянскихъ стихотвореніяхъ Елисаветы Кульманъ.

И такъ, возлюбленная тѣнь, па гробъ которой не безъ слезъ совершая эту тризну, и такъ, можетъ быть, сбудется въ общирнѣйшемъ смыслѣ предсказаніе Гёте: «Что ты займешь почетное мѣсто въ литературѣ, на какомъ бы изъ извѣстныхъ тебѣ языковъ ты ни писала», и ты нѣкогда, — согласно съ собственнымъ твоимъ желаніемъ и предчувствіемъ твоего руководителя, — займешь въ одно время мѣсто въ *трехъ* литературахъ. Германія, которая пришла въ число своихъ поэтовъ Датчанина Эленшлегера, дастъ и русской Кульманъ, которая все-таки нѣмецкаго происхожденія, и по этому соотечественница Гебеля, съ которыми сравнивалъ же Гёте, — мѣсто поэмъ своихъ писательницъ, и позволить твоимъ любимицамъ — *Каризъ* и *Софій Марю* ** поставить между ними вѣнзюку и указать ея скромныя заслуги.

Предсказаніе Гёте сбылось. Мы видѣли, какъ Германія, съ своею обычною непристрастною справедливостью, даже къ иностранному таланту, въ 1846 году приняла Елисавету Кульманъ въ

* Несколько позже появилось слѣдующее сужденіе Д. Андреа дель Веро. «Съ неспривторнымъ удивленіемъ прочелъ я эти сочиненія, труды необычайныя, судя по юному возрасту писательницы. Это удивленіе увеличивается, когда вспоминаешь, что она иностранка и ни сколько не италіянскаго происхожденія. Я прочелъ этотъ пространный трудъ съ большимъ вниманіемъ, мне нашлось въ немъ рѣчи, слова, которое не было-бы чистое, избранное, поэтическое. И несмотря на то, никакъ нѣтъ слѣда подражанія, или какой-либо заимствованія у кого-либо изъ нашихъ поэтовъ. Вопреки своей молодости, Кульманъ всюду сама творить и мысль и выраженіе.

Но что въ вышей степени возбуждаетъ удивленіе въ этомъ трудѣ, это разнообразіе и богатство поэтическаго колорита. Это такое изобиліе поэзіи, что, кто не читалъ ея, не можетъ составить себѣ о ней даже приблизительное понятіе. Невозможно приискать образцовъ болѣе живыхъ, ни выисковать болѣе прелестныхъ. Она, можно сказать, похощаетъ у небесныхъ свѣтилъ ихъ лучи и у цвѣтвъ въ нихъ самыя нѣжныя благоуханія, или говоря языкомъ, соответственнымъ ея роду писанья, она напоминаетъ намъ тѣхъ героинь восточныхъ сказокъ, у которыхъ, всякій разъ, что они заговаривъ, слышатся изъ устъ алмазы и яхонты.

Нѣтъ сомнѣнія, что наша Италія, всегда готовая воздавать справедливость всякаго рода дарованіямъ, дастъ почетное мѣсто среди лучшихъ своихъ женщинъ-поэтовъ очивительницъ этихъ стихотвореній, исполненныхъ благородства, и то величественныхъ, то обворожительныхъ, то трогательныхъ до глубины сердца.

** Баварскія нѣмецкія писательницы, съ твореніями которыхъ Елисавета Кульманъ была отчасти знакома.

число своихъ классиковъ, * не дождавшись еще полного изданія ея стихотвореній. Потомъ, въ довершенье нашего удовольствія, три мѣсяца до напечатанія нашего дополненія къ жизнеописанію Елисаветы Кульманъ и собранія ея сочиненій, мы получили прекраснѣйшее изданіе италіянскихъ ея стихотвореній, которыя вышли въ Миланѣ въ 1847 году уже третьимъ изданіемъ **.

* Familienbibliothek der Deutschen Klassiker. Vierzehnter Supplementband: Anthologie aus den Gedichten von Elisabeth Kulmann und Ludwig Uhland. Hildburghausen und Amsterdam, 1846.

** Saggi Poetici di Elisabetta Kulmann con la vita, il Ritratto ed il Monumento dell' autrice. Terza Edizione. Milano, 1847.

=

ОЧЕРКИ ВЕНГРИИ.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

Изъ сдѣланнаго нами общаго обзора главнаго хребта Карпатскихъ горъ видно, что онъ, огибая Венгрію полумѣсяцемъ и наполняя своими отраслями всю сѣверную и сѣверо-восточную ея часть, достигаетъ уже значительной высоты въ липтовскомъ комитатѣ, а въ спшскомъ разрастается въ исполнскія горы, приводящія въ изумленіе своею громадностью и величавостью. — Здѣсь, какъ мы уже говорили, лежатъ такъ-называемыя *Татры*. Это представители величественнаго карпатскаго хребта; здѣсь образчики карпатской природы, сюда наиболѣе съѣзжаются путешественники, туристы и специалисты.... Въ Татрахъ самыя высокія вершины собственно венгерскихъ Карпатовъ и самыя любопытныя горныя особенности. И мы остановимся на Татрахъ, чтобы съ нихъ осмотрѣть карпатскую природу.

Всѣхъ татрскихъ вершинъ съ особыми названіями считается до тридцати; но онѣ соединены какъ бы общою цѣпью, простирающеюся милъ на осемь. Главнѣйшія изъ вершинъ, значительно выдающіяся надъ прочими: Ломвицкая, Королевица (Кёвиге-вазе), Герльдорфская, Басти, Большой Кривань, Селско, Шла-

герцдорфская и Голица. Ломницкая гора, самая крутая и самая высокая, состоитъ изъ нѣсколькихъ неприступныхъ утесовъ, среди которыхъ царствуетъ вѣчная зима, и которые обитаемы только сернами и каменными баранами.

Прежде рѣдко и немногіе путешественники ѣздили осматривать Карпаты; теперь, наоборотъ, онѣ сдѣлались предметомъ и любопытства и изслѣдованій. Изъ позднѣйшихъ путешественниковъ особенно замѣчательны: эрцгерцогъ-палатникъ Юсепъ, король саксонскій Іоаннъ, графы Вальдштейнъ, Эстергази, Батяни (Bathányi), Эрдеи (Erdödy), Фештетичъ (Festetics), Алмашъ (Almásy), Майлатъ (Majláth), и другіе.

Въ старину ходили баснословные рассказы о Карпатахъ; нынче нѣтъ этихъ суевѣрій, и если Карпаты еще не столько изслѣдованы, какъ швейцарскія Альпы, все-таки мы знаемъ ихъ гораздо лучше, нежели наши отцы; мы уже не вѣримъ въ карпатскихъ драконовъ и въ морскія глазины и не утѣшаемся ребяческой надеждою найти тамъ карбункулы, алмазные глѣзда и золотыя райскія яблоки.

Наиболѣе возвышенная гранитная масса Карпатовъ, находящаяся въ снѣжскомъ комитатѣ, стоитъ колоссально, обращая къ югу выпуклую, а къ сѣверу вогнутую сторону. Ея низшія известняковыя и песчанниковыя отрасли идутъ во всѣ стороны. Эта часть Карпатовъ пустыня и обнажена, сѣда отъ древности, — это многотысячелѣтній памятникъ переворотовъ природы. Последній переворотъ нашей планеты выдвинулъ Татры съ двухъ противоположныхъ сторонъ, востока и запада: это замѣтно по ихъ вершинамъ, которыя съ востока наклоняются къ западу, а съ запада къ востоку. Всего яснѣе это видно съ Королевской горы (Königsberg, Králova Hora), откуда видна вся гранитная горная цѣпь съ южной ея стороны.

Горная Татрская цѣпь не лежитъ въ прямой линіи, а отрывчато, въ самыхъ странныхъ, самыхъ прихотливыхъ и поразительныхъ сочетаніяхъ гранитныхъ массъ, съ долинами. Если бъ можно было подняться надъ нею въ воздушномъ шарѣ и сверху взглянуть на цѣлое: вѣроятно, представилось бы прелюбопытное зрѣлище. Впрочемъ, Татры прекрасны и не съ воздушнаго шара. Ихъ видъ равно поразителенъ, великолѣпенъ, и на утренней зарѣ, и при лунномъ сіяніи, когда заходящее солнце силуэтируетъ очертанія, и днемъ, когда, опоясанныя облаками, или мѣлами, какъ тамъ называютъ мѣстные жители, Словаки; онѣ выставляютъ изъ нихъ свои вершины.

Эти громадные гранитныя вершины были некогда гораздо выше. Онѣ выветриваются, разлагаются, разрушаются; дождь и вѣтеръ гложутъ ихъ за одно со временемъ; часто большія гранитныя массы обваливаются съ вершинъ въ долины, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ уже глубоко завалены обломками утесовъ; подъ щебнемъ заваловъ слышатъ шумъ воды, попадающей на почву долины горными ручьями. Такимъ образомъ вершины все болѣе и болѣе округляются. При выветриваніи гранита кварцъ переживаетъ слюду и шпатъ.

Растительность, въ Татракахъ восходитъ до двухъ-третьей ея высоты; предѣлами ея служатъ: *pinus scabra*, рябина, *pinus resinosa*, кривая сосна, *lichen islandicus*, лѣгочница; далѣе слѣдуютъ хвойныя породы, а еще выше голыя скалы, съ вѣчными снѣгами и льдами. Ледники есть и въ долинахъ, лежащихъ на сѣверномъ скатѣ горъ. Въ выси снѣгъ идетъ во великую пору лѣта. Перемотка температуры быстра и чрезвычайна. Поднявшись на горы и наслаждаясь такъ прекрасной, ясной погодой, вдругъ видится какъ внизу, подъ ногами, льется дождь, бушуютъ громъ и молнія. Видъ сверху обширный и чудесный. Войдите на Ломницку или лучше на Криванъ, и вы увидите подъ собою огромное пространство съ одной стороны Венгріи, съ другой Галиціи, на югъ къ Тисѣ, на сѣверъ до Вислы. Нѣкоторыя горныя вершины неприступны: даже дикія козы не могутъ взбираться на нихъ.

Дикія козы, сурки, каменные орлы, форели въ озерахъ—единственныя живыя твари на выслахъ горъ. Въ старину здѣсь водились также каменные козлы; но эта порода истреблена отъ безпорочной охоты; то же будетъ и съ дикими козани, потому что отравлять ихъ легче всего ягнятыхъ, отчего, мало-по-малу, перелодится цѣлая порода. Иногда въ долинахъ случается убивать медвѣдей.

Карпатскія долины живописны не менѣе горъ; извиваясь между ними и перестѣиваясь озерами и каскадами, онѣ красятъ и оживляютъ горную природу.

Нѣкоторыя изъ долинъ въ особенности любопытны; таковы—Мидлорудная долина, Кольбская, Фелькерская, Монсгдорская, Криванская, Яворнская и другія.

Мидлорудная долина (Коппершахтская) лежитъ за Ломницкой вершиной, направляясь отъ нея къ сѣверу; изъ этой долины вытекаетъ Бѣлый ручей, составляющій границу между гранитными и известняковыми горами (на востокъ).—Этотъ ручей важенъ для минералоговъ, содержа произведенія и гранитной и извест-

пиковой формации. Долина съ одной стороны (за Ломницкой вершиной) называется уступами и заключаетъ нѣсколько озеръ, (Бѣлое, Зеленое, Красное, Черное и Плокъ); съ другой стороны представляетъ тропу, для перехода горной цѣпи на ея сѣверную сторону. Эта тропа важна и въ военномъ отношеніи, потому что по ней можетъ пройти пѣхота, даже пожалуй кавалерія, и такимъ-образомъ выиграть переходъ въ нѣсколько миль. Озера Мѣднорудной долины лежатъ на разныхъ высотахъ.

Бѣлое озеро находится въ Бѣлавской области. Изъ горъ, окружающихъ его, гора *Дурльсбергъ* принадлежитъ къ высочайшимъ. Съ нея открывается прекрасный видъ въ соупредѣльную Галицію. Въ зрительную трубу можно ясно разглядѣть городъ Краковъ, отстоящій отъ Кежмарка на пятнадцать миль. Здѣсь примѣтны слѣды многихъ старинныхъ рудниковъ. Рыбы, особенно форели, лежащіяся въ озерѣ, очень тощи и безвкусны.

Зеленое озеро или *Морской глазъ* находится на семь часовъ пути отъ Кежмарка, въ прекрасной, чрезвычайно романтической странѣ. Съ одной стороны озеро обнесено, въ видѣ полукруга, громадными скалами. Сажень четырехста надъ озеромъ находится такъ-называемая мѣдная скамья, представляющая мѣдную жилу въ гранитѣ, около сажени ширины. Эта жила очень важна для тѣхъ, кто ищетъ въ Карпатахъ золота и другихъ благородныхъ металловъ. Здѣсь они обыкновенно испытываютъ счастье въ отысканіи сокровищъ.

Въ 1662 году этотъ, такъ-называемый *Морской глазъ*, сильно разливался, такъ-что наводненіе отъ его разлитія причинило ужасныя опустошенія въ подкарпатскихъ странахъ, особенно въ окрестностяхъ Кежмарка.

Красное озеро находится къ сѣверу надъ Зеленымъ. Съ него прекрасный видъ на Зеленое озеро.

Черное озеро, также надъ Зеленымъ, почти на одинаковой съ нимъ высотѣ, лежитъ параллельно Красному. Форма его продолговатая; кругомъ озера стоятъ громадныя скалы. Солнечные лучи мало или вовсе не освѣщаютъ озера, что увеличиваетъ черноту его и густой мракъ, господствующій въ его пропастяхъ. Съ одной стороны озеро ограничено горою, называемой *Карбукуливой башней*. Это названіе она получила отъ стариннаго народнаго сказанія, будто нѣкогда на той сторонѣ ея вершины, которая обращена къ Зеленому озеру, находился большой карбукульъ, освѣщавшій своимъ блескомъ всю окрестность осѣдственнаго *Морскаго глаза*. Говорятъ, что карбукульъ долго былъ собствен-

ностью графской фамилии Другетъ де Гомона (Drugeth de Homona), а по престѣненіи этого рода поступилъ въ Вѣну, въ королевскую казну.

Озеро Плока на югѣ, въ значительномъ углубленіи. Оно окружено огромными скалами, по большей части сѣроватаго мрамора.

Въ Мѣднорудной долинѣ есть мѣднорудныя жилы, отчего, вѣроятно, она и получила свое названіе. Случалось, люди соблазнялись искать здѣсь богатствъ; нѣкоторые потеряли на такихъ поискахъ состояніе, а иные даже и жизнь. На высотѣ, гдѣ десять мѣсяцовъ въ году стоятъ морозы и не таетъ снѣгъ, не можетъ быть рудника, развѣ только съ чистымъ золотомъ и серебромъ.

Кольбахская долина рѣздѣляется на большую и малую. Малая лежитъ близъ Ломницкой вершины и вовсе не мала; въ ней много прекрасныхъ водопадовъ, по полудни, при солнечномъ сіяніи, играющихъ радугой, и много озеръ, которыхъ вода, падая съ высокихъ уступовъ, совершенно исчезаетъ, и уже внизу, вдругъ является стремительнымъ горнымъ потокомъ. Въ большой Кольбахской долинѣ еще больше озеръ: она тянется на сѣверъ къ Ледяной долинѣ, лежащей на сѣверномъ склонѣ Карпатъ, и оттого имѣющей ледники. Вѣнецъ горныхъ вершинъ, окружающихъ Ледяную долину кажется столь же высокъ, какъ Ломницкая вершина; но это только кажется, — на дѣлѣ не то.

Говоря о *горныхъ вершинахъ*, слѣдуетъ замѣтить, что хотя всѣ вершины снизу кажутся острыми, но въ сущности такихъ не много; большую часть ихъ тысячелѣтія округлили, вывѣтрили, обломали. *Ломницкая* вершина имѣетъ продолговатую фигуру, около осьми сажень дѣсны и трехъ ширины, и покрыта щебнемъ вывѣтрившагося гранита. Гранитныя глыбы, почти отвѣсно возвышающіяся на вершинахъ, стоятъ громадными башнями. Нѣкоторые путешественники ставятъ тамъ на память бутылки съ закупоренными въ нихъ записками, или пишутъ на камняхъ. Но здѣшнія порывистые вѣтры свосятъ все долой. Даже отважные козьи охотники не пускаются ни на одну изъ татрскихъ вершинъ, если погода хотя сколько нибудь неблагоприятна. Дождь, снѣгъ, облака, туманы и вѣтры тамъ очень опасны; самый привычный и цѣпкій ходокъ можетъ оступиться и упасть въ бездну, куда нельзя и взглянуть безъ содроганія и головокруженія.

Есть повѣрье, будто въ одной изъ ледяныхъ долинь, именно въ ледникѣ *Кротовое озеро*, много золота и драгоценныхъ камней. Это сказка, порожденная страстью къ чудесному, питаемая желаніемъ скоро обогатиться, усиленная предположъ, что туда

нельзя добраться за снѣгомъ и льдами, и что единственная тропинка туда разрушена бурей. Самая скала, которая ограничиваетъ озеро съ восточной стороны и за свою фигуру прозвана *Монахомъ*, кидается на окружность озера тѣнь чудснаго. Подъ этой именно скалою таится будто бы огромныя сокровища, которые стережетъ хранительный геній Монаха. Озеро получило названіе отъ множества водящихся здѣсь кротовъ, о которыхъ есть повѣрье, будто они носятъ съ собою золотыя зерна. Рассказываютъ также про находящуюся тамъ кладовую, про наѣдку, которая сидитъ въ золотомъ пескѣ на золотыхъ лѣпкахъ; про волшебниковъ, скитающихся здѣсь и выданныхъ пастухами въ оврагахъ скалъ, и прочее. — Во всѣхъ этихъ чудесныхъ разсказахъ есть доля правды, потому что всегда бывали люди, искусные металлурги, которые умѣли пользоваться сокровищами горъ Татры, вовсе не состоя въ союзѣ съ злыми земными и огненными духами. Такъ, напримеръ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ половинѣ прошедшаго вѣка былъ въ Кежмаркѣ мѣщанинъ, ежегодно два раза ѣздившій въ Татры и возвращавшійся оттуда съ цѣлыми кусками золотой руды, которую онъ потомъ продавалъ съ большой выгодой краковскимъ Жидамъ. Всѣ въ Кежмаркѣ знали о золотомъ промыслѣ этого мѣщанина; но никто не былъ участникомъ его тайны и никто не могъ дознаться, гдѣ именно въ Татрскихъ горахъ онъ находилъ золото, помощью котораго жилъ очень достаточно, не занимаясь никакимъ другимъ ремесломъ. И до сихъ поръ никто не знаетъ этого золотоснаго рудника. Говорятъ, правда, что мѣщанинъ, на смертномъ одрѣ, открылъ мѣсто золотоснаго прииска своему духовнику, протестантскому пастору Гельнеру; но или пасторъ счелъ признаніе его за грезу кладочателя, или смерть, которая вскорѣ постигла самого пастора, лишила его возможности обнародовать тайну. — Точно такимъ же образомъ, говорятъ, лѣтъ за пятьдесятъ или шестьдесятъ до насъ, крестьянинъ изъ Гросъ-Шлагендорфа, по имени Іекель, обогатился въ Татрскихъ горахъ у длиннаго озера верхней Фелькерской долины. Онъ досталъ изъ горной рывины, названной по этому Іекелевымъ оврагомъ, кусокъ богатой золотой руды, величиною съ водяной мбаль, и отложки отъ нея продавалъ яглавскому золотыхъ дѣлъ мастеру по три гульдена за фунтъ. Вѣроятно, это былъ золотой сафородокъ въ кварцѣ. Крестьянинъ, желая обогатиться одинъ, открылъ мѣсто, гдѣ нашелъ золото; на слѣдующій годъ онъ пришелъ къ нему же на кладовъ, но увидѣлъ, что золотосная виадвнн

засыпана снѣгомъ; на третій годъ нашелъ ее заваленную щебнемъ и камнями, которыхъ одинъ не могъ уже расчистить. После этого онъ цѣлыя пятнадцать лѣтъ, трудился надъ расчисткой и все напрасно. Наконецъ онъ вынужденъ былъ указать мѣсто пріиска другимъ крестьянамъ; принялся общими силами за рытье, но не могли расчистить щебня то за снѣгомъ, то за суровой погодой. Такимъ образомъ мѣсто пріиска до сихъ-поръ остается безъ употребленія. Въ 1797 году Іекелевская котловина была наполнена на нѣсколько сажень въ вышину льдомъ и снѣгомъ.

Еще король Матвій Корвинъ, а въ наше время яглавскіе промышленники искали золота въ Липтовскомъ Криванѣ на страшной высотѣ. Поиски не оставались безуспѣшны, но частные промышленники не могли съ выгодною продолжать ихъ по причинѣ высоты снѣговъ и по недостатку дровъ и воды. До-сихъ-поръ, въ полугорѣ, въ двухъ часахъ ходьбы отъ вершины, есть очень примѣтные слѣды раскоповъ и шахтъ.

Фелькерская долина тиха и особенно богата любопытными альпійскими растеніями и травами, которыя здѣсь тщательно собираются и продаются въ аптеки. Кромѣ того здѣсь часто попадаются гранаты, сидяшіе въ гранитѣ; онѣ блѣднѣе цвѣтомъ богемскихъ и видомъ ближе подходятъ къ рубинамъ.

Менгесдорфская долина въ своихъ многочисленныхъ развѣтвленіяхъ и уступахъ, заключаетъ много озеръ, водопадовъ и очаровательныхъ видовъ. Изъ этой долины выходятъ рѣка, *Попрадъ*, единственная текущая съ южной стороны Карпатъ на сѣверъ, и черезъ Дунаецъ и Вислу вливающаяся въ Балтійское море; съ Дунайцемъ Попрадъ соединяется при Сандецѣ.

Ближайшая за тѣмъ долина, *Важецкая* (*Ważecz*), находится въ липтовскомъ комитатѣ. Изъ нея, уже въ противоположномъ направленіи, течетъ рѣка *Вагъ* въ Дунай и въ Черное море. Изъ этой возвышенности текутъ рѣки по всѣмъ направленіямъ и во всѣ стороны, и небольшой холмъ здѣсь рѣшается, должна ли вытекающая вода излиться въ Балтійское или въ Черное море.

Въ *Криванской долине* есть золото и антимоній. И то и другое, какъ мы сказали, пытались разработывать, но въ здѣшней суровой, холодной, высокой сторонѣ рудокопство не можетъ окупиться. Криванская вершина занимаетъ второе мѣсто послѣ Ломницкой; она нѣсколько погнута съ востока на западъ, имѣетъ около одиннадцати сажень длины и четырехъ вышинъ. Съ юж-

ной стороны она удобовосходима; съ сѣверной отвѣсной, и взглянуть съ нея внизъ страшно. На вершинѣ Кривана возвышается теперь памятникъ, изъ чугуна съ позолотой, поставленный королемъ саксонскимъ въ память его посѣщенія вершины.

Черезъ *Прибылинскую* долину проходитъ тропа на сѣверную сторону Карпатовъ. Здѣсь также попадаетъ множество граатовъ. Характеръ склоновъ карпатскаго края неодинаковъ. На выпуклой южной сторонѣ его много альпійскихъ долинъ; на вогнутой южной, долины—меньше, суровѣ климатомъ, часто покрыты снѣгомъ, льдомъ и ледниками. На сѣверной сторонѣ края, у его подошвы, вѣтъ широкихъ долинъ, а на-мѣсто ихъ лежатъ среднія горы, до самого Дунайца (на границѣ Галиціи). Отъ этого видъ Карпатовъ съ юга и сѣвера имѣетъ мало общаго. Съ венгерской южной стороны Татры кидаются въ глаза и стоятъ величавыми колоссами; съ галиційской сѣверной стороны ихъ закрываютъ среднія горы, изъ за которыхъ едва виднѣются торчащія вершины, точно отдаленныя облака. Впрочемъ и съ сѣвера они поразительны даже съ дороги изъ Ярославля въ Краковъ: вечеромъ послѣ захожденія солнца онѣ обливаются золотымъ пурпуромъ и точно пылаютъ, когда глядишь на нихъ въ чистую погоду, и когда они не заволочены мглами.

На сѣверной сторонѣ самая большая долина *Яворинская*; она, между прочимъ, замѣчательна по мѣсту, до такой степени усиливающему эхо, что отголосокъ походитъ на раскатъ грома.

Первобытныя горы нигдѣ не стоятъ одиноко; Карпатскія гранитныя горы также развѣтвляются различнымъ образомъ на другія известняковыя, металическія, шиферныя и глиняныя горы.

На сѣверо-западной сторонѣ возвышается *Бабагура* (Babagura) и горная цѣпь на томъ берегу Дунайца; на восточной сторонѣ *Игла* (Ibla) и *Кралёва Гола*. На той и на другой, на самомъ темени, есть обильныя водяные источники, которыхъ вода въ состояніи вертѣтъ мельничное колесо. Круглая шапка *Кралёвой Гола* состоитъ изъ шифернаго флеса, лежащаго на гранитѣ, и поросла крупнымъ исландскимъ мохомъ, по посылъ человѣку.

Въ Карпатахъ есть еще чрезвычайно любопытная долина, *Сюльо* (Szülyó), въ тревчнвскомъ комитатѣ, которую прекрасно описалъ баронъ Медвянскій (Mednyánszky) въ своемъ «Живописномъ путешествіи по Вагу» (Malerische Reise auf dem Waagflusse, 1826). «Эта долина, говоритъ онъ, одна изъ любопытѣйшихъ частей Венгріи. Ее не пропустить безъ вниманія ни

одинъ человѣкъ, умѣющій созерцать Божьи чудеса въ Его прекрасномъ созданіи. Громадныя массы, возносящіяся до небесъ, могучіе колоссы видны повсюду, гдѣ соединяется нѣсколько горъ. Но такихъ чудесныхъ фигуръ, такихъ башенъ, обелисковъ, изображеній животныхъ и человѣческихъ, словно изваянныхъ рукой художника, съ мельчайшими очертаніями, не найти нигдѣ въ другихъ мѣстахъ; они превосходятъ всякое представленіе самаго смѣлаго воображенія. Здѣсь какъ будто озаменѣлъ какой-нибудь допотопный городъ съ его храмами, дворцами, памятниками и жителями, въ ожиданіи звука послѣдней трубы. Эти торчащія колонны, сажени въ четыре вышины и нѣсколько футовъ въ поперечникѣ, вѣрно украшали тотъ портикъ, передъ которымъ стоитъ бюстъ полководца въ шлемѣ. Эти трехгранные конусы, стоящіе на ровномъ лугѣ, поодаль отъ развалинъ города, покрываютъ царственные гробницы угасшаго поколѣвія. Изъ оковъ замка, возвышающагося надъ великими зданіями, быть-можетъ вѣкогда прекрасныя очи, кроткія и лазурныя какъ небо, глядящее теперь изъ нихъ, смотрѣли на зубчатые стѣны того замка, гдѣ жили ихъ возлюбленные. Голосъ проповѣдника съ ваянной каедры вотще звучитъ тремъ игрокамъ, которые, сидя неподалеку за круглымъ столомъ, никакъ не могутъ отказаться отъ своей пагубной страсти. Чтобы не видѣть скверны, монахъ насупротивъ отвернулся отъ грѣшниковъ и, простершись предъ узкимъ алтаремъ, молитъ Всемогущаго удержать его карающей судъ. Изъ уцѣлѣвшей половины амфитеатра (другую половину его поглотила земля), вырвались вѣроятно этотъ левъ и этотъ волкъ и лающая собака, за которыми кинулся человѣкъ съ приподнятою палицею. — Но кто изочтетъ всѣ фигуры, неисчислимыя и перемѣнчивыя, которыя вѣчно создаются вновь и опять разрушаются, подобно сынамъ и дѣламъ человѣческимъ? Не обвиняйте меня въ фантастическомъ преувеличеніи; — ступайте сами и посмотрите!

Мѣстечко *Сентъ Иванъ* (Szent-Ivány), въ липовскомъ комитатѣ, также примѣчательно въ многихъ отношеніяхъ. Въ немъ такое собраніе естественныхъ рѣдкостей, какому быть-можетъ, нѣтъ подобнаго на свѣтѣ. Во-первыхъ, въ склепѣ тамошней ветхой церкви не глѣбютъ трупы, погребенныя тамъ уже три столѣтія. Даже одежда на нихъ только поблекла, а не истлѣла, и у высохшихъ лицъ мумій можно распознать главныя черты. То же явленіе замѣчается у труповъ, погребенныхъ внутри церковныхъ стѣнъ. Далѣе, тутъ есть *ядовитый ключъ*, подлѣ самой

внутренней стѣны кладбища, едва въ десяти шагахъ отъ церковной наружной стѣны, гдѣ сквозь скалу шумно и порывисто пробивается ручей въ руку толщину, который распространяетъ сѣрно-асфальтовый запахъ и одурманиваетъ птичекъ, когда онѣ перелетаютъ черезъ него предъ восхожденіемъ солнца. — Посреди долины торчатъ изъ земли футовъ въ пять или шесть вышиною продолговатая каменная глыба, которая изъ скважинъ мѣстахъ въ двадцати стремительно мечетъ воду, частью холодную, частью теплую. Тамъ же есть кислый источникъ. Наконецъ есть эхо, которое очень внятно передаетъ цѣлые осемь слоговъ*.

Почти въ каждой карпатской долинѣ, какъ мы уже и говорили, есть одно или нѣсколько озеръ; изъ нихъ горные ручьи, многочисленными каскадами, сбѣгутъ въ низъ по долинамъ. Нѣкоторые изъ этихъ каскадовъ обширны, высоки, величавы; ихъ воды, падая разсыпаются водяною пылью, блестящей, при солнечномъ сіяніи, радужными цвѣтами; чудныя красоты окрестностей увеличиваютъ прелесть и великолѣпіе каскадовъ. Вода въ озерахъ прекрасная: чистая, прозрачная, твердая на вкусъ. Она даже въ самое знойное лѣто не перестаетъ струиться съ высшихъ вершинъ, ея журчанье усиливаетъ торжественное чувство, возбуждаемое въ человѣкѣ сѣрыми громадными памятниками первобытнаго міра, стоящими въ своемъ тысячелѣтнемъ величіи.

Было повѣрье, будто карпатскія озера суть такъ называемыя *морскія глаза*, что они подземно соединены съ океаномъ; будто онѣ волнуются, когда на океанѣ буря; будто на нихъ вывали даже корабельные обломки;—это басни. Никакія волосныя трубки не въ состояніи произвести это подземное соединеніе, и провести такъ далеко и такъ высоко воду океана. Волненіе озеръ нѣтъ своихъ собственныхъ, удобообъяснимыхъ причины, и притомъ оно никогда не бываетъ такъ сильно, чтобъ его считать за что-то необыкновенное, почти сверхъестественное. Про корабельные обломки нечего и говорить. Нѣкоторыя изъ озеръ дѣйствительно велики и глубоки; но онѣ всегда пропорціональны съ количествомъ воды, даже въ самую сухую погоду, струящейся съ огромныхъ скалъ въ отъ дождей и снѣговъ, наполняющей гранитныя бассейны до

* Даже болѣе: одинъ русскій путешественникъ самъ испыталъ, какъ это эхо звучно, внятно повторило *четыринадцать слоговъ*.... Замѣчательно, что слышать эхо можно только съ нѣкоторыхъ мѣстъ поля близъ лѣсна, хотя оно и совершенно ровное, и что нѣтъ горы, отъ которой бы голосъ могъ отбиваться. Поле между лѣскомъ и мѣстечкомъ: эхо слышно изъ мѣстечка.

высоты стоковъ въ долины. Озера можно считать вѣчными колодцами для орошенія странъ, лежащихъ у подошвы горъ.

Кромѣ тѣхъ озеръ, о которыхъ мы говорили при описаніи долинъ, замѣчательны: Прибылинское, Попперское или Рыбье, Фелькайское и другія.

1) *Прибылинское озеро*, находящееся въ липтовскомъ комитатѣ, получило свое названіе отъ селенія Прибылины, лежащаго у подошвы тѣхъ скалъ, между которыми находится озеро. Доступъ къ этому озеру очень затруднителенъ: чтобы подойти къ нему, нужно переправиться черезъ огромный водопадъ. Кругомъ стоятъ громадныя скалы, образующія долину, гдѣ находится озеро, называющіяся Тованова и Глина. Черезъ огромное ущелье этихъ скалъ идетъ дорога въ Галицію.

2) *Зеленое озеро* находится подъ горами Остроень и нальмиъ Криванемъ. Оно больше всего замѣчательно тѣмъ, что изъ него течетъ рѣка Вагъ, впадающая у Коморна въ Дунай. Все пространство озера не болѣе двухъ сотъ сажень.

3) *Попперское или Рыбье озеро*, называемое жителями липтовскаго комитата Рыбьимъ Плесомъ, находится на западной сторонѣ хребта, на высокой горѣ Высокъ. Оно получило свое названіе отъ чрезвычайнаго изобилія рыбы. Это озеро необыкновенно глубоко, быть-можетъ самое глубокое изъ всѣхъ карпатскихъ озеръ; но пространство его болѣе четырехъ сотъ шаговъ. Изъ озера течетъ рѣка Попперъ.

4) *Фелькайское озеро* находится на альпахъ спешкаго комитата. Оно лежитъ очень высоко между вершинами горъ Ботсдорфа и Герльсдорфа. Не вдалекѣ отъ озера есть большой водопадъ, надъ которымъ находятся еще два небольшихъ озера между горами Костинской и Герлахской. Мѣстность, гдѣ лежатъ эти озера, чрезвычайно дика и сурова, можетъ-быть самая суровая во всѣхъ Карпатахъ. Вокругъ одного изъ этихъ озеръ идетъ кинноварная жила, содержащая въ себѣ золото. По описанію минералогта Валеріуса, въ ней должно заключаться промывное золото (*aurum solutum*). Изъ обояхъ этихъ озеръ и изъ Фелькайскаго озера выходитъ рѣка, подъ названіемъ Фельквассера, впадающая въ Попперъ выше Георгенберга. У озера стоитъ отвѣсная скала, наполненная гранатами, которые однако не принимаютъ полировки, по причинѣ мягкости.

5) *Большое польское озеро*, также на польской сторонѣ хребта, въ сѣверозападномъ положеніи, напротивъ Краснаго озера.

Это самое большое изъ всѣхъ карпатскихъ озеръ, потому-что бой-кйй пѣшеходъ едва можетъ обойти его кругомъ въ шесть часовъ.

б) *Большое Черное озеро*, также на польской сторонѣ хребта, лежитъ въ низкой долинѣ. Лѣвый берегъ его ограниченъ скалою *Монахомъ*, о которой мы уже говорили. Здѣсь примѣтны слѣды серебряной жилы съ свинцовымъ блескомъ.

Кромѣ того на карпатскомъ хребтѣ есть много другихъ меньшихъ озеръ. Таковы: *Мералое озеро*, близъ Геральдодорфской горы; *Новое озеро* надъ Бѣлымъ и Зеленымъ озерами; *Ворончатое озеро* непосредственно подъ Штейнбахскимъ, *Истское озеро* подъ Плокскимъ озерами, и такъ далѣе. Недалеко отъ польскаго большаго Рыбь-го озера находится семь меньшихъ озеръ, изъ которыхъ составляются двѣ рѣки, Черный и Бѣлый: Дунаецъ, сливающаяся въ одну подъ Неймаркомъ, въ Галиціи.

Изъ карпатскихъ рѣкъ въ особенности примѣчательны Дунаецъ и *Попрадь*: это единственные рѣки, текущія изъ Венгрии на сѣверъ въ Балтійское море.—*Попрадь*, сбѣгая съ южной стороны Карпатовъ, течетъ у нихъ подошвы по прекрасной долинѣ, сначала на востокъ, потомъ на сѣверъ и при Люботивѣ (*Lubotitz*) представляетъ всѣ удобства для соединенія Чернаго моря съ Балтійскимъ, посредствомъ *Торисы*, *Гернада* и *Тисы*.

Такое же соединеніе можно произвести со стороны Дуная, если *Попрадь* соединить съ Вагомъ, проходящимъ не далеко отъ него, при Гохвальдѣ. Дунаецъ течетъ на сѣверной сторонѣ Карпатовъ; подъ Краснымъ монастыремъ, онъ, внезапно и странно суживаясь, изгибается между тѣсными оврагами и отвѣсными утесами, потомъ соединяется съ *Попради* при Савдецѣ, въ Галиціи, и съ Вислою при Опатовѣ (*Opatow*), и у Данцига изливается въ Балтійское море. Это старинный, первый путь сообщенія между южной и Сѣверной Европою для мѣны товаровъ, черезъ Венгрію.

Кромѣ рѣкъ *Попради* и Дунайца, вполнѣ принадлежащихъ горамъ, есть еще нѣсколько замѣчательныхъ, даже важныхъ горныхъ рѣкъ, орошающихъ и долины Венгрии. Таковы *Тиса*, важнѣйшая рѣка послѣ Дуная, начинающаяся въ мармарошскомъ комитатѣ, на высокому хребтѣ *Кралева Гола*; — *Гравъ*, *Герпачъ*, текущія съ той же горы, но только съ части ея, принадлежащей гемерскому комитату. — *Задва*, *Виссо*, *Талаборъ* и другія. — Всѣ эти рѣки или непосредственно, или посредствомъ *Тиссы*, соединяются съ Дунаемъ.

Къ числу любопытныхъ горныхъ предметовъ карпатскаго хреб-

та должно отнести и пещеры. Онѣ есть и въ отрасляхъ Альпійскихъ горъ, проходящихъ по Венгріи, и въ Карпатахъ ихъ безчисленное множество. Нѣкоторыя изъ пещеръ открыты и очень разнообразны по фигурѣ и объему. Многія доселѣ таятся въ скалахъ, какъ можно съ большою вѣроятностью заключать, судя по многочисленнымъ противоположнымъ коническимъ впадинамъ на горахъ. Рудокопы уже не разъ находили пещеры подъ такими впадинами. Замѣчательно, что впадины и открытыя пещеры встрѣчаются только въ известняковыхъ горахъ.

Больше всего пещеръ въ сѣверной группѣ горъ (Вагг-Аггтеле-галле). Вотъ важнѣйшія изъ нихъ :

Пещера при Аггтелекѣ (Aggtelek), называемая Барадлю (Вагг-дла), въ гемерскомъ комитатѣ, самая важная, самая замѣтная и наиболее посѣщаемая. Близъ селенія Аггтелека, стоящаго на границѣ гемерскаго комитата съ торнайскимъ, не вдалекѣ отъ дороги изъ Офена въ Кашову, у подошвы горы, получающей, кажется, и названіе отъ этой пещеры, есть открытый входъ въ пещеру, которой рѣдкости недавно привлекали во внутренность горы, какъ туземныхъ такъ и иностранныхъ, любопытныхъ. Первое отчетливое описаніе пещеры составилъ инженеръ гемерскаго комитата, Христіанъ Райсъ, въ изданіи Бредецкаго (Bredetzky), «Beiträge zur Topographie von Ungarn», 1807. Отрывочныя, бѣглыя извѣстія о ней встрѣчались и прежде въ разныхъ книгахъ и брошюрахъ. Окрестности пещеры—совершенно горная страна, которую можно причислить къ среднимъ горамъ. Обыкновенный известнякъ и нѣсколько мраморныхъ породъ, господствующій камень этой страны. Камень этотъ частью сквозь открытыя щели, частью сквозь вѣтвистыя поры пропускаетъ черезъ себя всю наружную воду, пока она достигнетъ глинистаго землянаго или каменнаго слоя. Потому во всей странѣ, гдѣ только идетъ известнякъ, до самой подошвы холмовъ, нельзя найти ни одного родника. Даже немногіе колодцы, выкопанные на значительной глубинѣ, иссыхаютъ во время продолжительной сухой погоды. Отверстіе пещеры находится на западѣ, въ разсѣвѣхъ обнаженной скалы, стоящей почти отвѣсно. Оно имѣетъ окодо трехъ съ половиною футовъ высоты и пять ширины; но очень вѣроятно, что въстарину было гораздо обширнѣе. Нынче въ него надо входить согорбившись и подогнувъ колѣна. Во время суроваго холода изъ внутренности пещеры выходятъ испаренія сквозь навислые обломки скалы, совершенно заневѣвшія. Кажется, отъ этихъ какъ-будто выдыхаемыхъ испареній пещера

и прозвана *Барадлаю*. По словацки подобныя испаренія называются *парою* (para). Венгры занявъ у Словаковъ это слово, сдѣлали изъ него другое: (paraхло), и назвали имъ яму, изъ которой выходитъ *пара*, то есть, испаряющееся мѣсто. Впослѣдствіи въ произношеніи измѣнили буквы, и изъ слова *парадло* вышло *барадла*.

Какъ скоро минуешь отверстіе, пещера тотчасъ становится просторнѣе: сводъ ея возвышается, и полъ образуетъ сдѣльную покатость, составляя съ горизонтомъ уголъ въ двадцать-два градуса. На разстояніи шестнадцати саженъ отъ отверстія, лѣво, видна глубокая расщелина въ скалѣ, куда однако трудно войти. Въ нее течетъ сквозь небольшое отверстіе на боку въ горѣ, *Кичъ-Барадла*. Вода хороша на вкусъ.

Держась правой руки, проходишь въ обширную залу, гдѣ видется первая *подземная рѣка*. Она течетъ въ пещеру сквозь открытую расщелину скалы передъ самымъ отверстіемъ пещеры, но только во время продолжительныхъ дождей и таяніи снѣговъ. Здѣсь попадаетея множество истлѣвшихъ человѣческихъ остововъ, болѣею частью закрытыхъ пломъ и землею. Когда вскопать землю или когда рѣка смоетъ ее, оказываются цѣлые слои остововъ, которые неизвѣстно откуда взялись здѣсь. Быть-можетъ, это посмертные останки несчастныхъ, которые искали здѣсь убѣжища во времена татарскихъ нашествій, и погибли голодною смертію, когда варвары, не могли взять ихъ, заклади отверстіе пещеры. Или, можетъ-быть, шайка разбойниковъ сваливала сюда несчастныя жертвы своего свирѣпства. Рѣшеніе вопроса ограничивается только догадками.

По ту сторону рѣки стоитъ въ покатомъ положеніи большая, черная, гладкая каменная плита, исписанная немецкими лѣтъ, посѣщавшихъ пещеру.

Далѣе, у лѣвой прямой стѣны, находимъ различныя украшенія изъ горнаго хрустала, почти въ правильномъ готическомъ вкусѣ. Ихъ обыкновенно называютъ *Моисеевымъ алтаремъ*.

Потомъ вдругъ входишь въ очень широкую и высокую залу, гдѣ множество кусковъ скалы, въ видѣ обелисковъ, воздымаются постепенно, составляя прекрасное зрѣлище. На полдень стоитъ группа симметрически расположенныхъ горныхъ хрусталей, которые изъ-дали кажутся *церковнымъ алтаремъ*. Тутъ нижеверъ Райсъ нашелъ полный скелетъ лисицы. Вѣроятно она зашла сюда пить, но испуганная шумомъ подходившихъ людей, кинулась далѣе въ пещеру, заблудилась и не нашла выхода на-

задъ. Есть примѣры, что оставленные здѣсь ищейныя собаки также не могутъ выбраться вонъ, пока люди не выведутъ ихъ.

Другая зала, еще выше и обширнѣе, называется *большой церковью*. Здѣсь рѣка совершенно исчезаетъ, изливаясь во внутренность горы черезъ открытыя неприступныя отверстія. На лѣво входъ въ особую боковую залу, называемую *непотырной пещерою*. Еще лѣтъ шестьдесятъ назадъ, она была заложена камнями. Изъ любопытства отвалили камни и нашли нѣсколько сундуковъ, нѣкогда наложенныхъ платьемъ, но уже совершенно испльвавшихся; нашли также очагъ съ валавшимися вокругъ костями животныхъ и нѣсколько черепковъ глиняной посуды. Теперь здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ безчисленнаго множества змущающихъ летучихъ мышей, которыя въ залѣ ожидаютъ весны, вися большими тучами, иногда въ сажень толщиной. Пометомъ ихъ завалена вся зала до такой степени, что имъ можно нагрузить нѣсколько телегъ. Съ наступленіемъ весны мыши вылетаютъ въ отверстіе пещеры какъ густой рой пчелъ. Если возвратитесь отсюда въ главную пещеру, васъ пріятно поразятъ предметы, которые предстанутъ вамъ среди этой ужасной пустоты. По срединѣ стоитъ огромный хрусталь, который жители прозвали *большимъ алтаремъ*. По обѣ стороны узкіе ходы съ маленькими порталами. Вокругъ алтаря стоятъ мелкіе столбы горнаго хрустала, какъ-будто нарочно изваянные въ разныхъ фигурахъ. Между прочимъ одинъ такъ похожъ на статую Богоматери, что при небольшомъ усиліи воображенія, рѣшительно считаешь его работою ваятеля.

Оставивъ эту пещеру и спустясь съ землянаго холма, приходишь ко *второму подземному ручью*.

Далѣе, сквозь отверстіе, до такой степени узкое и низкое, что по немъ надо ползти на брюхѣ, проникаешь въ обширную залу, уставленную колоннами горнаго хрустала.

Если опять возвратимся въ главную пещеру, то увидимъ большую залу, въ шестнадцать сажень вышины. Во время продолжительныхъ лѣтнихъ жаровъ въ эту пещеру часто собираются соеѣдніе молодые люди и, при свѣтѣ сухихъ лучинъ, занимаются танцами и музыкою. Отголосокъ въ пещерѣ такъ силенъ, что игра нѣсколькихъ скрипокъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, кажется цѣлымъ хоромъ музыкантовъ. Шноры и подковы сапоговъ на этомъ полу также звенятъ гораздо громче, нежели гдѣ-нибудь. Гулъ пистолетнаго выстрѣла въ небольшомъ разстояніи кажется громомъ. Судя по многочисленнымъ опытамъ, отъ гула не отрываются со свода ни

горные хрустали, ни другія каменные массы. Отвердѣлая каменная масса, прозрачнаго горнаго хрустала, заштукатурила промежутки и скрѣпила другъ съ другомъ. Полъ во многихъ мѣстахъ окаймленъ нѣжными горными хрусталами, завѣшаны въ колонны. Они похожи на миниатюрныя садовыя украшенія, и оттого народъ называетъ это мѣсто *цвѣточнымъ садомъ*. Здѣсь также, какъ и въ другихъ залахъ, видны ясныя слѣды тележныхъ колесъ, которыя имѣютъ одинакую мѣру и идутъ совершенно ровно. Онѣ нѣсколько уже нынѣшнихъ колесныхъ колесъ, именно отдалены одна отъ другой только на три фута, между-тѣмъ какъ разстояніе между нынѣшними колесами—три фута семь съ половиною дюймовъ. Пещера представляетъ собою изумительное зрѣлище. Она идетъ почти прямо на полтораста саженъ, имѣетъ шестнадцать саженъ вышины, пятнадцать и болѣе ширины; полъ въ ней почти совершенно ровный и выстланъ мягкой глиною; на-право вѣется ручей и служитъ вожатаемъ; на-лѣво тамъ и сямъ торчатъ изъ стѣны наросты скалы. Сводъ усеянъ горными хрусталами; потолокъ такъ высокъ, что даже, поднявъ факелы, едва можно разглядѣть его.

По теченію ручья, черезъ который надо нѣсколько разъ переправляться по причинѣ его извилинъ, выходишь изъ пещеры къ крутой горѣ. На правой покатости горы есть узкая тропинка, по которой однако надо идти осторожно, потому что по правую руку ея находится ужасная бездна. По лѣвую руку, напротивъ, торчатъ обломанные наросты скалы, вдоль всей тропы, пока схова сойдешь къ ручью и налѣво увидишь входъ въ боковую залу.

Для опознанія служить здѣсь колодезь съ каменной оправою, заключающей очень чистую воду. Если пойти отъ колодца налѣво, то черезъ развалины горнаго хрустала придеши къ очень vizкой ямѣ, которой покатыи полъ выложенъ какъ зеркало каплющей водою и оканчивается перпендикулярнымъ отверстіемъ, похожимъ на трубу. Тутъ, чтобы вскарабкаться къ верху, должно упираться локтями и колѣнами, и такимъ-образомъ подняться въ пещеру, какъ-бы въ верхній этажъ. Пещера до такой степени уставлена горными хрусталами, что въ нее входишь какъ въ лѣсъ, черезъ который надо пробираться съ трудомъ, чтобы выйти на вершину горы. Нѣсколько лѣтъ назадъ, здѣсь нашли цѣлый человѣческій остовъ, вѣроятно кости какого-нибудь неосторожнаго, который пустился въ пещеру безъ проводника и

потерялъ выходъ. Спустившись съ горы, съ трудомъ, и съ опасностью поскользнуться, приходишь опять къ подошвѣ горы.

Возвратився къ тому колодезю, откуда направо по небольшой покатости приходишь въ одну изъ прекраснѣйшихъ боковыхъ залъ, которая прозвана *Восковой пещерою*, отъ желтаго горцадо хрустала, покрывающаго полъ. Здѣсь находятся прекрасныя клады горнаго хрустала, которыя, если бы вынести ихъ безъ поврежденія, могли бы красоваться въ любомъ саду обласкани. Цвѣтъ ихъ бѣлоснѣжный; издали при свѣтѣ онъ блистаетъ. Нѣкоторыя моделированы по очень хорошимъ пропорціямъ. Между прочимъ, есть одна колонна толщиной въ руку, достигающая съ пола до потолка, по которой, если ударить молоткомъ или кайдецъ, она звенитъ какъ колоколъ.

Тѣмъ же путемъ, какимъ пришли, надо возвратиться къ колодезю, а оттуда въ главную пещеру; потомъ идти отъ ручья прямо на востокъ. Но этотъ походъ возможенъ только во время продолжительной сухой погоды, потому что пещера здѣсь такъ узка, что иногда ручей занимаетъ все ея пространство. Приходите къ большой скалѣ горнаго хрустала, за которую далѣе идти не осмѣливался никто до инженера Райса. Онъ проникъ гораздо далѣе: проползъ еще нѣсколько пещеръ, поднялся на нѣсколько горъ, и, наконецъ, пришелъ къ безднамъ и обвалившимся ямамъ, въ которыя вливается ручей, и которыя преграждаютъ человѣку всякій дальнѣйшій путь.

Животныхъ въ пещерѣ не водится никакихъ, кромѣ летучихъ мышей, которыя тамъ зимуютъ. Наружная вода завозитъ сюда съ собою лягушекъ, но по бѣдному цвѣту и худобѣ ихъ ясно видно, что здѣсь для нихъ не привольное житье.

Воздухъ во всей пещерѣ очень чистъ и значительно облегчаетъ дыханіе. Особенно въ лѣтній день, если пробыть нѣсколько времени въ пещерѣ и выйти опять наружу, то чувствуешь, что внѣшнимъ воздухомъ дышать гораздо тяжелѣе. Ртуть въ термометрѣ упала въ пещерѣ до девяти градусовъ, между-тѣмъ какъ наружѣ стояла на двадцати-пяти градусахъ.

Въ селеніи есть нѣсколько человѣкъ, которые обыкновенно водятъ путешественниковъ по этому подземному лабиринту. Они всегда держатъ у себя порядочной запасъ сухой лучины для свѣтелъ.

Мы распространились объ этой любопытной пещерѣ, потому что она того заслуживаетъ. Въ цѣлой Западной Европѣ не мно-

го такихъ занимательныхъ мѣстностей для путешественниковъ, любящихъ наслаждаться подземной природой.

Льдяная пещера при Силиць (Szilicze), въ торнскомъ комитатѣ примѣчательна не столько своей величиною, сколько тѣмъ, что въ продолженіи всего лѣта заключаетъ ледъ, который образуется въ ней весною и таетъ зимою (объ этомъ писалъ также Кавтъ, въ своей «Физической географіи», со словъ географіи Виндиша). Отверстіе пещеры обращено къ югу, и имѣетъ около осемнадцати саженъ вышины и осми ширины. Подземные корридоры ея состоятъ совершенно изъ камня и простираются на югъ гораздо дальше, нежели сколько доселѣ осмотрѣны. Всего удивительнѣе то, что воздухъ въ нихъ въ самое суровое время года бываетъ совершенно тепелъ, а въ самый палашій лѣтній зной чрезвычайно холоденъ, такъ что пещера только лѣтомъ наполнена льдомъ, который обыкновенно тѣмъ толще и тверже, чѣмъ сильнѣе солнечный жаръ. Тогда каплющая вода замерзаетъ такъ быстро, что, гдѣ сегодня висятъ слабыя сосульки, тамъ завтра являются уже глыбы въ скалу величиною. Когда снаружн таетъ снѣгъ, съ самага внутренняго свода пещеры каплетъ отиѣнно чистая вода. Отъ внутренней стужи она почти мгновенно замерзаетъ большими толстыми сосульками, которыя развѣтвляются различнымъ образомъ и составляютъ странныя фигуры. Не только сводъ но и полъ покрытъ толстымъ блестящимъ льдомъ и представляетъ зрѣлище тѣмъ поразительнѣе, чѣмъ шире раздвигается и чѣмъ глубже понижается пещера. Пространство, которое доселѣ успѣли осмотрѣть въ ней, не болѣе пятидесяти саженъ въ глубину и почти вдвое менѣе въ ширину. Потолки также не одинаковой высоты, по причинѣ неровныхъ сводовъ скалъ. Далѣе еще никто не отваживался проникать, за глубокими ямами и сильными льдомъ. Даже по мѣстамъ, уже осмотрѣннымъ, надо ползти съ большимъ трудомъ, по высѣченымъ ступенямъ. Внутренность пещеры пробовали измѣрять лотомъ, но ничего не могли сдѣлать, по причинѣ множества изгибовъ. Если выстрѣлить въ пещерѣ изъ огнестрѣльнаго оружія, то гулъ производитъ ужасные отголоски то тамъ, то здѣсь, въ продолженіе многихъ минутъ. Изъ этого можно заключить, что пещера далеко простирается въ глубину и имѣетъ во всѣ стороны длинныя корридоры. Лду въ ней бываетъ немовѣрное количество: нѣсколько тысячъ возовъ можно накласть льдомъ. Во время полевыхъ работъ окрестные жители достаютъ изъ пещеры ледъ и прохлаждаютъ имъ нагрѣвшуюся колодезную воду, или растапливаютъ его на солиць,

и добытую такимъ образомъ воду считаютъ очень здоровою, по причинѣ ея мочегоннаго и потогоннаго свойства. Вода, каплющая по бокамъ пещеры, производитъ самыя странныя фигуры, покрывая стѣны льдяной корою въ видѣ искусственныхъ обоевъ. Когда наружный зной убываетъ, то вода замерзаетъ здѣсь гораздо слабѣе, и ледъ расплывается въ ручейки, которые снова замерзаютъ при новой теплой погодѣ.

Съ наступленіемъ зимы, разныя животныя и гады, которые не могутъ переносить стужи, ищутъ пристанища въ пещерѣ, гдѣ тогда бываетъ совершенно тепло. Въ то время въ ней накопляются цѣлые рои комаровъ и мухъ, стаи нетопырей и совъ, множество лисицъ и зайцевъ. Весною эти гости снова покидаютъ пещеру.

Въ Венгріи есть еще нѣсколько такихъ же льдяныхъ пещеръ, какъ напримѣръ, Демановская, въ Герренгрундѣ.

Горнохрустальная пещера въ Детрекъ (Detrekö), въ пресбургскомъ комитатѣ, имѣетъ, говорятъ, до шестидесяти сажень глубины. Миниатюрный образъ вѣчно творящей и вѣчно разрушающей природы! Безпрестанно происходитъ новое, рушится старое, и развалины стараго образуютъ новыя созданія. На каждой висѣющей съ потолка пирамидѣ полупрозрачнаго, сѣробллаго известняка странной формы, виситъ еще подвижная капля. Она или засыхаетъ и испареніе ея что-нибудь прибавляетъ къ величинѣ пирамиды (сталактита), или падаетъ и производитъ сталактитъ, который, образуясь изъ безчисленныхъ упавшихъ или засохшихъ капель, возвышается чудесной фигурою, чтобы соединиться съ сталактитомъ и составить колонну, либо торчать на землѣ какъ игла ледника. Наконецъ верхняя пирамида слишкомъ огрузла, падаетъ и расширяетъ пирамиду, растущую подъ нею; на всѣ эти обломки вѣчно каплютъ новыя жидкости, и возникаетъ новый порядокъ вещей. Такъ продолжается до безконечности.

Тоже самое бываетъ въ пещерахъ при Демановѣ (Detapowa), въ липтовскомъ комитатѣ. Знаменитѣйшая изъ этихъ пещеръ ближе всѣхъ къ мѣстечку Деманову и называется *Черною*. Она имѣетъ два входа, не далеко одинъ отъ другаго. Ближайшій входъ узокъ и очень низокъ, другой высокъ и довольно просторенъ.

Въ получасѣ разстоянія отъ этой пещеры находится другая, называемая *Бениковою* (Benikowa), которая далеко не такъ длинна, но гораздо шире. Горный хрусталь здѣсь нечистаго цвѣта,

какъ мыло; висить съ потолка большими сосульми и образуетъ на полу прелестныя архитектурныя группы колоннъ, пирамидъ, раковинъ, каскадовъ и тому подобное. Между прочимъ, природа надѣлала здѣсь изъ горнаго хрустала водоемовъ, наполненныхъ самой чистою водою. Такнхъ водоемовъ три, уступами одинъ надъ другимъ. Далѣе нельзя проникнуть, потому что довольно глубокая вода занимаетъ всю ширину пещеры.

Мы заговорились о предметахъ любопытства, увлеклись красотою природы, и до-сихъ-поръ, почти мимоходомъ, слегка, говорили о естественныхъ богатствахъ края, богатствахъ мало изслѣдованныхъ и еще менѣе примѣненныхъ къ выгодамъ жизни обитателей.

Естественныя произведенія Карпатовъ, особенно по царству ископаемому, чрезвычайно разнообразны. Здѣшніе лѣса хотя и вырублены, но все еще огромны. Лѣса чрезвычайно важны для горъ и искорененіе ихъ большая потеря для страны, гдѣ если не девять, то осемь мѣсяцевъ въ году надо топить печи. У подошвы Карпатовъ много торфа. Правда, онъ не лучшаго сорта, потому что смѣшанъ съ пескомъ и камнемъ; однако же годенъ для употребленія.

Соли рождаются въ Венгрии преимущественно слѣдующія: поваренная соль, натуральная сода, натуральная Глауберова соль и натуральная селитра.

Поваренная соль (каменная соль, натуральная солексилая сода), находится громадными массами подъ землею въ двухъ мѣстахъ, въ *шаршскомъ* и *мармарошскомъ* комитатахъ.

Въ шарошскомъ комитатѣ съ 1575 по 1750 годъ ломали ее въ видѣ каменной соли, но въ 1750 году нахлынула вода, затопила копи, и поваренная соль нынче вываривается въ *Шоварь* (Sóvár) или Зальцбургѣ. Леопольдовская копь, высланная сплошь дубовымъ тесомъ, имѣетъ порожняго пространства тридцать пять сажень, водянаго столба сорокъ-шесть сажень, слѣдовательно вообще осемдесятъ одна сажень глубины, и раздѣляется на рабочій и проѣзжій штось. Стоячій вѣротъ движется четырьмя лошадьми, смѣняющимися черезъ каждыя четыре часа. Онѣ всякія пять минутъ вытаскиваютъ пятыведерный ушатъ, заключающій около семи центнеровъ разсола. Два такнхъ ушата изъ воловьей кожи, сшитой мѣшкомъ, ходятъ попеременно.

Разсола выжимается двадцать-осемь частей на центнеръ; въ томъ числѣ двадцать-пять частей чистая повареная соль, а остальное постороннія составныя части. По химическому разложенію,

въ разсолѣ, кромѣ поваренной соли и воды, оказались еще известковая земля, солекислый горькоземъ, строкислая известь, углекислая желѣзная окись, и углекислая известь, вмѣстѣ съ довольно значительнымъ количествомъ кремнезема. Последний составляетъ довольно любопытное явленіе.

Разсолъ, вынимаемый изъ копи, наполняетъ въ сорокъ-осемь часовъ водоемъ или соляницу въ три тысячи ведръ содержанія. Такихъ водоемовъ шесть, изъ которыхъ четыре снабжаютъ большую, а два малую варницу посредствомъ трубъ.

Копь эта имѣетъ двѣ важныя выгоды. Во-первыхъ, она даетъ много разсола; во вторыхъ находится очень близко отъ соловарни, не болѣе ста сажень. Первая выгода дѣлаетъ ненужными среднія постепенныя заведенія, поглощающія множество времени и денегъ, и сопряженные съ тысячами затрудненій. Вторая выгода избавляетъ отъ дорогихъ длинныхъ трубъ для провода разсола.

Соловаренный процессъ въ краткихъ чертахъ слѣдующій. Разводится, смотря по надобности, болѣе или менѣе продолжительный сухой огонь, не только на варномъ очагѣ, но и на полу соляницы. Это дѣлается единственно для того, чтобы новыя внутреннія части варницы осушить постепенно, ввести дымъ и тепло, и мало-по-малу приготовить варницу къ имѣющему вскорѣ послѣдовать варильному огню. Когда варница достаточно нагрѣта, то часовъ за двѣдцать до начала варки разсолъ, посредствомъ трубъ, по немногу напускается въ нагрѣвальные сковороды, гдѣ онъ разогрѣвается надлежащимъ образомъ. Между-тѣмъ скважины варильной сковороды и всѣ прочія части варницы еще разъ тщательно осматриваются, сковорода обмывается теплымъ разсолонъ, всѣ орудія располагаются такъ, чтобы находились подъ рукою; наконецъ разводится варильный огонь на рѣшеткѣ. Съ полчаса еще этимъ огнемъ раскаляютъ порожнюю сковороду, и потомъ уже потихоньку напускаютъ на нее разсолъ посредствомъ жолобовъ, приставленныхъ къ трубамъ, пока затечетъ его на дюймѣ толщины. За тѣмъ всѣ четыре трубы совершенно открываются и напускаютъ на сковороду слой разсола въ осемь дюймовъ толщиною. Впродолженіе втораго часа процесса сковорода наполняется до опредѣленной высоты, а въ пятый часъ въ первый разъ вынимается соль. Этотъ приемъ повторяется потомъ регулярно черезъ каждые три часа, и продолжается день и ночь, втеченіе четырнадцати дней, работниками, смѣняющимися черезъ полусутки.

Вынутіе или выгребаніе соли производится осьмерыми рабочими. Двое, каждый съ крюкомъ въ пять или шесть сажень длины, тащатъ соль съ задняго края сковороды почти на средину ея; двое другихъ, съ крюками нѣсколько покороче, тащатъ соль оттуда къ переднему краю сковороды; а четверо — на выгрузное мѣсто. Здѣсь она лежитъ два съ половиною часа, впродолженіе которыхъ большая часть добываемаго въ тоже время разсола опять натекаетъ на сковороду сквозь вырѣзки въ окраинахъ. Затѣмъ соль въ деревянныхъ корытахъ переносится съ выгрузнаго мѣста въ кафельни, чтобы очистить мѣсто непосредственно выгребаемой за нею соли.

Послѣ этихъ приѣмовъ сквозь четыре трубы опять напускается на сковороду столько насоснаго и теплаго разсола, сколько окажется потребно, согласно принятому систематическому наполненію сковороды на семь дюймовъ.

Сушеніе соли начинается по складкѣ ея въ кафельни. Это исполняютъ варные мастера, между-тѣмъ какъ сушильщики раскладываютъ соль на сушильныхъ противняхъ слоями указанной толщины.

Послѣ двѣнадцати или четырнадцати-дневнаго безпрерывнаго варенія производятъ такъ называемую отдѣлку, а послѣ четырехъ или пяти-мѣсячнаго приготовленія, продолжаемаго только пятничасовой отдѣлкою, наstartъ холодный слой. Оба существенно равны, а различаются только большей или меньшей продолжительностью.

При отдѣлкѣ, въ опредѣленный для того день, рано поутру гасится варильный огонь, разсолъ по выгрузкѣ соли спускается черезъ кахель (отверстіе на передней нѣсколько крутой части сковороды, затыкаемое во время варки) въ баню, сковорода очищается, неровности ея углаживаются, скважины опять затыкаются для удержанія разсола, и черезъ пять часовъ снова разводится огонь для варки.

При холодномъ слой дѣлается тоже самое; только горячія сковороды еще опоражниваются, вычищаются; открываемые потомъ токи тщательно чистятся, вмѣсто поврежденныхъ плитъ сковороды и сушильныхъ каменныхъ плитъ вставляются новыя; деревянная и каменная работа во всѣхъ частяхъ варницы приводится въ исправное состояніе, и наконецъ снова начинается варка. Оттого холодный слой обыкновенно продолжается отъ

двухъ до четырехъ недѣль, между тѣмъ какъ отдѣлка пестованно оканчивается въ пять часовъ.

Большія варильныя сковороды состояются изъ желѣзныхъ плитъ по двадцати по три дюйма въ квадратъ и по одной четверти дюйма толщины. Сковорода въ большой варницѣ составляетъ параллелограммъ въ пятьдесятъ семь футовъ и четыре дюйма длины, двадцать-девять футовъ три дюйма ширины, и двадцать-одинъ дюймъ глубины. Въ малой варницѣ сковорода въ пять саженъ длины, пять саженъ ширины и осемнадцать дюймовъ глубины.

Выгрузное мѣсто родъ передней, большая, высокая и чистая комната, устланная досками наискось отъ сковороды, для удобнѣшаго спуска соли.

Капельни рядъ деревянныхъ покоевъ, похожихъ на лежи, съ двойнымъ тесовымъ поломъ, покатымъ и съ оканнами. Ихъ на каждой сторонѣ варницы семь, и пять изъ нихъ прямо надъ котельнею.

Сушильни бывають двухъ родовъ: однѣ нагрѣваются жаромъ, другія дымомъ. И тѣ и другія имѣють запертые каналы или отдушники, и покато на нихъ лежащія каменные сушильныя плиты, на которыя раскладывается соль, по пропорціи ихъ теплоты, на полтора и три дюйма толщины. Степень теплоты различна: въ пламенныхъ сушильняхъ шестьдесятъ-три градуса, въ дымовыхъ сушильняхъ съ двадцати-двухъ до двадцати-шести градусовъ по Реомюрову термометру.

Одно изъ преимуществъ Шоварскихъ варницъ надъ верхне-австрійскими и штирійскими состоитъ въ томъ, что сушильнико противни выложены камешными плитами, а не желѣзными листами, какъ бываетъ въ смазанныхъ провинціяхъ. Кто знаетъ, какъ дороги желѣзные листы и какъ быстро они сѣдятся едлю, тотъ легко убѣдится въ экономи; а кто еще восомантъ, какъ сильно принимается насыпаемая сюда въ зерцотомъ состояніи соль нечистоту ржавчины и запахъ масляаго лака, употребимаго для лучшаго сохраненія желѣзныхъ листовъ, тотъ бѣтъ труда убѣдиться въ обратности, следовательно и въ лучшемъ достоинствѣ Садарскихъ соляныхъ сушиленъ.

Среднимъ числомъ, по десятилѣтнему расчету, здѣсь ежегодно готовится 120,000 центнеровъ поваренной соли.

Въ *Мармарошскихъ* соляныхъ кояхъ соль добывается въ натуральномъ ея каменномъ состояніи. Есть разныя способы испанія соли. Во-первыхъ, посредствомъ горнаго бурава, который со-

стоитъ изъ двухконечнаго желѣзнаго цилиндра и можетъ быть выдвнута на нѣсколько сажень. Изъ постепеннаго сверлятъ землю и углубляются скалы, земляные слои до тѣхъ поръ, пока открываютъ вѣрные слѣды приближающейся соли, или попадаютъ на самый солиный рудникъ.

Во вторыхъ, посредствомъ углубленія пробной, конц (шахты), которая выстилается деревомъ, къ видѣ колодца до тѣхъ поръ, пока продвигается впадина, впадина земля.

Въ третьихъ, посредствомъ устройствъ наслѣдочной штольни.

Первый способъ употребляется только въ такомъ случаѣ, когда добыта соль на достовѣрца. Два послѣдніе способа предлагаются уже деспотическо, солиной добычи, на которую и безъ того употребляется богатый солиный рудникъ. Насмѣшливымъ признакамъ близости солиного слоя бывають въ коняхъ поднимающагося изъ нижней парельной земли, наотрадно съ нахотнымъ солиной землѣ.

Старинныя солиныя кони устроены колоколообразно. Въ нихъ дѣлаютъ шахты, рабочая шахта, откуда достается соль, и проходная шахта.

Первая гораздо просторнѣе второй въ обдѣлкѣ и въ видѣ. Вторая тѣснѣе и короче и назначается для проходки, то есть спускающагося и поднимающагося рудокопа. Въ этой шахтѣ устроены проходы, состоящіе изъ нѣсколькихъ, связанныхъ веревками лѣстницъ, и достигающіе въ отѣдномъ направленіи до два солиной паллеры. Рудокопъ спускается или поднимается по этимъ лѣстницамъ задомъ, и, встрѣчаясь съ товарищемъ, огорохится, отступая на боковыя ступеньки, надѣвшись въ близкихъ разстояніяхъ, и держась за лѣстницу.

Новыя солиныя кони имѣютъ фигуру параллелограмма. Обѣ шахты въ нихъ далеко отстоятъ отъ одного угла до другого, и между прочимъ имѣютъ ту выгоду, что въ нихъ не пропадаетъ быть пользы та: соляная масса, которая въ старинныхъ коняхъ составляетъ такъ называемое соляное небо и остается безъ употребленія. Вместо проходныхъ, въ новыхъ рудникахъ, для удобства и безопасности рудокоповъ, устроены лѣстницы съ уступами для отъема. Существенное улучшение!

Каждая солиная коня, когда войтъ въ нее, имѣетъ видъ обширной галлерей, огромной залы. Все кругомъ, съ верха до низу, громадное соляное тѣло. Когда вѣдущій достигаетъ конца шахты и вывѣсится въ глубину, здѣсь какъ звѣзды мелькають свѣтъ рудника, ему кажется, будто онъ видитъ подземное небо, и онъ

долженъ изумиться чудесно-великому зрѣлищу, каковъ нѣтъ при-рода представляетъ ему въ своей утробѣ. Когда знатные чужеземцы спускаются въ копи, вся соляная галлерей обыкновенно иллюминуется. Видъ бываетъ величественный.

Ломка соли очень проста, но тягостна для ломающихъ. Особо затруднительна она у стѣнъ. Рудокопъ подбиваетъ каждую соляную глыбу своимъ острымъ и закаленнымъ ломомъ, чтобы отдѣлать ее отъ нижней, обозначенной жилами; потомъ зоветъ ближайшихъ рабочихъ, которые обязаны подойти и помочь товарищу. Помощь заключается въ томъ, что рабочіе выворачиваютъ отдѣленную глыбу рычагами, обыкновенно дубовыми, но иногда и желѣзными. Когда она выворочена, то рудокопъ долженъ надѣлать камней, только такъ, чтобы каждый камень вѣсилъ не меньше 50 фунтовъ и не больше одного центнера; въ противномъ случаѣ камень считается испорченнымъ и кидается, съ вычетомъ, разумѣется, за него изъ жалованья рудокopa. Навыкъ рудокopовъ обезпечиваетъ ихъ отъ такого убытка, и камни очень рѣдко портятся. Одинъ ударъ заостреннымъ ломомъ выдѣлываетъ камень, который отдѣляется отъ массы соляной глыбы.

Гораздо труднѣе подбивать глыбы въ стѣнахъ. Часто лопъ притупляется, и его должно снова заострять и закалывать. Оттого рудокопъ беретъ про запасъ съ собою нѣсколько ломовъ, чтобы работа у него не останавливалась.

Каждый рудокопъ на каждомъ камнѣ зарубаетъ свою мѣтку, чтобы получить жалованье по расчету сдѣланной работы и доставленныхъ камней. Надо удивляться, какъ смотритель замѣчаетъ и твердо знаетъ всѣ различныя гіероглифы многочисленныхъ рудокopовъ, кто какой доставилъ камень.

Когда глыба выворочена и соляные камни надѣланы, рудокопъ долженъ тщательно заровнять ломомъ мѣсто, гдѣ лежала глыба, потому что иначе копъ получитъ кривое направленіе. За улучшение этой мѣры положено наказаніе.

Вниманіе соляныхъ камней происходитъ слѣдующимъ образомъ. Выдѣланные камни кладутся въ буйволовыя кожи или въ веревочныя сѣтки и вытягиваются изъ рабочей шахты канатомъ, обвитымъ вокругъ рабочей корзины и прикрѣпленнымъ къ (перекладнѣ). Машина состоитъ изъ дубоваго стержня, вѣющаго сверху и снизу желѣзные вертлюги въ видѣ сковородокъ; около стержня прикрѣплены толстые пороги въ видѣ плавковъ и составляютъ рабочую корзину, вокругъ которой обвить толстый канатъ,

нѣсколько похожій на корабельный канатъ; по ширѣ глубины кони, онъ бываетъ и длиннѣе ста сажень, и обитъ колесомъ. Этотъ канатъ привязанъ къ перекладнѣ такъ, что не можетъ сорваться. Къ перекладнѣ прицѣпляютъ крючьями приготовленную буйволую кожу, и медленно спускаютъ ее въ соляную копъ, помощью двухъ лошадей, припряженныхъ къ рабочей корзинѣ и погоняемыхъ особеннымъ рабочимъ, сидящимъ на боковой ступенькѣ. Въ кони нагружаютъ соляные камни и кожа вытаскивается вверхъ. Есть также веревочныя сѣтки, для нагрузки соли, приготовляемыя изъ поддержаныхъ канатовъ.

Чиновники ходятъ въ рудники черезъ рабочую шахту, чтобы миновать проходы. Рудокопамъ слабого здоровья также дозволяется входить и выходить черезъ рабочую шахту.

=

МОЦАРТОВЪ ДОНЪ-ЖУАНЪ.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

Извѣстно, что въ февралѣ 1787 Моцартъ сдѣлалъ путешествіе въ Прагу. Его вызвалъ туда любитель музыки, старый пріятель отца, графъ Тунъ, уговорившій великаго композитора лично насладиться огромнымъ успѣхомъ въ этомъ городѣ его послѣдней оперы «*le Nozze di Figaro*». Моцартъ поспѣшилъ явиться на приглашеніе графа, который принялъ его въ собственномъ домѣ. Въ самый день пріѣзда въ Прагу, Моцартъ пошелъ въ театръ, гдѣ труппа итальянскихъ актеровъ, дирижируемая Бондини, пѣла очень согласно эту чудную партитуру. Когда послѣ увертюры въ залѣ распространился слухъ, что самъ Моцартъ присутствуетъ при представленіи своего образцоваго произведенія, публика осыпала его громкими восклицаніями и почти каждое мѣсто въ оперѣ заставляла съ восторгомъ повтѣрять. Въ улицахъ, въ трактирахъ, на прогулкахъ, вездѣ напѣвали мотивы «Свадьбы Фигаро». Знаменитая арія *Non piu andrai* пѣлась всѣми городскими *kellerine* и горе тому странствующему музыканту, который не сумѣлъ бы сыграть на арфѣ или на скрипкѣ эту могучую мелодію, обошедшую кругомъ свѣта. Въ отвѣтъ на благосклонный пріемъ, Моцартъ далъ концертъ въ залѣ театра, гдѣ талантъ его какъ виртуоза столько же изумилъ, какъи genius. Когда,

въ какой-нибудь вечеръ, попросили его импровизировать на любимую тему *Non più andrai*, Моцартъ съѣлъ за ертеняно и непреодолимое нѣмыхъ двухъ часовъ общество не переводило духу подъ его вдохновеніемъ. Моцартъ до-того былъ счастливъ тѣмъ, что его языкъ хорошо понималъ, что въ знакъ признательности своей къ жителямъ Праги, хотѣлъ сочинить оперу нарочно для нихъ, и обѣщавъ Бовани будущей зимой написать партитуру для труппы, которую тотъ дирижировалъ, но не назначалъ заранее сюжета либретто, по утверженію многихъ биографовъ.

По возвращеніи въ Вѣну, Моцартъ, озабоченный заключеннымъ обязательствомъ и желая выполнить условія капитальнымъ твореніемъ, которое было бы блестящимъ свидѣтельствомъ его признательности къ жителямъ Праги, пошелъ къ сотруднику, написавшему либретто «Свадьбы Фигаро». Лоренцо да-Понте, занимавшій имя это отъ епископа, своего благодѣтеля, родился въ Ченедо, городкѣ Венеціанскихъ штатовъ, десятаго марта 1749. Происходя отъ очень бѣднаго семейства, онъ былъ оставленъ безъ всякаго образованія до четырнадцати лѣтъ, потомъ его взяли изъ милости въ семинарію роднаго города, откуда онъ вышелъ черезъ пять лѣтъ, довольно хорошо кончивъ науки и побѣжалъ въ Венецію искать счастья перомъ.

Картина венеціанскаго общества во второй половинѣ осемнадцатаго столѣтія была самая любопытная, какую только представляетъ исторія. Аристократія сблизилась съ народомъ самымъ кроткимъ, самымъ общежительнымъ на землѣ. Здѣсь смѣялись надъ прошедшимъ, надъ будущимъ, наслаждались настоящимъ, отличными столомъ, игрой, хорошенькими женщинами и музыкой въ прелестныя ночи на лагунахъ. Прочь заботы и угрызевія! Это была толкотня вивизиторовъ, полишинелей, чичисбеевъ, которые ѣли, пили, смѣялись, танцевали, едва переводя духъ. Это былъ шумъ оглушительный, веселый маскарадъ жизни, одна изъ тѣхъ огромныхъ анархій, которыя предзнаменуютъ конецъ народовъ. Венеція была городомъ спектаклей, игръ, любви, женщины бѣлы и граціозны, вельможи богаты, образованы, остроумны, народъ веселъ и добръ. Сбѣгались со всѣхъ сторонъ свѣта упиваться звономъ, расточать золото и терять рассудокъ на этомъ очаровательномъ островѣ. Во время карнавала весь городъ переряжался и безумно предавался удовольствію. Народъ толпился на лагунахъ, на площади Святаго Марка; въ казино, взявшихъ обитателей сладострастія. Сколько веселости, сколько упоенія, сколь-

ко долгихъ поцѣлуевъ, данныхъ и вкушаемыхъ въ тѣни! «О-Венеція! о славная царица Адриатики! восклицаетъ одинъ поэтъ, ты — улыбка міра! (tu sei il sorriso del mondo)»! Подобно пераблю, готовому опрокинуться въ мрачную ночь, Венеція утичала корму свою цвѣтами и иллюминировала все, даже вершину мачты, прежде чѣмъ исчезла навсегда въ пучинѣ морей.

Пріѣхавъ въ этотъ несравненный городъ, среди вихрю безумствъ и очарованій, Лоренцо да Понте тотчасъ влюбился въ хорошенькую Венеціанку, которая внушила ему пренныя сожеты. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого приключенія, одна прелестная иностранка овладѣла его сердцемъ, но онъ не рѣшился на разрывъ съ первымъ предметомъ своей привязанности. И вотъ онъ весело поживаетъ между двумя женщинами, стараясь заслужить нѣжное благоволеніе обѣихъ, и обѣихъ обмануть. А между-тѣмъ, разгуливая съ своей фантазіей изъ казино въ казино, изъ театра въ театръ, чтобы вести ѣдкіе литературные споры, съ аббатомъ Кіари, смѣются надъ вѣкомъ и пересмѣивать съ другомъ своимъ Карломъ Гоцци комедіи Гольдони, *imprastate*, говорилъ онъ, холодной и плачевной моралью. Погруженный въ любовныя и литературныя интриги, играя въ большую игру, сражался на дуэли, ссорясь то за женщину, то за зинграмму, онъ пускалъ душу свою и молодость летать по волѣ самыхъ противныхъ вѣтровъ, но вдругъ любовныя грезы его возмутились. Инквизиторъ похитилъ у него прелестную иностранку и принудилъ поспѣшно оставить Венецію. Онъ бѣжалъ въ Тревизо, и тамошній епископъ назначилъ его преподавателемъ реторику въ городской гимназіи. Новыя сердечныя тревоги и нѣсколько дерзкихъ словъ принудили его бѣжать изъ Венеціанскихъ штатовъ. Онъ отправился въ Гёрцъ, и едва остановился въ лучшей городской гостинницѣ, какъ тотчасъ влюбился въ хозяйку, которая не могла устоять противъ обольщеній его ума, противъ юности, исполненной изящества. Онъ провелъ въ этомъ маленькомъ уголкѣ земли нѣсколько дней скромнаго наслажденія, которыя считалъ прекраснѣйшими въ своей жизни; но скоро принужденъ былъ еще разъ прервать этотъ новый эпизодъ чувства, вѣчнаго въ своемъ источникѣ, и бѣжать отъ враговъ, привлеченныхъ зрѣлищемъ его счастья и извительностью ума. Лоренцо да Понте отправился прямо въ Дрезденъ, прелестный городъ, заключавшій въ климатѣ умѣренномъ все обольщенія и все благоуханіе южныхъ странъ. Онъ тотчасъ предался тамъ пылу своихъ желаній, веле-тась за брюнетками и за блондинками, за Итальянками и за Нѣм-

лиши, за книжками и за prime-donne, которымъ прежде всего предпочиталъ *giovin principiante*, какъ послѣ признался устамъ Лесорелло. Онъ сталъ наперсникомъ двухъ сестеръ, которыя попеременно принимали его въ одномъ и томъ же тайникѣ, и которыхъ простодушіе обманывалъ онъ нѣсколько времени; но въ одинъ прекрасный день онъ напустился на него какъ дона Анна и дона Эльвира, и проклятія ихъ, вмѣстѣ и яростныя и вѣжныя, принудили его укрыться въ Вѣну, съ единственнымъ достоинствомъ — рекомендательнымъ письмомъ поэта Катаррино Маццола къ композитору Сарти. Тотъ представилъ да-Понте императору Іосифу-Второму, который особенно любилъ итальянскую музыку и поэзію и взялъ его какъ своего лавровѣчаннаго поэта на мѣсто Метастазія, только что умершаго. Вотъ онъ любимый поэтъ могущественнаго государя, въ городѣ, который былъ тогда центромъ большаго музыкальнаго движенія новѣйшихъ временъ. Можно было подумать, что самая бурная часть судьбы этого страннаго человѣка уже совершилась, но тому, кто набросалъ первыя черты характера донъ-Жуана, было предназначено влечь свою безнокойную душу по всѣмъ берегамъ и спуститься до самой крайней ступени длинной лѣстницы живевныхъ бѣдствій.

Послѣ смерти императора Іосифа-Второго, котораго благосклонность постоянно его поддерживала, новая интрига съ знатной дмою и ожесточенная непріязнь поэта Касты, автора «Говорящихъ Животныхъ», очень любимаго Іосифомъ Вторымъ, принудили да-Понте оставить Вѣну и Германію. Проѣздомъ чрезъ Триестъ онъ увезъ прелестную молодую Англичанку, *una bella inglesina*, говоритъ онъ, съ которой пріѣхалъ въ Парижъ въ августѣ 1792. Онъ недолго оставался въ этомъ опустошенномъ городѣ, гдѣ вмѣсто изящныхъ удовольствій, за которыми пріѣхалъ, нашелъ отвратительное зрѣлище разъяренной демагогіи. Поскорѣй убрался онъ въ Лондонъ, гдѣ жилъ десять лѣтъ, преподавая съ успѣхомъ итальянскій языкъ. Неизвѣстно, какое еще происшествіе могло опять возмутить участь этого страннаго человѣка, котораго судьба какъ будто осудила на вѣчное движеніе; но онъ вдругъ оставилъ Лондонъ и отправился въ Соединенные Штаты, пятаго марта 1803. Въ Нью-Йоркѣ поселился онъ какъ профессоръ итальянской литературы, сдѣлался любимцемъ этихъ бѣлыхъ и холодныхъ жевщипъ, которыхъ пуританскую душу разгорячилъ лучемъ поэзіи и любви. Да-Понте начиналъ мучительно чувствовать тяжесть возраста и неблаговоленіе, навлеченное на него непостоянствомъ привязанностей, среди скучнаго и суро-

заго народа, когда по неожиданному счастью онъ узналъ, что Гарсія, единственный великій виртуозъ въ Европѣ, который умѣлъ понять и передать характеръ донъ-Жуана, прѣхалъ къ семействомъ въ Нью-Йоркъ. Съ сердцемъ, взволнованнымъ какъ въ двадцать лѣтъ, онъ побѣжалъ къ артисту, котораго никогда не видалъ и отрекомендовался слѣдующимъ образомъ:

— Я Лоренцо да-Понте, авторъ либретто «Донъ-Жуана», другъ Моцарта.

Гарсія вспрыгнулъ отъ радости, бросился на шею къ гостю и началъ пѣть полнымъ голосомъ:

Bin ch' han dal vino
Calda la testa,
Una gran festa
Fa preparar.

Они тотчасъ условились поставить на нью-йоркскій театр образцовое произведеніе Моцарта; но недоставало тенора для роли донъ Оттавіо; какъ быть? Да-Понте посредствомъ старшей и просьбъ — нашелъ любителя музыки, согласившагося уничтожить препятствіе. Такимъ-образомъ въ Нью-Йоркъ было представлено въ первый разъ это колоссальное твореніе. Гарсія игралъ роль донъ-Жуана, а знаменитая дочь его, которая не была еще Малибранъ, роль Церлины. Это былъ послѣдній прекрасный день въ жизни Лоренцо да-Понте. Прежде чѣмъ одиноко онъ умеръ на этой холодной и негостепривимой землѣ, вдали отъ своей милой Венеціи, отъ блаженнаго неба, подъ которымъ родился, онъ могъ еще разъ увидѣть восхитительныя грезы, очаровывавшія его молодость. Онъ умеръ въ Нью-Йоркъ семнадцатаго августа 1838, девяноста лѣтъ отъ роду, въ глубокой бѣдности.

Возвратившись изъ Праги въ Вѣну въ нетерпѣніи найти либреттиста, Моцартъ не могъ ни къ кому лучше обратиться, какъ къ да-Понте. Они уже видѣлись въ первый разъ въ 1785, въ домѣ барона Вецлара. Эти два человека, столь различные по характеру, по воспитанію, по превратностямъ своей судьбы, по отечеству, какъ-будто сблизились волей высшею, чтобы создать образцовое твореніе, гдѣ отражается гевій двухъ народовъ, смущеніе и томность издыхающаго образованія. Лоренцо да-Понте показывалъ себя въ большомъ восторгѣ отъ Моцарта. Въ частыхъ сообщеніяхъ, въ дружескихъ націаніяхъ, которыя необходимо размножаются между сотрудниками, итальянскій поэтъ на-

иметь тысячу случаев извѣдать чужую и глубокую душу композитора; ему извѣстны были ея тайны, онъ зналъ, какими волшебными словами можно извлечь изъ нея самыя высокія аккорды. Умъ Моцарта, довольно образованный — онъ говорил по-французски и по-итальянски такъ же легко, какъ и на родномъ языкѣ — знаніе поэтовъ, тактъ, проникательность, съ какою онъ схватывалъ отбѣны характеровъ и истинныя условія дѣйствительной драмы, также живо поразили да-Понте. Моцартъ принималъ большое участіе въ общемъ распредѣленіи либретто «Nozze di Figaro» и перенеска съ отцомъ содержитъ объ этомъ предметѣ множество тонкихъ размышленій, изъ которыхъ можно бы составить цѣлую эстетику музыкальнаго искусства. Вотъ одно разсужденіе, въ которомъ содержится теорія Моцарта о дѣйствительной драмѣ: «Сильныя страсти, говоритъ онъ, никогда... не должны быть выражены до того, чтобы возбудить отвращеніе. Даже въ положеніяхъ ужасныхъ, музыка никогда не должна увлечь ухо и перестать быть музыкой.» Платонъ не сказалъ бы лучше. Этому ученію древности объ изящныхъ искусствахъ слѣдовали Вергилій и Раблль; оно различно отъ правилъ Глюка, который, напротивъ хотѣлъ, чтобы музыка буквально передавала слова. Правило Глюка и французской школы доказываетъ, что поселись Моцартъ въ Парижъ, онъ не создалъ бы «Допъ-Жуана».

Когда Моцартъ увѣдомилъ Лоренцо да-Понте о заключенномъ обязательствѣ въ Прагѣ съ директоромъ Бондини, итальянскій поэтъ уже набросалъ на бумагу планъ либретто, котораго сюжетъ давно остановилъ его вниманіе и которое онъ тайнѣ назначалъ своему любимому музыканту, автору «Nozze di Figaro». Конечно не станутъ удивляться, что Лоренцо да-Понте, котораго жизнь, полную смѣлыхъ приключеній, причудъ и прелестныхъ разгуловъ мы рассказали, что этотъ неустрашимый забияка, всегда рыскавшій по вѣтру съ энграммой на губахъ, что этотъ неукротимый гуляка, подобно своему соотечественнику и современнику Казановѣ, носившій вездѣ съ собою безпокойство ума и безпорядокъ чувствъ, былъ рано привлеченъ къ характеру допъ-Жуана. Это было собственное его изображеніе, воплощеніе позизіи и нравовъ Венеціи, гдѣ онъ провелъ лучшіе годы молодости. Назначая Моцарта къ драмѣ, гдѣ, естественно, должны были отразиться грезы его жизни и вдохновенія вѣка, да-Понте далъ доказательство удивительной проникательности. Онъ угадалъ, что этотъ меланхолическій гений, вѣстѣ и благочестивый

и вѣжливый, котораго добросердечная веселость обломилъ вѣжа саркастическаго ума Бомарше и преобразовала политическую комедію въ идиллію, полную изящества и чувства, еще не нашель драматической рамки, приличествующей истинному направлению его сущности и богатству воображенія. И потому поэтъ и музыкантъ скоро согласились въ сюжетѣ либретто. Да-Понте тотчасъ принялся за работу, трудясь въ особенной тиши, при блѣдномъ свѣтѣ трепетной свѣчки, бросающей въ его комнату таинственную тѣнь, и съ этой поэтической лихорадкой, съ которой обдѣлывается любимый сюжетъ. На столѣ у него лежалъ «Адъ» Данта, стояла бутылка токайскаго, а сзади сидѣла шестнадцатилѣтняя дѣвушка, служившая ему съ преданностью и любовью. По-мѣрѣ того какъ онъ оканчивалъ сцену, сообщалъ ее композитору, отъ котораго получалъ совѣты съ величайшей уступчивостью.

Лоренцо да-Понте взялъ основаніе своего либретто изъ «Тирсо» Моллины и изъ образцоваго произведенія Мольера. Онъ хотѣлъ совокупить и растопить въ гармоническомъ цѣломъ религіозный оттѣнокъ испанскаго автора и глубину французскаго поэта. Это значило хорошо понять гевій Моцарта. За сюжетъ «Донъ-Жуана» принимались Риггини изъ Болони, Чивароза, Тритта, Венеціанецъ Гаццанига и испытывали свои силы на этой плодотворной темѣ, которая съ давняго времени принадлежала къ репертуару итальянской комедіи. Гольдонн написалъ комедію, представленную въ Венеціи осенью 1786. «Донъ Жуанъ» Гаццаниги, очень извѣстный въ Италіи, былъ данъ въ Парижѣ въ 1791. Керубини, бывший тогда пианистомъ Итальянскаго Театра, прибавилъ къ этой оперѣ превосходный квартетъ, котораго рукопись находится теперь въ рукахъ Циммермана.

Характеръ донъ-Жуана былъ предметомъ многочисленныхъ толковъ. Критика часто разсматривала вопросъ, былъ ли Моллина настоящимъ творцомъ этого типа мятежной страсти и что могъ замѣствовать у испанскаго писателя авторъ «Мизантропа». Для насъ не можетъ быть никакого сомнѣнія о происхожденіи этого страннаго характера; онъ вышелъ живьемъ изъ легенды среднихъ вѣковъ, оплодотворенной испанскимъ воображеніемъ и народной фантазіей. Оттуда-то и почерпалъ его исторію первый и неизвѣстный испанскій лѣтописецъ, занимавшійся этимъ героическимъ лицомъ. Тоже въ этой легендѣ, извѣстной воображеніемъ германскаго народа, нашель Гёте метафизическій характеръ донъ-

тора Фауста. Три условія дѣйствительно необходимы, чтобы характеръ донъ-Жуана могъ существовать и явиться на сценѣ. 1) Вѣра, отвергающая плотъ и чувственные излишества, 2) уваженіе къ супругѣ, предписываемое законами и вошедшее въ нравы народныя, и 3) необузданность страсти къ непозволительнымъ наслажденіямъ, подстрекаемой самымъ запрещеніемъ. Въ Греціи, при язычествѣ, когда чувственность одобрялась религіей, донъ-Жуанъ былъ невозможенъ на сценѣ. Преступленія этого повѣщаго свбарита почитались бы у древнихъ судей, много, много, шалостями классическаго молодца.

Извѣстно, что многобожіе было не что иное, какъ обоготвореніе силъ, дѣйствующихъ въ природѣ. Конечно появлялись секты, предписывавшія имъ уважавшіяся умѣренность и чистоту нравовъ, но это было только умозрѣніе философовъ, одичавшихъ въ удивленіи и безъ вліянія на общество. Христіанская религія первая обуздала плотъ и возвела чистоту чувства въ санъ добродѣтели. Укрощаемыя желанія разгораются часто еще болѣе отъ запрета и принужденія, и становятся страшною двигательной силой для души, помраченной гордостью, любовь — дочь воздержности; отказы цѣломудрія поддерживаютъ ея пламя, но она умираетъ въ незатрудненныхъ наслажденіяхъ. Какъ счастье, любовь бѣжитъ крайностей, расцвѣтаетъ во всей своей граціи только среди воздержанія, и гдѣ нѣтъ нравственнаго обузданія, нѣтъ и истинной любви. Вотъ почему именно въ Испаніи, въ странѣ жгучихъ страстей, гдѣ католицизмъ развилъ всю строгость своего ученія, вотъ почему среди этого религіознаго и рыцарскаго народа, для котораго женщина была предметомъ вмѣстѣ и желаній и ревниваго обожанія, вотъ почему среди нравовъ, которые произвели вѣжную поэзію «Романсего» и инквизицію, гдѣ идеалъ любви былъ любовью въ бракъ, долженъ былъ родиться донъ Жуанъ. Переведа испанскій типъ на французскую сцену, Мольеръ измѣнилъ его первоначальный характеръ, лишилъ очарованія католической воззп. Мольеровъ Донъ-Жуанъ уже не тотъ молодой человѣкъ, который, увлекаясь пыломъ страстей къ пренебреженію нравственныхъ законовъ, сознаетъ, что настанетъ день, когда ему придется отдать отчетъ въ своей жизни Судіѣ высшему, но кутить очертя голову и закрываетъ глаза, говоря: Время еще не ушло. Мольеровъ Донъ-Жуанъ, напротивъ — холодный софистъ, который разсуждаетъ и разсчитываетъ свои поступки, глубокій лицемеръ, который закутывается плащомъ страсти и добродѣтели, чтобы лучше обмануть свои жертвы, наконецъ, атеистъ,

который вѣрить только силѣ. Слово ученикъ Эпикура и Гая-Сецци, укрѣпленный чтеніемъ Экобара.

Не таковъ герой Моцарта: молодой, красивый, богатый, неустрашимый, съ сердцемъ, наполненнымъ безконечными желаніями, съ челою отягченнымъ бурями, онъ ходитъ свободно и свободно къ рукѣ, опрокидываетъ преграды, которыя противятся исполненію его предпріятій. Чего онъ хочетъ? Куда идетъ? Родившись въ концѣ дерзкаго вѣка, который на все задаетъ вопросъ, предъшая новымъ ученіемъ, которое воспалаждаетъ могущество человѣческаго ума, научая, что ощущеніе есть единственный источникъ знанія, съ сердцемъ, напыщеннымъ гордыстю, съ воображеніемъ, пораженнымъ отдаленнымъ блестящимъ рождающимся идеаломъ, онъ покидаетъ семейство, общество, и съ щекой, еще влажной отъ поцѣлуя матери, бросается въ захватывающаго будущаго. Довѣряя своей силѣ, довѣряя инстинктамъ, прославляющимъ все страсти, онъ идетъ впередъ съ блестящими взорами, при звукѣ несмысленныхъ трубъ и лютневъ, поэтъ, символъ, идетъ волю всѣмъ своимъ побужденіямъ, гонится за удовольствіемъ безъ стыда, безъ угрызенія. Увлекаемый восторгомъ и стремленіемъ героическаго покаянія, онъ ищетъ высшаго счастья, уивается у горькихъ источниковъ матеріальными сладострастіемъ и безграничной свободой. Но при каждомъ вступленіи, совершенномъ на дорогѣ, земля дрожитъ подъ его негуляющими стопами, слышится злобный шумъ, совѣсть его смущается, каждае отвращеніе овладѣваетъ сердцемъ, смѣхъ замираетъ въ жестокыхъ губахъ и невидимыя силы нравственнаго міра кричатъ ему со всѣхъ сторонъ: «Донъ-Жуанъ, донъ-Жуанъ, часть твоя настала, *scelerato*!» — Да, часть твоя настала, потому что ты пошелъ по дорогѣ къ смерти. Ты, поднявъ слишкомъ высоко, что поцѣлуй, вырванный у обольщенной женщины, вмѣсто того чтобы утолить пожирающую тебя жажду, есть вѣдкій ядъ, который жжетъ и сущитъ всѣ жизненные источники. Любви, вѣры, вѣрности сердца. Счастіе, которое ты отыскивалъ въ безграничномъ сладострастіи, находится, напротивъ, въ поддержанности желаній, а безконечность, ускользящая у насъ изъ рукъ, можетъ удаваться только чистая совѣсть, которой божественныя надежды вѣщаютъ, она.

«Фаустъ» и «Донъ-Жуанъ» типы двухъ крайнихъ честолюбій, два выраженія двухъ заблужденій человѣческой природы. Первый ищетъ счастья въ развитіи однихъ способностей ума, въ отшельнической чистотѣ разума, гдѣ кружится голова его. Онъ на-

ходить успокоеніе пожирающей его лихорадки только на простое сердечной груди бѣдной Маргариты. Другой, напротивъ весь погружается въ вещественность, воображая, что выйдетъ оттуда какъ Ахиллъ, закаленный и блистающій безсмертною юностью, но умираетъ отъ пресыщенія и угрызений. Рѣзкія олицетворенія бурной эпохи, Фаустъ и Донъ-Жуанъ бросаются въ одну доню изъ пѣды осемнадцатаго столѣтія, и исполненные его смѣлымъ духомъ, его безсмертными надеждами, стараются захватить безконечное, одинъ въ тысячѣ феноменахъ вещественности, другой въ отвлеченіяхъ мысли. Оба гибнутъ; счастье, за которыми они гонятся, ускользаетъ, потому что они возмущили порядокъ дѣлъ Божіихъ, потому что разорвали единство жизни и забыли, что человѣкъ прежде всего есть разумъ, оплодотворенный чувствомъ.

Въ ту эпоху, когда Моцартъ располагался писать музыку «Донъ-Жуана», ему было тридцать-одинъ годъ. Онъ достигъ того высшаго часу въ жизни великаго артиста, когда рука, говорилъ онъ, можетъ бѣгло писать подъ диктовку сердца и осуществлять мечты гевія. Его глубоко религіозный умъ, частосердечное благочестіе, на ослабленные даже юными безпорядками, къ которымъ онъ впалъ съ отчаяніемъ въ послѣдніе дни своей жизни, какъ-будто смутно предчувствовали приближеніе бурнаго времени, которое разрушить все, что онъ обожалъ. Частныя неудовольствія еще увеличили его природную грусть. Моцартъ лишился отца, который умеръ въ Зальцбургѣ, 28 мая 1787 года, семидесяти лѣтъ, въ состояніи, близкомъ къ бѣдности, но считая себя счастливымъ передъ Богомъ и передъ людьми, что исполнилъ свое назначеніе, и далъ міру самаго великаго композитора. Леопольдъ Моцартъ посѣтилъ сына въ Вѣнѣ, въ концѣ 1785 года. Тогда онъ видѣлся въ послѣдній разъ. По смерти обожаемаго отца, Моцартъ написалъ къ сестрѣ трогательное письмо, гдѣ мы замѣтили слѣдующее мѣсто: «Какъ смерть, если размыслишь, кажется настоящей цѣлью жизни!... Я такъ сражусь съ этой идеей, что никогда не дожусь, не подумаю, что можетъ-быть уже не увижу сладостнаго дневнаго свѣту!»... Черезъ нѣсколько времени послѣ этого происшествія, Моцартъ однако заболѣлъ, и едва успѣлъ выздороветь, какъ новая горечь постигла его — смерть лучшаго друга, доктора Сигмунда Барзани, перваго врача въ вѣнскомъ госпиталѣ, котораго проевѣщныя и дружескія повечерія много способствовали къ подкрѣпленію его слабаго здоровья. Эта новая потеря произвела на Мо-

парта глубокое впечатлѣніе. Вотъ что писалъ онъ объ этомъ въ своемъ альбомѣ: «Сегодня, 2 сентября, 1787 года, я нигдѣ несчастіе лишиться, въ слѣдствіе скоростривной смерти, благороднаго человѣка, лучшаго и самого драгоценнаго изъ друзей, спасителя моей жизни. Онъ счастливъ, а я и всѣ тѣ, которые его знали, мы не можемъ быть счастливы до-тѣхъ-поръ, какъ встрѣтимся съ нимъ въ мірѣ лучшемъ, чтобы уже никогда не разлучаться».

Пораженный вдругъ во всемъ, что у него было драгоценнѣйшаго на свѣтѣ, Моцартъ ощутилъ въ себѣ упадокъ духа. Предчувствіе близкаго конца мало-по-малу овладѣло его душою. Тайный голосъ какъ будто говорилъ ему, что надо торопиться довершить свой подвигъ. Кроткая грусть омрачала взоръ его, обыкновенно омоченный слезами, гдѣ можно было прочесть сожалѣніе о жизни, ускользавшей отъ него въ цвѣтѣ лѣтъ и въ зрѣлости таланта. Въ такомъ то расположеніи уѣхалъ онъ въ Прагу съ либретто «Don Giovanni», котораго начерталъ главные идеи уже, и нѣсколько мѣстъ даже окончилъ. Съ женою и сотрудникомъ Лоренцо да-Повте, онъ сначала остановился въ гостинницѣ Трехъ-Львовъ на Шарбонской площади, а черезъ нѣсколько дней перешелъ въ домъ друга своего Дуссека, на конецъ живописнаго предмѣстья, господствовавшаго надъ городомъ. Тамъ-то, въ хорошо освѣщенной комнатѣ, съ веселымъ видомъ изъ оконъ, на красные виноградники съ плодами, благоуханіемъ и желтѣющими листьями, гдѣ умирала меланхолическіе лучи осенняго солнца, тамъ-то Моцартъ окончилъ поэму, въ которой еще стоить его бессмертная душа. Моцартъ, какъ Бетговенъ, любилъ работать и находилъ самыя счастливыя свои вдохновенія, въ спокойныя часы ночи. Отдѣляясь отъ вѣшняго міра, сбросивъ пошлыя житейскія заботы, блуждая взволнованнымъ взоромъ по безграничности небесъ, въ вѣду своихъ фортепіанъ и своего идеала, онъ предавался вдохновенію чувства, уносящаго его на божественныхъ крылахъ своихъ.

Составъ труппы Бондини, для которой Моцартъ написалъ свое образцовое произведеніе, былъ самый удовлетворительный. Вотъ какъ розданы были роли: Донъ-Жуанъ — сеньоръ Басси, двадцати двухъ лѣтъ, прекрасный баритонъ, превосходный пѣвецъ и комикъ; дона Анна — сеньора Тереза Сапорити, великолѣпный soprano-sfogato; дона Эльвира — сеньора Катарина Мичелли, талантъ, исполненный экспрессіи; Церлина — сеньора Тереза Бондини, жена директора; донь Оттавіо — сеньоръ Антоніо Баліо-

ни, пріятный и гибкій теноръ; Лепорелло — сивьоръ Феліче Понціани, превосходный basso comico; донъ Педро и Мазетто — сивьоръ Джузеппе Росси. Моцартъ дирижировалъ всѣми репетиціями, призывалъ къ себѣ пѣвцовъ, давалъ совѣты, какъ выполнить то или другое мѣсто, объяснялъ характеръ представляемаго ими лица, былъ очень взыскателевъ на счетъ отдѣлки подробностей и точности цѣлаго, и часто упрекалъ виртуозовъ въ излишнемъ ускореніи движеній, и въ томъ, что они своей итальянской пылкостью вредятъ граціи его мелодій. На первой общей репетиціи, будучи недоволенъ, какъ сивьора Бондини выразила ужасъ Церринны въ финалѣ перваго акта, когда, увлекаемая донъ-Жуаномъ, она испускаетъ высокій вопль отчаяннаго цѣломудрія, Моцартъ вдругъ оставилъ оркестръ и вошелъ на сцену. Приказавъ начать финалъ съ *minuetto* въ три четверти, онъ спрятался за кулисы и дождался того мѣста въ пьесѣ, о которомъ мы говоримъ, и вдругъ кинулся на Бондини, которая чрезвычайно испугавшись, пронзительно закричала: «Вотъ такъ хорошо, сказалъ онъ, именно такъ надо кричать». Когда дошли до сцены втораго акта, гдѣ донъ-Жуанъ обращается къ статуѣ командора, которая отвѣчаетъ ему: *Di rider finigai...* этому речитативу, съ такимъ чудеснымъ и характеристическимъ размѣромъ, сначала аккомпанировали только три тромбона. Какъ одинъ изъ тромбонистовъ бралъ всегда фальшиво, Моцартъ подошелъ къ его пюпитру, чтобы объяснить, какъ надо играть. Музыкантъ, оскорбленный въ своемъ самолюбіи, отвѣчалъ ему колко: «Такъ на тромбонѣ не играютъ, и не отъ васъ научусь я, какъ играть». — «Вы правы, отвѣчалъ смѣясь Моцартъ: сохрани Богъ, чтобы я хотѣлъ васъ учить тому, чтѣ вы знаете лучше моего! но потрудитесь дать мнѣ на минуту вашу партиту, я это аранжирую по-удобнѣе».... И однимъ взмахомъ пера прибавилъ къ первоначальному аккомпаньменту три гобоя, три кларнета и три фагота.

Извѣстно какъ написана увертюра «Донъ-Жуана». Наканунѣ перваго представленія Моцартъ весело провелъ вечеръ съ друзьями. Одинъ изъ нихъ сказалъ ему: «Вѣдь завтра назначено представленіе «Донъ Жуана», а ты еще не кончилъ увертюру!» Моцартъ притворился безпокойнымъ, ушелъ въ свою комнату, гдѣ были присасены нотная бумага, перья и чернила, и принялся сочинять около полуночи. Жена его, сидѣвшая возлѣ, приготовила ему стаканъ пуншу, котораго дѣйствіе, вмѣстѣ съ чрезвычайнымъ утомленіемъ, часто усыпляло бѣднаго Моцарта. Чтобы онъ

не заснулъ, жема начала модоть вадоръ, и черезъ три часа онъ сполнѣлъ эту чудную симфонію. Однако, какъ речея справедливо замѣчаетъ господинъ Улыбышевъ, это чудо можетъ быть детально ведико, какъ думаютъ. Моцартъ, такъ какъ Россдди, имѣя при вычку сочинять въ умѣ большія пьесы, долго сохранялъ духъ въ памяти, и когда начиналъ писать, онъ только копировалъ. Вѣроятно, это такимъ образомъ сочинена увертюра «Донъ Жуана». На другой день, въ семь часовъ вечера, незадолго до податія заданъса, переписчики еще не кончили переписывать партіи оркестра. Едва принесли они еще влажные листки, Моцартъ пошелъ въ оркестръ и сѣлъ за фортеціано при многочисленнымъ рукопещкавшимъ. Хотя музыканты не имѣли еще времени утвердить увертюру, они выполнили ее съ перваго взгляду подъ руководствомъ искуснаго капельмейстера Штробаха, съ таковой точностью, что раздались взрывы энтузіазма въ публикѣ. Показатель Леопорелло пѣлъ интродукцію, Моцартъ сказалъ сосѣдямъ: «Нѣсколько нотъ свалилось подъ пюпитры, однако увертюра хорошо сошла».

Успѣхъ «Донъ Жуана» былъ немощный: каждое мѣсто заставили повторить, и Прага явилась достойною образцоваго произведенія, которымъ подарилъ ее великій человекъ. Оперу «Донъ Жуанъ» представляла постоянно продолженіе пятнадцати лѣтъ труппа итальянскихъ пѣвцовъ, въ Лейпцигѣ и Прагѣ; потомъ она переведена на чешскій языкъ и сдѣлалась понятною народу, оцѣнившему ее также хорошо, какъ и высшіе классы, для которыхъ она была сочинена.

«Донъ Жуана» представили въ Вѣнѣ, въ 1788 году. Моцартъ прибавилъ къ первоначальной партитурѣ четыре новыя мѣста: первое, арію Леопорелло во второмъ актѣ: «Ah! pieta signori miei!» второе, дуэтъ между Леопорелло и Церлиной: «Per quaste tue machine»; третье, арію донны Эльвиры: «Mi tradi quell' alma ingrata»; четвертое, арію донна-Оттавіо: «Della sua race». Эта партитура не имѣла въ Вѣнѣ такого громкаго успѣха, какъ въ столицѣ Богеміи. Ее поняли только умы избранные, знатоки искусства; публика осталась почти равнодушною передъ такимъ великимъ чудомъ. Она бѣгала толпами аплодировать «Тагаге» Саліери, котораго даже имя забыто, и оставала донну Анну заливать свою горестъ въ пустой залѣ. Моцартъ, который всегда сознавалъ свой геній и зналъ, что «Донъ Жуанъ» былъ совершеннымъ его выраженіемъ, говорилъ, чтобы утѣшиться въ равнодушіи вѣнской публики: — «Донъ Жуанъ» сочиненъ для жителей Праги, для

нѣкоторыхъ друзей моихъ и, въ особенности, для меня». — Однажды, когда оперу «Донъ-Жуанъ» критиковали съ горечью передъ Гайдномъ, тотъ отвѣчалъ съ скромностью мастера своего дѣла: «Трудно рѣшить, кто въ васъ правъ, господа; я могу только сказать, что Моцартъ самый великій изъ существующихъ композиторовъ».

«Донъ-Жуанъ» былъ представленъ въ Берлинѣ 12 октября 1791 года. Исключая двухъ знаменитыхъ критиковъ, Рейхарда и Рундмана, которые достойно оцѣнили образцовое произведеніе Моцарта, это великолѣпное твореніе прошло незамѣченнымъ обыкновенной публикой. Моцартъ не могъ насладиться невыразимымъ счастьемъ — слышать, что понимаютъ какъ самъ онъ постигала драму своего сердца. Это почти всегда случается съ великими зарожденіями человѣческаго ума, которые опережаютъ время и предназначаются образовать вкусъ потомства. Только послѣ смерти великаго композитора, начиная съ первыхъ годовъ этого столѣтія, соотечественники Моцарта начали понимать музыку «Донъ-Жуана», которая съ тѣхъ-поръ распространилась во всей сѣверной Европѣ. Въ Петербургѣ, Москвѣ и въ Лондонѣ «Донъ-Жуанъ» сдѣлался любимой оперой той части высшаго класса общества, которая занимается изящными искусствами. Въ Италию онъ проникнулъ только въ 1814 году. Нужно было употребить цѣлые мѣсяцы труднаго изученія, прежде чѣмъ общество избранныхъ любителей успѣло сносно разобрать его; но никогда ни итальянскій, ни другіе южные народы не могли свыкнуться съ этой музыкой, такъ высоко умственной. Итальянскіе виртуозы, кромѣ рѣдкихъ исключеній, всегда были непріязненны къ гению Моцарта; недавно еще одна знаменитая пѣвица сказала на репетиціи «Донъ-Жуана»: — «Non capisco niente a questa maledetta musica!» — Слава Моцарта распространилась во Франціи очень рано. Опера «Свадьба Фигаро» была переведена и представлена среди бурь 1793. Нѣсколько лѣтъ позже одинъ arrangeur недостойнымъ образомъ исковеркалъ партитуру «Il Flauto magico», которую также давали въ Большой Оперѣ, подъ заглавіемъ: «Mystères d'Isis». Въ 1810 году пріѣхала въ Парижъ труппа нѣмецкихъ пѣвцовъ; между ними находилась госпожа Ланге, которая была не кто другая, какъ Алоиза Веберъ, предметъ первой любви Моцарта. Эта труппа давала представленія на театрѣ Старого Города, принявшаго названіе Théâtre-Mozart, нѣкоторыхъ изъ оперъ великаго композитора на нѣмецкомъ языкѣ; но только въ 1811 году «Донъ-Жуанъ» явился на Итальянскомъ Театрѣ въ

Парижѣ. Съ-тѣхъ-поръ за него принимаются время отъ времени, хотя слишкомъ рѣдко для небольшого числа посвященныхъ, умѣющихъ оцѣнить его таинственные красоты.

Безъ-сомнѣнія вы не забыли, что Моцартъ сочинилъ увертюру «Донъ-Жуана» въ ночь, передъ первымъ представленіемъ. Ему достаточно было нѣсколькихъ часовъ, чтобы сосредоточить въ предисловіи, исполненномъ величія, общее выраженіе созданной имъ драмы. «Если, какъ очень хорошо сказалъ Руссѣ, хорошо обдуманная увертюра должна приготовить сердца зрителей къ тому, чтобы они безъ усилія открылись къ предначертанному интересу, то увертюра «Донъ-Жуана» самая совершенная изъ всѣхъ существующихъ увертюръ. Съ первыхъ аккордовъ, глухо отрѣзанныхъ всѣмъ оркестромъ, въ тонѣ *ré-mineur*, душа предугадывается, что будетъ присутствовать при горестномъ зрѣлищѣ. Скрипки скоро отдѣляются отъ инструментальной массы, чтобы произвестъ арпеджіями и отрывистыми фигурами легкой шумъ, таинственно-сладостный мелодическій вздохъ, который Моцартъ очень любитъ, потому что онъ часто встрѣчается въ его твореніяхъ какъ основная нота его любящаго и огорченнаго сердца. Оркестръ опять начинаетъ и нѣсколькими взмахами мощной кисти оканчиваетъ интродукцію, запечатлѣнную такимъ чуднымъ характеромъ и поражающей душу неопредѣленной боязнью. Тамъ замѣтно множество другихъ мѣстъ, обычныхъ у Моцарта, который, чтобы яснѣе указать глубокое единство картины, повторяетъ буквально эту первую страницу увертюры, въ финалѣ второго акта, въ то мгновеніе, когда статуя командора прерываетъ ужинъ донъ-Жуана. Это повтореніе — черта гениальная!

Тема въ *ré-mineur*, не имѣя ничего оригинальнаго, драгоценна по способу изложенія. Послѣ многихъ модуляцій, сугая въ переходу черезъ разные инструменты, она растетъ и развивается подъ рукою могучаго артиста, который ворочаетъ ея по произволу и вдругъ останавливаетъ заключеніе ея совершеннымъ аккордомъ доминанты тону *fa majeur*, чтобы тотчасъ связать ее съ первыми тактами интродукціи, которую поетъ Лепорелло. Глюкъ уже два раза употреблялъ эту систему въ увертюрахъ своихъ оперъ, «Альцеста» и «Ифигенія», а Моцартъ воспроизвелъ ее въ разнѣрахъ болѣе грандіозныхъ. Когда слышишь какъ скрипки, повторяемыя фаготами, медленно издають послѣднія жалобныя ноты этой увертюры, чувствуешь, что сердце сжимается словно при входѣ въ обиталище вѣчной горести, гдѣ Данте прочелъ эту достопамятную надпись :

„Per me si va nella citta dolente,
Per me si va nell' eterno dolore“.

Интродукція, непосредственно соединяющаяся съ послѣднимъ аккордомъ увертюры, представляетъ всѣ достоинства хорошаго изложенія. Четыре главные лица являются постепенно подъ самыми рѣзкими чертами своего характера и изъ сближающаго ихъ столкновенія, которое завязываетъ дѣйствіе, брызжутъ иррациональныя предчувствія. Эта интродукція раздѣляется на четыре эпизода. Завернувшись въ плащъ и сѣдя передъ дверью испанскаго дома, куда донъ-Жуанъ проникъ ночью, украдкой, Лепорелло горюетъ, что судьба осудила его служить. Онъ поетъ родъ речитатива съ рѣзкими и разнородными ритмомъ. Вводная фраза, которой Лепорелло выражаетъ намѣреніе оставить свое ремесло и опредѣлиться въ барнишъ,

„Voglio far il gentiluomo
E non voglio piu servir“,

отличается и изощренностью мелодій и игривостью аккомпаньемента. Гений Моцарта умѣетъ всѣмъ воспользоваться!

Быстрая нисходящая гамма, диатонически пробѣгаемая первыми скрипками, возвѣщаетъ второй эпизодъ и приходъ донъ-Жуана, преслѣдуемаго донной-Анной, которая цѣлится за его руку. Изъ этого слѣдуетъ тріо, гдѣ отчаяніе оскорбленной женщины, смущеніе обольстителя и трусость Лепорелло выражены вдругъ и пошеремѣнно чуднымъ образомъ. «Я не отстану отъ тебя какъ отчаянная «урія» (come furia disperata) восклицаетъ донна Анна, непуская геронической вопль, продолжающійся отъ средняго *sól bémol* до верхняго *la-bémol*, и эта одинакая фраза, очень сильная, приводитъ обратно трепещущаго Лепорелло въ гармоническую сферу. Тріо оканчивается полнымъ комплектомъ голосовъ, отлично согласующимся съ свободными движеніями партій и съ разнообразіемъ характеровъ. Вдругъ является командоръ съ шпагою въ трепещущей рукѣ. Онъ вызываетъ Донъ-Жуана, который отвѣчаетъ съ презрѣніемъ молодости. — «Ты не избѣгнешь моего мщенія!» кричитъ старикъ. — «*Misero!*» возражаетъ Донъ-Жуанъ съ смѣлою гордости и состраданія, «подойди же, если хочешь умереть!» Эти слова мѣрваго речитатива, красоты неподрожжаемой. Невозможно выразить съ большей глубиной и съ меньшимъ количествомъ нотъ, упоеніе, неистовство страсти,

шегодущей на препятствія, которыя противопоставляют се увлеченіямъ. Начинается дуэль. Оркестръ означаетъ удары шпагъ рядомъ гаммъ, ивляемыхъ скрипками и фоготами, пробѣгающими передъ ухомъ какъ молвія, предвѣстница грозы. Остановка на заунывномъ аккордѣ уменьшенной септими, показываетъ конецъ борьбы. Слѣдующее тріо, между донъ-Жуаномъ, умирающимъ командоромъ и Лепорелло — вѣсто единственное въ исторіи музыкальнаго искусства. Нѣжный, глубокий, патетическій, религиозный гевій Моцарта видѣтъ тутъ весь. Написанное въ торжественномъ ритмѣ въ тонѣ fa mineur, такъ способномъ расположить душу къ сладостной грусти, это тріо, продолжающееся только осемнадцать тактовъ, заключаетъ въ тѣсной рамкѣ и какъ бы въ верховномъ аккордѣ основную идею этой таинственной драмы. Между-тѣмъ какъ командоръ испускаетъ послѣдній вздохъ, издавая нѣсколько нотъ, пересѣкаемыхъ продолжительными безмолвіями, Лепорелло аккомпанируетъ ему тихимъ ужасомъ, вырваннымъ у него новымъ преступленіемъ, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Простодушнѣй, напитанный правдами, почерпнутыми въ семействѣ и въ религіи отцовъ, онъ негодуетъ дрожа на безбожнаго господина, который не уважаетъ ничего изъ того, что уважаютъ люди. Несмотря на замѣшательство, въ которое приводитъ его знатность барина и права барской спѣси, душа его возмущается противъ такого злодѣянія и вопль его совѣсти — вопль всеобщей нравственности.

Что до донъ-Жуана, то онъ царитъ надъ этими жизненными феноменами съ отважностью, истинно героической. Не только безъ всякаго смущенія видитъ кончину старика, котораго убилъ, обезчестилъ дочь, но еще осморбляетъ свою жертву какъ чело-вѣкъ, убѣжденный, что сопротивляться своимъ страстямъ значить сопротивляться успѣхамъ чело-вѣческаго ума.

Ah, già cade il sciagurato... ..

говорить онъ тяжелыми и дрожащими нотами, и вдругъ начинается верхнимъ mi — bemol, образующимъ крайнюю ноту аккорда доминанты, съ малой септимою, эту невѣроятно-гордую фразу:

*Già dal seno palpitante
Veggio l'anima partir.*

Можно сказать, что это гевій бурь, прелеутетвующій при концѣ разрушеннаго имъ міра. Послушайте на концѣ этого тріо, какъ

гобой спускается плачевно отрывкомъ хроматической гаммы, который тотчасъ повторяютъ альты, флейты и фаготы! Это духовный вздохъ, вырывающійся изъ стѣсненнаго сердца, чтобы увѣдомить насъ, что дѣлъ этой драмы высшаго разряда. Кто не видѣлъ этого въ «Донъ-Жуанъ», тотъ не повѣлъ Моцарта.

Только съ тремя басами, безпрестанно сталкивающимися въ тѣсныхъ предѣлахъ полуторы октавы, только съ самымъ простымъ акомпанементомъ и съ большимъ расчетомъ средствъ, маэстро произвелъ такіе могучіе эффекты. Отрывокъ хроматической гаммы, выдыхаемой гобоями, котораго каждая нота падаетъ изъ его жалобнаго голоса, какъ слеза изъ растроганнаго глаза—мелодическая черта, часто являющаяся въ стилѣ автора «Донъ Жуана»; послѣ посмотрите съ какою осторожностью оканчивается онъ это мѣсто простымъ аккордомъ сексты! Онъ не прибавилъ ничего къ тому, что необходимо для выраженія чувства, словно боялся развлечь горестъ пышностью языка.

Донна Анна, которая во время дуэли пошла искать помощи, возвратилась послѣ трио, въ сопровожденіи слугъ и донна Оттавіо. Она вскрикиваетъ отъ ужаса при видѣ безжизненнаго тѣла отца. Речитативъ, выражающій ея отчаяніе, чрезвычайно хорошъ. Дуэтъ, который она потомъ поетъ съ женихомъ — того энергическаго и вѣжнаго стили, которому удивляются во всѣхъ сценахъ этой чудной партитуры. Партія донна Оттавіа запечатлѣна деликатностью чувствъ, почтительной осторожностью молодого человѣка хорошей фамиліи, утѣшающаго женщину, обманную любви его. Что можетъ, на примѣръ, быть изящнѣе слѣдующаго мѣста:

Lascia, o cara!

La rimembranza amara!

По уходѣ донны Анны и донна Оттавіо, пріѣзжаетъ живой и дробный, возвѣщаетъ о прібытіи донны Эльвиры. Арія, которую поетъ она, очень замѣчательна. Она выражаетъ чрезвычайно сложный оттѣнокъ страсти. Въ самомъ дѣлѣ, донна Эльвира законная жена Донъ-Жуана. Онъ могъ обольстить ее только тронувъ ея сердце, только связавъ ея судьбу съ своею торжественнымъ союзомъ. Въ вопляхъ и слезахъ этой женщины заключается не только горестъ умоляющей любовницы, но также и негодованіе супруги, требующей обѣщанной вѣрности, своего неизвѣннаго права, когда она восклицаетъ въ изступленіи:

Ah! chi mi dice mai
 Quel barbaro dov'è

чувствуешь, что не смотря на взрывы гнѣва, она совершенно готова простить, если улыбка сожалѣнія напомнитъ ей въ лѣтѣрномъ супругѣ человека, умѣвшего очаровать ее. Проклятія донны Анны увѣдомляютъ насъ, что она была жертвой хитрости и силы, между-тѣмъ какъ слезы донны Эльвиры свидѣлствуютъ, что она жертва любви. Фраза, составляющая заключеніе этой прекрасной аріи, написанная отрывистыми нотами, которыя, преслѣдуя одна другую, загораются отъ столкновенія — вспышка сердца, гдѣ ярость смѣшивается съ нѣжностью. Донъ-Жуанъ слышитъ вдали голосъ плачущей женщины и подходит говоря:

Cerchiam di consolare
 Il suo tormento.

Ахъ! да, шепчетъ тихо Лепорелло:

Così ne consolò'
 Mille e otto cento.

Эти послѣднія слова готовятъ насъ очень хорошо къ слѣдующей сценѣ. Лепорелло поручено убѣгающимъ донъ-Жуаномъ, изъяснить доннѣ Эльвирѣ причины, заставившія его скрыться изъ супружескаго дома. Онъ выполняетъ порученіе какъ угодливый слуга, который издѣвается надъ горестью и легковѣріемъ этой бѣдной женщины. Тогда-то онъ поетъ знаменитую арію «Madamina», гдѣ исчисляеть съ напыщенностью и коварствомъ историографа многочисленныя побѣды своего господина въ различныхъ частяхъ свѣта. Это фанфаронство Жоконда въ устахъ слуги, который какъ будто самъ тщеславится, рассказывая любовные подвиги знатнаго барина, которому имѣетъ честь принадлежать. Эта арія представляетъ чудное разрѣшеніе проблемы искусства, образецъ процесса, слишкомъ употребленнаго во зло въ наше время, и который Моцартъ заимствовалъ у итальянской школы, усовершенствовавъ его. Этотъ процессъ состоитъ въ мгновенномъ переимѣненіи музыкальнаго интереса, вѣрнемъ человѣческому голосу только простой мелодіи, родъ курсивнаго и покладнаго речтатива, способнаго брызнуть комической искрой, чисто изложить умственные взгляды, между-тѣмъ какъ оркестръ довершаетъ картину бо-

латствомъ изображеній, разнообразіемъ и изяществомъ аккомпаньементовъ. Уже въ «*la Serva padrona*» Перголеза, въ «*la Buona Figliuola*» Паччини, и особенно въ оперѣ-буффѣ Венеціанца Галуцци, высказывается зародышъ этой замысловатой системы, гдѣ драматическая истинна можетъ окружить себя всею пышностью искусства и гдѣ нѣжность мелодіи, мечты чувства счастливо соединяются съ удовольствіями разума. Съ первыхъ тактовъ чувствуешь, какъ комическій жаръ кипитъ въ аккомпаньементѣ и готовится слушателя къ напыщенно пролическому разсказу Лепорелло. Между-тѣмъ какъ виолончели и скрипки пробѣгаютъ дрожащимъ образомъ ноты, принадлежащія къ составу аккорда на *ré majeur*, а вторыя скрипки и альты, между-тѣмъ наполняютъ пустоту, отрѣзывая цѣликомъ полный аккордъ въ томъ же тонѣ. Случится ли граціозная картина, искра чувства, возвышающая разсказъ до степени болѣе лирической, тотчасъ мелодія развивается, оркестръ расцѣвливается и наполняется прелестной и таинственной гармоніей. На семнадцатомъ тактѣ первой партіи, когда Лепорелло исчисляетъ число жертвъ донъ-Жуана въ каждой странѣ, гобой и волторны издають веселые звуки терціями, что услаждаетъ ухо, какъ букетъ весеннихъ цвѣтовъ очаровываетъ взоръ. Между-тѣмъ скрипки и виолончели перекликаются діатоническими гаммами, гдѣ первый нисходятъ, а вторыя восходятъ съ искрометной быстротою. Эта послѣдняя черта аккомпаньемента находится также въ *aria Non più andrai* «Свадьбы Фигаро». Вдругъ движеніе: тонъ и тактъ измѣняются. Лепорелло, желая описать физическія и нравственныя качества, привлекающія его господина къ каждой женщинѣ, начинаетъ пѣть *cantabile* въ три темпа, гдѣ блестятъ эта тонкость, умѣренная граціей, которая составляетъ одно изъ глубочайшихъ качествъ Моцартова гения. Ничто не противно, говоритъ Лепорелло, обширной алчности донъ-Жуана, моего господина. Все занимаетъ и плѣняетъ его смѣлую пылкость, прелести блондинки, постоянство брюнетки. Будь она маркиза, камерястка, низка, высока, толста, худа, ему все равно, только бы принадлежала къ обожаемому имъ полу, и чтобы онъ могъ вписать ее въ листъ своихъ побѣдъ. Но его тонкій и нѣжный вкусъ, плодъ опытности и продолжительныхъ путешествій, находятъ особенное счастье во владѣніи юнымъ сердцемъ, открывающимся въ первый разъ пламенной любви. — Здѣсь оркестръ испускаетъ цѣломудренный и горестный вздохъ, словно выражающій сожалѣніе о погнѣбшей невинности и жужжаніе фаготовъ, отдѣляющихся минутой спустя

отъ всего оркестра, показывается, что все кончено и что идеалу принесенъ въ жертву жизненной дѣятельности.

Ариѣ Madamina — мѣсто совершенное въ своемъ родѣ. Это изящная смѣсь граціи и утонченности, провиѣи и чувства, комической декламациѣ и мелодіи, все вмѣстѣ возвышенное поэзіей и знаніемъ аккомпанементовъ. Ничего излишняго, ничего трезвѣрнаго, все наклоненія содѣйствуютъ гармоніи дѣлаго: каждое слово освѣщено воображеніемъ композитора, но свѣтъ подробностей не вредитъ общему эффекту. Веселость Моцарта — веселость добросердечная, нападающая на пороки и смѣшныя стороны безъ порицанія, насмѣхающаяся надъ результатами, не проникая до началъ; веселость ясная, которая иногда растрогивается, но въ которой вовсе нѣтъ ѣдкости современной веселости.

Лепорелло и донъ Жуанъ оставили сцену; приходитъ грузна веселыхъ крестьянъ. Это сельская свадьба, молоденькая и хорошенькая Церлина съ женихомъ своимъ Мазетто и съ друзьями пекутъ и танцуютъ въ честь приближающагося брака. Мелодія хора и небольшого дуэта, отдѣляющагося отъ него, жива и граціозна: это прелестная идиллія, дышащая свѣжестью весны и сладостными мечтами жизни. Донъ-Жуанъ и исполнитель его удовольствій являются среди этой шаловливой и простосердечной молодежи. Бросивъ алчный взглядъ на Церлину, возбуждивъ ея кокетство любовными словечками, донъ-Жуанъ приказалъ Лепорелло избавить его отъ ревности Мазетто, пригласивъ всѣхъ въ его замокъ. Лепорелло исполняетъ съ ропотомъ вѣроломныя приказанія господина и донъ-Жуанъ, оставшись одинъ съ Церлиной, поетъ съ ней дуэтъ, который можетъ быть названъ самой вохитительной драгоценностью, какую рука Моцарта сработала.

Пусть представятъ себѣ въ прекрасный весенній день свѣжую и тѣнистую аллею, куда просачивается, сквозь густыя листья, проблескъ свѣту. На концѣ этой аллеи виднѣется великолѣпный замокъ въ стилѣ возрожденія. Влажность воздуха, отдаленное журчаніе водомѣтовъ, безмолвіе природы, таинственность, все въ этомъ прелестномъ пейзажѣ располагаетъ къ сладострастію. Тамъ-то донъ Жуанъ, красивый, молодой, окруженный очарованіемъ знатности, блескомъ изящныхъ манеръ и языка, старается обольстить сердце простодушной дѣвушки. Пойдетъ, говоритъ онъ, (здѣсь мы не столько переводимъ буквальный смыслъ словъ да-Понте, сколько волюнтіе, производимое поэзіей Моцарта), пойдетъ въ этотъ замокъ, я составлю тамъ твоё счастье.

En-ci-dàrem la mano

La mi dirai di sì.

Ты станешь подругою моей жизни, я окружу тебя всѣмъ блескомъ богатства, тебѣ будутъ завидовать всѣ женщины. Эти слова, которыя онъ вливаетъ въ внимательное ухо дѣвушки, проникаютъ, уповаютъ ее какъ таинственный токъ. Никогда искуситель, вооруженный адскою хитростью, не обвинялъ свою жертву божье опаснымъ обольщеніемъ. И потому бѣдная Церлина, взволнованная, очарованная невѣдомымъ могуществомъ этого сладостнаго языка, чувствуетъ себя потрясенною до глубины сердца. Она отвѣчаетъ, запынаясь, съ полузакрытыми глазами, словно для того, чтобъ избѣгнуть слишкомъ сильнаго свѣта счастья, которое ей сулятъ:

Vorrei, e non vorrei

Mitrema un poco il cor.

— Пойдемъ, пойдемъ, слѣдуй за мною, возлюбленная, возражаетъ донь-Жуанъ. — Но что будетъ съ бѣднымъ Мазетто? — Брось угрызения пошлаго состраданія, пойдемъ вдали отъ толпы наслаждаться блаженствомъ вѣчной любви. Внезапно упоенная лучомъ безумной надежды, Церлина вскрикиваетъ съ восторгомъ: *Andiam!* и они убѣгаютъ и теряются въ свѣтлой дали, усыпая пространство веселыми звуками:

Quali colombe dal desio chiamate.

Иногда стаетъ думать не производить въ театрѣ желаннаго дѣйствія. Эти короткія и вѣжныя фразы, замѣрающія съ такимъ сладострастіемъ и заставляющія подразумѣвать еще болѣе чѣмъ онѣ выражаютъ, это цѣломудріе въ языкѣ страсти, скромный расчетъ въ аккомпаньементахъ, доканчивающихъ картину, требуютъ уменья, тонкаго, глубокаго стила, котораго тайна потерява нынѣшними виртуозами.

Мы бѣгло пройдемъ арію «*Ah! fuggi il traditor*», донны Эльвиры послѣ дуэта донь-Жуана съ Церлиной, чтобы дойти до слѣдующаго квартета. Донь-Жуанъ, преслѣдуемый криками донны Эльвиры, отталкивается съ донной Анной и съ дономъ Оттавіемъ. Полюшеніе его какъ нельзя болѣе затруднительно между плачущей женщиной, которая осыпаетъ его упреками и двумя лицами, которые вовсе не подозрѣваютъ, что онъ убійца командора. Не знаешь чему болѣе удивляться въ этомъ квартетѣ, изяществу

идей, гибкости драматическаго гениа, который умѣлъ соединить въ очень сжатой гармонической рамкѣ, четыре главные лица, сохранивъ каждому главное выраженіе его характера, или простотѣ средствъ, которыми маэстро произвелъ такіе разнообразныя и чудныя эффекты. Квартетъ написанъ въ тонѣ si bémol въ четыре темпа, медленнымъ ритмомъ, но довольно гибкимъ, чтобы слѣдовать за движеніями страсти. Донна Эльвира, обращаясь къ доннѣ Аннѣ, говорить ей голосомъ, увлажненнымъ слезами: Не вѣрь этому лукавцу, бѣдняжка! онъ обманулъ меня и тебя также хочеть обмануть.

Non ti fidar, o misera,
Di quel ribardo cor!
Me già tradi quel barbaro,
Te vuol tradir ancor.

Эта маленькая фраза въ восемь тактовъ, раздѣлена въ серединѣ цезурой на полукаденцію и одинъ изъ самыхъ сладостныхъ, какія только можетъ избрать сердце благородной женщины. Это, повторяемъ, не жалоба раздраженной супруги, но жалоба любовницы, которая потеряла единственное счастье въ жизни и вызываетъ состраданіе проходящихъ, рассказывая о своей горести. Донна Анна и донъ Оттавіо взволнованы и поражены кроткимъ величіемъ ея голоса и манеръ:

Cieli! che aspetto nobile!
Che docile maestà!

Напрасно Донъ-Жуанъ, желая удалить подозрѣніе, старается выдать ее за сумасшедшую,

La povera ragazza
E pazza amici miei:

крики и рыданія, вырываемые у донны Эльвиры новой ложью обольстителя, наконецъ бросаютъ смятеніе въ душу донны Анны и донна Оттавіо. Донъ-Жуанъ, желая выйти изъ этого затруднительнаго положенія, подходитъ къ доннѣ Эльвирѣ и говоритъ ей на ухо: — Молчите же, ваши безтолковыя жалобы будутъ всѣми подмѣчены; будьте осторожиѣе. — Я потеряла всякую осторожность, отвѣчаетъ она съ негодованіемъ; я хочу, чтобы всѣ знали твои преступленія и мое несчастье, — и квартетъ оканчивается чудно, выставляя виѣсть отчаяніе донны Анны, и донна Оттавіо и лукавство донъ-Жуана. Когда разсматриваешь ближе этотъ

квартетъ, не знаешь, чему болѣе удивляться: глубокому ли искусству музыканта или высокому вдохновенію поэта. Надо замѣтить, что партія донны-Эльвиры и Донъ-Жуана, которые находятся на первомъ планѣ, движутся, взаимно преслѣдуются и бесѣдуютъ непрерывно, между-тѣмъ какъ партіи донны Анны и донна-Оттавію, лицъ второстепенныхъ, страдательныхъ, идутъ почти всегда вмѣстѣ, на разстояніи терпѣи другъ отъ друга. Каждый отбѣнокъ характера и страсти выставленъ съ стараніемъ и съ удачей немовѣрными! И потому, когда донна Анна и донъ Оттавію, тронутые горестью донны-Эльвиры, выражаютъ страшное волненіе, которое они испытываютъ,

Certo moto d'ignoto tormento,

ритмъ вдругъ перерывается рядомъ тріолей, возбуждающихъ любопытство уха. Проникло ли сомнѣніе въ умъ ихъ, они выражаютъ волнующую ихъ неизвѣстность, проходя сверху внизъ отрывокъ хроматической гаммы, — мелодическая молнія, ежвозь которую пролетаетъ минорное наклоненіе, какъ горькая мысль сивозъ свѣтлую душу. Этотъ процессъ обыченъ у Моцарта; онъ воспроизводитъ его еще подъ этими словами, которыя поютъ обреченные:

*Che mi dice
Per quella infelice,*

между-тѣмъ какъ донна Эльвира яростно вспыхиваетъ, рядомъ нотъ арпеджіо, приводящихъ къ модуляціи на *sol-mineur*. А Донъ-Жуанъ, послѣ нѣсколькихъ тактовъ чего-то въ родѣ разсказа, который попеременно повторяетъ каждое изъ четырехъ лицъ, входитъ въ главную роль и приготовляетъ вступленіе скороговоркою, измѣняющей его безпокойству. Онъ продолжаетъ своекорыстныя увѣщанія, произносимыя шопотомъ нѣсколько звуковъ, возвращающихся безпрестанно къ постоянному и коренному ритму. Какіе отбѣнки, какая истина, какое глубокое искусство управлять голосами! Ничего лишняго; всѣ партіи дѣйствуютъ, всѣ ноты попадаютъ въ цѣль еще горячими теплотою души, какъ говоритъ одинъ поэтъ; самая простая гармонія, вездѣ свѣтъ в жизни, вездѣ знаніе языка воспѣваетъ на помощь волненію сердца! Аккомпаньментъ такъ же изященъ какъ мысль. Каждое окончаніе важной фразы повторяется оркестромъ, котораго повторенія кажутся эхомъ горести, и сцена оканчивается безъ всякой пустопорожней формальности простымъ аккордомъ доминанты съ септимой, который

долженъ отдохнуть на амордѣ толпы, излившемъ подобно вихрю.

Дефектъ этого квартета удивителенъ, когда онъ выполняется виртуозами, понимавшими его смыслъ и умѣющими отделить его изъ серадами этихъ короткихъ и нѣжныхъ фразъ, это счастливая ерничая меланхолія, которая восходитъ отъ души и расширяется какъ легкое облако. Если бы надо было передать на полотне мысль Моцарта и дополнить ее пейзажемъ, мы бы помѣтили эту сцену на закатѣ прекраснаго осенняго дня, подъ виноградными лозами съ золотистыми гроздями, а вдали свѣтлую долину, безконечный горизонтъ, увѣчанный послѣдними лучами щедраго солнца. Тамъ-то донна Эльвира, въ бѣломъ платьѣ, съ распущенными волосами, и почти обвитая вечернею тѣнью, изливала бы изъ стѣсненнаго сердца послѣднее дуновение идеала.

..... At illa

Flet noctem, ramoque sedens miserabile carmen

Integrat, et moestis late loca fletibus impet.

Пораженной голосомъ и осанкой донъ-Жуана, донья Анна показала, что она видитъ въ немъ убійцу отца. Она выпускаетъ крикъ ужаса по уходѣ обольстителя, и рассказываетъ тогда дону Оттавіо всѣ обстоятельства роковой ночи, когда къ ней явился въ комнату незнакомецъ. Этотъ речитативъ съ полнымъ оркестромъ исполненъ движенія и страсти, и мы предпочитаемъ его слѣдующей аріи, «*Or vai che l'omero*», въ которой донна Анна заставляетъ своего любовника обѣщать ей отмстить за нее.

Но вотъ опять является донъ-Жуанъ, котораго игривость и буйная веселость чудно противорѣчатъ ярости донны Анны, оставившей сцену. Онъ приказываетъ повѣренному своему Лепорелло приготовить праздникъ и пригласить всѣхъ тамошнихъ жителей. Безъ различій, безъ несправедливаго предпочтенія, говоритъ онъ, пусть каждый участвуетъ въ дарахъ моей щедрости, и если встрѣтишь молоденькую дѣвушку съ живыми глазками, приведи ее съ собой, пусть она раздѣлитъ и увеличитъ общую радость. Напой однихъ, заставь плясать другихъ, займи всѣхъ, а я между тѣмъ воспользуюсь общей суматохой и стану перелетать отъ красавицы къ красавицѣ, давая каждой знаки моей любви. Какой жаръ! какая развязность! какая жажда удовольствій! какой энтузіазмъ!

Надо было послушать, какъ Гарсія вѣлъ эту арію.

Fin. ch' han dal mio

Calda la testa,

которой аккомпанементъ бродить и шипитъ и лопается какъ шампанское. Гарсія ударялъ сильнымъ триллеромъ на словѣ *bal-lag*, оканчивающимъ вводную фразу и бросилъ его на воздухъ какъ пробку, уступающую усилю дурно сжатого газу. Никто не скажетъ, что эту музыку написалъ Нѣмецъ, но правда, что этотъ Нѣмецъ — Моцартъ.

Этотъ взрывъ безумной радости, блистающей какъ букетъ фейерверка, смѣняется аріей совершенно противоположнаго роду и совершенства, еще болѣе рѣдкаго, аріей, которую поетъ Церлина, чтобы смягчить гнѣвъ жениха своего Мазетто. Она подходитъ къ нему смиренно, опустивъ глаза, краснѣя отъ стыда, что слишкомъ снисходительно слушала обольстительные рассказы Донъ-Жуана. «Прибей твою бѣдную Церлину, говоритъ она, вырви волосы, глаза, я все перенесу покорно и расплчу обожаемыхъ руки, которыя удостоютъ меня наказанія. Но, я вижу, сердце твое смягчается.... Дай мнѣ руку, о возлюбленный! и станемъ проводить вмѣстѣ счастливые дни. *Aria, Batti, batti, o bel Masetto!*» составлена изъ двухъ частей, выражающихъ два отдѣлка чувства, занимающаго дѣвушку. Въ первой, написанной въ два темпа, ритмомъ исполненнымъ томности, она закликаетъ любовника простить ей минуту слабости, а во-второй съ живымъ и глубокимъ движеніемъ предается радости примиренія, общая жениху счастливую будущность. Моцартъ вложилъ въ эту чудную арію всю нѣжность своей души, всю сладость генія, все изящество неопредѣляемаго стиля. Каждый тактъ какъ-будто отражаетъ тайный оттенокъ сердца. Посмотрите, какой простодушной граціей дышетъ это мѣсто въ первой части:

E le care tue manine

Lieta poi sopra bacciar!

Можно ли умолять раздраженнаго любовника о прощеніи съ болѣе покорной нѣжностью, съ болѣе цѣломудреннымъ кокетствомъ, какъ дѣлаетъ это Церлина въ слѣдующей фразѣ втораго движенія?

Pace, pace, o vita mia!..

Рѣзба! чеканъ! нѣжное ваяніе дорогой вещицы, отдѣланной рукою самаго Бенвенуто-Челлини! Аккомпанементъ просто — кру-

жева плететь! Никогда не выражали съ бѣльшей тонкостью ты-случу неввинныхъ женскихъ обольщеній, этихъ ребяческихъ мскъ, противъ которыхъ любовникъ не умѣеть устоять, и аккомпанементъ виолончели, слѣдующій за мелодіей какъ тѣнь, отъ пераго такта до послѣдняго, не похожъ ли на ропоть совѣсти, свидѣтельствующій въ искренности раскаянія дѣвушки? Какая глубина и прелесть! * Послѣ этой аріи, выражающей укромное смутнаго желанія независимости, возвращеніе къ порядку заблудшей и смятой грозой души, можно вскричать съ Ламонтеномъ:

Amans, heureux amans, voulez vous voyager?
Que ce soit aux rives prochaines.

Вотъ мы дошли до финала пераго акта, важной страницы, составляющей эпоху въ исторіи драматической музыки. Когда явился «Донъ-Жуанъ» не было ничего подобнаго по многосложности партій, по движенію, модуляціямъ и мелодическимъ эпизодамъ, развѣ первый финалъ «Свадьбы Фигаро» но въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ вещахъ, Моцартъ имѣлъ образцомъ самаго себя.

Около 1750, одинъ неаполитанскій композиторъ, Николай Логршино, пытался первый оканчивать первые акты комическихъ оперъ выходами общаго пѣнія съ быстрымъ движеніемъ, разивая рядъ различныхъ чувствъ на одной и той же темѣ. Его скоро превзошелъ въ этихъ finali, какъ во всемъ остальномъ, Николай Пиччини, котораго опера-буффа «*la Cechina ossia la buona figliuola*», сочиненная въ Римѣ въ 1760, заслужила восторженный успѣхъ и обошла кругомъ свѣта. Два finali «*la Cechina*», почитаемые современниками великимъ музыкальнымъ нововведеніемъ, довольно однако просты. Анфосси, неблагодарный и завистливый ученикъ Пиччини, отъ котораго заимствовалъ идеи, умѣлъ увеличить планъ и форму финала въ оперѣ «*Incognita ; erseguitata*», сочиненную въ Неаполѣ въ 1773, и имѣвшую равномерно очень большой успѣхъ; потомъ явились Чимароза и особенно Палзіелло, который въ квинтетѣ «*la Cuffiara*», въ финалѣ «*Idolo Cinese*» и еще болѣе въ восхитительномъ септетѣ «Короля Теодора», написаннаго въ Вѣнѣ въ 1784, превзошелъ все, что до него сдѣлано въ этомъ родѣ. Однако если Италіянцы создали опера-буффа и ос-

* Въ квинтетѣ Бетговена для фортепіано, гобоя, волторны и фагота, встрѣчается эта восхитительная тема.

такихъ учителями въ искусствѣ выражать музыкой увлеченіе, веселость, разнообразіе комическихъ характеровъ выходами общаго пѣнія съ красивымъ и многосложнымъ рисункомъ, то Глюку первому принадлежитъ слава передавать вокальными и инструментальными массами, патетическій крикъ страсти. Конечно Моцелло, въ нѣкоторыхъ изъ своихъ удивительныхъ псалмовъ, Гендель въ своихъ бессмертныхъ ораторіяхъ, успѣли уже изобразить эффектами ритма и звучности, лирическую восторженность души; но хоръ въ «Ариадѣ» *Poursuivons jusqu'au trépas* и хоръ во второмъ актѣ «Орфея», два единственные выхода общаго пѣнія, истинно драматичные, о которыхъ можно упомянуть прежде чудныхъ хоровъ Моцарта въ партитурѣ «Idomeneo» и особенно въ финалѣ «Донъ-Жуана».

Чтобы разнообразить свои удовольствія, чтобы утомить пожирающій его жаръ, который безпрестанно толкаетъ его къ нечаяностямъ, донъ Жуанъ даетъ праздникъ для всѣхъ жителей страны, безъ различія. Въ замокъ, окруженный великолѣпнымъ паркомъ, гдѣ повсюду блещетъ пышность знатнаго барина, приходятъ попеременно Церлина, Мазетто, дона Эльввра, дона Анна, донъ Оттавіо и толпа крестьянъ и гражданъ. Таковъ сюжетъ этой большой сцены, подраздѣленной на девять эпизодовъ, приведенныхъ и связанныхъ между-собою глубокой логикой характеровъ и положеній. Каждый изъ этихъ эпизодовъ означенъ то перемѣной такта, то измѣненіемъ тона, то новой темой.

Финалъ начинается домашней ссорой въ большой аллеѣ парка, между Церлиной и Мазетто, котораго ревность встревожена болѣе чѣмъ когда-нибудь. Послѣ этого дуэта съ живымъ разговоромъ слышенъ громкій голосъ Донъ-Жуана, который идетъ впереди гостей, уговаривая ихъ предаться удовольствію.

Sul corraggio o buona gente!

говорить онъ; пейте, танцуйте, забавляйтесь! Пусть отличный столъ и веселость заставятъ васъ забыть на минуту заботы жизни. — Гости подхватываютъ хоромъ слова и музыкальную фразу аконитріона, потомъ удаляются съ пѣніемъ. Эта короткая и блестящая интродукція въ тонѣ *ut majeur*, которой послѣдніе такты угасаютъ и испаряются въ меланхолическихъ аккордахъ, разрѣшается продолженіемъ простой ноты, удерживаемой вторыми скрипками въ натуральномъ тонѣ *fa majeur*.

Тогда донъ-Жуанъ, замѣтивъ Церлину, старавшуюся скрыться

за букетомъ деревенскъ, тавдстванно подходить къ ней и удерживаетъ ся приложь се въ сосѣдній кіоскъ. Молодецкая comedia защищается съ прелестной граціей и стыдливостью, и небольшою дуать въ три четвертя, рождающійся изъ нхъ спора, свѣтъ, какъ вѣсна. Чтò можетъ быть издѣшко и увлекательнѣе слѣдующей срады въ партіи «Донъ-Жуана»:

Vieni in poco,
In questa loca
Fortunata
Io ti ne far...

Внезапно прерванный появленіемъ Мазетто, подстергающаго поведеніе невесты, донъ-Жуанъ встрѣтилъ его сначала съ изумленіемъ; потомъ одумавшись, сказалъ ему дружескимъ тономъ: «Прелестная Церлина очень несчастна безъ тебя!—А! вѣрю вамъ наша свѣтлость, возражаетъ Мазетто съ лукавымъ видомъ. Это отиѣшено сперва нмолетной модуляціей въ тонъ ге-мінеур, которое возвѣщаетъ неблаговременный приходъ ревнивца, а потоку припрыгивающей игрою первыхъ скрипокъ съ эффектомъ совершенно задорнымъ. Чтòбы разомъ прекратить этотъ затруднительный разговоръ, донъ-Жуанъ подаетъ рукою знакъ грушкѣ замаскированныхъ музыкантовъ, видѣющихся въ глубинѣ театра, начать праздникъ. Тотчасъ небольшой оркестръ начиняетъ отдѣльно кородецкую сельскую арію новымъ ритмомъ въ двѣ четвертя и оба оркестра, соединенные цеслѣ голосами Церлины, Мазетто и донъ Жуана, доканчиваютъ сильнымъ и полнымъ деселостю crescendo, третій эпизодъ этого чуднаго «лиада».

Когда удалились гости и музыканты, аѣсколько потъ оркестра, модулирующаго въ тонъ сродный тону ге-мінеур, означаютъ появленіе донны Эльвиры, донны Анны и донна Оттавіо. Они приходятъ всѣ трое переодѣтые, болзливо шагая въ потъмакъ. Они не обманываютъ себя на счетъ опасности предаріатіа. Общія слухи и мрачныя предчувствія обвиняютъ донъ-Жуана въ убійствѣ командора, и они рѣшились подсмотрѣть за его поведеніемъ среди неизбежной суматохи праздника, и какъ они знаютъ, что можно ожидать отъ такого сиблаго характера, то и стараются ободрить другъ друга противъ общей угрожающей опасности. Каждое изъ этихъ трехъ лицъ влагаетъ особенный отиѣнокъ въ выраженіе озабочивающаго его чувства. Въ словахъ донны Эльвиры слышится ярость, въ ободреніяхъ донна Оттавіо—

Франціа, между тѣмъ какъ донна Анна безпокоитъ прежде всего близость, которой можетъ подвергнуться ея супругъ.

Temo pel caro sposo,

произноситъ она отрывкомъ мнѣнной мелочен тову сої, исполненной грустнаго выраженія. И этотъ разсказъ также какъ и разсказы донна Оттавіо и донны Эльвиры сопровождается постояннымъ дрожаніемъ первыхъ и вторыхъ скрипокъ, перебиваемыхъ мрачными аккордами. Этотъ неразрывный рисунокъ вторится неприкосновенно въ финалѣ втораго акта, именно въ ту минуту, какъ статуя командора стучится въ дверь донъ-Жуана. Какое единство и какая глубина!

Когда Лепорелло открылъ окно, чтобы пропустить въ залу пиршества вечернюю свѣжесть, слышно какъ скрипки маленькаго оркестра за кулисами отдѣляютъ первые аккорды восхитительнаго менуэта. — Извольте, ваша свѣтлость, посмотрѣть на эти неподобныя маски, кричитъ Лепорелло. — Ну такъ впусти ихъ, отвѣчаетъ Донъ-Жуанъ съ развязнымъ и вѣжливымъ видомъ. — Пожалуйста, *signore marchese*, говоритъ дворецкій; господинъ мой будетъ очень радъ если вы удостоите принять участіе въ его праздникѣ. Послѣ минутной перѣшпюности, побѣждовавшись, и удержавъ трепеть ужасу при видѣ роковаго челоуѣка, тяготящаго падъ ихъ судьбою, донна Эльвира, донна Анна и донъ Оттавіо рѣшаются довести до конца свое опасное предаріятіе; но не входя еще въ замокъ, скрывающій столько мрачныхъ тайнъ, они останавливаются на порогѣ и обращаютъ къ небу одну изъ самыхъ трогательныхъ молитвъ, какія когда-либо были написаны рукою челоуѣка. Гимнъ, который они поютъ, — знаменатый терпетъ маскъ; одно изъ тѣхъ рѣдкихъ мѣстъ, что по свѣтлости формъ, по изяществу и глубинѣ идей, трогаютъ толпу и восхищаютъ ученыхъ. Удовольствоваться въ одно и тоже время разумъ сильныхъ и сердце всѣхъ, по высшайшій это цѣль искусства?

Неремѣна декорация вводитъ насъ въ залу пиршества, великолѣпно освѣщенную. Съ обѣихъ сторонъ сцены видно два оркестра, ожидающіе только приказанія хозяина, чтобы подать сигналъ праздника. Донъ-Жуанъ живой, веселый, расхаживаетъ среди многочисленныхъ гостей своихъ, возбуждая ихъ радость. Тема въ шесть осмыхъ въ *mi bemol*, по которой донъ-Жуанъ расписываетъ свои любовныя рѣчи, полна вольности и изящества. Огъты Церлины, разговоръ Лепорелло съ Мазетто,

постоянно мучимымъ ревностью, шумъ толпы, все это составляетъ чудное цѣлое, по которому гармонически рисуются *arabesque* различныхъ лицъ. Этотъ блестящій разговоръ прерывается приходомъ трехъ масокъ, оставленныхъ нами у дверей замка, которыхъ присутствіе возбуждаетъ новая церемѣна такту и тону. Лепорелло, потомъ Донъ Жуанъ вѣжливо ядутъ къ нимъ на встречу и просятъ принять участіе въ общемъ удовольствіи. «Донъ мой открытъ для всѣхъ, прибавляетъ хозяинъ съ чванствомъ знатнаго барина и все здѣсь приглашаетъ къ свободѣ». По приказанію Донъ-Жуана, балъ начинается восхитительнымъ мезуэтомъ, котораго волнистый ритмъ въ три осьмыя, исполняемый большимъ оркестромъ, продолжается неопредѣленно какъ основная мысль. Мало-по-малу и постепенно, два маленькіе оркестра на театрѣ начинаютъ, одинъ контрдансъ, другой вальсъ, которыхъ разные ритмы, ложась поверхъ первоначальнаго мезуэтного ритма, шекочутъ ухо и подстрекаютъ вниманіе. Показѣтъ донъ-Жуанъ танцуетъ съ Церлиной, говоря ей тысячу любезностей, а Лепорелло старается развлечь Мазетто, три маски подсматриваютъ изъ-за угла за поведеніемъ Донъ-Жуана, вырывающаго у нихъ время отъ времени вздохи горести и восклицанія ужаса.

Вдругъ пронзительный крикъ слышится среди упоенной толпы. «Gente aiuto! aiuto!» кричитъ въ крайности Церлина, которую Донъ-Жуанъ увлекъ въ сосѣднюю комнату. Музыканты убѣгаютъ въ испугѣ, раздраженные гости выбиваютъ дверь, откуда раздаются крики жертвы. Донъ-Жуанъ выскакиваетъ оттуда, съ шапкой въ рукѣ, держа за волосы Лепорелло и дѣлая видъ, будто хочетъ заколотъ его, чтобы отвлечь на него подозрѣніе присутствующихъ; но его адская хитрость не обманываетъ никого. Донна Анна, донна Эльвира и донъ Оттавіо сбрасываютъ маски и страшнымъ голосомъ говорятъ Донъ-Жуану: «Tutto gio si sa», все извѣстно, васъ всѣ знаютъ. Сначала удивленный, потомъ смущенный Донъ-Жуанъ скоро успокаивается и вдругъ обернувшись какъ левъ, преслѣдуемый до послѣдняго убѣжища, смѣло наступаетъ на бушующую толпу. Буря гремитъ въ оркестръ, усиливающимъ игру снизу вверхъ посредствомъ страшнаго *crescendo* и униссона, безконечною спиралью, которая исчерчиваетъ пространство и какъ *buffera infernal* мететь небеса и гаситъ свѣтила. Громъ гремитъ въ басахъ, молнія блещетъ со всѣхъ сторонъ, а донъ-Жуанъ, неустрашимо, *impravidus*, среди волненія стихій и гнѣву людей, почеркая въ идеаль освѣ-

щающемъ его, героическую силу, пробивается сквозь трепещущую толпу, которую обременяетъ презрѣніемъ.

Таково это невѣроятное мѣсто, съ которымъ, по многочисленности эпизодовъ, разнообразію характеровъ, безконечной изъясности подробностей, величавъ плана и могуществу эффектовъ можетъ сравниться только «Страшный Судъ» Микель-Анджело. Это цѣлая драма, гдѣ страсть смѣшивается съ улыбкой и грустью, задуманная и выполненная гениемъ, соединившимъ грацію Рафаэля, меланхолію Виргиліа, съ мрачной силою Данте и Шекспира. Все, что сдѣлано послѣ, не стоитъ этого несравненнаго финала, въ которомъ лучшіе композиторы хватали красоты пригоршнями, и Россіини болѣе всѣхъ. *Stretta*, оканчивающая финалъ «Севильскаго Цирюльника» очевидно родилась отъ *stretta* перваго финала «Донъ-Жуана», гдѣ Моцартъ сосредоточилъ всѣ отдѣльныя красоты своего творенія.

Второй актъ начинается небольшимъ дуэтомъ: «*Eh! via buffone*», между донъ-Жуаномъ и Лепорелло, домашнею ссорой, развязною отдѣланной и кончившеюся безъ дурныхъ послѣдствій. Слѣдующее тріо, «*Ah! taci ingiusto core*», пропѣтое донной Эльвирой, Лепорелло и донъ-Жуаномъ—мѣсто изъясное по подробностямъ искусства и глубинѣ чувства. Донна Эльвира, грустно облокотясь на балконъ, блуждаетъ меланхолическимъ взоромъ по блѣдному сіянію луны, обвиняющему ея гибкій станъ прозрачной тѣнью. Несмотря на страшную сцену, на которой она присутствовала, несмотря на вѣны донъ-Жуана, она еще не можетъ его ненавидѣть, не можетъ взглянуть образъ его изъ своего сердца. Напрасно старается она удержать вздохъ, вырывающіеся изъ груди и свидѣтельствующіе о продолжительности и неловкости ея любви. Донъ-Жуанъ узналъ донну Эльвиру, и такъ какъ ему нечего дѣлать пока, то онъ и забавляется обращаясь къ ней съ новыми увѣреніями въ вѣрности и съ такимъ преувеличеніемъ живаго чувства, что Лепорелло съ трудомъ удерживается отъ смѣха. При звукахъ любимаго голоса, вызывающаго самыя сладостныя воспоминанія ея жизни, бѣдная донна Эльвира открываетъ душу надеждѣ и прощаетъ вѣроломнаго, заставившаго ее столько страдать. Слушая это восхитительное тріо, составленное изъ короткихъ фразъ, начертанныхъ такою искусною рукою, исполненное модуляцій, убѣгающихъ какъ отблески бѣлаго платья въ лѣтнюю ночь, кажется, будто слышавшій концертъ отдаленныхъ голосовъ, которыхъ невыразимую гармонію доносятъ до насъ благоуханный вѣтерокъ.

Серенада «Deh! vieni alla finestra», которую Донъ Жуанъ, въ костюмъ Лепорелло, поетъ подъ балкономъ дожны Эльвиры, чтобы еще лучше обмануть ее, мелодія прелестная, съ отливомъ совершенно южнымъ и чисто испанскимъ. Аккомпаньментъ мавдольны, который струнные инструменты поддерживаютъ отрѣзанными аккордами, доканчиваетъ картину и дополняетъ очарованіе. Пропускаемъ арію Донъ Жуана «Metà d'roi» и доходимъ до аріи Церлины: «Vedrai sagino», образца граціи. Характеръ Церлины самое счастливое созданіе Лоренца да-Понте, соединившаго на этой мнеленькой villa nella, всю тонкость, глубину, ребяческое кокетство дочерей лагуны, называемыхъ народными поэтами *bionda, tenera e grassa*. Моцартъ вѣрво хотѣлъ сдѣлать удовольствіе другу своему да-Понте, вложивъ въ уста его милой Церлины самую сладостную, самую упоительную ноту своего гения. Очень понятно, что Мазетто не могъ устоять противъ этого божественнаго пѣнія; и послѣдствіе его растаяли бы. Послѣ аріи Церлины слѣдуетъ знаменитый секстетъ, признанный за одно изъ чудесъ искусства. Лепорелло, въ одеждѣ господина, вышелъ въ домъ дожны Эльвиры, воображающей, что припимаетъ въ объятія раскаявшагося супруга. Покаместъ Лепорелло встѣтъ въ темнотѣ—двери, откуда могъ бы убѣжать отъ угрожающей ему опасности, приходятъ постепенно дожна Эльвира, дожна Анна, донь Оттавіо, Церлина и Мазетто. Всѣ справедливо раздраженные противъ доны Жуана и еще подъ впечатлѣніемъ бальной сцены, намѣрены расплатиться съ виновнымъ, какъ вдругъ Лепорелло открывается и проситъ прощенія. Крикъ всеобщаго удивленія, переданный чудесной модуляціей, склоняетъ отдѣльные голоса, сжимаетъ гармонію и подаетъ сигналъ къ продолжительному и ученому вступленію этого прекраснаго вѣста. Ни одинъ музыкантъ не умѣлъ, какъ Моцартъ, выражать оттѣпки характеровъ, и противоположность страстей въ обширной картинѣ, такъ, чтобы отчаянное совершенство подробностей выгдѣ не вредило величавому эффекту цѣлаго. Нѣжность дожны Эльвиры, глубокая горестъ дожны Анны, эгегическая грація дона Оттавіо и Церлины, бѣшенство Мазетто, трусость Лепорелло, выставлены въ этомъ чудномъ номерѣ съ такой ловкостью, какъ будто каждое лицо поетъ отдѣльно. Это оттого, что умѣнье Моцарта — умѣнье великихъ поэтовъ: оно скрывается подъ управляющимъ его вдохновеніемъ и какъ жаръ, обнаруживается только своимъ благотѣльнымъ вліяніемъ. Пусть прочтутъ какую нибудь партитуру Керубини и увидятъ разницу между огромно ученымъ музыкантомъ, холодно обдумывающимъ

эффекты и высокими контрастами, какъ авторъ «Донъ Жуанъ или «Вильгельма-Теля», котораго рука бѣжитъ быстро подъ неподдающимся вліяніемъ трагическаго демона. Надо однако сказать, что въ этомъ сокететѣ гармонія иногда слишкомъ изыскана, слухомъ выработана и что иногда, вырывающіеся у сердитой дѣвы Анны, обнаруживаютъ со стороны Моцартова вкуса нѣкоторую разсѣянность.

Въ этой драмѣ, гдѣ выражены все чувства человеческого сердца, вниманіе постоянно возбуждено безпрерывными разнообразными, смѣняющимися веселыми изображеніемъ самую мрачную картину. Такъ напримѣръ, послѣ аріи Лепорелло: «Ah! pietà, sig, peritissime!», начинается арія донъ Оттавіо: «Il mio tesoro intanto», которая была бы самой лучшей теноровой аріей въ свѣтѣ если бы не «Pria che sponi» въ «Тайномъ Бракт» Чинарозы. Надо было послушать, какъ Рубинъ разсвѣвалъ въ этомъ вѣщномъ мѣстѣ всю вѣжливость своего стиля и все великолѣпіе своей вокализаци.

Мы приближаемся къ катастрофѣ. Донъ-Жуанъ, возвращаясь на закатѣ солнца съ своихъ кочующихъ походовъ, проходитъ съ Лепорелло по кладбищу, гдѣ видитъ статую командора, котораго память оскорбляетъ ругательствами съ громкимъ смѣхомъ. *Di veder finirai pria dell'aurora*; — «на разсвѣтѣ ты переставишь смѣяться», отвѣчаетъ погребальнымъ голосомъ умершая душа командора. Моцартъ нашелъ здѣсь средство воздать честь генію Глюка, заимствовавъ у одного мѣста его оперы «Алцесто», почти буквально гармонію, аккомпанирующую эту мелодію, столь глубоко религіознаго характера. — Скажи этому старому болвану, что я приглашаю его ужинать со мной, выражается донъ-Жуанъ съ насмѣшкой. Дуэтъ *O statua gentilissima* передаетъ чуднымъ образомъ ужасъ Лепорелло и удивленіе, смѣшанное съ безпокойствомъ донъ-Жуана, которое Мольеръ выразилъ этими значительными словами: «Уйдемъ отсюда»!

Послѣ аріи донны Анны: «Non mi dir», наполненной приторными лекалами, доказывающими, что самые высокіе геніи принуждены впасть дань принудамъ дурнаго вкуса, начинается финаль, представляющій перетень и заключеніе втораго акта этой *divina comedia*. Онъ раздѣляется на пять эпизодовъ, подраздѣленныхъ на столько отгѣсковъ, движеній, и разныхъ тоновъ, сколько происходятъ разныхъ ощущеній въ душѣ дѣйствующихъ лицъ. Всегда вѣрные логики, лица развертываютъ, въ моментъ конечной боръ-

бы, послѣдствія характера, обнаруженнаго каждымъ изъ нихъ при началѣ.

Въ прекрасной залѣ донъ-Жуанова дворца, освѣщенной а гюго, видѣтъ столъ, великолѣпно накрытый и музыканты, готовые увеселить своими концертами ужинъ господина. Онъ садится, распѣвая развязно, что этотъ миръ не долженъ быть юдолью слезъ; и что богатые люди должны веселиться. Музыканты маленькаго оркестра начинаютъ тогда небольшую изящную арію, которой ритмъ въ три осьмушки шипитъ какъ благотворныя вина, безпреставно подливаемаыя Лепорелло въ алчный бокалъ донъ-Жуана, блистающаго на этомъ пиршествѣ жизни, гдѣ онъ былъ всегда желаннымъ гостемъ. Среди свѣжихъ дуновеній гармоніи и веселыхъ рѣчей за столомъ, которыми онъ обмѣнивается съ Лепорелло, подшучивая надъ его обжорливостью, является плачущая дона Эльвира. Болѣе любовница, чѣмъ супруга, не переставая беспокоиться объ участіи того, кто возмутилъ ея сердце и судьбу, она приходитъ употребить послѣднее усиліе, чтобы возвратить его къ лучшимъ чувствамъ и отворотить угрожающій ему ударъ. Ея просьбы, слезы, проклятія, трогавшія Лепорелло, вырываютъ у Донъ-Жуана только насмѣшливую улыбку и великолѣпную похвалу вѣку и женщинамъ, славіи и утѣшенію челоуѣчества. Все это составляетъ трію, полное жару, противоположностей и страсти.

Удаляясь въ отчаяніи, дона Эльвира, выпускаетъ за кулисами кровь ужасу, который расходится по оркестру, и волнуешь всю его глубину. «Посмотри, что тамъ такое», говоритъ донъ-Жуанъ, а больше о томъ не думаетъ. Лепорелло, возвращаясь въ испугѣ, рассказываетъ, что онъ видѣлъ командора, и подражаетъ его мѣрной и тяжелой походкѣ. Невозможно изъяснить словами лихорадочное волненіе, господствующее въ оркестрѣ во время этого разговору. Желая увѣрится въ причинѣ этого ужасу, донъ-Жуанъ беретъ свѣчку, и идетъ самъ на встрѣчу гостю, который стучится въ дверь все сильнѣе и сильнѣе. Входя статуи возвѣщается рядомъ продолжительныхъ и тяжелыхъ аккордовъ въ томъ *ré-mineur*, слышанныхъ уже нами въ началѣ увертюры; они потрясають землю своими страшными вибраціями. «Ты пригласилъ меня ужинать, я пришелъ», говоритъ командоръ. И когда донъ-Жуанъ приказываетъ Лепорелло приготовить новый ужинъ, духъ смерти кричитъ: «Остановись! Я пришелъ сюда за другимъ дѣломъ. Приглашаю также тебя раздѣлить хлѣбъ, которыми я питаюсь; придешь ли?»—«Прийду!» отвѣчаетъ донъ-Жу-

артъ съ снѣдостью, которую ничто не останавливаетъ. И во время этого чуднаго разговора, аккомпаньменты воспроизводятъ драматическія прогрессіи, терпкіе и страшные диссонансы, слышанные въ первомъ актѣ во время дуэли. «Дай твою руку», говоритъ командоръ. И вдругъ смертный холодъ проникаетъ въ сердце донъ-Жуана, не поколебля его мужества. «Кайся». — Нѣтъ. «Кайся, говорю я тебѣ, aselgado!» — Нѣтъ, нѣтъ, никогда! возражаетъ донъ-Жуанъ, который даже среди сверхъчеловѣческихъ страданій, и уже преданный адскимъ духамъ, сохраняетъ въру довоображеннаго, улыбающагося при разсвѣтѣ новой жизни. И онъ исчезаетъ подъ землею, разверзающеюся, чтобы поглотить его.

Теперь можно понять, что гений Моцарта соединяетъ дарованія самыя рѣдкія, и это то соединеніе такихъ разнородныхъ, качествъ чудно приготовило автора «Донъ-Жуана» произвести богатое и благотворное соглашеніе между всѣми частями искусства. Ребенкомъ, Моцартъ изумлялъ музыкальный міръ чудесами своего исполнительнаго таланта; въ зрѣломъ возрастѣ сдержалъ и превзошелъ все, что обѣщала его юность. Онъ превосходитъ во всѣхъ родахъ, и распространялъ владычество свое надъ всѣмъ обширнымъ царствомъ искусства, отъ сапозетта до драматической поэмы, отъ сонаты до симфоніи. Воображеніе его, разнообразное, глубокое, высокое и вѣжное, выражаетъ всѣ чувства человѣческой натуры; отъ полуулыбки граціи и восторговъ любви до мрачнаго ужаса религіозной души: не надо забывать, что одно и то же перо написалъ «Свадьбу Фигаро» и «Реквиемъ». Явивъ всѣ роды и переговоры, на всѣхъ языкахъ въ своихъ различныхъ произведеніяхъ, Моцартъ даетъ перечень самаго себя въ конечномъ подвигѣ, и самое полное выраженіе гениа своего въ «Донъ-Жуанѣ».

Титулъ «Донъ-Жуана», созданный христіанскою легендой и фантазій испанскаго народа, былъ въ первый разъ измѣненъ Мольтеромъ, который сдѣлалъ изъ Севильскаго развратника щеголя джентльмена, при дворѣ Людовика-Четырнадцатаго. Этотъ титулъ, различно переданный Мольтеромъ и Молиной, облекся въ рукахъ Моцарта въ новую физиономію. Случай, исполняющій иногда вѣды Провидѣнія, далъ въ сотрудники нѣмецкому музыканту чело-вѣка, котораго живой и плодотворный умъ, веселое воображеніе, бурная жизнь и ненасытная чувственность чудно помогли его гению въ этомъ капитальномъ твореніи. Лоренцо да-Понте угадалъ религіозную и меланхолическую душу Моцарта; вдохновился и

стремлениямъ безсмертнаго артиста и происшествіями своей жизни, и начерталъ чудную канву, куда ввелъ, какъ въ шить Ахилла, тысячу прелестныхъ воспоминаній своей молодости, шаловливую поэзію и легкія наслажденія своей отчизны, прекрасной Венеціи, и въ этой-то рамкѣ, приготовленной сыномъ лагуль и другомъ юмориста Карла Гоцци, влилъ Моцартъ грусть свою и развилъ великолѣпіе своего генія. Сначала онъ сообщилъ своему герою горячку идеала, овладѣвшую имъ самимъ съ самого вѣснаго дѣтства, потомъ проникъ его этой наглостью, которая производитъ перевороты, этимъ опьяненіемъ жизни, этой вѣрой въ всемогущество человѣческаго ума, которыя отличаютъ вторую половину осемнадцатаго столѣтія. Возмъ этого героя-титана, разрушающаго все, что противится его предназначенію, Моцартъ помѣстилъ трехъ восхитительныхъ женщинъ, выражающихъ три различныя отбѣнка чувства: донна Анна представляетъ падшее величіе, благородную гордость знатной дамы, вѣчную горестъ оскорбленной добродѣтели; донна Эльвира, восторженность, продолжительность и неизяснимую грусть презрѣнной любви, третья Церлиня, деревенщина, приведенная въ рѣзвость и мечтающая о высшихъ наслажденіяхъ барской жизни. Возмъ этихъ трехъ прелестныхъ цвѣтковъ находятся щеголеватый донъ Оттавіо, шутъ Лепорелло, крестьянинъ Мазетто и командоръ, глава стариннаго барскаго дому.

Личная и душевная часть Моцарта въ этой страшной драмѣ, это — вѣжностъ его сердца, которую малѣйшее горькое слово проливаетъ черезъ край; это божественная меланхолія его души, которая, бывъ поражена въ самыхъ драгоценныхъ своихъ привязанностяхъ, почувствовала въ себѣ упадокъ духа въ цвѣтѣ лѣтъ; это наконецъ вѣжное и глубокое благочестіе, въ которомъ воспитали его родители, представлявшіе образецъ христіанскаго семейства, чистосердечная вѣра въ символы католицизма, которыхъ мрачная поэзія заставляла его рыдать на смертной постелѣ, когда онъ трепещущей рукою писалъ гимнъ другой жизни — «Реквиемъ». «Ахъ, говорилъ онъ однажды другу своему протестанту, у насъ религія въ головѣ, а у насъ въ сердцѣ; вы не чувствуете, какъ мы, что значатъ эти слова: «*Agnus Dei qui tollis peccata mundi, dona nobis pacem*»; но когда кто былъ, какъ я, введенъ съ самого вѣснаго дѣтства въ святилище католической религіи, когда кто присутствовалъ съ душой взволнованной, неопредѣленными желаніями, при божественной службѣ, гдѣ музыка передавала эти святыя слова: «*Benedictus*»

qui venit in nomine Domini! О! тогда другое дѣло. Послѣ, когда волнуешься въ пустотѣ пошлой жизни, эти первыя впечатлѣнія, оставшіе неизгладимыми въ глубинѣ сердца, оживляются и восходятъ въ умъ, какъ вздохъ постепенно расширяющійся. Видно, что Моцартъ владѣлъ тайной своего гевія, иѣжностью и таинственной глубиной религіозной души.

«Фаустъ» и «Донъ-Жуанъ» олицетворяютъ, повторяемъ, два крайнія стремленія нашей сущности, и представляютъ намъ двойное выраженіе вѣка, обоготворившаго всемогущество человѣческихъ страстей. Одинъ хочетъ овладѣть безконечностью и высшимъ счастіемъ, заключившись въ мракъ чистой умственности, другой, погружаясь въ феномены чувствительности, гдѣ надѣется найти вѣчную юность. Драма Гёте, поэма Моцарта были задуманы среди этой большой, и философической, и литературной суматохи, волновавшей Германію въ концѣ осемнадцатаго столѣтія. Национальность двухъ художниковъ — не единственная точка сходства между ними. Родившись въ промежуткѣ нѣсколькихъ лѣтъ одинъ отъ другаго, Гёте и Моцартъ никогда не знали другъ друга, и были оба одарены великолѣпнымъ и яснымъ воображеніемъ. Верховные мастера своего дѣла, гораздо на всѣ языки и на всѣ слогі, они соединили съ нѣмецкой мечтательностью, тонкость, изящество, и оконченность поэтовъ и музыкантовъ латинской породы. Оба любилъ Италію, обояхъ призвало туда тайное влеченіе, и оба оставили ее съ сердцемъ, полнымъ сожалѣнія, съ воображеніемъ, исполненнымъ свѣту и благоуханій, которыми обогатили языкъ своего отечества. Муза ихъ, какъ изгнанная душа, непрерывно обращаетъ взоръ къ этой блаженной странѣ и поетъ съ Мицовой: «Знаешь ли ты землю, гдѣ цвѣтутъ лимонны?» Наконецъ, Гёте и Моцартъ оба сосредоточили безпокойства, стремленія своего вѣка, въ высокой драмѣ, гдѣ чудеса христіанской легенды соединяются съ философическимъ духомъ новыхъ временъ.

Всеобщій гевій Моцарта освоился со всѣми школами, не имѣя исключительнаго предпочтенія ни къ одной. Съ одинаковой горячностью изучалъ онъ сѣверныхъ и южныхъ композиторовъ; умѣлъ оплодотворить гармоническую ученость школы Баха итальянской мелодіей. «Нѣтъ ни одного знатнаго композитора, котораго бы я не перечитывалъ по нѣскольку разъ», признавался онъ, и на его столѣ видѣлись творенія Севастіана Баха возлѣ сочиненій Дуранте и Лео. Онъ питалъ глубокой восторгъ къ Генделю, который, говорилъ онъ часто, чертовски знаетъ эффекты:

когда захочет, поражает как драма; отец цѣлца Джонелли, любилъ легкій талантъ Виченцо Мартинци, но мало уважалъ Гааза и Грауна. Моцартъ — настоящий творецъ вѣнецкой оперы. До него въ этомъ родѣ можно только упомянуть о попыткахъ гениальнаго человека, Василія Кейзера, и о мелодрамахъ Георгія Бенды, любимыхъ Моцартомъ. Авторъ «Донъ Жуана» увеличилъ и преобразовалъ рамку итальянской оперы, распространивъ область общихъ выходовъ пѣнія и музыки, и звезда туда оркестра Гайдна, котораго колоритъ оживилъ болѣе искуснымъ применениемъ духовыхъ инструментовъ, употребляемыхъ съ особеннымъ вниманіемъ. Глюкъ тоже имѣлъ много вліянія на Моцарта, научилъ его возвышенному языку страстей, придалъ вкусъ къ большимъ перипетіямъ, выражаемымъ массами хоромъ; но авторъ «Идоменео» и «Донъ Жуана» выше пѣвца «Орфея», «Дидесты» и «Армиды», по разнообразію идей, гибкости стиля, многообразности удареній, многосложности и распространенію общихъ голосовыхъ выходовъ и умѣнью аккомпанировать. Моцартъ почти единственный вѣнецкій композиторъ, который умѣлъ писать для человѣческаго голоса. Его мелодія, хотя вѣскодько короткія, всегда вѣтряются легкимъ струнамъ горла, исключая особенныхъ случаевъ, когда вкусъ композитора долженъ быть подвергнутъся тиранин виртуоза. Его аккомпанементы такіе завязчивые, такъ исполненные искръ, отблесковъ и различныхъ движеній, составляющихъ наслажденіе знатоковъ, всегда подчинены вокальной мелодіи, за исполнителями которой они сдѣлаются, не выходя изъ предѣловъ голосу, и не помрачая его звонкости. Это потому, что Моцартъ умѣетъ помѣстять каждую вещь на своемъ мѣстѣ. Гармоническій гений, полу-вѣнецкій, полу-итальянецкій, онъ не сдѣлываетъ символю и ея безпредѣльную область съ мелодіей вокальной, выраженіемъ чувствъ личнхъ и опредѣленныхъ. Онъ умѣетъ силу граціей, лирическіе порывы воображенія, издѣлывая души, и, какъ Виргиній, Раффаэлъ, и древнее искусство смягчаетъ жестокость страсти и преобразуетъ действительность. Въ его стилѣ есть сладость Перголеза, и сила Глюка. Моцартъ — вѣнецъ идеальной любви, Платонъ музыкантовъ.

Послѣ смерти этого великаго композитора, музыкальное искусство, обнятое имъ во всѣхъ частяхъ, раздѣлилось на два потока. Веберъ и Бетговетъ на вѣнецкой сторонѣ, разбиваютъ это чудное равновѣсіе двухъ составныхъ стѣпій оперы, учрежденное Моцартомъ въ «Донъ Жуанѣ». Гениі самородные, доидущенные выбрызнувшие прямо изъ германской почвы, въ которой обра-

названъ: «свѣтъ» съчастливо прерываетъ и соблазнительныя погнѣшій, онъ дуетъ символично въ лирическую драму Навономшова — ива медкая: страсть! Въ вѣтъ эллины: инструментальны, каррикатурны мысли, подделывать музыку Божію, голосовое пѣніе, музыкальнѣе жидкощя лачелий, переводъ талантащелой, ивмой, музыканъ при-редель, ошладѣвають. ивѣстоиъ, заведою принадлежашимъ выража-нію голосомъ дивнаиіи. дуня и страстнѣи сердца; коротка смазать, ивѣтнѣи чачтоточаиъ поглощаютъ и умалтоточаиъ личность человека, которой Моцартъ музыкантъ во яревосходству. Батговишъ хотѣлъ ошодитъ, своа карьеру, положило на музыку «Фауста» Гѣта. Жадъ, что великій человекъ не ошудествлялъ своа памѣреніа; ма-бы владѣли на томъ же языкѣ драмой: мысль, которую негоя бы сравнить съ драмой чувства — «Донъ Жуаномъ».

Россиянъ, съ своей стороны, осталса вѣренъ преданіямъ Моцартовымъ и мелодическому гению своей отчизны. Въ ека чуд-ныхъ разнообразныхъ твореніяхъ, голосъ человѣчествѣи сокращаетъ перекѣтъ, который всегда должно ивѣтъ на лирической сценѣ. Оркестръ окращиваетъ, дошодидеть, ошладеть изображение ха-рактерновъ и положеній. Человекъ своаго времени и своей стра-ны, торопясь жить и наслаждающа усѣбахъ, Россиянъ льститъ, толпѣ, слываетъ ивѣмецкую инструментовку съ италіанской ме-лодіей, расширяя размѣры и укрѣпшля могущество ея. Онъ осо-бенно превосходитъ въ живописаніи сталкивающихся страстей, врывовъ любви, лучезарной веселости и юности, безконечныхъ волненій житейскихъ, волненій настоящихъ, не отлагающихся до завтра. Семн пятницъ на одной недѣлѣ не ищеть онъ въ музыкѣ, и лучи незримой темноты не падаютъ никогда на это полнокровное и свѣтлое пѣснопѣніе, въ которомъ дышать страсть и ивѣга. Царство Россиянъ на землѣ, между-тѣмъ какъ Моцартъ ивѣтъ любви, которой, за недостаткомъ земли, будетъ наградою небо.

Глюкъ, Моцартъ и Россиянъ представляютъ три различныя эпо-хи въ исторіи драматической музыки и человѣческаго ума. Пер-вый выразилъ въ своихъ трагедіяхъ паеосъ страсти, сильныя и серьезныя ошущенія сердца, торжественныя взрывы, беспоряд-ки ненависти и любви, родительскую ивѣжность и царское достоин-ство. Его стиль напряженный и возвышенный и его творенія съ отливомъ болѣе античнымъ чѣмъ нововременнымъ, показываютъ первое пробужденіе настоящей лирической драмы. Моцартъ, явн-шійся послѣ, такой же великій музыкантъ, какъ высокій поэтъ.

Онъ воспріимаетъ грацію и чувства высшихъ натуръ, таинственныя горести души, видящей безконечные горизонты, грусть и сладострастіе возмужавшей образованности. Онъ владѣетъ изощренностью, глубиною и личностью натривцевъ. Геній его презираетъ грубыя желанія толпы; никогда не употребляетъ онъ пошлыхъ формулъ изъ подобострастія толпѣ, говорить, что хочетъ сказать, не заботясь о слушающей его публикѣ, и его каденціи останавливаются тамъ, гдѣ мысль. Онъ музыкаетъ оттѣнковъ, но оттѣнковъ, отражающихъ пѣжность души, а не утонченности ума. У него благочестіе ребенка, вѣжливость и стыдливость женщины, и его страстный, но цѣломудренный и религіозный языкъ говорить только существамъ избраннымъ, которыхъ не много на землѣ. Россіини, напротивъ, шумно вырывается изъ очарованнаго міра, ломаетъ ворота духовнаго града, влагаетъ въ свои творенія бурный пылъ безумной веселости поколѣнія, овладѣвающаго жизнью съ лихорадочнымъ ветеривніемъ. Моцартъ занимаетъ мѣсто единственнаго въ исторіи искусства и человѣческаго ума. Онъ явился въ благопріятную минуту, въ исходѣ прежней образованности, чтобы собрать въ одно все свои чудеса и оставить будущей его пріемницѣ вѣчное и ни съ чѣмъ несравненное наследіе.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЕЛИКОРОССИЙСКИХ ГУБЕРНІЙ.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

Мануфактурная дѣятельность тверской губерніи, въ особенности развилась въ послѣднее десятилѣтіе. Здѣсь въ 1808 году была только 31 фабрика, въ 1832 уже 72; а теперь, если считать всѣ кожевенные, крупяные, винокуренные и тому подобные заводы) всѣхъ фабрикъ и заводовъ 402 дѣйствующихъ съ 4,838 рабочихъ, 18 не дѣйствующихъ и 5 не въ полномъ ходу. — Не смотря на такое развитіе фабричной и заводской дѣятельности, она еще далеко не соответствуетъ тѣмъ выгодамъ, которыя представляетъ географическое положеніе края для доставки матеріаловъ на фабрики и сбыта ихъ произведеній. Главная причина не полного развитія здѣшнихъ мануфактуръ заключается, какъ мы уже замѣтили, въ сосредоточеніи капиталовъ въ рукахъ купечества, которому выгоднѣе обращать ихъ на торговлю хлѣбомъ и пенькою, нежели на фабрикаціи. Кромѣ того, устройство и содержаніе въ порядкѣ фабрикъ и заводовъ, требуетъ, сверхъ

капиталовъ, особыхъ предварительныхъ свѣдѣній, специальныхъ техническихъ знаній, чуждыхъ для большей части нашего купечества. Не владѣя этими знаніями, капиталисты, весьма основательно, боятся заводскихъ аферъ, даже и выгодныхъ; боятся вѣрять свое достояніе въ руки наемныхъ, выписныхъ мастеровъ, которыхъ ни направить, ни повѣрить сами не въ состояніи. Отъ этого выписка отличныхъ мастеровъ за дорогую цѣну многими почитается безразумною тратою денегъ съ сомнительнымъ вознагражденіемъ. Наконецъ, къ числу причинъ, замедляющихъ развитіе мануфактуръ, можно отнести и сравнительную дороговизну хлѣба, отчего здѣсь наемъ рабочихъ обходится дороже, нежели въ смежныхъ губерніяхъ. Не смотря на то, что купечество сильно занято торговлею хлѣбомъ и пенькою, оно же главный дѣятель и по мануфактурной промышленности. Помѣщики не имѣютъ капиталовъ, и потому не могутъ заводить фабрикъ въ большомъ размѣрѣ. Большая часть фабрикъ и заводовъ устроены въ городахъ, купцами, занимающими въ рабочіе преимущественно мѣщанъ; меньшая часть мануфактурныхъ заведеній, въ деревняхъ, принадлежитъ помѣщикамъ, употребляющимъ для работъ своихъ крѣпостныхъ людей. Иностранныхъ мастеровъ на заводахъ въ цѣлой губерніи только 31 человекъ, въ томъ числѣ на стеклянныхъ 24, на сыроварняхъ 7, на бумагопрядильной фабрикѣ купца Савина 1, на полотняной князя Куркина 1, и на химической господина Ремера 1.

Разсмотримъ сначала въ какой мѣрѣ развились въ тверской губерніи разные роды мануфактурной и заводской дѣятельности, а потомъ изчислимъ фабрики и заводы по уѣздамъ.

Въ тверской губерніи до 35 различныхъ фабрикъ и заводовъ. Самые важные въ губерніи *кожевенные заводы*; ихъ 75, съ 486 рабочихъ; на нихъ выдѣлывается въ годъ до 200,000 разнаго рода кожъ, на сумму около 405,000 руб. сер. Изъ этихъ заводовъ 40 въ Осташковѣ выработываютъ до 113,000 кожъ, на сумму до 240,000 руб. сер.; они принадлежатъ купцамъ и мѣщанамъ; рабочихъ до 345 чел. Важнѣйшій изъ осташковскихъ заводовъ — братьевъ Савиныхъ, выдѣлывающій до 50,000 кожъ, красной и палевоѣ юфти; на заводѣ почетной гражданки Мосагиной выдѣлываются (14,500 кожъ) красная юфть, вырестки, опойки и конскія кожи; на заводѣ купца Королькова — черная и бѣлая юфть и конскія кожи; на заводѣ купца Размыелова — подшвенныя и конскія кожи, также черная и бѣлая юфть; на заводѣ мѣщанина Щетянина — козловыя кожи; на прочихъ же за-

водахъ исключительно конскія кожи, изъ которыхъ тамъ шьютъ рукавицы и крестьянскіе сапоги, въ особенности послѣдніе (до 125,000 паръ). Количество выдѣлываемыхъ кожъ превращается въ эти издѣлія, которыя развозятся въ разныя губерніи: нынѣ же запросъ ихъ на желѣзную дорогу чрезвычайно усилился. Юфть, выдѣлываемая на заводѣ Савина и Мосягиной отправляется чрезъ Петербургъ, за границу. Бычачья и коровья кожи, выдѣлываемыя на заводахъ Королькова и Размыслова, идутъ большею частью въ Петербургъ; козловыя же съ завода Щетинина, сбываются, частью въ Москвѣ, частью въ городахъ тверской губерніи.

Въ Торжкѣ 12 кожевенныхъ заводовъ, съ 50-ю рабочихъ, выработывающихъ до 20,650 кожъ. Изъ этихъ заводовъ 4 принадлежатъ мѣщанамъ, остальные купцамъ. Кожевенные заводы въ Торжкѣ, исключая заводовъ купцовъ: Климушина, Морозова и Головина, выдѣлываютъ также конскія кожи, изъ которыхъ тамъ шьютъ большею частью рукавицы; на заводахъ же Климушина и Морозова выдѣлываются подошвенныя кожи, бѣлая и черная юфть и конскія кожи; а на заводѣ Головина — черная и бѣлая юфть. Главный сбытъ кожъ, выдѣлываемыхъ на первыхъ двухъ заводахъ производится въ Петербургъ, съ послѣдняго же на мѣстѣ. Кроме шитья рукавицъ, въ Торжкѣ, какъ мы уже говорили, занимаются вышиваніемъ золотомъ, серебромъ и шелками сафьяна, изъ котораго выдѣлываютъ тамъ же въ значительномъ количествѣ башмаки, сапоги и другія вещи, также приготавливаютъ много позумента и бахрамы.

Въ ржевскомъ уездѣ выдѣлывается до 19,000 кожъ: мостовья, черной и бѣлой юфти, выростковъ, опойка и конскихъ. Сбытъ ихъ производится большею частью въ С.-Петербургѣ.

Въ Твери 3 завода, на которыхъ выдѣлывается 12,000 кожъ: подошвенной, черной и бѣлой юфти, выростковъ, опойковъ и конскихъ кожъ. Главный сбытъ ихъ производится на мѣстѣ.

Въ Старицѣ 4 кожевенныхъ завода, выдѣлывающихъ до 18,000 кожъ всѣхъ родовъ. Сбытъ издѣлій производится на ярмаркахъ тверской губерніи.

Въ Вышнемъ-Волочкѣ 2 завода, выдѣлывающихъ до 4,000 разныхъ кожъ. Въ Бѣжецкѣ выдѣлываютъ до 2,500 кожъ, сбываемыхъ на мѣстѣ. Въ Кашинскомъ уездѣ до 1,000 подошвенныхъ кожъ, сбываемыхъ въ селѣ Кимрѣ, корчевскаго уѣзда.

Въ Колязинѣ 4 завода, производящіе до 3,200 кожъ подошвенныхъ, черной и бѣлой юфти и опойка, сбываемыхъ въ селѣ Кимрѣ.

Въ корчевскомъ уѣздѣ 7 заводовъ съ 26 рабочими, на которыхъ выдѣлывается до 9,600 кожъ. На заводѣ крестьянина Мошкина выдѣлывается бѣлая и черная юфта в разныхъ цвѣтовъ лайка; на прочихъ заводахъ — только юфта; сбывать ихъ въ Клирѣ, откуда они расходятся по корчевскому и колизинскому уѣздамъ. Матеріалы потребныя для заводовъ приобрѣтаются: сырыя кожи конскія въ значительномъ количествѣ изъ московской губерніи, въ особенности изъ села Пышкова; бычачьи и коровьи — частью отъ пригоннаго скота, а частью привозятся изъ Москвы и другихъ мѣстъ.

Послѣ кожевенныхъ заводовъ наибольшее значеніе имѣютъ для губерніи *пенькопрядильни*; ихъ 47. По числу работающихъ рукъ, пенькопрядильни могутъ быть поставлены даже выше кожевенныхъ заводовъ; на первыхъ 957 рабочихъ, а на послѣднихъ только 486. Пенькопрядильни производятъ на сумму до 616,000 руб. сер. На нихъ готовится канатная пряжа, или такъ называемая каболка и разной толщины веревки. Все это идетъ преимущественно въ Петербургъ, а частью по городамъ губерніи для оснастки барокъ. Почти вся пенькопрядильная промышленность сосредоточена въ городѣ Ржевѣ, и составляетъ главное занятіе тамошнихъ мѣщанъ и ямщиковъ. Зимой большая часть городскихъ улицъ обращается въ прядильни. Изъ числа 40 прядильень, находящихся въ Ржевѣ, 28 принадлежатъ купцамъ, 10 мѣщанамъ и 2 ямщикамъ. На 11 пенькопрядильныхъ выработывается до 131,500 пуд. пеньковой пряжи; рабочихъ на этихъ фабрикахъ 705 человекъ. На остальныхъ фабрикахъ выработываются веревки до 46,600 пуд.; на нихъ рабочихъ 213 человекъ. Веревки на всѣхъ ржевскихъ пенькопрядильныхъ заведеніяхъ, приготавливаются большею частью изъ пеньки тамошнихъ купцовъ по ихъ заказу; за выработку платится около 20 коп. сер. съ пуда. Пенька же, употребляемая какъ на приготовленіе веревокъ, такъ и канатной пряжи, приобрѣтается въ курской, орловской, смоленской и другихъ губерніяхъ; ея ввозится въ Ржевъ до 1,000,000 пудъ, но изъ этого количества не болѣе $\frac{1}{6}$ превращается въ помянутыя издѣлія, остальное же идетъ въ С.-Петербургъ. Кромѣ ржевскихъ пенькопрядильень есть еще въ Твери 7, изъ которыхъ 4 принадлежатъ купцамъ, а 3 мѣщанамъ. На всѣхъ ихъ рабочихъ 38 человекъ, выработывающихъ въ годъ до 7,150 пудъ. На купеческихъ заведеніяхъ, кромѣ веревокъ, приготавливаются иногда и канаты. Пенька, употребляемая на приготовленіе

веревокъ, приобретається на мѣстѣ. Сбытъ веревокъ производится также на мѣстѣ.

Все вообще цѣвкоурядильни находятся въ хорошемъ состоянн.

Бумагопрядильная фабрика, въ губерніи только одна, въ Осташковѣ; принадлежитъ осташковскому купцу Ивану Савину съ братьями; приготовляетъ пряжу отъ 28 до 40 №. На ней выработывается въ годъ около 15,000 пудъ пряжи, цѣною на сумму до 200,000 руб. сер.; рабочихъ на фабрикѣ до 800 человекъ. Бумажная хлопка на выдѣлку пряжи привозится на собственныхъ корабляхъ Савина изъ Остивадн, Египта и Америки. Сбытъ издѣлій производится преимущественно въ Москву. Всѣхъ машинъ на фабрикѣ 98; онѣ приводятся въ движеніе двумя паровыми машинами обыкновеннаго давленія, силою, одна въ 12, а другая въ 20 лошадей. Для разматыванія пряжи на фабрикѣ 80 мотовилъ; ходомъ работъ управляетъ мастеръ, выписанный изъ Англн, равно и большая часть машинъ, находящихся на фабрикѣ, выписаны оттуда же.

Фабрикъ бумажныхъ издѣлій въ губерніи 13; на нихъ рабочихъ 447 человекъ, выдѣлывающихъ издѣлій на сумму до 10,000 р. с. Все фабрики бумажныхъ издѣлій, за исключеніемъ фабрики князя Куракина, приготовляютъ или миткаль, или холстилку изъ пряжи московскихъ, а частью и ярославскихъ купцовъ, по ихъ заказамъ, получая за выработку этихъ издѣлій отъ 2 до 3 коп. сер. съ аршина. Самая большая изъ фабрикъ бумажныхъ издѣлій принадлежитъ генералъ-маіору Жеребцову, находится въ осташковскомъ уѣздѣ и имѣетъ 115 человекъ рабочихъ и 100 станковъ; на пей выработывается въ годъ до 140,000 арш. Въ колязинскомъ уѣздѣ, изъ 11 фабрикъ бумажныхъ издѣлій, 2 принадлежатъ казеннымъ крестьянамъ; на нихъ 34 человекъ рабочихъ, 28 станковъ и выработывается въ годъ до 52,000 аршинъ миткалю. Другія 9 фабрикъ, помѣщичьихъ крестьянъ, выработываютъ ежегодно миткалю 90,000 арш., холстилки 232,000 арш.; на калязинскихъ фабрикахъ рабочихъ 302 человекъ, станковъ 252.

На фабрикѣ князя Куракина, въ зубцовскомъ уѣздѣ приготовляются разнаго рода кисей, перкаль, кисейные и перкальные платки, ежегодно, на сумму до 3,000 руб. сер. На фабрикѣ 21 ставъ, 30 человекъ рабочихъ, изъ крестьянъ, и 1 мастеръ, италянецъ. Для приготовленія издѣлій употребляется англійская пряжа, получаемая изъ Москвы. Сбытъ издѣлій производится въ С. Петербургѣ, Москвѣ, Киевѣ и Орлѣ.

На всѣхъ фабрикахъ бумажныхъ издѣлій употребляются обыкновенные станки.

Химическая бѣльня Ремера, въ зубцовскомъ уѣздѣ, занимается бѣленіемъ, и аппретурою бумажнаго товара московскихъ купцовъ и фабрикъ князя Куракина. На бѣльнѣ Ремера при мастерѣ иностранцѣ мастеровыхъ и чернорабочихъ изъ вольнонаемныхъ 16 человекъ. Всего выбѣливается на ней въ годъ 30,000 кусковъ: миткаль бѣлится отъ 30 до 65 копѣекъ серебромъ, а кисея отъ 30 до 33 копѣекъ серебромъ съ куска (въ кускѣ 11 аршинъ).

Полотняныхъ фабрикъ въ губерніи 3; онѣ, по причинѣ затруднительнаго сбыта издѣлій, постепенно годъ отъ году упадаютъ. Только одна изъ полотняныхъ фабрикъ, въ Калезинѣ, принадлежащая наследникамъ купца Верещагина, еще поддерживаетъ болѣе или менѣе свое производство. На этой фабрикѣ готовится равендуку и фламскаго полотна до 600 кусковъ въ годъ (по 50 аршинъ въ кускѣ). Станковъ на ней 20, рабочихъ изъ вольнонаемныхъ 25; льняная пряжа, для приготовленія издѣлій, приобрѣтается въ Ярославлѣ, Кашиинѣ и Калезинѣ, а сбытъ ихъ производится большею частью въ С. Петербургѣ. Двѣ другія фабрики, одна баронессы Корфъ въ корчевскомъ уѣздѣ, другая помѣщика Толстаго, въ осташковскомъ уѣздѣ, работаютъ: первая каламенку, полотенцы и салфетки, вторая равендуку. На фабрикѣ баронессы Корфъ 5 простыхъ и 4 жакардовыхъ станка, которые употребляются для приготовленія полотенецъ и салфетокъ; рабочихъ 14 человекъ; выработывается на сумму не болѣе 1,200 рублей серебромъ въ годъ. Сбытъ издѣлій производится частью въ С. Петербургѣ, частью въ городахъ тверской губерніи. Льняная пряжа, употребляемая на выдѣлку издѣлій, приобрѣтается въ Ржевѣ, Калезинѣ и Кашиинѣ. На фабрикѣ Толстаго всего пять станковъ и 6 человекъ рабочихъ, изъ его крестьянъ; на ней выдѣливается равендуку не болѣе 125 кусковъ въ годъ, сбываемаго въ С. Петербургѣ. Пряжа на выдѣлку равендука готовится его же крестьянами изъ льна, приобрѣтаемаго въ Смоленской и псковской губерніяхъ. Двѣ послѣднія фабрики были нѣкогда значительны, такъ что каждая изъ нихъ имѣла болѣе 25-ти станковъ.

О холщевыхъ промыслахъ мы говорили уже при описаніи сельского хозяйства губерніи.

Суконная фабрика въ тверской губерніи одна, въ зубцовскомъ уѣздѣ; принадлежитъ г. Головину; выдѣливаетъ сѣрыя солдатскія сукна

изъ шерсти московскаго купца, по его заказу. Трепальные машины, а также и кардные приводятся въ движеніе коннымъ приводомъ, мюли руками. Тканіе сукна на этой фабрикѣ производится на обыкновенныхъ стапкахъ, которыхъ въ дѣйствиіи до 70; мастеровыхъ и чернорабочихъ изъ своихъ крестьянъ около 100 человекъ. За выработку сукна получается по $17\frac{1}{4}$ коп. сер. съ аршина. Всего вырабатывается здѣсь до 2,000 кусковъ въ годъ, на сумму до 15,000 рублей серебромъ.

Ковровая фабрика тоже одна, въ кашинскомъ уѣздѣ, въ имѣніи помѣщика Лихачева; на ней ткуются ковры на манеръ гобеленевыхъ. Работа ихъ доведена до такого совершенства, что глазъ съ трудомъ можетъ различить ткань отъ живописи. Шерсть и рисунки выписываются изъ Парижа.

Писчебумажныхъ фабрикъ 4; онѣ готовятъ оберточную, сахарную, стоповую пудовую и простую пудовую бумагу. Рабочихъ 175 человекъ, выдѣлывается на сумму до 15,000 рублей серебромъ.

На фабрикѣ генеральши Дубельтъ, въ новоторжскомъ уѣздѣ находится 9 ролей, изъ которыхъ три приводятся въ движеніе паровою машиною обыкновеннаго давленія — силою въ 12 лошадей, а 6—водою. Рабочихъ изъ своихъ крестьянъ до 70 человекъ. На этой фабрикѣ готовится большею частью оберточная, сахарная синяя и бѣлая бумага. Матеріалы, нужные для приготовления, приобрѣтаются: тряпье, рогожи и охлопья въ Старицѣ и Торжкѣ, квасцы, сапдалъ и купоросъ въ С. Петербургѣ. Всего вырабатывается на ней въ годъ до 6,000 пудъ бумаги, сбытъ которой преимущественно производится въ С. Петербургѣ. Въ томъ же уѣздѣ, есть еще 2 фабрики Беклемишова и Бакунина. Первая изъ нихъ готовится оберточную бумагу простую и стоповую пудовую, сахарную бѣлую, и не въ большомъ количествѣ писчую бѣлую; на ней рабочихъ, изъ своихъ крестьянъ, 40 человекъ; вырабатывается въ годъ около 6,000 пудъ бумаги, сбытъ которой производится въ Торжкѣ и С. Петербургѣ. Матеріалы для приготовления ея приобрѣтаются: тряпье на мѣстѣ, охлопья въ Старицѣ. Вторая (Бакунина) готовится оберточную стоповую пудовую бумагу изъ матеріала новоторжскаго купца, по его заказу, до 1,500 пудъ въ годъ; плата за выработку ея отъ 60 до 65 копѣекъ серебромъ съ пуда. На фабрикѣ мастеровыхъ, изъ своихъ крестьянъ, 30 человекъ. — Четвертая бумажная фабрика, въ кашинскомъ уѣздѣ, принадлежитъ купцу Кулкину, готовится большею частью оберточную простую

пудовую бумагу; на ней рабочихъ, изъ вольнонаемныхъ, 35 человекъ. Она вырабатываетъ въ годъ до 6,500 пудъ бумаги, сбытъ которой производится въ Каминѣ и С. Петербургѣ. Молота и роли на трехъ послѣднихъ фабрикахъ приводятся въ движеніе водою.

Сигарная фабрика, недавно открытая въ Твери тамошними купцами Капустинскими, приготовляетъ разные сорта сигаръ, цѣною отъ 72-хъ копѣекъ серебромъ до 7 рублей серебромъ за сотню. Табакъ на выдѣлку ихъ пріобрѣтается въ С. Петербургѣ и Москвѣ, а сбытъ сигаръ производится на мѣстѣ.

Крупяныхъ заведеній, приготовляющихъ овсяную, а частью и ячневую крупу, въ губерніи 36, но 10 изъ нихъ не дѣйствуютъ; изъ числа заведеній 25 принадлежатъ купцамъ, остальные мѣщанамъ. На всѣхъ ихъ готовится 6,550 четвертей крупъ, для чего употребляется до 90 человекъ рабочихъ. Изъ числа крупяныхъ заведеній въ Твери 18, въ Зубцовѣ 1, въ Ржевѣ 3, въ Волоцкѣ 1, въ Торжкѣ 3. Кромѣ того не дѣйствующихъ 8 въ Твери и 2 въ Бѣжецкѣ. Овесъ и ячмень на приготовленіе крупъ пріобрѣтаются на мѣстѣ. Сбытъ крупъ производится большею частью на мѣстѣ, частью въ С. Петербургѣ.

Крахмальныхъ заводовъ въ губерніи 16; всѣ они въ Калезинѣ (10) и его уѣздѣ (6); на нихъ готовится до 68,200 пудъ пшеничнаго крахмалу; рабочихъ 138 человекъ. Изъ числа заводовъ 4 принадлежатъ казеннымъ крестьянамъ, остальные купцамъ; за выработку берется около 20 копѣекъ серебромъ съ пуда. Пшеница, на приготовленіе крахмала, пріобрѣтается въ Рыбинскѣ. Сбытъ же его производится въ С. Петербургѣ, Москвѣ, Тулѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. На заводѣ помѣщицы Вельяминовой-Зерновой, кромѣ пшеничнаго крахмала, готовятъ картофельный. Картофель, употребляемый на выработку, выращивается при заводѣ, а крахмаль частью идетъ въ продажу, частью превращается на этомъ же заводѣ въ патоку.

Солодовень 33; онѣ готовятъ до 33.560 пудъ ржаного и ячневаго солода, на сумму до 131,000 рублей серебромъ, рабочихъ на солодовняхъ до 110 человекъ. Самыя обширныя изъ солодовень находятся въ Торжкѣ, гдѣ въ особенности много готовятъ ячневаго солоду. Всѣхъ солодовень въ Торжкѣ 18, въ Осташковѣ 3, въ Ржевѣ 2, въ Зубцовѣ 1, въ Старикѣ 2, въ Твери 6, въ Корчевѣ 1. Изъ числа солодовень 5 принадлежатъ мѣщанамъ, остальные купцамъ. Сбытъ солода производится съ

торжковских солодовень и съ солодовни зубцовскаго купца Некрасова въ С. Петербургъ, а со всѣхъ другихъ на мѣстѣ.

Паточныхъ заводовъ 3, въ Калязинѣ, Ржевѣ и Торжкѣ; на нихъ приготавливаютъ десять человекъ рабочихъ картофельной папки до 11,000 пудъ, на сумму до 16,250 рублей серебромъ.

Свекловично-сахарный заводъ въ губерніи одинъ, въ старицкомъ уездѣ; принадлежитъ князю Мещерскому; на немъ мастеровыхъ и чернорабочихъ, изъ своихъ крестьянъ, бываетъ во время дѣйствія завода до 50 человекъ; выработывается сахарнаго песку изъ собственной свекловицы около 400 пудъ, сбытъ котораго, тысячи на 3 рублей серебромъ, производится въ Москвѣ.

Пряничныхъ заведеній 20; изъ нихъ 8 принадлежатъ купцамъ и 3 крестьянамъ, — остальные мѣщанамъ. Наибольшее число пряничныхъ заведеній въ Твери и Торжкѣ по 7; потомъ въ Кашинѣ 3, во Ржевѣ 2, въ Красномъ-Холму 1. На всѣхъ 20 заведеніяхъ приготавливается сахарныхъ пряниковъ до 2,200 пудъ; паточныхъ и медовыхъ до 10,400 пудъ; рабочихъ въ заведеніяхъ до 45 человекъ.

Сбытъ пряниковъ, на сумму до 30,000 рублей серебромъ, производится, большею частью, на ярмаркахъ губерніи. Кромѣ пряниковъ, во Ржевѣ приготавливаютъ еще яблочную постилу, которая славится въ Россіи; на 5 небольшихъ заведеніяхъ, ея приготавливается тамъ до 180 пудъ. Приготовление постилы производится самими хозяевами заведеній.

Пивоварныхъ заводовъ 15. На нихъ приготавливается пива до 43,500 ведеръ, на сумму до 44,000 рублей серебромъ; рабочихъ на заводахъ до 60 человекъ. Изъ числа заводовъ въ Твери 3, въ Бѣжецкѣ 1, въ Весьегонскѣ 1, въ Кашинѣ 1, въ Калязинѣ 2, въ Корчевѣ, 1, въ Старицѣ 1, въ Зубцовѣ 1, въ Осташковѣ 2, въ Вышнемъ Волоцкѣ 1, въ Торжкѣ 1. Всѣ заводы принадлежатъ питейному откупу.

Винокуренныхъ заводовъ 10; изъ всѣхъ только одинъ барона Бухгольца, приготавливаетъ вино изъ картофеля (до 20,000 ведеръ); всѣ же прочіе курятъ его изъ ржаной муки. Принимая въ расчетъ нормальную силу заводовъ, на нихъ можетъ изготавляться до 724,000 ведеръ; дѣйствительно же изготавляется, смотря по потребности вина для откупщиковъ; работниковъ на заводахъ 370 человекъ. Всѣ заводы принадлежатъ помѣщикамъ; самый большой изъ нихъ князи Мещерскаго, можетъ выкуривать до 197,000 ведеръ. Изъ числа заводовъ 2 въ старицкомъ уездѣ, 2 въ зуб-

повокомъ, 1 въ ссташковскомъ, 2 въ новоторжскомъ и 1 въ тверскомъ.

Уксусныхъ заводовъ 2; они приготовляютъ до 6,000 ведеръ краснаго уксусу изъ ржанаго солода виѣствъ съ ячневымъ. Сбытъ уксусу тысячникъ 2 рублей серебромъ производится частью въ Торжкѣ, частью въ С. Петербургѣ. Кромѣ того въ тверскомъ уѣздѣ, въ виѣствѣ барона Бухгольца, устроены вновь *уксусный заводъ* въ большомъ размѣрѣ.

Дехтярныхъ заводовъ 6. О производствѣ дегтя, смолы и скипидара, какъ на заводахъ, такъ подеревнямъ, мы и подробно говорили при описаніи лѣсныхъ промысловъ губерніи.

Сыроваренъ 16; всѣ онѣ принадлежатъ помѣщикамъ и находятся въ ихъ имѣніяхъ; на сыроварняхъ князя Мещерскаго, князя Куракина и г-на Неплюева занимаются приготовленіемъ сыра Швейцарцы; на прочихъ же крѣпостные люди владѣльцевъ заведеній. На всѣхъ сыроварняхъ готовится сыру до 6,150 пудъ, на сумму до 50,000 рублей серебромъ; на нихъ рабочихъ до 35 человекъ. Изъ числа сыроваренъ: въ старицкомъ уѣздѣ 3, въ зубцовскомъ 1, въ тверскомъ 2, въ новоторжскомъ 2, въ бѣжецкомъ 3, въ весьеговскомъ 1, въ кашинскомъ 2, въ калужинскомъ 1, въ корчевскомъ 1. Лучшій сыръ выдѣлывается на сыроварняхъ князя Мещерскаго, князя Куракина, Загряжскаго, Полторацкаго, Кисловскаго и Бухгольца; первый изъ нихъ дѣлается почти ничѣмъ неуступаетъ швейцарскому и считается лучшимъ сыромъ изъ приготовляемыхъ въ Россіи. Сбытъ сыра производится въ Москвѣ и С. Петербургѣ.

Маслобойныхъ заводовъ въ губерніи 3; два въ Бѣжецкѣ и 1 въ Твери; на нихъ приготовляютъ масла большею частью изъ льнянаго сѣмяни до 1,700 пудъ, на сумму до 4,500 рублей серебромъ.

Клееварныхъ заводовъ тоже 3; они всѣ въ Красномъ-Холму и приготовляютъ всего до 1,800 пудъ, на сумму до 7,000 рублей серебромъ; рабочихъ 13 человекъ. Кожевенныя обрѣзки, употребляемые для приготовленія клею на этихъ заводахъ приобрѣтаются на ярмаркахъ тверской и ярославской губерній; тамъ же производится и сбытъ его. Кромѣ упомянутыхъ заводовъ, почти всѣ кожевенныя заводы, находящіяся въ Осташковѣ, приготовляютъ клей, котораго вываривается тамъ изъ мездры кожъ, накопляющей при выдѣлкѣ ихъ, ежегодно до 2,500 пудъ.

Салотопныхъ заводовъ 4; всѣ они незначительны. Сага вытѣпливается до 4,000 пудъ, на сумму до 12,000 рублей серебромъ;

рабочихъ 11 человекъ; заводы находятся въ Твери, Бѣжецкѣ, и 2 въ Красномъ-Холму. Половина изъ показаннаго количества сала вытапливается на заводахъ Бушмарина и Сапожнкова и перерабатывается въ свѣчи; другая же половина, также и вытапливаемое на прочихъ заводахъ, идетъ прямо въ продажу. Сбытъ сала производится на мѣстѣ.

Свѣчныхъ заводовъ 25; на нихъ работаетъ до 60 человекъ, выдѣлывается до 17,000 пудовъ свѣчь. Изъ числа заводовъ въ Твери 4, въ Старицѣ 2, въ Ржевѣ 3, въ Торжкѣ 4, въ Бѣжецкѣ 3, въ Красномъ-Холму 3, въ Вельеговскѣ 1, въ Кашинѣ 2, въ Калезинѣ 2, въ Корчевѣ 1. Сало на приготовленіе свѣчь приобретается на мѣстѣ; сбытъ ихъ, на сумму до 56,000 рублей серебромъ, производится также на мѣстѣ. Большая часть заводовъ принадлежит купцамъ и только три изъ нихъ мѣщанамъ.

Воскобоянь въ губерніи 6, въ Старицѣ, въ Кашинѣ, въ Торжкѣ, въ Бѣжецкѣ, и 2 въ Калезинѣ; на нихъ очищается воску до 450 пудъ, на сумму до 5,800 рублей серебромъ. Сушка, для пробивки изъ нея воску, скупается у крестьянъ въ разныхъ мѣстахъ Тверской губерніи. Сбытъ же воску производится большею частью, въ Москвѣ. Кромѣ того на заведеніи купца И. Капустина, въ Твери, выдѣлываютъ ежегодно изъ очищеннаго воска, приобретаемаго большею частью въ Москвѣ, до 500 пудъ *церковныхъ свѣчь*. Сбытъ свѣчь на сумму до 8,500 рублей серебромъ, производится на мѣстѣ.

Колбасныхъ заводовъ 4; 2 въ Кашинѣ, и 2 въ Красномъ-Холму; на нихъ готовится ежегодно до 3,400 пудъ разнаго сорта колбасъ, на сумму до 9,000 рублей серебромъ; на заводахъ рабочихъ до 50 человекъ. Сбытъ же издѣлія производится большею частью въ С. Петербургѣ.

Химическихъ заводовъ 7; всѣ они, за исключеніемъ заводовъ Нечаева и Волосковыхъ, находятся въ корчевскомъ уѣздѣ; производятъ ежегодно на 78,000 рублей серебромъ. На заводѣ кализнскаго купца Чекрыжева готовится ежегодно спивинаго кали и берлинской лазури на сумму до 15,000 рублей серебромъ. Рабочихъ на немъ 16 человекъ. Издѣлія сбываются на нижегородской и ростовской ярмаркахъ. Матеріалы приобретаются: поташъ и желѣзный купоросъ въ Ржевѣ, сушеная кровь въ Москвѣ, а прочіе въ разныхъ мѣстахъ тверской губерніи. На заводѣ иностранца Брыценгаузена готовится ежегодно древесной кислоты и раствора желѣза и мѣди около 3,000 пудъ, сбытъ которыхъ производится въ Петербургѣ и Москвѣ. Рабо-

чихъ 5 человекъ. Обрѣзки желѣза и мѣди приобрѣтаются на мѣстѣ. На заводѣ В. Кабешкина готовится сѣрная кислота (купоросное масло) и желѣзный купоросъ. На заводѣ динтровскаго мѣщанина Жеребина мѣдный купоросъ, главный сбытъ котораго до 1,500 пудъ производится въ Москвѣ; мѣдь и сѣра, для приготовления купороса, приобрѣтаются также въ Москвѣ. На заводѣ московскаго купца Гладина готовится древесная, сѣрная, селитряная и соляная кислоты, желѣзный и мѣдный купоросъ, квасцы, сурикъ, ярь венеціанская и мѣдвяка; кромѣ того, на немъ еще литруется селитра и другія вещества. Мастеровыхъ и чернорабочихъ на этомъ заводѣ 53 человекъ. Матеріалы нужны для него приобрѣтаются большею частью въ Москвѣ; сбытъ издѣлій, на сумму до 60,000 рублей серебромъ, производится тамъ же. На заводѣ тверскаго купца Нечаева въ Твери, готовились прежде синильное кали и берлинская лазурь; теперь же онъ находится въ бездѣйствіи. На двухъ заводахъ купца и мѣщанина Волосковыхъ, въ Ржевѣ, готовится изъ кошенили карминъ и разныхъ сортовъ бакавъ. Способъ приготовления ихъ — тайна владѣльцевъ, отчего и работа производится ими самими. На первомъ изъ заводовъ готовится кармину и разныхъ сортовъ бакаву на сумму около 6,000 рублей серебромъ, на второмъ не болѣе какъ на 2,000 рублей серебромъ. Кошениль приобрѣтается въ С. Петербургѣ; сбытъ издѣлій производится большею частью въ обѣихъ столицахъ. Карминъ заводовъ Волосковыхъ очень уважается въ торговлѣ и принадлежитъ къ лучшимъ изъ приготовляемыхъ въ Россіи.

Хрустальный заводъ въ губерніи только одинъ, Полторацкихъ, въ повоторжскомъ уѣздѣ. На немъ готовится ежегодно разныхъ хрустальныхъ вещей, цвѣтныхъ и бѣлыхъ, на сумму до 20,000 рублей серебромъ. Мастеровыхъ и чернорабочихъ на заводѣ, изъ своихъ крестьянъ, 100 человекъ. Бѣлый песокъ для завода приобрѣтается въ Москвѣ и зубцовскомъ уѣздѣ; поташъ и селитра въ Москвѣ и на нижегородской ярмаркѣ; сурикъ, марганецъ, мышьякъ, смальта и другіе матеріалы въ С. Петербургѣ; глина для печей въ Москвѣ и ржевскомъ уѣздѣ; — для дойницъ въ демьянскомъ уѣздѣ, новгородской губерніи. Главный сбытъ издѣлій производится въ Москвѣ, на нижегородской ярмаркѣ и въ Твери. Заводъ Полторацкихъ довольно хорошо устроенъ, въ особенности шлифовня; произведенія его почти ни въ чемъ не уступаютъ произведеніямъ лучшихъ въ Россіи заводовъ Мальцовыхъ, Бахметева и Орлова.

Стекланныхъ заводовъ въ губерніи 7; на 3-хъ изъ нихъ производится аптекарская посуда, а на 4-хъ оконничное листовое стекло; цѣнность производства всѣхъ этихъ заводахъ простирается до 133,000 рублей серебромъ; рабочихъ на нихъ до 180 человѣкъ.

На заводѣ Ладыженскаго, въ корчевскомъ уездѣ, производится ежегодно разной аптекарской посуды, бѣлаго и зеленого стекла, на сумму до 95,000 рублей серебромъ; рабочихъ 27 человѣкъ. На заводѣ иностранца Ланко, въ томъ же уездѣ, производится посуды, бѣлой и зеленой, на сумму до 7,000 рублей серебромъ; мастеровыхъ и чернорабочихъ 16 человѣкъ; въ томъ числѣ иностранцевъ 6. Заводъ г-жи Тяжеловой, въ калужскомъ уездѣ, производитъ посуды въ годъ на сумму до 15,000 рублей серебромъ; на немъ мастеровъ и чернорабочихъ изъ вольнонаемныхъ 29 человѣкъ, въ томъ числѣ 6 иностранцевъ.

Сбытъ издѣлій съ этихъ 3-хъ заводовъ производится преимущественно въ Москвѣ. Главные матеріалы для выдѣлки ихъ приобретаются также въ Москвѣ.

Изъ 4-хъ заводовъ для выдѣлки оконничнаго стекла, три выдѣлываютъ бѣское, а 1 зеленое. На заводѣ г-на Львова въ вышневолоцкомъ уездѣ производится ежегодно стекла до 800 полулящиковъ. Мастеровыхъ и чернорабочихъ, изъ своихъ крестьянъ, 26 человѣкъ, въ томъ числѣ 5 иностранцевъ. Кромѣ бѣскаго стекла этотъ заводъ назадъ тому года три, выдѣлывалъ зеркала, но теперь, по небольшой выгодѣ отъ этого производства, выдѣлка ихъ оставлена. Матеріалы для выдѣлки стеколъ приобретаются: поташъ въ Москвѣ, соль въ Вышнемъ-Волочкѣ, песокъ въ новоторжскомъ уездѣ, известь на мѣстѣ, глина въ Петербургѣ и новгородской губерніи, въ демьянскомъ уездѣ. Сбытъ издѣлій производится въ Москвѣ. На заводѣ г. Генике, въ корчевскомъ уездѣ, производятъ стекла около 1,000 полулящиковъ въ годъ; мастеровъ иностранцевъ 5, мастеровыхъ и чернорабочихъ изъ своихъ крестьянъ 25 человѣкъ. Главный сбытъ стекла въ Москвѣ. Матеріалы для выдѣлки стекла приобретаются: поташъ на нижегородской ярмаркѣ, бѣлый песокъ въ Дмитровѣ, московской губерніи, известь въ Москвѣ, соль въ Корчевѣ, глина въ демьянскомъ уездѣ, новгородской губерніи, и въ Москвѣ.

Издѣлія Львова и Генике принадлежатъ къ лучшимъ въ Россіи.

На заводѣ Жеребцовой, въ оставковскомъ уездѣ, выдѣлывается зеленое оконничное стекло. Чернорабочихъ и мастеровыхъ,

изъ своихъ крестьянъ, до 20 человекъ. Этотъ заводъ въ совершенномъ упадкѣ, такъ что выработываетъ менѣе 100 полушницъ въ годъ. Сбытъ его издѣлій производится частью въ Осташковѣ, частью на мѣстѣ.

Фаянсовыхъ заводовъ 2; они готовятъ различныя издѣлія изъ бѣлой и желтой глины, на сумму до 4,700 рублей серебромъ; рабочихъ на заводахъ до 220 человекъ. Лучшій изъ фаянсовыхъ заводовъ, заводъ Ауербаховъ въ корчевскомъ уѣздѣ; на немъ выработывается въ годъ на сумму до 40,000 рублей серебромъ; рабочихъ, изъ своихъ крестьянъ, около 175 человекъ.

На заводѣ Ширококова, въ вышневолоцкомъ уѣздѣ, мастеровыхъ и чернорабочихъ до 47 человекъ.

Главный сбытъ издѣлій этихъ двухъ заводовъ производится въ С. Петербургѣ и Москвѣ. Матеріалы же для выдѣлки ихъ приобретаются: бѣлая глина въ Глуховѣ, черниговской губерніи, желтая для перваго завода въ останковскомъ, для втораго въ вышневолоцкомъ уѣздѣ; поташъ и бѣлый песокъ въ Москвѣ, полевой шпатель, сурникъ, кварцъ и другія вещества въ С. Петербургѣ.

Гг. Ауербахъ имѣютъ привилегію на свои издѣлія; изъ издѣлій, приготовляемыхъ на заводахъ г-на Ширококова, хороши только выдѣливаемые изъ желтой глины (бланжевыя).

Гончарныхъ заводовъ въ губерніи 10; они занимаютъ исключительно приготовленіемъ кафель (изразцовъ) и выдѣливаютъ ихъ до 83,500 штукъ, на сумму до 5,000 рублей серебромъ, рабочихъ до 30 человекъ. Изъ числа заводовъ: въ Твери 3, въ Ржевѣ 3, въ Торжкѣ 1, въ Калязинѣ 3. Глина и песокъ употребляемые на выдѣлку кафель приобретаются на мѣстѣ; прочіе же матеріалы, служащіе для глазури, — большею частью въ Москвѣ. Сбытъ кафель производится на мѣстѣ. О выдѣлкѣ горшковъ и глиняной посуды мы говорили уже въ статьѣ о промыслахъ губерніи.

Кирпичныхъ заводовъ въ губерніи 23; они готовятъ, такъ называемаго, податнаго кирпича до 2,750,000 штукъ, на сумму до 15,000 рублей серебромъ, рабочихъ до 160 человекъ. На большей части кирпичныхъ заводовъ, какъ мы уже замѣтили и прежде, работаютъ женщины новоторжскаго уѣзда, весьма искусны въ этомъ дѣлѣ. Изъ числа заводовъ въ Старичѣ 2, въ Ржевѣ 2, въ Вышнемъ Волочкѣ 2, въ Торжкѣ 2, въ Твери 5, въ Бѣжецкѣ 5, въ Кашинѣ 4, въ Корчевѣ 1. Изъ нихъ только 4 принадлежатъ

мѣщанамъ, всѣ другіе купцамъ. Сбытъ кирпича производится на мѣстѣ.

Кромѣ изчисленныхъ заводовъ много кирпичу готовится на небольшихъ заведеніяхъ и крестьянами, особенно въ калининскомъ и острогожскомъ уѣздахъ. Сбытъ кирпича производится частью въ городахъ тѣхъ уѣздовъ, въ которыхъ онъ выдѣлывается, частью на мѣстѣ.

Колокольный заводъ въ губерніи одинъ, въ Твери, принадлежитъ купцамъ братьямъ Капустинымъ; отливаютъ разной величины колокола отъ 10 фунтовъ до 1,000 пудъ. Мастеровыхъ и чернорабочихъ при заводѣ 5 человекъ. Колоколовъ отливается ежегодно по заказу около 1,000 пудовъ, на сумму до 12,000 рублей серебромъ. Матеріалы, нужные для отливки, приобретаются болшею частью въ Москвѣ.

Чугунолитейный заводъ, также одинъ въ губерніи, въ Старицкомъ уѣздѣ, принадлежитъ помѣщику Шеляхову. На немъ отливаются разныя вещи изъ стараго чугуна, какъ-то: кухонныя плиты, зубчатая колеса, колеса для тачекъ и оси для колесъ. Для растапливанія чугуна находится на немъ 1 вагранка съ двумя кузнечными мѣхами, приводимыми въ движеніе коннымъ приводомъ; самая же отливка вещей производится въ сыромъ пескѣ. На этомъ заводѣ отливаются вещи болшею частью по заказу, до 2,500 пудъ въ годъ, на сумму около 3,000 рублей серебромъ. Мастеровыхъ на заводѣ 8 человекъ. Старый чугуны приобретаются въ разныхъ мѣстахъ тверской губерніи.

Жельзорьзальный заводъ, вновь устроенный въ Твери купцомъ Назаровымъ, разрѣзываетъ частью шинное, частью полосовое желѣзо, которое употребляется послѣ на выдѣлку гвоздей.

О развитіи различныхъ промысловъ металлических издѣлій, наприкладъ выдѣлкѣ гвоздей, топоровъ, косъ, серповъ, возницъ и тому подобнаго, мы говорили уже при описаніи промысловъ тверской губерніи.

Изъ описанныхъ мануфактурныхъ заведеній, находится:

въ бездѣйствіи:

Крупяныхъ	10.
Химическій	1.
Кожевенный	1.
Связочный	1.
Кирпичный	2.
Винокурный	1.

Писчебумажная	1.
Паточный	1.
<hr/>	
Итого	18.

Не въ полномъ дѣйствіи:

Химическій	1.
Стекланный	1.
Крахмальный	1.
Сигарная фабрика	1.
Желтзоръ альный	1.
<hr/>	
Итого	5.

Изъ всего сказаннаго видно, что мануфактурной дѣятельностью занято наибольшее число рукъ въ губерніи на пенькопрядильныхъ и бумагопрядильныхъ заведеніяхъ; потомъ на кожевенныхъ заводахъ, на фабрикахъ бумажныхъ издѣлій, на винокуренныхъ и саяисовыхъ заводахъ. — По цѣнности производства на первомъ мѣстѣ стоятъ винокуренные заводы, потомъ кожевенные, пенькопрядильные и бумагопрядильные. — Всѣхъ дѣйствующихъ фабрикъ и заводовъ въ губерніи 402, на нихъ рабочихъ въ 1845 году было 4,838 человекъ, цѣнность производства фабрикъ и заводовъ простирается до 2,248,000 рублей серебромъ.

Если прибавимъ къ этой суммѣ еще сумму, на которую выдѣляется гвоздей, топоровъ и другихъ желѣзныхъ издѣлій	700,000 р. с.
Сапоговъ, башмаковъ и другой обуви	350,000 р. с.
Холщевыхъ мѣшковъ	20,000 р. с.
Горшковъ и другихъ глиняныхъ издѣлій	16,000 р. с.
Вываривается клею на кожевенныхъ заводахъ	10,000 р. с.
То получимъ весь оборотный капиталъ ремесленной и мануфактурной промышленности губерніи почти на	3,345,000 р. с.

Сдѣланное нами описаніе фабрикъ и заводовъ даетъ понятіе о развитіи мануфактурной дѣятельности вообще въ губерніи, показываетъ какія отрасли промышленности идутъ впереди другихъ, и объясняетъ какая дѣятельность находится въ наибольшемъ развитіи. Для уясненія послѣдняго мы представимъ перечень въ какихъ уѣздахъ какія именно фабрики и заводы находятся въ большемъ развитіи. Въ Твери всѣхъ фабрикъ и заводовъ 62; производить на 161,340 рублей серебромъ. Изъ числа ихъ первое мѣсто, по количеству производства, занимаютъ кожевенные (3) заводы, производящіе на 28,000 рублей серебромъ,

потомъ пенькопрядильные (7) и крупяные (18) выработывающіе на сумму до 23,000 рублей серебромъ. Въ *тверскомъ уездѣ* есть сыроварни и винный заводъ, производящіе на 15,000 рублей серебромъ. Въ *Торжокъ* всѣхъ мануфактурныхъ заведеній 52, которые производятъ на сумму до 226,860 рублей серебромъ; изъ нихъ на первомъ планѣ по производству—тоже кожевенные (12) и солодовенные заводы (18); на первыхъ производится на сумму до 77,150 рублей серебромъ, на вторыхъ— до 110,500 рублей серебромъ. Въ *новоторожскомъ уездѣ* 9 фабрикъ и заводовъ, производящихъ на 150,000 рублей серебромъ. Самый большой заводъ въ уездѣ винокуренный, производящій на 100,000 рублей серебромъ, а послѣ него замѣчательнѣе хрустальный въ с. Озерецкомъ, выработывающій на сумму до 20,000 рублей серебромъ. Въ *Корчевѣ* всего 4 небольшихъ завода, выработывающихъ на 5,800 рублей серебромъ. Въ *корчевскомъ уездѣ* 16 фабрикъ и заводовъ, производящихъ на 213,850 рублей серебромъ: основаніемъ здѣшнихъ заводовъ служитъ богатство топлива; изъ числа ихъ главнѣйшіе химическіе заводы при с. Старинькомъ, производящіе на 60,000 рублей серебромъ, и стеклянные заводы при с.с. Елисаветинѣ и Харитоновѣ, производящіе на сумму до 66,000 рублей серебромъ. Въ *Кашинѣ* 19 заводовъ, производящихъ не болѣе какъ на 15,650 рублей серебромъ; въ *кашинскомъ уездѣ* 4 фабрики и завода, выработывающіе на сумму до 15,600 рублей серебромъ. Замѣчательныхъ заводовъ нѣтъ. Въ *Калозинѣ* 39 фабрикъ и заводовъ, производящихъ на сумму до 118,380 рублей серебромъ. Важны крахмальные заводы (10), выработывающіе на сумму до 84,000 рублей серебромъ. Въ *калозинскомъ уездѣ* 19 фабрикъ и заводовъ (на 42,500 рублей серебромъ). Большая часть заводовъ (11) крахмальныхъ. Въ *Бѣжецкѣ* 17 фабрикъ и заводовъ (на 19,600 рублей серебромъ). Въ *Бѣжецкомъ уездѣ* есть только сыроварни (3). Въ *Весъегонскѣ* только 2 небольшие завода (на 4,255 рублей серебромъ), а въ его уездѣ есть сыроварни. Въ *Красномъ Холму* 10 небольшихъ заводовъ (на 26,740 рублей серебромъ). Въ *Вышнемъ Волоцкѣ* 6 заводовъ (на 73,500 рублей серебромъ), изъ числа которыхъ важна только мукомольная мельница, производящая на 65,000 рублей серебромъ. Въ *вышневолоцкомъ уездѣ* 4 завода, изъ числа которыхъ стеклянный и фаянсовый производятъ на 35,000 рублей серебромъ. Въ *Осташковѣ* въ особенности развито кожевенное производство; изъ числа 46 фабрикъ и заводовъ, производящихъ на

448,400 рублей серебромъ, кожевенныхъ 40, вырабатывающихъ на 240,000 рублей серебромъ, потомъ замѣчательна бумагопрядильня, производящая на сумму 200,000 рублей серебромъ. Въ *осташковскомъ* уѣздѣ 5 фабрикъ и заводовъ (на 25,840 рублей серебромъ), изъ числа которыхъ самый большой винокуренный заводъ (20,790). Въ *Ржевѣ* 71 фабрика и заводъ, производящіе на 110,215 рублей серебромъ; въ этомъ числѣ 40 небольшихъ пенькопрядильнь, вырабатывающихъ на сумму до 44,400 рублей серебромъ. Въ *ржевскомъ* уѣздѣ замѣчательнъ кожевенный заводъ въ с. *Смыковѣ* (на 40,000 рублей серебромъ). Въ *Зубцовѣ* 6 фабричныхъ заведеній (на 11,100 рублей серебромъ), изъ которыхъ важнѣе другихъ солодовня (на 8,000 рублей серебромъ). Въ *зубцовскомъ* уѣздѣ 4 фабрики и завода, производящіе на 99,000 рублей серебромъ. Важнѣе другихъ винокуренный заводъ въ с. *Вахиновѣ* (53,550 рублей серебромъ), а послѣ него суконная фабрика въ с. *Ашурковѣ* и химическая бѣлильня въ с. *Городищѣ*. Въ *Старицѣ* главные заводы кожевенные; всѣхъ заводовъ 22, которые производятъ на 29,750 рублей серебромъ, а кожевенныхъ 4, производятъ на 18,500 рублей серебромъ. Въ *старицкомъ* уѣздѣ фабрикъ и заводовъ 14 (на 22,900); изъ числа ихъ винокуренные заводы (на 207,200 рублей серебромъ) и сыроварни (на 14,300 рублей серебромъ) стоятъ на первомъ планѣ.

Такова фабричная заводская дѣятельность тверской губерніи. Къ этому надобно еще прибавить до 611 водяныхъ мельницъ и до 1,312 вѣтряныхъ мельницъ въ тверской губерніи, и водяныхъ и вѣтряныхъ, не только совершенно достаточно для снабженія жителей мукою, но на многихъ изъ нихъ, находящихся вблизи судоходнаго пути, перемалывается значительное количество ржи и пшеницы, закупаемыхъ въ низовыхъ губерніяхъ, и провозимыхъ чрезъ тверскую губернію въ Петербургъ.

Замѣчательнѣйшія мельницы находятся въ *Вышнемъ-Волочкѣ*, на рѣкѣ *Цпѣ*; тамъ есть крупчатка, перемалывающая въ годъ тысячъ до 15 четвертей пшеницы, въ томъ же уѣздѣ замѣчательна мельница на озерѣ *Имоложи*. Кромѣ того замѣчательны мельницы: въ *весьеговскомъ* уѣздѣ на рѣкѣ *Кесмыѣ*, при деревняхъ *Крешневѣ* и *Барановѣ*; на рѣкѣ *Ревѣ*, верстахъ въ 5 выше *Бодачева*; въ *новоторжскомъ*: на рѣкѣ *Осугѣ*; въ *тверскомъ*: на рѣкахъ *Тымѣ*, *Кавѣ* и *Оршѣ*; въ *каляинскомъ*: на рѣкѣ *Нерли* одна о 10 поставахъ, другая о 12 и на рѣкѣ *Дубенкѣ* о 10 поставахъ; въ *кашинскомъ*: на рѣкѣ *Медвѣдицѣ*: три мельницы, изъ которыхъ на каждой оборотъ отъ $7\frac{1}{2}$ до 10 и 15,000 ру

Блей серебромъ; въ ржевскомъ: на рѣкѣ Молодомъ Тудѣ, близъ деревни Шпалевой.

Все сказанное о промышленности тверской губерніи, о ея произведеніяхъ и наконецъ о выгодахъ ея положенія между двумя столицами, достаточно объясняетъ какого рода торговля можетъ процвѣтать въ ней, и какъ велико ея вліяніе на благосостояніе жителей. Торговля естественными произведеніями не можетъ быть значительна, потому что они по бѣдности почвы и по неблагоприятному вліянію климата, далеко недостаточны даже для потребленія самихъ туземцевъ; только лѣсъ и известковый камень сбываются ежегодно на значительную сумму въ другія губерніи. Гораздо важнѣе можетъ быть торговля привозными товарами. Число и цѣнность ихъ весьма значительны, потому что въ тверской губерніи, кромѣ собственныхъ постоянныхъ потребителей, всегда бываетъ большое стеченіе пришельцевъ съ разныхъ концовъ Россіи, а произведенія природы и промышленности края далеко не удовлетворяютъ ихъ потребностямъ. Кромѣ того развитію внутренней торговли въ губерніи много способствуетъ развитіе сельскихъ промысловъ, занимающихъ большое число рукъ; издѣлія этихъ промысловъ находятъ для себя обильный сбытъ на многочисленныхъ ярмаркахъ въ городахъ и большихъ селеніяхъ. Но самый многоцѣнный и обширный оборотъ въ тверской губерніи имѣетъ транзитная торговля, заключающаяся въ томъ, что купцы, преимущественно Кашинскіе и Ржевскіе, закупаютъ сырые матеріалы, особенно хлѣбъ и пеньку, въ низовыхъ и замосковскихъ губерніяхъ, и потомъ отправляютъ ихъ въ Петербургъ. Транзитная торговля имѣетъ весьма важное вліяніе на благосостояніе жителей, требуя множество судорбочихъ и подводъ, но естественно способствуетъ развитію и мануфактурной промышленности. Многіе изъ получаемыхъ сырыхъ матеріаловъ обрабатываются въ тверской губерніи, и потомъ уже отправляются въ Петербургъ. Ржевскія пенькопрядильни, оставшковскіе кожевенные и тверскіе желѣзные заводы значительно увеличиваютъ массу богатства губерніи.

Такъ какъ тверская губернія не отдѣлена отъ сопредѣльныхъ къ ней, какими-нибудь торговыми чертами, таможенными, заставными домами и тому подобнымъ, — то ея нельзя разсматривать отдѣльно въ этомъ отношеніи; слѣдовательно, обыкновенное раздѣленіе торговли на внутреннюю, внѣшнюю и транзитную, опредѣленіе баланса и прочее, не могутъ быть представлены во всей ясности и съ должною отчетливостью. Одни и тѣже предметы

тѣмъ же самыми потребителями покупаются и продаются сообразно выгодамъ, представляемымъ измѣненіями цѣнъ. Такъ напримѣръ, тверская губернія постоянно закупаетъ для себя большое количество хлѣба; но жители почти всегда продаютъ хлѣбъ, собираемый съ собственныхъ полей, покупаютъ привозный, чтобъ извлечь выгоды изъ повышенія и пониженія цѣнъ. Уловить всѣ эти видоизмѣненія торговли совершенно невозможно, и должно ограничиться точностью только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она доступна, какъ напримѣръ при описаніи транзитной торговли на вышневолоцкомъ судоходномъ пути.

Тверская губернія не имѣетъ одного какого-нибудь мѣста, которое могло бы назваться главнѣйшимъ въ торговомъ отношеніи. Каждый городъ служитъ центральнымъ пунктомъ для торговли своего уѣзда, распространяя болѣе или менѣе свое вліяніе и на сопредѣльныя къ нему части сосѣднихъ уѣздовъ. Кромя Твери, большое торговое значеніе по своимъ ярмаркамъ имѣютъ города: Весьегодскъ, Вышній-Волочокъ, Торжокъ и Ржевъ.

О КОЛОНИАЛЬНОМЪ И СВЕКЛОВИЧНОМЪ САХАРЪ.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Этотъ продуктъ, съ всеобщимъ распространениемъ его употребленія, сдѣлался однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ торговли во всѣхъ европейскихъ государствахъ и для многихъ изъ нихъ приобрѣлъ особенную важность въ отношеніи къ ихъ политикѣ, финансамъ и разнороднымъ интересамъ торговой, земледѣльческой и мануфактурной промышленности.

Сахаръ принадлежитъ къ числу тѣхъ потребностей, которыя рождаются и возрастаютъ у всѣхъ народовъ съ улучшеніемъ ихъ хозяйственнаго быта, съ успѣхами ихъ благосостоянія; но почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ, естественное развитіе потребленія этого продукта болѣе или менѣе стѣснено ихъ колониальною системою, охранительными тарифами и таможенными пошлинами. Въ новѣйшее время, подъ покровительствомъ высокихъ пошлинъ съ тростниковаго сахара усилилось, въ нѣкоторыхъ странахъ, соперничество съ нимъ свеклосахарнаго производства, развитіе котораго породило новые интересы и усугубило много-

сложность вопроса о сахарѣ въ промышленномъ, финансовомъ и политическомъ отношеніяхъ.

Колоніальная система европейскихъ государствъ предоставила колоніямъ воздѣлываніе сахарнаго тростника съ тѣмъ, чтобы сахаръ сырецъ былъ вывозимъ оттуда не иначе, какъ въ метрополию, и для охраненія выгодъ колоніальныхъ плантаторовъ, обложила высокими пошлинами, либо вовсе запретила къ привозу сахаръ иностраннаго происхожденія. Плантаторы, пользуясь исключительнымъ правомъ на сбытъ своихъ продуктовъ въ метрополию, заставляли тамошнихъ потребителей платить дорого за колоніальный сахаръ, а метрополія, предоставивъ себѣ снабженіе колоній всѣми потребными имъ товарами, въ свою очередь, должна была стараться сбывать ихъ по самымъ выгоднымъ цѣнамъ. Къ перевозкѣ товаровъ между метрополиею и колоніями допущены только національные купеческіе корабли, и оттого возвышается въ ихъ пользу плата за фрахтъ. Кромѣ этой монополіи, умноженію транспортныхъ издержекъ на сахаръ въ особенности способствуетъ то, что колонія должны отправлять его въ неочищенномъ видѣ, и слѣдовательно приходится платить излишній фрахтъ за доставку сахара сырца въ метрополию, для переработки его на тамошнихъ заводахъ. Ко всѣмъ этимъ ограниченіямъ, возвышающимъ стоимость товара, присоединяется, наконецъ, монополія рафинированныхъ заводчиковъ, которые, не будучи стѣсняемы иностраннымъ совѣстничествомъ на внутреннихъ рынкахъ, заставляютъ потребителей платить за сахаръ произвольныя цѣны.

Основанная на такихъ началахъ колоніальная система господствуетъ до сихъ поръ во всѣхъ европейскихъ государствахъ, владѣющихъ колоніями; одна только Англія допустила, и то въ недавнемъ времени, нѣкоторыя изыятія и облегченія въ своихъ таможенныхъ вѣсташовленіяхъ относительно колоній и привоза сахара изъ другихъ странъ.

Во тѣхъ государствахъ, которыя не имѣютъ собственныхъ колоній, охранительныя тарифы ввели монополію рафинированныхъ заводовъ; покровительствуя развитію мануфактурной промышленности вообще, эта тарифная система поощрила учрежденіе заводовъ для рафинированія сахара и увеличила дороговизну его для потребителей, обложивъ рафинированный сахаръ высокою пошлиною, либо вовсе запретивъ его къ привозу.

Независимо отъ монополій, установленныхъ въ пользу владельцевъ сахарныхъ плантацій, кораблехозяевъ и рафинированныхъ заводчиковъ, стоимость колоніальнаго сахара увеличивается еще отъ

защитных пошлин, которыми онъ обложенъ почти повсе-
местно, въ фискальных видахъ.

Подъ влияніемъ этой искусственной дороговизны колоніальнаго сахара, воздвигло и распространилось въ Европѣ свеклосахарное производство. Подъудсъ болѣе или менѣе высокою премією отъ народа, платимаго колоніальнымъ продуктомъ, свекловичный сахаръ вступилъ съ нимъ въ соперничество на внутреннихъ рынкахъ. Отъ развитія свеклосахарной промышленности, значительно распространилось потребление сахара въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ портовъ, и ближайшихъ къ тѣмъ, гдѣ водворилось добываніе его изъ свекловичны. Обязанное своимъ существованіемъ колоніальной политикѣ и тарифамъ, свеклосахарное производство послужило въ облегченію ихъ бремени для потребителей, доставляя возможность приобретать сахаръ дешевле тамъ, гдѣ сбытъ этого продукта стѣсняется его дороговизною. Соперничество свекловичнаго сахару съ тростниковымъ не выходитъ, однако, за предѣлы тѣхъ странъ, въ которыхъ развилась свеклосахарная фабрикація и только тамъ ея успѣхи ограничиваютъ расходъ колоніальнаго сахара; за то въ другихъ странахъ потребление его возрастаетъ, при умѣренныхъ пошлинахъ, которыми онъ обложенъ. Такимъ образомъ, развитіе свеклосахарнаго производства въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы до-сихъ-поръ нисколько не препятствовало распространенію воздѣлыванія сахарнаго тростника въ тропическихъ земляхъ.

По нѣкоторымъ свидѣніямъ съ 1844 до 1848 года производство тростниковаго сахару составляло среднимъ числомъ въ годъ около 52,000,000 пудовъ и распределялось слѣдующимъ образомъ:

Въ Англійской Вестъ-Индіи	8,640,000 пудовъ.
На островѣ Маврикія	2,670,000 —
Въ Остд-Индіи	4,130,000 —
— Сіамъ, Маниль и Китаѣ	1,320,000 —
— Явъ	4,970,000 —
— Куба и Порторико	13,860,000 —
— Бразилія	5,800,000 —
— Луизианъ	4,500,000 —
— Датской и Голландской Вестъ-Индіи	1,463,000 —
— Французскихъ колоній	5,480,000 —

Итого 52,833,000 пудовъ.

Успѣхъ потребленія сахару въ Европѣ благотворствовалъ бы-

строуму размноженію сахарныхъ плантацій: въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, вывозъ сахара изъ тропическихъ странъ простирался до 20,000,000 пудовъ, въ тридцатыхъ годахъ до 35,000,000, а въ сороковыхъ годахъ уже вывозилось не менѣе 45,000,000 пудовъ. Въ нынѣшнее время, значительно усилившейся привозъ сахару изъ Остѣ Индіи, Явы и Бразиліи, вознаградила за уменьшеніе его вывоза изъ англійскихъ и французскихъ вестъ-индскихъ колоній, которыя, впрочемъ, снабжаютъ сахаромъ только свои метрополи.

Слѣдующая таблица показываетъ, въ какой пропорціи распределяется потребленіе сахару въ главнѣйшихъ странахъ.

	Расходъ сахару.	На каждыя жителя.
Въ Великобританіи и Ирландіи	15,000,000 пуд.	21 фунт.
— Соединенныхъ Штатахъ	9,450,000	— 20 —
— Бельгіи: колоніальнаго 875,000 свекловичнаго 350,000 }	1,225,000	— 14 —
— Въ Голландіи	1,200,000	— 13 —
— Франціи: колоніальнаго 6,000,000 свекловичнаго 2,000,000 }	8,000,000	— 9 —
— Нѣмецкихъ земляхъ, внѣ таможеннаго союза.	600,000	— 8 —
— Германскомъ таможенномъ союзѣ: колоніальнаго 4,400,000 свекловичнаго 600,000 }	5,000,000	— 7 —
— Португаліи	630,000	— 7 —
— Испаніи	2,000,000	— 6 —
— Швеціи, Норвегіи и Даніи	780,000	— 4½ —
— Австрійской имперіи: колоніальнаго 2,000,000 свекловичнаго 450,000 }	2,450,000	— 2½ —
— Италіи	1,000,000	— 2 —
— Россіи: колоніальнаго 2,000,000 свекловичнаго 600,000 }	2,600,000	— 1½ —
— Турціи и Греціи	250,000	— 0,9 —
Всего		50,165,000 пудовъ.

Изъ этой таблицы оказывается, что въ потребленіи сахару Россія занимаетъ почти послѣднее мѣсто по пропорціи его на каждыя жителя. Въ Великобританіи и Соединенныхъ Штатахъ эта пропорція въ двадцать разъ болѣе, въ Голландіи и Бельгіи — въ осемь, во Франціи — въ семь разъ, въ германскомъ таможен-

Въ прочихъ государствахъ:

Въ Россіи	5 р. 80 коп.	
— Австрійской имперіи:		
для заводовъ	1 — 45 —	
на потребленіе	2 — 99 —	
— Германсконъ Таможенномъ союзѣ:		
для заводовъ	1 — 50 —	
на потребленіе	2 — 40 —	
— Швеція . . 1 сорта		96½
2 сорта	1 — 93 —	
— Бельгія *		1 — 87½, 1 р. 95 к. и 2 руб.
— Сардинскомъ королевствѣ		1 — 12 —
— Неаполитанскомъ королевствѣ		2 — 88 —
— Северо-Американскихъ Соединенныхъ штатахъ		1 сорта 2 р. —
	2 — 1 — 25 коп.	

Примѣчаніе. Пошлины, означенныя въ этой таблицѣ, взимаются при ввозѣ сахара подъ національнымъ флагомъ, а привозимый на иностранныхъ, непривилегированныхъ корабляхъ, всадъ платитъ надбавочный сборъ.

Рафинированный сахаръ запрещенъ къ привозу въ Россію, Францію и Данію. Въ Швецію, запрещеніе отменно только съ 1849 года и установлена пошлина около двухъ рублей серебромъ съ пуда. Въ Великобританіи существовала запретительная пошлина до іюля 1848 года, а нынѣ рафинированный сахаръ платитъ: колоніальный 1 рубль 70 копѣекъ, иностранный 2 рубля 65 копѣйки серебромъ съ пуда; эти пошлины положено сбавлять ежегодно въ опредѣленномъ размѣрѣ, до іюля 1851 года, а потомъ ввозъ рафинированнаго сахара будетъ дозволенъ, безъ различія происхожденія, съ пошлиною въ 1 рубль 42 копѣйки серебромъ съ пуда.

Въ другихъ европейскихъ государствахъ, рафинированный сахаръ обложенъ слѣдующими таможенными пошлинами:

* Въ Бельгіи низшею пошлиною обложенъ сахаръ, доставленный прямо изъ мѣстъ его происхожденія, средняя взимается съ привозимого изъ за-атлантическихъ странъ, а высшую платитъ сахаръ, привозимый изъ европейскихъ портовъ.

Въ Голландіи	3	руб.	24	коп.	сер.	съ	пуда.
— Бельгіи	3	—	88	—	—	—	—
— Германскою таможенною союзъ	3	—	—	—	—	—	—
— Австрійскою Имперіи	3	—	42	—	—	—	—
— Неаполитанскою королевствѣ	4	—	52	—	—	—	—
— Сардинскою королевствѣ	1	—	87½	—	—	—	—
— Испаніи	3	—	50	—	—	—	—
— Португаліи	2	—	83	—	—	—	—
— Северо-Американскихъ Соединенныхъ штатахъ	3	—	—	—	—	—	—

Если сравнить таможенные пошлины, существующія въ разныхъ странахъ, съ пропорціею расхода сахара на каждого жителя, то, съ перваго взгляда, можно сдѣлать одно общее, самое естественное заключеніе: потребление сахара слабѣе тамъ, гдѣ онъ платятъ высшую пошлину. Этотъ выводъ нельзя, однако, принять за безусловное правило. Успѣхи потребления сахара, какъ и другихъ подобныхъ продуктовъ, зависятъ не только отъ размѣра платимой имъ пошлины, но и отъ степени развитія нуждъ, возрастающихъ съ улучшеніемъ народнаго быта, съ распространеніемъ въ немъ довольства и благосостоянія. Если бы, напримеръ, въ Россіи, гдѣ колоніальный сахаръ платитъ самую высокую пошлину, допустить сбавку ея до размѣра низшей пошлины, взимаемой въ иностраннѣхъ земляхъ, то по одному только уменьшенію этого налога еще нельзя было бы ожидать, что расходъ сахара увеличится вскорѣ до пропорціи вынѣшняго его сбыта въ Великобританіи, Германскомъ таможенномъ союзѣ и другихъ странахъ, далеко опередившихъ Россію въ потребленіи этого продукта. Онъ все еще обходился бы у насъ слишкомъ дорого для многочислѣннѣйшей массы потребителей, и оставался бы для нихъ предметомъ недосыгаемой роскоши, при ограниченнѣхъ нуждахъ ихъ существованія и естественнѣхъ средствахъ къ удовлетворенію необходимѣйшихъ потребностей. Чѣмъ болѣе распространено довольство, содѣйствующее улучшенію народнаго быта, тѣмъ скорѣе развиваются нужды, которыя прежде были ему недоступны: этимъ объясняется значительное приращеніе расхода сахара въ тѣхъ странахъ, гдѣ уже достаточно распространены и умножились способы къ удовлетворенію этой потребности. Въ Великобританіи, пошлина съ колоніальнаго сахара рѣшится взимаемой въ Германскомъ таможенномъ союзѣ, а расходъ сахара на каждого жителя втрое болѣе. Въ Германскомъ

таможенномъ союзѣ, каждыиъ жителеиъ потребляется колоніальнаго сахара въ трое болѣе, чѣмъ въ Австрійской имперіи, хотя пошлина по тарифамъ австрійскому и таможеннаго союза почти одинакова. Въ Россіи колоніальный сахаръ платитъ таможенной пошлыны на 160 процентовъ болѣе, нежели въ Австрійской имперіи; но въ послѣдней, на каждаго жителя приходится сахару только 38 процентовъ болѣе. По этому можно заключить, что расходъ его въ Россіи могъ бы увеличиться до пропорціи, потребляемой въ Австрійской имперіи, хотя бы пошлына и не была уменьшена у насъ до одинаковаго размѣра съ тою, какая нынѣ взимается въ этомъ государствѣ. Потребленіе сахару въ Россіи, несмотря на его дороговизну, значительно распространилось отъ того, что оно возрастало вмѣстѣ съ успѣхами довольства и образованности въ томъ классѣ, который составляетъ зажиточнѣйшую часть народонаселенія. Если допустить, что даже при самой низкой пошлынѣ сахаръ еще не могъ бы войти у насъ въ общее употребленіе, въ такой же пропорціи, въ какой распространился его сбытъ въ другихъ государствахъ, то умѣренная пошлына могла бы по крайней мѣрѣ удешевить этотъ продуктъ для тѣхъ потребителей, которымъ онъ, по своей нынѣшней стоимости, мало доступенъ, или которые, по своимъ нуждамъ и средствамъ, могутъ при сходящійшихъ цѣнахъ увеличить его расходъ. Нынѣ, на каждаго жителя въ Россіи приходится $1\frac{1}{2}$ фунта колоніальнаго сахара, и съ этого количества платится таможенной пошлыны 13 копѣекъ серебромъ.

Тарифныя постановленія главныхъ европейскихъ государствъ представляютъ, какъ въ финансовомъ, такъ и въ коммерческомъ, отношеніи, поучительные результаты, изъ которыхъ обнаруживается вліяніе различныхъ пошлынь на привозъ и потребленіе сахару. Не входя здѣсь въ подробное изслѣдованіе переиѣвъ, послѣдовавшихъ въ этихъ тарифахъ, ограничимся краткимъ обзоромъ важнѣйшихъ результатовъ, которыми сопровождались различныя системы пошлынь съ этого продукта.

Великобританія всегда благопріятствовала привозу сахару изъ своихъ востъ-индскихъ колоній и до новѣйшаго времени стѣсняла ввозъ его не только изъ иностранныхъ земель, но даже изъ собственныхъ ость-индскихъ владѣній. Съ исхода прошлаго столѣтія до послѣдней реформы англійскаго тарифа, годичный привозъ сахару, на внутреннее потребленіе, составлялъ слѣдующія количества:

Съ 1793	—	1800	годъ	2,016,659	центнеровъ.
— 1801	—	1809	—	2,886,304	—
— 1815	—	1819	—	2,854,377	—
— 1820	—	1824	—	3,385,690	—
— 1825	—	1829	—	3,657,739	—
— 1830	—	1834	—	3,941,649	—
— 1835	—	1839	—	3,903,254	—
— 1840	—	1844	—	3,953,694	—

Въ первый періодъ, пошлина на вестъ-индскій сахаръ была возвышена отъ 15 до 20 шиллинговъ, а во второй отъ 10 до 27 шиллинговъ съ центнера, и несмотря на то, привозъ увеличился на 37 процентовъ, во въ третій періодъ, когда пошлина доходила уже до 30 шиллинговъ, потребление нѣсколько уменьшилось. Съ возстановленіемъ прежней пошлины (27 шиллинговъ), привозъ увеличился въ четвертый періодъ на 18 процентовъ; въ пятый періодъ, по случаю уравниванія маврицкаго сахара съ вестъ-индскимъ въ платежѣ таможенной пошлины, привозъ первого нѣсколько увеличился. Въ 1830 году пошлина на вестъ индскій и маврицкій сахаръ убавлена до 24 шиллинговъ, а на остъ-индскій, съ котораго всегда взималось 10 шиллинговъ болѣе, пошлина уменьшена до 32 шиллинговъ съ центнера. Однако эта сбавка была такъ незначительна, что привозъ увеличился въ слѣдующій періодъ (1830—834 годъ) только на 7 процентовъ, а въ послѣдніе два періода оставался почти въ одинаковой пропорціи, даже съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ противъ привоза 1830—834 года. Такимъ образомъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ, пока взималось 2 р. 56 к. и 3 р. 40 к. съ пуда съ колоніальнаго и остъ-индскаго сахара, привозъ его почти нисколько не увеличился. Послѣ перемѣнъ, введенныхъ въ тарифъ съ 1845 года, потребление сахару значительно умножилось, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Сахара оплачено пошлиною:

	Колоніальнаго	Иностраннаго.	Всего.
Въ 1844 году	4,129,345	98	4,129,443 центнера.
— 1845 —	4,779,317	77,307	4,856,624 —
— 1846 —	4,617,509	602,739	5,220,248 —
— 1847 —	4,800,489	974,019	5,779,568 —

И такъ, въ этотъ кратковременный періодъ, потребление сахара возрасло почти на 40 процентовъ.

Важнѣйшія перемѣны въ пошлинѣ на сахаръ послѣдовали на основаніи парламентскихъ актовъ отъ 14 марта 1845 и 18 августа 1846 года. До того времени, сахаръ былъ обложенъ пошлиною, безъ различія сортовъ, колоніальный по 24 шиллинга (около 2 р. 56 к. сер. съ пуда), а иностранннй 63 шиллинга съ центнера (около 6 р. 72 к. сер. съ пуда). Такая высокая пошлина съ иностраннаго сахару равнялась запрещенію его привоза, и оттого, до 1845 года, на внутреннее потребленіе Великобританіи поступалъ только колоніальный сахаръ, расходъ котораго, какъ выше замѣчено, уже не представлялъ никакого приращенія. Парламентскимъ актомъ отъ 14 марта 1845 года уменьшена пошлина съ колоніальнаго сахару, съ раздѣленіемъ его на два разряда: высшую пошлиною въ 16 шиллинговъ 4 пенса обложена бѣлый, а низшая въ 14 шиллинговъ опредѣлена для прочихъ сортовъ сахара сырца. Несмотря на такую значительную сбавку, потребленіе сахару увеличилось только на 15 процентовъ оттого, что колоніальный продуктъ все еще пользовался монополією на внутреннихъ рынкахъ. Послѣдовавшая въ 1846 году сбавка пошлины на сахаръ тѣхъ иностранныхъ колоній, въ которыхъ онъ производится вольною работою, относилась только къ Явѣ и Манильѣ, а потому и не могла имѣть существеннаго вліянія на умноженіе привоза иностраннаго сахару. Наконецъ, парламентскимъ актомъ отъ 18 августа 1846 года разрѣшена ввозъ сахару всѣхъ иностранныхъ колоній, безъ различія, съ пошлиною: на бѣлый по 24 шиллинга 6 пенса, а на прочій по 21 шиллингу; съ іюня 1847 года пошлина уменьшена: съ бѣлаго до 23 шиллинговъ 4 пенса (около 2 р. 48 к. сер.), а съ прочихъ сортовъ до 20 шиллинговъ (около 2 р. 13 к. сер. съ пуда). Уменьшеніе пошлины съ иностраннаго сахару отъ 63 до 20 шиллинговъ, значительно умножило его сбытъ, хотя продуктъ собственныхъ колоній все еще пользовался покровительствомъ тарифа. Въ первый годъ послѣ сбавки пошлины съ иностраннаго сахару, то есть съ августа 1846 по августъ 1847 года, выпущено его на внутреннее потребленіе 1,313,429 центнеровъ, а въ предъидущемъ году только 57,836 центнеровъ. Количество колоніальнаго сахара, оплаченнаго пошлиною въ оба эти періода, было почти одинаково: оно составляло съ августа 1845 года по августъ 1846 годъ 4,665,638 центнеровъ; а втеченіе того же времени, 1846—1847 года 4,665,255 центнеровъ. Такимъ образомъ, послѣ сбавки пошлины на продуктъ иностранныхъ колоній, внутренній расходъ сахару увеличился отъ 4,723,473 до 5,980,684 цент-

версия на 20 процентов. Пропорция иностранного сахара во внутреннем потреблении возрасла въ одинъ годъ отъ 1¼ до 22 процентовъ.

Послѣдствіемъ этой реформы англійскаго тарифа было значительное вращеніе таможеннаго дохода. Въ 1843 году, при пошлинѣ съ колониальнаго сахару въ 24 шиллинга, а съ иностраннаго въ 63 шиллинга, доходъ съ этой статьи тарифа составлялъ 5,067,830 фунтовъ стерлинговъ; послѣ сбавки пошлины съ колониальнаго сахару до 14 шиллинговъ, сумма пошлиннаго сбора въ августу 1846 года значительно уменьшилась: втеченіе года (считая съ августа 1845) собрано пошлинъ только 3,333,444 фунтовъ стерлинговъ, но въ слѣдующемъ году, съ августа 1846 года, по разрѣшеніи привоза иностраннаго сахару съ пошлиною въ 21 шиллингъ, таможенный доходъ возвысился до 4,707,770 фунтовъ стерлинговъ. Усилившееся потребленіе вознаградило ущербъ казны такъ, что въ этомъ году сумма поступившихъ за сахаръ уменьшенныхъ пошлинъ была только на 380,000 фунтовъ стерлинговъ менше, чѣмъ въ 1843 году, хотя пошлина съ колониальнаго сахару убавлена на 40 процентовъ, а съ иностраннаго около 70 процентовъ. Такой результатъ заставляетъ предполагать, что дальнѣйшая сбавка этого налога, благопріятствуя развитію внутренняго потребленія, не только вскорѣ пополнитъ незначительный дефицитъ въ пошлинномъ сборѣ за сахаръ, но будетъ и впредь содѣйствовать умноженію таможеннаго дохода съ этого продукта.

По росписи таможенныхъ пошлинъ на сахаръ, вступившихъ въ силу съ іюля 1848 года, опредѣлена постепенная сбавка ихъ на колониальный сахаръ до іюля 1851 года, а на иностранный до іюля 1854 года, такъ что съ истеченіемъ послѣдняго срока, иностранный сахаръ будетъ платить пошлину наравнѣ съ колониальнымъ въ слѣдующемъ уменьшенномъ размѣрѣ:

Сахарный песокъ :	Съ центнера.	Съ пуда.
Лучшій бѣлый	11 шил. 8 пен. или 1 р. 24 к. сер.	
красный, желтый и бѣлый	10 — — — — 1 — 6 — —	
Сахаръ рафинадъ и леденецъ	13 — 4 — — 1 — 42 — —	

Измѣненіе тарифной системы относительно сахару, увѣщавшееся, въ короткое время, такимъ благопріятнымъ результатомъ

въ финансовомъ отношеніи, имѣло не менѣе важныя и выгодныя послѣдствія для коммерческихъ интересовъ государства. Потребленіе сахара, при прежнемъ тарифѣ, доходило въ 1843 году до 200,000 тоннъ (12,600,000 пудовъ), а въ первый годъ, по введеніи новыхъ пошлинъ возрасло уже до 300,000 тоннъ (18,900,000 пудовъ) или на 50 процентовъ. Если положить среднюю цѣну на сахаръ въ 3 р. сер. за пудъ, то послѣдовавшее, отъ этой перемѣны въ тарифѣ, приращеніе коммерческихъ оборотовъ по разнымъ отраслямъ торговли, простиралось уже около 20,000,000 р. сер. въ годъ; отъ облегченія привоза сахару, купеческое судоходство приобрѣло фрахта на 100,000 тоннъ; съ умноженіемъ подвозовъ понизились цѣны на сахаръ въ пользу потребителей, и мануфактурная промышленность выиграла отъ усилившагося сбыта ея товаровъ въ тѣхъ странахъ, которыя стали доставлять сахаръ въ большемъ количествѣ.

Кромѣ всѣхъ этихъ выгодъ, происшедшихъ отъ умножившагося потребленія сахару, весьма важная въ коммерческомъ отношеніи выгода состоитъ въ томъ, что Англія сдѣлалась общимъ складочнымъ мѣстомъ для сахарной торговли. По отиѣненіи высокихъ пошлинъ, устранявшихъ сахаръ тѣхъ странъ, которыя производятъ его въ значительнѣйшемъ количествѣ, увеличился привозъ этого продукта не только для внутренняго потребленія, но и для заграничнаго отпуска. До новѣйшихъ перемѣнъ въ тарифѣ, весь привозъ сахару составлялъ въ 1844 году 4,880,075 центнеровъ; а въ 1847 году привезено 8,209,527 центнеровъ или почти на 70 процентовъ болѣе. Англія, какъ важнѣйшій въ этой торговлѣ рынокъ, стала привлекать къ себѣ подвозы сахару изъ тѣхъ тропическихъ странъ, которыя прежде отправляли его болѣею частью въ другіе европейскіе порты. Сахаръ, доставляемый нынѣ изъ Кубы, Бразиліи и другихъ мѣстъ въ Англію на складку, сбывается, смотря по обстоятельствамъ, на внутреннее потребленіе, либо въ другія страны Европы. Такимъ образомъ, англійская торговля этимъ продуктомъ приобрѣла, отъ реформы тарифа, обширнѣйшее развитіе, и коммерческимъ ея интересамъ открылись новые источники выгодъ.

Во Франціи, тарифный вопросъ о сахарѣ находится въ совершенно другомъ положеніи: интересы морской торговли, колоній и финансовъ пришли здѣсь въ столкновеніе съ интересами свекло-сахарнаго производства. Развитію этой фабрикаціи, при постепенномъ улучшеніи техническихъ ея способовъ, благоприятство-

вала привозная пошлина съ колоніальнаго сахару. До тридцатыхъ годовъ, пока свеклосахарное производство во Франціи было незначительно, возраставшее въ ней потребление сахару содѣйствовало размноженію сахарныхъ плантацій въ ея колоніяхъ; въ 1814 году добывалось тамъ не свыше 20,000,000 килограммовъ сахару сырца, въ 1820 году вдвое, а въ 1828 вчетверо болѣе. Въ десятилѣтіе, съ 1817 по 1826 годъ, средній привозъ колоніальнаго сахару простирался до 45,000,000, а съ 1827 по 1836 годъ 70,000,000 килограммовъ; въ этотъ періодъ привозъ былъ уже на 55 процентовъ болѣе, но въ слѣдующее десятилѣтіе (1836—1846 годъ) увеличился только на 7,000,000 или на 10 процентовъ. Между-тѣмъ какъ развитіе сахарнаго производства въ колоніяхъ остановилось отъ недостатка свободныхъ земель и прекращенія торга Неграми, выдѣлка свекловичнаго сахару во Франціи не переставала возрастать: въ 1833—1834 годъ выдѣлано до 7,300,000 килограммовъ, въ 1834—1835 годъ 13,230,000, въ 1835—1836 годъ около 33,000,000, въ 1836—1837 годъ 45,000,000, а въ 1837—1838 годъ 49,000,000 килограммовъ. Столь значительному приращенію этой фабрикаціи, подъ покровительствомъ тарифа, много способствовало усилившееся потребление сахару во Франціи и усовершенствованіе способовъ свеклосахарнаго производства. Возвышеніе привозной пошлины съ колоніальнаго сахару въ 1818 году, а еще болѣе введеніе въ 1822 году запретительной пошлины на иностранный сахаръ, обратились въ пользу свеклосахарной промышленности. Изданное въ 1826 году положеніе объ отпусковыхъ преміяхъ съ рафинада, обезпечивъ колоніальному сахару значительный и выгоднѣйшій источникъ на иностранныхъ рынкахъ, содѣйствовало также распространенію сбыта свекловичнаго сахару внутри Франціи.

Правительство, имѣя въ виду съ одной стороны ущербъ казны отъ безпошлинной продажи свекловичнаго сахару, который болѣе и болѣе вытѣснялъ изъ внутренняго употребленія колоніальный сахаръ, платившій высокую таможенную пошлину, а съ другой, признавая необходимымъ поддержать выгоды колоній и портовыхъ городовъ, терпѣвшія въ этой неравной борьбѣ тростниковаго сахару съ свекловичнымъ, установило въ 1838 году акцизъ на сахаръ внутренняго произведенія. По введеніи этого налога и послѣ сбавки пошлины съ колоніальнаго сахару въ 1839 году, многіе свеклосахарные заводы прекратили свое производство (изъ 600 осталось только 450) и число ихъ уменьшилось еще болѣе въ 1840 году, по возвышеніи акциза. Однако

потомъ эта фабрикація опять стала возрастать: въ 1843 — 1844 году добыто свекловичнаго сахару 25,000,000 килограммовъ, въ 1844—1845 году до 36,500,000, въ 1845—1846 году 40,000,000 въ 1846—1847 около 53,500,000 килограммовъ. После постепеннаго возвышенія акциза на свекловичный сахаръ, съ августа 1844 года, цѣна этого акциза равняется пошлинѣ, платимой сахаромъ американскихъ колоній, по 55 фразковъ за 100 килограммовъ (около 4 р. 87 к. серебромъ съ пуда), между-тѣмъ какъ пошлина съ иностраннаго сахару, смотря по его происхожденію, составляетъ отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 12 к. серебромъ съ пуда.

Въ Германскомъ таможенномъ союзѣ, пошлина съ колониальнаго сахару, установленная въ финансовыхъ видахъ, поощрила развитіе свеклосахарнаго производства, которое не встрѣтило здѣсь враждебныхъ интересовъ морской торговли и колоній. Быстрое распространеніе этой промышленности, возбудивъ однако, опасенія на счетъ ущерба въ таможенномъ доходѣ, заставило наконецъ, ввести акцизъ на свекловичный сахаръ. Этотъ налогъ, установленный съ 1 сентября 1841 года постепенно возвышенъ отъ одной трети до одного талера, а съ сентября 1848 года до двухъ талеровъ съ центнера (около 60 к. серебромъ съ пуда). При умѣренной пошлинѣ на колониальный сахаръ, по 1 р. 50 к. серебромъ съ пуда, этотъ незначительный, впрочемъ, акцизъ оставилъ быстрые успѣхи свеклосахарнаго производства: съ 1837—1842 годъ включительно, выдѣлка свекловичнаго сахара возрасла отъ 25,346 до 256,043 центнера, но съ 1843 по 1845 годъ составляла, среднимъ числомъ, въ годъ только 178,563 центнера. Въ два пятнадцатилѣтніе періода, съ 1838 по 1842 и съ 1843 по 1847 годъ, средній привозъ колониальнаго сахару увеличился отъ 1,089,364 до 1,352,767 центнеровъ или на 24 процента, тогда какъ выдѣлка свекловичнаго сахару усилилась въ то же время, только отъ 199,247 до 208,027 центнеровъ или на 4 процента. Въ послѣднее пятнадцатіе, эта фабрикація стала опять возрастать только съ 1846 года: свекловичнаго сахару выдѣлано тогда 222,755 центнеровъ, а въ 1847 году 281,692 центнера. Такие успѣхи ся были поводомъ къ возвышенію акциза на сахаръ внутренней выдѣлки до двухъ талеровъ съ центнера, между-тѣмъ, какъ пошлина съ колониальнаго сахару оставлена въ прежнемъ размѣрѣ.

Въ Австрійской имперіи, при умѣренной пошлинѣ съ колониальнаго сахару, средній привозъ его съ 1831 по 1840 годъ до

ставилъ 408,407 центнеровъ, съ 1841 по 1843 годъ 489,585, а съ 1844 по 1846 годъ 561,161 центнеръ; слѣдовательно потребление возрасло на 37 процентовъ; въ то же время распространилось свеклосахарное производство, преимущественно въ тѣхъ областяхъ имперіи, гдѣ этотъ продуктъ обходится дорого, по отдаленности доставки его изъ портовыхъ городовъ: въ 1845 году считалось во всей имперіи около 100 свеклосахарныхъ заводовъ, въ томъ числѣ 36 въ Венгріи, 25 въ Богеміи, 15 въ Моравіи и 12 въ Галиціи. Все количество свекловичнаго сахара, добытаго въ 1845 году, простиралось до 150,000 центнеровъ. Усиренная пошлина, платимая колоніальнымъ сахаромъ, обезпечиваетъ свеклосахарному производству достаточную премію, въ тѣхъ краяхъ имперіи, гдѣ мѣстныя обстоятельства благоприятствуютъ успѣхамъ этой фабрикаціи. Однако ея развитіе нисколько не препятствовало умноженію привоза колоніальнаго сахара. Такимъ образомъ австрійскій тарифъ достигаетъ финансово-лей цѣли, способствуетъ успѣхамъ потребления этого продукта при соизвѣстности съ нимъ свекловичнаго сахара, и хотя еще примѣтно усилилось въ повѣйшее время, однако австрійское правительство еще не признало необходимымъ установить акцизы на эту отрасль внутренней промышленности.

Въ Россіи, подобно какъ въ Австрійской имперіи и Германскому таможенному союзу, тарифъ не связанъ съ колоніальною системою, для поддержанія которой установлены въ Англіи и во Франціи различныя пошлины на сахаръ. Въ этихъ двухъ государствахъ, тарифный вопросъ о сахарѣ имѣетъ особенную важность не только въ финансовыхъ видахъ, но и въ отношеніи къ интересамъ колоній, морской торговли и купеческаго судоходства, а во Франціи еще касается при томъ интересовъ свеклосахарной фабрикаціи. Напротивъ того, въ Австрійской имперіи и въ Германскомъ таможенномъ союзѣ, колоніальный сахаръ обложивъ производное пошлиною только для таможеннаго дохода; а какъ эта пошлина обратилась и тамъ въ поощреніе свеклосахарному производству, то финансовый вопросъ о сахарѣ коснулся также интересовъ внутренней промышленности. Въ подобныхъ обстоятельствахъ возникаетъ этотъ вопросъ и въ Россіи: имѣтъ ли тарифъ относительно сахара имѣетъ такую же цѣль, какъ тарифъ австрійскій и Германскаго таможеннаго союза, и потому любопытно сравнить результаты этихъ трехъ различныхъ тарифовъ въ отношеніи къ потребленію колоніальнаго сахара.

Среднее количество, оплаченное
пошлиною.

	Пошлина съ пуда.	Съ 1841 по 1843 г.	Съ 1844 по 1846 г.
Въ Австрійской имперіи 1 р. 44 к.		1,713,547 пуд.	1,964,063 пуд.
— Германскомъ таможенномъ союзѣ. 1 — 50 —		3,433,866 —	4,110,313 —
— Россіи. 3 — 80 —		1,803,616 —	1,841,106 —

Въ этотъ кратковременный періодъ, потребление колоніальнаго сахара, при умѣренной пошлинѣ, возрасло въ Германскомъ таможенномъ союзѣ на 19 процентовъ, а въ Австрійской имперіи на 14 процентовъ, не смотря на развитіе тамъ свеклосахарнаго производства; напротивъ того, въ Россіи, при высокой пошлинѣ, ввозъ колоніальнаго сахара увеличился въ это время только на 2 процента, что надлежитъ приписать съ одной стороны дороговизнѣ этого продукта, стѣсняющей его потребленіе, а съ другой—значительному приращенію свеклосахарной фабрикаціи, пользующейся покровительствомъ высокой пошлины, платимой у насъ колоніальнымъ сахаромъ.

Россія, не имѣя владѣній въ тропическихъ странахъ и не будучи связана колоніальною системою, никогда не стѣсняла привозъ сахара особыми тарифными мѣрами, какія введены въ европейскихъ государствахъ, основавшихъ колоніи въ другихъ частяхъ свѣта. Сахаръ всегда допускался въ Россіи къ привозу изъ всѣхъ странъ, безъ различія его происхожденія. Съ начала нынѣшняго столѣтія до 1822 года онъ былъ обложенъ умѣренною пошлиною, а именно: до 1811 года по 1 р. съ 1811 до 1816 года около 1 р. 80 к. (7 р. ассигн.) съ 1816 до 1820 годъ по 1 р. 50 к. съ 1820 до 1821 года по 75 к. въ портовыхъ и 60 к. въ сухопутныхъ таможенныхъ, въ 1821 году пошлина возвышена на 25 к. съ пуда, а тарифомъ 1822 года разрѣшенъ привозъ, только къ портовымъ таможеннымъ, съ пошлиною въ 2 р. 50 к. серебромъ съ пуда. До изданія этого тарифа, привозъ рафинированнаго сахара былъ дозволенъ, за исключеніемъ пятилѣтняго періода съ 1811 по 1816 годъ; пошлина по тарифу 1797 года, существовавшая до 1811 года, составляла съ рафинада 2 р. 40 к., съ мелса 2 р., съ думпа 1 р. 60 к. серебромъ. Средній привозъ, рафинированнаго сахара съ 1800 до 1811 года простирался до 172,760 пудовъ въ годъ. Сахарнаго песку съ 1800 до 1806 года привозилось, среднимъ числомъ, ежегодно по 50,000 пудовъ, а съ умноженіемъ рафинатныхъ заводовъ во время континенталь-

ной системы, средний привозъ въ 1806—1810 году включительно возвышался до 175,000 пудовъ. По запрещеніи привоза рафинированнаго сахару, съ 1811 до 1816 года количество сахарнаго песку, потребнаго для рафинадныхъ заводовъ, составляло, среднимъ числомъ, около 650,000 пудовъ. Тарифомъ 1816 года рафинированный сахаръ былъ вновь разрѣшенъ къ привозу, съ пошлиною по 3 р. 75 к. съ пуда, которая и по тарифу 1819 года оставалась въ силѣ для портовыхъ таможенъ, но въ сухопутныхъ уменьшена до 3 р. 35 к. съ пуда. Въ то же время, пошлина на сахарный песокъ сбавлена отъ 1 р. 50 к. до 75 к. с серебромъ для портовыхъ и до 60 к. съ пуда для сухопутныхъ таможенъ.

Въ теченіе шести лѣтъ (1816—1821 годъ) производство нашихъ рафинадныхъ заводовъ значительно усилилось: по трехлѣтней сложности, привозъ сахару сырца съ 1816 по 1819 годъ составлялъ 580,924 пуда, а съ 1819 до 1822 года 1,030,057 пудовъ въ годъ, то есть на 77 процентовъ болѣе. Напротивъ того, ввозъ рафинированнаго сахару уменьшился тогда отъ 215,514 до 171,005 пудовъ или на 20 процентовъ. Слѣдовательно, пошлина въ 3 рубля 75 копѣекъ съ пуда уже достаточно охраняла выгоды рафинадныхъ заводовъ. По возвышеніи пошлины на сахарный песокъ въ 1821 году, 25 копѣйками на пудъ, прибавлено, въ то же время, 75 копѣекъ къ пошлинѣ съ рафинированнаго сахару и, наконецъ, привозъ его вовсе запрещенъ тарифомъ 1822 года. Съ тѣхъ поръ привозъ сахару сырца по европейской торговлѣ Россіи составлялъ слѣдующія количества:

Въ 1822 году 1,086,526 пудовъ.	Въ 1832 году 1,357,723 пуда.
— 1823 — 878,422 —	— 1833 — 1,537,673 —
— 1824 — 816,963 —	— 1834 — 1,573,874 —
— 1825 — 1,113,203 —	— 1835 — 1,374,826 —
— 1826 — 1,067,387 —	— 1836 — 1,367,440 —
<hr/> Средняя сума 982,520 —	<hr/> Средняя сума 1,442,267 —
Въ 1827 году 1,000,161 —	Въ 1837 году 1,797,449 —
— 1828 — 1,195,919 —	— 1838 — 1,634,718 —
— 1829 — 1,443,897 —	— 1839 — 1,568,343 —
— 1830 — 1,347,400 —	— 1840 — 1,799,712 —
— 1831 — 1,453,639 —	— 1841 — 1,705,299 —
<hr/> Средняя сума 1,288,203 пуда.	<hr/> Средняя сума 1,701,104 пуда.

	Сахару сырца.	Лунна *.	
Въ 1842 году	1,922,562		пудовъ.
— 1843 —	1,782,987		—
— 1844 —	2,133,584		—
— 1845 —	1,315,868	358,807	—
— 1846 —	935,111	779,947	—
— 1847 —	807,272	677,874	—

Средняя сума. . . 1,785,668 пудовъ.

Постоянное умноженіе привоза сахару поддерживалось до 1842 года; въ оба послѣдніе періода, средній привозъ былъ почти одинаковъ, превышая отъ 70 до 80 процентовъ количество средняго привоза въ первое пятилѣтіе.

Разсмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ возрастало потребленіе колоніальнаго сахару, при различныхъ пошлинахъ, втеченіе этихъ двадцати-шести лѣтъ.

По тарифу 1822 года сахаръ сырецъ былъ обложенъ 2 рублями 50 копѣйками серебромъ съ пуда и эта пошлина взымалась до 1832 года. По пятилѣтней сложности отъ 1822 — 1826 годъ до 1827 — 1831 года, средній ввозъ сахару увеличился около 30 процентовъ. Росписью отъ 11 ноября 1831 года пошлина возвышена до 3 рублей 15 копѣекъ серебромъ и съ-тѣхъ-поръ привозъ уже не возрасталъ болѣе въ прежней пропорціи: въ 1832 — 1836 годъ, въ сравненіи съ предъидущимъ пятилѣтіемъ, онъ увеличился только около 12 процентовъ, а въ 1837—1841 годъ около 18 процентовъ; съ 1842 года, послѣ возвышенія пошлины (тарифомъ 28 ноября 1841 года) до 3 рублей 80 копѣекъ съ пуда, средній привозъ сахару въ 1842—1847 годъ увеличился противъ предъидущаго пятилѣтія только на 5 процентовъ.

И такъ возвышеніе пошлины хотя не уменьшило ввоза, однако ослабило пропорцію его приращенія, тѣмъ-болѣе, что подъ вліяніемъ высокой пошлины на колоніальный сахаръ, въ новѣйшее время, значительно распространилось свеклосахарное производство во внутреннихъ губерніяхъ.

Привозъ сахару сырца со времени изданія тарифа 1822 года дозволенный только къ портовымъ таможеннымъ, распредѣлялся по портамъ на слѣдующія среднія количества, по пятилѣтней сложности:

* Привозъ лунна былъ дозволенъ только въ 1845—1847 году.

	Въ С. Петер- бургъ.	Въ Ригу.	Въ Архан- гельскъ.	Въ прочія мѣста
Въ 1827 — 1831 годъ	1,004,523	221,669	52,037	9,974 пуд.
— 1832 — 1836 —	1,226,915	171,098	31,617	12,657 —
— 1837 — 1841 —	1,515,413	146,311	26,016	13,364 —
— 1842 — 1847 —	1,583,666	140,751	37,019	24,432 —

Примѣчанія. 1) Привозъ сахару въ Санктпетербургъ увеличился во второй періодъ на 20 процентовъ, въ третій на 23 процента, а въ четвертый только на 9 процентовъ. Въ отношеніи къ количеству всего привоза, пропорція сахару, привезеннаго къ этому порту, составляла въ первый періодъ около 78 процентовъ, во второй 85 процентовъ, а въ оба послѣдніе періода почти 90 процентовъ. Рафинированные заводы, существующіе въ Санктпетербургѣ, снабжаютъ сахаромъ большую часть Россіи и только въ новѣйшее время сбытъ его въ малороссійскихъ и сосѣдственныхъ губерніяхъ сталъ уменьшаться, отъ распространенія тамъ свеклосахарныхъ заводовъ.

2) Пропорція сахару, привозимаго къ рижскому порту, упала въ каждое пятилѣтіе: привозъ въ послѣдній періодъ былъ на 36 процентовъ менше нежели въ первый. Съ рижскихъ заводовъ сахаръ сбывается въ остзейскихъ и западныхъ губерніяхъ; но въ послѣднихъ онъ уже встрѣчаетъ совмѣстничество свекловичнаго сахара, и вѣроятно оттого уменьшилось рафинированіе на рижскихъ заводахъ.

3) Въ Архангельскѣ, сахаръ, привозимый для тамошнихъ заводовъ, пользуется уступкою въ пошлинѣ на 50 копѣекъ серебромъ съ пуда. Несмотря на то, привозъ къ этому порту весьма незначителенъ и не представляетъ приращенія; въ послѣдній періодъ привезено туда на 40 процентовъ менше нежели въ первый. Архангельскіе заводы сбываютъ свой сахаръ въ губерніяхъ вологодской, вятской и пермской, также на нижегородской и ирбитской ярмаркахъ; но встрѣчаютъ тамъ совмѣстничество сахара, доставляемаго въ большомъ количествѣ изъ Санктпетербурга.

4) Привозъ къ другимъ портамъ,—пзъ которыхъ въ ревельскомъ взимается уменьшенная пошлина какъ въ Архангельскѣ, до сихъ поръ остается весьма маловажнымъ,—и въ послѣдній періодъ составлялъ только $1\frac{1}{2}$ процентовъ всего привоза.

Высокая пошлина, которою сахарный песокъ обложенъ въ Россіи, заставляетъ выписывать изъ за-границы преимущественно

но бѣлый сахаръ, который, по своей высшей добротѣ въ сравненіи съ желтымъ и краснымъ, можетъ выносить эту пошлину, слишкомъ тягостную для низшихъ сортовъ. До сихъ поръ, выдѣлка бѣлаго сахара производится въ значительнѣйшемъ количествѣ только на островѣ Кубѣ, съ котораго получается извѣстный въ торговлѣ гаванскій сахаръ. Бразилія доставляетъ небольшую пропорцію сахара этого сорта, который, впрочемъ, добротою ниже гаванскаго. Такимъ образомъ наши рафинадные заводы, ограничиваясь исключительнымъ употребленіемъ бѣлаго сахару сырца, подвергнувшись въ отношеніи къ его привозу зависимости отъ острова Кубы, тогда какъ во всѣхъ другихъ странахъ Европы, снабжаемыхъ колоніальнымъ сахаромъ, рафинадные заводы употребляютъ преимущественно желтые и красные сахарные пески, которые привозятся изъ разныхъ Антильскихъ острововъ, Бразиліи, Явы, Остъ-Индіи и другихъ мѣстъ. Выгодный и вѣрный сбытъ бѣлаго сахару въ Россіи поощрилъ кубскихъ плантаторовъ къ умноженію выдѣлки пробѣленныхъ песковъ, и доставилъ возможность поддерживать высокія цѣны на этотъ сортъ, тѣмъ болѣе, что островъ Куба служитъ единственнымъ источникомъ, изъ котораго Россія можетъ получать потребную ей пропорцію сахару этого сорта.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЕЛИКОРОССИЙСКИХ ГУБЕРНИЙ.

=

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

=

По раздробленности своей торговли тверская губернія не можетъ быть разсматриваема иначе, какъ въ каждомъ уездѣ отдѣльно:

1) *Осташковскій уездъ*. На 1846 годъ въ городѣ Осташковѣ объявлено купеческихъ капиталовъ: первой гильдіи 1, второй—2, третьей—185. Ярмарокъ въ городѣ назначено три: крещенская 6 января, ниловская 26 мая и преображенская 6 августа; но съѣзда на нихъ никогда никакого не бываетъ. Базаровъ въ году 156. На нихъ денежный оборотъ простирается до 16,000 рублей серебромъ. Продаются разнаго рода жизненные припасы и лыка, сдираемая съ березоваго дерева, по простонародному названію *ракита*, употребляемая для выдѣлки кожъ и юфти. Для продажи городскимъ и уезднымъ жителямъ, по мѣстнымъ свидѣніямъ, осташковскимъ купечествомъ закупается ежегодно: краснаго товара на 4,400 рублей, чаю, сахару, табаку листоваго и курительнаго, мыла, меду, патоки картофельной на 62,000 рублей серебромъ, желѣза на 18,000, масла постнаго и деревяннаго на 19,000, муки ржаной на 97,000, ржи на 50,000, крупъ гречневыхъ на 6,500, ячменя на 5,200, овса на 10,800 рублей, соли на 11,250, муки пшеничной на

120,000 рублей серебромъ. Хлѣбный товаръ и соль ббльшую часть покупаются въ городѣ Рыбинскѣ, и доставляются въ Осташковъ на судахъ по Волгѣ. За провозъ съ пуда платится 16 копѣекъ серебромъ. Зимною же хлѣбъ покупается въ Калугѣ, и сухопутная доставка обходится съ пуда 30 копѣекъ серебромъ.

Часть этого хлѣба отправляется Селигеромъ въ валдайскій уѣздъ, въ село Полново; за провозъ отъ Осташкова до Полнова платится съ пуда по $2\frac{3}{4}$ коп. сер. Прочіе товары привозятся ббльшею частью изъ Москвы, откуда сухопутная доставка обходится съ пуда по 40 копѣекъ серебромъ. Отпускаются изъ Осташкова произведенія тамошней бумагопрядильной фабрики и заводовъ кожевенныхъ и желѣзныхъ, о чемъ было говорено выше.

Ярмарки въ осташковскомъ уѣздѣ бываютъ только въ Селижаровской слободѣ, ихъ три: тронцкая, петровская и сергіевская осенняя. Привозъ на нихъ незначительный; главные предметы продажи составляютъ хлѣбъ и скотъ, покупаемый у окрестныхъ жителей новоторжскими купцами.

2) *Ржевскій уѣздъ.* На 1846 годъ въ городѣ Ржевѣ объявлено купеческихъ капиталовъ 221; изъ числа ихъ: первой гильдіи 4, второй 14 и третьей 203. Ярмарокъ въ Ржевѣ 2, сборная, бывающая втеченіе первой и второй недѣль Великаго поста, и петровская, 26 іюня, продолжающаяся 7 дней. На объ привозится товаровъ на сумму до 90,000 рублей серебромъ. Важнѣйшая изъ ярмарокъ сборная; на нее товары привозятся преимущественно изъ губерній московской, тверской, смоленской и изъ города Рыбинска. Главнѣйшія статьи привоза: бумажныя издѣлія, на сумму 12,200 рублей серебромъ, желѣзо и желѣзныя издѣлія на 6,530 рублей. Сверхъ того, для города и уѣзда ржевскимъ купечествомъ закупаются товары въ Москвѣ: краснаго товара на 100,000 рублей; краски, чаю, табуку курительнаго, разныхъ съѣстныхъ припасовъ, хрусталу, стекла, зеркалъ, фаянсу, мѣховъ, хмѣлю на 120,000 рублей; доставка съ пуда отъ 15 до 30 копѣекъ. Изъ Санктпетербурга идутъ сюда сахаръ, кофе и виноградины вина на 152,000 рублей; доставка отъ 50 до 70 копѣекъ. Изъ Твери получается чулковъ шерстяныхъ на сумму до 2,000 рублей. Изъ Торжка привозится рукавицъ, кожаныхъ на сумму до 5,000 рублей; доставка отъ 10 до 25 копѣекъ. Изъ нижегородской губерніи привозится соли, желѣза, мыла на 155,000; доставка отъ 15 до 25 копѣекъ. Изъ губерній смоленской, орловской, калужской, курской, харьковской и ярославской табуку листоваго, масла коноплянаго, меду, разныхъ крупъ, гороху, патоки картофельной на 222,000; достав-

на отъ 7 до 40 копѣекъ серебромъ. Торговля внѣшняя ржевскихъ купцовъ весьма значительна; она простирается на сумму до 4,000,000 рублей серебромъ; преимущественно торгуютъ пенькою, саломъ, канатною пряжею, коноплянымъ масломъ, хлѣбомъ, льнянымъ семенемъ; все это отправляется къ санктпетербургскому и рижскому портамъ; провозная цѣна водою въ Санктпетербургъ 15 копѣекъ съ пуда; всѣ эти товары закупаются въ губерніяхъ орловской, курской, калужской и смоленской; доставка въ Ржевъ сухимъ путемъ обходится около 20 копѣекъ съ пуда.

Въ ржевскомъ уѣздѣ бываетъ 3 ярмарки.

	На какую сумму привозится.	На какую сумму продается.
1. Крещенская. Въ селѣ Молодомъ Туду	3,285 руб. сер.	2,684 руб. сер.
2. Никольская. — — Молодомъ Туду, 6 декабр.	3,684 руб. сер.	3,438 руб. сер.
3. Тихвинская, въ Тихвинскомъ погостѣ 26 июня.	1,139 руб. сер.	924 руб. сер.

Общій оборотъ на ярмаркахъ ржевскаго уѣзда простирается по привозу на сумму 8,118 рублей серебромъ, по продажѣ 7,026 рублей серебромъ. Главными предметами торговли на этихъ ярмаркахъ бываютъ товары русскаго домашняго произведенія, каковы напримѣръ сукна низкаго сорту, бумажныя и шерстяныя издѣлія, а также хлѣбъ привозимый изъ другихъ уѣздовъ.

3) *Зубцовскій уѣздъ*. На 1846 годъ въ городѣ Зубцовѣ объявлено капиталовъ: 1-й гильдіи 1, 3-й — 28. Въ городѣ базаровъ и торговъ 52, ярмарокъ пять: сырная въ среду сырной недѣли, никольская 9 мая, успѣнская 15 августа, ивановская 12 ноября и никольская 6 декабря; всѣ эти ярмарки продолжаются по двю и по два. На нихъ привозятся русскіе товары, какъ-то напка, свецъ, коленкоръ, выбойки (до 400 кусковъ), платки бумажныя (до 700), пеньки до 5,00 пудовъ, льпу до 150 пудовъ, кожъ и желѣзныхъ издѣлій на 700 рублей серебромъ; хлѣбъ разнаго рода, мука ржаная, овесъ, льняное семя, рыба разнаго сорту, свѣжая и соленая, изъ смежныхъ городовъ, а хлѣбъ крестьянами зубцовскаго и соседственныхъ уѣздовъ. Всего на тѣ ярмарки втеченіе года привозится товаровъ на сумму до 10,080 рублей серебромъ, а продается на 8,275 рублей. Весь денежный оборотъ на ярмаркахъ и базарахъ простирается до 70,000 рублей серебромъ. Сверхъ того, зубцовскимъ купечествомъ для города ежегодно закупается въ Москвѣ: красный товаръ, чай, табакъ листовою, мыло, медъ, масло постное, курительный табакъ, разные съѣстные

припасы, черныи товаръ, хрусталь, стекло, зеркала, фаянсъ и мѣха на 40,300 рублей серебромъ; доставка обходится отъ 20 до 40 копѣекъ серебромъ съ пуда; въ Твери: кожаныя рюхавицы, шерстяныя чулки, поярковыя шляпы и желѣзный товаръ на 2,000 рублей серебромъ; доставка отъ 15 до 28 копѣекъ; въ Санктпетербургѣ: сахаръ, виноградныя вина и кофе на 7,000 рублей; доставка отъ 25 до 40 копѣекъ серебромъ. Въ Рыбинскѣ: соли на 7,700 рублей; доставка отъ 6 до 12 копѣекъ серебромъ. Вывѣзшая торговля зубцовскихъ кушцовъ простирается на сумму до 100,000 рублей серебромъ въ годъ. Главнѣйшія статьи этой торговли: пенька, сало, масло и пшеничная мука, закупаемая въ орловской, курской, калужской и смоленской губерніяхъ. Провозная цѣна въ Зубцовъ сухимъ путемъ обходится до 20 копѣекъ серебромъ съ пуда. Въ Санктпетербургъ отправляются на баркахъ, съ платомъ по 15 копѣекъ серебромъ съ пуда.

Ярмарки въ зубцовскомъ уѣздѣ находятся въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Названіе ярмарокъ.	Гдѣ и когда бывають ярмарки.	На какую	На ка-
		сумму было въ 1846 году привезено товаровъ.	кую сумму не привезено.
		Рублѣ	серебромъ.
1. Хлѣпенская. ...	Въ с. Хлѣпнѣ 6 августа и 1 октября	428	200
2. Колединская. . .	— — Колединѣ 6 января и 25 декабря.	285	171
3. Погорѣльская. —	— — Погорѣломъ городищѣ въ 10 пятницу и 1 октября. .	3,721	2,507
4. Ульяновская. . .	— — Ульяновскомъ 15 августа и недѣльная.	857	828
5. Романовская. . . .	— — Романовѣ 9 мая и 6 декабря	428	260
6. Степуринская. —	— — Степуринѣ 18 августа. . .	400	228
7. Первитинская. —	— — Первитинѣ 8 июля.	628	514
8. Терешковская. —	— — Терешковѣ 29 мая.	57	28
9. Городищенская. —	— — Городищѣ въ Рождество Христово.	485	114
10. Ивановская. . .	— — Ивановскомъ 24 июня. . . .	142	100
11. Стальпинская. —	— — Стальпинѣ 26 июня.	142	85
12. Никифоровская. —	— — Никифоровскомъ 6 января. .	571	371
Итого. . .		8,144	5,406

Главный предмет торговли на ярмарках заключается въ продажѣ крестьянскаго краснаго товара и домашнихъ крестьянскихъ произведеній, привозимыхъ изъ московской губерши.

4) *Старицкій уездъ*. На 1846 годъ въ городѣ Старицѣ объявлено капиталовъ третьей гильдіи 60. Въ Старицѣ бываетъ только одна ярмарка на девятой недѣлѣ послѣ Святой, называется *девятою лѣтницею*, и продолжается три дня. Главный предметъ привоза составляютъ косы, привозимыя изъ города Рыльска Курской губерши, бумажныя издѣлія изъ окрестныхъ городовъ и лошади. Базаровъ 51; на нихъ, вмѣстѣ съ ярмаркою, продается не болѣе какъ на 15 рублей серебромъ. Для потребленія городскихъ и уѣздныхъ жителей старицкіе купцы закупаютъ въ Москвѣ: краснаго товару на 11,000 руб. сереб., чаю, табаку листоваго и курительнаго, мыла, меду, масла постнаго, съѣстныхъ припасовъ и чернаго товару на 30,000; желѣзнаго товару, хрусталу, стеклу, зеркаль, сѣянса и мѣховъ на 7,800 руб. сереб.; доставка отъ 15 до 20 копѣекъ съ пуда; въ Петербургѣ: сахаръ, виноградныя лиза и шоко на 23,500; доставка отъ 20 до 60 коп. сереб.; въ Торжкѣ и въ Твери: рукавицы кожаныя, чулки шерстяныя, шапки полярковыя на 1,900 руб.; доставка отъ 15 до 20 коп. серебромъ. Въ Рыбинскѣ: соль на 13,500; доставка отъ 5 до 8 коп. серебромъ. Торговля виѣшняя старицкихъ купцовъ простирается на сумму до 185,000 руб. серебромъ. Главныя статьи торговли суть: пенька, сало, масло, мука ржаная, хлѣбъ разнаго рода и вырѣя кожи. Все это покупается частью у окрестныхъ жителей, частью же въ губерніяхъ смоленской, тверской и ярославской, и доставка въ Старицу обходится: изъ смоленской губерши сухопутно отъ 20 до 30 коп. сереб., изъ тверской отъ 4 до 10, изъ ярославской водою отъ 5 до 8 копѣекъ серебромъ съ пуда.

Ярмарки въ старицкомъ уездѣ бываютъ въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Название ярмарокъ.	Гдѣ и когда бывають ярмарки.	На какую	На ка-
		сумму было купе- привезено то- варовъ	кутогда пропре-
		въ 1846 году.	днѣ.
		Рубли серебромъ.	
Мичьковская. . . .	Въ с. Мичьковѣ 2 мая.	4,000	2,300
— —	— десятую пятницу по Пасхѣ. . .	2,000	1,000
Емельяновская. . .	— с. Емельяновѣ 9 мая.	3,000	2,000
Нестеровская. . . .	— — Нестеровѣ въ праздникъ Троицы	5,000	3,000
— —	25 сентября въ праздникъ Сергія.	2,000	1,000
— —	и на пятой недѣли Великаго поста въ субботу.	1,500	800
Кушаловская. . . .	— — Кушаловѣ въ праздникъ Троицы	2,500	1,500
Денежновская. . . .	— — Денежномъ въ праздникъ Вознесенія Господня	2,000	800
Луковниковская. . .	— — Луковниковѣ въ праздникъ Троицы	3,000	1,500
Станишинская. . . .	— — Станишнѣ 20 июля въ празд- никъ Пророка Іліи.	1,000	500
Лотышинская. . . .	— — Лотышинѣ въ праздникъ Преображенія 6 августа. . .	10,000	6,000
Мологнинская. . . .	— — Мологнинѣвъ праздникъ Пре- ображенія	1,500	1,000
— —	и въ праздникъ Мученицы Парасковіи.	600	300
Иваниншская.	— — Иваниншѣвъ праздникъ Успѣ- нія Богородицы 15 августа. .	2,500	1,000
Берновская.	— — Берновѣ въ праздникъ Успѣ- нія Богородицы 15 августа. .	7,000	3,000
Зиновьевская. . . .	— — Зиновьевѣ въ праздникъ Рождества Богородицы 8 сентября.	3,000	1,500
Калицынская.	— — Калицынѣ 15 сентября. . . .	3,500	2,000
Гурьевская.	— — Гурьевѣ 13 сентября.	1,000	700
Старшевичьская. . .	— — Старшевичахъ въ празд- никъ Рождества Богородицы 8 сентября.	500	300
Воеводинская. . . .	— — Воеводинѣ 23 сентября . . .	1,000	600
Никулинская.	— — Никулинѣ городищѣ 8 но- ября.	8,000	4,500
Итого.		58,300	35,500

Главный предмет торговли на ярмарках составляют разные потребности крестьянского быта и домашняго издѣлія.

5) *Тверской уездъ*. На 1846 годъ въ городѣ Твери объявлено купеческихъ капиталовъ: первой гильдіи 1, второй — 19 и третьей — 155, иногородныхъ 4, и иностранныхъ 3. Ярмарокъ въ Твери не бываетъ; базаровъ 156, на которыхъ производится оборотъ на сумму до 55,000 р. с. въ годъ. Для распродажи городскимъ и уѣзднымъ жителямъ тверскимъ купечествомъ ежегодно закупается въ Москвѣ, Санктпетербургѣ и на нижегородской ярмаркѣ: сахару 315,000; чаю, кофе, виноградныхъ винъ, табаку курительнаго и листоваго, меду и разныхъ съѣстныхъ припасовъ на 100,000 р. с.; желѣзнаго товару на 170,000, мыла на 30,000, краснаго товару 36,250, масла коноплянаго на 15,000, зеркалъ и стекла на 3,150. Доставка съ пуда обходится: изъ Петербурга отъ 25 до 40 к. с., изъ Москвы отъ 10 до 20 к. с., съ нижегородской ярмарки водою отъ 10 до 15 к. с. Изъ Рыбновска соли на 21,000 р.; доставка водою отъ 3 до 6½ к. Изъ разныхъ уѣздовъ тверской губерніи полотна на 60,000 р. с. Торговля вѣшняя тверскихъ купцовъ простирается ежегодно на сумму до 1,675,300 руб. сер. Главнѣйшіе предметы вѣшной торговли суть: гвозди, овесъ, желѣзо разныхъ наименованій, мука ржаная, пенька, крупа, сѣмя льняное, рожь, соль, снасти, сырыя кожи, мыло, пшеничная мука и сало. Пенька покупается частью въ смоленской и калужской губерніяхъ, откуда сухопутная доставка до города Твери обходится съ пуда до 20 к. с.; сало и сырыя кожи привозятся изъ тамой губерніи, снасти и значительная часть гвоздей выдѣлываются самими городскими обывателями; соль, желѣзо и часть хлѣба покупаются на пизовыхъ пристаняхъ. Отправленіе товаровъ изъ города Твери на судахъ въ Санктпетербургъ, обходится съ пуда до 10 к. с., сухимъ путемъ до Москвы отъ 6 до 12 к. с.

6) *Корчевской уездъ*. На 1846 годъ въ городѣ Корчевѣ объявлено капиталовъ: первой гильдіи 1, второй — 3, третьей — 28. Ярмарокъ въ городѣ бываетъ три: первая въ родительскую субботу, передъ сырною ведѣлю; вторая 25 марта, въ день Благовѣщенія, третья 14 сентября, въ Воздвиженевъ день. Главный предметъ торговли на этихъ ярмаркахъ — красные и кожевешные товары, и частью сукна; оборотъ на нихъ простирается не болѣе какъ на 3,000 р. с. Кромѣ того въ воскресные дни бываютъ базары, на которыхъ преимущественно продаются съѣстные припасы. Весь оборотъ на ярмаркахъ и базарахъ въ Корчевѣ простирается на 7,252 р. с. Кромѣ того, тамошнимъ купе-

честномъ ежегодно закупается: въ Москвѣ краснаго товара на 1,100 р. с.; чаю, сахару, кофе, виноградныхъ винъ, табаку курительнаго и листоваго на 4,700 р. с.; краски, мыла, масла постелаго, мѣховъ на 1,550 р. с.; разныхъ съѣстныхъ припасовъ на 3,600 р. с.; желѣзнаго товара на 360 р. с.; хрусталу, зеркалѣ и фарса на 775 р. Доставка съ пуда обходится отъ 10 до 15 к. с. Изъ Рыбинска соли на 3,200 р., доставка съ пуда водою отъ 5 до 6 к. Вѣтшая торговля корчевскихъ купцовъ простирается около 17,000 р. с. Главные предметы торговли: пенька, сало, постное масло, овесъ, мука ржаная, соль, сырыя кожи, желѣзо и шпичная мука.

Ярмарки въ корчевскомъ уѣздѣ бывають въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Название ярмарки.	Гдѣ и когда бывають ярмарки.	На какову	На какову
		сумму бы- ло прие- мано те- перу.	сумму бы- ло прие- мано те- перу.
		Рубли	Сереброй.
1. Горницкая	Въ помѣщ. с. Горницахъ 6 января.	1,212	364
2. Быковская	— казен. с. Быковъ 2 февраля	1,852	321
3. Горницкая	— помѣщ. с. Горницахъ на сырной недѣлѣ во вторникъ	1,420	230
4. — —	— Вербное воскресенье	1,292	131
5. Негодяевская	— казен. с. Негодяевъ въ Троицкнхъ день	617	295
6. Горницкая	— помѣщ. с. Горницахъ въ Троицкнхъ день	1,250	530
7. Петровская	Графини Самойловой въ с. Кширъ 29 юня	15,824	3,200
8. Ильинская	Въ каз. с. Ильинскомъ 20 юля	1,120	501
9. — —	— каз. с. Быковъ 20 юля	1,322	399
10. — —	— каз. с. Селиховъ 20 юля	1,401	358
11. Уснѣвская	— пом. с. Горницахъ 15 августа	782	350
12. — —	— пом. с. Федоровскомъ 15 авг.	492	92
13. Сергѣевская	— каз. с. Негодяевъ 25 сентября	694	420
14. Покровская	— с. Кширъ гр. Самойловой 1 окт.	17,000	6,223
15. Временная	— пом. с. Горницахъ 27 октября	1,321	382
16. Михайловская	— каз. с. Ильинскомъ 8 ноября	820	308
17. Екатерининская	— каз. с. Быковъ 24 ноября	1,420	302
18. Рождественская	— пом. с. Горницахъ 25 декабря	1,795	720
Итого		51,634	15,352

Примѣчаніе. Главнѣйшіе предметы торговли на ярмаркахъ бываютъ: разныя крестьянскія издѣлія, домашнія произведенія, простая шерсть, кожевенный товаръ и сапоги; эти товары отпускаются изъ Корчевы въ сосѣдственные города: Тверь, Клинъ, Дмитровъ, Калазинъ, Кашинъ и Бѣжецкъ, и на оборотъ получаютъ для употребленія жителей разныя кожевенные товары.

7) *Кашинскій уѣздъ.* На 1846 годъ въ городѣ Кашинѣ объявлено капиталовъ: первой гильдіи 6, второй гильдіи 7 и третьей 99. Ярмарокъ въ городѣ ежегодно бываетъ двѣ: *сборная* на второй недѣлѣ Великаго поста, продолжающаяся три дня, и *девятая* на девятой недѣлѣ послѣ Пасхи, продолжающаяся два дня. Главный предметъ торговли на первой изъ этихъ ярмарокъ заключается въ льняной пряжѣ, холстѣ, и кромѣ того, въ фарфоровой и фаянсовой посудѣ, желѣзныхъ издѣліяхъ, колесахъ и лошадяхъ. На *девятую* ярмарку, кромѣ вышеозначенныхъ предметовъ, привозятъ овечью шерсть. Всего на первую ярмарку привозится на сумму до 8,200 р. с., а на вторую около 3,200 р. с. Базары бываютъ два раза въ недѣлю; на нихъ втеченіи года продается жизненныхъ припасовъ и разныхъ мелочныхъ товаровъ на сумму до 3,700 р. с. Для мелочной распродажи въ городѣ и уѣздѣ кашинскимъ купечествомъ закупается ежегодно—въ Москвѣ: разнаго краснаго товару и мѣховъ на 17,000 р. с.; краски, чаю, табакъ лѣстового и курительнаго, мыла, меду, масла постнаго, разныхъ съѣстныхъ припасовъ, чернаго товару и зеркалъ на 43,000 р. с.; доставка съ пуда обходится отъ 12 до 30 к. с.; въ Санктпетербургѣ: сахару, кофе, табакъ курительнаго и виноградныхъ винъ, на 24,000 р. с.; доставка съ пуда отъ 40 до 70 к. с.; въ Рыбинскѣ: соли на 10,000 р. с.; доставка отъ 6 до 10 к. с.; въ Ярославлѣ: товара желѣзнаго на 6,000 р. с.; доставка отъ 13 до 22 к. с. за пудъ; на нижегородской ярмаркѣ: рукавицы кожаныхъ на 1,200 р. с.; доставка отъ 35 до 45 к. с. съ пуда; въ Ростовѣ: шляпъ полярковыхъ на 2,100 р. с.; за доставку отъ 15 до 20 к. с.; съ заводовъ тверской губерніи: хрусталу, стеклу, посудѣ фаянсовой и глиняной на 700 р. с.; доставка отъ 10 до 15 к. с. Сверхъ того, для мѣстныхъ и окрестныхъ жителей кашинскимъ купечествомъ закупается въ Рыбинскѣ муки ржаной и пшеничной, овса, крупъ разныхъ сортовъ и гороха на сумму до 120,000 р. с. Трагичная торговля хлѣбомъ производитъ кашинскимъ купечествомъ въ огромномъ размѣрѣ, и доходитъ на сумму до 10,000 р. с. Сверхъ того, замѣчательна фабрикація виноградныхъ винъ купца Терликова, который снабжаетъ отъ

преимущественно низовья губернии. Торговля эта простирается на сумму до 2,000,000 р. с.

Ярмарки въ кашинскомъ уѣздѣ бываютъ въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Название ярмарокъ и прилежащихъ селеній.	Время ярмарокъ.	На закупку сумм у правыхъ было тогда.	
		Рублей	серебрян.
Благовѣщенская въ селѣ Кой.	25 марта, одинъ день.	30,010	15,225
Троицкая тамъ же.	Въ Троицынъ день, одинъ день	29,795	16,533
Ивановская въ селѣ Кесовой-Горѣ.	24 июня, одинъ день.	4,224	2,034
Спасская въ селѣ Кой.	1 августа — —	13,930	8,456
Воздвиженская въ селѣ Поводневѣ	14 сентября — —	26,030	4,930
Касьянская въ селѣ Касьянскомъ.	10 октября — —	14,123	7,221
Лавровская въ селѣ Лавровѣ.	22 октября — —	"	"
Итого. . .		118,114	44,401

Примѣчаніе. Въ селѣ Кой, Кесовой горѣ, Лавровѣ, Васьянскомъ и Савцынѣ производится еженедѣльные базары. Главный предметъ торговли на ярмаркахъ составляютъ сукна русскія, разный красный товаръ, хлѣбъ, частью черепаховыя и роговыя гребенки, телѣги, кожи, сапоги; все это привозится какъ изъ города Кашина съ его уѣздомъ, такъ и изъ сосѣдственныхъ городовъ: Бѣжепка, Краснаго Холма, Углича и Калязина.

8) *Калязинскій уѣздъ.* На 1846 годъ въ городѣ Калязинѣ объявлено купечествомъ капиталовъ: первой гильдіи одинъ, второй гильдіи 3, третьей гильдіи 63, всего 67 капиталовъ. Ярмарокъ въ городѣ ежегодно бываетъ три: 1) алексѣевская 17 марта, привозится товаровъ на 15,386 р. с., продается на 2,952; 2) николевская 9 мая, привозится на 20,923 р. с., продается на 4,102; 3) въ десятую по пасхѣ пятницу, привозится на 15,307 р. с., продается на 2,623. Главный предметъ торговли на этихъ ярмаркахъ красные товары и разныя издѣлія для крестьянскаго быта, провозимые изъ ближайшихъ къ Калязину городовъ: Кашина и Углича. Для мелочной распродажи въ городѣ и уѣздѣ калязинскимъ купечествомъ ежегодно закупается: въ Москвѣ разныхъ красныхъ товаровъ и мѣховъ на 7,500 р. сер.; краски, чай, табакъ листового и курительнаго, мыла, меду, масла постнаго, раз-

ныхъ съѣстныхъ припасовъ в чернаго товару на 25,500 р. сер.; хрусталу, стека и зеркаль на 400 р. сер.; сахару и кофе на 14,000 р. сер.; за провозъ съ пуда отъ 20 до 30 к. сер.; въ Ярославль: желѣзнаго товару на 5,500 р. сер.; доставка отъ 15 до 25 к. сер.; въ Кашинѣ: чулки шерстяные и виноградныя вина на 17,600 р. сер., доставка отъ 5 до 7 к. сер.; въ Рыбинскѣ: соли на 4,900 р. сер.; за перевозъ отъ 4 до 5 к. сер.; на Нижегородской ярмаркѣ: рукавицъ кожаныхъ на 400 р. сер., доставка отъ 35 до 40 к. сер. Вишняя торговля калязнецкихъ купцовъ простирается на сумму до 210,000 р. сер. Главнѣйшія статьи торговли: разнаго рода хлѣбъ и льняное сѣмя, которые закупаются большею частью въ низовыхъ губерніяхъ, и отправляются водою въ Петербургъ; отправка съ пуда обходится 15½ к. сер.

Ярмарки въ калязинскомъ уѣздѣ бываютъ въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Названіе ярмарокъ	Гдѣ и когда бываютъ.	На какую сум- му было приве- чено товару.	На какую сум- му было про- дано.
		Рублей серебромъ.	
Перваго стана.	Въ каз. селахъ: Троицѣ Нерли по понедѣльникамъ еженедѣльные базары, а въ Семендлевѣ по пятницамъ . . .	Въ с. Семендлевѣ на 21,305	15,000
		Въ с. Троицы Нерли на 32,373	18,300
<i>Годовыя:</i>			
Троицкая	Въ с. Троицѣ Нерли въ праздникъ Сош. Св. Духа . . .	21,026	10,315
Семендлевская	Въ с. Семендлевѣ въ недѣлю всѣхъ Святыхъ	19,216	8,390
Портѣцкая	Въ с. Портѣчѣ въ праздникъ Рождества Богородицы . . .	13,520	6,685
Второго стана.			
Еженедѣльные базары	Въ казен. селѣ Толдаиѣ въ воскресные дни	189,500	86,485
<i>Годовыя:</i>			
Ильинская	Въ каз. селѣ Толдаиѣ 20 іюля	1,000	500
Семеновская	Въ селѣ Семеновскомъ, мн. Воронцова, 1 сентября . . .	2,250	1,000
Михайловская	Въ каз. селѣ Толдаиѣ 8 ноября	1,200	600
Рождественская	Въ пом. селѣ Рождествѣ Вьюкахъ 25 декабря	1,800	900
Итого		303,190	148,175

Примѣчаніе. На этихъ ярмаркахъ главный предметъ торговли: ситцы, платая бумажные для крестьянскаго быту, прѣяный товаръ, жиданшныя вѣщасы и разныя крестьянскія надѣля.

Общее замѣчаніе о судоходной торговлѣ по Волгѣ въ тверской губерніи.

Въ 1845 году, по всему теченію Волги, начиная отъ верхово-волоцкого сейшлота до границы ярославской губерніи, вмѣстѣ съ низовьемъ рѣки Тверцы, было нагружено товаровъ на сумму 11,575,448 р. сер., выгружено на 5,398,178, что дѣлаетъ разницу между отпускомъ и привозомъ въ 6,177,270 р. сер. Но эти цифры не выражаютъ баланса между продаваемымъ губерніею и покупаемымъ ею, потому что во-первыхъ, многія суда грузились и потомъ разгружались въ предѣлахъ самой губерніи, слѣдовательно движеніе ихъ должно быть отнесено къ внутренней торговлѣ; во-вторыхъ, самое большое число нагруженныхъ товаровъ закуплено тверскимъ купечествомъ въ смежныхъ губерніяхъ, и такимъ-образомъ не состояло изъ мѣстныхъ произведеній. Большая часть *нагруженныхъ* товаровъ заключала разнаго рода хлѣбъ, муку, солодъ, крупу, пеньку, сало и стекло, а *разгруженныя* — хлѣбъ (особенно пшевицу), соль, желѣзо, разныя краски, металлы и минеральныя вещества, бумагу хлопчатую и масло деревянное.

9) *Новоторжскій уездъ.* На 1846 годъ въ городѣ Торжкѣ объявлено купеческихъ капиталовъ: первой гильдіи 1, второй 7 и третьей 233. Въ городѣ бывають двѣ ярмарки; на каждой изъ нихъ денежный оборотъ простирается до 20,000 р. сер. Главныя предметы торговли: хлѣбъ, лошади, товары кожаные, красные, желѣзные, фруктовые и деревянная посуда. Сверхъ-того бываетъ въ году 5 торговъ, въ первые 4 воскресные дни Великаго поста и 1 октября, и 95 базаровъ. Денежный оборотъ на торгахъ и базарахъ вообще простирается до 40,000 р. с. Ежегодно новоторжскимъ купечествомъ приблизительно закупается: въ Москвѣ краснаго товару на 15,000 р. с.; краски, чаю, табаку листоваго и курительнаго, мыла и меду, масла постнаго и разныхъ съѣстныхъ припасовъ на 36,000 р. с.; чулковъ шерстяныхъ, шляпъ пѣрловыхъ, желѣза, хрусталу, зеркалъ и посуды на 7,000 р. с.; доставка обходится отъ 15 до 20 к. с. съ пуда; въ Петербургѣ: сахару, табаку курительнаго, виноградныхъ винъ и коно на 33,000 р.; доставка по 38. и 35 к. за пудъ; въ Рыбинскѣ:

соли на 21,000 р.; доставка водою, отъ 7 до 8 в. Сверхъ-того, для продажи на мѣстѣ и частью для отправки водою въ Петербургъ, новоторжскими купцами закупается въ годъ разнаго рода хлѣба, особенно овса, крупъ, гороху, солоду ячянаго и ржаного, на сумму до 486,700 р.; доставка водою отъ Торжка въ Петербургъ обходится съ пуда по 10 к., а сухимъ путемъ отъ 25 до 30 к. Въ 1845 г. на новоторжской пристани грузилось товаровъ на сумму 528,785 р., разгрузилось на 435,965 р. Самое большое количество грузившихся товаровъ состояло изъ овса, ячянаго солоду, муки ржаной, солоду ржаного мелкаго и пшеничной муки, а разгрузившихся изъ пшеницы, муки ржаной, соли, ржи и крупъ гречневыхъ.

Ярмарки въ новоторжскомъ уѣздѣ бываютъ въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Названіе ярмарокъ.	Гдѣ и когда бываютъ ярмарки.	На какую сумму привезено товаровъ.	На какую сумму продано.
1. Ивановская ярмарка	Въ пог. Пречистой Каменкѣ 24 іюня	рубли 2,531	серебромъ 1,815
2. Троицкая.	Въ пог. Бараньей-Горѣ въ празд. Сошеств. Св. Духа.	1,983	1,599
3. Ивановская.	Въ с. Выдропускѣ 24 іюня.	886	457
4. Никольская.	Въ селѣ Мѣдномъ 9 мая .	871	450
5. Девятой пятницы .	Въ с. Загорѣ въ девятую пятницу послѣ Св. недѣли.	600	249
Итого		6,871	4,570

Главный предметъ торговли на ярмаркахъ: ситцы, нанки, платки шелковые, бумажные и шерстяные, замки, топоры, косы, желѣзо и бакальный товаръ, изюмъ, черносливъ и прочее; торгуютъ этими товарами мѣщане города Торжка, въ замѣнъ чего покупаютъ у крестьянъ холстъ, сырыя кожи и прочее.

10) *Вышневолоцкій уѣздъ*. На 1846 годъ объявлено въ городѣ Вышнемъ-Волоцкѣ капиталовъ: первой гильдіи 4, второй — 1, третьей — 127. Ярмарка въ году одна, казанская, начинается 8 и продолжается до 20 іюля. Главнѣйшія статьи привозимыхъ изъ разныхъ мѣстъ товаровъ были въ 1844 году шерстяныя матеріи на 46,720 р., шелковыя издѣлія на 95,942, бу-

мажняя на 61,975; фарфоровая, фаянсовая и хрустальная посуда на 4,643 р. Всего привезено было товаров на 208,923 р., продано на 70,297; торговых базаровъ въ году 104; на нихъ продается разныхъ жизненныхъ припасовъ и крестьянскихъ издѣлій на сумму около 12,000 р. Вышневолоцкимъ купечествомъ ежегодно закупается для города и уѣзда: въ Москвѣ: разнаго краснаго товару на 10,800 р.; краски, чаю, меду, разныхъ съѣстныхъ припасовъ, масла маковаго на 32,000 р.; мыла, рыбы корейной, икры, шорнаго товару, бумаги писчей, сургучу, шѣховъ зачатыхъ на 14,200 р.; хрусталу, стекла, фарфору, фаянсу, игрушекъ, серебряныхъ и золотыхъ издѣлій, драгоценныхъ камней, военныхъ вещей на 1,750 р.; провозъ всего этого обходится отъ 20 до 40 и 50 к. съ пуда; въ С. Петербургѣ: сахару, разныхъ съѣстныхъ припасовъ, масла деревяннаго, табаку курительнаго, сигаръ, кофе и виноградныхъ винъ на 38,750 р., провозъ обходится отъ 30 до 50 к. съ пуда; въ Малороссіи: табаку листовнаго на 600 р., доставка отъ 40 до 65 к.; въ Сухиничѣ: масла цостваго на 60,000 р., доставка 40 к. съ пуда; въ Рыбинскѣ: соли на 32,000 р., разнаго рода хлѣба и крупъ на 200,000, доставка водою съ пуда 8 к.; въ Торжкѣ: рукавицъ кожаныхъ на 4,000 р., доставка около 10 к. съ пуда; въ Осташковѣ: сапоговъ на 5,000 р., доставка около 10 к. съ пуда; въ Твери: чулокъ шерстяныхъ, варижскъ, перчатокъ шерстяныхъ, желѣза на 16,300 р., доставка отъ 10 до 20 к. съ пуда; въ Ярославль и Нижнемъ-Новгородѣ: валенокъ и шляпъ помрковыхъ на 2,000 р., доставка сухимъ путемъ около 80 к., а водою около 25 к. Въ 1845 году вышневолоцкимъ купечествомъ отправлено въ Петербургъ разнаго рода хлѣба, крупы и солода на 151,045 р. Грузилось въ этомъ году при вышневолоцкой пристани товаровъ на сумму 468,080 р., разгрузилось на 949,328. Самое большое количество разгруженныхъ товаровъ состояло изъ пшеницы и муки ржаной. Сверхъ того, въ вышневолоцкомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Мстѣ у солвенской пристани, нагружилось товаровъ на 445,573, большею частью предметами, оставшимися отъ зазимовавшихъ судовъ прошлаго года, и отчасти хлѣбомъ, закупленнымъ въ вышневолоцкомъ и смежныхъ съ нимъ уѣздахъ; разгрузилось при солвенской пристани на сумму 14,175 р.

Ярмарки въ вышневолоцкомъ уѣздѣ бывають въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Название ярмарки.	Где и когда бывают ярмарки.	На какую сумму провозного навару.	На какую сумму продажи.
1. Никольская . . .	Въ Николо-Теребенской слободѣ 25 марта и 9 мая	10,000	4,500
2. Троицкая	Въ селѣ Спасѣ Есиповичахъ въ день Святой Троицы	3,000	1,200
3. Мидарская	Въ селѣ Мленѣ 15 августа и 25 ноября	7,000	3,000
4. Удомельская . . .	Привозная Троицко-Удомельская	2,000	1,000
Итого		22,000	9,000

На этихъ ярмаркахъ почти исключительно торгуютъ земледѣльческими орудіями, перепродаются въ небольшомъ количествѣ лошади, и привозятся простыя мануфактурныя произведенія.

11. *Бѣжецкій уѣздъ.* На 1846 годъ объявлено въ городѣ Бѣжецкѣ купеческихъ капиталовъ: второй гильдіи 2, третьей—57. Въ Бѣжецкѣ бываетъ одна ярмарка петровская, 29 іюня и 92 базара. На нѣтъ годовой оборотъ производится на сумму около 11,650 рублей. Предметомъ торговли служатъ преимущественно красный товаръ и равныя потребности сельскаго быта. Для распродажи въ городѣ и уѣздѣ бѣжецкимъ купечествомъ ежегодно закупается — въ Москвѣ: краснаго товару на 7,950 руб.; краски, чаю, табуку листоваго и курительнаго, мыла, меду, масла постнаго и разныхъ съѣстныхъ припасовъ на 22,000 руб.; хрусталу, стекла и зеркалъ на 300 руб., доставка обходится отъ 20 до 40 коп. съ пуда; въ Петербургѣ: сахару, табуку курительнаго, виноградныхъ винъ, кофе и посуды фаянсовой и глиняной на 15,000 руб., доставка отъ 25 до 50 коп.; въ Рыбинскѣ: соли на 4,000 руб., провоза отъ 6 до 12 коп.; въ Ярославлѣ: шорнаго и желѣзнаго товару на 3,500 руб., доставка отъ 15 до 25 коп.; въ Ростовѣ: шляпъ полярковыхъ на 50 руб., доставка отъ 20 до 30 коп.; въ Твери и Кашинѣ чулокъ шерстяныхъ на 150 руб., доставка отъ 10 до 15 коп.; на нижегородской ярмаркѣ: рукавиць кожаныхъ на 900 руб., доставка отъ 40 до 50 коп. Сверхъ-того, для распродажи въ разныхъ мѣстахъ, городомъ закупается примѣрно на 100,000 руб. разнаго рода хлѣбъ, сало, мыло, сѣмя льняное и сырыя кожи. Отправляется изъ Бѣжецка порожнихъ холщевыхъ и шкоча-

до 500,000 штукъ въ городъ Рыбинскъ, и до 200,000 въ Москву, всего цѣною на сумму 84,000 руб. серебромъ. Бѣжецкіе купцы торгуютъ сверхъ-того битою дворовою птицею, яицами, солониною и прочее; но на какую сумму, даже приблизительно опредѣлить невозможно.

Ярмарки въ бѣжецкомъ уѣздѣ бываютъ въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Названіе ярмарокъ.	Гдѣ и когда бываютъ ярмарки.	На закупку сумму привозимо товару.	На закупку сумму продано.
1. Молоковская . . .	Въ с. Молоковѣ въ среду четвертой недѣли Великаго поста .	Рубли серебромъ, 3,050	1,850
2. Порѣцкая	Въ с. Порѣчьѣ въ Троицынъ день	260	1,200
Итого . .		5,650	3,050

Вновь утверждена ярмарка въ селѣ Еськи съ 20 ноября по 1 декабря и каждонедѣльный базаръ по субботамъ.

Главный предметъ торговли на ярмаркахъ: домашнія издѣлія и хлѣбъ, а также привозится изъ Бѣжеца красный товаръ.

12) *Весьегонскій уѣздъ.* На 1846' годъ въ Весьегонскѣ объявлено купеческихъ капиталовъ 18, изъ нихъ одинъ второй, а прочіе 17 — третьей гильдіи. Ярмарокъ въ году четыре: крещенская 10 дней; два сборныхъ воскресенья въ первое и второе воскресенье Великаго поста, и 29 іюня въ день Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, по одному дню; базаровъ 52. Денежный оборотъ на ярмаркахъ и базарахъ 381,115 руб. серебромъ. Самая значительная ярмарка крещенская, на которой обыкновенно городскіе и уѣздные жители дѣлаютъ свои годовыя закупки, такъ что въ остальное время внутренняя торговля въ городѣ совершенно ничтожна. Главныя статьи привоза на ярмарку: мука крупчатка (по 6 руб. сереб. за мѣшокъ) изъ Рыбинска; гвозди (2 руб. сереб. за пудъ) изъ череповскаго уѣзда; масло постное (около 2 руб. 15 коп. за пудъ) изъ Арзамаса; медъ (отъ 4 до 5 руб. сереб. за пудъ) изъ Серпухова, Тулы, Рыльска; семга (отъ 5 руб. до 6 руб. сереб. за пудъ) изъ архангельской губерніи. Кромѣ ярмарки, весьегонскимъ купечествомъ для города и уѣзда закупается втеченіе года — изъ Москвы: красного товара на 650 руб.; кра-

ски, чаю, табаку листового и курительного, мыла, меду, масла постного на 2,400 руб.; разныхъ съѣстныхъ припасовъ на 2,000 руб.; хрусталоу, стекла и зеркалъ на 60 руб., доставка обходится отъ 40 до 50 коп. съ пуда; изъ Петербуга: сахаръ, виноградныя вина и кофе на 1,600 руб., доставка съ пуда отъ 35 до 60 коп.; изъ Ярославля: шорный и желѣзный товаръ на 400 руб., доставка отъ 25 до 35 коп.; изъ Ростова: шляпы полярковыя на 60 руб., доставка отъ 20 до 30 коп.; изъ Рыбинска: соли на 600 руб., доставка отъ 12 до 24 коп.; изъ Твери и Кашина: чулокъ шерстяныхъ на 120 руб., доставка отъ 20 до 25 коп.; съ нижегородской ярмарки: рукавицъ кожаныхъ на 125 руб., доставка отъ 50 до 60 копѣекъ.

Собственно въ городѣ Весьегонскѣ грузилось въ 1845 году 177 судовъ, товаромъ, состоявшимъ частью изъ произведеній весьегонскаго и смежныхъ уѣздовъ, частью же закупаемымъ въ Петербургъ, и отправляемымъ по Мологѣ и Волгѣ въ низовыя губерніи. Вверхъ по Мологѣ къ Петербургу отправлено товаровъ на 192,820 рублей. Грузъ преимущественно состоялъ изъ муки кручатой, муки ржаной, овса, яицъ, масла коровьяго, холста, клею, кожи, сыру, колбасъ, волоса конскаго, свѣчъ сальныхъ и гвоздей желѣзныхъ. Внизъ по Мологѣ отправлено товаровъ на 162,926 рублей; наиболѣе сахару, бумаги, масла деревяннаго, гвоздей желѣзныхъ, мѣшковъ порожнихъ, тряпья, коры, ивовога дегтю и дровъ березовыхъ. Разгрузилось въ Весьегонскѣ прибывшаго съ нижней части Волги товара на 212,037, преимущественно пшеницы, муки ржаной, соли, солоду, гороху, желѣза, крупъ пшеничныхъ и гречневыхъ, овса, ячменя, ржи и рыбы.

Въ городѣ Красномъ Холму купеческихъ капиталовъ объявлено 20, всѣ они третьей гильдіи. Торгъ производится преимущественно разными предметами потребности сельскихъ жителей; въ замѣнъ чего городъ получаетъ полотно, яйца, пряжу, битую птицу (преимущественно гусей), сырыя кожи, сало, масло. Все это развозится на сосѣднія ярмарки или продается на мѣстѣ многолюднымъ закупщикамъ. Базарные дни по вторникамъ; ярмарка никольская съ 1 по 12 декабря; привозится на нее товаровъ на 3,500 рублей, а продается на 3,200. Весь ежегодный торговый оборотъ Краснаго Холма простирается до 50,000 рублей серебромъ.

Слѣдующая таблица показываетъ обороты на ярмаркахъ и базарахъ въ разныхъ другихъ мѣстахъ весьегонскаго уѣзда.

Название артелей.	Год и когда был открытъ артель.	На покупку	Не покуп
		судаму при- лочно-то- артели, продава-	судаму продава-
		Рубль серебром.	
Введенская	Въ с. Суковъ 21 ноября	600	400
Идацовская и Казан- ская	— — Чамеровъ 8 мая и 22 октября.	3,000	900
Идацкая и Пре- ображенская	— — Николъ Высокъ 8 мая и 6 ав- густа. Сверхъ-того, торгуютъ передъ насланицей по двѣ плат- ницы	5,200	1,175
Возмодевальская	— — Чернецковъ 1 июля и 1 но- ября	1,500	400
Снаская	— — Кесьяи 1 августа	400	250
Кириновская	— — Ланской Пустынь 9 июня	6,230	5,500
Воздвиженская	при с. Телятинъ 14 сентября	1,200	650
Остолоповская	Въ с. Остолоповъ 6 и 18 декабря. Сверхъ-того, торгуютъ еже- недѣльно по повѣдальникамъ, начиная съ сентября до рабо- чего времени	3,250	1,900
Боловинская	— — Боловинъ 20 июня и 1 октября.	1,100	550
Мартыновская	— — Мартыновъ 28 октября	300	170
Антоновская	— — Антоновскою 9 мая	200	50
Полянская	— — Полявахъ 9 мая, 15 августа, 21 сентября и 6 декабря	400	60
Михайловская	— — Пятницъ Ельницахъ 8 ноября.	240	115
Волховицкая	— — Волховицахъ 24 июля	1,700	1,100
Ефимьевская и Зна- менская	— — Смердыняхъ 16 сентября и 27 ноября	3,000	1,450
Сандовская	— — Сандовъ 28 октября	2,350	1,035
Михалевская	при д. Михалевъ 15 июля	400	270
Преображенская	въ с. Спасо-Ренской пустынь 6 авг.	415	230
Любегошскія	— — Любегошъ 25 марта, 28 апрѣ- ля, 8 июня, 1 августа, 22 ок- тября, 26 ноября и въ Трои- цкии день	1,500	435
Итого		32,935	19,745

Прилѣчные. Въ вельегономскомъ уѣздѣ на значительныхъ ярмаркахъ болѣе производить торговлю товарами: шелковыми, бумажными выбойками, разными ситцами, нанкою, колескоронь, носумонтами, кожаными рукавицами, кушаками, поясами, перчатками замшевыми, сапогами и валенками, шерстяными, а также мукою и лошадыми.

Транзитная торговля въ тверской губерніи производится посредствомъ судоходства, и только небольшая (сравнительно) ея часть сухимъ путемъ. Почти вся она направляется къ Петербургу, куда выписывается несравненно большее количество товаровъ, чѣмъ доставляется оттуда. Вообще можно сказать, что чрезъ тверскую губернію провозятся въ Петербургъ: а) произведенія губерній смоленской, калужской, орловской, черниговской и частью Украинны; б) московской и губерній, къ ней прилежащихъ, и с) низовыхъ и сибирскихъ губерній.

а) Произведенія губерній, включенныхъ въ первый разрядъ привозятся въ города Ржевъ, Зубцовъ и Старицу сухимъ путемъ въ зимнее время, и также на судахъ рѣками Гжатью и Вазузою. Большая часть этихъ произведеній отправляются потомъ внизъ по Волгѣ до Твери, и оттуда препровождаются вышневолоцкимъ судоходнымъ путемъ въ Петербургъ. Гужемъ возятся товары изъ Ржева въ Осташковъ, и оттуда по старорусскому тракту въ Петербургъ, также изъ Ржева въ Торжокъ, и далѣе по московскому шоссе. Изъ Зубцова товары провозятся обыкновенно въ Ржевъ или Старицу, наконецъ изъ Старицы въ Торжокъ на московское шоссе. Небольшое число поднимается на судахъ вверхъ по Волгѣ и Селижаровкѣ къ Осташкову, откуда переплавляется чрезъ Селигеръ, и выгружается въ деревнѣ Подгорьѣ или селѣ Полновѣ (валдайскаго уѣзда).

б) Изъ Москвы и вокругъ лежащихъ городовъ товары возятся въ Петербургъ частью водянымъ путемъ, а именно: нагружаются на рогачевской пристани, находящейся московской губерніи въ клинскомъ уѣздѣ, оттуда спускаются по рѣкамъ Сестрѣ и Дубнѣ до Волги, а потомъ Волгою и вышневолоцкимъ судоходнымъ путемъ слѣдуютъ въ Петербургъ. Гужемъ возятся товары наиболѣе по московскому шоссе, которое составляетъ важнѣйшій торговый путь въ цѣлой Россіи. Для избѣжанія же дорогихъ цѣнъ за кормы на шоссе и платежа шоссейныхъ денегъ, небольшая часть обозовъ изъ Москвы слѣдуютъ чрезъ Волоколамскъ, Старицу и Осташковъ на старорусскій трактъ, также на Дмитровъ, Кашинь, Красный Холмъ (прямо

или через Бѣжецкѣ, смотря по состоянію дороги), село Кесьму, Устюжну и Тихвинъ въ Петербургъ.

е) Произведенія низовыхъ и сибирскихъ губерній, составляющія самую значительную и многочисленную массу предметовъ внутренней торговли государства, провозятся черезъ тверскую губернію Волгою вверхъ до Твери, и оттуда вышневолоцкимъ судоходнымъ путемъ въ Петербургъ. Меньшее количество товаровъ приходитъ также по тихвинской судоходной системѣ, которая соприкасается тверской губерніи частью рѣки Молога, составляющей границу между весьегонскимъ и череповскимъ (новгородской губерніи) и въ небольшомъ количествѣ съ нижегородской ярмарки. Обозы съ этими товарами слѣдуютъ частью изъ Углича на Бѣжецкѣ и на Вышній-Волочекъ, гдѣ выѣзжаютъ на московское шоссе, частью же поворачиваютъ передъ Бѣжецкомъ на Красный Холмъ, и потомъ черезъ село Кесьму идутъ на Устюжну и Тихвинъ въ Петербургъ.

Число обозныхъ лошадей, проходящихъ черезъ тверскую губернію, по всѣмъ исчисленнымъ дорогамъ, кромѣ шоссе, опредѣлить нѣтъ никакой возможности, даже приблизительно. Выгоды, получаемыя сельскими жителями губерніи отъ этой гужевой транзитной торговли, заключаются въ устройствѣ по дорогамъ множества постоялыхъ дворовъ, гдѣ сбывается извозчикамъ большое количество овса, сѣна и разныхъ съѣстныхъ припасовъ. Чрезмѣрное увеличеніе числа постоялыхъ дворовъ на нѣкоторыхъ торговыхъ путяхъ, какъ напримѣръ на бѣжецко-вышневолоцкой дорогѣ, повредило ихъ хозяевамъ, между которыми многіе черезъ совѣстничество дошли до того, что не получаютъ никакихъ выгодъ отъ своихъ заведеній.

Движеніе судоходства по тверской губерніи, имѣетъ обширное вліяніе на увеличеніе благосостоянія ея жителей, оставляя ежегодно въ предѣлахъ губерніи весьма значительныя суммы. Исчислять, что стоитъ тяга судовъ вверхъ по Волгѣ отъ Рыбинска до Твери, нѣтъ надобности, потому что коноводы занимаются болѣею частью въ ярославской губерніи. Изъ Твери до Ржева и въ мѣста между Ржевомъ и Тверью ежегодно тянется вверхъ по Волгѣ около 250 судовъ; на каждое изъ нихъ можно положить среднимъ числомъ три пары лошадей: каждая пара нанимается по 10 руб. серебромъ, вмѣстѣ съ лоцманомъ и коноводомъ, изъ сего слѣдуетъ что жители получаютъ съ барки примѣрно 30 рублей, а съ 250 барокъ около 7,500 р. серебромъ.

Полагая среднимъ числомъ, что изъ Твери по вышневолоцкому судоходному пути отправляется ежегодно до 4,000 судовъ, можемъ сдѣлать слѣдующій расчетъ: каждая барка тянется пятью парами лошадей; наемъ одной пары отъ Твери до Волочка обходится около 18 рублей, что даетъ 90 рублей на барку, и 360,000 рублей на 4,000 барокъ. На каждую изъ нихъ полагается 5 человекъ (1 лоцманъ и 4 коновода), что даетъ число людей 20,000, а лошадей 40,000.

При сплавноиъ судоходствѣ по Мстѣ на каждую барку нанимается 13 человекъ (лоцманъ, два концовые и 10 человекъ сходочныхъ). Полагая среднимъ числомъ по 8 рублей на человека, выходитъ, что на каждое судно наемъ людей до Петербурга обходится 104 рубля, а на всѣ 4,000 судовъ до 416,000 рублей серебромъ. Число людей, нанимаемыхъ въ тверской губернии, превосходить такимъ образомъ 50,000 человекъ. Сюда не включаются еще тѣ люди, которые берутся для провода барокъ черезъ боровицкіе пороги.

Хотя всѣ эти расчеты сдѣланы приблизительно; но нельзя сомнѣваться, что дѣйствительныя числа скорѣе *больше*, чѣмъ *меньше* выведенныхъ.

О судоходствѣ по вышневолоцкой системѣ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь, для полноты обзора транзитной черезъ губерніи торговли, повѣримъ общіе ея результаты. Въ 1845 году цѣнность товаровъ сѣлпенскаго каравана простиралась до 418,306 рублей серебромъ: весенняго до 11,889,032 рублей серебромъ, лѣтняго до 5,545,528 рублей, осенняго до 4,773,361 рублей серебромъ; какое отношеніе этихъ цифръ на губерніи мы видѣли выше.

Въ заключеніе статьи о торговлѣ тверской губерніи, означимъ сравнительную торговую важность ея городовъ.

Изъ всего вышесказаннаго оказывается, что самыя большіе капиталы сосредоточены въ рукахъ кашинскихъ купцовъ, которые посредствомъ ихъ производятъ огромные обороты торговли хлѣбомъ. Это обстоятельство есть чисто случайное и не зависящее отъ мѣстнаго положенія города, который, можно сказать, остается совершенно чуждымъ этой торговлѣ. По положенію своему, Ржевъ можетъ почитаться важнѣйшимъ торговымъ пунктомъ въ губерніи, составляя складочное мѣсто для произведеній западной и юго-западной Россіи, отправляемыхъ въ Петербургъ, особенно же для торговли пенькою, которой большая часть идетъ за-границу. Казалось бы, Зубцовъ долженъ пред-

ставятъ болѣе удобствъ тѣмъ Ржевъ, находясь при впаденіи судоходной рѣки Вазузы въ Волгу; но торговые обороты этого города весьма незначительны, равно какъ и города Старицы. Второе мѣсто послѣ Ржева занимаетъ Тверь, живущая весьма выгодное положеніе для торговли, составляя центральный пунктъ всѣхъ судоходныхъ линій въ губерніи, и притомъ, по многочисленности своего народонаселенія, заключаая въ себѣ самое большое число потребителей. Корчева и Калязинъ, хотя находятся на самой Волгѣ, но производятъ незначительные обороты; особенно же первый изъ этихъ городовъ, который, въ этомъ отношеніи занимаетъ послѣднее мѣсто въ тверской губерніи. Причина заключается въ томъ, что капиталы, какъ уже выше сказано, сосредоточены въ рукахъ кашинскихъ купцовъ. Вышній-Волочокъ, находясь на верховьѣ сплава судоходства къ Петербургу, имѣетъ большую торговую важность, которая увеличивается особенно тѣмъ, что по раннему вскрытію рѣки Мсты, суда съ солпенской пристани, находящейся въ вышневолоцкомъ уѣздѣ, могутъ первые поспѣвать въ Петербургъ. Торжокъ, не имѣя этой выгоды, уступаетъ по торговой важности Волочку. Весьегонскъ, по положенію своему на части рѣки Мологи, входящей въ составъ тихвинской судоходной системы, составляетъ главный торговый пунктъ всего сѣверо-восточнаго края тверской губерніи. Весьегонская крещенская ярмарка, вмѣстѣ съ вышневолоцкою казанскою — важнѣйшія въ цѣлой губерніи. За тѣмъ остаются еще два города, расположенные на двухъ противоположныхъ концахъ, и оба лишенные выгодъ судоходнаго сообщенія съ Петербургомъ: Осташковъ и Бѣжецкъ. Первый изъ нихъ довольно важенъ своими заводскими издѣліями, которыхъ много отпускается за границу. Торговля втораго производится болѣею частью гужемъ до самаго Петербурга, и преимущественно разными произведеніями сельскаго быта.

V. КРИТИКА.

=

**НАСТАВЛЕНИЕ КЪ УПОТРЕБЛЕНІЮ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ
ВООБЩЕ, и Сльднія о Заведеніи Минеральныхъ Водъ въ Санкт-
петербургѣ, съ указаніемъ химическаго анализа славнѣйшихъ
цѣлебныхъ источниковъ. Доктора Шульца, врача при Заведеніи
Минеральныхъ Водъ. Санктпетербургъ.**

=

Никто болѣе меня не имѣетъ права говорить о минераль-
ныхъ водахъ: я вѣчно болѣнъ, и вѣчно разѣзаю по во-
дамъ. Гдѣ я не былъ за водами? какихъ не посѣщалъ купа-
лень? какихъ чудесныхъ дѣйствій не испытывалъ на себѣ отъ
этихъ цѣлебныхъ влагъ? Въ одномъ только Гангесѣ не при-
велось мнѣ погружаться, несмотря на славу несмѣтныхъ
чудесъ, которыя творить Брама на пользу вѣрующихъ Ин-
дусовъ, утопающихъ тысячами въ спасительныхъ стру-
яхъ посвященной ему рѣки; а то я имѣлъ полный случай пе-
репить всѣ знаменитыя воды — исключая одной Воды Юно-
сти — и доктора чулъ не вымочили меня до-бѣла во всѣхъ воз-
можныхъ купальняхъ, во всѣхъ кипучихъ источникахъ, во
всѣхъ прославленныхъ грязяхъ, во всѣхъ цѣлебныхъ болот-
тахъ, не считая морей Чернаго, Вѣлаго, Краснаго, Желтаго,
Т. ХСVI. — Отд. V.

Нѣмецкаго, Балтійскаго, Каспійскаго, Средиземнаго, и четырехъ океановъ. То есть, собственно сказать, доселѣ я не бралъ въ ротъ ни какихъ минеральныхъ водъ, и даже палца моего не обмакнулъ въ этихъ таинственныхъ жидкостяхъ: я прѣвзжалъ на воды или въ купальни, по точному наставленію врачей, платилъ за положенное число стакановъ, ваннъ и купаній, прилежно смотрѣлъ какъ другіе пьютъ и купаются, и получалъ точно такое же облегченіе, какъ и они. Дѣйствіе бывало всегда совершенно то же: я даже, обыкновенно, уѣзжалъ съ водъ и изъ морскихъ купаленъ гораздо здоровѣе тѣхъ, которые пили и купались. Въ нынѣшнемъ году — если бы Нѣмцы, Французы, Италіянцы, были въ своемъ умѣ — я опять уѣхалъ бы куда-нибудь на воды: врачи совѣтуютъ!.... Но дѣлать нечего: путешествовать за границу нѣтъ возможности. Больные должны сидѣть дома.

Вотъ почему книжка ученаго доктора Шульца, «Наставленіе къ употребленію минеральныхъ водъ», удивительно меня прельщаетъ: она какъ-будто нарочно для меня написана. Все что въ ней сказано о неизяснимыхъ свойствахъ леченій минеральными водами, я видѣлъ лично, и испыталъ на себѣ, глядя только на разныя методы этихъ леченій. Въ нынѣшнемъ году, какъ нѣтъ средства лечиться по глазомѣру, мнѣ пришло въ голову, что можетъ-статься точно также я вылечусь, просто, читая хорошее наставленіе къ употребленію минеральныхъ водъ; и, въ самомъ дѣлѣ, прочитавъ цѣлительное сочиненіе доктора Шульца, мнѣ уже стало легче. Если я успѣю выучить эту книжку наизусть, на пять лѣтъ я буду совершенно здоровъ.

Первое условіе при леченіи минеральными водами — больные должны быть очень веселы, въ прекрасномъ расположеніи духа. Сочиненіе доктора Шульца способствуетъ превосходно къ этой цѣли: оно разсѣваетъ всѣ грустныя мысли и вселяетъ въ васъ примѣчательную веселость. Какъ, напримѣръ, отъ-души не смѣяться, когда докторъ Шульцъ доказываетъ вамъ, что искусственныя минеральныя воды, которыя, по его словамъ, совершенно то же, что и естественныя, выдуманы противъ врачей, а не для больныхъ, и что это —

главная польза отъ нихъ; что, поэтому, онѣ даже лучше, дѣйствительнѣе, цѣлебнѣе естественныхъ? Я не шучу — да и докторъ Шульцъ не шутить: съ перваго взгляду оно — смѣшно, но, если объяснить дѣло обстоятельно, каждый согласится, что авторъ правъ. Вотъ какъ докторъ Шульцъ объясняетъ превосходную мысль свою.

Доктора иногда ошибаются: это почти доказано. Они совѣтуютъ вамъ ѣхать за границу и пить тамъ воду такого-то знаменитаго источника, между-тѣмъ какъ вода эта нейдетъ къ вашей болѣзни или, лучше сказать, къ вашему здоровью, которое она въ состояніи разстроить вконецъ. Вы ѣдете — приѣзжаете — пьете. Мѣстные водяные врачи, изъ усердія къ своимъ водамъ, желали бы, чтобъ весь свѣтъ пилъ непрерывно эти воды, чтобъ онѣ были набиты пациентами, чтобъ слава ихъ гремѣла во всѣхъ концахъ вселенной. Врачи рады вашему приѣзду, рассказываютъ и общаются вамъ чудеса, поятъ васъ методически отвратительной влагой изъ своихъ источниковъ. Вода ихъ явственно вредна вамъ — вы опились ею — уже почти готовы лопнуть — но мѣстные врачи говорятъ: ничего!.... пейте еще!.... надо умножить число стакановъ!.... Имъ жаль выпустить васъ изъ рукъ; вы хорошей пациентъ; вы приѣхали изъ Россіи — слѣдственно, вы богаты: извольте продолжать пить! Наконецъ, здоровье рѣшительно не позволяетъ вамъ лечиться этою водою. Надо ѣхать къ другой, по-чудеснѣе, или по-сходнѣе съ силами. Но время уже прошло; а часто вы и пропили всѣ деньги свои на эту минеральную гадость и путешествовать къ другой — не въ состояніи. То ли дѣло, когда минеральныя воды стряпаются въ кухнѣ, искусственно, по правиламъ химіи, когда всѣ роды водъ собраны въ одно мѣсто, когда въ томъ же заведеніи, гдѣ поддѣлываютъ Карльсбадъ и Баденъ-Баденъ, рядомъ съ Пирмонтомъ вы находите Лукку, рядомъ съ Пиренеями Кавказъ и Везувій! Нейдетъ къ вамъ эта вода — вы отъ нея больны еще хуже: извольте перейти къ слѣдующему крану и отвѣдать другой; а тамъ къ третьему, къ четвертому, къ пятому, пока не попадете на самый приличный для васъ и самый дѣйствительный. Вы можете втеченіе одного лѣта пере-

пробовать всѣ краны, перелечиться **всѣми** водами міра, не выходя изъ одной залы. Для врача, управляющаго заведеніемъ и вашимъ водоемъ, нѣтъ ни пользы ни предлога удерживать васъ **непремѣнно** при такомъ-то кранѣ: аббониментъ одинъ и тотъ же для всѣхъ водъ, всѣ краны равны и какъ-скоро одна вода вамъ не по силамъ, самая заботливость о цѣлебной чести заведенія составляетъ мѣстнаго доктора присовѣтовать вамъ употребленіе другой воды и пустить во чрево ваше струю изъ слѣдующаго крана. Поэтому, и очень справедливо, докторъ Шульцъ, большой поклонникъ генія Струве — Струве первому пришла въ Богемію, лѣтъ двадцать тому, благая мысль поддѣлывать химическимъ искусствомъ минеральныя воды — называетъ эту мысль *великимъ открытіемъ*.

Вы видите какъ это весело! Цѣль искусственныхъ минеральныхъ водъ, слѣдовательно — оградить человечество поддѣлкою, призракомъ, тѣмъ же разныхъ цѣлебныхъ водъ отъ того, чтобы цѣлебныя воды, натуральныя, не разорили здоровья больныхъ, обреченныхъ пользованію ими. Стало-быть, я премудро дѣлалъ, что, разѣзжая по знаменитѣйшимъ минеральнымъ водамъ, глядѣлъ только какъ другіе пьютъ ихъ, а самъ не употреблялъ? Счастливо же увернулся отъ водяныхъ врачей!... по какому-то сверхъестественному инстинкту... потому что книжки доктора Шульца вовсе не зналъ донынѣ.

Въ хорошо написанномъ сочиненіи всѣ положенія, всѣ мысли тѣсно связываются между собою, и поэтому слѣдующее, второе, еще болѣе неоспоримое *доказательство* преимущества искусственныхъ водъ передъ натуральными состоитъ, по моему разумѣнію, въ неразрывномъ соотнесеніи веселости съ предъидущимъ. Въ *нашемъ* (санктпетербургскомъ) заведеніи, говоритъ авторъ, бываетъ даже люди совершенно *здоровые*, у которыхъ нѣтъ и не было *никакой болѣзни* и пьютъ разныя искусственныя цѣлебныя минеральныя воды изъ предосторожности — для того, чтобы, чего доброго, не заболѣть — и что же! — всѣ по-прежнему здоро-

вы, ни одинъ не заболѣлъ, словно ни какихъ цѣлебныхъ водъ не пили — или пили, на здоровье, чистую невскую воду!...

Послѣ этого, я удивляюсь, какъ весь Петербургъ не прибѣгаетъ наливаться съ утра до вечера искусственными минеральными водами въ наше заведеніе! Петербургъ не умѣетъ цѣнить великаго открытія Струве. Петербургъ не благодаренъ — не заболѣваетъ въ достаточномъ числѣ — не лечится довольно усердно, и ему грозитъ, что, по истеченіи срока условію съ владѣльцемъ мѣста, онъ закроетъ одно изъ заведеній — и пусть Петербургъ, вмѣсто искусственныхъ горькихъ водъ Струве, пьетъ изъ тѣхъ же крановъ естественныя сладкія водки Излера! Увидимъ, будетъ ли ему веселѣе отъ нихъ! Угроза страшна; наказаніе будетъ жестоко: но Петербургъ заслужилъ его, прибѣгая въ Заведеніе съ большею поспѣшностью по афишкамъ кандитера Излера, чѣмъ по прейс-курангу водамъ, отлично изготовленнымъ по методѣ Струве. Но меня по-крайней-мѣрѣ авторъ не обвинить въ неуваженіи къ гению этого великаго чловѣка, потому что, по сосѣдству съ однимъ изъ нашихъ заведеній, я каждое утро прихожу поклониться ему; и почти-тельно шагаю отъ семи до десяти часовъ по этимъ непопятнымъ поламъ, подъ этими неузнанными потолками, гдѣ большею частью, одинъ одишешенецъ: то расхаживаю по огромной залѣ, передъ многочисленными кранами съ русскими и нѣмецкими надписями, которыя регулярно читаю съ любопытствомъ и почтеніемъ; то умильно передъ этою огромною батареей всѣхъ возможныхъ искусственно-чудесныхъ водъ, готовую вдругъ брызнуть сотнею могучихъ струй и истребить всѣ возможныя болѣзни—если бы только онѣ сюда явились. Да болѣзни-то не являются! Изъ всѣхъ больныхъ и здоровыхъ, въ-самомъ-дѣлѣ, нерѣдко я одинъ стою передъ этимъ текущимъ арсеналомъ, удивляясь великому открытію Струве и небрежности петербургскихъ злоровяковъ о своемъ злоровѣ; непредусмотрительные! они и не подумаютъ пить здѣсь воды до болѣзни, чтобы никогда не быть больными!...

Изъ благоговѣнія поредъ великимъ открытіемъ я дѣлаю еще болѣе: по воскресеніямъ и средамаъ, нервы во мнѣ лопа-

ются, уши трещать, кожа вся морщится, а я все-таки слушаю музыку, предназначенную вселять веселость въ пациентовъ, которымъ на этотъ конецъ девять или десять разнокалиберныхъ чадъ Аполлона усердно стараются представить образчикъ китайской гармоніи среди цѣлебной пустыни. Въ книжкѣ доктора Шульца я нахожу запрещеніе курить сигары и ѣсть супъ съ петрушкой во время пользованія искусственными водами, потому что эти вещества разстраиваютъ нервы: почему же книжка, которая столько хлопочетъ о нервахъ пациентовъ, не запретить этой невѣроятной музыкѣ играть на своихъ искусственныхъ водахъ?... или не велитъ нанять хорошій оркестръ?... Въ Москвѣ, гдѣ я тоже ходилъ однажды два мѣсяца сряду смотрѣть, какъ пьютъ воды, и получилъ удивительное облегченіе — рѣшительно то же самое дѣйствіе какъ и тѣ, которые пили — *ежедневно* съ шести до десяти часовъ утра — играетъ отличный оркестръ, одинъ изъ лучшихъ во всемъ городѣ, и на тамошнихъ Водахъ посѣтителей и водопійцевъ — всегда множество. Я готовъ думать, что многія болѣзни, которыя кое-какъ *перенесли* бы минеральныя воды, не *переноситъ* этой музыки и оттого ихъ здѣсь такъ мало.

Мало того, что минеральныя воды—такое цѣлебное средство, которое, прежде всего надо быть въ силахъ *переносить* при употребленіи такого превосходнаго средства — и докторъ Шульцъ особенно настаиваетъ на это — главное, надо выкинуть себѣ изъ головы, что это воды и что вы ими вылечитесь — надо ихъ забыть — отнюдь *не думать*, что вы ихъ пьете и для чего пьете; а вспомнилъ вы на-бѣду однажды, такъ и все дѣйствіе пропало — чары исчезли — чудо не состоится, даромъ что вы выдули осемь стакановъ горько-соленой шипучей жидкости въ одно утро. Но покорнѣйше прошу забыть воды, не вспоминать, гдѣ вы и зачѣмъ вы тутъ, когда вы принуждены слушать такіа водолечебныя симфоніи!

Я посвяляю это на видъ книжкѣ доктора Шульца изъ усердія къ пользѣ отъ минеральныхъ водъ и къ чести великаго открытія. Личностей у меня съ минеральными водами

минеральных вѣтъ: я никогда не былъ долженъ *переносить* ихъ; не поднося къ губамъ ни одного стакана цѣлебной воды и всегда оставался невредимъ — я донынѣ чистъ отъ всякой минеральной воды и могу говорить объ этомъ предметѣ совершенно безпристрастно. Какъ вы видите, главная ученая мысль сочиненія доктора Шульца состоитъ въ убѣжденіи благосклоннаго читателя, что искусственныя минеральныя воды ничуть не хуже естественныхъ водъ, и даже еще лучше, вѣрнѣе, безопаснѣе. Кто же въ этомъ сомнѣвается, послѣ двухъ такихъ глубокихъ аргументовъ, каковы тѣ, которые мы сейчасъ видѣли! И, вооружась ими авторъ, въ *Письмѣ врача къ больному*, съ презрѣніемъ, и однимъ почеркомъ пера, уничтожаетъ тѣхъ врачей и не-врачей, которые смѣютъ *иронически улыбаться* о лечебномъ совершенствѣ искусственныхъ водъ и о возможности существенной разницы между ними и естественными водами.

Для основательнаго сужденія объ этихъ вопросахъ надо, говорить онъ, знать *нынешнее состояніе* химіи: а зная его, никто *нынче не въ правѣ утверждать, будто природа, приготавливая минеральныя воды, не слѣдуетъ тому же пути, который употребляютъ современные химики*, составляя искусственныя воды у себя на очагѣ. Разумѣется, что ученый докторъ говоритъ это только съ благонамѣренною цѣлью поддержать веселое расположеніе духа въ своихъ больныхъ, потому что, если говорить серьезно, такъ надо, собственно, вовсе не знать нынѣшняго состоянія химіи, чтобы *пути природы и пути химическаго искусства* принимать за вѣчто совершенно тождественное. Только тѣ читатели, которые очень, очень больны, могутъ повѣрить этому.

Но если кто, знающій химію и судящій объ ея *путяхъ* безъ восторженности, которая всегда означаетъ односторонность, одну изъ опаснѣйшихъ болѣзней воображенія, станетъ не соглашаться съ мнѣніемъ ученаго автора, то у него есть другой бичъ на мятежнаго скептика. Черезъ нѣсколько строкъ, онъ прибавляетъ: «Да чтобы судить *правильно* о возможности приготовленія минеральныхъ водъ искусственно, не довольно *однихъ химическихъ познаній*;

«для этого нужно еще иметь понятіе о геогнозѣ, по-крайней-мѣрѣ о той части этой науки, въ которой объясняется «способъ происхожденія минеральныхъ источниковъ». Веселѣе этого, конечно, нельзя ничего сказать въ медицинскомъ письмѣ, которое, перелѣ больнымъ читателемъ, пускается въ философію естественныхъ наукъ. Геогнозія, призываемая авторомъ здѣсь на помощь, очевидно принимается ивъ за одно и то же съ геологіей: потому что, собственно, дѣло или притязаніе геолога, а не геогнозіи, землесловія, а не землѣзнанія—объяснять способъ происхожденія минеральныхъ источниковъ. Но геологія, сколько извѣстно всѣмъ здоровымъ, есть только собраніе принятыхъ въ данную эпоху ипотезъ, которыми землесловящее остроуміе старается согласить и связать между собою факты или явленія, замѣченные и донинѣ собранные геогнозіей, землѣзнаніемъ, и объяснить ими порядокъ землетворенія, геогеніи. Такъ что жъ изъ этого, когда мы съ докторомъ Шульцемъ будемъ имѣть понятіе, даже совершенно равное, объ этихъ ипотезахъ? Предположенія не станутъ черезъ это фактами, очевидно-стоями, несомнѣнными истинами. Допускаемыя геологическими умозрѣніями ипотезы о способѣ образованія минеральныхъ источниковъ въ земной корѣ, несмотря на полное наше единомысліе, останутся таки по-прежнему ипотезами, болѣе или менѣе замысловатыми вѣроятностями, за непогрѣшимость которыхъ ни одно здоровое воображеніе не посмѣетъ ручаться. Спрашиваю ночтеннаго доктора Шульца, можно ли сварить какую-нибудь воду изъ ипотезъ? Не значить ли это, другими словами, что искусственная минеральная вода не что иное какъ химико-геологическая ипотеза?... Я, съ моей стороны, извиняю врачей и не-врачей, которые, даже послѣ книжки и доводовъ доктора Шульца, позволяютъ себѣ иронически улыбаться. На ихъ мѣстѣ, я—не отвѣчаю за себя — я, можетъ-статься, хохоталъ бы отъ всего сердца.

Между-тѣмъ докторъ Шульцъ только выражается не довольно ясно, онъ — не мастеръ водословить — онъ слишкомъ довѣрчиво повторяетъ заносчивыя притязанія самолю-

бывшей человеческой науки, которой кажется, будто она уже поровнилась в мудрости и искусствѣ съ природой; и если такія наивности, такія преувеличенія, встрѣтятъ иронию просвѣщенныхъ врачей и не-врачей и повредятъ болѣе чѣмъ пособить славѣ искусственныхъ минеральныхъ водъ, тутъ не будетъ ничего противоестественнаго: но на-дѣлѣ онъ правъ. Искусственная минеральная вода дѣйствительно и положительно — учепая гипотеза, и въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что гипотезою этою можно лечить разныя болѣзни. Да и почему жъ не лечить? Всякое лекарство — гипотеза. А какъ часто помогаютъ лекарства! Опытномъ доказано, что искусственныя минеральныя воды иногда производятъ спасительное дѣйствіе, такъ же какъ и естественныя, такъ же какъ и всякое другое вещество, принятое внутрь въ добрый часъ. Но именно ли такое дѣйствіе производятъ онѣ, вотъ этого ужъ не слѣдовало доктору Шульцу утверждать слишкомъ смѣло въ виду ироніи просвѣщенныхъ врачей и не-врачей. Съ философіей химіи и съ философіей геологій ему простиительно, для успокоенія своего пациента, позволить себѣ нѣкоторыя вольности; но съ философіей врачебной науки, врачу, нападающему на врачей, надлежало быть осмотрительнѣе. Какъ нѣтъ, въ природѣ, двухъ листковъ на деревьяхъ одной породы совершенно одинаковыхъ, такъ нѣтъ въ человѣчествѣ ни двухъ совершенно одинаковыхъ организмовъ, ни двухъ строго тождественныхъ растройствамъ организма или болѣзней, ни двухъ такихъ же лекарственныхъ дѣйствій. При всемъ кажущемся сходствѣ осязательнаго характера или наружной формы, которая систематикамъ позволяетъ классифицировать наши растройства, по здоровой философіи врачебнаго искусства всякой болѣзненный случай — такое же индивидуальное событіе, какъ всякій человѣкъ — индивидуальное существо и сравненія между растройствами одинаковой наружной формы столько же условны, приблизительны, предположительны, какъ и между лицами одного племени или одного народа. Одна и та же кажущаяся форма болѣзни въ тысячѣ лицъ излечивается тысячью различныхъ средствъ и тѣ же самыя сред-

ства въ тысячѣ подобныхъ случаевъ не оказываютъ ожидаемаго дѣйствія или оказываютъ совершенно неожиданное. Следовательно, математической одинаковости сходствъ тутъ быть не можетъ: да еслибъ она случайно и предстала, то для удостовѣренія въ ней нужно было предположить другую невозможность: математическую одинаковость въ средствахъ къ наблюденію и повѣркѣ, въ умственныхъ и ученыхъ способностяхъ наблюдателей. Наглядная аналогія служить намъ единственнымъ основаніемъ выводовъ и руководствомъ къ дѣйствию: а аналогія — не фактъ, не истина, не доказательство, не такое ружье, которымъ можно наповаль застрѣлить иронию и взорвать на воздухъ своихъ противниковъ по образу мыслей. Аналогія — гипотеза. Болѣзнь, опредѣляемая врачомъ — гипотеза. Она излечивается третьей гипотезой, лекарствомъ, которымъ можетъ быть, съ одинаковымъ для здоровья результатомъ, рюмка вина, стаканъ квасу, полъ-унціи аптекарскаго сладобья, кувшинъ какой-нибудь естественной минеральной воды или бутылка минеральной воды искусственной, но совершенно другой. Чѣмъ и какъ собственно мы излечили, это одному Богу извѣстно. Повѣрки сдѣлать нельзя: для этого нужно было бы имѣть тотчасъ же и на томъ же лицѣ точное повтореніе только-что исчезнувшей болѣзни.

Естественныя минеральныя воды, въ лекарственномъ отношеніи, такая же гипотеза какъ и искусственныя — и одна изъ самыхъ древнихъ гипотезъ — изъ самыхъ знаменитыхъ — потому что кромѣ кажущихся счастливыхъ примѣровъ излеченія она еще подкрѣплялась всегда суевѣріемъ человечества и шарлатанствомъ тѣхъ, кому было пріятно или выгодно пользоваться врожденною склонностью людей къ сверхъестественному и таинственному. Горькими и солеными ключами этими нѣкогда распоряжались жрецы; надъ ключами были построены храмы, самое небо руководствовало здѣсь курсомъ леченія, окружаемымъ чудесами, и народъ въ углекисломъ газѣ этихъ шипучихъ влагъ, брызжущихъ изъ груди Матери-Земли, видѣлъ несомнѣнно *духа*, *theon*, истеченіе какого-нибудь бога. Съ тѣхъ еще темныхъ

и восторженных вѣковъ ведутся на землѣ слава минеральныхъ ключей и народное къ нимъ довѣріе. Но истинная врачевная философія не можетъ почитать ихъ ни за что иное, какъ за лекарства предположительныя. Вѣрно онѣ помогаютъ *иногда*, ежели человѣчество вѣрить ихъ пользѣ такъ давно. Простая ключевая вода, холодная или въ видѣ кипятику, при движеніи и діетѣ оказывала же въ тысячу случаевъ неоспоримую пользу. Почему жъ бы эти воды лишены были такого же преимущества? Искусственныя минеральныя воды, отнюдь не будучи *одно и то же* съ ними, имѣютъ такое же предположительное право на лекарственную пользу какъ и воды колодцевъ, прѣсныхъ ключей и также минеральныхъ источниковъ, потому что все это—та же вода, только съ различными пропорціями растворенныхъ въ ней земель и солей, а опредѣленіе случая, въ которомъ известная пропорція ихъ можетъ дѣйствовать спасительно — такое же предположеніе какъ самое дѣйствіе воды.

Если цѣлебность естественной минеральной воды — гипотеза, во всѣхъ отношеніяхъ; если цѣлебность искусственной воды—тоже гипотеза, какъ же разсудительная врачевная философія можетъ серьезно, и притомъ еще сердито, спорить о тождественности дѣйствія двухъ гипотезъ въ разныхъ и независимыхъ случаяхъ, между которыми настоящее ученое сравненіе физически невозможно? Не ясно ли, что та и другая воды — два самобытныя лекарственныя средства, дѣйствующія безъ связи и соотношенія между собою и только въ рѣдкихъ примѣрахъ, въ неважныхъ явленіяхъ, способныя представить намъ грубыя аналогіи, которыя всегда могутъ еще быть оспариваемы? Въ тѣхъ и другихъ водахъ заключаются обыкновенно болѣе значительныя, чѣмъ въ простой водѣ, ключевой, рѣчной и колодцевой, пропорціи сѣрнокислой и углекислой магнезій и соды, а иногда углекислой извести и хлористой соды, съ признаками желѣза: такъ только дѣйствія этихъ разводящихъ и возбуждающихъ веществъ и могутъ подлежать въ некоторому наглядному разбору или сравненію, но онѣ не имѣютъ ни малѣйшей связи съ *водами*, какъ произведеніемъ природы или искусства, и конечно были бы

тѣ же самыя, если бы принять вещества эти въ сухомъ видѣ прямо изъ аптеки: по-крайней-мѣрѣ, противнаго доказать невозможно и спорить объ этомъ такъ неуменьство, что провѣя ивѣла бы полное право принять на этотъ случай суровое лицо критики.

Вмѣсто этихъ нападокъ на врачей и не врачей, которые не имѣютъ счастья раздѣлять энтузіазма автора къ минеральнымъ водамъ вообще и къ искусственнымъ въ особенности, причинѣ было бы растолковать публикѣ въ «Письмѣ врача къ больному», что дѣйствіе всѣхъ минеральныхъ водъ безъ изъятія донынѣ состоитъ подѣ сомнѣніемъ у многихъ весьма разсудительныхъ медиковъ, что онѣ обыкновенно считаются тяжелыми для организма, какъ это доказывается самими уже предосторожностями, соблюдаемыми при ихъ употребленіи, и что весьма трудно рѣшить, кому собственно принадлежитъ здѣсь настоящій лечебный успѣхъ, минеральной ли водѣ или обстоятельствамъ, сопровождающимъ поѣздки на воды. Почти всѣ страданія, противъ которыхъ предписываютъ путешествія къ минеральнымъ водамъ, относятся къ хроническимъ разстройствамъ нервной системы и къ ихъ прямымъ послѣдствіямъ. Извѣстно, какъ нервная система своенравна въ своихъ явленіяхъ, какъ часто изъ болѣзненнаго состоянія она вдругъ безъ всякой видимой причины переходитъ къ нормальному дѣйствію: одна шутка, одна потѣха, одно развлеченіе или удовольствіе, какое-нибудь сильное душевное сотрясеніе, а ипогда и простое усиліе воли, могутъ призвать обратно здоровье, которое долго васъ бѣгало. Вы разстроены нервами, вы хандрите, воображеніе работаетъ въ васъ болѣзненно и усиливаетъ ваши страданія; дѣятельность желудочныхъ приборовъ ослабѣваетъ; аппетитъ и сонъ пропадаетъ, образуются застои, завалы, рѣзи, колотья, ломоты; вы вѣчно въ дурномъ расположеніи духа, всѣмъ недовольны, желчь неправильно въ васъ отдѣляется, селезенка болитъ, первный узелъ, извѣстный подѣ названіемъ солнечнаго сплетенія, разбухаетъ, и вы видите страшныя сны, сердитесь, деретесь съ друзьями во снѣ, бранитесь на яву со слугами. Вы несчастнѣйшее

существо въ мірѣ. Вы смертельно больны. Для васъ пѣтъ другаго спасенія какъ отравиться въ дальнее путешествіе, на воды. Вы уѣзжаете. Вамъ уже стало легче. Другія мѣста, другіе предметы, другой воздухъ, другая пища, другіе люди — особенно другіе люди — новостъ, разнообразіе, любопытство, все это занимаетъ и развлекаетъ ваше воображеніе: все измѣнилось вокругъ васъ, въ вашемъ образѣ жизни, въ вашемъ существованіи, и слѣдовательно начинаетъ измѣняться и вы сами. Мысль выдѣляется иначе. Кровь течетъ другимъ образомъ. Переменная слѣдуетъ за переменною, вамъ нѣкогда и думать о своей болѣзни; она не сказывается; вы чувствуете ее тогда только, когда васъ огорчатъ или, когда вамъ случайно стало скучно, когда вы въ уединеніи вспомнили, зачѣмъ оставили домъ, семейство, друзей, удобства жизни и обычный кругъ занятій. Докторъ Шульцъ строжайше запрещаетъ вамъ вспоминать объ этомъ при употребленіи водъ: онѣ не *дѣйствительны* при мысли о болѣзни, при отсутствіи веселости. Значитъ, самъ же онъ отнимаетъ у нихъ всю цѣлительную силу! Да если я, среди развлеченій и веселостей, успѣю совѣсть забыть болѣзнь и не стану болѣе примѣчать ея, такъ вѣдь я однимъ этимъ уже исцѣлелъ!... Миліоны такихъ примѣровъ мы видимъ ежедневно вокругъ себя. Патура сама довершаетъ тутъ остальное. Къ чему же воды? Какая отъ нихъ польза?... чтобы только напоминать ежедневно о недугѣ и раздражать нервы? Стоитъ ли изъ-за этого пытаться *переносить* такое лекарство?

Доселѣ вы жили ночью, а спали днемъ, принимали пищу немедленно послѣ того какъ проснулись, дѣлали мало движенія, выходили на воздухъ только около полудня, или и вовсе не выходили, ѣли и пили безъ всякаго соображенія. Нынче вы, за границею, на водахъ, всгааете въ пять часовъ утра и на-тощакъ—не забудьте, голодные еще съ вчерашняго числа, потому что вы на строгой діетѣ—обѣдите вы въ заведеніе пить прописанную вамъ воду, подвергаясь дѣйствию свѣжаго утренняго воздуха. Здѣсь, среди лицъ всѣхъ народовъ, среди новыхъ людей, новыхъ знакомствъ, стран-

ныхъ характеровъ, любопытныхъ фигуръ, интересныхъ путешественницъ, необыкновенныхъ разговоровъ, выпиваете вы пять шесть стакановъ минеральной воды, ходите по четверти часа послѣ каждого стакана, потомъ еще гуляете, подъ открытымъ небомъ, часа полтора или два, и тогда уже, около десяти часовъ, позволяется вамъ позавтракать. Тогда-то, говоритъ авторъ, тогда-то—чудное дѣйствіе минеральныхъ водъ! — «появляется у больного сильный аппетитъ». Разумѣется, что аппетитъ будетъ ужасный, послѣ такой ходьбы, такой болтовни, такого усиленнаго дыханія острыми прохладнымъ воздухомъ и спустя часовъ пять послѣ сна! Онъ будетъ и безъ питья водъ — еще вѣрнѣе. Я, только глядя на водахъ, какъ другіе пьютъ ихъ и забавляясь этимъ—оно очень весело, увѣряю васъ! — обыкновенно составлялъ собою бичъ всѣхъ tables d'hôte, отчаяніе всѣхъ водопійцъ: я истреблялъ до-чиста всякое блюдо, которое мимо меня проходило, и, послѣ шести недѣль такого курса, увѣждалъ толще всѣхъ больныхъ, прибавивъ всѣхъ худѣе.

Послѣ обѣда—поѣздки въ окрестности въ веселой компаніи больныхъ всѣхъ странъ, всѣхъ націй и всѣхъ половъ. Вечеромъ прогулки и продолжительныя бесѣды. Какъ тутъ не быть аппетиту! Какъ не разрѣшиться застоямъ!

Прибавьте, что вамъ еще—вамъ, а не мнѣ—растираютъ и протыкоуютъ желудокъ, велятъ брать ванны, поятъ васъ разными чудесными лекарствами. Да однимъ этимъ можно уже порядочно вылечить! И я не вижу, что собственно остается здѣсь на долю дѣйствія минеральной воды?... Я даже готовъ думать, что эти воды, которыми водяные врачи немилосердно васъ наливаютъ, только останавливаютъ аппетитъ и ходъ выздоровленія, которое, безъ нихъ совершилось бы, скорѣе и легче.

Что касается до меня, то я всегда слѣдовалъ сухой методѣ водолеченія, и донынѣ не имѣю причины раскаиваться, что, бывая на водахъ по приказанію врачей, я не отвѣдывалъ ни какой воды.

А ѣздить на воды, надо непременно, чтобъ измѣнить кореннымъ образомъ весь порядокъ той жизни, которая стала

Уже для васъ болѣзнь, хотя еще и не доказано, да и никогда доказано не будетъ, что, на водахъ, нужно непременно пить воды. Полезно также вѣрить въ воды какъ въ чудное и несомнѣнное лекарство: потому что одна уже увѣренность такого роду въ состояніи излечить не одного изъ больныхъ. Я, къ сожалѣнію, не вѣрю, вмѣстѣ со многими очень разсудительными и знающими врачами. Очень жаль! Но я вѣрю въ другое, тоже весьма спасительное для разстроенныхъ нервовъ. Я вѣрю въ лазуревый воздухъ, въ ясное и теплое солнце, въ южное небо, въ чары желѣзныхъ дорогъ, съ роскошными креслами и мягкими подушками, въ силу всемірнаго движенія, въ невольную діету трактирныхъ обѣдовъ, въ новостъ и разнообразіе зрѣлищъ дѣла человѣка и природы, въ занимательныя встрѣчи, въ завлекательные случаи, въ сладкіе и звонкіе голоса, вѣрю въ прелестныя приключенія въ дилижансахъ и вагонахъ, вѣрю въ восторгъ души передъ чудесами искусства, вѣрю въ цѣлительное вліяніе гениальныхъ произведеній—даже вѣрю—иногда—но очень рѣдко—тому, что говорятъ больныя путешественницы. Нынче вѣрить на водахъ болѣе не во что для своего здоровья!.. Но то ли дѣло, бывало, въ древности, когда больной человѣкъ вѣрилъ въ Юпитера-Исцѣлителя, котораго храмъ стоялъ на самомъ минеральномъ источникѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, въ Эскулапа, бога знавшаго медицину не по-нашему? Жрецы, въ священныя одѣянія, вводили васъ въ храмъ, въ таинственномъ мракѣ котораго, между безчисленныхъ колоннъ и дивныхъ статуй, смотрѣвшихъ на васъ покровительственно со всѣхъ сторонъ, разливался по мраморному полу прудъ цѣлительной влаги. Вы должны были шагать по каменнымъ столбикамъ, торчащимъ изъ воды. Первожрецъ, у главнаго жертвенника, передъ величественнымъ идоломъ отца боговъ и людей, ожидалъ васъ съ молитвой и благословеніемъ, бралъ изъ рукъ статуи золотую чашу, всегда наполненную минеральной водой, и вы выпивали ее съ коленопреклоненіемъ, набожно, благоговѣнно, при умилительныхъ звукахъ пѣснопѣній. Тутъ начались разныя храмовыя чудеса, въ которыхъ языческіе жрецы были

очень искусны и которыхъ химія, производящая искусственныя минеральныя воды, произвествъ не въ состояніи: во она можетъ вообразить то дѣйствіе, какое теплая вѣтра, при этомъ зрѣлищѣ, при этихъ обрядахъ, производила на больного. Потомъ васъ раздѣвали, и вы должны были выкупаться среди храма, при глазахъ Юпитера-Исцѣлителя. въ благословенной имъ водѣ, откуда безпрестанно являлись: прелестныя шумфы, одѣтыя въ темный воздухъ и перевитыя радугами, которыя солнечные лучи, проведенныя сквозь потоки, образовали на поверхности пруда. Онѣ прыгали вокругъ васъ, брызгали на васъ цѣлительною жидкостью, осыпали пахучими цвѣтами, горячими взглядами, сладостными улыбками, показывая смертнымъ глазамъ нашия образчикъ потѣхъ, блаженствъ и здоровья Олимпа. Изъ этой купели вы уже выходили исцѣленнымъ радикально.

Таковъ былъ отлично обдуманый курсъ древняго водолеченія, отъ котораго и донныиъ ведется въ человѣческомъ суевѣрїи громкая слава цѣлебныхъ источниковъ. И курсъ этотъ въ тысячу разъ раціональнѣе того, который водяные врачи учредили и поддерживаютъ со всѣмъ упрямствомъ педанства въ Карльсбадѣ, Кисвингенѣ, Крейгнахѣ или Баденъ-Баденѣ. Однажды, гуляя по очаровательному берегу Баййскаго Залива, около развалинъ одного изъ такихъ храмовъ, гдѣ еще по древнему полу волнуется вода цѣлебнаго ключа, лишившагося своей славы и всѣми забытаго, и живо представивъ себѣ то блестящее время, когда этотъ берегъ былъ покрытъ великолѣпными виллами римскихъ патрицевъ, волшебными садами, хрустальными фонтанами, когда всѣ удивленія древняго искусства, проданныя за безцѣнокъ Аѳинянами вмѣстѣ съ своею наукою и своею славой, красовались здѣсь на этихъ невѣроятныхъ царкетахъ, сотканыхъ изъ жилъ благороднѣйшихъ мраморовъ и устланныхъ каменными картинами, нетлѣнными снимками созданій генія великихъ учителей прекраснаго, когда съ одной стороны Бани, съ другой ПUTEОЛИ, разливали по всему этому пространству, устланному цвѣтами и тѣнью, роскошь, красоту, нѣгу, шумъ веселія и благоуханіе южной любви, засыпанная сами ро-

потомъ, собраннымъ со всего извѣстнаго міра, когда этотъ храмъ, въ зеркальное пареннопское утро, звучалъ таинственными мелодіями, которыми послѣ чаши цѣлебной воды, сами боги и богини лелѣли разстроенные нервы классическихъ обжоръ и честолѣбцевъ, спѣшившихъ къ чудесному источнику, — одною мыслью объ этомъ несравненномъ водолеченіи я излечился отъ премерзкаго и смертельнаго недуга, противъ котораго тринадцатю знаменитѣйшими водо-врачами пазначено мнѣ было тринадцать различныхъ минеральныхъ водъ, не считая магнезіальной и сельтерской, какъ *вспомогательныхъ*.

Не такъ хорошо, не такъ роскошно, но такъ же коротко и успѣшно лечатся минеральными водами и донынѣ Азіатцы, прямые наслѣдники древней опытной мудрости. Турецкій ага или курдскій бей, нажившій хандры среди своихъ подчиненныхъ, женъ и невольницъ, страдаетъ ея послѣдствіями, худѣетъ, потѣетъ, ослабѣваетъ, не ѣстъ, не спитъ, даже курить не можетъ. Въ одинъ прекрасный весенній вечеръ, погладивъ себя бороду, поправивъ усы, и воскликнувъ: *Аллахъ великъ!* онъ садится на лошадь и отправляется съ поѣздомъ трубочистовъ, кофейщиковъ и туфленосцевъ, къ дальнему ключу минеральной воды, о которомъ идетъ молва во всемъ околоткѣ, что великій — де пророкъ Сулейманъ — да будетъ съ нимъ миръ! — былъ приведенъ къ нему ангеломъ Джебраиломъ и великій царь Александръ-Римскій пилъ изъ него по совѣту верховнаго визиря своего Аристотеля и славнаго врача Ипукрата. Проѣхавъ нѣсколько агачей, утомившись и выспавшись славно на голомъ камнѣ подъ открытымъ небомъ, въ прохладномъ воздухѣ, ага видитъ, что великій Аллахъ сотворилъ съ нимъ чудо: хочется трубки и кофе!... Ага курить и ѣдетъ далѣе, восхищаясь всякимъ живописнымъ ущелиемъ, любуясь душевно на каждую зажиточную деревню, которую, если бы позволяло здоровье, такъ отраднo было бы ограбить при столь удобномъ случаѣ, и всякій разъ восклицая: *великъ Аллахъ!* Наконецъ онъ пріѣ-

халъ на седьмой день ночью къ цѣлебному ключу. Рано утромъ онъ приказалъ разостлать коверъ возлѣ источника, помолился, выпилъ ковшъ минеральной воды и легъ спать. Проснувшись, онъ выкупался въ водоемѣ источника, объѣдавъ, выкурилъ трубку, покушалъ кофе, запилъ все это ковшомъ цѣлительной влаги и приказалъ сѣдлатъ лошадей. О закатѣ солнца онъ уже на возвратномъ пути къ своей роднѣ. Курсъ конченъ. Ага еще громче прежняго утверждаетъ, что Аллахъ великъ.

« И что же вы думаете? говорилъ мнѣ въ Малой Азии « одинъ европейскій врачъ, весьма образованный и долго « жившій въ той сторонѣ: эти люди обыкновенно возвра- « щаются домой свѣжими, розовыми и здоровыми!... Они « всегда такъ лечатся: одинъ и тотъ же источникъ служитъ « имъ для всѣхъ болѣзней, и страна гремитъ разсказами о « чудесныхъ излеченіяхъ. »

Но съ ближайшими къ источнику жителями онъ не производитъ такихъ чудесъ. Нужно разстояніе! Нужно путешествіе! Надо на нѣкоторое время переѣхать все — воздухъ, мѣсто, людей, привычки, занятія.

Если что-нибудь, по части воды, можетъ и должно страши-
 ть *противъ просвѣщенныхъ врачей и не-врачей*, такъ это общепри-
 нятая въ минерально-врачующемъ мѣрѣ водолечительная ме-
 тода или, такъ называемые, *курсы*, какъ-будто рассчитанные
 нарочно съ тѣмъ умысломъ, чтобы накатать въ пациентъ
 какъ-можно болѣе горько-соленой воды и взять съ него
 какъ-можно болѣе денегъ. Его наливаютъ водою *шесть,*
осемь и десять недѣль сряду. Человѣческая натура, вообще,
не переноситъ минеральныхъ водъ — хорошо лекарство! —
 надо сперва приучать ее постепенно *переносить цѣлебную*
влагу, говорятъ водоврачи и это называютъ «пригото-
 вленіемъ». Потомъ, когда желудокъ и весь организмъ
 свыкнется съ этими гадостями, начинается *отчаянный* во-
 допой, доходящій иногда до невѣроятныхъ количествъ —

въ одно утро до осьми и десяти стакановъ воды, заключающей въ фунтѣ своего вѣсу перѣдко до полутораста и болѣе гранъ щелочей, земель, острыхъ солей и ѣдкихъ металловъ, при сорока или пятидесяти градусахъ температуры. Разумѣется, что при всей приобрѣтенной привычкѣ ни какая органическая внутренность не въ состояніи *перенести* такого лекарственнаго потопа, и спасается только усиленнымъ движеніемъ и непрерывною испариною, которая впрочемъ необходимы даже и при самыхъ умѣренныхъ приемахъ: иначе цѣлительная вода зацѣлитъ васъ вконцѣ. Славное лекарство, нечего сказать. Наконецъ начинается отвыканіе отъ воды: и тутъ еще перѣдко нужны особенныя лекарства, чтобы уничтожить слѣды водолеченія. А между-тѣмъ во все это время должны вы смѣяться, веселиться, ходить, ѣздить, прыгать, жить на воздухѣ, ложиться спать во время, вставать рано, кушать умѣренно и самыя здоровыя яствы, занимать воображеніе свое пріятными картинами, а душу сладкими впечатлѣніями—не сердиться—не огорчаться—и не думать о болѣзни; а не соблюли вы хоть одного изъ этихъ условій, такъ говорятъ вамъ: виноваты вы, а не воды; *воды* — чудное средство для того, кто строго исполняетъ *всѣ эти врачебныя предписанія*. Да я опять не вижу, что тутъ, если, есть возвратъ къ здоровью, слѣдла вода и на свою цѣлительную долю? Все это исполнялъ я только для того, чтобы быть въ состояніи *переносить* ее, а между-тѣмъ этого уже было очень достаточно, чтобы прогнать болѣзнь, даже упрямую, но изъ роду тѣхъ болѣзней, которыя отправляютъ къ водамъ. Между-тѣмъ весь успѣхъ приписываютъ водамъ!... однимъ водамъ!...

Но — суетѣрія всторону — вотъ одно изъ самыхъ *оказательныхъ* и самыхъ ежедневныхъ доказательствъ, что успѣхъ принадлежалъ здѣсь не водамъ, а перемѣнѣ мѣста, людей, предметовъ, мыслей, образа жизни, и тѣмъ упражненіямъ, которыя должно было дѣлать постоянно для того, чтобы только *перенести* воды, чтобы спастись.

отъ вреднаго ихъ дѣйствія. Послѣ курса, вы возвращаетесь на родину: вы опять въ своемъ домѣ и въ своемъ кругу; тѣ же стѣны, та же мебель, тѣ же лица, тѣ же голоса что прежде, и они по-прежнему дѣйствуютъ непріятно на ваши нервы; тѣ же воздухъ, пища, занятія, разговоры, безпокойства, досады, отъ которыхъ вы до путешествія ежедневно умирали; словомъ все — то же вокругъ васъ и, вскорѣ, отъ этихъ впечатлѣній, возстанавливается внутри и то же самое расстройство. Вы опять больны какъ были! — « Вы мало пили минеральной воды, говоритъ ученый докторъ Шульцъ: поѣзжайте опять, пейте еще... надо пить два три сезона. — Нѣтъ, не минеральную воду пилъ я мало, а мало еще отвыкъ отъ прежняго образа жизни, отъ прежнихъ людей, отъ прежнихъ занятій — надо ѣхать — но не для того, чтобы пить воды, а чтобы лучше отвыкнуть отъ всего этого — дотога отвыкнуть, чтобы потомъ оно было для меня новостью. Если бы кратковременнымъ исцѣленіемъ мнѣ былъ я обязанъ и матеріальному дѣйствию воды, я не заболѣлъ бы снова такъ скоро. Это ясно!

Авторъ « Наставленія къ употребленію минеральныхъ водъ », расточая похвалы искусственнымъ водамъ, въ пылу сраженія съ защитниками естественныхъ совершенно, и вѣрно не безъ намѣренія, выпускаетъ изъ виду то важное обстоятельство, что, если великое открытіе Струве обезпечиваетъ пациентовъ отъ пристрастія водяныхъ врачей, зато заведенія искусственныхъ водъ, учреждаемая въ большихъ столицахъ, лишаютъ мѣстныхъ больныхъ всѣхъ цѣлебныхъ преимуществъ путешествія, новости и разнообразія земель, предметовъ, людей и мыслей, переменны воздуха и пищи, и кореннаго обновленія образа жизни, словомъ всѣхъ врачебныхъ благъ, произтекающихъ изъ поѣздокъ къ естественнымъ водамъ или, еще лучше, мимо водъ. Блага эти очевидны, испытаны и несомнительны, тогда какъ польза самихъ водъ, какъ водъ, будь они произведены природою или искусствомъ, далеко недоказана и очень неясна, исключая быть-можетъ

немногихъ, весьма ограниченныхъ, случаевъ, въ которыхъ по увѣренію водо-энтузіастовъ, извѣстныя воды дѣйствуютъ специфически. Вся положительно хорошая сторона минеральныхъ источниковъ уничтожена великимъ открытіемъ, въ искусственныхъ водахъ: а сохранена только одна сторона спорная, неопредѣлительная, неудобно-переносимая и, слѣдственно, опасная для организма. До двухъ или трехъ полужидкихъ феноменовъ въ сутки, о которыхъ говорить ученый докторъ Шульцъ, можно очень удобно и безъ «великаго открытія» достигнуть ежедневными приемами очень легкихъ растворовъ простой англійской соли и углекислой магнезии, при требуемомъ усиленномъ движеніи и строгой діетѣ, если бы въ этихъ славныхъ феноменахъ заключалось все чудо минеральнаго водолеченія, и не видно, къ чему собственно здѣсь необходимо великое открытіе. Они получаютъ точно также при методическомъ леченіи холодной невскою водою, земляникою, клубникою, смородиною, сывороткою— даже русскимъ квасомъ. Есть тысячи средствъ достигнуть во всей точности этого благаго результата, единственнаго несомнѣннаго дѣйствія минеральныхъ водъ. Если только въ этомъ дѣло, такъ вовсе не стѣдуетъ труда поддѣлываться болѣе или менѣе удачно химическимъ путемъ подъ натуральныя воды, прозванныя цѣлительными. Если нужна сѣра, желѣзо, углекислота, такъ и это можетъ быть принято болынымъ въ другой формѣ, безъ искусственной минеральной воды. Вооружась таинственностью, авторъ можетъ-быть сошлется на присутствіе въ минеральныхъ водахъ совершенно гомеопатическихъ количествъ іоду, брому, мышьяку, кремнезему, олова и такъ далѣе и на содѣйствіе ихъ къ общему результату леченія. Но ссылка эта не будетъ серіозною, тѣмъ болѣе, что авторъ требуетъ отъ противниковъ своихъ основательнаго знанія химіи. Таинственностями отдѣлываться было бы весьма не кстаги, превративъ минеральныя воды въ чисто химическое дѣло и трактуя съ желудкомъ посредствомъ реторты.

Вотъ коренная, настоящая точка зрѣнія при совѣст-

двоякъ и истинно-философическомъ разсужденіи о сравнительныхъ выгодахъ употребленія водъ у натуральныхъ источниковъ и возлѣ химической лабораторіи. Прежде всего надо было доказать, что воды — чудное и неоспоримое лекарство сами по себѣ, какъ воды. Авторъ, въ «Письмѣ къ больному», очень ловко уклонился отъ этого скользкаго вопроса за невозможностью привести его къ формантъ достойной истины. И какъ поставить ему въ вину, что онъ не сталъ доказывать, чего доказать нельзя и что поддерживается только народнымъ повѣріемъ и учеными гипотезами? Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы отзываться менѣе надменно о своихъ собратахъ и противникахъ, слѣдующихъ противному мнѣнію или необуѣжденныхъ доселѣ брошюрами *нашего* заведенія. Я не говорю, чтобы для провинціального больного пріѣхавшаго изъ глуши въ рай, изъ степи въ столицу, лечиться искусственными минеральными водами, воды эти не были такъ же хороши какъ и воды самыхъ знаменитыхъ источниковъ: путешествіе, Петербургъ, его блескъ, его гармоническій воздухъ, его благовонная теплота, его безчисленные солнца, звѣзды, красоты, очарованія и разсѣянности, совершаютъ чудо, котораго слава останется, разумѣется, за водами и ихъ заведеніемъ, особенно, если курсъ совпадетъ съ маляницею. Но ежели петербургскіе больные донынѣ остаются равнодушными къ *великому открытію* и его двумъ здѣшнимъ храмамъ, они дѣлаютъ премудро: имъ надо ѣхать — ѣхать — и ѣхать — куда глаза глядятъ — гдѣ брызжутъ ключи — гдѣ лимоны цвѣтутъ — гдѣ лица сіяютъ беззаботностью — вотъ на примѣръ хоть въ Москву — въ московское заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ, безцѣнныхъ уже тѣмъ, что они не услышатъ тамъ здѣшней искусственной музыки. Москвичи, которые страдаете нервами, пріѣзжайте наоборотъ въ *наше* заведеніе: Петербургъ разорить, и исцѣлить васъ!

Боже мой! чѣмъ люди не лечили людей? чего не выдавали за испытанныя, вѣрные и, даже, всеобщія лекарства? чему

не вѣрили въ медицину какъ факту и несомнѣнному наблюденію? Яйцо крокодила—глазь ехидны—мозгъ соловья—сердце ибиса—кровь дракона—присницизмъ—месмеризмъ—магнетизмъ—водо-минерализмъ.... Вотъ, передо мной, книжечка, имѣвшая много изданій во всѣхъ странахъ, и гдѣ удостоверяютъ *опытами*, доказываютъ *фактами*, что коньякъ и соль — лучшее и вѣрнѣйшее лекарство противъ тѣхъ самыхъ болѣзней, которыя обыкновенно посылаютъ къ водамъ.

Я не хочу выставлять на видъ слишкомъ рѣзко того, что минеральныя воды — лекарство роскоши и посвященное почти исключительно недугамъ богатства. Передъ лицомъ строгой философіи науки это слѣлалось бы еще подозрительнѣе.

Въ безпредѣльномъ усердіи своемъ къ минеральнымъ водамъ, докторъ Шульцъ благоволитъ оставлять еще подъ сомнѣніемъ присутствіе мышьяку во многихъ цѣлебныхъ источникахъ. Я не думаю приписывать большой важности этому бесполезному полу-отрицанію: въ то время, когда писано «Письмо къ больному», фактъ могъ еще быть подернутъ сомнѣніемъ для тѣхъ, кому онъ былъ непріятенъ; но нынче, какъ авторъ конечно слѣдуетъ со вниманіемъ за трудами химиковъ разныхъ народовъ, сомнѣнія его, вѣроятно, совсѣмъ разсѣялись. Въ желѣзистыхъ ключахъ, особенно при-рейнской страны, положительно есть мышьякъ.

Всѣхъ азартныхъ сужденій этого «Письма» разбирать нѣтъ возможности, и предпріятіе было бы даже неумѣстно, послѣ того какъ мы видѣли, что самое основаніе вопроса о минеральныхъ водахъ, какъ лекарствѣ, обойдено и оставлено въ блаженномъ мракѣ. Но авторъ утверждаетъ иногда вещи изумительныя. Русскимъ больнымъ ученый докторъ снисходительно разрѣшаетъ чай при употребленіи водъ, хотя германскіе врачи обыкновенно запрещаютъ этотъ напитокъ, по мнѣнію ихъ, раздражающій нервы.

Всѣ читатели «Письма» будутъ очень довольны разрѣшеніемъ: но не всѣ — причиною, на которой разрѣшеніе это основано. Снятіе запрещенія состоялось по тому уваженію, что въ Германіи обыкновенно употребляютъ зеленые чаи, а въ Россіи черные: а это — большая разница!.... *Шичи* извѣстно, прибавляетъ авторъ, что эти два рода чаевъ собираются съ *двухъ различныхъ видовъ* чайнаго дерева. А между-тѣмъ нынче-то извѣстно совсѣмъ другое!... Послѣ панкинскаго трактата, англійская коммерція отправляла ботаниковъ и агентовъ въ чайныя сады для изслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ чайной фабрикаціи, и эти путешественники удостовѣряютъ одногласно, что хотя, въ самомъ дѣлѣ, ботанически есть, два вида чайнаго дерева, но оба вида одинаково даютъ всѣ три рода извѣстныхъ въ торговлѣ чаевъ. Всѣ три сорта чаевъ, желтый, черный и зеленый, приготавливаются изъ листьевъ одного и того же дерева, какого ботаническаго виду оно бы ни было. Разницу составляютъ, во-первыхъ, возрастъ листьевъ, которые тщательно сортируются, во-вторыхъ, приготовленіе ихъ, или фабрикація. Зеленый чай и черный чай оба — крапешные чаи, въ чемъ можно удостовѣриться, наливъ кипятку на тотъ или другой: листья мгновенно пускаютъ краску, вода немедленно становится темною, чего не бываетъ въ такъ-называемыхъ *желтыхъ* или натуральныхъ чаяхъ. И въ красильные составы этого производства входятъ, между прочимъ, желѣзо для черныхъ чаевъ и ляписнонь, мѣдь и берлинская лазурь для зеленыхъ. Китайцы, которые обыкновенно употребляютъ желтый чай, не крапешный, не довольствуются фабричною сортировкой листьевъ: каждый порядочный сынъ Поднебесья, знающій десять тысячъ церемоній и кушающій *ча-п-суи* съ толкомъ и со вкусомъ, изъ купленнаго въ лавкѣ чаю выбираетъ самъ лучшій по возрасту и цвѣту листочки, съ гастрономическимъ глубокомысліемъ, бросаетъ ихъ въ маленькую чашку, наливаетъ кипяткомъ, накрываетъ и настаиваетъ: настоей этотъ вообще чрезвычайно легокъ, въ немъ едва успѣваетъ раство-

рителья почти одно только чайное улетучивающееся масло, которое придает особенный аромат чаю и сильно дѣйствует на *нѣкоторые* нервы. То же самое происходитъ и съ кофе: испаряющееся кофейное масло, образующее его запахъ, есть настоящая и единственная причина волненія, производимаго идиосинкратически въ нервномъ приборѣ *нѣкоторыхъ* лицъ. Разрѣшать или запрещать чай или кофе систематически — дѣло такое же не философское, какъ и систематически лечить минеральными водами, учреждая общія правила на основаніи немногихъ примѣровъ, болѣе или менѣе хорошо понятыхъ, недоступныхъ ни какой повѣркѣ и всегда получаемыхъ изъ поверхностнаго, односторонняго или пристрастнаго наблюденія. Точно такъ же какъ *нѣкоторые* не могутъ спать послѣ чашки кофе или чаю, другіе не засыпаютъ послѣ мяты или настою померанцевыхъ цвѣтовъ, или когда въ спальнѣ цвѣтетъ роза, яминъ, геліотропъ, макъ, или даже когда въ смежной, кругомъ запертой комнатѣ, спитъ кошка, которой запахъ, для большей части людей нечувствительный, производитъ въ иныхъ темпераментахъ страшное нервное волненіе, біеніе сердца и тошноту. Между-тѣмъ многіе никогда не спятъ отрадѣе какъ при тѣхъ же цвѣтахъ и запахахъ, отъ которыхъ у другихъ разболѣвается голова, кровь сильно бросается въ сердце и желудочные нервы приходятъ въ замѣшательство. Я, когда не могу уснуть, выпиваю чашку кофе или чаю, и засыпаю немедленно богатырскимъ сномъ. Автору, вѣроятно, извѣстно, что въ *нѣкоторыхъ* натурахъ глотокъ холоднаго чаю, на которомъ чайное масло застыло едва примѣтнымъ слоемъ, мгновенно производитъ головокруженіе и рвоту: онѣ *переносятъ* это масло только въ кипяткѣ, въ испаряющемся видѣ. Другія природы, напротивъ, пьютъ холодный чай, не только безвредно, но еще съ удовольствіемъ. Не разрѣшая и не запрещая всѣмъ ни чаю, ни кофе — потому что въ наше время передъ лицомъ нынѣшней физиологіи и нынѣшней химіи, это не глубокомысленно — слѣдовало предоставить натурѣ каждаго употребленіе этихъ веществъ, какъ и другихъ аро-

матныхъ, но ея дичному качеству, по ея идиосинкразіи, а скорѣе обратить вниманіе больныхъ на страдательную невоздержанность европейскихъ племенъ, которая приводитъ въ ужасъ и Турцію, гдѣ кофе рождается, и Китай, гдѣ растетъ чай. Восточные люди пьютъ и чай и кофе наперстками—въ самыхъ легкихъ настояхъ — кофе едва вскипятившій — чай чуть-чуть окрасившій воду — пьютъ часто, это правда, но всегда очень малыми количествами. А у насъ — кипятятъ чай на самоварныхъ трубахъ, и кофе на огнѣ, по цѣлымъ часамъ—дѣлаютъ настоя черниче чернилъ—и глотаютъ ихъ стаканами или, въ самыхъ уже добродѣтельныхъ семействахъ, чашками, въ которыхъ вмѣщается *только* четверть фунта кипятку. И удивляются, послѣ того, что чай горячитъ ихъ, что голова болитъ, сердце бьется, кровь волнуется, нервы страдаютъ. Да до этого состоянія можно довести себя и не разоряясь на чай, а просто выпивая каждый день периодически по фунту чистаго кипятку или горячаго углекислаго лимонаду, который у доктора Шульца называется *прохлаждающимъ напиткомъ*.

То же самое должно сказать и о куреніи табаку. Запрещать его такъ же смѣшно, какъ и разрѣшать. Дѣйствіе табаку принадлежитъ къ категоріи дѣйствія ароматовъ. Табачное дѣло—чисто идиосинкратическое: однимъ табакъ въ высшей степени благопріятенъ и полезенъ, другимъ болѣе или менѣе вреденъ, для третьихъ лишень всякаго дѣйствія. Горячій дымъ, огонь, разгорячаетъ *нѣкоторыхъ*, какъ въ чаѣ и кофе кипяткомъ, но большею частью это происходитъ оттого, что *нѣкоторые* и весьма многіе не умѣютъ курить. Въ сто пустыхъ диссертацийъ о составныхъ частяхъ табаку, гораздо полезнѣе было бы со стороны врачей обращать вниманіе на то, какъ пациентъ курить: можетъ-быть онъ курить *слишкомъ скоро!*

Возблагодаривъ ученаго доктора Шульца за сохраненіе національности Русскимъ въ ихъ болѣзняхъ безвозвратнымъ покушваніемъ чайку, мы въ правѣ взять нѣкоторое уди-

влюю, съ какой стати, въ духѣ чисто германской вододе-
чительной мудрости предписываетъ онъ русскимъ больнымъ
желудкамъ съ извѣстными водами уготреблять непремѣнно
нѣмецкій квасъ—мерзѣйшій изъ укусовъ.—родъ швабскаго
кумысу, состоящій изъ огромнаго количества *stomach tartar*
и нѣсколькихъ капель алкоголя, приготовляемый изъ зелена-
го, незрѣлаго винограду и называемый *mosellewein*? Нѣмцы,
изъ патриотизма, могутъ называть эту кислоту виномъ и пе-
реносить его изъ экономіи, но благородный желудокъ, ро-
дившійся и воспитанный въ другихъ дѣвгахъ и высшихъ
понятіяхъ о винѣ, не обязанъ жертвовать собою вкусу гер-
манскаго университетскаго міра. Не знаю даже, въ какой
степени рациональная терапевтика можетъ одобрить введе-
ніе въ разслабленный пищеварительный приборъ продукта
никогда не созрѣвающихъ ягодъ: мнѣ кажется, что, по ча-
сти винъ, во внутренность нашу могутъ правильно быть до-
пускаемы только вина благородныя, совершенныя, выжа-
тыя изъ плодовъ, совершившихъ полный кругъ своей жизни
подъ лучами всегда яснаго и жаркаго неба и очистившіяся
временемъ въ бутылкѣ вина южныя и старыя—единственныя,
которыя не только безвредны, но даже явственно полезны для
пищеваренія, при умѣренномъ и своевременномъ употребле-
ніи. Скорѣе запретите всякое вино больному, тѣмъ дозво-
ляйте ему вина несовершенныя, неполныя, невыстоявшія-
ся въ ягодахъ и, слѣдственно, никогда не выстаивающіяся
въ сосудѣ, кислыя и острыя вина, каковы, прежде всего,
германскія, а потомъ французскія, исключая нѣсколькихъ
ронскихъ и то, самыхъ южныхъ. Вина, достойныя этого
имени производягъ только Испанія, Португалія, Италія и
Греція. Въ прочихъ европейскихъ земляхъ рождаются только
квасы.

Нельзя, однако жъ, оставить книжки ученаго доктора, не
упомянувъ о томъ, какъ онъ выстрѣлилъ въ непріятелей *кар-
тофельмъ* (стр. 36), о томъ славномъ аргументѣ, которымъ онъ
хотѣлъ запугать противниковъ искусственныхъ минеральныхъ

водъ, *врачей и не-врачей*, находящихъ удовольствіе отзываться объ нихъ съ прониціею и *всѣ* разсужденія *обращать въ шутку*. Я знаю, въ кого мѣтитъ ученый докторъ этимъ смертельнымъ сарказмомъ, но не скажу. Онъ опѣнить мою скромность. Я не хочу ссорить никого. Этотъ журналъ давнымъ-давно не въ ладахъ съ искусственными минеральными водами, которыя выдаютъ себя за нѣчто рѣшительно *то же самое и еще лучше естественныхъ*: и подлежащая статья написана нарочно для примиренія. Вотъ аргументъ.

Какъ вы смѣете, насмѣшники, полагать, будто нельзя сдѣлать въ кухнѣ точно такой же минеральной воды, какую дѣлаетъ природа гдѣ-то въ нѣдрахъ земли. Огонь тотъ же. Вещества тѣ же. *Пути химіи и природы тѣ же*. Всѣ неорганическіе составы химикъ изготавляетъ такъ же хорошо, какъ и тотъ, кто изобрѣлъ ихъ. Органическія — дѣло другое: *картофеля* напримѣръ, нельзя сочинить. Но минеральную воду!.. *какая тутъ мудрость?.. Да вы видно не знаете, или забыли, что минеральныя воды не имѣютъ ни какой связи съ органической химіей!..*

Аргументъ въ самомъ дѣлѣ — убійственный; и студентъ, который видитъ въ своемъ «руководствѣ» химію разрубленною на-чисто по-поламъ категорическими словами *неорганическая* и *органическая*, не зналъ бы чтѣ и отвѣчать на это. Но ученый авторъ, кажется забылъ, съ своей стороны, что не всѣ готовые все обращать въ шутку — студенты и рассыплются въ прахъ отъ удара школьнымъ дѣленіемъ науки. Съ ними надо говорить такъ, какъ-будто они понимали дѣло философически: лучшее средство доказать, что вы сами понимаете его съ этой стороны. А философія науки не можетъ допустить въ химіи такихъ категорій. Она знаетъ, что въ природѣ двумъ химіямъ быть нельзя. Если въ природѣ есть строгое единство, а безъ такого единства природа не простояла бы и трехъ сутокъ, то всякое тѣлотвоженіе, отъ водорода до бѣлковины и отъ металла до мозгова-

го вещества, должно происходить по одному, чрезвычайно простому, закону, однимъ и тѣмъ же процессомъ. *Fiat mundus et mundus factus est.* Наука, отвергающая эту великую идею, эту святую истину, была бы сумасбродствомъ, а не наукою; а при осуществленіи этой истины двѣ различныя химіи работать не могли. Химія одна. Гдѣ начало организма или по-просту жизни? гдѣ предѣлъ неорганическаго состоянія, или безжизненности?—этого никто не скажетъ. Органическое и неорганическое — пустыя слова. Все въ природѣ движется, потому что все тяжело. Философія науки принуждена нынче сознаться, что ни какой атомъ вещества не можетъ ни на одинъ моментъ прибывать въ покоѣ: онъ долженъ вѣчно двигаться и даже обладать многими движеніями вдругъ, изъ которыхъ первое и основное есть вѣроятно вибраціонное движеніе самихъ атомовъ: иначе не возможно было бы понять ни тяжести, ни свѣту, ни теплоты, ни электрическихъ, магнитическихъ явленій, ни даже сцѣпленія атомовъ въ формы различныхъ тѣлъ. Атомы между собою, какъ и небесныя тѣла между собой, связываются, держатся вмѣстѣ и образуютъ тѣла и міръ гармоніей присвоенныхъ имъ движеній. Существованіе есть движеніе, это сказано гениально. Что не движется, то вещественно не существуетъ, потому что не имѣетъ вѣсу или тяжести, которая—первый результатъ движенія или многихъ сложныхъ движеній. И въ кристаллѣ и въ *картофель* атомы, слѣдовательно, движутся постоянно, непрерывно и, притомъ, отъ прикосновенія или вліянія постороннихъ *движеній*, каковы свѣтъ, теплота, треніе, перемѣщеніе и такъ далѣе; и въ томъ и въ другомъ они одинаково способны измѣнять гармонію своихъ внутреннихъ колебаній и круженій, переходить въ другія гармоническія сочетанія движеній и являть изъ себя новыя формы сцѣпленія, другіе виды вещества, другіе *химическіе составы* или *химическія простыя тѣла*. Гдѣ же тутъ положить рубежъ для неорганическаго бытія? *Составъ* — *простое тѣло* — Боже мой! да вѣдь это все такіе же условныя и относительныя термины, какъ и *органическая* и *неорга-*

мическая химія!... Простымъ тѣломъ называемъ мы то, что не поддается извѣстнымъ намъ реактивамъ, а составомъ— только результатъ дѣйствія этихъ реактивовъ. Это не сущности, а только формы, которыя мы сами придаемъ атомическимъ движеніямъ дѣйствіемъ на нихъ постороннихъ атомическихъ движеній. Какія собственно формы образуютъ атомическія движенія въ органическомъ или неорганическомъ составѣ, пока мы его не расторгнемъ дѣйствіемъ постороннихъ движущихся атомовъ и неразрушимъ, это—тайна природы, навсегда для насъ закрытая. Такъ-называемыя изомерическія вещества или равномѣрные составы, не служатъ ли явнымъ доказательствомъ той истины, что такъ-называемыя *составныя вещества* какого-нибудь тѣла, которыя мы будто-бы открываемъ химическими производствами, суть собственно только извѣстное число формъ, принимаемыхъ атомами этого тѣла по вынужденію употребленныхъ въ производствѣ дѣйствителей? Слишкомъ грубое понятіе о тѣлотвореніи сочинилъ бы себѣ тотъ, кто бы вообразилъ или повѣрилъ, будто вода составлена дѣйствительно изъ водорода и кислорода, а масло изъ водорода, кислорода и углероду: здравое понятіе о матеріи позволяетъ намъ утверждать только то, что посредствомъ извѣстныхъ дѣйствителей и производствъ мы можемъ принудить атомы воды и масла расторгнуть двѣ эти формы гармоническихъ движеній, сдѣляющихъ ихъ въ образы воды и масла, и заставить принять формы этихъ трехъ газовъ. Но если сущность дѣла такова, то какое же право имѣемъ мы утверждать, что, сложивъ вмѣстѣ извѣстное число извѣстныхъ намъ формъ атомической матеріи, это будетъ—настоящая сельтерская вода, потому что настоящую воду принудили мы реактивами распределиться въ нашихъ сосудахъ на эти формы, между-тѣмъ какъ обстоятельства образованія и существованія двухъ жидкостей совершенно различны, и мы вовсе не знаемъ ни реактивовъ ни производствъ, употребляемыхъ природою? .. Но правда—я и забылъ, что докторъ «Письма врача къ больному» знаетъ это превосходно

изъ геологическихъ гипотезъ, которыя называетъ онъ *геомозіей!*

Одно изъ двухъ: или всѣ составныя вещества, составныя части, минеральной воды, какъ бы неуловимо мелки ни были ихъ количества, образуютъ въ ней однородное цѣлое, которое всемъ объемомъ своей сущности дѣйствуетъ на организмъ больного, или эти составныя части сохраняютъ въ ней каждая свою форму, присутствуя тутъ въ образѣ простой смѣси веществъ, а изъ нихъ дѣйствуютъ на организмъ только тѣ составныя части или формы, которыхъ количество довольно значительно для произведенія перемѣнъ и замѣшательствъ въ организмѣ, между-тѣмъ какъ прочія формы, по своей малоколичественности, уничтожаются его дѣятельностью. Первое нравится мистическимъ теоріямъ врачеванія, но здѣсь надо по-необходимости допустить второе, потому что на этой-то гипотезѣ простаго смѣшенія составныхъ частей съ сохраненіемъ ихъ формъ основана поддѣлка минеральныхъ водъ подъ натуру. Дѣйствуетъ же, при такомъ смѣшеніи, не совокупность всѣхъ составныхъ частей, а только формы, самыя обильныя по своимъ количествамъ: потому что если бы каждое гомеопатически мелкое вещество имѣло силу преодолевать внутреннюю силу организма и измѣнять ходъ его отправленій, животное здоровье на три часа сряду было бы невозможностью. Но въ такомъ случаѣ, я скажу опять: къ чему искусственная минеральная вода? какая польза отъ хлопотъ контрафакціи, когда эти истинно дѣйствующія составныя части можно прямо прописать изъ аптеки?

«Великое открытіе Струве» должно, и пора уже, поставить на ряду съ великимъ открытіемъ Дагерра и великимъ открытіемъ Рюб и Элькинтона. Искусственныя минеральныя воды, свѣтопись, гальваническое золоченіе, электрическое освѣщеніе, все это «великія открытія» одного и того же десятка. Воображенія, ослѣпленные теоріей или безотчетнымъ энтузіазмомъ, ожидаютъ и общаются отъ cadaго изъ нихъ

цѣлое море благъ для человѣчества, а практическая польза, въ сущности, получаетъ.... почти ничего; да и то что удастся получить, по заключеніи всѣхъ счетовъ, обходится такъ дорого, что *игра не стоитъ свѣчь*.

Докторъ философіи **КАРЛЪ ФОНЪ-ВИТТЕРВАССЕРЪ**.

=

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ. Сочиненія Измайлова. Изданіе Александра Смирдина. Санктпетербургъ, 1849 года, два тома.

Не ожидали русскіе читатели встрѣтить Измайлова въ лику *русскихъ авторовъ*, которымъ честный Смирдинъ такъ усердно воздвигаетъ пантеонъ, или пандемоніонъ, храмъ, куда, видно, суждено попасть всѣмъ пишущимъ и писавшимъ, на томъ же неумолимомъ основаніи. Удаляющееся съ умственного поприща поколѣніе забыло этого *русскаго автора*; новое и вовсе объ немъ не слыхивало. А между-тѣмъ Смирдинъ поступилъ по законамъ справедливости, давъ ему мѣсто въ своемъ «*Полномъ собраніи*» русскихъ литературныхъ талантовъ. Было время — и еще очень недавно — когда Измайловъ считался талантомъ. Литераторы пожаловали ему дипломъ на это званіе за его добродушіе, за его забавныя странности, за его безпечный и обязательный характеръ. Онъ былъ имъ добрый товарищъ, часто услужливый другъ — во всякомъ случаѣ, отличный слушатель ихъ произведеній, готовый восхищаться всѣмъ, что они ему ни прочитаютъ, и расхваливать творенія ихъ передъ другими — даже и въ своемъ журналѣ — несмотря на коренную лѣнь къ перу. Журнала его, правда, никто не читалъ: но все же пріятно быть по-

хваленнымъ въ печати: и всѣ они его любили—главное за то, что онъ былъ писатель безъ читателей и никому изъ пишущихъ друзей своихъ не могъ вредить въ случаѣ ссоры или неудовольствія. Въ литературныхъ собраніяхъ, онъ считался необходимымъ, и занималъ почетное мѣсто между Крыловыми, Пушкиными, Жуковскими и всемъ, что тогда сіяло на полѣ умственной славы. Камратство угодливо называло его *баснописцемъ*, даже въ присутствіи Крылова; и Крыловъ, съ пріятливою улыбкой, протягивалъ руку своему нареченному собрату по баснѣ—Крыловъ изящный дикому Крылову—великій художникъ простому плотнику, тесавшему тонкій Эзоповъ лѣсъ тяжелымъ вятскимъ топоромъ—но въ полной мѣрѣ честному писакѣ, доброй душѣ по-превосходству, веселому и радушному собесѣднику, а также и литератору, во всякомъ случаѣ достойному уваженія за благія намѣренія, за усердіе къ русскому просвѣщенію, за откровенное и прямое сердце, за бѣдность, не покрываемую даже усиленнымъ трудомъ, за великодушное безкорыстіе среди бѣдности. На той блестящей эпохѣ русскаго ума, въ которую жилъ Измайловъ, тѣнь его, для помнящихъ эту дюжус, распашную фигуру, отражается теперь страннымъ гротескомъ, который, между-тѣмъ, не безъ достоинства — даже, не безъ прелести. Измайловъ еще представлялъ собою, вмѣстѣ съ другими и при помощи ихъ, свѣтлую эпоху надеждъ, возбужденныхъ прекрасными явленіями, эпоху слишкомъ скоро минувшую и, можетъ-быть, невознаградимую будущимъ. О! какъ хотѣлось бы нынче воротить тѣ счастливыя для словесности времена, и вмѣстѣ съ ними Измайлова!... Жаль и той литературы, теперь, когда литературы не стало.

Измайловъ принадлежалъ еще къ той породѣ литераторовъ, которая нынче исчезла—какъ исчезли неаполитанскіе ладзарони—венецкія прелестницы—французскіе аббаты—англійскіе путешествующіе лорды, и другіе типы блаженной старины. Этотъ человекъ былъ ходячая литература—словесность на двухъ ногахъ и безъ перьевъ—геніальность за урядъ, въ вытертомъ и засаленномъ халатѣ. *Геній по ремеслу*, въ томъ смыслѣ что тогда называли «геніемъ», *сочинитель по*

званію, когда это званіе возбуждало еще удивленіе, *журналистѣ* по чину, когда это еще было чиномъ въ литературѣ, и чиномъ уважаемымъ, неуроненнымъ, не загрязненнымъ пошлыми страстями и недостойными расчѣтами, Измайловъ вездѣ и всюду являлся въ этомъ тройственномъ качествѣ: карманы его всегда были набиты собственными стихами, для чтенія знакомымъ и пріятелямъ, съ которыми онъ первый добродушно торжествовалъ по случаю своего остроумія, и чужими или «даровыми» статьями — тогда еще водились даровыя статьи — добытыми для его журнала, и котерыя онъ заранѣе расхваливалъ передъ всѣми — иногда довольно странно—радуясь, напримѣръ, отъ чистаго сердца, что *отъ добраго челоуька получилъ для своего «Современника» преглупую статейку—ну! такую глупую, что изъ рукъ вонь!—то то будутъ смѣяться читатели!...* Блаженное время! Счастливыи правъ!...

Однако, и между-тѣмъ, Измайловъ, сущій поэтъ, безпечный, кроткій, *предобрыи*, Измайловъ бывалъ *презлой* порою, когда онъ почиталъ самолюбіе свое или свое достоинство затронутымъ. Глѣвъ придавалъ ему тогда даже остроумія. Онъ пріосанивался со всемъ величіемъ негодующаго генія—сердился больно—грозилъ торжественно—и изображалъ себя слономъ среди мелкой сволочи завистливыхъ животныхъ, которую можетъ онъ раздавить всю одной ногою. Въ эти рѣдкія минуты онъ бывалъ неподражаемъ, въ своей баснописной грязи; и едва-ли не лучшая изъ басенъ его — та, которую написалъ онъ на своихъ пріятелей, расхваливавшихъ его при всякомъ случаѣ и вдругъ, по случаю какого-то личнаго неудовольствія, обидѣвшихъ его, какъ увѣряютъ, «неумышленно», посредствомъ своей журнальной критики. Мы говоримъ—*на товарищей и пріятелей*, по точнымъ словамъ тѣхъ, которые недавно объявили всенародно права свои на несказанно дружескія колкости этого аполога: а впрочемъ, настоящій смыслъ его намъ неизвѣстенъ. За древностью времени намеки стали непонятны, и намъ теперь видна одна только литературная сторона басни, являющейся въ свѣтъ впервые въ этомъ «*Полномъ собраніи*».

Слонъ и Собаки.

«Брыланъ задорный пестъ,
 Съ большой Свиньей схватился,
 Возился съ ней въ грязи, возился,
 Свинью кровью обагрился,
 Всю Свинью искусалъ, прогналъ и.... поднялъ носъ.
 «Знай, наши каковы кусаки!

«Сказалъ онъ ей: и вѣкъ Брылана поминай».

«Возрадовались всѣ его друзья собаки.

— Ай! ай!

«Визжить, вертя хвостомъ, Брехъ пудель сухошавой:

«Покрылъ себя, Брыланъ, ты славой!

Ай, ученикъ! Ай, другъ!

«Прославилъ ты нашъ кругъ! —

— Ай! ай! Брыланъ! ай! ай! — визжать тутъ и щенята:

«Хвала, свинной герой! — «Послушайте, ребята»!

«Брыланъ переважно возгласилъ:

«Чуть, чуть я у Свиньи хвоста не откусилъ.

«Когда же сладилъ со Свиньей,

«Примусь и за Слона: ну что? въ родню хоть толстъ,

«Да не въ родню, быть-можетъ, простъ.

«Друзья! за мной!

«Я знаю, Слоны идутъ теперь на водопой;

«Маршъ на Волыньскій Дворъ!» — За нимъ всѣ побѣжали...

«Увидѣли Слона.... смѣшались, задрожали,

«Попятились. — «Стой, толстый, стой»!

«Кричитъ Брыланъ: «какъ смѣлъ обидѣть ты дворняшку?»

— Какую? — «Завирашку.

«Проси прощенія; не то, братъ, на дуэль!

«Заставлю пролежать въ сараѣ шесть недѣль».

— Да отвяжись! Чего ты хочешь?

«Не прыгай высоко, вѣдь на клыки вскочишь. —

«Что предъ дворняшкою ты виновать, скажи

«И всю правдою въ неправдахъ намъ служи;

«Велимъ ли проучить кого, такъ развозможи;

«Лизать — лижи».

— Лизать? — Вотъ Слоны тутъ осердился,

«Брылана хоботомъ схватилъ,

«Черезъ рѣшетку выигъ его въ каналъ спустилъ;

И гдѣ же? Въ полынь, каналь, очутился;
 А Пудель?... на языкъ хотя онъ и остеръ,
 Но Нѣмецъ, такъ хитеръ
 И совѣстивѣй притомъ: вѣтъ, онъ не горячился
 И впереди щевать бѣжать назадъ пустился.

Хоть какъ собака ни сильна,
 Но гдѣ ей одолѣть Слона!
 Бѣда, когда дойдетъ до драки.
 Не трогайте жъ Слоновъ, Собаки-!

Послѣ чего Слоны и Собаки поцѣловались и были опять дружны между собою. Маленькое критическое объясненіе!... Дружба не нарушается такими бездѣлицами между людьми, которые взаимно себя уважаютъ. Признаніе, о которомъ мы сейчасъ упоминали, утверждаетъ, будто Измайловъ самъ добродушно читалъ въ какомъ-то публичномъ мѣстѣ этотъ чисто-плотный апологъ тѣмъ, на кого онъ позволилъ себѣ дружески сочинить его, и еще жалуется, что въ изданіи Смирдина многія выраженія драгоценной басни смягчены произвольно и по-напрасну. Изъ чего должно заключить, басня была первоначально еще учтивѣе и изящнѣе.

Остроуміе Измайлова, главнѣйше, вертѣлось на словахъ *собака, свинья, ромъ, аракъ, пуншъ, наливки*: на эти темы онъ сочинялъ басни, сказки, эпиграммы, пѣсни, оды, повѣсти, рассказы, анекдоты; онъ ворочалъ ихъ во всѣ стороны, и изображалъ въ различныхъ видахъ, къ великому удовольствію современныхъ балагуровъ. Этотъ родъ остроумія, высоко цѣнимый особеннымъ классомъ остряковъ, обыкновенно принадлежитъ своему времени только и, спустя немногочлѣтъ, становится непопымымъ, замѣнясь другимъ подобнымъ. Мы видѣли недавно на Руси одного извѣстнаго писателя, котораго главное остроуміе вертѣлось на *носу*: безъ *носа* онъ, великій человѣкъ, не могъ сказать ничего забавнаго, но лишь-только попадалъ на какой-нибудь носъ, всѣ обожатели его ума смѣялись заранѣе неподражаемой остротѣ, которая должна была тутъ явиться. Не знаю, въ славѣ ли этотъ *носъ* донынѣ между ними: но нѣтъ сомнѣнія, что остроуміе и иза-

щество Измайлова и этого славнаго писателя принадлежать къ одной и той же категоріи, и тотъ, кто торжественно провозгласилъ себя на Руси первымъ *genіемъ пошлости* — едва ли не похититель чужаго вѣнца. Измайловъ до него былъ уже отличный *genій пошлости* и носилъ этотъ вѣнецъ совершенно съ удовлетворительною славою. Нужно привести еще одну его басню на ту же тѣму, Собаки, но уже направленную, какъ кажется, на другой разрядъ *товарищей и пріятелей* поэта:

СОВАЧЬЯ ЗАВИСТЬ.

«Барбоска у крыльца избы людской лежалъ.
 Къ нему безъ памяти вдругъ Жучко прибѣжалъ
 И говорить: «Барбоска!
 Вѣдь господа
 Приѣхали изъ Питера сюда,
 А съ ними моська,
 Хрипуня старая, Полканъ....»
 Щемчишка? — «Погляди какой сталъ великанъ!
 Да какъ присталъ къ нему ошейникъ....»
 — Ошейникъ? Ахъ, мошенникъ!
 Давно ли я таскалъ за шиворотъ его?
 Намъ, старикамъ, такъ ничего?
 Ну, право, господа не знаютъ,
 За что такъ награждаютъ!
 Да попадись онъ мнѣ, то я ужъ прочу:
 Какъ за уши схвачу
 И тряску
 Такую дамъ.... —
 «А вотъ онъ самъ;
 Ну, дай-ка, братъ, ему острастку».
 Взглянулъ Барбосъ —
 По жиламъ пробѣжалъ морозъ:
 Собаку страшную онъ видитъ предъ собою;
 Полканка былъ не то, что за годъ передъ симъ,
 Нѣтъ, не Барбоскѣ лапоть съ нимъ.
 Ретироваться онъ хотѣлъ бы прежде бою.
 Вскочилъ подлець. Не знаетъ чтѣ сказать,
 Хвостомъ вертитъ — и ну щенка лизать.

Вотъ такъ-то Гуръ Пафнутычъ разсердился
 На Разумова, что тотъ орденъ получилъ. —
 «Да какъ онъ къ намъ опредѣлился,
 Я ужъ тогда... въ архивѣ былъ
 Помощникомъ! А онъ былъ что? — мальчишка,
 Такъ, школьникъ, писариска!
 Теперь ассессоръ, кавалеръ!
 А я ужъ тридцать лѣтъ, какъ оберъ-офицеръ,
 Но вѣту у меня и бронзовой медали;
 Писцу же такъ крестъ дали!»
 — Послушай, Гуръ: былъ Разумовъ писцомъ,
 И мы съ тобой писцами были;
 Онъ послѣ сдѣлался дѣльцомъ,
 Служилъ съ отличіемъ; за то и наградили.
 Что сдѣласть онъ въ день,
 Того, хоть пять очковъ надѣнь,
 Не сдѣлаешь и въ годъ, какъ ты ни хоробрился.
 Молчать, архивна крыса!»!

Изящно-выразительные эпитеты *каналья*, *подлецъ*, какъ оказывается, красовались въ русской словесности уже до извѣстнаго гения — писателя, который изобрѣлъ *носъ* и которому любители энергическаго слогу и неподдѣльной натуры приписываютъ славу введенія этихъ счастливыхъ смѣлостей въ новѣйшія «поэмы». Живописное животное, играющее въ его эпическомъ остроуміи играетъ почти такую же блестящую роль какъ и самый носъ, тоже — не новость на поприщѣ нашего искусства: доказательство слѣдующая страница Измайлова —

«Скотянину одинъ знакомый говорилъ,
 Что онъ напрасно
 Такъ страство
 Свиной любилъ;
 Что даже и опасно
 Бываетъ отъ свиней.
 «Ну такъ, вѣдь ты, братъ, всѣхъ умнѣй!
 Чего Свиной мнѣ опасаться?
 Онъ меня и любить и бояся.
 А безъ Свиной, ей-ей, тебѣ не лгу

И жить я не могу:
 Я выросъ со Свиньями,
 Какъ ты межъ умными людьми,
 И знаю, сказано тебѣ будь не во гнѣвъ,
 Получше, нежели вы всѣ, свиной мой хлѣвъ.
 Не думай, чтобъ меня хавровья укусила:
 Велико слово, говорю,
 Расчетверю, распятерю,
 Повѣшу на чердакъ окорока безъ рыла.
 Безграмотный Тарасъ,
 Вѣрь, право, не глупѣй всѣхъ грамотѣевъ васъ.
 Въ тезоименитство свое, иль именны
 Скотининъ вздумалъ сдѣлать пиръ,
 Сказать такъ, на весь миръ.
 Сосѣдей пригласилъ, родныхъ всѣхъ Простаковыхъ,
 Надѣлъ съ голунчикомъ капральскій свой мундиръ,
 И вотъ въ саложкахъ новыхъ
 Идетъ онъ съ важностью на задній скотный дворъ,
 Свиней, Свиней въ грязи его тамъ ищетъ взоръ.
 «Аксюшки! Гдѣ вы? На смотръ передо мною!»
 И вотъ одна бѣжитъ къ нему *Свинья свиныею*,
 Обрадовалась такъ, что мигомъ сшибла съ ногъ;
 Скотининъ, хоть капралъ, но устоять не могъ:
 Въ обновкѣ поскользнулся
 И замертво упалъ, — кой-какъ чрезъ часъ очнулся,
 И видитъ, что мундиръ, который такъ берегъ,
 Испачканъ, изорванъ! — и дядя Митрофана
 Остался безъ кафтана,
 Да, съ мѣсяцъ охая, на лавкѣ пролежалъ,
 Другой потомъ хромалъ. —
 И все Аксютку проклиналъ.

Чѣмъ при свиньяхъ всегда остерегаться,
 Не лучше ли отъ нихъ, коль можно, удалиться?

Повѣсти въ *гениально-пошломъ* родѣ началъ писать также
 Измайловъ: въ нихъ нѣтъ ни плана, ни рисунка, какъ и въ
 тѣхъ повѣстяхъ, которыя впослѣдствіи прославились подъ
 другимъ болѣе знаменитымъ именемъ; но пошлости, нечисто-
 ты, грязной энергіи; ровно столько же тутъ какъ и

тамъ,—если такія вещи подлежатъ измѣренію. Повѣйшее усовершенствованіе состоитъ только въ томъ, что нынче такія творенія называются «поэмами». Небольшая выписка изъ *россійской повѣсти Бѣдная Маша* удостовѣритъ всякаго, что Измайловъ былъ-таки «Гомеръ» съ дарованіемъ. У господъ Простаковыхъ, людей *посредственнаго ума и посредственнаго состоянія* и почтеннѣйшихъ жителей одного уѣзднаго города, гдѣ *главнѣйшее упражненіе ихъ состояло во снѣ и въ употребленіи домашнихъ наливокъ съ сосѣдями и пріятелями*, жила прекрасная племянница Маша, ихъ будущая наслѣдница. Нѣкоторый молодой человекъ, Миловъ, пріѣхавшій въ тотъ городъ по своимъ дѣламъ, увидалъ ее, влюбился, и запыхалъ страстью обладанія. Онъ обращается къ свахѣ. «Проворная сваха пошла прямо отъ Милова къ Простакову. Входитъ въ комнату и, помолившись, кланяется низехонько хозяину и хозяйкѣ. — Мнѣ есть до вашей милости ну- жда, говоритъ она имъ.—Какая, голубушка, какая? спрашиваетъ ее Простаковъ.—У васъ есть товаръ, а у меня ку- пецъ. — Садись-ко, садись.... дай-ко, жена, намъ нали- вочки. — Сватается, батюшка, за вашу племянницу моло- децъ смиренный, постоянный и, какъ красная дѣвушка, хмѣльного въ ротъ не беретъ. — Хорошо, старушка, хо- рошо; да таковъ ли онъ полно? сказала Простакова свахѣ, поднося ей рюмку крѣпкой наливки. — Чтобы мнѣ, ста- рой вѣдьмѣ, сейчасъ захлебнуться, коли я вамъ лгу.... Сами изволите увидѣть, коли прикажете ему къ себѣ по- бывать. — Пусть пожалуетъ, пусть пожалуетъ: мы ради дорогому гостю». Дѣло рѣшилось коротко и быстро. Маша вышла за Милова, который черезъ нѣсколько недѣль послѣ свадьбы, взявъ деньги и драгоцѣнности своей супруги, уѣхалъ къ себѣ на родину, въ городъ Н***, съ условіемъ скоро воротиться, а между-тѣмъ писать какъ можно чаще. Но съ той минуты Миловъ пропалъ безъ вѣсти. «Проста- ковъ писалъ къ своимъ знакомцамъ, живущимъ въ Н***, прося ихъ увѣдомить себя пріѣхалъ ли туда его зять и здо- ровъ ли? но получилъ отъ нихъ въ отвѣтъ, что онъ не пріѣзжалъ въ сей городъ и никогда не живалъ въ немъ. По

« своему ли благоразумію, или по совѣту жены своей, по-
 « жилъ онъ не сказывать о семъ Машѣ до нѣкотораго вре-
 « мени. Въ одинъ день, какъ онъ не зналъ, что думать долж-
 « но объ Миловѣ, получаетъ письмо отъ своего знакома,
 « который пировалъ на свадьбѣ его племянницы и который
 « поѣхалъ недавно въ одинъ городъ за своею нуждою. Гра-
 « мотка сія была слѣдующаго содержания:

« *Государь мой Пантелеймонъ Трифоновичъ обще съ Государы-
 « нею Саламандою Тарасьевою желаю вамъ на многія лѣта
 « здравствовать.*

« Усердно поздравляю васъ съ наступившею Святой Четыре-
 « десятицею, желаю вамъ душевспасительно оную проводить;
 « уведомляю притомъ, во первыхъ, что я пріѣхалъ сюда живъ и
 « здоровъ, а во вторыхъ, что нашелъ здѣсь вашего зятя, саречь
 « мужа вашей племянницы, господина Милова. Да будетъ вамъ,
 « государю моему, вѣдомо, что онъ находится не у дѣла, а же-
 « нать уже года три на другой женѣ, не на русской, а на Нѣ-
 « кѣ, живетъ здѣсь съ нею и ѣсть по постамъ скоромное. Совѣ-
 « тую вамъ, яко старинный другъ, приказать вашей племянницѣ,
 « чтобы она о семъ не печалывалась, а подала бы лучше на него
 « просьбу куда подобаетъ. За сямъ остаюсь вашъ вѣрный слуга
 « *Филимонъ Фатюевъ.*

« П. П. Здѣсь варять изрядное-таки пиво, но только, по глу-
 « пому обыкновенію, кладутъ въ него маю хмѣлю, вина же
 « дѣльнаго и хорошей водки не скоро найдешь.»

« Прочитавши сіе письмо и проклиная безсовѣстнаго сво-
 « его зятя, Простаковъ рѣшился послѣдовать совѣту умнаго
 « своего пріятеля: позвалъ Машу, вынулъ пагубное письмо
 « изъ кармана, надѣлъ очки и прочелъ оное передъ нею вслухъ
 « съ возможною декламаціею». Остальное неинтересно: по
 « тогдашнему повѣстному уставу всѣ дѣйствующія лица умираютъ или убиваютъ себя въ концѣ исторіи. Но эти выписки
 « удовлетворительно доказываютъ, что отъ Измайлова до по-
 « слѣдняго Гомера одинъ только шагъ — наступательный —
 « или понятный? — это рѣшатъ знатоки и цѣнители гениаль-
 « ныхъ пошлостей, или пошлыхъ гениальностей.

Самую занимательную часть твореній Измайлова соста-
 « вляютъ, по нашему слабому вкусу, его письма. Въ нихъ по-

крайней-мѣрѣ отражается тотъ древній вѣкъ, тѣ древніе люди и событія, тѣ допотопные нравы, взгляды и понятія, которые господствовали въ литературѣ и обществахъ лѣтъ тридцать или тридцать-пять тому назадъ. Одно изъ любопытѣйшихъ писемъ посвящено описанію литературно-музыкальнаго вечера, даннаго основателемъ «Сына Отечества» по случаю истеченія перваго десятилѣтія этого журнала. *Сочинителей* уже было тогда много въ Петербургѣ, и они, по девяти классическимъ родамъ словесности, правильно раздѣлялись на девять разрядовъ, кромѣ главнаго раздѣленія на двѣ общія фаланги, стихотворцевъ и прозаиковъ. Странно, и невѣроятно: они нерѣдко всѣ сходились вмѣстѣ, и имъ бывало весело!... Они составляли какъ-бы отдѣльное сословіе, которое ссорилось тихо между собою, но держалось вмѣстѣ передъ свѣтомъ и съ нимъ не смѣшивалось. Отсюда, вѣроятно, происходило въ публикѣ понятіе, что свѣтскій человѣкъ не можетъ быть писателемъ. Еще недавно, почтенной бабушкѣ Лермонтова говорилъ одинъ извѣстный въ тогдашнемъ обществѣ господинъ: «Какъ это можно, « чтобы вашъ внукъ сочинялъ стихи!... *На то есть особый классъ людей.* Запретите ему, пожалуйста». Когда въ 1812 году, начинался «Сынъ Отечества», никто не зналъ, и даже самые смѣтливые въ разчетахъ люди, не подозревали, что на Руси есть читатели. Первое тисненіе «Сына Отечества» ограничивалось *шестьюстами* экземплярами!... Болѣе этого способныхъ къ чтенію людей въ Россіи не предполагалось. Расчетъ былъ даже смѣлый: прежніе русскіе журналы съ трудомъ достигали числа четырехъ сотъ подписчиковъ. Но эти шесть сотъ экземпляровъ были мгновенно расхвачаны. Напечатали еще шесть сотъ. И этихъ не достало. Словомъ, къ великому изумленію основателя перваго порядочнаго журнала въ Петербургѣ, въ первый же годъ оказалось, что на обширной поверхности русскаго царства можно считать до двухъ тысячъ умныхъ и понятливыхъ любителей отечественнаго чтенія. Тридцать лѣтъ спустя «Библіотека для Чтенія» рассчитывала только на существованіе трехъ тысячъ образованныхъ читателей и

также не безъ удивленія увидѣла, что ихъ нашлось слишкомъ пять тысячъ. Эти различныя числа могутъ служить довольно вѣрнымъ мѣриломъ успѣховъ отечественной образованности въ разные эпохи.

Но письма о Самоѣдахъ, писанныя къ сыну въ 1828 году, еще любопытнѣе писемъ о сочинителяхъ. Если сказать правду, то одна только эта часть твореній Измайлова и можетъ вынести чтеніе въ настоящее время. Жаль, что она такъ ограничена. Чтобы, въ заключеніе, помянуть покойнаго *баснописца* добромъ, прочитаемъ всѣ вмѣстѣ одно изъ этихъ писемъ.

«Мы прѣехали сюда въ четыре часа въ сумерки. На другой же день увидѣли оленей и Самоѣдъ, и давно уже приглядѣлись къ тѣмъ и другимъ. Последніе почти ежедневно бывають у нашей доброй хозяйки.

• Третьяго дня, на свободѣ отъ занятій по рекрутскому присутствію, — на которыя въ продолженіе цѣлаго мѣсяца едва ли употребится двѣнадцать часовъ, потому что рекруты поступаютъ натурую очень мало, а большая ихъ часть вносятъ за себя деньгами, — собрались мы довольно большою компаніею въ Семжу, или Устьсемежское Усолъе, верстъ за сорокъ отъ Мезени, куда ожидали нѣсколько самоѣдскихъ чумовъ*. Впереди насъ поѣхали: жена здѣшняго маіора внутренней стражи съ двумя дочерьми узднаго лекаря; я сидѣлъ въ другой повозкѣ съ маіоромъ; въ третьей исправникъ съ Навлянкою и Шестаковымъ; въ четвертой лекарь и почтовый экспедиторъ. Выѣхали мы въ часъ по полудни. *Вдаль, идемъ, путь далека!* Вдругъ перебѣжалъ черезъ дорогу заяцъ. Передъ несчастіемъ! И точно! Ну какъ не вѣрить приметамъ? Не прошло десяти минутъ, какъ кибитка наша опрокинулась. Маіоръ навизъ, я на маіора. Вытащили его одного изъ подъ меня, и слава Богу, живаго. Встали, встряхнулись, посмѣялись и полетѣли далѣе. Проѣхавъ болѣе двадцати верстъ, остановились у рѣчки Пынъ, въ черной избѣ Анкудяна. Этотъ знаменитый Анкудянинъ пастырь, звѣроловъ и рыболовъ. Хижина его построена на паскотинѣ, то есть на пастбищѣ, которое ежедневно орошается выступающею во время прилива изъ рѣчки Пынъ морскою во-

* Чумомъ называется какъ шатеръ изъ оленьихъ кожъ, такъ и все къ нему принадлежащее, то есть олени и самые люди.

дою, отъ чего трава получаетъ особенный вкусъ и утучняетъ пасущихся на ней *порозовъ* (быковъ). Лѣтомъ пасеть онъ скоть и ловить рыбу; зимою стрѣляетъ птицъ и волковъ. Вошедши въ мирное его жилище, украшенное ружьями и волчьими кожами, по примѣру незабвенныхъ путешественниковъ *Пошехонцевъ*, сосчитали мы себя. Поѣхало насъ всѣхъ десять человекъ, а по самому вѣрному счету оказалось только девять. Пропалъ твой братъ Павлуша. — «Гдѣ же онъ?» спрашиваю исправника. — Его переманилъ отъ меня *monsieur Henri* (Андрей.....). — «О, *monsieur Henri*! *monsieur Henri*! Онъ прекрасно танцуетъ, но плохо пишетъ и разсуждаетъ». — Ну, какъ они запоздають и не успѣють пріѣхать сюда до прилива! — «А скоро будетъ приливъ?» — Да по-крайней мѣрѣ черезъ часъ. —

«Прошелъ часъ, стало смеркаться. Нѣтъ *monsieur Henri*, нѣтъ Павленьки! Оставили людей на случай помощи имъ въ переправѣ, во время прилива черезъ рѣку, переправили свои экипажи, перешли благополучно черезъ опасную и крутобереговую Пыю, съѣли и поѣхали.

«Не довѣзжая версты три до Семжи, встрѣтили самоѣдскіе чумы; едва можно было разглядѣть въ темнотѣ оленей и Самоѣдъ.

«Вотъ и Семжа! Гостепріимный хозяинъ и его доброе семейство встрѣтили насъ съ огнемъ. Входимъ въ комнаты, очень чистыя и хорошо прибранныя. Въ главной комнатѣ, залѣ, или гостиной, по всѣмъ четыремъ угламъ * накрытаго бѣлою скатертью стола, стояли горящіе свѣчи, а посреди баранки, крендельки, бѣлые тверскіе пряники, изюмъ, чернославъ, брусничная постила, огромные грецкіе орѣхи, каменные русскіе орѣхи, крошечные кедровые орѣхи.

«Но ни орѣхи, ни баранки, ни пряники, ни даже вкусная брусничная постила не шли мнѣ въ душу, потому что я думалъ все про Павлушу. Не утонулъ ли онъ въ Пыѣ? Не съѣли ли его волки? Спутнику его хорошо: легкокъ, убѣжить, викакой волкъ его не догонитъ. А Павлуша, Павлуша! Для волковъ ли выкормилъ я его архангельскими шенежками, холмогорскими тетерками, кеврольской говядиною, кольскою трескою, динискою семгою, печорскими чирами, пелегами, и прочая **.

* На десертномъ столѣ у мезенскихъ поселанъ свѣчи ставятся не иначе, какъ по всѣмъ четыремъ концамъ, или угламъ стола.

** *Шенежки* — родъ лепешекъ, *тетерки* — тоже родъ хлѣбнаго, похожаго на кашинскія *бестычки*. Лучшею говядиною считается привози-

«Вдругъ растворяется дверь, входятъ съ потушенными глазами Павелъ и шопиенг Ненги. Отлегло на сердцахъ. Первому сдѣлать строжайшій выговоръ; послѣдняго всё пожурили за то, что соблазнилъ неопытнаго молодого человека; а я рѣшился ему отметить, всю ночь думалъ объ этомъ и отместилъ на другой день, какъ послѣ увидишь. Грѣхъ, великій грѣхъ соблазнять молодыхъ людей. — Давайте теперь орѣховъ!

«На другой день, въ воскресенье на разсвѣтѣ (а здѣсь разсвѣтаетъ часовъ въ десять утра; лѣтомъ же, какъ въ Колѣ, совсѣмъ не заходитъ солнце), прѣехали за вами олени. Какъ добрые христіане пошли мы напередъ въ часовню, въ томъ числѣ и я, несмотря на мучительную одышку, которою страдалъ въ то время. Часовня древняя, деревянная, украшена большими серебряными, вызолоченными образами. Вообще въ архангельской губерніи народъ усерденъ къ святымъ иконамъ. Въ частныхъ домахъ, не только у купцовъ и мѣщанъ, но и у крестьянъ, даже не весьма богатыхъ, найдете въ переднемъ углу и въ простѣнкахъ образа въ хорошихъ серебряныхъ окладахъ.

«Помолившись въ часовнѣ Богу, отправились всё къ чуманъ на оленяхъ. Для меня только хвораго одного запрягли въ обшивши лошадку. Хотя она и не такъ прытко бѣжала, но зато покойнѣе было ѣхать по тундрѣ, устѣянной кочками. Пробѣжавъ версты двѣ, увидѣлъ я въ чистомъ полѣ четыре чума, или шатра изъ оленьихъ кожъ. Бѣлые олени разсыпаны были по необозримому бѣлому пространству, и передней ножкой разгребали мягкой снѣгъ, чтобы достать себѣ бѣлаго моху, составляющаго здѣсь единственную ихъ пищу.

«Подѣхали къ одному чуму, подвяли полу, вошли. Посреди чума, устланнаго внутри оленьими кожами, пылалъ свѣтлый огонькъ, а надъ огонькомъ висѣлъ котликъ, по сторонамъ лежало *смолье* (расчепанные дрова, подгниеты). Расположились вокругъ огонька, на оленьихъ кожахъ. Многие прѣехали сюда послѣ насъ изъ Мезени и изъ ближнихъ селеній. Въ углу нашего чума увидѣли мы маленькую запачканную Самоѣдку, лѣтъ двухъ или трехъ. «Какъ жаль, что не взяли мы съ собою гостинца!», сказала добрая маіорша. У меня случились въ карманѣ орѣхи, которые я отдалъ я ей. Она разгрызла ихъ и попотчивала малютку.

«По предложенію моему, стали играть въ фанты, чего, вѣр-
ная изъ Кеврольской волости винежскаго уѣзда. *Чиръ и пеленъ* — прѣ-
кусная рыба, даже мороженая.

ятно, ни до насъ, ни послѣ насъ не было ни въ одномъ самоѣдѣ: съдѣть чуму. *Охъ болитъ!* — *Что болитъ?* Шерче (такъ прозвано-сли слово сердце въкоторыя мезенскія дѣвицы). По комъ? — *По рѣдѣшкѣ, по палыни, по чертѣположѣ.* Я, какъ стихотворецъ, принялъ на себя названіе *подсолнечника*. И по мнѣ болѣли дѣвочки и дамскія сердца, только не долге, не опасно, да и напрасно.

«Не угодне ли посмотрѣть теперь оленей?» — Очень радъ. — Вышли изъ чума. Самоѣды пробормотали что-то своимъ собакамъ, и вотъ тѣ съ лаемъ разсыпались по полю, и въ минуту, а много въ двѣ, или три, сорвали въ одно мѣсто оленей, которые построились въ густую колонну. Одинъ Самоѣдъ обвязалъ ихъ вокругъ веревочною. Что за олени! Не такіе уже, какихъ видалъ я въ Пинегѣ. Рослые, бодрые, красивые, одинъ другаго лучше. Полюбовавшись ими, попросилъ я распустить ихъ. — «Позвольте, сказали мнѣ: надобно прежде поймать одного изъ присужденныхъ къ смертной казни.» — Вотъ бросилъ тоненькую веревочку — другую, и зацѣпилъ за шею одного несчастнаго, худаго и комолаго оленя. — Между-тѣмъ, какъ тащили его, я съ нѣмъ-то заговорился. — «Что же? говорятъ мнѣ: за вами стало дѣло. Я оглянулся: передо мною стоитъ ужасный Самоѣдъ со взмахнутою надъ преклоненнымъ передъ нимъ оленемъ сѣкирою, или, просту сказать, топоромъ, и смотритъ почтительно и пристально мнѣ въ глаза. Я подалъ знакъ! — Хлопъ обухомъ по лбу — и несчастная жертва упала бездыханна. Самоѣдъ-палачъ началъ рѣзать убитаго оленя горло — и въ ту же минуту бросилось на него около дюжины Самоѣдокъ съ короткими ножами, и стали сдирать кожу и разрѣзывать ноги. Въ мгновеніе ока раздвоили туловище оленя: въ одной половинѣ, какъ бы въ сосудѣ, стояла теплая кровь; нарядныя Самоѣдки обмакали въ нее куски сыраго мяса и пожирали съ жадностью. Въ самое это время потчивали ихъ виномъ. Не знаю, есть ли что въ природѣ отвратительнѣе пьяной и выпачканной въ крови Самоѣдки. Я не могъ долго смотрѣть на это зрѣлище, отворотился и сталъ разговаривать съ веселымъ *monsieur Henri*.

«Вотъ изъ разношерстной толпы, окружавшей кровавые останки несчастной жертвы, приближается къ *monsieur Henri* молодая полупьяная Самоѣдка, съ грасами, съ пляскою; онъ самъ, увидя ее, съ улыбкою начинаетъ дѣлать разные па на сѣгѣ. Уже не болѣе трехъ шаговъ оставалось межъ ними разстояніе.... какъ молвія бросается она къ нему, заключаетъ въ свои объятія, цѣ-

луетъ и невольно обагрѣетъ нѣжное лицо его оленью кровью, которою сама была вымарана. Всѣ засмѣялись — monsieur Henri заплакалъ и обтерся спѣгомъ.

«Послѣдствія сего поцѣлуя были, какъ узнаешь послѣ, весьма важны для monsieur Henri. Вотъ какимъ образомъ, съ помощію нѣкоторыхъ дамъ, научившихъ Самоѣдку, отмстилъ я ему за причиненное мнѣ вчера безпокойство.

«По уничтоженіи оленя, начались, подъ открытымъ небомъ, на сѣнгу пляски и пѣвіе. «Что пѣли Самоѣдки?» спросилъ я одного толмача изъ нашихъ русскихъ крестьянъ. — Да чтѣ, сударь? Мы напились и намъ весело, очень весело! вотъ и все тутъ.

«Не утерпѣвъ, рѣшился прокатиться еще разъ на оленяхъ. Для меня запрягли самыхъ лучшихъ. Мигомъ пролетѣли двѣ версты.

«Въ этотъ день дѣлали для насъ, въ Семжѣ, вечеринку. Бывало, на прежнихъ всегда открывалъ балъ первый мезенскій танцоръ monsieur Henri, подъ вокальную музыку: кричи: *гуси, домой! кричи, лебеди, домой!* Танцы давно уже начались, а monsieur Henri нѣтъ, какъ нѣтъ. — «Гдѣ же онъ?» спрашиваю я. — Въ сѣняхъ плачетъ. — «Отъ чего?» — Да отъ того, что ни одна дѣвица не хочетъ съ нимъ танцевать. — «Почему?» — Да потому, что *нечистая* * Самоѣдка его поцѣловала. — Жаль мнѣ стало бѣднаго monsieur Henri, вышелъ я къ нему въ сѣни, привелъ въ залу собранія, упробилъ дѣвицъ, чтобы танцовали съ нимъ. Просьбу мою уважили: одна дѣвица подала ему руку и онъ запорхалъ какъ Зефиръ, запрыгалъ какъ выжикъ при согласномъ пѣніи: *и я улкой шла, переулкомъ шла, клубокъ нитокъ нашла.*

«И къ намъ возвратилось

«Веселье опять

«И игры и сѣтхи

«Опять начались».

* И самые Самоѣды признаютъ подругъ своихъ и дочерей *нечистыми*.

VI, ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

=
ИЮНЬ, 1849.
=

Н О В Ы Я К Н И Г И .

1. ВЕНЕЦІЯНСКІЙ ПИРАТЬ. *Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.* В. С. Таирова (СП.-бургъ, 1848).

2. ЧЕРНАЯ НЕМОЧЬ. *Русская драма былина въ трехъ суткахъ.* Сочиненіе А. П. Славина (СП.-бургъ, 1849).

Одинъ великій философъ увѣрялъ меня, что мы, Русскіе, въ литературѣ, все прекрасно начинаемъ, но ничего не кончимъ прекрасно — что намъ слѣдовало бы всегда начинать — наше дѣло начальное — писать бы намъ только однѣ первыя половинныя книги, половинны романы, половинны повѣстей, трагедій, комедій, драмъ, даже водевилей: тогда бы литература наша прославилась на весь міръ своею затѣйливостью, блескомъ своихъ идей, изобрѣтеніемъ, геніальностью. Мы не издерживаемъ мыслей нашихъ съ правильною и разсчитанною экономіей, говорилъ онъ, а мотаемъ ихъ и концовъ никогда сводить не умѣемъ: въ первой половинѣ творенія мы уже разорились влухъ; во второй уже намъ нечѣмъ жить — мы въ нищетѣ — изворачиваемся какъ можемъ, и долговъ, сдѣланныхъ вначалѣ, никогда не платимъ, обязанности, принятыхъ логикою въ первой части сочиненія, не

выполняемъ — попадемъ подъ судъ — нашъ умъ берутъ въ опеку или налагаютъ на него запрещеніе — а мы кричимъ: судьи у насъ пристрастны!... да у насъ нѣтъ справедливости!... посмотрите, какъ мы богатырски начали!... Въ доказательство основательности своего мнѣнія этотъ философъ разбиралъ передо мною извѣстѣйшіе наши плоды воображенія и писательскаго искусства, и показывалъ, что повсюду конецъ вредитъ началу, что почти нигдѣ нѣтъ правнлаго, изящно и сильно соображеннаго цѣлаго, что генія у насъ хватаетъ всегда только на половину зати: начало — удивительное, а конецъ — какъ Богъ далъ!... слабо! вяло! скучно! беспорядочно!... Мы слишкомъ горячимся: тотъ, кто бы выучилъ насъ тише ѣхать, былъ бы для насъ полезѣйшимъ учителемъ. Одна изъ умѣйшихъ главъ, какую написалъ Монтанъ въ своей цинической философіи, относится къ тому, какъ вредно горячиться вначалѣ: всѣ неудачи наши въ дѣлахъ, предпріятіяхъ, надеждахъ, въ любви, и даже въ супружествѣ, приписываетъ онъ этой неукротимости права, неспособнаго владѣть собою и дѣйствовать хладнокровно для большаго жару. Геній — терпѣніе. Искусство — хладнокровіе. Сила — спокойствіе. Огонь и блескъ — произведенія темнаго и ледовитаго расчета. Восторгъ нигде негодится для того, кто долженъ въ другихъ возбуждать его. Однажды, въ «Лучи», Рубини, добывъ изъ глубины души, изъ пылающихъ пропастей сердца, одну изъ тѣхъ свѣтлыхъ, огненныхъ, электрическихъ нотъ, которыя своими павосомъ потрясаютъ всѣхъ зрителей, обернулся вдругъ къ кулисамъ. «Слава, Рубини! чудо!... какой огонь!... какое несравненное чувство!... сказала вполголоса свѣтора Г***: ты великъ!... я вся горю!» — «Нѣтъ, не хорошо! отвѣчалъ онъ съ досадою: я съѣлъ только три сырыя яйца; скажите моему человѣку, чтобы поскорѣе привезъ сюда еще два, а завтра, не забудьте, мы будемъ выѣсть кушать устрицы.» И, едва успѣвъ выговорить это, онъ продолжалъ итти съ тѣмъ же патетическимъ увлеченіемъ, съ тѣмъ же каущимся жаромъ. Вотъ настоящій художникъ! Возьмите въ образецъ его, когда сочиняете.

Въ литературныхъ неудачахъ нашихъ философъ мой обвинялъ отчасти нашихъ судей искусства — нашу критику — которая, во его словамъ ни хвалить ни бранить не умѣетъ, хоть и поперемѣнно то превозноситъ на повалъ, то бранится до-небесъ. *Прямъ изъ души вылилось — истинное чувство — неподдѣльная веселость* — вотъ ея любимыя выраженія, всегдашнія формы похвалы, и опытные сочинители вѣрятъ этому: они выдвигаютъ вамъ право

изъ души всякія безсмыслицы, хотѣть сами чувствовать, когда должны обдумывать средства какъ бы возбудить чувство въ другихъ, и садятся забавлять васъ, когда имъ самимъ весело: удивительно ли, что они надобѣдаютъ вамъ только своей рѣзвостью и производятъ въ васъ скуку тѣмъ, что принимаютъ за *неподдѣльную веселость*. Неподдѣльное въ литературѣ, въ искусствѣ — только то, что превосходно поддѣлано. «Что вы такъ скучны?» спрашивалъ кто-то одного великаго комика. «Думаю о томъ, какъ быть очень веселымъ сегодня вечеромъ на сценѣ; не могу попасть на настоящую натуральность.» Нигдѣ не пужно столько разчету какъ въ писанномъ чувствѣ. На то искусство! Риторъ, который хотѣлъ учить ораторовъ и сочинилъ знаменитое правило: *хочешь ли, чтобы я плакалъ?... плачь самъ прежде!* — выразился неточно. Слѣдовало сказать: *притворись мастерски, будто самъ плачешь*. Если бы ораторъ вправду расплакался, слушатели его навѣрное бы расхохотались.

Твореніе господина Тамрова, «Венеціанскій пиратъ», вполне оправдываетъ строгія сужденія моего великаго философа. Я душевно сожалѣю объ этомъ: потому что до половины книги тутъ есть большой драматическій талантъ — неопытный — велокій — безъ слогу — безъ отдѣлки въ подробностяхъ — но тѣмъ не мѣнѣе отличный талантъ. Въ первомъ актѣ уже есть идея, полная на будущее время превосходными положеніями и сильными эффектами. Я вспомнилъ моего философа и подумалъ: ну, конецъ дѣлу! начало прекрасно; во второмъ актѣ все это будетъ перенорчено; сочинитель ничѣмъ не воспользуется и всѣ эти драматическія богатства промотаетъ попустыкамъ. Къ удивленію моему, второй актъ оказался еще лучше перваго: авторъ съ примѣчательнымъ истинитомъ сцены, воспользовался всѣмъ, что только могло послужить къ возбужденію глубокаго интересу и къ образованію сильной, плотно запутанной завязки. Читаю третій актъ — и глазамъ своимъ не вѣрю: всѣ эффекты, къ которымъ былъ способенъ сюжетъ, извлечены изъ него натурально, живо, смѣло, даже въ излишество, всѣ характеры возведены на высокую степень драматической живописности — дѣло кипитъ — дѣйствіе разгорячается — ужасъ, состраданіе, любопытство, изумленіе, всѣ элементы драмы подняты на ноги и глядятъ вамъ въ глаза наслаждавшимся вашимъ волненіемъ. Пропалъ мой великій философъ! думаю я про себя: еще одинъ такой актъ, и вся его система долой; еще пять, шесть ловкихъ сценъ, также естественно простирающихся изъ предъидущихъ событій, и вся эта великолѣпная завязка развѣ-

жется быстро, ясно, правдоподобно, и мы будемъ имѣть первую русскую драму, которую можно выслушать до конца съ поразительнымъ и возрастающимъ интересомъ.

Смѣло, и съ надеждою на господина Таурова, читаю четвертый актъ.... О! боги!...

Читаю пятый. Книга — изъ рукъ вонъ! Что это такое? Куда дѣвались талантъ, сила, быстрота, движеніе первыхъ трехъ актовъ? Всѣ характеры уничтожены. Всѣ сильно драматическія событія превращены въ шпости. Всѣ трогательныя черты выда ны на жертву несообразностямъ, лишеннымъ даже преимущества новости. Убитые оживаютъ — да еще какъ убитые!... на сценѣ, при глазахъ всѣхъ зрителей. Провалившіеся сквозь землю въ одномъ концѣ свѣта выходятъ въ другомъ. Ложные слухи — промахи въ книжалахъ — ошибки въ лицахъ — несчитая грамматическихкихъ ошибокъ, которыми усѣяны всѣ пять актовъ, и о которыхъ не стоило бы труда упоминать, если бы драма была ведена съ искусствомъ и выдержана до конца. Османъ, который сжегъ Александрійскую Библіотеку, не истребилъ бы огнемъ этихъ трехъ первыхъ актовъ съ большею жестокостью, чѣмъ господинъ Тауровъ двумя послѣдними.

Какъ вы думаете, что дѣлаютъ въ этой второй половинѣ драмы, которой первая состоитъ изъ живой и эффектной картины преступленій правителя одного изъ венеціанскихъ острововъ, занимающагося въ-подъ-тишка, вмѣсто преслѣдованія пиратовъ, морскимъ разбоемъ въ Адриатическомъ Морѣ?... Сцена превращается въ канцелярію, гдѣ — дѣлаютъ слѣдствіе — собираютъ справки — чинятъ допросы — оличаютъ документы — пишутъ докладъ — приводятъ къ рукоприкладству — слушаютъ дѣло въ полномъ собраніи совѣта — подають голоса — судятъ — и судить не умѣютъ!... судятъ вопреки всѣмъ законамъ — не венеціанскимъ, это бы еще не бѣда, а логическимъ, что очень досадно. Прекрасное занятіе для драмы! Вмѣсто игры страстей — безпристрастіе! Вмѣсто дѣйствія — застѣланіе! Уже лучше бы стлать играть въ вистъ-презерансъ: можетъ-статья поссорились бы Страсти разыгрались бы по-крайней мѣрѣ!

Конечно, я говорилъ объ этой драмѣ болѣе нежели какъ она заслуживаетъ. Глядя на нее какъ на драматическое произведеніе, она едва стоила упоминанія по заглавію — для счету — но если взять дѣло съ той стороны, съ которой беретъ сказанный великій философъ, такъ она — очень печальное литературное дѣло

іє. Значить, ми рѣшительно можемъ сочинить только половину книги?...

Другая драма, которой выставлено здѣсь заглавіе — драма sui generis; такихъ драмъ никогда еще не бывало, это драма *былина*. Видно, этотъ родъ драмъ намѣренъ изображать все такъ, какъ оно было, подобно газетамъ, и со временемъ замѣнить собою Вѣдомости. Она составлена изъ заслуженной повѣсти или *былины* господина профессора Погодина, напечатанной еще въ 1829 году въ «Московскомъ Вѣстникѣ», журналѣ нынѣ совершенно неизвѣстномъ и, кажется, угасшемъ.

Не всѣ, вѣроятно, имѣютъ ясное понятіе о сущности драмы-былины, которая представляетъ все, какъ что *было*. Поэтому, необходимо видѣть образчикъ того, какъ это *было* и какъ оно *есть* въ драмѣ. Вотъ какъ было и есть:

«Григорій Ивановичъ.»

«Ну, да.... выпьемъ еще по чарочкѣ, да пойдемъ-ка закусьмъ чѣмъ Богъ послалъ (*Напьяетъ*).

«Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ?

«У бурмистра водку пилъ....»

Сваха.

«Благодарствуйте, благодѣтели мои: я и то уже подгуляла....»
 «(*чокается съ Григоріемъ Ивановичемъ, выпиваетъ рюмку, опрокидываетъ ее на голову и, приплясывая, напьяетъ*):

«Чарочки по столыкамъ похаживаютъ,

«Молодець съ молодкою погуливаютъ....»

Все это происходитъ въ драмѣ-былинѣ и нельзя не засвидѣтельствовать, что господиномъ Славинъ умѣлъ очень искусно поддѣлаться подъ гевій и тонъ твореній господина Погодина, который прежде всего—историкъ, любить, чтобы все было какъ было, и горой становеть за факты.

Всякій, кто только читалъ это ни съ чѣмъ несравнимое «Путешествіе», согласится, что для драмы-былины оно представляеть гораздо болѣе интересныхъ положеній, чѣмъ эта заслуженная повѣсть, «Черная немочь», принадлежащая къ первымъ опытамъ господина Погодина въ высокомъ и прекрасномъ. Куда какъ онъ сталъ выше и прекраснѣе съ 1829 года!

Но оставимъ *драматичность* — съ позволенія сказать. Вотъ нѣсколько книгъ, примѣчательныхъ въ различныхъ отношеніяхъ, и которыя тожевременнымъ появленіемъ своимъ въ четырехъ концахъ Россіи показываютъ особенное прилежаніе, съ какими

нынче изучаются у насъ предметы законовѣдѣнія и государственнаго хозяйства, основаніе всякаго прочнаго успѣху народовъ въ образованности и просвѣщенномъ чувствѣ общаго блага.

1. ИПОТЕКАРНЫЯ СИСТЕМЫ И ВЛІЯНІЕ ИХЪ НА ФИНАНСЫ и вообще на государственное благосостояніе. Сочиненіе П. Дегаля. (СПбургъ. 1849.)

2. ОПЫТЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РАЗЪИСКАНІЙ О СЛѢДСТВЕННОМЪ И УГОЛОВНОМЪ ПРАВѢ ВЪ РОССИИ. Сочиненіе профессора Ришельевского Лицея, Владиміра Ливновскаго (Одесса, 1849.).

3. ОПЫТЪ НАЧЕРТАВІЯ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО РОССИЙСКИМЪ ЗАКОНАМЪ. Сочиненіе Логина Камбека, адъюнкта-профессора римскаго права при Императорскомъ казанскомъ университетѣ, переведенное съ нѣмецкаго и дополненное замѣчаніемъ Льва Камбека (Казань, 1848.).

4. КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ ОБЪ ИТАЛІЙСКОЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ до начала девятнадцатимаго вѣка (Москва, 1849.).

Каждое новое сочиненіе П. И. Дегаля имѣетъ преимущество обратить народное вниманіе на который нибудь изъ самыхъ важныхъ вопросовъ законодательства, на одинъ изъ тѣхъ предметовъ, которые состоятъ въ ближайшей связи съ государственнымъ благоденствіемъ. Этотъ послѣдній трудъ основательно ученаго и трудолюбиваго пера его сближаетъ насъ съ существовавшюю статью гражданскаго благоустройства, угловымъ камнемъ всего порядку въ промышленности и торговлѣ, всего ихъ процвѣтанія. Задача о лучшемъ устройствѣ частнаго долговаго кредита занимаетъ давно многіе превосходные умы въ Европѣ и достойна всей ихъ проникательности: дѣло идетъ о безопасности займодавцевъ и обузданіи страсти къ дѣланію невыплатимыхъ долговъ, составляющей опаснѣйшій изъ развратовъ при нынѣшнемъ рѣшительномъ направленіи обществъ къ умноженію вещественнаго благосостоянія посредствомъ предпріятій и улучшеній всякаго роду. Система обезпеченій, или ипотека, умно и безпристрастно соображенная, должна служить всему этому опорой и оградой. Мудрости человѣческой не дано быть совершенной, и донынѣ всѣ европейскія ипотекарныя системы далеко неудовлетворяютъ своей великой цѣли. Первая изъ всѣхъ, или болѣе всѣхъ прокричанная, именно, французская система, быть можетъ—самая недостаточная; во всякомъ случаѣ—самая несправедливая.

Знаменитый русский законовѣдѣцъ проходитъ всѣ извѣстныя порядки ппотекарной части, по существу своему чрезвычайно сложной и сопряженной съ множествомъ разнородныхъ уваженій, съ тѣмъ превосходнымъ взглядомъ философа и опытнаго знатока, съ той сильною и чистой логикою, которымъ отличаются всѣ его сочиненія.

Слѣдственное уголовное производство въ его историческомъ отношеніи — также предметъ необыкновенно любопытный, особенно въ нашемъ образующемся законодательствѣ, которое въ послѣднее время сдѣлало такіе исполнискіе шаги на пути усовершенствованій и непрерывно подвигается впередъ введеніемъ новыхъ, прекрасныхъ, челоѣколюбивыхъ положеній. Господинъ профессоръ Ливовскій съ твердымъ теоретическимъ изученіемъ умѣлъ соединить въ своемъ «Опытѣ» превосходный практический взглядъ, безъ котораго историческія изслѣдованія законодательныхъ отдѣловъ производятъ одну только сухую и безплодную эрудицію. Образованному гражданину нельзя не стараться пріобрѣсть вѣрное понятіе о части, которой обезпечены безопасность его лица и его чести передъ лицомъ юстиціи. Книга господина Ливовскаго въ состояніи просвѣтить вполне на этотъ счетъ.

«Опытъ начертанія гражданского судопроизводства» по нашимъ законамъ, вышедшій въ Казани, былъ по-видимому первоначально написанъ и изданъ господиномъ профессоромъ *Логиномъ Камбекомъ* на нѣмецкомъ языкѣ. Эту книгу, которой цѣль мы сейчасъ увидимъ, господинъ *Левъ Камбекъ* издалъ нынче по-русски съ примѣчаніями. Господинъ *Логинъ Камбекъ*, изучая русское гражданское право въ чисто ученомъ, философско-юридическомъ отношеніи, былъ пораженъ превосходствами нашего судопроизводства и желалъ показать иностраннымъ юристамъ теоретическую красоту началъ, на которыхъ оно основано. Удивительное дѣло: предки наша, люди прямые, но неученые, угадали чистыя отвлеченныя начала гражданского судопроизводства лучше всякихъ юридическихъ философовъ и геллертеровъ! Ученое обработываніе предмета одно доказало господину Камбеку, что недостатки, въ которыхъ уврекаютъ наше судопроизводство, происходятъ, не отъ началъ законодательства, въ сущности прекрасныхъ и достойныхъ всякаго одобренія со стороны науки, но отъ неученаго примѣненія законовъ въ практикѣ. Надо быть ученымъ правовѣдцемъ, чтобы приводить хорошо въ исполненіе законы, писанные неучеными, но умными людьми. Противъ этого, шикго, конечно,

не станетъ спрять: просвѣщенное и образованное юридическое сословіе — вѣрнѣйшее совершенство всякаго судопроизводства. Это — скобель и долото, которымъ нужно только уметь владѣть: знающая и искусная рука можетъ помощью ихъ сдѣлать самую удивительную утварь изъ того же куска доски, который въ грубой, и невѣжественной лапѣ превратится весь въ стружки и щепки. Я боюсь, что господинъ Камбекъ *ученою обработкою предмета* не доказалъ ничего болѣе. Тѣмъ не менѣе книга его очень учена, любопытна и благонамѣренна.

Политическая экономія родилась въ Италіи — тамъ, гдѣ она донынѣ почти неизвѣстна — гдѣ даже была запрещена еще недавно. «Критико-историческое изслѣдованіе» старой италіанской литературы въ политико-экономическомъ отношеніи, р. зрѣтіе этихъ первыхъ семянъ науки, нынѣ богато разросшейся на европейской почвѣ, хотя еще и несозрѣвшей, разборъ этихъ первыхъ мечтаній о народномъ богатствѣ, иногда удачныхъ, но болѣею частью грубыхъ и странныхъ, не чужды занимательности. Видъ различныхъ преобразеній всякой философической мысли всегда поучителенъ. Наука, ищущая ее предметъ, въ каждую эпоху, отдѣльно взятую, есть только послѣднее преобразеніе этой мысли. Если бъ языкъ и слогъ сочиненія соответствовалъ занимательности сюжета, книга могла бы интересовать очень многихъ образованныхъ читателей. Но это — одинъ изъ тѣхъ темныхъ научныхъ діалектовъ, въ которыхъ уши извѣстной школы находятъ особенную гармонію, и выразительность, непостижимую внѣ ея круга.

«Изслѣдованіе» написано съ чисто-академической цѣлью, собственно для полученія докторской степени. По одному уже этому оно не касается до литературной критики. Но можно привести чтѣ-нибудь изъ него: выписка покажетъ и преимущества и недостатки изложенія.

Авторъ говоритъ о политико-экономическихъ понятіяхъ древнихъ великихъ мыслителей, Ксенофонта, Платона, Аристотеля, Цицерона, и изъ ихъ мнѣній выводитъ слѣдующія положенія, которыя вся классическая старина принимала за основныя истины:

• 1) Ремесла составляютъ занятіе, недостойное гражданина, потому что они безобразятъ тѣло и отнимаютъ свободное время; слѣдовательно гражданинъ дѣлается неспособнымъ къ войнѣ и бесполезнымъ для государства.

• 2) Земледѣліе, напротивъ, укрѣпляетъ тѣло и не безобразитъ его, есть занятіе почтвенное.

« 3) Военное искусство, доставляя возможность победы над врагами государства, должно составлять существенный предмет, воспитания (на чемъ особенно настаиваетъ Платонъ), и необходимое условие образованія каждого гражданина.

« 4) Торговля, разъединяя интересы частныхъ лицъ съ интересами государства, и творя для нихъ другую цѣль, кромѣ цѣли послѣдняго, была презираема и гонима ими. Противъ нея вооружается и Платонъ, и Аристотель, который признаетъ ея настоящую форму неестественнымъ способомъ мѣны.

« 5) Но, клеймя такимъ позоромъ два источника народнаго богатства, нужно было замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь для того чтобы существовать по человѣчески: стремленіе къ высшему развитію было сильнѣе предразсудковъ, а потребности, порожденныя имъ, настоятельно требовали себѣ удовлетворенія. Замѣну эту представляло рабство, признаваемое Аристотелемъ не только естественнымъ, но и сообразнымъ съ истинной справедливостію, потому что у рабовъ — другая натура, рабская.

« 6) Древніе также были далеки и отъ правильнаго пониманія основнаго начала общества: они придавали слишкомъ много значенія произволу человѣка. Такъ — они отрицали безусловную цѣнность денегъ и признавали зависимость ихъ отъ воли человѣка, который, по ихъ мнѣнію, даетъ имъ значеніе только тѣмъ, что соглашается принимать ихъ известнымъ образомъ. Это соглашеніе проявляется въ государственныхъ опредѣленіяхъ и постановленіяхъ, во власти которыхъ и находится цѣнность денегъ, и право опредѣлять ихъ цѣну.

« Вся эта система мнѣній греческихъ писателей, цѣлкомъ перешедшая потомъ въ убѣжденіе Римлянъ, свидѣтельствуетъ о поверхности ихъ взгляда на экономическія явленія: они не умѣли въ нихъ отличить дѣйствительнаго отъ необходимаго, и современное имъ принимали за рациональное. Основавшись такимъ образомъ на ложныхъ началахъ, они были послѣдовательны въ ихъ развитіи и примѣненіи. Не будучи глубоки, они были логичны.

« Италіянскіе писатели, пользовавшіеся ими, усвоивали себѣ главные положенія ихъ ученія и въ самомъ меркантилизмѣ можно замѣтить ихъ вліяніе. Большая часть мнѣній его составляетъ только отраженіе, нѣсколько извращенное тѣхъ же идей, которыя господствовали въ древности. Измѣненіе произошло само собою въ слѣдствіе иныхъ требованій времени, но основа осталась та же: такъ презрѣніе къ ремесламъ принимаетъ форму цеховыхъ

• стѣсненій вѣсто прежнихъ отношеній рабскихъ; земледѣліе, воен-
 • ное искусство, деньги занимали тоже мѣсто въ общественномъ
 • мѣстѣ, и одно только различіе въ системѣ экономическаго воз-
 • зрѣнія этихъ двухъ эпохъ — представляетъ намъ — торговля.
 • Презираемая и почти гонимая въ древности, — въ новомъ мѣ-
 • рѣ она принимаетъ на себя роль повелительницы судебъ на-
 • родныхъ, указываетъ путь государственной политикѣ, рѣшаетъ
 • судьбу частныхъ учреждений и обуславливаетъ собою коллек-
 • тивную дѣятельность страны; но замѣтимъ, что самое это раз-
 • личіе не такъ безусловно, какъ представляется съ перваго ра-
 • за. Такимъ почетомъ пользовалась только торговля вѣшняя, оп-
 • товая, только ея вліяніе было признано и уважаемо: мелкіе торгов-
 • цы не пользовались ни тѣмъ, ни другимъ; они подвергались все-
 • му презрѣнію, всѣмъ несправедливостямъ, которыми невѣжество
 • всегда считаетъ вправѣ обременять этотъ классъ производителей;
 • и въ древности было тоже самое касательно послѣднихъ: оп-
 • товая торговля и тамъ не считалась занятіемъ слишкомъ достой-
 • нымъ презрѣнія, напротивъ за нею признавалась кое какія за-
 • слуги. Но самое разительное сходство экономическаго воззрѣнія
 • обѣихъ этихъ эпохъ, по крайней мѣрѣ, какъ оно проявляется
 • въ литературѣ той и другой, это—духъ государственнаго ути-
 • литаризма. Въ первыхъ экономическихъ сочиненіяхъ новаго
 • времени, какъ у Италіанцевъ такъ и у Англичанъ и у Фран-
 • цузовъ, мы встрѣчаемъ постоянно ту мысль, что человѣкъ су-
 • ществуемъ для государства, что всѣ мѣры послѣдняго должны
 • быть предписываемы общею пользою, общею выгодною, опре-
 • дѣляемою извѣстною государственною цѣлью и сознаниемъ ея
 • въ умѣ общественной власти: частный интересъ, выгода отдѣль-
 • ныхъ лицъ не могла быть принимаема во вниманіе; гражда-
 • нинъ существуетъ вполнѣ для своего отечества, передъ кото-
 • рымъ онъ бозпомощенъ и безотвѣтенъ. Здѣсь патріархальный
 • способъ воззрѣнія перенесенъ изъ сферы семейства въ сферу го-
 • сударственно общественныхъ отношеній, имѣющихъ въ сущно-
 • сти свои особые законы и развивающихся по другимъ нача-
 • ламъ нежели начала семейныя.»

Если бъ я имѣлъ удовольствіе присутствовать при публичномъ
 защищеніи авторомъ всѣхъ этихъ тезисовъ, я позволялъ бы себѣ
 сдѣлать на нихъ разныя возраженія. Особенно, не знаю, чѣмъ
 опровергъ бы онъ многіе юридическіе и каменописные памятни-
 ки, доказывающіе существованіе въ римскихъ владѣніяхъ, много-
 численныхъ, важныхъ и богатыхъ цеховъ, весьма похожихъ на

англійскія conjugations, и которыхъ начало относить онъ произвольно къ новѣйшимъ италіянскимъ государствамъ?... Но я забываю, что политическая экономія — собственно отрасль поэзій. Это — поэзія капитала. Строгая ученая точность въ ней излишня.

Но—Богъ съ вами. Отвернемся отъ чужихъ вздоровъ, которые, къ счастью, до насъ не касаются. Вотъ книга, по заглавію незначительная, для инопородныхъ не представляющая никакого особеннаго значенія:

АНГЛІЙСКІЕ УРОКИ И. Гасфельда. *English Lessons* by John Hasfeld (СПбурзь, 1849.).

Но петербургскіе жители знаютъ, что это значить. Надъ всѣмъ пространствомъ этой огромной столицы, отъ Выборгской до Екатерингофской Заставы, и отъ Галерной Гавани до Александровскихъ Мануфактуръ, паритъ слава господина Гасфельда, какъ одного изъ искуснѣйшихъ и дѣлательнѣйшихъ насаждателей англійскаго языка, и вѣчно гремѣтъ она, уже десять или пятнадцать лѣтъ, въ безчисленныхъ бумажныхъ трубахъ изъ свернутыхъ афишекъ, объявлений и прибавленій. И никто не оспариваетъ торжества его, развѣ одинъ господинъ Турнерелли, который тоже, какъ гласитъ крылатая молва, дѣлаетъ чудеса съ англійскимъ языкомъ. Господа Гасфельдъ и Турнерелли въ состояніи въ три, четыре урока, выучить стулъ объясняться на англійскомъ языкѣ не хуже Шекспира. Вы навѣрное слышали объ этихъ волшебныхъ методахъ скоропостижнаго обученія языкамъ и наукамъ, изобрѣтенныхъ остроумными людьми въ новѣйшее время — объ этихъ чародѣйскихъ способахъ наводнять свѣтъ всякою мудростью, гдѣ наставникъ становится передъ вами — произносятъ какія-то непонятныя рѣчи — чертятъ на доскѣ какія-то подозрительныя фигуры, и — разъ! два! три! — вы вдругъ говорите по англійски — разъ! два! три! — вашъ англійскій языкъ превращается въ географію — разъ! два! три! — вмѣсто географіи вы понимаете Адъ, Чистилище и Рай Данте, читаете по-италіянски, пишете, и притомъ еще каллиграфически, сонеты достойные Петрарки, умѣвъ дотога чертить кое-какъ одвѣ только каракули — разъ! два! три! — италіянскій языкъ въ вашемъ рту становится китайскимъ или шведскимъ — разъ! два! три! — вы изучили все, что только дано знать человѣку — разъ! два! три! — и вы ничего не знаете: остались въ дуракахъ, изъ которыхъ недавно воспарили, казалось, такъ высоко и такъ благополучно. Это не шутка. Многіе собствен-

ными глазами видѣли, да самъ я видѣлъ, непостижимыя явленія въ этомъ родѣ: до того, что однажды пришло мнѣ въ голову выучиться въ три урока вавилонскому діалекту, на которомъ говорили при закладкѣ Столпотворенія. И въ-самомъ-дѣлѣ, одинъ изъ счастливыхъ обладателей самой волшебной и самой прославленной изъ такихъ методъ совершилъ это чудо. Для перваго урока онъ задалъ мнѣ всю грамматику: вы представить себѣ не можете такихъ запутанныхъ и ужасныхъ вавилоновъ, какъ пришла, учившія этихъ людей ясно говорить и правильно писать! Собственно, это была халдейская грамматика: полагается, въ Вавилонѣ языкъ этотъ былъ господствующимъ. На второй урокъ онъ назначилъ мнѣ выучить наизусть весь халдейскій словарь, въ трехъ томахъ in-folio. На третій, перевести всю Библию съ халдейскаго на нѣмецкій. Я бился — бился — и не успѣлъ: памяти не хватало!... Учитель не виноватъ: онъ выучилъ; да я не выучился, за недостаткомъ способности къ языкамъ.

Метода господина Гасфельда, пользуется здѣсь знаменитостью, почти равною знаменитости этой прославленной методы, но только она не такъ быстра. Господинъ Гасфельдъ тѣше бѣдетъ—двадцать сутокъ, или уроковъ, не менѣе: зато куда какъ далеко онъ забѣгаетъ! и до какой прочности результатовъ доходитъ! Въ первомъ урокѣ, начинаете вы со складовъ — съ англійскаго произношенія буквъ — въ двадцатомъ вы уже бѣгло судите на англійскомъ языкѣ о ростбифѣ — пьете портвейнъ стакавами — чокаетесь — и разсуждаете объ истинныхъ началахъ пломбундига, genuine principles, съ основательностью достойною члена верхняго парламента.

==

НОВЫЯ ВРОШЮРЫ.

Дачники, или какъ должно жить на дачѣ. Разсказъ въ видѣ наставленія или наставленіе въ видѣ разсказа, необходимое для всѣхъ жителей и посѣтителей дачъ (СПбургъ, 1849). — Два листа макулатурной бумаги, сложенные въ тридцать-вторую долю и оклеенные свѣтло зеленой оберткой. Сочиненіе — не то чтобы медицинское — да и не агрономическое — во всякомъ случаѣ не литературное, не смотря на увѣреніе обертки, что будто это разсказъ. Послѣ нѣсколькихъ капель горькаго остроумія, развѣдѣннаго въ приторномъ слогѣ и общихъ мѣстахъ, авторъ выво-

дѣть изъ своего разказа три великіе афоризма, а именно, что на дачѣ надо пѣть только три раза въ сутки; въ каждый разъ — только три блюда; и одѣваться по-теплѣе. Заключение: «Позвольте, Леонидъ Николаевичъ, поблагодарить васъ отъ всего сердца за ваше полезное наставленіе». Въ слѣдствіе чего, господинъ Поляковъ, издатель полезнаго наставленія, овладѣваетъ заднею страницею зеленой обертки и рекомендуетъ всѣмъ и каждому своей книжный магазинъ.

СРЕДСТВО ЛЕЧЕТЬ БОЛѢЗНИ СМѢСЬЮ ФРАНЦУЗСКОЙ ВОДКИ СЪ СОЛЮ. Переводъ съ нѣмецкаго четвертаго изданія В. Зейбернига (СП.бургъ 1849). — Великій Виліямъ Лей, или Виліямъ Ли (Lee) англійскій врачъ, открылъ первый лечебную силу коньяку. Долго и съ постояннымъ успѣхомъ лечилъ онъ разныя наружныя болѣзни смѣсью этой водки съ солью. Потомъ пришла ему въ голову счастливая мысль: если принять коньякъ внутренно, то есть, налить въ рюмку и выпить залпомъ, а солью посыпать хлѣбъ и закусить этимъ, составнымъ тѣломъ, не подѣйствуетъ ли это благотвѣтельно на внутреннія болѣзни?... Опытъ, успѣхомъ своимъ, превзошелъ всѣ ожиданія. Отъ этого простаго и въ высшей степени естественнаго лекарства въ короткое время исчезло множество внутреннихъ болѣзней, сопротивлявшихся дотогѣ всѣмъ методамъ врачеванія, самымъ сильнымъ и самымъ испытаннымъ лечебнымъ средствамъ, даже искусственнымъ минеральнымъ водамъ. Минеральныя воды, и естественныя и искусственныя, отнынѣ впредь стали не нужны. Оказалось, что можно, съ отличнымъ результатомъ, производить курсъ леченія коньякомъ и солью, подобный курсамъ минеральныхъ водъ: каждое утро выпивать, сначала по рюмкѣ этой превосходной водки, потомъ по двѣ, по три, и такъ далѣе, до осьми и девяти. Совсѣмъ другая жизнь рождается въ человѣкѣ! Здоровье цвѣтеть накомъ. Самыя удивительныя идеи роятся въ головѣ, наполненной дивнымъ «айберверкомъ» искристаго обѣту. Коньякъ имѣетъ то важное преимущество передъ всѣми водами, даже и передъ искусственными, что воды, для дѣйствія своего, требуютъ непремѣнно отъ пациента безпрѣдѣльной веселости, наводя на него скуку своей монотоніей и своей музыкой, и забвенія болѣзни, поминутно напоминая ему объ ней своимъ отвратительнымъ вкусомъ, тогда какъ тутъ и веселость и полное забвеніе болѣзни заключены въ самомъ лекарствѣ, не имѣющемъ даже и виду лекарства.

Описаніе этихъ чудесъ имѣло уже четыре изданія въ Германіи.

ТОЧНѢЙШЕЕ ОПИСАНІЕ ПРИЗНАКОВЪ БѢШЕСТВА СОБАКЪ и другихъ домашнихъ животныхъ, составилъ О. С. Пашкевичъ, Придворный ветеринарный врачъ, и прочая (СПб., 1849). — Авторъ, въ этомъ маленькомъ сочиненіи, представляетъ сводъ разныхъ наблюденій, замѣчаній и статей о бѣшенствѣ, разбросанныхъ въ журналахъ и потеряннымъ для домохозяевъ, которымъ такъ нуженъ этотъ родъ свѣдѣній. Любители собакъ должны прежде всѣхъ познакомиться съ благонамѣреннымъ трудомъ господина Пашкевича для безопасности и своей и своихъ знакомцевъ.

ЖИЗНЬ И ЗАБЛУЖДЕНІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЯ, объясненныя въ моральному и религиозному отношеніяхъ. Сопѣты чадолюбиваго отца юношеству мужскаго пола. Съ нѣмецкаго Г. Б. (СПб., 1849). — Нравоученія эти, прекрасныя, преблагодѣтельныя, которыхъ неисчислимая полезность можетъ сравниться только съ ихъ несказанною скукою, имѣютъ форму писемъ отца къ сыну. Рукописныхъ, собственноручныхъ, подлинныхъ писемъ такого содержанія отъ батюшекъ сыновья обыкновенно не читаютъ, хотя въ концѣ такихъ посланій чадолюбивые отцы имѣютъ искони похвальную предосторожность прилагать десятка два сѣрыхъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ. Не вѣроятно, чтобы письма чадолюбиваго отца юношества мужскаго пола, печатныя и, притомъ, переводныя съ нѣмецкаго, безъ всякихъ приложений, удостоились отъ нихъ нѣжнѣйшаго вниманія. Юношество мужскаго пола ничего не читаетъ нынче, изъ важной печати, кромѣ романовъ, а изъ поучительныхъ рукописей, кромѣ любовныхъ записокъ.

==

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Смирдинъ, продолжая свое «*Полное собраніе русскихъ авторовъ*», издалъ недавно два тома «*Сочиненій Измайлова*» — страннаго «автора» — добраго человѣка — забавнаго журналиста, котораго память сохранилась болѣе въ воспоминаніяхъ друзей чѣмъ въ литературѣ, хотя онъ и оставилъ ее еще такъ недавно. О содержаніи этихъ двухъ томовъ вѣ объ Измайловѣ мы поговоримъ вскорѣ.

— «*Славянская хрестоматія*» господина Пеннискаго вышла пятимъ изданіемъ.

==

ЮЛЬ, 1849.

=

Н О В Ы Я К Н И Г И .

=

КОМЕДИЯ ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. Н. Кроля (С.-Петербургъ, 1849, въ 8., стр. 124).

Сушая комедія! «Горе отъ ума» въ русскомъ переводѣ — безъ правописанія — безъ грамматики. И какой еще языкъ! Ужасно — я ошибаюсь: *ужасно* подумать!... такъ именно выражается переводчикъ на своемъ нарѣчьи. Любуясь на своего героя, который — съ позволенія грамматики сказать — *не знаетъ себѣ*, самъ онъ въ удивленіи и спрашиваетъ себя:

«Иль послѣ Чацкого у насъ чрезъ двадцать лѣтъ
Явилось подражанье?»

Какъ, подражаніе?... Не подражаніе, а копія — снимокъ — сколокъ — золотой чеканъ Грибоѣдова въ отгискѣ на горшечной глинѣ — горемычная пародія его остроумія, его приемовъ, его походки, его созданія — наляпанная на его изящную работу, слѣпка риди, куча вязкаго, сальнаго спуска, на которомъ, при неблиномъ снѣгѣ, остались частички золота и жемчугу, живьемъ оторвавшіяся отъ подлинника.

Т. ХСѢІ. — Отд. VI.

2

«Все жъ интересно въ!».

Нисколько, увѣряю васъ! Напротивъ, скученъ какъ подражаніе—по самой меньшей мѣрѣ; но этого слишкомъ мало: несносенъ, нестерпимъ, надобѣдливъ, какъ неумѣстное повтореніе старой шутки — и притомъ неловкое, неопытное повтореніе. Надо же быть одареннымъ такою удивительною изобрѣтательностью! Взять весь планъ для своей комедіи изъ своеравной драматической выходки Грибоѣдова, въ которой нѣтъ ни плана ни комедіи. Для созданія характеровъ обобрать его дѣйствующія лица, между-тѣмъ какъ у него характеры не развиты, не пущены въ ходъ, не употреблены въ дѣло по требованіямъ предмета и правиламъ искусства. Образцомъ занимательности и комическаго дѣйствія принять твореніе, гдѣ болтають прелестно, но дѣйствуютъ въ разбродъ и ровно ничего не дѣлають для возбужденія интереса. Всѣ недостатки сочиненія Грибоѣдова подхвачены и сохранены съ рабскимъ подобострастіемъ. Всѣ его сцены скопированы, и даже расположены въ томъ же порядкѣ. Всѣ его лица—тутъ на лицо; воспроизведены по точному списку, и только переряжены. Фамусовъ, этотъ рѣзкій, неподражаемый твистъ, является въ безобразномъ образѣ князя Вронскаго, который, передразнивая во всемъ своего идеала, не забылъ даже и памятной книжки Фамусова. Ренетилловъ, это—Хмуровъ, съ особеннымъ прибавленіемъ въ несчастномъ образѣ Игрескаго. Молчаливъ, это—докторъ Райскій, домашній другъ Вронскихъ. Софія перемѣщена въ княгиню Вронскую, и, изъ квашни воображенія господина Кроля, вышла недопеченною Целеменной. Чацкій перестряпанъ въ Изерскаго, который, какъ я уже имѣлъ честь вамъ докладывать, *не знаетъ свѣтъ*, а между-тѣмъ пишегъ повѣсти, да критикуетъ городское общество мыслями героя «Горя отъ ума», и почти его словами—бѣдвое и блѣдное созданье, пришедшее на свѣтъ, безъ нужды, на философическихъ ходуляхъ Чацкаго, в удаляющееся со сцены, безъ спросу, неудавшимся Альцестомъ. Не забыты даже, ни Хлестова, въ лицахъ Хлыстовой и Хлыстиной, ни горничная Софія, ни балъ «Горя отъ ума», превратившійся въ литературно-танцевальный вечеръ графини Польской, ни княгиня Тугоухова, ни прочіе гости того же «Горя отъ ума». Словомъ, сколокъ вѣривъ до ужаснѣйшей точности—все изобрѣтеніе образца изобрѣтено извова подражателемъ — весь разиѣръ и покрой, всѣ комическія замашки, всѣ лучшія остроты и удачнѣйшія шут-

ки подлинника повторены буквально въ переводѣ—весь умъ Грибоѣдова, все грибоѣдовское искусство, все твореніе Грибоѣдова, коротко сказать, весь Грибоѣдовъ — тутъ на-лицо.... кромѣ самого Грибоѣдова; кромѣ его смѣлой и свободной оригинальности; кромѣ его смертельнаго сарказма, его гениальной хандры, его лучезарной вспышки, его жалающей и растрavляющей ѣдкости; кромѣ его удивительнаго дару наблюденія, его умѣнья живописать съ натуры, его ловкости выражать многое въ немногихъ словахъ; кромѣ его пылаго, рѣзкаго, могучаго слова, его чудесной русской рѣчи, его прелестнаго стиха, его всегда печальнаго обороту въ мысли и выраженіи; кромѣ той силы неожиданнаго и вѣрнаго удара, которая долбитъ гранитъ и остается на вѣки неизгладимымъ клеймомъ времени; наконецъ, и главное, кромѣ огромнаго нравственнаго значенія всей его несравненной выходки противъ тогдашняго общества, гдѣ среди гнѣву, досады, капризнаго негодованія, забыты и попрапы въ тысячѣ высреннихъ ошибокъ, и блестящихъ промаховъ всѣ правила искусства, всѣ условія сценическаго интересу; словомъ, кромѣ всего, что составляетъ Грибоѣдова и дѣлаетъ его неподражаемымъ въ отечественной литературѣ, незабвеннымъ на Руси, безсмертнымъ въ языкѣ. Въ числѣ прелестей творенія Грибоѣдова одна изъ самыхъ очаровательныхъ состоитъ въ томъ, что поэтъ не знаетъ самъ, чего онъ хочетъ, въ кого мѣтить и что намѣренъ опрокинуть; и читатель поэтому остается въ сомнѣніи, насмѣхается ли авторъ надъ своимъ героемъ, Чацкимъ, или считаетъ этого остроумнаго чудака образцомъ общественной мудрости. У господина Кроля нѣтъ и того искусственнаго интересу неясности цѣли: каждый видитъ, куда онъ стремится и чего ему хочется: ему хочется только подражать Грибоѣдову! Плохое средство занимательности. Хотите ли видѣть, какъ онъ подражаетъ? Явленіе первое.

князь вронскій.

Такъ такъ-то, сударь мой; святая старина!

райскій.

Не въ шутку сердитесь на наши времена;
Но худо и добро шла объ руку изстари.

вронскій.

Нѣтъ, мелочь въ старину не мѣтила бить въ баре.
Былъ истинно златой, не позлащенный вѣкъ!

Съ поддѣльной роскошью бывади не знакомы,
 За вѣданнымъ не гнался незнатный человекъ;
 Богатствомъ, щедростью, вельможъ блистади дома,
 Другъ средній былъ не то; скромненько, сударь ждуть,
 И мотовствомъ дивить не думалъ свѣта нищій!
 Въ то время выскочка кого бѣ не разсмѣшилъ.
 Умы проворливѣй и нравы были чище!
 А нынче? нынче, а? взгляните-ка кругомъ,
 Что видящъ ежедневно!
 Блаженной памяти, передъ своимъ концомъ
 Покойница жена, Гдикерья Алексѣя,
 Сказала правду мнѣ: ой, князь, остерегись,
 И если на вѣку дастъ Богъ еще жениться,
 Въ столицахъ не женись —
 Тебѣ въ нихъ не ужиться.
 Миръ праху твоему! въ послѣдній видно часъ
 Судьбу мою твое провѣдало сердечко.
 Взглянула, обняла меня въ послѣдній разъ,
 И съ тѣмъ покойница угаснула какъ свѣчка.

(Оттираетъ слезу)

А я-то, я глупецъ, поди, подѣ старость лѣтъ
 Задумалъ волочиться;
 Ударился во все, пустился рысать въ свѣтъ:
 Вотъ стараго бобра и поимала львица.

РАЙСКІЙ.

Въ княгинѣ вы нашли достойный образецъ
 Ума и красоты и чувствъ и воспитанья.

ВРОНСКІЙ.

Все такъ, да въ свѣтъ-то, что шагъ, то сорванецъ.
 А женщина, она вѣдь слабое созданье.
 Гдѣ дунулъ вѣтерокъ, туда и улетѣтъ!
 Чи это ль принимать должны за просвѣщенье?..
 Въ манерахъ и въ рѣчахъ повсюду развращенье.
 Посмотришь, право стыдъ
 Съ мужчинами ввелось какое обращенье!
 Теперь,—любой изъ дамъ,—при васъ и при другомъ,
 При сотомъ, при десяткомъ,—
 Не значить ничего, случись при холостомъ,
 Случись при женатомъ,
 Скуровку раскустить, когда съ талью джеть,
 Или въ гулянь гдѣ, когда острость народа,—

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛЕГЕНДЪ.

И давайъ вестъ себя должно чинъ боя стрѣго;
Съ мужиной вольности не позволять никакъ.
Любая, не стыдась, подставитъ этакъ ногу,

(вытлевается собою)

И скажетъ вамъ, смѣясь, «поправьте мнѣ башмакъ».

Ну дайте жь до бѣды! Свѣтъ знаю я немного.

Вѣдь молодъ самъ бывалъ! —

Случилъ уютнай да пухленькая ножа,

Неволью бы похажъ!

И жмутъ, бударъ, и жмутъ! — А разговоръ въ гостиницѣ!

Послушайте о чѣмъ тамъ судить модный кругъ!

А книги, книги-то! — развирать умовъ, сердцець,

Издадя новыхъ школъ, — романы да романсы.

А пласки модныя! Какія, мой Творецъ

Изобрѣли прыжки и всякія кадансы!

Когда-бъ на этотъ миръ, хотя одинъ глазкомъ,

Взглянула ты моя Гликерья Алексѣвна;

Ужъ погрозилабъ мнѣ, — да цѣлымъ кулакомъ! —

Покойница подъ часъ, куды бывала гнѣвна!

РАЙСКІЙ.

За что же это, князь?.. Вѣдь поводу вамъ нѣтъ

Княгиню обвинять и на нее сердиться.

ВРОНСКІЙ.

За то, сударь, за то, что не бросаю свѣтъ;

Не їду изъ столицы;

Балую женщину, а самъ я въ дуракахъ:

Ке мнѣ впрямь нѣтъ, ко мнѣ неуваженья!

Подите, чай теперь, ужъ есть тамъ вертопрахъ,

Издаде этого нуетого поколѣнья.

РАЙСКІЙ.

Едва ль не хуже, князь, стѣснятъ полеть души,

Заставитъ женщину вѣкъ скукою томиться?

ВРОНСКІЙ.

Да развѣ не живутъ и счастливо въ тиши?

Ужели только свѣтъ что здѣсь, у васъ, въ столицѣ.

Живутъ, и какъ живутъ, — смотрите-ка?... Къ тому жь

Деревня у меня обширное угоды.

Я, сударь, здѣсь вдовецъ; я, сударь, здѣсь не мужъ.

А тамъ-то у меня природа, плодородье...

Вотъ дѣти бѣ — ну, дѣтьми и могъ бы привязать —
Дѣтей-то гдѣ ихъ взять?

.....
О Господи, услышь! продли и возвеличь
Нашъ родъ, старинный родъ, съ лица земнаго стертый
Безплодіемъ monkъ двухъ тетушекъ дѣвицъ!
Нашъ славный предокъ былъ одно изъ первыхъ лицъ.
Любилъ и жаловалъ его Иванъ Четвертый!
Три вѣка сплошь потому блистаетъ Бронскихъ родъ;
Рядъ стольниковъ, бояръ и храбрыхъ воеводъ!
Но вотъ послѣдними на древѣ родословья
Двѣ тетушки стоятъ, Макрина и Прасковья
И межъ нихъ батюшка означенъ самъ-большой!
Онъ у Потемкина въ чести былъ; да какой!
Свѣтлѣйшій-то вѣдъ князь вельможа былъ прямой!
Фу, что за пышный вѣкъ! какія этакъ лица
Живали на Руси! что за вельможи! да!

.....
И чрезъ свѣтлѣйшаго жъ тогда
Онъ удостоенъ былъ похвалъ Императрицы.
А тетушки мои, въ цвѣтущей ихъ порѣ
Внимание всѣхъ влекли, сказать не безъ причины;
Умѣли показать себя, — да при дворѣ —
Второй Екатерины!

.....
князь вронскій, *одинъ, звонитъ, стодитъ камердинеръ.*
Возьми листокъ и запиши-ка.

(*Диктуетъ, — камердинеръ пишетъ*).

«На Невскомъ, номеръ семь. Заѣхать въ магазинъ.
Два съ четвертью рубля. Взять баночку мастики,
Для впадинъ и морщинъ».
А у меня, чтобъ чортъ ихъ взял! Смотри-ка!
(*Дѣлаетъ передъ зеркаломъ гримасы, старался расправить кожу*).
Готово? продолжай. «На лѣво по Морской.
Домъ, номеръ триста два. Эмиль Каро, портной.
Онъ мастеръ платьемъ скрыть всѣ въ тѣлѣ недостатки:
Пружинки разные, подушечки, подкладки.
Ужо напомнишь мнѣ. Le bon et vieu sujet!
Всѣ тайны онъ мой привыкъ хранить въ секретѣ,

Женѣ, — мужъ молодой, хорошъ и въ неглиже;
 А намъ, при женщинахъ, быть лучше въ туалетѣ.
 - Не помню гдѣ-то мнѣ случилось читать,
 Природы странные законы:
 Что виды вѣшніе на дѣтяхъ отражать
 Способны, будто бы, беременныя жоны.
 Затѣмъ-то вотъ и я.... Прости Господь отца,
 Что въ сынѣ увидать хотѣлъ бы молодца!
 (*Слушь*) Ну хорошо, или!

(*Камердинеръ зоветъ идти*).

Постой. Пошли въ аптеку —
 Лекарство пусть возьмутъ; да прачкѣ приказать,
 Чтобъ болѣе воды готовила, — всю рѣку.
 Его сіятельство, молъ, будутъ обливать.
 А повару скажи, — да не забудь, смотри же!
 Да чтобъ и помнилъ онъ;
 Чтобъ масла меньше клалъ въ жаркое, и пожиже
 Сготовилъ мнѣ бульонъ.
 А людямъ подтвердить, — да у меня чтобъ слушать;
 Да чтобы не забыть!
 Ея сіятельство, когда захочетъ кушать,
 Подальше отъ меня къ ней кушанье носить,
 Наружнымъ корридоромъ.
 Чтобъ обонянье мнѣ свое не соблазнить
 И не было бъ соблазна взорамъ.

(*Въ дверяхъ показывается Хмуровъ, Ревизи-
 ловъ въ новомъ переводѣ*).

Я думаю, никто не любопытенъ углубляться далѣе въ подражательныя красоты творенія господина Кроля. Не возможно болѣе и явнѣе унизить «Горя отъ ума», какъ примѣнивъ тонъ, рисунокъ, средства, лица и слова этой великолѣпной драматической сатиры къ такимъ мелочнымъ, пошлымъ, пустымъ цѣлямъ. Старый Фамусовъ жевать на молодой львицѣ, которая кокетничаетъ въ Петербургѣ, ищетъ себѣ утѣшителя, избираетъ сердцемъ Чацкаго, испытываетъ вдругъ и непонятно за чтò его презрѣніе, и утѣжаетъ съ горя въ деревню — *съ глушь*, — *съ Калугу!* — *съ Крымъ!* — съ мужемъ и съ Молчаливымъ, тѣмъ же докторомъ Райскимъ, котораго вы видѣли въ первомъ явленіи!...

А эта львица — львица только по каталогу; львица безъ ногтей и безъ гордости; походка у ней смирна — сердце наполнено вздо-

хамъ—умъ сотканъ изъ трудовыхъ мечтъ—въ сущности, это большая насморкомъ кошка, которая ласкается ко всѣмъ, не прыгаетъ ни на кого, и по-временамъ мурлыкаетъ въ угодку о счастьи души, о хвѣн, и о поэзїи. Въ этомъ наборѣ неестественныхъ и скучныхъ лицъ, тѣмъ болѣе неестественныхъ, что они не взяты изъ общества, а переделаны изъ лицъ грибоѣдовскихъ, есть однако жъ одно лицо изобрѣтенїя самого господина Кроля: это—графиня Нольская, писательница повѣстей à la George Sand, и соперница княгини Вронской по части кокетства — безобразная карриатура какой-то невозможной женщины, дѣйствующая, какъ и всѣ лица этой мнимой комедїи, безъ связи, безъ толку, безъ послѣдствїй. *Дѣйствующая* — неправильное слово: тутъ никто не дѣйствуетъ, а всѣ только болтаютъ до упаду, до обмороку, силясь сказать что-нибудь остроумное въ грибоѣдовскомъ родѣ, и, сказавъ кое-что, пропадаютъ безъ вѣсти. О томъ, чтобы каждое сказанное слово было началомъ или слѣдствїемъ комическаго происшествїя, сирѣнцало завязку, усиливало интересъ и вело къ новому забавному положенїю или развязывало его смѣшнымъ образомъ, комедїя эта, по примѣру прочихъ нашихъ комедїй, и понятїя не имѣетъ. Когда же мы наконецъ найдемъ первыя начала драматическаго искусства?... первыя условїя сценической занимательности? А при стихотворномъ дарованїи господина Кроля, познанїе этихъ началъ и условїй — съ прибавкою кое-какой изобрѣтательности и немножко русской грамматики—могло бы, право, повести къ счастливымъ для театра результатамъ. Стихъ его, какъ вы изволили видѣть, легокъ, плавеиъ, развязеиъ: этимъ стихомъ можно писать очень порядочныя комедїи — постигнувъ, въ чемъ собственно комедїя состоитъ на свѣтѣ. Возьмемъ, для примѣру, начало втораго акта, гдѣ, какимъ-то чудомъ, авторъ не нашелъ въ «Горѣ отъ ума» ничего такого, чему бы въ этотъ разъ подражать. На сценѣ сидитъ его сентиментальная *львица*, одна.

КНЯГИНЯ ВРОНСКАЯ, *закрывая книгу.*

Тоска! Ни въ чемъ отрады нѣтъ!...

Душа въ бездѣйствїи скучаетъ;

День ото дня холодный свѣтъ

Все больше мнѣ надоѣдаетъ.

Балы наскучили, — гдѣ современный вѣкъ,

И вѣчно суетный бездѣльеиъ челоиъкъ,

Такъ отразился въ модной пляскѣ.
 Жизнь въ свѣтѣ холодна; какъ ранніе цвѣты
 Безплодно влудуть въ немъ заветныя мечты;
 Сильныи становятся сочувствія и ласки,
 Какъ дѣтскія, давно прочитанныя сказки.

Пауза.

И это ль жизнь? ужель весь этотъ шумъ,
 Вся эта суета тщеславья, эгоизма,
 Заботъ, надеждъ, пустыхъ незрѣлыхъ думъ,
 Зовется счастьемъ? Все, все, во что нашъ умъ
 Въ началѣ жадно вѣрить? Лживо жизни призна
 Намъ въ дѣтствѣ кажетъ даль грядущихъ дней;
 Но призраки влудуть, все ближе, все яснѣе;
 На встрѣчу опытъ лѣтъ! жизнь каждый часъ грустивъ
 Очарованіе слабѣй и все слабѣй;
 На сердцѣ отъ надеждъ разбитыхъ тяжелѣе.

Молчаніе.

И вотъ, межъ тѣмъ, пока вокругъ шумъ и суета,
 И будто важнымъ чѣмъ тревожится міръ цѣлый;
 Гдѣ тотъ достойнѣйшій, на комъ могла бѣ мечта
 Остановиться мигъ? — гдѣ онъ осиротѣлый,
 Въ пустынѣ чувствъ, среди воднуемыхъ людей!....
 Едвадь онъ есть.... *(пауза)*.
 Хоть Райскій бы пришелъ, съ нимъ какъ-то меньше скуки.
 Въ немъ ни любезности, ни лоска свѣта нѣтъ;
 Согласна я; — но мнѣ несносенъ свѣтъ.
 Нѣтъ, съ жаромъ говорить онъ любить о наукѣ,
 Искусствѣхъ; доказать чей взглядъ на жизнь вѣрнѣй,
 Чѣмъ онъ пламенъ, чѣмъ онъ озлобленъ въ ней;
 То вдругъ съ ироніей, то съ шуткой добродушной.
 И мнѣ сталъ нравиться нашъ полудѣльный споръ;
 Онъ хоть на мигъ и мысль и взоръ,
 Отводитъ отъ толпы, — то злой, то равнодушной,
 Всегда пустой.

БРОНСКАЯ и ДАША *подаетъ* кланіе французскій журналъ, афишку и листокъ газетъ.

БРОНСКАЯ *разъясняетъ* насколько ценно и сколько страницъ журнала, —

*сдеи свѣла, дѣлаетъ ее офису
и, въ намѣреніи положить на
столъ газеты, негалико есте-
наелмааетъ взоръ на именован
пріобрѣтшихъ въ столицу.*

Игрещій? какъ? и онъ

Вернулся къ намъ изъ-за границы?
И для чего? чтобъ старый сонъ
Напомнить. Чтобы тѣ забытыя страници
Бывалой повѣсти прочесть,
Въ которыхъ думаетъ пятнать чужую честь.
Но ошибаетесь. Я женщина и гордо
Слушью посмотрѣть сама въ лицо молвы.
Я выдержу себя, — мучительно, но твердо.
Ни злоязычный свѣтъ, ни вы,
Бывалый идеалъ, теперь полузабытый,
Смущенія моего въ минуты нашихъ встрѣчъ
Вновь не замѣтите. И раны ядовитой
Наружный слѣдъ, наукой свѣта скрытый,
Вамъ будетъ трудно подстеречь.
Въ глазахъ моихъ прочесть, въ груди моей подслушать.
(*Даша*). А что князь Петръ Ильичъ?

ДАША.

Они-съ теперь вдвоимъ

Тамъ съ Никаноромъ Фомичомъ,
Сударыня, изволятъ кушать.

ВРОНСКАЯ.

Дай Богъ имъ аппетитъ.

Ну, Даша, — тотъ блондинъ

Что нравился тебѣ такъ много прошлымъ лѣтомъ,
Онъ здѣсь....

•

ДАША.

Игрещій?... ну ужъ, — господинъ —
Обманщикъ. Подарить сумлся туалетомъ,
Работы, говорилъ, фигурной, дорогой,
И лички внутри и зеркальцо съ рѣзбой;
И есть для бильяду каметка подъ секретомъ.

Хвастунъ!

ВРОНСКАЯ.

Ахъ, Даша....

ДАША.

Вотъ

Мнѣ было изъ ума; теперь о немъ и кстати.
 На Нольской женится. Мы слышали отъ Кати.
 Любимой-съ дѣвушки графини.

ВРОНСКАЯ, *удивленная, осторону.*

Этотъ родъ

Повѣренныхъ служанокъ,
 Про довѣрителей господъ
 Плодится разглашать всѣ вздоры съ позаранокъ.

ДАША, *собирал со стола гаймы
 серебряный сервизъ.*

Самой, сударыня, ей видѣть довелось,
 Амуры, этакъ все, влюбленъ онъ, вишь, не прокомъ.
 Вотъ такъ и таетъ вотъ; — а что не скажетъ — въ носъ.
 Плезеры разные и подступаетъ бокомъ.
 Все по-французскому; — да тѣ ли, говорить,
 Еще онъ ловкости умѣетъ и пріятства:
 Въ глазу лорнетъ, въ лицѣ валяжный видъ,
 И всякія такія деликатства.

*Бродитъ.*ВРОНСКАЯ, *одна.*

Графиня Нольская! желаю счастья вамъ.
 Сыскать находку въ мужѣ.

(Послѣ минутнаго молчанія).

А впрочемъ что жъ, — у нашихъ дамъ,
 Случается и хуже.

И быта нашего привитаго романъ
 Не диво если полнъ героевъ-обезьянъ.
 Бывало метръ-д'отель или камердинеръ лорда
 Про добрую страну услышетъ или прочтеть.
 Сберется въ дальній путь и ужъ увѣренъ твердо
 Въ успѣхѣ напередъ.
 На Сѣверъ сытый нашъ, бѣглець голодный юга,
 Бульварный фатъ, здѣсь членъ порядочнаго круга,
 Пріѣдетъ, насъ бранить, свой хвалить добрый край,
 Зоветь туда, лишь самъ намѣренъ здѣсь остаться,

И счастливый судьбой, отъ ласкъ онъ черезъ край,
 Не знаетъ наконецъ куда ему дѣваться.
 Вездѣ ему приѣмъ, — и всюду входъ открытъ.
 Въ гостинныхъ идеалъ, объявленъ за туриста.
 А полкъ столичныхъ дамъ восторженно кричить:

«Явился Монте-Кристо!»

Вотъ, думаетъ, страна! одно его дивить:
 Да гдѣ же русскій быть?
 Что даже говорить, — не всё, по-русски чисто....

Разумѣется, что всего этого не нужно — лишняя болтовня, какъ и вся подлежащая комедія — но, при небольшомъ искусствѣ, при маленькомъ уразумѣннн комическаго дѣла, интереса и дѣйствія, какихъ прекрасныхъ вещей нельзя написать этимъ стихомъ для театра! Недостатокъ въ этомъ уразумѣннн тѣмъ болѣе неизвинителенъ господину Кролю, что самъ же онъ — неутомимый критикъ своимъ собратьямъ и судить о русской комедіи и русской драмѣ такъ рѣзко, какъ-будто уже написалъ образцовое драматическое сочиненіе:

..... Порой, *равнѣять* грузь невзгоды,
 Заѣдешь ли въ театръ — плохіе переводы!
 Когда жъ свое — такъ сущій вздоръ,
 И тѣмъ мысли нѣтъ, остротъ избитыхъ сборъ!

А между-тѣмъ, подъ этотъ страшный приговоръ подходитъ собственная его комедія!... Мысли, тутъ, ужъ навѣрное и тѣмъ нѣтъ. Каждой остротѣ его можно указать печатный источникъ. Да еще вопросъ: извинительнѣ ли плохой переводъ въ прозѣ, наскоро сдѣланный по требованію театра или актера, или плохое подражаніе знаменитому отечественному творенію, произведенное стихотворно, обдуманно, мучительно, сцена въ сцену, почти стихъ въ стихъ, безъ малѣйшаго слѣда изобрѣтательности?...

АРЕТА. Сказаніе изъ временъ Марка-Аврелія. Ранча (Москва, 1849, въ 8., стр. 530, въ двухъ частяхъ).

Десять тысячъ стиховъ!... Поэма достойная всякаго уваженія, и по объему, и по содержанію. Предметъ — въ высшей степени поэтической: бытъ, страданія и добродѣтели первыхъ христіанъ, въ Александріи, въ Египтѣ, во время богословской войны между лзы-

часинъ Музеевъ и христіанонимъ Дядасколѣонимъ, въ имени гонимій противъ послѣдователей вѣры Христовой, великихъ учителей Церкви, великихъ мучениковъ, великихъ чудесъ. Религіозные предметы, по нашему убѣжденію, имѣютъ всегда первое право на языкъ поэзіи, языкъ дѣлъ небесныхъ и божественныхъ. Бдѣ имѣть вѣры, таинственныхъ восторговъ, и энтузіазма, которые она внушаетъ, тамъ, при всемъ блескѣ красокъ, при всей игрѣ воображенія, имѣть и быть не можетъ настоящей поэзіи, и звуки ея — только какъ вустоты въ нѣмомъ и холодномъ пространствѣ.

Авторъ «Ареты» ждалъ употребить въ стихотворное дѣло *легенды*. И прекрасно!

Легенда, вѣчная, уже сама по себѣ — поэма. Это — природный поэтический матеріалъ. Изъ несчастію, и авторъ «Ареты» *подрассовестил*!... Онъ желалъ подарить намъ нѣчто въ родѣ «Эпиграммъ» Томаса Мура. Какая нумда!... Зачѣмъ намъ, только что начинающимъ учиться, такіе ученые предметы! Вѣдь для чего нужна, кромѣ поэтического дару, огромная классическая эрудиція!... Зачѣмъ ужъ лучше не взять нашихъ отечественныхъ легендъ изъ временъ распространенія Христіанства на Скандинавію? Развѣ для честолюбія благонамѣренной музы господина Рача не довольно было нашихъ кіевскихъ преданій, нашихъ нещедрыхъ духовныхъ подвиговъ, нашихъ собственныхъ мучениковъ, преслѣдованныхъ и растерзанныхъ издѣлывающимъ игобожіемъ?... Тутъ по крайней мѣрѣ русскій поэтъ знаетъ все что нужно, безъ дальней усталости. Муровъ «Эпиграммъ», несмотря на отсутствіе поэтического жару въ авторѣ, читается съ большимъ наслажденіемъ: почему?... да потому, что кромѣ звучнаго, гладкаго, прелестьнаго разсказа, въ англійскомъ поэтѣ встрѣчаешь собесѣдника классическаго ученнаго, писателя отлично знакомаго съ греко-римскою древностію, съ ея предметами и дѣлами, съ ея бытомъ, обычаями; мѣткими и проницательными; человѣка, который знаетъ, что говоритъ и что хочетъ представить. О русскомъ поэтѣ — не знаю — можно ли сказать то же самое, несмотря на все желание сказать какъ-можно болѣе хорошаго, изъ уваженія къ предмету огромной ея поэмы. Ужъ и это большая заслуга — великое доказательство прямого ума и поэтического чувства — что онъ, пылаясь подражать по-нашему, по-русскому, не написалъ *романа съ стихами*, не выкинулъ намъ подражательнаго «Эпиграма», который и самъ былъ уже подражателемъ. Какъ не поклониться счастливному шедеврѣ, вспоминаемому обоимъ поэтическимъ клѣтѣ, о леген-

дакъ!... Этому мы поклоняемся, невзирая на подражаніе. Но классическая древность!... Классическая древность, наставница наша въ поэзіи и мудрости, имѣетъ тоже права свои; права, неподверженныя вольностямъ свободно кочующаго вдохновенія; права, уважаемыя всею новѣйшею образованностью съ почтеніемъ дочери къ усопшей матери. Тутъ, прежде чѣмъ вдохновеннымъ, надо быть ученымъ — надо многое знать — многое изучить — а иное даже и видѣть. Глядя на классическую древность съ Марасейки, она, правда, можетъ казаться немудренѣе Соколыницкаго Лѣсу — обширная и темная масса, и только — неразглядное пространство, по которому воображеніе привольно блуждаетъ, и которое оно, никуда не выходя, населяетъ своими фантазіями. Но, подойдя къ этой древности поближе, познакомившись съ ней по-короче, умъ столбѣнѣетъ и душа приходитъ въ восторгъ: это — море чудесъ, безконечно разнообразныхъ и несказанно любопытныхъ, которыя тѣмъ приличнѣе знать поэту, что многіе изъ читателей знаютъ ихъ — или, по-крайней-мѣрѣ хорошо объ нихъ слышаны. Правда, что московскій поэтъ принялъ на такой случай очень благоразумную мѣру осторожности: онъ написалъ поэму свою для немногихъ... Ну, а какъ между немногихъ — не доведи, Господи — попадутся такіе, которымъ будетъ извѣстно то, что нынче уже извѣстно всякому?... Какъ имъ, досконально вѣдая изъ первой книги объ Египтѣ, что ни къ сѣверу отъ Мемфиса, ни по близости его, нѣтъ никакого озера — что мемфисскія пирамиды стоятъ не на озерѣ, а на вершинѣ Ливійскихъ Горъ — что ихъ не рядъ, а всего на все три, и расположены онѣ неправильнымъ треугольникомъ — что пирамиды были царскими гробницами, а въ чужія гробницы, особенно царскія, и особенно въ Египтѣ, не позволялось хаживать на прогулки, потому что это было страшное святотатство — что входы въ пирамиды всегда задѣланы на-глухо камнями исполнскихъ разнѣровъ, которыхъ сотни рукъ не могли бы сдвинуть съ мѣста — что проходы въ пирамидахъ, то круто покатые, то перпендикулярныя, въ видѣ колодець, то восходящія узкою ворюю, имѣютъ большею частью фута три въ квадратъ, гдѣ гулять, и притомъ еще ночью, безъ фонаря, крайне неудобно, потому что по нимъ надо, не ходить, а лазить, свернувшись въ три погибели, упираясь въ четыре стѣны руками и ногами и утопая въ поту отъ нестерпимой духоты, или спускаться на веревкахъ какъ въ бездны, съ опасеніемъ сломать себѣ шею: такъ-то древніе старались сдѣлать гробы свои недоступными для любителей

сентиментальных прогулок! — какъ имъ, спрашиваю, повѣрять поэту въ прочихъ обстоятельствахъ разсказа, когда они прочитаютъ наприимѣръ, слѣдующее мѣсто, одно изъ тысячи подобныхъ:

«Ужъ поздно; свѣтъ огней потухъ;
 Всѣ торопились въ путь обратный;
 Не торопился я одинъ.
 Вдыхая воздухъ ароматный
 Среди цвѣтущихъ луговинъ,
 Бродилъ я тихими шагами.
 Мечты снѣжались мечтами;
 И день уже былъ не далекъ.
 Опомнясь, я сажусь въ челнокъ;
 Плыву. На сѣверъ отъ Мемфиса
 Есть озеро; на немъ стоитъ
 Рядъ пирамидъ; онъ сторожитъ
 Покой жильцевъ Некрополиса;
 Туда чрезъ зыби сонныхъ волнъ
 Направилъ я свой легкій чолнъ.

Въ часы унынія кладбище, —
 Последнее людей жилище, —
 Наводитъ много сладкихъ думъ.
 Плыву, задумавшись глубоко;
 И берегъ былъ ужъ недалеко.
 Вдругъ плескъ волны и веселъ шумъ;
 Гляжу, — двѣ женщины, двѣ тѣни,
 Плывуть, скользя по зыби волнъ,
 Въ приютъ отжившихъ поколѣній.
 Вотъ къ берегу присталъ ихъ чолнъ.
 Я тихомолкомъ вслѣдъ за ними;
 Они все далѣ, все впередъ
 Изъ перехода въ переходъ
 Между платавами густыми;
 Вдругъ у одной изъ пирамидъ
 Онѣ исчезли какъ видѣнье;
 Кругомъ все спомъ могильными снитъ;
 Ищу ихъ, напрягаю зрѣнье,
 Бросаюся туда, сюда, —

Никгда ни легкаго слѣда:
 Я обхожу всю пирамиду,
 Рисуюсь, шупаю, — и вижу
 Отверстія для входа нѣтъ;
 Но наконецъ напалъ на слѣдъ.
 Въ бесплодныхъ поискахъ случайно
 Населюся я кружины (!!) тинной,
 И, скрипнувъ, дверь скользнула въ бокъ.
 Вотъ двѣ ступени предъ мною;
 Чуть освѣщенная луною; —
 Другія края густой облепъ.
 Иду по темнымъ переходамъ,
 И слышу, — шумъ коихъ шаговъ
 То переплывнется въ своды;
 То слышится, то проснется въ вѣтви.
 Я вздрогнулъ, но опять облепъ
 Иду, — и заперъ эта гора.
 Глажу, — дрожащій свѣтъ меланхолическій
 И наконецъ я въ галереѣ.

Нѣтъ! никогда и въ самомъ свѣ
 Не улыбалось счастье мнѣ
 И ласковѣй и благосклоннѣй!
 Невидимый, склонясь къ колоннѣ,
 Я взоры обвожу кругомъ,
 Осматриваю *подземелье* (?),
 И вижу келью; въ этой кельѣ
 Гранитный жертвенникъ; на немъ,
 Въ гробу *изъ чистаго кристалла* (?)
 Давно почившая лежала.
 Она была такъ хороша,
 Такъ мало тѣнька потерѣла,
 Какъ-будто только-что душа
 У ней отъ тѣла отлетѣла
 Я былъ отъ удивленья итѣтъ.....

У изголовья передъ нею
 Въ числѣ безсмертія эмблемъ:
 Я видѣлъ нильскую лилею,
 Надломленную пополамъ;
 На ней изображенъ птица,

Готовой изъ земной тѣницы
 Вспорхнуть къ надзвѣзднымъ небесамъ.
 Но что мнѣ смертности символы, —
 Холодной мудрости глаголы, —
 Когда живое существо, —
 Живаго сердца божество, —
 Очаровательную Зою
 Увидѣлъ я передъ собою?
 Она, надъ гробомъ наклонясь,
 Душой съ почившею слялась;
 И вотъ простерши къ ней объятье,
 Сняла съ груди ея распятые
 И, приложивъ его къ устамъ,
 Приникла взоромъ къ небесамъ
 Съ такою вѣрой, что, казалось,
 Ея земное не касалось.
 И я, Эпикуреецъ, я,
 Въ разсвѣтъ полномя бытія,
 Я, проповѣдникъ наслажденья,
 Исполнился благоговѣнья.
 Я съ нею былъ наединѣ,
 Въ глубокой тишинѣ полночной;
 Но мысли, но мечты порочной
 Не зародилось во мнѣ.
 Кругомъ меня все было свято;
 И, умиленіемъ объята,
 Уже не покушался я
 Смутить покой души ея,
 Ея бесѣду съ небесами;
 И — тихими назадъ шагами.
 Свѣтало; дневные лучи
 Некрополисъ озолотили
 И, жизни полные, будили
 Почившихъ въ немъ; но, какъ въ ночи,
 Они непробудимо спали....
 И счастливы — имъ нѣтъ печали
 Имъ чужды суеты земли, —
 Они въ могилу ихъ снесла.
 Задумчивый, давъ грусти нищу,
 Я долго, долго по кладбищу
 Блуждалъ и, какъ гробовъ жвальцы, —

Некроподиса мертвецы, —
 Не восхищался я денницей;
 Душа моя была полна
 Изиды молодом жрицей;
 Мечты, какъ за волной волна,
 Переливались, несменя
 Все къ ней, все къ жрицѣ молодой,
 И всѣ на ней одной слилися
 И въ образъ отланись живой.

«Усталый, я вадреннулъ неинного
 Съ неуспиренною тревогой.
 И въ часъ дремоты все она,
 Одна она, въ видѣньяхъ сна
 Вилась, носилась надо мною
 Въ лазоревой дали небесъ
 Съ своей чарующей красою.
 Я счастливъ былъ....»

Это — Египетъ московской фабрики. Все въ этой древности поддѣльно, отъ мѣстностей, до туветъ и нравовъ. Прибавьте къ тому, что пирамиды лежатъ отъ Мемфиса прямо къ западу, а не къ сѣверу; что эти подземелья находятся футажъ въ шестидесяти и болѣе надъ вершинами горъ; что гроба въ нихъ, разъ тысячу описанные и всѣмъ хорошо извѣстные, сдѣланы изъ грубаго камня, а не изъ чистаго кристалла; что эгиптяне, по званію своему, были люди вовсе не сентиментальные; и цѣлые десятки другихъ подобныхъ изобрѣтеній господина Ранча. Если поэзія должна быть какъ живопись, то нельзя же ей совсѣмъ прерзѣть вѣрностью колорита съ красками природы и представлять дерево малиновымъ, когда оно — зеленое.

Стихъ господина Ранча таковъ, какъ вы видѣли, и не требуетъ особеннаго похвальнаго слова.

Что касается до поэтической повѣсти, то вотъ ея содержаніе. Язычникъ Арета принимаетъ въ Римѣ христіанскую вѣру, и вслѣдъ затѣмъ подвергается разнымъ несчастіямъ: онъ разорился, обидѣнъ, на пути въ Александрію разлученъ пиратами съ женою и дѣтьми, и выброшенъ на пустынный берегъ. Онъ въ отчаяніи, и сомнѣвается въ Провидѣніи; но видитъ чудесный сонъ, крипится въ вѣрѣ, и идетъ отыскивать свое семейство. Послѣ многихъ страданій и многихъ подвиговъ великодушія, когда въ Але-

александрийскіе жрецы и ученые подѣлили новое гоненіе на христіанъ, онъ удаляется въ горы Верхняго Египта, гдѣ знакомится съ Аполлодоромъ, бывшимъ эпикурейцемъ, а нынѣ благочестивымъ отшельникомъ въ пещерахъ Оиванды. Здѣсь Аполлодоръ рассказываетъ ему исторію своей жизни въ Аоннахъ и Александріи, и обращенія своего въ христіанство: часть этого повѣствованія мы сейчасъ читали. Еще будучи язычникомъ и отщепеннымъ эпикурейцомъ, онъ нашелъ въ Зоѣ идеалъ всего прекраснаго, какъ-будто принадлежалъ къ сектѣ платониковъ или стихотворцевъ пушкинской школы. Они приняли вѣру Христову вмѣстѣ, и усовершенствовались въ духовной жизни подъ руководствомъ отшельника Мелетія, но египетскій жрецъ Оркъ — странное названіе для жреца! — возбуждивъ гоненіе, разлучилъ его съ супругой, которая и погибла въ темницѣ, и Аполлодоръ отправился въ Аонны, раздалъ тамъ имѣніе свое бѣднымъ христіанамъ и воротился самъ въ Верхній Египетъ.

Въ отвѣтъ на этотъ рассказъ, Арета сообщаетъ ему подробную повѣсть о своемъ собственномъ обращеніи, и о приключеніяхъ своихъ и своего семейства во время гоненія, послѣ котораго удался онъ въ Оиванду.

Десять тысячъ стиховъ проходить въ этихъ безконечныхъ беседахъ двухъ пустынниковъ, гдѣ много прекрасныхъ чувствъ, много благочестивыхъ и спасительныхъ мыслей, но движенія, дѣйствія, созданія — ни слѣда, а древности и легенды — ни тѣни. О! не такъ изъясняется легенда, пылкая дочь восторженнаго вѣроу воображенія! Она творитъ, она приводитъ все въ дѣйствіе, она все согрѣваетъ своимъ огнемъ, всему придаетъ жизнь и дѣйствіе, все превращаетъ въ чудеса. Мы говоримъ это не въ укоръ поэмѣ господина Ранча, которой прекрасныя намѣренія заслуживаютъ самаго полнаго почтенія, а въ предостереженіе другимъ, желающимъ стихотворствовать въ легендарномъ родѣ. Не такъ, опять, говоритъ и чувствуетъ древность.... Но за эту статью можно, но-настоящему, и не взыскивать съ русскаго поэта. Какая нужда ему, при описаніи древности, знать классическую древность ученымъ образомъ, когда вотъ ученая книга —

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Сочиненіе Зеленецкаго. (Одесса, 1849, въ-8., стр. 236.)

Книга, которая хотеть всѣхъ насъ учить — которая раздѣлена на параграфы — которая судитъ и радитъ о дѣлахъ литературныхъ, — и

которая, между-тѣмъ, не знаетъ значенія техническихъ терминовъ своей науки!... Она увѣряетъ насъ, будто *подъ филологіей разумѣютъ обыкновенно, въ тѣсномъ смыслѣ, совокупное изученіе языковъ, литературъ и древностей* (о! еще древностей!) *классическаго, греко-римскаго міра*. Гдѣ же это, въ какой безлюдной степи, за какимъ темнымъ и широкимъ моремъ, въ какомъ безграмотномъ вѣкѣ, такъ разумѣютъ *филологію, въ тѣсномъ или просторномъ смыслѣ, обыкновенно или необыкновенно?*... Славные будемъ мы *savants*, когда господинъ Зеленецкій выучитъ насъ *всѣхъ* своей литературно-исторической мудрости: то-то станемъ удивлять ученую Европу! Нужно только, чтобы она сперва забыла, что *philosophia* искони значила и значить у ней *любомудріе* и предметъ ея — *principia et causae rerum, начала и причины явленій*, а *philologia* также искони значила и значить *любословіе* и предметъ ея — *principia et causae verborum, начала и причины словъ и реченій* какого-нибудь отдѣльнаго языка, *въ тѣсномъ смыслѣ, или многихъ языковъ, въ обширномъ значеніи*. Рациональное уразумѣніе естественнаго образованія словъ и ихъ формъ, ихъ различныя значенія, сравнительное достоинство и историческія походы этихъ значеній, способы употребленія ихъ между собою, вотъ — *филологія!* Любословіе, филологія, это — грамматика и лексикографія въ обширномъ смыслѣ, и терминъ этотъ нигдѣ и никогда не принимался донынѣ въ другомъ значеніи между учеными. Изученіе же языковъ и литературъ греко-римскаго міра, изученіе совокупное, основательное, любословное, филологическое, называется у нихъ обыкновенно, съ позволенія одесскаго судьи литературныхъ дѣлъ, *классическою критикою*, иногда *классическою филологіей*, а не *филологіей* просто и въ какомъ-то тѣсномъ смыслѣ.

Та же велемудрая «Исторія русской литературы» увѣряетъ, будто *Словесностію* (sic), то есть, Словесностью, называется *совокупное и притомъ систематическое изложеніе теорій языка и исторіи литературы* (!?!) *какого-либо народа*. У дѣтей, учащихъ въ какой-нибудь школѣ, между школьниками и ихъ учителями, оно можетъ быть такъ и называется, домашнимъ образомъ, но въ свѣтѣ, въ наукѣ, въ литературѣ, гдѣ знаютъ, что *словесить* значило умѣть дѣйствовать словесами и производить *красное слово*, Словесностью называется, просто, часть литературы, посвященная обработкѣ Изящнаго или Прекраснаго по правиламъ искусства. Это не что иное, и ничего болѣе, какъ *belles-lettres, humanitales* прежнихъ школъ. Словесность составляютъ стихотворе-

ніа, романы, повѣсти, рѣчи, драмы различныхъ родовъ, и сюда же принадлежала исторія, пока исторія была риторическою сказкою и не стала изслѣдовательною наукою, стремящеюся къ точности.

Та же «Исторія русской литературы» гласитъ, что у насъ есть слово *письменность*, которое «можетъ означать *распространеніе грамотности въ народъ, первую степень литературы*», тогда какъ *письменность* есть просто и чисто русскій переводъ греко-русскаго слова *грамотность*. *Gramma* — *письмо*, *grammatikê* — грамотность, *письменность*, умѣніе изображать слова буквенными знаками; и все тутъ.

Та же «Исторія русской литературы» поучаетъ насъ, что *начало славянскому языку положено переводомъ книгъ Священнаго Писанія на славянской языкъ!?!...*

Въ той же «Исторіи русской литературы» удостовѣряютъ, будто *нынѣшніе ученые мѣшнія соединились согласно въ томъ, что книги Священнаго Писанія переведены архіепископомъ моравскимъ и паннонскимъ для его паствы, состоявшей изъ Моравовъ, Словаковъ, Хорватовъ и Сербиновъ, которые все вмѣстѣ называютъ Србамъ и нарѣчія свои србскими, на... болгарскій языкъ!!!...*

Всѣхъ мудростей сказанной «Исторіи русской литературы» не перечестъ въ скромной лѣтописи. Она однако жъ не такъ плоха, какъ нѣкому можетъ показаться изъ приведенныхъ доказательствъ глубочайшихъ филологическихъ познаній автора и его умѣнія, въ «Исторіи литературы», выразаться литературно. Великое и рѣдкое достоинство ученаго творенія господина Зеленецкаго — достоинство, на которое самъ онъ заботливо указываетъ — состоитъ главнѣйшее въ томъ, что незабвенное твореніе это *раздѣлено на параграфы*. Какое удивительное удобство! Не нравится ли вамъ какой параграфъ? — можете и не обращать на него вниманія; а нравится? — такъ вы вмѣете случай *распространить его сами*, прибавить къ нему что угодно, сдѣлать его не только толковымъ, но даже и интереснымъ.

КАРТА ВЕНГРІИ, ГАЛІЦІИ И ПРИЛЕЖАЩИХЪ КЪ НИМЪ ЗЕМЕЛЬ: Славоніи и Кроаціи, Трансильваніи и Военной границы, съ обозначеніемъ—сплошными особенными красками—земель, занятыхъ главными племенами народонаселенія. При картѣ приложены: десять статистико-этнографическихъ таблицъ и алфавитный указатель всѣхъ мѣстъ, съ означеніемъ областныхъ названій и числа жителей въ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ, гдѣ болѣе пяти тысячъ душъ. Изданіе П. Вознесенскаго.

Чудные люди наши издатели! Стоить одному затѣять какое-нибудь литературное предпріятіе — откуда на возмется десятки подражателей. Спекуляторы, какъ вброны на добычу, залетятъ на счастливую идею, какъ голодные волки бросятся терзать ее, растаскивать по своимъ берлогамъ, и въ торопяхъ, держа свою жертву въ судорожныхъ объятіяхъ, кромсать ее каждый по-своему.... Тутъ некогда заботиться о развитіи счастливой идеи, о достойномъ ея осуществленіи. Скорѣе къ дѣлу! Лишь бы не опередилъ другой.... Какъ-будто поле для литературной предпринимчивости сошлось угломъ; какъ будто нельзя на немъ дѣйствовать, не мѣшая другому. Потребность чтенія въ массѣ у насъ еще не такъ сильна, чтобы могла поддерживать множество однородныхъ предпріятій.... А между тѣмъ отъ спекуляцій на чужія идеи страдаютъ и публика и дѣльные труды. Опасно взятыся за какое-нибудь общепольное литературное дѣло — того и гляди испортятъ его.... Отъ этого въ большей части нашихъ изданій замѣтна торопливость; видно, что и издатель, и сочинитель думаютъ только о томъ, какъ-бы не опоздать. Легко себѣ представить какъ пріятно, при такомъ положеніи литературной дѣятельности, встрѣтить произведеніе, исполнѣ обдуманное, отчетливое. Мало того — произведеніе, подвигающее науку впередъ. Это чувство удовольствія мы испытали при разсматриваемой нами картѣ Венгріи. Съ перваго взгляда, признаться, намъ было досадно, что карта вышла не много поздно, но, сообразивъ, что она отъ этого выиграла въ достоинствахъ, охотно прощаемъ издателю замедленіе въ выпускѣ. Притомъ изданіе карты Венгріи никогда не поздно, — здѣсь, кромѣ современныхъ интересовъ, много и постоянныхъ. Въ послѣднее время вышло нѣсколько картъ Венгріи, и судя по объявленіямъ, всѣ онѣ прекрасны.

Воображаемъ положеніе благосклоннаго читателя, наслаждающагося этими объявленіями. Съ одной стороны говорятъ ему: вотъ вамъ карта, на которой есть моря, рѣки, дороги, города, мѣстечки, крѣпости, границы государствъ, областей; съ другой предлагаютъ карту и книгу, съ разрѣшеніемъ вопроса отчего забеленилась Венгрія. Тамъ объявляютъ о картѣ, отпечатанной лѣтъ тридцать назадъ.... Еще карта Венгріи полковника Мѣдинова.... А сколько иностранныхъ картъ....

Большая часть выходящихъ нынче картъ Венгріи издаются преимущественно для читателей газетъ и журналовъ, какъ сред-

ство слѣдить по нимъ за ходомъ военныхъ дѣйствій. Стало-быть и составленіе этихъ картъ должно быть соображено съ главной цѣлью ихъ изданія. Между прочимъ нужно, чтобы на нихъ были помѣщены всѣ пункты, важные въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ, чтобы, хотя условными знаками, была выражена мѣстность, — чтобы нанесены были не только главныя, но и второстепенныя сообщенія. Опушеніе одного изъ этихъ условій будетъ важнымъ недостаткомъ. Надобно еще, чтобы карта не была дорога. Скажемъ правду, что всѣмъ этимъ условіямъ вполне удовлетворяетъ карта Венгріи и Галиціи, изданная господиномъ Вознесенскимъ. Въ Венгріи многія мѣстности носятъ по два, по три, иногда по четыре названія. Если бъ всѣ эти названія означить на картѣ, было бы пестро, потерялась бы ясность — одно изъ главнѣйшихъ условій хорошей карты.... а пропустить ихъ, карта будетъ не полна.... Вы ищете Болградъ, Фейерваръ, Вейсенбургъ.... гдѣ они? Посмотрите въ алфавитъ, приложенный къ картѣ.... тамъ найдете, что всѣ эти названія принадлежатъ одному и тому же мѣсту, извѣстному большей части публики, подъ именемъ Карлсбурга. Говорятъ вамъ, что было дѣло подъ *Гутой*.... гдѣ эта Гута? Никакой словарь, никакая географія не скажутъ вамъ этого.... а найти пунктъ на картѣ, не зная приблизительно его мѣстоположенія, трудно. Въ алфавитѣ, при каждомъ названіи, есть двѣ магическія буквы, наприимѣръ, при словѣ *Гута, Дг*. Эти буквы означаютъ тотъ небольшой квадратъ карты, въ которомъ надобно искать *Гуту*. На картѣ каждый квадратъ между лніями градусовъ долготы и шроты означенъ особыми буквами. Въ алфавитѣ же означено число жителей всѣхъ мѣстъ, гдѣ болѣе пяти тысячъ душъ. Чтобы можно было вполне пользоваться картой при чтеніи газетъ, необходимо, чтобы карта была и этнографическая.... Такъ и сдѣлалъ господинъ Вознесенскій. Смотря на его карту Венгріи, вы видите гдѣ живетъ какой народъ: гдѣ Славяне, гдѣ Нѣмцы, гдѣ Мадыяры, и такъ дѣле. Каждое изъ главныхъ племенъ населенія отмѣчено особымъ цветомъ. Этнографическая часть карты въ особенности выигрываетъ въ нашихъ глазахъ еще и потому, что матеріалы для нея отчасти взяты изъ сочиненій знаменитаго богемскаго слависта, профессора Шафарика, отчасти сообщены извѣстнымъ нашимъ славистомъ И. И. Срезневскимъ.... Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, господинъ Срезневскій путешествовалъ по Венгріи и другимъ славянскимъ землямъ для изученія жизни и языка славянскихъ народовъ. Во время этого путешествія онъ имѣлъ случай составить

на мѣстѣ «Этнографическія карты Славянъ и ихъ сосѣдей». Этими-то картами и воспользовался господинъ Вознесенскій.

Приложенія къ картѣ Венгріи и прочее важны не менѣе самой карты, сколько по разнообразію фактовъ въ нихъ заключающихся, столько и по достоинству ихъ. Статистико-этнографическія таблицы состоятъ изъ пяти общихъ таблицъ и пяти частныхъ. Матеріалы для статистико-этнографическихъ таблицъ взяты отчасти изъ извѣстій, обнародованныхъ австрійскимъ правительствомъ, отчасти изъ приблизительныхъ расчетовъ ученыхъ путешественниковъ. Факты этнографическіе заимствованы для таблицъ, такъ же какъ и для карты, изъ матеріаловъ «Этнографической карты Славянъ и ихъ сосѣдей», профессора Срезневскаго, и изъ «Славянскаго народонаселенія», профессора Шафарика. Приняты были въ расчетъ и недавно обнародованныя офиціальныя извѣстія о народахъ Австрійской имперіи, впрочемъ, только тамъ, гдѣ онѣ не очень отличались отъ другихъ достойныхъ вѣроятія извѣстій и исчисленій. Статистико-этнографическія таблицы — полная, отчетливо созданная картина земель, помѣщенныхъ на картѣ. Намъ особенно понравилась ясность при выраженіи преобладающаго племени населенія комитатовъ.

Вообще во всемъ изданіи господина Вознесенскаго видно умѣе и добросовѣстность. Мы слышали, что карта Венгріи есть только начало цѣлаго ряда этнографическихъ картъ, что вслѣдъ за ней будутъ изданы карты: Италіи, Пруссіи, Средней Германіи, Турціи. Желательно, чтобы слухи эти сбылись.

Но чтобъ не остаться въ долгу передъ тѣми нашими читателями, которые еще не видѣютъ карты господина Вознесенскаго, сдѣлаемъ изъ нея извлеченіе о размѣщеніи народовъ. Просимъ ихъ взять любую карту Австрійской имперіи и прослѣдить ее по даннымъ, которыя мы извлекаемъ изъ карты Вознесенскаго.

Почти вся сѣверная половина восточныхъ областей Австрійской имперіи покрыта на этой картѣ зеленымъ цвѣтомъ: это Славяне. Она простирается до 48 градусовъ широты, а кое-гдѣ и далѣе на югъ. Изъ этого исключаются только сѣверная, отчасти южная части Богеміи—Морава, эрцгерцогства и кусокъ земель между Гатрою (Розновой) и Кашавой, гдѣ живутъ Нѣмцы. По чертѣ отъ Будвени и Брюка на сѣверъ—Славяне. По линіи желѣзной дороги отъ Брюка въ Пресбургъ на востокъ—Славяне. Пресбургъ, Коморъ, Рознова, Кашау, Унгваръ, Мункачъ, Сигеть, истоки Тисы и Серета, Черновциъ—вотъ до какихъ мѣстъ доходятъ колоніи Славянъ. На югѣ австрійскихъ владѣній до 46 градусовъ ши-

роты, а мѣстами и до 47, и до 40 градусо́въ долготы — опять зеленый́ цвѣтъ, опять Славяно. Линія, отдѣляющая ихъ сначала отъ Нѣмцевъ, а потомъ отъ Мадыровъ, идетъ отъ Клаген-Фурта на Марбургъ, выдается мысомъ къ Бернштейну, направляется на Ленду, Большую Канншу, пересѣкаетъ Дунай у острова Могача, охватываетъ съ востока до Бан, и черезъ Тьенгъешъ, Кишъ-Канншу, Н. Св. Миклошъ, Надъ-Бечкерекъ, подходитъ опять къ Дунаю у Новой Молдавы, на востокъ примыкаютъ къ Славянамъ Валахи.—Гдѣ же эти Мадыры? спросите вы: гдѣ этотъ господствующій народъ королевства Венгріи?—А вотъ онъ, между Нѣмцами, Славянами и Валахами, въ степяхъ и болотахъ, между 48 градусо́въ и 46 широты и между 34 и 39 (мѣстами до 40 градусо́въ) долготы,—покрытъ синимъ цвѣтомъ. Кромѣ того въ Трансильваніи между Валахами, на желтомъ полѣ. Вы также замѣтите синіе узоры,—это тоже Мадыры.—На западѣ линія мадырскаго населенія идетъ отъ Бернштейна къ Нейндельскому озеру и Пресбургу; на востокъ—отъ Мункача на Гроссъ-Вардейнъ, Старый и Новый Арадъ и Темешваръ. Въ Трансильваніи линія мадырскаго населенія такъ извилиста, что опредѣлить ее пунктами невозможно,—нужно видѣть карту. Скажемъ только, что Мадыры живутъ, начиная съ сѣверовостока отъ Плонды и Надъ-Эгрета, черезъ Марошваргелъ, Удваргелъ до Ильезальвы. Кругомъ ихъ — Валахи, занимающіе всю Трансильванію и далѣе за границей княжества ровную полосу земли почти на градусъ широты. Все пространство, занятое Валахами покрыто желтымъ цвѣтомъ.

На западной части карты видны два красенькіе кусочка, не очень маленькіе, но и не большіе,— это Нѣмцы; сѣверный кусочекъ окруженъ зеленымъ цвѣтомъ—Славянами; а южный на сѣверѣ и югѣ примыкаетъ къ Славянамъ, а на востокъ къ Мадырамъ.—Вотъ четыре главные отдѣла венгерскаго населенія, ярко отдѣленные одинъ отъ другаго на картѣ господина Вознесенскаго. Безъ всякаго сомнѣнія, линіи этихъ отдѣловъ мы могли назвать только приблизительно; на картѣ граница племенъ вѣтса извилисто, — и выразить словами эти извилины, не сдѣлавъ грубѣйшей ошибки, невозможно. Кромѣ того посмотрите — вся карта въ синихъ, зеленыхъ и красныхъ пятнахъ: — это колоніи Славянъ и Нѣмцевъ въ земляхъ мадырскихъ, валахскихъ и рѣдко на оборотъ.... Вотъ объ этихъ-то пятнахъ трудно сказать что-нибудь, даже и приблизительно. Да и зачѣмъ? — Карта господина Вознесенскаго такъ дешева и такъ хороша!

РАЗНЫЕ ИЗВѢСТІЯ.

— Въ Москвѣ издавъ, безъ имени автора, карманный, уютный и, даже, весьма порядочный «*Ручной латинско-русскій словарь, составленный по лексикону Кронеберга и другимъ нѣмецко-латинскимъ словарямъ*». Недостатокъ въ этого роду учебномъ пособіи былъ такъ ощутителенъ при домашнемъ воспитаніи дѣтей, и даже въ училищахъ, что нельзя не поблагодарить того, кому далась счастливая мысль употребить такъ полезно и такъ кстати свое трудолюбіе. Желаемъ его книгѣ — не успѣха!... успѣхъ вѣренъ — но черныхъ чернилъ, хоть-бы нѣсколько потерице.

=

VII.

С М Ъ С Ь.

ПУСТЫНЯ. Изъ воспоминаній Якова Араго. Нѣсколько заблудившихся птицъ носились на другой день надъ караваномъ, нѣкоторыя даже упали въ наши ряды: утомленные крылья не могли донести ихъ до отдаленнаго убѣжища, онѣ предпочли лучше предаться намъ, чѣмъ тщетно бороться съ разстояніемъ пугавшимъ ихъ, и зноимъ, губивавшимъ ихъ энергію.

Ощипанный ибисъ, ласточка и коршунъ попались въ наши руки; ихъ успѣшили докончить однимъ ударомъ ножа: всякая доблѣтность имѣетъ право на уваженіе.

По расчету одного опытнаго начальника, мы черезъ день должны были достигнуть границы подвижнаго песку и перейти въ каменистый поясъ, почти совершенно окружающій Сахарскую пустыню; но рука Всемогущаго одна управляетъ происшествіемъ и радость челоука превращается въ отчаяніе, когда прогредитъ слово Вседержителя.

Арабъ ошибся; начальникъ, его соперники, осудили бѣдника продолжать дорогу пѣшкомъ съ завязанными глазами. Другой Арабъ, дерзкій въ рѣчахъ, пошелъ впереди каравана и желая энергическимъ образомъ опровергнуть знаніе перваго, командовалъ поворотъ, которому верблюды напрасно противились.... Черезъ осемь часовъ онъ подвергся участи товарища и оба рука объ руку были принуждены вполголоса признаться въ своемъ невѣжествѣ.

Ночь была бурная, небо сумрачно, молнія быстрая, водяные и песочные вихри пронзительны. Арабы, Негры, верблюды, лошади не знали куда дѣваться, чтобы устоять противъ бури, обхватившей насъ со всѣхъ сторонъ. Самые опытные совѣтовали идти по направленію грозы, запретили раскидывать палатки; ихъ послушались, и вотъ мы безъ цѣли, безъ всякаго порядку, безъ компаса, безъ звѣздъ, блуждаемъ въ пространствѣ, напрасно отыскивая подпору на мокрой почвѣ, гдѣ взяли по колѣна.

Мы шли такимъ образомъ пока позволяли силы, но на разсвѣтѣ раставулись на песокъ и не старались уже противиться причудливымъ шкваламъ.

О чудо! недалеко отъ насъ, въ поляхъ пощаженномъ грозой, роковое туловище представилось нашимъ взорамъ.... молитва проклятаго не была услышана Превѣчнымъ и ни одна капля воды не освѣжила его голову, ни одна благодѣтельная росинка не упала на пылающія уста его!

Я тихо пробовалъ просить одного изъ самыхъ могущественныхъ начальниковъ, возлѣ котораго находился, но испуганный моею смѣлостью, и опасаясь для насъ обонхъ подобной участи, онъ закрылъ мнѣ ротъ рукою и приказалъ молчать, увѣрившись непытующимъ взоромъ, что никто не услышалъ словъ моихъ.

Исчезли облака, молнія, вѣтеръ. Солнце указало намъ дорогу и сначала мы шли довольно скоро.... Передовые верблюды остановились, мы ихъ тотчасъ догнали: это былъ станъ, гдѣ смерть разгуливала самовластно.

Человѣческія и верблюжьи кости валялись тамъ и сямъ. Кто пожралъ ихъ, самунъ, тигръ, или левъ?... Вѣрно жажда, и я невольно обернулся посмотреть не видно ли еще тамъ бѣднаго Араба, осужденнаго на самую страшную смерть.

Ничего! ничего!... Я прислушался.... никакой шумъ не достигъ до меня и мнѣ стало тяжело.... Въ тысячу разъ легче бы мнѣ было слышать рычаніе лютыхъ звѣрей или свистъ удава.... отчаяніе было бы не такъ жгучо, предсмертное томленіе не такъ медленно.

Есть очень несчастные люди на свѣтѣ, тѣ которые не испытали никакого несчастія. Эти, такъ грустно привилегированныя существа заслуживаютъ состраданія, для нихъ все безцвѣтно, однообразно. Навѣрно они находятъ воду не свѣтлой, цвѣты безъ запаха, горизонтъ не великолѣпнымъ, бурю не величественной, материнскую нѣжность не очаровательной. Что удовольствіе для тѣхъ, кто не страдалъ? что счастье для тѣхъ, кто не дрюливал

сдѣтъ? Покой безъ сна, ноцѣлуй безъ сладости, зима безъ вѣною.

Что до меня, мнѣ на этотъ счетъ не въ чемъ упрекать судьбу, въ жизни моей я испыталъ все, что должно было сдѣлать ее бурной, взволнованной, тяжелой, мрачной.... Когда подумаю откуда я отправился и какой достигъ цѣли, заключаю, что въ вѣчныхъ опредѣленіяхъ судьбы все устроено премудро, и что ложь не трудно бы доказать мнѣ, если бы одинъ день, только одинъ день протекъ для меня безъ тучъ на небѣ, безъ раны въ сердцѣ, если бы кораблекрушенія не увѣличали моихъ отдаленныхъ странствованій; если бы ураганы пощадилъ меня въ переѣздахъ изъ одной страны въ другую; если бы голодъ, жажда, смерть не сопровождали непрерывно пилигрима, который умѣлъ бороться безъ жалобъ и не родитъ теперь на Провидѣніе ни за густое покрывало, которымъ омрачены глаза его, ни за увѣренность, что горизонтъ никогда не будетъ возвращенъ ему. Повсюду распря, пылкая борьба съ людьми и со стихіями; этого много, слишкомъ много, для того, у кого только двѣ руки, одна грудь и одно сердце.

Вотъ пустыня съ ея бѣдствіями; вы видѣли какъ за мной гнались или бросались мнѣ на встрѣчу лютые звѣри, лавины, жгучіе лучи отвѣснаго солнца; будемъ надѣяться, что миражъ и самунъ не помѣшаютъ мнѣ благополучно добраться до пристани.

Мы идемъ по океану песковъ. Ни одного крика въ пространствѣ, ни одного облака на горизонтѣ, ни одного ибиса или коршуна въ воздухѣ; караванъ тянется грустно и безмолвно. Здѣсь крикъ стихій или лютыхъ звѣрей всегда служитъ предвѣстіемъ какой-нибудь катастрофы, и потому каждый глядитъ впередъ, назадъ, во всѣ стороны, чтобы видѣть откуда льется опасность....

Спускалась ночь, и послѣдніе лучи огненнаго солнца мало-помалу исчезали въ густыхъ слояхъ отяжелѣвшей атмосферы....

Мы шли къ сѣверу, приготовлялись къ ужину, когда пронзительный свистъ, подобный выдоханію исполнискаго мѣха, привлекъ наше вниманіе. Всѣ взоры съ безпокойствомъ направились къ востоку, откуда послышался признакъ воздушнаго феномена.... еще ничего.... мы бы сочли это за нападеніе чудовищнаго удава, если бы пресмыкающіяся могли жить въ этихъ пескахъ безъ воды, безъ наѣкомыхъ, безъ болотъ, безъ лѣсовъ.

Что же это?

Далеко, очень далеко отъ насъ образовался столбъ. Подножіе его на землѣ, вершина въ небесахъ.

Столбъ приближается, расширяется, вертится, растягивается

выдвигается, сгибается и становится волнистой лентой послѣ вертикальной желѣзной трубки.

И все подвигается.

Теперь это колоссальная масса, у которой вдругъ двѣются сестры, увеличивающіяся по мѣрѣ приближенія.

Намъ невозможно отъ нихъ уклониться, до того быстро ихъ стремленіе. Мы должны ожидать ихъ и приготовиться къ толчку. Страшное зрѣлище развивается передъ нашими глазами. Десять, двадцать, тридцать, сто столбовъ, образуютъ галлерей, глубокиа, широкиа, узкиа пещеры, перерѣзываемыя другими отдаленными столбами, которые бѣгутъ за первыми, словно за тѣмъ, чтобы пожрать ихъ.

— Это братъ самуна, сказалъ мнѣ Арабъ, стоявшій возлѣ меня на колѣнахъ.

— Ты это уже видѣлъ? спросилъ я нетвердымъ голосомъ.

— Никогда.

— Какъ же ты знаешь, что смерчи и самунъ одной породы?

— Оба умерщвляютъ и поглощаютъ.

— Такъ это нашъ послѣдній часъ?

— Я такъ думаю.

— Отчего ты это думаешь?

— Отецъ мнѣ рассказывалъ.

— Отецъ твой видѣлъ такихъ смерчей.

— Три раза.

— Однако съ нимъ ничего не сдѣлалось. Станемъ надѣяться, что и мы будемъ такъ же счастливы, какъ онъ.

Между тѣмъ воздушная лавина была передъ нами; отъ подножія ея звучалъ и прыгалъ песокъ; а внутри этихъ пузырястыхъ, прозрачныхъ какъ газъ массъ, мы видѣли какъ поднимались и терались въ высокиахъ областкѣ атмосферы, потоки песку, между которымиъ звывались орлы и лежа животныа, насекомыа, рыбы, пресмыкающіеся или четвероногіе, которыхъ мы видѣли въ очень краткихъ промежуткахъ.

Это нападеніе разъяренныхъ враговъ на неподвижныхъ противниковъ представляло великолѣпную картину, которой очарованіе никогда не передаетъ кисть, потому что тамъ не будетъ движенія, суеты, борьбы то сталкивающихся, то разстающихся, встрѣчающихся и убѣгающихъ столбовъ, одного стремящагося разорвать другой, того готоваго погибнуть и вдругъ дѣлящагося побѣдителемъ.

Мартенъ, живописецъ пространства, отбросилъ бы далеко отъ себя палитру, кисть и краски.

Я собралъ эти мысли, когда феноменъ прекратился. Въ ожиданіи набѣга я, какъ и весь караванъ, старался избѣгать прикосновенія этихъ страшныхъ и страшныхъ бомбъ, такъ же убійственныхныхъ какъ лавины, которыя стремясь съ хребта горъ, уносятъ съ собою лѣса и деревушки съ жителями.

Однако никто изъ насъ не былъ затронутъ. Столбы такъ были близки одинъ къ другому, что мы бы могли дотронуться до нихъ рукою въ два прыжка.

Едва опасность миновалась, мы вскочили и съ счастіемъ, съ гордостью слѣдовали глазами за смерчами, смѣялись ихъ угрозамъ и я еще вижу возлѣ себя испуганнаго Араба, тихо читающаго стихъ изъ корана, которому, вѣроятно, онъ приписывалъ свое чудесное спасеніе.

Однако феноменъ тутъ не кончился. Онъ остановился, побѣжденный противнымъ вѣтромъ, заворчалъ, раздражился отъ сопротивленія, принялъ предлагаемую борьбу, жаль свои ряды, почерпалъ въ изрытой почвѣ новыя силы; но изнемогши подъ тяжестью своихъ снарядовъ, осѣлъ и навлекъ страшный беспорядокъ на всю массу. О! тогда пустился въ дѣло голоса тысячи Батарей, непрерывная пальба; небо падаетъ на землю съ ужаснымъ трескомъ, пл скорѣ поднятый песокъ, возвращается въ свои владѣнія, поднимаясь волнистыми горами по дорогѣ, уже пройденной смерчами. Все изрѣзано, опрокинуто; если бы могильщики вздумали погребсти окаменѣлый городъ, имъ бы не нужно было трудиться. Тамъ, гдѣ низвергся метеоръ, явились странные, причудливые холмы, острокопечные какъ шпигцы, округленные какъ куполы, разтянутые какъ площадки, разбѣгающіеся по всемъ направленіямъ, крѣпкіе, стоячіе до тѣхъ поръ, какъ самунъ, который не любитъ ровностей, опрокинетъ и уравниетъ ихъ.

Когда настанетъ этотъ роковой день, мы, надѣюсь, будемъ далеко, и уже перескажемъ друзьямъ посѣщеніе земныхъ феноменовъ, которые средняя Африка бросаетъ передъ ногами неблагоприятныхъ изслѣдователей.

Я воспользовался спокойствіемъ и оцѣпчивіемъ каравана и пошелъ осмотрѣть слѣдствія опустошенія. Арабъ послѣдовалъ за мною, и какъ опасность уже миновалась, трусь болталъ съ неутомимой говорливостью. Я заставлялъ его молчать, ничего ему не отвѣчалъ, и мы дошли до подошвы новыхъ холмовъ. О! чудное зрѣлище!

почва волнуется, песокъ вздымается, опускается неровнымъ потрясеніемъ. Я изучаю феноменъ, дотрогиваюсь дуломъ пистолета до одного бугра, мнѣ сильно сопротивляются, я преодолеваю препятствіе.... Это страшная, чудовищная жаба. Нѣтъ никакого сомнѣнія, много другихъ животныхъ зарыто въ вихрь, захватившемъ ихъ среди жилища, и въ самомъ дѣлѣ тутъ, тамъ, вездѣ трупы и растерзанные летучія мыши, ящерицы, крысы, ужи, ехидны, ибисы, кроты, обвитые однимъ саваномъ, соединенные одной катастрофой.

Откуда явились голодные смерчи? откуда они взяли эту живую пищу? Какое невѣроятное сочетаніе! И какъ пресмыкающіеся и четвероногіе должны были удивляться, встрѣтятся въ различныхъ стихіяхъ и температурѣ и въ поясахъ, столь разнообразныхъ!

Я было хотѣлъ соединить въ одномъ сосудѣ этихъ животныхъ и насѣкомыхъ, но сигналъ къ отъѣзду отозвалъ моего товарища и я присоединился къ каравану, наполнивъ фуражку нѣсколькими пригоршнями песку, въ которомъ, къ крайней досадѣ, я нашелъ только остатки паука и три перышка ибиса.

Не знаю, что опредѣлило мнѣ небо въ отдаленномъ или близкомъ будущемъ, мнѣ извѣстно только то, что оно не отказываетъ мнѣ ни въ сладостныхъ, ни въ сплывныхъ, ни въ спокойныхъ, ни въ лихорадочныхъ волненіяхъ, наполняющихъ жизнь, и я благословляю его за то, что оно почти никогда не оставляетъ меня одного.

Счастіе, не раздѣленное, не можетъ назваться счастіемъ. Не холодный ли эгоизмъ заставитъ сказать человѣка: «Я одинъ видѣлъ эти великія вещи, одинъ былъ свидѣтелемъ этихъ великолѣпныхъ феноменовъ, одинъ ступалъ по этой неровной или ухапной почвѣ.»

Увы! появивъ какъ грусть вдвоемъ предпочтительна одинокой радости, я часто восклицалъ въ присутствіи атмосферическаго гнѣва или улыбки: зачѣмъ я одинъ передъ такимъ величіемъ!

Зачѣмъ нѣтъ другаго возлѣ меня, чтобы взять отъ меня часть моего восторгу и отдать мнѣ половину своего?

Напримѣръ нынче утромъ.... а! нынче утромъ караванъ мой не останется празденъ, я долженъ постараться передать высокое, великолѣпное зрѣлище, развивающееся передъ мои глазами. Весь караванъ, Арабы, Мавры заснули вмѣстѣ съ верблюдами при блескѣ феномена.

А у меня недостаетъ чувствъ, чтобы вдоволь насладиться; гла-

за мной, уши упоены поэзіей, освѣженные пальцы протягиваются, чтобы схватить вѣтерокъ, разгуливающій со вздохомъ отъ песку до самыхъ высокихъ областей атмосферы; вы думаете, что видите его причудливаго, своенравнаго, бѣгущаго по цвѣтамъ или волосамъ высокихъ растений, которыми земля украшается съ гордостью. Вы чувствуете какъ жизнь бѣжитъ по вашимъ жиламъ, будущаго не будетъ, прошедшаго никогда не было, все настоящее въ томъ пространствѣ, которое отдѣляетъ два бѣнія вашего сердца, и это такъ сладко, такъ полно, такъ совершенно, что вы не останавливаетесь на мысли, что оно кончится когда-нибудь. Вы ни сильны, ни слабы, вы не принадлежите себѣ, вы становитесь невольникомъ, и это невольничество такъ повелительно, что вы не промѣняете его на самую широкую свободу, ту, которая дастъ вамъ въ обладаніе воздухъ, землю, воды.

И у окружающихъ меня дикарей нѣтъ ни одной посторонней мысли, они тутъ возлѣ меня, между-тѣмъ, какъ будто ихъ нѣтъ.

- Чтò ты дѣлаешь тамъ, Тжи, за мною?
- То же чтò ты: люблюсь.
- Чѣмъ?
- Пустыней.
- А больше ни чѣмъ?
- Отдохновеніемъ Господа.
- Такъ это величіе, это безмолвіе — отдохновеніе Господа?
- Видишь ли, христіанинъ: бросая міры въ пространство, Аллахъ хотѣлъ, чтобы въ нашемъ была пустыня, и чтобы въ этой пустынѣ пилигримъ могъ разъ въ годъ, одинъ только разъ, поблагодарить Его за милосердіе. Ну, будемъ же благодарить Его нынче, потому что завтра....
- Чтò будетъ завтра?
- Не знаю чтò, пророкъ ничего не произнесъ, но завтра!....

Не будемъ заглядывать въ тайны Господа.

Арабъ разрушилъ очарованіе; я просилъ его оставить меня миромъ внутреннимъ размышленіямъ и попробовалъ сохранить на бумагѣ нѣкоторыя изъ тѣхъ глубокихъ впечатлѣній, съ которыми скоро долженъ былъ проститься.

Солице восходитъ и взоръ не уязвленъ, вы можете слѣдовать за нимъ шагъ за шагомъ въ его исполнскомъ бѣгѣ, и вы спрашиваете не измѣнило ли вѣчное свѣтило свою сущность, не отрелось ли отъ своего сіяющаго и восстановительнаго могущества.

Оно все всходитъ, всходитъ.

Форма его та же, кругъ тотъ же, онъ лучшій и жару у него нѣтъ; это огненный, красный и тусклый кругъ.

Кто лишалъ его этой пламенной атмосферы, которой мы обладаемъ нашими временами года и постоянной свѣтлой ночи и дня?

Посмотрите еще.

Канацъ ватеменицъ въ половицу; звѣзды средней степени сохраняютъ свой отливъ; блестящіе метеоры извиваются по пространству; вы слѣдите за ихъ причудливымъ бѣгомъ и, когда они гаснутъ въ воздухѣ или на землѣ, о которую съ шумомъ ударяются, непрозрачность не измѣняется, это все сумерки, но долгіе и густые какъ въ полярныхъ странахъ.

Я былъ въ восторгѣ и ждалъ катастрофы отъ этого зѣрнаго феномена, хотя сонъ каравана долженъ былъ меня успокоить.

Но зачѣмъ этотъ сомнительный свѣтъ? Къ чему эти прозрачныя сумерки? Ни облаковъ ни тумана; грудь свободна, дыханіе легко, въ воздухѣ ни малѣйшаго электричества.... *Господь отдыхаетъ*, сказалъ мнѣ Арабъ Тжи, зачѣмъ же опасаться Его гнѣва? Поднимите глаза, старайтесь передать форму, нѣтъ того, что мы называемъ небомъ. Оттѣнки его такъ однообразны, что самый искусный живописецъ придетъ въ отчаяніе. Это ни тускло, ни сомнительно, и однако невозможно опредѣлить точный оттѣнокъ.... Косвенно ли, вертикально ли паритъ солнце надъ нами, ничто не измѣняется ни вдали ни вблизи его движущейся массы. Оно одно блеститъ безъ блеску.

Клаппертонъ уже видѣлъ этотъ феноменъ; Бугенъ и Бельзонни напрасно ждали его; одинъ Тжи передалъ его словами: *Господь отдыхаетъ*.

Тжи всталъ и сѣлъ возлѣ меня.

— Что будетъ завтра? спросилъ я.

— Завтра солнце будетъ солнцемъ, отвѣчалъ онъ, завтра пустыня станетъ пустыней, завтра Сахара сдѣлается страной, проклятой пророкомъ.

— Ты, мнѣ кажется, печаленъ, Тжи?

— Это потому, что я приготовляюсь убить человѣка, а Аллахъ запрещаетъ убійство.

— Что тебѣ сдѣлалъ этотъ человѣкъ?

— Мнѣ ничего; но онъ нравится той, которую я люблю, и отъ этого глаза мои наливаются кровью.

— Однако ты не можешь его умертвить.

— Нѣтъ; но его ягаганъ, такъ же острый какъ мой, не вооружаетъ такой же сильной руки, и если пророкъ сдѣлалъ меня

Такимъ, я долженъ воспользоваться этимъ преимуществомъ. Я предложилъ поединокъ Такъяру, онъ не отказался; Калида не будетъ принадлежать ему, или я уиру.

— А когда будетъ этотъ поединокъ?

— На разсвѣтъ.

— Братъя позволяютъ?

— Братъя любятъ меня, знаютъ, что я страдаю, и желаютъ, чтобы я побѣдилъ.

— Если Амахъ дастъ тебѣ побѣду, Калида будетъ ли твоею?

— Не думаю. Калида любить... но пустыни велика, отсюда до Марока далеко, а у тигровъ не всегда такая свѣжая кожа какъ у Калиды.

— Такъ ты ее не любишь?

— Ты видишь, что если я ее убиваю, если отдаю на съѣденіе лютымъ звѣрямъ, стало быть я отъ нея безъ ума.

— Развѣ пророкъ не наказываетъ убійцъ?

— Нѣкоторыхъ; но если рука его должна тяготѣть на тѣхъ, у которыхъ есть сердце, зачѣмъ даетъ онъ намъ страсти, эти жизненные ураганы? Къ тому же, христіаннѣ, я вѣрю пророку только въ счастіи; когда горе поражаетъ меня, я богохульствую.

— Ты думаешь, что твои друзья Арабы позволяютъ тебѣ ераться?

— Они знаютъ, позволяютъ и теперь молятся за меня.

Несчастный Тжи опять меня оставилъ, а я пошелъ въ соседнюю палатку посмотреть на предметъ такой глубокой любви.

Ударивъ три раза въ ладоши я вошелъ..... Калида сидѣла на верблюжьей кожѣ и пила спиртуозное питье, присланное ей Такъяромъ въ прекрасно изваянномъ кокосѣ.

Съ перваго взгляду мнѣ показалось, что арабская дѣвушка оправдываетъ страсть соперниковъ, и я понялъ ихъ пламенную ревность.

Низенькаго росту, грязная, уже пожилая, она почти не имѣла лица. Ноги ея представляли иперболическую поверхность, и вы не можете себѣ представить сухопарость икръ и угловатость рукъ, украшенныхъ бѣловатыми пятнами, нескромными обвинителями природной проказы, уничтоженной когда-то раскаленнымъ желѣзомъ.

Никагда болѣе свѣтлый и пріятный взоръ не падалъ изъ болѣе чернаго и бархатистаго зрачка; онъ былъ кротокъ какъ часи

матери, какъ улыбка друга, былъ вѣстѣ и сладострастенъ и цѣломудренъ, давалъ жизнь и счастье.

Часъ поединка наступилъ. Его возвѣстили звукомъ трубы и при этомъ страшномъ сигналь Калида нисколько не тронулась.

Тжи и Такъяръ оба пошли на избранное мѣсто: весь караванъ составилъ кругъ, а Калида сѣла на львиную кожу, которая была ей предложена счастливымъ побѣдителемъ царя звѣрей.

Два бойца три раза повернулись на пяткахъ, сдѣлали воззваніе къ Магомету и бросившись на колѣна ожидали повелѣнія начальника.... Повелѣніе было дано.

Сражающіеся не кололись, а рѣзались. Тжи, бросился съ ятаганомъ на Такъяра..... Тотъ предвидѣлъ ударъ, легъ на землю почти ничкомъ и его загнутае оружіе глубоко вошло въ животъ Тжи.

Вырыли двѣ могилы и зарыли туда обѣ жертвы, голову противъ головы; а на другой день, когда я хотѣлъ утѣшить Такъяра, мнѣ сказали, что онъ исчезъ.

Сколько страшныхъ тайнъ въ Сахарской пустынѣ!

ОХОТА НА ВЕРЕГУ АРКАНСАСА. — Тамъ стрѣляютъ, закричалъ я моему спутнику Канадцу.

Онъ сталъ прислушиваться.

— Что это? вскричалъ онъ вдругъ съ радостью, это они, by God!

— Путешественники? вскричалъ романистъ (другой мой спутникъ).

— Э! пѣть! Медвѣдь и буйволъ, за которыми я слѣдилъ, не говоря вамъ. Если я не ошпаюсь, у васъ передъ глазами будетъ зрѣлище, за которое богачъ дорого бы далъ. Глядите во все глаза, слушайте обоняи ушами, и въ особенности не мѣшайте мнѣ.

Охотникъ успѣшилъ слѣзть на землю, съ карабиномъ въ рукѣ. Предчувствуя какое зрѣлище онъ общалъ намъ, мы ждали его съ трепещущимъ сердцемъ, устремивъ глаза впередъ. Бугоръ скрывалъ отъ насъ излучины Аркансаса. Мы вскорѣ услышали глухой гулъ, становившііся все яснѣе, не замедлившіи смѣниться шумомъ камешковъ, падавшихъ съ берега въ рѣку. Въ ту же минуту двѣ огромныя, черныя массы авиались на вершинѣ бугра на полъ-выстрѣла отъ того мѣста,

гдѣ мы находились. Это были медвѣдь и буйволъ, о которыхъ говорилъ Канадецъ. Какъ будто бы при видѣ насъ буйволъ понялъ, что стыдно бѣжать далѣе, вдругъ обернулся къ неприятелю, и опустивъ голову, сметая землю густой гривой, ждалъ съ мычаніемъ вызова. Медвѣдь также остановился съ страшнымъ ворчаніемъ, потомъ протянулъ на рога своей жертвы могущественныя лапы; мы видѣли какъ бѣдный буйволъ постепенно сгибалъ колѣна и тяжело опустился; печальное рычаніе означало его поражение, когда охотникъ съ крикомъ бросился къ нему и выстрѣлилъ въ обоихъ. Раненый медвѣдь выпустилъ добычу и буйволъ, воспользовавшись этой краткой отсрочкой, бросился къ рѣкѣ и исчезъ на берегу нашихъ глазъ.

— А! вскричалъ охотникъ, этотъ бѣдный медвѣдь испыталъ на себѣ самомъ, что отъ лапъ до зубовъ еще далеко; впрочемъ онъ не будетъ ниѣтъ времени воспользоваться этимъ опытомъ. Теперь ваша очередь покаітствъ я заряжаю ружье; но не стрѣляйте, — стыдно нападать тронимъ на одного.

Я также сошелъ на землю, бросивъ поводья лошадей нашему товарищу, потомъ, проклятая неумѣстную пылкость охотника, старался сохранять спокойный видъ. При видѣ трехъ неприятелей, звѣрь какъ будто колебался, но глухое скрежетаніе его длинныхъ, бѣлыхъ зубовъ, было ужасно, и романность съ трудомъ сдерживалъ свою и нашихъ лошадей. Не подаваясь впередъ, медвѣдь однако не отступалъ; онъ какъ будто вдыхалъ отдаленный запахъ и качаніе головы показывало его верѣшительность. Вдругъ онъ какъ будто рѣшился отступить и мы видѣли какъ онъ исчезъ въ томъ же направленіи какъ буйволъ. Охотникъ все еще заряжалъ ружье. Побѣгъ этотъ противорѣчилъ его намѣреніямъ и онъ бросился преслѣдовать медвѣдя, приглашая меня слѣдовать за нимъ; но достигнувъ вершины бугра, только что оставленнаго звѣремъ, мы не могли его примѣтить нигдѣ. Только уже черезъ нѣсколько времени охотникъ снова увидалъ его. Онъ обошелъ бугоръ, и скорымъ шагомъ шелъ по песчаному берегу рѣки вдоль по теченію. Онъ, казалось, догонялъ кого то, и не бѣжалъ.

— Миѣ однако нужна медвѣжья шкура, сказалъ охотникъ, а это чудо какъ миѣ нравится. Но въ дѣйствіяхъ этого медвѣдя есть чтѣ то, чего я не понимаю.

— Напрасно говорилъ я, что мы потеряемъ драгоценное время; охотникъ увлекаемый горячностью, не хотѣлъ ничего слу-

чашѣ и мы бросились по его слѣдамъ. Водная скатерть Аркансаса блистала какъ серебро и, слѣдуя глазами за медвѣдемъ, мы видѣли, какъ онъ остановился передъ древеснымъ стволомъ, умоливымъ течениемъ, потокомъ воротился назадъ, все слѣдуя за деревомъ, увлекаемымъ рѣкою. Вытягиваясь какъ можно болѣе надъ водою, которой какъ будто боялся, онъ протягивалъ лапу, чтобы схватить вѣтвь, оставшуюся у ствола, то начиналъ бѣжать параллельно съ деревомъ и словно наблюдалъ за его плаваніемъ съ самой нѣжной заботливостію. Тутъ была неизъяснимая охотничья тайна. Охотникъ вдругъ схватилъ меня за руку.

— На деревѣ человекъ! вскричалъ онъ; но чортъ меня побери, если я знаю, что это значить!

Точно я увидѣлъ явственно человекъ, привязаннаго къ стволу, плавающему и качаемому быстрыми водами Аркансаса, которыми каждую минуту готовились поглотить эту легонькую добычу въ своихъ безчисленныхъ водоворотахъ. Я думалъ, что вижу это во снѣ и спрашивалъ себя, какая неумолимая ненависть могла избрѣсть такое ужасное подражаніе казни Мазепы. Радостный вой медвѣда скоро возвратилъ мнѣ чувство дѣйствительности. Чудовищное животное успѣло схватить лапами одну изъ вѣтвей дерева и случилось притащить къ берегу этотъ странный паромъ. Колебаться было непозволительно, и въ ту самую минуту, когда дерево, уступая силѣ еще могущественнѣйшей силы потока, опрокинулось на берегъ, мы выстрѣлили въ медвѣда, который пронзенный нашими пулями, покотился въ рѣку и пещезъ среди пѣнистыхъ волнъ. Намъ оставалось только посидѣть на помощь несчастному, котораго словно Провидѣніе послало намъ на встрѣчу для того, чтобы распортить страшныя намѣренія. Къ несчастію старанія наши были бесполезны; мы могли разорвать узы, связывавшія тѣло утопленнаго, но не могли возвратитъ ему улетѣвшей жизни.

КНЯЗЬ МЕТТЕРНИХЪ. Тридцатилѣтняя война покрывшая Германію кровью и развалинами, была пагубна многимъ благороднымъ семействамъ: одни даже вовсе исчезли и только генеалогія сохранила о нихъ воспоминаніе въ своихъ архивахъ, съ которыми справляются теперь одни антикваріи; у другихъ срыли замки и едва нѣсколько обломковъ указываютъ ихъ прежнее мѣсто. Но самымъ страннымъ слѣдствіемъ этой продолжительной войны были притязанія цѣлой толпы дворянъ на княжеское происхожденіе.

Въ родѣ Меттерниховъ, есть также своя легенда, по которой этотъ родъ былъ владѣтельнымъ въ четырнадцатомъ столѣтіи и шелъ паравѣ съ Нассауами, Сальмами, Готеншолдернами и дру- гими высшими родами. Что касается до зѣмля, то мѣсто его по- казываютъ очень вѣроятно и увѣряютъ, будто онъ былъ скрытъ послѣ продолжительной осады Шведами, подѣ предводительствомъ герцога Веймарскаго, одного изъ самыхъ искусныхъ полководцевъ великаго Густава.

Вѣрно только то, что въ началѣ осемнадцатаго столѣтія Меттернихъ-Винбургъ были бѣдными дворянами въ Юліерсѣ. Нѣкоторые члены этой фамиліи пошли некая очастія въ войскахъ германскихъ государей; это были настоящіе головы дружинъ и одинъ изъ нихъ дѣлъ министра австрійскаго, былъ майоромъ въ австрійскихъ драгунахъ; онъ служилъ, говорятъ, съ отличіемъ во многихъ войнахъ, которыми австрійскій домъ поддерживалъ въ сраженіи послѣдняго столѣтія.

Графъ Георгій Меттернихъ-Винбургъ долженъ былъ также быть военнымъ; отецъ хотѣлъ, чтобы онъ вступилъ въ австрій-скую службу и прочилъ ему мѣсто въ своемъ полку, но графъ предпочелъ военной службѣ такую карьеру, гдѣ онъ видѣлъ бо- лѣе удачи къ быстрому возвышенію. Онъ воспротивился волѣ отца, и это сопротивленіе чуть было не стало ему пагубно. Старый майоръ не понималъ, какъ вѣмецкій дворянинъ, потомокъ знатной фамиліи, словомъ *Меттернихъ*, могъ предпочитать перо шпашѣ. Графъ Георгій превосходно кончилъ курсъ наукъ въ гей-дельбергскомъ университетѣ и говорилъ, что есть средство дѣй- ствительнѣе военнаго званія, чтобы возвысить фамилію Меттер-нихъ-Винбургъ и возвратить ей прежній блескъ; онъ хотѣлъ быть дипломатомъ и увѣрялъ отца, что можетъ со временемъ сдѣлаться первымъ министромъ германскаго императора. Но въ глазахъ майора дипломатъ, министръ, будь онъ самъ Ришліе, былъ только *бумажная строка*, и этотъ титулъ то заставлялъ дрожать отъ ужаса, то краснѣть отъ стыда главу фамиліи Меттернихъ, которой ни одинъ членъ до-тѣхъ-поръ не унижалъ своего званія.

Какъ молодой графъ упорствовалъ въ своемъ намѣреніи, ма-йоръ вздумалъ употребить доводительныя средства и грозить сыну лишеніемъ наследства. Эта угроза могла только про-извести посредственное дѣйствіе, Георгій зналъ, что отецъ былъ бѣденъ. Онъ возобновилъ настоянія и просьбы, но все бы-ло бесполезно.

Эта странная борьба кончилась посредничествомъ одного августѣйшаго лица.

Передъ императрицей Маріей-Терезіей явился однажды старый кавалерійскій офицеръ, просившій у ней аудиенціи; чловѣкъ этотъ напрасно старался побѣдить замѣтное волненіе. Императрица, которая была по природѣ добра и всегда расположена къ снисхожденію, спросила, чего онъ хочетъ.

— Правосудіа! ваше величество, правосудіа! отвѣчалъ офицеръ. Этотъ офицеръ былъ маіоръ Меттернихъ.

Императрицу удивилъ этотъ отвѣтъ, особенно выраженіе, съ какимъ былъ произнесенъ.

— Успокойтесь, маіоръ, успокойтесь: если ваше требованіе справедливо, какъ я полагаю....

— О! ваше величество! вы видите передъ собою несчастнѣйшаго изъ вашихъ подданныхъ.... самаго жалкаго отца.

Императрица поблѣднѣла и облокотилась на руку камергера.

— Маіоръ, изъяснитесь.... который-нибудь изъ дѣтей вашихъ нанесъ вамъ обиду?

— Да, ваше величество, поведеніе сына моего ужасно....

— Развѣ нѣтъ судилищъ въ Вѣнѣ?

— О! судилища не удовлетворяютъ меня.

— Какъ! о чемъ же идетъ рѣчь?

— Ваше величество, у меня есть сынъ.... очень ученый, котораго я воспиталъ для службы вашего величества, а онъ не повинуется, отказывается вступить на поприще предковъ, не хочетъ быть военнымъ.

— И въ этомъ все его преступленіе!

— Точно такъ, ваше величество.

Марія-Терезія захохотала, что смутило маіора, потомъ сказала съ важностью:

— Конечно, неповиновеніе сына отцу большой проступокъ! Изслѣдовали ли вы наклонности сына? Нѣтъ ли у него расположенія къ друтому званію?

— Онъ ничѣмъ не хочетъ заниматься.

— Какъ! онъ отказывается выбрать какую-нибудь почетную должность, потому что вѣдь есть же должности столь же достойныя уваженія какъ та, которую вы ему назначили....

— Ваше величество, онъ ничѣмъ не хочетъ заниматься, и доказательство то, что онъ желаетъ быть дипломатомъ.

— Дипломатомъ! а! онъ хочетъ быть дипломатомъ; увѣрены ли вы въ томъ, маіоръ?

Императрица сопровождала эти слова улыбкой, которую Меттернихъ не понималъ.

— А! вашъ сынъ хочетъ быть дипломатомъ.... противъ вашей воли и это только одно, въ чемъ вы можете упрекнуть молодого человѣка?

— Да, ваше величество, кажется этого довольно, чтобы оправдать мой гнѣвъ. Но какъ судилыща пожалуй не удовлетворять меня, я умоляю, ваше величество, въ уваженіе моихъ заслугъ, моего имени, приказать заключить моего сына въ надежное мѣсто, чтобы онъ могъ на свободѣ размыслить о сыновней обязанности и рѣшился повиноваться мнѣ, то есть, вступить въ мой полкъ.

— Будьте спокойны, маіоръ. Я беру на себя наказаніе вашего сына, какъ онъ этого заслуживаетъ. Вы полагаетесь на меня?

— Ахъ, ваше величество, можете ли сомнѣваться?

Императрица сдѣлала маіору знакъ, онъ поклонился и вышелъ изъ дворца съ убѣжденіемъ, что сына запрутъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ крѣпость.

Черезъ два дня послѣ аудіенціи, онъ получилъ отъ перваго министра письмо въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Ея королевское и императорское величество поручила мнѣ извѣстить васъ, что она помѣстила вашего сына Георгія въ такое мѣсто, гдѣ онъ останется до-тѣхъ-поръ, пока вы сочтете нужнымъ вызвать его оттуда. Всемпоставивѣйшая государыня назначила его секретаремъ посольства у его высочества курфюрста саксонскаго. Ея императорскому и королевскому величеству благоугодно полагать, что вы будете довольны ея правосудіемъ».

Маіоръ покорился безропотно правосудію Маріи-Терезіи и когда сынъ его быстро возвышался на дипломатическомъ поприщѣ, онъ остерегался воспользоваться правомъ, которое ему было дано. Сожалѣлъ-то онъ все-таки, что не видитъ его во главѣ драгунскаго эскадрона, послѣ того какъ мечталъ для него о званіи фельдмаршала, но наконецъ рѣшился покориться необходимости и, казалось, искренно примирился съ Георгіемъ.

— Вотъ какимъ образомъ Меттернихъ вступилъ на дипломатическое поприще и князь Клементій Венцеславъ Меттернихъ, внукъ драгунскаго маіора, часто рассказывалъ этотъ анекдотъ, который до-

снѣсъ-портъ былъ забытъ въ различныхъ біографіяхъ Маріи-Терезіи.

Графъ Георгій могъ бы и безъ наказанія Маріи Терезіи проложить себѣ дорогу въ карьерѣ, отъ которой отецъ хотѣлъ его удалить; это былъ человекъ умный, соединявшій съ разнообразными свѣдѣніями тѣ качества, изъ которыхъ часто одно замѣняетъ всѣ другія въ дипломатіи: онъ былъ красивъ собою, съ изящными манерами и нисколько не походилъ на тѣхъ германскихъ дворянъ, у которыхъ вѣжливость всегда такъ деловка и надменная, что нисколько не располагаетъ въ ихъ пользу. Графъ Георгій правился всадъ, потому что былъ любезенъ и своими успѣхами былъ одолженъ болѣе характеру чѣмъ талантамъ.

Но секретарь посольства былъ не богатъ: жалованье не доставало для потребностей положенія, гдѣ наружная пышность — условіе успѣха.

Марія-Терезія наблюдала сама за непокорнымъ сыномъ, сдѣлавшимся дипломатомъ противъ воли отца. Первый министръ представилъ къ подписи государыни назначеніе графа Георгія Меттерниха посланникомъ въ Вестфалію, постъ почетный, но не прибыльный. Когда онъ явился во дворецъ поблагодарить государыню и получить инструкцію, Марія-Терезія предупредила благодарность его этими словами:

— А! непокорный сынъ, очень рада васъ видѣть. Я назначила васъ посланникомъ въ Вестфалію, потому что считаю васъ достойнымъ занять этотъ постъ. Но, можетъ-быть, вашъ отецъ потребуетъ вашей отставки. Припомните съ какими условіями вступили вы на дипломатическое поприще?

— Отецъ мой, ваше величество, сознался наконецъ, что я былъ бы предурнымъ ошперомъ.

— Онъ, можетъ-быть, ошибся.

Говоря эти слова императрица смотрѣла съ улыбкой на юнаго министра.

— Какъ знать, не были бы вы Евгениемъ или Монтекукуди? Но если отецъ вашъ покорился моему рѣшенію, вы должны послѣдовать его примѣру; оставайтесь дипломатомъ и надѣюсь, что и на этомъ поприщѣ вы будете служить мнѣ такъ же хорошо какъ и со мною въ рукѣ.

Георгій бросился къ ногамъ государыни и хотѣлъ изъявить ей признательность за милости, которыми она его осыпала, но слова

зампради на губахъ: императрица сжалась надъ его замѣшательствомъ и сдѣлала ему знакъ встать.

— Молодой человекъ, сказала императрица, вы можете надеяться на мою благосклонность: скажите отъ меня отцу, что я постараюсь, чтобъ онъ не раскаялся, зачѣмъ не воспользовался дарованнымъ ему правомъ и позволилъ вамъ вступить на поприще, которое внушало ему такъ мало довѣрія къ вашей будущности.

Императрица дала Георгію поцѣловать свою руку, онъ покрывъ ее слезами.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой аудіенціи, въ ту минуту, какъ онъ готовился отправиться къ своему дипломатическому посту, пришелъ къ нему отецъ, котораго онъ поспѣшилъ извѣстать о благосклонности императрицы. Какъ удивился Георгій увидя, что лицо отца, запечатлѣнное мрачной грустью, какъ будто показывало глубокую горечь!

Георгій ожидалъ поздравленій и думалъ, что отецъ раздѣляетъ его радость.

— Ну что, батюшка, вскричалъ онъ бросившись обвинять его, развѣ я дурно сдѣлалъ, что хотѣлъ быть дипломатомъ?

— Разумѣется!

— Какъ! Когда я въ двадцать-два года занимаю постъ, который обыкновенно бываетъ наградою продолжительныхъ заслугъ....

— Именно поэтому-то и есть....

Дипломатъ остолбенѣлъ, маіоръ продолжалъ:

— Да, именно по этому! какъ ты хочешь, чтобы я былъ доверенъ дѣломъ, которое противно всѣмъ правиламъ правосудія? Въ военномъ званіи, добываютъ себѣ чины саблею; мнѣ надо было, по крайней мѣрѣ, пятнадцать или двадцать кампаній, чтобы сдѣлаться командиромъ полка и то мое полковничье производство еще не подписано! а ты, любезный сыночекъ, только полгода какъ вступилъ въ дипломатію и ужъ министръ и почти посланникъ! На что это похоже! Лучше бы послушаться меня, чѣмъ сдѣлаться бумажной строкой, дипломатомъ.... Меттернихъ дипломатъ!!!

Маіоръ вдругъ остановился, ему надо было отдохнуть послѣ такой жестокой филиппики.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ безмолвія, Георгій сказалъ:

— Клянусь честью, батюшка, я ничего не просилъ у императрицы.... впрочемъ, скажите только слово и я отказываюсь отъ дипломатической карьеры.... подаю въ отставку.

Это предложеніе сдѣлало на маіора живое впечатлѣніе.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, теперь поздно. Оставайся дипломатомъ, сдѣлайся посланникомъ, если можешь, это до меня не касается. Это дѣло императрицы, а не мое. Мы вѣрноподданные нашей государыни и нашъ долгъ повиноваться ей.

Благосклонность Маріи Терезин къ сыну распространилась и на отца; наканунѣ отъѣзда Георгія, маіоръ получилъ полковничій патентъ. Меньше чѣмъ черезъ два года онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, и умеръ шестидесяти лѣтъ отъ-роду, не подозревая, что своимъ возвышеніемъ обязанъ сыну.

Министръ Марин-Терезин въ Вестфалии былъ не богатъ; отецъ умирая оставилъ ему только свое благословіе, и потому графъ Георгій Меттернихъ старался жевитьбой вознаграждать эти невыгоды: ему нужна была не только жена, но и приданое, которое позволило бы почетно поддерживать свое званіе.

Нѣсколько политическихъ и дипломатическихъ дѣлъ призвали графа Георгія въ Триръ. Курфирстъ былъ любезенъ, онъ привезъ изъ Версаля, гдѣ находился нѣсколько времени, манеры и тонъ, противорѣчившіе германской спѣси, при дворѣ его.

Графъ Георгій Меттернихъ понравился ему съ перваго разу, потому что министръ австрійскій былъ человекъ умный, что прежде встрѣчалось довольно рѣдко и при малыхъ и при большихъ германскихъ дворахъ; курфирстъ хотѣлъ перевести въ свою службу юнаго дипломата и не нашелъ лучшаго средства, какъ женить его.

При трирскомъ дворѣ находилась молоденькая и хорошенькая сирота, надъ которой опека была ввѣрена одному изъ первыхъ сановниковъ курфиршества. Многіе добивались сердца и приданнаго графини Беатрики фонъ-Кагенекъ, обладавшей большимъ состояніемъ. Курфирсту не трудно было увѣрить графиню, что всѣхъ достойнѣе руки ея былъ молодой австрійскій министръ, любимецъ императрицы Марин-Терезин, дипломатъ, который могъ скоро сдѣлаться главой вѣнскаго кабинета.

У графа были только физическія и нравственныя достоинства, молодость и будущность. Конечно это много, но что же это значило въ сравненіи со сто пятидесятью тысячами гульденами годоваго дохода графини Беатрики, которая, сверхъ того, была еще самой хорошенькой женщиной во всей Германіи? Говоря съ легкостью на многихъ европейскихъ языкахъ, въ особенности по-французски, она рисовала и гравировала съ талантомъ, достаточнымъ составить репутацію артиста.

Бракъ былъ заключенъ 19-го января 1771, съ необычайной торжественностью. Явились даже поэты со стихами на этотъ случай. Одинъ изъ кобленцскихъ профессоровъ, бывшій товарищъ Георгія Меттерниха по гейдельбергскому университету, съелъ долгомъ призвать классическихъ музъ къ прославленію брака, бросавшаго такой блескъ на университетъ, въ которомъ учился знаменитый молодой; сочинилъ оду латинскую и оду греческую, и имѣлъ честь читать ихъ передъ курфюрстомъ, а тотъ велѣлъ напечатать на своемъ изданіи, въ знакъ дружеской привязанности, къ счастливой четѣ, обвѣчавшейся подъ его покровительствомъ.

Но въ Вѣнѣ собиралась буря, угрожавшая будущности графа Георгія; счастье его навлекло на него завистниковъ. Ему прощали благосклонность Маріи Терезіи, хотя нѣсколько роптали противъ назначенія его министромъ, но женитьба графа и сто пятьдесятъ тысячъ гульденовъ приданого раздражили зависть, которая почти всегда превращается въ ненависть. Она нашла средство оклеветать сношенія австрійскаго министра съ Вестфаліей и съ трирскимъ курфюрстомъ; выдумала, будто графъ готовъ измѣнить интересамъ вѣнскаго кабинета, если уже не продастъ ихъ за приданое графини Беатрики фонъ-Кагенекъ; нѣкоторые злоязычники заходили еще далѣе.

Женщины съ своей стороны не пощадяли новобрачную толками и предположеніями. Такъ какъ знали, что трирскій курфюрстъ жилъ нѣсколько времени при дворѣ Людовика-Пятнадцатаго, изъ этого обстоятельства вывели неблагоприятныя заключенія для молодой графини.

Графъ презиралъ эти толки; онъ весь предался счастью; удовольствія медоваго мѣсяца возмутились явнымъ негодованіемъ, явнымъ гнѣвомъ, поопасяще всѣхъ прочихъ для графа.

Императрица Марія-Терезія не хотѣла, чтобы государственные сановники женились безъ ея позволенія.

Она не любила неровныхъ браковъ, и не допускала браковъ на лѣвую руку; двери дворца ея никогда не открывались для людей, которые пожертвовали для любви своимъ высокимъ родомъ.

Но здѣсь казусъ былъ еще важнѣйшій. Графъ Меттернихъ, состоящій въ ея службѣ и ею покровительствуемый; юный дипломатъ, котораго быстрое возвышеніе возбудило громкіе крики, за былъ испросить соизволенія государыни на бракъ свой.

Въ этомъ было и забвеніе приличій и неблагодарность и мно-

жество другихъ вишь, которыя завистливая злоба постаралась преувеличить.

Счастливая чета находилась тогда въ замкѣ Шуборплюсть, расположенномъ въ окрестностяхъ Кобленца, и принадлежавшемъ трирскому курфюрсту, который отдалъ его въ распоряженіе повобратныхъ.

Это тотъ самый замокъ, который черезъ двадцать лѣтъ сдѣлался такъ знаменитымъ, преобразовавшись въ главную квартиру французской эмиграціи.

ля. Эта простенькая исторійка, исполненная граціи, чувства и свѣжести, принадлежитъ перу госпожи Деложъ. Она такъ мило рассказана, что мы сообщаемъ ее цѣликомъ безъ всякихъ сокращеній.

Десять лѣтъ тому назадъ графъ де-Меранжъ былъ самымъ моднымъ львомъ гостиныхъ. Богатый, щедрый, прекрасной натуре, остроумный, онъ былъ принятъ вездѣ съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Оди только мужья боялись его присутствія и множество случаевъ доказали, что они были правы. Графъ поданный благородства и деликатности во всемъ, только не съ женщинами, походилъ на модныхъ молодыхъ людей. Это не потому, чтобы онъ составилъ себѣ систему обольщенія, и приготовлялъ побѣды хладнокровно, какъ рассказываютъ о некоторыхъ людяхъ, знаменитыхъ въ лѣтописяхъ волокитства; нѣтъ, никакой расчетъ не примѣнялся къ стараніямъ его нравиться. Эти старанія были выраженіемъ истиннаго чувства; графъ хотѣлъ быть любимымъ, потому что самъ любилъ и могъ бы сказать съ блистательнымъ поэтомъ Франка и Роллы: «Я никогда безъ любви не преклонялъ колѣна.» Но чистосердечіе привязанностей не упрочивало ихъ продолжительности, и черезъ это для предметовъ его любви часъ разставанья становился несравненно тяжелѣе.

Въ промежутокъ пылкихъ, но эфемерныхъ привязанностей, графу пришла фантазія опять взглянуть на Венецію, которой лазуны и голубое небо такъ ему нравились. Въ первыхъ числахъ мая 1834 онъ пустился въ дорогу, вознамѣрившись пѣшкомъ пройти Швейцарію и Тироль, не удостоивъ даже воспоминаніемъ, сожалѣвшихъ о немъ красавицъ, потому что, когда угасало пожирившее его пламя, въ душѣ его не оставалось ни одной искорки подъ пепломъ.

Онъ долженъ былъ отправиться въ путь съ лионскимъ докторомъ Дювалемъ, который составлялъ себѣ въ молодости гер-

барій изъ всѣхъ швейцарскихъ растений, былъ знакомъ со всѣми мѣстами этого прелестнаго уголка земли, вмѣстѣ и ужаснаго и пріятельскаго. Къ несчастію эпидемическая лихорадка свирѣпствовала въ кварталѣ бѣдныхъ, и какъ храбрый солдатъ, не оставляющій поста своего передъ непріателемъ, молодой докторъ не хотѣлъ оставить своихъ больныхъ. Онъ написалъ графу де-Меранжу, чтобы тотъ не ждалъ его на границѣ, какъ они условились и прислалъ къ нему въ тоже время рекомендательное письмо, къ своему швейцарскому пріятелю, Росвальду, котораго особа, семейство и жилище, равно интересно было узнать, говорилъ онъ.

На послѣдней стаяціи при выѣздѣ изъ Франціи, де-Меранжъ освѣдомился о долианѣ Н..., въ которой жилъ Росвальдъ; ему отвѣчали, что она находится за горами, окружающими дорогу почти отвѣсно, и прибавили, что ѣхать туда въ экипажѣ, надо по-крайней-мѣрѣ полъ-дня, по причинѣ излучистой дороги, между тѣмъ какъ черезъ тропинку, выточенную въ скалѣ, туда легко было дойти пѣшкомъ менѣе чѣмъ въ часъ. Графъ тотчасъ взялъ проводника, которому отдалъ свою небольшую поклажу, и твердо пошелъ по крутой тропинкѣ, гдѣ, казалось, могутъ безопасно ходить только козы и серны. Октавій де-Меранжъ хотя проворный и гибкій въ своихъ движеніяхъ, долженъ былъ однако прибѣгать нѣсколько разъ къ стѣнницѣ и къ бадаву, которые росли кое-гдѣ въ разбѣлкахъ скалы, чтобы вдругъ не скатиться назадъ съ мѣста, на которое влѣзалъ съ мучительнымъ усиліемъ. Достигнувъ до платформы на верху тропинки, онъ прислонился запыхавшись къ одной изъ многочисленныхъ и неполнскихъ слей, возвышавшихся надъ вею, и глаза его закрылись отъ мучительнаго головокруженія при видѣ той возвышенности, до которой онъ достигъ. Но скоро живительный воздухъ разбѣялъ это головокруженіе и взоръ графа съ восторгомъ уже устремился на очаровательный ландшафтъ, разглядавшійся передъ нимъ.

Задняя сторона горы — до вершины, которой графъ достигъ по восхожденію почти вертикальному — представляла отлогіи спускъ, позволявшій однимъ взглядомъ обхватить всѣ прелести ея и всѣ богатства. Спускъ этотъ, покрытый до середины такой тонкой, мягкой и душистой травой, что владѣльцы искусственныхъ луговъ и подстриженнаго дерева, стоящихъ большихъ издѣржекъ, пришли бы въ отчаяніе, — былъ усыянъ букетами дубовъ и буквъ, которыхъ тѣнь разстлалась надъ стадами въ тотъ часъ какъ деревенскія дѣвушки приходили наполнять молокомъ

евои сосуды изъ блестящаго металлу. Грушна хижинъ на берегу ручья, показывала предѣлъ пастбищъ. За этими хижинами видѣлись виноградники, потомъ поля съ золотистыми колосьями; наконецъ на краю безконечнаго ската, прелестное озеро отсвѣчивало облакъ, блуждавшія по небу и неподвижный снѣгъ горы, наклонявшейся къ водѣ, словно затѣмъ, чтобы любоваться своею бѣлизною.

Графъ де-Меранжъ успѣлъ сохранить въ вихрѣ свѣта любовь къ природѣ, но онъ скорѣе любилъ ея поэтическую сторону нежели понималъ нравственное ея вліаніе: и потому онъ не думалъ, что жители долины Н... должны быть добры и счастливы, а просто только сожалѣлъ, что эта долина не служила образцемъ Пуссеву въ pendant къ *Аркадіи*.

Молодой парень, провожавшій графа, вывелъ его изъ поэтической задумчивости, показавъ вдали домъ Росвальда, который можно было узнать по множеству цвѣтовъ, окружавшихъ его. Октавій любитель этого садоваго украшенія, еще охотнѣе пошелъ по волнистому ковру, который велъ къ деревнѣ. Подходя къ цѣли своей ходьбы, онъ остановился, чтобы подышать воздухомъ, упитаннымъ благоуханіемъ жасминовъ, каприфолій и розъ. Проводникъ сказалъ ему:

— Вы очень обрадуете слѣпаго, если скажете, что запахъ его цвѣточковъ доходитъ до-сихъ мѣстъ.

— О какомъ слѣпомъ говоришь ты? спросилъ графъ.

— Да о старикѣ-то Росвальдѣ. Онъ потерялъ зрѣніе десять лѣтъ тому назадъ, бросившись въ горѣвшую комнату, чтобы спасти дочь сестры, бѣдную сиротку, принятую имъ въ свой домъ.

Видя, что Октавій слушаетъ съ участіемъ, горецъ продолжалъ:

— Это несчастіе не случилось бы, если бы сынъ Росвальда былъ здѣсь. Но отецъ послалъ его тогда въ Лионъ за станками для фабрики шелковыхъ матерій, которую онъ устроивалъ въ то время. Это та самая фабрика, въ которой каждый работникъ, кромѣ жалованья, имѣетъ еще часть въ барышахъ.

Графъ жалѣлъ, что ранѣе не спросилъ проводника о томъ семействѣ, куда шелъ; онъ подходилъ тогда къ цвѣтущему забору, служившему вмѣсто стѣны саду Росвальда, и присутствіе садовника, смотрѣвшаго на него черезъ кусты бѣлаго боярышника, показало ему, что поздно удовлетворить любопытство. Притомъ же черезъ нѣсколько шаговъ онъ долженъ былъ все увидѣть самъ.

Графа ждали въ домѣ Н***; письмо лонскаго доктора возвѣстило объ его прїѣздѣ и благосклонный прїемъ показалъ ему какъ цѣвилась рекомендація его прїятеля.

Комната, въ которую ввели его, освѣщенная двумя окнами, закрытыми батистовыми сторонами, была облита такимъ чистымъ свѣтомъ, такимъ свѣжимъ воздухомъ, такимъ нѣжнымъ благоуханіемъ, что она — какъ искусство подобранный грунтъ картины — проливала новое очарованіе на находившихся въ ней особъ. Эти особы были старикъ и молодецкая дѣвушка, сидѣвшая у ногъ его. Оны плели, одинъ медленно, другая проворно, длинныя соломенки, изъ которыхъ дѣлаются шляпы. Въ ясной важности старика, въ веселой непорочности дѣвушки, было двойное открытіе добродѣтели и невинности, возбуждающее вмѣстѣ и восторгъ и уваженіе.

Послѣ дружелюбныхъ увѣреній въ удовольствіи принимать его у себя, Росвальдъ сказалъ графу:

— Надѣюсь, что вы останетесь у насъ до-тѣхъ-поръ пока сыиъ мой, который на охотѣ въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда, не покажетъ вамъ великолѣпныя виды нашихъ окрестностей. А что касается до интереснаго въ нашей долинѣ, то и моя племянница Лія можетъ вамъ это показать.

Говоря такимъ образомъ, старикъ положилъ руку на бѣлокурые волосы дѣвушки, которая граціозно поклонилась въ отвѣтъ.

Графъ де-Меранжъ былъ такъ чувствителенъ къ красотѣ, что не могъ не замѣтить красоту Ліи, и чрезвычайно обрадовался при мысли, что будетъ проводить время одинъ съ этой прелестной дѣвушкой, которую по живости своихъ впечатлѣній считалъ уже привлекательнѣе всѣхъ привлекательныхъ женщинъ, какихъ случалось ему встрѣчать.

Лія не было еще шестнадцати лѣтъ. Она блистала этимъ нѣжнымъ блескомъ, который похожъ на первые лучи утренней зари, когда она общають спокойный и ясный день. Овальное личико было оживлено нѣжнымъ румянцемъ, прекрасныя голубыя глаза, маленькій, пуговчатый ротикъ, ставъ тонкій какъ у осы, но въ особенности поражало въ этой дѣвушкѣ скромное, простодушное, довѣрчивое выраженіе лица.

Такое выраженіе было для изящества формъ, для тонкости чертъ лица, то же, что благоуханіе лиліи для гибкаго стебля, для бѣлой чашечки: самое достойное дополненіе.

Покажѣтъ графъ, отвѣчая на распросы Росвальда о Франціи, любовался Ліей, она слушала и смотрѣла на него съ спокойной

вѣжливостію, которая его удивляла. Не такіяшъ образомъ обыкновенно глаза женщины отвѣчали пылкости черныхъ зрачковъ Октавіа и воспоминаніе о замѣшательствахъ дѣйствительномъ или притворномъ, которое онъ возбуждалъ такъ часто, придавало спокойному вниманію, встрѣченному имъ подлѣ длинными рѣсницами дѣвушки, цѣвность странной, плѣнительной новости. Ліа оказывала графу де-Меранжу это вниманіе, не подозревая, чтобы оно могло его удивлять. Быть съ гостемъ ея дяди, каковы бы ни были его возрастъ, званіе, наружность, предупредительной, спокойной, учтивой было такъ же ей свойственно какъ ожидать отъ этого гостя вѣжливости и услужливости, и потому когда черезъ нѣсколько времени, Ліа вышла, чтобы похлопотать по хозяйству, она положила передъ графомъ не думая вовсе о странности поступка, небольшой запасъ соломы, показавъ ему своими хорошенькими пальчиками какія соломинки долженъ онъ выбрать вмѣсто ея, для слѣснаго старичка.

На слѣдующее утро послѣ завтраку, Росвальдъ поторопился Лію прогуляться съ гостемъ до наступленія звона. Ліа тотчасъ надѣла широкую сельскую шляпку, подл которой ея юное и свѣжее личико казалось еще моложе и свѣжѣе; потомъ вѣжливо и благоговѣйно поцѣловавъ вѣки дяди, навсегда закрытыя огнемъ, который поглотилъ бы ее въ колыбели, она оборотилась къ Октавію и сказала ему ласково:

— Угодно вамъ идти со мною? я готова.

Графъ де-Меранжъ не отказался бы отъ такого приглашенія за всѣ сокровища на свѣтѣ, и хотя видѣлъ ясно, что поступокъ Ліи былъ только слѣдствіемъ гостепріимства, не согласовавшимся съ обычаями его отечества, однако уходя, онъ пожалъ Росвальду руку съ жаромъ челоуѣка, которому оказалъ большую милость.

Подл впечатлѣніемъ очень повѣтпаго желанія и французскаго общежитія, графъ предложилъ Ліѣ руку, точно такъ же какъ бы подалъ ее любезной Парижанкѣ въ Тюльрійскомъ саду; но душа горъ отказалась, сказавъ ему съ улыбкой:

— Благодарю, я еще не въ такихъ лѣтахъ, чтобы искать себѣ подпоры, къ тому же мы пойдемъ по такой дорогѣ, гдѣ нельзя идти вдвоемъ. Посмотрите вотъ здѣсь наприимѣръ, намъ бы надо было разстаться.

И она показала ему на тропинку въ виноградникахъ, такую узкую, что потребно было много ловкости, чтобы не зацѣпять за тычпки по краямъ. Ліа пошла впередъ твердыми и легкими ша-

гани, по этому вселенномуся ущелью, а графъ слѣдуя за нею видѣлъ какъ точно мало нуждалась она въ помощи.

Ему казалось, что онъ никогда не дѣлалъ такой пріятной прогулки и непріятности погоды, не разнообразію видовъ, ни прощающему благовоенію виноградниковъ одолженъ онъ былъ этой мечтѣй. Одна Лія занимала его, и если рыбка, въ которой явилась ему этотъ граціозный образъ увеличивала очарованіе, Октавій не зналъ этого, потому что ни мысли его ни глаза не отдѣлились отъ прелестнаго созданія, увлекавшаго его за собою, какъ звѣзда на горизонтѣ увлекаетъ своего спутника.

Звѣзда де-Меранжа иногда останавливалась и оборачиваясь къ своей подчиненной планетѣ, показывала какой нибудь новый видъ, вдругъ выказывавшійся на поворотѣ дорожки. Тогда Октавій и Лія разиѣнивались нѣсколькими словами, потомъ продолжали путь, молодая дѣвушка, навѣвая въ полголоса простую и мелодическую пѣсню, графъ съ восторгомъ обнимая взоромъ самую гибкую и стройную талію, которую складки женскаго платья когда либо обвивали. Лія, проводя жизнь въ уединенной долині, не знала измѣненій моды, одѣвалась со вкусомъ, но одежда ея по походила на городскіе туалеты: въ ней преобладала прихотливая фантазія съ воспоминаніемъ о древнемъ швейцарскомъ костюмѣ.

Въ то утро платье ея было изъ тонкой шерстяной матеріи ярко пунсоваго цвѣту, съ чернымъ бархатнымъ корсетомъ, съ кисейными рукавами и воротничкомъ; платье это позволяло видѣть крошечныя ожки въ полусапожкахъ, зашнурованныхъ на икрѣ: двѣ длинныя, бѣлокурыя, какъ самый превосходный фландрскій ленъ, косы, падали до рубца юбки. Выходя прогуливаться, Лія распускала косы, оттого что волосы ея были такъ густы, что не умѣщались подъ шляпкой; но возвратясь домой она зашпиливала ихъ на головѣ золотыми булавами.

Можетъ-быть въ полусвѣтѣ гостини, возлѣ жещицъ, одѣтыхъ по модѣ, молодая Швейцарочка показалась бы странною, но яркіе цвѣта и живописная одежда, употребляемые ею, такъ чудно согласовались съ блестящимъ свѣтомъ, съ восхитительнымъ мѣстоположеніемъ, среди которыхъ жила она, что нельзя было не любоваться ея нарядомъ, какъ любуешься веѣмъ, чтѣ составляетъ часть гармоническаго цѣлаго.

Въ эту первую прогулку Лія не только провела Октавія по виноградникамъ и показала богатство пригорковъ, свѣжесть луговъ, возвышенность свѣжныхъ горъ, но еще водила его по многимъ фабрикамъ, устроеннымъ ея дядей, которыя, разливая довольство

въ долниѣ, дѣлала драгоцѣннымъ всѣмъ жителямъ ния основателя. Это ния сама Лія произносила съ особеннымъ трогательнымъ и почтительнымъ выраженіемъ, которое очень трогало де-Меранжа; но когда отвѣчая фабричнымъ работникамъ, она присоединила къ имени дяди ния Максима, ея обыкновенно вѣжливый голосъ дѣлался такъ замѣчательно милъ, что графъ вдругъ почувствовалъ себя недовольнымъ, даже ревнивымъ.

Октавій де-Меранжъ былъ не такой человекъ, чтобы долго оставаться въ недоумѣніи на-счетъ вѣжливыхъ чувствъ.

Его намѣреніе завоевать сердце молодой дѣвушки, слишкомъ было ему пріятно, чтобы онъ рѣшился отказаться отъ него въ какихъ бы то ни было обстоятельствахъ; но какъ искусный тактикъ, онъ зналъ какъ полезно разузнать мѣстность, прежде чѣмъ начать атаку, и потому въ тотъ же самый день, началъ наблюдать за мѣстомъ, которое желанія его побуждали завоевать.

Возвратившись вечеромъ изъ цвѣтника, гдѣ онъ оставилъ Росвальда въ созерцаніи такъ сказать чрезъ обоняніе, своихъ садовыхъ сокровищъ, Октавій нашелъ Лію одну за письменнымъ столомъ. Она переписывала въ изящно-переплетенную книгу, стихи Шиллера.

— Какъ вы не боитесь утомить ваши прекрасные глаза, занимаясь такъ поздно? спросилъ онъ тономъ участія, скрывавшаго желаніе отвлечь ее отъ постороннихъ занятій.

— Я никогда не утомляюсь, отвѣчала Лія, не оставляя работы, если тружусь для Максима.

Отвѣтъ не слишкомъ понравился графу; онъ однако воспользовался имъ изъ любопытства.

— Какъ счастливъ вашъ двоюродный братъ, что внушаетъ такую преданность, сказалъ онъ, садясь у стола, чтобы хорошо видѣть личико дѣвушки.

— Для моего дорогаго Максима я бы желала сдѣлать что-нибудь болѣе переписки стиховъ его любимаго поэта.

— Такъ это дѣло признательности?...

Лія оставила перо и сложила свои бѣленькія ручки.

— Признательности, вѣжности! вскричала она.... Развѣ мосье Дюваль не рассказывалъ вамъ, какъ благородно поступилъ Максимъ со мной.

— Нѣтъ. Дюваль долженъ былъ пріѣхать со мной сюда, и конечно, дорогой, онъ рассказавъ бы мнѣ все. Въ письмѣ своемъ, написанномъ на-скоро, онъ говоритъ только, что я буду очень

счастливъ здѣсь... со всѣми вами. Расскажите же мнѣ сами то, что я не могъ узнать отъ него.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ; такъ пріятно говорить о полученныхъ благодѣяніяхъ. По смерти моихъ родителей, я осталась пятилѣтней сиротою, безъ всякаго состоянія. Дядюшка, который былъ уже тогда вдовъ и не богатъ, много трудился, и Максимъ не смотря на свою молодость помогалъ ему всѣми силами. По добротѣ сердца они взяли меня къ себѣ. Я была у нихъ около году, какъ вдругъ пожаръ отъ молвіи истребилъ и поля и дома. Боже мой! Это бы еще ничего, но желая вытащить меня изъ пылавшей комнаты, гдѣ я спала спокойно, дядюшка обжегъ себѣ глаза и ослѣпъ.

Лія остановилась на минуту, чтобы подавить волненіе.

— Однако дядюшка, продолжала она, по удивительной добротѣ, которая такъ хорошо выражается на лицѣ его, ни на одну секунду не почувствовалъ ко мнѣ неудовольствія. Напротивъ старался утѣшить мое отчаяніе, говоря какъ полезна можетъ быть слѣпому старнику дѣвочка моихъ лѣтъ, и въ каждой изъ требуемыхъ отъ меня услугъ, находилъ для меня предметъ утѣшенія. Впродолженіи первыхъ трехъ дней я оставляла его руку для того лишь, чтобы бѣжать, куда онъ посылалъ меня. Едва только были исполнены его приказанія, я садилась у ногъ его, смотрѣла на него безпрестанно, подстерегала его желанія, и плакала украдкой. Въ эти три дня у меня не было ни одной посторонней мысли, какъ только о немъ; вдругъ пришли сказать, что Максимъ возвратился изъ Ліона, куда писали къ нему о печальной новости. Бѣдный Максимъ! Въ первый разъ меня испугало его приближеніе. Я знала, что онъ обожалъ отца, и не сомнѣвалась, что ему будетъ ужасно увидѣть меня. Въ испугѣ отъ предстоящаго мнѣ пріему, я рѣшилась убѣжать такъ далеко, чтобы никогда не могли меня отыскать. Нѣсколько разъ поцѣловавъ руку дядюшки, я тихоюшко вышла и побѣжала прямо, сама не зная куда... чтобы не встрѣтиться съ Максимомъ; у меня не было другой мысли, но ея было достаточно, чтобы придать себѣ крылья. Черезъ четверть часа моего глупаго бѣгу, я вдругъ встрѣтилась съ Максимомъ! Я бѣжала по той дорогѣ, откуда онъ возвращался. Увидѣвъ его, я упала на колѣни, и закричала ему рыдая: — Простите, простите! не возненавидьте меня! Максимъ былъ блѣденъ какъ смерть, онъ поднялъ меня съ земли, поцѣловалъ съ грустью и сказалъ:

— Тебя возненавидѣть, бѣдная малютка, за что? Ты не виновата.

Онъ продолжалъ путь, взявъ меня на руки, какъ онъ дѣлалъ это прежде, когда я уставала, а я удивлялась ему еще болѣе чѣмъ дядюшкѣ, потому что сердце говорило мнѣ, что страданія любимыхъ нами особъ, трогаютъ насъ гораздо болѣе нашихъ собственныхъ страданій.

Графа тронулъ этотъ простой рассказъ; но безпокойство, внушаемое ему Максимомъ, не допустило отдать ему справедливости.

— Сердиться на васъ за это несчастіе было бы нелѣпо, сказалъ онъ, и если съ тѣхъ-поръ онъ не сдѣлалъ ничего болѣе, чтобы заслужить вашу признательность....

Лія съ живостью прервала его.

— Онъ сдѣлалъ, отвѣчала она, чего много родители не дѣлаютъ для дѣтей, чего ни одинъ братъ не дѣлаетъ для сестры, онъ взялъ на себя мое образованіе. Посреди трудовъ, которыхъ распоряжителемъ сдѣлала его немощь отца, и которые небо къ счастью благословило, онъ не пропускалъ ни одного дня, чтобы не дать мнѣ ни урока ни совѣта. Я обязана ему всѣмъ, что знаю; никогда не бранилъ онъ меня; чтобы заставить трудиться, онъ показывалъ мнѣ пользу и пріятность труда.

— Но онъ долженъ быть очень счастливъ занимаясь вами, возразилъ де-Меранжъ.

— Максимъ всегда счастливъ, когда исполняетъ то, что называется обязанностью.

— Я вижу, что вы его очень любите.

— О! конечно люблю, и уважаю.

Последнее слово понравилось графу: обыкновенно оно не употребляется въ любовномъ словарѣ. Къ тому же чистосердечіе, показываемое Ліей въ своемъ восторгѣ къ Максиму, казалось де-Меранжу достаточнымъ поводомъ, чтобы не безпокоиться.

Душа дѣвушки, думалъ онъ, не открываетъ глазамъ посторонняго свои сокровѣннѣйшія тайны. Братецъ долженъ быть взятыхъ добрыхъ, честныхъ, ученыхъ мальчѣ, которыхъ женщины только уважаютъ.

Октавій увѣрилъ себя также, что Максимъ не отличался благовидной наружностью, потому что Лія ничего не сказала объ его лицѣ, а самая благоразумная женщина не охотно оставитъ въ сторонѣ портретъ друга, когда можетъ найти въ немъ какой-нибудь поводъ къ похваламъ.

Успокоившись, или по-крайней мѣрѣ воображая, что имѣетъ на это право, графъ воспользовался прогулками слѣдующихъ дней, чтобы расположить въ свою пользу сердце Ліи. Нѣсколько небольшихъ приключеній, всегда встрѣчающихся въ сельскихъ прогулкахъ, быстро увеличали страсть его.

Разъ утромъ, когда они проходили по пастбищамъ, въ то время какъ проворные пальцы брали со стада дакъ молока, одна крестьянка подошла къ Ліи съ просьбой оказать ей предпочтеніе если она хочетъ папиться. Ліа выпила половину предложеннаго ей стакана, а графъ опорожнилъ остатокъ съ такимъ упоевіемъ, котораго никогда не находилъ въ самомъ отборномъ винѣ.

Въ другой разъ возлѣ источника, который пзвивался около горныхъ избушекъ, двигалъ колеса машинъ, придавалъ муравъ свѣжести, случилось, что доска, служившая вмѣсто мосту, унесена была приливомъ воды: Ліа, легкая какъ ласточка, перепрыгнула потокъ и съ другаго берегу протянула Октавію руку. Въ быстромъ движеніи дѣвушка было столько граціи, что графъ вмѣсто того, чтобы слѣдовать за Ліей, неподвижно любовался ею, прошептавъ изъ Вильгельма Теля:

«Ты, за которой птица не поспѣетъ».

находя, что этотъ стихъ также идетъ къ его вожатой, какъ и къ Тальони, цѣломудренной, воздушной тапцовщицѣ. Видя Лію, наклонившуюся надъ водою, чтобы помочь ему, онъ думалъ не объ одной только прелести формъ, и изяществѣ ея движеній, но простодушное ободреніе, безыскусственная предупредительность, безъ кокетственной или пасмѣшливой мысли, которыя онъ читалъ въ ея прекрасныхъ голубыхъ глазахъ, обаяли его неодолимымъ очарованіемъ.

Думая, что графъ колеблется изъ опасенія, Ліа сказала, наклонившись еще болѣе:

— Ну попробуйте же; съ моею помощью это будетъ не трудно.

Октавіа заставило улыбнуться это заблужденіе; онъ воспользовался имъ, чтобы схватить руку, протянутую къ нему такъ обязательно, которую однако не посмѣлъ онъ удержать, когда перепрыгнулъ ручей: спокойствіе Ліи говорило ему, что часъ сладкихъ преимуществъ еще не пробилъ для него.

Однако это спокойствіе, полное невпивности, должно было возмутиться отъ прикосновенія къ жгучей страсти, какъ возмущаетъ

ся тишина воды отъ дуновенія бурнаго неба. Не понимая еще всего, что выражалъ пылкій взоръ Октавіа, Лія наконецъ стала слушаться, и въ первый разъ въ жизни, лобъ ея покрылся краской, которая проявляется у скромной дѣвушки отъ внушаемаго ею восторга. До тѣхъ поръ никто не говорилъ Ліи, что она хороша, особенно никто не показывалъ ей какую силу имѣть уже отъ красоты.

Окружающіе слишкомъ благоговѣнно любили ее, чтобы до того возрасту, когда разумокъ можетъ взять перевѣсъ надъ дѣйствіемъ трогających вѣжностей, возбудить ихъ въ ея сердцѣ. Де-Меранжъ, смотря на нее съ восторгомъ, сначала изумилъ, потомъ смутилъ ее, а когда онъ присоединилъ къ этому безмолвному обожанію призваніе въ любви, онъ привелъ ее въ безпокойство. Откуда происходило это безпокойство? Она не знала и сожалѣла зачѣмъ тутъ нѣтъ Максима, чтобы онъ объяснилъ это ей. Послѣ разговора, въ которомъ Октавіи настоятельно принуждалъ ее отвѣчать на его объясненіе, молодая дѣвушка написала къ двоюродному брату слѣдующее письмо:

«Если вы не слишкомъ дорожите желаніемъ увеличить ваши охотничьи трофеи, любезный Максимъ, возвратитесь прежде дня, назначеннаго вашими друзьями для окончанія охоты; пожалуйста воротитесь, я имѣю большую нужду въ совѣтахъ вашей дружбы. Графъ Октавіи де-Меранжъ, другъ Дювала, здѣсь уже съ недѣлю и онъ-то заставляетъ меня такъ нетерпѣливо ожидать вашего возвращенія. Вообразите, Максимъ, что этотъ молодой, красивый, щеголеватый, любезный, образованный иностранецъ, влюбленъ въ меня, и проситъ моего сердца въ замѣнъ своего. Быть обожаемой любовью, то есть, самой живѣйшей вѣжностью, даже сильнѣе вашей дружбы, это должно бы наполнить мою душу, столь жаждущую привязанностей, и чистой радостью и спокойнымъ, глубокимъ счастіемъ, это должно бы сдѣлать меня довольною и собою и другими, а между тѣмъ я чувствую совсѣмъ противоположное. Зачѣмъ не предупредили вы меня, вы такъ опытные во всемъ, такъ внимательные руководить меня, что я могу возбудить чувства совершенно новыя! Я бы не такъ изумилась, не такъ смущалась отъ обращенія де-Меранжа, котораго пылкость иногда приводитъ меня въ стыдъ: я не казалась бы ему неблагодарною, и особенно не обвиняла бы васъ, котораго должна благословлять!

«Графъ ждетъ моего отвѣту, любезный Максимъ, вы научите

«меня, что сказать ему, когда уста мои скажутъ вамъ то, что «перо не смѣетъ написать.»

Отправивъ это письмо Максиму, Лія сдѣлалась спокойнѣе. Увѣренная, что братъ поспѣшитъ пріѣхать, когда она зоветъ его, она выбрала для прогулки съ Октавіемъ ту сторону горы, по которой Максимъ долженъ былъ возвратиться. Эта сторона была именно та, гдѣ шелъ графъ къ Росвальду; онъ увидѣлъ ее съ новымъ удовольствіемъ въ обществѣ молодой дѣвушки, въ которую влюбился все болѣе и болѣе. Дойдя до платформы, возвышающейся надъ всей окрестностью, графъ сѣлъ возлѣ Ліи, обѣщавши не оставлять этого чуднаго уединенія, безъ воспоминанія о признаніи....

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, онъ указалъ на тропинку, на которую когда-то вошелъ не безъ утомленія и сказалъ:

— Вѣрите ли вы, Лія, что есть въ жизни часы, когда мы обладаемъ даромъ прорицанія? Когда я шелъ къ незнакомымъ людямъ по этой опасной дорогѣ, меня влекло предчувствіе предстоящаго мнѣ очарованія....

— Эта дорога не опасна, сказала Лія, стараясь отвлечь разговоръ.

— Зачѣмъ, возразилъ графъ тономъ нѣжнаго упрека, хотите вы лишить меня слабой заслуги подвергнуться кой какимъ опасностямъ въ поспѣшности моей скорѣе васъ увидѣть?

Она улыбнулась и сказала:

— Если вы непременно хотите, чтобы то были опасности.

— Я хочу только одного, возразилъ Октавій — нравиться вамъ... И придвинувшись къ ней, онъ облокотился на спинку сельской скамейки, на которой сидѣли они оба.

— Да, Лія, нравиться вамъ мое единственное желаніе, моя единственная мысль, и я жду, чтобы радоваться или жаловаться на судьбу мою, чтобы вы прочли въ моемъ сердцѣ и рассказали мнѣ все что происходитъ тамъ.

— Я просила у васъ дать мнѣ время, сказала Лія.

— Прошли уже цѣлые сутки.

— Я не могу еще ничего сказать.

— Какъ, вы не можете еще знать, любите или ненавидите меня?

— Между этими двумя крайностями есть много оттѣнковъ.

— И также равнодушіе.... я ужасно боюсь, что вы приготовите мнѣ эту долю.

Дѣвушка ничего не отвѣчала.

— Но жестокое дитя, вскричалъ де Мераишъ, стараюсь взять крошечную ручку, которую ему не дали, развѣ вы не видите, на какое мученіе осуждаетъ меня ваше молчаніе.

Въ голосѣ графа, слышалась грусть, Лія тронулась и сказала ему:

— Мнѣ очень жаль, если я васъ огорчаю.

— Если точно моя печаль васъ огорчаетъ, зачѣмъ вы не хотите прекратить ее?

— Не знаю, прошептала она.

— О! милая, дорогая Лія, эти слова внушаютъ мнѣ надежду!

Рука его соскользнула до стана дѣвушки, но этотъ ставъ, гибкій какъ тростникъ, уклонился отъ объятій Октавіа, который да-ставивалъ, сказавъ съ пылкостью:

— Умоляю, не старайтесь убѣгать отъ меня. Сопротивленіе часто опаснѣе довѣрчивости.

Лія задрожала, и чувство стыда, о которомъ она говорила въ письмѣ своемъ къ Максиму, овладѣло ею такъ сильно, что ей показалось будто она чувствуетъ къ графу болѣе отвращенія чѣмъ привязанности. Тревога стыдливости востанавливаетъ юныя души и руководитъ ихъ лучше свѣтильника разсудка.

Въ эту минуту, красная черная, борзая собака, съ былыми лапами, подбѣжала къ Ліѣ и потащила ее за платье.

— Эолъ, сюда! вскричала она радостно, показывая на колѣна, на которыя собака положила свою острую морду съ ласковыми глазами. Сюда къ Ліѣ, она тебя понимаетъ, да, да, Максимъ возвращается, я это вижу въ твоихъ глазахъ.

И она водила по черной шерсти Эола своей алебастровой рукой.

— Чего хочетъ эта собака? сказалъ Октавій съ досадой любовника, прервавшего въ благоприятную для любви минуту.

— Она хочетъ, чтобы я шла на встрѣчу ея господству, отвѣчала Лія.

Оттолкнувъ графа, старавшагося удержать ее, она бросилась къ тропинкѣ, когда тамъ показался молодой человѣкъ.

— Благодарю, Максимъ, сказала Лія, бросившись къ нему на шею.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ какъ нѣжно-любимую сестру и пошелъ на встрѣчу графу, вѣжливо свявъ зеленую суковатую шапочку, которая покрывала его волосы, такіе же блондурые и красивые какъ у Ліи.

Еслибъ де-Мераишъ еще подозрѣвалъ въ Максимѣ соперника,

его колюче испугалъ бы видъ красиваго молодого человѣка, высокаго, стройнаго, съ правильнымъ, кроткимъ, важнымъ, умнымъ лицомъ. Но успокоенный смущеніемъ Ливъ, Октавій только проклиналъ внутренно присутствіе посторонняго и пугался прогулокъ по скаламъ, потокамъ, ледникамъ, которыхъ муку молодой Росвальдъ, въ качествѣ добраго Швейцарца, вѣроятно не замедлитъ доставить ему.

Онъ ошибался. Максимъ на другой день пріѣзду просто предложилъ графу прокатать его съ Лией въ лодкѣ по озеру.

Время было спокойно, немного сумрачно, какъ это необходимо для прогулокъ на водѣ, чтобы она соединяла всѣ необходимыя условія спокойствія въ наслажденіи, дѣлающемъ ихъ столь привлекательными. Лодка, управляемая двумя веслами, до которыхъ Максимъ едва дотрогивался, скользила безъ шума: то вдоль береговъ озера, упитанныхъ дикимъ благоуханіемъ, отѣненныхъ густыми лѣсками; то среди свѣтлой скатерти, которой поверхность она перерѣзывала, не помрачая ея, какъ голубое крыло зимородка. Эта красивая и легкая лодочка показывая своими извѣстными движеніями, тѣмъ, которые свѣдѣли въ ней, перемѣнчивые горизонты, покрытые то блестящимъ свѣгомъ, то темной зеленью, бальзамическими цвѣтами, должна бы приводить ихъ въ восхищеніе; а вмѣсто того она не могла даже ихъ разсѣять, такъ мало магическія картины трогаютъ умъ, когда душа озабочена!

Максимъ посадилъ графа возлѣ Ливъ, а самъ сѣлъ противъ нихъ въ нѣкоторомъ разстояніи, чтобы наблюдать за ними, не подавая къ тому виду. Такимъ-образомъ онъ могъ замѣтить въ Октавіѣ восторженное обожаніе къ Ливъ, а въ Ливъ что-то задумчивое и безпокойное, проявлявшееся въ томности манеръ. Самъ онъ былъ серьезенъ какъ судья, который собирается съ мыслями въ рѣшаемомъ имъ дѣлѣ, и ничто въ немъ не показывало того, что происходило въ сердцѣ. Онъ сказалъ Ливъ, что будетъ говорить съ ней на другой день: ему хотѣлось прежде чѣмъ дать совѣтъ этой невинной душѣ, оцѣнить человѣка, возмутившаго ее. Онъ хотѣлъ также убѣдиться въ необходимости, жестокой для отца его — себя онъ забывалъ по-обыкновенію — возвратитъ спокойствіе Ливъ цѣною разлуки, которую опасенія старика никогда не предвидѣлъ. Слѣдствіемъ его замѣчаній было то, что любовь графа была истинна и вознаграждалась взаимностью.

Возвратившись съ озера, они окружили слѣнца, котораго снежной вѣдъ мучилъ сына. Поддерживая довольно долго разговоръ съ графомъ, Росвальдъ сталъ разспрашивать Максима о приключеніяхъ послѣдней охоты.

— Ты еще не рассказалъ намъ свои подвиги, сказалъ онъ.

— Изъ было немного, отвѣчалъ молодой человѣкъ, измѣнившимся голосомъ, увидѣвъ, что де-Меранжъ таинственно поцѣловалъ одну изъ длинныхъ, висячихъ косъ Ліи.

Росвальдъ, улыбаясь, возразилъ въ ту сторону, гдѣ онъ зналъ, что находится его племянница :

— Ліа, тебѣ надо хорошенько побранить брата, зачѣмъ онъ такимъ плачевнымъ голосомъ объявляетъ намъ о своей неудачѣ.

Молодая дѣвушка подняла глаза на Максима и тотчасъ же, побѣжала къ нему.

— Вы нездоровы, Максимъ? спросила она самымъ дружескимъ тономъ. Вы такъ блѣдны какъ въ тотъ день, когда я думала, что вы заболеете.

— Теперь вы знаете, что этотъ день никогда не наступалъ, сказалъ Максимъ, кротко сжавъ руки сестры.

— Не пугайтесь моей блѣдности, милая Ліа, это слѣдствіе усталости.

— Вамъ бы надо было лечь, замѣтилъ де-Меранжъ, которому хотѣлось спроводить Максима.

— Лечь! повторила Ліа, о! нѣтъ, намъ будетъ казаться, что онъ боленъ.

Максимъ сталъ счастливъ отъ этихъ словъ; онъ показывалъ, что у Ліи новыя чувства не уничтожили старыхъ. Черезъ нѣсколько времени графъ вышелъ изъ комнаты, а когда онъ возвратился, Максимъ увидѣлъ въ зеркало, что онъ сунулъ записку подъ вѣтокъ Ліи. Съ увѣренностью, что дѣйствуетъ въ пользу своей юной родственницы, молодой Росвальдъ взялъ записку прежде чѣмъ Ліа замѣтила ее, такимъ образомъ, что де-Меранжъ не догадался о похищеніи.

Графъ писалъ Ліѣ :

« Если я не обманываюсь на счетъ прелестнаго замѣшательства, которое вчера вы показали мнѣ, удостоите прійти въ сумерки въ большую липовую аллею. Я буду тамъ, Ліа, съ сердцемъ полнымъ надежды, потеря которой увлечетъ за собою всѣ радости моей жизни.»

По случайности очень обыкновенной, красота неба пригласила къ прогулкѣ; Ліа сошла въ садъ, почти въ часъ, назначенный

для свидѣнія, и сѣла въ листовенную бесѣдку. Грустно мечтая такъ о множествѣ вещей, загадочныхъ для ея юнаго сердечка, она вдругъ улышалась хорошо знакомую походку Максима и тотчасъ раздвинула вѣтви каприолона; но въ ту минуту, какъ она хотѣла произнести имя брата, голосъ замеръ у ней на губахъ. Максимъ прислонился къ стволу липы, свесивъ руки на груди и шоднявъ глаза къ небу, и изъ этихъ глазъ, блестящихъ, темныхъ какъ чудныя сапфиры, текли медленно одна за одной слезы, которыя также какъ капли крови показываютъ глубокую и жестокую рану. Лія думала, что она видитъ это во снѣ и сжала руками лобъ, чтобы прогнать это мучительное видѣнiе. Максимъ, тѣснiмый горемъ, которое вырвало у него слезы! Максимъ, ослаблiный какъ женщина, подъ гнетомъ скрытной муки; онъ, котораго твердость не измѣнилась никогда въ самыхъ грустныхъ обстоятельствахъ! Велико должно быть страданiе, уничтожившее энергiю Максима! Не кто могъ, кто смѣлъ быть такъ жестокимъ, чтобы увязить столь благородное сердце?...

Между тѣмъ, какъ Лія оставалась погруженною въ изумленiе, послышался голосъ графа.

— Лія! говорилъ де-Меранжъ, зовя ее съ осторожностью.

— Той, кого вы ищете, здѣсь вѣтъ, ваше сiятельство, отвѣчалъ Максимъ тономъ, который усиливался сдѣлать спокойнымъ. Но я прошу васъ вмѣсто ея удостовѣть поговорить со мною нѣсколько минутъ....

Хотя очень раздосадованный, графъ однако вѣжливо поклонился и оба сѣли на каменную скамейку, около того мѣста, откуда Лія не смѣла силъ уйти.

Послѣ довольно долгаго молчанiя, Максимъ наконецъ сказалъ:

— Вы любите Лiю, графъ?

Отвѣтъ, удивленный вопросомъ, отвѣчалъ съ нѣкоторымъ высокомерiемъ:

— Я не имѣю привычки вѣбратъ мои задушевные чувства постороннему.

— Это похвальная скромность; но если Лiя говорила мнѣ о вашей любви и своемъ собственномъ расположенiи....

— Сказала ли она вамъ, что она имѣтъ благосклонно? спросилъ графъ съ надменнымъ любознательствомъ.

— Лiя до-сихъ-поръ была такъ чужда страстямъ, что она могла нужнымъ пособителиться со мною, прежде чѣмъ рѣшилась вамъ отвѣчать.

— А вы сказали ей, что она ошибается; если думать, что любить меня?

— Я ничего не хотѣлъ сказать ей прежде объясненія съ вами.

— Не мой, а ея чувства надо вамъ узнать.

— Я не сомнѣваюсь ни въ тѣхъ, ни въ другихъ.

— Ну, стало быть, тогда....

— Выслушайте меня, графъ. Я вѣрю вашему благородству, потому что вы другъ Дювалю, вѣрю вашей любви къ Ліѣ, потому что вы ей открылись; но прежде чѣмъ я рѣшусь поднять покрывало, скрывающее отъ глазъ такой молодой дѣвушки состояніе ея сердца, я самъ хочу васъ разпросить.

— Я сказалъ Ліѣ, что обожаю ее, и могу только вамъ это повторить.

— Вы обожаете ее, перебилъ Максимъ тономъ неизяснимой грусти: я это понимаю.... но вы также должны понять въ свою очередь, что отецъ мой и я требуемъ большаго для дочери, усыновленной нами въ глазахъ Бога, дочери, которая впродолженіи десяти лѣтъ составляетъ все наше утѣшеніе.

Де-Меранжъ былъ истинно влюбленъ въ Лію и потому возражилъ не колеблясь, что никакое пожертвованіе не удержитъ его, чтобъ получить Лію.

— То, черезъ что можно получить Лію, не должно называться пожертвованіемъ, возразилъ Максимъ.

— Но о чемъ же идетъ дѣло? спросилъ графъ, котораго безпокойлъ серьезный видъ молодаго Росвальда.

— Дѣло идетъ о томъ, чтобы узнать, хорошо ли вы взвѣсили какую обязанность принимаетъ на себя мужчина когда женится? убѣдились ли вы въ важности принимаемой на себя обязанности, ниѣтъ ли жена, по вашему мнѣнію право на уваженіе, вѣжностъ и постоянство мужа, не только тогда какъ она молода и хороша, но также и тогда, какъ время и дѣти отнимутъ у ней прелести?

Октавій отвѣчалъ съ жаромъ и искренностью, что онъ употребитъ всѣ старанія, чтобы сдѣлать Лію счастливою.

— Вы не знаете, продолжалъ Максимъ, увлекаемый волненіемъ, котораго не могъ преодолѣть: какъ наша исключительная привязанность къ этому ребенку развила въ ней необходимость быть любимой; душа ея похожа на лютню, которая весело звучитъ только подъ дружеской рукою, и лопается въ небреженіи.

— Да сохранить меня Богъ разрушитъ самое прелестное изъ Его созданій! вскричалъ графъ.

— Самое милое, самое непорочное! прибавилъ Максимъ.

— Я поговорю завтра съ вашимъ отцомъ, сказалъ Октавій.

— Бѣдный батюшка, какъ жестока будетъ для него разлука съ Ліей!

— И вѣрно вамъ также?

— Я... постараюсь умереть послѣдній!

И молодой Швейцарецъ закрылъ лицо дрожащими руками.

— Максимъ, сказалъ де-Меранжъ, вы любите Лію болѣе чѣмъ сестру?

— Зачѣмъ скрывать теперь, когда все уже рѣшено! вскричалъ Максимъ, поднявъ голову, отягченную горемъ.

Оба обернулись: имъ послышался шумъ; это Лія упала на колѣна, но они не могли ее видѣть.

— Лія ничего не знаетъ о вашей любви? спросилъ графъ.

— Нѣтъ, ея молодость и спротивство заставляли меня молчать; я ждалъ пока она достигнетъ того возраста, когда сердце женщины можетъ само рѣшить что ему нужно.

Октавій былъ тронутъ чувствами Максима, и смотря на этого молодаго человѣка, котораго красота, вмѣстѣ и нѣжная и мужественная, скрывала такую преданную, такую горячую душу, онъ не могъ удержаться, чтобы не сказать ему:

— Можетъ быть вашей осторожной скромности я обязанъ тѣмъ, что вшелъ сердце Ліи еще холоднымъ.

Максимъ глубоко вздохнулъ.

— Не заставляйте меня жалѣть о моемъ мужествѣ, прошепталъ онъ: пусть только Лія будетъ съ вами счастлива; я постараюсь не ревновать вашему счастью.

Онъ тотчасъ всталъ и сказалъ:

— Воротясь домой, мнѣ надо предупредить батюшку, прежде чѣмъ вы будете говорить съ нимъ.

— Не надо предупреждать его, Максимъ, сказала Лія, вдругъ вставъ передъ молодыми людьми.

— Отчего? спросили они оба.

— Потому что я никогда не хочу съ нимъ разставаться.

— Что значать эти слова? вскричалъ графъ.

— Это значить, что прикованная здѣсь за этой зеленью, удилеишемъ, которое причинили мнѣ слезы Максима, я открыла двѣ тайны.

— Лія, сказала молодой Росвальдъ, не обращайтесь никакого вниманія, умоляю васъ, на то что вы слышали!

— Какъ, Максимъ, вы хотите, чтобы я не воспользовалась тѣмъ, что прочла въ вашемъ сердцѣ и моемъ?

— А что вы прочли въ моемъ, говорятъ Лія? сказала Октавій.

Дѣвушка отвѣчала съ кротостью, но безъ малѣйшей робости:

— Я прочла тамъ, графъ, много признательности къ вамъ и много любви къ Максиму.

— Это невозможно, Лія! вскричалъ Максимъ. Волнованіе, смущеніе, которое вы испытывали отъ взоровъ де-Меранжа, говорятъ въ его пользу.

Лія взяла руку Максима и положила ее къ себѣ на сердце.

— Я чувствую тутъ, сказала она, что если глаза посторонняго смущали меня такимъ образомъ, это потому, что они выражали чувство, которое я, къ огорченію моему, никогда не видала въ вашихъ.

— Милая Лія, неужели?

И Максимъ съ живостью привлекъ къ себѣ дѣвушку, но тотчасъ отдалилъ ее.

— Извините! сказалъ онъ, оборотясь къ Октавію: мнѣ бы не должно выказывать своего счастья при васъ.

Графъ отвѣчалъ съ грустью, смѣшанною съ горечью:

— Вы заслуживаете это счастье; но я не чувствую въ себѣ силъ быть ему свидѣтелемъ.

На другой день, на разсвѣтъ, де-Меранжъ оставилъ долгу Н***.

Послѣ его отъѣзда Максимъ и Лія стали на колѣна передъ слѣпцомъ, испросивъ у него позволенія соединиться брачными узамъ и, подъ счастливыми руками, благословлявшими ихъ, Лія получила отъ Максима первый не братскій поцѣлуй.

торгъ женщинами. Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ парода болѣе одерживаго генизмъ спекуляцій какъ Американцы. Они продаютъ все, что можно продать и отдаютъ на прокатъ все, что можно отъдать на прокатъ.

У нихъ талантъ, идея, даже добродѣтель — предметы, которые также легко промѣнять на доллары какъ мѣрку рису или кипу хлопчатой бумаги.

Одну изъ такихъ плодотворныхъ идей, мистрисъ Ферисемъ приводитъ теперь въ исполненіе въ Нью Йоркѣ.

Поразенная одиночествомъ, въ которомъ находятся золотоискатели калифорнскіе — настоящіе Римляне безъ Сабинянокъ, — осужденные жить въ обществѣ дикарокъ, она предприняла торговлю женщинами, которыя могли бы утѣшить одинокія сердца, вздыхающія на берегахъ Сакраменто!

Сформированная ею компанія быстро набирается, и красивый корабль *Ангелика*, гдѣ все принесено въ жертву изяществу и жеманству, унесетъ въ новый Эльдorado рѣй сентиментальныхъ эмигрантокъ.

Здѣсь мы беремъ на себя роль переводчика.

«Завятія этихъ дамъ, говоритъ одинъ американскій журналъ, будутъ также разнообразны какъ и нужды пародоваселенія, но нѣтъ вознагражденія, котораго бы они не имѣли права требовать.

«Только мистрисъ Ферригемъ беретъ отборный грузъ: кромѣ личныхъ пріятностей, воспитанія, характера и способностей, она требуетъ еще, чтобы добродѣтель пассажирокъ была утверждена свидѣтельствомъ судьи или пастора. Такимъ образомъ будутъ мѣнять сокровище на сокровища!»

Другой журналъ, безъ сомнѣнія для того, чтобы помочь предпріятію, напечаталъ съ своей стороны слѣдующія :

ЗОЛОТАЯ НОВОСТЬ ДЛЯ НЕВѢСТЪ.

Одна дама пишетъ изъ Санъ-Франциско къ пріятельницѣ въ Массачусетъ.

«Невѣсты здѣсь такой товаръ, который славно расхочется: это единственная въ мірѣ страна, гдѣ ихъ цѣнятъ какъ должно.

«Мужчинъ здѣсь въ-пятеро больше чѣмъ женщинъ; однако послѣднія здѣсь также нужны, чтобы готовить кушанье, какъ первые искать золото. Въ послѣдніе мѣсяцы мы видѣли здѣсь болѣе сунружествъ чѣмъ въ десять лѣтъ.

Сквавы прежде чѣмъ отправляются въ область золота употребляютъ все на свѣтъ, чтобы подцѣпить мужа бѣлой породы и въ настоящемъ положеніи вещей имъ это не трудно.

«Отецъ Малакъ, католическій священникъ, утѣрялъ меня, что въ прошедшемъ мѣсяцѣ онъ обвинялъ больше ста десяти бѣлыхъ въ Сквавахъ!»

«Слѣдствіемъ этого будетъ, что бѣдные Индѣйцы скоро останутся безъ женъ, потому что ни одна бѣлая женщина, изъ какого бы то званія ни было, не согласится выйти за дикаря, когда она можетъ такъ легко найти лучшаго мужа.

«Самыя безобразныя, самыя уродливыя выходятъ за торговцевъ, которые составили себѣ состояніе въ одну недѣлю....»

ЕВРЕИ. Еврей есть душа торговой промышленности Царства Польскаго, Галлеціи и западныхъ губерній. Стоитъ только переѣхать изъ Велико-Россіи черезъ Двѣпръ в Двину, и на каждомъ шагу встрѣтится вамъ Еврей, какъ главный двигатель всей, крупной и мелкой торговли. Онъ купецъ, онъ подрядчикъ, онъ оптовой и мелочной торговецъ, онъ магазинщикъ, онъ шинкарь, онъ содержатель почтъ, онъ дамскій и мужской портной, онъ мѣняла; словомъ онъ — все. И чѣмъ ближе къ границѣ Польши, тѣмъ ярче характеризуется еврейское племя. Какая-то неуспѣчивость рисуется на этихъ выразительныхъ, восточныхъ фѣзюноміяхъ; какой-то непонятный духъ хлопотливости заставляетъ жидковъ летать и швырять во все стороны, то пѣшкомъ, то верхомъ, то въ одноколкахъ; часто встрѣчаются цѣлыя повозки набитыя биткомъ задумчивыми жидками промышленниками, а ближайшіе къ границѣ города и мѣстечки кишатъ этимъ племенемъ какъ муравейники: — куда ни сглянешься, вездѣ увидишь сына Израилева.

Польша съ давнихъ поръ жалуется на Евреевъ; но еслибы пришлось ей вдругъ избавиться отъ нихъ, она, по всемъ вѣроятіямъ, нашла бы въ положеніи человека, одержимаго хроническою болѣзью, который такъ привыкъ къ своему недугу, что получивъ изцѣленіе, чувствуетъ себя какъ-то незовко, какъ будто ему недостаетъ чего-то необходимаго. Правда, Еврей, занимаясь торговлею, пользуются всеми ея выгодами; но чтожь мѣшаетъ туземцамъ соперничать съ ними, хотѣ напримѣръ въ огромной хлѣбной торговлѣ? Будь они предприимчивѣе, трудолюбивѣе и, въ особенности, устойчивѣе, они, владѣя значительными капиталами, и соединивъ ихъ, по примѣру Евреевъ, могли бы совершенно уничтожить всякое соперничество; но къ сожалѣнію должно сознаться, что туземные торговцы къ этому рѣшительно неспособны; при первой попыткѣ они становятся хуже Евреевъ; и тратя бездну денегъ на собственныя поѣздки, на повѣренныя и на различныя затѣи, принуждены продавать все иссравненно дороже. Замѣтимъ къ тому же, что съ Евреемъ каждый обходится безъ всякой церемоніи, и думаетъ только о своихъ выгодахъ; между тѣмъ какъ съ своимъ единоплеменникомъ нужно иногда вѣрить на слово, а потомъ пожалуй каяться въ своей довѣрчивости. Польскіе торговцы по большей части теряютъ все черезъ повѣренныя и приказчиковъ, а Еврей употребляютъ для этого свою

убогую братію, которая рѣдко обманываетъ благодѣтелей; сверхъ того взаимное соперничество вредитъ столько же этой торговлѣ, какъ и недостатокъ добросовѣстности второстепенныхъ исполнителей: торговцы-соперники, послѣ двухъ, трехъ лѣтъ, видятъ, что всѣ усилія подорвать другъ друга, повелѣли лишь къ взаимному разоренію; и еще нужно считать за Божью милость, если вашъ повѣренный, продавши въ Данцигѣ, либо Кенигсбергѣ пшеницу, пеньку, льняное сѣмя, вернется къ вамъ по-добру по здорову, а не останется съ денежками за границею, посылая свой низкій поклонъ и благодарность довѣрителю, и совѣтуя ему не ждать его по-напрасну!...

Совсѣмъ иначе ведутъ дѣла свои Евреи; большая часть ихъ торгуетъ на самые ничтожные капиталы, точно такъ же какъ банкиры на биржѣ à la hausse, à la baisse. Факторъ *, имѣющій не болѣе ста рублей серебромъ, покупаетъ около тысячи корцевъ ** пшеницы, и, взявъ на свою долю отступнаго по пяти копѣекъ серебромъ за корецъ, отдаетъ ихъ другому, который въ свою очередь приглашаетъ товарищѣй и, съ помощью ихъ, выплачиваетъ настоящему продавцу по условію. Другой разъ бѣдный Еврей покупаетъ товаровъ на вѣскольکو тысячъ золотыхъ ***, отдаетъ весь свой наличный капиталъ въ видѣ задатка, и везетъ покупку въ городъ къ капиталисту, который платитъ за него хозяину и товаръ беретъ въ видѣ зклада въ свои магазины; между тѣмъ изворотливый жидокъ отыскиваетъ выгоднаго покупателя, перепродаетъ ему свой товаръ, выплачиваетъ занятыи капиталъ съ процентами, и обѣ стороны остаются въ барышахъ. Еврей не гонится за большимъ барышемъ; онъ хлопочетъ только о томъ, чтобы деньги его были постоянно въ оборотѣ; и эти-то грошевые, но частые барыши оканчиваются тысячами. Жидовскіе проценты вошли въ пословицу; но это вѣскольکو не устрашаетъ Евреевъ; взаимный кредитъ ихъ такъ великъ, что Еврей, имѣющій собственнаго капитала не болѣе ста рублей серебромъ, торгуетъ на тысячи. Изъ всего этого видно, что вся сущность еврейской торговли заключается во взаимной довѣренности и духѣ товарищества.

Все сказанное доселѣ относится только къ торговлѣ нашихъ Евреевъ, къ торговлѣ дозволенной законами; но торговая оборот-

* Такъ называются бѣдые Евреи, употребляемые на посылки и для разныхъ порученій.

** Корецъ, то же что шфель, 2½ четверика.

*** Злотый 15 копѣекъ серебромъ.

ливость Евреевъ иностранныхъ этимъ не ограничивается. Австрийскій пограничный Еврей первое лицо, въ мѣлкой, повидному, но въ сложности огромной торговлѣ контрабандою, которая, несмотря на бдительность многочисленной таможенной стражи, и неподкупную строгость таможенныхъ чиновниковъ, завимасть множество рукъ. Провозъ контрабанды производится постоянно, особеннымъ, довольно хитро придуманнымъ способомъ; а выгоды торговли запрещенными товарами такъ велики, что не смотря на поимку части транспорта, потеря эта вознаграждается съ лихвою тѣмъ, что удастся пронести. Контрабандою занимаются Евреи преимущественно привычные къ этому дѣлу; они ѣдутъ за товарами въ то или другое пограничное мѣсто, и заключаютъ тамъ условіе съ контрабандистомъ, которому платятъ пятьдесятъ процентовъ, а иногда и болѣе со всей стоимости товара, потомъ покупатель даетъ продавцу задатокъ, и беретъ свой товаръ, а контрабандистъ обязывается пронести его черезъ границу и доставить въ условленное мѣсто, гдѣ получаетъ остальные деньги за товаръ и договоренную плату за провозъ. При этомъ случаѣ контрабандистъ рискуетъ за деньги вѣтъ на свѣтъ, даже жизнь. Темныя ночи съ проливнымъ дождемъ, страшныя буря—вотъ самое удобное для него время, тѣмъ болѣе, что наша сухопутная граница съ Австрією, идетъ мѣстами черезъ дремучіе лѣса. Но сколько же долженъ претерпѣть онъ страха и опасностей, не только при переходѣ черезъ таможенную линію, но даже и пробравшись за нее! Ежеминутно могутъ открыть его, и тогда ему остается бросить лошадей и повозку и товаръ, и считать себя счастливымъ, если самому удастся спастись.

Проѣзжая пѣз Лемберга въ Краковъ въ 182... году, я долженъ былъ остановиться въ какой-то пограничной корчмѣ, которая была биткомъ набита проѣзжими. У печки сидѣла толпа мужиковъ, курившихъ трубки и попивавшихъ водку, которою угощаль ихъ Еврей арендаторъ, уговаривая ихъ отсыпать ему невозможное количество пшеницы пѣз баренныхъ мѣшковъ. Онъ клялся талмудомъ, что это будетъ вовсе незамѣтно; мужички слушали змѣя-искусителя, перешептывались между собою и тянули водку, чтобы продать себѣ отваги и храбрости; а посланный для присмотра при транспортѣ писарь пилъ висневку и былъ погруженъ въ созерцаніе своего носа. Подальше, нѣсколько русскихъ извозчиковъ шумѣли и кричали, торгуясь съ хозяиномъ за овесъ и сѣно; Еврей въ мохнатой шапкѣ ходилъ по избѣ и молился, а въ углу за сто-

ломъ сидѣли въ шапкахъ бородатые его товарищи и молча макали кусочки хлѣба въ черепокъ разбитой миски, содержащій жидецкую яичницу, и потомъ съѣдали его потихоньку и съ разстановкою, смакуя каждую крошку. Эта скромная трапеза должна была, вѣроятно, служить имъ и обѣдомъ и ужиномъ.

Еврей довольствуется на завтракъ кускомъ хлѣба съ солью и лукомъ, и только въ шабашный день ѣсть больше обыкновеннаго и рѣшается купить кусокъ мяса, или вареной рыбы; въ остальные дни воздержанность и бережливость его просто непонятны. Этимъ однимъ можно объяснить себѣ почему Еврей довольствуется самыми ничтожными барышами; кому такъ мало нужно на удовлетвореніе своихъ потребностей, для того самый ничтожный избытокъ есть уже достаточное вознагражденіе за трудъ, и даетъ возможность отложить что нибудь на будущее время; между-тѣмъ кто привыкъ тратить много на себя, тотъ по необходимости долженъ стараться приобрести гораздо больше. Еврею, приравныхъ съ другими торговцамъ барышахъ, всегда предстаетъ возможность сберечь больше; потому что жизнь ему почти ничего не стоитъ; но еслибы онъ захотѣлъ ѣсть каждый день хорошій обѣдъ, то это обошлось бы ему гораздо дороже, чѣмъ христіанину; потому что заготовленіе каширнаго мяса и другихъ каширныхъ припасовъ производится съ большою разборчивостью, и сопровождается такимъ множествомъ обрядовъ, что необходимо должно стоить гораздо дороже обыкновенныхъ съѣстныхъ припасовъ.

Случайно подойдя къ столу, я увидѣлъ знакомаго Еврея и поздоровался съ нимъ; но онъ едва кивнулъ головою и продолжалъ ѣсть. Надобно сказать, что за столомъ Еврей никогда не улыбается и не задумывается; онъ знаетъ, что неполняетъ великое дѣло; онъ поощаетъ, что ѣсть себя самого, то есть свои мнѣя денежки, и занять единственно этимъ *самодѣльниемъ*, и чѣмъ дороже кушанье, тѣмъ больше помрачается и морщится лобъ его. И точно, есть о чемъ задуматься!... Поѣвши, всѣ Жиды утерли бороды, собрали тарелки и салфетку, помѣнялись и встали. Тогда только мой знакомецъ подошелъ ко мнѣ — это былъ старый Еврей съ длинной сѣдой бородою; подойдя онъ остановился передо мною и заткнувши большіе пальцы за поясъ, осведомился о моемъ здоровьѣ и спросилъ куда я ѣду? Удовлетворивъ его любопытство, я пригласилъ его за перегородку, въ небольшой, но довольно чистый уголокъ, и просилъ разказать мнѣ что-нибудь, чтобы сократить скуку длиннаго и дождливаго вечера,—

тогда шелъ дождь и на дворѣ было темно, хотъ глазъ выколи. Онъ мнѣ давно какъ-то обѣщалъ разсказать свою собственную исторію, и я былъ очень радъ случаю напомнить ему обѣщаніе. Еврей долго ломался и чесалъ затылокъ; однакоже стаканъ крѣпкого пуншу, — за который ему надлежало, по закону, три раза стать на колѣна и сотворить двѣсти поклоновъ, — былъ убѣдительно въсѣхъ просьбъ, и онъ, заикаясь въ началѣ на каждомъ словѣ, и озираясь безпокойно вокругъ, началъ такимъ образомъ.

— Что же мнѣ такое разсказать вамъ, сударь? съ чего начну свою исторію? съ того, развѣ, какъ я родился? — Ну родился я, какъ родится вся наша братья Жиды; родился такъ себѣ, нечаянно, самъ незная зачѣмъ. Отецъ мой былъ арендаторомъ у богатаго графа; корчма перешла къ нему отъ дѣдушки; она была въ нашемъ родѣ чуть не двѣсти лѣтъ.

Мать моя, папе, была не простая жидовка.... куда!... Это была умица, такая умица, что и сказать нельзя! Бывало кто съ ней ни заговоритъ, не можетъ отстать, и послѣ долго трясеть бородой и приговариваетъ: ай вей!... И подлинно, чего она не знала? Она знала всѣхъ, и всѣ ее уважали.... Да что! иногда случалось ей заѣзжать къ панамъ за товаромъ; такъ сами паны не знали какъ принять, гдѣ посадить ее.... да, да, будь я шельма, только и говорятъ: — Пани Лейбова, пани Лейбова, что скажете пани Лейбова? И всегда бывало, угощаютъ ее чаемъ.

Отецъ мой, я вамъ скажу, былъ тоже не простой человекъ онъ былъ такой ученый, что бывало сами раббинны качали шапкамп, да трясли бородамп; за то онъ, отъ этой учепости, съ позволенія вашего, такъ оглупѣлъ, что не умѣлъ утереть себѣ носу, и позабылъ вовсе говорить; а все только сидѣлъ, да читалъ Гамура и Мишну *, и кивалъ головою. Ълъ онъ небольшое груднаго ребенка. И чтожъ вы думаете?— злые духи провюхали про его учепость, и не давали ему покою; разъ даже затащили его подъ мельничную плотину и онъ увязъ по самый носъ въ тинѣ.... Боже, продолжалъ жидъ воодушевляясь, какой это былъ разумный и ученый Еврей!... Разъ старшій раббинъ изъ Бреста пріѣхалъ въ вашу деревню, пришелъ къ отцу, да какъ заперлся онъ съ своими кивжкамп, такъ, вѣрите ли?—просидѣли двое сутокъ, ни чего не ѣвши и не пивши; на третью мы потихоньку отворили двери.... что же? Отецъ и раббинъ спали, уткнувъ носы въ кивжки!...

* Названія еврейскихъ книгъ.

.. Вотъ отъ того-то, что отецъ мой былъ такой мудрый, онъ ничего не дѣлалъ, а только сидѣлъ за столомъ, читалъ книги и качалъ головой; всѣмъ же должна была заниматься мать моя. Она брала аренду, вела торгъ, нанимала для насъ учителей; и все одна, пока не подросъ старшій братъ мой, Давыдъ. Насъ, по милости Божіей, было немало: пятеро братьевъ, да три сестры; сестры вышли всѣ замужъ, и за всѣми мать дала богатое, очень богатое приданое:— по триста цѣлковыхъ за каждою!

Когда я началъ ходить, учитель братьевъ началъ заниматься и со мною. Нечего сказать, славно училъ; только больно же и колотилъ по головѣ. Надобно было узнать всю нашу службу, учить все на память; сначала заучивать слова, а потомъ буквы.... мудрый, ужасно мудрый былъ учитель!... Помню: сидимъ мы бывало, мои два брата и я, за столомъ въ чуланѣ: одинъ на сундукѣ, другой на скамейкѣ, третій на опрокинутой кадкѣ; сидимъ и чуть не дремлемъ, а сами кричимъ такъ, что въ ухахъ трещить: учитель свое, а мы свое, одинъ другаго громче: чужой человекъ могъ бы подумать, что у насъ либо пожаръ, либо драка.... Великое дѣло наука!...

Пока я учился, мнѣ не давали никакой работы; развѣ прикажутъ слазить на сѣновалъ за сѣномъ, либо отпустить овса конямъ проѣзжихъ; подчасъ доставался мнѣ не одинъ подзатыльникъ отъ матери, или пивокъ отъ извозчиковъ; ну, да это такъ, ничего, пустяки!... Когда же узналъ я всю службу, и могъ зажмури глаза пробарабанить всѣ молитвы—учитель сказалъ, что я теперь настоящій Еврей; а мать на радости дала мнѣ десять цѣлковыхъ на разживу.

При этихъ словахъ, Жидъ зажмурилъ глаза и покачалъ головой, какъ-бы отвѣчая на свои задушевные мысли.

— Да, сударь, продолжалъ онъ, мать моя была умная женщина, она дѣлала все не просто; отдаетъ она мнѣ деньги, да и говоритъ: «Ну, Гершко, пора бы тебѣ пожалуй и жениться, да лучше подожди; время подождетъ; пусть себѣ женятся дураки, а ты торгуй; я же высмотрю тебѣ богатую невѣсту». Вотъ и принялся я торговать. Только прежде, какъ получилъ я свои десять цѣлковыхъ, задумалъ я что мнѣ съ ними дѣлать, и то, думаю, затѣять, и другое, — а самому страшно, ухъ какъ страшно! «Дай, думаю, куплю ржи. Ну, а какъ спадетъ цѣна на хлѣбъ?.. Или, пожалуй, отчего бы не купить коровы? а если корова-то издохнетъ? Отдать ихъ развѣ на проценты?... а что будетъ коли пропадетъ и капиталъ и проценты?.... Ай вей, что дѣлать

что дѣлать?....» И въ такихъ мысляхъ сидѣлъ я на порогахъ корчмы. Вышла мать, стала подлѣ меня, посмотрѣла на сына, и спросила:

— О чемъ задумался, Гершъ.

Я рассказалъ, она засмѣялась, — мудрая, мудрая была она женщина! засмѣялась и сказала:

— Вижу, что изъ тебя выйдетъ большой торговецъ, Гершъ; но пока будешь только сидѣть, да трусить, ничего не сдѣлаешь. Отецъ рассказывалъ мнѣ, что нашъ дѣдушка нашилъ деньги, торгуя шкурками; начини и ты со шкурокъ.

— Торговать шкурками! подумалъ я, отчего жъ я не шкурками? шкура не издохнетъ, кому же не ѣсть, не ѣсть, да и дешево стоитъ; такъ и быть; буду торговать шкурками....

Мать дала мнѣ старую клячу; я запрягъ ее въ бричку, хлопнулъ бичемъ и поѣхалъ по Божью свѣту искать счастья и шкурки.

По сосѣдству было у васъ село Григорово. Тамъ день и ночь шла гулянка: баринъ и экономай пѣли и плясали, а хозяйство плелось нога за ногу, несмотря на то, что избы поразвалялись, мужички перепились, овцы и скоть перепали. Я въѣхалъ въ село и остановился у корчмы; бросилъ свѣа клячи и пошелъ въ избу. Хозяинъ — нашъ же братъ, честный Еврей, славно обдѣлываетъ свои дѣлишки. Онъ ставилъ на господскій дворъ все припасы, и стакнувшись съ прислугою, обдиравалъ пана какъ липку. Въ два года онъ разбогатѣлъ на удивленіе, завелъ множество скота, телятъ и порядочную винокурню. Въ то время, какъ я входилъ подъ ворота корчмы, арендаторъ сидѣлъ на порогахъ избы и обсасывалъ рыбью косточку. Мы поздоровались, а я, какъ-будто невзначай, и спросилъ: — Нѣтъ ли чего у васъ на продажу?

Онъ поморщился, потому что самъ скупалъ все въ деревнѣ за полцѣны, и спросилъ:

— Ну, а чего бы тебѣ нужно?

— Ой, ой, подумалъ я: хитрый, хитрый человекъ этотъ Еврей, да вѣдь и мнѣ мать сказала, что я не глупъ....

Помолчавъ я опять спросилъ:

— Нѣтъ ли у васъ ржи, водки, либо....

— Либо чего?

— Да такъ, мало ли что тамъ найдется.

— Ступай во дворъ.... холодно отиѣчалъ онъ.

— Вижу я, что этакъ его не возьмешь, вотъ и началъ потя-

хошку:—Что намъ долго толковать! я вѣдь небольшой купецъ, а дрянъ.... такъ вотъ просто дрянъ,—при этомъ я влянулъ и сдѣлалъ кислую рожу,—куда мнѣ съ вами тягаться? я хочу только купить шкуркъ.... Куда дѣлась суровость моего жидка? онъ не торговалъ шкурками, и со смѣхомъ перебилъ:—Такъ вотъ что! ну, шкурки-то есть, поѣдемъ вмѣстѣ и поговоримъ дорогой....

Напрасно умолялъ я его не беспокоиться изъ за такой дрянъ; онъ не хотѣлъ ничего слышать, а мнѣ больно не хотѣлось взять его съ собою; потому что у насъ, Евреевъ, заведенъ такой обычай, что коли кто поможетъ другому въ куплѣ, либо продажѣ, такъ непременно возьметъ и себѣ за труды, хоть бы то былъ самъ первый банкиръ изъ Бердичева. Но какъ я его ни просилъ, онъ все толковалъ свое: «Пойдемъ, да пойдёмъ!» вотъ мы и пошли во дворъ. Сначала сунулись-было къ барину.... куда?... У барина гости, говорятъ, идите къ эконому. Мы къ эконому, а тотъ плянъ такъ, что и лыка не вяжетъ:—Идите говорить, къ гуменному. Нечего сказать, славный мужикъ былъ этотъ гуменный, взялъ съ меня цѣлковый, отдалъ все за полцѣвы, а самъ пошелъ къ барину доложить, что шкуры, моль, погнили, и просто ничего не стоятъ. Навалилъ я цѣлый возъ шкуръ, далъ за труды арендатору, оставилъ десять цѣлковыхъ задатку и приказалъ, чтобы все везли въ мѣстечко, гдѣ получать остальные деньги. Покуда впрягали воловъ въ телѣгу, да тащили возъ, я ударилъ по моей клятвѣ, прискакавъ въ мѣстечко, отыскалъ покупателей и досталъ больше чѣмъ рубль на рубль. То то я былъ счастливъ, сударь! такъ что и сказать не умѣю. Коли въ торговлѣ удастся первое дѣло, такъ ужъ значить повозезеть; смѣлѣе какъ то идешь на второе. Поѣхалъ я къ матери.

— Ну, что Гершъ? спросила мать.

Вѣдь хоть и мудрая была женщина мать моя, а не угадала, такъ ровно ничего не угадала.... Я нарочно сдѣлалъ печальную рожу и отвѣчалъ:

— Попробовалъ счастья по вашему совѣту, матушка....

— Ну, и потерялъ? спросила она, глядя мнѣ въ глаза.

— Не то.... тутъ я вздохнулъ и покачалъ головой.

— А что же?... много ли заработалъ, а? пять процентовъ?...

Я опять вздохнулъ, матушка все смотрѣла на меня и дивилась.

— Да ну же, говори, много ли заработалъ?

— Рубль на рубль....

— Ахъ!... и мать схватила меня обвини руками, крѣпко, крѣп-

ко пришла къ сердцу, и поцѣловала такъ, какъ никогда прежде не цѣловала. Потомъ повела меня къ отцу и братьямъ. Тутъ я долженъ былъ снова пересказать все по порядку и мы вдоволь поохотали надъ голями*. За тѣмъ мать говорить мнѣ: «Вижу, Гершъ, что пора тебѣ жениться; я тебѣ и невѣсту приискала;— дочь арендатора изъ Велпхова; дадутъ за нею 300 цѣлковыхъ; начнешь ты большую торговлю, и пожалуй ставешь большимъ паномъ.»—Матушка при этомъ лукаво засмѣялась!... Ой, ой, какая это была мудрая женщива!...

Я польстился на приданое и женился очертя голову. Жена моя, съ позволенія сказать, была не то чтобы стара, не то чтобы молода; а такъ: — желта какъ глина, и худа какъ палка; но вѣдь у насъ женятся затѣмъ только, чтобы быть женатымъ.... Ну такъ я и женился. Цѣлый годъ жилъ я въ домѣ у тестя, а потомъ началъ жить своимъ домомъ, и взялъ аренду въ Ясномъ-Ставѣ.

Съ того времени повелъ я дѣла свои иначе. Я покупалъ по вѣскольку тысячъ корцевъ ржи, пшеницы, овса, ячменю, и по полуторы тысячи ведеръ воды. А можетъ-быть вы спросите — какъ же покупалъ я ихъ безъ денегъ? Пожалуй я вамъ расскажу, какъ это у насъ дѣлается. Положимъ, у меня сто цѣлковыхъ; вотъ я покупаю товару цѣлковыхъ на пятьсотъ или на осемьсотъ; даю задатокъ, заключаю контрактъ, и уступаю все другому, заработавъ немножко и для себя.... Дадутъ мнѣ по три, по пяти грошей отъ корца — съ меня и довольно; я опять ѣду въ другое мѣсто, снова покупаю и снова перепродаю. Нашъ братъ Еврей за большимъ барышемъ не гонится; ему только бы братъ барышъ почаше. Первое время я вовсе не жилъ дома, а скитался отъ одного пана къ другому. Коли хлѣбъ въ цѣнѣ, мы покупали хлѣбъ; знали, кто изъ господъ нуждается въ деньгахъ и ѣхали къ нему; вертели у него подъ носомъ червонцы, и покупали товаръ за безцѣнокъ. Да и аренда моя шла не то, чтобы худо; — она окупилась въ первые три мѣсяца. Кромѣ того, я поставлялъ господамъ мясо, сало и разные продукты, причемъ разумѣется не забывалъ и себя. Вы, сударь, думаете, что жидъ, молъ, глупъ; пусть себѣ и глупъ, а знаетъ онъ какъ зашибить копѣйку. Положимъ даже, и потерпѣлъ онъ убытокъ; такъ ужъ не дастъ никому покою — выплachtetъ, выклянчитъ свое, — а коли не дадутъ—возьметъ съ бою; съѣстъ пожалуй и тычка, или что другое не хо-

* Гой, или, которыми Евреи называютъ христіанъ.

рошее, а все на своемъ поставитъ — и что-нибудь непременно заработаетъ. Онъ ужъ на томъ стоитъ. Это я говорю про дѣла съ господами; въ деревнѣ съ мужичками опять своя сноровка. Ай вей, что это за доброе созданіе — мужичекъ! Выпьеть на грѣшъ въ долгъ, а отдасть на полтину; тащить тебѣ и куръ, и яйца, и холстъ, и шкурки; подъ часъ готовъ пропить и шапку; да еще вмѣсто процента работаетъ на твоёмъ полѣ или въ огородѣ, косить сѣно, ѣздить за дровами въ лѣсъ, или катаетъ бочки на погребѣ. Когда у меня родился первый сынъ, я уже скопилъ до тысячи рублей серебромъ, да столько же было въ долгахъ; аренда за корчму была уплачена за полгода впередъ; завелъ я кое-какой скотъ и лошадокъ, купилъ порядочные жемчуги для жены, да кстатн выторговалъ у промотавшагося мѣдника два котла съ крышками.

Въ это время случилось со мною страшное несчастье, — такое несчастье, что я цѣлый мѣсяцъ тербилъ себя за бороду (правда небольно), и кричалъ: ай, вей! Видно, матушка слишкомъ поторопилась назвать меня мудрымъ!... Разнеслись у насъ слухи, что водка непременно вздорожаетъ; я и задумался: куплю, думаю, водки!... Запретъ лошадку и поѣхалъ за двадцать верстъ, къ богатому пану, у котораго, рассказывали, была на продажу водка. Какъ водителя между жидами, пріѣхалъ я въ корчму къ арендатору, и давай его спрашивать.

— А что, говорю, продаетъ баринъ водку?

— Отъ чего и не продать.... отвѣчалъ арендаторъ.

— А хороша у васъ водка?

— За чѣмъ ей быть не хорошей!...

— А каковъ вашъ баринъ?

— Ну баринъ-то такой, какъ всѣ паны; — давай Богъ побольше такихъ пановъ!

Поѣхалъ я на господскій дворъ. Пріѣхалъ, и вдругъ мнѣ, Богъ вѣсть отъ чего, сдѣлалось какъ-будто неловко: господскій домъ былъ высокій и желтый какъ наша школа; кругомъ лежали на боку амбары, саран, конюшни, мѣстами подоткнутые подпорками. Покуда допустили меня передъ свѣтлыя барскія очи, успѣлъ я вдоволь наговориться и послушаться. Въ сѣняхъ стояла цѣлая куча панскихъ кредиторовъ; всѣ они говорили про него такъ не хорошо, что и нашему брату жиду стало бы стыдно; — а я стою себѣ въ уголку, да киваю головою. Хорошо, думаю, хорошо; ему нужны деньги; — дешево же достанется мнѣ водка!...

Наконецъ меня позвали къ пану; я вошелъ, низко поклонился и сталъ у дверей. Панъ куритъ трубку и, подперши руки въ бека, ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Что тебѣ нужно? — спросилъ овъ.

— Я согнался въ три дуга и отвѣчалъ самымъ сладкимъ голосомъ:

— Можеть быть, ясный панъ продастъ водку?

— А деньги есть?

— Кто жъ покупаетъ безъ денегъ?

— А сколько хочешь?

— Да хоть бы тысячу ведеръ.

— А цѣна.

— А панъ что хочеть?

— Я не люблю толковать; даешь по полтиннику за ведро?

— Что вы, сударь, гдѣ виданы такіа цѣны? Скажите востоящую, и я долго не задумаюся.

— Пожалуй отдамъ по 25 копѣекъ серебромъ; бери коли хочешь, и убирайся къ чорту; — только денешки всё сполна на столъ.

Меня какъ-то бѣсъ и подтолкну сказать: — Всё не могу, а вдовину пожалуй...

— Ну, пусть будетъ по твоему; такъ по 25 копѣекъ ведро.

— По двадцати, пане, перебилъ я, кто дастъ больше двадцати? И началъ клясться. Мы долго спорили; наконецъ порѣшили на 22 копѣйкахъ; а цѣна на ведро была по 40 копѣекъ.

Позвали какого-то писарнишку писать контрактъ, тотъ началъ шептаться съ барининомъ, но баринъ перебилъ его, сказавъ вслухъ.

— Что тутъ толковать? садись, да пиши.

Писарнишка сѣлъ и зацарапалъ по бумагѣ, а самъ все ухмыляется, да покачиваетъ головою; и я дурень, стою у стола, да считаю деньги. Между тѣмъ контрактъ былъ написанъ, я взялъ на пробу водки, захватилъ контрактъ и пошелъ домой, радуясь, что де сдѣлалъ выгодную покупку. Только вышла же она изъ меня сокомъ! Вотъ, сижу я себя спокойно дома, да поджидаю водочки; приходитъ срокъ, а ее нѣтъ какъ нѣтъ. Я испугался, поскакалъ въ деревню; но барина не было дома, а приказчикъ встрѣтилъ меня съ громкимъ хохотомъ, и сказалъ на отръвъ, что водки нѣтъ!...

— А деньги мои? завопилъ я.

— И денегъ нѣтъ!...

— Какъ! ни водки, ни денегъ?...

— Да, ни водки, ни денегъ, отвѣчалъ онъ съ дурацкииъ смѣхомъ.

Я началъ кричать; меня вытолкали въ зашеи, а приказчикъ примолкъ:

— Убирайся пока цѣль, нето худо тебѣ будетъ....

— Миѣ худо? миѣ, Гершу.... за мои же собственные деньги? ай вой! закричалъ я, и прямо изъ сельца поскакалъ въ городъ. Не на радость я туда прѣехалъ. Миѣ растолковали, что дѣло мое выданаго айца не стбитъ; что контрактъ не засвидѣтельствоваиъ, что онъ просто пустяки, а не контрактъ; панъ давнымъ-давно продалъ свою водку другому.— «Подожди, говорятъ миѣ, хотъ до будущаго года; можетъ у него и проснется совѣсть; можетъ и отдасть — хотъ не все, да отдасть.»

— Эти, сударь, утѣшенія меня просто докзали: великое дѣло барская совѣсть, коли она не спитъ; но коли заснула, такъ ужъ ни чѣмъ не добудисья!...

Я съ горя захворалъ, и лежалъ двѣ недѣли безъ намати; жутко ли потерять столько денегъ!... Кое-какъ стащился я съ постели и велѣлъ вести себя прямо къ пану; да что? я кричалъ, плакалъ, грозилъ — ни что не помогло. Наконецъ приказчикъ говоритъ миѣ:

— Подле тебѣ орать: насъ, братъ, этимъ не настращаешь! уступи, коли хочешь, и деньги будутъ твои.

— Всѣ?... спросилъ я, а самъ такъ и затрясся отъ радости.

— Вишь съ чѣмъ подѣхалъ! Уступи, говорятъ, нето убирайся вонъ!...

Нечего дѣлать! я началъ торговаться и получилъ свои деньги, потерявши на честномъ барниѣ больше пятидесяти цѣлковыхъ.

— Вы пожалуй, сударь, подумаете, что они такъ и пропали?

Нѣтъ же, я подстерегъ моего должника во время свадьбы и дотѣхъ-поръ валялся въ ногахъ невѣсты, плакалъ, ревѣлъ и рвалъ пейсы и бороду, пока онъ не сжалился и не приказалъ отдать миѣ за все товаромъ. Это было для меня славнымъ урокомъ; съ-тѣхъ-поръ сталъ я по-осторожниѣ и, не спросая у людей, не совала въ дѣла съ господами.

Не желая утомлять читателя многословнымъ рассказомъ стараго Еврея, тѣмъ болѣе, что рассказъ этотъ терлетъ подъ перомъ большую часть прелести, которую имѣлъ на еврейскихъ устахъ Гершики, я перескажу вкратцѣ дальнѣйшія его приключенія. Отецъ его умеръ, а мать, за старостью, передала ему всѣ дѣла; скоро Гершико разбогатѣлъ, взялъ новую аренду и, овдовѣвъ, женился

на молоденькой Жидовкѣ-красавицѣ. Дѣла его шли какъ нельзя лучше; теряя въ бездѣлкахъ, онъ выигрывалъ въ значительныхъ предпріятіяхъ, и богатство его возрастало со дня на день. Но эти-то сдѣлки и предпріятія были причиною посѣтлившаго его горя, принуждая его къ частымъ отлучкамъ изъ дому, гдѣ хозяйничала тогда его молоденькая и пригожая женоушка. Гершъ вѣрилъ ея добродѣтели, да какъ и не вѣрить? у Евреевъ супружеская невѣрность случается такъ рѣдко и подвергаетъ виновныхъ такимъ страшнымъ наказаніямъ! Однако же на Волынѣ общая порча средняго класса коснулась и Евреевъ; она проскользнула между нихъ какъ змѣя, несмотря на самыя строгія предписанія закона, и не одна жидовская ермолка приподнималась на невычномъ ей головномъ уборѣ. Между тѣмъ какъ Гершъ хлопоталъ о барышахъ, жена его вертѣлась передъ зеркаломъ, и не одинъ разъ имѣла случай убѣдиться, что люди не даромъ называли ее хорошенькою. И точно, она была красавица, одѣвалась какъ могла лучше, и всегда къ лицу: носила на головѣ жемчужную повязку, умѣла выказывать свою маленькую ножку, обутую въ бѣлый чулочекъ и красивый сафьянный башмачекъ; и со всѣмъ этимъ она такъ умильно шурила свои черневыя глазки, и, залажа руки въ карманы фартуха, такъ весело выбѣгала на крыльцо при стукѣ подъѣзжающаго экипажа; что часто проезжіи самъ не зная какъ оставался почевать въ корчмѣ; то ему казалось, что ночь темна; то казалось, что начинается накрапывать дождикъ, и какъ онъ передъ тѣмъ ни спѣшилъ, а тутъ вдругъ рѣшалъ, что лучше бы, не пускаясь въ дальнюю дорогу, остановиться здѣсь отдохнуть. Пани Гершова, какъ звали ее проезжіе, была всегда весела, вертлява, умѣла занимать гостей; знала чѣмъ имъ угодить, и что жъ мудренаго, что у ней было множество обожателей, которые никогда не миновали ея гостепріимной корчмы.

Между ними особенно постояннымъ и пламеннымъ ея поклонникомъ былъ панъ Янъ Хвалевскій, молодой статный мужчина, огромнаго роста, круглолицый, черноглазый и съ маленькою лысиною. Онъ имѣлъ по сосѣдству небольшое имѣніе, и былъ по уши въ долгахъ. Панъ Хвалевскій слылъ болтуномъ, острякомъ, — правда, довольно жалкимъ, — любилъ разгульное товарищество, гдѣ стыдъ и приличіе сбрасывается вмѣстѣ съ сигарками; по цѣлымъ днямъ занимался объѣзкою лошадей, или тѣшилъ своею дворовою музыкою, составленною изъ незатѣливой дворни, которая гудѣла ему Богъ знаетъ что. Иногда, когда

панъ бывалъ въ особенно веселомъ духѣ, онъ и самъ вторилъ своимъ музыкантамъ и затягивалъ одну изъ не слишкомъ прстойныхъ пѣсенокъ, которыхъ зналъ безъ счету; или же, собравъ такихъ же гулянь товарищей какъ самъ, пилъ, кутилъ и потомъ, полуопьяный, гонялся съ ними въ запуски на сухопарыхъ клячахъ. Несмотря на разстроенное состояніе и долги, Хвалевскій былъ всегда веселъ; сосѣди сѣялись надъ нимъ и предсказывали ему нищенскую суму; а онъ сѣялся надъ сосѣдами и продолжалъ пить, гулять и кутить.

Случайно познакомился онъ съ женою Герша; прелесть хорошенькой Жидовочки, ея черныя глазки и милая улыбка произвели на него сильное впечатлѣніе, и съ тѣхъ-поръ не проходило дня, чтобы онъ не забѣжалъ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, въ корчму. Гершъ не только не сердился за эти частыя посѣщенія, но еще радовался случаю драть съ любезнаго гостя въ три-дорога за овесъ и сѣно. И хозяйка не осталась равнодушною къ его вниманію; но Хвалевскій былъ самъ не промахъ и въ присутствіи мужа, велъ себя какъ красная дѣвушка. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Разъ какъ-то Гершу случилось уѣхать изъ дому на довольно долгое время. Едва онъ изъ воротъ, и панъ Хвалевскій въ ворота, объявивъ, что у него сломалась бричка, и что онъ принужденъ перепочевать въ корчмѣ. Дѣйствительно, онъ пробылъ въ корчмѣ цѣлыя сутки, а на слѣдующее утро отправился домой въ необыкновенно веселомъ расположеніи духа. Съ тѣхъ-поръ онъ ѣздилъ къ Жидовкѣ каждый день. Хорошенькая хозяйка вдругъ перемѣнилась, стала задумываться, поблѣдѣла, похудѣла и часто съ тревожнымъ ожиданіемъ выбѣгала за ворота, печально смотрѣла на дорогу и еще печальнѣе возвращалась домой. Только и улыбалась она по прежнему, когда пріѣзжалъ ея любезный панъ Инъ; и это утѣшеніе было не на долго: сначала панъ Инъ ѣздилъ каждый день, потомъ черезъ день, а потомъ все рѣже и рѣже. Между тѣмъ Гершъ возвращался домой съ самыми пріятными думами: ему удалось покочить съ барышемъ какое то дѣльцо, и взять необыкновенно выгодную поставку. Пріѣхавъ домой, онъ пригласилъ къ себѣ брата, арендовавшаго ближнюю корчму; братья заперлись въ особой комнатѣ и, послѣ двухъ часовъ шумнаго разговора, Гершъ вышелъ, широко раздувая ноздри, съ разгорѣвшимся лицомъ и помутившимися глазами. Не отвѣчая на вопросы жены, онъ, приказавъ запретъ лошадей, тотчасъ же ускакалъ, не сказавъ куда. Бѣдная жена угадала все: она повала, что мужъ, вѣ-

родило, знаетъ объ ея проступкѣ; наблюдать и задрожать, узнала она на сканью; но едва Гершъ успѣлъ выѣхать за ворота, она вскочила, наняла перваго попадашагося ей проѣзжаго крестьянина и приказала везти себя къ пану Хвалевскому.

Хвалевскій въ это время проваля, по обычаю, съ пріятелями, при низгѣ и гамѣ своей деревенской музыки; онъ ревѣлъ басомъ какую-то мазовецкую нѣсеенку, когда наша бѣгланка, задыхаясь отъ страха, вбѣжала на барскій дворъ. Хозяинъ узналъ ее и, выскочивъ на крыльцо, раскрылъ уже ротъ, чтобы отпустить какую-то глупую шутку; но бѣдная женщина схватила его за платье и закричала отчаяннымъ голосомъ :

— Бѣда моя, страшная бѣда!...

— Ну, рассказывай, коли хочешь....

— Нельзя при людяхъ....

Хвалевскій отвелъ ее въ людскую и остался съ нею наединѣ въ особой комнатѣ.

— Ну, говори же, что за бѣда такая? закричалъ онъ съ досадою.

— Мой мужъ все знаетъ.... онъ убьетъ меня!...

— Ха, ха, ха! залелся Хвалевскій: смотрите какая трусиха. Ну, что жъ? онъ, чай, поколотилъ тебя?

— Нѣтъ еще; но онъ все знаетъ и поскакалъ въ городъ за помощникомъ раввина: спасите, спасите!...

— Ну, а я-то что тутъ сдѣлаю? спросилъ холодно помѣщикъ, стараясь скрыть, подъ видомъ шутки, свое невольное смущеніе.

— Я пережью вѣру, только спрячьте меня! сказала Еврейка и, послушавши шелестъ, вскрикнула и бросилась въ глубину комнаты.

Хвалевскій былъ въ большомъ затрудненіи, и отъ души носылалъ къ чорту свою глупую любовашку; онъ вахмурилъ брови, наморщилъ лобъ, надулъ губы и началъ говорить съ разстановкою :

— Что ты въ самомъ дѣлѣ такъ раскричалась, моя красавица? проваливай по добру по здорову. Я ничего тутъ не знаю, да и знать не хочу. Выйдутъ еще хлопоты, а я до нихъ вовсе не охотникъ.

Еврейка остолбенѣла отъ изумленія и негодованія, и только перерывающимся голосомъ шептала :

— Что? что?...

— Ну, да, разумѣется.... Что же ты въ самомъ дѣлѣ стоишь

вынула глаза? продолжалъ Хвалевскій: ступай какъ пришла, мнѣ тебя не нужно!...

Жидовка вздрогнула какъ пораженная змѣя.

— Такъ ты гонишь меня вонъ? закричала она изступленнымъ голосомъ: ты, ты, губитель мой, ты говоришь мнѣ подобными слова! Знай же, что ты мерзавецъ!

— Я мерзавецъ? закричалъ Хвалевскій.

— Да, да, мерзавецъ! Ты не хотѣлъ меня принять добромъ, такъ возьмишь по неволѣ! Ты еще не знаешь, что я могу сдѣлать... и что сдѣлаю непремѣнно!...

Хвалевскій, какъ всѣ удалцы подобнаго покроя, былъ блудливъ какъ кошка, а трусливъ какъ заяцъ. Дерзкія слова любовницы сбили его съ толку: онъ поблѣднѣлъ какъ полотно.

— Ну, ну, экая же ты приткая! сказалъ онъ болѣе ласковымъ голосомъ. Полю, дурочка, я пошутилъ, а ты тотчасъ и браниться! Говори, что же мнѣ съ тобою дѣлать, моя голубушка?

Эта влезавшая перемена не менѣе удивила Жидовку, чѣмъ оскорбительная холодность, которою она была встрѣчена.

— Что? сказала она: дай мнѣ другое платье, я окрещусь и буду твоя.

Хвалевскій опять расхохотался и спросилъ:

— Какъ же это?

— Да развѣ ты не увѣрялъ, что любишь меня? развѣ не клялся мнѣ въ томъ всѣмъ, что для тебя свято? развѣ не подбивалъ меня забыть мужа? Ну, вотъ теперь я твоя; сдержи же свое панское слово....

И съ этими словами она сбросила свою повязку, платокъ и спросила другаго платья. Хвалевскій оглупѣлъ и не зналъ что дѣлать и что отвѣчать. Какъ ни стыдно ему было открыться разгульнымъ товарищамъ въ затрудненіи, въ которое поставили его собственныя его проказы, однако же жалость и даже любовь къ Жидовкѣ, все бросившей для него, побѣдилъ; онъ пошелъ просить совѣта и помощи у своихъ собутыльниковъ. Еврейка захопнула двери и заперлась въ комнатѣ.

Что же дѣлалъ между-тѣмъ Гершъ? куда онъ уѣхалъ такъ поспѣшно и зачѣмъ? Онъ дѣйствительно узналъ о своемъ стыдѣ и горѣ, и, не имѣя дѣтей, рѣшился бросить невѣрную жену; съ этою-то цѣлью поѣхалъ онъ посоветоваться съ раввиномъ и, возвратясь отъ него, узналъ, что птичка уже упорхнула въ гнѣздо. Всѣ успія его отъяснить ее были напрасны; наконецъ бѣдный мужъ начиналъ думать, что жена его, чувствуя свой просту-

покъ, сама уѣхала къ родителямъ; только вечеромъ заѣхалъ къ нему пьяный мужикъ, и разсказалъ какъ съезъ ее къ Хвалевскому. Гершъ рвалъ нейсы съ отчаянія.... мало того, что жена опозорила его голову.... нѣтъ, она еще бѣжала къ любовнику и вздумала сдѣлаться католичкою! Какъ съумасшедшій поскакалъ; несчастный къ похитителю; но Хвалевскій клялся всѣмъ, что пани Гершовой нѣтъ у него въ домѣ, что она взяла только лошадей и поѣхала куда-то дальше. Гершъ поѣхалъ на развѣдываніе, разослалъ во всѣ стороны слугъ; но жены нѣтъ нигдѣ — будто въ воду канула. Тогда онъ рѣшился караулить домъ Хвалевскаго; подружился съ его дворнею, подпоилъ ее и узналъ, что у барина точно спрятана въ особой комнатѣ, около людской, какая то женщина; что онъ никого къ ней не пускаетъ, и даже самъ носитъ ей кушанье. Ему этого только и было нужно; Жидки собрались на совѣтъ и рѣшили не дать ей окреститься, а похитить ее и увести куда-нибудь подальше.

Въ это время съ паномъ Хвалевскимъ совершилось чудо. Богъ знаетъ, какъ это случилось, но не смотря на весь прежній его развратъ, онъ поваялъ свои обязанности относительно несчастной, опозоренной имъ Еврейки; а черные ея глазки и румяное личико дали прихоти силу чувства. Съ каждымъ днемъ привязывался онъ къ ней больше и больше, и скрѣплялъ безразсудную связь, боясь думать, чѣмъ все это должно было кончиться. А между-тѣмъ патеръ тайкомъ приходилъ къ узницѣ и готовилъ ее къ перемѣнѣ вѣры; Еврейка такъ же слѣшила перемѣнить религію, потому что съ этимъ кончались ея прежнія супружескія обязанности. Хвалевскій ходилъ въ задумчивости, повѣся голову, и даже, повѣрите ли? даже вздыхалъ; онъ стыдился самого себя, проклиналъ свое ослѣпленіе, боялся за будущее, а между тѣмъ, не имѣлъ силы побѣдить страсть. Упорство Жидовки, холодность, съ которою она отвергала всѣ его ласки, еще болѣе раздражали страстный пылъ его. Напрасно просилъ, умолялъ онъ ее самыми вѣжными словами; она напоминала ему о совѣсти, о долгѣ и, укрываясь за ксендза, свела рѣшительно съ толку своего любовника. Кончилось тѣмъ, что панъ Янъ рѣшился жениться на Жидовкѣ, чтобы владѣть ею, во что бы то ни стало.

Покуда разыгрывалась эта полусмѣшная, полупечальная драма, Жидки съ своей стороны не зѣвали. Провѣдавъ, что панъ Хвалевскій отлучился въ ближнее мѣстечко, но скоро возвратится домой, они рѣшились въ ту же ночь похитить бѣгляку. Самъ

Гершъ съ двумя братьями и нѣсколькими родственниками собрались въ корчмѣ, и ждали сумерекъ. Все было устроено съ вѣстимо-жидовскою предусмотрительностью: три брички должны были подъѣхать въ одно время къ сельцу, и потомъ скакать въ разныя стороны; въ каждой было по Еврейкѣ, которая для вида должна была бороться съ похитителями; жену же Герша предполагали запрятать въ огромную фуру, нагруженную тюками, которая, по выѣздѣ на большую дорогу, должна была идти шагомъ.

Наступила ночь; Жиды потихоньку подкрался къ людской избѣ, и окруживъ ее со всѣхъ сторонъ, стали ждать пока погаснутъ огни. Около полуночи изъ людской избы вышелъ старый кзендзь; дверь заперлась и свѣчка въ комнатѣ погасла. Тогда Жиды потихоньку подпилили запоръ и петли у ставни, вышибли раму и, бросившись на спящую бѣглянку, связали ее по рукамъ и по ногамъ, заткнувъ ротъ платкомъ и бросили несчастную въ бричку; всѣ три брички поскакали въ одно время въ три разныя стороны, и исчезли въ темнотѣ ночи.

Непредвидѣнное обстоятельство обмануло расчеты похитителей. Павъ Хвалевскій, неизвѣстно почему, не остался ночевать въ мѣстечкѣ. Онъ несся домой на своихъ бѣшеныхъ лошадяхъ, звѣня и гремя бубенчиками и колокольчиками. Подскакавъ къ людской избѣ, онъ постучался, все тихо; зашелъ въ садъ, съ тѣмъ, чтобы заглянуть въ комнату сквозь вырѣзь въ ставнѣ; каково же было его удивленіе и ужасъ, когда онъ увидѣлъ, что ставень оторванъ, рама вышиблена, а его милой и слѣдъ простылъ. Хвалевскій закричалъ, и когда на крикъ его сбѣжалась дворня, онъ изъ распросовъ узналъ, что не такъ давно видѣли, какъ два Еврея везли какую-то женщину. Не думая долго, Хвалевскій схватилъ саблю и пистолеты, приказалъ запретъ другую четверку, и поскакалъ сломя голову въ поговю. По какому-то странному случаю ему удалось напасть на настоящій слѣдъ, и къ разсвѣту нагналъ опять жидовскую бричку, которая медленно тащилась по песку. Хвалевскій и люди его окружили бричку со всѣхъ сторонъ; фурманъ и двое его товарищей бѣжали, оставивъ Хвалевскому свою фуру съ товарами; по пану Яну было не до товаровъ; объискавъ бричку и не найдя въ ней Жидовки, онъ бросилъ фуру, и поскакалъ дальше.

Такъ прошелъ цѣлый день; наступила ночь; Хвалевскій бросилъ своихъ измученныхъ лошадей, и пока запрягали свѣжую четверку, узналъ на почтовой станціи, что его милую Гершову точно везутъ по этой дорогѣ.... Чуть не на крыльяхъ понесся

онъ дальше. Стенѣло; подвѣлся сырой, холодный, пропитанный вѣтеръ; но ни что не могло охладить пылу нашего героя, онъ скакалъ все шибче и шибче. Вдругъ около полуночи послышалось знакомое «вуй, вуй!» (ну, ну!), в на песчаной дорогѣ забѣлѣла жидовская бричка, которая сначала плелась потихоньку; но услышавъ погоню, Жидъ тоже приударилъ лошадохъ и вотъ повесились обѣ повозки, взметая облако пыли. Хвалевскій бѣсился, кричалъ: «Стой!» грозился застрѣлить фурмана. Впрочемъ жидовскіа тощія лошади и безъ того не выдержали продолжительной скачки по песчаной дорогѣ; Хвалевскому удалось нагнать бричку. Поровнявшись съ нею, онъ выстрѣлилъ изъ пистолета, бричка остановилась; баринъ схватилъ лошадей подъ уздцы, а лавой бросился на фурмана. Въ эту минуту изъ брички выскочили два Жида, изъ которыхъ одинъ тащилъ на рукахъ что-то бѣлое. Ихъ увидѣли, окружили; Жидъ, споткнувшись, бросилъ свою ношу, а самъ убѣжалъ въ лѣсъ. Не смотря на темноту, панъ Хвалевскій тотчасъ узналъ свою милую Жидовку, развязалъ ей ротъ и руки, привелъ ее въ чувство, положилъ въ свою бричку, и поспекалъ домой.

Гершу удалось убѣжать въ лѣсъ, а спустя день, онъ преспокойно сидѣлъ за привалкомъ своей корчмы и качался со стороны на сторону надъ талиудомъ, какъ-будто ни въ чемъ не бывалъ. Жена же его окрестилась, сдѣлалась супругою вельможнаго пана Хвалевскаго, и стала очень милою дамочкою, какъ говорили сосѣди. Жаль только, что новый мужъ ея, постоянно сидя дома, не могъ свести полноты своего супружескаго счастья; онъ принялся пить запоемъ, и пилъ до тѣхъ поръ, пока не умеръ отъ пьянства.

Казалось бы, что испытанная неудача должна бы охладить Герша къ женидбѣ. Но какъ поступить противъ закона? Гершъ помоталъ головою, и все-таки выбралъ Жидовочку, не особенно красивую, но и не совсѣмъ дурную, а такъ себя, простенькую, спокойную, безответную, и женился въ третій разъ.

И что же? вмѣсто прежнихъ непрерывныхъ удачъ въ торговлѣ, теперь слѣдовала потеря за потерю. Купилъ онъ, напри- мѣръ, ржи, в довольно дорого; вдругъ рожь упала въ цѣнѣ; онъ поспѣшилъ поскорѣе продать ее съ убыткомъ; анъ, не прошло недѣли, и цѣна на рожь снова подвѣлась. Гершъ катался по землѣ съ досады. Къ довершенію его печали, винокурня его вовсе не шла, половина купленнаго скота пала отъ эпидеміи, а другую онъ отдалъ почти даромъ. Всѣ эти удары быстро слѣдовали одинъ

за другинь. Гершъ узналъ духомъ, и ходилъ въ какомъ-то полупомѣшательствѣ.

Всѣмъ на его мѣстѣ провалъ бы безвозвратно, но не такова жидовская натура! Жидъ, находящійся въ подобномъ положеніи, или черезъ мѣсяць одѣлается богачомъ, или пойдеть съ сумою по міру; необходимость даетъ ему отвагу, и онъ очертя голову, бросается въ каную-нибудь отчаянную, но выгодную спекуляцію. Тамъ сдѣлалъ и Гершъ; деньги у него водились, и онъ охотно согласился на предложеніе какого то смѣтливаго товарища, закупить въ Радзивиловъ русскихъ товаровъ на большую сумму, потихоньку провезти ихъ черезъ границу, и распродать по городамъ Галиціи. Согласившись между собою, товарищи внесли въ общую кассу каждый свою долю, и взявъ паспорта на пѣздку во внутренніе округи Галиціи, сами, на одноконной подводѣ, пустились къ границѣ.

Волинъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отдѣляется отъ Галиціи одною только просѣкою, проложенною сквозь довольно густые лѣса; нѣтъ ни рѣчки, ни болота, которыя затрудняли бы переходъ черезъ границу; и не смотря на то, что густая цѣпь объѣзди-ковъ и пѣхотныхъ солдатъ охраняють эти мѣста, однако же они успѣли случайно, при помощи темной ночи и знающихъ людей, перейти пограничную черту. Нѣсколько шаговъ, и они уже переступили границу, и поговя прекращается. Жидки наши пріѣхали на ночлегъ въ ближайшую пограничную деревеньку, и не останавливаясь въ корчмѣ, пробрались потихоньку въ хату мужичка.

Яковъ, такъ звали мужичка, сидѣлъ въ то время передъ печкою и курилъ трубку. Изба его, на первый взглядъ, не представляла ничего особеннаго; но присмотрѣвшись, можно было замѣтить признаки скрываемаго достатка. Разставленная тамъ и сямъ мѣдная посуда, довольно хорошіе кораллы съ вызолоченымъ бронзовымъ крестомъ на шеѣ жены; трубка, изъ которой курилъ самъ хозяинъ, сдѣланная довольно искусно; рубашка изъ тонкаго холста, хорошіе сапоги и кушакъ заграничной работы; все это доказывало зажиточность и знакомство съ контрабандою.

При входѣ незваныхъ гостей, Яковъ нѣхотя обернулъ голову и промолвилъ: Вотъ ужъ опять несетъ чортъ Жидовъ; не дадутъ уснуть спокойно!....

Жидки кланялись ему, шума своими замасловыми шинелями; потомъ товарищъ Герша сказалъ ему что-то шопотомъ.

— Хорошо, хорошо, перебилъ поселенинъ, не впервые; авось устроимъ и теперь; а что же дадите?...

Жидки переглянулись, почесали подъ ермолками, и робко спросили: А что хочешь?

— Видь у васъ чай денегъ-то много? отвѣчалъ Яковъ.

— У насъ, какія у насъ деньги? возможное ли то дѣло, чтобы у насъ были деньги? Ай вей!... закричали оба Еврея, поблѣднѣвъ какъ тряпица; развѣ мы дураки, имѣть при себѣ деньги? У насъ только и есть, чтобы дать тебѣ!..

— Толкуйте другому, а не мнѣ, перебилъ хозяинъ, раскуривая трубку; первое дѣло, что васъ двое, а второе, что у тебя, сказалъ онъ, показавши на Герша, больно шврокъ поясъ, а у тебя, примолвилъ онъ, обращаясь къ другому, что-то толстенныя подвязки.

Жиды дрожали какъ въ лихорадкѣ.

— Чего вы бонтесъ? сказалъ опять Яковъ, меня люди такъ знаютъ; я никого не обижу, а люблю все на чистоту. Ну ка, что же дадите?...

Жиды, пошептались между собою, сказали оба разомъ и скороговоркою: — Дадимъ два червонца: больше никто не дастъ!...

— Дайте четыре....

— Четыре? ай вей! развѣ можетъ-быть у кого такъ много денегъ?—дадимъ пожалуй три, я общалъ моею Хаймъ, — примолвилъ Гершъ, — бронзовые серги; пусть себѣ ходитъ безъ серегъ, лишь бы продать доброму человѣку!... Дадимъ три....

Яковъ замолчалъ, снова закурилъ трубку, и, неповорачивая головы, сказалъ съ разстановкою:

— Сказалъ четыре, и дадите четыре, а то я и пальцемъ не пошевельну.

— Ну такъ мы пойдемъ лучше домой, отвѣчалъ Гершъ; — неправда ли, панъ Рахимъ, мы пойдемъ лучше домой....

— Идите себѣ съ Богомъ, и не мѣшайте намъ спать!...

Евреи принялись снова шептаться, а Яковъ мурлыча подъ носъ какую-то пѣсню, курилъ, не обращая на нихъ вниманія, и отъ времени до времени поправлялъ огонь ва очагѣ.

— Ну, нечего дѣлать, сказалъ Гершъ; мы тебя очень полюбили и готовы исполнить твою просьбу; дадимъ тебѣ четыре, только vedi.

— Нѣтъ, прежде денежки на столъ.

— Дадимъ послѣ.

— Вотъ нашли дурака. Давайте ка деньги, а то послѣ, нищавася!

Послѣ долгаго совѣщанія въ полголоса, размахивая руками и чесаясь подъ ермолками, Жиды вынули четыре обрѣзанные червонца и положили ихъ на столъ. Мужикъ взглянулъ и отвернулся.

— Ну, что жъ не берешь? а? спросилъ Гершъ.

— Подавитесь ими, негодные!... отвѣчалъ крестьянинъ.

— Ай вой!... закричали Евреи, смотрите... самые лучшіе червонцы, самые новые червонцы онъ называетъ негодными! — гдѣ же взять намъ лучшихъ?... Негодные!...

Но всѣ эти выкрикиванья и ужимки были напрасны; Жиды съ глубокими вздохами, вытащили по парѣ новыхъ червонцевъ и тогда только Яковъ умиловивился.

— Ну теперь, веди же насъ; ночь темна, никто не увидитъ!... вскричали Жиды.

— Много вы звааете! сказалъ смѣючись Яковъ; на зарѣ-то хоть и посвѣтлѣе, да за то и спитесь покрѣпче; тогда всѣ храпятъ какъ убитые. Ложитесь-ко покуда.

Гости, не смотря на всю неохоту и тоскливые взгляды, бросаемые по сторонамъ, принуждены были согласиться. Хозяинъ угостилъ ихъ водкой для приданія храбрости, поставилъ передъ ними миску яичницы, а самъ взялъ шапку и вышелъ изъ хаты; Евреи же, поѣвъ яичницы, сняли бережно свои замазанные шлаты, и положивъ ихъ подъ головы, растянулись на полу.

Вдругъ скрипнула дверь; Жиды раскрыли глаза и опять зажмурились отъ страху, потомъ подняли гвалтъ и вскочили на ноги: — передъ ними, носъ къ носу, стоялъ Яковъ съ какимъ-то человѣкомъ.

— Это что ли твои Жиды? спросилъ незнакомый у крестьянина. Жиды дрожали какъ осиновый листъ и стучали зубами.

— Пора идти; ну за мною... продолжалъ гость.

Гершъ и Рохимъ не трогались съ мѣста, но выпуча глаза продолжали щелкать зубами.

— Да ну же, полно! сказалъ съ громкимъ хохотомъ крестьянинъ. Экъ ихъ пришибло! Пойдемте-ко съ нимъ, онъ лихо проведетъ и не возьметъ дорого.

На разсвѣтѣ Жидки были въ Радзивилловѣ; но это была самая немудреная часть ихъ предпріятія; не штука пройти съ паспортомъ въ Россію, а какво оттуда вернуться съ контрабандою? Но Жидкамъ нашимъ захотѣлось быть мудрѣйшими изъ мудрыхъ; они удержали при себѣ Якова, хорошо заплатили проводнику, уговорились

съ нимъ на обратный вуть, обѣщая еще больше, и начали дѣлать свои покупки.

Въ Радзивиловѣ по выговору, по одеждѣ и по деньгамъ, скоро угадали, что это за гуси, и за тѣмъ они прѣехали. Многие предлагали имъ свои услуги; но Жиды отвѣчали, что въ Галицію вѣхать не думаютъ, контрабанды не закупаютъ и не нуждаются ни въ чьихъ услугахъ, а между-тѣмъ не теряли времени: бѣгали по лавкамъ и очень дешево дѣлали все свои покупки. Наконецъ, когда все было готово, они загрузили бричку, и выѣхали въ совершенно противоположную сторону; потомъ, не останавливаясь ни у одной корчмы, не промолвя ни съ кѣмъ слова, свернули съ дороги, и хорошо знакомыми Якову проселками возвратились назадъ къ границѣ, прямо къ тому мѣсту, гдѣ прежде прокрался. — Мужикъ пошелъ впередъ; ночь была темна, хоть глазъ выколи; Жиды сидѣли на фурѣ и ни живы ни мертвы отъ страху. Прошелъ добрый часъ, прежде тѣмъ вернулся запыхавшійся Яковъ; онъ принесъ недобрыя вѣсти — знакомый провожалъ контрабандистовъ до тѣхъ поръ, пока не попалъ, за свою услужливость, подъ арестъ. Яковъ сѣлъ на облучекъ и стегнулъ по лошадямъ, примолвивъ: — Эка невидаль! проведу и самъ!...

Жиды едва не умерли со страху; однако же, какъ думать тутъ было некогда, рѣшились во всемъ вѣрится Якову. Тихо подѣхали они къ пограничной верстѣ, дождь лилъ какъ изъ ведра, часовые вѣрно спали гдѣ-нибудь подъ кустами; герои наши перѣехали черту, миновали лѣсокъ; наконецъ выѣхавъ на дорогу, они ударили по лошадямъ и поскакали.

Въ эту минуту что-то блеснуло; раздался выстрѣлъ, поднялась тревога и послышался топотъ конной стражи. — Жиды пали ничкомъ на самое дно повозки и лежатъ тамъ ни живы ни мертвы, а Яковъ, рассчитывая на темноту и удачу, ударилъ еще разъ по лошадямъ; онѣ помчались; за ними слышится топотъ погони, раздаются крики, выстрѣлы. Яковъ хлещетъ по лошадямъ и скачетъ черезъ рвы и ямы. Такъ прошелъ часъ, топотъ погони началъ утихать; жиды рѣшились поднятъ носы; — кругомъ мгла, лошади летятъ будто на крыльяхъ. — Вотъ прискакали въ какое-то село, крестьянинъ завернулъ бричку на первой показавшійся дворъ и выѣхалъ въ сарай.

— Куда ты, куда ты? закричали Жиды.

— Тихе, нечестное племя, оказалъ Яковъ, слезая съ брички, сбрасывайте поскорѣ товары — и ни слова!...

Примель еще какой-то поселанинъ; началось совѣщаніе; и между-тѣмъ товары были спрятаны въ селому.

— А бричка, и лошади? спросилъ съ безпокойствомъ Гершъ.

— Коли хотите быть цѣлы, такъ слушайте: мы нахлещемъ порядкомъ лошадей, и пусть себѣ скачутъ съ пустою бричкою къ границѣ; авось намъ удастся отвести погоню, не то мы пропали!...

Жиды послушались: Яковъ сѣлъ въ пустую бричку и поехалъ. Долго ждали они его; около полудня притащился онъ пѣшкомъ, усталый и измученный, отирая потъ съ лица.

— А гдѣ жъ бричка и лошади? закричали Жиды.

— Въ таможи; благодаря Бога, схватили таки ихъ таможенные.

— Слышишь Рохимъ, онъ еще говорить слава Богу? Мои лошади, мои чудесныя лошади!

— Лучше потерять лошадей и бричку, чѣмъ попасться въ тюрьму; теперь нанимайте подводы и проваливайте, а намъ съ кумомъ заплатите.

— Еще заплатить? какъ можно еще платить? а лошади, а бричка?

— Да развѣ я ихъ сѣлъ?

— А кто знаетъ? можетъ, ты ихъ и продалъ....?.. вѣдь навѣрно продалъ?...

— Такъ вотъ вы какъ? сказалъ вахмурясь Яковъ; слушайте же толкомъ: либо платите, либо....

— Ну а что?... ну а что? перервали Жиды.

— Ничего.... въ корчмѣ сидятъ еще два стражника; такъ я скажу, чтобы они не уѣзжали....

Жиды струсили, начали торговаться и кое-какъ покончили; потомъ они наняли знакомыхъ Якову извозчиковъ и раннимъ утромъ поѣхали въ Ржешевъ. Стоило только добраться до ближайшаго села, и тогда все было кончено; но ужъ разсвѣло; вхатъ днемъ было опасно, и поселане совѣтовали укрыться до ночи въ лѣсу. Жиды послушались.

Измученные безпокойствомъ и усталостью, они бросились на землю и задремали, а поселане стреножили лошадей, устались вокругъ огня и принялись готовить обѣдъ. Въ это время крупный дождикъ зашумѣлъ по листьямъ, и только изрѣдка долетали до нихъ далекіе крики или звонъ бубенчиковъ съ большой дороги. Пообѣдавъ, извозчики такъ же залегли спать,

накрывшись армянами. Вдругъ раздался громкій свѣхъ и въ снѣдь за тѣмъ крикъ: — Эй, вставай!

Всѣ вскочили въ испугѣ.

Какой-то баринъ, въ бѣлой шивели съ синимъ воротникомъ стоялъ подлѣ воевъ, держа въ одной рукѣ коротенькій чубукъ, а въ другой саблю; баринъ этотъ поглядывалъ на воевъ съ видомъ рѣшительнаго знатока. Это былъ стражникъ, который, выслѣдивши Жидовъ, погнался за ними въ чашу лѣса.

Услышавъ грозный его голосъ, Евреи хотѣли бросить все и бѣжать; но замѣтивъ, что стражникъ одинъ, они сдѣлали знакъ поселяпамъ, и тѣ бросились къ лошадямъ.

— Вишь какіе гуси! вскричалъ веселый баринъ; вздумали удрать!... Нѣтъ, мои соколки; я старый воробей, моя команда стоитъ неподалеку и ждетъ только знака, чтобы живьемъ схватить и васъ и контрабанду. Часа черезъ два вы будете сидѣть на казенной квартирѣ, подъ надежнымъ замкомъ.

— Контрабанда! помилуй Боже! это очень не хорошее дѣло, пане, возить контрабанду, вскричалъ храбрый товарищъ Герша. Честный Жидъ никогда не повезетъ контрабанды, не правда ли, Гершъ? вѣдь нивкакъ не повезетъ?... А мы честные Жидки, ѣдимъ себѣ съ товаромъ по помѣщикамъ....

— Да, да, примолвилъ Гершъ, мотая головою и разводя пальцами.

— Контрабанда!... продолжалъ Рахимъ, разгораясь все больше и больше; что бы сказала моя жена Рахиль и мои дѣти Шмуль, Мошка и Сура, когда бъ услышали только это слово! Нѣтъ, ясный пане, такой ясный панъ, что другаго нѣтъ яснѣе, мы хоть васъ и не знаемъ, а просимъ оставить насъ въ покои и неговорить о контрабандѣ.

— Эй ребята, запрягай лошадей! закричалъ Гершъ.

Веселый баринъ еще болѣе разохотался: — Полно шутить! вѣдь вы знаете, очень хорошо знаете кто я, мои любезные Жидочки; да и я васъ знаю. Вы везете контрабанду изъ Радзивилова; вчера прокрался вы черезъ границу; бричку вашу схватили таможенные, почевали вы въ сараѣ у крестьянина не далеко отъ Б*** и теперь пробираетесь въ Л** — видите ли, что я все знаю?

Сказавъ это, стражникъ отвернулся, показывая, будто хочетъ идти. Гершъ и Рахимъ сдѣли ермолки и подобострастно забѣжали впередъ.

— Какой панъ, вѣдь это настоящій панъ! началъ Рахимъ, мы честные Евреи, мы уважаемъ ясныхъ пановъ!...

Послѣ долгихъ переговоровъ, Евреи заплатили пятьдесятъ талеровъ и, сверхъ того, должны были подарить веселому пану новенькій русскій бобровый воротникъ къ шинелю, да сукна на покрывку. Получивъ свою добычу, веселый баринъ сгинулъ въ чашѣ, а жидки остались на мѣстѣ, опустивъ носы и почесывая въ головахъ.... Но ждать было нечего; извозчики запрягли лошадей и тронулись. Ночью транспортъ миновалъ нѣсколко городковъ и остановился у Козлиной корчмы, покормить лошадей. Ржешевъ былъ близко; Жиды вздохнули свободнѣе, выпили по рюмкѣ водки и даже до того разшедрлись, что поподчивали извозчиковъ. Дождь не переставалъ, стало смеркаться.

По грязной и скользкой дорогѣ пустились снова наши знакомцы, мимо З... гдѣ опять привуждены были кормить измученныхъ лошадей. Ржешевъ былъ подъ бокомъ, оставалось не болѣе пяти верстѣ. Жиды, не смотря на понесенные издержки и потери, рассчитывали на большіе барыши и съ безпокойствомъ торопились въ городъ.

Уже совершенно стемнѣло, когда они потащились далѣе съ горы на гору; лошади едва передвигали ноги; повозки вязли въ глубокихъ колеяхъ, наполненныхъ водою. Впрочемъ все шло, хотя тихо, однакожъ хорошо; только на косогорѣ, весьма справедливо называемомъ «чортомъ», вѣроятно потому, что самъ чортъ устроилъ его для страданія проѣзжихъ, лошадки, увязая въ глубокой грязи, начали приостанавливаться; а сзади, какъ на зло, послышался въ тоже время звукъ бубенчиковъ и крикъ почтара. Жиды вскочили на ноги и выхвативъ у мужиковъ палки принялись нещадно колотить лошадей; наконецъ кое-какъ удалось имъ выбраться изъ грязи и лошадки побѣжали. Ржешевъ былъ близко, передъ ними блистала его рѣчка, а вдали бѣлѣлись стѣны католическихъ костеловъ.

— А ну, а ну, кричали Жидки. Лошади скакали, что было духу, и бубенчики звучали все ближе и ближе.... Морозъ принималъ путниковъ до костей.

— Паве Рахиме, говорилъ уныло Гершъ, можетъ-быть это стражникъ.

— Можетъ-быть стражникъ! отвѣчалъ Рахимъ еще унылѣе.

Въ такихъ пріятныхъ догадкахъ спускались они съ горы, выбираясь съ трудомъ изъ топкой грязи. Они были уже у Крушин-

скаго мосту *, а за ними все громче и ближе заливались буабенчики. У заставы, передъ мостомъ, подошелъ сторожъ винаго откупу осматривать не везуть ли они водки. Догадливый Гершъ сузудъ ему что то въ руку и они поѣхали; но едва успѣли мѣновать полмоста, какъ сзади раздалось: — Лови, лови, держи!...

Любопытно было взглянуть въ это время на нашихъ знаменцевъ: выпуча глаза, вытянувъ свои длинныя шеи, голосомъ и пальцами ободряли они взмученныхъ лошадей; полы ихъ шинелей вѣвали по воздуху, обнажая тонкія, журавлиныя ноги.... за ними по мосту гремяла повозка веселаго стражника.

Еще минута, и она въ городѣ.... еще минута и все будетъ спасено!

Къ счастью нашихъ героевъ, на Крушинскомъ мосту за приключеніями дѣло не станетъ. Шибко скакалъ стражникъ, но вотъ провалилась доска, а съ нею и лошадь.... а въ эту минуту Жиды пропали.

Съ мосту поскакали они по выломанной деревянной мостовой стараго города, миновали рынокъ и прямо бросились на дворъ какого-то жидовскаго домишка. Толпа Жидовъ тотчасъ же окружила повозки, въ одно мгновеніе расхватали товары и нагрнула телеги хлѣбными мѣшками случившимися подъ рукою; и затѣмъ Гершъ съ товарищемъ съѣли въ повозки и торжественно выѣхали на рынокъ, гдѣ прямо наткнулись на стражника.

— Стой, стой, вотъ она! закричалъ онъ; команда окружила повозки, бросилась къ мѣшкамъ, и нашли въ нихъ одну пшеницу.

Вотъ какимъ-образомъ ввезъ Гершъ контрабанду, думая заработать рубль на рубль барыша. Однако жъ начальству стражникъ отирылъ продѣлки Жидовъ, за что они понесли достопамятное наказаніе, сопряженное съ большими потерями; Гершъ занялся провозить контрабанду, и бросивъ въ сторону сильныя ощущенія, предпочелъ брать барыши безъ малѣйшаго безпокойства.

Много и долго еще рассказывалъ Гершъ, и всё его рассказы свѣдѣлись въ одно слово деньги, деньги и деньги. Около этого могущественнаго свѣтила вращаются всё помыслы Еврея. Еврей, подъ словомъ несчастіе, понимаетъ безденежье, и набитый кошелекъ ставитъ выше всѣхъ возможныхъ совершенствъ и доблестей. Между-тѣмъ я задремалъ, и когда проснулся, Жиды уже уѣхали.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВО ФРАНЦІИ. *Замогильныя Записки Шатобриана. Часть седьмая.* Въ то самое время какъ я сокращалъ, увеличивалъ, измѣнялъ листки «Духа Христіанства», необходимость принуждала меня заниматься другими работами. Де-Фонтанъ издавалъ тогда «Mercure de France» и предложилъ мнѣ писать въ этомъ журналѣ. Борьба была не совсѣмъ безопасна. До полтика можно было достигнуть только литературнымъ путемъ, а Бонапарте этого не жаловалъ. Одно странное обстоятельство, мѣшая мнѣ спать, увеличило свободные часы мои и дало больше времени. Я купилъ двухъ горлицъ; онѣ безпрестанно ворковали: напрасно запералъ я ихъ ночью въ маленькій свой чемоданъ, онѣ тамъ принимались ворковать еще пуще. Въ минуту безсонницы, я вздумалъ написать для *Меркурія* письмо къ мадамъ де-Сталь. Эта выходка вдругъ вывела меня изъ мрака; чего не могли сдѣлать два толстые мои тома о «Révolutions», то сдѣлали нѣсколько журнальных страницъ. Голова моя высунулась немножко изъ невѣстности.

Первый успѣхъ мой какъ-будто возвѣстилъ о слѣдующемъ. Я занимался чтеніемъ корректуры *Аталы*, — эпизода, заключающагося вмѣстѣ съ Ренеемъ въ *Духъ Христіанства*, — какъ вдругъ замѣтилъ, что недостаетъ нѣсколькихъ листочковъ. Я испугался, думая, что у меня романъ украли, что было пустымъ опасеніемъ, потому что никто не думалъ, что меня стоитъ обокрасть. Какъ бы то ни было, я рѣшился издать особо «*Аталу*» и изъявилъ мое намѣреніе въ письмѣ къ «*Journal des Débats*» и къ «*Publiciste*».

Прежде чѣмъ отважился выпустить трудъ мой въ свѣтъ, я показалъ его де-Фонтану: онъ уже читалъ въ Лондонѣ нѣкоторые отрывки въ рукописи. Когда дошелъ до рѣчи отца Обри у смертной постели *Аталы*, онъ вдругъ сказалъ мнѣ грубымъ голосомъ: «Нѣтъ, не такъ! не хорошо; передѣлайте это!» Я ушелъ въ отчаяніи, потому что не чувствовалъ себя способнымъ лучше написать и хотѣлъ все бросить въ огонь. Отъ осьми до одиннадцати часовъ вечера просидѣлъ я въ антресоли за столомъ, упершись лбомъ на руки, разложенныя на бумагѣ. Я досадовалъ на Фонтана, досадовалъ на самого себя и не принимался даже писать, до того отчаявался въ себѣ. Къ полночи долетѣлъ до меня голосъ горлицъ, смягченный отдаленностью и сдѣлавшійся еще жалобнѣе отъ тюрьмы, въ которую я заключилъ ихъ; вдохновеніе возвратилось и я тотчасъ написалъ рѣчь миссіонера, безъ малѣйшихъ поправокъ, не вычеркнувъ ни одного

го слова, такъ какъ она осталась и существуетъ теперь. Съ трепещущимъ сердцемъ отвесъ я ее къ Фонтану, который вскричалъ «Вотъ такъ! вотъ такъ! Я сказалъ, что вы напишете лучше!»

Отъ изданія «Аталы» начался шумъ, надѣланный мною въ свѣтъ; я пересталъ жить въ себѣ самомъ и публичная карьера моя началась. Послѣ столькихъ военныхъ успѣховъ, литературные казались чудомъ; ихъ жаждали. Странность творенія увеличивала удивленіе толпы. *Атала*, вдругъ упавшая среди имперской литературы, этой классической школы, помолодѣвшей старухи, которой одинъ видъ внушалъ скуку, была произведеніемъ въ неизвѣстномъ родѣ. Не знали куда ее причислить, къ *уродливостямъ* или къ *красотамъ*; была ли она Горгона или Венера? Академики пречуено разсуждали объ ея полѣ и сущности, точно также какъ писали реляціи о «*Духъ Христіанства*». Старый вѣкъ оттолкнулъ ее, новый принялъ.

Атала сдѣлалась знаменитой. Харчевни были украшены красными, зелеными и голубыми картинками, представляющими Шактаса, отца Обри и дочь Симагана. Въ деревянныхъ ящикахъ, на набережныхъ мнѣ показывали ихъ въ восковыхъ фигурахъ. На бульварномъ театрѣ я видѣлъ свою дикарку въ пѣтушиныхъ перьяхъ, она говорила о *душѣ уединеніи* дикарю въ такомъ же родѣ какъ она и такимъ образомъ, что меня бросало въ потъ отъ стыда. Въ *Variétés* представляли пьесу, гдѣ молоденькая дѣвушка и мальчикъ, выйдя изъ пенсіона, нанявъ фурмава, ѣхали жениться въ свой городокъ; по пріѣздѣ они болтали только какъ помѣшанные, о крокодилахъ, циконахъ и лѣсахъ; родные ихъ подумали, что они сошли съ ума. Пародіи, карикатуры, насмѣшки сыпались на меня. Аббатъ Морлѣ, желая пристыдить меня, посадилъ къ себѣ на колѣна служанку и не могъ сдержать въ рукахъ ногу дѣвушки, какъ Шактасъ держалъ ноги Аталы во время грозы; если бы Шактасъ Анжуйской улицы велѣлъ себя такъ списать, я бы простилъ ему насмѣшку.

Всѣ эти хлопоты увеличили шумъ моего появленія. Я вошелъ въ моду. Голова у меня закружилась: я не зналъ наслажденія самолюбія и пришелъ въ упоеніе. Я любилъ славу какъ женщину, какъ первую любовь. Между тѣмъ вотъ какой трусъ былъ я, что страхъ равнялся моей страсти: какъ рекрутъ я боялся пороку. Природная дикость, всегдашнее сомнѣніе въ своемъ дарованіи, дѣлали меня смиреннымъ среди торжества. Я прятался отъ блеску, гулялъ въ сторонѣ, стараясь погасить лучезарный

вѣнецъ, вѣчавшій мою голову. Вечеромъ, надвинувъ шляпу на глаза, въ опасеніи, чтобы не узнали *великаго* человѣка, я шелъ въ свѣтское заведеніе читать украдкой похвалу себѣ въ какомъ-нибудь неизвѣстномъ журнальчикѣ. Наединѣ съ своей славой, я простиралъ прогулку до пожарныхъ трубъ въ Шальдъ, по той самой дорогѣ, гдѣ столько страдалъ, отправляясь ко двору; мнѣ также было неловко съ мнѣи новыми почестями. Когда моя *гениальность* обѣдала за два двугривенныхъ въ Латинскомъ кварталѣ, она давилась кусками, въ замѣшательствѣ отъ изглядовъ, которыхъ съ тала себя предметомъ. Я смотрѣлъ на себя, говорилъ себѣ: «Однако ты, дивное созданіе, тѣшь какъ и другіе люди!» Въ Елисейскихъ Поляхъ была кофейня, которую я любилъ за соловьевъ, развѣшенныхъ въ клеткахъ кругомъ залы; мадамъ Руссо содержательница знала меня съ виду, не зная кто я таковъ. Въ десять часовъ вечера приносили мнѣ чашку кофе и я искалъ *Аталу* въ «Petites Affiches» при голосахъ моихъ шести филонелей. Увы! вскорѣ мадамъ Руссо умерла, наше соловьиное общество и Индіянка, пѣвшая «Douce habitude d'aimer, si nécessaire à la vie» продолжались одно мгновеніе.

Если успѣхъ не могъ продлить во мнѣ это глупое чванство, ни совратить съ пути мой разсудокъ, у него были опасности другаго рода; эти опасности увеличались при появленіи *Духа Христіанства* и при отставкѣ моей послѣ смерти герцога Эагиенскаго. Тогда стояли около меня, съ молодыми женщинами плачущими отъ романовъ, толпа богомолковъ и другихъ благородныхъ энтузіастокъ, у которыхъ при подвигѣ чести трещеть грудь. Тринадцати или четырнадцатилѣтнія обожательницы всего опаснѣе, потому что сами не зная чего хотятъ, ни чего отъ васъ хотятъ, онѣ оболъстательно смѣшиваютъ вашъ образъ съ міромъ басенъ, лентъ и цвѣтовъ. Жанъ-Жакъ Руссо говоритъ объ обясненіяхъ, которыя онъ получалъ послѣ изданія «*Новой Элоизы*» и о предложенныхъ ему побѣдахъ: не знаю большой ли былъ бы я султанъ, но только мнѣ извѣстно то, что я былъ заваленъ грудой раздушенныхъ записочекъ; если бы эти записки не были писаны теперешними бабушками, мнѣ бы стыдно было разказать съ приличной скромностью, какъ оспаривали онѣ каждое слово, писанное моею рукою, какъ поднимали конвертъ, надписанный мною, и какъ краснѣя прятали его, опустивъ голову подъ воалью, падающею съ длинныхъ волосъ. Если я не испортился, вѣрно сущность моя была хороша.

По истинной ли вѣжливости или по любопытной слабости я

доходилъ иногда до того, что считалъ себя обязаннымъ благодарить неизвѣстныхъ дамъ, присылавшихъ ко мнѣ свои фантаси съ лестью: однажды въ четвертомъ этажѣ я нашелъ восхитительное созданіе подъ крылышкомъ матери, къ которому я однако не возвратился. Одна Полька ждала меня въ шелковой гостиной; смѣсь одалыки и Валькирія, она походила на свѣжиянку съ бѣлыми цвѣтами или на одну изъ тѣхъ шеголеватыхъ вѣтокъ вереску, что замѣняютъ другихъ дочерей флоры, когда время ея еще не пришло или уже прошло: этотъ женскій хоръ, разнообразный по лѣтамъ или по красотѣ, былъ моею прежней осуществленной сифидой. Двойное дѣйствіе тщеславія и чувствъ было тѣмъ опаснѣе, что до-тѣхъ-поръ, исключая серьезной привязанности я не былъ ни замѣченъ ни отличенъ толпой. Однако я долженъ сказать: если бы даже мнѣ легко было воспользоваться малолѣтнимъ обманомъ воображенія, мысль о сладострастїи, доставшемся путемъ цѣломудрїя, возмущала мое чистосердечіе: быть любимымъ чрезъ Génie du Christianisme, чрезъ l'Extrême Onction, чрезъ la Fête des Morts! Я бы никогда не былъ этимъ ностальднымъ Тартюфомъ.

Я зналъ одного провансальскаго врача, доктора Вигару; достигнувъ до того возраста, когда каждое удовольствіе отнимаетъ день, онъ не сожалѣлъ, говорилъ онъ, о времени потерянномъ такимъ образомъ; не заботясь даетъ ли получаемое счастье, онъ шелъ къ смерти, изъ которой надѣялся сдѣлать свое послѣднее наслажденіе. Я былъ однако свидѣтелемъ его горькихъ слезъ при кончинѣ; онъ не могъ скрыть отъ меня своего огорченія, было уже слишкомъ поздно: бѣлые волосы не были довольно длинны, чтобы скрыть и отереть его слезы. Только невѣрующей истинно несчастенъ, когда оставляетъ землю: для человека безъ вѣры бытіе ужасно тѣмъ, что заставляетъ предполагать уничтоженіе; если бы мы не родились, то не чувствовали бы ужаса прекращенія существованія: жизнь атеиста — страшная молнія, которая служитъ только къ открытію бездны.

Боже великій и милосердый! Ты послалъ насъ на землю не для недостойныхъ горестей, не для презрѣннаго счастья! Неизбѣжное разочарованіе увѣдомляетъ насъ, что назначеніе наше несравненно выше. Каковы бы ни были заблужденія, если мы сохранили душу прямую и думали о Тебѣ среди нашихъ слабостей, мы перенесемъ, когда благодать твоя освободитъ насъ, въ ту ясную страну, гдѣ привязанность вѣчна!

Я не замедлилъ получить наказаніе за свое авторское тщесла-

віе, самое вестерпимое если не самое глупое изъ всѣхъ: я думалъ, что могу in petto вкушать удовольствіе быть великимъ гениемъ, не нося, какъ теперь, необыкновенной бороды и одежды, но оставаясь одѣтъ такъ же какъ и всѣ добрые люди, отличаясь только своимъ превосходствомъ: тщетная надежда! Моя гордость была наказана и наказаніе явилось отъ особъ политическихъ, съ которыми я принужденъ былъ познакомиться: знаменитость тяжелый барышъ для душъ.

Де-Фонтанъ былъ друженъ съ мадамъ Бачіоки и представилъ меня сестрѣ Бонапарта, а вскорѣ, и брату перваго консула Лусіену. У этого была дача возлѣ Санли (Плесси), куда я былъ принужденъ ѣздить обѣдать; замокъ принадлежалъ кардиналу де-Берри. У Лусіена была въ саду гробница его первой жены, полупольки полунспанки, и какой-то памятникъ въ честь поэту-кардиналу. Нимфою-водородицей ручейка, прорытаго лопатой, была ослица накатывавшая воду изъ колодца: это могло служить изображеніемъ начала всѣхъ рѣкъ, которыя Бонапарте предполагалъ провести по своему государству. Хлопотали объ исключеніи меня изъ эмигрантскаго списка, меня уже называли и я самъ называлъ себя громко *Шатобрианомъ*, забывалъ, что я долженъ называться *Лассанъ*. Паѣхали эмигранты, между прочимъ де-Бональдъ, Шендолё; Хрстіанъ де-Ламоаньонъ, товарищъ мой по изгнанію въ Лондонъ, представилъ меня мадамъ Рекамьё: занавѣсь вдругъ упалъ между ею и мною.

Особа, болѣе всего занимающая мѣсто въ моей жизни, по возвращеніи изъ эмиграціи, была графиня де-Бомонъ. Она проводила часть года въ замкѣ де-Пасси, гдѣ Жуберъ жилъ лѣтомъ. Возвратясь въ Парижъ, графиня де-Бомонъ желала со мной познакомиться.

Желая сблать изъ моей жизни длинную цѣпь сожалѣній, Провидѣвію угодно было, чтобы первая особа, принявшая меня благосклонно въ началѣ моей публичной карьеры, также первая и исчезла. Графиня де-Бомонъ открываетъ погребальную процессію женщинъ, прошедшихъ передо мною. Самыя отдаленныя мои воспоминанія отдыхаютъ на пеплѣ и продолжали падать съ гроба на гробъ; какъ индѣйскій Пандита, я читаю молитвы по умершимъ до тѣхъ-поръ какъ цвѣтки моихъ четокъ завянутъ.

Графиня де-Бомонъ была дочерью Армана Мѣрка де-Сенъ-Герема, графа де-Монморена, французскаго посла въ Мадридѣ, комедванта въ Бретани, члена собранія именитыхъ въ 1787 году, министра иностранныхъ дѣлъ при Людовикѣ-Шестнадцатомъ, ко-

торый его очень любилъ: онъ погибъ на эшафотѣ, куда за нимъ послѣдовала часть его семейства.

Графиня де-Бомонъ, скорѣе дурная чѣмъ красивая лицомъ, очень похожа на портретъ, писанномъ мадамъ Лебревъ. Лице ея худо и блѣдно; глаза продолговатые бросали бы можетъ-быть слишкомъ большой блескъ, если бы необыкновенная пріятность не смягчала ея взглядовъ, заставляя ихъ блистать съ какой-то нѣгой, какъ лучъ свѣта смягчается, проходя чрезъ воду. Характеръ ея былъ нѣсколько крутъ и нетерпѣливъ, что происходило отъ силы чувствъ и отъ внутренняго страданія. Съ душой возвыщенной, съ мужествомъ великимъ, она родилась для свѣта; откуда умъ ея удалился по доброй волѣ и вслѣдствіе несчастій, но когда голосъ друга вызывалъ этотъ отшельническій разумъ, онъ являлся и произносилъ вамъ нѣсколько небесныхъ словъ. Вслѣдствіе чрезвычайной слабости, графиня де-Бомонъ выражалась медленно, и медленность эта трогала; я узналъ эту огорченную женщину въ минуту ея удаленія; она уже была поражена смертью и я посвятилъ себя облегчить ея страданія. Я нанялъ квартиру въ улицѣ Saint Honoré, Hotel d'Etampes, возлѣ улицы Neuve du Luxembourg. Графиня де-Бомонъ занимала въ этой послѣдней улицѣ квартиру, выдававшуюся въ садъ министерства юстиціи. Я каждый вечеръ бывалъ у нея съ ея и моими друзьями, Жуберомъ, де-Фонтаномъ, де-Бональдомъ, Молé, Пакіé, Шендолé, людьми занимавшими мѣсто въ литературѣ и въ дѣлахъ.

Жуберъ былъ исполненъ причудъ и оригинальности, и о немъ будутъ вѣчно сожалѣть тѣ, которые его знали. Онъ чрезвычайно умѣлъ овладѣвать умомъ и сердцемъ, и если образъ его однажды захватилъ васъ, то онъ оставался тутъ какъ фактъ, какъ пунктъ, какъ наводненіе, котораго нельзя было отогнать. Главное притязаніе у него было на спокойствіе, а никто болѣе его не метался. Онъ наблюдалъ за собою, чтобы остановить душевныя волненія, которыя считалъ вредными для здоровья и всегда друзья разстроивали его предосторожности, потому что онъ не могъ не трогаться ихъ грустью или радостью: эгонистъ, занимавшійся только другими. Чтобы возвратитъ силы, онъ часто считалъ себя принужденнымъ закрыть глаза и не говорить по цѣлымъ часамъ. Богъ знаетъ какой шумъ и какое движеніе происходили у него внутри въ продолженіи этого безмолвія и спокойствія, которыя онъ предписывалъ себѣ. Жуберъ каждую минуту перемѣнялъ діету, сегодня питался молокомъ, завтра рубленой говядиной, то трясся по самой неровной дорогѣ, то тащился ша-

гомъ по самымъ гладкимъ аллеямъ. Читая, онъ вырывалъ изъ книгъ листки, которые ему не нравились и такимъ-образомъ у него была своя библиотека, составленная изъ книгъ изузѣченныхъ, съ переплетами слишкомъ широкими для содержанія.

Философія этого глубокаго метафизика становилась, посредствомъ свойственной одному ему переработки, живописью или поэзіею; онъ былъ Платонъ съ сердцемъ Лафонтена и составилъ себѣ идею о совершенствѣ, которая мѣшала ему оканчивать свои произведенія. Въ рукописяхъ, найденныхъ послѣ его смерти, онъ говоритъ: « Я похожъ на Золоту арфу, которая издаетъ нѣсколько прекрасныхъ звуковъ и не выполняетъ ни одной арин. » Викторина де Шастенѣ говорила, что « онъ былъ похожъ на душу, которая случайно попала въ тѣло и управлялась съ нимъ какъ мола. » Прелестное и справедливое опредѣленіе!

Мы смѣялись надъ врагами де-Фонтана, хотѣвшими выдать его за глубокаго и скрытнаго политика, а онъ просто былъ раздражительнымъ поэтомъ, чистосердечнымъ до гнѣва, котораго противорѣчіе дотого выводило его изъ себя, что онъ не могъ ни скрыть своего мнѣнія, ни овладѣть мнѣніемъ другаго. Литературныя правила друга моего Жубера не походили на де-Фонтановы: Жуберъ находилъ хорошее вездѣ, во всякомъ писателѣ; де-Фонтанъ, напротивъ, ненавидѣлъ разныя ученія и не могъ слышать имени нѣкоторыхъ авторовъ. Онъ былъ заклятымъ врагомъ началъ новѣйшаго образа сочиненія; переносить передъ глаза читателя матеріальное дѣйствіе, преступниковъ, висѣльницъ съ веревкой, казалось ему ужасомъ; онъ увѣрялъ, что предметъ долженъ видѣться въ поэтической средѣ какъ въ хрустальномъ сосудѣ. Горестъ, машинально восточающаяся глазами, казалась ему ощущеніемъ, достойнымъ цирка или кошаго рынка; онъ понималъ трагическое чувство, только облагороженное восторгомъ и измѣненное посредствомъ искусства въ очаровательное состраданіе. Я привелъ ему въ примѣръ греческія вазы: въ арабескахъ этихъ вазъ видно тѣло Гектора, влекомое за колесницей Ахилла, между тѣмъ какъ крошечная фигурка, летающая по воздуху, представляетъ тѣло Патрокла, утѣшенную ишеніемъ сына Фетвы. « Ну, Жуберъ, вскричалъ де Фонтанъ: что вы скажете объ этомъ превращеніи музы? Какъ эти Греки уважали душу! » Жуберъ принялъ это въ обиду, и поставилъ де Фонтана въ противорѣчіе съ самимъ собою, упрямомъ въ свисхожденіи его ко мнѣ.

Эти споры, часто очень смѣшныя, были нескончаемы: однажды въ двѣнадцатомъ часу вечера, когда я жияъ на Площади Лю-

довика-Пятнадцатаго, въ верхнемъ этажѣ дома мадамъ де-Коалентъ, де-Фонтанъ воротился на осемьдесятъ-четыре ступени моей лѣстницы, чтобы, въ бѣшенствѣ стуча палкой, окончить прерванный аргументъ: дѣло шло о Пикарѣ, котораго онъ тогда ставилъ гораздо выше Мольера; но онъ ни за что въ свѣтъ не написалъ бы того, что говорилъ: Фонтанъ въ разговорѣ, Фонтанъ съ перомъ въ рукѣ — были два разные человѣка.

Мнѣ пріятно повторить, что де-Фонтанъ ободрилъ мои назначенія; онъ первый расписалъ о «Духѣ Христіанства»; его муза, исполненная изумительной преданности, направляла мою по новому пути, куда она бросилась; онъ научилъ меня скрывать безобразіе предметовъ, освѣщая ихъ, влагать, сколько я могъ, классическій языкъ въ уста моихъ романтическихъ героевъ. Прежде были люди, хранители вкуса, какъ драконы, стерегущіе золотыя яблоки въ саду Гесперидъ; они впускали молодежь только тогда, когда она могла дотронуться до плода, не испортивъ его.

Сочиненія моего друга увлекаютъ васъ счастливымъ теченіемъ; умъ испытываетъ наслажденіе, находится въ гармоническомъ положеніи, гдѣ все очаровываетъ и ничто не удивляетъ. Де-Фонтанъ безпрестанно пересматривалъ свои сочиненія, какъ учитель стараго времени; онъ былъ убѣжденъ въ превосходствѣ правила: «Торопись потише.» Что бы онъ сказалъ теперь, когда и нравственно и физически стараются сократить дорогу и думаютъ, что не могутъ довольно скоро дойти. Де-Фонтанъ предпочиталъ путешествовать отраднo умѣреннымъ шагомъ. Вы видѣли, что я сказалъ о немъ, когда встрѣтился съ нимъ въ Лондонѣ; мнѣ должно повторить здѣсь выраженные мною сожалѣнія: жизнь принуждаетъ насъ безпрестанно оплакивать или предварительно или по воспоминанію.

У де-Бовальда былъ чрезвычайно тонкій умъ; его хитросплетенія принимали за гениальность; онъ выдумалъ свою метафизическую политику въ арміи Кондэ, въ Вадемскомъ Чернолѣсѣ. Ставъ нововодителемъ, даромъ что былъ мушкетеромъ при Людовикѣ-Шестнадцатомъ, онъ смотрѣлъ на древнихъ какъ на дѣтей и въ литературѣ, и первый, употребляя напыщенность высшаго языка, говорилъ, что умѣйшіе университетскія головы еще не довольно выросли, чтобы понимать это.

Шендоле съ знаніемъ и съ дарованіемъ, — не природнымъ, но приобретеннымъ, — былъ такъ грустенъ, что называлъ себя вѣрвоймъ: онъ грабилъ мои сочиненія. Мы сдѣлали договоръ; я пре-

доставилъ ему моч небеса, туманы, облака, а онъ оставилъ мнѣ вѣяніе вѣтерка, волны и лѣса.

Я говорю только о мовхъ литературныхъ друзьяхъ, а о политическихъ, не знаю, буду ли упоминать; правила и рѣчи вырыли между нами бездну!

Мадамъ Гокаръ и мадамъ де-Вентимиль пріѣзжали въ собраніи въ улицѣ Neuve du Luxembourg. Мадамъ де-Вентимиль, женщина прежняго времени, какихъ немного осталось, бывала въ свѣтъ и передавала намъ, что тамъ происходило. Мадамъ де-Вентимиль была воспитана съ сестрой своей Лагарномъ.

Мадамъ Гокаръ очень любилъ брать графини де-Бомонъ, который занимался дамой своей даже на эшафотѣ, какъ Обиакъ шелъ на висѣлицу, цѣлуя синюю бархатную муфту, оставшуюся ему отъ благодѣяній Маргариты Вalezской: нигдѣ теперь не будутъ собраны подъ одной кровлей столько замѣчательныхъ особъ, различнаго званія и различнаго предназначенія, разговаривающихъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, какъ о самыхъ возвышенныхъ предметахъ: простота рѣчи, провѣходила не отъ скудости, а отъ выбора. Можетъ-быть, это было послѣднее общество, гдѣ являлся французскій умъ прежняго времени. У новыхъ Французовъ не найдешь уже этой вѣжливости, плода воспитания, преобразованнаго долгимъ употребленіемъ въ черту характера. Что случилось съ этимъ обществомъ? Дѣлайте планы, собирайте друзей, чтобы приготовить себѣ вѣчный трауръ! Графини де-Бомонъ уже нѣтъ, и Жубера и Шендолё и мадамъ де-Вентимиль. Когда-то, во время собранія винограда, я посѣщалъ Жубера въ Ville Neuve, гулялъ съ нимъ по іонскимъ пригоркамъ: онъ собиралъ масляники въ рощѣ, а я желтые цвѣтки на лугахъ. Мы говорили обо всемъ, особенно о другѣ нашемъ графинѣ де-Бомонъ, отсутствующей навсегда: вызывали воспоминаніе прежнихъ нашихъ надеждъ. Вечеромъ возвращался въ Вильнёвъ, городъ, окруженный дряхлыми стѣнами, временъ Филиппа-Августа, и полуразрушенными башнями, надъ которыми вился дымъ очага собирателей винограда. Жуберъ показывалъ мнѣ вдаль, на холмѣ, песчаную тропинку среди лѣсу, по которой онъ ходилъ къ своей сосѣдкѣ, скрывшейся въ замкѣ де-Насен во время терроризма.

Послѣ смерти моего шлага хозяина, я четыре или пять разъ былъ въ Сенонё, видѣлъ большую дорогу на пригоркахъ; Жуберъ уже не гулялъ тамъ; я узнавалъ деревня, поля, виноградники, небольшие груды пашней, гдѣ мнѣ привыкли отдыхать. Про-

ѣжая Вальвиѣвъ, я бросалъ взглядъ на пустынную улицу, на запертый домъ моего друга. Въ послѣдній разъ это было, когда я ѣхалъ посланникомъ въ Римъ: ахъ! если бы онъ былъ дома, я увезъ бы его на могилу графини де-Бомонъ! Богу угодно было открыть Жуберу Римъ неземной, лучше приспособленный къ его платонической душѣ! Я уже не встрѣчусь съ нимъ здѣсь!

Успѣхъ «Аталы» заставилъ меня снова приняться за «Духъ Христіанства», котораго уже было напечатано два тома. Графиня де-Бомонъ предложила мнѣ комнату въ деревнѣ, въ домикѣ, нанятомъ ею въ Савиньѣ. Я провелъ шесть мѣсяцевъ въ ея убѣжищѣ съ Жуберомъ и другими нашими друзьями.

Домъ былъ расположенъ при входѣ въ деревню со стороны Парижа, возлѣ старой большой дороги, которую тамъ называли «дорогой Гевриха-Четвертаго». Возлѣ домика были виноградники, а напротивъ Савиньскій паркъ, оканчивающійся заповѣсью лѣса, съ маленькой рѣкой Оржъ, посерединѣ. Налѣво простиралась долина Вирн до ювизійскихъ источниковъ. Весь этотъ край окруженъ долинами, куда мы вечеромъ ходили отъѣскивать прогулки.

Утромъ мы вѣстѣ завтракали; потомъ я шелъ работать; графиня де-Бомонъ была такъ добра, что списывала указанныя мною мѣста. Эта благородная женщина предложила мнѣ убѣжище, когда его у меня не было: безъ спокойствія, доставленнаго мнѣ ею, я бы, можетъ-быть, никогда не окончилъ труда, котораго не могъ привести къ концу во время моихъ несчастій.

Вѣчно буду помнить вечера, проведенные въ этомъ дружескомъ убѣжищѣ: возвратясь съ прогулки, мы собирались возлѣ бассейна текучей воды, находившагося среди дерну въ огородѣ: мадамъ Жуберъ, графиня де-Бомонъ и я сажались на скамейкѣ; сынъ мадамъ Жуберъ валялся у ногъ нашихъ на муравъ: этого ребенка уже нѣтъ. Жуберъ прохаживался всторонѣ по песочной аллеѣ; двѣ собаки и кошка играли около насъ, между-тѣмъ какъ голуби ворковали на крышѣ. Какое счастье для человѣка только что возвратившагося изъ изгнанія, послѣ осемилѣтняго глубокаго одиночества, исключая нѣсколькихъ быстро протекшихъ дней! Въ эти то вечера обыкновенно друзья заставляли меня рассказывать путешествія. Никогда я не описывалъ такъ хорошо, какъ въ то время, пустыни Новаго Свѣта. Ночью, когда окна нашей сельской гостиницы были отворены, графиня де-Бомонъ замѣчала различныя созвѣздія, говоря, что когда-нибудь я вспомню, что она научила меня распознавать ихъ; съ-тѣхъ-поръ, какъ я потерялъ

ее, не далеко отъ ея могилы въ Римѣ, я нѣсколько разъ въ ночь искалъ на небесной тверди звѣзды, которые она назвала мнѣ; видѣлъ какъ онѣ блестятъ надъ Сабинскими Горами; длинный лучъ этихъ свѣтилъ ударялъ на поверхность Тибра. Мѣсто, гдѣ я видѣлъ ихъ въ савиньскихъ лѣсахъ и это мѣсто, откуда опять смотрѣлъ на нихъ, непостоянство моей судьбы, знакъ, оставленный женщиной мнѣ на небѣ въ воспоминаніе объ ней, все раздирало мнѣ сердце. По какому чуду человѣкъ рѣшается дѣлать то, что дѣлаетъ онъ на землѣ, когда долженъ умереть?

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВЪ АНГЛІИ И ВЪ АМЕРИКѢ. *Дѣйствительныя и фантастическія путешествія Германа Мельвила.* («Тапи».— «Ому».— «Вторникъ». («Турецъ».— «Омоо».— «Tuesday»). Первые двѣ изъ этихъ книгъ изданы въ Бостонѣ, третья появилась недавно въ Лондонѣ. Это новость, любопытная, удивительное твореніе, достойное Раблѣ безъ веселости, Сервантеса безъ граціи, Вольтера безъ вкуса. *Вторникъ или путешествіе туда* — самая страшная книга, которая когда-либо появлялась на земномъ шарѣ. При этомъ случаѣ можно бы собрать всѣ любимыя эпитеты мадамъ де-Севинье: книга необыкновенная и пошлая, оригинальная и нескладная, умная и сумасбродная, написанная дурно съ примѣсю страницъ блестящихъ, наполненная интересными происшествіями и пустословіемъ, глубокими наставленіями и посредственными эпиграммами. Словно грезы юнга, дурно учившагося, который наѣлся хашишу и качается вѣтромъ на вершинѣ мачты въ жаркую тропическую ночь.

Это странное твореніе начинается какъ сказка, переходитъ къ волшебству, вдается въ аллегорію, достигаетъ сатиры, чрезъ элегію, драму и шуточный романъ. Чтобы лучше понять это непонятное твореніе, надо обратиться къ двумъ прежнимъ сочиненіямъ того же автора — романамъ-путешествіямъ *Тапи* и *Ому*, которые показываютъ, могучее воображеніе и большую смѣлость ко джи.

Въ романахъ идетъ рѣчь о тысячѣ чудныхъ приключеній, объ эротическихъ и дикихъ нимфахъ, объ идиллическихъ и философскихъ людоедахъ, о храмахъ въ лѣсахъ и на скалахъ вулканическихъ, о красивыхъ моряхъ въ долинахъ, о невинныхъ людоедныхъ сценахъ съ сентиментальными танцами, но на всемъ этомъ лежитъ печать истины, прелесть неизвѣстной, первобытной природы, живости впечатлѣній, поражающихъ читателя. От-

тѣмъ кажутся дѣйствительными, хотя черезчуръ сильными и эффектными; романческія приключенія автора развиваются съ достаточнымъ правдоподобіемъ. Полнѣзійскіе хозяева, осыпавъ его ласками, чуть-было не съѣли его съ тѣломъ и съ костями; его осыпали сладостями этого гастрономическаго и вѣроломнаго гостепріимства, котораго предметомъ обитатели нашего скотнаго двора. Отнормленный, забавляемый на общественный счетъ, онъ выѣлъ къ услугамъ своихъ оперу, туземную поэзію, балъ и разговоръ самыхъ знаменитыхъ баядерокъ. Его жизнь, удовольствіе, хорошее расположеніе духа, физическое и нравственное здоровье окружали попеченіями съ любовью и заботливостью, отъ которыхъ морозъ подираетъ по кожѣ. Онъ успѣшилъ убѣждать отъ такихъ попечительныхъ хозяевъ. Продолжительное странствованіе, полное страшныхъ приключеній, вырвало его съ пирю варваровъ.

Только онъ оставилъ на пути лакея, родъ Санхо-Пансы, матроса Товія, пресмѣшную фигуру. Господинъ, не сомнѣвавшійся, что Тапи не изжарили Товія на вертелѣ или на пальмовыхъ листьяхъ, пролилъ о немъ нѣсколько слезъ и возвратился въ Бостонъ, гдѣ издалъ эту исторію.

Ее приняли за hoax самого лучшаго калибра; слогъ не будучи чистымъ и изящнымъ, живъ и увлекателенъ; удивлялись, что Американецъ такъ гасконски замысловатъ, но читали его съ удовольствіемъ. Американцы понимаютъ шутку, если она не касается національной чести, любятъ ее даже, когда она высказана со вкусомъ, и Германа Мельвиля приняли за очень забавнаго и оригинальнаго враля.

Но одновъ строгій ньюіоркскій журналъ выказалъ романческія выдумки Мельвиля и упрекнулъ его въ клеветѣ на тантскихъ и маркизскихъ миссіонеровъ. Разсказчикъ не отвѣчалъ ничего; но вдругъ въ январь 1846 въ журналѣ одной отдаленной провинціи явилось письмо матроса Товія, съ примѣчаніемъ издателя, который, какъ говорилъ онъ, видѣлъ Товія лично.

«Отецъ его (слова издателя) былъ мызынникомъ въ городѣ Даріенъ, въ Генезейскомъ графствѣ. Товій живетъ въ нашемъ городѣ и исправляетъ ремесло красильщика судовъ; онъ увѣряетъ, что приключенія, разсказанныя Германомъ Мельвилемъ, справедливы во всемъ. Нѣтъ причины сомнѣваться въ словахъ Товія, который очень честный человекъ».

Потомъ идетъ письмо самого Товія — Ричарда Грина по настоящему прозванію. Слѣдъ удара, нанесеннаго ему начальни-

комъ нукагивскихъ дикарей, еще видѣется на лбу. Онъ очень желаетъ найти господина и товарища по бѣдствіямъ Мельвила и просить редактора помѣстить его письмо, надѣясь, что его перепечатаютъ въ листкахъ албанскомъ, бостонскомъ, ньюіоркскомъ, и что оно дойдетъ до Мельвила.

Письмо Товія не увѣрило никого; никто не сомнѣвался, что все было устроено заранѣе: какъ въ-самомъ-дѣлѣ найти доказательства и свѣрить имена, числа, происшествія? Товій поручается за Мельвила, который поручается за Товія, за обоихъ порукой издатель провинціального журнала, въ свою очередь получающій отъ нихъ патентъ на правдивость. Дѣло запутывалось, зрители забавлялись, для спекуляторовъ американскихъ тутъ было что *отгадывать, соображать, разсчитывать*. Короче, это было довольно занимательный предметъ для пари въ области литературы. Германъ Мельвилъ успѣшилъ воспользоваться первымъ успѣхомъ и скоро далъ продолженіе *Taipi*, которое назвалъ *Ому*. Почти тѣ же достоинства заключались во второмъ сочиненіи, имѣвшемъ менѣе успѣха; это отрывки дорожнаго журнала, изъ котораго былъ заимствованъ *Taipi*. Репутація рассказчика утвердилась. Каждый соглашался, что у Германа Мельвила было необыкновенное воображеніе, что онъ выдумывалъ самыя любопытныя нелѣпости и неподражаемъ въ серьезной мистификаціи.

Но извѣстный критикъ Филаретъ Шаль, не соглашался съ этимъ мнѣніемъ и находя въ сочиненіяхъ Мельвила свѣжесть и глубину впечатлѣній, видя въ немъ писателя не столько забавляющагося мечтою и играющаго съ облакомъ, сколько преслѣдуемаго могущественнымъ воспоминаніемъ, типъ характера англо-американскаго, живущаго ощущеніями, любопытнаго какъ ребенокъ, отважнаго какъ дикаря, бросающагося очертя голову въ неслыханныя предпріятія, оканчивающаго ихъ съ отчаяннымъ героизмомъ, и долагая, что Мельвилъ очень вѣрно описалъ самого себя, обратился къ одному почтенному гражданину Соединенныхъ-Штатовъ, человѣку ученому и остроумному, съ вопросомъ о настоящемъ имени этого страннаго писателя, который называетъ себя Германомъ Мельвилемъ и издаетъ такія любопытныя сказы какъ *Taipi* и *Вторникъ*. Вотъ что отвѣчалъ ему почтенный гражданинъ Соединенныхъ-Штатовъ, человѣкъ ученый и остроумный:

— Вы люди слишкомъ утонченныя, доискиваетесь вездѣ хитрости, да притворства? Германа Мельвила зовутъ Германомъ Мельвилемъ; онъ сынъ бывшаго секретаря посольства нашихъ штатовъ при Севъ-Джемскомъ дворѣ. Человѣкъ пылкаго темперамента

онъ рано пошелъ въ море. Какія приключенія ознаменовали курсъ его бурныхъ и не слишкомъ классическихъ наукъ? Онъ одинъ можетъ уведомить васъ объ этомъ, и если когда-нибудь вы пойдете въ Массачусетъ, гдѣ онъ живетъ и гдѣ женился, совѣтую вамъ обратиться къ нему за свѣдѣніями. Это человѣкъ атлетическаго сложенія, еще молодой, смѣлый, предприимчивый, человѣкъ составленный весь изъ нервовъ и мускуловъ, которыми весело борется съ волнами и съ бурями, съ людьми и погодой. Онъ женился на дочери мистера Шау, одного изъ самыхъ знаменитыхъ судей въ Новой-Англіи, и живетъ теперь въ тишинѣ семейной жизни, окруженный справедливой и странной знаменитостью, которой нѣсколько двусмысленную сторону онъ принялъ охотно, потому что на него смотрятъ вообще какъ на рассказчика хорошо выдуманыхъ басенъ, но самыхъ невѣроятныхъ, нелѣпыхъ басенъ. Родныхъ его, которые знаютъ, что приключенія, рассказанныя имъ справедливы, нисколько не льстятъ похвалы его воображенію. Двоюродный братъ его, у котораго я провелъ прошедшее лѣто, много кричалъ противъ упорства читателей, смотрящихъ на *Таупи* и *Ому* какъ на сцены фантастическія. — Братъ мой, говоритъ онъ, пишетъ очень хорошо, особенно когда описываетъ вѣрно то, что чувствовалъ; не получивъ образованія въ обыкновенномъ и принятомъ смыслѣ этого слова, онъ сохранилъ свѣжесть впечатлѣній. Именно своимъ молодымъ лѣтамъ, проведеннымъ среди дикарей, обязанъ онъ этой искренности, силой, этимъ благоуханіемъ странной дѣйствительности, которые придаютъ ему необыкновенный колоритъ; онъ бы никогда не выдумалъ писанныхъ имъ странныхъ сценъ. Смѣшно то, что восхищенный своей импровизированной репутаціей, онъ не разувѣряетъ тѣхъ, которые приписываютъ блеску и творческой плодовитости воображенія достоинства, принадлежащія только вѣрности воспоминанія. Онъ будетъ въ отчаяніи, если узнаютъ истину въ этомъ любопытномъ эпизодѣ изъ жизни молодого моряка. Появленіе Товія или Ричарда Грина, лица дѣйствительнаго и раздѣлявшаго всѣ его опасности, было ему нѣкоторымъ образомъ непріятно; оно низводило его съ пьедестала романиста до обыкновенной роли рассказчика. Зная и сумасбродную голову Мельвила, и какъ онъ провелъ свои первые годы, читая его журналъ, его *Boug-Notes*, который теперь въ рукахъ его тестя, разговаривая съ Ричардомъ Гриномъ его вѣрнымъ Ашатомъ, я смѣюсь надъ его читателями. Вы видите ложь тамъ, гдѣ истина, а истину тамъ, гдѣ ложь. Перечтите *Таупи*, не говорю объ *Ому*

который только блѣдный оттискъ перваго, перечтите *Тапи* не какъ романъ, но какъ отпечатокъ идей и правовъ, свойственныхъ полинезійскому архипелагу, такъ мало извѣстному. Новый путешественникъ правдивѣ Бугенвиля, который перемѣнилъ роши *Тапи* въ будоаръ *à la Pompadour*, — чѣмъ Дандро, который, чтобы украсить и расцвѣтить свой чувственный матеріализмъ, употребляетъ въ дѣло сладострастные рассказы Бугенвиля; онъ правдоподобнѣ Англичанъ Эллиса и Ирля, озабоченныхъ только оправданіемъ поведенія англичанскихъ миссіонеровъ; словомъ всѣхъ тѣхъ писателей, которымъ недоставало вмѣстѣ и поэтическаго и живописнаго слога и горячности слога, необходимой для такихъ описаній. Конечно Мелвилль употребляетъ слишкомъ сильныя краски, но это не удивительно. Въ его тогдашнемъ возрастѣ, въ ту эпоху, когда первый пылъ и свѣжесть развивающейся жизни придаютъ идеямъ и впечатлѣніямъ страстную силу, онъ долженъ былъ ощущать это живое, преувеличенное, если хотите, волненіе, при новости видовъ и страшности опасностей. Его плодovitый слогъ слишкомъ украшенъ, колеръ въ родѣ Рубенса, краски жарки и сильны, пристрастіе къ драматическимъ эффектамъ, цвѣтистыя описанія оскорбляютъ вкусъ, но смѣшно бы ожидать воздержности колорита отъ молоденькаго американскаго юнга, который вмѣлъ честь провести четыре мѣсяца съ дикарями, раздѣляя удовольствіе ихъ первобытной жизни и чуть было не попался къ нимъ на жаркое. Какъ всѣ его предшественники, какъ Кукъ и Бугенвиль, онъ писалъ съ упоеніемъ, причивенномъ прелестью природы и странностью обычаевъ. Только Американецъ, не столько обольщаясь сладострастіемъ новой Цитеры сколько радуясь возможности гоняться за приключеніями, является отважнымъ, рѣзкимъ, пылкимъ; это характеръ особенный, дѣлающій это странное твореніе достойнымъ изученія.

И такъ будемъ смотрѣть на сочиненія Мелвиля какъ на рассказъ изъ путешествій, а не какъ на мечту, какъ на взглядъ, брошенный на полинезійскую жизнь, а не какъ на пріятную выдумку. Прежде чѣмъ примемся за его послѣднее твореніе *Вторникъ*, послѣдуемъ за молодымъ юнгой въ эту неизвѣстную долину на Маркизовыхъ Островахъ, среди племенъ, почти неизвѣстнаго миссіонерамъ, чуждаго полу образованности, наложеной соприкосновеніемъ съ Европейцами прибрежнымъ туземцамъ, сдѣлавшимся обращкомъ жеманнаго варварства и кокетливаго

невѣжества. Мельвилъ не изъясняетъ подробно какимъ образомъ очутился онъ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ на китоловномъ американскомъ суднѣ, остановившемся въ Нукагивѣ въ 1842. Не говорить также почему находился въ немилости у капитана Ванга, ни какія причины заставили его бѣжать.

«Когда наша лодка, говоритъ онъ, вошла въ Тіорскій Заливъ, солнце было въ зенитѣ. Огромныя волны Океана вѣжно несли насъ подъ обременительнымъ звономъ, и какъ съ нами воды не было, жажда пожирала насъ. Мнѣ такъ хотѣлось поскорѣе выйти на землю, что прежде чѣмъ мы причалили къ берегу я выпрыгнулъ и очутился въ толпѣ вагихъ дѣтей, которые кричали какъ демоны и пустились за мной по пятамъ. Я пробѣжалъ бѣгомъ все пространство, раздѣлявшее меня отъ густой рощицы, въ которую я бросился очертя голову, какъ водолазъ въ море. Какое восхитительное ощущеніе охватило меня! Мнѣ казалось, что я обвѣтъ элементомъ новой жизни, исполненной свѣжести, журчанья, плавнаго шума, упительной сладости. Говори, что хочешь объ освѣжительномъ и крѣпительномъ дѣйствіи морскихъ ваннъ: ванна въ тѣнистой зелени Тіора, подъ кокосами и пальмами, среди атмосферы, достойной Эдема, вотъ наслажденіе! Какъ описать представившійся мнѣ ландшафтъ. когда я вышелъ изъ этого зеленѣющаго убѣжища? Узкая долина съ уютными и драпированными переступенемъ пригорками, составляя отъ одной вершины до другой арки изъ вѣтвей и прозрачныхъ фестоновъ, какъ будто отворяла мнѣ длинную бухту зелени, которая по мѣрѣ того какъ я подходилъ, расширялась и образовала самую великолѣпную долину, какую только я когда-либо видалъ.»

Именно этому описательному слогу, этому нѣсколько преувеличенному можетъ-быть, и выбирающему предпочтительно живыя и блестящія краски, колориту, обязанъ Мельвилъ своей репутаціей фантастическаго писателя. Волшебство полинезійскаго ландшафта обольщаетъ юнгу, который въ сопровожденіи товарища своего матроса Ричарда Грина дезертируетъ въ одинъ прекрасный день. Проливной дождь принуждаетъ ихъ укрыться въ военныхъ лодкахъ, привязанныхъ у берегу, потомъ они вмѣстѣ идутъ къ довольно возвышенному холму, увѣчанному густымъ лѣсомъ.

«Когда мы подошли къ подошвѣ холма, говоритъ онъ, насъ остановила груда высокаго тростнику желтаго цвѣту, чрезвычайно густаго, плотная колоннада, составленная изъ острыхъ, гибкихъ и твердыхъ какъ желѣзо, палочекъ. Напрасно искали мы

болѣе удобопроедимаго пути, мы съ горестью убѣдились, что тростниковый лѣсъ возвышался до середины холма. Ни просѣки, ни тропинки. Надо было прокладывать себѣ дорогу ирестушомъ среди этихъ штыковъ. Будучи сплѣтѣ Товію я пошелъ впередъ, оставивъ его въ арьергардѣ. Я исполнилъ то, что моя сила и ловкость позволяли мнѣ, ломая и придерживая справа и слева сжатые зубцы этого природнаго исполнскаго гребня, среди котораго пошла мы какъ мышь въ мышеловку. Скоро я отчаялся въ успѣхѣ. Гибкіе и жесткіе стебли безпрестанно сдѣлывались, не смотря на всѣ мои успія. Въ бѣшенствѣ отъ такого неожданнаго и страшнаго препятствія, я бросился всей тяжестью тѣла на длинныя шипы, чтобы разломать ихъ, но обломки царапали меня до крови и я вставалъ, чтобы приняться за то же. Повторяя эту продѣлку, мы подвинулись на вѣскольکو шаговъ и я упалъ, побѣжденный усталостью, покрытый потомъ. Пизевскій и худощавый Товію минутъ двадцать пользовавшійся моими успіями, хотѣлъ смѣнить меня и пошелъ въ авангардѣ безуспѣшно. Онъ никакъ не могъ сладить съ тростникомъ и я долженъ былъ опять стать на своей постѣ. Съ тѣломъ, облитымъ кровью и потомъ, пещарапаные, израненные, добрались мы почти до половины дороги, дождь пересталъ и атмосфера сдѣлалась жаркою выше всякаго выраженія. Упругость тростника поднимала его со всѣхъ сторонъ, онъ останавливалъ то малое количество воздуха, которое могло бы дойти до насъ, мѣшалъ видѣть, гдѣ мы находились и найти дорогу между этими осьми и десяти футовыми стеблями. Запыхавшись, въ изнеможеніи, я чувствовалъ себя неспособнымъ идти далѣе. Рубаха была вся смочена дождемъ, я выжалъ рукавъ, чтобы утолить жажду; вѣскольکو капель воды, добытыхъ такимъ образомъ не облегчили меня, я упалъ замертво въ безсмысленной апатіи. Между-тѣмъ Товію выдумалъ средство выпутаться изъ засады. Вооружившись охотничьимъ ножомъ, онъ принялся косить на право и на лѣво непокорный тростникъ: образовалась прогалина. Прійдя въ себя я послѣдовалъ его примѣру, возвратившему мнѣ бодрость и сдѣлалъ значительную засѣку около насъ. Но увы! чѣмъ болѣе расширялся подвигъ разрушенія, тѣмъ болѣе увеличивалась возвышенность и густота тростника. Я начиналъ думать, что все кончено и что безъ прибавки доброй пары крыльевъ, намъ будетъ невозможно выйти изъ капкана, какъ вдругъ на право явилась прогалина и пропустила до меня радостный лучъ солнца. Я сообщалъ это пріятное извѣстіе Товію и мы принялись за дѣло съ

большой силой и мужествомъ чѣмъ прежде; мы такъ хорошо трудились, что очутились наконецъ на свободѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ вершины. Послѣ нѣсколькихъ минутъ спокойствія мы взобрались на хребетъ, не поднимаясь на ноги, чтобы жители долины не примѣтили насъ и не преградили пути, но ползая на рукахъ, на ногахъ, на колѣнахъ, скользя по муравѣ какъ змѣй. Цѣлый часъ былъ посвященъ этой не слишкомъ удобной переправѣ.

Полагая, что защищены отъ нескромныхъ наблюдений завѣсомъ деревь, мы смѣло встали. Этотъ хребетъ, отдѣляясь отъ другихъ скалъ, составлявшихъ амфитеатръ около бухты, возвышался остроугольнымъ угломъ надъ берегомъ, и исключая небольшого количества наклонныхъ плоскостей, образовала отлогій спускъ, косвенно простиравшійся къ центральнымъ горамъ острова. Мы достигли почти до того мѣста на этой площадкѣ, которое возвышается надъ моремъ. На лѣво была дорога, которая должна была провести насъ на гору и покрытая плоской, бархатистой муравой, иногда ширвою только въ нѣсколько футовъ. Восхищаясь успѣхомъ нашего предпріятія, дыша свѣжимъ ароматическимъ воздухомъ, возвратившимъ крѣпость членамъ, мы пустились по этой эластической и мягкой поверхности, но профиль нашъ, рисовавшійся ясно на песчаномъ грунтѣ, уже замѣтили. Изъ впадинъ самыхъ удивительныхъ долинъ, изъ самыхъ скрытыхъ ущелій раздались страшные крики и, опустивъ глаза на долину; мы увидали дикихъ обитателей острова, выбѣгающихъ въ безпорядкѣ изъ хижинъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ какъ бѣлыя точки. Мы находились слишкомъ высоко, чтобы не чувствовать себя въ безопасности отъ преслѣдованія и съ одной стороны знали, что дикари не побѣгутъ за нами въ пустыни горъ, съ другой, что у насъ было довольно времени, чтобы убѣжать отъ нихъ. Однако при этихъ крикахъ мы пустились бѣжать спѣше и были наконецъ остановлены отвѣсною стѣной, преградой казавшейся неодолимой. Помощью неусыпной смѣлости, древесныхъ кореньевъ и кустарника, употребленныхъ нами вмѣсто ступеней, рискуя сто разъ переломить себѣ шею, мы перелѣзли черезъ стѣну и продолжали бѣжать съ чрезвычайной быстротою. Мы пристали къ острову рано утромъ и все поднимались, ни разу не оборачиваясь къ морю. Могло быть часовъ шесть вечера. Наконецъ мы усѣлись на самомъ возвышенномъ пикѣ острова, огромномъ базальтовомъ пикѣ, обитомъ со всѣхъ сторонъ цвѣтами и чуждыми растеніями, возвышав-

шелея почти на три тысячи футовъ надъ уровнемъ моря, какъ огромная, каменная корзина.»

Вся эта картина либѣтъ достоинство животрепещущей истины. Бѣглецы, у которыхъ почти не было провизіи, и лѣтъ смѣшался съ табакомъ въ карманѣ, достигли до оврага или глубокой ямы, которой описаніе очень любопытно:

•Представившееся намъ природное зрѣлище, живо напечатлѣлось въ моемъ воспоминаніи. Пять потоковъ или скорѣе пять пѣнистыхъ лавинъ, падающихъ изъ пяти отверстій или ущелій и увеличенныя дождемъ соединялись въ одну яростный водоворотъ, стремившійся съ страшнымъ шумомъ съ осьмидесяти футовой вышины на дно углубленія, вырытаго въ скалахъ, громоздившихся около насъ; оттуда бурный потокъ, сжатый въ узкомъ проходѣ, казалось терялся въ самой глубинѣ и нѣдрахъ земли. Сводъ, образованный исполненными корнями и столѣтними вѣтвями сосѣднихъ деревьевъ, треметалъ подъ непрерывнымъ потрясеніемъ гремучаго каскада, и сбрасывалъ съ длинныхъ волюсь своихъ непрерывный дождь. Свѣтъ умирающаго дня проникалъ съ меланхолическимъ дрожаніемъ сквозь влажную арку, дѣлая видъ еще ужаснѣе и страшнѣе и напоминала, что скоро сумерки окружатъ насъ. Когда я осмотрѣлъ это новое убѣжище, я спросилъ себя какъ могло случиться, что я принялъ за тропилку борозду, которая привела насъ въ такое мѣсто, и началъ думать, что на-вѣрно не дикари проложили эту совсѣмъ безволезную дорогу. Впрочемъ было что то успокоительное въ мысли, уменьшавшей для насъ возможность встрѣтиться внезапно съ тѣми, которыхъ мы опасались, и я заключилъ, что мы не можемъ сдѣлать ничего лучшаго какъ воспользоваться тайникомъ, драгоценнымъ для вашей безопасности. Товинъ думалъ тоже; немедленно привялисъ мы строить временной шалашъ изъ листьевъ и обломковъ деревь. Мы принуждены были выстроиться у подошвы водопада; вода занимала остальное пространство. Въ непродолжительное время до наступленія ночи, мы покрыли кровлю слоями влажной муравы, росшей въ расщелинахъ скалъ. Нашъ шалашъ, названіе это еще слишкомъ высокопарно, состоялъ изъ полдюжины вѣтвей, положенныхъ косвенно къ скалѣ съ однимъ концомъ, воткнутымъ въ ложе потока; мы вползли подъ этотъ родъ навѣсу, чтобы дать тамъ отдыхъ нашимъ истощеннымъ силамъ. Это была ужасная почъ, я никогда ея не забуду. Товинъ, котораго голосъ утѣшилъ бы меня, сдѣлался неспособенъ произнести ни одного слова; прислонившись спиной къ стѣнѣ, вдоль

которой текли вѣтвныя ледяныя капли, уткнувъ голову въ колѣна, съ судорожною дрожью въ членахъ, онъ не находилъ ни мыслей, ни слова, ни дыханія. Ничего не доставало къ нашему мученію. Дождь лпль ливнемъ и дѣлалъ изъ нашего убѣжища презрѣвную пропію. Ужасы голода, холода, отчаяннаго положенія, окружающія насъ сумерки, лишпл было меня мужества.

Ночь прошла, а бѣглецамъ сталъ не легче; будучи принуждены тащиться по кустарнику: одинъ рапечій въ ногу осколкомъ тростника, другой дрожа отъ лихорадки, они дошли до безымянной долины, которая снабдила ихъ на завтракъ остатками плодовъ, забракованныхъ птицами, и не примѣтили никакой дороги.

«Не зная куда направить шаги, видя передъ собой только горизонтъ безъ проложеннаго пути, мы рѣшились войти въ близкую рощу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея я зацѣпилъ ногой кусокъ плода хлѣбнаго дерева, совершенно зеленый, еще влажный и, очевидно, только что сорванный. Я подаль его Товію, который не могъ удержаться, чтобы не затрепетать при этомъ неоспоримомъ доказательствѣ содѣянаго дикарей Таипи или Гаппаръ, двухъ враждебныхъ, непримиримыхъ племенъ. Немного подале мы нашли связку вѣтвей того же дерева. Казалось вѣроятнымъ, что кто-то, испугавшись нашего приближенія, бросилъ эту вязанку, и побѣжалъ уведомить тозарищей. Въ какія руки попадемъ мы, къ Таипи или Гаппарамъ? Возвратиться было поздно; мы медленно подвигались, Товію смотрѣлъ направо и на лѣво подъ деревья. Вдругъ я вижу, что онъ остановился, словно его ужалила эхидна, всталъ на колѣна, одной рукой раздвинулъ густыя листья, другой сдѣлалъ мнѣ знакъ не идти далѣе, между тѣмъ какъ взглядъ его, устремленный на отдаленный предметъ, какъ-будто не могъ отъ него оторваться. Я не послушался его безмолвнаго указанія, подошелъ и увидѣлъ два существа, стоявшія неподвижно, прижавшись другъ къ другу. Безъ всякаго сомнѣнія, увидѣвъ насъ, они убѣжали въ чашу кустарника. Я тотчасъ рѣшился. Бросивъ палку, вытащилъ изъ ула кусокъ бумажной матеріи и привязалъ его какъ знамя къ концу сорванной вѣтви. Товію я велѣлъ сдѣлать тоже самое и оба, вѣся въ рукѣ жезлъ мира, подошли къ двумъ трепещущимъ существамъ. Это были — мальчикъ и дѣвочка, одинъ лѣтъ шестнадцати или семнадцати, другая четырнадцати или пятнадцати, красоты и правильности формъ обыкновенныхъ, которыхъ парадъ украсила одна природа. Наклонивъ голову со вниманіемъ и сжимаю руку дѣвушки, полузакрытый длинными волосами подруги,

молодой человекъ облокотился другою рукою на ея локоть. Изящная вѣжливость стана, движеніе боязни, склонившее ихъ впередъ, граціозное положеніе обонхъ составляло изящную группу самаго прелестнаго и завиднаго эффекту. Молодой человекъ былъ совершенно голъ, на дѣвушкѣ былъ только древесный поясъ, откуда следи и спереди висѣло по два листка хлѣбнаго дерева. При нашемъ приближеніи, они чрезвычайно испугались. Боясь, чтобы они не убѣжали, я остановился и, показывая кусокъ матеріи, просилъ жестами принять этотъ подарокъ. Они не трогались съ мѣста. Я произнесъ нѣсколько словъ на ихъ языкѣ; они, казалось, успокоились; я подвинулся впередъ, они отступали шагъ за шагомъ; мы подошли наконецъ такъ близко, что могли набросить имъ на плеча подарокъ и продолжали вѣжливые жесты: чета все отступала... Наконецъ, ускоривъ шаги, они вдругъ испустили продолжительный крикъ странною интонаціи, на который изъ соседней рощи отвѣчалъ такой же крикъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы вошли въ открытое пространство и замѣтили въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ длинный и низкій шалашъ, передъ которымъ сидѣло нѣсколько дѣвушекъ. Увидѣвъ насъ, всѣ вскочили и исчезли въ кустахъ какъ робкія лани. Скоро раздались дикіе крики и со всѣхъ сторонъ приближались туземцы; шумная толпа женщинъ, дѣтей, мальчишекъ, окруживъ насъ съ громкими восклицаніями, не допускала идти впередъ. Словно ихъ землей завладѣла армія. Что разсказывали наши юные вводители, казалось, удвоивало удивленіе островитянъ, смотрѣвшихъ на насъ во всѣ глаза. Наконецъ мы дошли до большаго строенія изъ бамбуку, и туземцы, образовавъ изъ себя ограду, чтобы пропустить насъ, сдѣлали намъ знакъ войти туда. Мы повинувались и безъ церемоній бросились на циновки, которыми былъ устланъ полъ. Черезъ нѣсколько минутъ комната наполнилась людьми; тѣ, которые не могли войти, старались увидать насъ сквозь щели тростинку и бамбуку.

«При свѣтѣ умирающаго дня мы смотрѣли на эти внимательныя и дикія лица, блиставшія любознательствомъ и изумленіемъ; здѣсь бронзоватыя, татуированныя вонны, тамъ дѣвушки съ вѣжными членами, всѣ заняты шумнымъ разговоромъ, котораго текстомъ, очевидно, были мы, а проводники наши разсказывали подробности и насилу успѣвали отвѣчать на вопросы. Ничто не можетъ быть сильнѣе тѣлодвиженій этихъ островитянъ, когда разговоръ оживляется; жесты ихъ и движенія, смѣшанные съ воємъ и пласками, наконецъ порядочно насъ напугали. Возлѣ насъ

сидѣло съ полдюжины начальниковъ, съ видомъ очень благороднымъ. Будучи воздержите другихъ, они смотрѣли на насъ съ ирачнымъ и постояннымъ вниманіемъ, что насъ очень смущало. Одинъ изъ нихъ, казалось, пользовавшійся въкоторую власть, вдругъ всталъ прямо передъ нами; неподвижность лица отвѣчала неподвижности тѣла; можно было сказать, что это бронзовая статуя. Никогда не случалось мнѣ подвергаться пытливости взгляда, такъ страшно пристальнаго; мысль дикаря не открывалась въ немъ: онъ изслѣдовалъ мою. Довольно долго подвергнувшись этому веселому испытанію, я потерялъ терпѣніе и старался избавиться отъ него, или по крайней мѣрѣ отвлечь, предложивъ табакъ начальнику дикарей, котораго надѣялся этимъ задобрить. Отстегнувъ камзолъ, я вынулъ изъ боковаго кармана свертокъ табаку и предложилъ ему. Спокойно оттолкнувъ онъ мой подарокъ и, не говоря ни слова, сдѣлалъ знакъ воротиться на свое мѣсто. Въ прежнихъ сношеніяхъ моихъ съ нукагвскими и тиорскими дикарями, предложеніе табаку всегда имѣло успѣхъ. Долженъ ли я быть считать отказъ начальника за объявленіе войны? былъ ли онъ Гаппаръ или Таппи? Наконецъ долго безмолвныя и закрытыя уста его отворились, и именно съ этимъ вопросомъ обратился ко мнѣ дикарь:

« — Таппи или Гаппаръ?

« Я обернулся къ Товію, на лицо котораго туземный факель бросалъ красноватый блескъ, и видѣлъ какъ онъ поблѣднѣлъ и задрожалъ при этомъ роковомъ вопросѣ. Послѣ мнунтой паузы я отвѣчалъ на удачу, уступивъ какому-то тайному побужденію:

« — Таппи!...

« Бронзовая статуя опустила голову въ знакъ ободренія и продолжала тѣмъ же вопросительнымъ тономъ:

« — *Мортарки?*

« Я повторилъ: *Таппи Мортарки!* Продолжительный крикъ радости привѣтствовалъ этотъ отвѣтъ; цѣлая толпа смуглыхъ и голыхъ людей принялась танцовать около насъ; хлопали въ ладоши и лѣсъ тысячу разъ огласился этими волшебными словами: *Таппи мортарки*, которыя все устроили.»

Живость и драматическій интересъ, цвѣтистая, одушевленная быстрота отличаютъ эти страницы, полныя жизни, качество основное, безъ котораго нѣтъ литературнаго произведенія.

Мельвилъ продолжалъ:

« Разлегшись на циновкахъ, мы держали потомъ родъ торжественнаго пріема, давали аудіенцію группамъ; приходившія одна

за другою объявлять намъ имена; мы говорили имъ наши и онѣ очень весело удалялись. Какъ всё смѣялись во время церемоніи, и какъ порывы веселости возобновлялись при каждомъ новомъ означеніи, которое новопришедшіе себѣ приписывали; я не могъ не подумать, что комедія разыгрывалась на нашъ счетъ и что каждый изъ представляемыхъ забавлялъ компанію, присвоивъ себѣ чудные титулы и необыкновенныя вѣнчепованія, причинившія общую веселость, и которыхъ смыслъ былъ намъ невѣстенъ. Все это продолжалось съ часъ. Когда толпа нѣсколько уменьшилась, я сдѣлалъ знакъ главному начальнику, котораго звали Мегеви, и онъ повялъ, что намъ хочется ѣсть и спать. Тотчасъ, по его приказанію, намъ принесли два кокосовыхъ орѣха, облушленные и полуразломанные, и тыквенную бутылку, наполненную *пой-поемъ*, родъ каши или тѣста, изъ сердцевины хлѣбнаго дерева: кушанье, служащее основаніемъ туземной кухни, желтаго цвѣту, очень липкое; оно похоже на губной клей въ жидкомъ состояніи. Поднеся къ губамъ кокосовые орѣхи и проглотивъ разомъ прохладительное питье, которымъ они были наполнены, мы не знали какъ намъ приняться за *пой-пой*, на который я смотрѣлъ съ жадностью. Наконецъ, сузувъ туда руку, я вытащилъ ее всю покрытую этимъ вязкимъ клеємъ; даже бутылка подвигалась отъ движенія, до того тѣсто густо и тяжело: Товій сдѣлалъ точно тоже; это двойное доказательство нашей неловкости и невѣжества вызвало у хозяевъ продолжительный и сильный порывъ веселости. Когда онѣ утихъ нѣсколько, Мегеви сдѣлалъ намъ знакъ быть внимательными, и я увидѣлъ, что онъ хочетъ дать намъ урокъ. Погрузивъ указательный палецъ правой руки въ бутылку и, повернувъ его ученымъ образомъ, вытащилъ обмазанный тѣстомъ, описалъ имъ кругъ въ воздухѣ, чтобы не допустить тѣсто свалиться и, положивъ палецъ въ ротъ, вынулъ совершенно чистымъ. Я подражалъ его примѣру не совсѣмъ успѣшно. Голодному некогда изучать свѣтскіе обычаи, особенно когда онѣ на островѣ Южнаго Океана; мы съ Товіемъ продолжали забавлять островитянъ нашими неловкими успіями, которыя наконецъ обліпили намъ лицо словно маской и оставили многочисленныя слѣды на одеждѣ. Кушанье это такое трудное для ѣды, немного горьковатаго вкусу, не имѣетъ ничего непріятнаго для Европейца. Въ нѣсколько дней я привыкъ къ нему и нашелъ превосходнымъ. Это кушанье смѣшали другія, чрезвычайно вкусныя; обѣдъ кончили вапаткомъ кокосовыхъ орѣховъ, удивительно съжжхъ. Потомъ намъ подали трубку, любопытно изваянную, кото-

рую мы начали курить. Во время обѣда туземцы не переставали разсматривать насъ съ самымъ постояннымъ вниманіемъ; малѣйшія подробности нашихъ жестовъ и движеній становились для нихъ неисчерпаемымъ источникомъ толковъ, и изумленіе дошло до высочайшей степени, когда мы сняли платье, промокшее отъ дождя. Они не могли понять, что полугодовое плаваніе подъ тропикомъ впечатлѣло на наши лица червотавый оттѣнокъ, и удивлялись, что бѣлизна тѣла противорѣчила смуглости лица; шупали вездѣ, какъ купецъ шупаетъ матерію, которую находятъ краивою; и громкія восклицанія, при видѣ бѣлой кожи европейскаго тѣла, уругахъ мускуловъ, не такъ жесткихъ и твердыхъ какъ кожа Полинезійцевъ, изумляли ихъ.»

Въ слѣдующей книжкѣ мы расскажемъ какъ Мельвилъ узналъ, что у этихъ островитянъ, среди ихъ первобытной и прелестной невинности, есть странные вкусы, и какъ трогательная простота поклонностей допускаетъ, несмотря на Жанъ-Жака, въ которую примѣсь людоедской гастрономіи.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *On ne saurait penser à tout*, *Нельзя всего предвидѣть*, комедія въ одномъ дѣйствиіи, Альфреда де-Мюссэ.

Во всякомъ дѣлѣ только первый шагъ труденъ: это истина, доказанная опытомъ въковъ, и которую испыталъ авторъ предлагаемой комедіи, или вѣрнѣе, драматической поговорки. Пѣсколько лѣтъ его комедіи и поговорки были печатаны и извѣстны всему читающему міру, а онъ и не думалъ о возможности ставить ихъ на сцену; наконецъ госпожа Алланъ, возвратившись въ Парижъ, пожелала возобновить свои петербургскіе успѣхи, и поставила «Прихоть», безспорно одно изъ лучшихъ произведеній его пера. Пьеса имѣла успѣхъ, какаго должно было ожидать отъ нея и отъ таланту исполнительницы, и открыла путь на сцену и другимъ поговоркамъ господина де-Мюссэ. Не довольствуясь старымъ запасомъ, онъ принялся даже писать новыя; но къ сожалѣнію должно сознаться, что новыя далеко не соответствуютъ старымъ, ни по содержанію, ни по отбѣлкѣ.

Не только мысль, но даже многія сцены, разговоры, остроты поговорки «Нельзя всего предвидѣть», заимствованы изъ не являшагося въ свѣтъ произведенія покойнаго водевиллиста Кармонте-ля. Альфредъ де-Мюссэ, вѣроятно, вспомнилъ изреченіе Мольера: «Я беру свое добро, гдѣ оно ни попадется.» Но эта система ему, очевидно, не счастливится, потому что заимствованіе вышло очень

неудачно. Вотъ вамъ тощее содержаніе заимствованной последицы :

Вѣчный маркизъ и вѣчная маркиза, отъ которыхъ давно уже всѣмъ набило оскомину на зубы, любятъ другъ друга; но вмѣсто того, чтобы за-просто сказать другъ другу то, что каждый изъ нихъ очень хорошо знаетъ, и потомъ сыграть свадьбу, они вступаютъ въ безконечныя бесѣды о томъ, о семъ, а болѣе ни о чемъ, и кажется употребляютъ всѣ силы и средства, чтобы какъ-можно больше удалиться отъ дѣла. Прибавьте къ этому, что маркизъ и маркиза, во всемъ прочемъ совершенно похожіе на всѣхъ маркизовъ и маркизъ, которыми съ-покошъ-вѣку пробиваются сочинители комедій, водевилей и пословицъ, имѣютъ одну особенность: они удивительно разсѣяны; маркизъ говоритъ одно, маркиза отвѣчаетъ другое: оба путаются въ собственныхъ мысляхъ и словахъ; за что имъ возмущаются, все дѣлаютъ на-обумъ. Это могло бы продолжаться въ безконечность, если бы авторъ не сжался наконецъ надъ публикою, которая должна слушать всю эту безтолочь. Дѣло идетъ какъ-то на ладъ; влюбленные объявляются, сами не зная какъ это случилось, и начинаютъ укладываться, чтобы уѣхать къ посланическому посту маркиза, гдѣ и шамбрены они увѣчатъ свои безконечныя переговоры. Но въ минуту отъѣзда является дядя и объявляетъ, что посольство, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, не состоится. «Нельзя всего предвидѣть», говоритъ маркизъ, и зававѣсь опускается надъ этимъ глубокимъ прреченіемъ мудрости народовъ.

2. Un duel chez Nipon, Дуэль у Ниноны, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, господъ Теодора Барьера и Мишеля Каррэ.

Маркизъ, — не припомнимъ прозванія, — рѣшился разойтись съ Ниноюю де-Ланклѣ. Это можетъ показаться центроатнымъ, потому что достовѣрный исторіографъ любовныхъ ея приключеній, мосье де Вольтеръ, говоритъ, что ее никто не покидалъ, но что она сама скоро покидала своихъ любовниковъ. Но у маркиза есть очень уважительныя причины на это отступленіе отъ законнаго порядка вещей; разстроенное состояніе краснорѣчиво убѣждаетъ его остепениться, — жениться. Какъ обрадовался бы онъ, если бѣ дошла до него вѣсточка, что Нинона ему зміѣнила! а тутъ, какъ на зло, горничная ея клянется, что Нинона влюблена въ него болѣе чѣмъ когда-либо! Задумался маркизъ.... вдругъ пришла ему въ голову бластательная мысль: поѣть окномъ прошель человекъ молодой, недурной собою, дворянннъ, маркизъ

или графъ, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, богатый; словомъ, такой именно человекъ какого нужно, чтобы заступитъ мѣсто маркиза. Маркизъ призываетъ его; графъ входитъ. «Что вамъ угодно?» — Ничего. — «Какъ ничего! да зачѣмъ же вы меня звали?» — Тамъ, ни за чѣмъ. Вы проходили мимо, а я соскучился; вотъ я васъ и призывалъ. Не угодно ли вамъ будетъ побесѣдовать?

Графъ шутить не любитъ: онъ требуетъ удовлетворенія. Маркизъ принимаетъ вызовъ, но желаетъ сначала объясниться болѣе разумнымъ и не столь опаснымъ оружіемъ, словомъ. Онъ рассказываетъ въ чемъ дѣло; и графъ хочетъ уже удалиться, не требуя удовлетворенія отъ сумасшедшаго. Но Нинона все слышала, и, во что бы ни стало, отомстить невѣрному. Она удерживаетъ гостя, ласкаетъ его, кокетничаетъ съ нимъ; помиривъ того, какъ она опутываетъ сердце новаго знакомаго, ревность пробуждаетъ прежнюю любовь въ сердцѣ стараго, такъ что онъ готовъ для нея отказаться и отъ невѣсты и отъ приданнаго. Дѣло не обошлось бы безъ дуэли, если бы Нинона не постаралась примирить молодыхъ людей, убѣдивъ одного остаться отставнымъ другомъ, а другаго — быть кандидатомъ на званіе друга.

3. *Les Puritains d'Écosse, Шотландскіе Пуританы*, драма въ пяти дѣйствіяхъ и двѣнадцати картинахъ, господина Поля Феваль.

Бѣдовое племя — люди, запинаящіеся перекривленіемъ романовъ въ драмы. Никому вѣтъ отъ нихъ пощады: ни живымъ ни мертвымъ! Вотъ, напримеръ, господинъ Поль Феваль перекривлялъ сначала свои собственные романы, потомъ сталъ перекривлять романы своихъ пріятелей и сверстниковъ, а теперь уже принимается за романы мертвыхъ, и на первый случай выбралъ Вальтера Скотта. Бѣдный Вальтеръ Скоттъ! Каждый изъ нашихъ читателей, вѣроятно, знаетъ романъ его, переименованный въ переводахъ «Шотландскими пуританами»; зная же романъ, знаетъ и драму, потому что Поль Феваль не остановится за числомъ лицъ или за числомъ дѣйствій и картинъ, только бы всю книгу по листочкамъ выставить на сцену.

4. *Fleur de soufre, Сѣрный цвѣтъ*, фантастическая пьеса въ пяти дѣйствіяхъ, господина Мелезвля.

Герой этой пьесы, какъ можно догадаться изъ самаго уже названія, чертенокъ, но чертенокъ милый, любезный, очарователь-

ный! Онъ влюбился въ Мишу, жену москѣ Жюнаса, и рѣшилъ, во что бы то ни стало, что она будетъ принадлежать ему. Старшой положилъ, что онъ достигнетъ своей цѣли, если изъ трехъ искушеній, которыми она будетъ подвергнута, двухъ не выдержитъ. Вотъ Сѣрный цѣвь преслѣдуетъ бѣдную Мишу: сначала ведетъ онъ ее въ великолѣпный дворецъ, уполяетъ пласкою, лакомствами, шипучими винами, танцами. Добродѣтель Миши колеблется; однако же она опомниается во время, и съ честью выходитъ изъ перваго искушенія. Но чертѣнокъ не унываетъ: ему еще остается два искушенія. Видя, что удовольствіемъ ничего не возьмешь, онъ обращаетъ свои удары противъ чувствительнаго сердца Миши. У Миши есть ребенокъ; Сѣрный цѣвь посылаетъ опасную болѣзнь на младенца. Мишѣ стѣитъ послушать обольстителя, и младенецъ будетъ здоровъ. Материнская любовь побѣждаетъ супружескій долгъ; Миша соглашается дать обольстителю одна только поцѣлуй. Сѣрный цѣвь въ восторгъ: еще одно усиліе, и жертва въ его рукахъ. Онъ прикидывается невнятнымъ юношею, кается и проситъ прошенія; потомъ старается возбудить въ сердцѣ Миши ревность, внушая ей подозрѣніе насчетъ вѣрности мужа. Миша на краю паденія: ее спасаетъ добродѣтель.

Музыкальныя новости. *Лондонъ.* Еще новая церипетія въ романѣ Женни Ливдъ. Двѣ недѣли тому назадъ положительно было извѣстно, что она оставляетъ театръ и Англію, и выходитъ замужъ. Теперь она въ Парижѣ, а все-таки не замужемъ. Говорятъ, что она ѣдетъ въ Швецію. Что это, наконецъ, дѣйствительность или комедія? Если комедія, то пора бы ее когда-нибудь и кончить.

На Ковенгарденскомъ театрѣ возобновили «Гугенотовъ». Это представленіе было настоящимъ торжествомъ для Гривиз, которая исполнила роль Валентины съ такимъ совершенствомъ, какого отъ нея не ожидали въ родѣ музыки, ей совершенно чуждомъ. Марио отличился въ септуорѣ и дуо. Благословеніе княжаловъ пикъ, пафъ—Марини, ратапланъ, исполняемое Ривесомъ, каждый разъ требуются вторично.—«Донъ-Жуанъ» не смотря на то, что пѣлъ Бишекъ, не имѣлъ успѣха.

Парижъ. Холера продолжаетъ здѣсь свирѣпствовать и похищаетъ изъ музыкальнаго міра жертву за жертвой. Первою жертвою ея была знаменитая Каталани, второю Фредерикъ Калья-

бреннеръ, только что окончившій свое послѣднее произведеніе и намѣревавшійся ѣхать въ Италію, третьемою—извѣстный сочинитель романсовъ Пеппе Гамбогги, четвертою—Блезъ, замѣчательный оркестровый музыкантъ.—На дняхъ тоже умеръ профессоръ цѣвля въ консерваторіи, Бандералли, впрочемъ, не отъ холеры, а отъ иневризма.

Успѣхъ «Пророка» постоянно одинаковъ. Никогда ни одному образцовому произведенію не приходилось бороться противъ столь сильныхъ враговъ, какъ «Пророку». Враги эти: общіе выборы, холера, и невыносимые жары. Не смотря на такія неблагопріятныя условія, торжество его нисколько не уменьшается. Надобно отдать полную справедливость и исполнителямъ, старанія и энергія которыхъ, кажется, увеличиваются по мѣрѣ возрастанія неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Віардѣ поетъ и играетъ съ каждымъ днемъ лучше и лучше. Голосъ Рожѣ отдохнулъ отъ своей мгновенной усталости и зазвучалъ по прежнему. Кастелланъ не отстаеетъ отъ своихъ сотрудниковъ, и съ честью поддерживаетъ успѣхъ, приобретенный первымъ дебютомъ; наконецъ самый энтузіазмъ публики тоже не остываетъ ни на минуту.

Появленіе Мейерберова «Пророка» привело всю Европу въ какое-то напряженное состояніе, безпримѣрное въ исторіи искусства и тѣмъ болѣе замѣчательное при современномъ грозномъ ураганѣ событій. Парижъ теперь просто въ опьяненіи. Здѣсь самые важные политическіе вопросы уступили мѣсто великому вопросу ежедневной жизни: «достану ли я себѣ билетъ на Пророка?» Тѣ, кому удалось слышать новую оперу, превратились въ гордыхъ аристократовъ, и съ презрѣніемъ смотрятъ на несчастныхъ пролетаріевъ, которые еще не имѣли счастья, средства или случая (все это необходимо) сдѣлаться участниками великаго наслажденія. Такъ будетъ и впредь, до-тѣхъ-поръ, пока вся Франція не услышитъ новаго «Пророка». Тогда увидимъ мы замѣчательное явленіе: республиканцы, всѣ до единого, обратятся въ аристократовъ, то есть, въ аристократовъ искусства. Прочія государства Европы тоже присутствовали при первыхъ представленіяхъ «Пророка», въ лицѣ своихъ посланниковъ, и притомъ всякое на свой особенный національный ладъ.

Изъ Англіи прибыли въ Парижъ тысячи милордовъ и джентльменовъ, для того, чтобы посредствомъ золота и хитростей, подкупа и убѣжденій, добиться права сказать впоследствии: «я слышалъ Пророка». Всѣ лучшіе лондонскіе журналы прислали своихъ со-

трудяковъ и такимъ образомъ черезъ двое сутокъ могли помѣстить въ столбцахъ своихъ подробныя свѣденія о новомъ произведеніи Меѳербера. Дирекція Театра Королевы, которой предстоитъ счастье поставить у себя въ іюлѣ мѣсяцѣ «Пророка», не только сама въ полномъ своемъ составѣ присутствовала при парижскомъ представленіи, но даже привезла съ собой Марию, будущаго «Пророка», машинистовъ, балетмейстера, декораторовъ и костюмеровъ, и все это для того, чтобы лондонская постановка оперы ни на волосъ не разнилась отъ парижской. Голландія и Бельгія выказали свою осмотрительность, достоинство и ученость. Музыкальные общества амстердамское, роттердамское и брюссельская консерваторія отправили депутаціи и нарочво посланныхъ, которые выслушавъ внимательно и разобравъ по частямъ прелести новой партитуры, написали о ней, какъ напримѣръ Фетясъ (отецъ) нѣсколько ученыхъ и глубокомысленныхъ статей.

Особенно отрадно то, что и Германія, въ которой въ настоящую минуту совершается такая неурядица, не исключила себя изъ этого артистическаго переселенія народовъ. Это даетъ надежду, что врожденное Нѣмцамъ чувство гармоніи когда-нибудь возьметъ опять верхъ. Можно смѣло утверждать, что со всѣхъ концовъ Германіи направившя къ Паржу къ желѣзнымъ дорогамъ цѣлыя толпы артистовъ, любителей, критиковъ и энтузіастовъ. Впрочемъ *официально* объявлено только присутствие нѣсколькихъ издателей, изъ которыхъ одинъ пріобрѣвшій право изданія новой оперы, гордо поднялъ свою лучезарную главу — это именпо Гертель изъ Лейпцига, а прочіе обманувшіеся въ своихъ надеждахъ, грызли съ досады ногти и думали о томъ, какъ бы, не смотря на неудачу, присвоить себѣ какой-нибудь тапецъ или тогсеау изъ «Пророка».

Отдаленныя страны должны были довольствоваться газетными извѣстіями, которыя повсюду ожидаемы и читаемы были съ любопытствомъ, въ настоящее время заслуживающимъ особеннаго вниманія; повторяю, до-тѣхъ-поръ пока произведеніе искусства будетъ въ такой степени возбуждать всеобщее сочувствіе, можно оставаться спокойну даже и при бѣдственныхъ событіяхъ. Смуты и безпорядки не гармонируютъ съ музыкою, и потому до-тѣхъ-поръ, пока это искусство не утратило совершенно своего владычества надъ сердцами народовъ, до-тѣхъ-поръ существуетъ и здоровое пониманіе всего прекраснаго, добраго и святаго. Понима-

віе это можетъ быть потемнено на короткое время, но зайтыте не болѣе, какъ на короткое время. Скоро выйдеть оно на прежнюю прямую дорогу и тогда въ жизни будетъ такая же гармонія какъ и въ искусствѣ.

Говоря о всеобщемъ интересѣ, возбужденномъ новою оперою въ Европѣ, нельзя не упомянуть объ изумительныхъ усиліяхъ дирекціи, употребленныхъ на приобрѣтеніе партитуры «Пророка» и великолѣпную постановку этой оперы, вполне достойную великости созданія. Здѣсь видимъ мы просто невѣроятное: композиторъ, и импрессаріо помѣнялись между собою ролями. Композиторъ, который при обыкновенномъ порядкѣ вещей, всегда находится въ зависимости отъ капризовъ импрессаріо, пѣвцовъ и преимущественно пѣвицъ, въ настоящее время деспотически предписываетъ условія, принимаемыя обоими импрессаріо — Роклавою и Дюпонтелемъ съ почтительною покорностью и утвержденнымъ контрактомъ. Исторія представляетъ намъ много примѣровъ необыкновенныхъ почестей, которыхъ удостоивались замѣчательнѣйшіе артисты — оперы Глюка и Пиччини превратили французскій дворъ въ два враждебные стана; сопранистъ Фарвелли за свои бравурныя аріи возведенъ былъ испанскимъ королемъ въ званіе перваго министра, въ новѣйшее время духовныя и свѣтскія депутаціи встрѣчали Женни Линдъ во многихъ городахъ — но все это никакъ не можетъ сравниться съ условіями Мейербера. О постановкѣ на сцену, великолѣпіемъ своимъ превосходящей все доселѣ существовавшее въ этомъ родѣ, сказано было въ этихъ условіяхъ вкратцѣ. Само собою разумѣется, что иной постановки и быть не могло. Солнце, туманъ, катавье на конькахъ на замерзшемъ пруду, рушащійся въ пламени дворецъ, отличнѣйшія декораціи, машины и костюмы — стоять ли упоминать о подобныхъ бездѣлицахъ, которыя легко можно устроить за нѣсколько сотъ тысячъ франковъ! Гораздо труднѣе было исполнить условіе, касательно раздачи ролей. Здѣсь нужно было *Роже* переташить изъ Комической Оперы, гдѣ онъ уже состоялъ ангажированнымъ, въ Большую, а *Визрдо* и *Кастеллава* заставить, первую нарушить въ Англіи контрактъ, а послѣднюю покинуть Италіанскую Оперу, учиться французскому языку и въ «Пророкѣ» первый разъ въ жизни пѣть по французски. Сколько нужно было имѣть дипломатическаго убѣжденія, чтобы уговорить тенориста промѣнять сцену, на которой ему былъ обезпеченъ успѣхъ, на сцену, гдѣ предстояли труднѣйшія задачи

гдѣ должно было бороться съ воспоминаніями о Нурри и Дюпрѣ, и гдѣ наконецъ снова слѣдовало хлопотать о благосклонности публики. Чего стоило убѣдить Виардо, пѣвицу, знаменитую во всей Европѣ и почти неизвѣстную въ Парижѣ, выступить передъ непомерно строгою публикою, въ роль, написанной для контральтаваго голоса, безъ верхнихъ нотъ, на которыя можно было бы разсчитывать, притомъ выступить въ костюмѣ вовсе не блестящемъ, съ сѣдыми волосами, съ лицомъ, покрытымъ морщинами. И Кастелланъ тоже не легко было согласиться промѣнять свой гармоническій языкъ на французскіе горловые и поднебные звуки, неудобные для пѣнья, не говоря уже о тѣхъ трудностяхъ, которыя представляетъ различіе оперы италіанской отъ оперы Менербера.

Неутолимая энергія директоровъ, плодъ вдохновенія или отчаянія, тѣмъ болѣе является достойною удивленія, если вспомнить, что и послѣ самаго совѣстливаго соблюденія всѣхъ пунктовъ условій, исполненіе «Пророка» все-таки замѣшло отъ bon plaisir Мейербера. Послѣдній выговорилъ себѣ право назначить первое представленіе оперы только тогда, когда онъ вымолитъ будетъ доволенъ репетиціями. Кромѣ того, на основаніи одного пункта контракта, онъ могъ взять свое произведеніе обратно, даже въ самый день перваго представленія, въ случаѣ если вспыхнетъ война, въ которой Франція будетъ принимать какое-нибудь участіе, какъ-бы это участіе отдаленно ни было.

Впрочемъ, на эту уступчивость директоровъ, принявшихъ безпрекословно нѣсколько десятковъ подобныхъ условій, а равно и на нетерпѣливое ожиданіе цѣлой Европы, слѣдуетъ смотрѣть вовсе не какъ на результатъ «Пророка», а какъ на слѣдствіе блестятельнаго успѣха «Роберта» и «Гугенотовъ». Самая же партитура «Пророка» до послѣдней минуты оставалась для всего свѣта кляпой за семью печатями. Нѣтъ болѣе робкаго, осторожнаго композитора, какъ Мейерберъ. Даже задушевнымъ друзьямъ не позволялъ онъ ни одного нескромнаго взгляда на свои произведенія, до-тѣхъ-поръ, пока они не обнародованы, а послѣднее случается не иначе какъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Такъ партитура «Пророкъ» уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ была окончена совершенно, а композиторъ все таки не отдавалъ ва спену, и единственно только затѣмъ, что не находилъ нигдѣ пѣвицы для роли Фидесы, матери Пророка. Эта роль написана для контральтаваго голоса и въ драматическомъ

и музыкальномъ отношеніи самая главная въ оперѣ. Большая часть извѣстныхъ пѣвицъ—сопрано, а тѣ немногія альтистки, которыя повадобились кое-гдѣ при ограниченномъ репертуарѣ своихъ ролей, не могли обладать драматическою энергіею, столь необходимой по мнѣнію композитора какъ для музыкальнаго, такъ и для драматическаго исполненія роли Фидесы.

Въ 1840 году я встрѣтился разъ съ Мейерберомъ въ Итальянской Оперѣ, въ Берлинѣ. Давали «Figlia del reggimento», Донизетти. — «Какъ попали вы на правый берегъ Шпре?» спросилъ я его въ удивленіи. — «Дай Богъ, чтобы я попалъ на *правый* берегъ!» отвѣчалъ онъ. Мнѣ много говорили хорошаго объ альтисткѣ, которая поетъ сегодня. Я пріѣхалъ посмотреть, нельзя ли будетъ мнѣ съ ея помощью пустить на свѣтъ моего «Пророка». — На другой день, нетерпѣливо желая узнать мнѣніе Мейербера о пѣвицѣ, которая мнѣ не понравилась, я отправился къ нему въ Тиргартенъ. Какъ и слѣдовало ожидать—онъ не былъ доволенъ. «Не годится! говорилъ онъ, прохаживаясь въ волненіи по комнатѣ: рѣшительно не годится! Пусть Берлинцы говорятъ, что мнѣ угодно, а я все таки лучше всѣхъ знаю, что мнѣ нужно. Правда, у Зои есть нѣсколько хорошихъ нижнихъ нотъ, но изволите видѣть, мнѣ этого мало. Я написалъ роль не для опредѣленнаго какого-либо голоса, а для естественнаго характеристическаго пѣнія. Партія Фидесы, какъ прилично характеру престарѣлой матери, движется преимущественно на среднихъ нотахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, для великихъ моментовъ ей нужны высокія ноты, которыя въ достаточной ясности и силѣ встрѣчаются только у сопрано. Быть можетъ я ошибся, но что же дѣлать, если я не могъ дѣйствовать иначе, если только такой характеръ роли казался мнѣ правильнымъ и эффектнымъ. По этой причинѣ Зоя для меня не годится. Верхнія ноты у нея слишкомъ обыкновенны. Повѣрьте, что при такомъ пѣніи пропадетъ у меня сцена четвертаго акта. Тутъ нуженъ сильный голосъ, тутъ нужны могучіе, поразительные звуки. Судите сами!» Онъ горячился постепенно все болѣе и болѣе и при послѣднихъ словахъ сѣлъ за фортепiano, на которомъ я уже давно замѣтилъ раскрытую партитуру замѣчательной толщины. Пока онъ бралъ первые аккорды, я помѣстился у него за стуломъ и глядѣлъ въ ноты. Это была одна изъ тѣхъ массивныхъ партитуръ, которыя умѣлъ создавать только Мейерберъ. Но прежде нежели я успѣлъ поряд-

* Gott gebe, dass ich das *rechte* Ufer gefunden habe.

комъ ориентироваться въ этой массѣ системъ и многосложныхъ оркестровныхъ и хорныхъ партій, какъ Мейербергъ внезапно вскочилъ со стула, быстро закрылъ книгу, потомъ подбѣжалъ къ полу-открытому шкафу, сунулъ туда «Пророка», въ кучу подобныхъ же толстыхъ книгъ, заперъ шкафъ, и положивъ ключъ въ карманъ, красный и въ смущеніи снова воротился ко мнѣ:

«Не сердитесь на меня за мой поступокъ! проговорилъ онъ зависая. Я не могу, я не долженъ никому показывать моего манускрипта. Въ жару разговора я не остерегся. Хотя я и доверяю вамъ какъ нельзя болѣе, но если бы я сыгралъ вамъ что-нибудь изъ своей оперы, то послѣ такого промаха ни минуты же былъ бы покоевъ. Вы могли бы сказать о томъ другому, другой третьему, и такъ далѣе. Такимъ-образомъ, прежде нежели вы произнесли бы свое собственное мнѣніе о моемъ произведеніи, мы съ вами прочли бы навѣрно въ какомъ нибудь журналѣ разборъ моего «Пророка», основанный на подробностяхъ схваченныхъ на лѣту. Для меня это была бы сушая бѣда; я тогда скорѣе сжегъ бы «Пророка», нежели отдалъ бы его на сцену: мнѣ нужна публика свѣжая, не подготовленная; я не могу дѣйствовать на публику, которую руководятъ предразсудки».

Наконецъ, когда насмѣшники уже стали смотрѣть на «Пророка» какъ на мнѣ, Мейербергъ нашелъ въ Вiардѣ то, что онъ такъ долго и тщетно искалъ въ другихъ пѣвицахъ. Онъ снова передѣлалъ роль, написалъ нѣсколько новыхъ нумеровъ, единственно для этой великой артистки, и затѣмъ заключилъ знаменитый въ лѣтописяхъ искусствъ контрактъ съ дирекціей. Началось разучиваніе піесы, болѣею частью подъ надзоромъ самого композитора, и вмѣстѣ съ тѣмъ настало время тяжелыхъ испытанийъ для господъ Роклана и Дюпонтеля. Ренетяціи новой оперы занимали пѣвцовъ и оркестръ, танцовщиковъ и машинистовъ, декораторовъ и костюмеровъ съ такою исключительностью, что у послѣднихъ почти вовсе не оставалось времени для другихъ піесъ. Публика ждала съ нетерпѣніемъ «Пророка», и не хотѣла слушать другихъ оперъ. Что ни давали, театръ былъ постоянно пустъ, а давать надо было что-нибудь. Первый парижскій театръ ни зачѣмъ не рѣшился бы выставить на афишкѣ испріятное слово «Rélache».

Однимъ словомъ, никогда «Пророкъ» не былъ такъ нуженъ, и никогда не ждала его съ такимъ нетерпѣніемъ какъ въ 1849 году.

Мейербергъ, не смотря на какія просьбы директоровъ, оставался непреклоненъ.

— Какъ только все пойдетъ хорошо, говорять оны, опера будетъ дана, но ни за что разбе!»

— Но когда же, думаете вы, придетъ это блаженное время?

— Быть-можетъ, черезъ неделю; а то, пожалуй, и черезъ мѣсяцъ — это зависитъ не отъ меня, а отъ исполнителей!

И неутомимый маэстро снова принимая за репетиціи.

Въ одинъ день, когда двери театра, герметически запертыя во время репетиціи, растворились, и изъ нихъ радостно вытекала та будничная толпа утомленныхъ вѣщавъ, танцовщицекъ, музыкантовъ и машинистовъ. Рокланъ вышелъ въ пассажъ, который ведетъ изъ Оперы къ бульвару. Онъ только-что вытерпѣлъ первый бой съ жестокосердыми композиторами и потому шелъ въ глубокой думѣ, навѣвая про себя какой-то мотивъ.

Вдругъ чья-то рука сильными движеніемъ останавливаетъ его.

«Скажите на милость, что вы дѣлаете!» говоритъ ему Мейерберъ.

— Что, что такое я сдѣлалъ? спрашиваетъ испуганный Рокланъ.

— Несчастный! вы поете!

— Благодарю за комплиментъ. Но отчего же бы мнѣ и не пѣть, если есть охота?

— Пойте, сдѣлайте милость, сколько угодно, но ради Бога, не мой мотивы изъ «Пророка», какъ вы это сейчасъ дѣлали! Помните, что для успѣха оперы нужно, чтобы она была совершенно неизвѣстна публикѣ. Неужели вы сами хотите нарушить секретъ репетицій, который, благодаря нашимъ мѣрамъ, предосторожности, оставался пока неприкосновеннымъ?

— Вы правы, пробормоталъ Рокланъ. Извините меня, пожалуйста! Впередъ я буду умнѣ!

На слѣдующій день, когда Мейерберъ послѣ репетиціи выходилъ изъ театра, передъ нимъ появилось человекъ десять хористовъ и хористокъ. Едва вышли они на улицу, какъ тотчасъ же громко запѣли хоръ коронованія. Перепуганный до смерти Мейерберъ, только что было хотѣлъ нагнать ихъ и заставить молчать, какъ въ тоже самое время съ нимъ поровнялась другая толпа, которая раскланявшись почтительно съ маэстро, затянула въ свою очередь другой хоръ изъ «Пророка». Въ эти минуты Мейерберомъ овладѣлъ ужасъ; не въ силахъ болѣе слушать исполненіе своей музыки на улицѣ, онъ спѣшитъ обратно въ театръ. Къ счастью онъ нашелъ обомлѣвшихъ директоровъ вѣста, и потому тутъ

же начинали извѣщать насъ свои жалобы и требовать стремчайшаго вмешательства съ хористовъ.

— Вотъ необычайный случай, говоритъ Рекляшонъ. Здѣсь, въура-
зникъ свѣтъ; наконецъ мы имѣемъ полную власть надъ хориста-
ми. Но эти театры они свободны дѣлать, говорить, а равно и
пѣть все, что имъ угодно. — Какъ же имъ запретить это? —
«Но сами судите, если новыя мелодіи будутъ такими образцы ра-
внѣшныя по улицамъ, то истинный желаніи знамените имъ, заво-
нать, насочетаться и... не пѣть, это просто ужасно!... Оперы имъ
будеть имѣть выкажетъ усѣйка: все опануть, что я собственно
своего пророка изъ старинныхъ, привычекъ мотивовъ...»

— Совершенно правды. Если у насъ дѣла пойдутъ также какъ
теперь, не удивительно, что мы скоро услышимъ лучшія мелодіи
«Пророка» на уличныхъ шарманкахъ.

Мысль, что вулкана услышитъ въ первый разъ столько лѣтъ ста-
рательно хранимаго «Пророка» на уличныхъ шарманкахъ — ужас-
нула Мейербера. Чтобы отразить этотъ неожиданный ударъ отъ
своего дѣтища, Мейерберъ согласился на единственное, предле-
жащее ему директорамъ, средство спасенія и назначилъ первое
представленіе, въ самую скорѣйшую времени.

Такимъ образомъ ренетцизмъ положень былъ конецъ, и «Про-
рокъ», явился на свѣтъ, который давно смѣдалъ его съ пестер-
внѣтъ.

Радость Мейербера имѣла во всякомъ случаѣ свое основаніе.
Свѣтъ зналъ его по настоящее время какъ композитора «Ро-
берта» и «Гугенотовъ». Этими произведеніями онъ не только
заставилъ забыть свои многочисленныя итальянскія оперы, но и
сообщилъ французской оперѣ драматическую глубину, страстное
возвышенное стремленіе. Конечно все это обозначалось уже от-
части въ произведеніяхъ Спонтини, Россини и Обера; но тамъ оно
только обозначалось, и никогда не доходило до той могучей само-
стоятельности, какъ у Мейербера. Замѣчу кстати, что судьба
Глюка, въ первомъ отношеніи, отчасти похожа на судьбу Мейер-
бера, тотъ тоже написалъ болѣе 40 неудавшихся итальянскихъ
оперъ, прежде нежели началъ «Альцестою» свой классическій пе-
риодъ во Франціи. Ни одинъ драматическій композиторъ не поль-
зовался при жизни такой громкой, всеобщей славой, какъ Мейер-
беръ. Самъ Россини, имя котораго достигло самыхъ отдален-
ныхъ странъ свѣта, не имѣлъ такого повсюднаго успѣха какъ
авторъ «Роберта». Россини стремился преимущественно къ благо-
звучію, Мейерберъ къ характеристичности.

Перваго часто упрекали въ поверхности, между-тѣмъ послѣдній умѣлъ увлечь какъ знатоковъ, такъ и массу тѣмъ, что называется въ некувьѣ глубиною мысли. Въ этомъ различіи заключается характеристика обонхъ геніевъ. Россіи, одишь изъ числа рѣдкихъ оригинальныхъ, самостоятелно творящихъ душъ, слѣдовалъ только своему инстинкту, и этотъ инстинктъ былъ его гоній. Онъ похожъ на одно изъ пышныхъ деревъ первобытнаго лѣса, которое изъ своего собственного жизненнаго сока творить вокругъ себя цѣлый лѣсъ деревъ. Тутъ нѣтъ и слѣда науки или отчетливой работы. Только въ вѣкоторыхъ позднѣйшихъ его операхъ встрѣчается иногда то, что называется въ музыкѣ изложеніемъ и планомъ. Характеръ генія Россіи заключается въ блаженной безопасности. Россіи вполне Италіинець.

Его оперы — положенное на музыку *dolce far niente*.

— Мейерберъ напротивъ постоянно расчитываетъ. Всякую — черту, всякую складку въ необъятныхъ заданіяхъ своихъ оперъ онъ выражаетъ нотами. Каждая нота у него имѣетъ свое назначеніе, каждая несетъ свою дань богинѣ этого колоссальнаго храма — эфекту. У Мейербера все плодъ размышленія. Превращеніе Мейербера италіянскаго въ Мейербера французскаго, «Робертъ», «Гугенты», необъятная и что всего удивительнѣе продолжительная его слава — все это результаты спекуляціи богато одареннаго отъ природы духа, отличнаго артиста, а имѣетъ съ тѣмъ и необыкновеннаго знатока свѣта. Да, Мейерберъ быть-можетъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ свѣта; онъ знаетъ какихъ работъ и хлопотъ стоили ему «Робертъ» и «Гугеноты», и потому имѣетъ полное право боязненно заботиться о томъ, чтобы предварительно удалено было все то, что могло бы помѣшать его дальнѣйшему ходу — не говоря уже восхожденію, потому что восхожденіе далѣе такой степени славы едва ли возможно.

Подробный разборъ оперъ Мейербера и въ особенности «Пророка» я представляю въ слѣдующей статьѣ.

В. ДАНКЪ.

=

ВЛИЯНІЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА НА ХОЛЕРУ. Одинъ парижскій врачъ, господинъ Огранъ, дѣлалъ весьма любопытныя наблюденія надъ недостаткомъ электричества въ воздухѣ во время свирѣпствованія эпидемическихъ болѣзней, преимущественно холеры. Вотъ что говоритъ онъ въ письмѣ своемъ къ парижской Академіи Наукъ.

«Между - тѣмъ какъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ холера съ болшею или меншею силою свирѣпствовала въ Парижѣ, я дѣлалъ ежедневно наблюденія надъ дѣйствіемъ электрической машины, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли какого соотношенія между силою болѣзни и степенью недостатка разлитой въ атмосферѣ электрической жидкости. Машина, которою я пользовался, довольно сильна, и даетъ, въ обыкновенную погоду, послѣ двухъ или трехъ оборотовъ, блестящія искры отъ пяти до шести сантиметровъ (около двухъ дюймовъ) въ длину. Я замѣтилъ, что съ появленіемъ эпидеміи, я никогда не могъ произвести того же дѣйствія. Въ апрѣлѣ и въ маѣ искры, которыя я добывалъ съ чрезвычайнымъ трудомъ, не превосходили двухъ или трехъ сантиметровъ въ длину, и различіе ихъ величины совершенно совпадало съ дѣйствіемъ силы эпидеміи. Хотя эти факты довольно ясно говорили, что я нашелъ на слѣдъ важныхъ явленій, которыя хотѣлъ изслѣдовать, однако же я ими не убѣдился, потому что ихъ можно было приписать влажности воздуха или неисправности электрической машины. Поэтому я съ величайшимъ терпѣніемъ ждалъ наступленія ясной, теплой погоды, чтобы продолжать свои опыты съ болшею увѣренностью. Это время

наступило; но въ машинѣ, къ изумленію моему, оказалось не усиленіе электричества, какъ слѣдовало бы ожидать, а напротивъ явное его уменьшеніе; и до такой степени, что 4, 5 и 6 іюня не возможно было добиться не только искры, но даже самаго тихаго треску. Седьмаго іюня машина со всѣмъ не дѣйствовала. Это новое уменьшеніе электрической жидкости, какъ всѣмъ извѣстно, совершенно совпадаетъ съ возобновившеюся силою холеры. Чтò касается до меня, это меня столько же встревожило, какъ удивило; я былъ вполне убѣжденъ, и видѣлъ въ этомъ только слѣдствіа предугадавшаго факта. Можно себя представить, съ какимъ безпокойствомъ я въ эти критическія минуты вопрошалъ машину, этого печальнаго, вѣрнаго толкователя великаго бѣдствія. Наконецъ, утромъ 8 іюня, опять показалось нѣсколько слабыхъ искръ, и онѣ стали съ каждымъ часомъ усиливаться. Съ радостью узналъ я, что животворящая жидкость возвратилась въ атмосферу. Къ вечеру сильная гроза возвѣстила Парижу, что электричество снова наполнило его атмосферу, и холера исчезла въ моихъ глазахъ, вмѣстѣ съ породившею ее причиною. На слѣдующій день, 9 іюня, продолжалъ я свои наблюденія, и увидѣлъ, что машина при малѣйшемъ прикосновеніи давала немедленно обильныя искры.

«Я считъ обязанностью сообщить свои наблюденія академіи. Вопросъ кажется мнѣ вполне доказаннымъ. Природа соблюдаетъ, чтобы въ атмосферѣ находилась масса электричества, необходимая для поддержанія жизни. Какъ скоро это количество электричества, по чему либо уменьшится, или даже почти совсѣмъ истощится на нѣкоторое время, чтò изъ этого происходитъ? Всѣ страдаютъ болѣе или менѣе. Кто имѣетъ въ себѣ достаточный запасъ электричества, тотъ выдерживаетъ; кто живетъ однимъ заимствованіемъ электричества изъ общаго запаса, тотъ умираетъ. Этимъ объясняется, что не только холера, но можетъ быть и всѣ прочія эпидеміи, происходятъ изъ уменьшенія количества электричества въ атмосферѣ. Если этотъ фактъ будетъ изслѣдованъ и признанъ за законъ, то, я думаю, медицина, имѣющая столько средствъ производить и добывать электричество, будетъ въ состояніи съ успѣхомъ бороться съ этими бичами человѣчества».

ЛЕКЦІЯ ПРОФЕССОРА ЛЕСЛИ О ГОГАРТѢ. Въ Лондонѣ въ последнее время производили фуроръ лекціи о живописи, читанныя въ королевской академіи художествъ профессоромъ Лесли. Изъ нахъ

особенно достойна вниманія четвертая лекція, содержащая оцѣнку британской школы, и преимущественно Рейнольдса, Гогарта и Вильки. Сообщаемъ читателямъ часть ея, касающуюся до Гогарта; мы увѣрены, что они не безъ любопытства прочтутъ нѣсколько подробностей объ этомъ гевіяльномъ художникѣ, который одинъ образуетъ совершенно отдѣльную, самостоятельную школу живописи.

Если излагать исторію британской школы живописи въ хронологическомъ порядкѣ, говоритъ почтенный профессоръ, то прежде всего слѣдовало бы говорить о Гогартѣ, потому что онъ былъ предшественникомъ Рейнольдса, а Рейнольдзъ предшественникомъ Веста. Но извѣстно, что слава Гогарта утвердилась только въ позднѣйшее время. Онъ едва могъ продавать свои произведенія по самымъ низкимъ цѣнамъ, и даже Горасъ Вальполь, первый защитникъ его въ томъ кругу, который управляетъ общественнымъ мнѣніемъ, не признавалъ въ немъ художественнаго достоинства; онъ начинаеть свое разсужденіе о немъ замѣчаніемъ, что это скорѣе комическій писатель, употребившій кисть вмѣсто пера, чѣмъ живописецъ; и потомъ не иначе называетъ его, какъ литераторомъ. Одинъ пасторъ, по имени Джильпинъ, писавшій при жизни Гогарта, обвиняетъ его въ совершенномъ незнаніи законовъ композиціи. Кажется, можно съ достовѣрностью сказать, что весь объемъ его генія былъ постигнутъ не прежде, какъ по собраніи и выставкѣ всѣхъ его твореній въ картинной галереѣ Британскаго института, въ 1814 году. Тутъ только увидѣли, какъ онъ владѣлъ своимъ искусствомъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ умѣлъ подчинять его своей волѣ, какъ твердо и неизмѣнно шелъ всегда къ предположенной цѣли, никогда не жертвуя истинною характера и выраженія второстепеннымъ красотамя. Тутъ замѣтили чистоту его колорита и по любви, съ которою онъ отдѣлывалъ свои произведенія узнали, что живопись была для него наслажденіемъ, а не усиленнымъ трудомъ. «Гогартъ, говоритъ сэръ Мартинъ Ши, президентъ королевской академіи художествъ, оказалъ своему отечеству великую услугу, которая даетъ ему полное право на всеобщее уваженіе и благодарность. Всѣ просвѣщенные народы всегда выше всего ставили славу самобытности въ искусствахъ и въ наукахъ, и гордились великими людьми, которые, выступая изъ толпы, казались рожденными для проложенія новыхъ путей и обрѣтенія новыхъ источниковъ знанія и счастья. Въ число немногихъ лицъ, принадлежащихъ къ этому разряду, можемъ мы

снѣлю оставить Гогарта; потому-что не оригинальности своего таланта, по самостоятельности своего вдохновенія, онъ съ чѣстью выдержитъ сравненіе съ любымъ живописцемъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Съ самого вступленія своего на поприще живописи, онъ презрѣлъ избитыми путями искусства, проложенными его предшественниками; никогда не шелъ онъ по слѣдамъ другихъ, никогда не вращается въ положенныхъ до него предѣлахъ, никогда не прибѣгаетъ къ существовавшимъ до него комбинаціямъ. У него, можетъ быть, меньше условнаго, меньше мертваго матеріалу, чѣмъ у кого-либо изъ прочихъ художниковъ. Планы, группировка, характеры, стиль, манера, все у него свое собственное, все протекаетъ прямо изъ собственной его художнической натуры; онъ измекъ ихъ изъ этого источника совершенно чистыми, не проводя по каналамъ, которые мутятъ струю и указываютъ на почву, по которой она протекала. Путь, по которому онъ шелъ на поприщѣ искусства, открылся для него, и кажется за нимъ же и закрылся; но до-тѣхъ поръ пока существуютъ его творенія, Англія можетъ съ гордостью говорить, что она произвела одного изъ тѣхъ неустранимыхъ пловцовъ, которые снѣло пускаются въ океанъ мысли за новыми открытіями, и привозятъ богатые клады изъ невѣдомыхъ еще странъ.

Трагическій и комическій элементъ соединяются и взаимно отбѣляются въ Гогартѣ съ такою же вѣрностью природѣ, какъ у Шекспира. Въ-самомъ-дѣлѣ, уиѣние владѣть контрастами — отличительная черта въ твореніяхъ этого художника. Возьмите, напримѣръ, сцену тюрьмы въ «Жизни распутиаго»; всѣ группы на первомъ планѣ показываютъ вамъ бѣдотвіе и горестъ: негодующая жена негодяя поднимаетъ на него руку; дѣвушка, которую онъ обольстилъ въ молодости, и которая послѣдовала за нимъ въ заключеніе, лежитъ въ судорогахъ; въ то же время, какой контрастъ представляетъ вамъ между этими группами, вдали, алхимикъ, окруженный своими плавильными снарядами, или бѣдный ученый, который старается привести несчастную въ чувство, причесъ изъ кармана его вываливается его просить уплаты государственнаго долгу. Не будемъ распространяться о поразительныхъ и истинно юмористическихъ контрастахъ олімпоній, которые представляются во всѣхъ картинахъ Гогарта, и которые не дались ни одному изъ нидерландскихъ живописцевъ, крѣвъ развѣ одного Яна Стена.

Единственнъ также Гогартъ въ обстановкѣ. Сколько ума и юмору въ противуположенія различныхъ вещей, которые люди

Сирадоронльдъ купила на аукціонѣ, изъ собранія сэра Тимоти, и которыйи забывается черныи пажъ ея. Эта группа диковицъ, кончающаяся какими-то удивительными четвероногими зѣрькомъ, забавна въ высшей степени. Какъ оригинально, какъ полно юмизму, во второй гравюрѣ, «Анализа красоты»; разбросанное по полу собраніе шляпъ! къ каждой изъ этихъ шляпъ можно бы придумать лицо.

Не менѣе замѣчательно, съ какимъ умомъ Гогартъ заключаетъ въ самой ничтожной повидному вещи цѣлую повѣсть, или цѣлое нравоученіе. Познакомившись съ главнымъ предметомъ его картины, тѣмъ внимательнѣе вы будете всматриваться въ подробности, тѣмъ болѣе убѣдитесь, что тутъ нѣтъ ни одной вещи, въ которой не скрывался бы смыслъ, которая не имѣла бы цѣли. Въ сценѣ бракосочетанія въ «Жизни распутнаго», когда герой, промотавъ отцовское имѣніе, ведетъ къ алтарю старую, богатую невѣсту, изображена внутренность старой Мерилебенской церкви, которая въ то время находилась еще не въ городѣ, а въ предмѣстьи, и потому преимущественно избиралась для тайныхъ вѣчаній, или въ такихъ случаяхъ, когда одно изъ сочетающихся лицъ стыдилось своего брака. Церковь тѣсна и запущена; обыкновенный живописецъ провелъ бы трещины по стѣнамъ, затянулъ бы ихъ плѣсенью и паутиною; Гогартъ разбилъ скрижалъ десяти заповѣдей, покрылъ плѣсенью символъ вѣры, затянулъ паутиною отверстіе кружки для подавій. Въ послѣдней сценѣ «Моднаго брака» лежитъ у ногъ умирающей графини пустая стеклянка съ ярлыкомъ: *лауданумъ*; не довольствуясь этимъ, живописецъ положилъ подлѣ нея «Предсмертную рѣчь казеннаго юрисконсульта Сильвертонага», чтобы показать, что не смерть мужа, а смерть возлюбленнаго побудила ее отравиться.

Замысловатая кисть Гогарта умѣетъ представлять къ наглядной формѣ такія вещи, которыя, казалось-бы, вовсе не принадлежатъ къ сферѣ пластическаго искусства. Въ уличномъ шумѣ, отъ котораго «Негодующій музыкантъ», тщетно затыкаетъ уши, соединяются звуки уличнаго пѣвца, валторниста, точильщика, мостовщика; въ нѣсколькихъ шагахъ виситъ вывѣска жестянника, а вдали развѣвающийся на колокольнѣ флагъ указываетъ на звонъ колоколовъ. Въ Англіи имѣютъ обыкновеніе распускать флагъ, когда бываетъ звонъ по какому-нибудь торжественному случаю. Нѣтъ лучшаго пробнаго камня для опредѣленія степени сочувствія художника къ природѣ, какъ изображеніе дѣтей. Въ дѣт-

скихъ «фигурахъ» Гогарта часто замѣчается та же прелесть, истекающая изъ несочувствія къ дѣятельности взрослыхъ, которая встрѣчается въ твореніяхъ Рафаэля. Въ примѣръ можно привести мальчика, участвующаго въ «Похоронахъ распутной женщины», который играетъ своею трещоткою, и, — какъ говорить Лэмъ, — одинъ во всемъ шествіи не лицемѣрять; или того же мальчика въ предъпащей картинѣ, въ сценѣ смерти. Хорошенькая дѣвочка, въ обѣдѣ на выборахъ, такъ внимательно разсматривающая перстень на пальцѣ знатнаго господина, или двѣ маленькія плутовки, въ картинѣ «Утро», которыя такъ тихо идутъ въ школу, и которыхъ короткій слѣдъ рисуется на сѣбѣ, — также очаровательные типы дѣтства.

Въ Голлендоузѣ есть превосходная картина Гогарта, въ которой первыя роли занимаютъ дѣти. Это изображеніе домашняго театра у мистра Ковдионта, въ присутствіи герцога Кумберлендскаго и другихъ высокихъ лицъ. Три дѣвочки и одинъ мальчикъ стоятъ на сценѣ, и, кажется, преважно слятся разыграть свои роли, какъ можно лучше, но положеніе и выраженіе лица другой дѣвочки, сидящей въ первомъ ряду зрителей, неподражаемо. Какъ она вытянулась и выпрямилась, какъ погружена въ представленіе; и такъ пробудеть она неподвижно до конца представленія, въ восторгѣ, какой можетъ ощущать только ребенокъ, и который теперь тѣмъ сильнѣе и живѣе, что на сценѣ такія же дѣти, какъ она сама. Колоритъ этой картины превосходенъ; она принадлежитъ къ первымъ произведеніямъ Гогарта, писаннымъ съ натуры, и служившимъ приготовленіемъ его позднѣйшимъ и болѣе важнымъ твореніямъ.

Справедливо замѣчаетъ Кольриджъ: «Сатпра въ Гогартѣ никогда не уничтожаетъ любви къ прекрасному; часто ставитъ она прекрасный жемчужный образъ среди собранія затѣйливыхъ уродовъ; и этотъ образъ — такова сила истиннаго гения, — этотъ образъ не представляетъ контрасту имъ; и не для контрасту поставленъ тутъ; она распространяетъ на всю группу духъ примиренія и любви, и невольно присоединяетъ въ зрителѣ къ смѣху тоже чувство любви. Эпизъ художникъ не дозволяетъ поучительной насмѣшкѣ, которую порождаютъ причудливости природы, переходить въ ядовитое чувство презрѣнія или ненависти».

Живописцу такъ трудно, и во многихъ случаяхъ даже невозможно вполне перенести свою мысль на полотно, что нельзя не пожалѣть о томъ, что самъ Гогартъ не далъ намъ ключа къ своимъ твореніямъ, который однимъ словомъ разрѣшалъ бы всѣ

сомнѣнія, представляющіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; такихъ мѣстъ, впрочемъ, гораздо меньше, чѣмъ можно бы ожидать отъ картинъ, столь обильныхъ вводными эпизодами. Всего болѣе при водила въ недоумѣніе комментаторовъ третья картина изъ собранія, пзвѣстнаго подъ названіемъ «Моднаго брака». Чтò касается до нея, мнѣ кажется, тутъ необходимо искать болѣе глубокаго значенія въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, на которыя доселѣ смотрятъ слишкомъ поверхностно. Мнѣ кажется, что выраженіе старшей женщины должно изображать ревность; иначе невозможно объяснить ея неистоваго, мстительнаго взгляда. Гитъ въ ювонта обращенъ только на шарлатана-врача; не поднималъ бы онъ палки на женщину. Она еще въ цвѣтѣ лѣтъ, и черты ея искажены яростью, но при спокойномъ настроеніи духа, могутъ быть хороши. Ножъ, который она старается скрыть, назначаетъ ея соперницѣ; живописецъ вѣроятно хотѣлъ этимъ показать, что порокъ, который свѣтъ считаетъ простительнымъ, нерѣдко ведетъ къ самымъ тяжкимъ преступленіямъ.

Газитъ, кажется, ошибался, приписывая молодой дѣвушкѣ на мѣрваніе, которое, по нашему мнѣнію, болѣе согласно съ яростнымъ выраженіемъ лица старшей женщины. Ничто, говоритъ онъ, не можетъ произвести большаго впечатлѣнія, какъ противоположность между необыкновенною вѣжностью ея сложенія и чертой, в закоснѣлымъ равнодушіемъ ея характера! Но въ самомъ дѣлѣ она еще почти ребенокъ; она слишкомъ молода, чтобы быть закоснѣлою въ порокъ; она скорѣе жертва утонченнаго разврата. Нѣтъ сомнѣнія, что шарлатанъ, въ которомъ не трудно узнать Француза, представляетъ въ то же время угодника разврата. Если смотрѣть на картину въ этомъ свѣтѣ, то сцена дѣлается совершенно ясною. Гогартъ съ справедливымъ негодованіемъ видѣлъ, что знатное общество въ Англіи охотнѣе перенимало пороки континента, чѣмъ его хорошія свойства, и не пропускалъ ни одного случая бичевать этотъ болѣзненный духъ подражанія. Я думаю, что въ этой бѣдной дѣвочкѣ должно видѣть вѣчто больше, чѣмъ примѣръ порока. Мишурный нарядъ ея, очевидно достался ей отъ какой-нибудь предшественницы, потому что платье слишкомъ длинно для той, на которую оно надѣто. Мнѣ кажется эта дѣвочка, и дочь самой графини въ послѣдней картинѣ, должны показывать, въ различныхъ родахъ, какое зло порокъ завѣщаетъ невинности; колодка на ногѣ дочери блистательной четы есть печальное свидѣтельство наслѣдственности порока и награжденія.

И несмотря на то, что Гогартъ иногда тенія картины, его обвиняли будто бы онъ употреблялъ во зло свое искусство и прибавляли, что онъ попалъ на смертномъ одрѣ. Последнее однако же совершенно не имѣетъ основанія, потому что онъ не только далъ гранировать обѣ картины, которыя однѣ могутъ подымать этому упреку; но даже, когда доски стерлись, онъ велѣлъ ихъ обложить, и продавалъ эти эстампы до самой смерти. Утверждать, будто Гогартъ, который такъ неутомимо срывалъ личину со всѣхъ видовъ порока и бичевалъ старинныхъ художниковъ за то, что они возбуждали страсти изображеніями изъ загорной хроники олимпійскихъ боговъ, могъ такъ святотатствовать надъ своимъ искусствомъ, значить съ непростительною легкомысленностью чернить память человѣка, который всю жизнь свою являлъ самую благородную и истинно художническую душу. Постараемся снять съ него это незаслуженное имъ пятно, хотя не скрываемъ, что беремъ на себя не совсемъ легкую задачу.

Картины, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, изображаютъ новѣсть обольщенной и покинутой жевщины, новѣсть, которая гораздо болѣе внушаетъ состраданія къ несчастной жертвѣ и презрѣнія къ обольстителю, нежели чувство порочнаго удовольствія; и сами критики сознаются, что онъ изображаетъ ее не съ такою обнаженною грубостью, какая часто встрѣчается во многихъ произведеніяхъ, которыхъ не думаютъ обвинять въ безирравственности направленія. Если манера его, какъ въ этихъ такъ и въ прочихъ его произведеніяхъ, не была бы терпима вкусомъ нашего времени, то можно отвѣчать только, что вкусъ нашего времени терпитъ многое въ искусствѣ, гораздо болѣе предосудительное. Гогартъ показываетъ въ этихъ картинахъ, какъ умъ и изображение молодой женщины, воспитанной въ благочестіи, до обольщенія ея уже испорчены безирравственными книгами, которыя, вѣроятно, давы ей были съ этою цѣлью; въ лицѣ стола вы видите, рядомъ съ молитвенникомъ, нѣсколько книгъ соблазнительнаго содержанія. Въ первой картинѣ много значить падающее зеркало: оно свѣтло и не имѣетъ ни одного пятна; во второй картинѣ оно лежитъ на полу, разбитое въ дребезги. Тутъ вы видите несчастную въ слезахъ, умоляющую своего обольстителя не покидать ее; въ его лицѣ слишкомъ ясно написано, какъ мало можно надѣяться на его честь: онъ думаетъ о себѣ одномъ. Въ этой картинѣ, какъ и во всѣхъ твореніяхъ Гогарта, много смѣшныхъ и юмористическихъ чертъ; во общее впечатлѣніе, которое оно оставляетъ, — впечатлѣніе прискорбное. *Ната*

осмысливъ, что кистью его ведило похвальное желаніе предохранить повѣстныхъ отъ опасности и разбудить уснувшую совѣсть въ по-ротыль.

Храмъ Юпитера Аммона. Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ малейшій древности, суть прорицалища, которыхъ таинственное начало и значеніе донынѣ не удалось разгадать самымъ глубокимъ изыскателямъ. При поверхностномъ взглядѣ на вещи легко всерѣшится, сказавъ, что это былъ одинъ обманъ корыстолюбивыхъ жрецовъ; но такой отвѣтъ не можетъ удовлетворить добросовѣстнаго мыслящаго изсмѣдователя, знающаго какъ долго и какое вліяніе прорицалища имѣли у двухъ самыхъ образованныхъ народовъ древности: у Египтянъ и у Грековъ. Извѣстно, что религія древности дѣлала прорицалища тайною для непосвященныхъ, и что всѣхъ болѣе пользовалось этимъ преимуществомъ таинственности прорицалище Юпитера Аммона, въ Ливіи. Находясь на оазисѣ, среди обширной степи, храмъ его былъ почти недоступенъ любопытнымъ, такъ что Александръ-Великій, желая посѣтить его, принужденъ былъ совершить походъ, въ которомъ едва не погибъ съ своимъ войскомъ.

Одинъ авгаійскій путешественникъ, господианъ Бейль Сентъ-Джонъ, посѣтивъ недавно этотъ знаменитый храмъ, сообщаетъ о немъ въкоторыя довольно любопытныя подробности. Строгое нравовѣріе жителей Сиваха (на оазисѣ того же имени) и ихъ недоувѣрчивость долго не дозволяли ему исполнить свое намѣреніе, посѣтить близъ лежащія развалины. «Наконецъ утромъ, 5 октября, говоритъ онъ, рѣшились мы не откладывать далѣе своей поѣздки къ храму Юпитера Аммона; мы готовы уже были отправляться въ путь пѣшкомъ, когда намъ привели двухъ ословъ съ двумя погонщиками. Проводникъ повелъ насъ по тѣсной, извилистой уллицѣ, между двухъ низкихъ заборовъ, сложенныхъ, по обыкновенію, изъ земли, смѣшанной съ солью. Эти заборы окружали сады съ пальмовыми и другими плодовосными деревьями, и были очень тщательно построены. Далѣе тянулася наша дорога по берегу узкаго протока, который вскорѣ обратился въ довольно значительный, чистый ручей. Во все время ѣзды мы не замѣтили ни слѣда деревень, ни отдѣльныхъ жилищъ; только миновавъ первую пальмовую рощу, мы выѣхали на обширныя поля, на которыхъ работало множество Негровъ. Наконецъ мы достигли юго-западнаго края деревни Гхарми, той же, что Горземецъ называетъ Агремврхъ, а Мицутали — Сивахъ-эль-Шариехъ.

Она расположена на вершинѣ высокаго и крутаго утеса, и была, можетъ быть, въ цвѣтущее время аммонскаго царства украшеннымъ дворцомъ аммонскихъ царей. Въ трехъ или четырехъ стахъ шагахъ на югъ отъ деревни мы увидѣли наконецъ темную массу развалинъ, возвышавшуюся на довольно высокой плоскости, среди открытой равнины. Мы тотчасъ угадали, что это цѣль нашей поѣздки: соскочили съ ословъ и съ бьющимся сердцемъ поспѣшили туда. Еще нѣсколько шаговъ по обломкамъ скалъ и по осколкамъ, въ которыхъ не видно было и слѣда ихъ первоначальной формы, и мы очутились въ тѣни громаднхъ камней, которые, вѣроятно, за нѣсколько тысячъ лѣтъ были взгромозжены, чтобы служить кровомъ святиль, гдѣ одно изъ значительнѣйшихъ въ древности пророчицъ провозглашало свои таинственные выроки. Остатки храма можно описать въ нѣсколькихъ словахъ.

Первое, что представляется путешественнику при приближеніи къ храму, это — одна сторона разрушенныхъ воротъ; они ведутъ въ развалины обширной палаты, которая однако же, вслѣдствіе громадности камней, образующихъ кровлю, кажется на видъ гораздо меньше, чѣмъ она есть въ самомъ дѣлѣ. Вокругъ этой величественной развалины разбросаны въ живописномъ безпорядкѣ громадныя плиты известковаго камня, множество обломковъ колоннъ и двѣ или три гипсовые капители; земля вездѣ изрыта ямами и покрыта обломками стѣнъ и камней, и другими признаками существованія тутъ за нѣсколько столѣтій множества большхъ зданій. Изъ сохранившихся развалинъ, мнѣ кажется, должно заключать, что храмъ былъ обведенъ чрезвычайно толстою стѣною, которой длина съ юга къ сѣверу составляла около четырехъ-сотъ, а съ востока къ западу болѣе трехъ сотъ футовъ. Была ли другая, внутренняя стѣна, съ точностью опредѣлить нельзя; но я почти убѣжденъ, что внутреннее пространство заключало въ себѣ множество раздѣленій и строеній; потому что во многихъ мѣстахъ, разрытыхъ туземцами для отысканія зарытыхъ тайнъ, по ихъ мнѣнію, кладовъ, видны прочныя фундаменты стѣнъ и небольшихъ камеръ. Если бы тщательно разчистить завалы и щебень, то довольно вѣроятно, что и въ настоящее время можно бы составить себѣ понятіе о планѣ всего зданія. Отъ внутренней палаты святилища, простирающагося футовъ на пятьдесятъ въ длину и на шестнадцать въ ширину, уцѣлѣла только сѣверная часть, замѣчательная по особенному образу постройки. Стѣны, имѣющія около шести футовъ въ толщину, сложены срани-

только изъ мелкихъ плитъ, между-тѣмъ какъ кровля состоитъ изъ длинныхъ, такъ сказать, каменныхъ полосъ, двадцати-семи футовъ въ длину, на четыре въ ширину и столько же въ толщину; эти длинныя плиты лежали на обѣихъ стѣнахъ и выступали надъ ними снаружн, образуя родъ карнизъ. Изъ нихъ три еще остались на мѣстѣ; упавшихъ я насчиталъ десять, которыхъ обломки раскиданы кругомъ, такъ что по числу ихъ очень легко опредѣлить первоначальную длину этой палаты. Очень вѣроятно, что это было святилище храма, мѣсто, гдѣ пророчище объявляло свои выроки. Если бы я смѣлъ судить о развалинахъ Беледъ-эръ-рума, которые мнѣ кажутся повѣйшимъ подражаніемъ древнему зданію, то я сказалъ бы, что ворота соединялись съ святилищемъ тонкими стѣнами, въ которыхъ были пробиты окна для свѣту.

Вопрошавшіе пророчище, по всемъ вѣроятіямъ, не проникли дальше этого мѣста; жрецъ же съ противоположнаго конца палаты, сокрытый подъ глубокимъ мракомъ друдическаго крова, провозглашалъ таинственные отвѣты бога. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ сѣвернаго конца святилища находится восточная сторона массивныхъ каменныхъ воротъ, которыхъ устои еще уцѣлѣли. Эти ворота покрыты гіероглифами и изображеніями, частью вырѣзаннвыми въ камень, частью выпуклыми, также какъ по стѣнамъ святилища. На потолкѣ множество изображеній орловъ и коршунговъ съ распростертыми крыльями, расположенныхъ вереницею одинъ за другимъ, на устѣивномъ звѣздами полѣ. Судя по уцѣлѣвшимъ краскамъ, они, кажется, всѣ были первоначально раскрашены красною и синею красками. Я насчиталъ на западной стѣнѣ святилища пятьдесятъ-пять строкъ или вѣрнѣе столбцовъ гіероглифовъ, и пятьдесятъ-три на восточной. Между прочимъ есть цѣлые ряды фигуръ съ скржалми на головѣ. Между грудями развалины, окружающіихъ ворота, изъ которыхъ многія также испещрены гіероглифами, видѣлъ я огромный камень, на которомъ съ трехъ сторонъ изображено какое-то чудовище съ бараньими рогами. Не мало труда стоило мнѣ пробраться къ нему. Я хотѣлъ срисовать нѣкоторые гіероглифы, но по недостатку умѣнія и навыку, не могъ сдѣлать ничего порядочнаго. Сверхъ того скржалм, которыя должны быть очень важны, находятся такъ высоко, что для осмотра ихъ необходимы лѣса или лѣстницы; а мы не могли ими заpastись, тѣмъ болѣе, что были въ не совсемъ благопріятныхъ отношеніяхъ съ жителями оазиса. Надъ частью воротъ я замѣтилъ цѣлый рядъ изображеній, но, не

смотря на свои хорошіе глаза, я не могъ достаточно ихъ рассмотреть, чтобы срисовать. Что касается до изображеній боговъ, царей или героевъ, съ ихъ эмблемами, покрывающими всю поверхность стѣнъ, ихъ едва ли можно объяснить безъ помощи надписей. Замѣчательно, что въ гіероглифахъ очень часто встрѣчаются изображенія верблюда и какой-то птицы, довольно похожей на страуса.

Мнѣ некогда было списать эти или многія другія изображенія. Нашъ вѣтервѣливый проводникъ и погонщики безпрестанно терпѣли насъ; къ тому же мы замѣтили въ недалекомъ разстояніи, подъ купою пальмовыхъ деревьевъ, нѣсколько лицъ очень подозрительной наружности, и разсудили, что гораздо благоразумнѣе будетъ поскорѣе убраться, не дожидаясь бѣды. Мы поѣхали къ югу, вдоль небольшого, чрезвычайно извилистаго ручейка, и вступивъ въ прекрасную, тѣнистую рощу, скоро достигли *Солнечнаго источника*. Это глубокій колодець, который былъ некогда обложенъ камнемъ, какъ видно изъ сохранившихся развалинъ. Вода въ немъ чиста, но горьковата; разсказываютъ, что она въ полдень горяча, а за полдень холодна. Мы хотѣли испытать ея температуру, и она оказалась совершенно одинаковою съ температурою окружающей атмосферы, именно въ 84° по Фаренгейту (23½° по Реомюру); это было въ половинѣ десятаго часу утра. Поверхность колодца постоянно покрыта пузырями, всходящими со дна, такъ что кажется, будто вода въ немъ въ безпрестанномъ волненіи. Мѣсто это восхитительно: небольшая заставка въ пальмовой рощѣ, съ прозрачнымъ, и въ то же время вѣчно волнующимся источникомъ, по краямъ котораго разбросаны развалины древняго колодца, зарытыя до половины въ камышъ, и обросшія ползучими растеніями. Пропзведенія искусства разрушены и заросли мохомъ, а источникъ течетъ живо и весело попрежнему: не образъ ли это тѣлности тѣла и вѣчно-юной жизни духа?

Красивый ручеекъ течетъ сквозь живую рѣшетку и журча бѣжить по тѣнистому руслу къ развалинамъ храма. Мы нѣсколько минутъ стояли на этомъ мѣстѣ, и смотрѣли то на гряды облаковъ, отраженные въ струящейся водѣ, то на голубое небо, то наконецъ на плодоносныя деревья, которыя манили своею роскошною растительностью, или на простѣки, открывавшіяся со всѣхъ сторонъ между пальмами, подобно частямъ огромнаго готическаго храма. Всѣ извѣстія древнихъ о Солнечномъ источникѣ удивительно согласны между собою; всѣ они почти въ однихъ и

тѣхъ же словахъ упоминають о переиѣнахъ его температуры, и я нѣсколько не сомнѣваюсь въ истинѣ ихъ наблюденіи. Аммоніумъ долгое время былъ сравнительно довольно доступенъ, и путешественники безпрестанно посѣщали его. Я разспрашивалъ жителей Сиваха о отрывныхъ свойствахъ этого источника, но ничего не могъ отъ нихъ добиться; Бедуны однакоже слышали о постоянномъ различіи его температуры въ полночь и въ полдень. Просѣвъ на нѣстѣ какия-нибудь десять минутъ, мы конечно не имѣли возможности удостовѣриться въ истинѣ этого сказанія; но то обстоятельство, что термометръ, при опущеніи въ воду, не показалъ никакой переиѣны, не доказываетъ ли, что это не горячій источникъ? Какъ мы уже говорили, изъ источника вытекаетъ ручей, течетъ къ сѣверу, соединяется съ другимъ ручьемъ, и продолжается течь къ храму, гдѣ частью служитъ къ орошенію, частью терлется въ болотѣ, которое тянется до самыхъ развалинъ обводной стѣны. Геродотъ упоминаетъ, что вода Солнечнаго источника употреблялась на орошеніе садовъ, и прибавляетъ, что къ нему можно было подходить только въ полдень, когда вода всего холоднѣе. Мы слышали о существованіи другихъ развалинъ въ недалекомъ разстояніи отъ этихъ; но сколько не разспрашивали, и какъ не смотрѣли черезъ камышевые плетни, обвитые ползучими растеніями, намъ не удалось открыть никакихъ слѣдовъ этихъ развалинъ.

Пройдя еще нѣкоторое пространство по прекрасной, тѣнистой просѣкѣ, мы вернулись назадъ, чтобы сдѣлать нѣкоторые розыски съ западной стороны; они не имѣли желаннаго успѣха: мы нашли одиѣ пальмовыя рощи и луга. На возвратномъ пути къ деревни Гхарми, куда мы шли другою дорогою, мы осмотрѣли всѣ фруктовые сады, занимающіе восточную сторону, и открыли слѣды обширнаго каменнаго строенія, котораго виду я однакоже не могъ изслѣдовать. Нѣсколько огромныхъ, превосходно сохранившихся камней навели меня на предположеніе, что до этого нѣбета доходила вѣншнѣя укрѣпленія вѣрности. Мы хотѣли какъ можно ближе подойти къ деревнѣ, но насъ не допустили. Въ стѣнахъ, казалось, было много обтесанныхъ камней огромныхъ размѣровъ, вѣроятно принадлежавшихъ нѣкогда къ древнимъ аммоніскимъ сооруженіямъ, можетъ быть къ дворцу. Я очень сожалѣлъ, что не могъ развѣдать внутренности деревни, которая должна вѣрнѣе заключать въ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ остатковъ. Одинъ поселенникъ разсказывалъ мнѣ, что на дворѣ шейкова дома есть отверстіе въ видѣ колодца, которое ведетъ къ подземно-

му ходу, соединяющемуся съ Гебель-Моутою. Изъ словъ его можно заключить, что если этотъ подземный ходъ дѣйствительно существуетъ, то это ни что иное какъ катаномбы, потому что онъ сравнивалъ его съ улицей, по обѣимъ сторонамъ которой тянутся дома христіанъ. Другой рассказывалъ мнѣ также, что онъ открылъ, въ одной изъ гробницъ Гебель-Моуты, подземный ходъ, прорытый очень глубоко въ землю; что онъ было прошелъ по немъ въ некоторое пространство, но что потомъ ему стало страшно и онъ воротился назадъ. Прибавимъ къ этому, что существованіе этихъ подземныхъ сообщеній есть общее повѣрье на оазисѣ. Подобный же подземный ходъ, говорятъ, ведетъ изъ деревни Гхарми къ Омъ-Бейдахскимъ развалинамъ. Говорили мнѣ также объ обширныхъ искусственныхъ пещерахъ въ томъ холму, на которомъ стоитъ городъ Сивахъ. Сверхъ того рассказываютъ, что домъ, находящійся на вершинѣ холма, стоитъ на крышѣ большаго зданія, построеннаго въ одинаковомъ стилѣ, съ большими храмомъ. Слѣдовательно очень не мудрено, что подъ повѣйшими Сивахъ-эль-Кэбиромъ зарыты развалины цѣлаго древняго города.

ШАНГХАЙ, ЕВРОПЕЙСКІЙ ГОРОДЪ ВЪ КИТАѢ. Въ одной англійской газетѣ находимъ любопытное извѣстіе о китайскомъ городѣ Шангхаѣ, сообщенное Робертомъ Форчуномъ, который извѣстенъ уже прежними своими путешествіями въ Небесную Имперію. Городъ этотъ замѣчательнъ, какъ первый шагъ, завоеванный въ Китаѣ европейскою цивилизаціею; мы увѣрены, что читатели наши не посѣтуютъ за сообщеніе имъ этихъ занимательныхъ подробностей.

Когда я въ первый разъ посѣтилъ этотъ городъ, говоритъ почтенный путешественникъ, городъ, о которомъ я тогда же писалъ, что онъ можетъ сдѣлаться очень важнымъ пунктомъ для англійской и американской торговли, война только-что благополучно кончилась. Китайцы были вынуждены согласиться на нанкинскій договоръ; первый торговый корабль поднялся по рѣкѣ, и нѣсколько англійскихъ купцовъ поселились въ Шангхаѣ. Мы жили въ скверныхъ китайскихъ домахъ, въ рисовыми соломенками; дождь перѣдко даже въ постеляхъ мочилъ насъ насквозь, и мы едва не умерли отъ стужи. Въ морозные дни зачастую случалось намъ, просыпаясь поутру, видѣть полъ своихъ комнатъ покрытый снѣгомъ. Въ такомъ положеніи были вещи зимою 1843—44 годовъ.

Въ сентябрѣ прошлаго года, послѣ трехъ-лѣтняго пребыванія въ Англіи, я опять очутился въ устьѣ Шангхая на китайской

лодки, плившей къ городу. Первое, что поразило мои взоры, при приближеніи къ городу, былъ цѣлый лѣсъ мачтъ, пужъ не одиѣхъ китайскихъ джонкъ, которыя такъ поразили меня въ первое мое путешествіе, а большихъ, статныхъ судовъ, по большей части англійскихъ и сѣверо-американскихъ. Въ это время стояло на якорѣ передъ городомъ двадцать шесть большихъ кораблей, изъ которыхъ многіе были нагружены произведеніями англійскихъ мануфактуръ, и собиравсь въ отечество съ грузомъ чаю и шелковыхъ тканей. Еще болѣе былъ я пораженъ видомъ берега. Я зналъ, что по возвращеніи моемъ въ Англію, было построено въ Шангхаѣ нѣсколько англійскихъ и американскихъ домовъ; два или три изъ нихъ были начаты еще при мнѣ; но никакъ не могъ я ожидать, чтобы въ такое короткое время мѣсто жалкихъ китайскихъ шалашей, хлопчатобумажныхъ полей и кладбищъ заступилъ цѣлый новый городъ, и притомъ довольно обширный. Китайцы мало-по-малу переселяются съ семействами, имуществомъ и со всѣми своими принадлежностями далѣе во внутрь своей имперіи; почти такъ же какъ Индѣйцы въ Сѣверной Америкѣ, но съ тѣмъ различіемъ, что они уступаютъ свои жилища чужеземцамъ добровольно, за хорошія деньги. Замѣчательно, какъ они заботятся о переносѣ, вмѣстѣ съ прочимъ своимъ имуществомъ, останковъ своихъ умершихъ родственниковъ, которыхъ они обыкновенно хоронятъ подлѣ своихъ домовъ. Безпрестанно случается встрѣчать цѣлыя вереницы гробовъ, которые носильщики или члены семейства несутъ на западъ, на новыя селитвы, откуда, надѣются, не вытѣснить ихъ уже чужеземецъ. Очень часто случается также, что гробы сгнили и не могутъ быть перенесены; тогда вы увидите Китайца съ книгою въ рукахъ, въ которой заключается списокъ костей его родныхъ, и по этому списку онъ откапываетъ и разбираетъ драгоценные останки.

Очень любопытно посмотрѣть на группу китайскихъ купцовъ, пришедшихъ изъ внутреннихъ областей въ Шангхаѣ по дѣламъ или изъ любопытства. Какое удивленіе написано на ихъ широкихъ лицахъ, между-тѣмъ какъ они расхаживаютъ взадъ и впередъ по берегу рѣки. Длинные ряды англійскихъ кораблей, дома чужеземцевъ, ихъ собаки, ихъ лошади, все для нихъ невидаль, все возбуждаетъ ихъ удивленіе, едва ли не больше самаго чужеземца. Господа Дентъ, Билъ и компанія, которымъ принадлежитъ лучшій домъ въ Шангхаѣ, говорятъ, что имъ нѣтъ покою отъ любознательныхъ китайцевъ, которые приходятъ просить позволенія осмотрѣть домъ, и которыхъ хозяева, разумѣется, считаютъ

долгомъ принимать со всевозможною любезностью. Посѣтители всегда выходятъ чрезвычайно довольные; и можно надѣяться, что ближайшее знакомство съ удобствами и утонченностями европейской жизни, внушитъ образованнымъ Китайцамъ болѣе выгодное понятіе о заморскихъ варварахъ.

Къ украшеніямъ новаго города принадлежитъ небольшая, но очень красивая церковь, при которой находится пасторъ, прибывшій изъ Англіи въ сентябрѣ прошлаго года.

Прошлою осенью Шанхай подвергся многимъ болѣзнямъ, возникшимъ вслѣдствіе чрезмѣрныхъ дождей, выпавшихъ въ продолженіе лѣта, и едва не потопившихъ весь край. Янгъ це-квангъ и нѣкоторыя рѣки его бассейна выступили изъ береговъ; многочисленные каналы, перерѣзывающіе всю страну, переполнились водою и залили всѣ низменные мѣста. Болѣзнь похитила нѣкоторыхъ изъ почетнѣйшихъ членовъ англійской колоніи. При городѣ находится небольшое кладбище, купленное у Китайцевъ, и обведенное каменною стѣною; на немъ построена и скромная часовня. Со-временемъ, можетъ быть, Англичане послѣдуютъ примѣру Китайцевъ и болѣе позаботятся о красотѣ своего кладбища. Еслибъ разбить его на аллеи, обсадить ихъ плакучими ивами, можжевельникомъ, елями, и другими деревьями, это не мало бы содѣйствовало къ возвышенію Европейцевъ въ глазахъ народа, который больше всѣхъ другихъ народовъ отличается почтеніемъ къ могиламъ своихъ усопшихъ отцовъ.

Нѣсколько словъ объ аббатѣ де-женудѣ. Имя аббата де-Женуда, который нынче умеръ въ Парижѣ, останется особенно связано съ общимъ уваженіемъ. Это былъ человѣкъ строгаго образованія и удивительной дѣятельности. Это былъ также человѣкъ свѣтскій, не презиравшій ни поэзии, ни поэтовъ, какъ это сейчасъ покажетъ анекдотъ изъ счастливыхъ временъ романтическаго разцвѣтанія.

Этому скоро будетъ двадцать-пять лѣтъ. Въ воздухѣ носился тогда свѣжій concerté строфъ, слетѣвшихъ съ устъ всѣхъ молодыхъ людей. Въ кустахъ можно было найти меньше гнѣздъ, чѣмъ на софкахъ разбросанныхъ идеалій: у Юлія де-Рессегіе, Эмиля Дешана, Альфреда де-Виньи, Сумѣ, де-Латуша, звучали подъ пальцами *гармоническія лютни*. Тогда еще говорилось «лютни». Викторъ Гюгъ переводилъ Лукиана и готовилъ драму «Ами Робсаръ». Двадцать-пять лѣтъ назадъ! тогдашнія знаменитости сдѣлались неизвѣстными; тогдашніе неизвѣстные стали знаменитыми.

Въ этотъ весенній и царственный часъ, одинъ молодой человекъ, дворянинъ, красивый какъ портретъ Жерара, стройный, съ кроткимъ и глубокимъ взоромъ, явился къ одному издателю и предложилъ ему томъ стихотвореній, своихъ первыхъ стихотвореній. Это было довольно смѣло! Но издатель, сохранившій нѣчто человѣческое, предложилъ триста франковъ за эти стихотворенія, *не читая ихъ*. Молодаго поэта это немножко смутно, однако онъ умѣлъ сохранить хладнокровіе и просилъ полторы тысячи франковъ, *послѣ прочтенія*, прибавилъ онъ улыбаясь.

Полторы тысячи франковъ! Это была его цѣна, онъ не хотѣлъ ничего сбавить. Неизвѣстно почему отважный молодой человекъ оцѣнилъ свои стихотворенія въ полторы тысячи франковъ и общалъ себя найти ихъ, и точно нашелъ, только не у книгопродавца, а у аббата де-Женуда, которому былъ представленъ случайно, и которому вздумалось сдѣлаться издателемъ любовныхъ стихотвореній. И такъ молодой человекъ досталъ полторы тысячи франковъ, и въ этотъ день вѣрно прегордо прошелъ передъ лавкой книгопродавца, предлагавшаго ему триста. Бѣдные, такъ презираемые тогда триста франковъ! какой поэтъ пойдетъ вась теперь!

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого, счастливый дворянинъ получилъ приглашеніе на обѣдъ къ редактору «Gazette de France». Собраніе было составлено изъ знаменитостей по большей части литературныхъ. За десертомъ поставили закрытую тарелку передъ поэтомъ, до которой не позволили ему дотронуться, прежде чѣмъ онъ прочтетъ нѣсколько изъ своихъ самыхъ гармоническихкихъ стансовъ. У собранія вырвался одинъ одногласный крикъ восторгу въ продолжительномъ браво. Тогда по знаку аббата де-Женуда, поэтъ открылъ тарелку — на ней было двадцать-осемь тысячъ франковъ банковыми билетами!

— Эта сумма принадлежитъ вамъ, сказалъ аббатъ, наслаждался удивленіемъ своего любимца; тотъ, кто купилъ ваши стихотворенія за полторы тысячи франковъ, продалъ ихъ за тридцать тысячъ; ничего не можетъ быть проще...

На двѣ тарелки было послѣднее изданіе твореній этого поэта, небольшой томикъ, великолѣпно переплетенный, на которомъ красовалось золотыми буквами: «Méditations poétiques par M. Alphonse de-Lamartine» («Поэтическія размышленія Альфонса де-Ламартина»).

князь меттернихъ. Графъ и графиня Меттернихъ наслаждались удовольствіями медоваго мѣсяца въ прелестномъ убѣжищѣ, украшенномъ вмѣстѣ и природой и искусствомъ. Въ одинъ день когда они прогуливались въ огромномъ паркѣ, устроенномъ знаменитымъ французскимъ архитекторомъ Шальгреномъ, котораго курьерствъ вызвалъ въ Кобленцъ, передъ новобрачными вдругъ явился курьеръ въ ливреѣ императрицы-королевы.

Графъ поблѣдѣлъ; курьеръ, пріѣхавшій издалека, очень могъ смутить министра; онъ подалъ ему депеши, содержащія короткое и сухое повелѣніе немедленно отправиться въ Вѣну, чтобы дать отчетъ въ своемъ поведеніи.

Георгій старался скрыть свое смятеніе передъ женою, отъ которой однако нельзя было утаить содержаніе полученнаго имъ письма.

Войдя въ кабинетъ, графъ быстро написалъ отвѣтъ первому министру и вручилъ его курьеру, ожидавшему его, чтобы отправиться опять въ Вѣну.

— Для чего, говорилъ самъ себѣ графъ, требуютъ отъ меня отчета въ поведеніи? Кажется, я вѣрно исполнялъ свои обязанности.... Ну! я поѣду въ Вѣну, пристыжу клеветниковъ.... О! я съумѣю оправдаться передъ государыней, она возвратитъ мнѣ уваженіе, когда выслушаетъ.

Графъ разсуждалъ такимъ-образомъ самъ съ собою, когда жена вошла къ нему въ кабинетъ; видя волненіе мужа, она догадалась, что онъ получилъ непріятное извѣстіе.

— Георгій, сказала она, обращаясь къ изъжности, къ чистосердечію мужа, Георгій, тебя вѣрно поразило большое несчастіе; неужели ты не доверишь мнѣ своихъ огорченія? Развѣ я не должна утѣшить тебя, раздѣлить твои горести. Георгій, доверься мнѣ; въ особености не бойся огорчить своей откровенностью; твоё молчаніе огорчитъ меня гораздо болѣе.

И она бросилась на шею къ мужу, сжавшему ее въ объятіяхъ. Взявъ со стола роковое письмо, графъ подалъ его женѣ.

— Прочти, сказалъ онъ.

Графиня схватила съ живостью письмо и пробѣжавъ его, возвратила мужу.

— Чтѣ ты объ этомъ думаешь? спросилъ онъ.

— Тоже чтѣ и ты, другъ мой!... я увѣрена, что ты раздѣляешь мое мнѣніе.

— Меня оклеветали....

— Такъ, другъ мой, а невинному нечего бояться. Ты оставилъ въ Вѣнѣ враговъ....

— Откуда они возьмутся?... я едва провелъ тамъ вѣсколко дней; только два раза былъ при дворѣ....

— Ахъ, другъ мой! развѣ государыня не отличила тебя передъ всеми домогающимися ея довѣренности? развѣ у тебя нѣтъ дарованій? блескъ, занимаемой тобою должности привлекъ на тебя вниманіе, боятся, чтобы ты не поднялся еще выше; и чтобы остановить твою карьеру—постарались повредить тебѣ въ глазахъ императрицы.

— Иначе нельзя изъяснить полученное мною приказаніе, но хотя мнѣ не въ чемъ упрекнуть себя, выраженія этого письма внушаютъ безпокойство. Если я найду въ Вѣнѣ тюрьму... прежде чѣмъ меня выслушаютъ!

— Нѣтъ! нѣтъ! другъ мой, вскричала графиня, не надо колебаться.... завтра мы ѣдемъ въ Вѣну.

— Завтра! завтра! но я поѣду одинъ.... не хочу подвергать тебя случайностямъ путешествія, которое можетъ кончиться несчастнымъ образомъ....

— Что ты говоришь, Георгій? Развѣ и счастье и несчастіе не должны быть общи между нами? Я поѣду съ тобой, другъ мой; пожалуй пріѣду даже прежде тебя ко двору, куда твои враги надѣются, можетъ-быть, что ты не смѣешь пріѣхать.

— Нѣтъ, Беатрикса, ты останешься здѣсь. Если я попадусь, еще тогда будетъ время заняться мной, надѣюсь на твою нѣжность, и преданность и въ оковахъ и въ изгнаніи!

Графиня пристально посмотрѣла на мужа.

— Георгій, сказала она измѣнившимся голосомъ, такъ ты меня не любишь?

— Боже мой! другъ мой! моя Беатрикса! какія жестокія слова произнесла ты! можешь ли ты сомнѣваться въ моей нѣжности?

— Дай мнѣ одно доказательство, единственное, которому я повѣрю, позволь ѣхать съ тобой въ Вѣну.

Графъ подумалъ нѣсколько минутъ: графиня съ безпокойствомъ ждала его отвѣту.

— Ты требуешь этой горестной жертвы, Беатрикса!... Идешь вмѣстѣ.... Дай Богъ, чтобы не оправдалсь мой грустный предчувствія!

Графъ поспѣшилъ приготовленіями къ отъѣзду, но не хотѣлъ, чтобы знали о томъ; онъ боялся, чтобы курьерствъ не настоялъ отложить отъѣздъ, потому что любилъ Георгія и надѣялся

ся, что супруги останутся еще съ мѣсяць въ Шенборнштутѣ; онъ даже начерталъ программу празднествъ, которыхъ любезность его приготовляла графинѣ.

Но прїѣздъ вѣнскаго курьера нельзя было скрыть отъ курфирста; едва тотъ отправился назадъ, курфирсть явился къ графинѣ; она была одна въ гостиной, еще взволнованная сценой съ мужемъ и принцу не трудно было отгадать, что она мучительно озабочена. Послѣ нѣсколькихъ обыкновенныхъ вопросовъ о здоровьѣ, онъ удался, обѣщая собѣ разузнать эту домашнюю тайну.

Возвратясь въ свои покои, курфирсть нашелъ графа, ожидавшаго его, чтобы по обыкновенію засвидѣтельствовать свое уваженіе, сообразно правиламъ этикета. Графъ ничего не говорилъ о курьерѣ, а курфирсть желалъ, чтобы Меттернихъ предупредилъ его распросы. Наконецъ утомленный таинственной скромностью графа, курфирсть прямо приступилъ къ цѣли:

— Чтѣ новаго въ Вѣнѣ, любезный графъ?

— Вашему королевскому высочеству должно быть столько же и даже болѣе чѣмъ мнѣ извѣстно, что происходитъ въ столицѣ.

— Вы вѣрно шутите, любезный графъ?

Меттерниха нѣсколько смутили эти слова, въ которыхъ заключалась и насмѣшка и досада.

— Я говорю очень серьезно и къ тому же прибавлю вашему высочеству, что я нисколько не расположенъ шутить.

— Но вѣдь вы получили сегодня извѣстія изъ Вѣны.

— Ваше высочество вѣрно позволите гонорить о курьерѣ?

— Именно.

— Въ депешахъ, которыя онъ привезъ ко мнѣ, не было ни слова о Вѣнѣ и о томъ, что происходило тамъ во время его отъѣзда.

— То есть привезенное письмо было чрезвычайно дипломатическое.

— Клянусь, ваше королевское высочество, что оно касалось только меня.

Эти слова сопровождало такое выраженіе покорной грусти, что оно сдѣлало живое впечатлѣніе на курфирста.

— Не стану настаивать, сказалъ принцъ удаляясь, я долженъ уважить ваши тайны. Но если исправно вамъ понадобится подпора въ Вѣнѣ или въ другомъ мѣстѣ, надѣйтесь на меня.

И курфирсть сжалъ руку графа.

Меттернихъ не могъ устоять противъ такихъ знаковъ дружескаго увещанія.

— Я ѣду завтра въ Вѣну, сказалъ онъ.

— Что вы говорите? любезный графъ. Какъ вы насъ оставите, графиня общаго осталась здѣсь подождать.

— Мнѣ приказано вернуться въ Вѣну, и я долженъ повиноваться.

Курфирстъ былъ пораженъ.

— Но, по крайней мѣрѣ, вы вернетесь, любезный графъ?

— Не могу обещать вашему высочеству.

— Боюсь, что вы скрываете отъ меня истину. Неумолимо быль сейчасъ у графини и нашелъ въ ней странную перемену. Необходимость обыкновеннаго путешествія не можетъ причинить такой внезапный переворотъ. Я знаю, что самыя невинныя поступки могутъ быть перетолкованы завистливыми. Васъ обманывали....

— Предполагаю, что такъ....

Курфирстъ, который сидѣлъ во время этого разговору, вдругъ всталъ и увлекъ графа изъ кабинета въ садъ.

— Для меня довольно того, что вы сказали, графъ, чтобы объявить настоящую причину вашего внезапнаго отъѣзда. Вамъ угрожаетъ немилость и можетъ быть моя привязанность къ вамъ тому причиною.

— Ваше королевское высочество изволите ошибаться.

— Нѣтъ, другъ мой; не смотря на связи мои съ вѣнскими дворами, меня можетъ быть подозреваютъ.... но я другъ вашъ и сумѣю васъ защитить, поѣду въ Вѣну вмѣстѣ съ вами и самъ стану просить за васъ императрицу.

— У меня недостатокъ словъ, чтобы выразить признательность вашему высочеству, но если вы изволите принимать участіе въ судьбѣ моей, позвольте ѣхать одному съ женой. Ваше присутствіе въ Вѣнѣ, ходатайство въ мою пользу, могутъ подтвердить подозрѣнія, которыхъ я сталъ жертвою. Можетъ быть враги мои обрадуются, когда вы открыто станете защищать меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, я пристыжу ихъ, общаю вамъ, а если вы не хотите ѣхать со мной я уѣду прежде. Выбирайте, это мое послѣднее слово.

— Напрасно графъ уговаривалъ курфирста остаться въ Шенбруннѣ, тотъ былъ очень упрямъ и увѣренъ, что вліяніе ея да Марію-Терезію избавитъ графа отъ угрожающей гибели.

На другой день, въ пять часовъ утра, почтовый экипажъ съ гербомъ трирскаго курфюрста, выѣхалъ изъ ограды замка на вѣнскую дорогу.

Принцъ самъ повезъ въ столицу графа Георгія Меттерниха съ женой. Приѣхавъ въ Вѣну, графъ Меттернихъ хотѣлъ испросить аудиенцію у императрицы, прежде свиданія съ первымъ министромъ; ему хотѣлось поскорѣе оправдаться въ глазахъ государыни и отдать ей отчетъ въ своемъ поведеніи, какъ требовало письмомъ, привезенное въ Шонборнлусть курьеромъ. Трирскій курфюрстъ успокоилъ его вѣтераніе и совѣтовалъ подождать, пока его потребуютъ во дворецъ.

— Я хочу, другъ мой, прежде васъ быть у императрицы, это моя обязанность; положитесь на меня, чтобы устроить ваше дѣло. Императрица легко уступаетъ наговорамъ и часто слушается дурныхъ совѣтовъ, но съ такою же легкостью отказывается отъ предубѣжденій, и если ошибется, то охотно признается въ заблужденіи и даже умѣетъ загладить его.

Меттернихъ все еще наставлялъ, но курфюрстъ сказалъ ему повелительнымъ тономъ, заставившимъ его замолчать.

— Я хочу, чтобы вы дождались моего возвращенія, я сейчасъ ѣду во дворецъ.

Принцъ тотчасъ сѣлъ въ почтовый экипажъ и поѣхалъ во дворецъ. Чтѣ тамъ произошло? какими рѣчами объѣялись въ этомъ свиданіи императрица и курфюрстъ? Надо полагать, что ходатайство курфюрста получило полный успѣхъ, потому что черезъ три дня послѣ приѣзду графа и графини Меттернихъ въ Вѣну, то есть, 8 февраля 1771 года, въ тамошней газетѣ были напечатаны слѣдующія строки:

«Вчера, сего сіятельство графъ Георгій Меттернихъ, министръ ея величества при вестфальскомъ дворѣ, и ея сіятельство графиня Меттернихъ, урожденная фонъ-Кагенекъ, имѣли честь быть допущены на особую аудиенцію къ ея величеству императрицѣ.

Это извѣстіе было громовымъ ударомъ для враговъ Меттерниха. Оно очень ясно возвѣщало имъ, что человекъ, котораго они считали въ немплоти и можетъ-быть наканунѣ изгнанія, восторжествовалъ надъ ихъ угрозами и интригами.

Но для курфюрста было недовольно отдать справедливость графу; онъ хотѣлъ приготовить ему пріятный сюрпризъ, и въ ту минуту какъ Меттернихъ приготовлялся къ своему посту по предписанію перваго министра, онъ подалъ ему приглашеніе на обѣдъ ко двору съ женой.

Извѣстно, что Марія-Терезія не расточала эти приглашенія, напротивъ, она допускала къ своему столу только членовъ своего семейства и путешествующихъ принцевъ. Императрица избѣгала сколько могла тѣ собранія, гдѣ должна была покоряться правиламъ этикета; она любила свободу, которую можно найти только въ семейномъ кругу.

Графа нѣсколько смутила, даже раздосадовала эта милость: онъ предвидѣлъ, что она еще болѣе раздражитъ ненависть враговъ; однако не было никакой возможности не явиться на приглашеніе.

Странно было то, что онъ еще не зналъ настоящей причины своей кратковременной немилости; до тѣхъ поръ онъ предавался невѣдѣнности предположеній, отливу и приливу гипотезъ; это еще была загадка, которую онъ тщетно старался отгадать.

Напрасно спрашивалъ онъ курфюрста: тотъ былъ непропца, емъ и даже притворялся, что не знаетъ ничего; онъ только сказалъ, что свиданіе съ императрицей заставило его предположить, что лживыя допесенія увѣрили Марію-Терезію, будто министръ ся при вестфальскомъ дворѣ, пожертвовалъ дѣламъ ея величества удовольствіямъ Гименея.

Графъ понималъ, что курфюрстъ знаетъ лучше настоящее положеніе дѣла, но онъ уважалъ скромность принца, которая, какъ онъ полагалъ, была предписана ему августѣйшей волей.

Императрица была очень благосклонна, исполнена предупредительности и вниманія къ графу и графинѣ Меттернихъ. Послѣ обѣда посадила возлѣ себя, въ своей гостиной, молодую графиню, съ которой очень долго и дружески разговаривала и когда графъ пришелъ раскланяться съ императрицей, жена его еще была съ нею. Марія-Терезія обратилась съ любезной улыбкой къ Меттерниху.

— Поздравляю васъ съ счастливымъ выборомъ, графъ, сказала она: жена ваша прелестна; однако я сержусь на васъ.... признаюсь вамъ.

Меттернихъ смутился; императрицѣ какъ будто нравилось его замѣшательство.

— Да, графъ, сержусь и хочу сдѣлать вамъ упрекъ.... очень важный.

— Если бы вашему величеству угодно было увѣдомить меня, что это за вина, можетъ-быть, невольная....

— Невольная или вѣтъ, вина существуетъ, проступокъ дѣйствителенъ. Ну, допросите-ка свою совѣсть!

Меттерниху не трудно было признать, что императрица шутит; онъ легко оправился отъ замѣшательства, кому же его совершенно успокоивало прееутствие жены, которой выраженіе лица отдаляло всякую мысль дѣйствительной опасности.

Эту маленькую сцену императрица приготовила, чтобъ пообавиться немножко.

Графъ поддался шуткѣ охотно, то есть, какъ умный человѣкъ.

— Позвольте, сказалъ онъ, сдѣлать вашему величеству простое замѣчаніе.

— Говорите, я готова васъ выслушать.

— Ваше величество приказали мнѣ допросить совѣсть, а этины поставили меня въ положеніе грѣшника, кающагося исповѣданью.

— О! не совѣшъ такъ, графъ, не совѣшъ.... Но продолжайте, прошу васъ.

— Грѣшникъ, ваше величество, готовится къ исповѣди продолжительнымъ размышленіемъ, допросъ совѣсти—дѣло важное.... и ваше величество, сдѣлавъ мнѣ совершенно неожиданный вопросъ, привели меня въ замѣшательство.

— Это правда, графъ, я и не подумала о томъ. Но примонните же немножко. Не согрѣшили вы съ мѣсяць тому назадъ противъ вашего ближняго, противъ меня напримѣръ?

Графъ смутился; замѣшательство его увеличилось, когда онъ замѣтилъ, что выраженіе строгости затонило благосклонную веелость на лицѣ императрицы.

Въ эту минуту подошелъ курфюрстъ.

— Посмотрите, сказала императрица.... здѣсь происходитъ довольно рѣдкая вещь... Дипломатъ допрашиваетъ свою совѣсть передъ государыней.

— Какъ! это точно чтѣ-то необыкновенное, и я зараже благодарю ваше величество за доставляемое мнѣ удовольствіе.

Графа успокоило посредничество курфюрста; графиня взоромъ ободряла мужа.

Однако это положеніе, какъ ни было занимательно, не могло продолжиться; надо было поспѣшить развязкою маленькой драмы. Графъ все стоялъ въ положеніи человѣка размышляющаго. Марія-Терезія смотрѣла попеременно то на него, то на графиню.

— Кажется, память вамъ измѣняется, графъ, сказала она.... Такъ вамъ не въ чемъ упрекнуть себя въ отношеніи меня.

— Смѣю увѣрить, ваше величество.

— Берегитесь, графъ, берегитесь!... вы можете повелѣно уподобить вашу вину ложью. У васъ дурная память, намъ видно... Я могу помочь вамъ своей... Узнайте же, когда жевается, те удивляются о томъ друзей, особенно тѣхъ, которые даю вамъ доказательство участія... привязанности...

Графъ овуеталъ голову; живая краска покрыла его и грѣшино лицо. Только теперь понялъ онъ настоящую причину удовольствія, котораго чуть-было не сталъ жертвою; только теперь мысль о великомъ проступкѣ пришла ему на умъ.

Даже курьерствъ, не отличавшійся прозорливостью, понялъ сѣмьомъ послѣднихъ словъ императрицы и задрожалъ за своего любимца, хотя предисловіе не имѣло въ себѣ ничего страшнаго. Самъ принцъ въ глубинѣ души былъ согласенъ съ Маріей-Терезіей; можетъ-быть, на ея мѣстѣ онъ не простилъ бы такого забвенія приличій; но какъ онъ самъ раздѣлялъ вину графа, потому что самъ устроилъ бракъ его съ Беатриксой сонъ-Клеванкъ, то долженъ былъ также раздѣлить и отвѣтственность проступка.

Но Марія-Терезія рассудила, что графъ довольно наказанъ деннымъ ему урокомъ.

— Впадте, сказала она Меттерниху, что вы больше смыслите въ дипломатическихъ переговорахъ, чѣмъ въ допросѣ совѣтѣ; но перестанемъ говорить объ этомъ. Вы загладите вину, слуша мнѣ царь, какъ служили до-сихъ поръ, и надѣюсь, что Богъ благословитъ вашъ бракъ. Но я забыла, что прощаю васъ съ условіемъ...

Императрица милостиво посмотрѣла на графиню, которую эти слова могли слова испугать:

— Я хочу, требую, чтобы первый ребенокъ вашъ, если это будетъ мальчикъ, вступилъ на ту же самую карьеру, которую вы начали съ такимъ блескомъ.

— Будемъ повиноваться вашему величеству и беру небо въ свидѣтели принимаемаго мною обязательства.

— Мнѣ довольно вашего слова, графъ. Теперь воротитесь въ вашему посту... Первый министръ сообщитъ вамъ новыя инструкціи....

Императрица встала; Меттернихъ съ женой ушли.

Эта сцена доставила много удовольствія Маріи-Терезіи; она была очарована манерами и разговоромъ графини Меттернихъ.

— Знаете ли, сказала она трирскому курьерству, который еще не простился съ нею, знаете ли, что вы чудесно умѣете составлять приличные браки. Графиня женщина замѣчательная, графъ

очень вамъ обязанъ; у него такая жена, которая превосходно бы исполнила обязанности посла. Какъ жаль, что дипломатическіе обряды и обычаи запрещаютъ женщинамъ служить! между ними есть много такихъ, которыя лучше мужчинъ годились бы на нѣкоторыя мѣста....

— Ваше величество доказываете, что скинтръ въ рукахъ женщины....

— Довольно большая таместь....

И императрица вдругъ оставила курьерста, нѣсколько удивленнаго этимъ отбѣтомъ.

.... Четырнадцатаго мая 1771 года послѣ обѣда, портшезь, сопровождаемый солдатами, остановился передъ домомъ, въ самомъ лучшемъ кварталѣ Кобленца.

Человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, съ волосами, начинавшими сѣдѣть, вышелъ изъ этого портшеза, поддерживаемый двумя лакеями, потому что ему трудно было ходить отъ старости, съ трудомъ вошелъ онъ на ступени большой лѣстницы, которая вела въ главные покои.

Ему не нужно было велѣть докладывать о себѣ; его ждали; по знакамъ уваженія, которые показывали ему слуги, можно было судить, что это особа важная.

Дверь гостиной тотчасъ передъ нимъ открылась; тамъ сидѣла молодая дама, съ лицомъ, измѣнившимся отъ страданія; она была одѣта просто, но съ изяществомъ. Сидя въ креслахъ, она держала въ рукѣ книгу, которую положила на столъ тотчасъ какъ вошелъ гость.

Онъ поклонился ей съ любезной улыбкой и сѣлъ возлѣ; лакеи ушли.

Этотъ гость былъ трирскій курьерстъ; дама — графиня Меттернихъ, жена министра императрицы Маріи-Терезіи при вестфальскомъ дворѣ.

— Я вчера послалъ новаго курьера къ вашему мужу, графиня, сказалъ припѣцъ; я думаю, что ему нужно поторопиться.

Графиня сдѣлала успіе, чтобы придать лицу мейѣе грустное выраженіе.

— Ваше высочество правы.... сказала она.... поторопиться нужно.

— Ахъ Боже мой! понимаю.... графиня.... извините мое неумѣстное посѣщеніе.... я ухожу....

— Ваше высочество не повлияли меня; въ моемъ мучительномъ положеніи, вдали отъ мужа, я очень рада видѣть васъ.... Какимъ

образомъ мужъ мой и я будемъ въ состояніи выразить вамъ признательность за ваше участіе?

— Ахъ! графиня, я уже слишкомъ вознагражденъ за усилія мои оставить ваше счастье, вашими добродѣтелями, дарованіями, блестящими достоинствами избраннаго вами супруга.... Позвольте мнѣ, графиня, не продолжать долѣ посѣщенія, которое можетъ утомить васъ. Надѣюсь, что мужъ вашъ прійдетъ нынче вѣчеромъ; дай Богъ, чтобы онъ успѣлъ во время, чтобы принять въ свои объятія залогъ его вѣжности!

Приицъ всталъ, взялъ руку графини, запечатлѣлъ на ней поцѣлуй съ почтительной вѣжностью и пошелъ къ двери; графиня позвонила и оба лакея явились на помощь курьеру; онъ уже переступилъ черезъ порогъ, какъ вдругъ воротился и подошелъ къ графинѣ, удивленной этимъ возвращеніемъ. Сдѣлавъ лакею знакъ отойти въ сторону, онъ сказалъ тихо графинѣ:

— Предсказываю вамъ, что у васъ будетъ мальчикъ.

Графиня улыбнулась.

— Я не могу ручаться за это, сказала она.

— Помните, что мужъ вашъ общалъ императрицѣ полтора года тому назадъ....

— Ваше высочество напоминаете мнѣ забытое обѣщаніе.

— Надо его однако сдержать, графиня; вы знаете, что у императрицы хорошая память.

— Знаю; но развѣ это обязательство и это обѣщаніе могли быть серьезны?

— Государыня считаетъ ихъ такими; а я прошу васъ вспомнить, графиня, что я поручился за васъ.

Графиня не настаивала болѣе, она говорила съ человѣкомъ очень упрямымъ, котораго было трудно, чтобы не сказать невозможно, убѣдить въ слишкомъ наивномъ легковѣрїи.

— Ну, если мы общали, и императрица и вы, если Богу будетъ угодно, останетесь довольны, ваше высочество.

Курьеръ снова простился съ графиней и ушелъ.

На другое утро, въ семь часовъ, въ домъ графини Меттернихъ было большое движеніе и волненіе необыкновенное; слуги бѣгали туда и сюда; нѣсколько докторовъ смѣнялись у постели графини, которая, страдая ужасно, искала взорами того, чьи слова могли ее утѣшить.

Вдругъ молодой человѣкъ съ растрепанными волосами, покрытый пылью и потомъ, бросается къ постели супруги, страдающей ужасными конвульсіями, жметъ ей руку, покрываетъ слеза-

на и нахотелъ сѣмъ годовъ выемочъ подѣ такншъ удивнншъ по-
пытаніемъ для сердца возлюбленнаго, мужа.

Но доктора требуютъ, чтобы онъ удалился; онъ хочетъ остано-
вля, несмотря на вѣхъ жостотунныхъ просьбы и предостереженій,
его увлекають насильно, потому что докторамъ нужна свобода
дѣвжоній для успѣху смасной операціи.

Курфирста уведомили о возвращеніи графа Меттерника; онъ
вѣриналъ жь тому въ ту минуту, когда графъ принужденъ былъ
удалиться; когда онъ увидѣлъ его прачное исцаліе, когда услы-
шалъ раздражкія рыданія, онъ забылъ и свое завіе и свое до-
стоинство въ присутствіи мнопочоловншхъ свидѣтелей, чтобы
утихнать Меттерника и возвратитъ ему надежду.

— Перестаньте, другъ мой, сказалъ онъ, вспомните, что вы
мужчина, предоставьте женщинамъ слабость въ горести. Поло-
женіе вашей жены не можетъ ввухать вамъ никакого опасенія.

Меттерникъ молчалъ, онъ не слышалъ и не слушалъ словъ
курфирста; вдругъ докторъ Бурггардъ, одинъ изъ лучшихъ вра-
чей Германіи, оставившій вѣсколько замѣчательныхъ сочиненій,
прибѣжалъ въ комнату, въ которую заперъ Меттерника.

— Графиня разрѣшилась благополучно, вскричалъ онъ, можете
войти къ ней.

— Она разрѣшилась! о Боже мой, благодарю тебя!

И графъ упалъ на колѣна.

— Но докторъ, спросилъ онъ, вы не сказали мнѣ, мальчикъ
или дѣвочка?

— И, графъ, перебилъ курфирстъ, ваша жена родила маль-
чика... то есть, дипломата.

Эта шутка разсмѣшила Бурггарда.

— Ваше высочество, изволите говорить правду, сказалъ онъ,
графиня разрѣшилась славнымъ, здоровымъ мальчикомъ, не знавъ
только дипломатомъ ли...

— Если онъ еще не дипломатъ, то будетъ имъ, докторъ! Не
такъ ли любезный графъ?

Меттерникъ не отвѣчалъ прищну, а бросился въ комнату жены;
одинъ изъ докторовъ тотчасъ подалъ ему ребенка и графъ за-
плакалъ отъ радости.

Курфирстъ тоже явился.

— Увѣряю васъ, вскричалъ онъ, обращаясь къ графу, что
императрица будетъ вами довольна. Теперь вы съ ней раскви-
тались!

Ребенокъ, родившійся въ Кобленцѣ пятнадцатаго мая 1771 года

былъ тотъ, кто въ послѣдствіи сталъ австрійскимъ министромъ, словомъ — князь Меттернихъ!...

дуэль въ Миссиссиппи. *Шактасъ* подѣзжалъ къ городку Вискбургъ, чтобы взять тамъ значительный грузъ. Въ то время, какъ пароходъ причаливалъ, пассажиры увидѣли на другомъ берегу огромную толпу, какъ-будто ожидавшую необычайнаго зрѣлища. Жители Вискбурга, которыхъ спросили, что значить это сборище? отвѣчали: что это дуэль между двумя городскими негоціантами, пзвѣстными своей ловкостью стрѣлать изъ карабина.

Разлакомленные этимъ привлекательнымъ зрѣлищемъ, пассажиры *Шактаса* хотѣли воспользоваться временемъ, необходимымъ для нагруженія парохода. Родъ плоскаго паромъ на двухъ колесахъ, похожихъ на мельничные, перевезъ ихъ на другую сторону рѣки, съ многими изъ жителей города.

Вскарабкавшись не безъ труда на отвѣсные утесы, окружающіе Миссиссиппи съ этой стороны, пассажиры *Шактаса* смѣшались съ толпой, съ самого разсвѣта ожидавшей дуэли. Почти все были вооружены съ ногъ до головы, словно пришли сюда не въ качествѣ зрителей, но съ намѣреніемъ принять участіе въ борьбѣ: нѣсколько группъ, совершенно отдѣльныхъ отъ толпы, отличались своимъ одушевленіемъ и дикимъ видомъ.

Наконецъ явился два соперника. Толпа безмолвно раздѣлилась на два параллельные ряда, образовавъ двѣ живыя стѣны, отдѣленные одна отъ другой метра на три. На каждомъ концѣ этой галереи, которой длина не превышала десяти метровъ, свидѣтели зарядили карабины въ виду сражающихся.

По окончаніи приготовленій, соперники встали въ позицію.

Погода была холодна, и небо, покрытое сѣроватыми облаками, осыпало мрачнымъ и зловѣщимъ свѣтомъ мѣсто сраженія.

По обычаю страны на соперникахъ была очень широкая верхняя одежда, скроенная изъ шерстяныхъ бѣлыхъ или зеленыхъ одеялъ. Одинъ отличался высокимъ ростомъ. Пристальный и свирѣпый взоръ его такъ и сверкалъ. У другаго, молодаго человѣка лѣтъ двадцати шесть, была пренеприятная наружность. Хотя ниже ростомъ своего соперника, онъ однако казался выше его по достоинству осаки. При первомъ изглядѣ, этотъ молодой человѣкъ долженъ былъ привлечь общую симпатію; улыбка его была запечатлена добротою и прелестью.

Прежде чѣмъ взять оружіе, поданное ему однимъ изъ свидѣте-

лей, онъ снялъ зеленое пальто, и явился глазами соперника въ блѣмомъ камзолѣ, который жители той страны обыкновенно носятъ въ лѣтнее время.

Дѣйствіе этой маленькой хитрости, вѣроятно внушенной ему друзьями, не достигло предположенной цѣли. Въ-самомъ-дѣлѣ, не въ дальнемъ разстояніи позади молодого человѣка, простирался занавѣсъ очень сжатыхъ деревьевъ, на которыхъ эта бѣлая одежда означалась, какъ бѣлая муха на черной доскѣ. Вдругъ наступило глубокое молчаніе.

Два соперника, которыхъ взоры смѣшивались, какъ въ электрическомъ токѣ, прицѣлились въ ожиданіи сигнала.

Одинъ изъ свидѣтелей, дойдя до половины дороги двухъ лагерей, прервалъ молчаніе яснымъ и звучнымъ голосомъ:

— Готовы ли вы, господа?

— Готовы! отвѣчалъ вдругъ оба соперника.

— Разъ.... два.... три.... стрѣлай!

Два сухіе выстрѣла, словно одинъ и тотъ же залпъ, раздались прежде чѣмъ послѣднее слово было произнесено.

Оба соперника стояли на ногахъ. Они выстрѣлили, какъ всегда дѣлается въ такомъ случаѣ, не упирая карабинъ въ плечо, чтобы не потерять четверть секунды, потому что для такихъ ловкихъ стрѣлковъ, какъ западные Американцы, четверть потерянной секунды — смерть!

Между тѣмъ толпа оставалась спокойною и безмолвною... соперники стопчешки сохранили свою позицію, ожидая, пока свидѣтели снова зарядятъ оружіе, что впрочемъ тѣ сдѣлали немедленно, въ глазахъ сражающихся, безъ малѣйшаго покушенія къ примиренію.

Слѣдствіе втораго опыта было рѣшительно. Молодой человѣкъ въ блѣмомъ камзолѣ упалъ, прежде чѣмъ успѣлъ выстрѣлить изъ карабина.... Пуля противника попала ему въ лобъ....

Это ужасное зрѣлище смѣнилось самой страшной схваткой. Друзья несчастнаго молодого человѣка ринулись на партизановъ его соперника.

Не желая принять участіе въ этой неожиданной борьбѣ, пассажиры *Шактаса* поспѣшно удалились съ поля сраженія на паромъ; но онъ уже былъ загроможденъ толпою и не безъ труда успѣлъ онъ попасть туда. Въ ту минуту, когда паромъ готовился отправиться, прибѣжали просить мѣста для жертвы дуэля. Въ этой послѣдней милости нельзя было отказать умирающему, и тол-

на, тѣснѣвшаяся на паромѣ, стѣснилась еще болѣе, чтобы дать мѣсто плачевной процессіи.

Паромъ, такъ опасно нагруженный, достигъ середины рѣки, какъ вдругъ раздались страшные крики....

Огромнѣйшій пароходъ прямо во всѣ пары несся на паромъ.

Пароходъ приближается.... приближается.... онъ только на два оборота колесъ отъ парома.... еще минута, и все погибло!

Ужаснѣйшій крикъ отчаянія раздается и разносится по воздуху.... пароходъ столкнулся съ паромомъ!

По какому-то чуду, тяжелая масса, только покачнувшаяся отъ толчка, избавилась отъ почти вѣрной гибели и тяжело отвалила въ сторону.

Черезъ нѣсколько секундъ послѣ столкновения, двадцать выстрѣловъ, направленныхъ въ кормчаго, раздались съ парома; но, благодаря Бога, онъ уже былъ на разстояніи, недосыгаемомъ для пули. Зыбкій плотъ, ужасно испорченный, добрался наконецъ до берегу, и пассажиры *Шактаса*, утомленные утренними волненіями, поспѣшили взобраться на свой пароходъ. Черезъ день они вышли на берегъ въ Лувиллѣ, и каждый поспѣшилъ заняться своимъ дѣломъ, даже не вспомнивъ о приключеніяхъ переезда.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, въ одномъ журналѣ было напечатано:

«Недавно на берегахъ Миссиссипи происходила дуэль между двумя почетными негоціантами Виксбурга, въ слѣдствіе соперничества въ любви. Нѣсколько разъ оба джентльмена размѣнивались на улицахъ карабинными выстрѣлами, и чтобы положить копецъ этимъ перестрѣлкамъ, возмущавшимъ спокойствіе и безопасность жителей, друзья противниковъ уговорили ихъ окончить ссору востоящимъ дуэлемъ. Одинъ изъ соперниковъ, молодой человекъ, пользовавшійся большимъ значеніемъ, палъ смертельно раненый, и умеръ на слѣдующую ночь.»

ловецъ пшавокъ. Нѣсколько лѣтъ уже какъ новая промышленности завелась въ Флпнстерскихъ деревняхъ; исполненіе ея такъ живописно, что стоитъ подробнаго описанія. Тѣ поселяве, которыхъ бѣдность или духъ праздности доводитъ до бездѣйствія, отправляются вдоль рѣкъ, выбираютъ себѣ любое мѣсто, и тамъ сидя на травѣ, спускаютъ голыя ноги въ воду, между тѣмъ какъ длинными шестами ворочаютъ камешки и высокую траву, устилающіе дно рѣки. Когда легкій зудъ въ ногахъ, достаточно увеличивается, они перестаютъ волновать воду и вытаскиваютъ изъ

рѣня вога, на которомъ висятъ пѣвки въ большемъ или меньшемъ количествѣ, смотря по мѣстности и по времени. Ежедневный барышъ этой ловли можетъ простираться отъ тридцати до тридцати пяти копѣекъ серебромъ.

Вотъ что разсказываютъ намъ по случаю ловли пѣвокъ.

Ивонна была прелестная небогатая дѣвушка, но большая кокетка. Изъ всѣхъ ея обожателей въ деревнѣ и въ окрестностяхъ, никто не любилъ ея такъ какъ Гервѣ, столярный подмастерье. Но Гервѣ былъ бѣденъ, спрота, въ ожиданіи отъ будущаго и отъ трудовъ своихъ того, въ чемъ отказало ему рожденіе. Ивонна однако любила его. И потому роднымъ нужно было много терпѣнія и истинной преданности, чтобы успѣть доказать ей всю нецѣльность такой привязанности. Въ тотъ день какъ старый музыкантъ Керглазь женился на Ивоннѣ, славшейся на разсудительныя представленія родныхъ, Гервѣ оставилъ деревню, чтобы не быть свидѣтелемъ этого союза. Черезъ пять мѣсяцевъ онъ былъ въ Африкѣ, съ солдатской сумкой на спинѣ, и перестрѣливался съ Арабами Абдель-Кадера.

На другой день свадьбы, Ивонна замѣтила, что Керглазь былъ непожко грубъ, а черезъ недѣлю, что его нравъ и лицо нисколько не придавали удовольствія ея состоянію, хотя се увѣрили въ противномъ; наконецъ черезъ мѣсяць она узнала, что мужъ ея пьяница. Она пошла жаловаться роднымъ, которые ей отвѣчали, что тутъ дѣлать нечего, что всѣ мужичины таковы, и что ей нечего считать себя несчастной, когда она завѣдываетъ славной, красивой мызой, въ замѣну кой-какихъ недостатковъ въ мужѣ, которые время и любовь жены изгладятъ когда-нибудь. На возвратномъ пути Ивонна сѣла на краю дороги, закрыла голову передникомъ, и думая о бѣдномъ Гервѣ, который такъ любилъ ее, принялась горько плакать.

Домашнее спокойствіе очень пострадало отъ этого; Керглазь почерпалъ въ кабакѣ отолько утѣшенія, что на слѣдующій годъ владѣлецъ мызы счелъ пужнымъ возвратитъ его къ независимой жизни. Несчастная Ивонна очутилась безъ всякихъ средствъ, оставленная родными, отказавшими дать ей убѣжище. Нужда Керглаза возрастала по мѣрѣ лишней, и онъ скоро прокутилъ все, что она имѣла.

Когда всѣ средства были истощены, и въ долгъ уже не вѣрнулъ, у Керглаза зашевелилась совѣсть, и чтобы не умереть съ голоду, онъ сдѣлался ловцемъ пѣвокъ. Последнее его перемѣни-

дось; онъ успѣлъ скоро отложить небольшую сумму; но несчастная жена его продолжала подвергаться лишениямъ и горю.

Въ это время въ деревнѣ узнали, что Гервѣ, оставленный за-мертво въ одной экспедиціи, спасъ свою голову отъ ятагана арабскихъ наѣздниковъ, и поднятый союзнымъ племенемъ, послѣ долгаго пребыванія въ больницѣ, гдѣ ему отняли ногу, возвратился во Францію съ пенсіономъ. Въ-самомъ-дѣлѣ черезъ нѣсколько времени послѣ этого извѣстія, Гервѣ пріѣхалъ въ деревню, въ одинъ прекрасный осенній вечеръ.

Это былъ день храмоваго праздника. Всѣ прогуливались въ праздничныхъ платьяхъ на сельской площади, танцовали много и безпрестанно. Вдругъ въ толпѣ разнеслось извѣстіе: Гервѣ пріѣхалъ! Танцы тотчасъ прекращаются, всѣ идутъ къ нему на встрѣчу, всѣ протягиваютъ ему руки. Гервѣ — другъ, объ отъѣздѣ котораго сожалѣли, оплакивая его несчастіе, находитъ теперь въ этомъ славномъ возвращеніи нѣкоторое вознагражденіе въ горѣ, преслѣдовавшемъ его въ отсутствіи.

Ивонна, ожидая мужа, который на ловлѣ, видѣтъ изъ полуразрушенной хижны толпу бѣгущую по дорогѣ. Она подходитъ къ порогу и смотритъ. Извѣстіе о возвращеніи Гервѣ не дошло до нея: она жила въ страданіи и въ одиночествѣ. При видѣ того, чего она еще любила, она блѣднѣетъ, чувствуетъ какъ силы ея слабѣютъ, поспѣшно затворяетъ дверь, и сѣвъ у очага, придвигаетъ пряхку, доставляющую ей дневное пропитаніе. Нѣсколько минутъ она завпмается своей безконечной работой, но скоро силы ея оставляютъ, слабыя руки опускаются на колѣна и она падаетъ безъ чувствъ.

Въ тотъ же вечеръ Гервѣ узналъ до какой степени Ивонна страдаетъ и съ какой ангельской безропотностью переноситъ свое ужасное положеніе. Тогда онъ почувствовалъ, что въ сердцѣ его запылала любовь еще сильнѣе; Ивонна стала дорога ему не только за то, что была предметомъ самой горячей привязанности юныхъ лѣтъ его, но также и потому, что она насылала на него грустныя грезы во время отсутствія. Онъ украдкой проскользнулъ въ ея хижину, и провелъ ночь въ сосѣдней степи, въ печальномъ раздумьѣ, какъ бы ей помочь.

Утромъ, Ивонна, въ лпхорадкѣ, послѣдовавшей за обморокомъ, искала мужа взоромъ и не нашла его возлѣ себя. Отчего онъ не возвратился? Ивонна открыла дверь хижны, чтобы воздухъ и солнце проникнули нѣсколько въ комнатку. Въ полдень

она замѣтила двухъ человѣкъ, которые несли третьяго и какъ-будто шли къ ней черезъ поле. Она подумала, что Керглазь не могъ устоять противъ ежедневнаго искушенія, и что его несли къ ней пьянымъ за-мертво. Носильщики положили на траву тѣло Керглаза — это былъ точно онъ — отдохнули и опять повесили его. По мѣрѣ приближенія, они стали колсбаться. Наконецъ одинъ изъ нихъ узналъ Ивонну и оба остановились въ другой разъ. Но Ивонна, объятая грустивымъ предчувствіемъ, бросилась къ нимъ на встрѣчу. Нельзя было долѣе скрывать отъ нея несчастія, если только это было несчастіе.

Керглазь, отправившись наканунѣ на ловлю півовкъ, встрѣтилъ стараго товарища по распутству, который подтрунивъ надъ его превращеніемъ, успѣлъ затащить его въ кабакъ, гдѣ оба они напились какъ подобаетъ. Но и въ опьяненіи у Керглаза преобладала мысль, что онъ вышелъ на ловлю: онъ и отправился туда. Сначала все шло какъ должно. Спустивъ ноги въ воду, онъ славно управлялся съ шестамп. Къ несчастію сонъ одолѣлъ его, и потому на другой день, два мельника нашли его на травѣ, умершаго отъ истеченія крови изъ ногъ, по милости півовкъ, какъ то подтвердили мирный судья и докторъ.

Черезъ годъ, Гервѣ опять сдѣлавшись столяромъ, женился на Ивоннѣ, которая заставила себя долго упрасивать: за что Гервѣ отмстивъ ей такимъ счастіемъ, какого она и не смѣла просить у Бога.

ЭЛЬ-ХАДЖЪ-ЗЕЙЯНЪ, ПРОДАВЕЦЪ ФИНИКОВЪ. *Разсказъ Целести-на Ребура.* Какая у васъ чудесная турецкая трубка! сказалъ я однажды одному моему пріятелю: откуда она у васъ?

— Отъ одного молодаго Африканца.

— Ба! какимъ образомъ?

— Это цѣлая исторія. Вы безъ сомнѣнія помпите тѣхъ страствующихихъ сыновъ Востока, которые на другой день по сооруже-ніи луксорскаго обелиска, явились на огромной площади Согласія, съ своими пестрыми тюрбанами, съ загорѣлымъ лицомъ, почертившимъ подъ поцѣлуями африканскаго солнца, и выставив тамъ лавочки съ финиками и серальской постплой? Между ними былъ одинъ, котораго страждущій видъ, трогательное выраженіе грусти, разлитое на юномъ, прекрасномъ лицѣ, произвелъ на меня живое впечатлѣніе. Каждый разъ какъ я отправлялся гулять въ ту сторону, увлекаемый неодолимою симпатіей, всегда оказывалъ ему предпочтеніе, когда мнѣ приходила

охота купить нѣсколько фивиковъ или постилы; такимъ образомъ мы наконецъ познакомились и я мало-по-малу довелъ его до того, что онъ сталъ разговаривать со мною на своемъ полу-французскомъ, полу-арабскомъ языкѣ о правахъ и обычаяхъ его родины. Эти почти дружескія сношенія тянулись нѣсколько недель, какъ вдругъ однажды къ великому моему удивленію я не нашелъ его на обыкновенномъ мѣстѣ. Напрасно обошелъ я всю площадь и Елисейскія Поля. Вѣрно онъ занемогъ или воротился подъ свое чудное африканское небо, подумалъ я. Не видя его болѣе, я скоро забылъ его.

Черезъ нѣсколько времени, занятія мои припудили меня поселиться въ благородномъ предмѣстьи и я папалъ комнату въ скромной гостиницѣ въ Вернелльской улицѣ; не прошло и трехъ дней какъ въ одинъ вечеръ, возвращаясь домой, я почувствовалъ какъ чья то рука легонько ударила меня по плечу, и голосъ, не совсѣмъ незнакомый, ясно шепнулъ мнѣ на ухо эти слова:

— *Эйшъ алекъ, христіанитъ?* (какъ ты въ своемъ здоровьѣ).

Услышавъ эти слова, произнесенныя на такомъ языкѣ, я быстро обернулся и очутился лицомъ къ лицу съ Эль-Хаджъ-Зейяномъ, продавцомъ фивиковъ!

Оправившись отъ удивленія, въ которое привела меня эта неожиданная встрѣча, я забросалъ его вопросами и съ радостью узналъ, что онъ живетъ подъ одной кровлей со мною и даже дверь объ дверь. А исчезъ онъ съ площади Согласія по причинѣ разстройства въ здоровьѣ.

Посмотрѣвъ на него внимательно, я точно увидѣлъ въ его чертахъ слѣды сильнаго страданія.

— Вы отгадываете, другъ мой, продолжалъ мой пріятель, что мы возобновили знакомство съ новой горячностью, и я скоро узналъ обычан и правы Африканцевъ какъ моей родной земли. Къ-несчастью, здоровье Эль Хаджъ Зейяна не поправилось. Это постоянное состояніе упадка силъ не замедлило послужить поводомъ къ происшествію, изъ котораго я узналъ настоящую причину того, что я полагалъ сильной душевной горестью; потому что этотъ человекъ казалось мнѣ былъ матеріально счастливъ и хорошаго сложенія. Однажды, войдя въ его комнату, я нашелъ его на постелѣ, совершенно въ разслабленномъ состояніи. Жгучій, лихорадочный огонь пожиралъ его. Напрасно пытался бѣднякъ встать, чтобы достать чашу съ пивьемъ, которое онъ обыкновенно употреблялъ, и увидѣвъ меня, тотчасъ сдѣлалъ мнѣ

звукъ подать ему эту чашу. Въ торопливости я ошибся и подаю ему другую, которую едва онъ поднесъ къ губамъ, какъ тотчасъ же возвратилъ мнѣ съ неопредѣлимъ движениемъ отъ ужаса.

— Я никогда, никогда не пью воды!.... вскричалъ онъ съ отчаяніемъ.

Я тотчасъ поправилъ ошибку, подавъ ему чашу съ чѣмъ-то въ родѣ молока, которое онъ выпилъ съ жадностью. Это питье сдѣлало ему пользу, и силы его мало по малу воротились. Любопытствуя узнать причину сильнаго отвращенія его отъ воды, я рѣшился разспросить его, и вотъ что могъ узнать изъ его разсказа, которымъ онъ удостоилъ меня послѣ нѣсколькихъ минутъ верблѣности, потому что я уже вамъ сказалъ, Эль-Хаджъ-Зейявъ очень дурно изъяснялся по французски:

Онъ родился въ мѣсяцъ реджебъ въ 1812 году въ Тегазѣ, маленькомъ городкѣ, любопытномъ по своимъ домамъ, возвышеннымъ изъ каменной соли и покрытымъ верблюжьими кожами. Отецъ его мессуфитскій невольникъ, то есть, изъ племени Мессуфы, въ Суданѣ, съ трудомъ свискивалъ пропитаніе добывкою каменной соли, которою производится значительная торговля въ этомъ городѣ. Едва достигнувъ осемнадцати лѣтъ, Эль Хаджъ-Зейявъ имѣлъ горестъ лишиться отца и остался одинъ на землѣ, потому что мать умерла въ минуту его рожденія. Потеря эта сдѣлала такое впечатлѣніе на его чувствительную, любящую душу, что онъ опаско занемогъ. Молодость свасла его, но отъ этой болѣзни осталась у него глубокая меланхолія, и дни его протекали въ грусти и изнеможеніи.

Это продолжалось около году, когда Ибнъ Ади, господинъ его, оставилъ Седжельмессу и поселился въ Тегазѣ съ дочерью своею Гиллѣ, чтобы лучше надзирать за работами своихъ многочисленныхъ работниковъ. Увидѣвъ однажды, случайно, лицо Гиллѣ Ибнъ-Ади, Эль-Хаджъ-Зейявъ былъ пораженъ ея красотой и страстно въ нее влюбился. Съ тѣхъ поръ жизнь его перемѣнилась; у него стала одна цѣль, одна единственная мысль—привлечь взоръ молодой дѣвушки и заставить себя полюбить. Ему удалось. Она не могла оставаться равнодушною при видѣ мужественнаго и красиваго лица любимаго невольника отца своего. Молодые люди полюбили другъ друга, не размышляя о невозможности союза — любовники вездѣ одинаковы — и мечтали о радости, счастіи и любви. Но, увы! все земное непрочное! въ одно утро бѣдный Эль Хаджъ-Зейявъ получалъ отъ любовницы, черезъ старую Негратяику, ея кормплицу, записку, всю смоченную сле-

замц, гдѣ она увѣдомляла его, что отецъ хочетъ выдать ее за Мухаммеда-Абуль-Факиза, своего племянника. Велика была горестъ Эль-Хаджъ-Зейяна при этомъ роковомъ извѣстїи.

«Любовь моя велика, отвѣчалъ онъ: если твоя равняется моей, мы убѣжимъ далеко, далеко отсюда, въ вышнюю ночь, и луна блаженства не померкнетъ для насъ».

Черезъ четыре часа послѣ солнечнаго заката, проворный верблюдъ несъ нашихъ любовниковъ съ быстротою стрѣлы въ пустыню, простырающуюся отъ Тегаса до Ивалатена. Чтѣ же вышло изъ этого? Случилось то, что почти всегда случается, когда забываешь разсчитать физическія силы; десять дней пути отдѣляли еще бѣглецовъ отъ города, гдѣ они надѣялись найти средства скоро и безопасно добраться до Алжира, когда дочь Ибнъ-Ади, изнуренная усталостью отъ поѣздки по океану песковъ, гдѣ ни одна пальма не представляла имъ своей спасительной тѣни, занемогла горячкою. Къ довершенію несчастія, мѣхи опустѣли, вода вся вышла, достать было негдѣ и страшная неизбежная смерть ожидала ихъ, если всемогущій Аллахъ не пошлетъ имъ помощи!.... Терзаемый отчаяніемъ, Эль Хаджъ-Зейявъ смотрѣлъ на блѣдныя разстроенныя черты возлюбленной, которую страданїе приковывало почти безчувственную къ песку, когда вдругъ сильный шумъ заставилъ его поднять голову. Онъ замѣтилъ въ нѣсколькихъ шагахъ стадо *вехшій*, — родъ буйволовъ, у которыхъ желудокъ наполненъ водою, — бѣгущее за пищей къ предѣламъ пустыни.

Крикъ лихорадочной радости вырвался изъ груди Мессуфита. Онъ бросился въ погоню за животными; но едва удался отъ дѣвушки, какъ ему показалось, что его преслѣдуетъ, наступаютъ, окружаетъ одна изъ тѣхъ многочисленныхъ, демонскихъ шаекъ, которыми суетвїе Мессуфитовъ наполняетъ эту пустыню для гибели тѣла и души путешественниковъ, блуждающихъ тамъ одиноко, и онъ задрожалъ, воображая, что слышать какъ они режутъ ему въ уши:

«Безумный! вехши бѣгутъ скоро, твое тѣло утомлено, ноги отяжелѣли, ты ихъ не догонишь.... безумный!.... безумный!»

Онъ остановился запыхавшись и поблѣднѣвъ, не зная продолжать ли ему погоню или воротиться; но вспомнивъ отчаянное состояніе бѣдной Геллѣ, пересталъ колебаться и пустился бѣжать, вскричавъ:

— Аллахъ милостивъ!.... Мужество мое велико! я догону вехшій!

Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько минутъ послѣ быстраго, безумнаго бѣга, выстрѣлъ раздался въ безграничной пустыни и огромное животное покатилося безжизненно на песокъ.

Эль-Хаджъ Зейявъ съ живостью схватилъ небольшой мѣхъ, висѣвшій у него съ боку, потомъ вытащивъ ятаганъ проткнулъ желудокъ звѣря. При видѣ вытекавшей воды, онъ не могъ побѣдить желанія утолить жгучую жажду, поправшую его уже двадцать смертельныхъ часовъ. Онъ жадно ее выпилъ, думая, что ему будетъ легко, собравшись снова съ силами, наступивши и убить другаго вѣхшия. Тщетная надежда! Испуганный выстрѣломъ животнаго, удвоивъ скорость бѣга, и когда Эль-Хаджъ Зейявъ хотѣлъ снова пуститься за нимъ въ погоню, онъ былъ уже такъ далеко, что наступъ ихъ не было никакой возможности!...

Безумное отчаяніе овладѣло тогда бѣдвымъ невольникомъ, при мысли, что онъ выпилъ воду, назначенную облегчить страданія, можетъ-быть даже сохранить жизнь его возлюбленной. Ночной мракъ распространился надъ пустыней, ужасъ снова воротился къ нему. Голосъ совѣсти принялъ онъ за крики демоновъ. Ему казалось, что они произносятъ эти зловѣщія слова:

«Горе тебѣ, Эль-Хаджъ-Зейявъ, горе! ты выпилъ воду вѣхшевь! Геллѣ, твоя возлюбленная погибнетъ! Горе тебѣ!... горе!»

Онъ упалъ безъ чувствъ. Когда чувства къ нему возвратились, солнце восходило, обливая пурпуровымъ свѣтомъ песокъ пустыни. Воспоминаніе о несчастной Геллѣ возвратилось ужаснѣе, развительнѣе въ его душу. Онъ дотащился къ ней съ растерзаннымъ сердцемъ, изтомленный и нашелъ ее мертвою!...

Есть минуты въ жизни, когда нѣкоторые люди почерпаютъ въ избыткѣ самого несчастія необыкновенную энергію и мужество. Эль-Хаджъ Зейявъ, увидя у своихъ ногъ эту юную, прелестную женщину, которую неумолимая смерть скосила на утрѣ жизни, думая о потерянномъ счастьи, не нашелъ ни одной слезы, не пустилъ ни одного стenanія. Вырывъ могилу, онъ спустилъ туда тѣло несчастной Геллѣ, обернувъ голову ея къ Востоку; потомъ ставъ на колѣна у могилы, которую засыпалъ пескомъ, долго молился и далъ клятву странную, но понятную въ его положеніи—никогда не пить воды. Потомъ пустился въ дорогу, прогоняя встрѣчавшихся вѣхшевь и, наконецъ, черезъ десять дней неописанныхъ страданій и утомленія, дошелъ до Ивалатена, гдѣ нашелъ средства добраться до Алжира. Тамъ, чтобы разсѣяться отъ горя, нечувствительно точившаго его здоровье, онъ рѣшился

оставить родину; уѣхалъ изъ Африки и вышелъ на берегъ въ Марсель, 3 ноября 1830.

Вотъ какъ объявилъ мнѣ Эль-Хаджъ Зейявъ причину своего отвращенія къ водѣ. Съ этого дня я расточалъ всѣ возможныя старанія, употребилъ все мое краспорѣчье, чтобы утѣшить его. Безполезныя старанія! бесплодное краспорѣчье! здоровье его должно ослабѣвать. Когда я замѣтилъ ему это, онъ сообщилъ мнѣ желаніе увидѣть снова Африку. Я не противорѣчилъ ему, надѣясь, что родной воздухъ подѣйствуетъ на него благотѣльно.

Онъ уѣхалъ.

Черезъ два мѣсяца послѣ этой разлуки, хозяйка подала мнѣ письмо съ черной печатью, съ алжирскимъ штемпелемъ!...

Я дрожа сорвалъ печать и вотъ что прочелъ:

(Пріятель мой вынулъ изъ портфеля бумажку)

«Милостивый государь,

«Спѣшу исполнить священную обязанность.... послѣднюю волю умирающаго.... Недавно меня призвали въ качествѣ врача къ молодому Африканцу по имени Эль-Хаджъ-Зейяву, родомъ изъ Судана. Съ перваго взгляду я увидѣлъ, что помощь моя будетъ бесполезна! что тѣйное горе разрушаетъ жизнь этого человѣка! Дѣйствительно онъ скончался черезъ нѣсколько дней.... поручивъ мнѣ доставить единственному человѣку, котораго онъ любилъ послѣ своего отца, свою трубку и туфли, въ знакъ сохранныя о немъ воспоминаія. Спѣшу переслать вамъ обѣ эти вещи, которыя вы получите вскорѣ послѣ этого письма.

«Докторъ Феликсъ Б....»

Не нужно говорить вамъ, продолжалъ мой пріятель взволнованнымъ голосомъ, что я зажигаю эту трубку и надѣваю туфли не безъ грустнаго, мучительнаго волненія, вспоминая объ ихъ первомъ, несчастномъ владѣльцѣ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВО ФРАНЦІИ. *Замогильныя Записки Шатобриана. Часть осьмая.* Однажды, вечеромъ, мы видѣли какъ въ наше убѣжище кто-то вошелъ украдкой въ одно окно, а вышелъ въ другое: это былъ мосьё Лабуарн, спасавшійся отъ преслѣдованій Бонапарта. Вскорѣ послѣ этого явилась одна изъ этихъ страдающихъ душъ, которыя непохожи на другія души, и которыя смѣшиваютъ мимоходомъ свои неизвѣстныя несчастія съ страданіями человѣческаго роду: Люсиля, сестра моя.

Пріѣхавъ во Францію, я увѣдомилъ родныхъ о моемъ возвра-

шенія. Графиня де-Мориньи, сестра моя, отпривилась первая отъискывать меня, ошиблась улицей и встрѣтила пать господъ Лассанъ, изъ которыхъ послѣдній вышелъ изъ сапожной, отъѣхать, что онъ здѣсь. Жена моя тоже явилась: она была прелестна и исполнена всѣми качествами, способными дать мнѣ счастье, которое я нашелъ съ нею съ-тѣхъ поръ, какъ мы сошлись. Графиня де-Ко, Люсиля, явилась потомъ. Жуберъ и графиня де-Бомонъ почувствовали къ ней страстную привязанность и вѣжное состраданіе. Тогда началась между ними переписка, кончившаяся только съ жизнью двухъ женщинъ, которыя склонились одна къ другой какъ два дѣтка одного свойства, готовы увлечь. Люсиля оставилась въ Версалі; тридцатое сентября 1802 и получила отъ нея эту записку: «Пишу, чтобы просить тебя поблагодарить отъ меня графиню де-Бомонъ за приглашеніе въ Савиньи. Я надѣюсь имѣть это удовольствіе черезъ двѣ недѣли, если только со стороны графини де-Бомонъ не встрѣтится препятствій.» Графиня де-Ко пріѣхала въ Савиньи какъ сказала.

Я говорилъ вамъ, что въ юности сестра моя, канонисса Аржантьерскаго каинтула, предначеченная къ Рехпримонтскому, имѣла къ мосьѣ де-Малье-матру, совѣтнику въ бретанскомъ парламентѣ, привязанность, которая, заключенная въ груди ея, увеличила природную ея меланхолю. Во время революціи она вышла за графа де-Ко, а черезъ полтора года лишилась его. Смерть графини де-Фарси, сестры вѣжно любимой, увеличила грусть Люсиліи. Она привязалась потомъ къ женѣ моей и взяла надъ нею власть, сдѣлавшуюся мучительной, потому что Люсиля была вспыльчива, самовластна, безразсудна и жена моя, покоряясь ей капризамъ, скрывалась отъ нея, чтобы оказывать одолженія, которыя богатая пріятельница оказываетъ слишкомъ чувствительной и не такъ счастливой подругѣ.

Свойства и характеръ Люсиліи дошли почти до сумасбродства Жанъ-Жака Руссо; она почитала себя окруженною тайвыми врагами, давала графини де-Бомонъ, Жуберу и мнѣ ложные адреса, чтобы писать къ ней, разсматривала печати, старалась узнать по словамъ ли онѣ; блуждала изъ дому въ домъ, не могла оставаться ни у сестеръ ни у жены моей; не могла ихъ терпѣть, и жена моя, будучи предава ей выше всего, что только можно вообразить, была наконецъ угнетена тяжестью такой жестокой привязанности.

Еще новый ударъ судьбы поразилъ Люсилію. Мосьѣ де-Шендол-

дѣ, живя похвѣ Вира, ѣздилъ къ ней въ Фужеръ; скоро устроилась была свадьба, которая вдругъ разошлась. Сестрѣ все не удавалось и она упала духомъ. Этотъ жалобный призракъ присылъ немного па камнѣ въ веселомъ савиньскомъ удивленіи столько сердець пришло его съ радостію и съ счастіемъ возвратило бы къ оледенной дѣйствительности бытія! Но сердце Люсиліи могло биться только въ воздухѣ, созданномъ нарочно для нея и который никто другой не дышала. Быстро пошпира-ла она днѣ особеннаго шіра, куда судьба ее забросала.

Сестра не измѣнилась; она только приняла безсмысленное выраженіе своихъ бѣдствій: голова ея нѣсколько склонилась, какъ голова, отягощенная часами; она шепотала мнѣ родителей, эти шерыя семейныя воспоминанія, вызванныя изъ памяти, окружали меня какъ ларвы, гнѣющія ночью при умирощемъ пламени погребельнаго костра. Глядя на Люсилію, я думалъ что ажъ въ ней все свое дѣтство, которое смотреть на меня изъ-за ея нѣсколько помутнившихся глазъ.

Горестное видѣніе встало: эта женщина, отягощенная жизнью, какъ-будто пришла за другою угнетенной женщиной, которую должна была увлечь.

Лѣто прошло: по обыкновенію, я обещалъ себѣ повторить его на слѣдующій годъ; но стрѣлка не возвратится на тотъ часъ, котораго мы хотимъ. Зимой въ Парижѣ я сдѣлалъ нѣсколько новыхъ знакомствъ. У мосьѣ Жюлиена, человека богатаго, обязательнаго и веселаго собесѣдника, хотя въ его родѣ нѣтъ привычку застрѣливаться, была ложа во Французскомъ Театрѣ; онъ давалъ ее графини де-Вомонъ; четыре или пять разъ я былъ въ театрѣ съ де-Фонтаномъ и Жуберомъ. Когда я вступилъ въ свѣтъ, старая комедія была во всей своей славѣ, я нашелъ ее въ полномъ разрушеніи; трагедія еще поддерживалась, благодаря надмоазель Дюшвона и особенно Тальмъ, достигшему до самой высокой степени драматическаго таланта. Я видѣлъ его при дебютѣ, онъ былъ не такъ хорошъ и, скажу, не такъ молодъ какъ въ то время, когда я увидѣлъ его снова: онъ пріобрѣлъ отличную наружность, благородство и важность, которыя достаются съ лѣтами.

Портретъ Тальмы, который мадамъ де-Сталь начертила, въ сочиненіи своемъ о Германіи, только въ половину справедливъ: блистательная писательница смотрѣла на великаго актера воображеніемъ женщины и придала ему то, чего не доставало.

Тальмъ не нуженъ былъ ширъ средній: онъ не умѣлъ пред-

ставлѣть *деорлима*, не зналъ нашего прежняго общества, не сѣдѣлъ за столомъ боярынь въ готической башнѣ, въ глубинѣ лѣсовъ; не понималъ гибкости, разнообразія тона, угодничества, внутреннихъ приѣмовъ нравовъ, наивности, итѣжности, героизма чести, христіанскаго самоотверженія рыцарства: не былъ ни Таукредомъ, ни Куси, или по-крайней-мѣрѣ превращалъ ихъ въ героев среднихъ вѣковъ своего изобрѣтенія.

Что же былъ Тальма? Онъ былъ — онъ, тотъ вѣкъ и древнее время съ глубокими и крѣпкими страстями любви и патриотизма: онъ являлся у него взрывами. Вдохновеніе было у него роковое, и то помѣшательство генія, въ которое повергають бури переворотовъ. Ужасныя зрѣлища въ повторялись въ его талантѣ съ жалобнымъ и отдаленнымъ звукомъ хоровъ Сооокла и Эврипида. Его грація, безусловная, поражала васъ какъ горе. Мрачную гордость, угрызеніе, ревность, душевную меланхолю, физическую боль, безуміе, невзгоду, человѣческой трауръ, звалъ онъ превосходно. Одинъ выходъ его на сцену, одинъ звукъ голоса былъ уже сильно трагическіе. Страданіе и мысль смѣшались на лбу его, дышали въ неподвижности, въ позахъ, въ жесткахъ, въ походкѣ. Какъ *Грекъ* онъ приходилъ задыхавшимся и мрачнымъ изъ руинъ Аргоса, сухой безсмертный Орестъ, мучимый три тысячи лѣтъ Эммендами. Какъ *Французъ* онъ являлся изъ пустыхъ севъ-деиескихъ подземелій, гдѣ парки девяносто-третьяго года разсѣкли нить могильной жизни нашихъ древнихъ героевъ. Весь унылый, весь въ ожиданіи чего-то безвѣстнаго, но рѣшительнаго неправосуднымъ рокомъ, онъ ходилъ, какъ каторжникъ судьбы, немолжно скованный между роковымъ приговоромъ и ужасомъ.

Время набрасываетъ неизбѣжный мракъ на старѣющія драматическія образцовыя произведенія; тѣнь ветхости пзтиняется въ Рембрандовъ чистѣйшихъ Рафаэлей; безъ Тальмы часть чудеса Корвеля и Расина осталась бы невѣстною. Драматическій талантъ — факель; онъ сообщаетъ огонь другимъ полуугасшимъ факеламъ и оживляетъ геніевъ, восхищающихъ васъ своимъ возобновленнымъ блескомъ.

Тальмъ одолжены совершенствомъ актерской формы. По шетина на сценѣ и строгость костюма такъ ли необходимы искусству какъ предполагаютъ? Герои Расина по заимствуютъ ничего отъ покрою платья: въ картинахъ первыхъ живописцевъ отдаленности пренебрежены и костюмы пестры. *Неистовство Ореста и проицанія Юда*, чтанные въ гостиной Тальной во фразѣ про-

изводили такой же эффектъ какъ декламированныя на сценѣ въ греческой мантии или въ жидовскомъ кастанѣ. Ивигенія была одѣта также какъ мадамъ де-Севинье, когда Боало обращается съ этими чудными стихами къ своему другу.

Jamais Iphigénie en Aulide immolée
N'a coté tant de pleurs à la Grèce assemblée,
Que dans l'heureux spectacle à nos yeux étalé
N'en a fait sous son nom verser la Champmeslé,

Этотъ способъ представленія неодушевленнаго предмета есть духъ искусства нашихъ временъ: она возвѣщаетъ упадокъ высокой поэзіи и истинной драмы; когда безсильны къ великимъ красотамъ то довольствуются малыми; подражаютъ, до обману глазъ, краскамъ и бархату, когда уже не могутъ изобразить физиономію челоуѣка, сидящаго на этомъ бархатѣ и креслахъ. Спустившись до истинны матеріальной формы, находятъ себя принужденнымъ воспроизвести ее; потому что публика, ставъ сама матеріальной, требуетъ этого.

Между тѣмъ я кончилъ «Духъ Христіанства». Луціанъ пожелалъ видѣть нѣкоторыя корректуры и написалъ на поляхъ довольно пошлыя замѣчанія.

Хотя успѣхъ большого сочиненія былъ такъ же блѣднѣе какъ успѣхъ маленькой «Аталы», его однако можно было оспорить: это было сочиненіе степенное, гдѣ я уже не попадалъ на основаніе прежней литературы и философіи посредствомъ романа, но гдѣ уничтожалъ ихъ разсужденіями и фактами. Волтеріянское царство взревѣло и пошло ратовать. Мадамъ де-Сталь ошиблась на-счетъ судьбы моихъ религіозныхъ писаній: ей приесли книгу неразрѣзанную, она просунула пальцы между листовъ, попала на главу la Virginité и сказала Адріану де-Монморанси, который былъ у ней:

— Ахъ! Боже мой! нашъ бѣдный Шатобрианъ! Это не будетъ имѣть никакого успѣха.

Аббатъ де-Булонъ, взявъ въ рукахъ нѣкоторыя части моего сочиненія до печатанія, отвѣчалъ спрашивавшему его книгопродавцу:

— Если хотите разориться, то печатайте!

А послѣ аббатъ де-Булонъ написалъ слишкомъ великолѣпную похвалу моей книгѣ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, казалось, все возвѣщало мое паденіе: какъ жогъ я надѣяться, безъ имени, безъ хвалителей, разрушить влія-

віе Вольтера, господствующее уже полстолѣтія, Вольтера, величайшаго огромное зданіе, оконченное энциклопедистами, скрѣпленное столыпками прославленными людьми въ Европѣ? Какъ? развѣ Дидроты, Даламберты, Дюкло, Дюнон, Гельвеційусы, Кондорсеты, были умы безъ головы? Какъ! свѣтъ воротится къ легендѣ, откажется отъ удивленія къ образцовымъ произведеніямъ науки и разсудка? Могъ ли я выиграть дѣло, котораго не могъ спасти Римъ, вооруженный всѣми своими перунами? Не было ли и смѣшно и отважно человѣку неизвѣстному противиться «любопытному движению до такой степени преодолимому, что оно произвело морскую революцію? Любопытство было вѣдѣть, какъ пигмей *протыкаеть крошечными руками*, чтобы задушить зѣва, и установить ходъ роду человѣческаго! Слава Богу, довольно адского слова, чтобы разбить безумца: и въ самомъ дѣлѣ Жюльгадъ, ругая «Духъ Христіанства» въ «Декадѣ», объявлялъ, что критика съ судомъ своимъ опоздала, потому что моя околесина уже всѣми забыта. Это было сказано черезъ пять или шесть мѣсяцевъ по выходѣ въ свѣтъ книги, которой не могло уничтожить нападкѣ всей Французской Академіи по случаю десятилѣтнихъ прервій.

Среди обломковъ нашихъ храмовъ издавъ я «Духъ Христіанства». Вѣрныя считали себя спасенными; тогда нуждались въ вѣрѣ, жаждали религиозныхъ утѣшеній, что происходило отъ лишешя зѣликъ утѣшеній впродолженіи долгихъ лѣтъ. Сколько требовалось сверхъестественной силы, для столыпныхъ претерпѣнныхъ невзгодъ! Сколько увѣчныхъ семействъ искала у Отца чловѣковъ потерянныхъ дѣтей! Сколько разбитыхъ сердець, сколько душъ одинокихъ, призывала божественную руку для исцѣленія! Бросались въ церкви, какъ въ домъ врача во время заразы. Жертвы нашихъ смутъ (и сколько различныхъ жертвъ!) спасались у алтаря; жертвы кораблекрушенія цѣплялись за скалу, на которой искали спасенія.

Эпизодъ изъ «Духа Христіанства», надѣлавшій тогда не мало шуму чѣмъ «Атала», рѣшилъ одну изъ чертъ новѣйшей литературы, но если бы *Реней* не существовалъ, я не висалъ бы его, если бы можно было уничтожить, я бы уничтожилъ. Расплодилась семья Ренеевъ поэтовъ и Ренеевъ прозаиковъ: слышались только жалобные и отрывистые звуки, говорили только о вѣтрахъ и буряхъ, о неизвѣстныхъ словахъ, брошенныхъ облакамъ и вѣчи. Не было ни одного школьника, который бы не воображалъ себя несчастливѣйшимъ изъ людей, мальчишки, который бы въ шестнадцать лѣтъ не восторжъ жизни, не думалъ, что его мучить го-

ній, въ безднѣ мыслей не предавался неопредѣленности страстей, не ударялъ по блѣдному и растрешанному лбу, и не удивлялъ взумленныхъ людей горемъ, которому названія ни оны, ни они не знали.

Въ Реней и вложилъ одинъ изъ недуговъ моего вѣка, но романтисты опять затѣяли вздоры, вздумавъ сдѣлать страданіе всеобщимъ средствомъ. Общія чувства, составляющія основаніе человечества, отеческая и материнская вѣжность, сыновьяя любовь, дружба, любовь непостоянны; во всеобщая манера чувствованія, личность ума и характера могутъ распространяться и умножаться только въ большихъ и многочисленныхъ картинкахъ. Неоткрытые уголки человеческого сердца — поле тѣсное, въ немъ нечего собирать послѣ пожинавшей уже руки. Душевная болѣзнь — состояніе непостоянное и не натуральное: его нельзя воспроизвести, сдѣлать изъ него литературу, воспользоваться какъ отраслью общею, безпрестанно измѣняемой волею художниковъ, которая управляетъ ею и мѣняетъ ея формы.

Какъ бы то ни было, литература окрасилась цвѣтами шевхъ релігиозныхъ картинъ, а дѣла сохранили фразеологію мощъ писавій о гражданствѣ. Писатели удостоили меня чести водрамать «Аталъ» и «Ренею» такъ какъ церковная кафедра занималась моими разсказами о миссіяхъ, благодѣяніяхъ христіанства. Мѣста, въ которыхъ я показываю, что, прогнавъ языческія божества изъ Европы, наше богопочтаніе распространило свои предѣлы и возвратило природу къ уединенію; параграфы, гдѣ я толкую о вліяніи религіи на образъ мыслей и выраженія, гдѣ разсматриваю перемены въ поэзіи и краснорѣчіи; главы, которыя посвящаю изысканіямъ о чувствахъ чуждыхъ, введенныхъ въ драматическій характеръ древности, заключаютъ зародышъ новой критики. Дѣйствующія лица Расина, какъ я уже сказалъ, не греческія лица, а христіанскія; а этого вовсе не понималъ.

Если бы дѣйствіе «Духа Христіанства» было только возстаніемъ противъ ученія, отъ котораго произошло революціонныя бѣдствія, это вліяніе прекратилось бы вмѣстѣ съ причиною и не продолжалось бы до той минуты, когда я пишу. Но дѣйствіе «Духа Христіанства» на мнѣнія не ограничилось мгновеннымъ посредствіемъ религіи, которую почитали въ могилѣ; произошла перемѣна болѣе продолжительная. Если въ сочиненіи была новизна слогу, то заключалась также и перемѣна ученія; основаніе было также измѣнено какъ форма; атеизмъ или матеріализмъ не были уже основаніемъ вѣры или невѣрія молодыхъ умовъ; мысль о

Богъ и о безсмертіи души опять возвратила свое могущество: оттуда измѣненіе въ цѣли идей, связывающихся одна съ другою.

Точкою, данный умамъ «Духомъ Христіанства», выбылъ осемнадцатое столѣтіе изъ грязной колеи: опять принялись или скорѣе, начали изучать источники христіанства: перечитывали писанія святыхъ отцовъ, — предпологая, что ихъ когда-нибудь читали во Франціи, — и были поражены, встрѣчая столько любопытныхъ фактовъ, столько философической науки, столько красоты слогу во всѣхъ родахъ, столько идей, которыя, по болѣе или менѣе чувствительной постепенности, дѣлали переходъ отъ древняго къ новѣйшему обществу: единственная и достопамятная эра человѣчества, гдѣ небо сообщается съ землею черезъ души гениальныхъ людей.

Возлѣ обрушивающагося языческаго міра, когда-то возвысился, какъ-будто внѣ общества, другой міръ, зритель этихъ великихъ зрѣлищъ, бѣдный, отдаленный, уединенный, который вытѣшвался въ житейскія дѣла только тогда, когда кто имѣлъ нужду въ его наставленіяхъ или въ его помощи. Чудно было видѣть первыхъ епископовъ, почти всѣхъ почтенныхъ именемъ святыхъ и мучениковъ, этихъ простыхъ священниковъ, бодрствующихъ надъ мощами и на кладбищахъ, этихъ монаховъ и отшельниковъ въ монастыряхъ и гротахъ, дѣлающихъ уставы мпра, нравственности, милосердія, когда всюду была война, развратъ, варварство, переходящихъ отъ тирановъ Рима къ татарскимъ и готскимъ начальникамъ, чтобы предупредить несправедливость однихъ и жестокость другихъ, останавливающихъ войско деревяннымъ крестомъ и миролюбивымъ словомъ, самыхъ слабыхъ изъ людей и покровительствующихъ міръ противъ Аттилы, поставленныхъ какъ связь между двухъ вселенныхъ, чтобы утѣшить послѣднія минуты умирающаго общества, и поддерживать послѣдніе шаги общества въ колыбелѣ.

Невозможно, чтобы истины развитыя въ «Духѣ Христіанства» не способствовали къ перемѣнѣ идей. Также съ этимъ созвѣніемъ связывается нынѣшній вкусъ къ зданіямъ среднихъ вѣковъ; я заставлялъ юное столѣтіе изумляться древнимъ храмамъ. Если мнѣніе мое употребили во зло, если не правда, что соборы наши приблизились къ красотѣ Парфенона, если несправедливо, что эти церкви возбѣщаютъ намъ въ своихъ каменныхъ документахъ невѣдомые факты; если безумно поддерживать, что эти гранитные памятники открываютъ намъ вещи, ускользнувшія отъ ученыхъ бепедиктнцевъ, если то и дѣло что слыша толки о го-

тическомъ, умирають со скуки, это не моя вина. Впрочемъ, въ отношеніи искусства, я знаю чего недостаетъ «Духу Христіанства»; эта часть моего сочиненія очень недостаточна, потому что въ 1800 я не зналъ искусствъ, не видѣлъ ни Италіи, ни Греціи, ни Египта. Также я не довольно воспользовался жизнью святыхъ и легендами; онѣ представляли мнѣ дивные рассказы: выбирая со вкусомъ можно было сдѣлать обильную жатву. Это поле богатства воображенія среднихъ вѣковъ превосходить въ плодovitости превращенія Овидія и мплезійскія басни. Сверхъ того въ моемъ сочиненіи есть плоскія и живыя сужденія, какъ напримѣръ сужденія о Давте, которому послѣ я воздалъ блестящую хвалу.

Въ серьезномъ отношеніи я дополнилъ «Духъ Христіанства» въ «Etudes historiques», одномъ изъ о нихъ сочиненій, о которомъ мнѣ всего говорили, и которое болѣе всего обокрали.

Успѣхъ «Аталы» очаровалъ меня, потому что душа была еще свѣжа; успѣхъ «Духа Христіанства» былъ мнѣ мучителенъ: я принужденъ былъ пожертвовать временемъ перепискѣ по-крайней-мѣрѣ бесполезной и чужестранной учтивости. Натянутое удивленіе не вознаграждало меня за досады, ожидающія того человека, чье имя осталось въ памяти толпы; какое благо можетъ замѣнить миръ, который вы потеряли, пустивъ публику во внутреннюю жизнь свою. Прибавьте къ этому безпокойство, которымъ музы любятъ мучить своихъ поклонниковъ, хлопоты задорнаго характера, неспособность къ фортунѣ, потеря свободнаго времени, неровный нравъ, чувствованія болѣе живыя, грусть и радость безъ причины: кто бы захотѣлъ, если бы былъ влестевъ, купить на подобныхъ условіяхъ невѣрные выгоды репутаціи, которую будутъ оспаривать во время вашей жизни, которую потомство не подтвердитъ и которой смерть сдѣлаетъ вѣсь навсегда чуждой?

Литературныя пренія о новизнѣ слогу, возбужденныя «Аталой» возобновились при изданіи «Духа Христіанства».

Одна характеристическая черта нашей имперской школы и даже школы республиканской, достойна замѣчанія. Между тѣмъ какъ общество подвизалось въ добрѣ и въ злѣ, литература оставалась неподвижной; чуждая къ перемѣнамъ идей она не приваллежала своему времени. Въ комедіи помѣщики, Колены, Бабеты или интрига неизвѣстныхъ уже гостивыхъ развѣгрывались (какъ я уже замѣтилъ) передъ грубыми и кровожадными людьми, разру-

дѣтелями правотъ, которыхъ картину представляли; въ трагедіи публика все также запылалась людьми высокаго роду.

Литература, знаменующая новую эру, началась только соротъ дн пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ открытія эры. Втеченіи этого полустолѣтія она только боролась и ссорилась. Мадамъ де-Сталь, Констанъ, Лемерсіѳъ, Бональдъ, и наконецъ я, мы первые заговорили новымъ языкомъ. Литературный переворотъ, который тщеславится осемнадцатою столѣтіемъ, пришелъ къ нему изъ иммиграціи и изгнанія; де-Фонтанъ первый высидѣлъ этихъ птичекъ новой породы, особенно тѣмъ, что восходя къ семнадцатому вѣку, онъ набрался силы этого богатаго времени и потерялъ безплодность вѣку осемнадцатаго. Часть разуму человѣческаго, разбѣрающая трансцендентальныя предметы, подвинулась одна равнымъ шагомъ вмѣстѣ съ образованностью; къ несчастію, слава званія не осталась безпорочною: Лапласы, Лагранжи, Монжи, Шаптали, Бертолеты, всѣ эти чудные умы ужасно полюбили мірскую суету. Надо сказать правду, словесность осталась независимой, наука пошла ползкомъ; гениямъ не хватило характера, и тѣ изъ нихъ, которыхъ мысль парила выше звѣздъ на небѣ, думали только о томъ, какъ бы подбирать чины и титулы съ земли.

Наполеоновскій классикъ былъ геній девятнадцатаго вѣка въ парикѣ Людовика Четырнадцатаго, завтпой по модѣ времяъ Людовика-Пятнадцатаго. Бонапарте любилъ этотъ родъ, который и сдѣлался господствующимъ. Невозможно представить себѣ ничего блѣднѣе и ледовитѣе этого снимка со старины, который мгновенно рассыпался въ прахъ, какъ скоро новая словесность съ шумомъ вторглась на попрще въ образъ моей книги. Въ послѣдней главѣ «Духа Христіанства» я разсматриваю вопросъ — что случилось бы съ міромъ, если бы петрпная вѣра не была проповѣдуема во время нашествія варваровъ: въ другомъ параграфѣ говорю я о томъ, какую важную книгу можно бы написать о перемѣнахъ, которыя христіанство ввело въ законы послѣ обращенія Константина. Въ нынѣшнемъ положеніи релігіозныхъ чувствъ въ Европѣ я сочинилъ бы совѣтъ другую книгу, но — вспоминая времена — вспоминая обстоятельства — видя плоды, приписавши душамъ и умамъ моихъ твореніемъ, направленіе, которое дало оно историческимъ изслѣдованіямъ, пользу принесенную имъ литературѣ, наукѣ, вѣрованію, душевному счастью, я отнюдь не сожалѣю о томъ, что оно — мое. Если имя мое оставитъ слѣды, я буду этимъ обязанъ «Духу Христіанства»; не обманывая

себя о существенномъ достоинствѣ сочиненія, я признаю въ немъ достоинство случайное; оно явилось именно въ свою пору. Если вліяніе моего труда не ограничивалось съ перемѣной, которую въ теченіе сорока лѣтъ произвело между живущими поколѣніями, если бы еще служило къ оживленію у запоздалыхъ, искры образованныхъ истинъ земли, если легкій признакъ жизни, который думали тамъ видѣть, поддерживался въ будущихъ поколѣніяхъ, я бы удался полный надежды въ божественное милосердіе. Когда меня не станетъ, не забывай меня въ молитвахъ примиренный христіанинъ! мой прегрѣшенія можетъ быть оставить меня у этихъ дверей, гдѣ христіанская любовь моя восклицала за тебя: «Отворитесь вѣчныя врата! *Eleventhini, portæ æternales!*»

Жизнь моя совершенно разстроилась какъ только перестала принадлежать мнѣ. У меня была цѣлая толпа знакомствъ внѣ обычнаго моего общества. Меня призывали въ возстановляемые замки. Отправлялись какъ могли въ эти полумеблированные обители, гдѣ старыя кресла замѣняли новыя. Однако нѣкоторые замки остались въ цѣлости, какъ напримѣръ *Marais*, доставшійся мадамъ де-Лабришъ, превосходной женщиной, отъ которой счастье не могло отвязаться. Я помню, что мое безсмертіе ходило въ улицу *Saint Dominique d'Enfer*, взять мѣсто въ *Marais*, въ дрянной наемной каретѣ, гдѣ я встрѣчался съ мадамъ де-Винтимиль и мадамъ де-Фезанзакъ. Въ *Шавлатрѣ*, Молѣ передѣлывалъ комнаты во второмъ этажѣ. Въ большой полуразрушенной гостиной висѣла картина, гдѣ Матвѣй Молѣ, отецъ, былъ представленъ, остававшаяся мятая своимъ четвероугольнымъ колпакомъ: картина, заставлявшая чувствовать разность временъ. Великолепная площадка, обсаженная липами, была очищена; но одна изъ трехъ аллей, которыя туда сходились, оставалась еще во всей пышности своей старой тѣни; потомъ насадили здѣсь другихъ деревьевъ: вотъ вамъ тощія тополи, какъ повсюду во Франціи.

По возвращеніи изъ эмиграціи не было ни одного бѣднаго изгнанника, который бы не выводилъ кривизны англійскаго саду на десяти футахъ земли или двора съзнаюма найденныхъ имъ: я самъ развѣ не садилъ когда-то Волчью Долину? Не тамъ ли началъ эти «Заниски»? Не продолжалъ ли ихъ въ монбассерскомъ паркѣ, котораго видъ, обезображенный небреженіемъ, старались тогда оживить, и въ ментенонскомъ паркѣ, недавно возстановленномъ, новой добычи для возвращающихся смуть? Замки

сожженные въ 1789, должны бы предостеречь остальные замки, оставаться скрытыми въ своихъ обломкахъ: но колокольни догложенныхъ деревень, пробивающіеся изъ лавы Везувія, не мѣшаютъ строить на поверхности той же лавы другія церкви и другія деревушки.

Между пчелами, составлявшими нашъ улей, была маркиза де-Кюстинъ, наследница длинныхъ волосъ Маргариты Прованской, жены Людовика Святаго, отъ крови которой она происходила. Я присутствовалъ при вступленіи ея во владѣніе Фервакомъ, и имѣлъ честь спать на кровати Беарнца, и на кровати Христинны Комбургской. Путешествіе это было дѣломъ не мало-важнымъ; въ одной каретѣ надо было отправить Астольфа де-Костина, ребенка, мосьё Бирштета гувернера, старую злызаскую няньку, говорившую только по-нѣмецки, Женни горничную и Трина, знаменитую собаку, которая съѣдала дорожную провизію. Можно было подумать, что эта колонія отправлялась въ Фервакъ навсегда, однако замокъ не кончили еще меблировать, какъ уже подали сигналъ къ переезду. Я видѣлъ ту, которая съ такою великимъ мужествомъ вступила на ашафотъ, когда она была Парки, въ черной одеждѣ, съ станомъ, утоненнымъ смертью, съ головой, украшенной только шелковистыми волосами, улыбавшая мнѣ своими блѣдными губами, прелестными зубами, оставшая Сешеронъ, возлѣ Женевы, чтобы умереть въ Бексѣ, при вхождѣ въ Valais; я слышалъ какъ гробъ ея проходилъ ночью въ уединенныхъ улицахъ Лозанны, чтобы занять вѣчное мѣсто свое въ Фервакѣ. Она успѣшила скрыться въ землю, которой владѣла только на мгновеніе, какъ жизнью. Я прочелъ на углу камне замка эти плохія рифмы, которыя приписываютъ любовнику Габриелю:

La dame de Fervagues
Mérîte de vives attaques.

Король вонялъ говорилъ то же и о другихъ: перелетныя мушкетіи обласканы, скоро выглажены и переходившія отъ красавицы на красавицу до госпожи де-Кюстинъ. Фервакъ былъ проданъ.

Я встрѣтилъ еще герцогиню де-Шатильонъ, которая въ отсутствіе мое во время Ста-Дней, прибрала мою долину Aulnay. Мадамъ Андоэ, съ которой я не переставалъ видѣться, познакомила меня съ Юліемъ Тальмой. Мадамъ де-Клермонъ-Тоннеръ при-

звекла меня къ себѣ. У масть была одна бабушка и ей угодно было называть меня братцемъ. Оставшись вдовою послѣ графа де-Клерионъ-Тоньеръ, она вышла въ другой разъ за маркиза де-Таларю. Въ темницѣ она обратила Лагарпа. Черезъ нее я узналъ живописца Нвё, завербованнаго въ число ея угодниковъ; Нвё не надолго свелъ меня съ Сенъ-Мартеномъ.

Де-Сенъ-Мартену показалось, будто онъ нашелъ въ «Атагъ» какой-то условный языкъ, котораго самъ я не примѣтилъ и которымъ доказывалось сходство его мнѣній съ моими. Нвё, чтобы соединить двухъ собратовъ, далъ намъ обѣдъ въ высокой комнатѣ, которую онъ занималъ въ бурбонскомъ дворцѣ. Я пріѣхалъ въ шесть часовъ: заоблаченный туманомъ былъ уже на своемъ постѣ. Въ семь часовъ сиренный лакей поставилъ на столъ супъ, удалился и заперъ дверь. Мы сѣли и начали безмолвно ѣсть. Де-Сенъ-Мартенъ, у котораго сверхъ-того были прекрасны манеры, произносилъ только короткія прерывательныя слова. Нвё отъвѣчалъ восклицаніями съ жестами и гримасами живописца; я не повторялъ ни слова.

Черезъ полчаса омухъ вошелъ, снялъ супъ и поставилъ другое блюдо на столъ: кушанья сѣвлялись такимъ образомъ одно за другимъ въ длинныхъ промежуткахъ. Де-Сенъ-Мартенъ, разгорячась мало-по-малу, началъ говорить высказанью; тѣмъ болѣе онъ говорилъ, тѣмъ болѣе языкъ его становился ладилонскимъ. Нвё сказалъ мнѣ, сжавъ руку, что мы увидимъ вещи необыкновенныя, услышимъ шумъ: шесть смертельныхъ часовъ я слушалъ и ничего не понималъ. Въ полночь дуквидецъ вдругъ остался: я думалъ, что оуспѣется духъ тѣмъ или духъ сабгу, что звонки разнесутся по танкетеднымъ корридорамъ; но де-Сенъ-Мартенъ объявилъ, что онъ дезурится, и что мы въ другой разъ возвратимся къ этому разговорю; надѣвъ шалью и ушелъ. Къ счастью для него, неожиданный гость оставилъ его у дверей и принудилъ воротиться, но все-таки онъ скоро делалъ. Я никогда болѣе не видалъ его: онъ ушелъ и умеръ въ саду Леонара-Дарона, моего соратъ по дочинѣ Антрау.

Я — тулъ на Следенборговъ: аббатъ Фаріа, на обѣдѣ у мадамъ де-Кюстинъ хвастался, что магнетизмомъ умертвилъ каварейку: каварейка одолѣла и аббатъ, видъ себя, быдъ принужденъ отказаться отъ аатій, опасаясь, что каварейка убьетъ его: колдовской трюманикъ оказался бредилемъ, потому что тулъ быдъ хорешій христіанинъ — я.

Въ другой разъ, опять у мадамъ де-Кюстинъ, знаменитый Галь-

обѣдалъ со мною, не зная меня, обманулся на счетъ моего лицеваго угла, принялъ меня за риноплета и хотѣлъ, узнавъ кто я, поправить свое знаніе такимъ образомъ, что мнѣ стало стыдно за него. Форма головы можетъ служить къ тому, чтобы различить полъ, показать что принадлежитъ къ животнымъ страстямъ, но уметвенныя способности френологія никогда не узнаеть. Еслибы можно было собрать черепы различныхъ великихъ людей, умершихъ съ сотворенія міра и представить ихъ глазамъ френологовъ, не говоря чьи они, эти люди не нашли бы адреса ни одной головы: судя по желвакамъ, они надѣлали бы самыхъ смѣшныхъ ошибокъ.

Мнѣ стало совѣстно: я говорилъ о мосьѣ де-Сенъ-Мартенъ съ насмѣшкой и раскаяваюсь: эта насмѣшливость, которую я безпрестанно отталкиваю и которая безпрестанно ко мнѣ возвращается, мучитъ меня; я ненавижу сатирическое остроуміе, потому что это самое мелочное, самое обыкновенное и самое легкое изъ всѣхъ; разумѣется, что этинъ я не хочу узнать высокой комедіи. Мосьѣ де-Сенъ-Мартенъ былъ, конецъ концовъ, человекъ съ высокими достоинствами, съ благороднымъ и независимымъ характеромъ. Когда случались у него идеи удобопонятныя, онѣ бывали высоки и прекрасны. Не вымарать ли мнѣ двѣ предвдушія страницы изъ благодарности за великодушный и слишкомъ лестный отзывъ автора «Портрета мосье де-Сенъ-Мартена, писаннаго мнѣ самимъ?» Я бы это сдѣлалъ немедленно, если бы онѣ могли вредить положительной славѣ мосьѣ де-Сенъ-Мартена и уваженію, во всякомъ случаѣ, должному его имени. Я впрочемъ вижу съ удовольствіемъ, что мои воспоминанія не обманули меня: мосьѣ де-Сенъ-Мартенъ не могъ быть совершенно пораженъ такъ какъ я на обѣдѣ, о которомъ говорю; но видно, что я не выдумалъ сцену и что рассказъ де-Сенъ-Мартена въ сущности похожъ на мой.

«Двадцать-осьмага января 1803, говоритъ онъ, я видѣлся съ мосьѣ де-Шатобрианомъ на обѣдѣ, нарочно для того устроенной, «у Нвѣ въ Политехнической Школѣ. Я бы много выигралъ еслибы зналъ его ранѣе: это единственный честный литераторъ, съ которымъ я видѣлся съ тѣхъ-поръ какъ существую, а я еще только наслаждался его разговоромъ за обѣдомъ. Скоро пришелъ гость, который сдѣлалъ его безмолвнымъ на остальное время и «я не знаю когда представится опять случай, потому что царь «міра хочетъ остановить мою колесницу. Впрочемъ чего же мнѣ «нужно?»

Жосё де-Сенъ-Мартенъ въ тысячу разъ лучше меня: сновитость послѣдней фразы уничтожаетъ своимъ величіемъ мое безвредное цыганство.

Я встрѣтился съ де Сенъ-Ламберомъ и мадамъ д'Урто въ Магаис; оба они представляли старинныя мѣбля, набитыя соломой и тщательно сохраненныя подъ стекломъ — сущій осемнадцатый вѣкъ!

Трудно было понять нѣсколько страницъ изъ Исповѣди, при видѣ предмета восторговъ Руссо: сохранила ли мадамъ д'Урто письма, которыя писалъ къ ней Жакъ-Жакъ, и которыя, по словамъ ея были пламенивѣе писемъ «Новой Элоизы». Думаютъ, что она пожертвовала ими де-Сенъ-Ламберу.

Въ осемдесятъ лѣтъ, мадамъ Урто еще восклицала въ пріятныхъ стихахъ:

Et l'amour me console

Rien ne pourra me consoler de lui.

Она не ложилась, не топнувъ туфель три раза и не сказавъ автору *Saisons*: «Добрый вечеръ, другъ мой!» Вотъ чѣмъ ограничивалась въ 1803 философія осемнадцатаго столѣтія.

Общество мадамъ д'Урто, Дидро, Сенъ-Ламбера, Руссо, Гримма, мадамъ д'Эпіннѣ сдѣлало мнѣ долину Монморанси несносною, и хотя въ разсужденіи курьезовъ я очень радъ, что обломокъ вольтеріанскихъ временъ попался мнѣ на глаза, я не сожалѣю объ этомъ времени. Недавно я видѣлъ въ Санноа, домъ, въ которомъ жила мадамъ д'Урто — пустопорожнюю развалину съ четырьмя стѣнами. Оставленное пепелище всегда интересно, но чтò значить камень, передъ которымъ не спѣла ни красавица, ни мать семейства, ни набожность, и котораго зола, если бы ея не разметалъ вѣтеръ, заключала бы въ себѣ перегаръ годовъ, знавшихъ только то, чтобъ портить да уничтожать.

Контрафакція книга моея «Духа Христіанства» въ Авльонѣ, призвала меня въ октябрѣ 1802 въ южную Францію. Я зналъ только мою бѣдную Бретань и сѣверныя провинціи, черезъ которыя проѣзжалъ, оставляя отечество. Я вѣхалъ смотрѣть на солнце Прованса, на это небо, которое должно было представить мнѣ образчикъ Италіи и Греціи, куда истинникъ и муза призывали меня. Я былъ въ счастливомъ расположеніи, репутація облегчала мнѣ жизнь: въ первомъ упоеніи славы много грѣзъ, и сначала глаза съ наслажденіемъ наполняются восходящимъ свѣтомъ; но устъ этотъ свѣтъ погаснетъ и вы останетесь во мракѣ, если

же онъ продолжится, привычка видѣть его скоро сдѣлаетъ мнѣ нечувствительнымъ къ нему.

Лионъ доставилъ мнѣ чрезвычайное удовольствіе. Я опять встрѣтилъ эти творенія Римлянъ, которыхъ не видалъ съ тѣхъ поръ, какъ въ тревскомъ амфитеатрѣ читалъ нѣсколько листовъ Атлы, вытаскивъ ихъ изъ сумки. На Саонѣ перевозили отъ одного берега на другой лодки, обшитыя полотномъ, съ фонаремъ ночью; правили ими женщины; осемнадцатилѣтняя лодчица, которая взяла меня къ себѣ на лодку, поправляла при каждомъ ударѣ весла, букетъ цвѣтовъ, дурно прикрѣпленныхъ къ ея шляпѣ. Я пробудился утромъ при звукѣ колоколовъ. Монастыри, висѣвшіе на пригоркахъ, какъ-будто возвратили своихъ пустынныхъ. Сынъ Балланша, владѣльца послѣ Миньере «Духа Христіанства», былъ моимъ хозяиномъ и сталъ другомъ. Кто не знаетъ нынче христіанскаго философа, котораго сочиненія блестятъ этимъ мирнымъ свѣтомъ, гдѣ пріятно остановить взоръ, какъ на лучѣ дражескаго свѣтила въ небѣ?

Двадцать-седьмого октября, почтовый ядоть, который привезъ меня въ Авињонъ, былъ принужденъ остановиться по причинѣ бури. Я вообразилъ себя въ Америкѣ: Рона представила мнѣ большія степныя рѣки. Я пріютился въ маленькомъ трактирѣ, на берегу воды; рекрутъ стоялъ у очага съ сумкой на спинѣ; онъ шелъ въ итальянскую армію. Я писалъ на раздувательномъ мѣхѣ передъ трактирщицей, сидѣвшей безмолвно передо мною. Изъ уваженія къ путешественнику, она не давала шумѣть собакѣ и кошкѣ.

А писалъ я статью, которая почти была уже кончена во время плаванія по Ронѣ, статью о *Legislation primitive*, Бовальда. Я предвидѣлъ то, что случилось послѣ:

«Французская литература, говорилъ я, перемѣнитъ видъ; съ бурными переворотами родятся другія мысли, другой образъ мыслей о вещахъ и людяхъ. Легко предвидѣть, что писатели раздѣлятся. Одни усилются выйти изъ прежнихъ дорогъ; другіе постараются слѣдовать древнимъ образцамъ, но представивъ ихъ въ новомъ свѣтѣ. Вѣроятно, что послѣдніе возьмутъ верхъ надъ противниками, потому что опираясь на великія преданія и великихъ людей, они будутъ имѣть руководителей вѣрнѣе и документы обильнѣе».

Строчки, оканчивающія мою странствующую критику, взяты изъ исторіи; умъ мой шелъ тогда съ вѣкомъ: «Авторъ этой статьи, говорю я, не можетъ остаться чуждымъ картины, которую

доставляетъ ему положеніе, въ какомъ онъ находится. Въ ту минуту какъ пишеть эти послѣднія слова, онъ плыветь по одной изъ самыхъ большихъ рѣкъ во Франціи. На двухъ противоположныхъ горахъ возвышаются двѣ башни въ развалинахъ; на верху этихъ башенъ привязаны небольшіе колокола, которыми горцы зовутьъ при нашемъ прїѣздѣ. Эта рѣка, эти горы, эти готическіе монументы веселятъ на мгновеніе глаза зрителей; но какъто не останавливается, чтобы итти туда, куда приглашаетъ его звонокъ. Путешественникъ изумляется громадности обломковъ, прїятности выходящихъ оттуда звуковъ, величію возвышающихся оттуда воспоминаній, но не останавливаетъ шествіе свое и при первомъ поворотѣ рѣки все забыто».

Прїѣхавъ въ Авиньонъ наканунѣ праздника всѣхъ святыхъ, я купилъ у ребенка, предлагавшаго мнѣ книги, три различныя и поддѣланныя изданія небольшого романа называемаго «Атала». Переходя отъ книгопродавца къ книгопродавцу, я отрылъ поддѣлывателя, который не зналъ меня. Онъ продалъ мнѣ четыре тома «Духа Христіанства» за умѣренную цѣну, по девяти франковъ за экземпляръ и сдѣлалъ огромнѣйшую похвалу сочиненію и автору. Онъ жилъ въ прекрасномъ домѣ между дворомъ и садомъ. Я подумалъ, что нашелъ сороку въ гнѣздѣ: черезъ сутки я соскучился гоняться за фортуной и почти за ничто условился съ воромъ.

Я видѣлъ мадамъ де-Жансонъ, низенькую, сухую, бѣлую, рѣшительную женщину, которая въ своемъ помѣстьѣ, воевала съ Реной, перестрѣливалась съ прибрежными жителями и оборонялась отъ годовъ.

Заальпійскія путешествія начинались прежде Авиньономъ, это былъ входъ въ Италію. Французскіе географы говорили: «Рона принадлежитъ королю, но Авиньонъ орошается рукавомъ рѣки Сорги, которая принадлежитъ папѣ».

Въ Авиньонѣ мы осматривали Целестиновъ монастырь, гдѣ Редей велѣлъ написать въ монастырской залѣ скелетъ любимой имъ женщины необыкновенной красоты.

Въ церкви Бернардиновъ находится гробница мадонны Лага: Францискъ Первый приказалъ отворить ее и поклонился безсмертному зраку. Мариньянскій побѣдитель оставилъ на новомъ воздвигнутомъ имъ памятникѣ, эту эпитафію:

En petit lieu compris vous pouvez voir
Ce qui comprend beaucoup par renommée

.....
 O gentil ame, estant fort estimée,
 Qui te pourra bouer qu'en se taisant
 Car la parole est toujours reprimée,
 Quand le sujet surmonte le disant.

Что вы говорите, а *отец литературы*, другъ Бенвенуто Челлини, Леонарда да Винчи, Приматиче, король, которому мы одолжены Диавой, сестрой Аполлона Бельведерскаго и одной изъ чудеснѣйшихъ картинъ Рафаэля, почитатель Петрарки, пѣвца Лауры, получилъ отъ признательности изящныхъ искусствъ нескончаемую жизнь, которой вы не уничтожите.

Я повхалъ въ Воклюзскую долину собирать на берегу источника душистый верескъ и первую оливку съ молодого дерева.

Chiara fontana, in quel medesimo bosco
 Sorgea d'un sasso; ed acque fresche et dolci
 Spargea soavemente mormorando:
 Al bel seggio riposto, ombroso e fesco
 Ne pastori apressanan, ne bifolci,
 Ma nimfe et muse a quel tenor cantando.

«Этотъ свѣтлый источникъ, въ этой самой рощѣ вытекаетъ изъ скалы, проливая свѣжія и тихія волны, которыя сладостно журчатъ. На этомъ красномъ спокойномъ ложѣ не толпятся ни стада ни пастухи; но нимфа и муза прохаживаются тамъ съ пѣснями.»

Петрарка разсказалъ, какъ онъ встрѣтилъ эту долину.

«Я справлялся, говорить онъ, объ уединенномъ мѣстѣ, куда бы могъ удалиться какъ въ пристань, когда нашелъ Воклюзскую небольшую, скрытую, очень уединенную долину, откуда рождается источникъ соргскій, царь всѣхъ источниковъ: я поселился тамъ, и тамъ же сочинилъ стихотворенія на простонародномъ языкѣ: я изобразилъ въ этихъ стихахъ печали моей юности.»

Также въ Воклюзѣ слышалъ онъ, какъ слышался еще тогда какъ я проходилъ тамъ, шумъ оружія, раздавшійся въ Италіи. Онъ восклицаетъ:

italia mia...

.....
 O dulinio raccolto

Di che deserti strani

Per inondar i nostri dolci campi!

.....
 Non è questo 'l terren ch'io toccai pria?
 Non è questo 'l mio nido,
 Ove nutrito fui sì dolcemente?
 Non è questa la patria, in ch'io mi fido,
 Madre benigna e pia
 Chi copre l uno et l'altro mio parente!

«Италія моя!.... -О! потокъ чуждыхъ пустынь, собранный для орошенія сладкихъ нашихъ полей!.... Не это ли почва, по которой я сначала ходилъ?... Не это ли гнѣздо, гдѣ меня такъ сладостно питали? Не это ли родина, которой я довѣряюсь, привѣтливая и благочестивая мать, скрывающая родителей моихъ.»

Вѣкъ богатый, юный, чувствительный, трепетавшій восторгами; вѣкъ повинующійся лирѣ великаго поэта, словно голосу законодателя! Петраркѣ обязаны возвращеніемъ папы въ Ватиканъ, его голосъ родилъ Рафаэля и поднялъ съ земли куполъ Микель-Анджело.

Возвратившись въ Авиньонъ, я искалъ дворца папъ, и мнѣ показали glacière: революція овладѣла знаменитыми мѣстами; воспоминанія прошедшаго принуждены расти вкривь и зеленѣть на костяхъ. Увы! стоны жертвъ умираютъ вскорѣ послѣ нихъ; и едва достигаютъ какого-нибудь эха, чтобы еще пожить одно мгновеніе, когда голосъ, откуда они испарились, уже угасъ. Но между-тѣмъ какъ крикъ горести замиралъ на берегу Роны, вдали слышались звуки Петрарковой лютни; уединенная сапозе, вырвавшаяся изъ могилы, продолжала очаровывать Воклюзъ безсмертной меланхоліей и былыми горестями любви.

Изъ Авиньона я поѣхалъ въ Марсель. Чего можетъ желать городъ, къ которому Цицеронъ обращается съ этими словами, ораторскому обороту которыхъ подражалъ Боссюэ. «Не забуду тебя, Марсель, городъ такой высокой добродѣтели, что большая часть народовъ должна уступить тебѣ, и что даже Греція не можетъ съ тобой сравниться (Pro 2. Placco). Тащить въ жизни Агриколы, такъ же хвалить Марсель, какъ соединяющій греческую вѣжливость съ экономіей латинскихъ провинцій. Сынъ Элады, наставникъ Галлія, прославленный Цицерономъ, покоренный Цезаремъ, не довольно ли славы соединяетъ онъ. Я посѣщилъ войти въ Notre Dame de la Garde, чтобы полюбоваться моремъ, которое окружаютъ съ своими развалинами веселые берега всѣхъ знаменитыхъ странъ древности.»

Нынѣшній 1838 годъ я взомель на вершину, увидѣлъ снова море, такъ хорошо мнѣ знакомое, на концѣ котораго возвышаются побѣдоносные крестъ и могила. Дуль отъверо западный вѣтеръ, я вошелъ въ крѣпость, выстроенную Францискомъ Первымъ, гдѣ не бодрствовалъ уже ни одинъ ветеранъ египетской арміи, но гдѣ стоялъ рекрутъ, отправлявшійся въ Алжиръ и исчезавшій подъ мрачными сводами. Безмолвіе царствовало въ возстановленной капеллѣ, между-тѣмъ какъ вѣтеръ ревѣлъ извнѣ. Гимнъ британскихъ матросовъ *Notre Dame de Bon Secours* приходилъ мнѣ на мысль: вы знаете, когда и какъ я упоминалъ объ этой жалобной пѣснѣ моихъ первыхъ дней на Океанѣ.

*Je mets ma confiance
Vierge, en votre secours.*

Сколько нужно было проществій, чтобы я воротился къ мирской стѣпѣ, которой былъ обреченъ въ дѣтствѣ! Когда я смотрѣлъ на эти *ex voto*, эти картины кораблекрушеній, вѣдѣвшія вокругъ меня, я думалъ, что читаю исторію дней моихъ. *Виргилій* помѣщаетъ подъ карагенскими портиками троянскаго героя, взволнованнаго при видѣ картины, представляющей пожаръ Трои, и геній пѣвца *Гамлета* воспользовался душою пѣвца *Дидоны*.

Внизу сналы, покрытой прежде лѣсомъ, воспѣтымъ *Лукасомъ*, я не узналъ *Марсель*: въ его прямыхъ, длинныхъ, широкихъ улицахъ, я уже не могъ заблудиться. Гавань была затроможена кораблями; тридцать-шесть лѣтъ тому назадъ я съ трудомъ нашелъ бы тамъ судно, чтобы перенестись въ *Кипръ* какъ *Жоанвилъ*; на перекоръ людямъ, время молодить города. Я лучше любилъ свой старый *Марсель* съ памятниками *Беранжеровъ*, герцога *Анжуйскаго*, короля *Ренея*, *Гюиза* и *д'Эпернона*, съ монументами *Людовика-Четырнадцатаго* и съ добродѣтелями *де Бельзонса*; мнѣ нравились морщины на его лбу. Можетъ быть, сожалѣя о потерянныхъ годахъ, я только оплакиваю года найденные. Правда, *Марсель* премно меня принималъ; но соперникъ *Аениъ* сталъ слишкомъ молодъ для меня.

Если бы *Зависки Альфieri* были изданы въ 1802, я бы не оставилъ *Марсель*, не посѣтивъ скалы ваниъ поэта. Этотъ суровый человѣкъ дошелъ разъ до очарованія мечтательности и вырваши:

«Поглѣ театра, говорить онъ, одно изъ моихъ удовольствій въ *Марсели*, было купанье въ морѣ каждый вечеръ; я нашелъ мѣстечко очень пріятное на целосѣ земли, на-право за гаванью, гдѣ,

когда я садился на песокъ, приклонившись спиною къ скалѣ, которая мѣшала видѣть меня со стороны земли, передо мною было только небо и море. Между этими двумя безграничностями, украшавшимися лучами заходящаго солнца, я проводилъ въ мечтаніи восхитительные часы, и тамъ сталъ бы поэтомъ, если бы умѣлъ писать на какомъ-нибудь языкѣ.

Я возвратился чрезъ Лангедокъ и Гасконію. Въ Нимѣ арены и Квадратный Домъ были еще не разчищены; въ нынѣшнемъ 1838 году я видѣлъ какъ ихъ добыли изъ могилы. Пошелъ отыскивать Якова Ребу. Я не вѣрю этимъ работникамъ-поэтамъ, которые обыкновенно не работники и не поэты: при всемъ почтеніи къ господину Ребу, я нашелъ его въ булочной, обращался къ нему не зная, съ кѣмъ говорю, не отличая его отъ другихъ поклонниковъ Цереры, его собратьевъ. Онъ спросилъ мою фамилію и сказалъ, что пойдетъ посмотреть дома ли тотъ, кого я спрашиваю. Онъ скоро воротился и объявилъ кто онъ, повелъ меня въ свой магазинъ; мы ходили по лабиринту мучныхъ мѣшковъ и вѣзли по лѣстницѣ въ маленькое убѣжище, похожее на верхнюю комнату вѣтряной мельницы. Тамъ мы сѣли и начали разговаривать. Я былъ счастливъ, какъ на моемъ чердакѣ въ Лондонѣ и счастливѣе чѣмъ въ министерскихъ креслахъ въ Парижѣ. Ребу вынулъ изъ коммоды рукопись и прочелъ мнѣ энергическія стихи изъ сочиняемой имъ поэмы «Последній день». Я хвалилъ его благочестіе и талантъ. Я припомнилъ эти прелестныя строфы *Изгнаннику*:

Quelque chose de grand se couve dans le monde;
Il faut, ô jeune roi, que ton âme y réponde.
O! ce n'est pas pour rien que, calmant notre deuil,
Le ciel par un mourant fit relever ta vie;
Que quelque tems après, de ses enfans suivie,
Aux yeux de l'univers, la nation ravie
T'éleva dans ses bras sur le bord d'un cercueil.

Я разстался съ Ребу, пожелавъ поэту садовъ Горація. Я бы лучше желалъ, что бы онъ мечталъ на берегу Тибурскаго каскада, чѣмъ видѣть его собирающаго пшеницу, смолотую колесомъ надъ этимъ каскадомъ. Правда, что Софоклъ былъ можетъ-быть кузнецомъ въ Аоніахъ, а Плаутъ въ Римѣ, возвѣщалъ Ребу въ Нимѣ.

Въ Монпельѣ я видѣлъ море, которому охотно назвалъ бы какъ христіаннѣйшій король швейцарской конфедераціи: «Моя вѣрная союзница и великая подруга». Скалигеръ хотѣлъ сдѣлать

изъ Монпелье *главдо своей старости*. Этотъ городъ получилъ свое имя отъ двухъ святыхъ дѣвъ, *Mons puellium*: отсюда происходитъ красота его жемчужъ. Монпелье, навѣ передъ кардиналомъ де - Ришліе, видѣлъ смерть аристократическаго уложени Франціи.

По дорогѣ изъ Монпелье въ Нарбонну, ко мнѣ возвратился припадокъ моихъ грѣзъ. Я бы забылъ объ этомъ припадкѣ, если бы, какъ нѣкоторые мнимые больные, не записалъ этотъ день на отмыткѣ, которую одну только о томъ времени и нашелъ теперь въ помощь моей памяти. На этотъ разъ пространство безлюдное, покрытое наперстянкой, заставило меня забыть міръ: взоръ мой скользилъ по этому морю багряныхъ стеблей, и остановился вдали на синеватой цѣпи Кантала. Въ природѣ, исключая неба, океана и солнца, вдохновляютъ меня не огромные предметы, они только даютъ мнѣ ощущеніе величія, повергающее мою маловажность въ изумленіе, но безъ утѣшенія, къ подножію Создателя. Но сорванный мною цвѣтокъ, потокъ воды, укрывающійся между тростнякомъ; птичка, которая или летитъ или отдыхаетъ передо мною, — вотъ что влечетъ меня къ мечтамъ. Не лучше ли приходитъ въ умленіе, не зная отъ чего, чѣмъ искать въ жизни занимательности ослабѣлой, охлажденной и повтореніемъ и множествомъ? Все обветшало нынче, даже несчастье.

Въ Нарбоннѣ я увидалъ каналъ, называемый *le Canal des Deux-Mers*. Корнель, воспѣвая это сооруженіе, прибавилъ его величіе къ величію Людовика-Четырнадцатаго:

La Garonne et le Tarn, en leurs grottes profondes
 Soupiraient dès longtemps pour marier leurs ondes,
 Et faire ainsi couler par un heureux penchant
 Les trésors de l'aurore aux rives du couchant.
 Mais à des vœux si doux, à des flammes si belles,
 La nature, attachée à des lois éternelles,
 Pour obstacle invincible opposait fièrement
 Des monts et des rochers l'affreux enchainement.
 France, ton grand roi parle, et ces rochers se fendent,
 La terre ouvre son sein, les plus hauts monts descendent.
 Tout cède.....

Въ Тулузѣ я примѣтилъ, съ мосту на Гароннѣ, линію Ширнеевъ, которая проѣхалъ четыре года спуста: горизонты смѣняются какъ наши дни. Мнѣ предложили показать, въ склепѣ, высохшее тѣло прекрасной Паулины. Монморанси былъ обезглав-

леть на дворѣ ратуши; вѣрно эта отрубленная голова очень важна, если объ ней еще говорить послѣ столькихъ отрубленныхъ головъ? Не знаю, существуетъ ли въ исторіи уголовныхъ процессовъ показаніе свидѣтеля, по которому бы лучше можно было узнать, что это тотъ самый человѣкъ: «огонь и дымъ, которыми онъ былъ покрытъ», говоритъ Гито, «помѣшали мнѣ сначала узнать его; но «видя челоуѣка, который, разбивъ шесть рядовъ у насъ, убилъ еще солдатъ въ седьмомъ ряду; я предположилъ, что это никто другой какъ де-Монморанси; я это узналъ навѣрно, когда «увидѣлъ его на землѣ подъ мертвой лошадыю».

Архитектура оставленной церкви Святаго Серпена поразила меня. Эта церковь связана съ исторіей Албигенцевъ, которую оживила поэма, такъ хорошо переведенная Форіелемъ:

«Храбрый молодой графъ, свѣтъ и наследникъ отца, крестъ и «жельзо, входятъ вмѣстѣ въ дверь. Ни въ комнатѣ, ни въ цѣломъ жилѣ не осталось дѣвушки; городскіе жители, большіе и «маленькіе, всѣ смотрятъ на графа какъ на розанъ».

Я бы желалъ имѣть время освѣдомиться въ Тулузѣ о предметѣ самыхъ высокихъ моихъ восторговъ, о Кюжа, который писалъ лежа на брюхѣ свои сочиненія, разбросанныя вокругъ него. Не знаю, сохранили ли воспоминаніе о Сусаннѣ, его дочери, бывшей замужемъ два раза. Постоляство не очень нравилось Сусаннѣ. Она питала перваго мужа невѣрностями, отъ которыхъ умеръ другой. Кюжа покровительствовала дочь Франциска-Перваго, Пибрака — дочь Генриха-Втораго, двѣ Маргариты изъ роду Валезцевъ, чистой породы музъ. Пибракъ знаменитъ четырьестішіями, переведенными на персидскій языкъ (я можетъ быть жилъ въ домѣ президента, его отца). «У этого добраго мосьё де-Пибрака», говоритъ Монтанъ, «былъ такой милый умъ, такіа здравыя сужденія, такой кроткій нравъ, душа его такъ несогласовалась съ нашимъ развратомъ и бурями!» А Пибракъ написалъ защиту вареоломеевской ночи.

Я бѣжалъ не останавливаясь; судьба отослала меня къ 1838 году любоваться въ подробности градомъ Раймунда де-Сенъ-Жила, и говорить о сдѣланныхъ тамъ новыхъ знакомствахъ, мосьё де-Лавернѣ, челоуѣкѣ талантливомъ, умномъ и разсудительномъ; о мадмоазель Оноринѣ Баскѣ, будущей Малибранъ. Она, въ моемъ новомъ качествѣ служителя Клеменція Изоры, напоминала мнѣ эти стихи, которые Шапель и Бошомонъ писали на островѣ Анбжу, возлѣ Тулузы:

Hélas que l'on serait heureux
 Dans ce beau lieu digne d'envie,
 Si, toujours aimé de Sylvie
 On pouvait, toujours amoureux,
 Avec elle passer sa vie!

Пусть надмогзель Онопина остерегается своего чуднаго голоса!
 Таланты сдѣланы изъ фальшиваго золота: съ ними бѣда.

Бордо едва освободилась отъ своихъ эшафотовъ и отъ своихъ водныхъ жирондистовъ. Всѣ видѣнные мною города походили на прелестныхъ женщинъ, выздоравливающихъ послѣ сильной болѣзни и едва начинающихъ дышать. Въ Бордо Людовикъ-Пятнадцатый велѣлъ срубить Palais des Tutelles, чтобы возстрѣить Chateau-Trompette.

Сноиъ и друзья древности застонали:

Pourquoi démolit-on ces colonnes des dieux,
 Ouvrage des Césars, monument tutélaire?

Едва можно было найти нѣсколько остатковъ арентъ. Если сожалѣть о всемъ, что разрушается, придется слишкомъ много плакать.

Я отправился въ Блѣ и увидѣлъ этотъ замокъ, тогда неизвѣстный, къ которому въ 1833 году я обратился съ этими словами: «Плѣнный Блѣ! я въ отчаянiи, что не могу ничего сдѣлать для твоей теперешней участи!» Я направился къ Рошфору и въ Нантъ черезъ Вандею.

Страна эта носила, какъ старый воинъ, увѣчье и шрамы своего мужества. Кости и развалины, почернѣвшiя отъ времени и огня, поражали взоръ. Когда Вандейцы готовились напасть на врага, они преклоняли колѣна и получали благословенiе священника.

Длижансь, въ которомъ я закопался, былъ наполненъ путешественниками, рассказывавшими про насилiя и убiйства, прославлявшiя жизнь ихъ въ вандейскихъ войнахъ. Сердце у меня затрепетало, когда проѣхавъ Лоару, Нантъ, я вступилъ въ Бретань. Я прошелъ вдоль стѣнъ Ренискаго коллегiума, который видѣлъ послѣднiе годы моего дѣтства. Я могъ остаться только сутки съ женой и сестрами и воротился въ Парижъ.

ПУСТЫНЯ. Изъ воспоминаній Якова Араго. Такъ было угодно Богу. Здѣсь песокъ, тамъ песокъ, возлѣ васъ, за горизонтомъ, вездѣ только песокъ и безмолвіе пустыни, то есть, могильная тишина...

Такъ было угодно Богу. Какъ сосудъ чистой воды для плачущихъ губъ, какъ дневной лучъ слѣпому, какъ кроткій взглядъ матери плачущему ребенку, какъ слово прощенія проклятому, рука Всемогущаго разброела тамъ и самъ въ этой безграничной пустынѣ маленькіе уголки землѣ, гдѣ растетъ мурава, распускается цвѣтокъ, возвышаются крѣпкія и волнистыя пальмы, гдѣ свѣжій вѣтерокъ играетъ съ любовью, гдѣ источникъ свѣтлой воды скользитъ по веселой и благоуханной почвѣ....

Передовые верблюды угадали: у нихъ листиктъ — второе зрѣніе, оно не можетъ обмануть ихъ и всѣ наперерывъ ускоряли шаги, потому что всѣ поняли нашу цытку.

Увы! столько разочарованій постигло мужественныхъ путешественниковъ Сахарской пустыни, что мы не смѣли предаваться надеждѣ найти покровительственное спокойствіе возлѣ живительнаго источника.

Между тѣмъ ливнѣя, почти всегда отсѣченная отъ большаго круга, въ безграничномъ діаметрѣ котораго странствовали мы, начала извиваться; выпуклости, неровности измѣнили мрачное однообразіе пейзажа. Да, да, сомнѣваться невозможно; цвѣтъ присоединяется къ формѣ; это уже не фантастическія облака, издѣвающіяся надъ надеждами каравана, а финиковое дерево съ жловатымъ стволомъ, кокосовое съ обширными вѣтвями, дикая смоковница съ широкими листьями, густой лѣсъ съ верескомъ, съ природными аллеями, съ грабинами, съ блестящими цвѣтами и крылатымъ населеніемъ, котораго пронзительные и звучные крики приветствуютъ нашъ приходъ.

Мы не дали себѣ времени войти въ лѣсъ и, какъ ни печально, каждый изъ васъ бросился на песокъ, оскѣженный тѣнью высокихъ произрастеній, которую заходящее солнце рисовало вдали восхитительными извивливами.

Послѣ первыхъ дорывовъ очень естественнаго уношенія, послѣ перваго спокойнаго сна, добытаго столькими утомленіями, мы бросились подъ широкіе зонтики, укрывавшіе насъ и нашли у подошвы толстыхъ банановыхъ деревьевъ колодцы футовъ въ двѣнадцать глубины, наполненные до половины свѣжей и прозрачной водой.

Края этихъ колодцевъ были покрыты блестящей и вѣсколько кисловатой смазкой; на поверхности воды плавали сухіе вѣтви и

листья, но помощію шестовъ мы притянули ихъ къ краямъ отверстія и легко начерпали благодѣтельнаго питья, во сто разъ болѣе полезнѣйшаго для здоровья, чѣмъ эти крѣпкіе напитки, которые такъ часто и съ такимъ вредомъ употребляютъ караваны.

Тамъ и сямъ мы нашли курганы, покрытые кокосовыми пальмами, прикрѣпленными къ землѣ нѣсколькими кольями, а возлѣ лужъ, не такъ глубокихъ какъ колодцы, многочисленныя слѣды лютыхъ звѣрей, заблудившихся въ пространствѣ. На стволѣ одного дерева я прочелъ: Banks 1793; на сосѣднемъ стволѣ Lady Alton 1815, и множество другихъ надписей, почти совершенно стертыхъ трещинами древесной коры.

Я опять осмотрѣлъ лѣсъ и не безъ живѣйшей радости нашелъ бутылку, привѣшенную къ вѣтви фиговаго дерева, а въ этой бутылкѣ слѣдующую надпись по-французски и по-англійски:

« Каждому путешественнику поклонъ.

« Если хотите по прямой линіи направиться къ Мароку, сѣ-
« дуйте по тому направленію, которое указываетъ вамъ большое
« фиговое дерево, гдѣ виситъ эта бутылка, и банановое, отдѣлен-
« ное отъ него разстояніемъ двѣнадцати шаговъ. Почти такой
« же прелестный оазисъ, какъ этотъ находится въ десяти ми-
« ляхъ къ западу, по направленію этого самаго фиговаго и сломан-
« наго кокосоваго дерева, у подошвы котораго есть колодезь, куда
« надо спуститься по десяти ступенямъ клебеннаго смазкой не-
« ску.»

«Джонъ Бекеръ.»

Хвала этой бутылкѣ! Точно такая же зарыта до половины у подошвы фиговаго дерева, а третья найдется возлѣ большаго резервуара отъ оазиса, къ сѣверо-западу отъ этого восхитительнаго мѣста.

Я зацѣпился ногою за бѣлый, изувѣченный скелетъ безъ головы.... вѣрно нѣсколько голодныхъ львовъ прогуливались тутъ въ то же время какъ и несчастный, котораго возвращенію напрасно ожидали друзья.

Маленькій дубовый сундучокъ лежалъ на муравѣ возлѣ грязной лужи. Разбитая крышка, бумаги, разбросанныя вокругъ, глубоко взрытая земля, показывали жестокою и кровавою борьбу; вѣрно тигръ или левъ проходили тутъ, когда путешественникъ оканчивалъ повѣствованіе о своемъ путешествіи по Сахарской пустынѣ.

Въ началѣ огромной тетради было написано: «Капитанъ Миддлтонъ, отправившійся изъ Горенъ одиннадцатаго іюня 1814....» Нѣсколько строчекъ, запачканныхъ кровью и грязью, невозмож-

но было прочесть; въ остальномъ заключался длинный разсказъ, довольно дурно написанный, объ ужасныхъ страданіяхъ, претерпѣнныхъ въ пустынѣ караваномъ, въ которомъ находился капитанъ Миддлтонъ.

Я старательно собралъ всѣ листки этихъ горестныхъ путевыхъ записокъ, но на другой день, когда я хотѣлъ привести ихъ въ порядокъ, уже не нашелъ ихъ.

Я пожаловался начальнику каравана; онъ отвѣчалъ, что довольно того, если мнѣ позволяютъ записывать въ дорогѣ, что такая шлость дается не всѣмъ путешественникамъ, и что сундукъ съ бумагами сожгли когда я спалъ.

Я повѣрилъ, а негодай солгалъ. Пріѣхавъ въ Мароко я узналъ, что онъ продалъ все за дорогую цѣну англійскому консулу, а тотъ отослалъ бумаги черезъ нѣсколько дней географическому обществу въ Лондонъ.

Наканувъ нашего отъѣзда было частное затмѣніе солнца, и къ великому моему удивленію ни Негры, ни Арабы не испугались этого небеснаго феномена. Одни лошади и верблюды легли, и не хотѣли встать прежде совершеннаго освобожденія свѣтила. Чтò до крылатыхъ обитателей оазиса, то я не замѣтилъ, чтобы полетъ ихъ сталъ медленнѣе, а пѣніе и крики хоть сколько-нибудь измѣнились. Одинъ ибисъ свалился среди стана, но мы не могли узнать, утомленіе или страхъ были причиной его паденія.

Арабы сочли благопріятнымъ предзнаменованіемъ прибытіе такого гостя и ознаменовали свою радость обильными возліяніями.

Черезъ два часа они не могли держаться на ногахъ. Пусть послѣ этого хвалятъ ихъ воздержаніе!

Закатъ солнца былъ великолѣпенъ; послѣдніе лучи расцвѣчивали пурпуровыми оттѣнками вершины деревъ; мы были погружены въ сомнительную темноту, подъ ласкающими вспысками свѣжаго сѣвернаго вѣтерка. На воздухѣ не было палатокъ, а у стѣсенной груди темницы; широкій занавѣсъ едва скрывалъ отъ насъ голубое небо, усѣянное блестящими звѣздами; головы наши отдыхали на густой муравѣ; каждый завладевалъ этой могущественной жизнью, готовой ускользнуть отъ него въ бѣдствіяхъ пустыни; и вы не можете себѣ вообразить какую волшебную картину представляло спокойствіе этихъ существъ съ такой горячей кровью, сиящихъ и безмолвныхъ какъ окружавшая ихъ пустыня.

День, послѣдовавшій за этой спокойной и благовоющей ночью,

былъ ужасенъ, и конечно мы бы погибли всё безъ благодѣтельнаго убѣжища, дарованнаго намъ небомъ. Прикосновеніе къ песку на солнцѣ жгло руку, листья трещали словно отъ огня, мурава крутилась отъ ѣдкаго дуновенія юго восточнаго вѣтру; потъ лился съ тѣла, силы наши ослабѣвали по мѣрѣ того, какъ дневное свѣтло захватывало пространство; даже верблюды просили помилованія плачевнымъ крикомъ.... Но вдругъ вѣтеръ поднялся съ сѣвера, къ листьямъ воротилась свѣжесть, къ четвероногимъ свободныя движенія, къ Арабамъ потерянная надежда, къ оазису пышное великолѣпіе.

Однако по тому самому, что это обиталище счастья было такъ противоположно дикой природѣ, среди которой бросила его рука Божія, оно могло сдѣлаться для насъ смертельнымъ. По этой причинѣ, послѣ важнаго разсужденія, начальники каравана назначили отъѣздъ черезъ день, но на другой день сдѣлался было небольшой безпорядокъ и чуть-чуть не потекла кровь, потому что нѣкоторые такъ же пламенно желали остаться, какъ другіе ѣхать.

Женщины усмирили ссору и рѣшили прибѣгнуть къ большинству голосовъ; вопросъ былъ тотчасъ рѣшенъ и миръ снова водворился между нами.

Негръ и Негритянка, его дочь, умерли ночью; мы похоронили ихъ съ обычными церемоніями; друзья сравняли землю, танцуя или скорѣе топая на могилѣ, а на другой день уже и забыли о понесенной ими потерѣ.

Я вырѣзалъ мое имя на древесной корѣ, написалъ его также на бумажкѣ, которую положилъ въ жестяной ящикъ....

Дай Боже, чтобы какой-нибудь счастливый путешественникъ сказалъ мнѣ, что онъ ихъ видѣлъ!

Арабы чрезвычайно религіозны; они вѣрують съ горячностью. Вѣра—ихъ жизнь, надежда, спасеніе.

Если Араба поражаетъ бѣдствіе, онъ молится, чтобы умножить небесный гнѣвъ. Въ счастьи онъ тоже молится, чтобы пророкъ не отнялъ у него благословенія. Въ этомъ восхитительномъ оазисѣ, до котораго мы достигли послѣ столькихъ страданій, радость была до того велика, что Негры, забывъ идолопоклонство сдѣлались мусульманами, чтобы участвовать въ удовольствіяхъ, которыми Арабы хотѣли сначала наслаждаться одни. Зрѣлище, представляемое оазисами, брошеннымъ въ пустыню, можетъ испугать науку. Здѣсь песокъ съ своей вѣчной бесплодностью; тамъ свѣжая и веселая зелень. Здѣсь природа въ траурѣ; тамъ покровъ противъ пылости жгучаго неба. Здѣсь

безмолвная атмосфера; тамъ легкій и благовонный вѣтерокъ шумитъ листьями и боится умереть, если выйдетъ изъ тѣнистаго круга, въ которомъ, такъ-сказать, играетъ и перелетаетъ по лѣсу.

Но горѣ неблагоразумному каравану, который заснетъ подъ крылами ласкающаго вѣтерка; есть дни, когда оазисъ оскверняется, когда его волшебный зонтикъ завертится на воздухѣ, когда птицы, которыхъ укрывалъ онъ, размечутся въ пространство, когда крѣпкія отрасли высокихъ произрастеній этого кохитительнаго мѣста валатся и разрушаются... Въ эти дни опустошительный сирокко востаетъ, скатеть, стрелится, захватываетъ, ровняетъ, захватываетъ все, что подвернется подъ его ѣдкое дыханіе.... Ахъ! тогда, тогда никто не расскажетъ о бѣдствіяхъ; песокъ исполнилъ свое дѣло, а могла безмолвна.

Но день свѣтлый, горизонтъ лазурный, небо безъ лучей.... Посмотришь на танцы, послушаешь пѣсенъ Негровъ и Арабовъ, свѣтавшихся въ одномъ упоеніи, въ одной религіи.

Что усыпляетъ Европейца, пробуждаетъ Араба. Для меня ничего не можетъ быть грустнѣе, усыпительнѣе, однообразнѣе, смертельнѣе этой музыки въ три ноты, повторяемыя въ ровномъ промежуткѣ одна отъ другой, съ аккомпанементомъ барабана, безъ всякой модуляціи и, слѣдовательно, безъ гармоніи.

Музыканты сидятъ среди круга танцовщиковъ, ожидающихъ сигнала. Фигуры танца не что иное, какъ болѣе или менѣе красивыя и граціозныя положенія мужскихъ рукъ на голову и на плеча танцовщицъ, сначала неподвижныхъ и начинающихъ шевелиться только тогда, какъ ихъ накроютъ кускомъ матеріи голубой, бѣлой или пестрой, подъ которой стыдливости ихъ уже нечего опасаться.

Ходить съ важностью, перебирать ногами, вытѣкаютъ горланья слова, которыхъ смыслъ почти всегда составляетъ набожная пѣсня или рассказъ какого-нибудь блистательнаго подвига пророка, и черезъ четверть часа этого неутомительнаго движенія, пласуны садятся, уступая мѣсто новымъ фигурантамъ.

Но рѣдко эти танцы бываютъ предвѣстіемъ союза и часто свадьба заключаетъ праздникъ оазиса. Веселость принимаетъ тогда характеръ болѣе рѣшительный, топанье ногами становится лихорадочнѣе; и этотъ шумъ, необычайный въ караванѣ, смѣняется благоговѣннымъ безмолвіемъ, потому что въ пустынѣ все торжественно, и тишина и молчаніе, и пѣніе и рѣчи, и ходьба и сплываніе:

Если веселость сообщительна, безмолвіе тоже заразительно, и не умѣю вамъ сказать, какое благоговѣйное размышленіе овладеваетъ караваномъ при сценахъ удовольствія, отдохновенія и шѣжности, которыя снѣняются въ оазисѣ утомленіе и удовольствіе пустыни. Вы бы подумали, что боится разбудить льва въ его логовищѣ или самуна, плѣннаго въ рукахъ Превѣчнаго.

Во время нашего пребыванія въ оазисѣ, шестнадцатилѣтняя дѣвушка, сестра человѣка, погребеннаго въ пустынѣ, вышла замужъ за одного изъ самыхъ храбрыхъ начальниковъ каравана. Хорошенькая невѣста, пріѣхавъ на пяткахъ, принимала подарки отъ жениха, съ граціей и съ скромностью, истинно назидательной; ее покрыли мягкими матеріями, украсили руки и шею золотыми браслетами и жемчугомъ, а послѣ всѣхъ подарковъ получила она самаго великолѣпнаго верблюда въ караванѣ и арабскую лошадь съ чудесной упряжью. Послѣ нѣсколькихъ комплиментовъ и нѣсколькихъ очень выразительныхъ пожатій руки, дѣвушка сѣла на подаренную лошадь, и объѣхавъ оазисъ, пустилась по пространству, заставляя скакуна голосомъ, шпорамъ и рукою—летать туда и сюда.

Возвратясь послѣ этихъ эволюцій, невѣста принимала съ простительнымъ тщеславіемъ похвалы друзей и съ гордостью сѣла возлѣ жениха.

Въ пѣніи и танцахъ, предшествовавшихъ той минутѣ, когда Арабъ увелъ жену въ приготовленную для нихъ палатку, заключалась невыразимая пріятность. Видно было, что это служитъ введеніемъ къ сценѣ шѣжности, въ которой по воспоминанію или надеждѣ, всѣ зрители любили принимать участіе.

Ночь была спокойная, счастливая, благоуханная; левъ рычагъ возлѣ стана, но или свѣтъ отъ нашихъ огней испугагъ его или голодъ его былъ утоленъ въ дорогѣ, только онъ не заблагоразсудилъ напасть на насъ.

Послѣ отъѣзду изъ Сенегала, столько кровавыхъ эпизодовъ омрачили наше путешествіе, что посѣщеніе такого гостя не могло быть намъ слишкомъ пріятно и страшный посѣтитель, послѣднимъ рычагіемъ, подобнымъ перекату грома, предупредилъ насъ о своей ретирадѣ, словно боялся возмутить гармонію праздника.

Танцы Негровъ пріѣтствовали наше пробужденіе, но тутъ нѣтъ ничего спокойнаго, сладостнаго, веселаго. Это крикъ, топанье, вопли, страшныя кривлянья, порывы бѣснующихся, которыхъ безпорядокъ не изобразишь никакими словами. У этихъ

людей, рожденныхъ подь бронзовымъ небомъ, на раскаленной землѣ, среди урагановъ, уносящихъ ихъ жилища, безпрестанно сражающихся съ тиграми, съ боа, съ крокодилами, съ носорогами, со львами, съ пантерами, у этихъ людей, говорю я, всё чувства — страсти, всё страсти — неистовство.

У подобныхъ натуръ, рожденныхъ въ день гнѣва, дружба, ненависть, горесть, вѣжность, ярость, кажутся отраслями одного и того же чувства.

Отъ празднествъ этихъ людей, отъ ласкъ ихъ и мщевія кружится голова, и вы подумаете, что присутствуете при пирѣ обжорливыхъ волковъ или алчныхъ гienъ.

Мнѣ показалось съ минуту, что я перенесенъ на Сандвичевы Острова, гдѣ уже присутствовалъ на подобныхъ танцахъ и на играхъ не менѣе ужасныхъ.

Звучная труба дала сигналъ къ отъѣзду, и верблюды, стояшіе на колѣнахъ, пока навьючивали на нихъ поклажу, испустили родъ стеванія, возвѣщавшаго у нихъ угрозы новаго утомленія. Благодѣтельный источникъ, помощью котораго наполнились наши мѣха, ожидалъ возвращенія грозы, чтобы оживиться и черезъ часъ, когда солнце пробѣжало уже три трети пути своего, мы стали собираться въ дорогу.

Но каково было наше огорченіе, когда мы узнали, что новобрачные не хотѣли подвергнуться гнѣву пустыни. Просьбы, слезы, мольбы, угрозы, ничто не могло побѣдить сопротивленія супруговъ; намѣреніе ихъ, говорили они, было внушеніемъ неба, а когда мы предсказывали имъ ужасы голода и жажды, они отвѣчали, что Господь станетъ пещись о нихъ, что мы несчастлицы, если сомнѣваемся въ небесномъ милосердіи.

Мы имъ сказали горестное и послѣднее «прости» и скоро густыя вершины пышнаго оазиса исчезли за нами въ сѣроватомъ туманѣ горизонта.

Свѣтлый сѣверный вѣтерокъ освѣжилъ атмосферу; въ первый разъ, послѣ нашего отъѣзда, мы были принуждены укрыться ночью подь одѣяла и всѣми порами вдыхали первое привѣтствіе температуры, возвѣщавшей средиземные берега. Каждый поздравлялъ себя съ такимъ счастливымъ путешествіемъ, потому что на дорогѣ осталось мало жертвъ; разговоры становились живѣе, пѣніе неправильнѣе, быстрѣе, а между тѣмъ начальники каравана, внимательные и безпокойные, шептались между собою и часто поднимали глаза къ небу, чтобы извѣдать его таинства.

Птицы скользили надъ нашими головами съ невѣроятной бы-

строгою, непуская крики ужаса; всѣ дѣла до одному направленно и не трудно было угадать, что большая опасность угрожала ихъ спокойствію.

Звѣзды не блистаютъ уже съ такимъ блескомъ, луна исчезла въ прозрачномъ туманѣ и благоуханный вѣтерокъ дулъ съ утиховерстною. Удь! это — безмолвіе насѣкомаго, прерываемое крикомъ ужаса жертвы, это — дѣмота волнъ, которыя страшный ураганъ подниметъ до облаковъ.

Насталъ день. Все замѣнилось между нами, около насъ; дощадки и верблюды повернулись къ западу и топтали ногами, слышно ихъ жегъ подземный огонь.

Самуэль! самуэль! самуэль!

Раздѣлись эти смертельныя слова; теперь берегись!

Солнце всходитъ, поднимается, расширяется и какъ-будто останавливается. Это огромный кругъ, на который глазъ можетъ смотрѣть не унываясь; масса его красна; по ней безпрестанно пробѣгаютъ блѣдныя и быстрыя молніи, вокругъ рисуются драціи, рѣзко, фіолетовыя и синіе полосы, а надъ ними, жгучіе какъ жаровня, видѣются острыя, фантастическіе хохолки, плавающіе на огненномъ океанѣ, въ который они какъ-будто хотятъ погрузиться.

Эти угрожающія неровности состоятъ изъ пузыристыхъ массъ, которыхъ мрачныя бока оковываютъ ураганъ, готовый разразиться.... наконецъ онъ рассторгаетъ ихъ.... солнце помрачается, горизонтъ сжимается, земля дрожитъ, далина летитъ быстрая какъ аэролитъ, падаетъ, захватываетъ, уноситъ въ своемъ стремленіи холмы, которые уравниваютъ огромныя растенія, которыя онъ поднимаетъ въ своемъ гигантскомъ бѣгѣ. Она засыпаетъ дощичи, мететъ, роетъ, бичуетъ почву, все преклоняется передъ нею, она не щадитъ никого, смѣется надъ слезами ужаса, надъ отчаяніемъ смертнаго томленія. Ей, неукротимой повелительницѣ, нужна безграничность, ей нужно поглотить развалины труповъ. Это — трауръ, ночь, хаосъ.

Вотъ является она. Караванъ думаетъ, что насталъ его послѣдній часъ; вотъ она съ своей песочной свитой, которая бичуетъ тѣло, колетъ, жжетъ его какъ электрическая искра. Голосъ ея — свистъ, зловѣщій вошь, дыханію, сѣрный, удушливый запахъ; вы не смѣете прямо смотрѣть на нее, становитесь на колѣна, чтобы оставить ей менѣе добычи.... берегитесь! песокъ будетъ вашимъ саваномъ. Верблюды это знаютъ и топаютъ, чтобы не быть поглощену живьемъ, прижимаются другъ къ другу.

Гдѣ палатки провизій? гдѣ лошади? гдѣ люди? Ищите, вы найдете нѣкоторыхъ, но убитыхъ, изувѣченныхъ, безъ силы, безъ энергій, безъ надежды, потому что опустошительный самунъ еще не истощилъ всей своей ярости.

Что это, день или ночь? Какая вамъ нужда? Глаза ваши закрыты, а то песокъ обожжетъ ихъ. Вамъ только остается среди этого опустошенія ждать и молиться.

Мы стали считать, о, ужасъ! почти всѣ Негры исчезли въ вихрь; шесть Арабовъ, поглощенные пескомъ, едва виднѣлись искривленные болью; два верблюда и четверо сильныхъ лошадей валялись на полу безъ всякаго признака жизни. Палатки были тамъ, куда унесъ ихъ самунъ; мѣховъ и провизій не находилось, а верблюдъ, тотъ, который всегда шелъ впереди каравана, вдругъ пустился бѣжать, словно пораженный головокруженіемъ, и звукъ трубы не имѣлъ уже силы остановить его.

Разрывая почву, мы нашли внимательную и преданную мать, погребенную подъ густымъ саваномъ песку и укрывающую своимъ безжизненнымъ тѣломъ бѣдныхъ дѣтей, задохшихся какъ она.

Я имѣлъ предосторожность закрыть лицо маской, такой, какую надѣваютъ въ фехтовальной залѣ, и одолженъ былъ своимъ спасеніемъ только присутствію духа и старанію, съ которымъ прицѣпился къ шеѣ верблюда, и подражалъ его топаянью. Я бытъ разбитъ, изломанъ, и если бы опустошительный шквалъ продолжался еще нѣсколько минутъ, онъ унесъ бы меня, и теперь я не рассказывалъ бы вамъ поглощающихъ феноменовъ этой части центральной Африки, столь любопытной для изученія. Какъ ни недостаточенъ рассказъ мой, можетъ-быть онъ побудитъ васъ отважиться на путешествіе.

БАЙРОНОВА ФОРНАРИНА. Для лѣниваго ума, для дѣятельнаго воображенія, что можетъ быть заманчивѣе какъ блуждать безъ цѣли посреди этого великолѣпно-мрачнаго дедала, который называется Венеціей? Ариадниной нитью служить вамъ гондольщикъ. Мѣрное колыханіе гондолы располагаетъ васъ къ вѣгѣ и къ самымъ причудливымъ мечтаніямъ. Все это очень похоже на какое-то замогильное странствіе, въ мѣстахъ, гдѣ обитаютъ души. Харонъ, въ эпоху своего плаванія по Ахерону, навѣрно, не былъ окруженъ такимъ безмолвіемъ.

Только на углу водяныхъ улицъ и переулковъ васъ пробуждаетъ музыкальный возгласъ гондольщиковъ: *Castellani — Nicolotti.*

Когда вы будете въ гондолѣ, забудьте совершить прогулку

въ Кіуджію, гдѣ еще бьется венеціанское сердце, въ Кіуджію, куда, бывало, не одинъ членъ Совѣта Десяти удался никогда для того, чтобы на минуту въ радостяхъ любви позабыть дѣла своего отвратительнаго трибунала; куда Тиціанъ приходилъ искать свои обольстительно-существенныя фигуры; гдѣ Гольдони набирался острогъ для своихъ комедій.

Не забудьте также островъ Святаго-Лазаря, гдѣ Байронъ учился у Армянъ восточнымъ языкамъ. Монастырь трудолюбивыхъ мекхитаристовъ—можетъ-быть достойнѣйшее изъ всѣхъ отшельническихъ заведеній въ Италіи. Современные реформаторы непременно должны посѣтить островъ Святаго-Лазаря. Они не найдутъ здѣсь, какъ въ большей части западно-европейскихъ монастырей, бесплоднаго отреченія отъ міра, отъ его благъ и обольщеній.

Армяне живутъ какъ люди, не пренебрегая дарами неба, и проводятъ дни въ умственныхъ трудахъ, облагораживающихъ душу и утѣшающихъ сердце.

Однако, я, кажется, имѣлъ намѣреніе рассказать вамъ о моей встрѣчѣ съ Байроновою Форнарною.... Вотъ какъ это было. Однажды подъ вечеръ, я какъ-то случайно приплылъ къ песчаной косѣ съ тощей рощицей, извѣстной поэтамъ пяти частей свѣта, подъ именемъ Лидо. Гондольщикъ мой назначилъ тамъ какое-то любовное свиданіе: значить, я долженъ былъ туда ѣхать....

Это былъ день «Вакханалій». Венеціане имѣютъ обычай каждый мѣсяцъ привѣтствовать новую луну на берегахъ Лидо, и привѣтствовать причудливыми плясками, шумными, неправдоподобными, невозможными тарантеллами, при звукахъ сумасбродной музыки, въ которой скрипка и флейта пускаются въ состязаніе и соперничаютъ между собою визгливыми, раздражающими звуками. Тутъ всѣ порядкомъ пьютъ, порядкомъ кричатъ, порядкомъ прыгаютъ; парижскіе маскарады — мертвы, въ сравненіи съ этими венеціанскими сборищами. Тутъ цѣлый народъ отъ души выказываетъ всю свою веселость и всѣ свои лохмотья.

Когда дѣвушки, задыхающіяся отъ утомленія, падаютъ на траву, щедро политую виномъ, мужчныи пляшутъ одни, и до-тѣхъ-поръ покуда не упадутъ сами.

Сколько я знаю, не нашлось еще ни одного художника, который бы перенесъ эти такъ-называемыя *вакханаліи* — въ область искусства.

Поклонники Аріоста и Джорджіоне! узнаете ли вы Лидо въ блѣдномъ эскизѣ, который мнѣ даже совѣстно представить тѣмъ,

кто имѣлъ когда-нибудь счастье мечтать на берегу этихъ зеленыхъ, поэтическихъ волнъ.

Впрочемъ, Венеціане называютъ свои веселыя сходбища *вакханаліями*, точно также, какъ они называютъ лѣстницу дожескаго дворца — *Лѣстницею Гигантовъ*. О неподражаемые амплификаторы!

Здѣсь даже послѣдній факиво, драгилъ, толкуеть о своемъ допотопномъ происхожденіи, о своихъ геркулесовскихъ подвигахъ.

Гондольщикъ мой совѣтовалъ мнѣ итти позабавиться немножко зрѣлищемъ этихъ вакханалій, похожихъ на пастушескій праздникъ; между тѣмъ какъ самъ онъ, снѣвши на старинное еврейское кладбище, гдѣ его ожидали съ нетерпѣніемъ.

Я послѣдовалъ за полу-поблекшей гирляндой молодыхъ дѣвущекъ, которыя бѣжали на лужокъ, шалили и плясали, заманивая группы разурмявившихся молодцовъ, составлявшихъ хороводъ вокругъ трехъ или четырехъ обвитыхъ вѣвнякомъ бутылокъ, которыя каждый изъ пляшущихъ схватывалъ въ свою очередь и подносилъ къ губамъ, не имѣя права останавливаться.

Покинутыя бѣдвяжки видѣли ясно, что всѣ ихъ призывы бесполезны: развеселившіеся молодцы разтрачивали всѣ свои поцѣлунъ на бутылкахъ.

Между тѣмъ всѣ эти женщины блистали молодостью и веселостью — значитъ были хороши. Тиціанъ и Веронезъ нашли бы тутъ на что полюбоваться.... Сколько тутъ волнистыхъ, черныхъ косъ, искристыхъ глазъ, соблазнительныхъ плечъ.

Что за роскошь жизни! Этимъ трезвымъ вакханкамъ не доставало только вѣнковъ изъ плюща и виноградныхъ листьевъ; яркіе лохмотья ихъ обличали притязанія на кокетство. На шеѣ, на рукахъ, сверкалъ стеклярусъ, приготовляемый на островѣ Мурано; но лучшею ихъ одеждой была юность, лучшимъ нарядомъ — веселость.

Внезапно, вся эта прыгающая гирлянда была разорвана сущимъ ураганомъ, то есть толпой пляшущихъ мужичковъ, которые напали на женщинъ, какъ на свою неотъемлемую добычу.

Это были дикіе Римляне, бросающіеся, во время битвы, на испуганную добродѣтель Сабиннокъ.

Въ этотъ вечеръ Лудо было театромъ вакханалій; двѣ или три тысячи Венеціанъ явились на эти вакханаліи въ качествѣ актеровъ или зрителей.

Сборище было чрезвычайно одушевлено и чрезвычайно живописно. Со стороны Венеціи, оно было осаждено крикливыми бар-

карлаши и эскадрой безчисленныхъ гондолъ; со стороны открытаго моря, песчаный берегъ былъ покрытъ купающимися.

Я вышелъ изъ моей гондолы недалеко отъ Санъ-Микели, этой крѣпости, которая кажется изсѣченною изъ цѣльной скалы. Передо мною случилась импровизованная лавчѣйка устрицъ и разнообразныхъ «морскихъ плодовъ», frutti di mare.

Мнѣ захотѣлось въ первый разъ изслѣдовать, могутъ-ли адриатическія устрицы состязаться относительно вкусу съ остендскими.

Устрицы были безподобны. Торговка выставила на видъ остатки красоты важной, надменной, выразительной; ей удалось сохранить сподна только блескъ своихъ прекрасныхъ глазъ.

Между тѣмъ какъ я наслаждался и глазами и устрицами, подошелъ графъ Ф...., съ которымъ я встрѣчался во всѣхъ картинныхъ галереяхъ и австеріяхъ, на всѣхъ папертахъ и на всѣхъ пристаняхъ.

— Разказала она вамъ свою исторію? спросилъ меня графъ.

— Свою исторію? Развѣ судьба позабылась надъ этой женщиной?

— Она была впродолженіе шести недѣль предметомъ любви одного изъ величайшихъ поэтовъ въ мірѣ.

— Байрона!

Поблекшая Форнарина услышала это магическое имя.

— Лордъ Байронъ! повторила она жалобнымъ голосомъ и съ меланхолической улыбкой.

— Разкажите-ка намъ, сказалъ графъ Ф...., въ двухъ трехъ словахъ. А мы поглощаемъ устрицъ, вокуда будете разказывать.

Она заставила немножко себя просить.

— Все это безуміе, лепетала торговка устрицъ, поднимая глаза къ небу, какъ будто хотѣла прочесть тамъ прекрасный, давно забытый романъ своей жизни.

«Это было здѣсь, давно, давно; я плясала тутъ, какъ вонъ тѣ красавицы, что прыгаютъ таймъ на лужайкѣ».

Онъ прогуливался по берегу, на своемъ прелестномъ, благородномъ конѣ, котораго я столько разъ цѣловала въ шею, и какъ будто случайно, очутился посреди вакханалій. Я была тутъ всѣхъ безумиѣ.... Онъ нашелъ меня всѣхъ прелестнѣе.

«— Дай-ка мнѣ сюда эту красотку, сказалъ онъ молодцу, который танцевалъ со мною, давай ее сюда, увидишь, какъ мы провальсирuemъ на конѣ».

«Мой танцоръ схватилъ меня въ охапку и бросилъ на руки всадника; тотъ прижалъ меня къ своему сердцу—и пришипорилъ».

дошадь. О, какая то была безалаберная пляска. Я дотога боялась упасть, что уже не думала о своей добродѣтели. Я уцѣпилась за моего прелестнаго всадника, прижалась къ нему, какъ ладь подъ вѣтви во время бури.

• Первый разъ въ жизни я сидѣла на лошади; мнѣ казалось, что я на водахъ въ часъ прилива. Каждую секунду, я трепетала, опасаясь пойти ко дну.... Просто, говорю дамъ: все это казалось мнѣ водшебной сказкой.

• Пришолъ вечеръ, темнота урывала насъ отъ любопытныхъ взглядовъ. Веселыя пѣсни ваккалолій долетали до моего слуха издали.

Я благополучно спустилась съ коня, для того, ятебъ войти въ гондолу, всю обитую шелкомъ и бархатомъ. О! какое нувомоссиіе!... Что-же вы не кушаете больше, господи?

Въ-самомъ-дѣлѣ, мы пожирали романъ, который она намъ рассказывала на цѣтнстомъ венеціанскомъ нарѣчїи, съ нынцыми образами, какъ-будто самъ Байронъ говорилъ ея устами.

Она продолжала:

• Мы приплыли къ палаццо Мочениго. Я дрожала, какъ листъ; я была счастлива, изумлена, потеряла голову.... Дворецъ, большой баричъ, лакен.... тогда какъ мать моя ожидала меня къ ужину въ нашей конурѣ недалеко отъ Ріальто....мать моя, рыбная торговка.

Лакен вытаращили глаза, чуть не съ арки дожескаго дворца. Я же смѣла пройти мимо этихъ диврейныхъ господъ.... Но онъ взялъ меня подъ руку, и провелъ въ свою комнату, гдѣ тотчасъ подалъ мнѣ турецкій кашмиръ, и сказалъ, что будетъ со мною ужинать.

— Господа! что-же вы устрицы то!

• На другой день, продолжала торговка, онъ объявилъ мнѣ, что гондола ожидаетъ меня у дверей, чтобъ отвезти къ матери.

• — Да я вовсе не хочу уйти отсюда, возразила ему я.

• Онъ просилъ, онъ приказывалъ; я была непоколебима.

• — Развѣ я осмѣлюсь когда-нибудь, говорила я ему, показаться въ нашемъ кварталѣ, матушка меня прибила бы; да не матери я боюсь, а солнца.

• — Ну, сказалъ онъ, цѣлуя меня, такъ вы отправитесь сегодня вечеромъ, когда солнце закатится.

• — Никогда! вскричала я сгоряча, въ восторгѣ.

• Мы провели денѣкъ и весело и скучно. Что вы станете дѣлать! Онъ забавлялся и скучалъ со мною. Я не умѣла сказать

ему ничего, кромѣ того, что люблю его и хотѣла бы умереть за него.

«Насталъ вечеръ. Онъ нѣжно взялъ меня за руку.

«— Прощай... солнце закатилось! Прощай! скоро увидимся!

«Я не могла больше противиться, позволила вести себя, какъ ребенка. Когда мы были на перстигѣ, онъ знакомъ пригласилъ меня сойти въ гондолу,

«Гондольщикъ ожидалъ меня съ весломъ въ рукахъ.

«— Прощай! сказала я рѣшительно.

«Онъ хотѣлъ было предложить мнѣ руку, но я уже кинулась въ каналъ.

«По-правдѣ, господа, вы не слишкомъ-то любите устрицы!

«Вы догадываетесь, продолжала ех-Форриарина, что я не осталась долго въ водѣ. Онъ самъ спасъ меня, съ помощью гондольщиковъ. Когда пришла въ себя, я была опять въ его комнатѣ, вокругъ меня суетился докторъ. А онъ, онъ поддерживалъ мою голову, какъ самый нѣжный братъ. Онъ былъ до слезъ тронутъ моимъ прощаніемъ въ водѣ.

— «Мargarита, говорилъ онъ, ты останешься со мною вѣчно.

— «Вѣчно! шептала я съ какимъ-то уныніемъ.

«Вѣчность лорда Байрона продолжалась шесть недѣль, шесть вѣковъ, правда, если вѣка считаются часами радости. Чудные дни! вотъ праздникъ-то для сердца!

«Всякій день, въ этой прелестной гондолѣ, гдѣ я скрывала свое счастье, мы отправлялись изъ палаццо Мочениго къ какому-нибудь дальнему островку; всего чаще посѣщали мы Лидо, гдѣ у него былъ конь, который не смѣлъ ступить своимъ копытомъ на мостовую венеціанскихъ улицъ. О! какъ я любила море! море, говорившее мнѣ о любви и о смерти!

«Его, когда онъ со мной говорилъ, я никогда не понимала, и однако жъ слушала съ наслажденіемъ. Какъ теперь слышу его голосъ. По-видимому, я поступила похвально, что бросилась въ воду; потому что онъ часто повторялъ мнѣ, будто въ цѣлой Англіи не нашлось-бы женщины, которая сдѣлала-бы это такъ хорошо.

«Во всякомъ случаѣ, я не разохотилась повторить эту сцену, и, признаться, согласилась-бы лучше, чтобъ меня осудили, на цѣлые три или четыре вѣка, продавать устрицы и рыбу, чѣмъ испить вторично эту горько-соленую чашу.

«Надобно-ли рассказывать вамъ конецъ! Вѣчно одна и таже пѣсня! конецъ обыкновенно не стѣбитъ начала. Промелькнули

шесть недѣль, и онъ попросилъ меня идти жить къ матери; впрочемъ клялся, что дворецъ его будетъ всегда мнѣ открытъ. Онъ ожидалъ посѣщенія какого-то посланника и не могъ же принять такого гостя въ моемъ присутствіи.

«На этотъ разъ, я отправилась въ гондолѣ одна.... и даже не бросилась въ каналъ....»

«Потомъ я выдалась съ нимъ изрѣдка, изрѣдка; онъ любилъ меня крѣпко и потому забылъ меня скоро. Въ одинъ прекрасный день для меня не отворилась дверь палаццо Мочениго; на другой день онъ прислалъ мнѣ кошелекъ, набитый золотомъ.

«Я жила тогда съ моею матерью, близко палаццо Гримани.

«Я бросила кошелекъ въ каналъ, побѣжала домой, освободилась отъ своего шелкового платья, разорвала всѣ кружева, нарядилась въ старое платье моей матери, и ... имѣю честь рекомендовать-ся.... Вотъ, стала торговать рыбой и устрицами. Я рѣшилась закрыть золотую книгу на прекраснѣйшей страницѣ. И то сказать — читать-то я порядочно не умѣла.»

Мы все еще слушали нашу рассказицу.

— Господа, вы скушали только пять-десять-три штуки. По полу-цванцигеру за устрицу: составитъ всего двадцать семь цванцигеровъ.»

Это были ея послѣднія слова. Мы нашли устрицы немножко дорогими. Итогъ былъ подведенъ порядочно своевольно; однако жъ мы расплатились, не хмурясь.

У этой устричной торговли былъ въ жизни свой часъ поэзіи. Самъ Байронъ, гевій высшаго разряда, выразу, можетъ-быть, не зналъ лучшаго вдохновенія, какъ въ ту минуту, когда Маргарита прощалась съ нимъ, бросаясь въ каналъ. Извѣстно, что страсть создаетъ поэта.

Вы понимаете, что я глядѣлъ на эту женщину съ возрастающимъ любопытствомъ, на эту женщину, которая на мгновеніе счумѣла быть возвышенной любовницей, и которая утратила самыя слѣды женственности, съ-той-поры, какъ покинула благоуханный берегъ молодости и какъ отъ жажды стяжанія поблекли ея губы.

Байронъ является отчасти самъ лѣтописцемъ своихъ похощеній съ венеціанскою Форпарною. Разумѣется, сказаніе его не согласуется во всѣхъ подробностяхъ съ рассказомъ этой бурной героини. Такъ напримѣръ, лордъ-поэтъ не упоминаетъ о томъ, что самъ спасъ ее.

Вотъ портретъ Маргариты, начерченный Байрономъ:

«Эта женщина имѣла на меня вліяніе, которое я часто оспаривалъ, но которое она сохранила во всей неприкосновенности. Это вліяніе заключалось въ ея черныхъ глазахъ, въ ея «физиономіи, мрачной и выразительной; у нея былъ венеціанскій характеръ, проявлявшійся и въ діалектѣ и въ складѣ мысли и во всѣхъ ея приемахъ и въ рѣзвомъ простодушіи. Въ добавокъ, она не умѣла ни читать ни писать, значить, не могла утомлять меня письмами. Впрочемъ, я получилъ отъ нея два посланія, которыя она продиктовала нотаріусу*, когда я былъ боленъ. Гордая, надменная, страшная охотница повелѣвать, она имѣла привычку дѣлать то, что ей хотѣлось, не соображаясь на счетъ времени, мѣста и лицъ, которыя тутъ случались. Если же женщины, прислужницы, бывшія въ палаццо, покушались ей въ чемъ-бы то ни было противорѣчить, она ихъ колотила.

«Въ то время какъ познакомился съ Маргаритою, я имѣлъ *relazione* съ синьорой***, которая, встрѣтивъ однажды мѣф Форнарину, была до такой степени опрометчива, что обратилась къ ней съ угрозами: синьора слышала про нашу прогулку на конѣ.

«Маргарита сорвала съ нея воаль и стала кричать: — Вы не жена его, и я не жена его! Вы его любовница, и я его любовница! Такъ какое же имѣете вы право дѣлать мнѣ упреки? Если онъ меня больше любитъ, чѣмъ васъ, развѣ я въ этомъ виновата? Если вамъ ужъ слишкомъ горько съ нимъ разставаться, такъ припнижьте его къ своей юбкѣ. Но пожалуйста не воображайте, что если вы побогаче меня, такъ ужъ и можете говорить со мною, не опасаясь никакихъ возраженій.

«Показавъ образецъ своего краспорѣчія, Маргарита удалилась, оставя вокругъ синьоры многочисленное уличное собраніе; для разсужденій на-счетъ любезнаго діалога, происшедшаго между двумя красавицами....

«У ней были тысячи капризовъ. Она была прелестна въ своемъ *fasciato*: ей захотѣлось непременно имѣть шляпку, да еще съ перьями. Всѣ мои доводы, когда я противился этому сибитному переряженію, остались бесполезными. Потомъ, пожелала она имѣть костюмъ свѣтской дамы. Ей понадобилось платье со шлейфомъ; всякое сопротивленіе оказывалось невозможнымъ, и она волочила за собою этотъ проклятый хвостъ всюду, куда ни шла.

* Известно, что въ Венеціи нотаріусы содержатъ публичныхъ писцовъ, весьма успѣшно торгующихъ риторическими фразами и грамматическими ошибками.

«Она любила меня неистово. Въ одинъ осенній день, когда я отправился къ Лидо съ моими гондольщиками, — мы были застигнуты въ лагунахъ сильнымъ шкваломъ и подвергались порядочной опасности. Гондола наполнялась водой, весло было унесено волнами, море было бурно; дождь лилъ потоками, ночь приближалась, а вѣтеръ не стихалъ нисколько. Наконецъ, послѣ большихъ усилій, удалось намъ возвратиться въ Венецію, — и я увидѣлъ мою Маргариту на ступеняхъ палаццо Моченнго: она была въ слезахъ, волосы ея, смоченные дождемъ, развѣвались по плечамъ. Съ этимъ блѣднымъ лицомъ, съ этими глазами, блуждающими по волнамъ, которыя шумѣли у ея ногъ, Маргарита очень похожа была на Медею, сошедшую съ колесницы, или на богиню бури. Кромѣ ея, ни одно живое существо не привѣтствовало нашъ запоздалый возвратъ. Когда она меня увидѣла, то не бросилась ко мнѣ на встрѣчу, какъ можно было бы ожидать, а просто закричала:

— «Ah! can della Madonna, po esta il tempo per andar all' Lido.

«Потомъ прибѣла всѣхъ, и слугъ и гондольщиковъ».

Байронъ не говоритъ, получилъ-ли онъ свою долю....

А это мнѣ кажется несомнѣннымъ. На сценѣ не всякъ освѣстанъ, кто захочетъ, говаривалъ Вольтеръ. Въ любви не всякъ бѣтъ, кто хочетъ, говаривалъ Байронъ.

Мы возвратились въ Венецію ночью, при прелестнѣйшемъ лунномъ свѣтѣ. Не говорите мнѣ о Колизеѣ, освѣщенномъ луною. Прекраснѣйшее ночное зрѣлище, какое представляетъ Италія, — это Венеція съ своею тишиной, съ своею восточною наружностью, съ своими дворцами, глядящимися въ волны, съ таинственной гондолой, съ серебристыми куполами, съ торжественнымъ голосомъ храмовъ. Луна — солнце развалинъ. При свѣтѣ этого угасшаго солнца надо видѣть нынче этотъ угасшій городъ.

При этихъ-же мертвенныхъ лучахъ можно еще полюбоваться и на поблекшую красавицу лагуны, которая, въ свои золотые деньки, по выраженію самого Байрона, была хороша какъ тигрица, подала немало пищи любви и злословію, и прославилась отъ береговъ лагуны до береговъ Темзы, гдѣ спекуляторы, въ свое время, позаботились издать въ свѣтъ портретъ ея, съ подписью: *Байронова Форнарина*.

ТАКЪ, ДА НЕ ТАКЪ. *Супружеская сцена.*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА: МУЖЪ. — ЖЕНА. — ГОРНИЧНАЯ.

(Изящная уборная. — Вечеръ).

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ЖЕНА, съ вязаньемъ въ рукахъ у камина.

Рѣшительно вязать прескучно; а все-таки лучше, чѣмъ вышивать какую-нибудь собачку по канвѣ (*Поднимаетъ глаза на каминъ*). Ахъ, уже новый журналъ! Какъ онъ сюда попалъ? Я не помню, чтобы его принесли.... это вязанье такъ поглощаетъ вниманіе, что ужасъ!.... (*Читаетъ журналъ*). Скучно! Боже мой! какіе вздоры они пишутъ нынче!.... Чѣмъ они занимаются!.... хотятъ все передѣлать на свѣтѣ... какъ-будто все на свѣтѣ не было, какъ нельзя лучше!.... Вотъ бы написали хорошій романъ: такая полезная вещь!.... Романъ — печатная сплетня, хорошо обдуманная, тонко соображенная, мило рассказанная. Не лучше ли заниматься сплетнями печатными, чѣмъ словесными?.... А безъ сплетней нельзя быть!.... что за жизнь! нѣтъ никакого интересу для ума и сердца.... что другое можно выдумать для удержанія нашего женскаго воображенія отъ опасныхъ одинокихъ полетовъ въ этой пустотѣ, которую создаютъ вокругъ насъ мужья? (*Входитъ горничная*). Что такое?

ГОРНИЧНАЯ.

Письмо къ вамъ.

ЖЕНА.

Подай! (*Горничная уходитъ. Жена кладетъ работу*). Что это? Вотъ, право, сплетня.... рукописная.... которая мнѣ очень не нравится.... рука не незнакомая (*Читаетъ*). «Искренній другъ беретъ смѣлость, предупредить васъ, милостивая государыня, что нынче вечеромъ у вашего мужа назначено свиданіе съ синьорой Ріоха; она ждетъ его къ себѣ въ девять часовъ». И безъ подписи.... Какая подлость! (*Бросаетъ письмо въ огонь*). Эта синьора Ріоха, Испанка, Цыганка, бусурманка.... кто она такая!.... свалилась на насъ не знаю откуда.... вдова... говорятъ, бывшая актриса или танцовка.... Для нашихъ мужей это удивительная приманка.... и они вводятъ ее во всѣ общества.... многія жены смотрятъ на это равнодушно, потому что она — иностранка.... женщина обезславленная, притомъ же вѣтряная, безъ имени и роду.... такъ невѣрности съ нею не считаются. А! мой любезный Петръ! и

вы забрались туда же?... А я полагала, что у васъ вкусъ поразборчивѣе. Она дурна, или, по-крайней-мѣрѣ, я лучше ее: только онъ одинъ этого не видитъ.... настоящій мужъ! (*Принимается опять за работу*). Онъ ни лучше, ни хуже другихъ мужчинъ. И, Боже мой, нѣтъ! я его жена, больше ему ничего не нужно; я его люблю, а для него это роскошь, безъ которой онъ можетъ обойтись. Ему говорить, что онъ очень счастливъ, что женатъ на такой жевщицѣ, какъ я: такъ вотъ ему прискучило слышать о своемъ счастии (*Нѣсколько помолчалъ*). Если бы у меня были дѣти, мнѣ было бы не такъ грустно.... много же ему чести, когда онъ перебѣтъ у другихъ эту Цыганку.... такая смуглая!.... просто чернавка!.... Ну, да ему-то и нравится, бѣлые и розовыя надобѣи этимъ господамъ.... Но что надо думать объ этомъ гадкомъ письмѣ? Свиданіе назначено въ девять часовъ, а теперь ужъ девятаго половина, и я знаю, что мой мужъ спокойно работаетъ у себя (*Стучатся*). Ахъ, Боже мой, вотъ и онъ!

Вяжетъ усердно.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ЖЕНА, МУЖЪ, шегольски олѣтый.

МУЖЪ.

Сиди, сиди, это я (*Подходитъ къ камину, грѣетъ ноги, и говоритъ съ разсыянною любезностью*). Что это за хорошенькая работа у тебя?

ЖЕНА.

Прежде чѣмъ хвалить, потрудись ВЗГЛЯНУТЬ....

МУЖЪ.

Потому-то я и спрашиваю, что взглянулъ, душа моя!

ЖЕНА.

Совсѣмъ нѣтъ: если бы не любовался собою въ зеркало, то увидалъ бы, что это прегадкій, толстый шарфъ, который я вяжу для лотереи-аллегри въ пользу бѣдныхъ.

МУЖЪ, весело.

Придирка? откуда мнѣ угадать, что это такое? я только вижу, что въ твоихъ рукахъ это очень мило, вотъ и все.

ЖЕНА.

Ты премилъ на словахъ!

МУЖЪ.

Я говорю то, что думаю. Но откуда взялась у тебя мысль заняться такой работой?

СМѢСЬ.

ЖЕНА.

Нынче въ модѣ работать для благотворительныхъ цѣлей.... развѣ тебѣ не нравится?....

МУЖЪ.

Что ты такъ же добра, какъ хороша? Конечно нѣтъ.

ЖЕНА.

Я восхищена до глубины души.

МУЖЪ.

Только жаль, что ты утомляешь глаза своими добрыми дѣлами, а я прошу беречь ихъ, если не для себя, то для меня; я вѣдь такъ часто смотрю въ нихъ, а думаю-то о нихъ безпрестанно.

ЖЕНА.

Въ какомъ ты сегодня расположеніи духа!

МУЖЪ.

Увы! сегодня, какъ и всегда, влюбленъ въ васъ, милостивая государыня, хотъ и говорить, смѣшно быть влюбленнымъ въ свою жену.

ЖЕНА.

Не заболѣйте пожалуйста отъ любви.

МУЖЪ.

Ты удивительна! Почему мнѣ не быть влюбленнымъ въ тебя? Развѣ ты не самая хорошенькая женщина на свѣтѣ?

ЖЕНА.

Не спору; но я имѣю честь быть вашей женой, а это въ вашихъ глазахъ, по крайней мѣрѣ, неудобство, способное уничтожить всѣ мои прекрасныя качества.

МУЖЪ.

Ну! ну! позвольте же узнать причину такого сумазбродства, которое вы во мнѣ предполагаете?

ЖЕНА.

Ахъ! ко всему привыкають, а вы обыкновенно такъ екуныма эти милыя вещи, которыя расточаете мнѣ нынче вечеромъ, что вѣрно не хотите, чтобы я къ нимъ привыкла. Но позвольте спросить, безъ излишней нескромности, куда это вы ѣдете въ такомъ побѣдовосномъ нарядѣ?

МУЖЪ.

Въ клубъ. Но, что касается до твоихъ придирокъ....

ЖЕНА.

Въ клубъ? Обыкновенно вы не ѣдете туда въ такомъ блестящемъ видѣ?

Нынче требуютъ этого.... въ клубѣ будутъ знатные гости, какой-то знаменитый путешественникъ....

МУЖЬ.

ЖЕНА.

Не Испанецъ ли?

МУЖЬ.

Почему жъ такъ Испанецъ?

ЖЕНА.

Потому что прїѣхавшимъ издалека очень легко выдать себя за кого хочешь. Кому охота отправляться въ его землю за справками. А что этотъ грандъ тоже вдовецъ?

МУЖЬ.

Въ какомъ смыслѣ принимаешь ты это *тоже*? Кто же тутъ еще вдовецъ? А мнѣ почему знать, вдовъ ли онъ или женатъ? Зачѣмъ этотъ вопросъ?

ЖЕНА.

Потому что я не стану принимать его жену, говорю вамъ напередъ. Мнѣ надоѣли иностранцы вообще, и иностранки въ особенности. Какъ вы думаете, я полагаю, что изъ этихъ заграничныхъ земель ничего путнаго не можетъ къ намъ прїѣхать?

МУЖЬ.

Значитъ, все прїѣзжающее оттуда распутно?

ЖЕНА.

О! нѣтъ! я этого не говорю! Вы слишкомъ скоры на заключенія. Путному противоположно только безпутное, а не распутное. Тутъ есть отъѣвекъ. Въ которомъ часу надо вамъ быть въ нашемъ клубѣ?

МУЖЬ.

Боже мой, я думаю въ девять часовъ. Развѣ ты меня выгоняешь.

ЖЕНА.

Какъ угодно.

МУЖЬ.

«Согласенъ, душа моя, что ты дурно награждаешь меня за мою любезность.»

ЖЕНА.

Не разоряйтесь, пожалуйста, на эту ставку: а то станетъ подозрительно! Я наконецъ подумаю, что если вы пускаете мнѣ эту пыль въ глаза, такъ это съ намѣреніемъ ослѣпить меня какъ можно скорѣе.

СМѢСЬ.

МУЖЬ.

Боже мой! вы удостоиваете меня великой чести быть мною ревнивой?

ЖЕНА.

Будь я ревнива, я бы не сказала, а доказала.

МУЖЬ.

Какимъ же это образомъ, позвольте узнать?

ЖЕНА.

Да такимъ, что сама доставила бы отлично уважительныя причины почувствовать ревность съ своей стороны.

МУЖЬ.

Отлично уважительныя причины?

ЖЕНА.

Да-съ, самыя уважительныя, самыя лучшія причины на свѣтѣ.

МУЖЬ.

Позвольте сказать, что это было бы несправедливо.

ЖЕНА.

Несправедливо? Я не имѣю удовольствія васъ понимать.

МУЖЬ.

Съ такимъ тонкимъ умомъ какъ вашъ, нельзя же не знать, что невѣрность со стороны жены не есть ни законное возмездіе, ни справедливое вознагражденіе за невѣрность мужа.

ЖЕНА.

Неужели? Стало-быть слово обязанность по вашему двусмысленно? Стало-быть оно — родъ таинственнаго божка съ двумя лицами, которое на насъ женщинъ смотритъ неумолимымъ окомъ, а вамъ, мужчинамъ улыбается съ пріятностью? Стало-быть слово обязанность — двойкій терминъ, который въ вашемъ супружескомъ словарѣ предоставляетъ вамъ невѣрность какъ право, а намъ даетъ только оскорбительныя выгоды преступной контрабанды?

МУЖЬ.

Позвольте....

ЖЕНА.

Нѣтъ, не позволю. И такъ честь запрещаетъ вамъ нарушить условія съ лакеемъ, а вѣрность, обѣщанная женѣ, а разбитыя клятвы съ нею у подножія алтаря, это нужды нѣтъ! Вы обращаетесь съ нами какъ съ невольницами которыя вамъ обязаны всѣмъ, а вы имъ ничѣмъ!

МУЖЬ.

Извините; я не говорю и даже не думаю этого. По моему,

мужъ, который позволяетъ себѣ измѣнить женѣ, поступаетъ предъ гадко, дѣлаетъ негодный проступокъ.

ЖЕНА.

Да — шалость!

МУЖЪ.

Даже преступленіе, если хотите, но съ извинительными обстоятельствами, которыхъ для проступка жены быть не можетъ.

ЖЕНА.

Рѣшительно.

МУЖЪ.

Конечно такъ. И замѣтите, что если бы я захотѣлъ говорить по законамъ.

ЖЕНА.

А! по законамъ!... это чудо!

МУЖЪ.

Я бы сказалъ, что невѣрность жены можетъ имѣть для семейства и для общества такія бѣдственныя послѣдствія, которыхъ не имѣетъ невѣрность мужа... Я не хочу смотрѣть на положительную сторону вопроса... а гляжу на него съ точки зрѣнія, болѣе достойной насъ обоихъ... но все-таки это предметъ щекотливый и я буду просить васъ угадать меня скорѣе, чѣмъ понять....

ЖЕНА.

Это точно кажется мнѣ не слишкомъ ясно.

МУЖЪ.

Можетъ быть. Неужели вы думаете, что женщина, которой хочется быть уважаемой, я говорю только о такихъ, можетъ имѣть любовь внѣ супружества, не предавшись ей совершенно и не будучи виновна въ измѣнѣ противъ мужа по всѣмъ статьямъ? Мужчина, Боже мой! Мужчина истратить въ кратковременной интригѣ немножко ума, если онъ у него есть, вотъ и все....

ЖЕНА.

А если у него нѣтъ?

МУЖЪ.

Но женщина не отдается за такія бездѣлицы, я говорю это къ чести вашего пола, у васъ не можетъ быть любви безъ того, чтобы вы не вложили туда всю вашу душу, все существо свое, не отдались врагу и тѣломъ и душою: когда мы беремъ изъ супружескаго быту только нѣсколько свободныхъ минутъ, вы совершенно его покидаете, создаете себѣ новую и полную жизнь возлѣ той, которой обѣщали жить для насъ. Наши заблужденія

только невнимательность, могущая на время причинить мгновенный беспорядокъ въ супружествѣ, а ваша — рѣшительная и неисправимая погибель.... Вотъ почему законъ мзды по моему не прилагается къ подобнымъ обстоятельствамъ. Впрочемъ можете быть я дурно изъясняюсь или у васъ нѣтъ необходимаго безпристрастія, чтобы судить о томъ, что, слава Богу, не относится ни къ вамъ ни ко мнѣ.

ЖЕНА.

Ковчили наконецъ? Ну, я вѣдь и говорила: когда вы насъ обманываете, вы только шалуны, заслуживающіе прута, а когда мы насъ обманываемъ, насъ надо колесовать и четвертовать. Это очень справедливо и любезно. Прощайте, ступайте къ вамъ-клубъ: девять часовъ.

МУЖЪ.

Замѣть мой другъ, что ты меня выгоняешь.

ЖЕНА.

Это вамъ и кстати, и мнѣ также. Прощайте.

МУЖЪ, цѣлуетъ ей руку.

Подумай о моей теоріи; увидишь, что въ ней много правды.

ЖЕНА.

Только напрасно вздумаете вы прибѣгнуть къ практикѣ, уви-рю васъ!

МУЖЪ, уходитъ.

О! это только просто школа элоквенціи. Завтра, если угодно, я буду знать урокъ наизусть и выскажу его самъ безъ малѣйшей ошибки. Добрая ночь.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

ЖЕНА, одна.

ЖЕНА, кладетъ работу, встаетъ и прохаживается.

Это ужъ просто безстыдство! Что же и называть мѣднымъ лбомъ какъ не это? Я такъ и ждала, что онъ станетъ увѣрять меня, что я еще обязана его благодарить.... нѣжно говорить о томъ, что насъ занимаетъ большое искушеніе, потому что мужъ, идущій къ любовницѣ, не можетъ удержаться, чтобы не говорить о томъ женѣ!... Онъ прегадкій человекъ!... развратный по смыслѣ правилъ, на основанія убѣдительныхъ доказательствъ.... Всего гнуснѣе то, что онъ отправился съ спокойной совѣстью послѣ этого полупризнанія и этого негоднаго оправданія! Онъ и

не думалъ обо мнѣ, о моихъ опасеніяхъ, о моей ревности, доказывая передо мною эти смѣшныя вещи; онъ только искалъ ободренія для себя.... (*Послѣ минутнаго молчанія*). Это созданье съ двумя огромными глазами во всю ширину щекъ — глупо какъ печка. Желаю имъ веселиться.... это просто презрительно (*Садится и складываетъ руки*). Было бы очень смѣшно, если бы честная женщина расплакалась изъ-за какой-нибудь синьоры Ріоха!... однако это грустно.... очень грустно!... Я бы дала отрезать руку, чтобы у меня въ эту минуту былъ ребеночекъ, крошечный, съ орѣхъ.... (*Вытираетъ глаза. Входитъ горничная*).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЖЕНА, ГОРНИЧНАЯ.

ЖЕНА.

Что еще?

ГОРНИЧНАЯ.

Какой-то баринъ принесъ къ вамъ это письмо.

ЖЕНА.

Какъ, баринъ? Развѣ лакей или почтальонъ?

ГОРНИЧНАЯ.

Нѣтъ-съ, баринъ.

ЖЕНА.

Старикъ?

ГОРНИЧНАЯ.

Нѣтъ-съ, молодой.

ЖЕНА.

Что же ему нужно?

ГОРНИЧНАЯ.

Онъ принесъ къ вамъ это письмо.

ЖЕНА.

Такъ давай же.

Береть письмо, горничная уходитъ.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

ЖЕНА, одна.

(*Распечатываетъ письмо и вскрикиваетъ отъ радости*). Ахъ! отъ Ипполита! такъ онъ не умеръ отъ холеры, какъ говорили! какое счастье! (*Читаетъ*). Воротался нынче утромъ.... завтра будетъ ко мнѣ.... Завтра, какъ глупо! Зачѣмъ не нынче вечеромъ?

Какія пустыя деликатности!.. Кажется, его трудно будетъ узнать.... и не удивительно, послѣ четырехъ-лѣтняго путешествія по ужаснымъ странамъ.... да! четыре года.... послѣ моего замужества.... Какое сердце, какая любовь! Однако вѣрно онъ вылезлся, если воротился (*Опять принимается за работу*). О! конечно, теперь мы можемъ увидѣться безопасно; я почти старуха, онъ совершенный старикъ, какъ онъ увѣряетъ.... Я думаю, что онъ очень загорѣлъ, и вѣрно расскажетъ мнѣ много страшныхъ приключеній.... Какъ это случается кстати! По-крайней-мѣрѣ зимой, всегда одна, я не стану скучать такъ смертельно.... (*прислушивается*). Какъ! невозможно! уже карета! Неужели это мой мужъ? (*Хочетъ*). Ахъ! какое происшествіе! ея не было дома! Вѣрно какое-нибудь недоразумѣніе.... Вотъ и онъ (*Вяжетъ усердно*).

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

ЖЕНА, МУЖЪ.

МУЖЪ, озабоченный.

Тебѣ надо непремѣнно, душа моя, рѣшиться разъ освѣтить переднюю; чтобы добраться до двери, надо идти ощупью цѣлый часъ. Если ты думаешь, что достаточно огарка на лѣстницѣ, ты очень ошибаешься.

ЖЕНА.

Какъ! вы тамъ пробирались ощупью цѣлый часъ? неужели?

МУЖЪ.

Разумѣется! (*садится съ уерюмымъ видомъ ; послѣ минутнаго молчанія продолжаетъ*): что это за гадость вяжешь ты тамъ?

ЖЕНА.

Это та самая миленькая работа, которая вамъ такъ нравилась недавно.

МУЖЪ.

Вѣрно я не разглядѣлъ. Точно чулокъ, на который смотришь въ микроскопъ. Развѣ ты не можешь дѣлать петли поменьше? это похоже на неводъ.

ЖЕНА, не поднимая глазъ.

Такъ какъ я работаю не для васъ, то обойдусь безъ вашего наставленія. И притомъ же это не чулокъ: я уже имѣла честь докладывать вамъ, что это шарфъ.

МУЖЪ.

А! шарфъ! это другое дѣло.

ЖЕНА.

Я думаю, что шарфъ и чулокъ двѣ вещи разныя.... Позвольте замѣтить вамъ, что это мой клубокъ катаете вы подъ сапогомъ.

МУЖЬ.

Ахъ! извините.

ЖЕНА.

Если онъ вамъ не нуженъ, потрудитесь подать....

МУЖЬ.

Будьте спокойны, я до него не дотронусь.

ЖЕНА.

Серьёзно, вы не хотите его поднять?

МУЖЬ.

Какъ это можно! Я думалъ, что вы имѣете привычку оставлять его на полу.

ЖЕНА.

Это большое заблужденіе. Кстати, каковъ вашъ знатный гость, знаменитый путешественникъ?

МУЖЬ.

Не знаю; его не было.

ЖЕНА.

А! вашъ чудесный туалетъ пропалъ даромъ! Я васъ знаю, вы, вѣрно, были ужасно недовольны.

МУЖЬ.

Не хотите ли вы этимъ сказать, что находите меня кислымъ и несноснымъ.

ЖЕНА.

Напротивъ, я нахожу васъ очаровательнымъ. Вы могли играть цѣлую ночь въ клубъ, а возвратились провести вечеръ съ женой.... Но доброе дѣло за мной не пропадаетъ и въ замѣну вашей жертвы, я скажу вамъ пріятную новость.

МУЖЬ.

Что такое?

ЖЕНА.

Можетъ-быть я ошибаюсь: скажите скорѣе, были вы знакомы съ моимъ троюроднымъ братомъ Исполитомъ?

МУЖЬ.

Да; но я потерялъ его изъ виду уже нѣсколько лѣтъ. Онъ долженъ быть гдѣ-то далеко, чуть ли не въ Китаѣ.

ЖЕНА.

Нѣтъ, радуйтесь, онъ не въ Китаѣ.

МУЖЬ.

Пусть такъ.

СМЪСЬ.

ЖЕНА.

И не только не въ Китаѣ, но даже вы увидите его завтра; онъ спрашиваетъ, могу ли я его принять.... Вы рады?

МУЖЬ.

Въ восхищеніи... Онъ, кажется, ухаживалъ за вами до замужства?

ЖЕНА.

Кажется было что-то похожее....

МУЖЬ.

Если не ошибаюсь, онъ даже хотѣлъ жениться на васъ.

ЖЕНА.

Носились слухи; но явились вы, милостивый государь (*кладется*), явились вы — и все тутъ.

МУЖЬ.

Такъ вы его не любили?

ЖЕНА.

Не знаю; я была тогда ребенкомъ и не отдавала себѣ отчета въ томъ, что чувствовала.

МУЖЬ.

Стало быть и со мною вы употребили то же добродушное невѣдѣніе, тотъ же духъ небрежнаго выбору?

ЖЕНА.

Вы задаете мнѣ странные вопросы! Какъ вы хотите, чтобы я помнила то, что думала четыре года тому назадъ?

МУЖЬ.

Но уже конечно вы не были влюблены въ этого трюроднаго брата... какъ-бишь его?... мосѣ Ипполита?

ЖЕНА.

Не надо говорить *конечно*; я любила его не больше кого-нибудь другаго, вотъ и все.

МУЖЬ.

Стало быть вы любили его-таки немножко?

ЖЕНА.

Немножко, порядочно, страстно, огненно, ни капельки — какъ вамъ угодно — что это у васъ за ревность къ обратнымъ дѣйствіямъ, дражайшій господинъ мой супругъ?

МУЖЬ.

Ревность? у меня! какъ это можно?

ЖЕНА.

Да и не нужно!.... хоть оно и учтивѣе, по-крайней-мѣрѣ притвориться ревнивымъ, но если для своей неприкосновенности къ ревности, вы основываетесь на разсужденіи вашемъ о долгѣ со-

вѣсти, которое мнѣ прочитали недавно, смѣю васъ увѣрить, что я имъ дурно воспользовалась. На этотъ счетъ у меня свои идеи, вѣроятно, женскія, какъ у васъ свои мужскія. Оставьте ихъ за собою, но я, какъ правдивая женщина, объявляю вамъ откровенно, что буду держаться моихъ идей.

МУЖЬ.

Что это?... угроза?

ЖЕНА.

Нѣтъ, не угроза, точно также, какъ ваше краснорѣчивое сужденіе, не было, я думаю, оправданіе.

МУЖЬ.

Полно, ты видишь, что я шутилъ.

ЖЕНА.

Ну, я я тоже шучу. Чѣмъ тебя я огорчила, ты скажи, любимый мой... какъ поетъ моя тетушка.

МУЖЬ.

Боже мой! если ты непременно хочешь, я готовъ сознаться, что проступокъ мужа равенъ проступку жены. Ну, можно ли быть благоразуміе?

ЖЕНА.

А я говорю, что проступокъ мужа вдвое важнѣе проступка жены.

МУЖЬ.

Вотъ ужъ это.... наприѣръ.... извини, но ты любишь парадоксы.

ЖЕНА.

Признайтесь однако, что часто вы ставите вашу жену въ необходимость или обмануть или умереть отъ скуки. Добродѣтель, какъ ни тверда она, требуетъ ободренія и даже подпоры, а вы отказываете ей и въ томъ и въ другомъ.

МУЖЬ.

Я, душа моя?

ЖЕНА.

Кто говоритъ объ васъ? развѣ ваша совѣсть? Я говорю о всѣхъ мужьяхъ на землѣ. У мужчинъ есть тысячу случаевъ проводить время, занимать умъ, употреблять въ дѣло дѣятельность, имъ стѣдуетъ только выбирать развлеченія и если со всѣмъ этимъ они кидаются еще въ вихрь волненій невѣрности, признайтесь, что это единственно для того, чтобы дурно поступить.

МУЖЬ.

О! что до меня!...

ЖЕНА.

О! что до васъ, такъ вы чистый гений, безпорочная душа, это извѣстно. Сверхъ-того, когда вы женитесь господа, вы уже совершенно хладнокровны; чувствєнные прелещенія, сердечныя продѣлки, вы на это преученные мужья.... чтобы не сказать истощенные — и пренечувствительные.... не нужно и говорить отчего... отъ пресыщенія.

МУЖЪ.

О! право....

ЖЕНА.

Если бы вы были такъ добры, что не прерывали бы меня? Такъ, стало быть, вы изиѣняете своимъ обязанностямъ обдумавъ напередъ весь проступокъ. Мы женщины — увы! — это другое дѣло: мы начинаемъ жизнь, а вы кончаете ее. Противъ всѣхъ опасностей, всѣхъ искушеній, всѣхъ увлекательныхъ печальностей, у насъ нѣтъ другой кирасы, кромѣ нашего бѣднаго инстинкта, между-тѣмъ какъ вы вооружены съ головы до ногъ великолѣпной опытностью. Это не все: ваши измѣны имѣютъ характеръ наступательный и самоумышленный, чего у насъ нѣтъ; вы наступаете; а мы только защищаемся: пусть мы виноваты, когда даемъ побѣдить себя, я согласна; но что сказать о васъ, которые обдумываете грѣхи и приводите ихъ въ дѣйствіе съ глубокимъ соображеніемъ!... И потому вы виновны даже въ случаѣ неудачи — даже въ случаѣ неудачи; слышите ли вы? Побудившее васъ намѣреніе, уже преступленіе. Коротко сказать, мы имѣемъ надъ вами нравственное превосходство дичи надъ охотникомъ. Я прибавлю только одно слово: часто невѣрность входитъ въ вашъ домъ въ ту дверь, которую вы оставили открытой, когда бѣжали, къ вашей возлюбленной.

МУЖЪ.

Все это можетъ быть очень тонко, но имѣніе всѣхъ времени, написанное всѣми законами міра....

ЖЕНА.

Ахъ! оставьте меня въ покоѣ съ вашими законами міра! Въдь вы сами же ихъ пишете! Если невѣрность жены производитъ безпорядокъ въ семействѣ, ваши невѣрности не приносятъ ли смутеніе въ семейство другихъ? Кажется, общество ничего тутъ не выигрываетъ.

МУЖЪ.

Изъ всего этого самое явственное для меня то, что ты очень хороша, когда говоришь съ жаромъ.

ЖЕНА.

Много же я выиграла, если только это результат моихъ доказательствъ!

МУЖЬ.

Но скажи, откуда взялись у тебя всѣ эти прекрасныя разсужденія?

ЖЕНА.

Вы чудный человекъ! Вы вѣрно считали меня дурочкой?

МУЖЬ.

Нѣтъ.... но....

ЖЕНА.

Но за что-нибудь такое приблизительное. Я замѣтила, вообще, что вы мужчины имѣете очень повелительное мнѣніе о женщинахъ и бываете страшно изумлены всякій разъ, какъ вамъ случится примѣтить, что онѣ говорятъ толково... *(Складываетъ работу и встаетъ)*.

МУЖЬ.

Какъ, ты уже уходишь?

ЖЕНА.

Акуратно въ одиннадцать часовъ каждый вечеръ. Я очень рада довести объ этомъ до вашего свѣдѣнія.

МУЖЬ.

Я это знаю и безъ вашего доклада; но я не думалъ, что уже такъ поздно.

ЖЕНА.

Очень мило.... Потрудитесь же проститься со мною и уйти.

МУЖЬ.

Развѣ я вамъ мѣшаю здѣсь?

ЖЕНА.

Нисколько.... *(Вынимаетъ шпильки и кладетъ ихъ на каминъ; потомъ развязываетъ волосы, которые падаютъ въ беспорядкъ)*.

МУЖЬ.

Развѣ тебѣ не нужно горничной?

ЖЕНА, передъ зеркаломъ, задомъ къ мужу.

Нѣтъ; я прибѣгаю къ слугамъ только въ крайней необходимости. Каждый вечеръ приваряжаюсь ко сну въ уборной, потомъ ухожу себѣ въ спальню преспокойно.

МУЖЬ.

Ты раздѣваешься сама?

ЖЕНА.

Какъ?

СМЪРЪ.

Ты раздвигалась сама?

МУЖЪ.

ЖЕНА, убирая волосы.

Сама своей особой.

МУЖЪ.

Какие у тебя чудесные волосы!

ЖЕНА.

Вы очень добры.

МУЖЪ.

Знаешь ли? Ты слишком хороша, чтобы быть моей женой.

ЖЕНА.

Можетъ быть. Положимъ, что и не жема.

МУЖЪ.

Я хочу сказать, что женщину, похожую на тебя, нельзя любить какъ жену: надо любить больше.

ЖЕНА.

Однако на это трудно рѣшиться.

МУЖЪ.

А какъ ты думаешь, если дѣльная любовь существуетъ на свѣтѣ, не будетъ ли это та любовь, которая рождается изъ удовольствія въ достоинствахъ и заслугѣ?

ЖЕНА.

Вы опять пускаетесь въ метафизику? Прощайте же, прощайте.

МУЖЪ.

Ты непостижимо хороша! а я... право!... недостоянъ своего счастья (*Встаетъ и беретъ свѣчку*). Позвольте мужу посвятить вамъ, сударыня?

ЖЕНА.

Да сомель я уже на васъ лучъ небесный?... погодите!

МУЖЪ.

Что это ты хочешь сказать?

ЖЕНА.

Очистились ли вы отъ всѣхъ сквернъ и грѣховъ?... и нѣтъ ли у васъ еще гдѣ-нибудь въ уголку души утаеннаго грѣшка?

МУЖЪ.

Право, другъ мой, я не....

ЖЕНА.

Развѣ ты не видишь, что я знаю все?

МУЖЪ.

Если ты знаешь все, мнѣ остается только униженно просить всепрощенія.

ЖЕНА.

А вѣдь навѣрно не признаешься, въ надеждѣ спасти что-нибудь!
Ну признавайся..... признавайся.....

МУЖЬ.

Что мое ослѣпленіе и глушость дошла было до безумія?...

ЖЕНА.

До преступленія, сударь, до преступленія!

мужъ, цѣлуя ей руку.

До преступленія.

ЖЕНА.

Еще не все. И что снѣвора... а?....

мужъ, съ жаромъ.

И что снѣвора Рюха безстыдная кокетка!

ЖЕНА.

Ах! Боже мой! не сердитесь, а то я подумаю, что вы еще ее любите.

МУЖЬ.

Ради Бога, пощади меня!

ЖЕНА, смотритъ на него молча, потомъ
пожимаетъ плечами, вздыхаетъ
и беретъ его за руку.

Приходите съ миромъ и впередъ не грѣшите.

КОНЦЕРТЪ ДЛЯ ВЪДЬМЪХЪ. *Разсказъ Юлія Сандо.* Нѣсколько лѣтъ тому я былъ молодъ и зналъ только свою деревушку. Другъ моего семейства, очень любившій меня, предложилъ ѣхать съ нимъ въ южную Францію, куда призывали его дѣла по наслѣдству. Рѣшили, что прежде нежели я вступлю въ свѣтъ, не худо немного постранствовать. Вотъ, въ одно прекрасное апрѣльское утро, вмѣстѣ съ другомъ Яковомъ, я выѣхалъ въ маленькой одноколѣ, которая очень походила на почтовую коляску, запряженной сильной лошадкой, которую хозяинъ звалъ *Bergere*. Можете вообразить какое это было очаровательное путешествіе? Всюду весна, и во мнѣ, и вокругъ: все разцвѣтало, кипѣло жизнью, зеленѣло въ моемъ сердцѣ какъ и на землѣ, и лепетъ моихъ шестнадцати лѣтъ смѣшивался съ пѣніемъ лѣсныхъ птичекъ.

Мы ѣхали потихоньку какъ ѣздятъ *cellarini*. Выѣжали рано, съ восходомъ солнца, обѣдали какъ случится и вечеромъ ложились, гдѣ Богъ приведетъ.

Другъ мой Яковъ былъ не разговорчивъ. Между восходомъ

в закатѣ солнца онъ выкуривалъ отъ пятнадцати до двадцати трубокъ табаку, а остальное время спалъ. *Bergere* дѣлала осемь и десять миль въ день, смотря по ставціямъ. Все для меня было ново, и все восхищало, кромѣ городовъ, которые мы проѣзжали; они казались мнѣ ужасными. Я спрашивалъ себя, возможно ли, чтобы существа такъ организованныя, какъ пріятель мой и я, по доброй волѣ согласились влечать жизнь въ этихъ отвратительныхъ логовищахъ, съ которыми я съ гордостью сравнивалъ свою родимую трущобу! О прелесть отчизны! о могущество мѣстъ, гдѣ протекло наше дѣтство! очарованіе земнаго уголка, гдѣ впервые увидали мы Божій свѣтъ. Но чѣмъ ближе мы подвигались на югъ, тѣмъ города казались красивѣе, изящнѣе, и опрятнѣе; конечно все это было не такъ хорошо, какъ родная сторонushка, за всѣмъ тѣмъ я отдалъ бы съ радостью всѣ города, гордо отразившіеся въ Ронѣ, за свою деревушку, смиренно орошаемую водами Крѣзы; однако я соглашался, что все это было не дурно. Въ концѣ апрѣля, въ одинъ жаркій и золотистый, словно лѣтній вечеръ, *Bergere*, одвоколка, пріятель Яковъ, трубка и я, торжественно въѣхали въ Карпантра, который застѣлъ въ своей оградѣ изъ зубчатыхъ валовъ, точно куропатка въ коркѣ пирога. Это одинъ изъ самыхъ поэтическихъ городовъ Франціи, которые печетъ южное солнце. Мы остановились въ гостиницѣ *Treux млукающихъ кошекъ*. На качавшейся отъ вѣтру вывѣскѣ, доморощенный художникъ нарисовалъ трехъ кошекъ, въ такомъ восторженномъ положеніи, которое трудно описать; онѣ, казалось, исполняли самое адекое тріо, какое только можно вообразить.

Едва мы вышли изъ своей колесницы, какъ замѣтили вокругъ себя волненіе, которое казалось необыкновенно. Одушевленные группы толпились передъ гостиницею и на театральной площади. Весенній воздухъ разливалъ во всей природѣ какой-то праздничный видъ. Со всѣхъ сторонъ наѣзжали экипажи, сталкиваясь на всѣхъ перекресткахъ. Вѣроятно готовилось что-нибудь веселое и необыкновенное, чего мы не знали, потому что *Bergere*, другъ Яковъ и я, были слишкомъ невѣстны и къ тому же слишкомъ скромны, чтобы такое движеніе и стеченіе народу можно было приписать нашему прибытію. Очевидно ждали какого-нибудь владѣтельнаго князя или знаменитаго актера. Звонкъ къ обѣду вдругъ прервалъ наши догадки, которымъ мы предавались нѣсколько минутъ. За общимъ столомъ, я замѣтилъ въ первый разъ новый родъ двуногихъ животныхъ; Бюффовъ и дру-

гіе натуралісты забыли упомянуть о нихъ въ своихъ исторіяхъ; поэтому я до-сихъ поръ не подозрѣвалъ ихъ существованія. Другъ Яковъ увѣралъ меня, что эти страшныя существа были ни кто иные, какъ странствующіе приказчики. Они намъ объяснили, что въ этотъ самый вечеръ, въ театральной залѣ Карпантра, давали концертъ въ пользу бѣдныхъ. Концертъ! при этомъ словѣ я покраснѣлъ отъ удовольствія, а другъ Яковъ, поблѣднѣлъ отъ страху; потому что овъ глубоко ненавидѣлъ двѣ только вещи въ мірѣ: жену свою и музыку.

Надобно признаться, что концертъ въ провинціи былъ тогда рѣдкостью. Музыкальное образованіе Франціи только начиналось, и что касается до меня, я не слыхивалъ другихъ концертовъ, кромѣ птичьихъ, въ нашихъ рощахъ. Съ того времени мы сдѣлали быстрые успѣхи; Франція стала по крайней-мѣрѣ такою же музыкальною, какъ и Германія. Меломанія все поглотила и трудно предвидѣть, на чемъ остановится зло. Въ нашихъ департаментахъ нѣтъ города, состоящаго изъ четырехъ тысячъ душъ, гдѣ бы любители не давали хоть разъ въ недѣлю концертъ, гдѣ бы всякій день, всякій часъ, двѣсти или триста рукъ не колотили по клавишамъ бездушнаго и безчувственнаго инструмента, называемаго фортепiano: это какая-то бѣшеная страсть, болѣзнь. Недавно я опять былъ въ своей деревушкѣ. Двадцать лѣтъ тому, тамъ были только одни клавикорды моей бѣдной, крестной матери. Какъ теперь вижу, какъ ея бѣлые, худые пальцы пробѣгали по костянымъ клавишамъ и слышу, какъ грустный и нѣжный голосъ напѣвалъ старинныя аріи Ричарда. Теперь же въ нашемъ мѣстечкѣ цѣлое наводненіе фортепiano, рожковъ, огромныхъ басовъ, колоссальныхъ трубъ, и другихъ допотопныхъ инструментовъ. Въ самый день моего пріѣзда былъ концертъ у мера; на другой день давали серенаду оппозиціонному депутату. Прости мнѣ Господи; я готовъ биться объ закладъ, что теперь у дочери моей кормилицы есть фортепiano, а мой молочный братъ играетъ на флейтѣ или на кларнетѣ. Бывало Туанетта пѣвала простыя пѣсни своей родины, а Францискъ подъ звуки своей волынки по воскресеньямъ заставлялъ насъ танцовать подъ тѣнью вязовъ. Право, музыка истребила между нами много хорошаго, что быть-можетъ стояло ея. Она убила комедію, трагедію, драму, словомъ театр. Наслажденія разума, она замѣнила развлеченіемъ, которое не требуетъ такого усилія, чтобы насладиться имъ; нужно только раскрыть уши. Въ домашней жизни фортепiano

убило прежде всего тишину, внутреннее размыслие, потому любовь къ книгамъ и чтенію, которое нѣкогда дѣлало зимніе вечера такими восхитительными.

Теперь концерты стали увеселеніемъ общимъ и пошлымъ, доступнымъ для всякаго: ихъ даютъ дюжинамъ. Я говорю не объ одномъ Парижѣ, гдѣ отъ концертовъ некуда дѣваться, но и о провинціяхъ, гдѣ трудно пройти между двумя рядами домовъ, чтобы прямо тебѣ въ грудь не попали цѣлой сонатой. Но въ то время когда я путешествовалъ съ своимъ пріателемъ Яковомъ, въ одноколѣ, запряженной Bergege, концертъ считался событіемъ рѣдкимъ и торжественнымъ. Къ нему готовились за три мѣсяца впередъ, и когда великій день наступалъ, стеченіе повсюду было точно такое, какъ въ Карпантра въ тотъ день, о которомъ мы говоримъ. Надобно еще прибавить, что въ этомъ концертѣ для бѣдныхъ готовились услышать нѣкоторыхъ знаменитыхъ любителей въ цѣломъ департаментѣ и окрестностяхъ, между прочимъ и флажолетъ, прибывшій изъ Тараскона, о которомъ рассказывали чудеса. Но самое живое очарованіе, настоящая прелесть этого праздника, привлекавшая всѣхъ, была графиня Р^{***}, которая обѣщала содѣйствовать концерту своею граціей, красотой, голосомъ и талантомъ.

Къ тому же на счетъ графини Р^{***} носились слуха различнаго рода: странныя существа, которыхъ пріатель мой Яковъ называлъ странствующими приказчиками, прислушивались къ этимъ рассказамъ съ видимымъ удовольствіемъ и позволяли себѣ отпустить на ихъ счетъ множество язвительныхъ замѣчаній и замысловатыхъ шутокъ, которыхъ я не умѣю передать. Все это дѣло за живо мое любопытство. Я узналъ, что графиня Р^{***} нѣсколько лѣтъ тому назадъ была знаменитая пѣвица; ея имя еще не предано забвенію; оно гремитъ и понынѣ какъ Эолова арфа, наравнѣ съ именами Пасты и Каталани. Она не согласилась быть любовницею графа Р^{***} и потому онъ женился на ней. Говорили еще, что онъ сдѣлался жестокимъ мужемъ, какъ былъ ревнивымъ любовникомъ, и похитивъ ее съ театра, заперъ въ своемъ замкѣ, гдѣ несчастная жертва изнывала отъ раскаянія, печали и скуки.

Можетъ-быть, все это были сказки, выдуманная отъ нечего дѣлать. Но въ три года, которые она провела въ этой странѣ, ее почти никто не видалъ. Одни выхваляли ея красоту и молодость, другіе увѣряли, что она совсѣмъ не молода и не хороша. Наконецъ нашлись люди, которые утверждали, что она потеряла го-

лось послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ замужества. Чтобы знать наконецъ, чему вѣрить, весь округъ, который между прочимъ надо сказать—не любилъ графа Р*** за богатство, знатное имя, рѣдкой умъ, прекрасное обращеніе,—я все это узналъ послѣ,—весь округъ говорю я, рѣшился дать концертъ для бѣдныхъ, и просить графиню Р*** содѣйствовать этому благотворительному дѣлу. Правду сказать, благотворительность вовсе не входила въ расчетъ этого добраго дѣла: то былъ просто предлогъ добратся до таинственной хозяйки замка, сѣти, разставленныя любопытствомъ злыхъ и глупцовъ, которые въ то же время рады были напомнить графу, что онъ женился на *пльвицѣ* и показать, что знаютъ тайну его неравнаго брака. Депутация, составленная изъ самыхъ знатнѣйшихъ гражданъ, отправилась въ замокъ. Къ крайней ихъ досадѣ, они не видали графини; ихъ принялъ графъ со всевозможною любезностью и посулилъ дать обѣщаніе, что жена его будетъ участвовать въ этомъ добромъ дѣлѣ. Слухъ объ этой новости тотчасъ разнесся за десять миль вокругъ, и вотъ почему со всѣхъ сторонъ сбѣгались на этотъ праздникъ.

Нечего было и думать, уговорить Якова взять билетъ въ концертъ: при одной мысли, что въ Карпантра будетъ музыка, онъ хотѣлъ уже запрягать *Bergege*, и тотчасъ уѣхать оттуда. Насилу я могъ уговорить его остаться. Какъ только пробило восемь часовъ, онъ отправился спать, а я, въ восторгѣ отъ своей свободы, бросился за толпою въ театръ. Зала была уже полна. Музыканты съ своими инструментами занимали сцену, украшенную цвѣтами и вѣнками изъ зелени. Фортепіано, приготовленное для графини Р*** было поставлено подлѣ ramпы, противъ публики. Все было на своемъ мѣстѣ, недоставало одной графини. Всѣ начинали уже съ безпокойствомъ спрашивать другъ-друга, и поглядывать во всѣ стороны; но графиня Р*** не являлась. Послѣ цѣлаго часа напрасныхъ ожиданій, въ залѣ послышался ропотъ нетерпѣнія. Оркестръ рѣшился начать.

Сперва сыиграли увертюру изъ «Каравана». Мнѣ казалось, что она была исполнена въ совершенствѣ, и произвела волшебный эффектъ. До этого времени я не воображалъ, чтобы двѣнадцать человѣкъ могли надѣлать столько шума. Флейты, скрипки, басы и кларнеты, съ жаромъ и одушевленіемъ соперничествовали другъ передъ другомъ; потъ крупными каплями катился у меня за нихъ. Нечего и говорить, что за этимъ послѣдовалъ громъ неистовыхъ рукоплесканій: матери, сестры, жены, кузины музыкантовъ всхлипывали и проливали рѣкк слезъ, точно отвернутые:

краны. По окончаніи послѣдняго такта, всѣ искали глазами графиню Р*** ся пѣтъ, какъ вѣтъ. Нѣсколько минутъ прошло въ безмолвномъ ожиданіи; послѣ чего, какой-то хорошенькій толстякъ, въ черной одеждѣ и бѣломъ галстухѣ, приблизился къ краю сцены, граціозно расклаиваясь, и вынулъ изъ кармана три или четыре кусочка букового дерева, приладилъ ихъ одинъ къ другому, и объявилъ, что помощью этого ничтожнаго инструмента, онъ будетъ подражать пѣнію всѣхъ птицъ, начиная съ пѣсень соловья до карканья вѣрона. При этихъ словахъ, въ публикѣ пробѣжалъ шумъ лестнаго одобренія, за которымъ послѣдовало глубокое и благоговѣйное молчаніе. Этотъ коротенькій толстякъ былъ флажолетъ изъ Тараскона.

Сначала онъ сталъ подражать пѣнію соловья, потомъ чирканью синицы, и жаворонка, свисту скворца, крику филина, воркованью голубя, кудахтанью курпы, пронзительному крику пѣтуха, а наконецъ, согласно своему обѣщанію, карканью вѣрона. Этотъ флажолетъ заключалъ въ себѣ разомъ, и птичникъ, и птичій дворъ. Цѣлый часъ прошелъ въ этомъ пріятномъ занятіи, которое, казалось, очень нравилось карпантреской публикѣ; послѣ чего толстенный господинъ снова разобралъ по кускамъ свой драгоценный инструментъ, положилъ его въ карманъ, и удалился, сопровождаемый рукоплесканіями толпы. Мой сосѣдъ, съ правой стороны, не вѣрилъ чудесамъ, которыя только-что слышалъ, и увѣрялъ, что за кулисами были спрятаны птицы, а сосѣдъ съ лѣвой, любезный и остроумный насмѣшникъ, думалъ, что этотъ господинъ долженъ бы послать свой флажолетъ натуралисту Дюжону, чтобы сдѣлать изъ него чучелу.

Маленькаго и толстаго господина замѣнилъ другой длинный и худощавый, прибывшій изъ Авиньона. Онъ объявилъ, что помощью обыкновенной скрипки, будетъ подражать всѣмъ инструментамъ, начиная съ флейты до барабана, что и исполнилъ, по крайней мѣрѣ съ самыми лучшими намѣреніями въ свѣтѣ. Онъ игралъ на всѣхъ инструментахъ кромѣ скрипки. Впослѣдствіи, мнѣ часто случалось, вспоминая объ этомъ думать, что такимъ образомъ у многихъ артистовъ талантъ подражанія убиваетъ самостоятельность; они способны проявить все за исключеніемъ своей самобытности; они могутъ быть отголоскомъ всего, только не самихъ себя.

Послѣ длиннаго и щедраго господина появился третій, съ длинными волосами, бородатый, завятой, напوماженный, раздушенный, въ желто зеленыхъ перчаткахъ, въ манжетахъ, припод-

нятыхъ у кисти рукъ, словомъ, красавецъ, денди: тогда левъ еще не былъ въ модѣ; ростомъ съ тамбуръ-мажора, и могъ бы однимъ ударомъ убить быка, а плечамъ его позавидовилъ бы самъ Геркулесъ. Онъ сѣлъ за фортепiano, страстнымъ голосомъ запѣлъ «Fleuve du Tage» и привелъ всѣхъ въ восторгъ. Съ-тѣхъ-поръ я всегда питалъ глубокое удивленіе къ мужественнымъ юношамъ, которые такимъ образомъ потѣшали почтеннѣйшую публику. Выйти на поединокъ, выдержать не блѣднѣя выстрѣлъ своего противника, неустрашимо участвовать въ правильно обдуманномъ сраженіи, съ твердостью напасть на врага, мужественно идти на казнь, все это меня не удивляетъ. Но въ присутствіи двухъ или трехъсотъ особъ, храбро сѣсть за фортепiano и пропѣть себѣ подъ носъ: «Je vais revoir ma Normandie» или какую нибудь другую заунывную пѣсню; это самое высшее геройство, до котораго только можетъ дойти человѣкъ. Эти господа доказали уже свою храбрость, и имѣютъ полное право отказаться отъ дуэли. Въ этомъ случаѣ женщины раздѣляютъ мое мнѣніе и какъ вообще герои имѣютъ счастье имъ нравиться, то перѣдко случается, что пѣвецъ романсовъ предпочтается умному человѣку.

Однако графиня не показывалась. Было около десяти часовъ: нечего было и ждать ее. Но ее все еще ждали, все еще надѣялись, когда четвертый господинъ, этотъ уже изъ Карпантра, начальникъ оркестра, распорядитель праздника, подошелъ къ рампѣ и послѣ трехъ расчитанныхъ поклоновъ, сообщилъ почтеннѣйшей публикѣ письмо, которое онъ только-что получилъ. Это было прелестное письмецо, въ которомъ графиня Р*** извинялась и сожалѣла, что не могла участвовать въ концертѣ и просила господъ комиссаровъ благосклонно принять ее приношеніе. Письмо сопровождалось билетомъ въ тысячу франковъ.

Можно представить, какую досаду должны были почувствовать всѣ любопытные, глупцы и злые; сдѣлалась всеобщая суматоха и шумъ. Чего только не говорили? чего не наслушался я? Очевидно, что графиня стара и дурна, потому что не хотѣла показаться; что она потеряла свой голосъ и потому не хочетъ чтобы ее слышали, но билетъ въ тысячу франковъ болѣе всего возбудилъ негодованіе добрыхъ людей. Очень кстати публичной пѣвицѣ принимать на себя видъ принцессы! Развѣ бѣдные города Карпантра имѣютъ нужду въ щедрыхъ благодѣяніяхъ замка Р***? Развѣ городъ не прокормитъ своихъ бѣдныхъ? По общему мнѣнію билетъ въ тысячу франковъ должно отослать назадъ пад-

женщюй благотворительницѣ, но какъ болѣею частью заплетли деньги, для того, чтобы видѣть и слышать графиню, то со всѣхъ сторонъ стали кричать, что ихъ ограбили и настоятельно требовали, чтобы возвратили имъ деньги, такъ что отъ концерта, даднаго въ пользу бѣдныхъ, бѣдные рисковали имѣть только ту выгоду, что не присутствовали на немъ. Негодованіе возрастало, раздраженіе доходило до крайности. Напрасно оркестръ съ необыкновенною силою приступилъ къ выполненію увертюры изъ «Лодонски», думая укротить разоблаченныя страсти и покрыть шумъ бурю: буря покрывала шумъ оркестра. Послѣ этого достопамятнаго происшествія случилось мнѣ бывать на многихъ концертахъ: но не помню, чтобы гдѣ-нибудь слыхалъ подобный шумъ, ни даже въ концертѣ, недавно данномъ музыкальною газетою. Свистѣли, ревѣли: полдюжины собакъ, пришедшихъ съ своими господами, жалобно вили, шалуны отвѣчали имъ плачевнымъ мяукашемъ. Дѣти плакали, женщины кричали, мужчины грозили побросать скамейки на театръ, а «Лодонска» все шла своимъ чередомъ: настоящее нашествіе Татарь.

Трудно было рѣшить, чѣмъ кончилось бы это смятеніе и безпорядокъ, какъ вдругъ эти свирѣпыя волны стали безмолвны и неподвижны, какъ будто самъ Богъ повелѣлъ имъ стихнуть и успокоиться.

Молодая иностранка, которую среди общаго смятенія никто прежде не замѣтилъ, легкими шагами взшла на ступени, отдѣлявшія паркетъ отъ театра и какъ ангелъ слетѣвшій на землю вдругъ явилась у фортепіано приготовленнаго для графини Р... И въ самомъ дѣлѣ не былъ ли это ангелъ? Она, казалось, едва достигла первыхъ лѣтъ юности, простодушная миловидность ребенка еще украшала ея прелестное лицо, по лучъ генія отражался на челѣ и во взорѣ ея. Она держала себя просто, но съ достоинствомъ; скромно, но безъ замѣшательства, улыбка играла на ея устахъ. При этомъ появленіи наступило всеобщее млчаніе. Никто не зналъ этой женщины. Всѣ глаза устремились на нее, а она, спокойная и свѣтлая, казалось, едва замѣчала толпу, на нее взирающую. Развязавъ ленты бѣлой шляпы, она небрежно положила ее къ ногамъ своимъ. Коса ея лежала низко, а волосы, раздѣленные на лбу и гладко причесанные, были блестящи и черны какъ вороново крыло. Она сняла перчатки, и маленькія ручки, пробѣжали по клавишамъ; послѣ прелюдіи, продолжавшейся нѣсколько минутъ, она запѣла.

Я слушалъ изумленный, притаивъ дыханіе, неподвижный,

и всѣ слушали подобно мнѣ. Никто не можетъ выразить того, что я слышалъ: она пѣла на томъ сладкомъ языкѣ, которымъ женщины и дѣти говорятъ на берегахъ Арно. То были восхитительныя мелодіи, разливавшіяся подобно чуднымъ потокамъ воды, освѣяемой свѣжею древесною тѣнью; онѣ терялись въ очаровательныхъ извилинахъ, какъ рѣка, спокойно и медленно совершая свое теченіе, между благоуханными берегами. Мнѣ казалось я подсмотрѣлъ то мгновеніе, когда мелодическія волны вылились изъ устъ ея, чувствовалъ какъ онѣ поднимали меня и унесли въ небесныя пространства. О, могущество голоса! о, очарованіе пѣнія! Въ этой закопченной залѣ, при свѣтѣ лампъ, на запыленной скамейкѣ мнѣ казалось, что впервые вижу дивное великолѣпіе вселенной. Важнымъ и сладкимъ голосомъ она описывала прелесть ясныхъ ночей, передавала сладость взаимной любви при свѣтѣ серебряныхъ свѣтилъ; ладью, скользящую по зеркалу спящаго озера, и я, закрывъ лицо руками, видѣлъ какъ во снѣ, лазуревыя горы сквозь розовый туманъ заходящаго солнца, вдыхалъ благоуханіе вечера, слышалъ дуновение свѣжаго вѣтерка, и вздохи влюбленныхъ смѣшивающіеся съ ропотомъ волнъ и шелестомъ листьевъ.

По окончаніи этой пѣсни, вся публика оставалась безмолвна и неподвижна; ни малѣйшаго шума, никакого волненія или движенія, всѣ глаза были устремлены на уста волшебницы. Всѣ еще слушали. Пальцы молодой пѣвицы еще оставались на клавишахъ, она пробѣгала по нимъ съ безотчетнымъ разсѣяніемъ и потому снова предалась вдохновенію своихъ воспоминаній. Что скажу вамъ? Вы видите, что я похожъ на несчастнаго пѣваго, который задыхается отъ сильныхъ ощущеній и можетъ выразить ихъ только воплемъ. Я всегда любилъ музыку и никогда не могъ понять музыкальной азбуки. Этотъ языкъ, усѣянный бемолями и бекарами также понятенъ для меня, какъ санскритскій или персидскій; я люблю музыку, какъ ящерицы любятъ ее: полагаю, онѣ были бы въ большомъ затрудненіи, если бъ пришлось имъ объяснить въ какомъ тонѣ написана симфонія, приведшая ихъ въ восторгъ, въ *ut majeur* или *si mineur*? Какъ передать дѣйствіе голоса, попеременно живаго и легкаго, вѣжнаго и звучаго, задумчиваго и глубокаго, который кипѣлъ, билъ ключемъ, сверкалъ, разсыпался брызгами кристалльных нотъ, разливался гармоническими волнами, гремѣлъ какъ потокъ, ниспадающій въ бездну. Въ этомъ голосѣ заключалась вся прелесть юной любви и вся энергія могучихъ страстей. Вдохновенная красавица выражала

попеременно невинную веселость, обольстительное кокетство, вспышки ревности, жгучіе восторги, горькія слезы печали; въ первый разъ я предчувствовала образъ поэтическихъ героинь, которыхъ имена были еще мнѣ неизвѣстны: Розины, Анны, Джульетты, Эльвиры. Она прошла романсъ: «Ивушку», который помню, пѣвала моя крестная мать; но теперь я слышала Дездемону Шекспира, грустную какъ ночь, раздѣлявшую ея стоны, предчувствующую свою страшную судьбу, предсказывающую ее каждымъ звукомъ, высказывающую ее каждымъ взглядомъ—Дездемону, готовую умереть. Какъ она была тогда прекрасна и трогательна! Потомъ она пѣла тирольскія пѣсни, быстрыя, скачущія какъ серна по снѣжнымъ вершинамъ Альповъ; голосъ, ея умѣющій такъ глубоко проникать въ сердца, умѣлъ также рассыпаться въ блестящихъ фантазіяхъ.

Продержавъ насъ цѣлый часъ въ какомъ-то упоеніи, которое я не берусь описывать, она встала спокойная и улыбающаяся. Въ это мгновеніе зала потряслась отъ рукоплесканій; я думала, что стѣны распадутся отъ восторженныхъ кликовъ толпы. Слѣдующій поръ я стала вѣрить всему, что намъ рассказываютъ о дѣйствіи, которое Орфей производилъ на животныхъ своей отчизны. Всѣ сердца были растроганы, всѣ глаза омочены слезами. Впослѣдствіи времени я былъ свидѣтелемъ многихъ торжествъ подобнаго рода; я видѣлъ посредственныхъ піаннстовъ, возбуждавшихъ неистовый восторгъ, видѣлъ какъ розы и камелии падали на головы толстыхъ и здоровыхъ теноровъ. Но уже никогда не возобновлялись для меня ощущенія этого вечера, начавшагося такъ комически и окончившагося такъ умпительно. Никто и не думалъ объ имени молодой пѣвицы, которую никто не зналъ: восторгъ поглотилъ любопытство; но она, спокойная и ясная, съ веселою улыбкою на полуоткрытыхъ устахъ, казалось не замѣчала, что происходило вокругъ нея. Тарасконскій флажолетъ подошелъ къ ней съ привѣтствіемъ; она премило разсмѣялась ему прямо подъ носъ: геишъ, которому мы только-что внимали, обратился въ рѣзваго ребенка. Среди рукоплесканій—подъ огнемъ всеобщихъ взглядовъ, она спокойно надѣла свои перчатки и дорожную шляпу, потомъ открыла небольшой зеленый бархатный мѣшокъ съ шелковымъ спуркомъ и золотыми кистями, висѣвшій у ней на рукѣ, взяла его въ руку какъ кошелекъ для сбора милостыни и подставляя его особамъ окружавшимъ, ее сказала голосомъ, такъ хорошо проникавшимъ въ сердца:

— Для бѣдныхъ вашего города, прошу васъ!

— Рукоплесканія удвоились и всякій спѣшилъ подать что-нибудь. То былъ счастливый вечеръ для бѣдныхъ города Карпантра. Со всѣхъ сторонъ какъ дождь сыпались серебряныя монеты въ мѣшокъ прелестной сборщицы. Я видѣлъ какъ одна изящная и нарядная дама, растроганная и трепещущая отъ волненія, сняла съ руки дорогой браслетъ, положила его въ кошелекъ и поцѣловала руку державшую его; видѣлъ молоденькую дѣвушку, просто одѣтую, которой, вѣроятно, нечего было дать, потому что краснѣя, она положила туда букетъ фіалокъ омоченныхъ ея слезами. Какой дождь цвѣтовъ можно сравнить съ этимъ скромнымъ приношеніемъ? Незнакомка высыпала подаваніе на фортепіано, вынула оттуда букетъ фіалокъ и заткнувъ себѣ за поясъ, предложила въ-замѣнъ молодой дѣвушкѣ свой маленькій, зеленый мѣшокъ.

Концертъ этимъ и кончился; скрипки уложили въ ящики, а кларнеты въ футляры. Опираясь на руку своей горничной, прекрасная незнакомка прошла сквозь толпу, разступившуюся передъ нею. Музыканты уже замыслили дать ей серенаду, а молодые люди Карпантра—патріотическій пиръ. Но, къ-несчастью, почтовая коляска, запряженная четырьмя лошадьми, ждала у дверей театра: кучеръ сидѣлъ на козлахъ. Она сѣла въ экипажъ, и въ ту минуту, когда меръ приблизился къ ней съ благодарственнымъ привѣтствіемъ, раздался ударъ бича, лошади поскакали и коляска скрылась среди криковъ и благословеній толпы.

Не во снѣ ли это было! не могу дать себѣ отчета; я былъ въ какомъ-то упоеніи. Ночь была чудная; я вышелъ изъ города въ поле, освѣщенное блѣднымъ свѣтомъ луны. Казалось, новыя способности вдругъ развернулись во мнѣ; понятія мои стали отчетливѣе и быстрѣе, чувства тоньше и вѣжливѣе. Въ ночной тиши мнѣ слышалась какая-то гармонія, говорившая въ первый разъ понятнымъ языкомъ; небо, устѣянное звѣздами, уснувшія поля, все это было для меня зрѣлищемъ, которыхъ прелесть и поэзію до этого времени я даже не подозревалъ. И все этотъ голосъ, раздававшійся въ моемъ сердцѣ! Я возвратился домой съ разсвѣтомъ. Яковъ еще спалъ; я тотчасъ его разбудилъ и бросился ему на шею; но услышавъ, что дѣло идетъ о музыкѣ, онъ послалъ меня къ чорту, опять закрылся и принялся храпѣть во все горло.

Наша лошадка заболѣла и мы должны были прожить для нея нѣсколько лишнихъ дней, въ продолженіе которыхъ все были толки о концертѣ для бѣдныхъ, о графинѣ Р^{***} и о танствен-

ной невинности. Вот терпелись въ догадкахъ одна другой необы-
точнѣе. Какъ другаго разговора не было за общимъ столомъ
Трѣхъ мяукающихъ кошекъ, то пріятель мой Яковъ разъярился
не хуже ветра. Ему такъ надоѣло слушать о музыкѣ, что въ од-
но прекрасное утро онъ запретъ свою *Bergere*, которая едва толь-
ко стала поправляться, и мы выѣхали маленькой рысцою, онъ съ
китвою никогда ногой не вступать въ этотъ городъ, а я увози съ
собою одно изъ очаровательнѣйшихъ воспоминаній моея молодости.
Вотъ почему я всегда защищалъ тебя отъ насмѣшекъ, о городъ,
окруженный валами съ зубчатою оградой! Вотъ почему ты ищъ
всегда представляешься полнымъ прелести и гармоніи, о жилище,
гнѣздо любимое Петранкой. Великое имя твоего Карпантра! я
писалъ всегда съ благоговѣніемъ, и пока живъ, ты всегда бу-
дешь имѣть къ услугамъ дружеское перо для отвѣта твоимъ кле-
ветникамъ.

Путешествіе наше окончилось также какъ началось: одинъ меч-
талъ, другой курилъ. Мы проѣхали Нимъ, Арль, Монпелье, Мар-
сель. Въ городъ Алъ, къ большому нашему горю, мы лишились
Bergere, благородное животное околѣло на соломѣ. Окончивши
дѣла кой-какъ и получивъ нѣсколько тысячъ франковъ, доставше-
ся ему въ наслѣдство отъ старой тетки, пріятель Яковъ купилъ
маленькую лошадку, назвалъ ее *Bistouri*, въ память своего пер-
ваго учителя хирурга, страшнаго варвара, и мы возвратились въ
нашу деревеньку съ новымъ товарищемъ. Эта лошадь не такъ
была крѣпка на ноги, какъ наша покойная *Bergere*. Хотѣлъ я
сказать и къ тому же упрямая, своенравная, взбалмошная; она
безъ всякихъ церемоній шаталась около зеленого палисада, весе-
ло валялась въ пыли по дорогѣ, пила изъ всѣхъ источниковъ, ши-
пала траву, брыкалась, фыркала, скакала, впрочемъ, была самое
доброе животное. И такъ я возвращался такъ же, какъ и поѣхалъ,
но взволнованный, разстроенный, съ жаднымъ любопытствомъ за-
глядывая въ каждый экипажъ, мелькавшій мимо насъ по дорогѣ, и
уносилъ въ своемъ сердцѣ смѣшанныя голоса и неопредѣленные
образы, которыхъ не было при отъѣздѣ. *Bistouri* опрокинулъ насъ
три раза въ ровъ и мы возвратились домой безъ особенныхъ
приключеній.

На другой годъ меня отравили въ Парижъ; я часто бывалъ
въ оперѣ, въ концертахъ, но нигдѣ не слышалъ голоса, котораго
искалъ и только въ свидѣніяхъ всегда слышалъ его. Все, чтѣ я
видѣлъ казалось мнѣ мрачнымъ, холоднымъ. Самые прославлен-
ные таланты заставляли меня только съ сожалѣніемъ улыбаться;

и оставался разбѣяннымъ и равнодушнымъ къ пѣнію, которому наиболѣе рукоплескали; кумиры ложъ и партера казались мнѣ не достойными еміама ихъ окружавшаго. Я оставался печальнымъ и разочарованнымъ, не смотря на всю пышность и блескъ представленія. Въ то время у меня былъ молодой товарищъ, большой знатокъ музыки и страстный любитель хорошаго пѣнія и прекрасныхъ голосовъ. Мы ходили вѣсть въ лирической театръ, и рука объ руку возвращались ночью по набережной; онъ веселый и полный восторга, а я грустный склоня голову. Когда онъ спрашивалъ меня отъ чего я печаленъ — я отвѣчалъ полушаромъ, которая обратилась у насъ въ пословицу: «Ахъ! еслибъ ты былъ въ прошломъ году въ концертѣ для бѣдныхъ, который давали въ Карпантра....» а онъ прерывалъ меня и смѣялся при твоёмъ имени, о городъ вѣчно милый, гдѣ я впервые услыхалъ эту мелодическую душу, которая оставалась на землѣ, также какъ и въ твоихъ стѣнахъ, только на то мгновеніе, чтобы очаровать міръ.

Съ горя я рѣшился предаться своимъ воспоминаніямъ, и уже нѣсколько мѣсяцовъ не сопровождалъ моего товарища въ его набѣгахъ на театры. Настала зима; первая, которую я провелъ въ Парижѣ. Однажды пріятель мой вошелъ ко мнѣ веселый и торжествующій какъ Христофоръ Колумбъ, когда открылъ Америку. Онъ тоже только вчера открылъ новый свѣтъ; онъ открылъ Италіанскую Оперу. Онъ рассказывалъ мнѣ чудеса и увѣрялъ, что можно отвѣтиться *даже и тому, кто былъ въ Карпантра на концертъ для бѣдныхъ*. Съ недоувѣрчивостью покачалъ я головою; онъ настаивалъ, но напрасно; я потерялъ охоту къ новымъ опытамъ, къ тому же признаться ли наконецъ? другія заботы занимали меня; я ревновалъ къ голосу, который пѣлъ въ моемъ сердцѣ, какъ любовникъ ревнуетъ къ красотѣ своей любезной и чувствовалъ, что буду мучиться, если встрѣчу ему соперницу.

Съ того времени молодой дилетантъ не пропускалъ ни одного представленія въ оперѣ-буффѣ; по окончаніи приходилъ ко мнѣ и цѣлыя ночи просиживалъ у меня на постелѣ у ногъ монахъ, и одинъ Богъ знаетъ, сколько я долженъ былъ выслушивать восторговъ, восклицаній. Не одинъ разъ мнѣ хотѣлось поступить съ нимъ какъ другъ мой Яковъ поступилъ со мною въ Карпантра. Не могу скрыть, однакожъ, что наконецъ онъ возбудилъ во мнѣ живѣйшее любопытство и затронулъ музыкальную струну. Всего же болѣе онъ говорилъ мнѣ о двухъ царицахъ пѣнія, раздѣлявшихъ лавры; я горѣлъ нетерпѣніемъ видѣть и слышать ихъ, и въ то же время дрожалъ отъ страха.

Наконецъ, какъ то вечеромъ, я прочелъ на афишѣ: «Отелло», въ густой туманъ, который иногда окружаетъ Парижъ какъ будто саваномъ, я присоединился къ толпѣ, осаждавшей двери Итальянской Оперы. Послѣ цѣлаго часа ожиданія подъ густымъ и холоднымъ туманомъ, проникавшимъ меня до костей, толпа двигалась медленно какъ кольца извивающейся змѣи; почти послѣдній я вошелъ въ святилище; или, лучше сказать, я не вошелъ въ него, потому что театръ былъ полонъ; не безъ труда я имѣлъ счастье получить мѣстечко за кулисами. Съ ударомъ осьми часовъ, я почувствовалъ трепеть пробѣжавшій по всѣмъ сердцамъ. Занавѣсъ поднялся и тишина была такая, что я долго слышалъ еще замиравшіе звуки оркестра; легкіе какъ облака, они носились надъ неподвижною толпою и разбивались о своды, какъ море разбиваетъ свои волны о прибрежныя скалы. Я ничего не видалъ, но всѣ звуки доходили до меня. Въ восторгѣ я слушалъ и думалъ, что былъ на небесахъ, и признаюсь, неблагодарный, я забылъ Карпантра; какъ вдругъ въ залѣ сдѣлалось движеніе, оглушительныя рукоплесканія возвѣстили появленіе Дездемоны. Я искалъ глазами молодую Венеціанку, но живая преграда скрывала отъ меня театръ и сцену. Тишина снова воцарилась: Дездемона пѣла. При первыхъ звукахъ этого чистаго голоса, я вздрогнулъ, и трепеть пробѣжалъ у меня съ головы до ногъ. Возможно ли? Не обманываюсь ли я? Не игра ли это воображенія? Точно ли это голосъ моихъ мечтаній? Я попробовалъ пройти сквозь толпу, преграждавшую мнѣ входъ въ залу, но всѣ усилія мои были напрасны, и я въ изнеможеніи упалъ на прежнее свое мѣсто. Я все еще колебался, все-еще сомнѣвался, но когда услыхалъ романсъ «Ива», то не сомнѣвался уже болѣе что это была она! Когда занавѣсъ опустился, я бросился съ отчаяннымъ усиліемъ въ оркестръ. Скоро опять занавѣсъ поднялся при восклицаніяхъ публики, вызывавшей Дездемону — она явилась. Свѣтъ отъ свѣчей заколебался отъ восторженныхъ криковъ, посыпался цѣлый дождь цвѣтовъ, ложи заблестали драгоцѣнными камнями, бѣлые и розовые шарфы заколебались въ благоуханномъ воздухѣ. Я ее тотчасъ узналъ, она была все также проста и наивна въ своемъ торжествѣ: это была она, тотъ странствующій геній, который иногда на пути своемъ находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы пѣть для бѣдныхъ.

Я не могъ слышать имени, которое раздавалось въ ложахъ и партерѣ.

Какъ зовутъ пѣвицу, которая играетъ роль Дездемоны спросить я у сосѣда?

Тотъ посмотрѣлъ на меня съ любопытствомъ какъ будто и только что прѣхалъ изъ Конго.

— Малибранъ, отвѣчалъ онъ мнѣ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Великое современное событіе, передъ которымъ забыто повсюду взятіе Рима Галлами и даже замолкли трубы славы Мейерберова «Пророка», составляетъ въ эту минуту появленіе госпожи Зонтагъ (графини Росси) на лондонской сценѣ. Всѣ любопытства напряжены, всѣ рты раскрыты для вопросу, всѣ уши ждуть отвѣту: какой успѣхъ имѣла она? какъ поетъ? какъ играетъ? какъ ее приняли?... И дѣйствительно, дѣло стѣнитъ любопытства. Когда госпожа Зонтагъ оставяла театръ, оркестры не были еще вполнину такъ бурны и оглушительны; Беллини еще не разорялъ голосовъ въ три вечера своей поющей декламацией, Донизетти еще не вгонялъ грудей въ чахотку пяти-вѣрстовыми аріями, отъ пѣвцовъ еще не требовали эффектовъ въ нотахъ, неестественныхъ по ихъ органу, страсть еще не обязывалась перекричать мѣдныя трубы, нѣжность еще не доходила до нѣйствования, пассажи — до стрѣльчатыхъ узоровъ, украшенія — до рококо, фюритуры были учтивыя, игра была воздержная, даже огонь былъ, на нынѣшніе термометры, холоденъ: огонь тогда только согрѣвалъ, а не жегъ, какъ нынче, и тогдашняя душа нынѣшней негодилась бы даже въ подметки. Чтѣ это была за «душа»!... при Керубини!... При возвращеніи своемъ, госпожа Зонтагъ должна была узнать все это, встрѣтятся, лицомъ къ лицу, съ другими музыкальными правами и попятіями. Совсѣмъ новый міръ, съ новыми ушами, съ новымъ вкусомъ, съ небывалыми въ ея время требованіями и домогательствами. Какъ преодолѣла она всѣ эти затрудненія къ успѣху? какъ восторжествовала надъ такими ужасами?... Ничего! хорошо!... все обстоятъ благополучно! Восторгъ публики въ Театрѣ Королевы неимовѣренъ и превосходитъ даже самое бѣшенство. Но восторгъ принадлежитъ болѣе личному положенію возрожденной пѣвицы, чѣмъ ея искусству. Критика по утрамъ, на тощакъ, судить холодище отлично побѣдавшихъ зрителей, которые бѣснуются вечеромъ для пищеваренія. Мы знаемъ теперь, изъ англійскихъ отчетовъ, три дебюта госпожи Зонтагъ, въ «Линдѣ», въ «Севильскомъ цирюльничкѣ» и въ «Че-

перентолѣ». Для произведенія страшнаго эффекта въ Лондонѣ, лучше невозможно было начать какъ «Линдою», выступая смѣло, во-первыхъ, въ піесѣ совершенно новой для старинной пѣвицы, во-вторыхъ, и главное, послѣ Джени Линдъ. Шагъ былъ богатырскій, но превосходно обдуманнѣй, и удался вполне. Госпожа Зонтагъ восхитила даже холодную критику. Голосъ ея, вообще, не показался ни пѣвительнѣе ни звонче голосу госпожи Линдъ, но художественная обработка, окончанность и совершенство этого пѣнія, несказанная тонкость подробностей, изящество переходовъ, прелесть и отличный вкусъ украшеній, превзошли всѣ понятія и всѣ ожиданія. Выраженіе найдево *воздержнымъ* — что значить, нѣсколько холоднымъ, — но это приписываютъ, не отсутствію души, а восемнадцати-лѣтней привычкѣ являться знатной дамою и въ бережливой экспрессіи новой Линды видятъ рѣдкую, на пылкой и размашистой итальянской сценѣ, прелесть хорошаго тону и грацію отличнаго свѣтскаго приличія. Въ аріи *O luce di quest'anima* исполненіе ея было въ высшей степени блестящее, быстрое, легкое, игривое. Голосъ ея утратилъ двѣ три ноты *altissimo*, но, видно, что постоянно упражнялся, дѣлалъ въ удивленіи успѣхи въ искусствѣ, и былъ заботливо оберегаемъ какъ любимая драгоценность. Отъ *do* средней октавы до *la* надъ линіей онъ свѣжъ, ровенъ, сладокъ, восхитителенъ. Отъ *fa* до *fa* онъ особенно звонокъ, пологъ и свѣтлъ какъ хрусталь. Въ роли Розины (Севильскій цирюльникъ) госпожа Зонтагъ была не менѣе счастливою: была не въ голосѣ. Нельзя же всегда пѣть одинаково, говорили энтузіасты; день дню не ровенъ; въ одинъ вечеръ бываютъ даже часы хорошіе и часы дурные. Этотъ день, явно, былъ изъ посредственныхъ, чему виною, вѣроятно, память о покойной Малибранъ, истинной Испанкѣ, истинной, несравненной, неподражаемой Розинѣ, которую копируетъ, по возможности, сестра ея Віардъ. Въ сценѣ музыкальнаго урока госпожа Зонтагъ пѣла извѣстныя варіаціи Рода, для скрипки. Петербургцы знаютъ, какъ чудесно выдѣлываетъ она на голосовыхъ струнахъ своего горлышка эти нотные завиланы, созданные для смычка и бараньихъ кишекъ. Каталани дѣлала то же. Какъ вокальная древность, какъ ископаемый пѣвческій фокусъ, оно любопытно, но нельзя сказать, чтобы было пѣвительно. Госпожа Віардъ предается такому увлеченію безвкусно, распѣвая Шопеновы мазурки. Появленіе въ «Черерентолѣ» лондонская критика называетъ *ошибкою*, но публика находилась въ вулканическомъ восторгѣ, взбила ввухъ перчатки рукоплесками-

емъ и вызывала пѣвицу до безконечности. «Ченерентола» — торжество Джени Линдъ, и, въ самомъ дѣлѣ, нельзя ни слышать, ни вообразить что-нибудь очаровательнѣе ея въ этой роли. Въ Лондонѣ ужасно мѣшаютъ госпожѣ Зонтагъ свѣжія воспоминавія и опасныя сравненія, послѣ Малибранъ, послѣ Персіанц, послѣ мисъ Кемблъ, послѣ Линдъ, послѣ Віардò, изъ которыхъ каждая была неподобною не въ томъ, такъ въ другомъ мѣстѣ «Ченерентолы». Нужно было бы затыкнуть всѣхъ ихъ вмѣстѣ, а это невозможно. То ли дѣло, если бы госпожа Зонтагъ явилась на петербургской сценѣ! Чтобы итальянскую оперу опять привести у насъ въ моду и славу, одно только это средство и остается. Для госпожи Зонтагъ и госпожи Линдъ вмѣстѣ, публика наша охотно рѣшилась бы еще разъ разориться. Всѣ прочія вокальныя комбинаціи обѣщаютъ мало успѣху и еще менѣе прибыли. Въ «ангалѣ» «Ченерентолы», Джени Линдъ, въ минуту увлеченія страстью, которой госпожа Зонтагъ не любитъ и не способна ей предаваться, похищаетъ у тенора послѣднія его фразы. Эффектъ чуденъ, изумленіе велико, и обширность ея голосу оправдываетъ этотъ наглый грабежъ. Госпожа Зонтагъ пыталась похитить у ней съ головы этотъ вѣнецъ. Но сравненіе было не въ ея пользу.

Французы хвастаются, что къ зимѣ госпожа Зонтагъ перейдетъ въ Парижъ. Это — невѣроятно. Два опыта итальянской оперы сдѣланы были въ Парижѣ прошедшею зимою, съ крайнимъ усиліемъ, и оба горестно не удались: публика, въ отсутствіи доходовъ, кормится своимъ капиталомъ, и денегъ у ней нѣтъ на потѣху. Несмотря на великодушіе Мейербера, пожертвовавшаго своимъ новымъ твореніемъ, даже Національный Театръ (le Grand-Opéra) принужденъ былъ недавно закрыться, при всѣхъ поддержкахъ отъ соучастниковъ въ предпріятіи. Сколько шуму и дѣлали Французы о «Пророкѣ» по журналамъ и фельетонамъ, сколько ихъ хвастались своимъ энтузіазмомъ къ прекрасному, своимъ удивленіемъ гению Мейербера, своимъ великимъ наслажденіемъ при усердномъ слушаніи его творенія, а дѣло въ томъ, что Большая Опера лопнула именно на несравненномъ «Пророкѣ». Двадцать пять представленій этой оперы доставили театру только 46,000 рублей серебромъ сбору, именно, по 1,840 рублей за каждое представленіе. Театръ часто гремѣлъ своей пустотою, между-тѣмъ какъ фельетоны прославляли шумные восторги *всего Парижа*. Мейерберъ былъ недоволенъ исполненіемъ. Наконецъ овъ, и его «Пророкъ», и мать пророка, госпожа Віардò, бѣжали съ досадъ

и гора въ Лондонъ, гдѣ оперу эту и начала давать съ двадцати-осьмьюго июля вторая италіанская труппа въ Ковентъ-гарденскомъ Театрѣ. *Успѣхъ безпримѣрный!* говорятъ свидѣтели первыхъ представлений. Исполненіе несравненно лучше парижскаго. Во-первыхъ душа и сердце сочиненія, господа Гарсія-Віардъ занимаетъ и здѣсь свою чудную роль Вѣры (Fides), матери пророка анабаптистовъ. Но, вмѣсто Рожэ, заступавшаго Дюпрэ, для котораго Мейерберъ писалъ партію «Пророка», здѣсь поетъ Маріо, вмѣсто господжи Каstellанъ (роль Берты) — мисъ Гель (Hayes), цѣлѣ и перло англійскія швѣицъ въ настоящее время. Марши и Половинки (два анабаптиста) навѣрное стѣять Левисера и Эдэ. Звонкій голосъ Гемара (въ роли третьяго анабаптиста) однихъ можетъ быть вознагражденъ съ избыткомъ превосходства. Оркестръ полнѣе и разнообразнѣе, костюмы и декорации несравненно великолѣпнѣе, чѣмъ въ Парижѣ. Здѣсь только впервые Мейерберъ увидалъ и услышалъ оперу свою въ настоящемъ видѣ.

— Пріюмъ, превосходный, восхитительный свирѣчать, извѣстный и вашей публикѣ, скончался въ Бельгій. Какъ сладко игралъ онъ и какъ горько страдалъ въ короткую жизнь свою. Ему было не болѣе тридцати-трехъ лѣтъ отъ роду.

— Между-тѣмъ какъ Петербургъ, прошедшею зимою, за отсутствіемъ пріѣзжихъ талантовъ, печально прозвѣдалъ концертное время въ глухой пустотѣ, веселая и счастливая Москва сладостно вкушала самыя сильныя ощущенія, благодаря неожиданному появленію одного изъ величайшихъ, побѣдоносѣйшихъ, удивительнѣйшихъ гвинство въ настоящее время. Господинъ Снморъ Шнеъ (Seymour Shiff), родомъ Англичанинъ, любимый ученикъ Гуммеля и законный наследникъ его таланта и даже его генія, Шнеъ, который вывелъ свѣтъ въ Листомъ и Листольфомъ держать скипетръ клавиатуры — фортепیانнныя Цасанана — обновленный и украшенный Гуммелъ въ новомъ иллюстрированномъ видѣ — громко прославившійся на западѣ — почти бездѣятельный на сѣверѣ — случайно попалъ въ Крымъ прошедшею осенью, заболѣвъ чумъ, выдороньтъ, и въ веснѣ пріѣхалъ въ Москву. Представивъ изумленной Елизаветинѣ цѣлѣцко образчиковъ своей невѣроятной игры, въ май мѣсяцъ онъ уѣхалъ опять въ южную Россію, но, говорятъ, въ ноябрю будетъ въ Петербургъ. Великое любопытство въ клавиатурномъ мѣрѣ! И, дѣйствительно, господинъ Шнеъ заслуживаетъ его, во всѣхъ отношеніяхъ. *Въ немъ все есть*, по выраженію одной просвѣщенной московской дилетантки: сила и мѣжность, фантазія и строгость, буря и

тишь, пѣнье лебеди и ярость волнъ, огонь и вода вмѣстѣ — душа, экспрессія, чистота, ловкость, — электрическая быстрота, невѣроятные пассажи, баснословныя staccato, микроскопическіе трилли — игра умная и своеобразная вмѣстѣ — тушѣ удивительное, совершенно гумцеловское, одушевленное, разнообразное и даръ импровизаціи — послѣ Гумцеля — безпримѣрный. Панистовъ и виртуозовъ по званію онъ болѣе всего удивлялъ въ Москвѣ своими импровизаціями, въ которыхъ съ необыкновенною легкостью, ловко, умно и связно, среди чудеснѣйшихъ модуляцій, переходилъ отъ новѣйшихъ пальцеломныхъ красотъ къ самымъ страшнымъ fugato старинной школы, сливая два и три давныя пѣнія въ одно пѣнье для двухъ или трехъ голосовъ. Господинъ Шляфъ получилъ музыкальное образованіе въ Германіи, въ школѣ Баховъ и Мендельсоновъ, которыхъ онъ, при всей своей современной блескотворности, непоколебимый поклонникъ. Въ Москвѣ, изъ чужихъ сочиненій, онъ только и игралъ Мендельсона да Гумцеля. Всѣ прочія піесы были собственныя его сочиненія, которыхъ онъ, подобно Паганини, не издаетъ въ свѣтъ и никому не сообщаетъ. Въ Москвѣ однако жъ онъ оставилъ друзьямъ своимъ, для изданія «Альбомъ», набранный изъ крымскихъ вдохновеній и посвященный князю Воронцову: собраніе это состоитъ изъ пятнадцати или шестнадцати новыхъ піесъ, одна другой прелестнѣе, различнаго характера и для разныхъ инструментовъ. Какъ необыкновенный и рѣшительно спеціальный импровизаторъ, господинъ Шляфъ, естественно, долженъ быть превосходный композиторъ: и дѣйствительно, сочиненія, которыя онъ публично и частно игралъ въ Москвѣ, внушили знатокамъ очень высокое понятіе объ его дарованіи, и если бы были напечатаны, поставили бы его мгновенно въ первомъ ряду писателей для фортепіано. Особенно замѣчательна, какъ художественное сочиненіе, чудная фантазія его на «Роберта Дявола», въ которой вся эта опера представлена въ восхитительной, живой и чрезвычайно живописной мавіаціи. Но, коснувшись этого предмета, мы чувствуемъ, что онъ завлекъ бы насъ далеко, и что композиторскій талантъ этого необыкновеннаго человѣка заслуживаетъ отдѣльнаго разсужденія. Отложимъ рѣчь объ этомъ до слѣдующаго случая.

=

НОВЫЯ РУССКІЯ КНИГИ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

В. П. Печаткина,

на. Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

(Цѣны на серебро.)

РАДОНЕЖСКІЙ ПУСТЫННИКЪ, Святый Сергій Чудотворецъ.

Жизнеописательное стихотвореніе въ девяти пѣсняхъ; съ картинкою. Москва, 1849 года. Цѣна 1 р., вѣсов. за одинъ фунтъ.

БРАТКІЯ ПОУЧЕНІЯ протоіерея Родіона Путатина. Москва, 1849 года. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

ОПЫТЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОЗЫСКАНІЙ о слѣдственномъ уголовномъ судопроизводствѣ въ Россіи. Соч. профессора Владиміра Липовскаго. Одесса, 1849 года. Цѣна 1 р. 50 к., вѣс. за 2 фунтъ.

ПОМПЕЯ и ОТКРЫТІЯ ВЪ НЕЙ ДРЕВНОСТИ, съ монографіею Везувія и очеркомъ Геркуланума. Соч. В. Классовскаго. Съ планами и пояснительными гравюрами. Изданіе второе. Спб., 1849 года. Цѣна 4 р., вѣсов. за три фунта.

ВЕНГРИЯ и ВЕНГЕРСКІЯ ДѢЛА, съ картою Венгріи и прилежающихъ къ ней областей. Спб., 1849 года. Цѣна 1 р., вѣс. за одинъ фунтъ.

О МОЛИТВѢ ХРИСТІАНИНА въ разныхъ потребностяхъ и обстояствіяхъ его жизни. Изданіе второе. Спб., 1849 года. Цѣна 50 к., съ перес. 75 к.

ПИСЬМА ИЗЪ ЕКАТЕРИНОСЛАВА. Соч. Титова. Одесса, 1849 года. Цѣна 1 р. 25 к., вѣсов. за одинъ фунтъ.

JUL 10 1991

